

200 лет
со дня рождения
А. С. Пушкина

100 лет
со дня рождения
В. В. Набокова

Владимир Набоков

КОММЕНТАРИЙ

к роману

А.С.Пушкина

«Евгений Онегин»

Перевод с английского

Санкт-Петербург
«Искусство-СПБ»
«Набоковский фонд»

ББК 83.3(2)1

Н13

Издание выпущено в рамках Федеральной целевой программы книгоиздания России и при финансовой поддержке Администрации Санкт-Петербурга.

Перевод осуществлен при финансовой поддержке кафедры русского языка и литературы университета «София», Токио, Япония.

Источник: *Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksander Pushkin. Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov In 4 vol. Published by Bollingen Foundation, New York, 1964 Distributed by Pantheon Books, a Division of Random House, Inc., New York.*

Научный редактор и автор вступительной статьи *В. П. Старк*

Редактор перевода *Н М Жутовская*

Редактор Приложения II *В Д Рак*

Перевод с английского *Е М Видре* (Комментарий к главам четвертой, пятой, седьмой; Приложение I), *Г М Дашевского* (Приложение I), *Н. М Жутовской* (Предисловие, Вступление переводчика, Комментарий к главе второй), *М. М Ланиной* (Комментарий к главам третьей, шестой, восьмой), *Н Д. Муриной* (Комментарий к главам первой, десятой, «Отрывкам из „Путешествия Онегина“»), *Д Р Сухих* (Приложение II)

Перевод с французского *Н Л Дмитриевой, В О Пантина*

Перевод с немецкого *Н К Телетовой*

Перевод с итальянского *С В Сливинской*

Авторы примечаний к тексту *В. В. Набокова — В П Старк* (Комментарий), *Н К Телетова* (Приложение I), *В Д Рак* (Приложение II)

Библиографическая подготовка текста *Г Е Потаповой*

Макет и оформление *Д М Плаксина*

© Издательство «Искусство-СПБ», ОКПБ
«Набоковский фонд», 1998

© Д В Набоков, текст, 1998

© В П Старк, вступительная статья, примечания,
1998

© Е М. Видре, Г М. Дашевский, Н Л Дмитриева,
Н М Жутовская, М М Ланина, Н Д Мурина,
Д. Р. Сухих, перевод, 1998

© Д М Плаксин, оформление, 1998

Н 4603010000-010
025(01)-98

ISBN 5-210-01490-8

Оглавление

<i>В П Старк</i> . Владимир Набоков — комментатор «Евгения Онегина»	7
Предисловие	27
Календарь	31
Сокращения и знаки	32
Вступление переводчика	33
Описание текста	33
Онегинская строфа	37
Структура «Евгения Онегина»	41
Генезис «Евгения Онегина»	68
Пушкин о «Евгении Онегине»	73
Публикация «Евгения Онегина»	76
Пушкинские автографы: библиография	81
Предисловие [к Комментарию]	84
КОММЕНТАРИЙ К РОМАНУ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»	
Предваряющие тексты	86
Глава первая	101
Глава вторая	217
Глава третья	282
Глава четвертая	344
Глава пятая	394
Глава шестая	434
Глава седьмая	478
Глава восьмая	520
Примечания [Пушкина] к «Евгению Онегину»	600
Отрывки из «Путешествия Онегина»	601
«Десятая глава»	638

Эпилог переводчика	675
Примечания научного редактора (<i>В. П. Старк</i>)	679

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I. Абрам Ганнибал	706
Примечания (<i>Н. К. Телетова</i>)	737
Приложение II. Заметки о просодии	749
Примечания (<i>В. Д. Рак</i>)	797
Приложение III. Заметки переводчика	798

А. С. ПУШКИН. «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» — ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРИЖИЗНЕННОГО ИЗДАНИЯ 1837 г.	819
---	------------

Указатель имен	898
Указатель произведений А. С. Пушкина	921

Владимир Набоков — комментатор романа «Евгений Онегин»

В 1964 г., в канун 165-й годовщины со дня рождения Пушкина, увидел свет перевод на английский язык романа «Евгений Онегин» и Комментарий к нему, выполненные В. В. Набоковым¹. Объем Комментария составляет свыше 1100 страниц и является, таким образом, самым обширным этого рода исследовательским трудом, посвященным главному пушкинскому произведению. От начала работы над переводом и Комментарием в 1949 г. и до выхода издания прошло пятнадцать лет «кабинетного подвига», как назвал его сам писатель в одном из писем сестре, Елене Владимировне Сикорской. Ей же он пишет: «Россия должна будет поклониться мне в ножки (когда-нибудь) за все, что я сделал по отношению к ее небольшой по объему, но замечательной по качеству словесности»². В «Заметках переводчика» Набоков называет другую дату начала своей работы над пушкинским романом: «Работу над переводом „Онегина“ на английский язык я начал в 1950 г., и теперь мне пора с ним расстаться»³. Писатель дает представление о методе своей работы — постепенном собирании материалов, которые затем осмыслялись и вливались в текст Комментария: «В перерывах между другими работами, до России не относящимися, я находил своеобразный отдых в хождении по периферии „Онегина“, в перелистывании случайных книг, в накоплении случайных заметок. Отрывки из них, приводимые ниже, не имеют никаких притязаний на какую-либо эрудицию и, может быть, содержат сведения, давно обнародованные неведомыми авторами мною невиданных статей. Пользуясь классической интонацией, могу только сказать: мне было забавно эти заметки собирать; кому-нибудь может быть забавно их прочесть»⁴.

В Предисловии к своему труду Набоков отмечает: «В своем Комментарии я попытался дать объяснения многим специфическим явлениям. Эти примечания отчасти отражают мои школьные познания, приобретенные полвека назад в России, отчасти свидетельствуют о многих приятных днях, проведенных в великолепных библиотеках Корнелла, Гарварда и Нью-Йорка. Без сомнения, невозможно даже приблизиться к исчерпывающему исследованию вариантов „Евгения Онегина“ без фотостатов пушкинских рукописей, которые по понятным причинам недостижимы». «Школьные познания» Набоков упоминает, несомнен-

¹ Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksander Pushkin / Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. In 4 vol. New York, 1964.

² Набоков В. Переписка с сестрой. Ann Arbor; Ardis, 1985. С. 98.

³ Набоков-Сирин В. Заметки переводчика // Новый журнал. 1957. XLIX. С. 130.

⁴ Там же С. 36

но, со скрытой благодарностью Владимиру Васильевичу Гиппиусу — поэту, критику и педагогу, преподававшему русскую словесность в Тенишевском училище, которое в 1917 г. успел закончить в Петербурге будущий писатель. О В. В. Гиппиусе писал в свое время С. А. Венгеров: «Он — один из самых выдающихся петербургских преподавателей русской словесности, один из тех незабываемых учениками учителей, которых можно назвать Грановскими средней школы»¹. Из школы Гиппиуса Набоков вынес не только любовь к литературе, но и науку «литературной зрелости» (определение другого его ученика, Осипа Мандельштама, из автобиографического «Шума времени»). Эта наука в полной мере отзывается во всех критических работах Набокова, в том числе в комментариях к «Евгению Онегину». Многообразное наследие Гиппиуса включает в себя и пушкиноведческие труды, конечно же знакомые Набокову: «Пушкин и журнальная полемика его времени» (1900) и «Пушкин и христианство» (1915). Индивидуальное начало, которое так поощрял в своих учениках Гиппиус, в высшей степени выявилось в набоковских исследованиях пушкинского романа.

Начиная свой труд, Набоков не мог предположить, что он займет столько лет. В письмах сестре писатель год за годом повторяет, что заканчивает своего «Онегина». 29 сентября 1953 г.: «Думаю, что кончу моего огромного Евг. Онег. в течение этой зимы. Сейчас переписывается роман». 1 ноября 1954 г.: «Не знаю, почему у меня так мало времени для личного — но так уж идет — целый день работаю над чем-нибудь — сейчас лихорадочно кончаю моего „Онегина“, который тяготит надо мной вот уже пятый год». 15 марта 1956 г. из Кембриджа (Масс.): «Здесь я бешено заканчиваю моего огромного „Онегина“». 14 сентября 1957 г.: «Надеюсь, что наконец, наконец кончу моего чудовищного Пушкина. В продолжение заметок о Евг. Онегине в „Новом Журн.“ будут еще в „Опытах“. Я устал от этого „кабинетного подвига“, как выражался мой пациент». 1 января 1958 г.: «У нас Митюша провел недели две, помогал мне делать индекс к моему огромному „Онегину“...» И наконец 6 сентября 1958 г. он сообщает сестре: «Меж тем я готовлю Е. О. для печати...»².

В процессе работы над переводом и комментированием Набоков опубликовал несколько статей, которые должны были предупредить будущего читателя о характере и особенностях его подхода к разрешению стоящих перед ним проблем: «Problems of Translation: „Onegin“ in English» («Partisan Review», New York, 1955, fall XXII); «Заметки переводчика, I» («Новый журнал», New York, 1957, XLIX); «Заметки переводчика, II», («Опыты», New York, 1957, VIII); «The Servile Path» («On Translation», ed. R. Brower. Cambridge, Mass., 1959).

«Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира», — сказал Набоков в «Других берегах», поставив на первое место Пушкина. Только Пушкин оставался для Набокова на протяжении всей жизни незыблемым авторитетом. Набоков переводил и комментировал Пушкина, жертвуя временем, которое мог использовать для собственного оригинального творчества. Ему хотелось представить поэта англоязычному читателю «правдоподобно», и это ему удавалось, хотя сам он относился к своим, прежде всего стихотворным, переводам весьма критически, полагая их лишь «достаточно правдоподобными», а желание познакомить иностранного читателя с Пушкиным

¹ Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 565.

² Набоков В. Переписка с сестрой. С. 76, 79, 85, 90, 91, 93.

в поэтическом переводе — «дурным желанием», но признавался, что получал удовольствие от переводческой работы, испытывая «чудесное ощущение полного погружения в поэзию». Свой прозаический перевод Набоков исправлял вплоть до выхода книги, что же касается собственно Комментария, то, как явствует из того же Предисловия, он практически был завершен в указанный срок. «Однако же после 1957 г., когда Комментарий в основном был закончен, я мало соприкасался с современной пушкинианой», — замечает Набоков.

Незадолго до выхода его перевода «Онегина» в свет писатель в интервью, данном им в Монре Олвину Тоффлеру в середине марта 1963 г., сказал: «Я только что закончил правку последней корректуры моей книги об „Евгении Онегине“ Пушкина — четыре толстых тома, которые должны выйти в этом году в Болингенской серии; сам перевод стихотворного текста занимает малую часть первого тома. Остальная часть этого тома и тома второй, третий и четвертый содержат обширный комментарий. Этот опус обязан своим рождением замечанию, которое сделала мимоходом моя жена в 1950 — в ответ на высказанное мной отращение к рифмованному переложению „Евгения Онегина“, каждую строчку которого мне приходилось исправлять для моих студентов: „Почему бы тебе самому не сделать перевод?“ И вот результат. Потребовалось примерно десять лет труда»¹. На самом деле Набокову потребовалось на это значительно больше времени, но обозначенные им десять лет являются в определенном смысле знаменательными — ведь десять лет потребовалось Пушкину для создания своего романа.

19 сентября 1964 г. советская газета «За рубежом» (еженедельное обозрение иностранной прессы, орган Союза журналистов СССР и издательства ЦК КПСС) напечатала самый благожелательный отклик на издание набоковского труда под заголовком «Евгений Онегин в США»: «Американское издательство „Пантеон“ выпустило „Евгения Онегина“ в переводе и с комментариями Владимира Набокова в четырех томах. До сих пор американец, не знающий русского языка, мог только вежливо соглашаться, когда ему говорили, что „Евгений Онегин“ — гениальное произведение. Владимир Набоков, ученый, поэт, литератор, пишущий изысканной английской прозой, познакомил с „Евгением Онегиным“ людей, не знающих русский язык, но так, что они могут судить о достоинствах этой поэмы». Неизвестный автор статьи пишет о том, что читатели романа благодаря Набокову вдруг «с удивлением обнаружили, что один из основных героев поэмы — сам Пушкин» и что «как гостеприимный хозяин Пушкин проходит через всю книгу, предлагает читателю бокал шампанского и представляет ему всех своих героев. Пушкин комментирует события поэмы в несколько ироническом тоне. Он как бы стоит между читателем и героями». По поводу перевода цитируются слова Набокова: «...перевести поэму в стихах и сохранить все тонкости оригинала невозможно»; но утверждается, что «в нем есть ритм и мелодия в отличие от других переводов». А также пишется: «Что же касается содержания, то оно передано настолько полно, насколько это возможно в переводе»². Больше никаких упоминаний в советской прессе о его переводе и Комментарии не последовало, как и о Набокове вообще, вплоть до 1986 г., когда наступило посмертное возвращение писателя на родину. Разве что в

¹ Два интервью из сборника «Strong Opinions» / Перевод М. Маликовой // В. В. Набоков. Pro et contra. Антология. СПб., 1997. С. 162.

² За рубежом 1964 19 сентября № 38(223) С. 30—31

«Краткой литературной энциклопедии» была помещена заметка за подписью О. Михайлова и Л. Черткова, в которой упоминалась публикация перевода «Евгения Онегина» с «обширными комментариями». Следует отметить, что в этой статье допущена ошибка в отношении даты рождения писателя при переводе со старого на новый стиль. Указано: 23/IV (5/V) 1899¹. Правильно: 10/ IV. (22/ IV) 1899.

Зато в американской и русской эмигрантской печати сразу же начавшиеся споры по поводу набоковского «Онегина» не прекращаются до сих пор. Как бы желая поставить точку в развернувшейся полемике, Нина Берберова в книге «Курсив мой» пишет: «В 1964 г. вышли его комментарии к „Евгению Онегину“ (и его перевод), и оказалось, что не с чем их сравнить. Похожего в мировой литературе нет и не было, нет стандартов, которые помогли бы судить об этой работе. Набоков сам придумал свой метод и сам осуществил его, и сколько людей во всем мире найдется, которые были бы способны судить о результатах? Пушкин превознесен и... поколеблен». По мнению писательницы, Набоков «и сам себя „откомментировал“, „превознес“ и „поколебал“ — как видно из приведенных цитат его стихов за двадцать четыре года»².

Корней Чуковский сделал попытку суждения о работе Набокова в статье «Онегин на чужбине», к сожалению оставшейся незавершенной. «В своих комментариях, — пишет Чуковский, — Набоков обнаружил и благоговейное преклонение перед гением Пушкина, и эрудицию по всем разнообразным вопросам, связанным с „Евгением Онегиным“»³. Вместе с тем Чуковский как бы укоряет Набокова в том, что в своих построениях он старается изыскать французские или английские первоисточники пушкинской фразеологии. Публикуя работу своего деда, Елена Чуковская не случайно оговорила следующее: «Для его критического метода вообще характерно строить свои статьи так: сначала с большим преувеличением развить и утвердить одну какую-то мысль, а затем — другую, как бы противоположную ей, а в конце, в заключении объединить обе в совершенно ясном, хотя и сложном синтезе»⁴.

Следуя обозначенной таким образом, согласно гегелевской триаде, методологии Чуковского, можно предположить, что речь в дальнейшем пошла бы у него о мировой отзывчивости Пушкина при совершенном, вместе с тем национальном его своеобразии. Ведь Набоков своими настойчивыми параллелизмами как раз и включает Пушкина в великий поток мировой литературы, несколько при этом не умаляя его индивидуальной и национальной самобытности. Парадокс набоковского видения Пушкина тем-то и характерен, что, рассматривая творчество поэта сквозь призму достижений ведущих европейских писателей, Владимир Владимирович именно возвеличивает Пушкина тем, что не оставляет его особняком на мировой литературной обочине.

Комментирование «Евгения Онегина» шло параллельно с работой над собственными романами, следы чего отчетливо проявились в них. К примеру, письмо, адресованное Шарлоттой Гейз, матерью Лолиты, Гумберту Гумберту, является не чем иным, как пародией на «Письмо Татьяны к Онегину». В поле притяжения набоковского Комментария оказался и роман «Пнин», вышедший

¹ Краткая литературная энциклопедия М., 1968 Т. 5 С. 60—61.

² Берберова Н. Курсив мой. М., 1996 С. 375—376

³ Чуковский К. И. Онегин на чужбине // Дружба народов 1988. № 4 С. 251.

⁴ Там же. С. 256.

в 1957 г., когда практически был завершен титанический труд Набокова над пушкинским романом. Письмо Лизе профессора Пнина из седьмой главы романа — «потрясающее любовное письмо». Слова: «Увы, боюсь, что только жалость родят мои признания...» — вдруг опять же вызывают в памяти строки письма Татьяны. Жизнь Пнина, профессора русской литературы, также ориентирована на пушкинские координаты, как и жизнь профессора Набокова, преподававшего американским студентам Пушкина. Представление о набоковских комментаторских трудах можно получить из описания библиотечных бдений Пнина: «Его исследования давно вошли в ту блаженную стадию, когда поиски перерастают заданную цель и когда начинает формироваться новый организм, как бы паразит на созревающем плоде. Пнин упорно отвращал свой мысленный взгляд от конца работы, который был виден уже так ясно, что можно было различить ракету типографской звездочки... Приходилось остерегаться этой полоски земли, губительной для всего, что длит радость бесконечного приближения. Карточки мало-помалу отягчали своей плотной массой картонку от обуви. Сличение двух преданий; драгоценная подробность поведения или одежды; ссылка, проверив которую, он обнаружил неточность, которая явилась следствием неосведомленности, небрежности или подлога; все эти бесчисленные триумфы *bezkořistnıy* (бескорыстной, самоотверженной) учености — они развратили Пнина, они превратили его в опьяненного сносками ликующего маньяка, что распугивает моль в скучном томе толщиной в полметра, чтоб отыскать там ссылку на другой, еще более скучный том».

Если это описание дает представление о труде Набокова-комментатора, то сложная структура романа «Бледный огонь», который писался в период завершения работы над «Онегиным», определилась структурой этого Комментария. Известный американский набоковед Стив Паркер, сопоставляя структуру этого романа и Комментария, заметил: «Там тоже были предисловие к роману в стихах, перевод этого романа, а потом обширнейшие, составляющие три четверти объема всего труда, и едва ли не самые в нем интересные набоковские комментарии. Форма эта повторялась теперь в пародийном плане и на новом, куда более сложном, уровне». В свою очередь, к Комментарию можно отнести высказывание по поводу набоковского романа «Бледный огонь» Мери Маккарти, которая полагает, что «это шкатулка с сюрпризами, ювелирное изделие Фаберже, механическая игрушка, шахматная задача, адская машина, западня для критиков, игра в кошки-мышки и набор для любителя самоделок»².

Обратимся к самому Набокову за ответом на вопрос: что побудило уже признанного писателя в ущерб своему собственному творчеству приступить к этому колоссальному труду? По этому поводу он пишет в своем Предисловии: «Написание книги, которую читатель сейчас держит в руках, было вызвано настоящей необходимостью, возникшей около 1950 г., когда я вел занятия по русской литературе в Корнельском университете в городе Итаке штата Нью-Йорк, а также по причине отсутствия адекватного перевода „Евгения Онегина“ на английский; книга эта становилась все объемнее — в часы досуга, с многочисленными перерывами, вызванными требованиями других, более сложных задач, — в течение восьми лет (один год я получал финансовую поддержку от фонда Гугенхайма)».

¹ *Носик Б* Мир и дар Набокова М., 1995. С. 491

² Цит по *Носик Б* Мир и дар Набокова С. 492.

Участники занимают исходные позиции в крайних точках О и Л, стоя, естественно, друг к другу лицом и опустив дула пистолетов. По сигналу они начинают сходитьсь и могут при желании выстрелить в любой момент. Онегин стал поднимать пистолет после того, как оба сделали по четыре шага. Еще через пять шагов прогремел выстрел, которым был убит Ленский. Если бы Онегин промахнулся, Ленский мог бы заставить его подойти к барьеру (Б1), а сам бы не спеша, тщательно прицелился. Это была одна из причин, по которой серьезные дуэлянты, включая Пушкина, предпочитали, чтобы соперник выстрелил первым. Если после обмена выстрелами противники продолжали жаждать крови, пистолеты могли быть перезаряжены (или подавались новые), и все повторялось сначала. Этот вид дуэли, с вариациями, был распространен во Франции, России, Англии и на юге Соединенных Штатов между 1800 и 1840 годами»¹.

В том же письме Набоков пишет по поводу сопоставления Уилсоном в эссе «Памяти Пушкина» («In Honor of Pushkin») XI—XIII строф четвертой главы «Онегина» с первой строфой «Кануна Св. Агнессы» («The Eve of St. Agness») Джона Китса: «Твоя ссылка на Китса в связи с „Онегиным“ замечательна своей точностью; ты можешь гордиться: в своих лекционных заметках о Пушкине я цитирую этот же отрывок из „Кануна Святой Агнессы“»². Позднее Набоков процитировал этот уилсоновский прозаический перевод в Комментарий к «Евгению Онегину». Текст лекционного курса или заметок к нему до настоящего времени не опубликован, но несомненно, что в них постепенно накапливался материал к Комментарию, о чем свидетельствует, в частности, процитированное письмо. В письмах Уилсону постоянно встречаются упоминания о работе над Комментарием к пушкинскому роману. Благодаря поддержке Уилсона Набоков для занятий «Евгением Онегиным» получил стипендию фонда Гугенхайма, которая должна была отчасти освободить писателя от чтения лекций. «„Е. О.“ не отнимет у меня слишком много времени, — писал Уилсону Набоков, благодаря его за хлопоты о стипендии, — и я мог бы безболезненно сочетать эту работу с другими удовольствиями. Но я сыт преподаваньем. Я сыт преподаваньем. Я сыт преподаваньем»³.

Вскоре после выхода набоковского труда появилась рецензия на него Э. Уилсона в «York Review of Books» с негативными и порою даже резкими оценками — прежде всего перевода. Самому Комментарию, составляющему львиную долю всего объема, была посвящена только одна, хотя и похвальная фраза, но при этом Уилсон позволил себе усомниться в обоснованности указаний на те французские и английские источники, которыми, по мнению Набокова, пользовался Пушкин. Именно этими указаниями как важнейшей составной частью Комментария его автор дорожил в первую очередь. Эта рецензия окончательно расстроила и без того уже натянутые взаимоотношения Набокова и Уилсона. Обиднее всего было для писателя то, что незадолго до появления этой рецензии Уилсон посетил его в Швейцарии, но ни слова не сказал о том, что рецензия вот-вот будет напечатана. Вослед Уилсону в спор по поводу набоковского «Онегина» вступили другие критики, которые также, не смея судить Комментарий,

¹ Набоков В. Из переписки с Эдмундом Уилсоном / Перевод С. Таска // Звезда 1996. № 11. С. 14.

² Там же С. 124.

³ Цит. по: Носик Б. Мир и дар Набокова С. 443.

набросились на перевод. От знаменитого писателя и поэта все ожидали стихотворного перевода, а не подстрочника, который якобы мог выполнить любой ремесленник. Никому не было дела до тех идей в отношении перевода, которые в «Онегине» реализовал Набоков. В интервью, данном Альфреду Аппелю, Набоков защищает свою позицию: «Говорят, есть на Малайях такая птичка из семейства дроздовых, которая только тогда поет, когда ее невообразимым образом терзает во время ежегодного Праздника цветов специально обученный этому мальчик. Потом еще Казанова предавался любви с уличной девкой, глядя в окно на неопишуемые предсмертные мучения Дамьена. Вот какие меня посещают видения, когда я читаю „поэтические“ переводы русских лириков, отданные на заклятие кое-кому из моих знаменитых современников. Замученный автор и обманутый читатель — таков неминуемый результат перевода, претендующего на художественность. Единственная цель и оправдание перевода — возможно более точная передача информации, достичь же этого можно только в подстрочнике, снабженном примечаниями»¹. Чуковский по поводу статьи Уилсона отозвался в письме к своей загадочной корреспондентке Соне Г., оказавшейся другом Набокова Романом Николаевичем Гринбергом: «Эдм. Уилсон написал очень талантливо, очень тонко об „Онегине“ Вл. Вл-ча, как жаль, что при этом он, Уилсон, так плохо знает русский язык и так слаб по части пушкиноведения. Вл. Вл. его сотрет в порошок»².

Это замечание Чуковского отнюдь не случайно, ибо Набоков в своем Комментарии самым беспощадным образом набрасывается на всех своих предшественников по переводу и комментарию «Онегина». Особенно досталось профессору Чижевскому, который занял в Гарвардском университете то место, на которое с полным основанием рассчитывал сам Набоков. Чижевский, «плоховатый работник» (по мягкому замечанию К. Чуковского), выпустил в 1953 г., в разгар работы Набокова над «Онегиным», свой комментарий к пушкинскому роману. «Ни один ястреб не терзал свою жертву с такой кровожадной жестокостью, с какой Вл. Набоков терзает этого злополучного автора», — пишет Чуковский³.

Неприятием всякого рода пошлости, особенно по отношению к Пушкину, можно объяснить те категорические суждения в адрес своих коллег, которыми изобилует набоковский Комментарий. «Говорят, что человек, которому отрубили по бедро ногу, долго ощущает ее, шевеля несуществующими пальцами и напрягая несуществующие мышцы. Так и Россия еще долго будет ощущать живое присутствие Пушкина». Это жесткое, но по-набоковски точное сравнение восходит к вставному очерку из последнего его русскоязычного романа «Дар», где порожденный фантазией писателя мнимый автор этого очерка А. Н. Сухощев рассказывает о происшествии с неким господином Ч., много лет жившим вне России и попавшим по приезде в Петербург на представление «Отелло». Когда, указывая на смуглого старика в ложе напротив, приезжему доверительно шепчут: «Да ведь это Пушкин», он поддается мистификации. Театральное действо о ревнивом венецианском мавре, знакомый образ поэта с африканскими чертами и смуглый незнакомец сливаются в единое целое — и неожиданно сам рассказчик оказывается во власти пленительной иллюзии: «Что если это впрямь Пушкин

¹ Цит. по. *Носик Б.* Мир и дар Набокова. С. 499—550.

² Там же. С. 501.

³ *Чуковский К. И.* Онегин на чужбине. С. 250

в шестьдесят лет, Пушкин, пощаженный пулей рокового хлыща, Пушкин, вступивший в роскошную осень своего гения».

В связи с дуэльной темой можно отметить один сквозной мотив в творчестве Набокова, в том числе и комментаторском, обозначенный для него тем, что «ритм пушкинского века мешался с ритмом жизни отца», мотив, разрешенный как в плане автобиографическом, в связи с отцом, Владимиром Дмитриевичем Набоковым, так и в чисто художественном, хотя границы взаимных отражений точно обозначить нельзя — они размыты до той степени, что читатель с трудом отделяет реального отца писателя от вымышленного отца героя романа «Дар». В «Других берегах» Набоков описывает свое состояние, когда, узнав о предстоящей дуэли отца, он в оцепенении едет домой, переживая «все знаменитые дуэли, столь хорошо знакомые русскому мальчику», он вспоминает дуэли Грибоедова, Лермонтова, но прежде всего Пушкина и даже Онегина с Ленским. «Пистолет Пушкина падал дулом в снег. <...> Я даже воображал, да простит мне Бог, ту бездарную картину бездарного Репина, на которой сорокалетний Онегин целится в кучерявого Собинова». Этот художественный пассаж несколько раз варьируется Набоковым, в том числе в комментариях к «Евгению Онегину». Выпады против Репина выражают отношение Набокова к проблеме увековечения памяти поэта, к трактовке его наследия, в которой должна быть правда искусства, а не правдоподобие. Трагическая смерть отца, погибшего от пистолетного выстрела не на дуэли, ассоциируется для сына со смертью Пушкина. Да и вся жизнь отца воспринимается Набоковым как уподобление жизни Пушкина, выше всех «громких прав» поставившего понятие чести и свободы личности. И в романе «Дар» у его героя, поэта Федора Константиновича Годунова-Чердынцева (сама фамилия которого, кажется, выскочила из пушкинских текстов), Пушкин, его жизнь и смерть, ассоциируется с отцом: «Пушкин входил в его кровь. С голосом Пушкина сливался голос отца. <...> Мой отец мало интересовался стихами, делая исключение только для Пушкина: он знал его, как иные знают церковную службу, и, гуляя, любил декламировать». Годунов-Чердынцев хорошо помнил, как и его создатель, что «няню к ним взяли оттуда же, откуда была Арина Родионовна, — из-за Гатчины, с Суйды: это было в часе езды от их мест — и она тоже говорила „эдак певком“».

Свою собственную жизнь писатель и комментатор Набоков также соизмеряет с биографией Пушкина. Он подчеркивает, что родился спустя ровно сто лет после Пушкина, в 1899 г., что няня его из тех же краев, что и няня Пушкина. Комментируя строфы первой главы относительно воспитания Онегина, Набоков сообщает, что в детстве он, как Онегин, жил в Петербурге, что у него, как у Онегина, был гувернер, который его также водил в Летний сад на прогулку. Эти параллели дороги писателю, хотя могут показаться неуместными в жанре комментария.

Именно эти частные подробности отметил Чуковский в статье «Онегин на чужбине», говоря о том, «что в своих комментариях к Пушкину Набоков видит комментарии к себе самому, что для него это род автобиографии, литературного автопортрета...». Чуковский цитирует еще один автобиографический или генеалогический пассаж Набокова по поводу известного упоминания в романе адмирала А. С. Шишкова: «Адмирал Александр Семенович Шишков... президент Академии наук и двоюродный брат моей прабабушки» — и замечает в связи с этим: «Если бы какой-нибудь другой комментатор поэзии Пушкина в своем научном примечании к „Евгению Онегину“ позволил себе сообщить, какая была

у него, у комментатора, бабушка, это вплетение своей собственной биографии в биографию Пушкина показалось бы чудовищной литературной бестактностью. Но для Набокова, который видит в комментариях к „Евгению Онегину“ одно из средств самовыражения, самораскрытия и стремится запечатлеть в них свое „я“, свою личность с той же отчетливостью, с какой он запечатлевает ее в своих стихах и романах, совершенно естественно рассказывать здесь, на страницах, посвященных „Онегину“, что у него, у Набокова, была бабушка, баронесса фон Корф, и дядюшка Василий Рукавишников, после смерти которого он, Набоков, получил в наследство имение Рождествено, что имение это примыкает к другим, тоже очень живописным имениям, принадлежавшим его родителям и близкой родне». Рассказывается в комментариях, что также не прошло мимо внимания Чуковского, что в Батове, одном из этих имений, юный Набоков «в шутку дрался на дуэли с одним из своих кузенов»¹. Этот поворот темы дуэли также служит отголоском пушкинских дуэльных ситуаций.

Проявленный в комментариях к роману интерес к собственным предкам сродни пушкинскому интересу к истории своего рода. Набоков вполне мог бы подписаться под известными словами Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оных есть постыдное малодушие». Интересно отметить, что осознание этого чувства пришло к Набокову под влиянием погружения в Пушкина, тогда, когда он работал над Комментарием к «Евгению Онегину». Именно параллельно с этим трудом пишет и издает Набоков свои автобиографические повествования «Conclusive Evidence» («Убедительные доказательства», 1951), «Другие берега» (1954) и, наконец, после выхода Комментария, «Speak, Memory!» («Память, говори!», 1966) Не сословный снобизм, но чувство гордости за историю своего рода, определенные художественные установки двигали Набоковым, когда он вплетал их в свои создания, следуя пушкинским принципам. На уровне сопоставления родовых интересов обоих писателей, сопоставления приемов и методов их отражения в творчестве в наибольшей мере обнаруживается их литературное родство или, точнее, преемственность.

Подобно тому как Пушкин вкрапляет в текст романа биографические отступления, Набоков включает их в текст своего Комментария к нему. Помимо биографических вкраплений набоковский Комментарий, как и роман Пушкина, отличает обилие отступлений на различные темы. Одно из таких отступлений уже не вмещается в основной текст и выделяется в приложение «Абрам Ганнибал», появившееся первоначально в виде отдельной статьи, напечатанной в июле 1962 г. в журнале «Encounter» («Полемика»)². Фактически это разросшийся комментарий к I строфе первой главы романа, а точнее всего, к одному стиху — «Под небом Африки моей» и примечанию к нему самого Пушкина в первом издании главы. Скрупулезно Набоков-пушкинист исследует проблемы, связанные с биографией экзотического прадеда Пушкина, его исторической родиной — прародиной поэта. Решение частной комментаторской задачи трансформировалось в самостоятельный научный поиск, необходимым условием которого для Набокова явился отказ от груза заключений своих предшественников, сколь бы авторитетными они ни казались. Одно из самых интересных наблюдений Набокова заключается в том, что Пушкин не писал об абиссинском происхождении

¹ Чуковский К И Онегин на чужбине С. 254

² Nabokov V Pushkin and Gannibal // Encounter 1962. № 106 P 11—26.

своего предка. Иногда причиной этого, по мнению Набокова, было то, что при упоминании Абиссинии могла возникнуть нежелательная ассоциация с популярным романом английского писателя С. Джонсона «История Расселаса, принца абиссинского» (1759), переведенным на русский язык в 1795 г. Действительно, Пушкину вполне хватало истории с «негритянским принцем» из болгаринского пасквиля 1830 г. Набоков намекает в своей работе на то, что сама «Немецкая биография» Ганнибала, которой пользовался Пушкин, имела в качестве своего литературного источника «Расселаса» Джонсона. Зять Ганнибала и его биограф А. К. Роткирх имел возможность воспользоваться немецким переводом «Расселаса», сделанным Фридрихом Шиллером и изданным в 1785 г. Заметим, что подлинник «Немецкой биографии» написан на бумаге 1786 г. Знакомство Пушкина с „Расселасом“ для Набокова несомненно: в библиотеке Пушкина имелось английское издание романа 1822 г. Таким образом, неслучайно, разобрав всевозможные версии происхождения Ганнибала, Набоков делает «ход конем»: пишет, что «современник доктора Джонсона, прадед Пушкина, родился практически в долине «Расселаса», у подножия совмещенного памятника эфиопской истории и французской нравоучительной литературы XVIII в.», что Абрам Ганнибал приходился внуком «Расселасу доктора Джонсона». «Мечтаниями» называет Набоков эту свою литературно-этнографическую гипотезу, которая, впрочем, имеет такое же право на существование, как и те, которые родились в лоне «семейственных преданий» Ганнибалов-Пушкиных.

Хочется остановиться еще на одном моменте этого Комментария, касающемся основного его вопроса — о родине Ганнибала. В результате подробного анализа эфиопского происхождения Абрама Петровича Ганнибала Набоков парадоксально заключает свое подробное исследование словами, которые, как оказалось, явились провидческими: «Было бы пустой тратой времени гадать, не родился ли Абрам вообще не в Абиссинии; не поймали ли его работорговцы совершенно в другом месте — например в Лагоне (области Экваториальной Африки, южнее озера Чад, населенной неграми-мусульманами)...» Этот пассаж привлек внимание современного исследователя родом из Африки Дьедонне Гнамманку, который убедительно доказал, что именно город Лагон (на территории современного Камеруна) на одноименной реке, южнее озера Чад, и есть родина прадеда Пушкина¹. Это, может быть, самый яркий, но отнюдь не единственный пример того, как набоковский Комментарий дает импульс дальнейшему исследованию. Данное оригинальное исследование вопроса, который так занимал самого Пушкина, посвящено прежде всего генетическому коду, вписанному самой природой в Пушкина. Строки Пушкина из комментируемой строфы («Под небом Африки моей, // Вздохать о сумрачной России») Набоков перефразирует в «Других берегах», выговаривая себе право «в горах Америки моей вздохать о северной России». Так через пушкинские стихи о неведомой прародине Набоков выражает свою тоску об утраченном отечестве. «Призрак невозвратимых дней», говоря словами Пушкина, будет преследовать Набокова всю жизнь. Эпиграф первого его романа «Машенька» восходит к XLVII строфе той же первой главы «Евгения Онегина»: «Вспомня прежних лет романы...».

¹ Гнамманку Д. Так где же родина Ганнибала? // Вестник Российской академии наук 1995 Т. 65 № 12. С 1094—1101, *Gnamankou D Abraham Hannibal l'aieul noir de Pouchkine. Paris, 1996*

Другого рода отступление было нами опубликовано в посвященном творчеству Набокова номере журнала «Звезда» — «Комментарий к XXXIII строфе первой главы»: «Я помню море пред грозою...»¹ Как бы следуя пушкинской манере отступлений в романе, Набоков обращает внимание на мотив, выделенный и у Пушкина, — мотив «утаенной любви» или, как определил его Набоков, «поиск реальной женщины, к чьей ножке подошел бы этот хрустальный башмачок — XXXIII строфа». На роль этой сказочной Золушки, если вспомнить труды нескольких поколений пушкинистов, претенденток более чем достаточно. Декларируя, что поиск прототипов дело безнадежное, Набоков тем не менее погружается в это безбрежное море, приведя читателя в конце концов к выводу, что одной лишь претендентки на этот «башмачок» не существует, что их по меньшей мере две, если даже не четыре. Казалось бы, чего проще сразу сделать тот вывод, который и завершил в итоге это отступление, но тогда Набоков не был бы самим собою, тем мастером, которого мы знаем по другим его созданиям, а Комментарий утратил бы свою прелесть, выпал бы из набоковского ряда. В том-то и дело, что автору мил сам процесс поиска, приведение аргументов и контраргументов, сбор доказательств и их опровержение.

Если круг реальных претенденток у Набокова относительно узок (он вполне мог бы быть расширен за счет множества гипотез), то литературное поле, в котором мог вдоволь нагуляться Пушкин, представляется достаточно обширным и хорошо обработанным. Еще во втором столетии нашей эры, уточняет комментатор, его начал обрабатывать Люций Апулей, трудились на нем Лафонтен и Бен Джонсон, Томас Мур и Байрон, Ламартин и Гюго, наконец, из русских авторов — Ипполит Богданович. Такая цепочка предшественников Пушкина может смутить кого угодно из ревнителей самобытности поэта, но только не Набокова. Он убежден, что нисколько не умаляет оригинальности, а главное, достоинств пушкинской поэзии тем, что с последовательным упорством (по мнению оппонентов Набокова, достойным лучшего применения) изыскивает всевозможные источники тех или иных пушкинских тем, мотивов, образов, пассажей и даже литературных оборотов. На необработанном, неуготовленном поле взойти могут разве что сорняки, а никак не первоклассные плоды, каковыми Набоков почитает пушкинские творения.

Знаменательно и то, что в этом фрагменте его Комментария выразилась общая тенденция Набокова — принципиальный отказ от поиска реальных прототипов лирических героев, что нашло поддержку в позиции ведущих отечественных пушкинистов, хотя и они, подобно Набокову, порою пытались уловить тени, отраженные некогда в зеркале пушкинского гения. Удивительна способность Набокова прозреть то, что ему в силу обстоятельств было недоступно.

В свое время недостаток в отечественном пушкиноведении комментаторских работ по «Евгению Онегину» был одной из причин того, что Набоков взялся за его исследование. Так, весьма существенным стимулом к работе над пушкинским романом было желание Набокова перекрыть такой вульгарно-социологический комментарий к нему, каким был единственный труд этого рода до набоковского Комментария — «„Евгений Онегин“. Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы» Николая Леонтьевича Бродского, впервые

¹ Звезда, 1996 № 11 С. 74—89.

опубликованный в 1932 г. и выдержавший множество переизданий. Набоков пользовался третьим изданием 1950 г. Никому из переводчиков и комментаторов «Евгения Онегина» так не досталось от Набокова, как Бродскому. Уничжительные эпитеты и определения в его адрес рассеяны по всему Комментарию: «идиотический Бродский», «советский лизоблюд» и т. д. Набоков, чье «политическое кредо, — по его собственным словам, — было твердо, как гранит», конечно, не мог иначе как с отвращением принять комментарий, в предисловии которого сказано: «Великая Октябрьская социалистическая революция до основания смела тот социальио-политический порядок, в котором задыхался национальный гений и который погубил поэта вольности, врага „барства дикого“ и царизма, и вызвала к творческой жизни подлинного хозяина страны — народ, на долю которого при жизни поэта, по его словам, выпала „крепостная нищета“». И далее: «Советский читатель в романе Пушкина — этой „энциклопедии русской жизни“ первых десятилетий XIX века — встречает характерные подробности чуждого ему быта...» и т. д.

Один из современных исследователей Набокова, постигавший «Онегина» еще по Бродскому, Борис Носик пишет: «Мой сверстник усмехнется, прочитав у Набокова язвительные строки о знаменитых комментариях Бродского и вспомнив наши счастливые школьные годы, когда Бродский был нарасхват среди школяров, а пример с „боливаром“ кочевал из одного школьного сочинения в другое. Бродский открыл, что не случайно Онегин водрузил себе на голову „широкий боливар“: Симон-то Боливар был как-никак борцом за независимость Южной Америки, а стало быть... Набоков уподобил это рассуждению о том, что американки носят платок „бабушка“ из вящей симпатии к СССР. Вообще любитель комментариев может „поймать кайф“, раскрыв наугад любой из трех томов набоковских комментариев»¹.

Первым из отечественных пушкинистов, кто откликнулся на набоковский Комментарий, сделав ссылки на него в своих работах как само собою разумеющееся, еще до снятия с имени Набокова запрета, был академик М. П. Алексеев. В своей статье «Эпиграф из Э. Берка в „Евгении Онегине“» (1977) он отметил роль Набокова в установлении источника этого первоначального эпиграфа к первой главе романа: «В. Набоков, в комментарии к своему английскому переводу уделивший несколько интересных страниц эпиграфам к пушкинскому роману, в том числе и опущенным (см. раздел „Dropped epigraphs“ во втором томе комментария), коснулся здесь также и интересующего нас эпиграфа из Берка. Отметив, что в библиотеке Пушкина сохранился знаменитый трактат Берка „Размышления о революции во Франции“ (1790) в анонимном французском переводе 1823 г., В. Набоков предупредил, что в этой книге напрасно было бы искать слова, превращенные Пушкиным в эпиграф, и что источник этой цитаты следует искать в другом сочинении Берка „Мысли и подробности о скудости“»². Прежде чем написать эти строки, М. П. Алексеев отметил приоритет в установлении этого источника Ю. Семенова, который до выхода в свет набоковского Комментария написал об этом в 1960 г.³ Однако Набоков, к 1960 г уже

¹ Носик Б Мир и дар Набокова С 473

² Алексеев М П Пушкин и мировая литература Л, 1987 С 565

³ Семанов J Похвала праздности Опыт историко-социологической интерпретации некоторых текстов Пушкина // Studia Slavica Gunnaro Gunnarson sexagenario dedicata Uppsala, 1960 (Acta Universitatis Upsaliensis) P 105

завершивший свой труд, несомненно независимо от Ю. Семенова, обнаружил источник этого эпиграфа. М. П. Алексеев тут же высказал свое согласие с мнением Набокова, что Пушкин, не обладавший достаточным знанием английского языка, взял слова Берка из какой-либо книги цитат: «Такое предположение правдоподобно». М. П. Алексеев отмечает также приоритет Набокова в правильном толковании эпиграфа из Берка, должного служить, по расчетам Пушкина, своего рода предупреждением для читателей, «как им следует воспринимать взаимоотношения между „образом автора“ в романе и его главным героем»¹.

В связи со спором по поводу толкования выражения «Александрийский столп» М. П. Алексеев в своей знаменитой работе «Стихотворение Пушкина „Я памятник себе воздвиг...“» (1967) также вспоминает Набокова: «Так, в 1945 г. ныне покойный американский славист Семуэл Кросс, рецензируя новый перевод пушкинского „Памятника“ на английский язык (В. Набокова), отметил, что в стихах:

Tsar Alexander's column it exceeds
In splendid unsubmissive height, —

содержится ошибка, поскольку „Александрийский столп“ значит „of Alexandria“ и не имеет отношения к Александру I и колонне на Дворцовой площади»².

Солидаризируясь с мнением Набокова, М. П. Алексеев, однако, не отметил, что Набоков не оставил, верный себе, незамеченным этот выпад Кросса и ответил на него в Комментарий к «Евгению Онегину»: «Александрийский столп — это не Фарос в Александрии (огромный маяк из белого мрамора, который, по дошедшим до нас описаниям, имел высоту четыреста футов и стоял на восточной оконечности острова Фарос в Северной Африке), как мог бы предположить наивный читатель; и не колонна Помпея девяноста восьми футов высотой, построенная на самой высокой точке Александрии (хотя этот прекрасный столп из полированного гранита имеет некоторое сходство с колонной царя Александра). „Александрийский столп“, ныне именуемый „Александровской колонной“, был воздвигнут Николаем I на Дворцовой площади в Петербурге в ознаменование победы Александра I над Наполеоном». Неудивительно, что М. П. Алексеев не заметил этой реакции Набокова на рецензию Кросса, так как она составляет лишь небольшую часть развернутого комментария по поводу «Памятника», включившего в себя полностью даже текст его перевода на английский язык самого стихотворения Пушкина. Это еще одно из развернутых отступлений Набокова в его Комментарий к «Евгению Онегину». В процитированном отрывке обнаруживается характерное для Набокова стремление разгромить своих оппонентов, а также внимание к деталям, выразившееся в данном случае в приведении точных размеров упоминаемых памятников: далее в том же тексте Набоков приводит переведенную им в футы высоту Александровской колонны.

По мнению Набокова, высказанному им в самом начале Предисловия, пушкинский роман — «это прежде всего явление стиля, и с высоты именно этого цветущего края я окидываю взором описанные в нем просторы деревенской Аркадии, змеиную переливчатость заимствованных ручьев, мельчайшие рои

¹ Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература С 566, 569.

² Там же. С. 60 Автор дает ссылку American Slavic and East European Review, 1945, vol 4, № 8—9, p 218

снежинок, заключенные в шарообразном кристалле, и пестрые литературные пародии на разных уровнях, сливающиеся в тающем пространстве».

В своей работе Набоков использовал все, что оказалось ему доступным в американских библиотеках, а это практически исчерпывало то, что было сделано к тому времени в отечественном и мировом пушкиноведении. Сделано было очень много, тем не менее Набоков делает множество открытий, уточнений, прежде всего в связи с источниками тех или иных пушкинских мыслей, образов, цитат и реминисценций. Стремление Набокова найти, объяснить то, что не удалось сделать никому до него, принесло множество замечательных плодов. Что, казалось бы, нового можно было добавить к комментарию по поводу истории Лицея и происхождения его названия, столько об этом уже было написано. Но, несмотря ни на что, даже снисходительно не поминая само собою подразумеваемого предместья Афин — Ликея, где некогда Аристотель обучал юношество, предназначенное к государственному служению, Набоков указывает на несомненно более близкого предшественника пушкинского Лицея: «Название „лицей“ происходит от парижского Lycée. В 1781 г. Жан Франсуа Пилатр де Розье (р. 1756) организовал в Париже учебное заведение, названное „Музей“ („Musée“), где преподавались естественные науки. Затем, после гибели Розье в катастрофе на воздушном шаре, в 1785 г., „Музей“ был реорганизован и получил название „Лицей“, куда и пригласили Жана Франсуа де Лагарпа преподавать всемирную литературу. Он читал этот курс в течение нескольких лет, а затем издал свой знаменитый учебник (1799—1805) „Лицей, или Курс старой и новой литературы“, которым пользовались в Александровском Лицее через восемь лет после смерти автора». В свое время один из историков Лицея, Д. Кобеко, объясняя слово «лицей», поминает этот учебник, а также «четыре тощие книжки» журнала И. И. Мартынова «Лицей», «наполненные преимущественно извлечениями из сочинений Лагарпа», но о существовании одноименного учебного заведения ни Кобеко, ни кто-либо другой из авторов целого ряда трудов по истории Лицея не упоминают.

Интересно и то, как чудесный мастер разгадывать загадки (искусство немаловажное при комментаторской работе), Набоков определяет истинное значение лицейского прозвища Пушкина «Француз», пользуясь в качестве ключа пояснением поэта к нему — «смесь обезьяны с тигром»: «Я обнаружил, что Вольтер в „Кандиде“ (гл. 22) характеризует Францию как „se pays ou des singes agacent des tigres“ („страну, где обезьяны дразнят тигров“), а в письме к мадам дю Деффан (21 ноября 1766 г.) использует ту же метафору, разделяя всех французов на передразнивающих обезьян и свирепых тигров». В дополнение Набоков указывает и на то, что даже галлофоб адмирал Шишков использовал эту метафору в своей прокламации народу об отступлении Наполеона из Москвы.

Скрупулезность Набокова-комментатора способна иногда завести его в тупик, чего он как истинный исследователь вовсе не стесняется, задаваясь вопросом и оставляя возможность ответа идущим вслед ему. Так, говоря о лицейском профессоре де Будри, брате Жана Поля Марата, Набоков «уверен, что этим братом, известным в России, куда он эмигрировал в 1780-х под именем „де Будри“ (по названию города в Швейцарии), был Анри Мара (р. 1745)», а не Давид, который был слеп на один глаз, чего никто не упоминает. Эскурс в генеалогию братьев Набоков заканчивает, впрочем, словами: «Вся эта проблема, похоже, требует дополнительного изучения».

Одна из самых интересных гипотез Набокова касается предполагаемой дуэли двух поэтов — Пушкина и Рылеева, намек на которую содержится в письме первого А. А. Бестужеву от 24 марта 1825 г.: «Жалею очень, что его не застрелил, когда имел случай — да чорт его знал». По этому поводу Набоков пишет: «Моя гипотеза состоит в том, что приблизительно 1 мая 1820 г. Рылеев в своем антиправительственном угаре пересказывал слух о порке как о свершившемся факте (к примеру, так: „Власти нынче секут наших лучших поэтов!“) и что Пушкин вызвал его на дуэль, что секундантами были Дельвиг и Павел Яковлев и что дуэль произошла между 6 и 9 мая в окрестностях Петербурга, возможно, в имении матери Рылеева Батове». Эта набоковская гипотеза имеет право на существование хотя бы потому, что она покоится как минимум на трех основаниях: первое — процитированное письмо Пушкина; второе — дневниковая запись точного во всем поэта от 9 мая 1821 г.: «Вот уже *ровно год* (курсив мой. — В С.), как я оставил Петербург» (хотя общеизвестно, что Пушкин выехал из Петербурга 6 мая 1820 г.); наконец, два друга, провожавшие поэта, вполне могли выступить в роли секундантов. Не исключено, что Пушкин действительно со своими друзьями заехал в Батово с намерением получить удовлетворение, но даже если это так, то все закончилось примирением, и только 9 мая Пушкин продолжил путь. Набоков пишет и о живучей легенде о том, что в одном из уголков батовского парка происходила дуэль. Косвенно подтверждает набоковскую версию и семейное предание рода Черновых, соседей Рылеевых по имению, о том, что в Батове состоялась дуэль Пушкина с Рылеевым¹. Набоков, излагая свою версию, не преминул поведать читателю о том, что Батово позднее принадлежало его деду с бабушкой, а также поделился своими воспоминаниями об этой усадьбе и о своей потешной дуэли на ее главной аллее с кузеном Юрием Раушем фон Траубенбергом.

Мимо внимания Набокова прошел связанный как раз с этим его кузеном занимательный генеалогический пассаж, который бы не мог его не заинтересовать и, скорее всего, нашел бы место в Комментарий. Дело в том, что внучка «Арапа Петра Великого» Вера Адамовна Роткирх, дочь автора раскритикованной Набоковым «Немецкой биографии» Ганнибала, была первой женой барона Александра Ивановича Траубенберга, а его сын от второго брака генерал Евгений Александрович Рауш фон Траубенберг (1855—1923) женился на Нине Дмитриевне Набоковой, родной тетке писателя. Их сын, любимый из кузенов Набокова Юрик — Георгий Евгеньевич Рауш фон Траубенберг, доводился двоюродным братом потомкам знаменитого крестника Петра I, а также прямым потомком генерала Михаила Михайловича Траубенберга, гибель которого во время «яицкого замешательства» помянул Пушкин в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачева».

Набоков постоянно сетует на свою невозможность получить необходимые ему книги и фотокопии рукописей Пушкина из советской России. Приведя пример того, что даже из Турции подобного рода материалы доставлялись ему, хотя и шли около двух месяцев, Набоков восклицает: «Но воображение меркнет и немеет язык, когда думаешь, какие человек должен иметь заслуги перед советским режимом и через какие бюрократические абракадабры ему нужно пробраться, чтобы получить разрешение — о, не сфотографировать, а лишь

¹ Указание на это семейное предание принадлежит одному из представителей рода — поэту и журналисту А. Ю. Чернову.

посмотреть собрание автографов Пушкина в Публичной библиотеке в Москве или в ленинградском Институте литературы. <...> Ручаюсь за предельную точность моего перевода *EO*, основанного на твердо установленных текстах, но о полноте комментариев, увы, не может быть и речи».

Несмотря на абсолютную недоступность для Набокова автографов Пушкина, которые все практически сосредоточены в России, ему, как это ни покажется парадоксальным, удалось правильно прочитать несколько трудных мест в рукописях, исправить прежние прочтения или предложить свою гипотезу чтения спорных мест. Набоков собрал и проанализировал все воспроизведенные в различных изданиях рукописи Пушкина. К примеру, он сумел правильно прочесть в строфах второй главы романа, посвященных карточной игре, но не вошедших в окончательный текст, латинские карточные термины. Последние стихи одного из вариантов XVII строфы читались так:

На днях попробую, друзья
Заняться белыми стихами
Хотя имеет sept et va
Большие на меня права

Набоковское прочтение «sept et va» (буквально — «семь и ставка») исходит вовсе не из того, что ему удалось прочесть в копии зачеркнутые слова, которые не смогли разобрать те, кто имел доступ к оригиналу, а из того, что он пошел другим путем — разобрался в принципах игры в фараон, последовательности в системе ставок, в результате чего дал единственно возможное прочтение. После того, как удалось установить термин теоретически, справедливость вывода нашла себе подтверждение в автографе. Точно так же Набоков дал правильное прочтение другого карточного термина из белого варианта: вместо бессмысленного, по его выражению, «quinze elle va» («пятнадцать она идет») он предложил — «quinze et le va» («пятнадцать плюс ставка»).

Вероятно, следует принять во внимание и прочтение опущенного слова, обозначенного одной буквой «V», в тексте чернового письма Александру I (осень 1825 г.), который привлекается к комментарию в главе четвертой. Вместо традиционного, но не вполне психологически обоснованного «Votre Majeste» («Ваше Величество»), более логичное — «Милорадович».

Другого рода текстологическая работа Набокова связана с зашифрованными строфами «десятой главы», обойти которую писатель никак не мог, исходя из свойственного ему интереса ко всякого рода шифрам, интереса, определившего весьма существенный компонент его поэтики. Представляется, что подключение Набокова к дешифровке знаменитых строф дало положительный результат. Еще в 1957 г. в «Заметках переводчика» он написал: «Тщательное изучение фотостатов привело меня к новым выводам насчет расположения строк в зашифрованных Пушкиным (поспешно, кое-как, и несомненно по памяти — что можно доказать) фрагментах главы десятой, которую он читал друзьям наизусть, начиная с декабря 1830 г.» Утверждение, что Пушкин шифровал строфы по памяти, Набоков обосновывает уже в тексте комментария, приводя доводы психологического характера. Помимо этого, дешифруя пушкинскую криптограмму, как Набоков называет рукопись, он указывает на существование не шестнадцати, а семнадцати зашифрованных строф, так что известная незашифрованная строфа «Сначала эти заговоры...» занимает, по его мнению, восемнадцатое место. Кроме этого, Набоков в стихе «Кинжал Л?, тень Б?» в последнем случае предлагает

чтение «Бертон»: «Это генерал Бертон (Jean Baptiste Berton, 1769—1822), нечто вроде французского декабриста, героически и легкомысленно восставший против Бурбонов и взошедший на плаху с громовым возгласом „Да здравствует Франция, да здравствует свобода!“». Одним из аргументов Набокова в пользу этой версии является то, что сам Пушкин в параллельно написанной в 1830 г. заметке о выходе в свет поддельных записок палача Шарля Сансона поставил рядом имена Лувеля (это имя давно признано занимающим место в том же стихе под литерой «Л») и Бертона.

Самым же интересным оказывается предложение Набокова считать четыре стиха второго столбца левой страницы пушкинского зашифрованного текста не девятью стихами, как до настоящего времени принято, а пятью, что безусловно логичнее рядом с первыми четырьмя стихами приведенных в нем строф. Доводы Набокова столь убедительны, что их следовало бы признать, внося соответствующие поправки в публикацию фрагментов «десятой главы». Не случайно на полях экземпляра набоковского Комментария, принадлежащего К. И. Чуковскому, по словам его внучки, сохранились многочисленные пометки: «ново для меня», «ново».

Теперь нам стал доступен Набоков, рухнула, говоря его словами, «идиотская вещественность изоляторов», мы открываем в нем не только художника, но и ученого, заставляющего нас по-новому взглянуть на Пушкина и его роман. В целом, если говорить о набоковском Комментарии, примечательными оказываются не только те открытия и наблюдения, которые явились плодом длительных и кропотливых научных изысканий, но и те, которые не мог сделать никакой другой исследователь, кроме Набокова, чей писательский дар позволил ему проникнуть в области, недоступные критику. Замолчанный и оскорбленный у себя на родине, Набоков подчеркнуто адресует свой Комментарий русского романа иностранцу, зная, конечно, что рано или поздно его тысячестраничный труд, подобный «Тысяче и одной ночи», откроется России: «Все потеряно, все сорвано, все цветы и сережки лежат в лужах — и я бы никогда не пустился в этот тусклый путь, если бы не был уверен, что внимательному чужеземцу всю солнечную сторону текста можно подробно объяснить в тысяче и одном примечании»

В завершение — несколько слов о текстологической обработке Комментария В. В. Набокова.

Текст Комментария дается в полном объеме. Нами сделаны лишь незначительные купюры (обозначенные <...>), касающиеся либо сугубо специфических проблем перевода «Евгения Онегина» на английский язык, либо пояснений, рассчитанных исключительно на иноязычного читателя.

Нумерация цитируемых стихов «Евгения Онегина» приведена в соответствие с русским текстом (у Набокова стихи нумеруются в соответствии с его английским переводом и не всегда совпадают построчно с русским оригиналом).

Цитаты из пушкинских черновых и беловых рукописей воспроизведены нами в точном соответствии с авторскими оригиналами, опубликованными в академическом Полном собрании сочинений А. С. Пушкина (М.; Л., 1937. Т. 6), при этом сохранены их орфография и пунктуация (Набоков оговаривает, что для англоязычного читателя он приводит цитаты в соответствии с современными нормами синтаксиса). Однако все восстановленные фрагменты пушкинских текстов даны, в отличие от академического издания, в угловых скобках, как и у

Набокова (в квадратных скобках он дает собственные пояснения — см. его список «Сокращения и знаки»); данное замечание не касается стихов «десятой главы» (в начале комментария к ней Набоков специально оговаривает это).

В виде постраничных сносок (обозначенных «звездочками») даются только примечания Набокова (каждый раз они отмечены указанием — *Примеч В Н*) и переводы цитат, слов и выражений, приведенных им на иных языках (французском, итальянском, латыни и др.). Библиографические ссылки Набокова намеренно не приведены нами в соответствии с современным стандартом.

Все прочие примечания и уточнения, сделанные научным редактором настоящего издания, помечены в тексте цифровыми отсылками (в каждой главе самостоятельная нумерация) и помещены в конце набоковского Комментария (перед Приложениями). Каждое из трех Приложений также имеет самостоятельные затекстовые примечания. Впрочем, в структуре настоящего издания легко можно разобраться по оглавлению.

В. П. Старк

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман в стихах «Евгений Онегин» Александра Пушкина (1799—1837) был начат в 1823 и завершен в 1831 г. Он публиковался частями с февраля 1825 по январь 1832 г.; принято считать, что это собрание восьми глав (из которых первые две представлены в двух отдельных изданиях) образует издание «первое». Полное издание в одной книге («второе») вышло в свет в марте 1833 г., за ним в январе 1837 г. последовало editio optima* («третье»), опубликованное менее чем за месяц до роковой дуэли**.

Можно ли действительно перевести стихи Пушкина или вообще любые стихи, имеющие определенную схему рифм? Чтобы ответить на этот вопрос, сперва следует определить само понятие «перевод». Попытки передать стихи на одном языке средствами другого распадаются на три категории:

(1) Парафрастический перевод: создание вольного переложения оригинала с опущениями и прибавлениями, вызванными требованиями формы, присущей адресату перевода языковой спецификой и невежеством самого переводчика. Иные парафразы могут обладать обаянием стилистической манеры и выразительной идеоматичностью, но исследователю не должно поддаваться изяществу слога, а читателю быть им одураченным.

(2) Лексический (или структурный) перевод: передача основного смысла слов (и их порядка). Такой перевод делает и машина под управлением человека образованного, владеющего двумя языками.

(3) Буквальный перевод: передача точного контекстуального значения оригинала, столь близко, сколь это позволяют сделать ассоциативные и синтаксические возможности другого языка. Только такой перевод можно считать истинным.

Позвольте привести примеры каждого метода. Первое четверостишие, с которого начинается «Евгений Онегин», звучит так:

Мои дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил,
И лучше выдумать не мог

Парафразировать его можно бесконечное число раз. Например

* Издание в окончательной редакции (лат)

** Я благодарю библиотеку Хотона Гарвардского университета за разрешение привести здесь репродукцию этого редкого издания (Примеч В Н)

Предисловие

My uncle in the best tradition,
By falling dangerously sick
Won universal recognition
And could devise no better trick

Лексический (или структурный) перевод таков:

My uncle [is] of most honest rules []
when not in jest [he] has been taken ill,
he to respect him has forced [one],
and better invent could not .

Теперь очередь за буквалистом. Возможно, он не станет подчеркивать настоящее перфектное время, более или менее подразумеваемое, сохраняя «he... has forced» и заменяя «when... [he] has been» на «now that he has been»; он может поиграть со словом «honorable» вместо «honest» или колебаться в выборе между «seriously» и «not in jest», он заменит «rules» на более подходящее «principles» и изменит порядок слов, чтобы приблизиться к строению английского предложения, сохранить отголоски русской рифмы, и в конце концов получит:

My uncle has most honest principles
when he was taken gravely ill,
he forced one to respect him
and nothing better could invent

Если же переводчик все еще не удовлетворен таким вариантом, он, по крайней мере, может надеяться дать разъяснения в подробных примечаниях (см. также коммент. к гл. 8, XVII—XVIII)

Теперь сформулируем наш вопрос точнее. могут ли такие рифмованные стихи, как «Евгений Онегин», быть и в самом деле переведены с сохранением рифм? Ответ, конечно же, — нет. Математически невозможно воспроизвести рифмы и одновременно перевести все стихи буквально. Но, теряя рифму, стихи теряют свой аромат, который не заменят ни пояснительные сноски, ни алхимия комментариев. Следует ли тогда удовлетвориться точной передачей содержания и совершенно пренебречь формой? Или же следует допустить подражание стихотворной структуре, к которой то тут, то там лепятся исковерканные кусочки смысла, убеждая себя и читателя, что искажение смысла ради сладкой-гладкой рифмы позволяет приукрашивать или выкидывать сухие и сложные отрывки? Меня всегда забавляет избитый комплимент, которым одаривает критик автора «нового перевода». «Как легко читается», — говорит критик. Другими словами, щелкопер, никогда не читавший оригинала, да и не знающий языка, на котором этот оригинал написан, превозносит подражание за его легкость, ибо плоские банальности заменили в нем все трудные места, о коих он не имеет ни малейшего представления. «Легко читаемый», как же! Ошибающийся школьник меньше глумится над древним шедевром, чем авторы таких коммерческих рифмованных парафраз; как раз тогда, когда переводчик берется передать «дух» оригинала, а не просто смысл текста, он начинает клеветать на переводимого автора.

Перекладывая «Евгения Онегина» с пушкинского русского языка на мой английский, я пожертвовал ради полноты смысла всеми элементами формы, кроме ямбического размера, его сохранение скорее способствовало, чем препятствовало переводческой точности, я смирился с большим количеством переносов, но в некоторых случаях, когда ямбический размер требовал урезать или расширить содержание, я без колебаний приносил размер в жертву смыслу. Фак-

тически во имя моего идеального представления о буквализме я отказался от всего (изящества, благозвучия, ясности, хорошего вкуса, современного словоупотребления и даже грамматики), что изощренный подражатель ценит выше истины. Пушкин сравнивал переводчиков с лошадьми, которых меняют на почтовых станциях цивилизации. И если мой труд студенты смогут использовать хотя бы в качестве пони, это будет мне величайшей наградой

Я, однако, не смог достичь идеального построчного соответствия. В иных случаях, чтобы перевод не утратил смысла, приходилось держаться определенных синтаксических норм, ведущих к изменениям в строе и расположении английского предложения. Нумерация строк в Комментарий относится к строкам перевода и не всегда к строкам оригинала¹.

Одна из сложностей, сопровождающих перевод «Евгения Онегина» на английский, состоит в необходимости постоянно справляться с засильем галлицизмов и заимствований из французских поэтов. Добросовестный переводчик должен понимать каждую авторскую реминисценцию, подражание или прямой перевод с другого языка на язык текста; это знание, полагаю, не только спасет его от глупейших ошибок и путаницы при передаче стилистических деталей, но также укажет ему правильный выбор слова, если возможны несколько вариантов. Выражения, звучащие по-русски высокопарно или архаично, были со всей тщательностью переведены мною на высокопарный и архаичный английский, а особенно важным я посчитал сохранение повтора эпитетов (столь характерных для скудного и перетруженного словаря русского романтика), если контекстуальные оттенки значения не требовали использования синонима.

В своем Комментарий я попытался дать объяснения многим специфическим явлениям. Эти примечания отчасти отражают мои школьные познания, приобретенные полвека назад в России, отчасти свидетельствуют о многих приятных днях, проведенных в великолепных библиотеках Корнелла, Гарварда и Нью-Йорка. Без сомнения, невозможно даже приблизиться к исчерпывающему исследованию вариантов «Евгения Онегина» без фотостатов пушкинских рукописей, которые по понятным причинам недостижимы.

Во многих случаях возникала необходимость процитировать русский текст. Пушкин и его печатники, естественно, использовали старую орфографию (ее иллюстрирует факсимиле издания 1837 г.). Метод транслитерации, не только основанный на таком написании, но равно отражающий и пушкинские отступления от него, в большей мере соответствовал бы моему представлению о точности в этом вопросе; но в работе, не предполагающей чрезмерно озадачивать чужеземца, изучающего русский язык, я счел более благоразумным основывать транслитерацию на новой орфографии, введенной после февральской революции 1917 г. (тем более что все пушкинские тексты, без каких бы то ни было уступок исследователям-лингвистам, напечатаны так в Советской России). В некоторых черновиках недостает знаков препинания, и в моем переводе они были расставлены². Пушкинские вычерки всегда приводятся в угловых скобках, а в квадратных скобках я поместил собственные пояснительные вставки.

Написание книги, которую читатель сейчас держит в руках, было вызвано настоятельной необходимостью, возникшей около 1950 г., когда я вел занятия по русской литературе в Корнеллском университете в городе Итаке штата Нью-Йорк, а также по причине отсутствия адекватного перевода «Евгения Онегина» на английский, книга эта росла — в часы досуга, с многочисленными перерывами, вызванными требованиями других, более сложных задач, — на

Предисловие

протяжении восьми лет (один год я получал финансовую поддержку от фонда Гугенхейма) Однако же после 1957 г., когда Комментарий в основном был закончен, я мало соприкасался с современной пушкинианой.

В связи с переводом и примечаниями к нему вышли несколько моих работ: «Проблемы перевода: „Онегин“ на английском» / «Problems of Translation. „Onegin“ in English» («Partisan Review», New York; 1955, fall XXII); «Заметки переводчика», I («Новый журнал», New York, XLIX, 1957); «Заметки переводчика», II («Опыты», New York, VIII, 1957); «Рабский путь» / «The Servile Path» («On Translation», ed R. Brower, Cambridge, Mass., 1959)

Две строфы, приведенные мною во Вступлении (с. 37) кроме публикации в «Нью-Йоркере» были перепечатаны в моем сборнике «Стихотворения» («Poems», New York, 1959; London, 1961), а также в сборнике «Стихотворения» («Poesie», Milan, 1962) en regard* с итальянским переводом.

Мой вариант ХХХ строфы шестой песни «Евгения Онегина» с частью комментариев был опубликован в «Эсквайре» («Esquire», New York, 1963, July). Приложение I об Абраме Ганнибале вышло в несколько сокращенном виде под названием «Пушкин и Ганнибал» в «Энкаунтере» («Encounter», London, 1962, XIX, 3, September). Приложение II с заметками о просодии было издано частным образом в виде отдельного оттиска фондом Боллинджена весной 1963 г.

Я всегда завидовал автору, завершающему подобное предисловие пылкими выражениями благодарности, адресованными профессору Совету, профессору Воодушевлению и профессору Всяческой Помощи. Мое чувство не столь всеобъемлюще, но накал его столь же высок. Я в долгу перед своей женой, предложившей многие исправления, и перед сыном, составившим предварительный указатель. За хлопоты, связанные с публикацией этой работы, я благодарен руководству и служащим фонда Боллинджена, в особенности же за то, что в качестве редактора рукописи был выбран мистер Барт Вайнер, которому я весьма признателен за тщательную и безупречную работу.

Монре, 1963

Владимир Набоков

* Параллельно (фр.).

Предисловие

Календарь

Юлианский календарь (старый стиль), введенный Юлием Цезарем в 46 г. до н. э. и принятый Первым Никейским Вселенским собором в 325 г. н. э., использовался в России до революции 1917 г. Григорианский календарь (новый стиль), используемый повсеместно в настоящее время, был введен папой римским Григорием XIII в 1582 г. 5 октября 1582 г. стало 15 октября 1582 г.: таким образом, были выпущены десять дней. Впрочем, в Великобритании старый стиль сохранялся до 1752 г., когда в сентябре были выброшены одиннадцать дней.

По правилам григорианского календаря годы 1700-й и 1800-й не считались високосными (в отличие от 1600 г., который делится на 400); поэтому разница между двумя календарями увеличивалась в каждый из этих лет на один день, что в результате составило одиннадцать дней с 1700 по 1800 г., двенадцать с 1800 по 1900 г. и тринадцать с 1900 по 1917 г. Так, середина июля в России была концом июля в других странах, а означенные на календаре во всем мире дни 12 января 1799 г. и 13 января 1800 г. в России оказались днями Нового года.

В данной книге все даты, относящиеся к событиям в России, даны по старому стилю, если это не оговаривается особо. Даты, относящиеся к событиям в остальном мире, даны по новому стилю. Когда возникает вероятность путаницы, приводятся обе даты, например: 1/13 января.

Сокращения и знаки

Акад. 1937 — *А С Пушкин*. Полное собрание сочинений, т VI, под ред. Б. Томашевского Академия наук СССР. Л., 1937 (Так называемое академическое издание.)

Акад. 1938 — *А С Пушкин*. Полное собрание сочинений, т XIII, под ред. М. А. Цявловского. Академия наук СССР. Л., 1938 (Так называемое академическое издание.)

ЕО — «Евгений Онегин».

Лит. насл — Литературное наследство, т. 16—18 М., 1934

МА — Московский Центрархив [Ныне Российский государственный архив литературы и искусства].

МБ — Библиотека им. В. И. Ленина, Москва. [Ныне Российская государственная библиотека].

ПБ — Публичная библиотека, Санкт-Петербург, позже Ленинград [Ныне Российская национальная библиотека]

ПД — Пушкинский Дом, Ленинград. [Институт русской литературы].

П и его совр — Пушкин и его современники, вып. 1—39. СПб., Л., 1903—1930

Временник — Пушкин: Временник пушкинской комиссии, т. I—VI М., 1936—1941.

ПСС 1936 — *А С Пушкин*. Полное собрание сочинений, под ред. Ю. Г. Оксман, М. А. Цявловского и Г. О. Винокура. Академия наук СССР, М., Л., 1936, т. I—V; М.; Л., 1938, т. VI.

ПСС 1949 — *А С Пушкин*. Полное собрание сочинений. в 10 т. Т. V, под ред. Б. Томашевского. Академия наук СССР М., Л., 1949

ПСС 1957 — *А С Пушкин* Полное собрание сочинений, т V, под ред. Б. Томашевского. Академия наук СССР, М.; Л., 1957

[] Примечания переводчика [В. В. Набокова]

< > Отвергнутые чтения [в текстах А. С. Пушкина].

ВСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Иль к девственным лесам
Младой Америки

*А Пушкин, из чернового наброска
стихотворения «Осень», 1830—1833*

Ныне (пример неслыханный!) первый из французских писателей переводит Мильтона *слово в слово* и объявляет, что подстрочный перевод был бы верхом его искусства, если б только оный был возможен!

А Пушкин, из статьи (конца 1836 или начала 1837 г.) «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» Париж, 1836

Описание текста

В окончательной редакции (издание 1837 г.) пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин» содержит 5541 строку, каждая из которых, за исключением отрывка в восемнадцать строк, написана четырехстопным ямбом с женскими и мужскими рифмами. 5523 ямбические строки (лишь три из которых не окончены) группируются следующим образом.

	<i>Строки</i>
(1) Посвящение, рифмованное <i>ababesecedudofof</i>	17
(2) Восемь песней (именуемых «главами»), основным компонентом которых является четырнадцатистрочная строфа, рифмованная <i>ababeesciddiff</i> : Первая. 54 строфы, пронумерованные с I по LX (IX, XIII, XIV и XXXIX—XLI отсутствуют)	756
Вторая: 40 строф, пронумерованных с I по XL (VIII, 10—14 и XXXV, 5—II отсутствуют)	548

Третья: 41 строфа, пронумерованная с I по XLI (III, 9—14 отсутствуют), а также «Письмо Татьяны к Онегину» со свободной схемой рифмовки между XXXI и XXXII*	568 79
Четвертая: 43 строфы, пронумерованные с I по LI (I—VI, XXXVI, XXXVII, 13 [частично] — 14 и XXXVIII отсутствуют)	601
Пятая: 42 строфы, пронумерованные с I по XLV (XXXVII, XXXVIII и XLIII отсутствуют)	588
Шестая: 43 строфы, пронумерованные с I по XLVI (XV, XVI, XXXVIII отсутствуют), плюс 24 строки в пушкинском примечании 40, из которых 10 повторяют строки текста, а 14 являются дополнительными	602 14
Седьмая: 52 строфы, пронумерованные с I по LV (VIII, IX, XXXIX отсутствуют)	728
Восьмая: 51 строфа, пронумерованная с I по LI (II, 5—14, XXV, 9—14 отсутствуют), а также «Письмо Онегина к Татьяне» со свободной схемой рифмовки, помещенное между строфами XXXII и XXXIII, и дополнительные строки, приведенные во вступительных замечаниях к приложению под названием «Отрывки из „Путешествия Онегина“»	698 60 5
(3) «Отрывки из „Путешествия Онегина“»: 2I пронумерованная строфа, включая 4 незаконченные строфы (IX, 1—2 [частично], X, 1 [частично] — 14, XV, 1—8, XXX, 2—14 отсутствуют)	259

Таким образом, всего в тексте 5523 строки, написанные четырехстопным ямбом. К ним следует добавить:

- (а) прозаический эпиграф к роману на французском языке (сочиненный автором, но представленный как *tiré d'une lettre particulière***);
- (б) песню из 18 строк, написанную трехстопным хореем с длинными стиховыми окончаниями***, — «Песню девушек» (в гл. 3, между XXXIX и XL строфами);
- (в) сорок четыре авторских примечания;
- (г) приложение с прозаическими комментариями к «Отрывкам из „Путешествия Онегина“».

Кроме того, главам предпосланы следующие эпиграфы: первой — строка Вяземского; второй — старый, несколько переделанный каламбур (O rus! Ног. О Русь!); третьей — строка Мальфилатра; четвертой — фраза мадам де Сталь; пятой — два стиха Жуковского; шестой — два (не связанные между собой, но напечатанные вместе) стиха Петрарки; седьмой — два стиха Дмитриева, один Баратынского и два Грибоедова; восьмой — два стиха Байрона.

Большая часть пропущенных строк обнаруживается в ранних изданиях или в рукописи. Иногда их отсутствие можно рассматривать как намеренный структурный пропуск. Большое количество отвергнутого Пушкиным материала, относящегося к *ЕО*, состоит из пропущенных строф, вариантов, вычеркнутых продолжений, отрывков из «Альбома Онегина», строф, относящихся к путеше-

* См ниже «Песню девушек» между строфами XXXIX и XL. (Примеч В Н)

** Выдержка из частного письма (фр).

*** Традиционно длинные стиховые окончания именуются «дактилическими рифмами» Подробнее об используемых В Набоковым терминах см. Приложение II. Заметки о просодии (Примеч. ред)

ствию Онегина (последние выросли до размеров главы, которая должна была следовать за главой седьмой, превратив, таким образом, восьмую главу в девятую), фрагментов десятой главы и множества отвергнутых Пушкиным строк, которые можно найти в черновиках и беловых рукописях. В примечаниях я перевел все наиболее важные и интересные строки, не вошедшие в окончательный текст, но встречающиеся в различных публикациях, однако я отдаю себе отчет в том, что невозможно провести полноценное исследование оригинальных текстов, пока все пушкинские рукописи, хранящиеся в России, не будут сфотографированы и не станут доступны исследователям, на что, конечно, не пойдет это тюремно-полицейское государство, разве что тому отыщется политическая причина — каковой, впрочем, я пока не наблюдаю.

В качестве исходного текста я использовал (с учетом исправленных явных опечаток, из коих наиболее вопиющие указаны в моих примечаниях) последнее прижизненное издание. Это «третье» издание, ныне представляющее исключительную редкость, было осуществлено под руководством книгопродавца Ильи Глазунова и вышло в свет в январе 1837 г., наверняка до 19 января — в этот день его рекламировали «Санкт-Петербургские ведомости» (приложение 14, с. 114). Небольшой томик (32°)* хвалили и в разделе «Новые книги» литературного обозрения «Северная пчела» (№ 16, с. 61—63) от 21 января за его удобный карманный формат.

На пятой странице указанного издания стоит:

ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ
романъ въ стихахъ.
Сочиненіе
Александра Пушкина.
Изданіе третье.
Санктпетербургъ.

Въ типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.
1837.

На шестой странице помещен главный эпиграф (*Pétri de vanité*** и т. д.), на седьмой — начало Посвящения (строки 1—12), а на восьмой — его окончание (13—17).

Пронумерованные страницы содержат восемь глав с предпосланными эпиграфами (первая, с. 1—40; вторая, с. 41—69; третья, с. 71—105, четвертая, с. 107—138; пятая, с. 139—169; шестая, с. 171—202; седьмая, с. 203—240; восьмая, с. 241—280); пушкинские примечания, с. 281—293; «Отрывки из „Путешествия Онегина“» с небольшими комментариями, с. 295—310.

Затем следуют два чистых листа и обложка со скромной надписью: «Издание Ильи Глазунова».

Более подробно об этом издании см.: Публикация «Евгения Онегина», пункт 24.

Роман в основном повествует о чувствах, раздумьях, поступках и судьбах трех человек: Онегина, скучающего повесы; Ленского, сочинителя заурядных

* Здесь и далее В. Набоков обозначает таким образом долю печатного листа, чтобы дать представление о формате книги.

** Проникнутый тщеславием (*фр*).

элегий; и стилизованного Пушкина, выведенного в качестве приятеля Онегина. В романе три героини: Татьяна, Ольга и пушкинская Муза. События разворачиваются между концом 1819 г., в Петербурге (глава первая), и весной 1825 г., снова в Петербурге (глава восьмая). Место действия переносится из столицы в деревню, на полдороге между Опочкой и Москвой (с главы второй вплоть до начала седьмой), а оттуда в Москву (конец седьмой главы). Прилагаемые «Отрывки из „Путешествия Онегина“» (которые должны были располагаться между седьмой и восьмой главами) переносят нас в Москву, Нижний Новгород, в Поволжье, на Кавказ, в Крым и Одессу.

Темы и композиционные приемы главы восьмой перекликаются с темами и приемами главы первой. В каждой есть хотя бы одна ярко обрисованная тема: день молодого повесы в главе первой (XV—XXXVI), обреченный на смерть молодой поэт во второй (VI—XXXVIII), страсть Татьяны к Онегину в третьей, деревня и проблемы творчества в четвертой, пророческий сон и именины в пятой, дуэль в шестой, путешествие в Москву в седьмой, страсть Онегина к Татьяне в восьмой. По всему тексту рассыпано множество романтических, сатирических, биографических и библиографических отступлений, которые придают ему удивительную глубину и красочность. В комментариях я обращаю внимание читателя, как восхитительно владеет Пушкин определенными темами и ритмами, например приемом «обгона и отставания» (глава первая), межстрофического переноса (бегство Татьяны в сад и поездка Онегина к дому княгини N) и ненавязчивого лейтмотива одной фразы, звучащей по ходу всего романа. Читатель, не постигший своим сознанием эти и другие приемы, а также мельчайшие подробности текста, не вправе претендовать на понимание *ЕО*.

Сочинение Пушкина — это прежде всего явление стиля, и с высоты именно этого цветущего края я окидываю взором описанные в нем просторы деревенской Аркадии, змеиную переливчатость заимствованных ручьев, мельчайшие рои снежинок, заключенные в шарообразном кристалле, и пестрые литературные пародии на разных уровнях, сливающиеся в тающем пространстве. Перед нами вовсе не «картина русской жизни», в лучшем случае, это картина, изображающая небольшую группу русских людей, живущих во втором десятилетии XIX в., имеющих черты сходства с более очевидными персонажами западноевропейских романов и помещенных в стилизованную Россию, которая тут же развалится, если убрать французские подпорки и если французские переписчики английских и немецких авторов перестанут подсказывать слова говорящим по-русски героям и героиням. Парадоксально, но, с точки зрения переводчика, единственным существенным русским элементом романа является именно эта речь, язык Пушкина, набегающий волнами и прорывающийся сквозь стихотворную мелодию, подобной которой еще не знала Россия. Лучшее, что мне оставалось, это описать в некоторых своих комментариях отдельные отрывки оригинального текста. Надеюсь, что мои читатели захотят выучить язык Пушкина и вновь перечесть *ЕО* уже без этого подстрочника. В искусстве, как и в науке, наслаждение кроется лишь в ощущении деталей, поэтому именно на деталях я попытался заострить внимание читателя. Хочу повторить, что если эти детали не будут как следует усвоены и закреплены в памяти, все «общие идеи» (которые так легко приобретаются и так выгодно перепродаются) неизбежно останутся всего лишь истертыми паспортами, позволяющими их владельцам беспрепятственно путешествовать из одной области невежества в другую.

Онегинская строфа

Вот написанные мною два образчика, повторяющие размер и последовательность рифм онегинской строфы. Впервые они появились в «Нью-Йоркере» (New Yorker, Jan. 8, 1955):

What is translation? On a platter
A poet's pale and glaring head,
A parrot's screech, a monkey's chatter,
And profanation of the dead
The parasites you were so hard on
Are pardoned if I have your pardon,
O Pushkin, for my stratagem
I travelled down your secret stem.
And reached the root, and fed upon it,
Then, in a language newly learned,
I grew another stalk and turned
Your stanza, patterned on a sonnet,
Into my honest roadside prose —
All thorn, but cousin to your rose

Reflected words can only shiver
Like elongated lights that twist
In the black mirror of a river
Between the city and the mist
Elusive Pushkin! Persevering,
I still pick up your damsel's earring,
Still travel with your sullen rake,
I find another man's mistake,
I analyze alliterations
That grace your feasts and haunt the great
Fourth stanza of your Canto Eight
This is my task a poet's patience
And scholiastic passion blent —
The shadow of your monument

(Дословный перевод
Что есть перевод? На блюде
Бледная, сияющая голова поэта,
Хриплый крик попугая, лопотание обезьяны
И профанация мертвых
Паразиты, с которыми ты был столь суров,
Прощены, если мне дано твое прощенье,
О Пушкин, за мою хитрость
Я спустился по твоему тайному стеблю,
Добрался до корня и напитался от него,
Затем, используя этот новый язык,
Я вырастил другой стебелек и превратил
Твою строфу, созданную по образцу сонета,
В свою честную придорожную прозу —
Сплошь колючки, но сродни твоей розе

Отраженные слова могут лишь дрожать
Подобно удлиненным огонькам, нзвивающимся
В черном зеркале реки
Меж городом и туманом

Ускользающи Пушкин¹ С неизменным упорством
 Я все еще подбираю сережку твоеи барышии,
 Все еще путешествую с твоим урюмым повесой,
 Обнаруживаю чужую ошибку;
 Анализирую аллитерации,
 Которые украшают твои пиры и обитают в великой
 Четвертой строфе твоеи восьмой песни
 Такова моя задача терпение поэта
 И страсть схолиаста, слившиеся воедино, —
 Тебя твоего памятника)

Онегинская строфа как определенная стихотворная форма была изобретением Пушкина (9 мая 1823 г.). Она содержит 118 слогов и состоит из четырнадцати стихов, написанных четырехстопным ямбом с регулярным чередованием женских и мужских рифм: *ababeecciddiff*. Части *abab* и *ff* обычно выделяются своим смыслом, мелодией и интонацией в каждой данной строфе. Начальную стихотворную структуру (четкий звучный элегический катрен) и заключительную (двустипшие, напоминающее коду в октаве или в шекспировском сонете) можно сравнить с рисунком на расписанном мячике или волчке, заметным в начале и в конце кружения. Само кружение в основном захватывает часть *eecciddi*, где многословные и неустойчивые формулировки размывают границы стихов, в которых редко наблюдается четкая композиция из двух двустипший и заключительного катрена. Лишь в трети из всех строф восьми песней часть *iddiff* с достаточной очевидностью состоит из двух терцетов, но даже в этих случаях заключительное двустипшие выделяется столь рельефно, что это способствует переходу итальянской формы в английскую.

Последовательность *ababeecciddiff* как случайное сочетание рифм вдруг возникает то здесь, то там по ходу беспорядочного, не скованного строфой стиха со свободной схемой рифмовки, который использовался французскими поэтами для сочинения легкомысленных и шуточных повествований в XVII и XVIII вв. Наиболее знаменитым из них был Лафонтен, и в поисках пушкинского источника, пусть подсознательного, нам следует обратиться именно к нему. В лафонтеновских рифмованных «Сказках» («Contes», ч III, Paris, 1671), стихотворениях, написанных в виде басен фривольного толка, я обнаружил два отрывка — хотя, бесспорно, их существует и больше, — где среди струек и ручейков произвольно организованных рифм просматривается последовательность *ababeecciddiff*, весьма напоминающая те мутации, за которые хватается эволюция, чтобы создать какой-нибудь островной или горный вид. Одна такая последовательность встречается в пятистопном стихотворении «Влюбленная куртизанка» («La Courtisane amoureuse»; стихи 3—16): *miracles, Catons, oracles, moutons, même, Polyphème, assis, soucis, joliette, eau, fuseau, fillette, un, commun*, другая представлена в четырехстопном стихотворении «Простак» («Nicaise»; стихи 48—61), довольно непристойной сказочке из 258 строк. Начальное «que» («которые») определяет «trésors» («сокровища»), о которых идет речь в стихе 47, — это красота и молодость мужчины:

Que ne méprise aucune dame,
 Tant soit son esprit précieux.
 Pour une qu'Amour prend par l'âme,
 Il en prend mille par les yeux,
 Celle-ci donc, des plus galantes,

Онегинская строфа

Par mille choses engageantes,
Tâchait d'encourager le gars,
N'était chiche de ses regards,
Le pinçait, lui venait sourire,
Sur les yeux lui mettait la main,
Sur le pied lui marchait enfin,
A ce langage il ne sut dire
Autre chose que des soupirs,
Interprètes de ses désirs*

Для русского уха последние две строчки поразительно схожи с пушкинскими клаузулами. Свободные чередования Лафонтена оказали огромное воздействие на технику Пушкина; задолго до того, как единичные употребления последовательности *ababeecciddiff* превратились в устоявшийся «вид» в онегинской строфе, русские стихотворцы, подражая своим французским пестунам, то и дело в процессе литературной мимикрии развивали именно этот стихотворный узор. Стихотворение «Ермак», написанное четырехстопным ямбом с нерегулярной рифмой в 1794 г. Иваном Дмитриевым (которого по дружбе историк Карамзин экстравагантно объявил «русским Лафонтеном»), служит тому ярким примером. В этой сибирской эклоге последовательность *ababeecciddiff* обнаруживается, по крайней мере, дважды: строки 65—78 (начало шестой речи Старца в беседе с Младым) и строки 93—106 (часть седьмой речи Старца). Спустя двадцать пять лет (1818—1820) Пушкин использовал эту же последовательность в своей очень галльской сказке со свободной схемой рифмовки «Руслан и Людмила», написанной четырехстопным стихом (например, песнь третья, строки 415—428), которая была закончена в 1820 г., за три года до начала работы над *ЕО*.

Выбрав именно эту стихотворную структуру и размер, Пушкин, вероятно, проигрывал возможные варианты создания некоего подобия сонета. В самом деле, онегинскую строфу можно рассматривать как (1) первые восемь строк сонета, состоящие из двух катренов (*abab* и *eecc*), и шесть последних строк сонета, состоящие из двух терцетов (*idd* и *iff*); или (2) три катрена (*abab eecc iddi*) и двестишие (*iff*). Французский четырехстопный сонет и английский тетраметр были, несомненно, распространенным стихотворным началом в конце XVI в.; эта форма именовалась анакреонтическим сонетом. Ее пародировал Мольер в «Мизантропе» («Le Misanthrope», 1667; акт I, сц. 2); ею однажды воспользовался Шекспир (сонет CXLV) и неоднократно употреблял Чарльз Коттон. Французская схема рифмовки может, например, быть такой: *abba eesse ddi fif* (Ф. Малерб, «Рабелю, художнику, на книгу цветов» / *F Malherbe*, «A Rabel, Peintre, sur un livre de fleurs», 1630, стихи, написанные по поводу иллюстраций цветов, сделанных в рукописи Даниэлем Рабелем в 1624 г.), а английская схема рифмовки такой: *bcbc ddfg ggh jh* (Ч Коттон, «Мне остается только умереть» / *Ch. Cotton*, «What have I left to doe but dye», опубл. 1689)

* Которые не станут презирать ни одна женщина, / Каким бы утонченным ни был ее ум / На одну, для которой в любви главное — душа, / Есть тысяча, зачарованных внешностью, / И вот наша героиня, само изящество, / Наделенная привлекательнейшими прелестями, / Старалась поощрить молодца, / Не скупилась на взгляды, / Ловила его, улыбалась ему, / Закрывала ему глаза рукой, наступала на ногу, наконец, / А он на все это ответил / Всего лишь вздохами, / Выражающими его желания (*фр*)

Редкий для Шекспира тетраметр имеет последовательность *bcbc dfdf ghgh ij*
make—hate—sake—state, come—sweet—doom—greet, end—day—fiend—away,
threw—you.

В онегинской строфе единственное отклонение от анакреонтического сонета состоит в расположении рифм *eess* во втором катрене, но отклонение это решающее. Один шаг назад от *eess* к *esec* вернет онегинскую строфу в четкие рамки анакреонтического сонета. В действительности же строки 5—8 онегинской строфы оказываются вовсе не катреном, а лишь двумя двустишиями (из которых мужское, 7—8, иногда выступает отдельным элементом, интонационно сходным с 13—14). Вторжение этих двух примыкающих друг к другу двустиший и полнейшая произвольность взаимосвязи фразы и цезуры в части *eecciddi* онегинской строфы соединяются вместе, чтобы заставить всю строфу звучать совершенно иначе, чем самый прихотливый четырехстопный сонет, даже если, как в некоторых случаях, мы все же наблюдаем сонетную структуру (например, три катрена и двустишие в строфе II и восьми других в главе первой; восемь строк и два терцета в строфе IV первой главы; редкий случай — два катрена и два терцета в строфе XVI первой главы; или если, как в одном необычном примере, восемь начальных строк имеют лишь две рифмы, что соответствует типичной разновидности сонета Петрарки (см. гл. 4, XXXI: *пишет—молодой—дышет—остротой, услышит—пишет—живой—рекой, вдохновенный—своего—кого—драгоценный—тебе—судьбе*; см. также Комментарий).

Во избежание монотонности часто используется прием переноса, который может быть внутрострофическим или межстрофическим. В одном случае мы имеем яркий пример, когда совершенно неожиданно обычно независимый первый катрен блестящим образом переходит во второй, а фраза иногда резко обрывается в середине пятой строки (например, гл. 5, I, XXI; гл. 6, III; гл. 7, XV). В другом случае целая строфа переходит в следующую, а фраза внезапно заканчивается тут же, в первой строке (см.: гл. 3, XXXVIII—XXXIX и гл. 8, XXXIX—XL).

С другой стороны, мы обнаруживаем строфы, в которых поэт использует интонацию двустишия чисто механически или же слишком часто употребляет прием перечисления, составляя цепочки из наименований чувств, списки различных предметов — по три слова в каждой из однообразных строк. Этот недостаток характерен для афористического стиля, который был естественной уступкой Пушкина XVIII веку с его элегантными проявлениями рационализма.

Единственная схема рифмовки в английской поэзии, похожая на онегинскую, которая приходит мне на ум, — это последовательность первых четырнадцати стихов в строфе из восемнадцати неравностопных стихов, которыми была написана «Ода к Ликориде» («Ode to Lycoris») Вордсворта (в трех строфах) в мае 1817 г. Рифмы в ней расположены следующим образом: *bcbcddffghhgiijkk*. Вот первые четырнадцать строк средней строфы:

In youth we love the darksome lawn
 Brushed by the owlet's wing,
 Then, Twilight is preferred to Dawn,
 And Autumn to the Spring
 Sad fancies do we then affect,
 In luxury of disrespect
 To our own prodigal excess
 Of too familiar happiness
 Lycoris (if such name befit

Структура «Евгения Онегина»

Thee, thee my life's celestial sign!
When Nature marks the year's decline,
Be ours to welcome it,
Pleased with the harvest hope that runs
Before the path of milder suns

(В юности мы любим темные поляны,
Осененные совиными крыльямн,
Тогда предпочитают сумерки рассвету
И осень — весне
Тогда мы напускаем мрачные фантазии
В роскошн небрежения
На наше избыточно-расточительное
И такое привычное счастье
Ликорида (если это имя подходит
Тебе, о небесный знак моей жизни!),
Когда Природа празднует закат года,
Будь с нами, приветствуя его,
Радуюсь осенней надежде, которая бежит
Впереди тропинки, где слабее светит нежное солнце)

Структура «Евгения Онегина»

Когда в мае 1823 г. Пушкин начал писать *ЕО*, возможно, он уже видел перед собой картины деревенской жизни, которые нарисованы в рамках второй главы, а смутный образ героини, несомненно, настойчиво блуждал по закоулкам его воображения; но у нас есть основания предположить, что к середине второй главы этот смутный образ еще не раздвоился, превратившись в двух сестер, Ольгу и Татьяну. Прочие детали романа были не более чем туманным облаком. Главы и их части задумывались так, а писались иначе. Но, говоря «структура», мы имеем в виду не поэтическую «мастерскую» Черновые наброски, ложные следы, не до конца пройденные тропинки, тупики вдохновения не имеют большого значения для понимания сути романа. Художник должен безжалостно уничтожить все свои рукописи после опубликования произведения, чтобы они не дали ложного повода ученым посредственностям считать, что, исследуя отвергнутые варианты, можно разгадать тайны гения. В искусстве цель и план — ничто: результат — всё. Нас занимает только структура опубликованного произведения, за которое отвечает сам автор, ибо оно вышло в свет при его жизни. Сделанные в последний момент изменения, включая и те, что были навязаны внешними обстоятельствами, — и неважно, какими именно мотивами руководствовался Пушкин, — должны быть сохранены, коль скоро поэт счел нужным их оставить. Даже к очевидным опечаткам надо относиться осторожно; в конце концов, не исключено, что их решил не исправлять сам автор. С какой целью и почему он поступил так, а не иначе, к делу не относится. Мы можем выявить изменение плана, отсутствие одного или, наоборот, телеологическую интуицию

гения, но все это явления метафизического порядка. Повторю, что для исследователя значение имеет лишь структура законченного произведения, и только законченного произведения, по крайней мере, когда исследователь, как в данном случае, имеет дело с мастерским творением художника.

Структура *ЕО* оригинальна, сложна и потрясающе гармонична, несмотря на тот факт, что в 1823 г. русская словесность находилась на сравнительно примитивном уровне развития, отмеченном неудержимыми и совершенно оправданными подражаниями самым избитым приемам западной литературы, которые все еще были в ходу у ее наиболее выдающихся представителей. Я уже останавливался на основном структурном элементе *ЕО*, специально разработанной онегинской строфе, и еще раз вернусь к ней в своем Комментарии. Внутристрофические и межстрофические переносы часто достаточно функциональны, и потому их следует упомянуть в нашем перечне структурных компонентов. Но полностью манера нашего художника раскрывается в распределении сюжетного материала, равновесии частей, смене тем и отступлениях в повествовании, введении героев, отходах от основной темы, переходах и тому подобном.

ЕО в том виде, в каком он опубликован в окончательной редакции Пушкина, является образцом целостности (несмотря на некоторые структурные изъяны внутри той или иной главы, например четвертой). Все восемь глав образуют стройную колоннаду. Первая и последняя главы связаны системой перекликающихся подтем, замечательно взаимодействующих, словно отраженное эхо. Петербург первой главы дублируется в этой перекличке Петербургом главы восьмой (минус балет и хорошая кухня, плюс меланхолическая любовь и разнообразные воспоминания). Московская тема, яркими штрихами намеченная во второй главе, раскрывается в главе седьмой. Такое впечатление, что вся цепочка глав распадается на две части, по четыре главы в каждой, содержащие 2552 и 2676 стихов четырехстопного ямба соответственно (реальный центр приходится на гл. 5, V, 6—7, «Таинственно ей все предметы провозглашают что-нибудь»). Речь Онегина, обращенная к Татьяне в последней главе первой части, подхватывается ответной речью Татьяны, обращенной к Онегину в последней главе второй части. Тема Ленского (*цветенье—провиденье, любовь—кровь*) начата и завершена соответственно во вторых главах обеих частей; существуют и другие симметричные построения менее очевидного характера, но не меньшей художественной выразительности. Например, лирическое письмо Татьяны к Онегину в главе третьей не только получает ответ в главе восьмой в виде письма Онегина, но изящнейше дублируется элегией Ленского, обращенной к Ольге, в главе шестой. Голос Ольги звучит трижды, и каждый раз это краткий вопрос (гл. 5, XXI, 12—14; гл. 6, XIV, 1; гл. 6, XIX, 13).

«Классическая» строгость пропорций прекрасно выявляется таким «романтическим» приемом, как продолжение или повторное проигрывание какой-нибудь структурной темы в главе, следующей за той, что эту тему ввела. Прием этот используется для раскрытия темы деревни в главах первой и второй; темы романтической любви — во второй и третьей; темы встречи в аллее — в третьей и четвертой; темы зимы — в четвертой и пятой, темы имейн — в пятой и шестой; темы могилы поэта — в шестой и седьмой; темы вихря света — в седьмой и восьмой, которая замыкает круг, поскольку эта последняя тема вновь возникает (если начать перечитывать роман) в первой главе. Следует отметить, что эти «ласточкины хвосты» и перехлесты повторяют в рамках главы прием

межстрофического переноса, который, в свою очередь, повторяет в рамках строфы функциональные и орнаментальные строчные переносы.

При обращении к структурным приемам, применяемым в главах, мы должны прежде всего исследовать использование Пушкиным приема перехода, то есть комплекса средств, которые необходимы автору для переключения с одной темы на другую. Рассматривая переходы в структуре произведения и оценивая их с эстетической и исторической точки зрения, мы, конечно, должны различать их содержательную сущность и формальное выражение, то есть вид перехода, избранный художником для той или иной цели, и то, как художник этот прием применяет. При изучении перехода ясное осознание содержания и формы ведет к верному пониманию одного из важнейших элементов повествования в стихах или в прозе.

Грубо говоря, существует два основных типа перехода: повествовательный (или естественный) и авторский (или риторический). Провести между ними жесткую границу невозможно. Крайним выражением риторического перехода является внезапное обращение автора к читателю, а наиболее естественным переходом можно считать последовательное развитие мысли, перетекающей с одного предмета на другой, с ним связанный. Оба эти типа используются Пушкиным, оба они использовались и раньше, начиная с того времени, когда возникли древнейшие рыцарские романы, вплоть до эпохи Байрона. Я намеренно ссылаюсь на поэта, а не на прозаика-романиста, ибо тот факт, что роман написан в стихах, влияет на форму употребленных переходов, хоть Пушкин и называл свои песни главами. Таким образом, риторический тип перехода (например, «Вернемся к нашему герою», «Позволь, читатель») подчеркивается еще более тем, что он перенесен из прозы в стихи и может в момент этого переноса приобрести легкий оттенок пародии; или, напротив, новое средство, как воскрешающая музыка, может возродить свежесть древнего выражения, а естественные повествовательные формы перехода часто кажутся более утонченными и даже более «естественными» в стихах, чем в прозе.

Простейшие переходы осуществляются от общего к частному и наоборот: это переходы от общего утверждения к отдельному случаю (часто вводимому с помощью «но») или от конкретного происшествия к дидактическому обобщению (часто вводимому с помощью «так»). Излюбленной формулой оказывается временной переход, вводящий новый предмет с помощью выражений «тем временем» или «шло время». Обозначим понятия «рассказ», «герой», «пейзаж», «воспоминание» и «дидактическое отступление» буквами Р, Г, П, В, Д — тогда мы сможем представить все типы перехода как более или менее ярко выраженные переключения от Р к Г, от Г к Р, от Р к П, от Р к В, от Р к Д, от Г к Д и так далее во всевозможных комбинациях и последовательностях, с внутренними и внешними дверцами и естественными или искусственными перемычками, обеспечивающими переход от одной темы к другой.

Термин «отступление», я полагаю, неизбежен; Пушкин сам употребляет это слово, причем в более или менее пренебрежительном смысле (гл. 5, XL, 14). Собственно говоря, отступление — это лишь одна из форм авторского участия. Такое участие, выражаемое в отступлениях, может быть кратким вторжением, почти не отличимым от обычного риторического перехода («Позвольте мне... заняться»), или же в своем крайнем проявлении оно может быть хорошо продуманной функционально значимой трактовкой своего «я» в качестве одного из героев романа, стилизованного первого лица, имеющего те же права выра-

жения и признания, что и у персонажей третьего лица. Стилизованный Пушкин, беседующий с придуманным Онегиным и делящийся с ним своими воспоминаниями, или пушкинская стилизованная Муза, тихо любующаяся петербургским раутом, на который ее ведет поэт, — подобно князю N, который ведет туда же свою жену, — все это такие же элементы сюжета, как Онегин и Татьяна. Если мы разобьем пушкинское участие на различные его компоненты, то обнаружим автобиографический материал (или, точнее, стилизованную автобиографичность), который можно классифицировать как раздумья (лирические, любовные, ностальгические); конкретные замечания о стиле жизни автора во время написания романа или в прошлые времена; меланхолические или шутливые упоминания реальных обстоятельств и реальных людей; обещания и воспоминания о вымышленных событиях и предполагаемую дружбу с вымышленными героями. Элементы стилизованной автобиографичности сливаются и смешиваются с «профессиональными»* темами, которые включают замечания о реальном процессе сочинительства, о героях романа как выдуманных персонажах, о других произведениях автора — прошлых, настоящих, предполагаемых и так далее. Наконец, форма авторского участия представлена «философствованиями», более или менее дидактичными, серьезными, полусерьезными или шутливыми репликами «в сторону», иногда представленными в виде вводных замечаний, часто кратко и афористично сформулированных. Пушкин был человеком острого ума (особенно это проявляется в его письмах), но в дидактическом жанре не блистал, и его дань отшлифованным общим рассуждениям своего времени, или, вернее, предшествующего периода, иногда болезненно очевидна в довольно банальных замечаниях по поводу вихря света, женщин, привычек и нравов, рассыпанных по всему тексту *ЕО*.

Теперь обратимся к анализу каждой из глав.

Глава первая

Глава первая состоит из пятидесяти четырех строф: I—VIII, X—XII, XV—XXXVIII и XLII—LX (лакуны означают пропущенные строфы, из которых о существовании XXXIX—XLI никогда не было известно). Главные герои — авторское «я» (более или менее стилизованный Пушкин) и Евгений Онегин. Центр главы, ее яркий и быстро раскручивающийся стержень заключен в двенадцати строфах (XV—XVII, XXI—XXV, XXVII—XXVIII, XXXV—XXXVI), описывающих шестнадцать часов городской жизни Онегина, двадцатичетырех-летнего денди. Историческое время — зима 1819 г., место — Санкт-Петербург, столица России. Идет восьмой год светской жизни Онегина, он все еще любит щегольски одеваться и роскошно обедать, но ему уже надоел театр, и он оставил бурные любовные наслаждения. День петербургского денди, прерываемый трижды (XVIII—XX, XXVI, XXIX—XXXIV) воспоминаниями и размышлениями Пушкина, введен между рассказом об онегинском образовании и описанием его сплина. Рассказ об образовании предваряется краткой зарисовкой, в которой изображен Онегин, отправляющийся на почтовых в дядюшкино имение (в мае

* Чтобы сохранить представление о набоковской терминологии, было решено переводить professional (digressions, matters, intrusion, asides, etc) как «профессиональные» (темы, вставки, реплики в сторону и т. д.) (*Примеч переводчика*)

1820 г.), а за описанием сплина следует повествование о дружбе Пушкина с Онегиным и о приезде последнего в деревню, где дядя его уже умер. Глава заканчивается несколькими строфами (LV—LX), в которых автор говорит о себе.

Развитие тем первой главы

- I: Внутренний монолог Онегина по дороге из Петербурга в дядюшкино поместье.
- II: Традиционный переход: «Так думал молодой повеса». Пушкин представляет своего героя (это «неофициальное» представление будет позже дополнено «официальным», пародийным запоздалым «вступлением» в последней строфе седьмой главы). Строфа II также содержит некоторые ссылки на «профессиональные» темы, а именно: упоминание «Руслана и Людмилы» (1820) и выражение «герой моего романа» (это выражение будет с некоторыми изменениями повторено в гл. 5, XVII, 12, где Татьяна в волнении видит во сне «героя нашего романа», хозяйничающего на пиру привидений). Автобиографический мотив представлен в II, 13—14 шутливым напоминанием о высылке из столицы самого автора.
- III—VII: Описание детства и юности Евгения, пронизанное темой поверхностного образования, дается в более или менее непрерывном изложении. Философская нота слышна в различных остроумных суждениях о воспитании Онегина (V, 1—4: «мы все»; IV, 13: «Чего ж вам больше?»; VI, 2: «Так, если правду вам сказать»), и «профессиональная» ремарка вводится в катрен VII строфы, где «мы» никак не могли обучить Онегина тайнам просодии. Тема равнодушия Онегина к поэзии будет снова поднята в шести заключительных стихах строфы XVI гл. 2 (когда Ленский читает Онегину Оссиана), а в гл. 8, XXXVIII, 5—8 Онегин, наконец, почти овладеет «стихов российских механизмом». В юности Онегин предстает офранцузенным русским в платье английского щеголя, начавшим светскую жизнь в возрасте шестнадцати или семнадцати лет. Перед нами салонная кукла. Отмечается огонь его эпиграмм, но в главе ни одна не цитируется, да и более поздние образчики его остроумия также не удостоились описания.
- VIII, X—XII: Риторический переход от образования интеллектуального к чувственному вводится союзом «но» третьего стиха VIII строфы. «Наука страсти нежной» в стихе 9 ведет к Овидию, и возникает явная автобиографическая реминисценция в виде вводного отступления о ссылке римского поэта в Молдавию, которой завершается VIII строфа. Волокитство Онегина Пушкин сократил до трех строф (X—XII).
- XV—XXXVI: Вот центральная часть главы, рассказ (прерываемый отступлениями) об одном дне столичной жизни Онегина. Отсутствие какого бы то ни было формально выраженного перехода между рассказом об онегинском отношении к женщинам и начале его дня в XV удивительным образом компенсируется искусственной паузой, возникающей благодаря отсутствию двух строф между XII и XV. Это обстоятельство ведет к надлежащей смене тем в повествовании, когда рассказ о дне героя вводится словом «бывало».
- XV—XVII: Ничем не прерываясь, течет повествование на разнообразные темы (XV, 9—14 — утренняя прогулка; XVI — обед; XVII — отъезд в театр).

XVIII—XX Элемент пушкинского участия. Ностальгическое отступление о театре открывает строфу XVIII, которая заканчивается лирическим воспоминанием о времяпровождении автора за кулисами в ныне запретном для него городе («там, там .. молодые дни мои неслись» — вторящим в более меланхолическом ключе завершающему двестишию в II). Далее следует автобиографическая строфа XIX с ностальгическим воскрешением образов театральных богинь и предчувствием перемен и разочарования. В XX строфе эти театральные воспоминания как бы кристаллизуются. Пушкин опережает Онегина и первым входит в театр, где следит за выступлением Истоминой, которое заканчивается к моменту появления Онегина в следующей строфе. Тут использован прием «обгона» (он будет повторен в XXVII). Естественный переход от Пушкина к Онегину получает изумительное временное и интонационное выражение.

XXI—XXII. Продолжается перечисление действий Онегина. Театр ему надоел. Французские амур и франко-китайские драконы еще вовсю скачут по сцене, а уж Онегин уходит и едет домой переодеться.

XXIII—XXVI. Пушкин, все еще в виде бесплотного действующего лица, исследует онегинский кабинет. Тема эта формально вводится испытанным временем риторическим вопросом «Изобразю ль...?». В вводной части шутливых философствований в XXIV, 9—14 упоминается Руссо, затем в катрене следующей строфы возникает та же тема («Обычай деспот меж людей», банальность, прорывающаяся в различных формулировках то тут, то там по ходу романа). Строфа XXVI содержит «профессиональное» отступление, в котором говорится о весьма осуждаемом использовании иноплеменных слов в русском языке. Осознанное пристрастие поэта к галлицизмам будет вновь упомянуто в замечаниях, предшествующих «Письму Татьяны к Онегину», в гл. 3 и в гл. 8, XIV, 13—14.

XXVII. Повторяется прием «обгона». Пушкин слишком долго задержался в кабинете нашего щеголя, описывая его читателю, и Онегин раньше него отправляется в особняк, где бал уже в полном разгаре. Звучит риторический переход: «Мы лучше поспешим на бал», и Пушкин несется туда бесшумно, летучей мышью, и, обогнав своего героя (XXVII, 5—14), первым оказывается в освещенном доме, точь-в-точь как недавно первым очутился в театре.

XXVIII. Засим является Онегин. О его присутствии на балу говорится только здесь, а также — ретроспективно — в строфе XXXVI.

XXIX—XXXIV. Эти шесть строф, полные стилизованной автобиографичности, содержат самое яркое отступление первой песни. Назовем его «отступлением о ножках»*. Естественный переход ведет к нему от XXVIII, 10—14, где намечаются две темы. (1) пламенные взоры, следящие за хорошенькими ножками, и (2) шепот модных жен. Пушкин в XXIX сначала обращается ко второй теме и развивает ее в довольно традиционной зарисовке любовной интриги в бальной зале. После ностальгических воспоминаний о петербургских балах собственно тема ножек поднимается в XXX, 8 и прослеживается до XXXIV, со ссылками на восточные ковры (XXXI), ножки Терпсихоры (XXXII, 2—8), женские ножки в различной обстановке (XXXII, 9—14), со знаменитым описанием моря

* Здесь Набоков использует зоологический термин «pedal», относящийся к ножкам, лапкам насекомых (*Примеч переводчика*)

(XXXIII), счастливого стремени (XXXIV, 1—8) и сердитым ироническим заключением (XXXIV, 9—14).

XXXV: Отступление о ножках закрыто. «Что ж мой Онегин?» — пример типичного риторического перехода. Пушкин торопится за своим героем, возвращающимся с бала домой, но не может не остановиться, чтобы описать прекрасное морозное утро.

XXXVI: Тем временем Онегин добрался до постели и крепко уснул. В 9—14 следует риторический и дидактический вопрос: «Но был ли счастлив мой Евгений?» Отрицательный ответ дается в первой строке следующей строфы.

XXXVII—XLIV: Вереница из пяти строф (XXXIX—XLI отсутствуют) описывает онегинский сплин. Разрыв, оставленный пропущенными строфами XXXIX—XLI, производит впечатление долгой тоскливой зевоты. Онегин утратил интерес к светским красавицам (XLII) и к куртизанкам (XLIII, 1—5). Он заперся нынче дома и без всякого толку пытается писать (XLIII, 6—14) и читать (XLIV). Онегин, не способный сочинять стихи, не склонен и к прозе, и потому не попал в задорный цех людей, которому принадлежит Пушкин. Круг чтения Онегина, намеченный несколькими именами в гл. I, V и VI (Ювенал, два стиха из «Энеиды», Адам Смит), характеризуется в гл. I, XLIV обобщенно, без имен и названий, к нему будет вновь привлечено внимание в гл. 7, XXII и 8, XXXV.

XLV—XLVIII: Здесь дается больше подробностей онегинской «хандры», но основное композиционное значение этих строф состоит в сближении двух главных героев первой песни. Именно здесь (XLV) начинается их дружба. До этой строфы Пушкин лишь бесплотной тенью проносился по роману, но не выступал в качестве действующего лица. Слышался пушкинский голос, ощущалось его присутствие, когда он перелетал из одной строфы в другую в призрачной атмосфере воспоминаний и ностальгии, но Онегин и не подозревал, что его приятель-повеса присутствует и на балете, и в бальной зале. Впредь Пушкин будет полноправным героем романа, и вместе с Онегиным они в самом деле предстанут как два персонажа в пространстве четырех строф (XLV—XLVIII). Общие их черты подчеркиваются в XLV (различия будут отмечены позже — хотя нам уже известно, что Онегин не поэт); притягательный сарказм Онегина описан в XLVI, а в XLVII—XLVIII оба героя наслаждаются прозрачной северной ночью на набережной Невы. Ностальгические воспоминания о прежних влюбленностях и звуки рожка с Невы ведут отсюда к редкостному по красоте отступлению из двух строф.

XLIX—L: Это третье обширное лирическое отступление (см. мой комментарий по поводу венецианских аллюзий). В набегающих, точно волны, стихах оно усиливает ноты ностальгии и изгнания II, VIII и XIX строф. Кроме того, оно по-новому подчеркивает разницу между двумя героями — между сухой, прозаической ипохондрией XVIII в., присущей свободному Онегину, и богатой, романтической, вдохновенной тоской ссыльного Пушкина (его духовной жаждой, отличной от диспепсии повесы-ипохондрика). Следует особо отметить пушкинский порыв умчаться в экзотическую свободную страну, сказочный край, баснословную Африку с единственной целью — мучительно сожалеть там о сумрачной России (той самой стране, которую он покинул), сочетая таким образом новый опыт и сохраненные воспоминания в синтезе художественной переоценки.

В Одессе 1823 г. Пушкин (см. его собственное примечание к L, 3) все еще мечтает посетить Венецию (XLIX) и Африку (L), как он, очевидно, мечтал и раньше, во время прогулок с Онегиным в первую неделю мая 1820 г., судя по очень естественному переходу, открывающему LI: «Онегин был готов со мною / Увидеть чуждые страны; Но...»

LI—LIV: Теперь пора вернуться к теме I—II. Пушкин и Онегин расстаются, а мы, обогащенные сведениями о детстве, юности и рассеянной жизни Онегина в Петербурге, вновь присоединяемся к нему по пути из столицы в имение дяди. «И тем я начал мой роман», — замечает Пушкин в «профессиональной» реплике «в сторону» (LII, 11). Онегин приезжает в имение, где узнает о смерти старика (LII, 12—14). Поселяется в деревне (LIII, 9). Сначала сельская жизнь его занимает, потом вновь начинает одолевать скука. Сельские прелести, перечисленные в LIV как причина онегинской хандры, обеспечивают естественный переход к автобиографическому и «профессиональному» отступлению в шести строфах, завершающих главу (LV—LX).

LV—LVI: Пушкин противопоставляет сплину своего друга собственную, насыщенную творчеством, любовь к деревне, которую он превозносит как лучшую обитель для своей Музы. В LVI разность между стилизованным Пушкиным, блаженно мечтающим в идиллических дубравах, и Онегиным, предающимся в деревне хандре, используется, дабы подчеркнуть, что наш автор не разделяет байроновской прихоти отождествлять себя с героем. Ссылка на «насмешливого читателя» и издателя «замысловатой клеветы» представляет собой еще один штрих к раскрытию «профессиональной» темы в этой строфе.

LVII—LIX, 1—12: Полулирическое, полулитературное отступление, в ходе которого Пушкин объясняет, как творит его вдохновение. Строфа LVII (которая найдет великолепный отклик и будет усилена в гл. 8, IV и в «Путешествии Онегина», XIX) включает в повествование еще две библиографические ссылки — на «Кавказского пленника» и «Бахчисарайский фонтан», сочиненных Пушкиным в годы между созданием поэмы «Руслан и Людмила» (законченной в 1820 г.) и «Евгением Онегиным» (начатым в 1823 г.).

LIX, 13—14 и LX, 1—2: Несколько неожиданная «профессиональная» реплика «в сторону». Пушкин обещает написать большую поэму, не связанную с *ЕО* (сходное обещание — на этот раз написать роман в прозе — будет дано в гл. 3, XIII—XIV).

LX, 3—14: Между тем поэт закончил первую главу настоящего романа и под псевдоклассический аккомпанемент напутствий и предчувствий посылает ее на север, к «невским берегам», об удаленности которых уже упоминалось в II. Так элегантно завершается песнь.

Глава вторая

Глава вторая состоит из сорока строф, две строфы (VIII и XXXV) не закончены, в одной содержатся только первые девять стихов, в другой — первые четыре и последние три. Время действия — июнь 1820 г.; место — район лесостепи, расположенный примерно в 250 милях к юго-востоку от Петербурга и в 200 милях к западу от Москвы, приблизительно на пересечении 32° восточной

долготы и 56° северной широты (то есть примерно в 150 милях к юго-востоку от Михайловского, куда Пушкину в августе 1824 г. суждено было приехать на два года из Одессы и сочинить там следующую песнь)³. Вымышленные поместья в *ЕО* — это четыре имения (с деревнями, населенными крепостными), каждое из которых расположено в нескольких милях от другого: богатое имение Ленского (Красногорье, как оно названо в главе шестой), в 3 милях от него имение Зарецкого (преобразившегося буяна из той же шестой главы), «замок» Онегина с обширными земельными угодьями и сравнительно скромное имение Лариных с господским домом, который называют «бедным жилищем» и в котором легко размещаются на ночлег пятьдесят гостей.

Пушкину вторая глава виделась посвященной Ленскому, выпускнику Геттингенского университета и посредственному поэту; и действительно, вся песнь раскручивается вокруг деревенского соседа Онегина, но в структурном плане ее центральная часть — пусть связанная с Ленским, исходящая от Ленского и вновь к нему возвращающаяся — повествует не о самом Ленском, а о семействе Лариных. Пятнадцать строф (VI—XX) отведены характеристике Ленского и его дружбе с Онегиным, за ними, как по ступенькам, читатель идет по ряду из семнадцати строф (XXI—XXXVII): от возлюбленной Ленского к ее сестре Татьяне; от любимых романов Татьяны к характеристике ее родителей; от сентиментального образования ее матери к жизни Лариных в деревне; от нее к смерти бригадира Ларина; от этой смерти к посещению Ленским кладбища; что, в свою очередь, ведет к эсхатологическому и «профессиональному» эпилогу в три строфы. Вся эта замысловатая сюжетная вязь, трактующая тему Лариных и Ленского, связывающая Аркадию со смертью и мадригалы с эпитафиями (таким образом предвещая сквозь туманный, но отшлифованный кристалл смерть самого Ленского в главе шестой), предваряется идиллическим описанием пребывания Онегина в деревне (I—V).

Развитие тем второй главы

I—V: Рассказ о переезде Онегина в деревню (гл. 1, LI—LIV) продолжается; обобщенная «rus»* (гл. 1, XLIV—XLVI) незаметно приобретает теперь приметы стилизованной Руси. Строфы I—II приводят нас в «замок»; III характеризует покойного дядю Онегина; IV описывает попытки Онегина улучшить положение крестьян и тем самым излечить свою хандру; далее следует V, в которой говорится об отношении соседских помещиков к молодому столичному франту и его новомодному либерализму.

VI—XX: Столь же суровая критика (так происходит переход к следующей теме) относится и к Ленскому, другому молодому либералу, который только что вернулся в свое имение из немецкого университета. В строфах VII—XII описываются его характер, образ жизни, занятия в той же среде мелкопоместного сельского дворянства. В строфах XIII—XVIII Онегин и Ленский сводятся вместе и сравниваются. А в строфах XIX—XX Пушкин воспеваает любовь Ленского, подражая стихотворной манере молодого поэта, что подводит нас к Ольге и ее семье — центральной теме главы. Пушкинское участие в этой главе в основном философично: по духу он близок Онегину; они оба ведут себя как пресыщенные,

* Здесь. деревня (*лат*).

эксцентричные светские львы по отношению к тому, что трогает Ленского. В XIII, 13—14 и XIV, 1—8 дружба, излюбленная тема того времени, характеризуется голосом Пушкина, Споры Ленского с Онегиным в XV—XVII приводят Пушкина к философскому пассажи о страстях (XVII—XVIII). Интонации XVII, 6—14 повторяются еще раз в шестой главе в авторском надгробном слове на смерть Ленского. Ряд «профессиональных» ремарок о луне, о героинях романов и женских именах служит средством переключения на центральную тему главы — семейство Лариных. Кроме рассуждений, связанных с игрой в куклы, в конце строфы XXVI и двустушия о привычке в конце строфы XXXI, авторский голос почти не слышен до самого конца этой песни.

XXI—XXXIII: Структурная сердцевина второй главы состоит из тринадцати последовательно расположенных строф, изображающих семейство Лариных.

XXI: Восемнадцатилетний Ленский влюблен в девушку шестнадцати лет по имени Ольга, подругу своих детских игр. Их отцы, которые умерли, когда Ленский был в Геттингене, давно прочили детям свадьбу.

XXII: Строфа в элегической манере Ленского описывает внушенную Ольгой поэтическую любовь.

XXIII: Тип Ольгиной красоты наводит на Пушкина тоску в главе второй, как и на Онегина в главе третьей. В строфе пародируется стиль, которым романист мог бы приняться за описание своей героини. Затем следует риторический переход.

XXIV: Переключение от сентиментализма к романтизму, от розовощекой веселой Ольги к бледной, задумчивой Татьяне. Несмотря на офранцуженность сознания, Татьяна, благодаря своему душевному складу, оправдывает (в главе пятой) те фольклорные ассоциации, которые рождает ее имя.

XXV—XXVII: Описывается полное мечтаний детство Татьяны. (Обратите внимание на перенос из XXVI в XXVII строфу, прием, который воспринимается Пушкиным как характерная черта новой, то есть «романтической» манеры.) Еще более дивные межстрофические переносы не раз встретятся при описании Татьяны в гл. 3, XXXVIII—XXXIX, когда она летит в сад, дабы избежать встречи с Онегиным, и в гл. 5, V—VI, в технически безупречно выполненном переносе, когда небесное знамение повергает ее в дрожь.

XXVIII: Хотя упоминание «балкона» не несет здесь особой смысловой нагрузки, эта строфа подготавливает формирование образа Татьяны (который позже, в конце гл. 8, XXXVII, будет ретроспективно возникать перед Онегиным: она сидит у окна, погруженная в мечты, и вглядывается в туманную даль).

XXIX: Здесь начинает пульсировать тема, которая будет полностью раскрыта в гл. 3, IX, — любимые книги Татьяны. Ее библиотека, хоть и не отнесенная впрямую к определенному времени, наверняка включает книги добайроновского периода, особенно сентиментальные эпистолярные романы XVIII в. Тут Пушкин вводит тему романов, но для того лишь, чтобы перейти от Татьяны к ее матери, которая хоть и не была столь жадна до чтения, как дочь, тоже когда-то искала в «реальной жизни» героев Ричардсона. Переход-перенос ведет нас к следующей строфе.

XXX: Описывается юность госпожи Лариной. Она была влюблена в лихого молодого гвардейца.

XXXI: Но ее выдали замуж за более прозаическую личность — мирного помещика.

XXXII: Деревенские заботы...

XXXIII: ...сменили увлечения московской юности. Преображение манерной девицы в помещицу в чепце сравнимо с потенциальным будущим Ленского (покойное погружение в сельскую рутину после идиллической молодости), подсказанным Пушкиным в гл. 4, L и особенно в гл. 6, XXXIX.

XXXIV—XXXV: Описание старинных привычек и обычаев Лариных.

XXXVI: «И так они старели оба». Эта интонация ведет нас через восхитительный переход к теме смерти и рока, лейтмотиву образа Ленского. Ларин умирает, и по надгробной надписи мы узнаем его имя. Надпись эту читает Ленский.

XXXVII: Внутренний круг замкнулся. Посредством ряда структурных переходов (от Ленского к его возлюбленной Ольге, от Ольги к Татьяне, от Татьянинных книг к красавцу, в которого была влюблена ее мать, от красавца к мужу, от зрелости к смерти, от умершего Ларина к еще живущему Ленскому) мы вновь возвращаемся к Ленскому. Он цитирует строчку из французского переложения «Гамлета» и пишет Ларину «надгробный мадригал», последнее словосочетание идеально передает слияние двух связанных с Ленским тем: ранней смерти и недолговечных стихов.

XXXVIII, 1—3: Он также сочиняет надпись на могилу своих родителей.

XXXVIII, 4—XL: Эти строфы, завершающие главу на личной высокоэмоциональной ноте, связаны с темами рока и забвения, которые придают трансцендентальный пафос пресному образу Ленского.

Глава третья

Глава третья включает сорок одну строфу и отрывок со свободной схемой рифмовки в семьдесят девять стихов — «Письмо Татьяны к Онегину», а также «Песню девушек» из восемнадцати хорейских стихов. Центром главы является письмо Татьяны. Письмо предваряют двадцать пять строф (VII—XXXI), постепенно подводящие к нему читателя, далее следуют шесть строф, где говорится о его отправке и последующем ожидании. Таким образом, тридцать одна строфа и центр главы, письмо, посвящены описанию любви Татьяны к Онегину, и эта основная часть песни симметрично обрамлена двумя приездами Онегина в имение Лариных. Посещение, с которого начинается глава, занимает первые шесть строф (I—VI), а посещение, которым она заканчивается, охватывает заключительные четыре строфы (XXXVIII—XXXIX, XL—XLI) с песней в середине последнего пассажа.

Следует отметить, что проповедь, прочитанная Онегиным Татьяне во время его второго визита, приводится только в середине следующей главы (гл. 4, XII—XVI)

Надобно обратить внимание на то, что в третьей главе впервые даны диалоги: всего их пять — две беседы Онегина с Ленским, два разговора Татьяны со

старой няней и небольшой обмен репликами между госпожой Лариной и Ленским

Развитие тем третьей главы

I—II и начало III, 1: Мы уже слышали онегинский голос, звучащий во внутреннем монологе, с которого начинается первая глава, в выражении скуки, которую вызывает у него театр (гл. 1, XXI, 12—14), и в размышлениях о восторженности Ленского (гл. 2, XV, 8—14). Мы слышали и голос Ленского в небольшом монологе, произнесенном на могиле отца своей невесты. Теперь два эти голоса звучат вместе в первом диалоге романа. Но здесь и завязка печальной судьбы Ленского. затягивается первый роковой узел. Онегин, чтобы разогнать скуку, решает отправиться вместе с другом в гости к Лариным, а уж далее за дело берется судьба. Время действия — середина лета 1820 г.

III: Описание их визита. Пушкин, по каким-то ему одному ведомым причинам, вычеркнул последние шесть стихов строфы.

IV—V Второй диалог между Онегиным и Ленским по дороге домой. Онегин скучает ничуть не меньше Ленский сравнивает Татьяну со Светланой Жуковского. Онегин ужасающе грубо отзывается об Ольге. Ленский оскорблен. Предполагается, что это первое небольшое разногласие вскоре будет улажено (ни следа не останется от него шесть месяцев спустя, в конце четвертой главы, когда в другом разговоре двух молодых людей вновь свободно упоминается имя Ольги).

VI. Общее впечатление, произведенное появлением Онегина у Лариных.

VII—VIII. Впечатление, произведенное им на Татьяну. Это страстная любовь с первого взгляда. Заметим, что Татьяна даже не говорила с ним, а молча сидела у окна.

IX—XIV. Эти шесть строф образуют важное «профессиональное» отступление. Пушкин использует состояние мыслей и души Татьяны как естественный переход (IX, 1. «Теперь с каким... вниманьем») к рассуждению о романах. В строфе X вводится тема письма к герою (она будет отдельно рассмотрена в XXI—XXXVI). В IX—X перечисляются книги, которые Татьяна читает во французском оригинале или переводе (тема, уже открытая в гл. 2, XXIX) Ее любимые романы — «Юлия» Руссо, «Матильда» госпожи Коттен, «Валери» баронессы Крюднер, «Дельфина» госпожи де Сталь, «Страдания молодого Вертера» Гёте и два романа Ричардсона — «Грандисон» и «Кларисса» (последние уже упоминались в гл. 2, XXIX—XXX).

Юная читательница Татьяна отождествляет себя с героинями, а Онегина — с героями этих романов. Но автор *ЕО* отмечает, что его Онегин совсем не похож на сэра Чарльза Грандисона (X, 13—14).

После перечня всех этих персонажей в строфах IX—X Пушкин (в строфе XI) сжато характеризует сентиментальные романы XVIII в., которые все еще читает уездная барышня Татьяна в 1820 г., и переключает свое внимание (в XII) на произведения романтические, популярные «нынче», то есть в 1824 г., у более искушенных молодых девиц. Речь идет о сочинениях Байрона во французском переводе, о романе «Мельмот-Скиталец» Мэтьюрина, также во французском

переводе, и романе «Жан Сбогар» французского подражателя Байрона — Нодье. В следующих строфах, XIII—XIV, Пушкин обещает читателям, что на закате своих дней напишет семейный роман в прозе с русским (а не заимствованным у чужеземцев) сюжетом. В конце XIV лирическое воспоминание автора о прошлой любви завершает отступление о романах.

XV—XVI: «Татьяна, милая Татьяна!» — этим риторическим обращением Пушкин вновь возвращается к своей героине и описывает ее блуждания по аллеям сада, ее мечты, ее одержимость Онегиным. Далее следует картина наступившей ночи и третий диалог главы.

XVII—XXI: Татьяна разговаривает со старой няней в своей комнате; в конце она просит дать ей перо и бумагу. Все очевиднее начинает вырисовываться письмо к Онегину. В ходе разговора резко очерчивается контраст между романтической влюбленностью Татьяны и воспоминаниями овдовевшей няни о своей прозаической свадьбе, сыгранной по крестьянским обычаям. (Отметим, что с чисто психологической точки зрения нет большой разницы между няниной свадьбой и таким же «традиционным» союзом Полины и помещика Ларина, как он описывается в гл. 2, XXXI, или великосветским браком Татьяны и богатого князя N в конце романа.) Письмо к Онегину фактически написано к концу строфы XXI. «Для кого ж оно?» — задает Пушкин риторический вопрос и переходит к длинному «профессиональному» отступлению.

XXII—XXXI: Десять строф, ведущие к тексту письма Татьяны, составляют одно из самых длинных отступлений в романе. Оно имеет двойную цель и поднимает две проблемы: проблему содержания и проблему формы. Цель XXII—XXV строф — объяснить поступок Татьяны, сравнив ее искреннюю и пылкую душу с душой холодных светских красавиц (XXII) или капризных кокеток (XXIII), которых Пушкин и Онегин знавали в Петербурге (автобиографическая нота, напоминающая гл. 1, XLII, в которой Онегину наскучили причудницы большого света); а цель XXVI—XXXI строф — объяснить, что текст письма, который будет вскоре представлен на суд читателю, есть лишь пересказ русскими стихами французской прозы Татьяны.

Обсуждаются «профессиональные» проблемы перевода (XXVI—XXXI). Татьяна, как и другие дворянские дочери ее времени, «по-русски плохо знала», ее речь была «небрежным лепетом» с примесью галлицизмов, которую наш поэт находит гораздо более очаровательной, чем педантизм «синих чулков». В XXIX в памяти поэта возникают «Душенька» Богдановича, писанная в виде подражания легкой французской поэзии, и нежные пьески Эвариста Парни (которому Пушкин явственно подражает в строфе XXV). Строфа XXX посвящена поэту Баратынскому, коего Пушкин (совершенно необоснованно) полагает лучшим специалистом, чем он сам, по части переложения девических галлицизмов на русский ямб. И наконец, в XXXI обе проблемы — содержания и формы — сливаются, и текст письма вводится посредством изящной метафоры (великая музыка и ее исполнение заплетающимися ученическими пальцами).

«Письмо Татьяны к Онегину» содержит семьдесят девять стихов. Его текст расположен между строфами XXXI и XXXII. Татьяна имитирует стиль любовных посланий ее любимых романов, а Пушкин перелагает его на русский четырех-стопный ямб.

- XXXII. Прелестное описание обнаженного плеча Татьяны и рассвета. Ночь прошла под знаком написанного любовного письма (в пятой главе через полгода другая ночь пройдет в ужасном пророческом сне).
- XXXIII—XXXV: Еще один разговор со старой няней, которую Татьяна просит отослать письмо к Онегину.
- XXXVI: Ответа нет. (Отклик прозвучит в главе восьмой, когда на свое письмо будет ждать ответа Онегин.) На следующий день приезжает Ленский, и происходит короткий разговор между ним и госпожой Лариной, которая спрашивается об Онегине.
- XXXVII: Вечерний чай. Татьяна стоит, задумавшись, перед окном и чертит на запотевшем стекле вензель «ОЕ».
- XXXVIII—XXXIX: Приезжает Онегин, но, прежде чем он входит в дом, Татьяна через другие сени бросается на двор, оттуда — в сад и (в изумительном межстрофическом переносе) падает на скамью (XXXIX, 1). Неподдалеку крепостные девушки собирают ягоды, звучит их песня (восемнадцать стихов трехстопного хоря с длинными стиховыми окончаниями).
- XL: Татьяна ждет с трепетом, предчувствуя ужасное, но Онегин не появляется.
- XLI: Наконец, она вздыхает, встает со скамьи, поворачивает в липовую аллею — и тут прямо перед ней возникает Евгений. Строфа и вместе с ней песнь оканчиваются «профессиональным» замечанием, заимствованным из западных рыцарских романов в стихах: «Мне должно после долгой речи / И погулять и отдохнуть: / Докончу после как-нибудь».

Глава четвертая

Если глава третья с ее в высшей степени функциональными отступлениями и энергичным потоком событий являет собой наиболее гармонично слаженную конструкцию с отточенным корпусом и симметричными крыльями, то глава четвертая, напротив, может сравниться с седьмой по слабости композиции и плохо сбалансированным отступлениям. Она состоит из сорока трех строф (из которых одна не завершена): VII—XXXV, XXXVII (прерывающаяся на 5/8 стиха 13) и XXXIX—LI. Пушкин видел ее стержнем тему сельской жизни, продолжающей в ином ключе тему «rus» Горация гл. 1, LII—LVI и гл. 2, I—II. (Следует, между прочим, отметить, что теперь праздная жизнь Онегина в деревне так же приятна, как и та жизнь, которую описал Пушкин в первой главе с единственной целью: *продемонстрировать различие* между собой и героем.) Но сельская тема появляется лишь в конце песни (XXXVII—XLIV) и предваряется на редкость неровной последовательностью подтем, среди которых композиционно важный монолог Онегина (XII—XVI), продолжающий последнюю тему третьей главы (его встречу с Татьяной), с сомнительным эффектом помещен между философскими рассуждениями о женщинах, друзьях, врагах, родне, вновь о женщинах, эгоизме, последствиях свидания героев (XXIII—XXIV), любви Ленского, альбомах, элегиях, одах и довольно унылой жизни самого Пушкина в деревне (XXXV). Последнее размышление, тем более в сочетании с последующим рассказом об онегинском наслаждении деревенской жизнью, произвольным образом меняет

ситуацию, столь однозначно обрисованную в первой главе, на прямо противоположную (Онегину фактически присущ теперь стиль жизни Пушкина в Михайловском¹). Тема Ленского, следующая за сельской темой, завершает песнь несколькими прекрасными строфами (см. особенно две последние: L—LI), повторяющими роковые мотивы гл. 2, XXXVI—XL.

Развитие тем четвертой главы

VII—VIII: Пушкин благоразумно исключил первые шесть строф полулирического, полудидактического, а в целом посредственного рассуждения о женщинах, которые открывают четвертую главу. В результате оставленные две строфы несколько исправляются с точки зрения структуры, вторя интонации внутреннего монолога гл. 1, I, особенно потому, что следующая за ними строфа вводится посредством подобного же перехода.

IX—X: «Так точно думал мой Евгений» (ср.: гл. 1, II — «Так думал молодой повеса»). Отношение Онегина к женщинам, ярчайшим проявлением которого стал отказ от них в гл. 1, XLIII, приводится вновь вместе с запоздалым сообщением, что его рассеянная столичная жизнь длилась восемь лет (то есть с мая 1812 г. по май 1820 г.).

XI: Переход, выраженный в слове «но», влечет за собой болезненный укол чувственных воспоминаний, который испытал Онегин, получив послание Татьяны, и решение не дать ходу тому, что в своем письме в восьмой главе он назовет «милой привычкой». А риторический переход «Теперь мы в сад перелетим, / Где встретила Татьяна с ним» ведет к монологу Онегина.

XII—XVIII, 3: Он читает Татьяне мораль о свойственной молодости неосторожности и недостатке самообладания. Они идут назад к дому. Дидактический переход «Вы согласитесь, мой читатель, / Что очень мило поступил...» открывает дорогу еще одному авторскому отступлению.

XVIII, 11 — XXII: Обращение к онегинским «врагам» (от которых автор защищает своего героя, отмечая благородство его души) приближает непринужденный переход к теме: «Врагов имеет в мире всяк, / Но от друзей спаси нас, Боже!» (XVIII: 11—12). В XIX говорится, что «друзья» всегда горазды пустить о нас сплетню, и следующий переход таков. ваш друг, конечно, говорит, что любит вас, как родной, — что ж, давайте разберемся, кто такие родные. Родные рассматриваются в XX, затем Пушкин обращается к женскому непостоянству (XXI). Наконец, в XXII задается риторическим вопросом: «Кого ж любить?» — и отвечает: себя, на чем это дидактическое отступление из пяти строф заканчивается.

XXIII—XXIV: Риторический вопрос: «Что было следствием свиданья?» — снова приводит нас к Татьяне, и в XXIV, 8 возникает любопытный переход, напоминающий гл. 2, XXIII, 13—14 с приемом «Позвольте мне .. / Заняться старшей сестрой». Там наше внимание было переключено с банального на необычное, с Ольги на Татьяну, здесь — с грустного на веселое, с Татьяны на Ольгу.

XXV—XXVII: Итак, мы занялись Ольгой и Ленским на протяжении нескольких строф, повествующих об их прогулках по саду, чтении и игре в шахматы.

Семейный роман, который Ленский читает Ольге вслух (XXVI), принадлежит к тяжеловесным моралистическим сочинениям, из тех, что могли выйти из-под пера, например, немецкого романиста Августа Лафонтена (читанного в России во французских переложениях). Гениальный французский писатель Шатобриан упоминается — не совсем к месту — в XXVI, 4. А в строфе XXVII Ленский украшает Ольгин альбом, описание которого обеспечивает естественный переход к отступлению об альбомах.

XXVIII—XXXI: Пушкину нравятся альбомы уездных барышень (XXIX), и он ненавидит модные альбомы светских красавиц (XXX). Появляются имена художника Федора Толстого и поэта Баратынского (XXX, 6—7). Переход к следующей теме подготовлен упоминанием «мадригалов», которых ожидают от поэта для своих альбомов блистательные дамы.

XXXI: Но Ленский пишет не мадригалы (см., однако, гл. 2, XXXVII), а элегии, и тут Пушкин обращается к еще одному современному поэту — Языкову. Его элегии, как и элегии Ленского, документально отражают судьбу их автора. От слова «элегия» мы переходим к следующей теме.

XXXII—XXXIII: Но тише! Некий строгий критик (в котором легко угадывается лицейский товарищ Пушкина поэт Кюхельбекер) советует бросить писать элегии и обратиться к оде. Пушкин не хочет принимать ни одну из сторон, но напоминает критику в четко выстроенном небольшом диалоге (занимающем XXXII, 5—14 и XXXIII, 1—12 с изящным переносом между этими двумя строфами), что поэт Дмитриев (четвертый поэт-современник, упомянутый или подразумеваемый на протяжении четырех же строф) в своей знаменитой сатире высмеял сочинителей од. Теперь переходом оказывается слово «ода».

XXXIV. Пожалуй, Ленский и писал бы оды, да только Ольга не читала бы их. Блажен, кто читает возлюбленной собственные стихи.

XXXV. Простой переход «Но я [читаю свои стихи только] старой няне» ведет к автобиографическому описанию деревни, в середине которого возникает «профессиональная» аллюзия на трагедию «Борис Годунов», которую сочинял Пушкин в то время (1825 г.). XXXV строфой кончается длинное, сложное отступление на литературные темы, запущенное упоминанием альбома Ольги в XXVII, — всего восемь строф, связанных с литературными вопросами. Некий общий переход к сельской жизни Онегина обеспечивается на этот раз ссылкой на сельскую жизнь Пушкина (XXXV и опущенная XXXVI). Далее следует переход риторический.

XXXVII, XXXIX. «А что ж Онегин?» Повествуя о жизни Онегина в деревне летом 1820 г., Пушкин описывает собственные деревенские развлечения и привычки лета 1825 г. Он исключил из напечатанного текста самый конец строфы XXXVII и всю строфу XXXVIII.

XL—XLIII: Непринужденный переход («Но наше северное лето, / Карикатура южных зим») ведет к картинам осени и зимы. «Профессиональная» нота выражена в шутливой фразе об ожидаемых рифмах (XLII, 3—4) и совете зазимовавшим в деревенской глуши почитать на досуге французского публициста Прадта или роман «Уэверли» (естественно, во французском переводе)⁴.

XLIV—XLIX. Описание обычного обеда героя в обычный зимний день подготавливает приезд Ленского. Пушкинское мысленное участие в сумеречном обеде подразумевается в авторском отступлении, посвященном винам (XLV—XLVI). Риторический переход в конце XLVII («Теперь беседуют друзья») вводит диалог Онегина и Ленского (XLVIII—XLIX). И общее представление о «деревенской зиме», постепенно сужаясь, сводится к одному определенному дню. На следующей неделе в субботу — именины Татьяны. День святой Татьяны отмечается 12 января. Следующая глава начинается 2—3 января. Стало быть, разговор друзей происходил не позднее 2-го. Непринужденная беседа о винах приобретает роковой оттенок: если бы Ленский забыл передать Онегину приглашение Лариных на именины, если бы Онегин не захотел его принять, не произошло бы размолвки в пятой главе и дуэли в шестой.

L—LI: Ленский весел. Он знает, что лишь две недели отделяют его от свадьбы. На деле же чуть меньше времени отделяет его от гибели. Лирическое восклицание «Мой бедный Ленский», полное подчеркнутой грусти, отзовется в L, 13 и будет повторено в начальных стихах двух строф (X и XI) главы седьмой, когда Ленского похоронят, а Ольга выйдет замуж. Надобно еще отметить контраст между восторженным влюбленным Ленским и утомленным, пресыщенным персонажем (некоей тенью Онегина или стилизованным Пушкиным), который, как свидетельствуют последние две строфы четвертой главы, рассматривает брак в терминах нудных дидактических романов Лафонтена (см. XXVI) и не способен испытывать ни восторженного головокружения, ни блаженного забвения.

Глава пятая

Пятая глава состоит из сорока двух строф: I—XXXVI, XXXIX—XLII, XLIV—XLV. Она формально безупречна и является одной из двух наиболее красочных глав романа (наряду с первой). Два ее взаимосвязанных сюжета — это сон Татьяны (одиннадцать строф, XI—XXI) и празднование именин (восемнадцать строф, с XXV до конца главы). Сон предсказывает, что будет на именинах. Между этими двумя событиями расположено описание сонника. Десять строф, с I по X, образующие гармонически перетекающую из строфы в строфу прелюдию к рассказу о сне, начинаются с описания зимы (I—III), а затем рисуют ряд картин, иллюстрирующих обычаи святочного гадания и достигающих кульминации в зловещей фантазии сна Татьяны. Ощущение сна пронизывает празднование именин и, позже, дуэль. (Между прочим, не напрасно ли тратить столько сил и приглашать пятьдесят гостей отмечать Татьянин день 12 января, когда все семейство Лариных должно бы готовиться к свадьбе Ленского и Ольги, назначенной на 15 или 16 января?)

Центральной темой *ЕО*, как по значимости, так и по фактическому расположению в тексте, является тема предзнаменований. Она намечена мотивом «цветенья-провиденья», пронизывающим вторую главу (с монологом Ленского на могиле Ларина, предвосхищающим интонации его последней элегии, собственного «надгробного мадригала» в главе шестой), проникает в главу пятую в середине романа и откликается в гл. 8, XXXVI—XXXVII, где Воображенье встречает Онегина за столом судьбы и мечет свой фараон.

Развитие тем пятой главы

I—III: В предыдущей главе зима уже наступила; ноябрь был описан в гл. 4, XL, далее следовали декабрьские морозы. Первый снег, о котором говорилось в конце гл. 4, XLII, оказался мимолетной порошей, и только сейчас, в I строфе главы пятой, 2 января 1821 г. изображается снегопад, одеялом покрывший землю. Встав утром 3 января, Татьяна видит побелевший двор. Строфа II напоминает прелестный зимний пейзаж фламандской школы — продолжение ноябрьского и декабрьского пейзажей, нарисованных в гл. 4, XLI—XLII. Строфа III содержит обращение к «профессиональным» темам. В ней упоминаются имена двух литераторов, друзей Пушкина, — поэта Вяземского (о котором еще раз пойдет речь в гл. 7, XXXIV, 1 и чье имя опять встретится в гл. 7, XLIX, 9—11) и поэта Баратынского (упоминавшегося ранее, в гл. 3, XXX и 4, XXX, 7).

IV—X: Эти семь строф связаны со святочными гаданиями, происходящими между Рождеством и Крещением (6 января). Они облегчают переход к пророческому сну Татьяны. Недолгие дидактические раздумья о младости и старости в VII, 5—14 говорят о присутствии автора, так же как и «профессиональное» сравнение в X, 5—8, в котором вновь упоминается Светлана Жуковского (см. гл. 3, V и гл. 5, эпиграф). Татьяна кладет свое зеркальце под подушку и ждет необыкновенного сна. Я бы датировал эту ночь 5 января.

XI—XXI, 6. Сон. Он содержит несколько интересных структурных элементов. Кипучий поток — это преувеличенный во сне идиллический ручей у скамьи, на которую упала Татьяна, убегая от Онегина в гл. 3, XXXVIII, 13. Рядом с маленьким притоком этого идиллического ручья похоронят Ленского в гл. 6, XL, 9. Та же речушка (или ручей) символически разделяет Татьяну и Онегина. Она переходит его во сне с помощью большого медведя, оказавшегося Онегину кумом, точно так же, как по-медвежьи толстый генерал, муж Татьяны, появляющийся в восьмой главе, оказывается онегинским родней и другом. Чудовища из сна, сидящие за столом, где хозяйничает Онегин, тематически повторяются в образах ряженных гротескных гостей на именинах Татьяны. Предсказывается ссора Онегина с Ленским, и Татьяна в ужасе просыпается.

XXI, 7—14. Утро. Вместо старой няни с чаем (как в гл. 3, XXXIII, в то летнее утро после ночи, проведенной за письмом к Онегину) в комнату Татьяны вбегает Ольга и спрашивает: «Кого ты видела во сне?» Переход к следующей теме таков: но та — Татьяна — ее не замечает.

XXII—XXIV. Она погружена в книгу, толкующую сны. Описывая способ, каким Татьяна ее приобрела у бродячего книжного торговца, Пушкин по ходу дела вспоминает еще один роман госпожи Коттен — «Мальвину», героические поэмы о Петре Великом и французского писателя Мармонтеля, автора нравоучительных повестей.

XXV—XXXVI, XXXIX—XLII, XLIV—XLV: Риторический переход «Но вот» вводит вторую главную тему этой песни — именины Татьяны. Восход 12 января описывается в юмористической манере, как пародия на торжественную оду Ломоносова. Хотя добродушные трубные звуки, похоже, намеренно устанавливают контраст трагическим интонациям кошмарного сна Татьяны, их веселость оборачивается всего лишь приветной маской, и в конце XXV что-то в самом ритме приезда гостей зловеще напоминает нам ряд других действий (лай, хохот,

пенье и т. д.), описывающих поведение чудовищ на фантастическом пиру в Татьянином сне. В XXVI, 9—11 возникает литературная ссылка на Буянова, героя поэмы, принадлежащей перу пушкинского дяди. В XXIX двери раскрываются настезь: приезжают Онегин и Ленский. Это третий визит Онегина к Лариным, по крайней мере, за полгода. Кажется, его трогает ужасное замешательство Татьяны и он весьма зол на Ленского, который говорил о скромном семейном обеде, а вместо этого привез его на огромный кошмарный пир с уродами-соседями, которых Онегин избегал во второй главе. Начерченные им мысленно карикатуры, может быть, не так уж отличаются от страшилищ и чудовищ Татьяниного сна. В XXXII, когда вносят цимлянское, появляется автобиографическая метафора, связанная с девушкой, за которой ухаживал Пушкин, Зизи (полное имя Евпраксия), чьи именины совпадают с Татьяниным днем. Праздничный обед продолжается с конца XXVIII до начала XXXV. Затем гости играют в карты, а после им подают чай, и тут в «профессиональной» реплике «в сторону» (XXXVI, 9—14) Пушкин замечает, что он, пожалуй, говорит о еде и питье не меньше Гомера. Интонация начинает напоминать первую главу, с ее перечислением светских развлечений, а словечко «брегет» (верные часы), дважды встретившееся в первой главе, вновь звучит мелодичным напоминанием. В XXXIX начинается бал, который, как признается автор, он до сих пор не удосужился описать, поскольку отвлекся на рассуждения о ножках некогда любимых дам. Обещание вырвать из романа сорняки отступлений (автобиографических, «профессиональных» и философских) не вполне выполняется Пушкиным в пятой главе, хотя он ограничивается несколькими довольно краткими вставками (например, стихами, посвященными Зизи, или дидактическими наблюдениями о моде в конце XLII). Особенно любопытно отметить, что в этой песни практически нет тех резких, искусственных риторических переходов, которые встречаются в других главах: поток повествования в ней удивительно естествен. Вихрь вальса и веселый гром мазурки, звучащие теперь в XLI и XLII, появляются как некая компенсация за скудость изображения бала в гл. I, XXVIII, и с дрожью узнавания неожиданно ощущается трагическая атмосфера сна Татьяны, когда Ленский в ревнивом негодовании видит, как Онегин флиртует с Ольгой (XLIV), и, полный решимости на следующий же день вызвать Онегина на дуэль, покидает праздник (XLV).

Глава шестая

Глава шестая состоит из сорока трех строф: I—XIV, XVII—XXXVII, XXXIX—XLVI. В центре — дуэль на пистолетах между Ленским и Онегиным. Она происходит 14 января, через два дня после именин и (как подразумевается) накануне предполагаемой свадьбы Ленского и Ольги. Описание рокового утра начинается в XXIII (10—14), а к концу XXXV тело Ленского уносят с места дуэли — таким образом, основное действие занимает всего двенадцать строф. Первые три строфы продолжают тему именин, после чего начинается прелюдия к дуэли: на сцене появляется секундант Ленского (IV—XII), затем следует последняя беседа Ленского и Ольги (XIII—XIX) и его последняя поэтическая ночь (XX—XXIII). Глава завершается уже после смерти Ленского чередой философских строф (XXXVI—XXXIX), описанием его могилы (XL), прихода на могилу молодой горожанки, проводящей лето в деревне (XL—XLII), и

четырьмя заключительными строфами, в которых поднимаются темы автобиографические, как лирические, так и «профессиональные».

Развитие тем шестой главы

- I—III Ленский уехал, после ужина уезжает и Онегин. Оставшиеся гости устраиваются на ночлег в доме Лариных, разместившись от сеней до верхнего этажа. Одна Татьяна не спит; она занимает свое любимое место у освещенного луной окна. Реакция Татьяны на нежный взгляд Онегина и на его странное поведение с Ольгой описывается в III.
- IV—VII: «Вперед, вперед!» — риторически обращается Пушкин к своей истории и вводит нового героя, исправившегося буяна Зарецкого, о чьем бурном прошлом и мирном настоящем рассказывается в этих четырех строфах.
- VIII—IX: Онегин мало уважает Зарецкого, но любит с ним поговорить, и потому совсем не удивлен, когда утром 13 января Зарецкий наносит ему визит. Таков естественный переход к повествованию о вызове, который Ленский поручил своему секунданту, Зарецкому, передать Онегину.
- X—XII: В течение трех строф Онегин испытывает недовольство собой оттого, что принял вызов, а Ленский, напротив, с радостным облегчением узнает, что Онегин готов драться.
- XIII—XIX. Рассказ о последнем вечере Ленского, проведенном с Ольгой, прерывается авторской речью «в сторону» в XVIII, страстным зовом, обращенным к судьбе: если бы Татьяна знала, что Онегин и Ленский... если бы Ленский знал, что Татьяна... и так далее.
- XX—XXIII, 8: Эти три с половиной строфы посвящены последней вдохновенной ночи Ленского. Он читает вслух свои стихи, точно пьяный друг Пушкина поэт Дельвиг. Текст последнего стихотворения Ленского, обращенного к Ольге (в сущности, эпилог к тем элегиям, которые он писал ей в альбом с неперменным могильным памятником на полях), сохранил Пушкин, третий герой романа, и этот текст за вычетом первых двух стихов цитируется в XXI, 3—14 и XXII. Его положение — как бы пробное в строгом равновесии двух писем, структурно ему эквивалентных: письма Татьяны в третьей главе и письма Онегина в восьмой. Далее следует «профессиональное» рассуждение на тему того, что «романтизмом мы зовем» (XXIII, 2—4).
- XXIII, 9—XXVII: Роковое утро 14 января. Поединок назначен примерно на семь утра (см. XXIII, 13—14). Онегин выезжает к месту дуэли по крайней мере часа через полтора после Ленского, который уехал из дому около 6.30. На месте поединка Онегин появляется в строфе XXVI. «Враги стоят, потупя взор».
- XXVIII: «Враги!» — это восклицание служит традиционным переходом к другому авторскому зову, сходному по тону с тем, что звучал в XVIII. Давно ли они были близкими друзьями? Неужели они не должны помириться? Заключает строфу дидактическая критика ложного стыда (XXVIII, 13—14).
- XXIX—XXX: Первая из этих двух строф рассказывает о том, как заряжают пистолеты и отмеряют положенное число шагов; вторая — о самой дуэли.

XXXI—XXXII: Две строфы, весьма интересные с точки зрения стилистической. Пушкин описывает смерть Ленского языком, намеренно совмещающим классицистические и романтические метафоры: снеговая глыба спадает по скату гор, дыхание бури, увядание цветка на утренней заре, потухший огонь на алтаре, опустелый дом

XXXIII—XXXIV Пушкин обращается к читателю в связи с дуэлью Эти две дидактические строфы продолжают тему XXVIII

XXXV: Тело Ленского увозят с места поединка

XXXVI—XXXVII, XXXIX. Риторический переход «Друзья мои, вам жаль поэта» ведет к следующим трем строфам (четырем в рукописи), где даются различные варианты того, как сложилось бы будущее Ленского, останься он в живых.

XL: Риторический переход «Но что бы ни было, читатель» ведет к описанию могилы Ленского — скорее в Аркадии, чем на северо-западе России

XLI—XLII, 12. Пастух плетет свой лапоть рядом с могилой, молодая горожанка, проводя лето в деревне, останавливает у памятника своего коня В XLII, 5—12: Пушкин использует эту амазонку, чтобы озвучить риторический вопрос: что стало с Ольгой, Татьяной и Онегиным после гибели Ленского? И в конце XLII дается ответ: со временем обо всем будет рассказано подробно. Замечание-переход «Но не теперь» открывает последнюю вереницу строф

XLIII—XLVI В последних четырех строфах поднимаются некоторые «профессиональные» вопросы: Пушкин признается, что теперь он ленивее волочитя за шалуньей рифмой и все больше склоняется к прозе (XLIII, 5—10) Элегические затеи прошлого теперь позади (обратим внимание на появление в XLIV, 5—6 отголоска темы «ожидаемой» рифмы, образовавшей небольшое отступление в гл. 4, XLII, 3—4). Автобиографический мотив, отсутствующий в главе в целом, звучит только здесь (хладные мечты, строгие заботы, увядшая младость, благодарность прошедшей юности, надежда на новое вдохновение) Поэт покидает тихую сень деревенской жизни и заканчивает главу дидактической критикой светского омута.

Глава седьмая

Глава седьмая состоит из пятидесяти двух строф: I—VII, X—XXXVIII, XL—LV То есть она лишь на две строфы короче первой (самой длинной в романе). Пушкин считал главным ее предметом тему Москвы, которая впервые упоминается в конце XXVI Тема эта (если мы включим в нее прощание Татьяны с деревней и описание наступающей зимы) занимает почти всю вторую половину главы Первая ее половина состоит из описания весны (I—IV), приглашения в деревню, где когда-то жил Евгений (V), еще одного описания могилы Ленского (VI—VII), которая уже нам знакома по шестой главе, и сообщения о свадьбе Ольги и лихого улана (X—XII) — возможно, того самого ротного командира, с которым мы повстречались в гл. 5, XXVIII⁵. Затем речь заходит об одиночестве Татьяны (XIII—XIV), и далее следуют десять строф (XV—XXIV), которые как раз и образуют — эстетически и психологически — истинный стержень главы: рассказ о посещении Татьяной онегинского опустелого «замка» летом 1821 г.

В Москву Татьяна с матерью отправляются не раньше января 1822 г. Заканчивается песнь тем, что на московском балу весной 1822 г. на Татьяну обратил внимание ее будущий супруг. Временной элемент неотвязно присутствует в этой главе, а риторические переходы зависят от указания на определенное время года, час или продолжительность действия.

Развитие тем седьмой главы

I—III: Песнь открывается небольшой псевдоклассической зарисовкой весны (I), за которой следуют романтические раздумья, полулирические, полуфилософские, о весенней грусти. Раскрытие вешнего томления и уныния выражено в форме нескольких вопросов. Тема «прошедшей юности» четырех строф, завершающих шестую главу, теперь продолжена в гл. 7, III.

IV: С помощью риторического перехода «Вот время» Пушкин призывает самых разных людей (эпикурейцев-мудрецов, тех, кто изучает сельское хозяйство по сочинениям писателя Левшина, отцов больших семейств и чувствительных дам) использовать преимущества весенней поры и переехать в деревню.

V: Туда же автор приглашает и читателя, а деревня обретает конкретные очертания — то место, где недавно жил Онегин. Таким образом, означены два важных в структурном отношении момента: 1) Онегин здесь больше не живет; 2) в этих строфах описывается весна 1821 г., наступившая после дуэли. Мы также замечаем, что пушкинская Муза, вместе с которой читатель уже бывал в Красногорье, заменяет в каком-то смысле амазонку из гл. 6, XLI—XLII, чье любопытство на этот раз будет удовлетворено.

VI—VII: Могила Ленского описывается в том же аркадском духе, что и в гл. 6, XL—XLI. Однако весна, упомянутая в гл. 6, XLI, это еще не та конкретная весна гл. 7, VI, а обобщенный образ весны, повторяющейся из года в год. Другими словами, описание могилы Ленского выносится из шестой главы (через смены времен года и лет, когда поля уже не раз вспахали, а урожай убрали) за временные рамки конкретной весны 1821 г. Пушкин хочет соединить две идеи — идею долговечности (могила Ленского навсегда пребудет там, в бесконечной Аркадии) и идею быстротечного времени (Ольга забыла поэта, тропинка к его могиле заросла сорняками). Прошло всего несколько месяцев, и трава, выросшая в апреле, практически все та же, что скрыла тропинку после Ольгиной свадьбы и ее отъезда в Бог-весть какой гарнизонный город месяцев пять спустя после кончины бедного Ленского. Чтобы подчеркнуть идею долговечности, Пушкин вспоминает пастуха (VII, 13—14), все еще сидящего у могилы Ленского. Он присел здесь по-настоящему только сейчас, в седьмой главе. Появление пастуха в шестой, на что указывает «по-прежнему», в действительности относится к целой серии таких приходов, покрывающих и приход в седьмой главе, и последующие, уже не относящиеся к конкретной весне 1821 г.

X—XI: Обе строфы начинаются с грустного восклицания: «Мой бедный Ленский!» Ольга вышла замуж за офицера кавалерии (X). Ведает ли об этом тень Ленского? (XI). Дидактический пассаж философских раздумий о забвении и смерти с ироническими намеками закрывает XI.

XII—XIV: Ольга уехала. Долго сквозь туман смотрит Татьяна на удаляющуюся карету. (Интонация в этом месте гл. 7, XIII, 1—2 перекликается с интонацией гл. 6, XLII, 1—2, в которой выступает таинственная амазонка.) Теперь Татьяна остается наедине со своими мыслями, которых, впрочем, она никогда с Ольгой не делила; но тут, ретроспективно, это подразумевается, дабы подчеркнуть одиночество героини, — не слишком честный прием со стороны Пушкина (обманщика, как и все художники), который в этой главе ни перед чем не останавливается, лишь бы тронуть далее свою историю — и одновременно тронуть читателя.

XV—XXV, 2: Временной переход «Был вечер» вводит тему посещения Татьяной онегинского опустелого «замка». Шесть строф (XV—XX) посвящены ее первому приходу в начале июня 1821 г. и четыре строфы — остальным. Строфа XXII содержит авторское описание библиотеки Евгения с перечнем его любимых книг — «Гяура» и «Дон-Жуана» и двух-трех романов, где изображен современный человек. (Пушкин легко отбрасывает свое предыдущее утверждение, будто Онегин разочаровался в книгах и их забросил.) Пометы на полях, оставленные героем, говорят о нем Татьяне больше, чем письмо Татьяны сказало о ней Онегину. Черты онегинского карандаша и отметки ногтей помогают ей понять, что он за человек, и когда через три года они вновь встретятся, Татьяна уже осознает, что это не обворожительный бес и не ангел, а подражание модным причудам — и все же ее единственная любовь.

XXV—XXVII: Временной переход «Часы бегут» (XXV, 3) ведет к новой теме. Мать Татьяны надеется найти для дочери мужа и по совету знакомых везет ее «в Москву, на ярманку невест». Татьяна в ужасе — ее реакция описывается в XXVII. Смирненное подчинение материнской воле, несмотря на весь ужас, противоречит своенравию, которым Пушкин открыто Татьяну наделил (см., например, гл. 3, XXIV), но, с другой стороны, оно готовит нас к тому, что Татьяна согласится и с предложенным матерью выбором мужа, как ретроспективно будет объяснено в ее отповеди Онегину в главе восьмой.

XXVIII—XXIX, 7: Она прощается с любимыми деревенскими местами.

XXIX, 8—XXX. Временной переход «Но лето быстрое летит» ведет к стилизованной картине осени, а потом и зимы, ну а уж «зимняя дорога» приведет нас в Москву.

XXXI—XXXV: Пять строф рассказывают об отъезде в Москву и недельном путешествии в возке на собственных лошадях, покрывающем около двухсот миль. Прощание Татьяны со своими полями в конце XXXII, когда она покидает сельский приют ради городской суеты, не только завершает элегическую тему строф XXVIII и XXIX, но также образует перекличку со стилизованным автобиографическим прощанием, которое звучит от имени Пушкина в гл. 6, XLVI. Отступление о дорогах занимает строфы XXXIII—XXXV.

XXXVI—XXXVIII, XL: Переход «Но вот уж близко» подводит нас к въезду в Москву через западную заставу. Автобиографический мотив проникает и сюда, в XXXVI, 5—14, когда Пушкин вспоминает собственный приезд в Москву из Михайловского 8 сентября 1826 г. Двухчасовой переезд от западной заставы до восточной части города заканчивается в доме княжны Алины, фамилия которой не названа, кухни госпожи Лариной

ХLI—ХLII Эти две строфы содержат диалог кузин, не видевшихся, по крайней мере, лет восемнадцать

ХLIII Татьяна и в незнакомой обстановке занимает свое обычное место у окна.

ХLIV—LV, 2 Одиннадцать строф посвящены грустному и рассеянному дебюту Татьяны в московском свете. «Профессиональный» мотив прелестно звучит в строфе ХLIX, когда на прием к одной из многочисленных московских тетушек Татьяны Пушкин отправляет своего друга князя Вяземского, поэта, из чьих стихов первой главе предпослан эпиграф и кто уже встречался нам в романе (см. ссылку на изображение зимних картин в гл. 5, III, 6—12 и пушкинское замечание по поводу дорог в гл. 7, ХХХIV), чтобы тот занял Татьяну. В ХLIX упоминаются светские юноши, беззаботно, но выгодно служившие в Московском архиве, и один сочинитель дешевых элегий. Далее следует описание театра (L) и Дворянского собрания (LI—LIV). Слышны переключки автобиографических тем: в L возникает тема первой главы (вставное воспоминание о Терпсихоре; см. гл. 1, XIX), а в LI обращение к одной из многочисленных возлюбленных нашего поэта. В LIII Татьяна уносится мыслями назад (сидя у мраморной колонны в бальной зале), в липовые аллеи, где она предавалась мечтам об Онегине, — и тут-то две тетki подталкивают ее локтем с обеих сторон. Будущий супруг, толстый генерал, глядит на Татьяну.

LV: Будто бы неожиданно осознав, что он до сих пор не написал формального вступления к своему сочинению, Пушкин оставляет Татьяну с ее невольной победой и завершает главу забавной пародией на классическое вступление, возвращающей нас к Онегину, который явится в следующей главе после трех-летнего путешествия.

Глава восьмая

Глава восьмая состоит из пятидесяти одной строфы, из которых II (1—4) и XXV (1—8) не закончены, и послания, писанного со свободной схемой рифмовки и содержащего шестьдесят стихов — «Письма Онегина к Татьяне» (между ХХХII и ХХХIII). Структурным центром песни большинство читателей считают приход Онегина к Татьяне весной 1825 г. — десять строф, занимающих весь конец главы, за вычетом трех строф, которые формально завершают роман с прощальными словами автора к своим героям и читателям. Сам же Пушкин, однако, рассматривал в качестве основной части главы последовательность из двадцати семи строф (VI—ХХХII), рисующих великосветское петербургское общество (осенью 1824 г. по календарю романа), прерываемых размышлениями по поводу онегинского приезда в Петербург после трехлетнего путешествия и преображения Татьяны из провинциальной барышни в светскую даму: с 1822 г. она замужем за князем N (мы вспоминаем, что они познакомились в Москве в конце седьмой главы). Этот ряд «великосветских» строф достигает кульминации в письме Онегина, за которым следует описание одинокого зимнего прозябания Онегина с начала ноября 1824 г. до апрельских дней 1825 г., когда он мчится увидеть свою Татьяну. Всему этому замысловатому узору ситуаций и событий предпосланы шесть строф (I—VI), в которых главной героиней выступает пушкинская Муза.

Развитие тем восьмой главы

1—V: Тема этих первых строф не столь биографическая, сколь библиографическая. Пушкин вводит новую героиню, свою Музу, и повествует об отношениях с ней — о юношеском лицейском вдохновении, «благословении» Державина (в 1817 г.)⁶, буйных песнях на пирах своей молодости (1817—1820). В 1820 г. она следует за Пушкиным на Кавказ и в Крым (литературные ссылки в гл. 8, IV относятся к пушкинским романтическим поэмам «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан», о которых ранее говорилось в гл. 1, LVII). В гл. 8, V она сопровождает поэта в Молдавию, где речь заходит (1—9) о третьей поэме Пушкина, «Цыганы», а в конце строфы Муза становится метафизической кузиной Татьяны, душой романа, задумчивой уездной барышней в саду у Пушкина в Псковской губернии. Мы вспоминаем, что совсем недолго она сопровождала нас в онегинский сад и «замок» в гл. 7, XV.

VI—VII: Наконец, Пушкин приводит свою Музу на светский раут в Петербург и таким образом делает переход к продолжению романа. Риторический вопрос: «Но это кто в толпе избранной / Стоит..?» (VII, 5) — приводит нас к Онегину, вновь появившемуся в романе.

VIII—XI: Вот ряд дидактических строф, из которых VIII и IX продолжают риторико-вопросительные интонации VII, 5—14 и воплощают прием двухголосья: смутные и неясные иамеки на онегинские причуды, возможно притворные. Технически необходимо вызвать у читателя сочувствие к Онегину (утраченное после дуэли) и пробудить дополнительный интерес к драме, которая вот-вот развернется в этой главе. Строфы X и XI сбиваются на рассуждения об обыденном счастье среднего человека (X) и о страданиях разочарованных и бунтарских умов (XI).

XII—XIII: Переход к Онегину завершен. Здесь использован риторический оборот «вновь займуся им» (XII, 8), следующий за «профессиональным» замечанием о «Демоне», стихотворении Пушкина, в котором изображается дух скептицизма и отрицания. Эти две строфы рассказывают нам о жизни Онегина после поединка 14 января 1821 г. и до настоящего времени — осени 1824 г. Мы узнаем, что в 1821 г. ему было двадцать шесть лет и что вскоре после дуэли он отправился в длительное путешествие. (Это путешествие должно было образовать отдельную главу, но Пушкин напечатал лишь несколько отрывков в приложении к роману. Из этих отрывков мы узнаем, что Онегин между 1821 и 1824 гг. посетил Москву, Новгород, Поволжье, Кавказ, Крым и, судя по дополнительным рукописным строфам, Одессу, где в 1823—1824 гг. встретился со своим старым приятелем Пушкиным.) Нынче, в гл. 8, XIII, Онегин неожиданно оказывается на петербургском балу.

XIV—XVI, 5: Риторическое «Но вот» ведет нас к следующей сцене. Пушкин вместе со своей Музой видит княгиню N, которая входит в залу в сопровождении генерала, ее мужа (XIV, 1—4). Онегин, погруженный в горестные раздумья, не замечает ее прихода. Описывается сдержанное изящество ее манер, и следуют две «профессиональные» реплики «в сторону»: в первой (XIV, 13—14) Пушкин просит прощения у Шишкова, блюстителя чистоты русского языка, за французское выражение *comme il faut*; а во второй (XV, 14 — XVI, 5) он с юмором признается в своей неспособности перевести английское прилагательное «vulgar»

(и намекает на возможность игры слов, связанной с именем презираемого им критика Булгарина-Вульгарина).

XVI: Риторический переход «Но обращаюсь к нашей даме» приводит к следующей сцене: Татьяна села рядом с блестящей светской красавицей, которая, впрочем, не может ее затмить. Татьянин муж перешел к группе, где стоит Онегин. И только теперь Онегин издали видит эту даму и замечает ее поразительное сходство с Татьяной.

XVII—XVIII: Тогда, обращаясь к своему старому другу и родственнику, которого не видел с 1820 г., Онегин спрашивает о даме в малиновом берете, беседующей с испанским послом. Друг этот не кто иной, как сам важный генерал князь N, который вошел в залу вместе с Татьяной. В ходе разговора (XVII, 8 — XVIII, 5) выясняется, кто такая эта дама, ныне княгиня N; так Онегин встречает Татьяну вновь.

XIX—XX: Описываются ее холодный тон и чувства.

XXI: На следующее утро Онегин получает приглашение от князя N, которое приводит его в волнение.

XXII: Онегин с трудом дождался десяти часов вечера. Продолжается тема ее холодности и его волнения.

XXIII—XXVI: Далее следуют четыре строфы, посвященные великосветскому салону княгини N. Это самая слабая часть главы.

XXVII—XXXII. «Но мой Онегин» — риторический оборот ведет к ряду размышлений и поступков, которые находят свое наивысшее выражение в любовном письме, написанном Онегиным Татьяне. Строфы XXVII—XXIX относятся к дидактико-философскому стилю, а природные метафоры, которыми насыщена XXIX, не новы и традиционны. В строфах XXX—XXXI изображается, сколь упрямо, но безрезультатно Онегин преследует Татьяну, а XXXII вводит его послание к ней словами: «Вот вам письмо его точь-в-точь», напоминающими нам авторские вступления перед письмом Татьяны и последней элегией Ленского. «Письмо Онегина к Татьяне» построено по французским литературным образцам. Кроме того, оно является своего рода зеркальным отражением письма Татьяны, написанного четыре года назад. Герои поменялись ролями. Письмо Онегина заканчивается словами, похожими на те, с которых начала свое письмо Татьяна. Теперь уж он должен подчиниться ее воле.

XXXIII, 1—4: «Ответа нет». Вот мстительный отголосок прошлых мучений Татьяны (гл. 3, XXXVI, 1—4).

XXXIII, 5 — XXXIV, 4: Еще один мимолетный взгляд на Татьяну — светскую даму сопровождается со стороны Онегина надеждой (выражение которой включает межстрофический перенос), что за внешней суровостью, возможно, скрывается боязнь разоблачения ее прошлой слабости.

XXXIV, 5 — XXXVIII: Великолепное описание отшельнической жизни Онегина зимой 1824 г. Теме хандры, о которой мы помним со времен гл. 1, XXXVIII и LIV; теме «запереться и читать», о которой шла речь в гл. 1, XLIV; и теме сочинительства, которая рассматривалась в связи с поэзией в гл. 1, VII, 1—4 и прозой в гл. 1, XLIII, 7—14, — всем этим темам первой главы сейчас придается

новая жизнь, они модулируются в новой тональности. За списком авторов в строфе XXXV следует замечательная автобиографическая и «профессиональная» реплика «в сторону», — Пушкин вспоминает похвалы критиков 1824—1825 гг. и сравнивает их «мадригалы» с тем, как «нынче» (в 1830 г.) бранят его сочинения. Строфы XXXVI—XXXVII, рисующие видения Онегина, — гениальнейшие в романе.

XXXIX—XL, 1: «Дни мчались». Этот временной переход подводит нас к тому апрельскому дню 1825 г., когда Онегин в непонятной безумной спешке приезжает без приглашения в дом княгини N⁷. Межстрофический перенос великолепно повторяет такой же перенос в пассаже из главы третьей (XXXVIII—XXXIX), когда бежала Татьяна. Тот сад, тени тех листьев, та липовая аллея вскоре ретроспективно воскреснут вновь.

XL—XLI: Как в сказке, одна за другой чудом открываются двери, и также чудом Онегин находит в будуаре Татьяну, которая перечитывает его октябрьское письмо 1824 г.

XLII—XLVIII, 6: Последняя сцена между героями содержит ее монолог (XLII, 8 — XLVII), который перекликается с его проповедью в главе четвертой. Чувства Татьяны искусно передаются с помощью судорожных строчных переносов с паузами внутри строк. Татьяна заканчивает свою речь словами: «Я вас люблю.../ Но я другому отдана; / Я буду век ему верна». Первые шесть стихов строфы XLVIII знаменуют конец истории: Татьяна выходит из комнаты, Онегин остается один, раздается звон шпор Татьяниного мужа — и здесь Пушкин оставляет своего героя навсегда.

В XLIX Пушкин прощается с читателями, в L оставляет свой труд, а в LI вспоминает старых друзей и завершает эпилог риторическим замечанием:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим

Примечания Пушкина и «Путешествие Онегина»

Сорок четыре авторских примечания и отрывки из «Путешествия Онегина» в семнадцати полных и четырех незаконченных строфах с краткими комментариями к ним представляют небольшую дополнительную структуру, композиционно не связанную с основным текстом романа. Велико искушение заполнить пропуск «Путешествия» строфами, сохранившимися в рукописи, но если ему поддастся, тогда все пропущенные строфы на тех же основаниях следует внести в текст восьми предыдущих глав. Я собрал и перевел весь отвергнутый Пушкиным материал, который только смог найти в русских изданиях, но помещаю его строго отдельно от окончательного текста *editio optima* (1837). С моей точки зрения, исторической и человеческой, психологической и философской, опущенные стихи представляют огромный интерес, а некоторые из них соперничают и даже, возможно, превосходят гениальнейшие места окончательной редакции

Как историк Пушкина я ими восхищаюсь. Как собрат по перу сожалею о многих шаблонных небрежностях слога, мертворожденных набросках и неотточенных вариантах, которые Пушкину следовало бы уничтожить. Есть случаи, когда пропущенная строка, место которой как будто еще теплое и пульсирующее в окончательном тексте, объясняет или подчеркивает нечто, обладающее величайшей художественной ценностью, но я настаиваю, что эти кажущиеся полезными добавления не следует принимать в расчет при вынесении суждения о *ЕО* в том виде, в каком его напечатал Пушкин. В некоторых случаях мы абсолютно уверены, что лишь уродливые требования деспотического режима заставили нашего поэта исключить тот или иной отрывок, изменить развитие сюжетных линий, вымарать целые ряды великолепных строф; но мы также знаем, что если сегодня в современной России отвергнутые строфы, так же как отрывки десятой главы, добавляются издателями к окончательному тексту, то делается это под давлением еще более деспотического и уродливого режима. Мы в полной мере осознаем, что произведение живого автора может быть опубликовано в форме, против которой он возражал бы в условиях политической свободы. И все же окончательная редакция должна сохраняться. В самом деле, едва ли найдется хоть один совершенно нетронутый, неискаженный шедевр, возьмись мы за новые публикации произведений авторов прошлого в той форме, в какой — как нам кажется — они хотели бы выпустить их в свет и оставить потомкам.

Генезис «Евгения Онегина»

Без непосредственного личного изучения рукописей *ЕО*, в которых Пушкин по доброй привычке датировал этапы своей работы (оставляя, кроме того, другие бесценные заметки), я не питаю надежд описать процесс создания *ЕО* так, чтобы это меня удовлетворило. Я исследовал все доступные фотографии черновиков; но таковых оказалось немного, и пока не опубликованы факсимиле всех пушкинских рукописей (как пятьдесят лет назад распропагандировали пушкинисты), мне приходится полагаться на работы тех, кто имел возможность хотя бы мельком их видеть. Чтобы получить следующую довольно размытую картину, я обратился к работам Г. Винокура (ПСС, 1936), Б. Томашевского (Акад. 1937, 1949) и М. Цявловского (Летопись, 1951). Самое тщательное и осмотнительное исследование принадлежит Томашевскому. Я проигнорировал абсолютно ненадежные сведения, опубликованные до 1936 г., равно как и бездарные компиляции (например, Н. Бродского, 1950, или Д. Чижевского, 1953), добавившие новые грубейшие ляпсусы к ошибкам устарелых источников.

Работа Пушкина над *ЕО* длилась с перерывами более восьми лет: с 9 мая 1823 г. по 5 октября 1831 г. в Кишиневе (Бессарабия), Одессе, Михайловском (имение Надежды Пушкиной в Псковской губернии, недалеко от Опочки), Москве, Петербурге, Малинниках и Павловском (имения, принадлежащие соответственно Прасковье Осиповой и Павлу Вульфу, в Тверской губернии, не-

далеко от Торжка), Болдине (имение Сергея Пушкина в Нижегородской губернии, недалеко от Лукоянова) и Царском Селе (под Петербургом).

В широком смысле можно сказать, что Пушкин занимался *ЕО* дольше (1822—1835), чем в течение того отрезка времени, который непосредственно потребовался для написания романа (1823—1831). Еще в 1822 г. Пушкин сочинял стихотворение «Таврида» (основанное на его крымских впечатлениях 1820 г.), в котором, судя по сохранившимся отрывкам, завязывались некоторые лирические темы, включенные позже в *ЕО*. И только в середине сентября 1835 г., в последнюю и наименее продуктивную михайловскую осень, мы замечаем, что наш поэт поигрывает с вариантами окончания *ЕО*. Подытоживая онегиану, стоит поразмыслить над следующими словами из письма поэта князю Н Голицыну от 10 ноября 1836 г. (всего за семьдесят дней до смерти): «Que je vous envie votre beau climat de Crimée... C'est le berceau de mon Oнегин, et vous aurez sûrement reconnu certains personnages»*. Интересно, какой Пушкин имел в виду.

Первые несколько строф были сочинены между 9 и 28 мая 1823 г. в Кишиневе. Для черновиков Пушкин использовал тетрадь в черном сафьяновом переплете с буквами ОУ, вытисненными внутри масонского треугольника. Этот грессбух (ныне хранящийся под номером 2369) находился среди других неиспользованных тетрадей, изначально предназначенных для ведения бухгалтерского учета; 27 мая 1822 г. они были отданы Пушкину, масону с 4 мая 1821 г., неким Николаем Алексеевым, казначеем кишиневской ложи «Овидий», после того, как ее, наряду с другими «тайными обществами», распустили указом правительства от 9 декабря 1821 г. Если расположить тетради в том порядке, как их использовал Пушкин, то получим следующую нумерацию. 2369, 2370, 2368; они заполнены этими и другими черновиками, стихотворениями и поэмами, письмами, карандашными зарисовками и т. д. Мне не удалось выяснить на основании опубликованных материалов, ведут ли другие пушкинские тетради, содержащие черновики *ЕО*, — под номерами 2371 и 2382 — свое происхождение из тех же кладовых масонской ложи «Овидий». Вульф в своем дневнике (запись от 16 сентября 1827 г.) говорит о двух тетрадях в черном сафьяновом переплете: «На большей из них я заметил полустертый масонский треугольник». По его свидетельству, меньшая тетрадь (с обложкой без рисунков и надписей) содержала начало исторического романа об африканском предке Пушкина (см. Приложение 1).

Первая строфа в черновике *ЕО* (2369) датирована 9 мая, причем девятка отличается прихотливой конфигурацией. Этот день был одним из роковых для Пушкина — третья годовщина его высылки из Петербурга (в дневнике, который он вел в Кишиневе, запись от 9 мая 1821 г. гласит: «Вот уже ровно год, как я оставил Петербург»). Любопытно, что в тот самый день, когда наш поэт приступил к созданию *ЕО*, Александр Тургенев**, его неизменный друг и покровитель, писал из Петербурга Вяземскому (см. коммент. к гл. 1, эпиграф), что граф Воронцов только что назначен генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии и что он, Тургенев, надеется на перевод Пушкина в Одессу, к месту службы Воронцова.

* «Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату Там колыбель моего „Онегина“, и вы, конечно, узнали некоторых лиц» (*фр.*).

** Юрист и историк (1784—1845), директор Департамента духовных дел (*Примеч В Н*)

Я изучил факсимиле пушкинского черновика первой строфы и (как было убедительно показано П. Щеголевым в 1910 г.)*) полагаю, что датой начала написания романа следует считать 9, а не «28 мая [как написано под первой датой и подчеркнуто] ночью». Более того, сам Пушкин, подводя итоги работы над *ЕО* (26 сентября 1830 г.), отметил, что роман был начат 9 мая 1823 г.

По крайней мере, восемь строф (а возможно, и больше) были уже готовы, когда поэт переехал в Одессу (в начале июля 1823 г.), где к 5 сентября им были написаны строфы I—XVII и XX—XXII. Ко второй неделе сентября он дошел до строфы XXXI. За вычетом трех строф глава первая была закончена 22 октября 1823 г (после чего Пушкин сразу же перешел ко второй). Строфа XXXIII была написана (частично с использованием другого стихотворного черновика двухлетней давности), возможно, в первой половине июня 1824 г. в Одессе; Пушкин переписал ее в последние дни сентября в Михайловском и в первую неделю октября 1824 г. добавил строфы XVIII и XIX.

На сочинение главы второй потребовалось менее двух месяцев. 3 ноября 1823 г уже было написано семнадцать строф, а к 1 декабря — еще десять. Следующие одиннадцать строф были сочинены за неделю, и к 8 декабря 1823 г. Пушкин закончил вторую главу, за исключением строф XL и XXXV, которые дополнили текст главы в течение следующих трех месяцев.

Январь 1824 г ознаменовался перерывом, посвященным другому сочинению (поэме «Цыганы»). Строфы I—XXXI (кроме XXV, включенной в текст 25 сентября 1824 г.) главы третьей и, по-видимому, «Письмо Татьяны» были написаны весной 1824 г., с 8 февраля по 31 мая в Одессе. На обороте письма, датированного 13 июня, обнаруживается уже упоминавшаяся XXXIII строфа первой главы (непростая история ее написания разбирается в моих к ней комментариях). Личные неприятности и официальная ссылка в родительское имение в Псковской губернии (поэт уехал из Одессы 31 июля и прибыл в Михайловское 9 августа 1824 г) послужили причинами еще одного перерыва. Пушкин вновь принялся за *ЕО* (предположительно начиная с гл. 3, XXXII) только 5 сентября 1824 г. в Михайловском (где ему предстояло провести в заточении два года) и 2 октября 1824 г. закончил третью песнь (за исключением строфы XXXIV, дописанной позже).

В какой-то момент в течение этого месяца он принялся за главу четвертую. И к концу 1824 г двадцать три строфы уже были готовы, а к 5 января 1825 г. Пушкин добрался до строфы XXVII. После чего, мысленно обратившись к своим одесским воспоминаниям, он создал строфы, значительно позже превратившиеся во фрагмент «Путешествия Онегина» (XX—XXIX). Работа прерывалась другими сочинениями (в частности, драмой «Борис Годунов»). К 12 сентября 1825 г. наш поэт придумал, как ему тогда казалось, окончательный вид первому варианту четвертой главы, но впоследствии он перекроил ее, выбросив одни и добавив другие строфы, и полностью завершил четвертую главу лишь к первой неделе 1826 г.

Пятая глава была начата 4 января 1826 г. Похоже, что, по меньшей мере, двадцать четыре строфы этой главы были уже готовы, когда 4 сентября 1826 г. Пушкин отправился в Москву для решающего разговора с новым царем. Вернувшись в Михайловское 2 ноября, он закончил главу за неделю (с 15 по 22 ноября 1826 г.).

* В книге *П и его совр*, вып. 13, с. 165 (Примеч В Н)

Рукопись главы шестой утрачена; вероятно, почти вся она была готова к началу декабря 1826 г., до возвращения поэта из Михайловского в Москву (19 декабря). Скорее всего, он написал значительную ее часть 22—25 ноября 1826 г. А 10 августа 1826 г. (или 1827 г.) закончил строфы LIII—LV.

Сочинение и перегруппировка седьмой главы (которая должна была предположительно включать «Альбом Онегина» и, с меньшей вероятностью, описание путешествия Онегина) доставили Пушкину множество хлопот. Он приступил к ней во время очередного пребывания в Михайловском (с июля по октябрь 1827 г.), после чего переехал жить в Петербург (с середины октября 1827 г. по 19 октября 1828 г.), где к 19 февраля 1828 г. он закончил двенадцать строф, а к 5 апреля уже работал над вставкой в виде «Альбома». В предрассветные часы 20 октября, после встречи с лицейскими друзьями, он уехал в Малинники и там дописал седьмую главу, сняв с нее беловую копию (утраченную за исключением двух последних строф; ПД 157).

Возвратясь в Москву из путешествия по Кавказу летом 1829 г., где он освежил свои воспоминания 1820 г., Пушкин закончил 2 октября 1829 г. пять строф, с которых намеревался начать «Путешествие Онегина» (то есть восьмую главу), но которые позже были либо выброшены, либо отнесены к последней, восьмой главе, превратившись в ее X, XI и XII строфы. Над этим Пушкин работал в середине октября 1829 г. в Павловском и закончил «Путешествие Онегина» (включавшее в том числе и «одесские» строфы, написанные более пяти лет назад) в Болдине, последние пять строф датированы 18 сентября 1830 г.

Глава (теперь восьмая), которая тогда считалась девятой (и следовала за главой восьмой, то есть за «Путешествием Онегина»), была начата в Петербурге в канун Рождества 1829 г. В августе 1830 г. Пушкин отправился в Болдино, где из-за посланной провидением эпидемии холеры оказался отрезанным от мира на три месяца и за это время написал поразительное количество шедевров. Там 25 сентября 1830 г. Пушкин закончил и набело переписал главу восьмую (тогда девятой). На следующий день он подвел итог своей работе над *ЕО* в известном болдинском плане (ПД 129; см. факсимиле, помещенное после с. 248 в сб. «Рукою Пушкина», 1935, вычеркивания даны в угловых скобках; отвергнутые заглавия подчеркнуты Пушкиным):

Онегин

<i>Часть первая</i>	Предисловие
I песнь	<Хандра>* Кишинев, Одесса
II	<Поэт> Одесса 1824
III	<Барышня> Одесса. Мих[айловское] 1824
<i>Часть вторая</i>	
IV песнь	<Деревня> Михайлов. 1825
V	<Имянины>** Мих. 1825. 1826
VI	<Поединок> Мих. 1826

* Названия выделены вертикальной чертой, начиная от «Хандры» до «Большого света» (Примеч В Н)

** Прежде чем написать слово «Имянины», Пушкин начал писать «Пра» или «Про», что могло означать «Праздник» или «Пророчество» (Примеч В Н)

Вступление переводчика

Часть третья

VII песнь	<Москва> Мих. П[етер]. Б[ург].
Малинн[ики]. 1827. [182]8
VIII	<Странствие> Моск[ва].
Павл[овское]. 1829 Болд[ино].
IX	<Большой свет> Болд[ино].

Примечания

1823 год 9 мая Кишинев — 1830 25 сент. Болдино.

26 сент А П [А. Пушкин]

И жить торопится и чувствовать спешит*

К[нязь] В[яземский]

А. П.**

7 ле[т] 4 ме[сяца]. 17 д[ней].

Другой список, составленный автором, на экземпляре (ПД 173) издания *ЕО* 1833 г., подаренном Пушкиным баронессе Евпраксии Вревской 22 сентября 1833 г., таков:

Глава первая:	Написана в Кишиневе и Одессе 1823
Глава вторая:	Писана в Одессе в 1823 и 24
Глава третья:	Писано в 1824 в Одессе и Михайловском
Глава четвертая:	В Михайл. 1825
Глава пятая:	в Мих. в 1826
Глава шестая:	в Мих. 1826
Глава седьмая:	в Мих. и в П[етер] Б[урге] 1827 и 1828
Глава осьмая:	В Болдине 1830.

В октябре 1830 г. в Болдине Пушкин сочинил по крайней мере восемнадцать строф, которые должны были стать десятой главой, вскоре уничтоженной. В Царском Селе летом 1831 г. он переработал и завершил главу восьмую, а 5 октября 1831 г. написал «Письмо Онегина»; «Отрывки из „Путешествия Онегина“» были перенесены в приложение.

* Первое слово переделано из русского заглавного «П», я предполагаю, что Пушкин начал писать предыдущую строчку Вяземского «По жизни ». (*Примеч В Н*)

** Я предполагаю также, что Пушкин поставил здесь свои инициалы, чтобы отметить французский эпиграф, ставший главным эпиграфом к роману, автором которого был сам Пушкин. Инициалы под русским эпиграфом (ставшим эпиграфом к главе) — «К[нязь] В[яземский]». (*Примеч В Н*)

Пушкин о «Евгении Онегине»

Упоминания *ЕО* в пушкинских письмах встречаются значительно чаще в 1824—1825 гг., чем в 1823 или 1826—1831 гг. Относительно полных изданий 1833 и 1837 гг. в его эпистолярном наследии царит мрачноватая тишина. Ниже я рассмотрел довольно подробно период, предшествующий напечатанию главы первой. Другие выдержки будут помещены в Комментарии.

Впервые Пушкин заговаривает о *ЕО* в письме из Одессы, адресованном человеку, который прямо или косвенно четырежды упомянут в полном издании романа, — поэту и критику князю Петру Вяземскому, жившему в основном в Москве и владевшему большим имением неподалеку (Остафьево) Письмо датировано 4 ноября 1823 г. К этому времени (через полгода после начала работы над *ЕО*) были закончены глава первая и по крайней мере семнадцать строф главы второй. Интересующий нас отрывок гласит «Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница». В другой связи Пушкин повторяет это же выражение в письме Вяземскому от 13 сентября 1825 г из Михайловского, где сообщает, что друзья не дают ему жаловаться на свое изгнание «не в стихах, а в прозе, дьявольская разница!». Далее в письме 1823 г. следует: «В роде Дон-Жуана [сочинение поэта Байрона, первые пять песен которого Пушкин читал в прозаическом французском переводе Пишо] — о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и измерить круга своего действия — лучше об ней и не думать...» (В черновике этого письма Пушкин пишет: «Первая песнь или глава кончена — я по оказии тебе ее доставлю Пишу его с упоением, что уж давно со мной не было».)

16 ноября того же 1823 г Пушкин сообщает из Одессы в Петербург поэту барону Антону Дельвигу, своему лицейскому другу, следующее: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя. Бируков [цензор] ее не увидит за то, что он фи-дитя, блажной дитя. Бог знает, когда и мы прочитаем ее вместе . »

1 декабря 1823 г. из Одессы Александру Тургеневу в Петербург: «.. я на досуге пишу новую поэму, „Евгений Онегин“, где захлебываюсь желчью Две песни уже готовы».

Из Одессы в Петербург во второй половине января или начале февраля 1824 г своему брату Льву Пушкину. «Может быть, я пришлю ему [Дельвигу] отрывки из Онегина, это лучшее мое произведение. Не верь Н Раевскому, который бранит его, — он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчихал»

Из Одессы в Петербург 8 февраля 1824 г. писателю Александру Бестужеву-Марлинскому: «Об моей поэме [о ее напечатании] нечего и думать [после этих слов в черновике. «...она писана строфами едва ли не вольнее строф Дон-Жуана»] — если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге».

Из Одессы в Москву в начале апреля 1824 г. Вяземскому: «Сленин [издатель] предлагает мне за Онегина, сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов. Дело стало за цензурой, а я не шучу, потому что дело идет о будущей судьбе моей, о независимости — мне необходимой. Чтоб напечатать Онегина, я в состоянии <- - -> т. е. или рыбку съест или на <- - -> сесть [мои ханжеские советские источники выбросили

неприличное выражение и часть непристойной поговорки, которую я не могу точно восстановить] ... Как бы то ни было, готов хоть в петлю»

В письме (перехваченном полицией и известном лишь по фрагменту), написанном в Одессе предположительно в первых числах мая 1824 г и адресованном, вероятно, лицейскому товарищу поэту Кюхельбекеру: «Пишу пестрые строфы романтической поэмы» («poème romantique», как перевел Пишо байроновский термин «romant» в «Чайльд Гарольде», 1822, OEuvres de Lord Byron, 4th ed., vol. II).

Из Одессы в Москву 7 июня 1824 г. Вяземскому. «С женой* отошлю тебе 1-ую песнь Онегина. Авось с переменой министерства** она и напечатается »

Из Одессы в Петербург 13 июня 1824 г. Льву Пушкину: «Попытаюсь толкнуться ко вратам цензуры с первою главой или песнью Онегина Авось пролезем. Ты требуешь от меня подробностей об Онегине — скучно, душа моя В другой раз когда-нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода». (Пушкин поссорился с графом Воронцовым, новороссийским губернатором, под чей надзор он был отправлен.)

Из Одессы в Москву 29 июня 1824 г Бестужеву-Марлинскому. «Онегин мой растет***. Да чорт его напечатает — я думал, что цензура ваша поумнела при Шишкове — а вижу, что и при старом [похоже, что здесь описка] по старому»⁸.

Из Одессы в Петербург 14 июля 1824 г А. Тургеневу: «Зная старую вашу привязанность к шалостям окаянной Музы, я было хотел прислать вам несколько строф моего Онегина, да лень. Не знаю, пустят ли этого бедного Онегина в небесное царствие печати; на всякий случай, попробую».

Две недели спустя Пушкин был выслан из Одессы в имение своей матери Михайловское Псковской губернии Отсюда со Львом Пушкиным осенью 1824 г. он отправил Плетневу в Петербург первую главу В своем Комментарии я цитирую сопроводительное письмо и некоторые другие письма этого периода.

25 января 1825 г. из Михайловского в письме поэту Кондратию Рылееву в Петербург Пушкин жалуется, что Бестужев-Марлинский не понял *ЕО*, первую главу которого он видел в копии: «Бестужев пишет мне много об Онегине — скажи ему, что он не прав: ужели хочет он изгнать все легкое и веселое из области поэзии? куда же денутся сатиры и комедии? следовательно, должно будет уничтожить и Orlando furioso**** [Ариосто], и Гудибраса [«Hudibras» Сэмюэля Батлера], и Pucelle+ [Вольтера], и Вер-Вера [«Vert-Vert» Грессе], и Ренике-фукс [«Reipeke Fuchs» Гете], и лучшую часть Душеньки [Богдановича], и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc, etc, etc, etc... Это немного строго. Картины светской жизни также входят в область поэзии, но довольно об Онегине».

24 марта 1825 г. он пишет Бестужеву из Михайловского в Петербург: «Твое письмо очень умно, но все-таки ты не прав, все-таки ты смотришь на Онегина не с той точки, все-таки он лучшее произведение мое. Ты сравниваешь первую

* Вера Вяземская, приехавшая в тот день и собиравшаяся провести три месяца в Одессе, но случилось, что Пушкин уехал раньше нее (Примеч В Н)

** Адмирал Александр Шишков, литератор, сменил князя А Голицына на посту министра народного просвещения и занимал этот пост до 1828 г (Примеч В Н)

*** Это, конечно, означает, что Пушкин все же продолжил главу третью после своего мрачного письма от 13 июня (Примеч В Н)

**** «Неистовый Роланд» (итал)

+ Девственница (фр) Имеется в виду поэма «Орлеанская девственница»

главу с Д<он> Ж<уаном>. — Никто более меня не уважает Д<он> Ж<уана> (первые пять песен [на Пишотовом французском], других не читал), но в нем ничего нет общего с Онег<иным>. Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня *сатира*? о ней и помину нет в *Ев<гении> Он<егине>*. У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатиры. Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен.. Ах! если б заманить тебя в Михайловское!.. ты увидишь, что если уж и сравнивать Онегина с Д<он> Ж<уаном>, то разве в одном отношении. кто милее и прелестнее (*gracieuse*), Татьяна или Юлия? 1-я песнь просто быстрое введение, и я им доволен (что очень редко со мною случается)».

Вяземский, как уже говорилось, был первым из пушкинских корреспондентов, узнавших о *ЕО* (4 ноября 1823 г.) В конце марта 1825 г наш поэт сообщает из Михайловского своему старому другу (которого к тому времени он не видел более пяти лет), что готовит ему подарок — переписывает вторую главу «Онегина»: «..желаю, чтоб он помог тебе улыбнуться*. В первый раз улыбка читателя те *sourit*** (Извини эту плоскость. в крови!..***) А между тем будь мне благодарен — отроду не для кого ничего не переписывал..»

За этим письмом последовало другое, от 7 апреля, «дня смерти Байрона», в котором Пушкин сообщает Вяземскому, что заказал деревенскому попу обедню за упокой души раба Божия боярина Георгия с полагающейся просвирой, которую и посылает Вяземскому, такому же большому почитателю автора, известного им обоим по переводам Пишо. «Онегина переписываю Немедленно и он явится к тебе».

С Дельвигом, посетившим поэта в Михайловском в середине апреля 1825 г, Пушкин послал этот автограф второй главы *ЕО*: «...тебе единственно и только для тебя переписанного» (письмо Вяземскому приблизительно от 20 апреля) Дельвиг отвез переписанную главу в Петербург, предполагалось, что Вяземский приедет туда из Москвы, но его выезд все откладывался. В течение мая вторая глава с восторгом читалась литературными знакомцами Дельвига и Пушкина, а рукопись («только для тебя») попала к Вяземскому в Москву лишь в первую неделю июня. Ему же Пушкин писал из Михайловского годом позже (27 мая 1826 г.): «Если царь [Николай I] даст мне *слободу*, то я [в России] месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, англ журналы или парижские театры и бордели — то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-ой песне Онегина я изобразил свою жизнь [в Михайловском]...»

В письме к Вяземскому от 1 декабря 1826 г. с псковского постоялого двора, где после трехнедельного пребывания в Михайловском он останавливался на несколько дней по дороге в Москву, наш поэт поминает ту же четвертую песнь: «Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ую гл Онегина, я проигрываю в шток четвертую: не забавно».

* Вяземский только что потерял сына, маленького Николая, и сам был тяжело болен, любопытно, что в виде поэтической компенсации Вяземский занимает разговором Татьяну в вымышленной Москве главы седьмой (*Примеч В Н*)

** Мне улыбается (*фр*)

*** Отец и дядя Пушкина Василий были неисправимыми каламбуристами (*Примеч В Н*)

Публикация «Евгения Онегина»

Примечание. Если нет иных указаний, место издания — Санкт-Петербург. За исключением отдельных печатных изданий заглавие «Евгений Онегин» имеет сокращение *ЕО*, а Александр Пушкин — *А П*

(1) 3 марта (по старому стилю) 1824 г.

Гл. 1, XX, 5—14 цитируется Фаддеем Булгариным в разделе «Литературные новости» в «Литературных листках», № 4 (3 марта 1824 г.), с. 148—149.

(2) Последняя неделя декабря 1824 г.

Гл. 2, VII, 1—8, VIII, 1—9, IX—X, 1—12, напечатана под заголовком «Отрывки из *ЕО*, поэмы *А. П.*» в ежегодном альманахе барона Антона Дельвига «Северные цветы» (1825), с. 280—281.

(3) 16 февраля 1825 г. Первое отдельное издание первой главы. «Евгений Онегин...» В типографии Департамента народного просвещения, 1825.

12° XXIV + 60 с. Содержание: I — шмуцтитул; III — титул; IV — цензурное разрешение; V — посвящение Льву Пушкину; VII—VIII — Предисловие, IX — разделительный титул «Разговор книгопродавца с поэтом»; XI—XXII — текст «Разговора...», 192 стиха, написанных четырехстопным ямбом, и одна прозаическая строка из восьми слов; XXIII — разделительный титул, XXIV — эпитафия «Pétri de vanité...», 1—49 — текст, строфы I—VIII, X—XII, XV—XXXVIII, XLII—LX, 51—59 — примечания 60 — исправленные опечатки и примечание: «NB. Все пропуски в сем сочинении, означенные точками, сделаны самим автором».

(4) 7 апреля 1826 г.

Гл. 2, XXIV—XXIX, 1—12, XXXVII—XL; напечатана под заголовком «Отрывки из второй песни *ЕО*, поэмы *А П*» в поэтическом разделе «Северных цветов» Дельвига (1826), с. 56—62.

(5) Около 20 октября 1826 г. Первое отдельное издание главы второй. «Евгений Онегин...» Москва. В типографии Августа Семена при Императорской Мед[ико]-хирург[ической] Академии, 1826.

12°. 42 с. Содержание: 1 — шмуцтитул; 3 — титул; 4 — цензурное разрешение: «27 сентября 1826 года. Книгу сию рассматривал э[кстра]ординарный профессор надворный советник [чиновник 7-го класса] кавалер Иван Снегирев*»; 5 — разделительный титул с примечанием: «Писано в 1823 году», 6 — эпитафия «O rus!.. Ног.»; 7—42 — текст, строфы I—VIII, 1—8, IX—XXXV, 1—4 и 12—14, XXXVI—XL.

На бумажной обложке помещена гравюра небольшой стилизованной бабочки-нимфалиды с наполовину сложенными крылышками и чрезмерно большим брюшком, вид сбоку.

(6) 19 марта 1827

Гл. 7, XX—XXX, 1 [«Путешествие Онегина»] опубликована под заголовком «Одесса (Из седьмой главы *ЕО*)», без подписи, в «Московском вестнике», ч. 2, № 6 (19 марта 1827 г.), с. 113—118

(7а) Около 25 марта 1827 г.

* См коммент к гл. 2, XXXV, 10. (Примеч В Н)

«Письмо Татьяны» (Из 3-й песни *ЕО*), 79 строк; подпись: *А. Пушкин*; в «Северных цветах» Дельвига (1827 г.), с. 221—224.

(76) Дата та же, что и в 7а.

Гл. 3, XVII—XX; напечатана под заголовком «Отрывок из III главы *ЕО*. Ночной разговор Татьяны с ее няней»; подпись: *А. Пушкин*; в том же издании, что и 7а, с. 282—284.

(8) Около 10 октября 1827 г. Первое отдельное издание главы третьей. «Евгений Онегин...». В типографии Департамента народного просвещения, 1827 г.

12°. 25 с. Содержание: 1 — шмуцтитул; 3 — титул; 4 — «С дозволения правительства»; 5 — «Первая глава *ЕО*, написанная в 1823 г., появилась в 25. Спустя два года издана вторая. Эта медленность произошла от посторонних обстоятельств. Отныне издание будет следовать в непрерывном порядке. Одна глава тотчас за другой»; 7 — разделительный титул; 8 — эпитафия «Elle était fille...»; 9—51 — текст, строфы I—III, 1—8, IV—XXXI, «Письмо Татьяны к Онегину» (79 стихов), XXXII—XXXIX, «Песня девушек» (18 хореических стихов), XL—XLI.

(9) Последняя неделя октября 1827 г.

Гл. 4, I—IV опубликована под заголовком «Женщины. Отрывок из *ЕО*»; подпись: *А. Пушкин*; текст; в «Московском вестнике», часть 5, № 20 (октябрь 1827 г.), с. 365—367.

(10) 9—18 января 1828 г.

Гл. 7, XXXV—LIII, опубликована под заголовком «Москва. (Из *ЕО*)»; подпись: *А. Пушкин*; текст, предваренный тремя эпитафиями седьмой главы (см. № 19 ниже); в «Московском вестнике», часть 7, № 1 (9—18 января 1828 г.), с. 5—12.

(11) 31 января — 2 февраля 1828 г. Первое отдельное издание глав четвертой и пятой. «Евгений Онегин...». В типографии Департамента народного просвещения, 1828.

12°. 94 с. Содержание. 1 — шмуцтитул; 3 — титул, 4 — «С дозволения правительства»; 5 — «Петру Александровичу Плетиеву»; 7 — посвящение «Не мысля гордый свет забавить... 29 декабря 1827 г.»; 9 — разделительный титул для главы четвертой; 10 — эпитафия «La morale est...»; 11—50 — текст гл. 4, VII—XXXVII, 1—13, XXXIX—LX; 51 — разделительный титул для главы пятой; 52 — эпитафия «О, не знай сих страшных синов...»; 53—92 — текст гл. 5, I—XLII, XLIII, 5—14, XLIV—XLV; 93 — «Примеч. На 48 стр., в 13 стихе [гл. 4, L, 7] ошибкой напечатано: заветы вместо зевоты».

(12) 1 февраля 1828 г.

Гл. 4, XXVII—XXX, опубликована как «Альбомы (Из IV-й главы *ЕО*)»; подпись: *А. Пушкин*, в «Московском вестнике», часть 7, № 2 (1 февр. 1828 г.), с. 148—150

(13) 9 февраля 1828 г.

Глава седьмая: те же строфы, что указаны выше, в № 10, предваренные тремя эпитафиями, опубликованы под заголовком «Москва (Из *ЕО*)», в «Северной пчеле», № 17 (9 февраля 1828 г.), с. 3—4. Сноска к заглавию: «Сей отрывок напечатан был в одном журнале с непристойными ошибками. По

желанию почтенного Автора помещаем оный с поправками в „Сев[ерной] Пч[еле]“. — Повторение стихов А. С. Пушкина (NB с его позволения) никогда не может быть излишним. Из[датель] [Фаддей Булгарин]».

(14) 23 марта 1828 г.; первое отдельное издание главы шестой. «Евгений Онегин...». В типографии Департамента народного просвещения, 1828.

12°. 48 с. Содержание: 1 — шмуцтитул; 3 — титул; 4 — «С дозволения правительства»; 5 — разделительный титул; 6 — эпитафия «Là sotto giogni...»; 7—46 — текст, I—XIV, XVII—XXXVII, XXXIX—XLVII, 46—48. «Примечание. В продолжение издания I части „ЕО“ [в то время это означало с первой по пятую главу] вкралось в нее несколько значительных ошибок. Важнейшие из них помещаются здесь. Поправки означены под ними en italique*...» (Следует перечень ошибок; шесть относятся к «Разговору...»; четыре опечатки в «ЕО»; остальные даются в моем Комментарии следующим образом: гл. 1, XXX, 12—14, XLII, 9—12, XLV, до 1; гл. 2: добавлен эпитафия «О Русь!», VII, 14, XI, 14, XXXII, 7, XXXVIII, 11; гл. 3, V, 9, XX, 13—14, «Письмо Татьяны»: 5—7, XXXIV, 7—8, гл. 4, XXIX, 13, XXX, 10; XXXII, 6; гл. 5, IV, 14, V, 9, XV, var. 9—10, XVII, 7, XXX, 6, XLIV, 3, XLV, 14); 48 — «Конец первой части».

(15) Около 20 января 1829 г.

Отрывки из *ЕО* перепечатаны в виде подписей к шести гравюрам Александра Нотбека, претендующего на иллюстрирование сцен из *ЕО*** , следующим образом: гл. 1, XLVIII, 5—12, гл. 2, XII, гл. 3, XXXII, гл. 4, XLIV, 9—14, гл. 5, IX, 1—8 и гл. 6, XLI, 5—14; напечатаны Егором Аладыным в «Невском альманахе» (1829), с. V—X.

(16) 27—28 марта 1829 г. Второе отдельное издание главы первой.

«Евгений Онегин...» В типографии Департамента народного просвещения, 1829 г

12°. XXIV + 60 с. Содержание: как в № 3 выше, за исключением того, что с. 60 пустая, исправленные опечатки и авторское примечание отсутствуют.

(17) Последняя неделя декабря 1829 г.

Гл. 7, I—IV, опубликована под заголовком «Отрывок из VII главы *ЕО*»; подпись: *А Пушкин*; в поэтическом разделе «Северных цветов» Дельвига (1830), с. 4—6.

(18) 1 января 1830 г.

Гл. 8, XVI—XIX, 1—10, опубликована под заголовком «Отрывок из VIII главы *ЕО*» [«Путешествие Онегина»]; подпись: *А Пушкин*; «Литературная газета» Дельвига, т. I, № 1 (среда, 1 января 1830), с. 2—3.

(19) 18—19 марта 1830 г. Первое отдельное издание главы седьмой.

«Евгений Онегин...». В типографии Департамента народного просвещения, 1830 г.

12°. 58 с. Содержание: 1 — шмуцтитул; 3 — титул; 4 — «С дозволения правительства»; 5 — разделительный титул; 6 — три эпитафия: «Москва...», «Как не любить...», «Гоненье на Москву...»; 7—53 — текст, строфы I—VII, X—XXXVIII, XL—LV, 55—57 — примечания (к IV, 4, XXXIV, I и XXXV, 8; это № 41, 42 и 43 1837 изд.).

* Курсивом (*фр*)

** См. коммент. к гл. 1, XLVIII, 2. (*Примеч В Н*)

(20) 7—8 мая 1830 г. Второе отдельное издание главы второй.

«Евгений Онегин...». В типографии Департамента народного просвещения, 1830.

12°. 42 с. Содержание: 1 — шмуцтитул; 3 — титул; 4 — «С дозволения правительства»; 5 — разделительный титул; 6 — два эпиграфа «O rus!.. Ног.» и «O Русь!»; 7—42 — текст, строфы I—VIII, 1—9, IX—XI.

(21) Около 10 января 1832 г. Первое отдельное издание главы восьмой.

«Евгений Онегин...». В типографии Департамента народного просвещения, 1832.

12°. VIII + 52 с. Содержание: I — шмуцтитул; III — титульный лист; IV — цензурное разрешение: «Ноября 16 дня, 1831 года. Цензор Н Бутырский»; V—VI — предисловие, «Пропущенные строфы... [цитируется XI—VIIIa, 1—5]»; VII — разделительный титул; VIII — эпиграф «Fare thee well...»; 1—51 — текст, строфы I—II, 1—4, III—XXV, 1—8, XXVI—XXXII, «Письмо Онегина к Татьяне» (60 стихов), XXXIII—LI, 51, после последней строчки текста: «Конец осьмой и последней главы *EO*».

Надпись на бумажной обложке: «Последняя глава *EO*».

(22) 20 апреля 1832 г.

Гл. 8, XXXIX, 4—14; XL—XLVIII, 1—4, опубликована под заголовком: «Отрывок из последней главы *EO*, романа в стихах, сочинение А. С. Пушкина»; в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду», № 32 (20 апреля 1832), с. 253—254

(23) Около 23 марта 1833 г. Первое полное издание.

«Евгений Онегин...». В типографии Александра Смирдина, 1833.

8°. VI + 288 с. Содержание: I — шмуцтитул; III — титул; IV — «С дозволения правительства», «Издание книгопродавца Смирдина»; VI — главный эпиграф «Pétri de vanité...»; 1—37 — гл. 1 с эпиграфом «И жить торопится...» и текст, строфы I—VIII, X—XII, XV—XXXVIII, XLII—LX; 39—66 — гл. 2 с эпиграфами «O rus! Ног.» и «O Русь!» и текст, строфы I—VIII, 1—9, IX—XXXV, 1—4 и 12—14, XXXVI—XL; 67—99 — гл. 3 с эпиграфом «Elle était fille...» и текст, строфы I—III, 1—8, IV—XXXI, «Письмо Татьяны к Онегину» (79 стихов ямба), XXXII—XXXIX — «Песня девушек» (18 стихов хорей), XL—XLI; 101—130 — гл. 4 с эпиграфом «La morale est...» и текст, строфы VII—XXXV, XXXVII, 1—13, XXXIX—LI; 131—159 — гл. 5 с эпиграфом «O, не знай..» и текст, строфы I—XXXV, XXXIX—XLII, XLIV—XLV; 161—190 — гл. 6 с эпиграфом «Là sotto giugn...» и текст, строфы I—XIV, XVII—XXXVII, XXXIX—XLVI; 191—226 — гл. 7 с тремя эпиграфами «Москва, России дочь...», «Как не любить...», «Гоненье на Москву!..» и текст, строфы I—VII, X—XXXVIII, XL—LV; 227—264 — гл. 8 с эпиграфом «Fare thee well...» и текст, строфы I—II: 1—4, III—XXV, 1—8, XXVI—XXXII, «Письмо Онегина к Татьяне» (60 стихов ямба), XXXIII—LI; 265—272 — «Примечания к *EO*» (следующие: к гл. 1: № 1, II, 14; № 2, IV, 7; № 3, XV, 10; № 4, XVI, 5; № 5, XXI, 14; № 6, XXIV, 12; № 7, XLII, 14; № 8, XLVII, 3; № 9, XLVIII, 4, № 10, L, 3; № 11, L, 11: «Автор, со стороны матери, происхождения Африканского...»; к гл. 2: № 12, XII, 14; № 13, XXIV, 1; № 14, XXX, 4; № 15, XXXI, 14; № 16, XXXVII, 6; к гл. 3: № 17, IV, 2; № 18, IX, 10; № 19, XII, 11, № 20, XXII, 10; № 21, XXVII, 4; № 22, XXX, 1; к гл. 4 № 23. Четвертая и пятая главы вышли в свет со следующим посвящением П. А.

Плетневу: «Не мысля гордый свет забавить...» (17 стихов), № 24, XLI, 12; № 25, XLII, 7, № 26, XLV, 5, № 27, L, 12; к гл. 5: № 28, III, 8; № 29, III, 14; № 30, VIII, 14; № 31, IX, 13; № 32, XVII, 8; № 33, XX, 5; № 34, XXII, 12; № 35, XXV, 1; № 36, XXVI, 10; № 37, XXVIII, 9; к гл. 6: № 38, V, 13; № 39, XI, 12; № 40, XXV, 12; № 41, XLVI, 14; к гл. 7: № 42, IV, 4; № 43, XXXIV, 1; № 44, XXXV, 8; к гл. 8: № 45, VI, 2); 274—287 — «Отрывки из „Путешествия Онегина“» (содержащие следующее: 273 — «Последняя глава *ЕО* издана была со следующим предисловием»; далее следует текст на с. V—VI как в № 21 выше; 274—287 — отрывки из «Путешествия» с предисловием, начинающимся со слов «П. А. Катенин», и текст, строфы IX, 2—14, X, 1, XII—XV, 9—14, XVI—XXX, 1, с краткими прозаическими вставками.)

Обложка. «Продается: В книжном магазине А. Смирдина. Цена 12 рублей».

(24) Не позднее 19 января 1837 г. Второе полное издание.

«Евгений Онегин...». Издание третье. В типографии Ведомства экспедиции заготовления государственных бумаг, 1837.

16° по восемь. VIII + 310 с. Содержание: III — шмуцтитул; IV — цензурное разрешение. «27 ноября 1836»; V — титул; VI — эпиграф «*Pétri de vanité...*»; VII—VIII — посвящение «Не мысля гордый свет забавить...» (17 стихов); 1—280 — эпиграфы и текст как в № 23 выше (главы со следующей нумерацией страниц: 1—40, гл. 1; 41—69, гл. 2, 71—105, гл. 3; 107—138, гл. 4; 139—169, гл. 5; 171—202, гл. 6; 203—240, гл. 7; 241—280, гл. 8); 281—293 — «Примечания к *ЕО*» (те же, что и в № 23 выше; за исключением изменений в примечании 11 гл. 1, L, 11, которое теперь звучит так: «см. первое издание *ЕО*», и содержание примечания 23 напечатано в предваряющих листах с римской пагинацией на с. VII—VIII, то есть оно пропущено и следующие примечания, изначально бывшие 24 и 25, здесь становятся 23 и 24); 295—310 — «Отрывки из „Путешествия Онегина“», тот же текст, что и в № 23 выше.

Обложка: (лицевая сторона) «Евгений Онегин», (последняя страница) «Издание Ильи Глазунова».

Репродукция этого издания недавно увидела свет (см. сборник «Пушкин», ред. А. Еголин, I, с. 379) с посвящением Пушкина Людмиле Шишкиной (жене ростовщика, который одолжил ему денег), датированным 1 января 1837 г.

Перечисление даже основных изданий *ЕО*, опубликованных после гибели Пушкина, заняло бы слишком много места. О популярности романа в России можно судить по лавине изданий, хлынувшей, в частности, между 1911 и 1913 гг. Я воспользовался информацией, заимствованной в «Пушкиниане 1911—1917» А. Фомина (опубликованной Академией наук СССР, 1937). Пятьдесят копеек равнялись двадцати пяти американским центам. За пару центов можно было купить буханку хлеба, а за 10 центов — книжку *ЕО*.

Город	Год	Издатель	Цена	Кол-во экз.
С -Петербург	1911	Стасюлевич	40 коп.	5000
Москва	1912	Сытин	20 коп	10000
С.-Петербург	1912	Суворин	1 50 коп	2000
Москва	1912	Панафидин	20 коп	10000
Киев	1912	Иогансон	35 коп	5000
Варшава	1913	Школа	20 коп	10000

В 1914—1916 гг. также вышло в свет несколько новых изданий, не говоря уж о многочисленных изданиях Полного собрания сочинений (только в 1911 г. их было пять).

Единственным удовлетворительным современным изданием *ЕО* является издание под редакцией Б. Томашевского, вышедшее в т. 6 (1937) шестнадцатитомного Собрания сочинений, опубликованного АН СССР. Я ссылаюсь на него в Комментарии (Акад. 1937). Предисловие описывает содержание следующим образом: «Настоящий том содержит текст *ЕО* и все варианты рукописей и прижизненных печатных изданий.

В основном тексте тома роман напечатан в той редакции, какая установлена самим Пушкиным в изданиях 1833 и 1837 гг., с восстановлением пропусков, сделанных цензурой.

В отделе „Другие редакции и варианты“ помещен весь материал, не вошедший в окончательную редакцию романа, в том числе все, что сохранилось от двух глав, не включенных в окончательный текст, — первоначальной восьмой главы, известной под названием „Путешествие Онегина“, и насыщенной политическим содержанием десятой главы, сохранившейся лишь в небольших отрывках, зашифрованных Пушкиным. Материал этих глав для каждой сосредоточен в одном месте, так как отсутствие объединяющего окончательного текста не позволяет размещать варианты этих глав в разных разделах второго отдела тома. Тексты этих глав воспроизведены в первом разделе отдела „Других редакций и вариантов“ („Варианты черновых рукописей“), в котором текст рукописей воспроизводится полностью.

Редактор настоящего тома — Б. В. Томашевский.

Контрольный рецензент — Г. О. Винокур».

Том также содержит репродукцию акварельного портрета Пушкина, выполненного художником П. Ф. Соколовым в 1830 г., и семь факсимиле страниц с различными автографами.

Пушкинские автографы: библиография

Отвергнутые строфы и рукописные варианты, относящиеся к *ЕО*, исследовались мной, в основном, по *единственному* удовлетворительному современному изданию 1937 г. под редакцией Б. Томашевского, на которое я ссылаюсь как на «Акад. 1937».

Мне также пришлось обращаться к тому V Сочинений Пушкина в десяти томах (содержащему *ЕО* и драматические произведения), изданному на более низком (точнее, весьма посредственном) уровне Академией наук СССР, Институтом литературы (Пушкинским Домом) в Москве в 1949 г. (621 с.) и в 1957 г. (639 с.), где на комментатора (Томашевского), по-видимому, оказывалось значительное давление правительственными издательскими чиновниками, из-за чего вычеркнутые чтения были представлены как неотмененные, а некоторые исправленные варианты оставлены без комментариев. Я ссылаюсь на эти издания как

на «ПСС 1949» и «ПСС 1957». Некоторые пушкинские автографы описаны Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским в книге «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме» (Л., 1937), в остальных случаях требуется проявить недюжинную изобретательность в обнаружении ссылок на местонахождение рукописей и их описаний. Другие работы, сокращенные названия которых встречаются в моем Комментарии, таковы: «П. и его совр.» (серия «Пушкин и его современники», вып. 1—39, 1903—1930) и ее продолжение «Временник» («Временник Пушкинской комиссии», т. I—VI, 1936—1941); и сборник «Лит. насл.» («Литературное наследство», особенно т. 16—18, 1934).

Когда я приступил к этой работе, примерно в 1950 г., автографы Пушкина, относящиеся к *ЕО*, хранились (согласно Акад. 1937, с. 660), главным образом, в четырех местах: 1) в Румянцевском музее (названном после революции Публичной библиотекой Союза ССР имени В. И. Ленина, или Ленинской библиотекой) в Москве, который я обозначил в своих примечаниях сокращением «МБ» (Московская библиотека); 2) в Московском Центральном архиве, в дальнейшем обозначенном «МА»; 3) в Санкт-Петербургской, позже Ленинградской Публичной библиотеке, также именуемой Публичной библиотекой имени Салтыкова-Щедрина*, обозначенной «ПБ»; 4) в Пушкинском Доме, также именуемом Институтом литературы Академии наук СССР в Ленинграде, обозначенном «ПД». К моменту окончания работы все рукописи оказались собранными в ПД, но в целях согласованности я сохранил прежний код в моих ссылках.

Основная часть черновиков *ЕО* находится в тетрадах 2368, 2369, 2370, 2371 и 2382, дополнительные материалы — в 1254, 2366, 2387, 3515 и 8318. Все они раньше хранились в МБ. Большая часть беловых рукописей хранилась в ПБ (8, 9, 10, 14, 18, 21—26, 42, 43). В ПД были 46, 108, 155—173, фонд 244, и описи 1 и 5—45. В МА содержались лишь 22/3366 и рукопись без номера (второй беловой автограф главы второй). Черновики распределяются следующим образом:

Глава первая

Черновики первой главы, начатой в мае 1823 г. в Кишиневе, находятся в тетради 2369 (л. 4 об.—22 об.), за исключением черновиков строф (XXXIII, 1254, л. 24 об., 2366, л. 13 об., 17 об. и 2370, л. 4) и XVIII—XIX (2370, л. 20 об.). Беловая рукопись (копия) имеет номер 8 (ПБ).

Глава вторая

Черновики содержатся в тетради 2369 (л. 23—43 об.). Первый беловой автограф под номером 9 (ПБ) и второй беловой автограф без номера хранятся (согласно Акад. 1937) в МА.

Глава третья

Черновики содержатся в тетрадях 2369 (л. 39 об., л. 48 об.—51 об., первые шесть строф) и 2370 (л. 2—7, 11 об., 12, 17 об.—20, 28), последнюю Пушкин начал в мае 1824 г. в Одессе. Беловая рукопись снабжена номером 10 (ПБ); существует еще отдельная беловая рукопись четырех строф (XVII, XVIII, XIX, XX, 1—12) в ПД 154.

* Михаил Салтыков, писательский псевдоним Щедрин (1826—1889), второсортный автор политико-сатирических художественных произведений. (Примеч. В Н)

Глава четвертая

Черновики содержатся в тетради 2370 (л. 28 об.—29 об., 31—34, 39, 41, 50—54, 58, 64 об., 70—79). Беловая рукопись (вместе с пятой главой) имеет номер 14 (ПБ). Беловая рукопись I—IV находится в МБ 3515 (с. 415—417) в письме Пушкина Михаилу Погодину от 15 августа 1827 г.

Глава пятая

Черновики содержатся в тетради 2370 (л. 70 об.—84, I—XX; л. 38 об.—40, XXXII—XXXVIII; л. 64, 68, 50, XXI), а остальные — в тетради 2368 (л. 3, 41—43 об., 49 об., 50), которую он начал в 1826 г. Беловая рукопись — в ПБ 14.

Глава шестая

До нас дошло очень немного автографов этой песни. Черновики строф XLIII—XLV содержатся в тетради 2368 (л. 24). Черновики строф X—XXIVa, b и первого стиха XXIVc находятся в ПД 155; а окончательный черновик (или первая беловая рукопись) строф XXVI—XXVII хранится (или хранилась до 1937 г.) в частной коллекции за границей. За исключением отрывка XLVI в альбоме, других беловых рукописей более не существует.

Глава седьмая

Черновики содержатся в тетрадях 2368 (л. 21—23 об., 27, 30—32, 35) и 2371 (л. 2—10, 17, 68—69, 71 об.—75). Беловые рукописи находятся в ПБ 43, они включают вариант XXI—XXII и «Альбом Онегина». Черновики VIII—IX находятся в МБ 71 (л. 4).

Путешествие Онегина (первоначально глава восьмая)

Черновики строф XX—XXIX, сочиненных сразу же после четвертой главы (1825) содержатся в тетради 2370 (л. 65—68 об.). Черновики строф I—XIX, сочиненных в конце 1829 г., находятся в ПД 161—162 (I—III); 2382 (л. 90, 98, 111—112, 115 об.—119, V—XII, не в таком порядке); ПД 168 (XIIa, b); 2382 (л. 39 об., XIIc; л. 116, XIII; л. 111 об. и 115, XV; л. 111 и 112, XVI—XVIII); ПБ 18 (XVIII); 2382 (л. 90, XIX); с последним отрывком, законченным 18 сентября 1830 г. в 2368 (л. 30, XXX; л. 17 об., XXXII) и ПБ 18 (XXXI). Беловые рукописи находятся в 2382 (л. 100, IV; л. 119—120, I—III), ПБ 18 (V—XII, XIII—XXXIII), и ПД 169 (XXXIV)

Глава восьмая (первоначально глава девятая)

Черновики этой песни осталось немного. В тетради 2382 находятся черновики Ia и Ib (л. 25 об.) и XXVIa (л. 32 об.); другие черновики в 2387A (л. 17, отрывки VI); ПД 159 и 160 (отрывки IX); ПД 163 (XVIII, 9—14, XIX); ПД 164 (XXV); 2371 (л. 88 об., XXVIIa, 1-й вар.); ПД 165 («Письмо Онегина»); ПД 166 (XXXVII). Беловая копия, ПБ 21—26, с заглавием «Евгений Онегин. Пес[ня] IX», с указанием даты и места (строфа LI) «Болдино, 25 сентября [1830], 3 1/4» включает строфы (с иной нумерацией; см. Комментарий) Ia, Id, Ie, If, II—VIII, XVII—XXIV, XXVII, XXX—XXXVI (обозначенная как XXXIII), XXXVIII—LI (последний отрывок без нумерации).

Глава десятая

Отрывки этой песни находятся в ПД 170 и 171 (см. Комментарий).

Примечания Пушкина к *ЕО*

Черновик, написанный в 1830 г., находится в ПД 172.

ПРЕДИСЛОВИЕ [К КОММЕНТАРИЮ]

Следующий Комментарий состоит из ряда примечаний ко всем текстам *ЕО*, включая отвергнутые строфы и варианты, сохранившиеся в тетрадах Пушкина, а также предполагаемые продолжения. Среди этих заметок читатель найдет мои соображения, касающиеся различных текстовых, лексических, биографических и топографических проблем. В Комментарии отмечаются и многочисленные случаи творческих заимствований Пушкина, делается попытка путем разбора конкретной мелодии того или иного стиха объяснить магию пушкинской поэзии. Большой частью мои комментарии являются результатом самостоятельных изысканий, иногда развивают и продолжают исследования других, а в ряде случаев отражают сведения базовые, общеизвестные, которыми владеют все русские почитатели Пушкина.

Четыре «английских» «стихотворных» «перевода», упомянутых в моем Комментарии и, к сожалению, доступных студентам, таковы: «*Eugene Onéguine*», перевод подполковника Генри Сполдинга (Henry Spalding; London, 1881); «*Eugene Onegin*», перевод Бабетты Дейч (Babette Deutsch), в книге «Сочинения Александра Пушкина» («The Works of Alexander Pushkin», ред. А. Ярмолинский, New York, 1936 и 1943); «*Evgeny Onegin*», пер. Оливера Эльтона (Oliver Elton; London, 1937); также он публиковался в периодическом издании «The Slavonic Review» (январь 1936 — январь 1938 г.); и, наконец, «*Eugene Onegin*», перевод Доротей Пролл Радин и Джорджа З. Патрика (Dorothea Prall Radin, George Z. Patrick; Berkeley, Cal., 1937).

Неизмеримо гаже вышперечисленных новая версия Уолтера Арндта (Walter Arndt), изобилующая пропусками и грубейшими ошибками, — «*Eugene Onegin*» в даттоновской бумажной обложке (New York, 1963), — попавшая мне в руки уже после того, как Комментарий был отдан в печать, слишком поздно для детального разбора.

КОММЕНТАРИЙ
к роману
А.С.Пушкина
«Евгений Онегин»

ПРЕДВАРЯЮЩИЕ ТЕКСТЫ

Главный эпиграф

Pétri de vanité . — Исправления, сделанные в ПБ 8, и инициалы «А. П», заменяющие эпиграф в ПД 129, наталкивают на предположение, что эта цитата вымышленная, по крайней мере в ее окончательном афористическом виде. Бессмысленно рассуждать, существовало ли когда-нибудь цитируемое «частное письмо», а если существовало, то кто был его автором, но для любителей искать действительных прототипов вымышленных героев и «реальную жизнь» на ведущих в никуда дорогах искусства я приотвил сжатое, сухое исследование в комментарии к гл. 1, XLVI, 5—7.

Мысль снабдить легкомысленную историю эпиграфом философского толка явно позаимствована у Байрона. К первым двум песням «Паломничества Чайльд Гарольда» (London, 1812) Байрон послал Р. Ч. Далласу (16 сентября 1811 г.) эпиграф, начинающийся словами: «L'univers est une espèce de livre, dont on n'a lu que la première page»* из «Космополита» Луи Шарля Фужере де Монброна (London, 1750, p. 1)**.

Туманные эпиграфы были особенно любимы английскими авторами; такой эпиграф вызывал интроспективные ассоциации, и тут, конечно, должно вспомнить Вальтера Скотта, самого талантливого сочинителя эпиграфов.

Слово «*pétri*» в переносном смысле («охваченный», «погруженный», «состоящий из») довольно часто употреблялось французскими авторами, которым подражал Пушкин. Лабрюйер в «Характерах, или Нравах нынешнего века» (1688) использует «*pétri*» (с написанием «*paistri*» и «*païtri*» в первых изданиях) в § 15 главы «О светском обществе и об искусстве вести беседу» («*Ils sont comme pétri de phrases*»***) и в § 58 главы «О житейских благах» («*âmes sales, pétries de boue*»****). Вольтер в письме XLI (1733) говорит, что стихи Жана Батиста Руссо «*pétris d'eureurs, et de haine, et d'ennui*»+, а в Песне III (1767) «Женевской гражданской войны» он характеризует Жан-Жака Руссо как «*sombre énergumène... pétri d'orgueil*»++, что практически равнозначно пушкинскому выражению.

* «Мир подобен книге, в которой прочитана лишь первая страница» (фр.)

** В более позднем издании 1752 г., предположительно напечатанном в Амстердаме, добавлен подзаголовок «ou le Citoyen du monde» («или Гражданин мира») (Примеч В Н)

*** «Они словно состоят из фраз» (фр.).

**** «Низкие души, вылепленные из грязи» (фр.)

+ «Исполнены ошибок, злобы и скуки» (фр.)

++ «Сумрачный сумасброд . пропикнутый гордостью» (фр.)

В «Замогильных записках» (1849—1850) Шатобриан называет себя «*aventureux et ordonné, passionné et methodique... androgyne bizarre pétri des sangs divers de ma mère et de mon père*»* (написано в 1822 г., использовано изд. 1846); в Шатобриановом «Рене» я обнаружил «*pétri*» по крайней мере однажды: «*Mon coeur est naturellement pétri d'ennui et de misère*»**.

В русской литературе еще одно «*pétri*» (полвека спустя после пушкинского) возникает в своем прямом значении в знаменитой фразе, сказанной по-французски омерзительным гомункулусом в роковом сне Анны Карениной («*Анна Каренина*», ч. IV, гл. 3).

Главный эпитаф содержит, я полагаю, реминисценции из пассажа Никола де Мальбранша в «*Разысканиях истины*» (1674—1675, встретившееся мне издание 1712, т. 1, кн. II, ч. III, гл. 5): «*Ceux qui se louent... [mettent] au-dessus des autres... Mais c'est une vanité encore plus extravagante... de décrire ses défauts... Montaigne me paroît encore plus fier et plus vain quand il se blâme que lorsqu'il se loue, parce que c'est un orgueil insupportable que de tirer vanité de ses défauts... J'aime mieux un homme qui cache ses crimes avec honte qu'un autre qui les publie avec effronterie*»***.

Я также полагаю, что главный эпитаф содержит если не прямые аллюзии на Жан Жака Руссо и на оказанное им влияние на воспитание, то, во всяком случае, на возможные отголоски дискуссий тех времен по этому поводу. Ритмика фразы близка цитате из Руссо в пушкинском примечании 6 (к гл. 1, XXIV, 12). В памфлете, увидевшем свет в начале 1791 г («*Письмо члену Национальной Ассамблеи [Менонвилю] в ответ на некоторые возражения по поводу его книги о положении дел во Франции*» Эдмунд Бёрк, этот, по словам Гиббона, «многословный и простодушный» оратор, так говорит о Руссо: «У нас в Англии... был основатель философии тщеславия.. [который] исповедовал один-единственный принцип — ..тщеславие. Этим пороком он был одержим почти до сумасшествия. Именно благодаря этому нездоровому эксцентричному тщеславию. » Но позвольте я продолжу во французском переводе («*Lettre de M. Burke, à un membre de l'Assemblée National de France*». Paris, 1811), который мог попасться на глаза Пушкину: «*Ce fut cette... extravagante vanité qui [le] détermina... à publier une extravagante confession de ses faiblesse... et à chercher un nouveau genre de gloire in mettant au jour ses vices bas et obscurs*»**** и далее в оригинале: «С его [Руссо] помощью они [власти революционной Франции] вселяют в свою молодежь примитивную, грубую, отвратительную, удручающую, дикую смесь педантизма и распущенности».

В библиотеке Пушкина хранилось разрезанное издание «*Размышлений о Французской революции*» Эдмунда Бёрка («*Réflexions sur la révolution de France*».

* «Бесстрашным и осторожным, страстным и педантичным .. причудливым гермафродитом, созданным из разных кровей матери и отца» (*фр*)

** «Мое сердце естественно проникнуто тоской и несчастьем» (*фр*)

*** «Похваляющиеся ставят себя выше других. Но еще более изощренный вид тщеславия.. описывать свои недостатки.. Когда Монтень себя осуждает, он кажется мне еще более гордым и тщеславным, чем когда хвалит себя; ведь удовлетворение тщеславия за счет собственных недостатков свидетельствует о нестерпимой гордости. Человеку, который с наглостью объявляет о своих преступлениях, я предпочитаю того, кто стыдливо скрывает их» (*фр*)

**** «Сумасбродное тщеславие.. побудило его опубликовать сумасбродное признание своих слабостей. и искать славы иного рода, разгласив свои низкие и темные пороки» (*фр*).

Paris, 1823), анонимный перевод с английского «Reflections on the Revolution in France» (London, 1790), той самой книги «о положении дел во Франции» из памфлета 1791 г.

Впрочем, тщетно было бы искать в этих публикациях источник эпиграфа из Берка в ПБ 8 (см. ниже: «Отвергнутые эпиграфы»). Я проследил его вплоть до доклада «Размышления и подробное описание скудости, впервые представленное высокочтимому Вильяму Питту в ноябре месяце 1795 г.» Отрывок, в котором появляется текст эпиграфа, звучит так: «If the price of the corn should not compensate the price of labour... the very destruction of agriculture itself... is to be apprehended. *Nothing is such an enemy to accuracy of judgment as a coarse discrimination, a want of such classification and distribution as the subject admits of. Increase the rate of wages to the labourer, say the regulators...*»^{*}

Не могу себе вообразить Пушкина, в то время не владевшего английским (и столь же безразличного к огородным вредителям в Англии, сколь и к саранче в России), который бы читал рассуждения сквайра Берка о бобах и репе. Скорее всего, он набрел на эту цитату в чьем-нибудь альбоме и собирался использовать ее, возможно намекая на читателей, не делающих «разграниченья» между автором и его персонажами^{**}, — эта мысль вновь возникает в гл. I, LVI, где Пушкин настаивает на разнице между автором и главным героем, дабы не получить обвинения в подражании Байрону, который в своих героях выводил себя. Надо отметить, что, по свидетельству биографов Байрона, последний любил посылать (из Венеции) порочащие его заметки в парижские и венские газеты в надежде, что британская пресса их перепечатает, и что он получил (от герцога де Брогли) прозвище «un fanfaron du vice»^{***} — а это вновь возвращает нас к главному эпиграфу.

Отвергнутые эпиграфы

Беловая рукопись первой главы (хранящаяся под номером ПБ 8 и именуемая «Автографом» в Акад. 1937), подготовленная Пушкиным в Одессе не раньше октября 1823 г. и не позже января 1824 г., в некоторых частностях отличается от первого издания главы (16 февраля 1825 г.). Эта беловая рукопись снабжена написанным на обложке главным эпиграфом: строками 252—253 поэмы Евгения Баратынского «Пирры» (позже Пушкин собирался использовать их в качестве эпиграфа к гл. 4, если судить по беловой рукописи этой песни); далее идет заглавие «Евгений Онегин», а под ним еще один эпиграф. «Nothing is such an enemy [sic] to accuracy of judgment as a coarse discrimination. Burke» (см. выше: «Главный эпиграф») Затем стоит: «Одесса. MDCXXXIII» и два эпиграфа к главе. Первый:

* «Если цена на кукурузу не будет компенсировать цену на труд... следует ожидать... настоящего разорения самого сельского хозяйства *Ничто так не враждебно точности сужденья, как грубость распознаванья*, недостаток такой классификации и распределения, каковые допускает данный предмет Увеличьте размер заработной платы рабочих, говорят регулирующие органы » (англ.)

** Или на вельмож, забывающих, что бедный поэт может оказаться не менее знатного происхождения, чем они сами. (Примеч В Н)

*** «Фанфарон порока» (фр.)

По жизни так скользит горячность молодая
И жить торопится и чувствовать спешит *

(Пушкин сначала написал «спешит» вместо «скользит»).

И второй: «Pas entièrement exempt de vanité il avait encore de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité peut-être imaginaire. Tiré d'une lettre particulière» **.

Пушкин сначала написал «encore plus d'orgueil et de ce genre» и «suite d'un sentiment de supériorité sur les autres» ***.

В тридцатистраничной копии (именуемой «Копия» в Акад. 1937) гл. 1, снятой переписчиком осенью 1824 г., исправленной поэтом и отосланной с братом Львом в Петербург, отсутствуют и Баратынский, и Берк. Вначале стоит посвящение, написанное на обложке рукой поэта:

Посвящено Брату
Льву Сергеевичу
Пушкину

Затем следует заглавие:

Евгений Онегин
Роман в стихах
Сочинение А. П. ...

В идущем далее эпиграфе по-французски первые три слова («Pas entièrement exempt» ****) Пушкиным вычеркнуты и заменены на одно «Rétri», вставленное карандашом (если верить описанию копии, данному В. Срезневским (*П и его совр*, 1904, вып. 2, с. 3)

В издании 1825 г. и переиздании 1829 г. эпиграф из Вяземского отсутствует, он появляется перед первой главой в изданиях 1833 г. и 1837 г.

Отвергнутые вступления

Главу первую, вышедшую отдельным изданием (1-е изд., 16 февр. 1825 г.; 2-е изд., конец марта 1829 г.), Пушкин снабдил посвящением брату и предисловием, которое должно было свидетельствовать об отстраненности издателя и которое более не перепечатывалось в полных изданиях романа:

«Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено.

* Это стихи 75—76 из стихотворения П. Вяземского «Первый снег» (1819), которые я разбираю в коммент к гл. 1, эпиграф (*Примеч В Н*)

** «Не полностью лишенный тщеславия, он обладал сверх того той особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках — следствие чувства превосходства, быть может, мнимого Из частного письма» (*фр*)

*** «Сверх того большей гордостью и такого рода», «следствие чувства превосходства над другими» (*фр*)

**** «Не вполне свободный» (*фр*)

Несколько песен или глав *Евгения Онегина* уже готовы. Писанные под влиянием благоприятных обстоятельств, они носят на себе отпечаток веселости*, ознаменовавшей первые произведения автора *Руслана и Людмилы* [1820].

Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года и напоминает *Беппо*** , шуточное произведение мрачного Байрона.

Дальновидные критики заметят, конечно, недостаток плана. Всякий волен судить о плане целого романа, прочитав первую главу оного. Станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающегося на *Кавказского пленника* [герой одноименной романтической поэмы Пушкина, напечатанной в 1822 г.], также некоторые строфы, писанные в утомительном роде новейших элегий, в коих чувство уныния поглотило все прочие***. Но да будет нам позволено обратить внимание читателей на достоинства, редкие в сатирическом писателе: отсутствие оскорбительной личности и наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов».

В рукописи предисловия, датированной 1824 г. (тетрадь 2370, л. 10, 11), с прелестным изображением онегинского профиля над сокращенным заглавием («Предисловие к Евг. Онег.»), второе предложение четвертого абзаца начинается так. «Очень справедливо будут осуждать характер главного лица — напоминающего Ч<ильд> Н<agold'a>» [sic****; переправленное «Адольфа» отсылает к «Адольфу» Бенжамена Констанана]; пятый же абзац заменяли следующие два. «Звание издателя не позволяет нам хвалить ни осуждать сего нового — произведения — Мнения наши могут показаться пристрастными — Но да будет нам позволено обратить внимание почтеннейшей публики и г.г. журналистов на достоинство, еще новое в сатирическом писателе: наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов. Ювенал, Петрон, Вольтер и Байрон — далеко не редко не сохранили должного уважения к читателям и к прекрасному полу. Говорят что наши Дамы начинают читать по русски — Смело предлагаем им произведение где найдут они под легким покрывалом сатирической веселости наблюдения верные и занимательные.

Другое Достоинство почти столь же важное приносящее не малую честь сердечному незлобию нашего Автора есть совершенное отсутствие оскор-

* Фактически к середине февраля 1825 г у Пушкина были готовы только три главы (и около половины гл 4) Ни одна из них особой веселостью не отличалась. Не следует забывать, что в 1820 г приказом правительства Пушкину было предписано постоянно проживать на юге России вплоть до дальнейших распоряжений и что в конце июля 1824 г. он был выслан из Одессы в Михайловское, имение своей матери на северо-западе страны, праздность жизни его в Кишиневе (где в мае 1823 г. был начат *ЕО*) и в Одессе, а также тоскливое уединение в Михайловском — вот те «благоприятные обстоятельства», о которых говорит Пушкин. (Примеч В Н)

** Речь идет о «Беппо» (1818) или, скорее, «Беппо, венецианская повесть» («Верро, nouvelle vénitienne») во французском переложении произведений Байрона. А. Пишо в своем предисловии (т 12, 1820; переизд в т. 4, 1822) говорит. «Как и „Дон-Жуан“, „Беппо“ — сплошное надувательство поэт как бы подшучивает над всеми правилами своего искусства. однако среди постоянных отступлений фабула не перестает развиваться» (Примеч. В Н)

*** Цитата из критической статьи В Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» («Мнемозина», 1824, ч. II, с. 29—44) См также коммент. к гл 4, XXXII, 1. (Примеч В Н)

**** Русское «Ч» и латинское «Н» <.> (Примеч В Н)

бительной личности. Ибо не должно сие приписать единственно отеческой бдительности нашей Цензуры, блю<стительницы> нравов, государст<венного> спокойствия, сколь и заботливо охраняющей граждан от нападения *простодушной клеветы* насмешливого легкомыслия...» (Последнее предложение не закончено)

В изданиях первой главы 1825 и 1829 гг. за предисловием следовала (с. XI—XXII) пьеса-пролог или *Vorgpiel** со свободной схемой рифмовки, написанная четырехстопным ямбом (и заканчивающаяся выразительной фразой в прозе). Она называлась «Разговор книгопродавца с поэтом», была написана 26 сентября в Михайловском и перепечатана в виде отдельного стихотворения (не связанного с *ЕО*, с которым и в самом деле не имела ничего общего) в первом Собрании сочинений нашего поэта (1826; вышло в свет 28 декабря 1825 г.). Пушкин велел брату Льву датировать это стихотворение в печати 1823 г., по-видимому, с целью не допустить вызываемых некоторыми стихами (например, 144—159) ассоциаций с пребыванием автора в Одессе в начале лета 1824 г., когда у него был роман с графиней Елизаветой Воронцовой

<...>

Разговор книгопродавца с поэтом

Книгопродавец**

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть
Поэма, говорят, готова,
Плод новых умственных затей
Итак, решите, жду я слова
Назначьте сами цену ей
Стишки любимца муз и Граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...
О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы
Я видел вновь приюты скал
И темныи кров уединенья,
Где я на пир воображенья,

* Пролог (*нем.*).

** Здесь Пушкин дает примечание: «Заметим для щекотливых блюстителей приличия, что Книгопродавец и Поэт оба лица вымышленные. Похвалы первого не что иное как светская вежливость, притворство необходимое в разговоре, если не в журнале» (*Примеч В Н*)

Бывало, музу призывал
Там слаще голос мой звучал,
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой*,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдоховенья!
Все волиовало нежный ум**
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовие ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом,
За мною всюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава,
В ней грезы чудные рождались,
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались
В гармонии соперник мой
Был шум лесов иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шепот речки тихоструйной
Тогда в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом,
Я был хранитель их скупой,
Так точно в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любвицы молодой
Хранит любовник суеверный

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады
Вы разошлись по рукам,
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья

* То же выражение используется в связи с образом Ольги, предстающим перед Ленским в *ЕО*, гл. 6, XX, 7—8. (Примеч В Н)

** У Шатобриана в «Рене» сходная интонация «Как мало надо было мне для пребывания в мечтательном настроении сухой лист . хижина, дым от которой поднимается к голым вершинам деревьев . удаленный утес, пустынное озеро. .»

И от людей, как от могил,
Не ждал за чувства воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию зарытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья*,
Жуковский то же говорил**,
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья
И впрямь, завиден ваш удел
Поэт казнит, поэт венчает,
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает,
Героев утешает он,
С Коринной*** на киферский трон
Свою любовницу возносит
Хвала для вас докучный звон,
Но сердце женщины славы просит
Для них пишите, их ушам
Приятна лесть Анакреона,
В молодые лета розы нам
Дороже лавров Геликона

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, среди бури жизни шумной,

* Байрон обратился к Поупу, а Пушкин к Пишо У Поупа («Опыт о человеке», Послание IV, стихи 237—238, дословный перевод)

Что слава? Счастье в устах других,
Она вне нас еще до нашей смерти

У Байрона («Дон Жуан», I, ССХVIII, стихи 1—2, 7—8, дословный перевод)

В чем слава? В том, чтобы заполнить
Определенное место в неопределенной газете

Иметь, когда оригинал станет прахом,
Имя, жалкий портрет и — того хуже — бюст

Жалкое Пишотово переложение (четвертый атрибут славы) превращает две первые байроновские строчки в следующее «К чему ведет слава? К заполнению, может быть, маленького листочка бумаги» См. также в «Гармониях» Ламартина отрывок «Что слава?» и т. д. Сам Пушкин использовал сходное определение в поэме того же периода, что и «Разговор. .», в откровенно байронических «Цыганах» (стихи 219—223). Я цитирую их в коммент. к гл 1, VIII, 10—14. (Примеч В Н)

** По-видимому, ссылка на балладу Василия Жуковского «Светлана», стих 259

Слава — нас учили — дым (Примеч. В Н)

*** «Возлюбленная» римского поэта Овидия, прославленная в его элегиях («Amores» / «Песни любви»), ок. 16—1 г. до н э (Примеч В. Н)

Искал вниманья красоты
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви,
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет,
Пускай их Шаликов* поет,
Любезный баловень природы
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется,
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души,
Не чисто в них воображенье
Не понимает нас оно,
И, признак Бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну**, сердцу больно
Мне стыдно идиолов моих
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унижил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?

Книгопродавец

Люблю ваш гнев Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя, но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей***
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он
И что ж? какое дело свету?

* Почему Пушкин счел уместным сделать этот галльский комплимент («любезный баловень природы») томному рифмоплету князю Петру Шаликову (1768—1852), издателю дамского журнала, неясно, — разве только он был вызван заверениями восторженного восхищения Пушкиным, помещавшимися Шаликовым в этом журнале. Как бы там ни было, Пушкин заменил «Шаликова» на «юношу», когда «Разговор .» вышел в первом собрании стихотворений (1826). Говорят, такая неожиданная безымянность, равно как и внезапное помолодение, немало озадачили престарелого журналиста. В черновике вместо «юноши» стоит «Батюшков» — имеется в виду поэт Константин Батюшков (1787—1855) (Примеч В. Н.)

** Заменено на «я содрогаюсь» в сборнике 1826 г. (Примеч В. Н.)

*** Ср гл 1, XXXIV, 11—12 (Примеч В. Н.)

Я всем чужой Душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блажеństwo знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи*,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?
**

И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мон
Безумца диким лепетаньем
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем
Судьбою так уж решено
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои,
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви!
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбу, тоску судьбы*** моей
Земных восторгов излианья,
Как божеству, не нужно ей!

Книгопродавец

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу

Книгопродавец

Прекрасно Вот же вам совет,
Внемлите истине полезной
Наш век — торгаш, в сей век железный
Без денег и свободы нет
Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рубище певца
Нам нужно злата, злата, злата
Копите злато до конца!

* «Которой очи» — неуклюжий оборот (Примеч В Н)

** Здесь у Пушкина отточие обозначает не пропуск, а паузу (Примеч В Н)

*** В «Стхотворениях» (1826) дается «души» вместо «судьбы» (Примеч В Н)

Предвижу ваше возраженье,
Но вас я знаю, господа
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье,
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиенье.
Позвольте просто вам сказать
Не продается вдоховенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить! уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы,
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера,
И признаюсь — от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт

Вы совершенно правы Вот вам моя рукопись Условимся

Посвящение

Последовательность рифм: *ababesecdudofof* (здесь, как и везде, гласные стоят вместо женских рифм). Размер: четырехстопный ямб. История напечатания этой пьесы (сочиненной 29 декабря 1827 г., после того, как три главы *ЕО* вышли в свет и шесть были завершены) весьма примечательна.

Первое издание главы первой (печатание закончено 7 февраля 1825 г., поступило в продажу через девять дней) было посвящено брату Льву («Посвящено брату Льву Сергеевичу Пушкину»). Лев Пушкин (1805—1852), уезжая из Михайловского в первой неделе ноября 1824 г., взял с собой в Петербург точную копию первой главы, чтобы напечатать ее там с помощью Плетнева (см. ниже). Лев Пушкин был восторженным литературным доброхотом, но небрежным в денежных делах и, что того хуже, распространял рукописные стихи брата, читал их на званых вечерах и разрешал пушкинским поклонникам их переписывать. Он обладал замечательной памятью и изрядной художественной проницательностью. Летом 1825 г. в Михайловском ссыльный начал роптать и следующей весной взорвался. Баратынский изо всех сил старался оправдать «Левушку», но отношения Пушкина с непутевым братом так и не обрели былой теплоты.

Гораздо больше усердия проявил Петр Плетнев (1792—1865), тихий, высокообразованный человек, иступленно преданный таланту и поэзии. В 1820-е гг он преподавал историю и литературу благородным девицам и кадетам в различных учебных заведениях; в 1826 г. давал уроки в императорском дворце; с 1832 г. был профессором русской литературы в Петербургском университете, а в 1840 г. стал его ректором.

В конце октября 1824 г. Пушкин писал Плетневу из Михайловского в Петербург. Вот черновик письма (тетрадь 2370, л. 34):

«Ты издал дядю моего
Творец Опасного соседа

Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не жалела лик его *
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ты будешь свой издатель?

Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего Онегина — созови мой Ареопаг, ты, Ж<уковский>, Гнед<ич> и Дельви́г — от вас ожидаю суда и с покорностию приму его решение. Жалею, что нет между вами Бара<тынского>, говорят, он пишет [поэму]».

Первая ссылка в этом стихке (четырёхстопный ямб) относится к Василию Пушкину (незначительному поэту, 1767—1830), дяде Пушкина по отцовской линии. Его лучшим произведением была названная здесь сатирическая поэма «Опасный сосед» (1811), герой которой распутник Буянов появится и в *ЕО* (см. коммент. к гл. 5, XXVI, 9 и XXXIX, 12) как «брат двоюродный» самого Пушкина и первый претендент на руку Татьяны (гл. 7, XXVI, 2). Далее речь о литературной вражде между прогрессистами, или западниками (кружок «Арзамас»), и архаистами, или шишковистами (кружок «Беседа»), вражде, не имевшей абсолютно никаких последствий для развития русской литературы и отмеченной дурными манерами с обеих сторон (см. коммент. к гл. 8, XIV, 13). Плетнев занимался публикацией стихотворений Василия Пушкина («Стихотворения», Санкт-Петербург, 1822), не включивших, конечно, «Опасного соседа».

Участие Плетнева в этом деле выразилось следующим образом. В 1821 г. Вяземский написал из Московской губернии своему петербургскому корреспонденту Александру Тургеневу и попросил последнего организовать подписку на печатание стихотворений Василия Пушкина. Тургенев медлил, ссылаясь (1 ноября 1821 г.) на то, что, поскольку ему «некогда садить цветы в нашей литературе», когда «надобно вырвать терние, да и не оттуда», он перепоручил это предприятие Плетневу.хлопотами Плетнева было собрано пятьсот рублей; но лишь к концу апреля 1822 г. (отсрочка, которая чуть с ума не свела бедного Василия Пушкина) удалось найти достаточно подписчиков — в основном усилиями добрейшего Вяземского, — чтобы отдать книгу в печать. Я не смог обнаружить, какие финансовые договоренности связывали Плетнева и Александра Пушкина, но в том, как Плетнев взялся за издание главы первой *ЕО*, прелестно охарактеризовав ее в письме к автору от 22 января 1825 г. как «карманное зеркало петербургской молодежи», чувствуется радость поистине бескорыстная.

Пушкинисты обвиняют Плетнева, что он-де был плохим корректором и мало сделал для посмертной славы Пушкина. Но не забудем, что Плетнев стал первым биографом нашего поэта («Современник», 1838, XL).

Впервые посвящение появилось в отдельном издании (около 1 февраля 1828 г.) глав четвертой и пятой: «Петру Александровичу Плетневу» с датой «29 декабря 1827 г.»; хотя посвящение вводит лишь эти две главы, его содержание подразумевает всю совокупность пяти глав романа. Дружба, породившая такое посвящение, скорее всего, должна оставаться безоблачной даже после утраты

* В ПСС 1949, т. 2, с. 225 вместо этого сказано: «И не заметила его» (Примеч. В. Н.)

первой легкомысленной пылкости, и есть все основания полагать, что Пушкин очень старался загладить нанесенную Плетневу обиду (см. ниже); но, вообще говоря, посвящения обычно становятся обузой для всех, с кем связаны. В первом полном издании *ЕО* (23 марта 1833 г.) эта пьеса была как-то робко перемещена в конец книги (с. 268—269), в примечания, где под номером 23 было сказано: «Четвертая и пятая главы вышли в свет с следующим посвящением П. А. Плетневу». Ниже приводился текст. Затем во втором полном и последнем прижизненном издании (январь 1837 г.) после временного пребывания в означенном чистилище посвящение вернулось на прежнее место в начало романа, где и разместилось на двух страницах (VII и VIII) перед с. 1 без всякого упоминания имени Плетнева. Но злоключения его на сем не кончились. Если допустимо судить по экземпляру редкого издания 1837 г. в собрании Байярда Л. Кильгура Мл. (№ 688) Хотоновской библиотеки Гарвардского университета, в некоторых книжках, должно быть, существовал четвертый лист с посвящением, ошибочно вплетенный между с. 204 (окончанием гл. 7, II, 9) и с. 205.

Плетнев писал очень слабые стихи. В ужасающей небольшой элегии, неуклюжей и смиренной, а впрочем, вполне безобидной, напечатанной в журнале Александра Воейкова «Сын отечества» (1821, VIII), Плетнев изобразил — от первого лица! — нечто, претендующее на ностальгические переживания в Риме поэта Батюшкова (с которым он лично даже не был знаком). Тридцатичетырехлетний Константин Батюшков, незадолго до того перенесший первые приступы сумасшествия, которому суждено было продлиться еще тридцать четыре года, вплоть до смерти поэта в 1855 г., был возмущен этой «элегией» намного сильнее, чем если бы пребывал в здравом уме. Это несчастное происшествие, особенно мучительное ввиду восторженного преклонения Плетнева перед Батюшковым, нашло резкий отклик в пушкинской переписке. О «бледном, как мертвец», слоге Плетнева Пушкин безжалостно отозвался в письме брату от 4 сентября 1822 г., а последний «по ошибке» показал его доброму другу Плетневу. В ответ Плетнев тут же обратился к Пушкину с очень слабым, но трогательным стихотворением («Я не сержусь на едкий твой упрек»), где выражает сомнение, что он, Плетнев, сможет сказать о своих собратях-поэтах, с которыми его соединили «искусства в общий круг»:

«Мне в славе их участие дано;
Я буду жить бессмертием мне милых»
Напрасно жду С любовь мою
К поэзии, в душе с тоской глубокой,
Быть может, я под бурей грозных дней
Склоиюсь к земле как тополь одинокий

Плетнев послал свое стихотворение из Петербурга в Кишинев примерно осенью 1822 г., а Пушкин в (декабрьском?) ответном письме, от коего до нас дошел лишь черновик, как мог утешал расстроенного любителя муз и приписал свои «легкомысленные строки» о стиле Плетнева «так называемой хандре», которой часто бывает подвержен. «Не подумай, однако, — продолжает Пушкин в черновике, — что не умею ценить неоспоримого твоего дарования. [...] Когда я в совершенной памяти — твоя гармония, поэтическая точность, благородство выражений, стройность, чистота в отделке стихов пленяют меня как поэзия моих любимцев».

Пушкинское посвящение — не более чем продолжение цитированных утешительных, но лживых заверений. И в течение пятнадцати лет этот альбатрос висел на шее у нашего поэта.

Повинное посвящение — это не только добрые слова другу, которого надо было обласкать; оно не только очерчивает некоторые настроения и темы романа, но также является прообразом трех структурных приемов, которые будут использованы автором в *ЕО*: 1) строки с деепричастиями; 2) строки с определениями; 3) прием перечисления.

Начальные строки с деепричастиями, как это часто бывает у Пушкина, словно парят над контекстом, и точки их соприкосновения неоднозначны. Стихи эти можно понять следующим образом: «Так как я не собираюсь забавлять свет и так как больше всего меня заботит мнение друзей, я бы хотел предложить тебе нечто лучшее, чем все это». Но придаточное может присоединяться к главному предложению и по-иному: «Хотелось бы мне заботиться только о мнении друзей, *тогда-то* я мог бы предложить тебе нечто лучшее».

За первым четверостишием следуют строки с определениями и перечни, образующие то, что я назвал «приемом перечисления (или инвентаря)». «Мой залог должен был бы быть достойнее тебя и твоей прекрасной души. Твоя душа исполнена 1) святой мечты, 2) живой и ясной поэзии, 3) высоких дум и 4) простоты. Но так и быть — прими это собрание пестрых глав, которые характеризуются (здесь следует описание залога) как 1) полусмешные, 2) полупечальные, 3) простонародные (или „реалистические“) и 4) идеальные. Залог этот в то же время является небрежным плодом (здесь следует перечисление) 1) бессонниц, 2) легких вдохновений, 3) незрелых и увядших лет, 4) ума холодных наблюдений и 5) сердца горестных замет».

1 Манера ставить в начале посвящения или обращения оборот с отрицанием не нова. В Англии этот прием использовался еще в XVII в. Посвящение поэмы «Лето» (1727) Джеймса Томсона Высококочтимому господину Додингтону (Джорджу Баббу Додингтону, барону Мелькомбу, 1691—1762) начинается с той же ноты: «Не моя цель...»

4—5 ...залог... души прекрасной... — фр. *gage... d'une belle âme*, распространенные лирические галлицизмы тех времен. «Vous verrez quelle belle âme est ce Жуковский»*, — писал Пушкин Прасковье Осиповой 29 июля 1825 г.

6 Святой исполненной мечты... — Некоторые редакторы поддались искушению принять за окончательный исправленный вариант странную опечатку в издании 1837 г., в результате которой эпитет «святой исполненной мечты» сливается со следующим словом: «святоисполненной» (невозможное соединение). Думается мне, что корректор (сам Пушкин?), заметив предыдущую опечатку «святой исполненной мечты», вписал краткий знак столь размашисто и неряшливо, что он наложился на последнюю букву первого слова, к которой должен был бы добавить недостающий штрих сверху, и создалось ложное впечатление, что эти два слова должно соединить.

* «Вы увидите, что за прекрасная душа этот Жуковский» (*фр*)

11—17 Ср.: Джеймс Битти (1735—1803), письмо XIII доктору Блэклоку от 22 сентября 1766 г.: «Не так давно начал я поэму [«Менестрель», 1771, 1774], писанную манерой и строфой Спенсера, в которой намереваюсь дать широкий простор своему воображению и быть смешным или трогательным, описательным или чувствительным, нежным или сатирическим, как подскажет мне настроение» (в кн.: Уильям Форбс, «Рассказ о жизни и произведениях Джеймса Битти» / William Forbes, «An Account of the Life and Writings of James Beattie». 2 ed., Edinburgh, 1807, I, 113).

Байрон цитирует эту фразу в предисловии к первым двум песням «Чайльд Гарольда» (февраль 1812 г.), и она вполне соответствует намерениям Пушкина. Пишотов перевод (1822) звучит так: «...en passant tour à tour du ton plaisant au pathétique, du descriptif au sentimental, et du tendre au satirique, selon le caprice de mon humeur»^{*} (Oeuvres de Lord Byron, 1822, vol. II).

15—17 «лет... замет» — Более совершенный отголосок довольно неуклюжих стихов Баратынского в поэме «Пир» (1821; см.: гл. 3, XXX, 1), стихи 252—253:

Собрание пламенных замет
Богатой жизни юных лет.

Здесь слышится и еще один, более любопытный, хотя и не столь явный отголосок двух строк (7—8) Батюшкова из стихотворного посвящения в двадцать три строки «К друзьям», открывающего часть II (октябрь 1817 г.) сборника «Опыты в стихах и прозе»:

[Дружество найдет]
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья

* «...Переходя поочередно от шутливого слога к патетическому, от описательного к сентиментальному, от нежного к сатирическому, в зависимости от капризов моего настроения» (фр.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Эпиграф

К Вяземский — князь Петр Вяземский (1792—1878), малозначительный поэт, жестоко страдал от влияния французского рифмоплета Пьера Жана Беранже; в остальном же это был виртуоз слова, тонкий стилист-прозаик, блистательный (хотя отнюдь не всегда заслуживающий доверия) мемуарист, критик и острослов. Пушкин очень любил Вяземского и соперничал с ним в зловонности метафор (см их переписку). Князь был воспитанником Карамзина, крестником Разума, певцом Романтизма и ирландцем по матери (О'Рейли)¹.

Вяземскому, первым (4 ноября 1823 г.) узнавшему из письма Пушкина о работе над *ЕО*, отведена в романе необычайно приятная роль: он открывает роман (эпиграфом взята 76-я строка его стихотворения «Первый снег»; см. также гл. 5, III, где Вяземский соседствует с Баратынским); он каламбурит, оживляя путешествие Татьяны в Москву (см. пушкинское примеч. 42 и мой коммент. к гл. 7, XXXIV, 1 о Мак-Еве); и наконец, уже в Москве доверенным лицом автора приходит на выручку Татьяне, когда та отбывает скучнейшую светскую повинность (см. коммент. к гл. 7, XLIX, 10).

Стихотворение «Первый снег» (1816—1819, опубликовано в 1822*) написано шестистопным ямбом и состоит из 105 стихов со свободной схемой рифмовки. Пусть приветствует весну «баловень» юга, где «тень душистее, красноречивей воды», я — «сын пасмурных небес» севера, «обыклый к свисту вьюг», и я «приветствую... первый снег» — вот суть начала. Далее следует описание нагой осени, а затем — волшебства зимы: «лазурью... горят небес вершины... блестящей скатертью подернулись долины... темный изумруд посыпав серебром, на мрачной сósне... синим зеркалом... пруд окован». Эти образы, лишь четче очерченные, у Пушкина повторяются в 1826 г. (*ЕО*, гл. 5, I) и особенно в 1829 г. (стихотворение «Зимнее утро», написанное четырехстопным ямбом). Первая треть произведения Вяземского позади. Далее следует описание смельчаков-конькобежцев, празднующих «ожиданный возврат» зимы (ср. *ЕО*, гл. 4, XLII, конец 1825 г.); затем мелькает сцена заячьей охоты («взор нетерпеливый допрашивает след»), а за ней — портрет разрумившейся на морозе дамы (оба образа имеют параллели у Пушкина в стихотворении «Зима», 1829, александрийский стих). Несущиеся сани (на них аллюзия в *ЕО*, гл. 5, III, 5—11) затем сравниваются с пролетающей молодостью (стихи 75—76):

* В «Новостях литературы», приложении к «Русскому инвалиду», № 24, с 173—176 (Примеч В Н)

По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит¹

<...>

Первую из этих строк Шишков, критикуя (см. коммент. к гл. 8, XIV, 13), назвал слишком галльской: «ainsi glisse la jeune ardeur»; вторую Пушкин поставил эпиграфом к главе.

Дальше у Вяземского (пересказываю прозой): «Счастливые годы! Но что я говорю [псевдоклассический галлицизм «que dis-je»?.. Любовь нам изменяет... в памяти души живут души утраты, и с тоскою прежнею я клянусь всегда приветствовать — не тебя, красивая весна, но тебя,

О первенец зимы блестящей и угрюмой!
Снег первый, наших нив о девственная ткашь!»
(стихи 104—105)

Лексика стихотворения пышна, несколько архаична и изобилует лишь Вяземскому присущими идиолектизмами, делающими его язык мгновенно отличаемым от весьма затертого языка современников-подражателей Пушкина (хотя на самом деле как поэт Вяземский был слабее, скажем, Баратынского). Кажется, будто смотришь сквозь не совсем прозрачное увеличительное стекло. Следует заметить, что эпиграф Пушкин взял из заключительной, философской части стихотворения, но при упоминании в гл. 5, III (см. коммент. к гл. 5, III, 6) обращался к его центральной, живописующей части.

Пушкин в Кишиневе получил от Вяземского из Москвы опубликованный «Первый снег» (который знал в рукописи с 1820 г.) всего за два месяца до того, как была написана первая строфа *ЕО*.

I

- 1 *Мой дядя самых честных правил...* — <...> Начало, с точки зрения переводчика, не самое благодатное, и перед тем, как двинуться дальше, следует задержать внимание читателя на некоторых фактах.

В лагере литературных новаторов в 1823 г. Пушкин соперников не имел (огромная пропасть отделяет его от, скажем, Жуковского, Батюшкова и Баратынского — группы малозначительных поэтов, наделенных более или менее равным талантом, от которых следует незаметный переход к уже откровенно второстепенной поэзии Вяземского, Козлова, Языкова и т. д.); но в лагере архаистов году в 1820 по крайней мере один соперник у него был: великий баснописец Иван Крылов (1769—1844).

В любопытнейшем прозаическом отрывке (тетрадь 2370, л. 46, 47) — «воображаемом разговоре» автора с царем (Александром I, правил с 1801 по 1825 г.), который поэт набросал зимой 1824 г. во время своего вынужденного уединения в Михайловском (с 9 августа 1824 г. по 4 сентября 1826 г.), автор произносит следующие слова: «*Онегин* печатается [глава первая]: буду иметь честь отправить 2 экз. в библиотеку Вашего Величества к Ив. Андр. Крылову» (Крылов с 1810 г. имел синекуру в публичной библиотеке Петербурга). Начальная строка *ЕО* является (что, как я заметил, известно русским комментаторам) отзвуком 4-го стиха басни Крылова «Осел и мужик», написанной в 1818-м и напечатанной в 1819 г. («Басни», кн. VI, с. 177). В начале 1819 г. в Петербурге Пушкин слышал, как сам полиотелый поэт исполнял ее — со вкусом, преис-

полнившись юмора — в доме Алексея Оленина (1764—1843), известного мецената. В тот памятный вечер, среди всевозможных развлечений и игр, двадцатилетний Пушкин почти не заметил дочку Оленина Аннет (1808—1888), за которой будет столь страстно и столь несчастливо ухаживать в 1828 г. (см. коммент. к гл. 8, XXVIa, варианты), зато заметил племянницу г-жи Олениной Анну Керн, урожденную Полторацкую (1800—1879), которой, при второй с ней встрече (в июле 1825 г., в имении под Псковом), он посвятит знаменитые стихи, начинающиеся словами «Я помню чудное мгновенье...», и подарит их ей, вложив в неразрезанный экземпляр отдельно изданной первой главы *ЕО* (см. коммент. к гл. 5, XXXII, 11), в обмен на веточку гелиотропа с ее груди².

4-й стих басни Крылова гласит: «Осел был самых честных правил». Крестьянин поручил ослу стеречь огород, и тот не тронул ни единого листа капусты, но скакал по грядкам так рьяно, что все перетоптал — и был бит хозяйской дубиной: нечего с ослиным умом браться за серьезное дело; но не прав и тот, кто ставит сторожем осла.

1—2 Чтобы эти два стиха стали понятны, вместо запятой следует поставить двоеточие, иначе запутается и самый скрупулезный переводчик. Так, прозаический перевод Тургенева-Виардо, в основном точный, начинается с ляпсуса: «*Dès qu'il tombe sérieusement malade, mon oncle professe les principes les plus moreaux*»*.

1—5 Первые пять стихов гл. 1 заманчиво неопределенны. Полагаю, что на самом деле таков и был замысел нашего поэта: начать рассказ с неопределенности, дабы затем постепенно эту первоначальную туманность для нас прояснить. На первой неделе мая 1825 г. двадцатипятилетний Евгений Онегин получает от слуги своего дядюшки письмо, в котором сообщается, что старик при смерти (см. XLII). Онегин тотчас выезжает к дяде в имение — к югу от С.-Петербурга. На основании ряда путевых подробностей (рассмотренных мною в комментариях к путешествию Лариных в гл. 7, XXXV и XXXVI) я расположил бы все четыре имения («Онегино», «Ларино», Красногорье и усадьбу Зарецкого) между 56-й и 57-й параллелью (на широте Петербурга, что на Аляске). Иными словами, усадьбу, которая достается в наследство едва приехавшему туда Евгению, я поместил бы на границе бывших Тверской и Смоленской губерний, в двух сотнях миль к западу от Москвы, то есть примерно на полпути между Москвой и пушкинским имением Михайловское (Псковская губерния, Опочецкий уезд), миль 250 к югу от С.-Петербурга — расстояние, которое Евгений, приплачивая ямщикам и станционным смотрителям и меняя лошадей каждый десяток миль, мог покрыть за день-другой³.

Онегин катит; тут мы с ним и знакомимся. Строфа I воспроизводит смутно-дремотные обрывки его мыслей: «Мой дядя... честных правил... осел крыловский честных правил... *un parfait honnête homme***... истинный дворянин, но, в общем-то, дурак... лишь теперь уважать себя заставил, когда занемог не в шутку... *il ne pouvait trouver mieux!**** не мог лучше выдумать — всеобщее признание... да поздно... другим хорошая наука... я и сам могу тем же кончить...»

* «Стоит ему серьезно заболеть, мой дядя исповедует самые нравственные принципы» (фр.).

** Исключительно честный человек (фр.).

*** Он не мог придумать ничего лучшего!.. (Фр.)

Примерно такой внутренний монолог рождается в сознании Онегина и во второй половине строфы обретает конкретный смысл. Онегин будет избавлен от пытки у постели умирающего, которую нарисовал себе с таким ленивым отвращением. образцовый дядюшка оказывается в еще большей степени *honnête homme*, или *honnête âne**, чем думает его циничный племянник. Правила поведения предписывают уходить незаметно. Как мы прочтем в одной из самых разудалых строф, когда-либо посвященных смерти (гл. 1, LIII), дядя Сава (думаю, что это имя в рукописи относится именно к нему⁴) не позволяет себе ни минуты насладиться уважением, причитающимся ему в силу литературной традиции древних драм о наследстве, дошедшей до нас со времен по меньшей мере Рима

То одно, то другое в этих начальных строчках порождает отклики в сознании читателя, который вспоминает то «моего дядю... человека безукоризненной прямоты и честности» из гл. 21 Стерновой «Жизни и мнений Тристрама Шенди, джентльмена» (1759; Пушкин читал французский перевод, сделанный «par une société de gens de lettres»** в Париже в 1818 г.), то строку 7 строфы XXVI «Бенно» (1818). «Женщина строжайших правил» (Пишо в 1820 г, переводит: «Une personne ayant des principes très sévères»***), то начальный стих строфы XXXV, гл. 1 «Дон Жуана» (1819): «Покойный дон Хосе был славный малый» (Пишо в 1820 г. переводит: «C'était un brave homme que don Jose»****), то сходное расположение и интонацию 4-й строки LXVII строфы гл. 1 «Дон Жуана»: «...и, конечно, этот метод был всех умней» (Пишо переводит: «C'était ce qu'elle avait de mieux à faire»+). Эта цепь реминисценций может превратиться у схолиаста в разновидность помешательства, однако несомненно то, что, хотя в 1820—1825 гг. Пушкин английского практически не знал, его поэтический гений сумел-таки сквозь примитивно рядящегося под Байрона Пишо, сквозь банальности Пишо и парафразы Пишо расслышать не фальцет Пишо, но баритон Байрона. Подробнее о знании Пушкиным Байрона и о неспособности Пушкина овладеть азами английского языка см мой коммент к гл. 1, XXXVIII.

Любопытно сравнить следующие отрывки.

ЕО, гл. 1, I, 1—5 (1823).

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог
Его пример другим наука

«Моя родословная», строфа VI, стих 41—45 (1830):

Упрямства дух иам всем подгадил
В родню свою неукротим,
С Петром мой прашур не поладил
И был за то повешен им
Его пример будь нам наукой

-
- * Честный человек, честный осел (фр.).
 - ** «Сообществом литераторов» (фр.)
 - *** «Дама очень строгих правил» (фр.)
 - **** «Он был добрый малый, этот дон Хосе» (фр.)
 - + «Это было лучшее, что она могла сделать» (фр.)

«Моя родословная» написана четырехстопными ямбами и состоит из 84 перекрестно рифмующихся строк: восьми октетов и постскриптума из четырех четверостиший; написана Пушкиным 16 октября и 3 декабря 1830 г., вскоре после завершения первого варианта гл. 8 *ЕО*, в ответ на пасквиль критика Фаддея Булгарина в «Северной пчеле», где тот высмеивал живой интерес Пушкина к своему 600-летнему дворянскому роду в России и к эфиопским корням (см. Приложение I). По интонации строки 41—45 до странности похожи на первые пять стихов *ЕО*; женские рифмы в строках 2 и 4 аналогичны (*ЕО*: *правил — заставил*, «Моя родословная». *подгадил — поладил*), а строки 5 почти совпадают.

Зачем поэту понадобилось в «Моей родословной» имитировать вульгарную песню Беранже «Простолюдин» («Le Vilain», 1815) с рефреном «Je suis vilain et très vilain»? Объяснить это можно лишь привычкой пушкинского гения, забавы ради, подражать посредственности.

6 .. *Какая скука* — или, как полувеком раньше сказал бы лондонский фат, «How borish»

14 Довольно забавно, что и в *ЕО*, и в «Дон Жуане» строфа I оканчивается упоминанием дьявола. У Пишо (1820 и 1823) читаем: «Envoyé au diable avant son temps»** («Дон Жуан», гл. 1, I, 8).

Свою строфу I Пушкин написал 9 мая 1823 г., уже, вероятно, будучи знаком с первыми двумя песнями «Дон Жуана» во французском переводе, изданном в 1820 г. И уж во всяком случае он читал их до своего отъезда из Одессы в 1824 г.

Варианты

1—5 Отвергнутое чтение в черновой рукописи (2369, л. 4 об.).

Мой дядя самых честных правил
Он лучше выдумать не мог
Он уважать себя заставил
Когда не в шутку занемог
Его пример и мне наука

Эта же незамысловатая тема есть у Байрона в песне первой «Дон Жуана» (написанной 6 сентября — 1 ноября 1818 г.), СХХV, 1—3:

Sweet is a legacy, and passing sweet
The unexpected death of some old lady,
Or gentleman of seventy years complete ***

(Пишо, 1823 «Il est doux de recevoir un héritage, et c'est un bonheur suprême d'apprendre la mort inattendue de quelque vieille douairière, on d'un vieux cousin de soixante-dix ans accomplis.»****)

* «Я простолюдин, совсем простолюдин» (*фр*)

** «Послан к дьяволу раньше срока» (*фр*).

*** Как приятно получить наследство, какое огромное удовольствие / Доставляет неожиданная смерть старой дамы / Или джентльмена семидесяти полных лет. (*Англ*)

**** «Приятно получить наследство, и с особенной радостью узнаешь о внезапной смерти какой-нибудь вдовы или старого семидесятилетнего кузена» (*фр*).

В рукописном варианте конца октавы* (не известном ни Пишо, ни Пушкину) так:

Who've made us wait — God knows how long already,
For an entailed estate, or country-seat,
Wishing them not exactly damned, but dead — he
Knows nought of grief, who has not so been worried —
'Tis strange old people don't like to be buried**

II

- 1 Ср. начало «Мельмота Скитальца» Ч. Р. Метьюрина (см. коммент. к гл. 3, XII, 9): «Осенью 1816 года Джон Мельмот, студент Тринити-колледжа в Дублине, оставил учебу и отправился к умирающему дяде, средоточию всех его надежд на независимое положение в свете». Этот «одинокий пассажир почтовой кареты» является «единственным наследником дядюшкиного имущества». Пушкин читал «Мельмота», «trag Maturin», в «вольном» французском переводе Жана Козна (Paris, 1821), из-за которого четыре поколения французских писателей, цитируя автора оригинала, писали его имя с ошибкой.
- 2 Молодой повеса едет на почтовых. Обратите внимание на ударения: *почтовáя* (лошадь), но *почтóвая* проза (гл. 3, XXVI, 14). Однако далее (гл. 7, XXXV, 11) Пушкин, говоря о почтовых лошадях, переносит ударение на второй слог.
- 3 Веселая вибрация звука в (*Всевышней волею Зевеса*) в какой-то степени оправдывает вымученное галльское клише (*par le suprême vouloir*). Пушкин уже использовал эту псевдогероическую формулу в 1815 г. в мадригале баронессе Марии Дельвиг, сестре своего школьного товарища («всевышней благостью Зевеса»). Роскошная на первый взгляд рифма *повеса — Зевеса* — всего лишь заимствование из поэмы Василия Майкова «Елисеи» (1771; см. коммент. к гл. 8, Ia, 3), где она встречается в стихах 525—526 песни первой. В 1823 г. такое заимствование было и очевиднее, и интереснее, чем теперь, когда о «Елисее» помнят лишь несколько исследователей.
- 5 *Друзья Людмилы и Руслана!* — Ссылки Пушкина на собственные произведения составляют в *ЕО* сквозную тему. Здесь аллюзия на его первую поэму «Руслан и Людмила», псевдозэпос в шести песнях («Руслан и Людмила». Поэма в шести песнях, С.-Петербург, [10 августа] 1820 г.). В этой поэтической сказке, журчащей четырехстопными ямбами со свободной схемой рифмовки, говорится о приключениях прекрасных галлоподобных рыцарей, дев и колдунов на фоне картонного Киева. Она неизмеримо более обязана французской поэзии и французским имитаторам итальянских поэм⁵, нежели влиянию русского фольклора, но чистота языка и живость разговорных интонаций отводят ей в истории место первого русского шедевра в повествовательном жанре.
- 8 *Позвольте познакомить вас.* — В буквальном английском переводе это, скорее всего, подразумевало бы «с чем», у Пушкина же — «с кем».

* Byron Works, ed. E. N. Coleridge (1903), VI, 49, n. 1, ll 4—8 (Примеч. В. Н.)

** Заставивших нас ждать — Бог знает как долго — / Родового имения или поместья, / Посылая их не то чтобы прямо к черту, но в объятия смерти — / Тот не знает печали, кто так не мучился — / Эти странные люди, старики, не хотят, чтоб их хоронили (англ.).

9 *Онегин, Онъгин* (в старой орфографии). — Фамилия образована от названия русской реки Онеги, вытекающей из озера Лача и впадающей в Онежский залив Белого моря. Есть также озеро Онега в Олонецкой губернии.

13 *гулял*. — «Гулять» имеет значение не только «прогуливаться», «фланировать», но и «кутить». С июня 1817 г. — времени окончания Лицея — по начало мая 1820 г. Пушкин жил в Петербурге жизнью гуляки (за исключением двух летних перерывов в 1817 и 1819 гг., проведенных в Михайловском, деревенском имении матери в Псковской губернии). См. коммент. к гл. 1, LV, 12.

14 *Но вреден север для меня*. — Географические названия, описания времен года и погодных условий часто служат у Пушкина аллюзиями на личные и политические обстоятельства. Бессарабия — пушкинское примеч. 1 — это местность между реками Днестр и Прут, где расположены форты Хотии, Аккерман, Измаил и другие и главный город Кишинев. Если Хотин считать, в определенном смысле, колыбелью русского четырехстопного ямба (см. Приложение II, «Заметки о просодии»), то Кишинев — родина величайшей поэмы, этим размером написанной. Там 9 мая 1823 г. Пушкин начал свой роман, а девятнадцать дней спустя доработал и закончил первые строфы. В Акад. 1937 (с. 2) опубликовано факсимиле первых двух строф (2369, л. 4 об.). Вверху страницы поэт поставил две разделенные точкой даты, первая цифра жирно обведена несколькими выразительными движениями пера, вторая дата подчеркнута.

9 мая. 28 мая ночью.

Сочинявший эти строфы Пушкин отправил Онегина в деревню в то же самое время года, когда сам, ровно тремя годами раньше, был изгнан с «севера». Следующая их недолгая встреча произойдет через три с половиной года в Одессе, в конце «1823» г.

30 апреля 1823 г., за несколько дней до того, как в Бессарабии Пушкин начал *ЕО*, Вяземский из Москвы сообщал Александру Тургеневу в Петербург: «На днях получил я письмо от Беса-Арабского Пушкина» — каламбур к *бессарабский*. Конечно, вместо эпитета *арабский*, от *араб*, должно было быть *арапский*, от *арап* (намек на эфиопскую кровь поэта).

III

1 *Служив*. — Я даю в переводе «having served» — откровенно грамматический эквивалент формы, которая для современного слуха звучит похоже на совершенный вид (аналогично форме «прослужив») вместо «serving» — эквивалента несовершенного вида «служба». Не стремлюсь подковать блоху, но не могу не предположить: на самом деле Пушкин хотел сказать не то, что покойный отец Онегина наделал долгов, выйдя в отставку с государственной службы, а что он *одновременно* служил, делал долги и давал балы.

1 *..отлично, благородно...* — В черновой (2369, л. 5) и в белой (ПБ 8) рукописях эти два слова разделены запятой. Издания 1833 и 1837 гг. также дают «отлично, благородно». Но в изданиях 1825 и 1829 гг. запятая опущена, и современным издателям не удержаться от соблазна последовать за Н. Лернером*, который в

* «Пушкинологические этюды», очерки в сборнике «Звенья» (1935, V, с. 60—62). (Примеч. В Н)

отсутствии запятой увидел комизм архаичного словосочетания (*отлично благородно* в значении «очень благородно» встречается, например, в официальных документах того времени) и сделал вывод, что сей хороший господин не брал взяток (в отличие от некоторых других чиновников), — отсюда и долги. В Акад. 1937 приняли компромиссное решение — слова написаны через дефис.

4 *промотался* — Ср. французский глагол *escamoter* в значении «расшвырять что-либо толпе».

Есть запись Пушкина от 1835 г., где он тщательно подсчитал, что отец Байрона за два года спустил, если брать по 25 рублей за фунт стерлингов, 587 500 рублей. Это примерно столько же, сколько друг Пушкина Вяземский проиграл между двадцатью и тридцатью годами, и в три раза больше, чем Пушкин остался должен всем кредиторам после своей смерти (1837)

О финансовых операциях старика Онегина см. также VII, 13—14.

5 *Евгений* — имя Онегина, произнесенное здесь впервые, Пушкину легко будет рифмовать с существительными на *-ений* (род пад мн. ч. от существительных на *-ение*). Оно также рифмуется со словом *гений* К фамилии же Онегин в русском языке рифмы нет. <...>

6—14 За первые десять лет жизни у Пушкина сменилось три француза-гувернера: Монфор (или граф де Монфор), Руссло и Шедель. Еще был русский учитель с немецкой фамилией Шиллер. У сестры поэта одно время (до 1809 г.) была английская гувернантка мисс или миссис Бейли, очевидно родственница Джона Бейли, преподававшего английский в Московском университете, но если она и дала Пушкину несколько уроков, то к 1820 г. они были полностью забыты. Арифметике его учил отец Александр Беликов, православный дьякон. Одно время, пока Пушкина не зачислили в Лицей (основанный Александром I в Царском Селе 12 августа 1810 г. и открытый 19 октября 1811 г.; см. коммент. к гл. 8, I), его хотели отдать в С.-Петербургский иезуитский пансион, где получили образование Вяземский и ряд других выдающихся людей России. В 1815 г. эту школу обвинили в попытках отвратить воспитанников от православной веры и обратить в веру католическую, вместо того, чтобы ограничиться преподаванием им Вергилия и Расина. В декабре 1815 г. иезуитов изгнали из Петербурга и Москвы, а пять лет спустя — из России.

На исходе XVII в., в годы кровопролитных перемен во Франции, множество перепуганных французов покидали родину и вдруг оказывались домашними учителями и гувернантками в бескрайней России. Русским дворянам, в основном православным, ничего не стоило нанять учителем священника-исуита в законном стремлении придать своим чадам модный лоск французской культуры. Этим обнищавшим *outchitel'ям* (*фр.*) часто приходилось несладко. Если верить Пушкину (письмо невесте от 30 сентября 1830 г.), чье творческое воображение творило чудеса из семейных преданий, то его дед по отцовской линии, Лев (1723—1790), вспыльчивый помещик (в ревности зверевший — как, впрочем, и Абрам Ганнибал, прадед Пушкина по материнской линии), заподозрив однажды, что его домашний учитель-француз, аббат Николь, состоит в любовной связи с его женой, без церемоний вздернул беднягу на заднем дворе фамильной усадьбы Болдино.

Во времена Пушкина французских гувернанток благородного происхождения по-русски называли *мадам* (даже незамужних) или *мамзель*. Ср. в его повести

«Барышня-крестьянка»: «У дочери его была мадам англичанка [гувернантка] — сорокалетняя чопорная девица».

Предположение, что «l'Abbé» — фамилия, разбивается о первоначальный черновой вариант (2369, л. 5): «*мосье l'abbé*» (monsieur l'abbé).

8 .. *резов но мил* — Ср. у Байрона в «Дон Жуане», гл. 1, L, 1—3:

he was a charming child
Although in infancy a little wild *

В вялом переводе Пишо (1823): «Le fils d'Inèz était une aimable enfant.. [qui] avait été un peu espiègle dans son enfance...»**

Интересно, что именная часть сказуемого *резóв*, с ударением на втором слоге, делает эпитет сильнее, чем будь он выражен основной формой этого прилагательного *резвый*; обычные его значения — «веселый», «шаловливый», «бойкий», «игривый», «живой» (эквивалент последнего я использовал для передачи якобы игривой, но по сути совершенно невинной интонации слов *Ольга резвая* — так Онегин говорит о невесте Ленского в гл. 4, XLVIII, 2).

9 *Француз убогой* .. — Прилагательное *убогой**** сочетает в себе понятия нищеты, скудости и посредственности.

11 *Учил его всему шутя* — Судя по всему, не столь оригинальными методами, как учитель Бенжамена Констана: тот, обучая своего воспитанника греческому, всего-навсего предлагал ученику вместе изобрести новый язык.

14 *Летний сад* — Le Jardin d'Été, выходящий на Неву городской парк с аллеями тенистых деревьев (завезенных дубов и вязов), облюбованный воронами, и с безносыми статуями (итальянскими) греческих божеств; меня тоже, спустя сто лет, водил туда гулять гувернер.

Варианты

1 Отвергнутое чтение (2369, л. 5).

Отец его вдовец богатый

9 Гувернер сначала был (черновая рукопись, 2369, л. 5) «Швейцарец благородный», затем «Швейцарец очень строгой», затем «Швейцарец очень важный» и, наконец (в белой рукописи), «швейцарец очень умный».

13 Черновая рукопись (2369, л. 5):

Вареньем иногда кормил —

До этого были «конфеты» и «мороженое», в белой рукописи исправлено на:

С ним о Париже говорил

• ..Он был очаровательный ребенок / Хотя в детстве слишком резвый .. (Англ)
•• «Сын Инез был милый ребенок... в детстве немного шаловливый » (Фр)
••• Правильно, конечно, *убогий*, но поэты той поры нередко заменяли и для передачи более благозвучного старинного произношения, и ради рифмы безударное *и* или *ы* в окончаниях прилагательных мужского рода на *о* (звучащее скорее как безударное *а*).
(Примеч В Н)

13—14 Отвергнутое чтение (2369, л. 5):

И лет 16-ти мой друг
Окоичил курс своих наук

На полях этой страницы с набросками строк III и IV Пушкин написал:

Евгений Онегин
роман в

IV

1 *Когда же юности мятежной.* . — Французское клише, ср. у Жака Делиля в «Послании о средстве против изучения искусств и литературы» (Jacques Delille, «Épître sur la ressource contre la culture des arts et des lettres», 1761):

Dans l'âge turbulent des passions humaines
Lorsqu'un fleuve de feu bouillonne dans nos veines *

Bouillonne, русское «кипит», встретится несколько раз дальше (например, в гл. 1, XXXIII, 8: *кипящей младости моей*).

Онегин родился в 1795 г.; учиться он закончил не позднее 1811—1812 гг., а Пушкин примерно тогда же начал — в только что основанном Лицее. Разница в возрасте между Пушкиным и Онегиным — четыре года. Основания для таких подсчетов находим в гл. 4, IX, 13, в гл. 8, XII, 11 и в предисловии к отдельному изданию первой главы.

4 *..прогнали со двора* — или вышвырнули из дома Ближайшими к слову «двор» в этом контексте будут «жилище», «старинное имение».

6 Вольные французские моды, например стрижки à la Titus (короткие, с приглаженными прядями), появились в России сразу после отмены нелепейших запретов, касающихся одежды и внешнего вида, введенных для своих подданных царем Павлом (задушенным мартовской ночью 1801 г. кучкой царедворцев, не выдержавших его сумасбродств).

В 1812—1813 гг. европейские денди носили довольно короткие растрепанные кудри, «усилиями двух часов тщательно приводимые в беспорядок», как пишет У. М. Прейд о прическах франтов более поздней поры («О прическах» в «Итонском студенте» / W. M. Praed, «On Hairdressing» in «The Etonian», I [1820], p. 212).

7 *Dandy лондонский* . — К написанному по-английски слову Пушкин дает примечание 2: «Dandy, франт». В черновиках примечаний к изданию 1833 г. было еще определение: «un merveilleux».

Слово «денди» родилось на границе Шотландии ок. 1775 г. и было модным в Лондоне с 1810 по 1820 г.; оно означало «щеголь», «из золотой молодежи» («золотые дети Метрополиса», как неожиданно выразился Иган в гл. 1 кн. II произведения, о котором ниже). Пишо в сноске к своему «переводу» Байронова «Беппо», LII, неточно определяет «un Dandy» как «Petit-maître anglais»**.

* В той беспокойной поре человеческих страстей, / Когда река огня бушует в наших жилах... (Фр)

** «Английский щеголь» (фр).

Пирс Иган так описывает родословную лондонского денди в своей «Жизни в Лондоне» (P. Egan, «Life in London», 1821), кн. 1, гл. 3: «Денди появился на свет благодаря Тщеславию, движимому Жеманством, папаша его — Птиметр или Щеголь-маккарони, дед — Ферт, прадед — Вертопрах, прапрадед — Модник, а древнейший прародитель — Фит».

Красавчик Бруммель жил жизнью лондонского денди с 1800 по 1816 г.; ко времени Онегина он со вкусом обосновался в Кале. В 1840 г., когда вместо «денди» уже говорили «tiger» (тигр), лондонский биограф Бруммеля капитан Уильям Джессе отмечает: «Если мое разумение верно и дендизм состоит в вопиющей экстравагантности платья — например, в чрезмерно подбитых плечах, в панталонах, ткани которых хватило бы вдобавок на сюртук, в сорочках, воротнички которых подпиливают своим владельцам уши, а углы чуть не выкалывают глаза, — то Бруммель, вне всякого сомнения, денди не был. Он был «красавчиком»... Его главной целью было избежать нарочитости»*.

Точно так же и Онегин был не денди, а «красавчиком» (см. коммент. к гл. 1, XXVII, 14).

- 8 *увидел свет* — «Свет» здесь в значении *le monde, le beau monde, le grand monde* (большой свет), «модный свет», «веселый свет», «светское общество», «высшее общество» — вот букет синонимов.

Ср. у Поупа: «Мой сын единственный — пусть выйдет в высший Свет: / Его французский безупречен...». («Подражание Горацию», кн. II, эп. II).

Ср. у Байрона: «Дон Жуан увидел Микрокосм на ходулях, / Именуемый „высшим светом“» («Дон Жуан», XII, LVI, 1—2)

Ср. у Игана: «Преимущества того, кто „видел свет“... возбудили любопытство нашего героя» («Жизнь в Лондоне», кн. II, гл. 3).

- 10 *писать* — В тексте — *писал*, небольшой солецизм, который был бы необоснованно усилен использованием прошедшего времени в переводе.

- 12 *непринужденно*, в V, 9 — *без принужденья*; в V, 7 — *ученый*; в V, 11 — *ученым*. Близкий повтор эпитетов характерен для русской литературы XIX в. с ее сравнительно небольшим вокабуляром и юношеским презрением к прелестям синонимии.

- 14 *Что он умен и очень мил* — Для меня это звучит слишком современно. *Мил*, уже использованное Пушкиным в предыдущей строфе, — это французское *gentil*: «Le monde décida qu'il était spirituel et très gentil»**.

Вариант

- 8 В черновой рукописи (2369, л. 5 об.):

Шестнадцатн не больше лет

(«Шестнадцати» поставлено вместо «семнадцати».)

* Жизнь Джорджа Бруммеля, эксвайра, по прозвищу Красавчик Бруммель (*Jesse W. The Life of George Brummell Esq. Commonly Called Beau Brummell. London, 1844, I, p. 58—59*) (Примеч. В Н)

** «Свет решил, что он умен и очень мил» (*фр*)

В начале XVIII в. Мальбранш, в том же пассаже, что я цитирую в комментарии к главному эпиграфу, говорит о педанте (Монтень для него педант!) следующее: «L'air du monde et l'air cavalier soutenus par quelque érudition... deux vers d'Horace... petits contes... Pédants [sont] ceux qui, pour faire parade de leur fausse science, citent à tort et à travers toutes sortes d'auteurs .. parlent simplement pour parler et pour se faire admirer des sots... [sont] vains et fiers, de grande mémoire et de peu de jugement... d'une imagination vigoureuse et spacieuse, mais volage et déréglée»*.

В целом ближе всего к пушкинскому описанию Онегина с его поверхностным образованием стоит определение Аддисона («The Spectator» / «Зритель», № 105, 30 июня 1711 г.). «Мы называем педантом... человека, воспитанного среди книг и ни о чем, кроме оных, не способного говорить. Однако, сдается мне, нужно расширить определение, распространив его на каждого, кто не способен мыслить вне своего ремесла и известного образа жизни.

Кто более педант, чем любой столичный щеголь? Отними у него театр, список модных красавиц, отчет о новейших недугах, им перенесенных, — и он нем».

Вот как искусно защищает педантизм Газлит в «Круглом столе» (W. Hazlitt, «On Pedantry» in. «Round Table», 1817, № 22). «Не будучи в известной мере педантом, можно быть мудрым, но вряд ли очень счастливым человеком», и пр.

«Бездеятельный мозг педанта, — говорит Уильям Шенстоун, — как правило, воздвигает трон и храм тщеславию» («Очерки о людях и нравах» / «Essays on Man and Manners» — In: Works. [London, 1765], vol. II, p 230).

Еще одна разновидность педанта — это тот, кто вводит людей в заблуждение, демонстрируя свою «ученость». Но схолиаст, не знающий меры подробностям и пояснениям, всего лишь нелеп; тот же, кто, желая подавить количеством информации, не затрудняется проверкой данных, которые он выписывает (или другие ему выписывают); кому безразлично, верен ли его источник или сама его наука, — это шарлатан. Вспомним по этому случаю стихотворение Пушкина «Добрый человек» (ок. 1819), написанное четырехстопным ямбом:

Ты прав — несносен Фирс ученый,
Педант надутый и мудреный, —
Он важно судит обо всем,
Всего он знает понемногу
Люблю тебя, сосед Пахом, —
Ты просто глуп, и слава Богу

Чтобы оценить юмор *ЕО*, гл. 1, V, 7, читатель должен понимать, что эти важные и самодовольные особы (персонажи, конечно же, традиционные и вездесущие), которые слышат в модном свете «строгими судьями», на деле настолько невежественны, что стоит современному молодому человеку походя блеснуть остроумием либо многозначительно промолчать, как они уж поражены демонстрацией чересчур глубоких познаний

* «Вид светский и развязный, при поддержке кое-какой эрудиции — два стиха из Горация — анекдоты .. Педанты — это те, кто, чтобы пощеголять своей ложной ученостью, к месту и не к месту цитируют всяких авторов — говорят просто чтобы говорить и заставить дураков восхищаться собою — они тщеславны и горды, имеют отличную память и слабую способность к рассуждению, смелое и широкое воображение, но непостоянное и неуравновешенное» (*фр*)

Высказывалось предположение, что здесь типографская ошибка (см. коммент. к парижскому изданию 1937 г.) и вместо *no* должно быть *ne*; остается неясным, почему Пушкин сохранил *no* в последующих трех изданиях.

В стремлении, как обычно, выставить Онегина образцом прогрессивной добродетели Н. Бродский («Евгений Онегин», [1950], с. 42—44) подтасовывает цитаты, пытаясь доказать, что и при Пушкине, и при Фонвизине «педант» означало «честный человек» и «политический бунтовщик». Такого никогда не было⁶.

8 . *счастливый талант*.. — галлицизм. См., например, поэму «Бедняга» Вольтера («Le Pauvre Diable»).

J'ai de l'esprit alors, et tous mes vers
Ont, comme moi, l'heureux talent de plaire,
Je suis aimé des dames que je sers*

9 См. коммент. к гл. 1, IV, 12

13—14 *Огнем неожиданных эпиграмм* — еще один галлицизм Ср: *le feu d'une saillie***.

Варианты

1—4 В первом наброске первых четырех стихов читаем (2369, л. 5 об.):

На зло суду Зоилов строгих —
Конечно не был он педант —
В Онегине по мнению многих —
Скрывался <не один> талант —

5—8 Томашевский (Акад. 1937) цитирует черновую рукопись (2369, л. 6 об.):

Мой друг пылал от нетерпенья
Избавиться навек ученья
Большого света блеск и шум
Давно пленял юныи ум

В белой рукописи вторая половина строфы выглядит так:

Подозревалн в нем талант
И мог Евгени в самом деле
Вестн приятнын разговор
А иногда ученый спор
О господне Мармонтеле,
О карбонарах, о Парни,
Об генерале Жомини

Сейчас эти аллюзии уже не столь жизненны. Итальянское тайное общество, стремящееся установить республику; генерал императора Франции, швейцарец по происхождению, ставший адъютантом императора Российского, — несомненно, все эти темы вполне характерны для 1810-х гг., хотя такое их сочетание не обязательно типично. Барон Анри Жомини (1779—1869), отрешившись от Наполеона и присягнувший в 1813 г. Александру I, был популярен в российских военных училищах. Его основной восьмитомный труд по военной науке —

* Я остроумен, и все мои стихи, как я сам, / Имеют счастливое достоинство — нравятся, / Любим я дамам, которым услужаю (*фр*)

** Огонь остроумня (*фр*)

«Traité des grandes opérations militaires contenant l'histoire critique des campagnes de Frédéric II, comparées à celles de l'empereur Napoléon; avec un recueil des principes généraux de l'art de la guerre»* (Paris, 1811—1816). Согласно автору, основополагающий принцип этого «искусства» «consiste a opérer avec la plus grande masse de ses forces un effort combiné sur le point décisif»** (VIII, p. 681).

«Нравственные повести» Мармонтеля (см. коммент. к гл. 5, XXIII, 10) тогда читали почти все, но сейчас добродушная ирония такого сочетания слов уже не воспринимается, и Пушкин поступил дальновидно, отказавшись от трудноуловимых ассоциаций частного порядка. Что же до Эвариста Дезире Дефоржа, шевалье де Пари (1753—1814), то Евгения могла интересовать не его лирическая поэзия, а скорее занятые (хотя и длинноватые) богохульства в «Войне богов» («La Guerre des Dieux»; см. коммент. к гл. 3, XXIX, 13, 14). Дерзости одной эпохи становятся банальностями эпохи следующей, и двадцать лет спустя «проказником» Эваристом восторгался лишь какой-нибудь казарменный *esprit fort****, месть Бовари-*père***** и законченный филистер Оме⁷.

8—14 В черновой рукописи последние семь стихов выглядят так (2369, л. 6):

В нем дамы виден талант —
И мог он с ними <в самом деле>
Вести <ученый разговор>
И <даже> мужественный спор
О Бейроне, о Манюэле
О карбонарах, о Парни
Об генерале Жомни

Другие отвергнутые варианты на том же листе (стих 12):

О Мирабо, об Мармонтеле.
О Бергамн, о Манюэле
О Benjamin о Манюэле

и (стих 13):

О магнетизме, о Парни
О<б> Бенжамене — о Парни

Вместо правильного *Bayron* у Пушкина *Бейрон* — распространенная русская (точнее, балтийская) ошибка того времени. (Так, переведенный Жуковским «Шильонский узник» в издании 1822 г. озаглавлен: «Шильонский узник, поэма лорда Бейрона».) Далее упоминаются Жак Антуан Манюэль (1775—1827), французский политик и оратор, Оноре Габриэль Виктор Рикетти, граф де Мирабо (1749—1791), французский оратор и революционер; Бартоломео Бергами, фаворит королевы Каролины (1768—1821), супруги регента (Георга IV), — здесь имеются в виду апокрифические «Записки господина барона Пергами» («Mémoires de Monsieur le Baron Pergami». Paris, 1820), популярные в анонимном переводе

* «Трактат о великих военных операциях, содержащий критическое описание кампаний Фридриха II в сравнении с кампаниями императора Наполеона, с приложением главных принципов военного искусства» (фр.)

** «Состоит в том, чтобы с наибольшими силами произвести массированный удар в решающей точке сражения» (фр.)

*** Вольнодумец (фр.).

**** Отец (фр.).

с итальянского, и, наконец, Анри Бенжамен Констан де Ребек (1767—1830), французский писатель и оратор.

VI

1—4 Эти строки можно истолковать двояко; либо (1) «так как латынь устарела, неудивительно, что Онегин мог всего лишь разбирать эпиграфы» и т. д. (и в этом случае *так* будет означать «таким образом», «следовательно»); либо (2) «хотя латынь вышла из моды, он все же умел разбирать эпиграфы» и т. д. Первый вариант мне представляется бессмысленным. Какими бы скудными ни были познания Онегина в избитых латинских цитатах, они скорее противопоставление, нежели результат исходной ситуации; второй, правильный с моей точки зрения, вариант не лишен юмора «Латынь устарела, но, хотите верьте, хотите нет, он и впрямь мог расшифровывать затертые эпиграфы и беседовать о Ювенале [во французском переводе]!» Отклик этой иронии есть в VIII, 1—2:

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг

Один из эпиграфов, которые он мог разбирать, открывает вторую главу.

3 *Он знал довольно по-латыне* — Должно быть *латыни*.

5 *Потолковать об Ювенале* — Пушкин использовал этот же глагол (несовершенного вида, в 3-м л ед. ч — *толковал*) как рифму к *Ювенал* в своем первом опубликованном стихотворении «К другу стихотворцу» (1814).

В 1787 г. Лагарп в своем труде «Лицей, или Курс древней и современной литературы» («Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne». Paris, 1799—1805, vol II, p. 140—141, Paris, 1825—1826, vol III, p 190) цитирует Жана Жозефа Дюзо, переводчика Ювенала. «[Juvenal] écrivait dans un siècle détestable [с А. Д. 100] Le caractère romain était tellement dégradé que personne n'osait préférer le mot de liberté»*, etc.

Жана Франсуа де Лагарпа (1739—1803), знаменитого французского критика, по чьему «Курсу литературы» («Cours de littérature») учился в Царскосельском лицее юный Пушкин, не следует путать с Фредериком Сезаром де Лагарпом (1754—1838), швейцарским государственным деятелем и русским генералом, наставником великого князя Александра, впоследствии царя Александра I.

Байрон в письме Фрэнсису Ходжсону от 9 сентября 1811 г. (когда Онегин завершал учебу) сообщает: «Читаю Ювенала .. Десятая сат... — вернейший способ возненавидеть собственную жизнь...»

Десятая сатира во французском переводе отца Тартерона (с латинским текстом *en regard***) начинается «de la compagne de Jésus»*** (новое изд., Paris, 1729), которую Онегин мог читать по заданию учителя: «De tous les hommes qui sont au monde... peu de gens savent discerner le vrai bien d'avec le vrai mal»****.

* «[Ювенал] писал в гнусную эпоху Римский характер был в таком упадке, что никто не решался свободно высказать свое мнение» (фр)

** Параллельно (фр)

*** «С окружения Иисуса» (фр).

**** «Из всех живущих на земле людей очень немногие умеют отличить подлинное благо от подлинного зла» (фр)

Именно в этой сатире встречается известная фраза о том, что людям довольно хлеба и зрелищ (стихи 80—81), и о том, что тиран редко умирает бескровной смертью (стих 213). Пушкину был хорошо известен пассаж, где говорится о том, как жалка и смешна старость (стихи 188—229). Сатира завершается предписанием жить добродетельно и предоставить богам решать, что есть наше благо (стихи 311—331).

6 . *vale...* — Пушкин заканчивает письмо Гнедичу от 13 мая 1823 г. словами. «*Vale, sed delenda est censura*»* (из чего не следует, как могут подумать советские комментаторы, что пушкинское, или онегинское, *vale* является «революционным жестом»); а письмо к Дельвигу, в ноябре 1828 г., так: «*Vale et mihi favere***», как сказал бы Евгений Онегин». В XVIII в. это было эпистолярной модой (например, письмо Вольтера к Сидевиллю в 1731 г. завершается фразой: «*Vale, et tuum ama Voltairium*»).

8 Из *Энеиды* два стиха — Например, «*Una salus vinctis, sperare nullam salutem*» — «*Le seul salut des vaincus est de n'attendre aucun salut*»*** («Энеида», II, 354, с удобным, вполне французским, следованием *nullam* не до, а после *sperare*); или строка, по распространенной русской ошибке часто цитируемая вне контекста «*sed duris genuit te cautibus horrens Caucasus*» — «*l'affreux Caucase t'engendra dans ses plus durs rochers*»**** («Энеида», IV, 366—367, переложение Шарпантье), которая в «переводе» Жана Реньо де Сегре звучит так:

Et le Caucase affreux t'engendrant en courroux,
Te fit l'âme et le coeur plus durs que ses cailloux+

В этих стихах есть некое фамильное сходство с «Гудибрасом» (1663) Сэмюэла Батлера⁸, ч I, песнь I, стихи 136—137

При всяком случае цитируя,
Неважно — верно иль неверно

Варианты

В черновой рукописи (2369, л 6) упоминается, что Онегин не мог понять *Тацита*, *Ливия*, *Федра* (все в родительном падеже), не мог просклонять *tabula* и *aquila*, но мог процитировать «из Катуллы три стиха». Здесь упоминаются Корнелий Тацит, римский историк, умер в начале II в.; Тит Ливий, римский историк, умер в начале I в.; Федр, римский баснописец, достигший расцвета в I в., и Гай Валерий Катулл, римский поэт, умер ок. 54 г до н. э.

5—7 Фрагмент (2369, л. 6 об.), относящийся к этой или предшествующей строфе:

Садился он за клавишкорды
И брал на них одни аккорды
С <небрежной>

* «Будь здоров, а цензуру все-таки должно уничтожить» (лат)

** «Будь здоров и ко мне благосклонней» (лат).

*** «Единственное спасение побежденных — не ждать спасения» (фр)

**** «Ужасный Кавказ породил тебя в самых своих твердых скалах» (фр)

+ А ужасный Кавказ, тебя в гневе рождая, / Дал тебе душу и сердце тверже своих камней (фр)

Позднее это было отнесено, с понижением тональности, к Ленскому в канун дуэли (гл. 6, XIX, 5—6).

9—10 В измененном варианте (2369, л. 6) это шестистишие начиналось так:

Он знал немецкую словесность
По книге госпожн де Сталь

Это означало: то немногое, что Онегин (да, по сути, и Пушкин) о ней знал, он почерпнул из книги мадам де Сталь «О Германии» («De l'Allemagne», 3 vols., Paris, 1810. Это первое издание было изъято полицией Наполеона и уничтожено, сохранилось лишь несколько экземпляров; второе издание вышло в Лондоне в 1813 г.). Об этом труде см. также коммент. к гл. 2, VI, 8—9.

VII

3—4 *Не мог он ямба от хорея, / Как мы ни бились, отличить.* — Здесь мы не просто авторское, но предполагающее и участие Музы. Пушкин вернется к этой теме в гл. 8, XXXVIII.

О русских стихотворных размерах см. Приложение II, «Заметки о просодии».

5 *Феокрит и Гомер.* — Конечно же, Онегин знал Гомера по тому же архипреступному французскому переложению П. Ж. Битобе (в 12-ти т., 1787—1788), в котором Пушкин мальчиком читал *L'Iliade d'Homere* и *L'Odyssée d'Homere**.

Феокрит — греческий поэт родом из Сиракуз (годы расцвета 284—280 или 274—270 гг. до н. э.), которому подражали Вергилий (70—19 гг. до н. э.) и другие римские поэты; а им, в свою очередь, подражали западноевропейские лирики, особенно в те три столетия, что предшествовали XIX в.

Во времена Пушкина Феокрит, похоже, был известен в основном своими пасторальями, хотя лучшие его произведения — это, несомненно, *Идиллии* II и XV.

Французские писатели, особенно до возрождения романтизма, обвиняли Феокрита — забавный парадокс! — в жеманстве и в том, что его сицилийские пастушки выражаются изящнее, чем французские крестьяне в 1650 или 1750 г. На самом деле эта критика более применима к вялому Вергилию и его художничавшим педерастам; у Феокрита они гораздо колоритнее, а сами стихи, пусть это и не большая поэзия, сочны и живописны.

Чем не угодили Онегину Гомер с Феокритом? Можно предположить, что Феокрита он находил слишком «приторным», а Гомера слишком «экстравагантным». Он вообще мог считать поэзию занятием недостаточно серьезным для взрослых людей. Общее представление об этих поэтах он получил из мерзейших рифмованных переложений на французский. Сейчас, конечно, Феокрит у нас есть в великолепных прозаических переводах П. Э. Леграна («Греческие буколики» / «*Bucoliques grecs*», [Paris, 1925], vol. 1).

Переводчики-викторианцы умудрились так выхолостить, извратить и подретушировать Феокрита, что нежный читатель и не догадывался, что буколические персонажи преследуют не дев, а отроков. «Небольшие вольности», которые позволяют себе грамотеи вроде Эндрю Ланга по отношению к «пассадам,

* Гомерова Илиада, Гомерова Одиссея (фр)

оскорбительным для западной морали», гораздо более аморальны, чем любые вольности Коматаса по отношению к Лакону⁹.

Онегин (и Пушкин) Феокрита знал, конечно же, по жалким французским «переводам» и «подражаниям» вроде «Идиллий Феокрита» М. Р. Г. де Шабанона (M. P. G. de Chabanon, «Les Idylles de Théocrite». Paris, 1777) или прозаического их пересказа Ж. Б. Гайля. И то и другое для чтения непригодно

5—7 *Бранил Гомера зато .. был глубокий эконоом ..* — У Вильяма Газлита я нашел следующее («Застольные беседы» / W. Hazlitt, «Table Talk», 1821—1822): «Человек-экономист, хорошо-с; но... пускай он не навязывает другим своей педантической причуды как обязанность или признак хорошего вкуса... Человек... объявляет без предисловий и обиняков свое презрение к поэзии: значит ли это, что он гениальнее Гомера?»

В своих «Рассказах о Пушкине» (1851—1860, отдельно изданы в 1925 г.) Петр Бартенев (1829—1912) со слов Чаадаева пишет, что Пушкин начал изучать английский еще в 1818 г. в Петербурге и с этой целью позаимствовал у Чаадаева (немного английский знавшего) «Застольные беседы» Газлита. Однако я считаю, что интерес к английскому языку проснулся у поэта не ранее 1828 г.; в любом случае, «Застольных бесед» тогда еще не было (возможно, Чаадаев имел в виду Газлитов «Круглый стол» 1817 г.).

Ср. у Стендаля: «Je lis Smith avec un très grand plaisir»* (Дневник / Journal, 1805).

Можно вспомнить и Терезу, горничную в «Вильгельме Мейстере» Гете (1821), которая была страстным политическим экономом.

Стих «И был глубокий эконоом» снова досадно напоминает «Гудибраса» (см. коммент. к гл. 1, VI, 8), ч. I, песнь I, стих 127 (длинная рифма):

Beside he was a shrewed Philósopher **

6 *Адам Смит; 12 простой продукт.* — Исходный продукт, *matière première*, сырье, *produit net* — эти и другие термины заплясали в моем сознании; однако мне приятно знать экономику так же плохо, как знал ее Пушкин, хотя профессор А. Куницын читал-таки лицеистам лекции об Адаме Смите (шотландском экономисте, 1723—1790).

Так или иначе, Смит в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» / «Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations» (Куницын мог выбирать из четырех французских переводов: анонимного «М», 1778; аббата Ж. Л. Блаве, 1781; Ж. А. Руше, 1790—1791; Жермена Гарнье, 1802) считал, что источником этого самого *richesse**** является *le travail*****. «Только труд... является реальной ценой [всех товаров], деньги есть лишь условная их цена».

Чтобы понять иронию пушкинской строфы, нам, очевидно, следует обратиться к предшествовавшей Смицу физиократической школе. Кое-что по данному предмету я почерпнул из Британской Энциклопедии (The Encyclopedia Britannica, 11th edn., 1910—1911, XXI, p. 549): «По-настоящему производителен лишь тот труд, который увеличивает количество поступающего в распоряжение человека

* «Я читаю Смита с превеликим удовольствием» (фр)

** Кроме того, он был изрядным философом (англ)

*** Богатство (фр).

**** Труд (фр)

сырья; реальный годовой прирост богатства общества есть превышение совокупной сельскохозяйственной продукции (включая, конечно, и металлы) по сравнению с затратами на ее производство. От количества этого *produit net* [воспетого Ж. Ф. Дюси ок. 1785 г. в «*Mon Produit Net*»* и близкого к простому продукту, о котором говорит Пушкин] зависит благоденствие общества и возможность его цивилизованного развития». См. также «Физиократию» («*Physiocratie*», 1768) Франсуа Кенэ (1694—1774): «*La terre est la source unique de la richesse et l'agriculture est la seule industrie qui donne un produit net en sus des frais de production*»**.

Ср. в «Эдинбургском обозрении» («*Edinburgh Review*», XXXII [July, 1819], p. 73): «Могущество государства и возможности его благоденствия очевидно определяются величиной чистой прибыли (*nett profit*) и ренты, а вовсе не величиной его совокупного дохода, как, похоже, полагает д-р Смит [в «Богатстве наций»]».

Также у Давида Рикардо (1772—1823), английского экономиста: «Бонапарт стремился воспрепятствовать вывозу сырья из России, что вызвало поразительное сопротивление народа этой страны его мощной армии» («Очерк о прибыли капитала», [1815], с. 29).

- 7 ...эконом... — Сегодня по-русски говорят «экономист», а эту форму Карамзин употребил в письме Дмитриеву от 8 апреля 1818 г.

Варианты

- 1—5 Черновая рукопись (2369, л. 6):

<Конфуций> мудрец Кнтая
Нас учит юность уважать —
<От заблуждений охраняя>
<Не торопиться осуждать>
<Она одна дает надежды —>

Пушкин знал Конфуция (Куи Фу-Цзы, ок. 551—479 гг. до н. э.) по таким трудам, как «Великий Ю и Конфуций» Николя Габриэля Ле Клери (Nicolas Gabriel Le Cleri, «*Yu le Grand et Confucius, histoire chinoise*», Soissons, 1769) и «Конфуций, праведные мысли» Пьера Шарля Левека (Pierre Charles Levesque, «*Confucius, Pensées morales*», Paris, 1782), имевшимся в русских библиотеках того времени.

- 2 Отвергнутые варианты (2369, л. 6):

Стнхами разум теребить

и

Для рнфмы жнзни не щаднтъ

* Десять четырехстопных строк, перепечатанных в «Альманахе муз» («*Almanach des Muses*», 1808, p. 259) и оканчивающихся так. «*Ton produit net? — Je suis heureux*» («Твой чистый продукт? — Я счастлив», фр.). (Примеч. В. Н.)

** «Земля — единственный источник богатства, и сельское хозяйство — единственная область промышленности, которая дает чистый продукт, превышающий затраты производства» (фр.).

5 В черновой рукописи вместо *Гомера* (2369, л. 6—6 об.): *Виргилья* (род. пад. от *Вергилий*, то же и в белой рукописи), *Биона* (род. пад. от *Бион* — греческий поэт, ок. 100 г. до н. э.)¹⁰ и *Тибулл* (род. пад. от *Тибулл* — Альбий Тибулл, римский поэт I в. до н. э.).

13—14 Отвергнутый вариант (2369, л. 7):

Отец с ним спорил пол-часа
И продавал свои леса

VIII

4 *всех наук; 9 наука*. — «Наука» обычно означает «знания», «учение», «ученость», но здесь истинный смысл слова переводчику подсказывает название произведения Овидия.

10 *Назон* — римский поэт Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 17? н. э.). Пушкин его знал в основном по французскому переводу Ж. Ж. Ле Франка де Помпиньяна Полного собрания сочинений Овидия (*Oeuvres complètes d'Ovide*. Paris, 1799).

10—14 Эти строки перекликаются с рассказом об Овидии в «Цыганах», байронической поэме Пушкина, начатой зимой 1823 г. в Одессе, оконченной 10 октября 1824 г. в Михайловском и анонимно опубликованной в начале мая 1827 г. в Москве (стихи 181—223).

Старик

< >

Меж нами есть одно преданье
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозвание)
Он был уже летамн стар,
Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный —
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя,
Не разумел он ничего,
И слаб и робок был, как дети,
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети,
Как мерзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика,
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог,
Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный Бог
Его карал за преступленье

Он ждал придет ли избавленье
И все несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальний град вспоминая,
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости!

А л е к о

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!
Певец любви, певец богов,
Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?

13 Молдавия включала в себя Бессарабию, где были написаны эти строки. В отдельном издании первой главы (1825) есть примечание Пушкина, не включенное в полные издания романа: «Мнение, будто Овидий был сослан в нынешний Аккерман [Четатя Алба в Румынии, к юго-западу от Одессы]¹¹, ни на чем не основано. В своих элегиях „Ex Ponto“ он ясно назначает местом своего пребывания город Тома при самом устье Дуная. Столь же несправедливо и мнение Вольтера, полагающего причиной его изгнания благосклонность Юлии, дочери Августа. Овидию было тогда около пятидесяти [что Пушкину, имевшему половину тех лет, казалось глубокой старостью], а развратная Юлия, десять лет тому прежде, была сама изгнана своим ревнивым родителем. Прочие догадки ученых не что иное, как догадки. Поэт сдержал свое слово, и тайна его с ним умерла: „Alterius facti culpa silenda mihi“ [„О прочих своих грехах лучше я умолчу“ — строчка из *Tristia*, кн. II]. — Примечание сочинителя»

«Son exil, — пишет Лагарп («Cours de littérature», [1825], vol. III, p. 235), — est un mystère sur lequel la curiosité s'est épuisée en conjectures inutiles»*.

Цитируя Вольтера, Пушкин допускает странную ошибку. Вольтер ничего подобного не говорил. Он говорил следующее: «Le crime d'Ovide était incontestablement d'avoir vu quelque chose d'honteux dans la famille d'Octave . Les doctes n'ont pas décidé s'il [Ovide] avait vu Auguste avec un jeune garçon... [ou] quelque écuyer entre les bras de l'impératrice... [ou] Auguste occupé avec sa fille ou sa petite-fille... Il est de la plus grande probabilité qu'Ovide surprit Auguste dans un inceste»** (цитирую по новому изданию «Сочинений Вольтера» «avec des notes et des

* «Его изгнание — это тайна, относительно которой любопытство теряется в бесполезных предположениях» (фр)

** «Преступление Овидия несомненно заключалось в том, что он был свидетелем чего-то постыдного в семье Октавия. Ученые не решили, видел ли он [Овидий] Августа с мальчиком [или] какого-то конюшего в объятиях императрицы .. [или] Августа в связи со своей дочерью или внучкой... Наиболее вероятно, что Овидий застал Августа при акте кровосмешения» (фр)

observations critiques» С. Palissot de Montenoy in «Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie»* [Paris, 1792], vol. II, p. 239).

- 13 .. в глуши степей .. — Существительное *глушь* и прилагательное от него *глухой* — излюбленные словечки Пушкина. *Глухой* значит «приглушенный», «ослабленный», «сдавленный» (глухой звук, глухой стон). Применительно к лесу или саду означает «густой», «плотный», «заросший», «неухоженный». *Глушь* — «лесная чаща», «вдали от мира», «безжизненная глубина», «отдаленная провинция», «мрачное безлюдье», «Богом забытые края», «дальние поселения», «малонаселенная, необжитая местность». В *глуши* — «в захолустье», «в дальней провинции», «в глубинке», фр. *au fin fond* (с оттенком скуки и серости). Употребление слова «глушь» см. также в гл. 2, IV, 5; гл. 3, письмо Татьяны, 19; гл. 7, XXVII, 14; гл. 8, V, 2[3]; гл. 8, XX, 4.

IX

Отвергнутое чтение в белой рукописи (ПБ 8):

- Нас пыл сердечный рано мучит
Очаровательный обман,
Любви нас не природа учит
4 А Сталь или Шатобриан
Мы алчем жизнь узнать заранее,
Мы узнаем ее в романе
Мы всё узнали, между тем
8 Не наслаждался мы ни чем —
Природы глас предупреждая
Мы только счастью вредим
И поздно, поздно вслед за ним
12 Летит горячность молодая
Онегин это испытал
За то как женщин он узнал

- 12 *горячность молодая* . — Еще один отголосок стихотворения Вяземского (стих 75), из которого взят эпиграф к главе (см. коммент к гл. 1, эпиграф).

Вариант

- 2—4 В черновой рукописи (2369, л. 8 об.):

И говорят Шатобриан
Любви нас не природа учит
А первый пакостный роман

Эпитет «пакостный» подразумевает «непристойный».

X

- 3 *Разубедить* . — Точного эквивалента в английском нет. Глагол означает «разубеждать», «рассеять или изменить чью-то веру во что-то», «заставить кого-то

* «С замечаниями и критическими наблюдениями» К Палиссо де Монтенуа в «Историко-литературно-философской смеси» (фр)

перестать во что-то верить». Глагол здесь к тому же несовершенного вида. «Она думала, что он ее любит, я долго разуверял ее».

XI

2—14 *изумлять, пугать.. забавлять, ловить.. побеждать..* — Ср. у Пирса Игана: один из героев-любовников, Старина Неувядаемый, «обманывал... завлекал... умолял... убеждал... обольщал... уговаривал... обводил вокруг пальца... забавлял... затевал игру... плутовал... вводил в заблуждение... соблазнял... предавал... растлевал... одурачивал... пугал... задабривал» («Жизнь в Лондоне» [1821], кн. II, гл. I, в своих комментариях к «Дон Жуану» [1824], т. VII, Пишо упоминает французский перевод некоего «S M»).

А вот Пьер Бернар (Душка-Бернар, 1710—1775), «Искусство любви» (P. Bernard, «L'Art d'aimer»), песнь II:

Pour mieux séduire apprend à te contraindre,
L'amour permet l'art que l'on met à feindre
... ..
Fuis, mais reviens, fuis encor, mais regarde *

11 *вдруг* — Это русское наречие, в силу своей краткости, употребляется гораздо чаще, чем любой из его английских эквивалентов; как и *уже, уж*.

14 *. в тишине.* — Русские поэты обожают слово «тишина», это их *cheville* (слово или выражение, которое легко срифмовать и вставить в строку), поскольку происходит «в тишине» может что угодно А на рифму *-на* желанных слов слетается без счета. *она, жена, луна, волна, весна, сна, окна, полна, влюблена* и множество других, без которых не мог прожить ни один поэт 1820—1830-х гг.

14 *уроки* — Конечно, любовные уроки. Но здесь, к сожалению, у читателя возникает невольная ассоциация с той отповедью, которая позднее будет произнесена на уединенной аллее и без всякой любви. Вся строфа граничит с легковесностью, что придает ей аромат XVIII в. Боюсь, что в моем переводе стих 6 не скандируется, но по крайней мере он верен по смыслу.

Варианты

13—14 В черновой рукописи (2369, л. 7 об.):

Как он умел наедине —
Но скромну быть пора бы мне!

Там же, отвергнутое чтение:

Каков он был наедине
О том молчать не худо мне

* Чтоб соблазнять успешнее, учись владеть страстями, / Любовь не чужда искусству притворяться / .. / Беги, но возвращайся, вновь беги, но оглянуться не забудь .. (Фр)

XII

9—10 ...супруг лукавый, Фобласа давний ученик... — Фоблас — герой некогда знаменитого, а сейчас едва ли кем читаемого романа Жана Батиста Лувре де Кувре (Louvret de Couvrai или de Couvray, 1760—1797).

Роман Лувре обычно — и неправильно — называют «Любовные похождения кавалера Фобласа». Если верить Модзалевскому (1910, с. 276), то у Пушкина в библиотеке была книга «Жизнь кавалера Фобласа» Лувре де Куврэ (de Couvray) [sic] (Paris, 1813). На самом же деле роман выходил так: в 1787 г. «Год из жизни кавалера Фобласа» (5 частей); в 1788 г. «Шесть недель из жизни кавалера Фобласа» (8 частей); в 1790 г. «Окончание любовных пождений кавалера Фобласа» (6 частей).

Маркиз де Б. и граф Линьоль — обманутые мужья в этом плутовском, легком, приятном, но по сути дела никудышном романе, почти все время балансирующем на грани фарса (с неожиданно «романтическим» финалом: сверкающими мечами, грохотом грома, безумием и искалеченными любовницами), — наивные ничтожества, и шестнадцатилетнему Фобласу, переодетому девицей, не составляет труда проскользнуть в постель к их женам. Когда третий персонаж, граф де Розамбер (распутник, пособник Фобласа), наконец женится, он, к своему горю, обнаруживает, что друг успел дефлорировать его невесту. Ни один из обманутых джентльменов не достоин именоваться супругом лукавым. Лукавый супруг, *éroux malin*, — это, вероятно, тот, кто, прочтя Фобласа, ласкает поклонников своей жены — либо чтобы легче было за ними наблюдать, либо для прикрытия собственных шашней.

Каждый раз, когда по ходу *ЕО* упоминается какой-нибудь французский роман, Бродский послушно (хотя всегда расплывчато, как принято у русских комментаторов) ссылается на русский перевод. При этом он забывает, что Онегины и Ларины 1820 г. читали эти романы по-французски, а гротескными, варварскими, чудовищно топорными переложениями на русский пользовались только низшие классы.

12 *рогоносец* — обманутый муж; муж, которому наставили рога; *encorné, coci*.

А. Лупус в комментарии к своему переводу *ЕО* на немецкий (1899, с. 60) цитирует забавную эпиграмму Лессинга:

Einmal wechselt im Jahr der Edelhirsch seine Geweihe.
Doch dein Mann, o Clarissa, der wechselt sie monatlich vielmals*

Первое упоминание рогов как атрибута опозоренного мужа встречается, согласно К. Форбзу (в «Заметках и изысканиях» / C. Forbes, «Notes and Queries», 1st ser., II [1850], p. 90), в «Oneirocritica» Артемидора, жившего при римском императоре Адриане (117—138 гг. н. э.).

Вариант

10 Отвергнутый черновой вариант (2369, л. 8).

С повесами прошедший век

* В год однажды рога олень благородный меняет, / Твой же супруг, о Кларисса, меняет их многожды в месяц (Перевод с нем В Н)

XIII, XIV

Эти строфы были опущены. В издании 1837 г. после строфы XII поставлены римские цифры и под ними три ряда точек.

XIII

Черновой вариант (2369, л. 8—8 об.):

- Как он умел вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взор
И с нею скромный и смятенный
4 Начать краснея <разговор>
Пленять неопытностью нежной
..... и верностью надежной
<Любви> которой <в мире> нет —
8 И пылкостью невзвешанных лет
Как он умел с любою дамой
О платонизме рассуждать
<И в куклы с дурочкой играть>
12 И вдруг нежданной эпиграмой
Ее смутить и наконец
Сорвать торжественный венец

XIV

Черновой вариант (2369, л. 8, 7 об., 8 об.):

- Так резвый баловень служанки
Анбара страж усатый кот
За мышью крадется с лежанки
4 Протянется, идет, идет
Полузажмурясь, <подступает>
Свернется в ком хвостом играет
Расширит когти хитрых лап
8 И вдруг бедняжку цап-царап —
Так хищный волк томясь от глада
Выходит из глуши лесов
И рыщет близ беспечных псов
12 Вокруг неопытного стада
Всё спит — и вдруг свирепый вор
Ягненка мчит в дремучий бор

14 .. *дремучий бор* — В этом старинном словосочетании эпитет, произведенный от «дремать», передает образ чего-то угрюмого, непроходимого, заросшего лишайником.

XV

5 *Там будет бал, там детский праздник.* — «Там» не обязательно относится к одному из трех домов, означенных в предыдущем стихе. Далее добавятся еще два приглашения, итого пять, что и подсказывает правильное понимание.

5 ...детский праздник. — Такие *fêtes d'enfants* упоминаются в романе Лермонтова «Княгиня Лиговская» (1836), гл. 5, где у матери главного героя «бывали детские вечера для маленькой дочери: на эти вечера съезжались и взрослые барышни и переспелые девы». Когда дети ложились спать, взрослые продолжали танцевать.

9—12 Ср. у Н. Ж. Л. Жильбера в Сатире II, «Моя апология» («Mon Apologie», 1778):

Tous les jours dans Paris, en habit de matin,
Monsieur promène à pied son ennui libertin*

10 *боливар* — это была шелковая шляпа, колоколообразная, с широкими, загнутыми кверху полями, особенно модная в Париже и Петербурге в 1819 г. Русские комментаторы, от П. Бартенева до М. Цявловского, описывают ее неверно. Альбер Доза в Этимологическом словаре (*Dictionnaire étymologique*. Paris, 1938) говорит, что боливар был «à la mode chez les libéraux»** (раз он назван в честь южноамериканского освободителя Симона Боливара, 1783—1830). Лупус в комментарии к своему немецкому переводу *ЕО*, с. 46—47, отмечает, что даже в 1883 г. специальный корреспондент парижской «Фигаро», рассказывая о коронации Александра III, описывает — неточно — цилиндры русских кучеров как «une sorte de chapeaux Bolivar»***. Ларусс (Большой универсальный словарь XIX века / Larousse, Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle) цитирует Скриба (ок. 1820): «Les avoués maintenant ont des fracs à l'anglaise et des bolivars»****.

11 . .*бульвар* . — Тенистый Невский бульвар (часть Невского проспекта) во времена молодости Пушкина еще оставался излюбленным местом прогуливающихся пешеходов. Он состоял из нескольких рядов анемичных лип и тянулся по середине Невского проспекта (в XVIII в. — Невской перспективы или перспективы; английские путешественники 1830-х гг. называли его Перспективой; французы официально именовали Невской перспективой (*la Perspective de Nevsky*) или сокращенно *le Nevsky*; правильным английским названием будет *Nevski* или *Nevsky Avenue*) от Мойки на восток-юго-восток к Фонтанке. В 1820 г., примерно тогда, когда Пушкина выслали из города на семь лет, большинство деревьев срубили, оставив всего пятьсот (дабы усовершенствовать — в эпоху Совершенства — широкий и торжественный размах проспекта). К концу века Невский «бульвар» был так прочно забыт, что пушкинисты того времени отправляли Евгения на послеобеденную прогулку не на Невский, а на Адмиралтейский бульвар (сразу за Невским, на северо-запад). Впрочем, это тоже был модный променад, где при Александре I росли три ряда лип, и у нас нет никакой особой причины не пускать туда Онегина; разве что летом там гуляли, возможно, чаще, чем зимой. К Талону Онегин вполне мог добраться пешком (а не в извозничьих санях) и с Мойки, и от Адмиралтейского бульвара (расположенного в двух кварталах от него).

12 *на просторе* — «на свободе», «под открытым небом». См. коммент. к гл. 8, IX, 8.

* Каждый день в Париже в утреннем костюме / Господин развеивает в пешей прогулке свою распутную скуку (*фр*).

** «Мода освободителей» (*фр*).

*** «Нечто вроде шляпы Боливара» (*фр*).

**** «Теперь стряпчие носят фраки на английский манер и боливары» (*фр*)

13 *брегет* — изящные часы с репетиром, изготовленные знаменитым французским часовщиком Абрахамом Луи Бреге (1747—1823). Стоило в любое время прикоснуться к пружине, и брегет отзванивал час и минуту. Ср. у Поупа: «...И репетиров серебристый звук» («Похищение локона», I, 18).

По этому поводу А. Дюпон в своем переводе *ЕО* на французский (1847) вдруг разразился следующим комментарием: «Свой большой боливар, свой брегет... Из уважения к тексту сохраняем это иностранное высказывание, которое у нас почитается безвкусным; в Париже говорят: „мои часы“». При этом привереда-переводчик создает (переводя гл. 2, III и IV) шедевры наподобие «l'almanach de l'an VIII»* и «Lensky, âme vraiment Goethienne»**. Это к вопросу о вкусе (*le bon goût*).

Пушкинские *брегет* и *боливар* (см. коммент. к гл. 1, X) по сути дела галлицизмы: *une Bréguet* (но *un bolivar*). См. у Ларусса в «Grand Dictionnaire... de XIXe siècle»: «Maître Pastreni tira de son gousset une magnifique Bréguet...»*** (Александр Дюма); «Mais qu'on dépêche, il est huit heures à ma Bréguet»**** (Сиродэн).

Варианты

5 Черновая рукопись (2369, л. 9):

У графа бал, у князя праздник

В белой рукописи князь и граф поменялись местами.

14 Черновая рукопись (2369, л. 9—9 об.): поэт колебался, заставить ли часы Онегина прозвонить «6 раз» или «5 часов».

XVI

1—3 *Санки... морозной пылью* — В 1819 г. первый снег выпал 5 октября, а Нева замерзла спустя десять дней. В 1824 г. 7 ноября льда на Неве еще не было.

2 «*Пади, пади!*» — означает «пошел!», «ну!», «берегись!», «прочь!». Это был привычный возглас лихачей извозчиков, распугивали им в основном пешеходов. Интересный перечень его вариаций есть у Льва Толстого в автобиографическом наброске «История вчерашнего дня» (где «вчерашний день» — 25 марта 1851 г.).

3—4 *Морозной пылью серебрится / Его бобровый воротник* — <...> Речь о меховом воротнике шинели времен Александра I: с большой пелериной и просторными рукавами, она являла собой среднее между цивильным пальто, вроде кучерского, и армейским плащом той эпохи; прославленная шинель-капот или, точнее, отделанная мехом шинель-каррик — название вернулось в английский язык уже из французского *une carrick* (от фамилии английского актера Дэвида Гаррика, 1717—1779, которая, что интересно, шла от Гарриков-гугенотов).

* «Альманах VIII года» (*фр.*).

** «Ленский, с душою прямо гётевской» (*фр.*).

*** «Мастер Пастерни достал из своего жилетного кармана великолепную Брегет(у)» (*фр.*).

**** «Надо спешить, на моей Брегет(е) восемь часов» (*фр.*)

В 1820 г., когда за рубль давали три английских шиллинга, бобровый воротник стоил двести рублей.

Появившаяся в 1830 г. николаевская (по имени царя) шинель, как, например, у государственных чиновников, могла быть на более дешевом меху или совсем без меха (вспомним вожделенную шинель Башмачкина в «Шинели» Гоголя). Такое пальто с пелериной не следует путать с более поздней военной армейской шинелью, которая была — и остается — длинной, без пелерины, с хлястиком и встречной складкой на спине.

Согласно Этимологическому словарю Чарльза Филиппа Рейфа (Charles Philippe Reiff, Etimological Lexicon, Dictionnaire russe-français . ou dictionnaire étymologique de la langue russe. St. Petersburg, 1836), «шинель» происходит от «chenille», бархатистой шелковой ткани. Литтрэ объясняет «chenille» как «autrefois, un habillement négligé que les hommes portaient avant de faire leur toilette»*.

5 ...*Talon* — В начале 1825 г. Пьер Талон через газеты известил своих клиентов, что покидает Невский проспект (его ресторан был в нынешнем доме № 15) и возвращается к себе во Францию.

5—6 . *он уверен...* / *Каверин* — Мужская фамилия (в изданиях 1825—1837 гг. стояло ***), неожиданно рифмующаяся с кратким прилагательным, — восхитительный подарок русскому уху и глазу (рифму *уверен* — *Каверин* Пушкин уже использовал однажды, ок. 1817 г., в эпиграмме — ПСС 1936, т. 1, с. 198) В русском стихосложении, как и во французском, уверенно сверкающая *consonne d'appui*** (по английским понятиям — дешевая побрякушка) сообщает рифме акробатическое совершенство.

Петр Каверин (1794—1855) — гусар, светский человек, бывший геттингенский студент (1810—1811), к портрету которого Пушкин (ок. 1817) написал.

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар

В короткой записке Пушкина (рукопись неизвестна, дата неточна: 1820 или 1836) говорится: «Mille pardon, mon cher Kaverine, si je vous fais faux bon — une circonstance imprevue me force à partir de suite»***. Привожу по «Дополнениям к письмам Пушкина» Лернера, включенным в Сочинения Пушкина, изд. Брокгауза и Ефрона (1915, т. VI, с. 608), и не знаю точно, кто виноват в этих симпатичных ошибках во французском языке. Цявловский (Акад. 1938, с. 451) дает *pardons* и *imprévue*, но оставляет *bon* (*bond*).

В 1817 г. Пушкин посвятил любезному Каверину стихотворение в шестнадцать стихов¹², где советовал ему и дальше безмятежно прожигать жизнь и «черни презирать ревнивое роптанье» (ср рокотанье этих *p* с гл. 4, XIX, 4—6) и уверял, что возможно сочетать «высокий» ум с «безумными шалостями». Каверин обладал способностью, не вставая из-за стола, осушить четыре бутылки шампанского подряд, после чего выйти из ресторана как ни в чем не бывало.

* «В старину — утреннее платье, которое мужчины носили прежде чем одеться» (*фр*)

** Опорная согласная (*фр*)

*** «Тысяча извинений, дорогой Каверин, если я Вам оказываю медвежьёю услугу, — непредвиденное обстоятельство заставляет меня немедленно уехать» (*фр*)

Считается, что именно он подсказал Пушкину один из образов оды «Вольность» (а именно, выразительную аллюзию на убийство Павла I); ода была, вероятно, сочинена в декабре 1817 г. и частично записана на петербургской квартире Николая Тургенева (см. коммент. к гл. 10, XII, 3).

7—14 (см. также варианты: 10—11, XVII, 1—2, XXXVII, 8—9). Читателю любопытно будет сравнивать рацион Онегина с обедом, описанным Байроном в восьмистишиях LXII—LXXXIV песни XV «Дон Жуана»: «Вперемешку рыба, мясо, птица / И овощи — все в маскараде», восьмистишие же LXXI оканчивается так: «Но я уж пообедал и вынужден, увы, отказаться / От самого скромного описания даже бекаса». По сравнению с меню у Талона, трапеза в «Дон Жуане» и обильнее, и более оригинальна, в ней и заимствования из книги Луи Юсташа Юда «Французский повар» (Louis Eustache Ude, «The French Cook», 1813), и кошмарное английское ударение на начальном слоге французских слов (*bécasse* — исключение).

8 . *вина кометы*. — Фр. *vin de la comète*, шампанское года кометы — имеется в виду комета 1811 г., в том году был прекрасный сбор винограда. Первым эту безымянную, но дивную комету заметил Оноре Флогерг 25 марта 1811 г. в городе Вивье. Затем 21 августа 1811 г. ее увидел Алексис Бувар в Париже. Астрономы петербургские наблюдали ее 6 сентября 1811 г. (все даты даны по н. с.). Согласно Фридриху Вильгельму Августу Аргеландеру («Исследования о траектории большой кометы 1811 года» / F. W. A. Argelander, «Untersuchungen über die Bahn des grossen Cometen vom Jahre 1811» Königsberg, 1823), комета грозно украшала европейское небо до 17 августа 1812 г.

9 . *roast-beef окровавленный*. — Это галлицизм (а не опечатка) *roast-beef sanglant*; приготовлен по рецепту Парни («Годдам!», песнь I; см. коммент. к гл. 1, XXXVII, 6—10)

10 .. *трюфли*. — Нам, в век безвкусных синтетических продуктов, трудно поверить, какой любовью пользовались эти восхитительные грибы У Уильяма Кука («Мемуары Сэмюэла Фута, эсквайра, и собрание его подлинных анекдотов, мнений и пр.» / W. Cooke, «Memoires of Samuel Foote, Esq, with a Collection of His Genuine Bon-mots, Anecdotes, Opinions, etc» London, 1805) хорошо рассказан известный анекдот про поэта Сэмюэла Бойза (1708—1749), который «настолько обнищал. . что, не имея одежды, вынужден был оставаться в постели; когда же один из друзей... прислал ему гинейю, он немедленно потратил из нее крону на грибы и трюфеля к своему ростбифу».

Трюфеля воспел и Жозеф Бершу (1765—1839) в предпоследней (третьей) песни своей «Гастрономии» («La Gastronomie», 1800):

Du sol périgourdin la truffe vous est chère*

12 *Страсбургский пирог* — *râté de foie gras*. В 1803 г. Джеймс Форбз цитировал «Альманах гурманов» («Письма из Франции» / «Letters from France». [London, 1806], vol I, p. 395—396): « . в Страсбурге изготавливается тот самый восхитительный пирог, который являет собой самое роскошное *eniremet***». Чтобы печень достигла требуемых размеров, [гусыня] на длительное время превращается в

* Подземный лакомый гриб трюфель для вас дорог (*фр*)

** Легкое блюдо, подаваемое перед десертом (*фр*)

живую жертву. Приколотив ее лапы гвоздями к доске, птицу без конца кормят, но не дают ей пить... Истязание... было бы невыносимым, не знай гусыня, что [ее печенка], нашпигованная трюфелями и запеченная в приготовленное по всей науке тесто, прославит ее имя с помощью месье Корсле».

Похожее описание есть в «Пелэме» (1828), гл. 22, Булвер-Литтона, возможно пользовавшегося тем же французским источником.

Ср. стихотворение Пушкина «К [Михаилу] Щербинину» (1819), стихи 7—8:

И жирный Страсбургский пирог
Вином душистым запивает

Пирог с гусиной печенкой не следует путать, что часто делают, с паштетом из *foie gras**, который продают в особых баночках. Пирог, *un vrai gibraltar*** (по выражению Брийа-Саварэна), следовало атаковать, «взрезая его ножом для мяса» (как пишет в одном письме Бруммель).

14 *И ананасом золотым.* — Все помнят благостные строчки (685—687) из поэмы Джеймса Томсона «Лето»:

thou best аnаnа, thou the pride
Of vegetable life, beyond whate'er
The poets imag'd in the golden age

(и ты, прекрасный ананас — король
Растений, превзошедший все, что только
Снилось поэтам века золотого)

Менее известно стихотворение Уильяма Каупера «Ананас и пчела» (1779). В России XIX в. ананас считался символом роскоши.

Варианты

3 Отвергнуто в черновой рукописи (2369, л. 9 об.):

Летучим сиегом серебрится

10—11 Более живописный отвергнутый вариант из белой рукописи (Акад. 1937).

Двойной бекас и винегрет
И трюфли, роскошь юных лет

Первое название, *двойной бекас* (теперь *дупель-бекас*), означает не вальдшнепа, а именно бекаса, болотного кулика (фр. *bécassine double*), жаренного на открытом огне или запеченного. *Винегрет* — блюдо из овощей, приправленных растительным маслом и уксусом. Пушкин послал этот вариант брату, и тот вписал его в копию у себя в Петербурге. Позднее эта копия попала в собрание братьев Тургеневых (Александра и Николая) и в конце концов оказалась в Пушкинском Доме.

10—12 Отвергнутые черновые варианты (2369, л. 9, об.):

10 И *vol-au-vent* и *vinagrette*
10 И рябчик и двойной бекас

* Гусиная печень (фр.).

** Настоящий Гибралтар (фр.).

- 11 И ты, душистый Ананас
 10 . [бекас]
 11 А мой Онегин, через час —
 12 Бросает пир одушевленный

Vol-au-vent — оболочка из воздушного теста, наполненная обжаренным, затем тушеным белым мясом цыпленка и рублеными грибами (*vol-au-vent de volaille aux champignons*) или устрицами, отваренными в белом вине (*vol-au-vent d'huitres*), есть и другие разновидности, и все восхитительны.

XVII

3—4 Спектакль начинался в половине седьмого: из двух императорских театров того времени (1819) имеется в виду, вероятно, Большой Каменный в Коломне. Балеты в нем шли в сочетаниях с различными операми и трагедиями.

Нельзя не заметить, насколько привязан этот бездарный день к ходу часовых стрелок. «Те, кто менее всех ценят время, обычно имеют на себе более всего часов и как никто озабочены точностью их хода» (Мария Эджуорт «Скука» / «Еппи» [1809], ch. 1)

5 ..злой — недобрый, сердитый, злобный, коварный, недоброжелательный. Злой в этом ряду — единственное односложное прилагательное

6 *Непостоянный обожатель* . — Фр. *volage adorateur* (как, например, у Расина в «Федре» [1677], II, 1)

6—7 *обожатель / Очаровательных актрис* — Ср. у Стендаля в «Красном и черном» (1831, гл. 24): «„Вот что, дорогой мой [сказал князь Коразов Жюльену Сорелю]. . может быть, влюбились в какую-нибудь актрису?“ Русские старательно копируют французские нравы, только отставая лет на пятьдесят. Сейчас [в 1830 г.] они подражают веку Людовика XV».

То же у Стендаля и с русскими 1830 г.: они принадлежат к литературному типу путешествующего москвитя XVIII столетия

Насколько эфемистичен поэт в этом описании веселого Петербурга времен своей — и Онегина — юности, можно судить по непристойности письма, которое Пушкин послал гуляке-приятелю (Павлу Мансурову, род в 1795 г., то есть ровеснику Онегина) из Петербурга в Новгород 27 октября 1819 г. и в котором писал об общих приятелях и об актрисах, занятно мешая гривуазные подробности с дерзкими политическими шуточками: «...мы не забыли тебя и в 7 часов с ¹/₂ каждый день поминаем [тебя] в театре рукоплесканьями, вздохами — и говорим. свет-то наш Павел! что-то делает он теперь в великом Новгороде? завидует нам и плачет о Кр... [Крыловой, юной танцовщице] (разумеется, нижним проходом). ...Оставим элегии, мой друг. Исторически буду говорить тебе о наших [следует венерологический отчет]... — у меня открывается маленькой; и то хорошо. Всеволожский Н[икита] играет; мел столбом! деньги сыплются! Сосницкая [актриса] и кн. Шаховской [драматург] толстеют и глупеют — а я в них не влюблен — однакож его вызывал за ея дурную комедию, а ее за посредственную игру. [Яков] Tolstoy болен — не скажу чем — у меня и так уже много <сифилиса> в моем письме. Зеленая Лампа [сообщество повес и фрондеров] нагорела — кажется гаснет — а жаль — масло есть (т. е. шампанское нашего друга [Всеволожского, в доме которого собирались]). Пишешь ли ты, мой собрат —

напишешь ли мне, мой холосенькой [в этом сюсюканье ничего гомосексуального нет]. Поговори мне о себе — о военных поселениях. Это все мне нужно — потому что я люблю тебя — и ненавижу деспотизм».

Молодые вольнодумцы 1819 г. решительно осуждали военные поселения, основанные в 1817 г. для снижения затрат на содержание огромной армии в мирное время. Поселениями управлял военный советник Александра I граф Алексей Аракчеев (1769—1834). Они формировались из казенных крестьян (то есть крепостных, принадлежащих не помещикам, а государству). Поселения были устроены на унылых новгородских болотах и в диких степях под Херсоном. Каждая рота (228 человек) образовывала деревню. Поселенцев обязывали сочетать военную службу с сельским хозяйством, в условиях строжайшей дисциплины, при жестоких наказаниях за малейшую провинность. Идея этих военных поселений очень импонировала Александру I, с его мистическим и методическим умом. В идеале он хотел видеть сплошную цепь деревень, населенных пожизненными рекрутами, — Кигайскую стену из *chair à canon**, пересекающую всю Россию с севера на юг. Ни он, ни Аракчеев не могли понять, почему эта прекрасная идея вызывала отвращение у некоторых выдающихся генералов. Военные поселения явились смутной предтечей гораздо более эффективной и обширной системы советских трудовых лагерей, созданной Лениным в 1920 г. и процветающей по сей день (1962).

- 8 *Почетный гражданин кулис...* — После некоторых колебаний я убедил свою литературную совесть, что перевод *freeman of the greenroom* достаточно точен (и, по сути, изящнее выводит на соответствующие ассоциации в английском языке), к тому же лучше отвечает ясности пушкинского слога в этой строфе; после чего я вернулся к дословному переводу.
- 9 *Онегин полетел к театру*, но полет его недостаточно скор; его приятель, Пушкин, оказался быстрее: к моменту появления в театре Онегина (XXI) Пушкин провел там уже целых три строфы (XVIII, XIX, XX). Тема преследования, где один то отстает от другого, то его обгоняет, идет до строфы XXXVI.
- 12 *Федру, Клеопатру* (вин. пад. от *Федра, Клеопатра*). — Думаю, что первое имя относится к трехактной опере Ж. Б. Лемуана «Федра» (1786), по трагедии Расина, поставленной в С.-Петербурге 18 декабря 1818 г., на либретто Петра Семенова, написанное на основе либретто Ф. Б. Гофмана, с дополнениями к музыке, сделанными Штейбельтом. Партию Федры пела Сандунова**.

Лишенный варварским режимом возможности поехать в Ленинград и найти в библиотеках старые театральные афиши, я не могу с уверенностью сказать, какую именно «Клеопатру» имел в виду Пушкин. Возможно, ту, которую играла в Большом театре французская труппа, дававшая в 1819 г. три спектакля на неделе (согласно Арапову). Начиная с 4 октября 1819 г. французская труппа — та же? — играла в Малом театре на Невском проспекте***.

У Корнеля в его злосчастной «Родогюн» (1644) такое же имя носит сирийская королева, египтянке, более известной, посвящены несколько опер и трагедий;

* Пушечное мясо (фр)

** См. Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. (Примеч В Н)

*** Согласно Цявловскому (Летопись жизни Пушкина. М., 1951, т 1, с 739) (Примеч В Н)

не думаю, что в Петербурге когда-либо ставилась опера «Клеопатра и Цезарь», написанная к открытию Берлинской оперы (7 декабря 1742 г.) моим предком, Карлом Генрихом Грауном (1701—1751), либретто Дж. Дж. Боттарелли по ничтожнейшей трагедии Корнеля «Смерть Помпея» (1643). Но другая опера, «Смерть Клеопатры» С. Назолини (1791), либретто А. С. Сографи, поставленная (согласно замечательной «Летописи оперы» Альфреда Левенберга / A. Loewenberg, «Annals of Opera». Cambridge and New York, 1943) в Лондоне (1806) и Париже (1813), могла добраться и до Петербурга. 8 марта 1809 г. в Париже был представлен исторический балет в трех действиях Ж. П. Омера на музыку Р. Крейцера под названием «Клеопатра». Алексис Пирон (Полн. собр. соч. / Alexis Piron, OEuvres Complètes, [1776], vol. VIII, p. 105, послание «Au Comte de Vence sur une estampe de Cléopâtre»*) пишет: «J'en ai vu plus d'une au théâtre»** — и в сноске добавляет: «La Demoiselle Clairon jouait alors une Cléopâtre dont on ne se souvient plus»***. Я не читал «Плененную Клеопатру» («Cléopâtre captive», 1553) Жоделя, а «Клеопатра» (1750) Мармонтеля мне интересна лишь тем, что на премьере публика присоединилась к свисту отлично выполненной механической гадюки, а Бьевр съязвил: «Je suis de l'avis de l'aspic»****.

Никакой пьесы Вольтера о Клеопатре не существует. Легенда о том, что под «Клеопатрой» в *ЕО* подразумевается «Клеопатра, трагедия Вольтера», идет от ошибки М. Гофмана в его примечаниях к *ЕО* издательства «Народная библиотека» (1919); она повторяется в комментариях Бродского (*ЕО*, изд-во «Мир», 1932) и переходит в небрежный компилят Д. Чижевского (Harvard University Press, 1935), хотя еще в 1934 г. Томашевский (*Лит. насл.*, т. 16—18) обратил внимание на эти «балетные переделки несуществующих трагедий».

13 *Моину* (вин. пад. от *Моина*) — <...> героиня нудной трагедии Озерова «Фингал» (С.-Петербург, 8 декабря 1805 г.) по французскому переложению прозаической поэмы Макферсона. Роль эту «создала» великая актриса Екатерина Семенова (1786—1849); позже в ней блистала ее соперница Александра Колосова (1802—1880). У Пушкина в заметках о русском театре, написанных в начале 1820-х гг. (и опубликованных после смерти), есть любопытные замечания об этих двух актрисах.

Об оссиановских мотивах в русской литературе см. мой коммент. к гл. 2, XVI, 10—11.

Варианты

1—3 В черновой рукописи (2369, л. 10):

Евг<енный> пьет шумит — но снова
<зашипев под пальцем> его брегет
Что Шаховского

К сожалению, *зашипев* — отличный образ — зачеркнуто. О драматурге Шаховском см. мой коммент. к XVIII, 4—10.

* «Графу де Ванс на гравированном портрете Клеопатры» (*фр.*).

** «Я их немало видел в театре» (*фр.*).

*** «Девушка Клэрон представила тогда такую Клеопатру, о которой больше не вспоминают» (*фр.*).

**** «Я на стороне аспиды» (*фр.*)

10 Отвергнутое чтение в белой рукописи и в копии:

Где каждый, вольностью дыша

Критикой появилось, вероятно, в уступку цензуре. Томашевский утверждает, что в пушкинской белой рукописи исправление сделано чужой рукой. В копии — рукой Льва Пушкина.

XVIII

Строфы XVIII и XIX были дописаны осенью 1824 г. в Михайловском, примерно через год после того, как была окончена глава. Черновые наброски, в тетради 2370, л. 20 об., идут за последней строфой гл. 3 (л. 20 об. датирован 2 октября 1824 г.).

1—4 В английском переводе я сохранил несколько несоразмерный синтаксис, где общий для Фонвизина с Княжниным глагол подвешен на фоне двух определительных конструкций.

Для эпитета *переимчивый*, столь мелодично заполняющего 2—6 слоги стиха 4, не существует английского прилагательного, которое при обратном переводе на русский точно переводилось бы одним пушкинским словом (критерий точности перевода). *Переимчивый* сочетает значения прилагательных *подражательный*, *приспособчивый* и *присвойчивый*.

3 *Фонвизин* — Денис Фонвизин (1745—1792), автор примитивной, но бойкой и занимательной комедии «Недоросль» (поставлена 24 сентября 1782 г.). Как сатира, в которой честное перо либерала XVIII столетия обличает жестокость, чопорность и невежество, она большей частью утратила свою свежесть и жизненность; однако выразительность языка и яркость характеров ощутимы и поныне.

У Фонвизина, кроме того, есть великолепные стихи — например, басня в 52 александрийских стихах о лисе-интриганке («Лисица-кознодей») — и остро-сатирическая (в духе тогдашнего творчества самой императрицы Екатерины) «Всеобщая придворная грамматика» (1783). В его поверхностных, но превосходно написанных «Письмах из Франции» (1777—1778) отчетливо проявляется смешение неистового национализма и половинчатого либерализма — неизменная черта самой передовой русской политической мысли со времен Фонвизина до эпохи декабристов. «Рассматривая состояние французской нации, — пишет он Петру Панину 18/29 сентября 1778 г., — научился я отличать вольность по праву от действительной вольности. Наш народ не имеет первой, но последнею во многом наслаждается. Напротив того, французы, имея право вольности, живут в сущем рабстве», и т. д. Его поразила плохая «военная дисциплина»: в театре в Монпелье часовой, приставленный к ложе губернатора, «соскучив стоять на своем месте, отошел от дверей, взял стул и, поставя его рядом со всеми сидящими знатными особами, сел тут же смотреть комедию, держа в руках свое ружье». Когда же Фонвизин выразил удивление командиру, тот миролюбиво ответил: «C'est qu'il est curieux de voir la comédie»*.

4—10 *Княжнин... Озеров... Катенин.. Шаховской* — четверка посредственностей.

* «Потому что ему любопытно смотреть комедию» (фр.).

Яков Княжнин (1742—1791) — автор трагедий и комедий, неуклюже списанных с французских образцов разной степени бездарности. Я пытался читать его «Вадима Новгородского» (1789), но это еще невразумительнее, чем Вольтер.

Владислав Озеров (1769—1816) — «очень посредственный» (как отметил сам Пушкин на полях написанной Вяземским биографии Озерова) автор пяти чопорно-сентиментальных трагедий во вкусе той офранцуженной эпохи: «Ярополк и Олег» (1798), «Эдип в Афинах» (1804), «Фингал» (1805), «Дмитрий Донской» (1807) и «Поликсена» (1809). Шестая, «Медея», осталась недописанной, поскольку бедняга сошел с ума. Пишут, что роковое помешательство было вызвано кознями литературных недругов (в том числе Шаховского).

Павел Катенин (1792—1853), которого его друг Пушкин сильно переоценивал — как переоценивал и «великого» (Пьера) Корнеля, чью напыщенную и банальную трагикомедию «Сид» Катенин «перевел» на русский язык в 1822 г. Еще в наброске стихотворения, описывающего театральные распри (восемнадцать строк, сочиненных в 1821 г. и опубликованных только в 1931 г.), Пушкин нашел нужную формулу (стихи 16—17):

И для нее [Семеновою]
·
Младой Катенин воскресит
Эсхила гений величавый

Князь Александр Шаховской (1777—1846), еще одна библиографическая обуза. Директор театра и плодовитый автор множества жалких подражаний французским пьесам, в основном комедиям. Например, в пьесе «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (поставлена 23 сентября 1815 г.) он, следуя традициям школы архаистов, изображает Жуковского в образе сочинителя баллад Фиалкина, точно так же, как за десять лет до этого высмеивал сентиментального Карамзина в фарсе «Новый Стерн». Именно «Липецкие воды» (имеются в виду минеральные источники в Липецке, Тамбовской губ.) подтолкнули писателей младшего поколения к созданию общества «Арзамас» (см. коммент. к гл. 8, XIV, 13).

Однако к зиме 1819 г. — времени Онегина — «колкий» Шаховской уже перешел от так называемого классицизма к так называемому преромантизму, что, впрочем, никак не повлияло на убожество его сочинений. Изучающим просодию он известен как автор первой русской комедии («Не любо — не слушай», 23 сентября 1818 г.), написанной «вольным ямбом» (то есть стихами различной длины со свободной схемой рифмовки). До него этим размером писал свои басни Крылов, и этим же размером написана единственная великая русская комедия в стихах — «Горе от ума» Грибоедова (окончена в 1824 г.). В конце 1815 г. Пушкин в своем лицейском дневнике правильно пишет, что Шаховской «посредственный стихотворец» и «не имеет большого вкуса».

В 1824 г. болгаринский альманах «Русская Талия» объявил о предстоящей публикации отрывков из выполненного Шаховским драматического переложения поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и из «магической трилогии» «Финн», написанной Шаховским по мотивам «Руслана и Людмилы». «Финн» был сыгран в Петербурге 3 ноября 1824 г.

Я не совсем уверен, что неожиданный и незаслуженный комплимент Шаховскому в этой строфе (сочиненной, как и следующая, через год после окончания главы) никак не связан с известием о готовящейся публикации.

5—7 Ср. у Вольтера в «Анти-Житон, к Мадмуазель [Адриенн] Лекуввер» (французская актриса; «L'Anti-Giton, à Mademoiselle [Adrienne] Lecouvreur», 1714):

Quand, sous le nom de Phèdre, ou de Monime*,
Vous partagez entre Racine & vous
De notre encens le tribut légitime .**

Лернер в «Звеньях» (1935, № 5, с. 65) цитирует неточно. «L'Anti-Giton» нападает на гомосексуального маркиза де Курсийона, сына мемуариста Филиппа де Курсийона, маркиза де Данго.

12 Там и Дидло венчался славой. . — Шарль Луи Дидло (1767—1837), французский танцовщик и хореограф. В 1810 г. был балетмейстером в Петербурге и за свое «романтическое» воображение получил прозвание «Байрона балета».

13—14 кулис .. неслись — Рифма бедная, несмотря на *consonne d'appui****.

XIX

1 Мои богини! Что вы? Где вы? — Один из тех редких случаев, когда, наоборот, для перевода четырех русских слов (Что вы? Где вы?) английских требуется в два раза больше.

Составная рифма *где вы* — *девы* очень хороша. (См. Приложение II.) — В английской поэзии аналогией будет, конечно, не макароническая и байроническая *gay dens — maidens*, а скорее, впервые использованная *know it — roet* или *sonnet — on it*, теперь уже банальные и избитые.

<...>

XX

3 В райке... — *Раек*, «маленький рай» — галлицизм, жаргонное название последнего яруса в театре. Эрик Партридж в своем «Словаре сленга и ненормативной английской лексики» («A Dictionary of Slang and Unconventional English», 1951) датирует первое использование в Англии английского слова *paradise* (рай) в значении «галерка» 1864 г., добавляя, что оно «всегда воспринималось как французское и устарело к 1910 г.». Несомненно, это всего лишь позаимствованное у парижан *paradis* (где блаженствует плебс и царит адская духота); слово встречается у многих писавших на злобу дня в XVIII в. (например, у Вольтера). По странному совпадению, в лондонских театрах зрителей, сидящих на самом верху, называли (ок. 1810 г.) «богами галереи» (Джон С. Фармер и У. И. Хенли, «Сленг и его аналоги» / J. S. Farmer, W. E. Henley, «Slang and its analogues», 1893).

5—14 Дуняша Истомина (1799—1848; Дуняша — уменьшительное от имен Евдокия и Авдотья) очень одаренная и миловидная «пантомимная танцовщица», ученица Дидло (см. коммент. к XVIII, 12). Она дебютировала 30 августа 1815 г. в «пасторальном балете» «Ацис и Галатей» (музыка К. Кавоса, сценарий Дидло). В своей чудесной «Летописи» (с. 237—238) Арапов пишет о ней: «Истомина

* Героиня «Митридата» Расина (Примеч В Н)

** Когда Вы, в роли Федры иль Монины, / С Расином вместе получаете законную дань / Похвал и лести нашей. (Фр)

*** Опорная согласная (фр).

была средняго роста, брюнетка, красивой наружности, очень стройна, имела черные огненные глаза, прикрываемые длинными ресницами, которые придавали особый характер ея физиогномии; она имела большую силу в ногах, апломб на сцене, и вместе с тем грацию, легкость, быстроту в движениях; пируэт [вращение на одной ноге] ея и элевация [способность взмыть в воздух] были изумительны».

Из найденного мною ближе всего к спектаклю, о котором мог писать здесь Пушкин, стоит «Калиф Багдадский», двухактный балет Дидло на музыку Антолини, который давали 12 января 1820 г. (то есть по меньшей мере на две недели позже спектакля в *ЕО*) и где партию Зетюльбы танцевала Истомина. Однако это была не премьера, а второе представление (первое прошло 30 августа 1818 г., Зетюльбу танцевала Лихутина). Остальные даты неубедительны. Арапов пишет, что 20 июля 1819 г. после шедшей в тот день «Русалки» все танцовщицы выходили в «большом дивертисменте» — «Морской победе» Дидло на музыку Антолини (см. коммент. к гл. 2, XII, 14 и гл. 5, XVII, 5). Помянутые далее змеи и, в отвергнутом чтении, медведи (XXII, 1 и коммент. к XXII, 1—4) указывают на еще один *ballet magic**, поставленный Дидло на этот раз в *genre chinois***, — четырехактное представление «Хензи и Тао» («Красавица и Чудовище») на музыку Антолини, но его премьера прошла также слишком рано (30 августа 1819 г.), и у меня есть основания предполагать, что Истомина в тот вечер вообще не танцевала. Балет повторяли 30 октября и 21 ноября. В один из этих дней Пушкин на спектакль опоздал. Он только вернулся из Царского Села. Там сорвался с цепи медвежонок, он бегал по дорожкам парка и мог напасть на Александра I, случись царю оказаться поблизости. Пушкин шутил: «Нашелся один добрый человек, да и тот медведь». (См. также XXII, варианты, 1—2.)

Пушкин прозябал в Кишиневе, а тем временем в Петербурге в Большом Каменном театре Истомина танцевала черкешенку в балете Дидло по его поэме «Кавказский пленник», написанной в 1820—1821 гг. Эта хореографическая пантомима («Кавказский пленник, или Тень невесты», музыка Кавоса), с полным набором черкесских игр и боевых схваток, с парящим привидением, была впервые представлена 15 января 1823 г. и удостоилась шумных аплодисментов. Через две недели (и за три с небольшим месяца до начала работы над *ЕО*) Пушкин писал из Кишинева брату Льву в Петербург, бурно требуя подробностей о постановке и о черкешенке Истоминой, «за которой я когда-то волочился подобно кавказскому пленнику». Если, как считают охотники за прототипами, гадкий утенок Мария Раевская, которую Пушкин тринадцатилетней встретил на Кавказе, действительно стала — за спиной Пишо — «моделью» пушкинской восточной героини (не слишком новой и не слишком оригинальной), то им должно быть интересно, что впоследствии эту девушку заменила другая, с которой поэт был знаком еще раньше.

Эта строфа (гл. 1, XX) была, несомненно, продиктована желанием Пушкина поблагодарить талантливую танцовщицу за роль черкешенки и за предстоящее появление в роли Людмилы. И только чтобы поставить свою Татьяну выше распутной Елены Троянской, наш поэт, в ноябре 1826 г., шутливо уступит гомеровской Киприде первенство над «моей Истоминой» (гл. 5, XXXVII, 7—11).

Онегин появляется только в следующей строфе и пропускает выход Истоминой, но несколько песней спустя он узнает, что именно пропустил, — когда

* Волшебный балет (*фр*)

** Китайский стиль (*фр*)

(как описано в гл. 8, XXXV, 9, 12—13) зимой 1824 г. будет читать русские журналы за тот ушедший год. Тогда же он, возможно, обнаружит в болгаринских «Литературных листках» (IV, от 18 февраля 1824 г.) эти десять строчек, первый опубликованный отрывок из романа (гл. 1, XX, 5—14) — по словам редактора, «по памяти продиктованный ему одним путешественником»¹³, быть может, самим Онегиным, только что побывавшим в Одессе; или, что более вероятно, он откроет болгаринский «альманах» «Русская Талия» на 1825 г. (выпущенный в середине декабря 1824 г.), где найдет те же десять строчек под портретом несколько полноватой Истоминой работы Федора Иордана (8 декабря 1824 г. она танцевала петербургскую премьеру «волшебного-героического» балета в пяти актах, поставленного Дидло по «Руслану и Людмиле») и там же — впервые опубликованные отрывки из «Горя от ума» Грибоедова (см. коммент. к гл. 8, XXXV, 7—8).

Осенью 1817 г., когда Истоминой было всего восемнадцать, ее кроткое очарование, темные волосы и прелестный румянец стали причиной одной знаменитой петербургской дуэли. Пятого ноября того года она повздорила со своим молодым покровителем графом Шереметевым, и Грибоедов уговорил ее зайти на чашку чаю в квартиру, где он жил вместе с графом Завадовским (в последнем знатоки прототипов узнают персонаж, упомянутый в «Горе от ума» (IV, 4):

. во-первых, князь Григорий!!
 Чудак единственный! нас со смеху морит!
 Век с англичанамн, вся английская складка,
 И так же он сквозь зубы говорит,
 И так же коротко обстрижен для порядка

Завадовский был безумно влюблен в Истому. Шереметев обратился за советом к Якубовичу, прославленному дуэлянту (уже отправившему на тот свет десяток храбрецов), и тот предложил *partie carrée**. Естественно, и Завадовский, и Грибоедов хотели драться с Якубовичем; после некоторых колебаний Завадовскому достался Шереметев, а Грибоедову — Якубович. Дуэль началась с поединка Завадовского и Шереметева на Волковом Поле 12 ноября вскоре после полудня (Онегин, вероятно, был еще в постели) Стрелялись из пистолетов Лепаж с расстояния в 6+6+6 шагов (см. коммент. к гл. 6, XXIX—XXX). Секундантами были некто д-р Ион (Джон) и приятель Онегина Каверин. Шереметев выстрелил первым, и его пуля вырвала клоч воротника на сюртуке Завадовского. «Ah, il en voulait à ma vie! À la barrière!»** — вскричал граф Завадовский (невольно перефразируя возглас графа Розамбера из «Окончания любовных приключений Фобласа» («Fin des amours de Faublas»), когда, на совсем другой дуэли, пуля противника срезает ему с головы прядь волос: «C'est à ma cervelle qu'il en veut!»***) — и с шести шагов прострелил Шереметеву грудь. В яростной агонии бедняга метался и бился в снегу, словно огромная рыбина. «Вот тебе и репка», — грустно и по-свойски сказал ему Каверин¹⁴. Гибель Шереметева отложила поединок Якубовича и Грибоедова; он состоялся годом позже в Тифлисе (23 октября 1818 г.) первоклассный стрелок, зная любовь великого писателя к игре на фортепьяно, аккуратно прострелил ему ладонь левой руки, повредив мизинец; это не помешало Грибоедову и дальше музици-

* Дуэль вчетвером (*фр*).

** «Ах, он покушался на мою жизнь! К барьеру!» (*фр*).

*** «Он покушался на мой мозг!» (*фр*)

ровать, но десять лет спустя лишь этот скрюченный мизинец помог опознать его тело, до неузнаваемости изуродованное толпой персов во время антироссийского бунта в Тегеране, где Грибоедов служил посланником. 11 июня 1829 г. Пушкин, знавший Грибоедова с 1817 г., ехал из Грузии на юг, через Армению, в Арзрум, и на повороте дороги ему повстречалась запряженная двумя волами арба — это везли в Тифлис тело Грибоедова. Истомина вышла замуж за второсортного актера Павла Якунина и в 1848 г. умерла от холеры.

Вариант

- 8 В белой рукописи вместо *стоит Истомина* у Пушкина *бежит Истомина*, что звучит живее, хотя и лишено тонкой аллитерации.

XXI

Вообще, поведение Онегина в этой и других строфах можно сравнить с ироническим описанием, опубликованным неизвестным автором в журнале «Сын Отечества» (1817, XX, с. 17—24): «Вступая в свет, первым себе правилом поставь никого не почитать. <...> Отнюдь ничему не удивляйся, ко всему изъясляй холодное равнодушие <...> Везде являйся, но на минуту. Во все собрания вози с собою рассеяние, скуку; в театре зевай, не слушай ничего <...> Вообще, дай разуместь, что женщин не любишь, презираешь <...> Притворяйся, что не знаешь родства. <...> Вообще, страшись привязанности: она может тебя завлечь, соединить судьбу твою с творением, с которым все делить должно будет: и радости и горе. Это вовлечет в обязанности <...> Обязанности суть удел простых умов — ты стремись к высшим подвигам».

В любопытной связи с этим я не в силах не процитировать вольтерообразное словоблудие (с примесью символического романтизма) из чрезмерно расхваленного романа Стендаля «Красное и черное», гл. 37.

«В Лондоне он [Жюльен Сорель] наконец постиг, что значит истинно светское фатовство. Он познакомился с молодыми русскими сановниками [в дальнейшем именуемыми «его друзья денди»], которые посвятили его в эти тонкости.

— Вы, дорогой Сорель, predeterminedены самой судьбой, — говорили они ему. Вас сама природа наделила *этим* холодным лицом, — то, что называется *за тридевять земель от переживаемых вами чувств*, — то есть именно тем, что мы так стараемся изобразить.

— Вы не понимаете своего века, — говорил ему князь Коразов. — *Делайте всегда обратное тому, что от вас ожидают*».

- 1, 4, 5, 7—9 Эта строфа имеет наибольшее количество стихов со скадом на второй стопе. Двухязычному читателю рекомендую посмотреть оригинал. Как и в других случаях (см. коммент. к гл. 4, XLVI, 11—14), использование этой модуляции соответствует передаваемому смыслу. Никакой другой ритм не передаст столь выразительно, как Онегин пробирается по зале, как недовольно оглядывает публику.

- 2, 5 *..по ногам.. яруссы..* — В «Моих замечаниях об русском театре» 1820 г. Пушкин писал: «Перед началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем

десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми». Обратите внимание на галльское построение фразы.

Большой Каменный театр имел пять ярусов.

- 3 *Двойной лорнет* . — В своем романе Пушкин использует слово «лорнет» в двух разных значениях: в общепринятом — очки или монокль на модной длинной ручке, которыми денди пользовался с не меньшей ловкостью и изяществом, чем красавица веером; во втором, особом значении — это бинокль, фр. *lorgnette double**; думаю, что здесь имеется в виду именно он.

У Майкова в поэме «Елисей» (1771), песнь I, стих 559, Гермес преобразуется в полицейского капрала, сделав себе усы из собственных черных крыльев, а в другой раз (песнь III, стих 278) превращается в петиметра (*petit-maitre*, фат), см. стихи 282—283:

Ермий со тросточкой, Ермий мой со лорнетом,
В который, чваняся, на девушек глядел

Лорнет — это монокль «красавчика» XVIII столетия.

У Грибоедова в «Горе от ума», III, 8 (где зимой 1819—1820 гг. день Чацкого в Москве имеет тот же распорядок, что и день Онегина в Петербурге), графиня-внучка Хрюмина направляет на Чацкого «двойной лорнет»; здесь это, конечно, не бинокль, а именно лорнет, то есть очки на ручке.

К середине XIX в. и позднее, когда русский роман стал сплошная пошлость и небрежность (исключая, разумеется, Тургенева и Толстого), в нем порой можно встретить двойной лорнет в значении «пенсне»!**

- 14 *Но и Дидло мне надоел* — «Романтический писатель», упомянутый в пушкинском примечании 5, которое поясняет аллитерирующий онегинский зевок, в черновой рукописи (2370, л. 82 об.) назван по имени. Фраза там начинается словами: «Сам Пушкин говаривал...»

Варианты

- 10 В двух отвергнутых черновых вариантах (2369, л. 10 об.) поэт заставляет Онегина из кресел обводить взглядом всяческих «Наташ знакомых» и «своих Анют, Наташ, Аннетт» (согласно Томашевскому, чтение третьего имени — под вопросом). В следующем поколении эти юные дамы звались бы Кларами или Камелиями.
- 13 В отвергнутом чтении (2369, л. 10 об.):

Одна Лих<утина> мила

Лихутина (1802—1875), одна из самых прелестных учениц Дидло, блестяще дебютировала 23 мая 1817 г. партией Галатеи в балете «Ацис и Галатея» (с той же партии начинала и Истомина; см. коммент. к гл. 1, XX, 5—14). Спектакль повторяли 12 июня 1817 г. Всеми забытая Лихутина умерла около шестидесяти лет спустя, так и не узнав, что мелодию ее имени сохранил стих пушкинской рукописи. Этот стих мог относиться к ее выступлению 28 августа 1819 г. в балете Дидло по опере Бозльде «Красная шапочка», удостоенной тем большой чести.

* Двойной лорнет (фр)

** Из-за путаницы *lorgnette* и *lorgnon* (Примеч В Н)

XXII

1—4 С этим четырехстишием переводчики изрядно намучились. <...> Никто из них не понял, что лакеи, народ сонный и ленивый, пока стерегли господские шубы, именно на них и спали — уютно устроившись на грудах мехов. Кучерам повезло меньше.

Кстати, сначала у Пушкина (черновая рукопись, 2369, л. 10 об.) были не «амуры», а «медведи», что помогает увидеть существовавшую для автора связь между театром и сном Татьяны (гл. 5) с его «косматым лакеем».

Все эти *amours, diables et dragons**, резвящиеся у Дидло в петербургском театре 1819 г., столетием раньше были дежурными персонажами Парижской Оперы. Их упоминает, к примеру, Ш. Ф. Панар в своей песне «Описание Оперы» / С. Ф. Panard, «Description de l'Opéra» (на мотив «Проснись, спящая красавица» / «Réveillez-vous, belle endormie» Дюфрени и Раго де Гранваля) в Сочинениях (*OEuvres Paris, 1763*).

5—6 Эта интонация (в техническом смысле — прием перечисления) открывает цепочку символических аналогий — ее подхватят Татьянин сон (гл. 5), празднование именин (там же) и московские впечатления Татьяны (гл. 7):

гл. 1, XXII, 5—6:

Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать

гл. 5, XVII, 7—8:

Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ!

гл. 5, XXV, 11—14:

Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормлиц крик и плач детей

гл. 7, LIII, 1:

Шум, хохот, беготня, поклоны

Также отметим гл. 6, XXXIX, 11:

Пил, ел, скучал, толстел, хирел

гл. 7, LI, 2—4:

Там теснота, волиенье, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар

Последние два примера близки к приему «списков» (инвентарей) — это длинные перечисления впечатлений, предметов, людей, писателей и т. д.; самый разительный пример — гл. 7, XXXVIII.

Подобная интонация встречается у Пушкина везде, но особенно она заметна в поэме «Полтава» (3—16 октября 1828 г.), ч. III, стихи 243—246:

* Амуры, черти и драконы (*фр*)

Швед, русский — колет, рубит, режет
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть н ад со всех сторон

- 7 *..снаружи и внутри..* — Было бы сумасбродством предположить, что Джеймс Расселл Лоуэлл, написавший стихотворение в девять четверостиший под названием «Снаружи и внутри» / «Without and Within» (в сборнике «Под ивами и другие стихотворения» / «Under the Willows and Other Poems», 1868), читал «Евгения Онегина» по-русски или в дословном рукописном переводе, но его стихи начинаются так:

My coachman, in the moonlight there,
Looks through the side-light of the door,
I hear him and his brethren swear

(Мой кучер там при свете луны
Смотрит сквозь освещенный дверной проем,
Я слышу проклятья его и его товарищей .) —

и дальше описываются «разудалые скачки, с помощью которых он греет свои замерзшие ноги» Так или иначе, совпадение прелестно; можно лишь представить себе, как ликовал бы любитель параллелей, родись Лоуэлл в 1770-м и переведи его Пишо к 1820-му.

- 12 <...> Кучера, господские крепостные, машут руками, хлопая в ладоши то впереди, то позади себя, стоя вокруг разложенных перед театром костров в толстых стеганых — но не обязательно теплых — армяках, синих, зеленых, коричневых, покроя à la Санта-Клаус. Англичанин Томас Рейкс (1777—1848), побывавший в Петербурге десять лет спустя (1829—1830), упоминает в своем «Дневнике» о «больших кострах, разложенных у главных театров, чтобы кучера и слуги не замерзли». Позже вместо костров появились «уличные печи».

- 14 «Красавчик» того времени «непрерменно ехал домой переодеться... после оперы, прежде чем отправиться... на бал либо ужин» (см «Жизнь Джорджа Бруммеля...» капитана У. Джессе, II, р. 58).

К 5 сентября 1823 г. Пушкин в Одессе закончил эту первую часть гл 1, за исключением двух строф (XVIII и XIX), добавленных через год

Варианты

- 1—2 В черновой рукописи (2369, л. 10 об.):

1 Еще медведи, боги, змеи
1 Еще китайцы, боги, змеи
2 В четвертом действии шумят

В белой рукописи и в копии:

1 Еще медведи, черти, змеи
1 Еще китаицы, черти, змеи

- 10 В черновой рукописи (2369, л. 10 об):

В блестящей упряжи своей

XXIII

Рядом с наброском этой строфы, темным от исправлений (2369, л. 1 об.; воспроизведен в кн. А. Эфроса «Рисунки поэта». М., 1933, с. 121), слева на полях рукописи Пушкин нарисовал профили графини Воронцовой, Александра Раевского и внизу, против последних строк, графа Воронцова. Эти рисунки позволяют датировать строфу не ранее чем серединой октября 1823 г. — разве что Пушкин успел увидеть графиню сразу по ее приезде в Одессу из Белой Церкви, в сентябре, когда она была на сносях. (См. коммент. к гл. 1, XXXIII, 1).

- 1 *Изобразжу ль* — галльский оборот. Ср.: *dirai-je**.
- 2 *Уединенный кабинет* — гардеробная; мужской будуар. Ср. у Парни: «Voici le cabinet charmant / Où les Grâces font leur toilette»** («Кабинет-туалет» в кн. «Эротическая поэзия» / «Le Cabinet de toilette» in «Poésies érotiques», 1778, bk. III).
- 4 *Одет, раздет и вновь одет.* — Сверхъестественное совпадение со стихом 70 «Гудибраса» Сэмюэла Батлера (1663, ч. I, песнь I):

Confute, change hands and still confute***

Во французском рифмованном переложении:

Change la thèse, et puis réfute****

«Гудибрас», «poème écrit dans le tems des Troubles d'Angleterre»+ (London, 1757), Джона Таунли (J. Towneley, 1697—1782) был к 1800 г. книгой редкой. Вероятно, Пушкин был знаком с шедевром Таунли в издании Жомбера: «...poème .. écrit pendant les guerres civiles d'Angleterre»++ (3 vols, London—Paris, 1819), с параллельным английским текстом.

Можно утверждать, что в данной псевдогероической манере один элемент автоматически влечет за собой другой того же порядка, создавая, таким образом, четырехкратное совпадение (стилистической формулы, размера, ритмической основы и звучания слов). См., например, стихи 52—53 в «Днях Танкарвиля» Пьера Антуана Лебрена (Pierre Antoine Lebrun, «Les Journées de Tancarville», 1807):

Le lièvre qui, plein de vitesse,
S'enfuit, écoute, et puit s'enfuit +++

- 5—8 Ср. у Вольтера в «Светском человеке» («Le Mondain», 1736) стихи 20—27: «Tout sert au luxe, aux plaisirs... / Voyez-vous pas ces agiles vaisseaux / Qui... de Londres... / S'en vont chercher, par un heureux échange, / De nouveaux biens»++++; Байрон в «Дон Жуане» (1823, X), когда отправляет своего героя в объятия императрицы Екатерины, упоминает торговый договор между Англией и Россией: «О Балтийском судоходстве.. / О шкурах, ворвани и сале». Но Пушкин в то время песнь X знать не мог (разве что этот отрывок был процитирован каким-нибудь русским или французским журналом), поскольку даже английские

* Скажу ль (*фр*).

** «Вот прелестный кабинет, / Где грации совершают свой туалет» (*фр*).

*** Опровергнут, изменен и вновь опровергнут.

**** Меняет тезис, а затем опровергает.

+ «Поэма, написанная во время Английской Смуты» (*фр*)

++ «..Поэма.. написанная во времена гражданских войн в Англии» (*фр*)

+++ Резвый заяц, удирая, / Бежит, прислушивается и вновь бежит (*фр*).

++++ «Все на службе роскоши, удовольствий .. / Видите эти проворные суда, / Которые из Лондона.. / Уходят в надежде обменять / Увозимые богатства на новые» (*фр*)

журналы написали о ней только в сентябре — октябре 1823 г., а в Россию она попала в переводе Пишо не раньше, чем в конце 1824 г. («...la navigation sur la Baltique... les fourrures, l'huile de pêche, le suif...»*)).

- 6 . *Лондон щепетильный*... — Сегодня этот эпитет означал бы лишь «педантичный», «скрупулезный», «тщательный», но при Пушкине он еще не утратил аромата XVIII в. и означал «относящийся к модным безделушкам». Торговец таким товаром стоял где-то между французским *bijoutier*** или *orfèvre**** и английским галантерейщиком.

Так, малоизвестный драматург Владимир Лукин (1737—1794), подражатель Пьера Клоделя Нивелля де ла Шоссе (1692—1754), написал одноактную комедию «Щепетильник» (1765) не лишенную таланта, а по сравнению с той дрянью, которую тогда печатали в России, просто очаровательную. В пьесе упоминаются ввозимые (из Франции) модные товары — подзорные трубы, севрский фарфор, табакерки, бронзовые купидоны, шелковые маски, обручальные кольца, часы с репетиром и прочие безделицы, безделки, безделушки, безделюшки.

- 11—13 В *ЕО* нередки случаи соседства стиха со скадом на второй стопе, или медленной строки, и стиха со скадами на первой и третьей стопе, или «быстрого течения»; но медленная строка между двух «быстрых течений» — большая редкость. Пожалуй, такая изумительная модуляция встречается в романе лишь один раз:

Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной —
Все украшало кабинет

Схематически (О — стопа с ударением, X — стопа со скадом****) это можно представить так:

X O X O
O X O O
X O X O

Забавно найти аналогичный случай в английской поэзии (где стих со скадом на первой и третьей стопе встречается гораздо реже, чем в русской); ср. у Эмерсона в «Надгробной песни», стихи 19—21:

And by his countenance repáy
The favour of the loving Day,
Has disappeared from the Day's éye

XXIV

- 1 *Янтарь на трубках Царьграда* — Благозвучным именем Царьград (см. также «Путешествие Онегина», XXVI, 4) русские поэты называли Константинополь, который российские патриоты (например, славянофилы) мечтали взять у мусульман и отдать православным — в лице «Святой Руси». Упомянутые здесь модные атрибуты курильщика — это длинные турецкие трубки с янтарными мундштуками и орнаментом, то же, что южнорусские чубуки и «украшенный камнями чибук» Байрона (небрежно использовавшего слово-реалию во французской транс-

* «. Навигация на Балтике .. меха, рыбий жир, сало. » (Фр)

** Ювелир (фр).

*** Золотых и серебряных дел мастер (фр)

**** См. Приложение II «Заметки о просодии», § 3, скад (Примеч В Н)

крипции, см. «Абидосскую невесту», [1813], I, с. 233. Переводя этот весьма нескладный пушкинский стих, я с трудом удержался от звучного парафраза <...>

1—8 Поуп (также подражавший французам, но превзошедший их благодаря богатой английской образности и оригинальности своего языка) описывает (в 1714 г.) дамский будуар в более изысканных подробностях («Похищение локона», I, 133—138):

This Casket *India's* glowing Gems unlocks,
And all *Arabia* breathes from yonder Box
The Tortoise here and Elephant unite,
Transform'd to *Combs*, the speckled, and the white
Here Files of Pins extend their shining Rows,
Puffs, Powders, Patches, Bibles, Billet-doux

(В этом ларце сверкают индийские драгоценности,
И все ароматы Аравии доносятся из этой шкатулки
Здесь собраны вместе черепаха и слон,
Превращенные в гребни, пестрые и белые
Здесь множество булавок разложено сверкающими рядами,
Пуговки, пудра, мушки, Библия, любовное письмо)

В России XIX в. Поупа (чье имя произносилось и писалось как «поп») знали мало. Во время работы над гл. 1 (1823) Пушкин был знаком с «английским Буало» по французским переводам. Его *OEuvres complètes* издал (в Париже в 1779 г.) Жозеф де Ла Порт, и «Похищение локона» («*La Boucle de cheveux enlevée*») существовало в нескольких переводах — Марты, графини де Кайю (1728), П. Ф. Гийо-Дефонтена (1738), Мармонтеля (1746), Александра де Мулена (1801), Э. Т. М. Урри (1802) и др.

Среди вещей отъявленного модника Джорджа Брайана Бруммея (продававшихся с торгов после того, как в мае 1816 г. Сокрушенный Красавчик уехал из Лондона в Кале) его биограф, капитан Уильям Джессе («Жизнь...», т. 1, гл. 24) упоминает «псише на колесиках в подвижной раме красного дерева с двумя медными подсвечниками на одну свечу каждый» и такие предметы искусства, как севрский фарфор, весы для писем с позолоченным бронзовым Купидоном, «взвешивающим сердце». Позже, в Кале, потрепанный жизнью, но неисправимый ценитель раритетов спускал большие деньги на бронзу — например, купил «мраморное, увенчанное маленьким бронзовым орлом» пресс-папье, принадлежавшее, по слухам, Наполеону.

Я и не думал никогда читать переводы романа на английский, немецкий, польский и т. д., настолько это скучно; но переводы этой строфы — чудовищные, с кучей отсебятины, беспредельно вульгарные — в моих материалах есть.

<...>

Юлиан Тувим в своем переводе на польский (Варшава, 1954) бьется в поисках мужских рифм (в польском языке они встречаются лишь в односложных словах). <...> Одиako приз за самый нелепый перевод я отдаю более раннему польскому «Онегину» Л. Бельмонта (1902, под ред. д-ра Вацлава Ледницкого, Краков, 1925). <...> Его экстракты из фиалок и мака-самосейки еще лучше — по цирковым меркам, — чем мыльца и нюхательные соли у Липперта, губки и щетки для бороды у Боденштедта и кокетливые туалетные приборы у Лупуса.

Команда англичан (Сполдинг, 1881; Эльтон, январь 1936; Дейч, 1936; Радин, 1937) оказалась значительно благоразумнее, даже в своих ошибках. <...>

- 4 *духи* — по-русски всегда во множественном числе, хотя настоящий «красавчик», вероятно, пользовался бы лишь одним сортом духов.
- 10 *важный Грим* . — Когда речь идет о предметах, данный эпитет означает именно «значительный», когда же он относится к людям, то имеет целый спектр переходящих друг в друга смысловых оттенков. высокопоставленный (по чину), влиятельный (по должности), серьезный, исполненный достоинства (по манерам), солидный, напыщенный (по виду, внешности). По этой же причине трудно точно перевести «важный генерал» в гл. 7, LIV, 4.
- 12 *Красноречивым сумасбродом* — Этот эпитет — среднее между грубым вольтеровским определением Руссо как «un charlatan déclamateur»* (в эпилоге к «Женевской гражданской войне», 1768) и романтическим байроновским восприятием: «Софист, истязающий сам себя, неистовый Руссо. . кто из несчастья / Извлекал потрясающее красноречие...» («Чайльд Гарольд», III, LXXVII).

Пушкинское примечание 6 к этим строчкам — цитата из «Исповеди» Жана Жака Руссо (Geneva, 1781; 1789), относящаяся к Фредерику Мельхиору Гримму (1723—1807), французскому энциклопедисту, немцу по происхождению. Отрывок взят из ч. II, кн. IX, сочинен в 1770 г., описывает 1757 г. и начинается фразой: «Aussi fat qu'il étoit vain [сравните эту интонацию с эпиграфом к роману], avec ses gros yeux troubles et sa figure dégingandée, il avoit des prétentions près des femmes... il se mit à faire le beau; sa toilette devint une grande affaire, tout le monde sut...»**

XXV

- 5 *.. Чаадаев* — В первом издании вместо фамилии стояло ***. Правильно произносится «Чада́ев», пишется обычно «Чаадаев», иногда «Чедаев». Полковник Петр Чаадаев (1794—1856), живший в онегинскую эпоху, был личностью яркой и необычной — философ и франт, наделенный состраданием и блестящим умом, влиятельный вольнодумец, позже увлекшийся мистицизмом. В удивительном стихотворении Дениса Давыдова «Современная песня» (1836), предвосхитившем сатирический стиль Некрасова, Чаадаев презрительно назван «маленьким аббатиком». Перу Чаадаева принадлежат написанные по-французски «Философические письма», начатые зимой 1820 г. После публикации одного из них по-русски в журнале «Телескоп» (1836, вып. 34), автор был официально объявлен сумасшедшим. «Письма» в Избранных сочинениях Чаадаева впервые издал в 1862 г. в Париже Иван Гагарин, член ордена иезуитов.
- 12 *Подобный ветреной Венере* — Думаю, что Пушкин имел здесь в виду картину «Одевающаяся Венера» (также известную как «Туалет Венеры») Франческо Альбано, или Альбани; 1578—1660), посредственно изображавшего чувствительные мифологические сюжеты (своей невероятной славой, похоже, обязанного дежурным восторженным упоминаниям его имени французскими поэтами XVIII в., — см. коммент. к гл. 5, XL, 3)

* «Шарлатан и пустозвон» (*фр*).

** «Столь же фатоватый, сколь и тщеславный, с опухшими мутными глазами и нескладной внешностью, он имел виды на женщин — он стал наряжаться, туалет становится для него делом первостепенной важности, всем становится известно » (*Фр*)

Вариант

1—8 Отвергнутое чтение в черновой рукописи (2369, л. 11 об.)

Во всей Европе в наше время
Между воспитанных людей
Не почитается за бремя
Отделка нежная ногтей —
И ныне — воин и придворный
<Поэт> и либерал задорный
И сладкогласный дипломат —
Готовы

XXVI

1—4 На полях рукописи (2369, л. 12 об., Эфрос, с 125), слева, Пушкин набросал римский профиль Амалии Ризнич (См. коммент. к гл. 1, LIV.)

4 *Здесь описать его наряд* . — Думаю, что на этот бал (зимой 1819 г.) Онегин отправлялся не в простом черном фраке, но (следуя скорее лондонской, нежели парижской моде) в небесно-голубом, плотно облегающем бедра сюртуке с медными пуговицами и бархатным воротником, под которым был очень узкий белый жилет. Из правого переднего кармана брюк у него почти наверняка свисала цепочка с брелком — от брегета, что касается брюк, то это были синие панталоны (также называемые «трико» — нанковые, с тремя пуговицами у щиколотки) со штрипками поверх лакированных *escarpins**. Шейный платок мог завязываться тридцатью двумя различными способами.

7 . *панталоны, фрак, жилет* . — Список явно французский — *pantalon, frac, gilet*. Десятью годами раньше в поэме «Монах» юный Пушкин вслед за Карамзиным и другими авторами для именованя предмета верхней одежды, надеваемого на ноги, использовал русское слово *штаны* («фрак с штанами . жилет»), которое когда-то означало любое нижнее белье, покрывающее ноги (сегодня — *подштанники* или *кальсоны*, фр. *caleçon*), но к концу XVIII в. стало означать короткие брюки в обтяжку, например бриджи, доходящие лишь до обтянутой чулком икры. Во времена моей юности, до начала советской провинциализации, *панталоны* и *штаны* означали просто любые брюки, но само слово *брюки* считалось у петербуржцев чрезвычайно вульгарным, как и просторечное *жилетка* вместо *жилет*.

В одном весьма забавном исследовании поединка между Фридрихом Энгельсом и русским языком (о котором свидетельствует манускрипт Энгельса, где по-немецки выписаны значения слов из первых тридцати трех строф *ЕО*) автор М. П. Алексеев замечает (сборник «Пушкин. Исследования и материалы». Л., 1953, с. 89, сноска), что слова *панталоны, фрак, жилет* в Словаре Академии Российской (в 6-ти т., СПб., 1789—1794) действительно отсутствуют, но в «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» (СПб., 1803—1804, 1806) Яновского они уже включены.

14 .. *Академический Словарь*. — В примечании 6, которое дает Пушкин в отдельном издании первой главы, говорится. «Нельзя не пожалеть, что наши писатели слишком редко справляются со словарем Российской Академии**. Он останется

* Лодочки (*фр*)

** «Словарь Академии Российской» Пушкин имел в своей библиотеке См. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина — *Пу и его совр*, 1909, т. 3, вып 9—10, с 94 (Примеч В Н)

вечным памятником попечительной воли Екатерины и просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного. Вот что говорит Карамзин* в своей речи [в Российской Академии, 5 декабря 1818 г.]: „Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностью, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения счастливая, судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея словаря; мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно *классического* (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академий Флорентийской и Парижской. Екатерина Великая [российская императрица, 1762—1796]... кто из нас и в самый цветущий век Александра I [правил 1801—1825] может произносить имя ее без глубокого чувства любви и благодарности?.. [очень галльский оборот] Екатерина, любя славу России, как собственную, и славу побед, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плод трудов Академии с тем лестным благоволением, коим она умела награждать все достохвальное, и которое осталось для вас, милостивые государи, незабвенным, драгоценнейшим воспоминанием“. [Подписано] Примеч. соч.». (В своих примечаниях Пушкин очень тонко играет на противопоставлении «авторского» и «редакторского»; у писателей-романтиков литературный маскарад был в моде.)

XXVII

Девятнадцать строф, с XVIII по XXXVI, можно объединить заголовком «Преследование». В строфе XXVII Пушкин обгоняет своего приятеля-героя и оказывается в освещенном особняке первым. Когда Онегин подъезжает, Пушкин уже там. В строфе XXVII я пытался точно передать русский совершенный вид (в обычных случаях для этого вполне пригодно английское настоящее время), чтобы целиком сохранить столь структурно важный переход от одного героя к другому в тот момент, после которого Пушкин, то привычно вольный во временах (как в XXIX), то вдохновенно претеритствующий (в XXX—XXXIV, на легкомысленной ноте и завершенных, и начатых), обгоняет Онегина настолько, что докучная хронология незаметно исчезает из описания онегинской ночи (а поскольку герой не показан ни играющим, ни распутничающим, читателю остается лишь поверить, что он провел семь-восемь часов на балу) с помощью прекрасного лирического отступления, и Пушкин, застрявший на этом балу (как раньше застрял в «кабинете» героя), снова вынужден догнать Онегина по дороге домой (XXXV) — и тут же отстать, чтобы дать измученному «красавчику» проехать вперед и улечься спать. Преследование, начатое Пушкиным в строфах XVIII—XX, когда он, на крыльях лирического отступления, появляется в опере, закончилось.

Для читателя разобраться в механике этой гонки — значит, понять основу построения главы первой.

* Николай Карамзин (1766—1826), реформатор русского языка, галлицист, эссеист, романист, поэт, историк, его литературный стиль — предтеча пушкинского (Примеч. В. Н.)

3, 7 ...*в ямской карете. . Двойные фонари карет..* — По-русски любая закрытая четырехколесная повозка с наружными, расположенными спереди, козлами для кучера, будь это дорожная карета типа берлинской, либо фаэтон XVIII в. (с двумя лакеями на запятках), либо почтовый дилижанс, либо сугубо функциональный одноконный экипаж-брогам нашего времени — все это *карета* (польск. *kareta*, итал. *caretta*, англ. *chariot*, фр. *carrosse*). Англичане своим экипажам всегда давали очень точные названия. Понять же, что именно в каждом данном случае подразумевается под русским словом «карета», сложно еще и потому, что не сразу удастся найти соответствие между континентальным экипажем и его ближайшим английским родственником. Так, на картинках английские почтовые дилижансы очень похожи на русские дорожные кареты.

В онегинскую эпоху тяжелые разукрашенные четырехместные экипажи в городах уже постепенно заменялись двухместным «купе», фр. *carrosse-coupe*. У старых четырехместных корпус (который в сказке так хорошо получился из тыквы) был устроен, если смотреть сбоку, примерно симметрично — два окна, переднее и заднее, и между ними дверца. Новое двухместное «купе» сократилось на одну (переднюю) треть, сохранив дверь и заднее окно. Форма самого легкого «купе», брогама, была позже использована при создании первого электрического автомобиля; точно так же первый железнодорожный вагон заимствовал устройство — если взглянуть сбоку — корпуса четырехместной кареты; по-моему, никто до сих пор не отмечал, с каким занятным ханжеством стандартный ум стремился замаскировать переход от старого к новому

В России для светского молодого человека не считалось зазорным не держать собственного выезда. Друг Пушкина князь Петр Вяземский, живший в Петербурге очень долго, не счел нужным обзавестись экипажем. То же самое и в Лондоне. У леди Морган в «Отрывках из моей автобиографии» («*Passages from My Autobiography*», 1859; начато в 1818) леди Корк замечает: «Благороднейшие из некоторых моих знакомых ездят в наемных экипажах» (с. 49).

6—11 Ср. «Бал» Баратынского (начат в феврале 1825 г., закончен в сентябре 1828 г., опубликован в 1828-м), повесть в стихах, в авторской белой рукописи состоящая из 658 стихов, писанных четырехстопным ямбом, — сорок семь строф по четырнадцать стихов с рифмовкой *abacceddifyf* (стихи 15—18):

строем длинным,
Осеребренные луной,
Стоят кареты
Пред домом пышным и старинным

Первая глава *ЕО* вышла отдельным изданием 16 февраля 1825 г. Баратынский к концу февраля написал 46 стихов своей повести, в том числе стихи 15—19, которые в 1827 г. опубликовал «Московский телеграф».

9 *И радуги на снег наводят. .* — Мои воспоминания пятидесятилетней давности сохранили не столько сугробы с радужными отсветами двух боковых фонарей кареты, сколько стрельчатое мерцание расплывающихся за заиндевелым окошком уличных фонарей, рассеивающееся у края стекла.

10 ...*плошками.* — Стекланные сосуды-светильники в виде мисок или чаш (часто цветные — красные, зеленые, синие, желтые), в которые наливали масло и помещали фитиль.

14 *модных чудаков* — эксцентричных франтов, *hommes à la mode**. Боюсь, что мой перевод здесь лучше, чем нужно, — у Пушкина тавтология, два слова («модные денди») вместо одного: «щеголь», «франт», «денди», «оригинал», *merveilleux*** (от *merveille*, англ. *marvel*, русск. чудо), которое само по себе предполагает некоторое чудачество, тогда как нейтральное «модник» подразумевало бы нечто общепринятое. Чудак (у меня в переводе — *quizz*, модное английское словечко того времени) означает также «странный, эксцентричный человек», *un original****; во всех остальных случаях Пушкин называет Онегина чудаком именно в этом смысле: «опаснейший чудак» (гл. 2, IV, 14, косвенная речь), «чудак» (гл. 5, XXXI, 6, разговорное), «пасмурный чудак» (гл. 6, XLII, 11), «чудак печальный и опасный» (гл. 7, XXIV, 6, в воображении Татьяны); «корчит чудака» (гл. 8, VIII, 2), «мой неисправленный чудак» (гл. 8, LX, 4, шутливо).

Чудак не имеет женского рода (пошлейшее московское чудачка относится, конечно же, к совсем иному слою лексики); но точно так же как чудак («странный человек») в пушкинскую эпоху приобрело значение «франт», существительному женского рода *причудница*, то есть *une capricieuse*****, образованному от *причуда* (каприз, прихоть, фантазия), можно придать значение *une merveilleuse+*, то есть экстравагантная модница, капризная красавица, непохожая на других избалованная красотка (гл. 1, XLII, 1 и гл. 3, XXIII, 2).

Вариант

1—4 Первоначальный вариант (2369, л. 20 об.; Эфрос, с. 129), рядом с которым набросан профиль Амалии Ризнич в чепце и шали:

Побережем свои страницы
На дело — поспешим на бал
Куда с бомондом всей столицы
И мой Онегин <поскакал>

XXVIII

- 4 *Расправил волосы рукой* .. — устойчивое выражение; вовсе не обязательно пригладил, а, наоборот, старательно создал продуманный беспорядок (см. коммент. к IV, 6). Мисс Дейч неизвестно зачем переводит, добавляя от себя: «...своею узкой белой рукой он быстро пригладил волосы...»
- 5 *Вошел*. — Интонация перечисления последовательных действий в начале этой строфы та же, что в XVI, 5—7.
- 7 *Толпа* . — это слово часто встречается в романе. <...> Картина бала, обеда, раута, любого другого действия со многими участниками постоянно связывается с образом тесной толпы, давки, толкотни, фр. *la presse* (теснота); см. стих 8 и коммент. к гл. 1, XXX, 6. В английских мемуарах того времени часто встречаются выражения «в толкотне», «было очень тесно», «в толчее светского раута»; пушкинские *толпа*, *теснота*, *тесный* — в том же ключе. Слово «толпа» нередко используется в своем метафорическом значении — «чернь».

* Модники (фр.).
** Причудник (фр.).
*** Оригинал (фр.).
**** Капризница (фр.).
+ Щеголиха (фр.).

9 .. кавалергарда... — иначе: *chevalier garde's*.

9 .. шпоры .. — См. об этом примечание Пушкина в рукописи (2370, л 82 об). «Неточность. — На балах кавалергард<ские> офицеры являются так же как и прочие гости в виц-мундире и башмаках. Замечание основательное, но в шпорах есть нечто поэтическое. Ссылаюсь на мнение А. И. В.». Это Анна Ивановна Вульф (Нетти Вульф); Пушкин много виделся с нею в Тригорском, имении Осиповых по соседству с Михайловским, когда было написано это примечание (в начале 1826-го, примерно через год после издания гл. I; см. также коммент. к гл. 5, XXXII, 11).

Не совсем понятно, к какой части примечания относится слово «мнение».

Ср. четверостишия VIII и IX «Песни старого гусара» Дениса Давыдова (1817; 10 строф, хорей):

А теперь что вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В виц-мундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят умней они
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова!

(О Жомини см. коммент. к гл. 1, V, варианты 1—4.)

11 Прилагательное *пленительный*, стоящее посредине стиха, легко ложится на музыку четырехстопного ямба со скадом на третьей стопе. *Пленить* и его производные — излюбленные слова поэтов-романтиков той поры. <...> Близкие синонимы — *обольстительный* и *очаровательный*. Наконец, по мере снижения «привлекательности» — *прелестный*, потом *любезный* (фр. *aimable*) и, наконец, *милый* (см. коммент. к гл. 3, XXVII, 6, 12).

11—12 *По их пленительным следам / Летают пламенные взоры..* — Буквальный смысл достаточно банален, но обратите внимание на переливы аллитерации. Как часто бывает в *ЕО*, таинство найденного слова превращает воду в вино.

14 *Ревнивый шепот модных жен.* — Галлицизм XVIII в., *femmes à la mode**, в английской литературе того времени отразился как *fashionable women, ladies of fashion, modish wives* или даже *Modern Ladies*. Не совсем понятно, что означает *ревнивый шепот* (в белой рукописи вместо *ревнивый* стоит *коварный*), — вероятно, одни *модные жены* выговаривали своим кавалерам за внимание к другим *модным женам*, или не к *модным женам*, а к *милым дамам* (как они названы в стихе 10).

Ср. у Колриджа «Строки, сочиненные в концертной зале» («Lines Composed in a Concert-Room»):

Hark! the deep buzz of Vanity and Hate!
Scornful, yet envious, with self-torturing sneer
My lady eyes some maid of humbler state **

* Модные женщины (фр.).

** Чу! глухой ропот Тщеславия и Ненависти! / Презрительно и все же ревниво, с мучительной усмешкой / Моя дама глядит на барышню не столь знатную.. (Англ.)

Бродский (1950, с. 90) неверно истолковывает этот явный европензм, говоря, что *модные* означает «развращенные», и далее следует социологическая тирада: «Бегло брошенным образом... Пушкин подчеркнул разложение семейных устоев в... светском кругу» и т. д.

Как и пушкинский вскользь очерченный образ, эхом фривольных европейских сочинений XVIII в. является «Модная жена» (1792), сказка в стихах И. И. Дмитриева, по стилю — слабое подражание «Сказкам» Лафонтена.

Вариант

2 В белой рукописи:

Звонок раздался, он стрелой

Исправлено на окончательный вариант в письме Пушкина к брату от 18 октября 1824 г.

XXIX

9 . *построже*... — Здесь не просто сравнительная степень (*строже*), а нечто вроде многократной формы сравнительной степени, переходящей в превосходную за счет постоянного повторения предписываемого действия.

<...>

XXX

6 . *тесноту*... — слово, постоянно встречающееся в описаниях балов и раутов. Сутолока, давка, фр. *la presse* (см. коммент. к XXVIII, 7).

8—14 ..*ножки* [фр. *petits pieds*]... — это начало знаменитого отступления о ножках (написанного в Одессе, начатого не ранее середины августа 1823 г.), одной из жемчужин романа. Тема развивается на протяжении пяти строф (XXX—XXXIV) и затем отзывается несколькими ностальгическими откликами:

гл. 1, LIX, 6—8 (поэт упоминает женские ножки, нарисованные пером на полях своих рукописей);

гл. 5, XIV, 6—7 (с чувственной нежностью Пушкин описывает, как в Татьянинном сне башмачок с ножки геронны увязает в снегу);

гл. 5, XL (подходя к описанию провинциального бала, автор вспоминает свое отступление в гл. 1, XXX—XXXIV, навеянное картиной бала в Петербурге);

гл. 7, L (Пушкин замыкает лирический круг воспоминанием о царстве Терпсихоры — спектакле, с которого все началось, в гл. 1, XX, когда порхающая Истомина предвосхитила отступление в гл. 1, XXX—XXXIV).

Ассоциативный оттенок русского слова *ножки* (вызывающего в воображении пару маленьких изящных ступней с высоким подъемом и стройными щиколотками) чуть-чуть нежнее, чем французское *petits pieds*; в нем нет тяжеловесности английского *foot*, означающего и крошечную ножку, и огромную ножищу; нет и приторности немецкого *Fusschen*.

Ни Овидий, ни Брантом, ни Казанова не были особо щедры или оригинальны в своем благосклонном мнении о женских ножках. Из более проникновенных французских поэтов можно процитировать Винсента Вуатюра, воспевшего

«...deux pieds gentils et bien faits»* («Королеве Анне Австрийской» / Vincent Voiture, «A la reine Anne d'Autriche», 1644) и нескольких других; но в целом до эпохи романтизма (Гюго, Мюссе) с нежностью о *petits pieds* писали не слишком часто.

У Байрона в «Дон Жуане» (песнь 2, V и VI) есть банальное описание красавиц Кадиса: «...Одна лишь их походка заставляет колотиться ваше сердце...» и «...Слава Богу, я еще не придумал подходящую метафору...»

Английские перелагатели *ЕО* успеха здесь не добились: у прямолинейного Сполдинга здесь «три пары красивых ног женщин»; мисс Радин ударяется в энтомологию и обнаруживает «шесть милых ножек»; у Эльтона «три пары женственных ног» и «одна пара, которую я долго помнил»; а у мисс Дейч помимо «ножек» откуда-то берутся «прелестные конечности» и под биение ее сердца «две ножки бегут к своему возлюбленному».

Для нормального переводчика точная передача текста осложняется еще и тем, что Пушкин наряду с ласкательным *ножки* использует еще и нейтральную форму *ноги* (как в гл. 1, XXX, 10). Поскольку взятое вне контекста *нога* может означать как ступню, так и всю ногу, то в XXX, 10 можно увидеть образ именно длинных женских ног. Но чуть дальше, в строфе XXXIII, *ноги* означает явно ступни; это, а также платья того времени и росчерки пушкинского пера на полях рукописей убеждают нас, что речь идет о щиколотках, подъемах и пальчиках, а не о голенях, икрах и бедрах.

Ср. у П. П. «Разговор с Блэквудом, оригиналом» (P. P., «A Word with Blackwood in His Own Way») в «London Magazine and Review» (1 March 1825, p. 413—414): «...любой, у кого есть хоть крупица вкуса или чувство пропорции, согласится, что ступни и щиколотки француженок неподражаемы. Вынужден признать правду: ступни британок, как правило, не вызывают особого восхищения... Даже в Лондоне вы сыщете лишь двух-трех искусников, способных изготовить дамскую туфлю».

Страсть к высокому подъему, которую Пушкин разделял с Гёте, мой современник, изучающий психологию секса, назвал бы «фетишем ступни». Граф в романе «Избирательное сродство» («Wahlverwandschaften», 1809), ч. I, гл. 11, так описывает прелестные ножки Шарлотты О.: «Ein schöner Fuss ist eine grosse Gabe der Natur. ...Ich habe sie heute im Gehen beobachtet; noch immer möchte man ihren Schuh küssen und die zwar etwas barbarische, aber doch tief gefühlte Ehrenbezeugung der Sarmaten wiederholen, die sich nichts Besseres kennen, als aus dem Schuh einer geliebten und verehrten Person ihre Gesundheit zu trinken»**.

12—14 В копии (и в издании 1825 г.) к словам:

Грустный, охладельный,
Я их все помию, и во сие
Они тревожат сердце мие —

* «.. Две изящные милые ножки» (*фр*)

** «Красивая ножка (точнее — ступня. — *Науч ред*) — великий дар природы. ...Я смотрел сегодня, как она шла, и мне все хочется поцеловать ее башмачок и повторить несколько варварский, но исполненный глубокого чувства обряд поклонения, принятый у сарматов, для которых нет ничего лучше, как выпить за здоровье любимой и почитаемой женщины из ее башмачка». (*Перевод с нем А. Федорова*)

Пушкин сделал сноску: «Непростительный галлицизм». Исправление вошло в список опечаток, приложенный к главе шестой (1828).

Возможно, Пушкин здесь вспомнил галльскую конструкцию наподобие «Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois / S'éveillait...»* у Андре Шенье («Юная пленница» / «La Jeune Captive», 1794).

Варианты

7—9 В отвергнутых чтениях (2369, л. 14) поэт нежно вспоминает «вальс и экосез», а вместо «России целой» стоит «целом Петрограде», что более логично.

XXXI

В стихотворении «Осеннее утро» (1816, пятистопный ямб) у Пушкина есть строчки (10—12):

...на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной

См. также гл. 2, XXI, вариант 12—14: Ленский ищет на лугу следы Ольги.

XXXII

3—4 Ср. с «Хорошенькой ножкой» Николя Эдме Ретифа де ла Бретонна (Nicolas Edme Restif de la Bretonne, «Le Joli-pied»), малоталантливого, но занимательного писателя XVIII столетия (1734—1806): «Saintepallaie avait un goût particulier, et tous les charmes ne faisaient pas sur lui une égale impression... une taille svelte et légère, une belle main flattait son goût; mais le charme auquel il était le plus sensible... c'était un joli pied: rien dans la nature ne lui paraissait audessus de ce charme séduisant, qui semble en effet annoncer la délicatesse et la perfection de tous les autres appas»**.

7 .. условною красой.. — <..> Единственный возможный здесь смысл эпитета «условный» связан с идеей *un signe convenu****, с акцентом на идее знака, признака, приметы, символа красоты, тайного языка этой узенькой ножки. (См. коммент. к XXXIV, 14.)

Ср. у Шекспира в «Троиле и Крессиде» (IV, V, 55):

Есть язык, на котором ее глаза, щеки, губы
И даже ноги говорят ..

8 ...своевольный рой. — Распространенный галлицизм, *essaim*****, где *своевольный* аллитеративно перекликается со стандартными эпитетами *volage, frivole, volâtre*†.

* «Хотя я был печален и пленен, лира моя все-таки / Пробуждалась ..» (фр)

** «Сентепалле имел особый вкус, и не все чары производили на него одинаковое впечатление. . гибкий легкий стан, красивая рука льстили его вкусу, но очарование, к которому он был наиболее чувствителен... была хорошенькая ножка: ничто в природе не превосходило в его глазах этого очарования, которое в самом деле предуказывает изящество всех прочих прелестей» (фр).

*** Условный знак (фр).

**** Множество, рой (фр).

† Ветреный, легкомысленный, игривый (фр).

Ср.: в 1799 г. Лагарп писал о Жане Антуане Руше (1745—1794, автор дидактических стихов, встретивший смерть на гильотине вместе с Андре Шенье) и о его «Месяцах» («Les Mois»): «...[le] défaut dominant dans ses vers... c'est le retour fréquent des mots parasites [tels que] „essaims“... termes communs trop souvent répétés»* («Cours de littérature», [1825], vol. X, p. 454). Выражение *mots parasites* впервые употребил в своих стихах Ж. Б. Руссо.

Достаточно привести несколько примеров.

Парни, «Эротические стихотворения», кн. III (1778), «Воспоминанье»: «L'essaim des voluptés»**.

Антуан Бертэн, «Элегия II. К Катилии» (1785): «...tendre essaim des Désirs»***.

Дюси, «Послание о дружбе» (1786): «...des plaisirs le dangereux essaim»****.

Ж. Б. Л. Грессе, «Вер-Вер» (1734; Пушкин восхищался этой поэмой в четырех коротких песнях о попугае-вероотступнике, всеобщем любимце женского монастыря). «Au printemps de ses jours / L'essaim des folâtres amours...»+

Пушкину — не говоря о менее значительных поэтах его времени — потребовались годы, чтобы избавиться от всех этих Мук, Чар и Страстей, от бесконечных купидонов, стайками вылетающих из фарфоровых ульев западного XVIII в. Грессе был одаренным поэтом, но язык его не отличался от языка целого роя (*essaim*) резвых (*folâtres*)++ поэтов его времени.

Юрий Тынянов (в статье «Пушкин и Кюхельбекер», к которой следует отнести с долей скептицизма; *Лит насл*, 1934, т. 16—18, с. 321—378) предполагает, что впервые Пушкин читал Грессе в 1815 г., когда мать Кюхельбекера, лицейского товарища Пушкина, прислала сыну два тома стихов французского поэта.

Кстати, имя попугая в поэме Грессе как только не пишут. Книга, которой пользовался я, называется «Les Oeuvres de Gresset, Epîques de la Critique de Vairvert. Comédie en I acte»+++ (Amsterdam, 1748). В оглавлении указано название «Vert-Vert». В подзаголовке (с. 9) и в самой поэме это «Ver-Vert», а в комедийном комментарии в конце книги — «Vairvert».

9 ..Эльвина.. — Думается мне, что это родная дочь Макферсоновой Мальвины. Имя встречается во французских подражаниях Оссиану (например, «Эльвина, жрица Весты» Филидора Р. в «Альманахе Муз» / Philidor R., «Elvina, prêtresse de Vesta» in «Almanach des Grâces» [1804], p. 129).

11—14, XXXIII, 1—4 В последних стихах строфы XXXII после воспоминаний поэта о прелестных ножках под длинной скатертью столов находим весьма редкую последовательность нескольких (а именно, четырех) стихов со скадом на второй стопе, которые действуют наподобие тормоза, замедления, накопления энергии для рывка стихов со скадом на первой, а также первой и третьей стопе в следующей строфе. <...>

* «Основной недостаток его стихов.. это частое употребление слов-паразитов [таких как] „рой“ избитых определений, слишком часто повторяемых» (фр.)

** «Рой наслаждений» (фр.).

*** «Нежный рой Желаний» (фр.)

**** «...Наслаждений опасный рой» (фр.).

+ «На заре его дней / Рой игривых любовных историй. ..» (Фр.)

++ См также у Поупа в «Подражании Горацию», кн. IV, ода I. «Туда.. Лиры / Призовут... молодые Желания» (Примеч В Н)

+++ «Сочинения Грессе, снабженные критическим очерком о Вервере Комедия в одном действии» (фр.).

Более того, в этой строфе целых четыре стиха со скадом на первой стопе, что также встречается очень редко.

XXXIII

Поиски реальной женщины, к чьей ножке подошел бы этот хрустальный башмачок — строфа XXXIII, — заставили не одного пушкиниста проявить максимум изобретательности либо же обнаружить свою наивность. Достаточно пылкую поддержку имеют по меньшей мере четыре «прототипа»¹⁵. Рассмотрим сначала наиболее правдоподобную кандидатку — Марию Раевскую.

На последней неделе мая 1820 г. осуществился заманчивый план, составленный не менее чем месяцем прежде. Генерал Николай Раевский, герой наполеоновских кампаний, ехал с одним из двух своих сыновей и двумя из четырех дочерей из Киева в Пятигорск (Северный Кавказ); по пути, в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск), к ним присоединился Пушкин, двумя неделями раньше высланный из Петербурга под опеку другого благоволившего к нему генерала, Ивана Инзова. Компанию Раевских составляли: сын Николай, близкий друг Пушкина; девочки Мария, тринадцати с половиной, и София, двенадцати лет; русская нянька, английская гувернантка (*miss Matten*), компаньонка-татарка (*dame de compagnie*, загадочная Анна, о которой ннже), врач (д-р Рудыковский) и француз-гувернер (Фурнье). Старший сын Александр, с которым Пушкин не был еще знаком, ждал путешественников в Пятигорске, а в августе все они собирались приехать в Гурзуф (Южный Крым) к г-же Раевской с двумя старшими дочерьми (Екатериной и Еленой).

Уже первый отрезок пути от Екатеринослава до Таганрога легко излечил поэта от приставшей к нему на Днепре лихорадки. Однажды утром, 30 мая, между Самбеком и Таганрогом, пять пассажиров одной из двух огромных карет-дормезов — а именно, обе девочки, старуха-нянька и гувернантка с компаньонкой — увидели мелькнувшие по правую сторону барашки морских волн и высыпали на берег полюбоваться прибоем. Молодой Пушкин тихонько вышел из коляски, ехавшей третьей.

Лет двадцать спустя в своих до странности банальных и наивных мемуарах («*Mémoires de la Princesse Marie Volkonsky*», «*préface et appendices par l'éditeur Michel Wolkonsky*»*, СПб., 1904) бывшая Мария Раевская так описывает (с. 19) эту сцену. «*Ne me doutant pas que le poète nous suivait, je m'amusais à courir après la vague et à la fuir quand elle venait sur moi; elle finit par me baigner les pieds... Pouchkine trouva ce tableau si gracieux qu'il en fit de charmants vers** poétisant un jeu d'enfant; je n'avais que quinze ans alors...»****

Последнее утверждение, разумеется, неверно; Марии Раевской было тогда лишь тринадцать с половиной; она родилась 25 декабря 1806 г. по ст. ст. (см.:

* «Мемуары княгини Марии Волконской», «с предисловием и дополнениями князя Михаила Волконского» (*фр*)

** Ннже она цитирует стихи, не упоминая, что это *ЕО*, гл 1, XXXVII, 2—6 (*Примеч В Н*).

*** «Не подозревая, что поэт идет за нами, я забавлялась, убегая от волны, которая накатывалась, догоняла меня и мочила мне ноги. Пушкин нашел эту картину столь грациозной, что написал чувствительные стихи, в которых опозтизировал эту детскую игру, мне было тогда всего пятнадцать лет » (*Фр*)

А. Веневитинов, «Русская старина», 1875, XII, с. 822) и умерла 10 августа (ст. ст.?) 1863 г.¹⁶ («agée de 56 ans»*; см. предисловие М. Волконского к «Mémoires», с. X).

После лета на Кавказских водах, где Пушкин подпал под обаяние циничного Александра Раевского, наши путешественники, за исключением Александра, отправились в Крым и на рассвете 19 августа 1820 г. прибыли в Гурзуф. На протяжении следующих четырех лет Пушкин несколько раз встречал Марию Раевскую. Разумеется, комментатор не имеет права упускать из виду пушкинские рисунки на полях рукописей; так, в черновом наброске строфы IXa гл. 2, против стихов 6—14, где сказано, что Ленский «Не славил сети сладострастья / Постыдной негою дыша / Как тот чья жадная душа / ... / Преследует... / Картины прежних наслаждений / И свету в песнях роковых / Безумно отражает их», Пушкин в конце октября или начале ноября 1823 г. в Одессе нарисовал пером профиль женщины в чепце, в которой легко узнать Марию Раевскую (уже почти семнадцатилетнюю); а над ним изобразил самого себя, в то время коротко остриженного**. Если строфа XXXIII гл. 1 в конечном итоге относится именно к этим ласкаемым волной ножкам, то воспоминание поэта действительно «дышит негой» и разглашает тайну «прежних наслаждений» (рисунки, изображающие Марию Раевскую, находим в тетради 2369, л. 26 об., 27 об., 28 и 30 об.; см. мои коммент. к гл. 2, IXa).

Она вышла замуж восемнадцати лет (в январе 1825 г.). Ее муж, князь Сергей Волконский, видный декабрист, состоявший в Южном обществе, был арестован после разгрома петербургского восстания 14 декабря 1825 г. Юная жена героически последовала за ним в дальнюю сибирскую ссылку, где — о проза жизни! — полюбила другого, тоже декабриста. Героический отрезок ее жизненного пути воспет Некрасовым в длинной и нудной, недостойной его истинного гения и, увы, бездарной поэме «Русские женщины» (1873; в рукописи озаглавлена «Декабристки»), любимом произведении тех читателей, для кого социальность замысла важнее художественности результата. Мне же нравятся в ней всего две строчки из второй, более музыкальной части, из того пассажа, где говорится о занятиях декабристов:

Коллекцию бабочек, флору Читы,
И виды страны той суровой

После ноября 1823 г. Пушкин встретился с Марией Раевской лишь 26 декабря 1826 г. в Москве (в доме ее невестки княгини Зинаиды Волконской), накануне отъезда к мужу в Сибирь, в Нерчинск, на Благодатский рудник, за четыре тысячи миль от Москвы. 27 октября 1828 г. в Малинниках Тверской губернии Пушкин написал знаменитое посвящение к своей поэме «Полтава» (шестнадцать стихов, четырехстопный ямб, рифма *abab*), которое, как считается, адресовано Марии Волконской:

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?

* «В возрасте 56-ти лет» (*фр.*)

** Позднее он волосы отпустил, и ко времени отъезда из Одессы в Михайловское летом 1824 г. они уже были у него, как у Ленского. (*Примеч В Н*)

Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало милые тебе, —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей

В черновой и в белой рукописях над посвящением стоит, по-английски: «I love this sweet name»* (героиню «Полтавы» зовут Мария). Очень хотелось бы собственными глазами увидеть этот набросок (тетрадь 2371, л. 70), где, по словам Бонди (Акад 1948, т. V, с. 324), отвергнутый вариант стиха 13 выглядит так.

Сибири хладная пустыня

Вот то единственное, на чем основывается предположение, что «Полтава» посвящена Марии Волконской. От читателя не уйдет любопытное сходство между стихами 11—16 посвящения к «Полтаве» и стихами 9—14 строфы XXXVI гл 7 ЕО (сочиненными на год раньше), где наш поэт, знаменуя окончание своей деревенской ссылки, обращается к Москве — вдовствующей императрице русских городов

Вторая кандидатка на роль вдохновительницы строфы XXXIII гл. 1 — старшая сестра Марии Раевской, двадцатидвухлетняя Екатерина (в 1821 г. вышедшая замуж за Михаила Орлова, одного из рядовых декабристов). Пока остальные путешествовали, она с матерью и сестрой Еленой снимали виллу неподалеку от Гурзуфа — татарской деревни на прекрасном южном берегу Крыма, с его романтическими скалами и дернистыми террасами, темнеющими кипарисами и бледными минаретами, живописными хижинами и соснами на кручах, с нависающим надо всем этим изрезанным выступом высокого плато, который с моря кажется горной грядой, но стоит приблизиться, как он превращается лишь в мягко поднимающуюся к северу муравчатую равнину. Здесь, в Гурзуфе, куда он вместе с двумя Николаями Раевскими, старшим и младшим, и двумя девочками — Марией и Софией — приплыл на бриге из Феодосии 19 августа 1820 г., Пушкин и познакомился с Екатериной Раевской. Подробнее об этом путешествии см. мой коммент. к строфе XVI «Путешествия Онегина», в которой Пушкин десять лет спустя посвятит несколько весьма заурядных строчек воспоминанию о некой любви с первого взгляда:

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля.
При свете утренней Киприды,
4 Как вас впервой увидел я,

10 А там
Какой во мне проснулся жар!

* «Я люблю это нежное имя» (англ.)

Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь

Это была божественно красивая, гордая молодая женщина — такой ее и вспомнит Пушкин в XVII строфе «Путешествия Онегина», среди прибрежных волн, скал и романтических идеалов. Вероятно, именно ей посвящена элегия «Редает облаков летучая гряда...» (1820, александрийский стих, парная рифма), в которой юная дева, красотой равная Венере, пытается на сумеречном небе различить планету Венеру (что, как отмечает Н. Кузнецов в «Мироведении» [1923], с. 88—89, для того времени и места — август 1820 г., Крым — невозможно) и называет ее своим собственным именем, комично перепутав, похоже, *katharos* и *Kypris*, *Kitti R.* и *Kythereia* (Екатерина была немного синим чулком)¹⁷.

Погостив три недели в Гурзуфе, Пушкин, возможно, слышал от Катерины («К^{**}» — см. его приложение к «Бахчисарайскому фонтану», 1822) татарскую легенду о фонтане Бахчисарайского дворца, где он позже, примерно 5 сентября 1820 г., побывал с Николаем Раевским по пути на север, другой вопрос, приходилось ли черноморским волнам хоть раз целовать ее ножки.

Здесь (прежде чем распрощаться с сестрами Раевскими и представить третью кандидатку, Елизавету Воронцову) необходимо остановиться на истории создания строфы XXXIII гл. I.

В числе отдельных любопытных фрагментов, написанных нашим поэтом в Кишиневе не позднее 1822 г., по меньшей мере за год до начала *ЕО*, есть несколько стихов, которые он, примерно 10 июня 1824 г., в Одессе, использовал в строфе XXXIII гл. I. Фрагменты эти содержатся в тетради 2366, хранящейся (или, во всяком случае, хранившейся в 1937 г.) в Москве, в Ленинской библиотеке¹⁸. Они описаны у В. Якушкина*, М. Цявловского** и Г. Винокура***. Согласно Якушкину, тетрадь состоит из 43 пронумерованных от руки листов, причем большое их количество было вырвано еще до нумерации. Согласно Цявловскому, вырвано также несколько листов после 13-го.

Эти наброски из тетради 2366 относятся к стихотворению «Таврида», из которого несколько фрагментов общим объемом около ста строк (четырехстопный ямб со свободной схемой рифмовки) известны Томашевскому (см. легкодоступное, полное, однако ненаучное издание сочинений Пушкина, 1949 г., т. 2, с. 106). Его заглавие, время сочинения (1822) и эпиграф («Gieb meine Jugend mir zurück»**** из пролога к «Фаусту»; «Vorspiel auf dem Theater»+, последняя строка девятой реплики [ок. 1790], — фраза, часто встречающаяся в альбомах, коллекциях цитат и записных книжках пушкинской поры) каллиграфически выведены на л. 13, вероятно при подготовке или в предвкушении не состоявшейся в итоге белой копии.

* «Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве» (Русская старина, 1884, XLII, с. 331—332) (Примеч В Н)

** «Рукою Пушкина» (1935), с. 293—294, и Акад 1947, т. 2, с. 256—257. (Примеч В Н.)

*** «Слово и стих в „Евгении Онегине“» в кн «Пушкин» (Публикации Института истории, философии и литературы Под ред А Етолина. М., 1941, с. 155—213).

**** «Верни мне мою молодость» (нем)

+ «Пролог в театре» (нем)

На л. 13 об. находим не очень разборчивый и незавершенный прозаический фрагмент: «Страсти мои утихают, тишина царствует в душе моей — ненависть, раскаяние [или «отчаяние»] все исчезает — любовь одушевл...» Похоже, он намечает тему отрывка «Тавриды», представленного в черновом наброске на обеих сторонах л. 16:

Ты вновь со мною, наслажденье,
 <В душе> утихло мрачных дум
 Нетерпеливое волиенье!
 Воскресли чувства, ясен ум
 Какой-то негой неизвестной,
 Какой-то грустью полон я,
 Одушевленные поля,
 Холмы Тавриды, край прелестный —
 Я <снова> посещаю <вас>
 Пью томно воздух сладострастья,
 Как будто слышу близкий глас
 Давно затерянного счастья

Счастливым край, где блещут воды,
 Лаская пышные брега,
 И светлой роскошью природы
 Озарены холмы, луга,
 Где скал нахмуренные своды

Произвольная схема рифмовки такова: *ababeccedidi ababa*

Там же, на л. 13, находим странную россыпь дат (набросанных Пушкиным, вероятно, после того, как он решил отложить работу над белой рукописью «Тавриды»:

1811 1812 1813 1814 1815 1816 1817
 1818 1818 1819 1820

Первые семь цифр означают, вероятно, годы учебы поэта в Царском Селе, 1811—1817, а остальные четыре — разгульные годы в Петербурге (зима 1817—1818 сосчитана отдельно?)

Затем на этой же странице идут четыре неравномерные колонки дат, охватывающие девятнадцать лет, из которых по меньшей мере девять были в то время еще впереди:

1821		1814	
1822			
22			
	22		16 авг.
22			1822
	22	1815	
22		1816	1820
1822			1823
	1828	1817	1824
22		1819	
1822	1830		
1822	24 31		
33			

Предсказатели утверждают, что дату своей будущей смерти человек невольно пишет чуть иначе, чем любую другую, прошедшую или будущую. Возможно,

выписывая дату, 16 апреля 1822 г., Пушкин, страдавший почти болезненным интересом к пророчествам, пытался определить, не отличается ли «22» от остальных появляющихся из-под его пера дат. Думаю, что «16 avr[il] 1822» можно считать датой написания приводимого ниже фрагмента «Тавриды». Был ли это канун дуэли Пушкина с Зубовым¹⁹? (См. коммент. к строфам XXIX—XXX гл. 6.) Кстати, Якушкин ошибся, прочтя французское *avr* как русское *авг*, из-за чего ряд компиляторов заставили Пушкина сочинять строфу XXXIII гл. I *EO* или то, что ею впоследствии стало, «16 августа»!

После дат внизу той же страницы (л. 13 об.) идут двенадцать стихотворных строчек, из них последние пять потом превратятся в стихи 7—10 и 12 строфы XXXIII гл. I *EO*:

За нею по наклону гор
Я шел дорогой неизвестнон,
И примечал мой робкий взор
Следы ногн ее прелестнон —
Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркимн устами,
Кропя их жгучимн [слезами]?

Нет, никогда средь бурных дней
Мятежной юности моеи
Я не желал [с таким] волнением
Лобзать уста младых Цирцей
И перси, полные томленьем .

Схема рифм: *babacee ddidi*.

Следует отметить, что, хотя данный отрывок явно относится к неоконченной «Тавриде», этот след в Крымских горах (вероятно, над селением Гурзуф) не имеет никакого отношения к «грациозной игре» девочки на прибрежном песке под Таганрогом, в трехстах милях к северо-востоку, в другой части России. Значит, Пушкин не имел в виду эпизод, который описывает Мария Раевская в своих мемуарах, и, значит, хрустальный башмачок — не с ее ножки; возможно, он будет впору Екатерине, но мы об этом можем лишь гадать, зная, что Пушкин был ею увлечен те три недели в Гурзуфе. На самом же деле для нас важно, как мы сейчас увидим (ибо необходимо прервать историю строфы XXXIII гл. I и представить третью даму), что фрагмент, появившийся внизу л. 13 об., стал частью строфы *EO*, — крымский горный склон Пушкин превратил в одесское побережье.

Теперь можно обратиться к женщине, которая в 1824 г. более других занимала мысли нашего поэта. Третья кандидатка на роль Леди Морских Волн — графиня Елизавета (Elise) Воронцова, красавица полячка, жена новороссийского генерал-губернатора, под чьим начальством Пушкин служил в Одессе. Роман Пушкина с графиней Воронцовой (урожденной графиней Браницкой, 1792—1880) зашел, судя по всему, не слишком далеко и длился недолго. Она приехала в Одессу (из Белой Церкви, имения Браницких в Киевской губернии) 6 сентября 1823 г. (Пушкин к тому времени жил в Одессе уже два месяца). Графиня была на последнем месяце беременности; хотя в любовных связях тех дней не придавали значения таким пустякам, Пушкин, похоже, заинтересовался ею лишь в ноябре. Самый страстный период его ухаживаний длился с ноября 1823-го по середину июня 1824 г., при демоническом попустительстве любовника Воронцовой, Алек-

сандра Раевского, который, по слухам, предоставил своему приятелю Пушкину сыграть роль громоотвода; впрочем, гром вряд ли оказался бы слишком грозен — у обманутого мужа, Воронцова, были свои шашни. Ее профиль возникает на полях пушкинских черновиков начиная со строфы XXIII гл. 1 (см мой коммент. к ней), затем появляется в конце строфы XXIII (см. коммент.), и в начале строфы XXIV гл. 2. Воронцова отплыла на яхте в Крым 14 июня 1824 г. и вернулась в Одессу лишь 25 июля. Неделей позже (31 июля) Пушкин уехал в Михайловское²⁰ Осенью того года они переписывались, после чего наш поэт с головой ушел в довольно гнусные интрижки с многочисленными дамами клана Осиповых-Вульф (см. коммент. к гл. 5, XXXII, 11).

Есть одно любопытное письмо* княгини Веры Вяземской мужу (поэту Петру Вяземскому, близкому другу Пушкина) от 11 июля 1824 г. из Одессы, куда она вместе с детьми приехала из Москвы 7 июня. В нем княгиня описывает весьма живым французским языком сцену на скалистом побережье, которая могла произойти только на второй неделе июня 1824 г. или, скажем, около 10-го числа. В тот день Вера Вяземская, Елизавета Воронцова и Пушкин, гуляя у самой кромки воды, ждали девятого вала в нарастающей чередой волн и, убегая от настигающего их прибоя, до нитки вымокли в пене и брызгах Вера Вяземская была конфиданткой Пушкина и не могла не заметить его восхищения прелестными ножками графини в их прелестном бегстве. Полагаю, Пушкин сказал Вяземской, что запечатлест эту прогулку в одной из строф *EO*. Отступление о ножках в первой главе, за исключением строфы XXXIII, было написано несколькими месяцами раньше (порядок строф был иной), но сейчас поэт вспомнил, что в старой тетради 1822 г. у него есть кое-какие строчки, подходящие для новой строфы. Вскоре после прогулки и данного Вяземской обещания, не позднее 13 июня, он обратился к фрагменту «За нею по наклону гор..», записанному на л. 13 об его кишиневской тетради 2366. Этот фрагмент я уже приводил. Поэт решает его переделать. На той же странице (л. 13 об), среди набросков 1822 г., есть беглая запись пушкинским почерком 1824 г., по-французски «Strophe 4 croisés, 4 de suite, 1.2.1 et deux»**.

Это схема онегинской строфы (четыре строчки с перекрестной рифмой, четыре с парной, четыре с кольцевой и завершающее двустипхию). Пушкин решил перестроить фрагмент по такой же схеме. Первые четыре стиха (с рифмой *babab*) можно было опустить, так как горы предстояло заменить морем. Дальше шло.

Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркими устами
Кропя их жгучими [очевидно, слезами]

К «следов» не находится рифмы, Пушкин оставляет место для трех, вероятно, строчек и продолжает фрагмент так:

Нет никогда среди бурных дней
Мятежной юности моей
Я не желал с таким волеиьем
Лобзать уста молодых Цирцей
И перси полные томленьем

* См. Остафьевский архив князей Вяземских Изд В Саитов и В Шеффер СПб., (1899—1913), т V-2, 1913, с 119—123. (Примеч В Н.)

** «Строфа 4 перекрестных, 4 подряд, 1 2 1 и два» (*фр*)

Найдя свободное место в той же тетради двухлетней давности, Пушкин начинает комбинировать старые строчки с новыми, в которых слышится типичная онегинская интонация. Думаю, что «ты помнишь» (в окончательном варианте измененное на «я помню») адресовано Вере Вяземской, которая вместе с поэтом наблюдала за волнами, падавшими к «ее» (Елизаветы Воронцовой) ногам:

Ты помнишь море пред грозою?
Как я завидовал волнам
Бегущим бурной чередою
<С любовью пасть> к ее ногам
И как желал бы я с волнами
Коснуться иог ее устами
Нет никогда средь бурных дней
Кипящей юности моей
Я не желал <с таким волненьем>
<Лобзать уста молодых Цирцей>
<И перси полные томленьем>
Нет никогда [строка не окончена]

«С любовью пасть», «с таким волненьем» (неудачно сочетается с «волнами») и «перси, полные томленьем» зачеркнуто при правке и доработке окончательного текста. Остальные зачеркивания, очевидно, сделаны в процессе нелегкого выбора из избытка одинаковых рифм. Нужно было оставить или *дней — моей*, или *Цирцей*. Мы знаем, что Пушкин в итоге заменил «Цирцей» «Армидами», вставил новую строчку («розы пламенных ланит», рифма к «Армид») и нашел новое завершающее двестишие, повторив в нем неотвязную рифму *ей—ей*)

К этому времени (вторая неделя июня 1824 г.) поэт дошел до середины гл. 3, так что когда он обратился к тому, что стало в итоге строфой XXXIII гл. 1, то писал уже в своей одесской тетради 2370, после строфы XXIX гл. 3; там же находим и варианты (стихи 10—11, 13—14).

Нет, нет, любви заветный дар
И поцелуев томный жар

и

Нет, никогда весь яд страсти
Так не терзал души моей

13 июня 1824 г. или несколько ранее наш поэт переделал эту строфу на клочке бумаги (сокращая слова, но, согласно Томашевскому, Акад. 1937, с. 550, если я правильно его понял, создав окончательный вариант строфы), и на этом же клочке 13 июня по небрежности написал письмо брату в Петербург. Это письмо, со строфой XXXIII гл. 1 на обратной стороне, хранится (1937) в Ленинской библиотеке в Москве (рукопись 1254, л. 24 об.). Позднее Томашевский высказал предположение (Пушкин. М; Л., 1956, т. 1, с. 493 примеч.), что строфа, возможно, была набросана «на обороте распечатанного, но снова сложенного письма» Льву Пушкину *после* свидания братьев в Михайловском осенью 1824 г. Не берусь распутать этот клубок предположений, не исследовав рукопись. В любом случае Цявловский ошибается, утверждая (Летопись жизни... Пушкина М., 1951, т. 1, с. 516), будто строфа была сочинена осенью 1824 г.; тогда Пушкин просто переписал ее, готовя первую главу *ЕО* к публикации. Я думаю, что в это время, во второй половине октября 1824 г., Пушкин просто послал своей

конфидентке Вере Вяземской строфу, которую был ей должен («вот строфа, которую я вам должен»). Черновик этого письма (его отрывок, начинающийся словами «Tout ce qui me rappelle la mer...», я привожу ниже) идет в тетради 2370, л. 34 следом за черновиком письма к Плетневу, сопровождавшему копию первой главы, которую поэт переслал в Петербург с братом Львом (см. мой коммент. к Посвящению)²¹.

В письме Вере Вяземской (в конце октября 1824 г., из Михайловского в Одессу) Пушкин, мешая русский с французским, пишет: «Tout ce qui me rappelle la mer m'attriste — le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre — je crois qu'un beau ciel me ferait pleurer de rage; но слава <Богу> небо у нас сивое, а луна точная репка. А l'égard de mes voisins je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord, ils ne m'excedent pas — je jouis parmi eux de la réputation d'Onéguine — et voilà je suis prophète en mon pays. Soit. Pour toute ressource je vois souvent une bonne vieille voisine — j'écoute ses conversations patriarcales. Ses filles assez mauvaises sous tous les rapports [то есть внешне, в манерах и нравах] me jouent du Rossini que j'ai fait venir. Je suis dans la meilleure position possible pour achever mon roman poétique, mais l'ennui est une froide muse — et mon poème n'avance guère — voilà pourtant une strophe que je vous dois — montrez là au Prince Pierre Dites lui de ne pas juger du tout par cet échantillon...»*

Написав «assez mauvaises»**, Пушкин явно поддипломатничал, так как его связывала с Осиповыми не только влюбленность, но и сердечная дружба.

С этим письмом интересно сопоставить другое, чуть раньше полученное Пушкиным из Александрии под Белой Церковью, имения Воронцовых, написал его 21 августа 1824 г. Александр Раевский, покинувший Одессу дней через десять после отъезда Пушкина в Михайловское. Елизавета Воронцова условно именовалась «Татьяной» — как пушкинская героиня.

«Je remets à une autre lettre le plaisir de vous parler des faits et gestes de nos belles compatriotes, presentement je vous parlerai de Tatiana Elle a pris une vive part à votre malheur, elle me charge de vous le dire, c'est de son aveu que je vous l'écris, son âme douce et bonne n'a vu dans le moment que l'injustice dont vous étiez la victime; elle me l'a exprimé avec le sensibilité et la grâce de caractère de Tatiana»***.

* «Все, что напоминает мне море, наводит на меня грусть — журчание ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства < .> Что касается соседей, те мне лишь поначалу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя, больше они мне не докучают — я слышу среди них Онегиным, — и вот, я — пророк в своем отечестве. Да будет так. В качестве единственного развлечения, я часто вижусь с одной милой старушкой-соседкой — я слушаю ее патриархальные разговоры. Ее дочери, довольно непривлекательные во всех отношениях < > играют мне Россини, которого я выписал. Я нахожусь в наитучших условиях, чтобы закончить мой роман в стихах, но скука — холодная муза, и поэма моя не двигается вперед — вот, однако, строфа, которую я вам должен, — покажите ее князю Петру. Скажите ему, чтобы он не судил о целом по этому образцу» (Акад. 1937. Т. 13. С. 532).

** «Довольно непривлекательны» (*фр.*)

*** «Откладываю до другого письма удовольствие рассказать вам о происшествиях и черточках из жизни наших прекрасных соотечественниц, а сейчас расскажу вам о Татьяне. Она приняла живейшее участие в вашем несчастье, она поручила мне сказать вам об этом, я пишу вам с ее согласия. Ее нежная и добрая душа видит лишь несправедливость, жертвою которой вы стали, она выразила мне это со всей чувствительностью и грацией, свойственными характеру Татьяны» (Акад. 1937. Т. 13. С. 530).

Раевский, несомненно, был знаком с письмом Татьяны; следовательно, оно было написано до того, как Пушкин покинул Одессу.

Существует еще и четвертая кандидатка, согласно некоему Д. Дарскому, чья идея обсуждалась и была отвергнута беспросветно-холодным вечером 21 декабря 1922 г. Обществом любителей российской словесности, героически заседавшим во мраке и голоде ленинского правления*. Дарский считал обладательницей ножек из строф XXXI и XXXIII компаньонку (*dame de compagnie*) барышень Раевских, вышеупомянутую татарку Анну Ивановну (фамилия неизвестна)

Окончательное мое впечатление: если ножки, воспетые в строфе XXXIII, и имеют конкретную хозяйку, то одна из ножек принадлежит Екатерине Раевской, а другая — Елизавете Воронцовой. Иными словами, крымские впечатления августа 1820 г. и посвященные им стихи (сочиненные предположительно 16 апреля 1822 г.) на второй неделе июня 1824 г. были преобразованы в строфу ЕО, запечатлевшую одесское увлечение поэта.

К слову, такое бегание наперегонки с волнами было в те годы модным развлечением. «Un des premiers plaisirs que j'aie goutes, — пишет Шатобриан в «Замогильных записках» 1846 г. («Mémoires d'outre-tombe». Ed. Maurice Levallant. Paris, 1948, pt. I, bk. I, ch. 7), — était de lutter contre les orages, de me jouer avec les vagues qui se retiraient devant moi, ou couraient après moi sur la rive»**.

3—4 *Бегущим бурной чередою / С любовью лечь к ее ногам!* — Читающие по-русски увидят здесь россыпь прекрасных звукоподражательных аллитераций. Ср. у Бена Джонсона в «Стихоплете» (Ben Jonson, «Poetaster»), IV, VI (прощание Юлии с Овидием):

I kneel beneath thee in my prostrate love
And kiss the happy sands that kiss thy feet

Я падаю перед тобой на колени, сраженный моей любовью,
И целую счастливые пески, целующие твои ноги

Ср. у Томаса Мура в «Любви ангелов» (Thomas Moore, «The Loves of the Angels»), стихи 1697—1702:

He saw, upon the golden sand
Of the sea-shore a maiden stand,
Before whose feet the expiring waves
Flung their last tribute with a sigh —
As, in the East, exhausted slaves
Lay down their far-brought gift, and die

(Он увидел, что на песке
У берега моря стоит дева,
К чьим ногам слабющие волны
Со вздохом бросают свою последнюю дань, —
Так на Востоке изнуренные рабы
Кладут принесенные издалека дары и умирают)

* См изложение доклада Д. С. Дарского «Три любви Пушкина» в хронике деятельности Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности в кн. Пушкин. Сб. первый / Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924. С. 310—312. (Науч. ред.)

** «Одно из первых наслаждений, которые я испытал, было сражаться с бурями, играть с волнами, которые откатывались передо мною или преследовали меня, выплескиваясь на берег» (*фр.*).

(Эти строки, как я обнаружил, цитируются в статье «Эдинбургского обозрения» [1823, Feb., № 38] о «Любви ангелов» Мура и «Небе и земле» Байрона; на с. 31 сказано, что поэзия Байрона «подобна порой смертоносному анчару» [«Antiaris toxica», Leschenault de la Tour, 1810]. Любопытно, что парафраз строк Мура «exhausted slaves / Lay down their far-brought gift, and die» встречается в предпоследней строфе пушкинского стихотворения «Анчар». См. коммент. к L, 10—11.)

Английская поэзия богата на волны, целующие чьи-либо ноги; достаточно будет еще одного примера. У Байрона в восторженном описании Кларана («Чайльд Гарольд», III, C: «Clarens! by heavenly feet thy paths are trod»*), где Бессмертная Любовь непонятно почему отождествляется с чувствами, которые у Руссо испытывали Юлия и Сен-Пре, навсегда наводнив ими возвышенности Швейцарии, читаем (CI, 5—6).

the bowed Waters meet him [Love] and adore,
Kissing his feet with murmurs

(воды, кланяясь, встречают ее [Любовь] и приветствуют,
С приглушенным рокотом целуя ее ноги)

Волны и ножки сочетаются и у Ламартина в «Озере» («Le Lac», сентябрь 1817 г):

Ainsi le vent jetait l'écume de tes ondes
Sur ses pieds adorés**

И у Гюго в «Печали Олимпио» («Tristesse d'Olympio», 1837):

D'autres femmes viendront, baigneuses indiscrettes,
Troubler le flot sacré qu'on touché tes pieds nus!***

Русским комментаторам известно, что здесь присутствует аллюзия (оборачивающаяся, мне кажется, одной из умышленных литературных пародий, которых в *ЕО* набирается несколько — в виде первых четверостиший строф) на отрывок из «Душеньки».

Гонясь за нею, волны там
Толкают в ревности друг друга,
Чтоб, вырвавшись скорей из круга,
Смиренно пасть к ее ногам

«Душенька» — поэма, написанная разной длины ямбическими стихами, над которой автор, Ипполит Богданович (1743—1803) работал в течение нескольких изданий (1783—1799) после появления в 1788 г первой «книжки» под названием «Душенькины похождения». Она создана во фривольном французском духе тех дней и шутливо, вслед галантной повести Лафонтена, повествует о любовных приключениях Амура и Психеи. Легкость ее четырехстопных ямбов и веселый перламутр юмора звучат предвестниками юношеских стихов Пушкина; «Душенька» — важный этап в развитии русской поэзии; ее наивные разговорные

* «Кларан! Небесными ногами исхожены твои тропы» (англ).

** Так ветер обдавал се обожаемые ножки / Пенной твоих волн (фр).

*** Другие женщины придут, нескромные купальщицы, / Тревожить священную волну, которой касались твои обнаженные ножки! (Фр)

интонации повлияли также на Карамзина, Батюшкова и Жуковского — прямых пушкинских предшественников. Думаю, своей техникой частично обязан ей и Грибоедов. Сначала поэму чрезмерно возносили, потом, в скучную эпоху гражданской критики, открытой знаменитым, но бесталанным Виссарионом Белинским, ее недооценивали (см также коммент. к гл 3, XXIX, 8)

Ср.: «L'onde, pour [Venus] toucher, à long flots s'entrepousse; / Et d'une égale ardeur chaque flot à son tour / S'en vient baiser les pieds de la mère d'Amour»* — последние строчки второй рифмованной интерлюдии кн. I «Любовь Психеи и Купидона» (1669) Жана де Лафонтена (1621—1695), который заимствовал и *conduit*** и «фабулу» из французского переложения «Метаморфоз», также известных как «Золотой осел» (кн. IV—VI), Люция Апулея (род ок. 123 н. э.), чей бурлеск Лафонтен пригладил, призвав на помощь *badineries galantes**** и обывательский здравый смысл, столь милый его эпохе и правящей ею бессильной троице — *bienséance, goût* и *raison*****. (Написав эти строки, я обнаружил, что о той же аллюзии кратко упоминает Г. Лозинский в своих комментариях к парижскому изданию *ЕО* 1937 г.)

И Лафонтен, и Богданович разрабатывали аллегорический эпизод из кн IV—VI «Метаморфоз» (в 11-ти кн.), в котором действуют Психея и ее возлюбленный Купидон, сын Венеры. В кн. IV этого вялого романа мелькает сцена, где ласковые волны катятся к Венере, а та их касается розовой ступней, взбираясь в свою морскую колесницу среди резвящихся тритонов и русалок.

5—6 *Как я желал тогда с волнами / Коснуться милых ног устами!* — «Comme je désirais alors avec les vagues effleurer ses chers pieds de mes lèvres!»

В «романизированной биографии», банальной и кишасей ошибками («Pouchkine» 2 vols. Paris, 1946), Анри Труайя сообщает по поводу данного эпизода (vol. I, p. 240): «Seducit par l'image de cette enfant de quinze ans jouant avec les flots, Pouchkine écrivit une poésie sentimentale à son intention.

Je désirais comme les vagues
Effleurer vos pieds de mes lèvres»+

Странно, что княгиня Мария Волконская, цитируя в своих французских мемуарах русский оригинал, забывает, что это отрывок из *ЕО* (гл. 1, XXXIII, 5—6); еще более странно, что столь же несведущ и Труайя. Но что мисс Дейч, переведшая *ЕО* на английский (1936), не узнала цитату и превратила++ строчки, переложенные Труайя на французский, в следующее:

* «Море, чтобы [Венеры] коснуться, перекачивается большими волнами, / И одна за другой волны в равном движении проходят, / Чтобы в лобзании коснуться ножек матери Амура» (*фр*)

** Сюжет (*фр*)

*** Галантные шалости (*фр*)

**** Благопристойность, вкус и разум (*фр*).

+ «Плененный образом этой девочки пятнадцати лет, играющей с волнами, Пушкин написал sentimentальное стихотворение, обращенное к ней

Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами» (*фр*)

++ В сокращенном английском переводе, в т. 1, книги Труайя «Пушкин Биография», перевод Рандольфа Т. Уивера, стихи в переводе Бабетты Деич (Troizat, «Pushkin A Biography», tr. Randolph T. Weaver, with verse translations by Babette Deutsch, p. 131) (Примеч. В Н)

Глава первая: XXXIII

How happy were waves that were caressing
The darling feet my lips should have been pressing!

Как счастливы были волны, ласкающие ножки,
К которым я должен был прижиматься губами! —

было бы выше всякого понимания, если не увидеть в этом некую поэтическую справедливость: ведь мисс Дейч настолько изуродовала строфу XXXIII гл. I и оставила в ней так немного от Пушкина, что сама же не распознала ее в (слегка переодетой) цитате у Труайя. В ее «переводе» 1936 г. читаем:

The billows covered them with kisses,
My lips were envious of their blisses!

Волны покрывали их поцелуями,
Мои губы завидовали их блаженству!

У прочих пересказчиков:

How like the billow I desired
To kiss the feet which I admired!

Как, подобно волнам, желал я
Целовать эти восхитительные ножки!
(незатейливый подполковник Сполдинг)

And those dear feet aroused my longing
To kiss them, like the billows thronging!

И те ножки возбуждали во мне желание
Целовать их, подобно теснящимся волнам!
(нарушитель приличий проф Эльтон)

I would have found it ah! how sweet,
As did the waves, to kiss her feet

Ах, какое это было бы блаженство —
Целовать ее ножки, как волны
(беспомошная мисс Радин)

6 *..милых ног..* — Поскольку уже так много написано о принадлежности последних, мне придется осветить еще некоторые подробности.

В необыкновенных, прекраснейших строках, которые Пушкин добавил к началу «Руслана и Людмилы» через четыре года после опубликования поэмы

Там лес и дол видений полны,
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой —

из этих волн рождаются и чередой выходят из ясных вод тридцать прекрасных витязей. Здесь же, в *ЕО*, гл. I, XXX—XXXIV, читатель, в ушах которого еще не стихли звуки Страны театральных чудес из предыдущего отступления (XVIII—XX), а пред внутренним взором все еще танцует Истомина (XX, 8—14), уже приглашен на следующее волшебное представление, где катятся колдовские волны (XXXIII) и возникают невидимки-женщины, чьи ножки только и можно разглядеть.

Любители прототипов, как правило, ищут одну-единственную обладательницу таинственных ножек, тогда как Пушкин на протяжении строф XXX—XXXIV

писал о нескольких, и подтвердил это в гл. 5, XL, 7, когда вспомнил свое отступление (гл. 1) «о ножках мне знакомых дам»:

А. Возвращенная в восточной роскоши, никогда не жившая на севере России дама из строфы XXXI, которую поэт любил в начале своих южных странствий.

Б. Обобщенная и многоликая дама из строфы XXXII, называемая «Эльвиной» (поэтический синоним «Мальвины», «Эльвиры» и «Эльмины») и предстающая перед нашим поэтом в различных позах и обстоятельствах.

В. Дама на побережье: строфа XXXIII.

Г. Дама, с которой поэт совершал прогулки верхом (возможно, в Кишиневе или в Каменке). строфа XXXIV.

Итого как минимум четыре женщины, чье предположительное или возможное существование в «реальной жизни» не представляет ни малейшего интереса.

8 *Кипящей младости моей...* — Распространенное французское клише, русская версия которого встречается в поэзии Пушкина и околопушкинского созвездия с навязчивой частотой. То же, что «пылкая молодость» у латинских поэтов.

См. у Вольтера «Екклесиаст в кратком изложении» («Précis de l'Ecclesiaste», 1756, опубл. в 1759), первая строка: «Dans ma bouillante jeunesse...»*; или, в собирательном смысле, у Монтеня, в «Опытах», кн. III, гл. 5, «О стихотворениях Вергилия» (1586, опубл. в 1588): «Cette verte et bouillante jeunesse...»**

10 *Армид..* — Французский лексикон определяет Армиду так: «Nom donné par autonomase à une femme qui réunit l'art de séduire à la beauté et aux graces»***.

Источник чувственного образа стихов 8—12 прослеживается легко: это «Освобожденный Иерусалим» (1581) Тассо: «Armide... est couchée sur le gazon; Renaud est couché dans ses bras. Son voile ne couvre plus l'albatre de son sein... elle languit d'amour: sur ses joues enflammées brille une sueur voluptueuse qui l'embellit encore»**** (переложение принца Шарля Франсуа Лебрена, «La Jérusalem délivrée» [1774], XVI).

XXXIV

8 *...тоска* . — Ни одно английское существительное не передает всех оттенков этого слова. На самом глубоком и мучительном уровне это чувство сильнейшего душевного страдания, часто не имеющее объяснимой причины. В менее тяжелых вариантах оно может быть ноющей душевной болью, стремлением непонятно к чему, болезненным томлением, смутным беспокойством, терзанием ума, неясной тягой. В конкретных случаях оно означает стремление к кому-то или чему-то, ностальгию, любовные страдания. На низшем уровне — уныние, скуку. (См. также коммент. к гл. 3, VII, 10.)

9 *...ладменных...* — Слово использовано здесь не в своем буквальном смысле, а явно в качестве стилистической имитации, и по звучанию и по значению,

* «Во времена моей кипучей юности.» (фр)

** «Эта зеленая кипучая юность» (фр)

*** «Имя для обозначения женщин, сочетающих в себе искусство обольщения с красотой и грацией» (фр)

**** «Армида.. спящая на лужайке, Рено, спящий в ее объятиях. Покрывало не скрывает больше ее белоснежную грудь — она изнемогает от любви на ее пылающих щеках блестит сладострастный пот, который ее еще больше красит» (фр)

французских *inhumaines, beautés inhumaines* — «безжалостных красавиц», «мучительниц», столь часто встречающихся в мадригалах XVIII в.

10—12 Томашевский (Акад. 1937, с. 262) пишет, что эти две строчки есть в тетради 2366, л. 34 об.

14 *Обманчивы..* — Переводчику здесь соблазнительно воспользоваться формулой *as false as fair* («красота вероломна»), но в данном контексте *false* было бы скорее *изменчивы*. Более того, следует помнить, что «обман» на самом деле имеет в виду невыполнение телесных обещаний (см. строфу XXXII), — малая толика игривой порочности легко сходит нашему поэту с рук, как и его французским поводырям.

В черновой рукописи (2369, л. 14 об.) строфа XXXII идет за той, что следует после строфы XXXI и теперь имеет номер XXXIV.

Вариант

5 Отвергнутое чтение в белой рукописи:

Держу бразды хватаю стремя

XXXV

1 *Что ж мой Онегин?* — Ср. у Байрона в «Беппо», XXI: «Но ближе к делу» — и в «Чайльд Гарольде», песнь II, строфа XVI: «Но где ж Гарольд?»

2 *В постелю с бала едет он* — «Третьего дня был бал у князя**», — пишет барышня из «романа в письмах», который Пушкин начал в 1829 г. (экспериментируя с архаичным жанром). — Танцовали до пяти часов». Онегин — и того дольше.

3—4 *А Петербург неугомный / Уж барабаном пробужден* — Отметим красоту чисто пушкинского сочетания двух строк подряд с двойным скадом и с необычайно выразительными аллитерациями, основанными на повторяющихся ударных и безударных *у* и *бу* и на перекличке *о* и *и*. Неугомный город насчитывал 377 800 жителей.

5 <...>

7 *С кувшином охтинка спешит..* — Охта — восточная часть Петербурга, на восточном берегу Невы, тянется полосой с севера на юг и по-фински называется Оха. Охтинка спешит с кувшином молока, снег «поет» под ее ногами (как где-то сказал о хрустящем снеге Вальтер Скотт).

Хотя в *ЕО* этой реминисценции и нет, любопытно сравнить утренний Петербург Пушкина с утренним Лондоном Джона Гэя в поэме «Тривия, или Искусство ходить по улицам Лондона» (John Gay, «Trivium, or the Art of Walking the Streets of London», 1716), где мелом на дверях подсчитывает свою выручку молочница, «гремит пергамент барабана», спешат уличные торговцы, катятся повозки, открываются лавки и т. д.

9 *Проснулся утра шум приятный.* — Похожий стих есть в «Полтаве» (1828), ч. II стих 318: *Раздался утра шум игривый*. Ср. эти эпитеты с теми, что используют

английские поэты: «the busy hum of men» («гуденье занятой толпы») у Мильтона и «the Noise of busy Man» («Шум занятого Человека») у Джона Дайера.

Вообще русское «шум» подразумевает более длительное и однородное акустическое явление, чем английское *noise*. Шум также чуть более отдален и нечеток. Это скорее гомон, нежели грохот «Шум» и однокоренные «шумный», «шумящий», «шуметь» — изумительные звукоподражания, чего не скажешь об английских *noisy* и *to noise*. «Шум» в различных сочетаниях приобретает разнообразные июансы смысла: шум города — шум лесов — шумящий лес — шумный ручей — шумящее море (удары, рокот, рев бьющихся о берег волн), «the surgy murmurs of the lonely sea» («ропот одиноко вздымающихся волн»), как пишет Китс в «Эндимионе» (стих 121). «Шум» также может означать ропот, оживление и т. д. Глагол «шуметь» нищенски переводится *to be noisy, to clatter*. (См. также коммент. к гл. 1, XXXVII, 2.)

12 *Немец аккуратный* . — «Аккуратный» или «аккуратный» (слово того же происхождения, что и английское *accurate* — точный) — полонизм XVIII в., в переводе — *punctual*; имеет более широкий смысл, чем просто «точный», «пунктуальный». «Аккуратный» подразумевает, помимо этого, опрятность и методичность — качества, русским не свойственные. Пушкин весьма цинично предполагает в этом месте гогот галерки, насколько можно судить по письму Гнедичу (13 мая 1823 г., из Кишинева в Петербург), где он упоминает об одноактной комедии в стихах «Нерешительный» (впервые представленной 20 июля 1820 г) третьеразрядного драматурга Николая Хмельницкого, переделавшего ее с французского оригинала (вероятно, «Нерешительный» Филиппа Нерико Детуша / Philippe Néricault Destouches, «L'Irrésolu»): «Я очень знаю меру понятия, вкуса и просвещения этой публики. ...Помню, что Хмельницкий читал однажды мне своего „Нерешительного“; услыша стих „И должно честь отдать, что немцы аккуратны“, я сказал ему, вспомните мое слово, при этом стихе все захлопает и захохочет. — А что тут острого, смешного? очень желал бы знать, сбылось ли мое предсказание».

13 *В бумажном колпаке...* — Не только некоторые переводчики, но и русские комментаторы поняли «бумажный» как «сделанный из бумаги»! На самом же деле сочетание «бумажный колпак» — это попытка Пушкина передать французское *bonnet de coton*, то есть хлопковый домашний колпак. Существующее в английских словарях *calpac*, или *calpack*, или *kalpak*, ассоциируется с Востоком. Этим словом я воспользовался для передачи русского «колпак» в гл. 5, XVII, 4.

14 *васисдас* — французское слово (признанное Академией в 1798 г) *vagistas*, означающее окошечко либо подобие форточки с открывающейся створкой или решеткой, через него продавали хлеб; считается, что произошло от немецкого *was ist dass?* — «что это такое?» (объяснение столь же изобретательное, как и выведение английского *haberdasher* — галантерейщик — из *habt ihr dass?**); во французском просторечии встречается в форме *vagistas*.

Пушкин колебался между написанием *Wass-ist-das* и *вас-издас*, в белой рукописи остановившись на втором варианте («Рукописи» 1937)

Лупус в примечаниях к своему переводу *ЕО* (1899) отмечает (с. 80), что петербургские хлебники-немцы нижнюю часть окна заменяли медной створкой,

* У вас это есть? (Нем)

которую, когда покупатель в нее постучит, открывали: она опускалась наружу, как миниатюрный подъемный мост, и служила прилавком.

В «Альбоме Пушкинской юбилейной выставки» под ред. Л. Майкова и Б. Модзалевского (М., 1899) на л. 19 я обнаружил картинку — акварель, нарисованную около 1815 г. однокашником Пушкина А. Илличевским и хранящуюся ныне в Пушкинском Доме, где изображена группа лицеистов, дурацким кривляньем донимающих немца-хлебника и его жену; те, в праведном гневе, нарисованы у своего окна в первом этаже, и на немце — полосатый домашний колпак.

Вариант

9—12 В черновой рукописи (2369, л. 15):

Проснулся утра шум тревожный

Уж хлебник немец осторожный
В домашнем колпаке

XXXVI

Здесь заканчивается описание онегинского дня зимой 1819 г., которое, с перерывами на отступления, занимает всего лишь тринадцать строф (XV—XVII, XX—XXV, XXVII—XXVIII, XXXV—XXXVI).

См отмеченную Модзалевским в биографии Якова Толстого («Русская старина», XCIX, [1899], с. 586—614; С, [1899], с. 175—199) любопытную параллель между днем Онегина и четверостишиями Якова Толстого (абсолютно бездарными), написанными весьма архаичными четырехстопными ямбами с налетом журналистской лихости, предвещающей сатиру середины века, и озаглавленными «Послание к Петербургскому жителю» (в сборнике дрянных стихов «Мое праздное время» [май?], 1821), где есть такие строчки:

Проснувшись поутру с обедней,
К полудню кончишь туалет;
Меж тем лежит уже в передней
Зазывный на вечер билет

Спешишь, как будто приневолен,
Шагами мерить бульвар

Но час обеденный уж близок .

Пора в театр туда к балету,
Я знаю, хочешь ты поспеть
И вот чрез пять минут в спектакле
Ты в ложах лорнируешь дам

Домой заехавши, фигурке [отвратительный германизм]
Своей ты придал лучший тон, —
И вот уж прыгаешь в мазурке

С восходом солнца кончишь день,

На завтра ж снова, моды жертва,

снова начинаешь то же²²

Менее чем за три года до того, как была написана первая глава, этот самый Яков Толстой (1791—1867, офицер и стихоплет), которого Пушкин знал по полулитературным петербургским вечерам (встречам либеральной «Зеленой лампы», неизменно упоминающейся всяким литературоведом наряду с кружком «Арзамас», хотя ни первая, ни второй не сыграли абсолютно никакой роли в развитии пушкинского таланта, просто литературоведы обожают литературные «группы»), в рифмованном послании обращался к Пушкину с наивной мольбой «отвадить» его от «немецкого вкуса» и научить писать «столь же сладко», как пишет автор «Руслана». Такое впечатление, что в первой главе Пушкин намеренно преподавал бедняге-рифмачу урок на примере его же собственной темы

Ср «Советы о реформе, особливо игорных клубов», преподанные неким членом Парламента (1784; процитировано Эндрю Штейнметцем в «Игорном столе» / Andrew Steinmetz, «The Gaming Table», [London, 1870], I, p. 116) и содержащие описание дня молодого лондонского модника: «Просыпается он лишь когда пора уже отправляться на верховую прогулку по Кенсингтонскому саду; возвращается переодеться; обедает поздно; затем отправляется на карточный вечер, точно так же, как и накануне.. Вот каков нынешний модный образ жизни, от „Его Светлости“ до сержанта гвардии». (См. также гл. 2, XXX, 13—14)

Статья В. Резанова о «влиянии Вольтера на Пушкина»* заставила меня обратиться к вольтеровской сатире «Светский человек» («Le Mondain», 1736), которая изображает «train de jour d'un honnête homme»** (стих 64) и содержит совершенно «онегинские» строчки (65—66, 89, 91, 99, 105—107):

Entrez chez lui, la foule de beaux arts,
Enfants du goût, se montre à vos regards
Il court au bain
il vole au rendez-vous
Il va siffler quelque opéra nouveau
Le vin d'AI, dont la mousse pressée,
De la bouteille avec force élançée
Comme un éclair fait voler son bouchon ***

(См. также коммент. к гл. 1, XXIII, 5—8)

Пресловутый «Светский человек» находится в т. XIV (1785) Полного собрания сочинений Вольтера (1785—1789), с. 103—126, и состоит из «Avertissement des éditeurs»****, самого творения (с. 111—115), написанного кошмарно ходульными, как всегда у Вольтера, стихами, кое-каких любопытных комментариев к нему

* «К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина» (*П и его совр.*, 1923, т. 9, вып. 36, с. 71—77 (Примеч В Н))

** «День порядочного человека» (*фр.*)

*** Войдите к нему, повсюду полотна, / Произведения искусства предстанут вашим взглядам / Он бежит принять ванну / ..он летит на свидание.. / Он освистает какую-нибудь новую оперу / Вино Аи, пена которого из бутылки с силой / Подобно молнии выталкивает пробку... (*Фр.*)

**** «Уведомление издателей» (*фр.*)

(включая знаменитое объяснение бегства автора в Сан-Суси), двух посланий, «Défense du mondain au l'apologie du luxe»* и заключительной нескладицы «Sur l'usage de la vie»**.

- 8 *И завтра то же, что вчера.* — Ср. в «Характерах» (1688) у Лабрюйера: «Il [Narcisse] fera demain ce qu'il fait aujourd'hui et ce qu'il fit hier»*** (описание дня молодого человека, «О городе» / «De la Ville», эпизод 12).

11—14 < . . >

XXXVII

- 2 *света шум* — старое французское клише *le bruit, le tumulte, le fracas du monde*, штамп, восходящий к Риму и римской поэзии. Я воспользовался английскими выражениями, например байроновским «веселым светским гулом» («the gay World's hum» — «Дон Жуан», песнь XIII, строфа XIII, 4). Это вовсе не то же самое, что реально слышимые шум и толкотня городской жизни, описанной в одной из предыдущих строф (см. мой коммент. к XXXV, 9).

- 6—10 Ср. у Парни в «Годдам!», поэмке в четырех песнях, написанной «par un French-Dog [собакой-французом]» в месяце Фримере («месяце инея») XII года (октябрь — ноябрь 1804 г.), песнь I:

Le Gnome Spleen, noir enfant de la Terre
Dont le pouvoir asservit l'Angleterre,

le sanglant rost-beef,
Les froids bons mots

Le jus d'Al.
Et ces messieurs, ivres des vins de France,
Hurlent un toast à la mort des Français****

О «сплине» см. коммент к следующей строфе

- 8 *Beef-steaks* .. — Европейский бифштекс представлял собой небольшой, толстый, темно-красный, сочный и нежный кусок мяса, особую часть вырезки, справа щедро окаймленной янтарным жиром, и имел — если имел — мало общего с нашими американскими «стейками», безвкусным мясом нервных коров. Ближайшее подобие такого *beef-steaks* — филе-миньон.

Пушкин сохранил латиницу, хотя слово давно вошло в русский язык (см., к примеру, «Сын Отечества», 1814, с. 128) и звучало как «бифстекс» (ед. ч.), а затем под влиянием немецкого языка превратилось в «бифштекс». В пушкинское время, когда годовая подписка на еженедельный журнал стоила тридцать рублей, порция бифштекса обходилась в двадцать пять копеек.

* «В защиту светского человека, или Апология роскоши» (фр)

** «Что такое знать жизнь» (фр)

*** «Он [Нарцисс] завтра будет делать то же, что делает сегодня и что делал вчера» (фр)

**** Карлик Сплин, мрачное дитя Земли, / Под власть которого подпала Англия, / / ...ростбиф с кровью, / Холодные острооты / / Сок Ал.. / А эти господа, пьянея от французских вин, / Горланят тосты смерть французам (фр)

9 *Шампанской* [правильно: «шампанского»] *обливать бутылкой* — В переводе я сохранил пушкинскую грамматическую погрешность. Строчка означает «запивать шампанским».

Согласно Николаю Полевому («Московский телеграф», ч. 34, № 14), в 1818 г. в Москву из Франции было завезено 158 804 бутылки шампанского приблизительно на сумму в 1 228 579 рублей; в 1824 г. — 374 678 бутылок.

14 *И брань, и саблю, и свинец* — Стих раздражает своей неясностью. Что именно разлюбил Онегин? «Брань» означает военные действия; отсюда можно предположить, что около 1815 г. Онегин, подобно многим другим из числа «золотой молодежи» того времени, служил в действующей армии; более вероятно, однако, и об этом свидетельствует рукопись, что здесь говорится о дуэлях; но (для оценки поведения Онегина позже, в гл. 6) было бы крайне важно яснее сообщить о его дуэльном опыте.

«Саблю и свинец» — галлицизм, *le sabre et le plomb* — «палаш и пуля». Ирландец в 1800 г. сказал бы «эфес и дуло».

Сэр Джоуна Баррингтон в «Частных записках о времени моей жизни» (Jonah Barrington, «Personal Sketches of His Own Times», 1827, II, 6—7) говорит: «Около 1777 года к „пожирателям огня“ [дуэлянтам] в Ирландии относились с огромным почтением. Ни один молодой человек не мог считать свое образование завершенным, не обменявшись выстрелами с кем-либо из знакомых. Первые два вопроса, которые задавали, желая выяснить репутацию юноши, были: „Из какой он семьи?“ [и] „стрелялся ли он?“». На с. 10—14 Баррингтон цитирует принятый в Клонмелле рукописный кодекс чести. (См. также коммент. о дуэлях к гл. 6, ХХІХ—ХХХ.)

Интересно, нет ли связи между фр. *blasé* («пресыщенный», «скептический») и англ. *to blaze* в значении «стреляться».

Пушкин упоминается в числе «nobles seigneurs... qui... appelaient près d'eux pour s'exercer avec lui dans cet art qu'ils aimaient»* знаменитого фехтовальщика А. Гризье, жившего в России при Николае I («Заметка об [Августине] Гризье» Роже де Бовуара в кн. «Оружие и дуэль» / А. Grisier, «Les Armes et le duel», Paris, 1847).

Варианты

8 В черновой рукописи (2369, л. 16 об.).

Биф-стек <и> <трюфельный> пирог

12—14 В черновой (2369, л. 16 об.) и чистовой рукописях прямо указано, что Онегин дрался на дуэлях.

И хоть он был повеса пылком,
Но предлагать им наконец
Устал <он> саблю иль свинец

* «Знатных господ которые, приглашали к себе, чтобы поупражняться с ним в том искусстве, которое они любили» (*фр.*).

XXXVIII

1—2 *Недуг, которого причину / Давно бы отыскать пора* — Русские критики с огромным рвением взялись за эту задачу и за столетие с небольшим скопили скучнейшую в истории цивилизованного человечества грудку комментариев. Для обозначения хвори Евгения изобрели даже специальный термин. «онегинство», тысячи страниц были посвящены Онегину как чего-то там представителю (он и типичный «лишний человек», и метафизический «денди», и т. д.). Бродский (1950), взобравшись на ящик из-под мыла, употребленный с той же целью за сто лет до него Белинским, Герценом и иже с ними, объявил «недуг» Онегина результатом «царской деспотии».

И вот образ, заимствованный из книг, но блестяще переосмысленный великим поэтом, для которого жизнь и книга были одно, и помещенный этим поэтом в блестяще воссозданную среду, и обыгранный этим поэтом в целом ряду композиционных ситуаций — лирических перевоплощений, гениальных дурачеств, литературных пародий и т. д., — выдается русскими педантами за социологическое и историческое явление, характерное для правления Александра I (увы, эта тенденция к обобщению и вульгаризации уникального вымысла гениального человека имеет приверженцев и в Соединенных Штатах)

3 *...английскому сплину* [см также XVI, 9 — *roast beef*; XXXIII, 8 — *beef-steaks*] — Диета, на которую Пушкин сажает Онегина, лишь способствует его гипохондри: я полагаю, что здесь присутствует любопытная реминисценция, отсылающая нас к «Письмам русского путешественника» Карамзина, где в письме из Лондона (лето 1790 г., не датировано) встречается следующая (уже тогда не соответствующая действительности) мысль: «Рост-биф, биф стекс есть их обыкновенная пища. От того густеет в них кровь; от того делаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самих себя, и не редко самоубийцами <...> [это] физическая причина их [сплина]...»

3—4 *Хандра* («-хондрия») и *сплин* («гипо-») иллюстрируют наглядное разделение словесного труда между двумя нациями, обе из которых известны своей любовью к скуке: англичане взяли себе первую часть слова, а русские — вторую. Конечно, гипохондрия (в первоначальном, широком значении этого слова, не включающем американский оттенок *maladie imaginaire**), не является особенной принадлежностью какого-либо места или времени. Сплин в Англии и скука во Франции вошли в моду в середине XVII в., и в течение последующего столетия французские трактирщики умоляли страдающих сплином англичан не сводить счеты с жизнью в их заведениях, а жители швейцарских гор — не бросаться в их пропасти, к столь крайним мерам не приводила повальная, но протекающая значительно легче скука (*ennui*). Эта тема, даже если ограничиться строго литературными рамками, слишком нудна, чтобы подробно рассматривать ее в нашем комментарии, но несколько примеров привести необходимо в доказательство того, что к 1820 г. скука уже была испытанным штампом характеристики персонажей, и Пушкин мог вволю с ним играть, в двух шагах от пародии, перенося западно-европейские шаблоны на нетронутую русскую почву. Французская литература XVIII и начала XIX в. изобилует мятущимися, страдающими от сплина молодыми героями. Это был удобный прием, он не давал герою сидеть на месте.

* Мнимая болезнь (фр)

Байрон придал ему новое очарование, подлив в жилы Рене, Адольфа, Обермана и их товарищей по несчастью немного демонической крови.

Из произведений, просмотренных мною при работе над Онегиным, рассуждения на эту тему встречаются у следующих авторов: у Вольтера в его «Орлеанской девственнице» (1755), VIII: «[Сир Кристоф Арондель, душа которого была *altière* и *indifférente**] Parfait Anglais, voyageant sans dessein... parcourait tristement l'Italie; / Et se sentant fort sujet à l'ennui, / Il amenait sa maîtresse [леди Джудит Розамор] avec lui...»** (любопытно, между прочим, что эти интонации повторились, столетием позже, у Альфреда де Виньи в его известном высказывании о Байроне и «*sa Guiccioli*» — рифмуется с *lui*); и у Вольтера же в «Женевской гражданской войне» (1767), III, где аналогичный господин, «*milord Abington*», «*voyageait [по Швейцарии] tout excédé d'ennui, / Uniquement pour sortir de chez lui, / Lequel avait, pour charmer sa tristesse, / Trois chiens courans, du punch et sa maîtresse*»***.

Джеймс Босуэлл в «Гипохондрике», № 1 («The London Magazine», 1777, October) пишет: «Льщу себе мыслью, что *Гипохондрик* в качестве собрания регулярно публикуемых очерков будет благожелательно принят в Англии, где недуг, известный под названием меланхолии, гипохондрии, сплина или скуки, давно считается почти что национальной болезнью». Потом, в № 5 (1778, February), он проводит различие между меланхолией и гипохондрией, говоря, что первая «поистине беспросветна», а вторая «фантастически отвратительна». И конечно, на отдельных своих стадиях этот недуг соответствует классическим определениям, данным ему в сочинениях медиков, посвященных гипохондрии и истерии. Во Франции Лафонтен употреблял существительное *hypochondre* («Басни», кн. II, № 18: «*Chatte métamorphosée en femme*»****) в значении «совершеннейший сумасброд», что соответствует лишь первой части Босуэллова определения.

У Лагарпа в «Лицее...» (1799, цитирую по изд. 1825 г., V, с. 261): «*Je ne sais si même en Angleterre, où l'on connaît une maladie endémique qui est le dégoût de la vie, on parlerait ainsi [как и Сенека] de la passion de la mort, et le spleen n'était pas connu à Rome*»+

См. также коммент к XXXVII, 6—10, «*Spleen, noir* » у Парни и «черный сплин» в гл. 6, XV, 3 (в коммент к гл. 6, XV—XVI).

У Нодье в письме другу (Гою) в 1799 г.: «*Je ne suis plus capable d'éprouver aucune sensation vive. ...A vingt ans j'ai tout vu, tout connu.. épuisé la lie de toutes les douleurs... Je me suis aperçu à vingt ans que le bonheur n'était pas fait pour moi*»++.

* Надменная и безразличная (*фр*)

** «Безукоризненный англичанин, путешествовавший без всякой цели .. печально пересекал Италию, / И так как чувствовал себя всецело во власти скуки, / Он вез с собою свою любовницу .» (*фр*)

*** «Милорд Абингтон» «путешествовал, преисполненный скуки, / Исключительно, чтобы не сидеть дома, / И имел, чтобы скрасить свою тоску, / Трех гончих, пунш и любовницу» (*фр*)

**** «Кошка, превратившаяся в женщину» (*фр*)

+ «Я не слышал, чтобы даже в Англии, известной своей национальной болезнью отвращения от жизни, так говорили бы о жажде смерти, а сплин в Риме не был известен» (*фр*).

++ «Я не способен более испытывать никакого живого чувства. . В двадцать лет я уже все видел, все узнал — испил до дна чашу страданий . В двадцать лет я понял, что счастье сотворено не для меня» (*фр*)

Стендаль в 1801 г. (в восемнадцатилетнем возрасте) пишет. «...ma maladie habituelle est l'ennui» («Дневник»)*.

Рене у Шатобриана считал, что существует лишь «par un profond sentiment d'ennui»**.

Мадам де Крюднер (1803) «Quelle est donc cette terrible maladie, cette langueur... ennui insupportable . mal affreux . »*** (размышления, которым предается Гюстав де Линар в «Валери»).

Сенанкур, «Оберман» (1804), письмо LXXV. «Dès que je sortis de cette enfance que l'on regrette, j'imaginai, je sentis une vie réelle, mais je n'ai trouvé que des sensations fantastiques: je voyais des êtres, il n'y a que des ombres: je voulais de l'harmonie, je ne trouvais que des contraires. Alors je devins sombre et profond, le vide creusa mon coeur, des besoins sans bornes me consumèrent dans le silence, et l'ennui de la vie fut mon seul sentiment dans l'âge où l'on commence à vivre»****.

До работы над «Онегиным» Пушкин «Обермана» еще не читал; он приобрел экземпляр первого издания лишь когда неподражаемо очаровательный «Оберман» наконец прославился благодаря эпиграфу в «Делорме» (1829, из первого абзаца письма XLV Обермана) и второму изданию (1833). Интонациям «Обермана» (см. приведенный отрывок) подражает Лермонтов в «Герое нашего времени» (1840): дневник Печорина, «3 июня»

Любопытно полное отсутствие острой пушкинской критики в опубликованной поэтом статье (в «Литературной газете», 1831, XXXII, с. 458—461, см Акад. 1936, т. 5, с. 598), где он сверх всякой меры превозносит бездарный и несамостоятельный лирический сборник «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма» (1829) Сент-Бёва. Он нашел его необычайно талантливым, заявив, что «никогда ни на каком языке голый сплин не изъяснялся с такой сухой точностью» — эпитет самый неподходящий для цветистых банальностей Сент-Бева+.

У Шатобриана, 1837 («Замогильные записки» / «Mémoires d'outre-tombe», ed Levailant, pt. II, bk I, ch. 11): «Une famille de Renés-poètes et de Renés-prosateurs a pullulé; on n'a plus entendu bourdonner que des phrases lamentables et décousues...

* «Скука есть моя привычная болезнь» (фр)

** «Из чувства глубокой скуки» (фр)

*** «Какова же эта страшная болезнь, эта слабость невыносимая скука ужасное зло» (Фр)

**** «Как только я вышел из поры детства, о которой сожалеют, я вообразил, я почувствовал, что такое настоящая жизнь но в ней я нашел лишь фантастические впечатления я искал живых существ, но находил только тени, хотел гармонии, но находил только противоречия Тогда я сделался мрачным, погруженным в себя, пустота терзала мое сердце, бесконечные нужды незаметно истощили меня, жизнь мне наскучила, и это чувство стало для меня единственным в возрасте, когда только начинают жить» (фр)

+ К слову, в одном стихотворении Делорма из этого сборника, посвященном Мюссе, встречается самый смехотворный образ из тех, что мне довелось встретить во всей французской романтической поэзии

..je valsais
Entourant ma beauté de mon bras amoureux,
Sa main sur mon épaule, et dans ma main sa taille,
Ses beaux seins suspendus à mon coeur qui tressaille
Comme à l'arbre ses fruits...

(« я вальсировал / Обнимая мою красавицу влюбленной рукой, / Ее рука у меня на плече, ее стан под рукою моей, / Ее прекрасные груди были подвешены к моему содрогающемуся сердцу, / Как висящие с дерева плоды » — фр) (Примеч В Н)

il n'y a pas de grimaud . qui, à seize ans, n'ait épuisé la vie .. qui, dans l'abîme de ses pensées, ne se soit livré au „vague de ses passions“»*

Наконец, у Байрона в «Дон Жуане», XIII, CI, 5—8:

For *ennui* is a growth of English root,
Though nameless in our language — we retort
The fact for words, and let the French translate
That awful yawn which sleep can not abate**

(Последняя строчка очень удачна, завершающее ее *abate* великолепно имитирует зевок.)

Пишо здесь дает примеч. 40. «*Ennui* est devenu un mot anglais à la longue Nos voisins ont les mots *blue devils*, *spleen*, *etc*, *etc*»***

И Байрона, и Пишо опередила Мария Эджуорт со своей переводчицей мадам Э. де Бон: «Этот недуг [*ennui*] не имеет точного английского названия, но, увы! в Англии прижилось его чужеземное имя» (Мария Эджуорт, «*Ennui*, или Воспоминания графа Гленторна» [написано в 1804, опубликовано в Лондоне в 1809], гл. I Эта «Повесть о светской жизни», где завязкой служит подмена младенца, появилась на французском языке в 1812 г., но была на континенте не очень популярна).

Г. Фонсгрив (G. Fonsegrive) описывает *ennui* в *La Grande Encyclopédie*, vol. XV (ок. 1885), его определение (мною здесь переведенное) верно для гипохондрических настроений всех вымышленных персонажей онегинского духа «„*Ennui*“ есть ощущение печали, тревожной и непонятной, происходящее из чувства апатии и бессилия ..

Насладившись чем-либо, склонный к размышлению человек с удивлением сознает, сколь пусто любое наслаждение .

Несколько раз отметив несоответствие надежды и действительности .. он склонен видеть в этом закон природы . Таково состояние духа Рене

Приверженность эпикурейству также порождает *ennui*»

Судя по прочитанным мною английским и французским романам начала XIX в., для их героев, страдающих описанным недугом, существовало четыре основных лекарства, четыре варианта поведения. 1) ужасно всем надоесть; 2) покончить жизнь самоубийством; 3) вступить в какое-нибудь основательное религиозное общество; 4) тихо смириться.

Вокабуляр, обслуживающий *ennui*, включает также «тоску» и «скуку», которые Пушкин, из просодических соображений, часто использует как синонимы к «хандре».

- 9 *Child-Horald* — произносится «Чильд-Гарольд», под влиянием французского произношения «Шильд-Арольд». Это — Чайльд Гарольд, герой байроновского «романа» (1812), чье лицо «часто в неистовом, веселом настроении странную

* «Род Рене-поэтов и Рене-прозаиков размножился, все умолкло, кроме шума жалких, бессвязных фраз — не осталось школяра — который бы в шестнадцать лет не пресытился жизнью — который в мысленной пучине не предался бы „неопределенности своих страстей“» (*фр.*).

** Ибо *ennui* выросла на английской почве, / Хотя на нашем языке ее нет названия — / У нас это слово оборачивается действием, и мы предоставляем французам переводить / Ту ужасную зевоту, которую не может ослабить даже сон (*англ.*)

*** «Скука стало со временем английским словом У наших соседей есть слова *blue devils*, *spleen* и т. д. и т. п.»

муку выражало» (песнь I, VIII), который никем «не был любим» (IX) и чья «молодость была растрачена в безумнейших причудах» (XXVII), у него бывают «приступы хандры» (XXVIII), он «обречен ненавидеть себя, каким он стал из-за «усталости, порожденной / Всем, что ему встречается» — «постоянной, нескончаемой мрачности, / Знаменитой тоски Агасфера» (четырёхстопная вставка после LXXXIV) и т. д.

В отвергнутом чтении этого стиха в черновой рукописи (2369, л. 16 об) вместо героя Байрона упомянут Адольф — герой Бенжамена Константа.

Пишо и де Салль в открывающем т. I «Oeuvres de Lord Byron» (1819) содержании пишут заглавие поэмы как «Childe-Arold». В четвертом французском издании в т. 2 (1822) поэма названа «Childe-Harold», «poëme romantique» (что, кстати, объясняет, почему Пушкин в своем знаменитом письме из Одессы в Москву весной 1824 г. назвал своего *ЕО* «пестрыми строфами романтической поэмы») Позднее во французском написании установился не только дефис, но и исчезло последнее «е» в первом слове; так, у Беранже в 1833 г. в примечании к куплетам, посвященным Шатобриану, стоит «le chanteur de Child-Harold est de la famille de René»*.

Ср. конец гл. I, XXXVIII *ЕО* со строфой VI песни I Байрона во французском переводе: «Or Child-Harold avait le coeur malade d'ennui... Il allait errer seul, et dans une triste rêverie»**.

Французская традиция и французское произношение, кое-какое понятие об английском «ch», транскрибирование на русский со смеси английского и французского и, наконец, но не в последнюю очередь, небрежность наборщиков — все это в совокупности привело к тому, что имя Чайльд Гарольда еще в прижизненных изданиях *ЕО* претерпело следующий ряд мутаций

Child-Harold (фр), гл. I, XXXVIII, 9 — 1825, 1829 (так же и в черновой рукописи, 2369, л. 16 об);

Child-Horald (фр), гл. I, XXXVIII, 9 — 1833, 1837,

Чильд Гарольд, гл. 4, XLIV, 1 — 1828, 1833, 1837 (в черновой рукописи, 2370, л. 77 об. и в обеих белых — через дефис);

Чельд Гарольд, примеч. 4 — 1825,

Чильд Гарольд, примеч. 4 — 1829,

Чальд Гарольд, примеч. 5 — 1833,

Чальд Гаральд, примеч. 5 — 1837.

Последние четыре варианта встречаются в примеч. 4 к гл. I, XXI, 4 В черновом наброске этого примечания у Пушкина стоит сокращение «Ч. Н», как если бы он напоминал себе, что «ch» правильно произносится как русское «ч», а не как французское «ш»

Русское «Гарольд», как, конечно же, и французское «Harold», имеет ударение на последнем слоге Дефис появился по аналогии с французскими двойными именами (типа Шарль-Анри). На самом деле, конечно, «Чайльд» является архаическим обозначением юноши благородных кровей, особенно будущего носителя рыцарского звания.

См. также мой коммент. к гл. 4, XLIV, 1

* « Певец Чайльд-Гарольд происходит из семьи Рене» (фр)

** «Итак, сердце Чайльд-Гарольда изнывало от тоски Он одиноко бродил, погруженный в безотрадные думы» (фр).

Русские комментаторы упорно не замечают того важного факта, что в пушкинскую эпоху русские писатели знали литературу Англии, Германии и Италии, как и произведения древних, не по оригиналам, а по несметным пересказам неутомимых французов. Лубочные русские переложения французских романов читали только низшие сословия, а восхитительная музыка баллад Жуковского, написанных по мотивам английских и немецких поэм, завоевали русской литературе такую славу, что ущерб, нанесенный Шиллеру или Грэю, не имел большого значения. Дворянин-литератор, петербургский щеголь, скупающий гусар, образованный помещик, провинциальная барышня в осененном липами замке из крашеного дерева — все они читали Шекспира и Стерна, Ричардсона и Скотта, Мура и Байрона, а также немецких романистов (Гете, Августа Лафонтена) и итальянских поэтов (Ариосто, Тассо) во французских переложениях, и только в них.

Первым французским переводчиком Байрона был, кажется, Леон Тьессе (Léon Thiessé, «Zuleika et Sélim, ou la Vierge d'Abydos», Paris, 1816), но его переводы читали мало. Отрывки из четырех песен «Чайльд Гарольда» и фрагменты из «Шильонского узника», «Корсара» и «Гяура» были анонимно опубликованы в Женевской универсальной библиотеке в серии «Литература», т. V—VI (1817), VII, IX (1818) и XI (1819). Именно об этих переводах (которые сам Байрон, недостаточно знавший французский, ставил выше пишотовских¹) идет речь, например, в письме Вяземского А. Тургеневу в Петербург от 11 октября 1819 г. «Я все это время купаюсь в пучине поэзии: читаю и перечитываю лорда Байрона, разумеется, в бледных выписках французских»²³ Примерно в то же время на тот же женевский источник вынуждены были полагаться Ламартин и Альфред де Виньи во Франции.

К 1820 г. нетерпеливые русские читатели уже могли получить четыре начальных тома первого издания (1819) сочинений Байрона, переводы которых выполнили Пишо и де Салль; в этих-то прозаических переложениях, жалких и искаженных подобиях оригиналов, Пушкин впервые и прочитал (возможно, по дороге из Петербурга в Пятигорск, и уж наверняка в Пятигорске, летом 1820 г., вместе с братьями Раевскими, см. коммент. к XXXIII) «Корсара», «Манфреда» и первые две песни «Паломничества Чайльд Гарольда». Видение о барышнях Раевских (знавших английский от гувернантки), в беседках либо во гротах обучающих влюбленного, но усердного Пушкина языку Байрона, — не более чем легкий бред русских издателей. Необходимо отметить, что, превращая всю поэзию Байрона в гладкую французскую прозу, Пишо не только не заботился о точности, но методично переписывал байроновские тексты самым легкочитаемым, то есть самым банальным, французским языком прошлого столетия.

В том первом издании сочинений Байрона переводчики, Amédée Pichot и Eusèbe de Salle, сохранили анонимность. Во втором издании они подписались общим псевдонимом *A. E. de Chastopalli*, что является (неточной) анаграммой их имен и, по нелепой случайности, звучит сходно с русским словом «шести-палый». Во время подготовки третьего издания А. П. и Э. д. С. поссорились (см. примечание Пишо, VI, с 241), и начиная с восьмого тома (1821) Пишо остался в творческом одиночестве. Вот краткое описание четырех изданий этого монументального и бездарного труда; все они выпущены парижским издателем *Ladvocat* (более подробные библиографические сведения см. в каталоге Французской национальной библиотеки и в перечне переводов на французский язык

у Эдмона Эстева в книге «Байрон и французский романтизм» (Edmond Estève, «Byron et le Romantisme français», Paris, 1907, p. 526—533):

(1) «*OEuvres de lord Byron*», перевод с английского, в 10-ти т., Париж, 1819—1821 (в т. 1, 1819, вошли «Le Corsaire», «Lara» и «Adieu»; в т. 2, 1819 — «Le Siège de Corinthe», «Parisina», «Le Vampire», «Mazeppa» и стихотворения, в т. 3, 1819 — «La Fiancée d'Abydos» и «Manfred»; в т. 4, 1819 — первые две песни из «Le Pèlerinage de Childe-Harold»; в т. 5, 1820 — третья песнь из «Childe-Harold», «Le Giaour» и «Le Prisonnier de Chillon»; в т. 6, 1820 — первые две песни из «Don Juan»; в т. 7, 1820 — четвертая песнь из «Childe-Harold»; в т. 8, 1820 — «Верро» и стихотворения; в т. 9, 1820 — четыре акта «Marino Faliero»; в т. 10, 1821 — пятый акт «Marino Faliero», стихотворения и «Les Poètes anglais et les Critiques écossais»).

(2) *OEuvres complètes de lord Byron*, перевод А. Е. de Chastopalli (первые три тома) и А. Р. (последние два тома), в 5-ти т., 1820—1822 (в т. 2, 1820, вошли «Le Giaour», первые две песни из «Don Juan» и «Верро», в т. 3, 1820 — «Childe Harold» и «Vampire», из последующих изданий исключенный).

(3) *OEuvres complètes de lord Byron*, перевод А. Р. и Е. D. S. (первые семь томов) и А. Р. (последние три тома), в 10-ти т., 1821—1822.

(4) *OEuvres de lord Byron*, «4e édition entièrement revue et corrigée», «в переводе А. Р...», с предисловием Шарля Нодье, в 8-ми т., 1822—1825 (первые пять томов вышли в 1822 г., в т. 2 вошел «Childe-Harold»; в т. 6, 1823 — первые пять песен из «Don Juan», а в т. 7, 1824 — все остальные).

В своем комментарии я пользовался 2-м и 4-м изданиями.

Пушкин, находясь в Михайловском, написал Вяземскому в Москву в ноябре 1825 г.: «Прочитав первые 2 [песни „Дон Жуана“], я сказал тотчас [Николаю] Раевскому, что это chef-d'oeuvre Байрона, и очень обрадовался, после увидя, что W. Scott моего мнения» (отзыв Скотта, опубликованный в «Эдинбургском еженедельном журнале» от 19 мая 1824 г. цитировался русскими изданиями)

Первые две песни «Дон Жуана» Пишо вышли в т. 4 в 1820 г., и впервые Пушкин прочел их, вместе с последними двумя песнями «Паломничества» не раньше января 1821 г. и не позднее мая 1823 г., либо в Каменке (Киевской губернии), либо в Кишиневе. Впоследствии, но не позднее осени 1824 г., к нему попал 6-й том 4-го (1823), пишотовского издания с уже известными ему двумя песнями из «Дон Жуана» и с тремя следующими.

В том же письме Вяземскому, из Михайловского в Москву в ноябре 1825 г., приведенному выше фрагменту предшествуют следующие слова: «Что за чудо Д[он] Ж[уан]! Я знаю только 5 перв. песен».

Наконец, в декабре 1825 г. Пушкин, в Михайловском, с помощью своих приятельниц Аннеты Вульф и Анны Керн получил из Риги (служившей окном в западную литературу) остальные одиннадцать песен «Дон Жуана» в 7-м пишотовском томе (1824).

Здесь, возможно, уместны будут несколько хронологических примеров, иллюстрирующих единоборство поэта с английским языком. Большей частью они основаны на рукописях, собранных Львом Модзалевским, Цявловским и Зенгер в публикации «Рукою Пушкина» (М., 1935)

В силу каких-то необъяснимых причин в аристократических русских семьях начала 1800-х гг. французскому языку обучали и сыновей, и дочерей, английскому же — часто только дочерей. У Ольги, сестры поэта, одно время была английская гувернантка, мисс или миссис Бейли (Bailey или Baillie), однако

точно известно, что, уезжая в 1820 г. из Петербурга в свою плодотворную южную ссылку, Пушкин английского не знал. Как и большинство русских, он не был силен в языках: даже его французский, освоенный в детском возрасте, был лишен индивидуальности и, судя по письмам поэта, на протяжении всей его жизни сводился к блестящему владению речевыми штампами XVIII в. Во всех своих периодически (с начала 1820-х по 1836 г.) предпринимаемых попытках изучить английский самостоятельно Пушкин так и не продвинулся дальше начальной стадии. Из его одесского письма Вяземскому в июне 1824 г. мы узнаем, что он по-прежнему произносит «Чильд Гарольд», что лишь на полшага отличается от французского произношения.

В 1821 или 1822 г., взявшись без подстрочника переводить первые четырнадцать строчек байроновского «Гяура» на французский (характерен выбор языка перевода!), Пушкин, словно двоечник-школяр, передает «the Athenian's grave» («надгробие афинянина») как «la grève d'Athènes» — «песчаный берег Афин», тогда как в его волшебном русском это словосочетание преобразилось в «прах Афин».

Пытаясь в 1833 г. с помощью англо-французского словаря сделать дословный перевод начала «Прогулки» Вордсворта, Пушкин неверно понимает такие простые выражения, как «brooding clouds» («нависшие облака»), «twilight of its own» («внутренний сумрак [в пещере]»), «side-long eye» («краем глаза, боковым зрением»), «baffled» («затрудненный») (тетрадь 2374, л. 31 и 31 об)²⁴.

В 1835 г., работая над заметками, основанными на «Mémoires de lord Byron» (изд. Thomas Moore, перевод Mme Louise Sw[anton]-Belloc, Paris, 1830), Пушкин, в ужасной французской манере, как и десятью годами раньше в черновике *EO*, гл. 2, XXIb, 1, расшифровывает «Mrs» (миссис) как «мистрисс»²⁵.

В 1836 г. он по-прежнему не знаком с простейшими английскими формами и, переводя на русский, прозой, стих 14 «To Ianthe» («Ианте»), передает «guileless beyond...imagining» («простодушный сверх всякого воображения») как «не обманчивая пред воображением», а «hourly brightening» («прояснение на час») как «минутное сияние»²⁶.

Неудивительно, что в «Cours de langue anglaise...» (СПб, 1817) П. Дж. Поллока разрезано лишь несколько страниц, и то не подряд*.

11 *бостон* — это не танец, а карточная игра, родственница виста «Русский бостон» лишь немногим отличается от обычного (например, главная масть в нем не червонная, а бубновая) и представляет собой разновидность бостона-фонтенбло.

12 *Ни милый взгляд, ни вздох нескромный* — Здесь, чтобы точно перевести русский четырехстопный стих, понадобилась вся длина английского александрийского стиха! Случай поистине редкий, парадоксальный.

13 *Ничто не трогало его* — Галлицизм (*rien ne le touchait*), который до самого 1860 г. осуждали даже некоторые западники. Сегодня это сочетание в русском языке совершенно естественно.

* Согласно «Библиотеке А. С. Пушкина» Бориса Модзалевского, библиографическому описанию принадлежавших Пушкину книг, в *П и его совр.*, 1909, т. 3, вып. 9-10 с. 312. (Примеч. В. Н.)

Варианты

- 3 Черновая рукопись (2369, л. 16 об)
Дурное подражанье сплину
- 9 Черновая рукопись (там же), отвергнутое чтение:
Но как Адольф угрюмыи томиыи

XXXIX, XL, XLI

В пушкинских рукописях не найдено ничего, что могло бы изначально составлять содержание этих строф. В белой рукописи строфа XLII идет сразу за XXXVIII. Не исключено, что пропущенные строфы есть фикция, несущая некую мелодическую нагрузку — это обманная задумчивость, придуманный трепет сердца, мираж моря чувств, ложное многоточие ложной недосказанности

XLII

- 6 *Толкует Сея и Бентама* . — Неподражаемый Бродский дает понять, что «буржуазный либерализм» Жана Батиста Сея, автора «Трактата по политической экономике» («*Traité d'économie politique*», 1803), и «пророческая болтовня» (по выражению Маркса) ученого-юриста Иеремии Бентама (1748—1832) не могли удовлетворить подсознательно свойственного Онегину большевизма. Прелестно. Позднее в библиотеке Пушкина появились «Сочинения И. Бентама, английского юрисконсульта» («*Oeuvres de J. Bentham, jurisconsulte anglais*», Brussels, 1829—1831, 3 vols, страницы не разрезаны). Был у него и «Томик, содержащий некоторые заметки о людях и обществе» Сея («*Petit Volume contenant quelques aperçus des hommes et de la société*». 2nd edn., Paris, 1818).
- 9 *непорочны* — «чисты», «незапятнаны», «безгрешны» — вот возможные толкования этого неоднозначного эпитета.
- 13 *Так неприступны* . — Надев маску схолиаста, Пушкин в примечании 7 отсылает читателя к посмертно (1818) изданной книге г-жи де Сталь «Десятилетие изгнания» («*Dix Ans [или Années] d'exil*») Я изучил последние десять глав, в которых не слишком наблюдательная де Сталь рассказывает о своей поездке в Россию в 1812 г. (она приехала в июле), неожиданно совпавшей по времени с эскападой Наполеона, гораздо менее удачной. Пушкин, конечно же, имеет в виду тот фрагмент ч. II, гл. 19, где путешественница описывает престижный петербургский пансион для барышень: «*La beauté de leurs traits n'avoit rien de frappant, mais leur grâce étoit extraordinaire, ce sont des filles de l'Orient, avec toute la décence que les mœurs chrétiennes ont introduite parmi les femmes*»*. Пушкина, должно быть, сильно позабавили эти «*décence*» и «*mœurs chrétiennes*» — поэт не питал иллюзий относительно моральных устоев своих прекрасных современниц. Круг иронии замкнулся

* «В красоте их черт не было ничего вызывающего, но они были исполнены необычайной прелести, это были девы Востока, державшиеся со всем приличием, какое христианские нравы привили женщинам» (*фр*)

Вариант

9—12 В первой редакции главы:

К тому ж оии так величавы,
Так непорочиы, так умиы,
Так благочестия полиы
Так чисто сохраияют нравы

XLIII

1 *Красотки молодые* — куртизанки, которых лихо уносят открытые легкие дрожки молодых повес. Экипаж этот пришел в Англию под претерпевшим целый ряд транслитераций названием «droitzschka» («дройцшка»), но к концу 1830-х гг. в Лондоне уже назывался «дроскер» или «дроски», почти вернувшись к своему исконному имени «дрожки».

В беловых рукописях Пушкин колебался между «красотками» и «гетерами», или, как их отвратительно именовали тогда в Лондоне, «кипридами». По-русски приличного названия для этих девушек (многие из которых были из Риги или Варшавы) не существовало. В XVIII в. писатели, и Карамзин в том числе, пытались из «filles de joie» сотворить невозможных «нимф радости».

2 *дрожки удалые* — трудный для перевода эпитет. Он охватывает спектр значений от «веселый», «бойкий», «лихой» до удачливости, бесшабашной отваги и той щеголеватой силы, что ассоциируется с пиратами и бандитами с большой дороги. Ономатопеичность начального «у» (в существительном «удаль» оно еще и ударное), напоминающего боевой клич, протяжный вопль, вой ветра или стон страсти, в сочетании с «д», «а» и «ль», составляющими слово «даль», фр. *le lointain* (не просто далекое расстояние, но романтика дали, туманность дали) придает напевность мужественным словам «удаль», «удалой», «удалый». Чуть дальше Пушкин использует «удалая» как традиционный эпитет к слову «песня»

3—4 *По петербургской мостовой* — произносится «па петербургской маставой». Обратите внимание на двойной скад и на захлестнувший стих торопливый повтор «па» и «пе». Пушкин воспользовался этим же приемом в поэме «Медный всадник» (с подзаголовком «Петербургская повесть», 1833), в ч. II, стихе 188, где ожившая статуя царя Петра с тяжелым грохотом (безударные «о» звучат как «а») скачет

По потрясенной мостовой

Здесь два одинаковые «па» взрывают начало стиха, придавая ему еще большую звучность (в такт стуку бронзовых копыт).

В Петербурге улицы были вымощены либо булыжником, либо щебнем. Около 1830 г. начали мостить шестиугольными сосновыми торцами, подогнанными друг к другу, словно рукой столяра.

6 *Отступник бурных наслаждений...* — Немного похожее определение, «отступник света», было дано поэтом (в конце августа 1820 г., в Крыму, в Гурзуфе) безымянному русскому дворянину, герою «Кавказского пленника», который, «в сердцах друзей нашед измену, / В мечтах любви безумный сон», и (стихи 75—76)

Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты, —

отправился на далекий Кавказ (в окрестности Пятигорска, единственного знакомого тогда Пушкину места на Кавказе) в байроническом поиске внутренней «свободы», вместо которой нашел плен. Герой этот — смутный и наивный прототип Онегина.

XLIV

- 2 *душевной пустотой..* — Ср. письмо Байрона Р. Ч. Далласу от 7 сентября 1811 г.. «мое существование — мрачная пустота».
- 4 *Себе присвоить ум чужой..* — расхожее выражение того времени. Ср. с «Монахом» Мэттью Льюиса (Matthew Lewis, «The Monk», 1769), гл. 9: «Не в силах вынести подобную неопределенность, [Амброзио] в надежде отвлечься от нее, попытался присваивать себе мысли других».
- 7 *обман* — это не чарующий вымысел любимых романов Татьяны, а дешевая фальшь модных философствований и политического интриганства.
- 12—14 С коротенькой «профессиональной» репликой «в сторону» на сцену возвращается второй главный герой главы — Пушкин; он, а не Онегин критикует в этой строфе современную литературу; и с XLV до последней, LX строфы гл. 1, за исключением строф LI—LV (да и то в первых двух из них голос Пушкина вполне различим), поэт будет играть главную роль.

Вариант

- 14 В черновой рукописи (2369, л. 17 об.) Пушкин колебался между «розовой» тафтой и «зеленой».

XLV

В отдельном издании первой главы 1825 г. эта и следующая строфа шли в обратном порядке.

- 2 *.отстав от суеты.* — Суета здесь подразумевает одновременно суматоху, толчею, приземленность, тщеславие и праздность. Сейчас слово обычно употребляется в первом из перечисленных значений, за исключением выражения «суета сует» (лат. *vanitas vanitatum*). Пушкин и другие русские поэты того времени страдали романтическим пристрастием к этому слову, употребляемому ими в том же значении, что «fever of the world» («светская лихорадка») Вордсворта и «stir and turmoil of the world» («шум и волнение света») Кольриджа. От первого приведенного мною значения образуется прилагательное «суетливый» (суматошный), от четвертого — «суетный» (тщеславный, бессодержательный, пустой).
- 3 *С ним подружился я в то время* — Под этой строкой в черновой рукописи (2369, л. 17 об.) Пушкин начертил пером свой собственный несколько обезьяний профиль — с длинной верхней губой, острым носом и круто вывернутой ноздрей

(напоминающей письменную h или перевернутую семерку; эта ноздря повторяется как ключевая черточка на всех его автопортретах. Воротник кембриковой сорочки английского покроя туго накрахмален, и углы, словно шоры, торчат вперед и вверх по обеим сторонам лица. Волосы короткие. Похожие рисунки встречаются (согласно Эфросу, с. 232) в той же тетради на л. 36 и 36 об. (черновики XXVII и XXIX—XXX гл. 2).

4 *черты* — галлицизм *ses traits* — его черты, его «линии».

5 *Мечтам невольная преданность* [обратите внимание на архаичное ударение на слоге *-дан-* вместо современного на *пре-*]. Ср гл. 7, XXII, 12: *Мечтанью преданной безмерно*.

Предполагается, что мечты Онегина эгоцентричны и бесплодны, в отличие от нежной *Schwärmerei** Ленского (см. коммент. к гл. 2, XIII, 5—7). О чем именно мечтал в 1820 г. Онегин, нам не известно, да и не важно (русские комментаторы хотели бы надеяться, что «о предметах политико-экономических»); но что мечты эти были не лишены широты и фантазии, мы, гораздо позже, сможем заключить, прочтя одну из самых прекрасных и вдохновенных строф романа — гл. 8, XXXVII, в которой Онегин размышляет о своем прошлом.

6 *Странность, странный* — то же самое, что фр. *bizarrierie, bizarre*, так настойчиво употребляемые французскими романистами конца XVIII и начала XIX в. для характеристики своих чудаковатых, но привлекательных героев. Пушкин наделяет этим эпитетом и Онегина, и Ленского (ср. гл. 2, VI, 11—12; по-французски это было бы «un tempérament ardent et assez bizarre»**).

Итак: портрет «молодого повесы», появившегося в строфе II, написан. Получился симпатичный молодой человек, которым — несмотря на равнодушие к поэзии и отсутствие каких-либо творческих способностей — более правят «мечты» (нереалистичное восприятие жизни, неосуществимые идеалы, обреченное честолюбие), чем разум; крайне странный — хотя в чем именно его странность заключается, автор нигде прямо не объясняет; наделенный холодным и язвительным умом — вероятно, более тонким и зрелым, чем тот, что диктует ему резкие, вульгарные слова в разговоре с Ленским (гл. 3, V); мрачный, углубленный в себя, скорее разочарованный, нежели ожесточенный; еще молодой, но весьма изощренный в «страстях»; чувствительный и независимый юноша, от которого отвернулись — или вот-вот отвернутся — и Фортуна, и Человечество.

Пушкин в тот период своей жизни, куда он ретроспективно поместит встречу с собственным героем (якобы преследуемым непонятными силами, из коих яснее всего угадываются бессердечные возлюбленные и старомодные гонители романтизма), имел неприятности с политической полицией из-за своих антидеспотических (а не прореволюционных, вопреки распространенному мнению) стихов, широко разошедшихся в списках, и вскоре (в начале мая 1820 г.) был сослан в одну из южных губерний.

Эта строфа — одна из самых важных в главе. В ней мы видим двадцатичетырехлетнего героя (родившегося в 1795 г.) глазами двадцатичетырехлетнего автора (Пушкин родился в 1799 г.) Это не просто сжатое описание онегинского характера (все дальнейшие подходы к его раскрытию, представленные в романе,

* Мечтательность (*нем*)

** «Пылкий и довольно странный темперамент» (*фр*)

который охватит пять лет жизни Онегина, 1820—1825, и восемь лет творчества Пушкина, 1823—1831, будут либо вариациями на эту тему, либо медленным, как во сне, дроблением ее истинного смысла). Это еще и точка соприкосновения Онегина со вторым главным героем главы — Пушкиным, чей образ с самого начала постепенно выстраивался из отступлений или кратких реплик — ностальгических вздохов, чувственных восторгов, горьких воспоминаний, «профессиональных замечаний» и общего шутливого тона: II, 5—14, V, 1—4, VIII, 12—14 (в свете авторского примеч 1), XVIII, XIX, XX (Пушкин обгоняет Онегина и появляется в театре раньше него, так же как и на балу в XXVII); авторское примеч 5 к XXI, 13—14; XXVI (к которой подводят реплики «в сторону» в трех предшествующих строфах), XVII (ср с XX), XXX, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV (ностальгическое отступление о балах и ножках, развивающее ностальгическую тему балета в XIX, XX), XLII (вместе с авторским примеч 7), XLIII, 12—14.

Теперь поэт встречается со своим героем на равных и, перед тем как отмежеваться от него в строфах XLV, XLVI и XLVII, показывает то, что их роднит. Вместе с Онегиным Пушкин будет вслушиваться в ночные звуки (XLVIII), пустится в третье ностальгическое отступление («над морем», XLIX, L), потом расстанется с Онегиным (LI, 1—4); вспомнит, как в строфе II представлял его читателю (LII, 11), «заметит разность» между собой и Онегиным (LV, LVI), а тем самым между собой и Байроном (который, несмотря на все предварительные заверения, байронизировал своих героев), и завершит главу несколькими профессиональными наблюдениями (LVII, LVIII, LIX, LX)

- 8 *Я был озлоблен, он угрюм* — Сиюминутное дурное настроение автора (в белой рукописи еще более свойское «я был сердит») противопоставляется типической угрюмости его старшего приятеля, Онегина. Вот основные прилагательные, передающие оттенки онегинского англо-французского уныния, разбросанные по ходу всего романа *томный, угрюмый, мрачный, сумрачный, пасмурный, туманный*

Их не следует путать с теми, что описывают задумчивость, свойственную не только Онегину, но и другим героям созданного в романе мира: *тоскующий, задумчивый, мечтательный, рассеянный*.

Эпитеты третьей группы, описывающие состояние меланхолии, встречаются рядом с именем Онегина, но особенно щедро они окружают более поэтичных героев — Пушкина, Ленского и Татьяну *грустный, печальный, унылый*

XLVI

В издании 1825 г. эта строфа шла перед XLV. Ошибка была исправлена в списке опечаток, приложенном к отдельному изданию шестой главы (1828)

- 1 *Кто жил и мыслил ; 13 шутке, с желчью пополам...* — Ср. «Максимы и мысли» Шамфора («Maximes et pensées» in Oeuvres de Chamfort), «recueillies et publiées par un de ses amis [Pierre Louis Ginguiné]»* (Paris, 1795), IV, 21 «La meilleure Philosophie, relativement au monde, est d'allier, à son égard, le sarcasme de a gâté avec l'indulgence du mépris»** (См также коммент. к гл. 8, XXXV, 4).

* «Собранные и изданные одним из его друзей [Пьером Луи Генгине]» (фр.)

** «В отношении света лучшая философия, на его взгляд, — это сочетание живого сарказма и презрительного снисхождения» (фр.)

В черновике под последними строчками этой строфы Пушкин нарисовал фигуру черта в темной пещере и прочую нечисть (2369, л. 18)

1—9 Стихи 1—7 едва заметно имитируют косвенную речь, а в 8—9 слышна обращенная на нее ирония. Речь Онегина полна псевдофилософических клише того времени. Ср. «...мы оба знали свет так хорошо и в таком его разнообразии, что не могли в душе не испытывать презрения к мифической значительности литераторов» (Вальтер Скотт, «Дневник», запись от 22 ноября 1825 г. о Томасе Муре).

XLVIa

Черновой фрагмент (2369, л. 29 об., там же черновой набросок гл. 2, XVIa), возможно, фальстарт очередной строфы:

Мне было грустно, тяжко, больно
Но одолев меня в борьбе
Он сочетал меня невольно
Своей таинственной судьбе —
Я стал взирать его очами
С его печальными речами
Мои слова звучали в лад

5—7 *Я стал взирать его очами, / С его печальными речами / Мои слова звучали в лад.* — Великолепная четырехкратная аллитерация на -ча-, которая у Пушкина столь часто украшает строки, проникнутые наиболее пронзительным чувством; два самых известных примера — «очи очаруют» в «Талисмане» (1827) и «очей очарованье ...прощальная краса» в стихотворении «Осень» (1833). Для русского слуха звук ч, встречающийся во многих красивых словах («чудо», «чары», «чувство», «чу»), ассоциируется с соловьиной трелью.

Другая восхитительная аллитерация на ч встречается в «Бахчисарайском фонтане» (стихи 493—496), где она передает и чувство, и звук:

Есть надпись едкими годами
Еще не сгладилась она
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода

У Баратынского похожая и даже более последовательная аллитерация есть в поэме «Бал» (1827, стихи 157—160)

Следы мучительных страстей,
Следы печальных размышлений
Носил он на челе, в очах
Беспечность мрачная дышала

(*Беспечность мрачная* — типичный для Баратынского тугой узел смещенных значений.)

Комментаторы сравнивают гл. 1, XLVIa с пушкинским стихотворением «Демон» (1823), особенно с первым его наброском, и отождествляют «искусителя» с Александром Раевским (с которым наш поэт познакомился летом 1820 г. в Пятигорске), сыном генерала Николая Раевского, в Одессе Раевский-младший волочился за графиней Елизаветой Воронцовой, и есть предположение, что, когда туда приехал Пушкин (проживший в Одессе в 1823—1824 гг.), Раевский

сделал своего менее искушенного приятеля ее любовником, чтобы отвести от себя подозрения мужа графини. (См. также коммент. к гл. 1, XXXIII, 1.)

Можно предположить, что в тогдашних посланнях друг к другу Пушкин и Элиза Воронцова осуждали либо прощали Раевскому его цинизм, — и тогда следующим шагом будет предположение о происхождении главного эпиграфа к роману; но это уже в чистом виде *biographie romancée**.

Перевод «Демона»** и продолжение «раевскианы» см. в коммент. к гл. 8, XII, 7.

XLVII

1—2 Издание «Литературный архив» (1938, вып. 1) воспроизводит (на вклейке перед с. 76) прекрасную гравированную таблицу из пушкинской библиотеки, показывающую, когда, на протяжении 106 лет, замерзала и освобождалась ото льда Нева («Хронологическое изображение вскрытия и замерзания реки Невы в С.-Петербурге с 1718 по 1824 год»). В 1820 г. река вскрылась 5 апреля, примерно на неделю раньше, чем обычно, и на три недели позже самого раннего срока. Апрель и начало мая (кроме дня 1 мая, сырого и холодного, согласно «Отечественным запискам», 1820, II) были теплыми, но 13 мая случилось резкое понижение температуры; а 7 июня Карамзин писал из Петербурга Дмитриеву: «Нынешним летом нельзя хвалиться. мы еще не видали красных дней»²⁷.

Онегин уехал из Петербурга примерно тогда же, когда и Пушкин (9 мая 1820 г.); гулять по невским набережным летней, а скорее даже весенней ночью они могли не позднее первой недели мая по старому стилю или не позднее числа 20-го по новому (конечно, если прогулка почему-либо не отнесена к 1819 г.). В это время года на 60° северной широты солнце садится в 8.30 вечера и встает в 3.15 утра; вечерние сумерки длятся почти до самой полуночи, а затем через полчаса начинает светать. Это знаменитые «белые ночи» (короче всего они в июне: закат в 9.15 вечера, рассвет в 2.30 утра), когда небо «прозрачно и светло», а луны почти не видно.

3 Произведение Гнедича «Рыбаки», о котором Пушкин говорит в примечании 8, — многословная и монотонная эклога (нерифмованный пятистопный амфибрахий), изображающая двух пастухов, рыбачащих с берега одного из невских островов (скорее всего, Крестовского). Пушкин цитирует первое издание части II («Сын отечества», 1822, VIII), которое немного отличается от окончательного текста (1831). Эта нудная цитата была, несомненно, продиктована благодарностью поэта Гнедичу за руководство изданием «Руслана и Людмилы» в 1821 г.

4—6 Вот прелестный пример того, как посредник-Пишо прокрался наперед Байрона: в магических модуляциях этой строфы есть строчки, где Пушкин с мечтательной печалью вспоминает свои прогулки с Онегиным по Дворцовой набережной.

Ср.: «Чайльд Гарольд», II, XXIV.

Thus bending o'er the vessel's laving side,
To gaze on Dian's wave-reflected sphere,

* Биографический роман (*фр*)

** В настоящем издании текст «Демона» на английском языке не воспроизводится.
(*Ред*)

The Soul forgets her schemes of Hope and Pride,
And flies unconscious o'er each backward year

(Так, склонясь над бортом омываемого морем судна,
Чтобы смотреть на волною отраженный шар Дианы,
Душа забывает о своих надеждах и гордых планах
И бессознательно улетает к прошедшим годам)

Жалкий французский пересказ (Пишо, изд. 1822 г.) «*Penchés sur les flancs arrondis du vaisseau pour contempler le disque de Diane, qui se réfléchit dans le miroir de l'Océan [отсюда у Пушкина «вод... стекло»], nous oublions nos espérances et notre orgueil notre âme se retrace insensiblement le souvenir du passé*»*.

Обратите внимание на этот любопытный и важный случай образ изуродован под влиянием пересказчика, вставшего между двумя поэтами

XLVIII

1—4 Здесь аллюзия на бездарные ходульные стишки Михаила Муравьева (1757—1807). См пушкинское примечание 9.

2 *гранит* — имеется в виду гранитный парапет. В этой строфе Онегин и Пушкин стоят на южном берегу Невы, на Дворцовой набережной, лицом к Петропавловской крепости, которая служила тюрьмой для политических преступников и находилась на так называемом Петербургском острове, около северного берега реки, имеющей 500 метров ширины.

В письме брату Льву (в ноябре 1824 г.) наш поэт, готовивший тогда первое издание первой главы, писал (из Михайловского в Петербург): «Брат, вот тебе картинка для „Онегина“ — найди искусный и быстрый карандаш. Если и будет другая, так чтоб... та же сцена... Это мне нужно непременно».

В книге А. Слонимского и Э Голлербаха «Пушкин в изобразительном искусстве» (Л, 1937) я нашел неплохую репродукцию этого карандашного наброска (МБ, рукопись 1254, л. 25). На нем нарисованы Пушкин и Онегин, опирающиеся на парапет невской набережной, и пушкинской же рукой надписаны цифры от 1 до 4, относящиеся к различным деталям рисунка. Номер 1 — изображенный со спины Пушкин, судя по всему, любит Невой; он невысокого роста, на нем шляпа-«боливар» (из-под которой видны густые темные кудри до плеч, штопором вьющиеся на концах, — летом 1819 г. в Михайловском Пушкин обрил голову после тяжелой болезни, о которой чем меньше будет сказано, тем лучше, и пока волосы не отросли, носил кудрявый каштановый парик), модные зауженные у щиколотки панталоны и длинный, сильно приталенный (силуэта «песочные часы») сюртук с двумя пуговицами сзади по линии пояса. Он непринужденно опирается левым локтем о парапет, стоя нога за ногу, левая вольготно отставлена на носок. Номер 2 — Онегин в профиль, одетый примерно так же, минус романтические кудри. Его поза гораздо более сдержанна. на парапет он опирается скованно, как будто сделав большой неловкий шаг. Номер 3 — нечто вроде парусника на Неве. Номер 4 — приблизительные очертания Петропавловской крепости. Под рисунком тем же торопливым каранда-

* «Нагнувшись над закругленными бортами корабля, чтобы созерцать диск Дианы, отразившийся в зеркале океана, мы забываем свои надежды и оставляем гордость: наша душа незаметно погружается в воспоминания о былом» (*фр*).

шом подписано: «1. [Пушкин должен быть] хорош — 2. [Онегин] должен быть — опершись на гранит. 3. Лодка. 4. Крепость, Петропавловская».

Однако издание 1825 г. вышло без картинки. В конце концов, перерисованная пресловутым Александром Нотбеком, она вошла в серию иллюстраций к *ЕО* из шести гравюр, которые в январе 1829 г. опубликовал «Невский альманах» Егора Аладьина. Лодка лишилась паруса; с правого краю добавились листва и фрагмент чугунной ограды Летнего сада; Онегин, уже в просторной, отороченной мехом шинели, стоит, едва касаясь парапета рукой; его приятель Пушкин, развернувшись с любезным видом к читателю, скрестил руки на груди.

На все это безобразие Пушкин, в середине марта 1829 г., отреагировал забавным стишком:

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись ж о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит
Не достаивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом
Не плюй в колодец, милый мой

Мост Кокушкин — это мост через Екатерининский канал. Любопытно отметить, что длинная темная шевелюра, с которой Пушкин себя изобразил на той карандашной картинке, сразу же заставляет нас вспомнить Ленского, чьими единственными портретными характеристиками в романе являются эпитет «красавец» да эти самые кудри. Так и хочется, чтобы во второй главе Онегин ему сказал: «А ведь вы слегка напоминаете молодого Пушкина — я знавал его в Петербурге».

Тогда же (в 1829 г.) Пушкин сочинил и похабный стишок про другие, еще более кошмарные, каракули несчастного Нотбека «Татьяна за письмом к Онегину» (в той же серии). Перед нами предстает дородная особа в облегающей ночной рубашке; одна ее пухлая грудь совершенно обнажена; особа сидит на стуле боком, лицом к читателю, скрестив ноги в зашнурованных туфлях, рука с пером вытянута в сторону вполне канцелярского стола, позади которого кровать с пологом. Я колебался, цитировать ли стихи. Но вот они — какие есть:

Сосок чернеет сквозь рубашку,
Наружу милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит,
Она затем поутру встала
При бледных месяца лучах
И на изорвала
Конечно «Невский альманах»

Но самая смешная — иллюстрация Нотбека к шестой главе (в которой дама во время верховой прогулки останавливается прочесть эпитафию на надгробии Ленского). Там изображен грандиозный мраморный мавзолей и рядом — огромных размеров женщина, невозмутимо, словно на скамейке, восседающая на спине хрупкого белого микроцефала-буцефала, свесив обе ноги на оди бок. Вся эта серия из шести гравюр напоминает творчество пациентов психиатрической лечебницы.

- 5 *Все было тихо...* — Мне хотелось найти возможность перевести это ямбом, не форсируя ударений и не добавляя от себя «and». Джеймс Томсон, чей язык так удобно близок языку Пушкина и других поэтов, писавших столетием позже, одолжил мне свое «'Tis silence all»* («Времена года: Весна», стих 161). Во французском переводе (J. Poulin ?) «Времена года» («Les Saisons», 1802): «Tout est tranquille»**.
- 8 *С Мильонной...* — Эта улица идет от Дворцовой площади до Марсова поля параллельно южному берегу Невы; от набережной ее отделяет цепочка дворцов, прорезанная несколькими поперечными улочками метров в сто длиной.
- 9 См. ниже коммент. 9—14.
- 10 *Плыла ..* — Я дал буквальный перевод глагола, прибегнув к английскому архаизму, чтобы, вслед за Пушкиным, сохранить стилистическую связь между лодкой в этой строфе и гондолой в следующей.
- 12 *Рожок ..* — Думаю, что это валторна, а не пастуший рожок или свирель, вопреки некоторым предположениям (основанным на отвергнутом варианте «свирель» в 2369, л. 18 об.), и уж конечно не целый оркестр — «оркестровая забава русского дворянства» — в бредовой трактовке Бродского. Если бы Пушкин в 1823 г. был знаком с романом Сенанкура, то можно было бы заподозрить, что звуки доносятся с залитого лунным светом озера в Швейцарии, где в одной лодке камердинер Обермана «donnait du cor»*** (в компании «deux femmes allemandes chantant à l'unisson»****), а в другой сидел одиноко, задумавшись, сам Оберман («Оберман», письмо LXI).

Эпитет в словосочетании «песня удалая» (см. коммент. к XLIII, 2) — предательский отзвук характеристики «гребцов» из оды Державина «Фелица» (соч. 1782, опубл. 1783), где есть такие строчки:

Или над Невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Степенные комментаторы+ утверждают, что эта музыка на воде звучала в исполнении крепостных оркестров, наподобие тех, что так остроумно описала г-жа де Сталь, рассказывая о музыкантах Дмитрия Нарышкина, каждый из которых умел извлекать из своего инструмента лишь один звук. Люди, завидя их, говорили: «[А вон] le sol, le mi ou le ré de Narischkin»++ («Десятилетнее изгнание» / «Dix Ans d'exil», ч. II, гл. 18). Нарышкины держали такой оркестр с 1754 г. На самом деле Пушкин здесь не имеет в виду столь изысканные развлечения; но рассказ де Сталь так широко разнесся по миру, что в середине века Ли Хант в «Застольных беседах» говорит о музыканте, игравшем лишь одну четвертную ноту, а майор У. Корнуоллис Харрис в своей книге «В горах Эфиопии» (W. Cornwallis Harris, «Highlands of Aethiopia», London, 1844) утверж-

* «Все — тишина» (англ.).

** «Все тихо» (фр.).

*** «Трубил в рог» (фр.).

**** «Двух немков, поющих в унисон» (фр.).

+ См., например, «Хрестоматию по русской литературе XVIII века» Г. Гуковского (Киев, 1937), с. 173, примеч. (Примеч. В. Н.)

++ «...Соль, ми или ре Нарышкина» (фр.)

дает (III, 288), будто абиссинец-дудочник в королевском оркестре «подобен русскому... исполнителю одной-единственной ноты».

В «Старом Петербурге» М. Пыляева (СПб., 1889) на с. 75 воспроизводится редкая гравюра (ок. 1770), изображающая роговой оркестр из четырнадцати музыкантов и дирижера.

Путаницу в умах комментаторов, несомненно, лишь усугубляют строчки из дневника двоюродного брата Антона Дельвига («Полвека русской жизни. Воспоминания [барона] А[ндрея] И[вановича] Дельвига», 1820—1870. М.; Л., 1930, т. I, с. 146—147): «Лето 1830 г. Дельви́ги [поэт и его жена] жили на берегу Невы, у самого Крестовского перевоза... Слушали великолепную роговую музыку Дм. Льв. Нарышкина [крепостной оркестр], игравшую на реке против самой дачи, занимаемой Дельви́гами».

9—14 и XLIX Если в рожке можно усмотреть хоть бледный оттенок местного колорита, то гондольеры и Тассовы октавы, наоборот, составляют одно из самых плоских общих мест романтизма, и жаль Пушкина, вложившего столько таланта, словесной виртуозности и глубины чувства в то, чтобы по-русски прозвучал мотив, уже до смерти запетый в Англии и во Франции. Тот факт, что из него рождается совершенно самостоятельное, прекрасное ностальгическое отступление в гл. I, L, умаляет банальность темы, но не оправдывает ее.

Романтическая формула: «лодка + река или озеро + музыкант (или певец)», начиная с «Юлии» Руссо (самого известного из зачинщиков этого безобразия) и кончая Сенанкурром, Байроном, Ламартином и другими, наводнила поэзию и художественную прозу той эпохи и дала специфическую разновидность: «гондола + Brenta + Тассовы октавы». Романтики испытывали к ней невероятное пристрастие и использовали как в положительной, так и в отрицательной модификации (гондольер поет Тассо / гондольер больше не поет Тассо).

Утомительно было бы перечислять, даже вкратце, всех отдавших дань этой теме, но ниже я приведу несколько самых выразительных примеров.

14 *Напев Торкватовых октав*¹ — Итальянская октава рифмуется *aeaeaeii*.

Помимо французского прозаического переложения «Освобожденного Иерусалима» (1581) Торквато Тассо (1544—1595), в котором красавица колдунья Армида баюкала бдительность рыцарей в праздной неге зачарованного сада, основным источником информации о «торкватовых октавах» для русского поэта была в 1823 г. опера Россини (*melodramma eroico**) «Танкред» (впервые представленная в Венеции в 1813 г.) по поэме Тассо или, точнее, по одноименной бездарной трагедии Вольтера (1760); опера ставилась в Петербурге в 1817 и последующих годах.

Упоминаниям гондольеров, распевающих Тассо, несть числа. Вот те, что пришли мне на ум:

Ж. Ж. Руссо (в разделе «Баркароллы» своего «Словаря музыки», 1767) пишет, что слышал их, будучи в Венеции (летом 1744 г.).

Фраза из книги «О Германии» г-жи де Сталь (ч. II, гл. II): «Les stances du Tasse sont chantées par les gondoliers de Venise»**.

* Героическая мелодрама (*итал*).

** «Стансы Тасса, напетые венецианскими гондольерами» (*фр*).

Французские переложения пассажей из Байрона, например (1819): «'Tis sweet to hear / At midnight... / The song and oar of Adria's gondoler»* («Дон Жуан», I, СХХI; Пишо в 1820 г. переписал это à la Ламартин: «Il est doux, à l'heure de minuit... d'entendre les mouvements cadencés de la rame, et les chants lointains du gondolier de l'Adriatique»**); или «In Venice Tasso's echoes are no more / And silent rows the songless Gondolier»*** («Чайльд Гарольд», песнь IV, строфа III, 1818).

Этому в 1823 г. нескладными стихами незатейливо вторит Казимир Делавинь: «O Venise... tes guerriers / ...ont perdu leur audace / Plus vite que tes gondoliers / N'ont oublié les vers du Tasse»**** («Le Voyageur» / «Путешественник», стихи 29—32) — и это же, угрюмо злорадствуя, перефразирует в 1845 г. Шатобриан (имевший на Байрона зуб за то, что тот ни разу не помянул его Рене — прототипа своего Паломника): «Les échos du Lido ne le [имя Байрона] répètent plus... ie en est de même à Londres, où sa mémoire périt»+ («Замогильные записки», изд. Левайана, ч. I, кн. XII, гл. 4).

Не желал расставаться с этой темой и Пушкин. Вероятно, к 1827 г. относится его фрагмент («Кто знает край...»):

и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его [Торквато] октавы

В сентябре того же года Пушкин перевел на русский александрийские стихи Андре Шенье:

Près des bords où Venise est reine de la mer,
Le Gondolier nocturne, au retour de Vesper,
D'un aviron léger bat la vague aplanié,
Chante Renaud, Tancrede, et la belle Hermine++.

(Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Готфреда, Эрминию поет)

(«Oeuvres posthumes d'André Chénier», «augmentées d'une notice historique par M. H[enri] de Latouche, revues, corrigées, et mises en ordre par D. Ch[arles] Robert»+++ [Paris, 1826], p. 257—258). Образцом для этого стихотворения (написанного скорее всего в Англии в 1789 г.), согласно Л. Беку де Фукьеру и его

* «Приятно слышать / В полночь .. / Песню и плеск весла гондольера Адриатики» (англ.).

** «Приятно слышать в час полуночный... движенья мерные весла и внимать далеким песням гондольера Адриатики» (фр.).

*** «В Венеции не слышно больше отзвуков Тассо, / И молча, без песен плывет гондольер» (англ.).

**** «О Венеция... твои волны / ...потеряли свою отвагу / Быстрее, чем твои гондольеры / Забыли стихи Тасса» (фр.).

+ «Эхо Лидо больше не повторяет его то же происходит и в Лондоне, где о нем не помнят» (фр.).

++ «Chantant... Erminie» в кн: Chénier Oeuvres, «выверенный текст с примечаниями» Жерара Вальтера (Paris, 1940, p. 509) (Примеч В Н)

+++ «Посмертные сочинения Андре Шенье», «снабженные историческим комментарием М А[нри] де Латуша, пересмотренные, исправленные и приведенные в порядок Д. Ш[арлем] Робером» (фр.).

«édition critique» произведений Шенье (Paris, 1872, p. 427), послужил сонет Джованни Батисты Феличе Дзаппи (1667—1719).

Наконец, в 1829 г., по сути соглашаясь с меланхоличным утверждением Паломника, в одной неоконченной элегии наш поэт перечисляет те далекие края, где бы он мог попытаться забыть «надменную» (фр. *l'inhumaine*) возлюбленную, и обращается мыслью к Венеции, «где Тасса не поет уже ночной гребец».

Вообще складывается впечатление, что Пушкин Тассо не любил (согласно письму Михаила Погодина от 11 мая 1831 г Степану Шевыреву, который «перевел» несколько октав).

Все эти общие места — Brenta, серебрящая окрестности луна, гондолы и Торкватовы октавы (см. мой коммент. к гл. 8, XXXVIII, 12) — есть и в стихотворении «Венецианская ночь, фантазия» (1824), которое посвятил Плетневу кроткий слепой поэт Иван Козлов (1779—1840).

Козлов самоучкой выучился читать и писать по-английски Вот стихотворение, написанное им на этом языке (ок. 1830):

To Countess Fiequelmont

In desert blush'd a rose, its bloom,
So sweetly bright, to desert smiled,
Thus are by thee my heavy gloom
And broken heart from pain e'er wiled
Let, O let Heaven smile on thee
Still more beloved, and still more smiling
Be ever bless'd — but ever be
The angel all my work beguiling*.

В прелестном очерке о Венеции в своих «Литературных диковинах» («Curiosities of literature») Исаак Дизраэли (цитирую по 4-му лондонскому изданию, 1798, кстати, у Пушкина в библиотеке было парижское издание 1835 г.) приводит рассказ из автобиографии итальянского драматурга Карло Гольдони (1707—1793) о гондольере, который вез его обратно в Венецию: развернув гондолу носом к городу, он всю дорогу пел строфу XXVI из XVI песни «Иерусалима» («Fine alfin posto al vagheggiar...» — «Наконец, окончив свой туалет...»). Дальше Дизраэли пишет (II, 144—147): «Их всегда двое, и октавы [Тассо] они поют попеременно. Оказывается, мелодия нам знакома по песням Руссо... Я сел в гондолу в полночь, один гребец встал впереди, другой на корме... голоса их были резкими и хриплыми. но [на большом расстоянии казались] невыразимо чарующими, поскольку пение это только и предназначено для слушания издали [так слышал его и Пушкин — из гондолы Пишо, через ширь разделяющей их свободной стихии]».

Однако звуки лиры Альбиона (см. следующую строфу) в галльском переложении не были единственным источником; Пушкин читал и романы, которыми он снабдит Татьяну в гл. 3, IX—XII. Валери, графиня де М. и секретарь ее

* Графине Фикельмон / Алела в пустыне роза; ее цвет, / Столь нежно-яркий, улыбался пустыне, / так и ты мое мрачное уныние / И разбитое сердце всегда избавляешь от боли / Пусть, о пусть улыбаются Небеса тебе, / Все более любимой и все более улыбающейся / Будь вечно благословенна — но будь вечно / тем ангелом, что скрашивает мои труды (англ.)

мужа Гюстав де Линар из романа г-жи де Крюднер «Валери» (1803; подробнее об этом произведении см. коммент. к гл. 3, IX, 8) воплощают в жизнь романтическую мечту той эпохи: они скользят по Бренте в гондоле и слушают раздающуюся вдалеке «chant de quelque marinier»*.

XLIX

1—2 *Адриатические волны, / О Брента! нет, увижу вас ..* — Ритм и инструментовка божественны. Звуки *в, то, тов, тав* вольно льющегося стиха, завершающего предыдущую строфу («напев Торкватовых октав») стремительно выплескиваются в набегающие «Адриатические волны», строку с двойным скадом, напоенную откликами уже отзвучавших аллитераций; тут же в строчном переносе торжественно вспыхивает солнечное «О Брента!» с апофеозом на последнем *та*, и следом — новый взлет: «нет...».

Это начало изумительного отступления, которое зародилось еще в пене прибоя гл. 1, XXXIII; черноморские воспоминания уже тогда таили в себе смутную ностальгию по чужим краям. Адриатические волны и переливающаяся сонантами Брента — это, конечно, география чисто литературная, как и у Байрона в «Чайльд Гарольде», где «*gently flows / The deep-dyed Brenta*» [«неторопливо текут / Темные воды Бренты»] (песнь IV, строфа XXVIII), но сколь нежно и пронзительно пушкинское ее преобразование! Пушкин никогда не выезжал из России (вот почему так непростительна ошибка в переводах Сполдинга и Дейч, заставляющих читателя думать, будто поэт побывал в Венеции). Столетием позже великий поэт Владислав Ходасевич (1886—1939) в одном любопытном стихотворении описал подобие целительного шока, пережитого им при виде настоящей Бренты — «рыжей речонки»²⁸.

5 *...для внуков Аполлона...* — Галлицизм (а для французского языка — латинизм) *neveux*, лат. *nepotes* — «внуки», «потомки». В XVI и XVII вв. в этом значении употреблялось и английское *nephew* («племянник»).

Ср. в анонимном и загадочном киевском эпосе «Слово о полку Игореве» (1187?, 1787?) строку «вещей Бояне, Велесов внуче», где Боян — древний сказитель, а Велес — нечто вроде русского Аполлона. См. «The Song of Igor's Campaign», перевод В. Набокова (New York, 1960), стих 66. (См. также коммент. к гл. 2, XVI, 10—11.)

6 *По гордой лире Альбиона...* — Имеется в виду поэзия Байрона во французском прозаическом пересказе Пишо.

8 *...негой ..* — «Нега» подразумевает прежде всего праздное блаженство, ассоциируется с нежностью, изнеженностью и не совсем совпадает по значению со «сладострастием», фр. *volupté*, в которых главенствует эротический компонент. Словом «нега» Пушкин и его плеяда пытались передать французские поэтические клише «*paraisse voluptueuse*», «*mollesse*», «*molles délices*»** и т. д.; певцы английской Аркадии называли это «*soft delights*». В других местах я использовал для перевода устаревшее, но очень точное слово «*mollitude*».

* «Песнь моряка» (фр.).

** «Полная неги лень», «изнеженность», «нежные услады» (фр.).

12 Таинственная гондола (в черновике — «мечтательная», подразумевающее уединенность) выплывает прямехонько из пишотовского пересказа (1820) строфы XIX «Беппо» Байрона: «...quand on est dedans, personne ne peut voir ni entendre ce qui s'y fait ou ce qu'on y dit»*. Байрон взял эпиграфом к «Беппо» слова Розалинды из комедии «Как вам это понравится» (IV, I): «.. вы катались в гондоле»; они подсказали мне перевод пушкинского стиха 12 строфы XLIX.

Варианты

4 Черновая рукопись (2369, л. 19):

ваш веселый глас

Отвергнутое чтение (там же):

ваш прозрачный глас

L

Особое значение этой строфы настолько велико, и верный ее перевод настолько сложен, что ради абсолютной точности я оказался вынужден (хотя и сохранив подобие ямбического размера) исказить ритм и допустить несколько неловких анжамбеманов (10—11, 12—13, 13—14), которых в оригинале нет. Я легко мог бы написать: «beneath the heavens of my Africa», однако у Пушкина не «небеса», а «небо»; но «Afric's sky» превысило бы все допустимые пределы уродства. Не менее сложный клубок пришлось распутывать, переводя стих 3: «Брожу над морем, жду погоды...» Предлог «над» в сочетании с рекой, озером, морем и т. д. практически означает «у», «рядом» или «вдоль» (ср. ниже, в гл. 4, XXXV, 11: «над озером моим», то есть вдоль его берегов). Я перевел «над» дословным «above» только потому, что Пушкин мог написать «у моря», но не написал, — возможно, мысленный взор рисовал ему высокий одесский берег. Русское слово «погода», когда оно (как здесь) не сопровождается прилагательным, часто означает (особенно в южных областях России) именно хорошую, благоприятную погоду. В английском это значение устарело (Большой Оксфордский словарь / Oxford English Dictionary приводит несколько примеров, относящихся к XV в.); в современном языке лишенное определений слово «weather» пессимистически подразумевает как раз дурную погоду (так же и на севере России: «погода» означает не просто любую погоду, а именно плохую, несмотря на существующее в языке слово «непогода»). Самым точным английским эквивалентом этого слова в том смысле, в каком употребляет его здесь Пушкин, было бы «wind and weather», но добавленный к погоде ветер («wind») уже веет парафразом, чего я допустить не мог. Замучившемуся переводчику следует также иметь в виду, что пушкинская строка «Брожу над морем, жду погоды» опирается на распространенную поговорку «сидеть у моря и ждать (благоприятной) погоды», то есть, «ничего не предпринимая, ожидать изменения ситуации».

* «...Когда находишься внутри, никто не увидит и не услышит, что там происходит и что там говорится» (фр).

И наконец, нельзя забывать, что здесь, как и в остальных произведениях Пушкина, метеорологические термины служат еще и намеком на политические обстоятельства жизни поэта.

«Маню ветрила кораблей... Пора покинуть скучный брег... И среди полуденных зыбей... Вздохнуть о сумрачной России» и т. д. Эти строки, написанные прекраснейшим русским языком и проникнутые неподдельным чувством, в техническом смысле представляют собой общие места европейской романтической поэзии того времени. Байронизирующий Пьер Лебрен в своем «Путешествии по Греции» («Le Voyage de Grèce»), песнь III, спел об этом так:

J'irai, loin de ce bord que je ne veux plus voir,
Chercher quelque île fortunée

Vaisseau, vaisseau que j'aperçois

écoute, écoute!

Et pourtant je l'aimais [ce bord]!

Je regretterai ses collines,
Je les verrai dans mon sommeil*

Вот пять рифмованных английских «переводов» этой строфы <...>**

- 4 *Маню ветрила кораблей.* — Согласно Бартеневу, писавшему в 1850-х гг. со слов А. Россет, Пушкин называл (в 1824 г. ?) графиню Элизу Воронцову «принцессой Бельветриль», потому что в Одессе та любила, глядя на море, повторять строки из Жуковского:

Не белеет ли ветрило,
Не плывут ли корабли

Это баллада Жуковского «Ахилл» (1814), состоящая из 208 стихов (четырех-стопный хорей, рифма *abab*); стихи 89—92 звучат так:

Будешь с берега уныло
Ты смотреть — в пустой дали,
Не белеет ли ветрило,
Не плывут ли корабли?

Цитирует Бартенев неточно, к тому же нельзя быть уверенным, что пушкинские слова относятся к графине Воронцовой, а не к княгине Вяземской.

- 5 *Под ризой бурь...* — Зеницей стиха выступает слово «риза» (для современного читателя означающее богатые праздничные одежды или облачение священнослужителя), но находка эта — не пушкинская. Ср. строку из поэмы Михаила Хераскова «Владимир» (1785), описывающей крещение Руси в X в.:

* Уеду далеко от берега сего, который видеть боле не хочу, / Искать какой-нибудь счастливый остров. / . / Корабль, корабль, который замечаю / . / .. слушай, слушай! / ... / Но все же я его любил [этот берег]!.. / ... / Мне будет жаль его холмов, / Я буду видеть их во сне (*фр*)

** Далее В. Набоков цитирует пушкинскую строфу L в переводах Сполдинга (1881), Филлипс-Уолли (1904 [1883]), отмечая длину его строфы — 16 стихов, Эльтона (январь 1936, в «Slavonic Review»), Дейч (1936), Радин (1937) (*Ред*)

Там Посвист, закутанный в бури, как в ризу

В русском рококо Посвист — это славянский или псевдославянский бог ветра, неоклассический *peros* Стрибога (упоминаемого в «Слове о полку Игореве»), шумливого бога атмосферной стихии, сына Перуна — славянского Юпитера.

10—11 *Под небом Африки моей...* — Похожая интонация есть у Пушкина в стихотворении «Анчар» (9 ноября 1828 г., девять четырехстопных четверостиший), а именно в первоначальном варианте стиха 5: «Природа Африки моей», в окончательном тексте замененной на «природу жаждущих степей», которая «в день гнева породила» анчар — малайское дерево, которое Пушкину представлялось произрастающим в обобщенных тропиках. Основой для «Анчара» послужил французский перевод (Пишо) монолога из музыкальной драмы Кольмана-младшего «The Law of Java» («Яванский закон»), впервые представленной в Лондоне 11 мая 1822 г.

В послании к Николаю Языкову (20 сентября 1824 г., сорок девять строк, четырехстопный ямб) Пушкин зовет его к себе в Михайловское, где некогда жил, удалившись от двора, темнокожий предок поэта и где (стихи 31—33).

Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденные леты
О дальней Африке своей

В гл. 1, L все как раз наоборот.

Подробнее об африканском происхождении Пушкина см. Приложение I, «Абрам Ганнибал».

LI

4 *На долгий срок...* — на три с половиной года. По хронологии романа, его главные герои бродили вдвоем вдоль Невы «летнею порою» (XLVII, 1) 1820 г. Если мы хотим совместить «вымысел» с «реальностью», то прогулка могла состояться самое позднее на первой неделе мая. 20 апреля 1820 г. некто Каразин, литератор, донес на поэта как на автора «опасных» эпиграмм, и в начале мая 1820 г., то есть ровно за три года до начала работы над *ЕО* (см. также коммент. к гл. 4, XIX, 5), «реальный» Пушкин покинул Петербург на семь лет. На почтовых лошадях он проехал тысячу миль за двенадцать дней, на несколько дней остановился в Екатеринославе (ныне Днепропетровск), где был приписан к губернской канцелярии генерала Инзова, и 28 мая вместе с семейством Раевских выехал в Пятигорск. Хотя еще в середине апреля Пушкин планировал поездку в Крым, у него, по-видимому, не было тогда того *meditatione fugae*, как в октябре 1823 г., когда он будет писать эту строфу. На северокавказских водах поэт пробыл с июня по август 1820 г., вторую половину августа и сентябрь провел в Крыму (куда через три года приедет Онегин), в Гурзуфе, оттуда отправился в Кишинев (екатеринославская канцелярия, из которой он был отпущен на лечение, успела переехать), в Кишиневе прожил с 21 сентября 1820 по июль 1823 г. и увенчал свою южную ссылку годом в Одессе (где служил при канцелярии генерал-губернатора), после чего 31 июля 1824 г. отбыл в ссылку северную (продлившуюся до 1826 г.), в родовое имение Михайловское Псковской губернии. Прижизненно опубликованные фрагменты «Путешествия Онегина» закан-

чиваются первой и единственной строчкой обрывающейся строфы: «Итак, я жил тогда в Одессе...» Ее интонация подсказывает то, что мы узнаем из остальных, забракованных поэтом и опубликованных после его смерти строф «Путешествия»: что в 1823 г. Пушкин с Онегиным встретятся в Одессе, откуда оба отправятся на север, Пушкин — в Михайловское, а Онегин — в Петербург (см. также коммент. к «Отрывкам из „Путешествия Онегина“», ХХХ, 13).

- 8 *У каждого свой ум и толк...* — Фр. *chacun à son goût*. Помимо, как всегда, трудного для перевода расплывчатого слова «толк» (представление, понимание, суждение, толкование и т. д.), здесь имеется еще одна неясность: следует ли понимать, что у каждого из заимодавцев было свое собственное мнение, или это фраза-переход, вводящая отношение к происходящему самого Онегина?

ЛII

Оригинал этой строфы далек от технического совершенства. Повторяются однокоренные «приготовляясь» и «готовую» (плюс «готов» в предыдущей строфе), дважды встречается «уж». «При смерти в постеле» (от «постеля», а не от «постель», стих 3) — разбавленный галлицизм «sur son lit de mort», давно вошедший в русский язык в виде словосочетания «на смертном одре». Было бы минутным делом пригладить все эти шероховатости переводом-парафразом, но я предпочел честно их сохранить, что потребовало изрядной изворотливости.

- 7 *.. поскакал...* — Глагол «скакать» в романе встречается несколько раз и совершенно замучил «переводчиков». Буквально он означает «ехать галопом» — см., например, «A Visit to St. Petersburg in the Winter of 1829—1830» [«Посещение С.-Петербурга зимой 1829—1830 г.»; 26 ноября 1829 — 25 марта 1830 по н. ст.] (London, 1838) Томаса Рейкса: «Четверку почтовых лошадей запрягли в ряд; всю дорогу они шли легким галопом, и мы каждый час делали по восемь-девять верст» [верста равна 0,6629 мили или 1,067 километра] (Письмо IV, из Миттау, от 28 ноября 1829 г.); или его же «Дневник» (запись от 17 августа 1838 г.): «Ездили по приглашению в Эльнбоген, что в восьми милях [от Карлсбада] и знаменит своими романтическими ландшафтами. Граф де Витт, который держит здесь двадцать вывезенных из России лошадей, дал три коляски. Скакали „по-русски“, полным галопом, и доехали за полчаса».

Но употребленный в общем смысле (здесь, как и везде в *ЕО*) глагол «скакать», хотя и предполагает некоторую скорость передвижения, означает всего лишь «ехать в экипаже» — если нет однозначного указания на то, что путешественник передвигается верхом; в этом случае «скакать» означает ехать галопом или быстрым кентером.

- 11 *И тем я начал мой роман.* — Круг замкнулся (I—LII—I). Он охватил 52 строфы. Внутри него, по кругу внутреннему, малому, свершает свое ежедневное кружение Евений (XV—XXXVI). Силой же, движущей весь механизм этой главы, является стихия отступлений, авторское участие, череда ярких лирических вспышек. Стерн сказал в «Тристраме Шенди» (т. 1, гл. 22): «...произведение мое отступательное, но и поступательное в одно и то же время... Отступления, бесспорно, подобны солнечному свету — они составляют жизнь и душу чтения». Пушкин добавил еще и внутреннее горение.

Эта строфа (LIII), как и следующая (LIV), продолжит рассказ, начатый в первых двух строфах романа; но на том прямое повествование, приходящееся на долю гл. 1, будет исчерпано (итого пять строф: I—II, LII—LIV).

- 12 *в деревню* .. — Здесь «деревня» (обычное значение — «крестьянское селение» или «сельская местность», фр. *campagne*) означает усадьбу, поместье, имение, владения, ни здесь, ни далее в романе «переводчики» этого не поняли, и везде перевели как «village» («селение»; тот факт, что деревня или деревни — именно в этом значении — могли в эпоху крепостного права составлять самую важную часть имения, в данном случае к делу не относится). Пушкин и сам, когда писал кому-либо по-французски, грешил вопиющим руссизмом «mon village» (например, в письме к Анне Керн от 25 июля 1825 г.: «...ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tâcher de ne plus penser à vous»*), тогда как правильно было бы сказать «mon bien», или «ma propriété», или «ma campagne» (как он и другие помещики всегда и говорили). В поэтическом смысле употребляет слово «деревня» и Татьяна в своем письме (гл. 3), где ситуация Пушкин — Керн повторяется в зеркальном отражении (см. также коммент. к гл. 2, I, 1).

Варианты

- 11 Отвергнутый черновой вариант (2369, л. 19 об.):

Приехали! сказал Иван

Иван — очевидно, кучер.

- 12 Отвергнутый черновой вариант (там же):

Но проскакав поболее суток ..

На почтовых лошадях расстояние в двести с небольшим миль действительно можно было проехать за сутки.

LIII

- 1—7 Строфа, в которой Пушкин пишет о смерти с какой-то веселой удалью, разительно отличающейся от эсхатологического лиризма следующей главы, посвященной Ленскому, радует русскоязычного читателя занятным набором аллитераций в стихах 1—7, усиленных весомым двойным понижением (∪ ∟
∪ — ∪ — ∪ ∟) в стихах 4 и 5. Этот ритм вообще встречается редко, а в двух строках подряд тем более.

Нашел он полон двор услуги,
К покойнику со всех сторон
Съезжались недруги и други,
Охотиики до похорон
Покойника похоронили.
Попы и гости ели, пили,
И после важно разошлись...

* « Лучшее, чем я могу заняться в моей деревенской глуши, так это стараться не думать больше о вас» (фр).

Вот аллитерирующие созвучия:

о́л, о́л,
по́, по, по, по, по, по, по́,
охо́, охо, охо,
ли, ли

Вот слова и словосочетания, в которых они повторяются:

*нашел, полон,
полон, к покойнику, похорон, покаяника похоронили (стих 5), поты, после,
охатники до пахарон (стих 4), похоронили,
ели, тили*

Слоги в слове «похоронили», кажется, вовсю разгулялись на поминках.

Здесь меня с детства мучает один вопрос. Как могло получиться, что Ларины, деревенские соседи Онегина, не были ни на похоронах, ни на поминках, которые потом столь явно откликнутся в сне Татьяны (гл. 5, XVI, 3—4), когда ей будет сниться шум и звон посуды, «как на больших похоронах»?

8 . *делом занялись...* — В этом обыденном выражении «дело» означает любое занятие, в противоположность «безделью».

10 *Заводов, вод, лесов, земель...* — «Воды, леса» напоминает чиновное французское «Eaux et forêts». Выстроен перечень весьма несообразно: сначала частн, за нимн ковыляет целое. Аллитерация «заводов, вод» несколько навязчива. Слово «завод» имеет несколько значений, здесь подходит самое общее из них — «фабрика», но возможны и другие. Принадлежащие крупному землевладельцу той эпохи «заводы» могли представлять собой как действительно заводы — конные, винокуренные, кирпичные и прочие, так и вообще любое производство, например рыбоводческое хозяйство и т. п.

LIV

Прелестный рисунок слева на полях пушкинской рукописи, согласно Эфросу (который воспроизводит л. 20 тетради 2369 на с. 133 «Рисунков поэта»), изображает Амалию Ризнич (1803—1825) в чепце и шали. Ее умиротворенная поза и положение рук заставляют проницательного Эфроса предположить, что она беременна (в начале 1824 г. Амалня Ризнич родила сына). Тот же комментатор считает, что красивый профиль на полях справа принадлежит ее мужу, Ивану Ризничу (род. 1792).

3 *Прохлада сумрачной дубровы...* — У меня в переводе «дуброва» (или «дубрава») — «рагк», а «роща» — «grove». Слово «дуброва» сегодня практически не употребляется. Оно несет оттенок поэтизации, псевдоархаической стилизации, искусственности.

«Дуброва» ассоциируется больше с лиственным (хотя не обязательно с дубовым) лесом, а «бор» — с хвойным.

При Пушкине и до него «дубровой» называли общественные городские сады, реже — парки и величественные аллеи дворянских сельских усадеб. Слово также использовалось, не совсем правильно, в значении «небольшой лес». Дубовый же лес называется не «дуброва», а «дубняк».

4 Журчанье тихого ручья... — Ср. у Филиппа Депорта (1546—1606) в «Молитве ко сну» (Philippe Desportes, «Prière au sommeil»): «[un petit ruisseau] doux-coulant»*; к этому эпитету близко русское «тихоструйный», а еще ближе было бы несуществующее «тихотечный».

См. также «Уединение» («La Retraite») Андре Шенье:

Il ne veut que l'ombre et le frais,
Que le silence des forêts,
Que le bruit d'un ruisseau paisible **

Обратите внимание на этот скромный ручеек, протекающий через онегинское имение. В куцах западноевропейской поэзии бежит, журчит, струится, стремится, плещет, блещет, лопочет и бормочет бесчисленное множество ручьев, ручейков, речек и речушек, берущих начало в (Вергилиевой) Аркадии, на Сицилии и в Риме и описывающих свои самые сентиментальные загогулины среди аккуратно подстриженной итальянской, французской и английской поэзии XVI, XVII и XVIII вв.; а рядом неизменно прохладная сень листвы.

Вот этим-то литературным ландшафтом, завезенным в Россию главным образом из Франции или через Францию, и подменяет Пушкин в *ЕО* северо-западное русское лето, хотя зимы у него (как мы дальше увидим) по-настоящему морозные и ничем не отличаются от тех, что описывали его российские предшественники и современники, разве что увидены и воссозданы с неизмеримо большим мастерством и талантом.

На самом деле тема эта восходит не столько к элегическим пейзажам Вергилия или сабинским угодым Горация, сколько к Аркадиям в стиле рококо более поздних поэтов Средиземноморья с их идеализированной природой и мягкой травкой без единой колючки, на которую странствующего рыцаря так и тянет скинуть доспехи. Из знаменитых авторов этого безобразия назову Ариосто, с его нудным «Orlando furioso» (1532). В 1826 г. Пушкин переложил с французского на русский несколько октав (С—СХII) из песни XXIII «Неистового Роланда». Прозаический пересказ октавы С графа де Трессана (возьмите любые два слова, и выйдет клише) выглядит так: «...Le paladin [Roland, Compte d'Ange] arriva sur le rivage agréable d'une belle fontaine qui serpenoit dans une prairie émaillée de fleurs; de grands arbres dont le faite s'unissoit en berceaux ombrageoient cette fontaine, et le zéphir qui pénétoit leur feuillage tempéroit la chaleur sur ses bords tranquilles»***.

Наш поэт уложил все это в пять строк (пятистопный ямб, рифма *ababa*):

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила деревьями

* «[Ручеек] нежно журчащий» (*фр*)

** Он хочет только тени и прохлады, / Лишь тишины лесов / И шума тихого ручья .
(*Фр*)

*** «. Паладин [Роланд, граф д'Анже] приехал на прелестный берег красивого источника, который лентой извивался по лугу, усыпанному цветами, высокие деревья, верхушки которых соединялись, образуя арку, дававшую источнику тень, и легкий ветерок, проникающий сквозь их листву, умерял зной на его тихих берегах» (*фр*)

В седьмой главе *ЕО* неподалеку от могилы Ленского мы узнаем знакомый «ручеек [который] вьясь, бежит зеленым лугом», и пастуха, прибывшего из Ариостовой октавы *СІ*.

Вот география встречающихся в романе ручьев, рек и т. д.:

1. Ручей или ручеек, текущий через луг и липовую рощицу из ключа, бьющего чуть западнее Красногорья (см. гл. 6, IV, 3—4) — так называются имение Ленского и сама деревня; у этого ключа Ленского похоронят (самоубийц и дуэлянтов запрещалось хоронить на освященной земле кладбищ).

2. Тот же ручеек пересекает соседнюю долину и впадает в речку.

3. По пути к речке он проходит в глубине ларинского сада (недалеко от липовой аллеи, где Онегин будет читать Татьяне свою проповедь) и, обогнув холм (с которого Татьяна увидит дом Онегина), бежит через рощицы онегинского имения.

4. Все тот же ручей — символизирующий для Татьяны разлуку — в ее сне удивительно преобразуется в кипучий поток, вместе с тем воспринимающийся и как прототипически-идиллический ручеек.

5. Безымянная река, в которую этот ручей впадает, протекает через две усадьбы; сначала это река в поместье Лариных, ее видно из дома.

6. Другой ее участок — местный Геллеспонт, который переплывал Онегин, — блестит у подножия холма, на котором стоит господский дом в онегинском имении.

Река или речка, протекающая через владения Онегина, прямо упоминается в следующих стихах романа:

Гл 2, I,	7 [дом Онегина] стоял над речкою
Гл 4, XXXVII,	7 [Онегин] отправлялся налегке
	8 К бегущей под горой реке
Гл. 7, V,	5 С моею музой своенравной
	6 Пойдемте слушать шум дубравный
	7 Над безыменною рекой
	8 где Евгений мой
	10 недавно жил. .
	11 В соседстве Тани молодой
Гл. 7, XV,	8 Татьяна долго шла одна
	9 И вдруг перед собою
	10 С холма господский видит дом
	11 Селенье, рощу под холмом
	12 И сад над светлою рекою
Гл 7, XX,	4 [вид из окна онегинского кабинета] Темио в долине Роща спит
	5 Над отуманенной рекою

Приток этой реки или, возможно, ее синоним — струи ручья, протекающего во владениях Онегина:

Гл 1, LIV,	3 Прохлада сумрачной дубровы
	4 Журчанье тихого ручья
Гл 4, XXXIX,	2 Лесная тень, журчанье струй

Струйки онегинского ручья встречаем далее в Красногорье и у могилы Ленского:

Гл 6, XL,	5 Есть место влево от селенья
-----------	-------------------------------

- 6 Где жил [Леиский]
- 8 [там] струйки извились
- 9 Ручья соседственной долины
- 13 Там, у ручья
- 14 Поставлен памятник простой

Эти струйки (или ручейки), вытекающие из ключа, впадают в реку:

- Гл 7, VI, 2 Пойдем туда [к могиле Ленского], где ручеек
- 3 Виясь бежит зеленым лугом
- 4 К реке сквозь липовый лесок
- 7 И слышен говор ключевой

Эта или другая речка (поток) течет во владениях Лариных:

- Гл. 3, XXXII, 10 [на востоке] .. поток
- 11 Засеребрился
- Гл 7, XV, 1 Воды
- 2 Струились тихо
- 4 Уж за рекой [пылал огонь рыбачий]

Кроме реки, или вместо реки, в поместьях и Онегина, и Лариных течет ручей (или ручьи):

- Гл 3, XXXVIII, 13 [Татьяна] По цветникам летя к ручью
- Гл 7, XXIX, 1 Ее прогулки длятся доле
- 2 Теперь то холмик, то ручей
- 3 Остаивляются [Татьяну]
- Гл 7, LIII, 10 [в Москве она вспоминает] уединенный уголок
- 11 ..светлый ручеек
- 13 .. сумрак липовых аллей

В Татьянинном сне с этим ручейком (который в обобщенном варианте — «у старых лип, у ручейка» — появляется в гл. 3, XIV, 4, где поэт мечтает когда-нибудь написать идиллический роман в прозе) происходят странные превращения:

- Гл 5, XI, 7 Кипучий, темный и седой [поток]
- Гл 5, XII, 2 Татьяна ропщет на ручей
- 13 Перебралась через ручей

Я подозреваю, что на этой же реке с ее ручейками, соединяющей три поместья и уже замерзшей, стоит и упоминаемая в гл. 6, XII, 11 и XXV, 10 мельница, рядом с которой Онегин убьет на дуэли Ленского. Кроме того, в гл. 4, XLII, 6 «блистает речка, льдом одета», а в гл. 7, XXX, 5 ее «берега с недвижной рекою» сравнивает зима; средиземноморская тема получает русское завершение.

Особо характерны, как иллюстрации к набору «eaux-et-forêts», строки гл. 1, LIV, 4—5, гл. 3, XIV, 4 и гл. 4, XXXIX, 2. Можно подумать, Пушкину доставляло извращенное удовольствие подбирать к этому затертому веками штампу изящные русские параллели. Описывать здесь неисчислимы случаи симбиоза «тенистых рощ» и «журчащих ручьев» западноевропейской поэзии было бы педантизмом; несколько примеров я привожу в коммент. к гл. 4, XXXIV.

5—8 Ср. у Вольтера в «Недотроге» («La Bégeule», 1772):

Le lendemain lui parut un peu fade,
Le lendemain fut triste et fatigant,
Le lendemain lui fut insupportable*.

11 *Ни карт.. ни стихов.* — Пушкин не стал описывать Онегина за картами и в следующей главе выпустил великолепное отступление на тему собственной страсти к игре (см. коммент. к гл. 2, XVII, a—d). Под «стихами» наш поэт подразумевает альбомы светских дам, описанные в гл. 4, XXVII—XXX.

12 *Хандра ждала его на страже.* — Ср. у Жака Делиля в «Деревенском жителе» (Jacques Delille, «L'Homme des champs, ou les Georgiques françaises», 1800), песнь I, стихи 41—46:

Ce riche qui, d'avance usant tous ses plaisirs,
S'écrie à son lever «Que la ville m'ennuie!
Volons aux champs, c'est là qu'on jouit de la vie,
Qu'on est heureux» Il part, vole, arrive; l'ennui
Le reçoit à la grille et se traîne avec lui**

LV

Пушкин-поэт не выказывает того подлинного знания русской деревни, которое спустя пятнадцать лет после его смерти будет у Толстого и Тургенева. Он не выходит из стилистических рамок поэтики условной «природы» XVIII в. и либо вообще избегает живого описания конкретных сельских видов, либо со смущенной улыбкой преподносит их, словно блюдо, предназначенное озадачить или позабавить обычного читателя. (Я сейчас не говорю о гротескных сценах из деревенской жизни, написанных в юмористическом или социальном-сатирическом ключе, — такое по силам и заурядному журналисту.) В отличие от Пушкина-поэта, Пушкин-человек не только любил сельское уединение, но и испытывал в нем потребность, особенно осенью, в пору творчества. Возможно, читателю будет полезно, если я приведу здесь хронологию пушкинского пребывания в деревне (насколько она известна).

Ребенком Пушкин в течение шести лет проводил летние месяцы в Захарьино (или Захарово), имении его бабки по материнской линии (купленном Марией Ганнибал в ноябре 1804-го и проданном в январе 1811 г.) в Звенигородском уезде Московской губернии.

Девять раз (см. иже, LV, 12) Пушкин жил в Михайловском Опочецкого уезда Псковской губернии:

осенью и зимой 1799 г., на первом году жизни;

с середины июня по конец августа 1817 г., вскоре после окончания Лицея;

с середины июля по середину августа 1819 г.;

* Завтрашний день показался ей немного бесцветным, / Завтрашний день оказался тоскливым и утомительным; / Завтрашний день был для нее невыносим (*фр*)

** Богач, заранее вкусив все удовольствия, / ... / Воскликнет, проснувшись поутру. «Как город мне наскучил! / Летим в поля там-то насладимся жизнью, / Там будем счастливы». Он отправляется в путь, летит, приезжает; скука / Встречает его у ограды и тащится вслед за ним (*фр*).

с 9 августа 1824-го по 4 сентября 1826 г. — по царскому приказу;
с начала ноября до середины декабря 1826 г.;
с конца июля по вторую неделю октября 1827 г.;
с 8-го по 12 мая 1835 г. (приезжал по делам в Тригорское);
со второй недели сентября по середину октября 1835 г.²⁹;
на второй неделе апреля 1836 г. (похороны матери).

Осенью 1830 г., последнего года своей холостой жизни, Пушкин провел три исключительно плодотворных месяца (с сентября по ноябрь) в Болдине, отцовском имении на юго-востоке Нижегородской губернии, в Лукояновском уезде, и в 1833 г. снова прнехал туда работать на два месяца (октябрь и ноябрь). В третий, последний раз он жил там с середины сентября по середину ноября 1834 г. (См. также коммент. к гл. 8, XVII, 3.)

Другие места, связанные с творчеством Пушкина, — это Каменка, поместье Давыдовых под Киевом, где поэт гостил зимой 1820 / 1821 гг., и вотчины семьи Вульф в Старицком уезде Тверской губернии (Малинники, Павловское и др.), где Пушкин гостил четыре раза (две недели в феврале 1827 г., с последней недели октября по первую неделю декабря 1828 г., 7—16 января 1829 г. и с середины октября по первую неделю ноября 1829 г.)³⁰.

1—2 В письме Вяземскому из Царского Села, от 27 марта 1816 г., школяр Пушкин так жаловался на свое лицейское уединение:

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединенье,
Кто видит только в отдаленье
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже. стадо с пастухом!

Ср. у Дюси: «J'étais né pour les champs» («Epître à Gérard») или «C'est pour l'ombre et les champs que le ciel m'a fait naître» («Vers d'un homme qui se retire à la campagne»)*.

2—4 В пушкинском стихотворении «Деревня» (1819, 61 стих, вольный ямб) есть родственные строки:

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
.
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине

6 . над озером пустынным... — Я взял для перевода несколько устаревший, но текстуально более точный эпитет «wasteful», а не «desolate» или «lonely».

7 *И far niente мой закон.* — Ср. у Франсуа де Берни (1715—1794) в «Послании о лени» (François de Bernis, «Epître sur la paresse»): «...Goûter voluptueusement / Le doux plaisir de ne rien faire»** — или у Луи де Фонтана (1757—1821) в «Оде»

* «Я рожден был для полей» («Послание к Жерару»), «Небо дало мне жизнь для тенистой прохлады и полей» («Стихотворение человека, бежавшего из города») (фр).

** «С наслаждением вкушать / Сладкое удовольствие ничегонеделанья» (фр).

(Louis de Fontanes, «Ode», 1812): «Je lis, je dors, tout soin s'efface, / Je ne fais rien et le jour passe / ...je goûte ainsi la volupté»* — и сотню подобных же пассажей у других *petits poètes*** . Итальянское «far niente» (поделенное на четыре слога, как если бы это была латынь) здесь на самом деле галлицизм (см., к примеру, «Дневник братьев де Гонкур» / «Journal des Goncourt», запись от 26 октября 1856 г.: «Un far niente sans la conscience de lui-même, sans le remords»***).

8 *Я каждым утром пробужден...* — Читатель, вероятно, распознает в этой малоудачной строчке расхожий солецизм, вместо «я каждое утро пробуждаюсь».

12 *.. бывлые годы...* — Подразумеваются летние месяцы 1817 и 1819 гг., когда наш поэт жил у матери в Михайловском (по-французски Пушкин писал его *Michailovsk, Michailovsky, Michailovskoy, Michailovsko*). Это село (второе, местное название — Зуёво), находящееся в Опочецком уезде Псковской губернии, в 26 милях от самой Опочки, в 120 милях от Новоржева, в 285 милях к юго-западу от С.-Петербурга и в 460 милях к западу от Москвы³¹, сначала принадлежало Абраму Ганнибалу, потом его сыну Осипу (деду Пушкина по материнской линии), а после его смерти в 1806 г. перешло к Надежде Пушкиной. Согласно земельной описи 1786 г., имение насчитывало 5500 акров земли, из которых одну шестую занимал густой лес (большей частью сосновый), а в нескольких деревнях проживало около двух сотен крепостных обоого полу.

Господский дом (по описанию 1838 г.) был очень простой, одноэтажный, деревянный на каменном фундаменте, имел 56 футов длины и 45,5 футов ширины, два крыльца, балкон, двадцать дверей, четырнадцать окон и шесть голландских печей. Вокруг росли кусты сирени. Было четыре жилых флигеля, баня и протянувшийся на 3000 футов парк с обсаженной липами дорогой и еловыми аллеями. С садовой террасы открывался вид на реку Сороть (14 футов шириной), выющуюся среди сочных лугов, по одну ее сторону было маленькое озеро Малнец, по другую — побольше, Лучаново. Река упоминается в последней строфе «Путешествия Онегина» (о ней же идет речь и в гл. 4, XXXVII), а озеро Лучаново фигурирует в гл. 4, XXXV и упоминается в стихотворении, которое я цитирую в коммент. к гл. 2, I.

13 *. в тени ..* — В обоих отдельных изданиях главы и в изданиях *ЕО* 1833 и 1837 гг. опечатка: «в тиши», что не рифмуется со словом «дни». Пушкин в черновой рукописи (2369, л. 20 об) вместо зачеркнутого «в тени» написал «в сени». В белой рукописи снова, пушкинской же рукой, стоит «в тени», а в копии (рукой Льва Пушкина) — «в тиши».

LVI

1 *Цветы, любовь, деревня...* — Банальная интонация перечисления *objets charmants*****, подобная той, что встречается у второстепенных французских поэтов. Ср. «Оды» Ж. Б. Руссо, III, VII:

* «Читаю, сплю и никаких забот, / Я ничего не делаю, и день проходит / ..так я вкушаю негу» (*фр.*).

** Второстепенные поэты (*фр.*).

*** «Ничегонеделанье без страха и упрека» (*фр.*)

**** Предметы очарования (*фр.*).

Des objets si charmants, un séjour si tranquille,
La verdure, les fleurs, les ruisseaux, les beaux jours *

2 *Поля!* — «Champs», употребленное в псевдолатинском значении (сельская местность, сельские просторы, campagne), вопиющее галльское клише. В XVII в. «aller aux champs»** означало «отправиться в деревню», «aller à la campagne». См., например, в «Георгиках Вергилия», II, Этьена Мартэна де Пэншена (Etienne Martin de Pinchesne, 1616—1705):

Champs, agréables champs, vos bois et vos fontaines
Regleront désormais mes plaisirs et mes peines,
Je cueillerai vos fleurs, vivrai de votre fruit,
Content d'être éloigné de la gloire et du bruit***

К 1820 г. тема восхваления деревни была в поэзии, вероятно, самым истоптанным общим местом. Пройдя путь от великих «Посланий» Горация до рационалистической дребедени Делиля, она откристаллизовалась до шаблона и растворилась до полной утраты художественности. И в конце XVIII в. даже могучий голос Андре Шенье не смог вдохнуть в нее новую жизнь:

Quand pourrai-je habiter un champ qui soit à moi?
Et, villageois tranquille, ayant pour tout emploi
Dormir et ne rien faire, inutile poète,
Goûter le doux oubli d'une vie inquiète?
Vous savez si toujours, dès mes plus jeunes ans,
Mes rustiques souhaits m'ont porté vers les champs ****

(«Элегии» [ed. Walter], II, стихи 19—24).

Mes rêves nonchalants, l'oisiveté, la paix,
A l'ombre, au bord des eaux, le sommeil pur et frais+

(«Послания» [ed. Walter]), IV, 2, «К Абелью де Фонда», стихи 5—6).

См. также коммент. к гл. 4, XXXIV, 1—4.

Пушкинским rustiques souhaits++ суждено было сбыться, несколько неожиданно для него самого, в следующем августе (1824).

См. также у Гийома Амфри де Шолье (1639—1720) начало его «Похвалы сельской жизни» (Guillaume Amfrie de Chauven, «Des Louanges de la vie champêtre»):

Désert, aimable solitude,
Séjour du calme et de la paix,

* Предметы столь очаровательные, времяпрепровождение столь спокойное / Зелень, цветы, ручьи, прекрасные дни .. (Фр.)

** «Идти в поля» (фр).

*** Поля, приятные поля, ваши леса и ваши источники / Будут отныне управлять моими радостями и заботами; / Я буду собирать ваши цветы, жить вашими плодами, / Довольный тем, что я далеко от славы и шума (фр)

**** Когда смогу я поселиться в собственной деревне? / И, как тихий селянин, все время спать, / Не делать ничего, не нужный никому поэт, / Наслаждаться забвеньем сладким жизни беспокойной? / Вам ли не знать: ведь с самых юных лет / Мечты о жизни деревенской влекли меня к полям... (Фр)

+ Мои беспечные мечты, и праздность, и покой / В тени на берегах у вод, чистый и свежий сон (фр).

++ Сельские желанья (фр).

C'est toi qui me rends à moi-même,
Tu calmes mon coeur agité,
Et de ma seule oisiveté
Tu me fais un bonheur extrême*

В русской поэзии эту тему еще в 1752 г. (когда русскому метрическому стихосложению не исполнилось и двадцати лет) опробовал Василий Тредиаковский в своих «Строфах похвальных поселянскому житию» — подражании Горацию, написанном пятистопным хореем с перекрестными рифмами — будущим размером прекрасных стихов Лермонтова в XIX в. и Блока в XX в. Вот *décor* «Аркадии» Тредиаковского (стихи 37—40):

Быстрые текут между тем речки,
Сладко птички по лесам поют,
Трубят звонко пастухи в рожечки,
С гор ключи струю гремящу льют

3—4 *разность / Между Онегиным и мной, 10—11 [не] намарал я свой портрет, / Как Байрон*. — Ср. у Байрона песнь IV «Чайльд Гарольда», посвящение Джону Хобхаузу от 2 января 1818 г.: «...Я устал последовательно проводить линию, которую все, кажется, решили не замечать. ...Я напрасно доказывал и воображал, будто мне это удалось, что пилигрима не следует смешивать с автором. Но боязнь утратить различие между ними и постоянное недовольство тем, что мои усилия ии к чему не приводят, настолько угнетали меня, что я решил затею эту бросить — и так и сделал [в заключительной песни]».

В июле 1825 г., в разгар работы над «Борисом Годуновым», Пушкин писал из Михайловского Николаю Раевскому-младшему (черновик письма): «La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue... voilà la véritable règle de la tragédie... Quel homme que ce Sch[ekspir]... Comme Byron le tragique est mesquin devant lui... ce Byron... a partagé entre ses personnages tels ou tels traits de son caractère: son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième... ce n'est pas là de la tragédie... Lisez Sch[ekspir]...** (Так во Франции в XVIII в. писали имя Шекспира; см., к примеру, сатиру Лагарпа «Тень Дюкло» («L'Ombre de Duclos», 1773). Были и другие написания: в 1870 г. Дюси в своем «Послании» к кюре [Лемеру] Роканкура, под Версалем, оказывается преданным почитателем автора по имени «Sakespir».)

7 *Замысловатой* — Точного английского эквивалента этот эпитет не имеет. В ироническом употреблении он подразумевает «малопонятный», «глубокомысленный», «головоломный» и все тому подобное.

* Пустыня, любезное одиночество, / Приют спокойствия и мира, / ... / Ты возвращаешь меня самому себе; / Успокаиваешь мое взволнованное сердце; / И мою праздность превращаешь в высшее счастье (*фр.*).

** «Правдоподобие положений и правдивость диалога... вот истинное правило трагедии... Но до чего изумителен Ш<експир>... Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик... тот самый Байрон .. распределил между своими героями отдельные черты собственного характера: одному он придал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою тоску и т. д. .. это вовсе не трагедия.. Читайте Ш<експира> .» (Акад. 1937, т. 13, с. 193).

LVII

По Пушкину, механика поэтического творчества включает четыре ступени:

1. Непосредственное восприятие «милого предмета» или события.

2. Горячий прилив не выражаемого словами и не поддающегося осмыслению восторга, сопровождающий возвращение к увиденному в воображении или во сне.

3. Сохранение образа.

4. Последующее более хладнокровное воссоздание его средствами искусства; вдохновение, управляемое разумом, — перерождение в слове — новая гармония.

2 ...мечтательной... — Слово «мечта» и его производные — главные действующие лица русского романтического вокабуляра. Они постоянно сменяют друг друга, а переводчик вынужден бесконечно повторять слово «dream»; и даже если подставлять, где возможно, «waking dream», «daydream» («грезы наяву»), «fancy» («воображение») и «reverie» («мечтание» — слово в английском сентиментальное и вымирающее), перевод весьма нелегок. Звуковой облик «мечты», в котором объединились румяное «м», поцелуй «ч» и музыкальное «та», просящийся в рифму к словам на «-та» (ж. р., ед. ч.) или на «-ты» (род. пад., ед. ч. и им. пад. мн. ч.) «красота», «цветы», «ты»; множество возможных для этого слова оттенков смысла — от «химеры» до «стремления» — все это делает «мечту» самым трудолюбивым лидером романтической лексической команды. Поэты XIX в., по сути, злоупотребляли этим словом до тех пор, пока оно не утратило и прелесть, и смысл в незатейливых стихах ничтожных рифмачей и в сочинениях дам-авторесс. У Пушкина «мечта» — в числе любимых слов, как и ее производные «мечтанье» или «мечтание», «мечтать», «мечтатель» и «мечтательный» (близкое к «задумчивый» — это еще один пушкинский любимчик).

8—9 *деву гор... / И пленниц берегов Салгира*. — Здесь аллюзии на (1) черкешенку из «Кавказского пленника», «повести», начатой в августе 1820-го, оконченной весной 1821-го и опубликованной на последней неделе лета 1822 г.; (2) пленниц гарема из «Бахчисарайского фонтана», написанного в первой половине 1822-го и опубликованного 10 марта 1824 г. с интересным предисловием Вяземского*.

Это две ранние, отчетливо восточные поэмы Пушкина, два стремительных потока не разбитого на строфы четырехстопного ямба. Рудиментарная библиография, на которую наш поэт здесь намекает, будет значительно полнее, когда в первых строфах восьмой главы Пушкин, мысленно перебирая все написанное, поставит собственную Музу в один ряд со своими героинями.

Согласно Б. Недзельскому (см. Бродского, 1949), словом «Салгир» татары называли *любую* реку в Крыму. Здесь оно явно означает реку Чурюк (или Чурук) недалеко от татарского города Бахчисарай в центральном Крыму, бывшей резиденции крымских ханов (1518—1783), а затем туристской достопримечательности. Возможно, однако, что Пушкин перепутал Чурюк с настоящим Салгиром — рекой в другой, восточной части Крыма, которая начинается вблизи Аяна и течет на север, к Симферополю.

* «Разговор Издателя с Классиком», направленный против журнала «Благонамеренный». (Примеч. В. Н.)

LVIII

- 2 *Умильной лаской...* — Этот же эпитет встречается в гл. 2, XXXV, 11; он означает *attendrissement**, нежное чувство к чему-то вас тронувшему. Точного английского эквивалента не существует. Пушкин использует его, по сути, в значении «умиленный», фр. *attendri*, то есть «испытывающий умиление», хотя, если быть абсолютно точным, «умильный» относится к внешнему виду того, что (или кто) вызывает или испытывает умиление.
- 5 *И, други, никого, ей-Богу!* — Лучшее, что я смог придумать для передачи архаичного эмфатического междометия-разубеждения «и» — слово «faith» («верьте»). По значению «и» здесь близко к «*ma foi*»**.
- 8 *Блажен, кто...* — Вряд ли необходимо напоминать читателю, что все эти «блажен, кто...», «счастлив, кто...», «благословен, кто...» и т. д. идут (через фр. «*heureux qui*») от «*felix qui*» или «*beatus ille qui*» античных поэтов (например: Гораций, «Эподы», II, 1).

LIX

- 6—8 Пушкин написал это 22 октября 1823 г. в Одессе, а семь месяцев спустя слева на полях черновой рукописи гл. 3, XXIX (2370, л. 2; Эфрос, с. 197), около стихов 6—8:

Мне галлнцизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановнча стнхи —

пером нарисовал выглядывающие из-под элегантного платья скрещенные женские ножки в белых чулках и остроносых черных лаковых туфельках, крест-накрест перевязанные на подъеме лентами. Эфрос считает, что они принадлежат графине Елизавете Воронцовой, чей портрет (минус ножки) набросан справа на той же странице рукописи, над стихами и прямо среди них. Правда, на стройной шее нет ожерелья. Набросок гл.3, XXIX датируется 22 мая 1824 г. — эта дата стоит (2370, л. 1) над первым черновиком знаменитого пушкинского письма (заканчивающегося как раз над профилем Элизы Воронцовой на л. 2) к Александру Казначееву (1788—1880), директору канцелярии графа Воронцова, доброму и милому человеку. В этом письме Пушкин объясняет, что исполнение обязанностей служащего при новороссийском генерал-губернаторе будет препятствовать его гораздо более прибыльному литературному труду. Желая формально остаться приписанным к канцелярии, он, ввиду своего «аневризма» (что, *sensu stricto****, является постоянным нездоровым расширением воспаленной артерии, случающимся вследствие заболевания стенки сосуда, на самом деле Пушкин страдал расширением вен на ногах, такой диагноз был поставлен ему в конце сентября 1825 г. в Пскове, после неудачной попытки нашего поэта воспользоваться своим «смертельным аневризмом» для получения разрешения на поездку за границу), просил «оставить [его] в покое на краткий остаток

* Умиление (фр).

** Честное слово, право, ей-Богу (фр)

*** В узком смысле (лат).

жизни, которая, верно, не продлится» (этимися словами письмо заканчивается на л. 2; «верно» тонет в прическе Элизы Воронцовой).

Первым воспроизвел пушкинские изображения женских ножек в черновых набросках *ЕО* (хранившихся тогда в Румянцевском музее) С. Венгеров в своем издании Сочинений Пушкина (1909), т. 3, с. 247. Он дает три рисунка подряд. Второй из них я описал выше по репродукции Эфроса, с. 197 (2370, л. 2). На первом изображена, боком, левая женская нога в узком сапоге для верховой езды, острым носком опирающаяся на треугольник стремени. Если беглое упоминание Венгеровым «тетради 2369, л. 2» относится к этому наброску, а не к третьему, то стремени касалась какая-нибудь кишиневская дама весной 1823 г. Нога на третьем рисунке, возможно из «тетради 2370, л. 8», если судить по наброскам к гл. 1, XXII, явно принадлежит танцовщице — стоящая на пуанте, с высоким подъемом и мускулистой икрой.

- 14 *Поэму песен в двадцать пять* — Здесь та же шутливая угроза, что и у Грессе: «...Et par vingt chants endormir les lecteurs»* («Вер-Вер», I, 19; см. коммент. к гл. I, XXXII, 7—8). Байрон обещал, что в «Дон Жуане» будет «двенадцать, а то и двадцать четыре» песни (II, CCXVI, 5), но умер, не дописав семнадцатую.

LX

- 2 Стилистический ход, который сообщает происходящему в главе дополнительную «реальность», давая понять, что Онегин каким-то образом превратился в осязаемую личность, «покамест» автор возился с (неведомым) героем своей следующей поэмы (обещанной читателю в LIX: 14), длинной и заведомо скучной.
- 3—4 *...моего романа . первую главу...* — «Евгения Онегина».
- 6 *Противоречий...* — Вряд ли имеются в виду хронологические погрешности; скорее — противоречивость природы Онегина, одновременно сухой и романтической, холодной и пылкой, поверхностной и глубокой.
- 8 *Цензуре долг свой...* — Подразумевается, что отдельные фрагменты придется исключить.
- 9 *...журналистам...* — Стерн бы обратился к «Messrs. the Monthly Reviewers!» («Господам авторам ежемесячных обзоров»).
- 11—12 *Иди же к Невским берегам, / Новорожденное творенье!* — Явное подражание широко известным строчкам Горация из «Посланий», I, XX. Восемнадцатый век знает множество их парафразов; например, у Льюиса в «Предисловии» к «Монаху»:

Now, then, your venturous course pursue,
Go, my delight! dear book, adieu!

(Теперь иди своей опасной дорогой,
Иди, моя отрада! Дорогая книга, прощай!)

* «...И на двадцатой песне усыпить читателя» (*фр*).

«Новорожденное» в данном контексте — галлицизм. Ср.: Жильбер, «Осьмнадцатое столетие» («Le Dix-huitième Siècle», 1775), стих 391: «Officieux lecteur de ces vers nouveaux pés...»*

14 *Кривые толки* — Здесь, вероятно, следует понимать как «неверное толкование». В более общем контексте это может означать также «ложные слухи» или «праздную болтовню».

Предвзятое суждение о некотором поверхностном сходстве первой главы с байроновским «Беппо» привело к тому, что Пушкина стали считать учеником Байрона, и, как следствие, первые читатели *ЕО* сравнивали автора с «русским Байроном» Иваном Козловым, популярной посредственностью; ирония здесь в том, что сравнение не всегда было в пользу Пушкина. В связи с выходом поэмы Козлова «Чернец» (четырехстопная история молодого монаха с темным прошлым) Вяземский писал 22 апреля 1825 г. Александру Тургеневу: «...скажу тебе на ухо — в „Чернце“ более чувства, более размышления, чем в поэмах Пушкина»³². В тот же день Языков писал брату о том же «Чернце», которого еще не успел прочесть: «Дай Бог, чтоб правда, чтоб он был лучше Онегина»³³. Почему Бог должен был это дать, не совсем ясно, но когда была написана вторая глава *ЕО*, Языков, по крайней мере, имел удовольствие найти ее «не лучше первой... та же рифмованная проза»³⁴.

Под строфой XL Пушкин написал по-французски:

October 22

1823

Odessa

* «Официальный читатель этих новорожденных стихов. .» (Фр)

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эпиграф

O rus! / Hor. / O Русь!.. — Первое восклицание («О поля!») заимствовано из «Сатир» Горация (кн. 2, сатира 6):

О, когда ж я увижу поля? [«*O rus, quando ego te aspiciam*»] И позволит ли жребий
Мне то в писаниях древних, то в сладкой дремоте и в лени
Вновь наслаждаться забвением жизни пустой и тревожной!

Эта тема поднимается нашим поэтом вновь в гл. 4, XXXIX, 1, см. коммент.

Второе восклицание — «Русь!» — является древним названием и лирическим сокращением слова «Россия».

В дневнике Стендаля за 1837 г. я нашел следующую запись: «En 1799... Je parti aristocrate attendait les Russes à Grenoble [Суворов был в Швейцарии] ils s'écriaient*: „*O rus, quando ego te aspiciam!*..“» (Journal. Paris, 1888 edn., App. VII). Стендаль избрал такой же эпиграф («*O rus, quando ego te aspiciam!*») для главы 31 («Сельские развлечения») своего романа «Красное и черное» (1831).

Л. Гроссман в «Этюдах о Пушкине» (М., 1923, с. 53) сообщает, что нашел тот же каламбур в «Бьевриане» («*Bièvrina*») издания 1799 г. Сборник, к которому обратился я, «Бьевриана, или Каламбуры маркиза де Бьевра» («*Bièvrina, ou Jeux de mots de M. de Bièvre*», ed. Albéric Deville. Paris, 1800) Франсуа Жоржа Марешаля, маркиза де Бьевра (1747—1789), такой игры слов не содержит. В различных сборниках подобного рода многие остроты, приписываемые Бьевру, связаны с событиями, произошедшими уже после его смерти.

В черновике, возможно относящемся к «Альбому Онегина» (см. строфу XIV «Альбома» в коммент. к гл. 7, XXII альтернативная строфа), анекдоты из «Бьеврианы» верно охарактеризованы как «площадные».

I

Отголоски следующих мотивов из знаменитого стихотворения Пушкина «Деревня» (см. коммент. к гл. 1, LV, 2—4), состоящего из двух частей (идиллического описания Михайловского, которое поэт посетил в то лето, и красноречивого обличения крепостничества), звучат во второй главе *ЕО*. «уголок», «приют», «ручьи», «нивы», «вдали рассыпанные хаты», «бродящие стада» и т. д. Во второй

* «В 1799 . группа аристократов ждала русских в Гренобле, они восклицали „О деревня, когда же тебя я увижу!..“» (Лат)

части стихотворения «друг человечества» затмевает «друга невинных наслаждений», и Пушкин бросает в лицо развратным помещикам суровое обвинение. Позже, однако, сам Пушкин не гнушался возможностью задать трепку крепостному мужику или сделать ребенка дворовой девке (см. коммент. к гл. 4, XXXIX, 1—4).

1 <...>

2 ...уголок... — Лат. *angulus mundi** (Проперций, IV, IX, 65) и *terrarum angulus*** (Гораций, «Оды», II, VI, 13—14), фр. *petit coin de terre****.

Небольшое владение Горация («*ragua ruga*» — «маленькие поля») угнездилося в естественном амфитеатре среди холмов сабинян в тридцати милях от Рима. Пушкин использует собственные деревенские воспоминания 1819 г. в конце первой главы и начале второй. Но следует иметь в виду, что поместье Онегина располагалось в Аркадии, а не в Псковской или Тверской губернии.

Пушкину предстояло вернуться к теме «уголка» двенадцать лет спустя в своей восхитительной элегии, посвященной Михайловскому. Написанная белым стихом, она начинается словами «...Вновь я посетил...» (26 сентября 1835 г.):

[Михайловское!] Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных

Стоящее в скобках «Михайловское», я полагаю, как раз и есть именно то слово, которое опустил Пушкин и которое наиболее логично заполняет первые пять слогов начальной строки¹.

Вопрос о влиянии Вордсворта на «Возвращение в Михайловское», как можно было бы назвать это стихотворение, слишком сложен, чтобы обсуждать его здесь, но в связи с «уголком» я мог бы процитировать следующие строки из его поэмы «Прогулка» («*The Excursion*», 1814), ч I, «Странник» («*The Wanderer*»), стихи 470—473:

we die, my Friend,
Nor we alone, but that which each man loved
And prized in his peculiar nook of earth
Dies with him, or is changed

(мы умираем, друг,
Не мы одни, но все, что каждый человек любил
И пестовал в своем углу земном,
Все умирает с ним или меняет облик)

3 ...друг невинных наслаждений... — Человеком, знающим толк в прелестях сельской жизни, мог бы быть, например, аббат (Пьер) де Вильер (Abbé Pierre de Villiers, 1648—1728). См. его стансы «Похвалы одиночеству» («*Eloges de la solitude*», в Ториньи, близ Санса).

I

Dans le fond d'un vallon rustique,
Entre deux champêtres coteaux,

* Уголок мира (лат)
** Уединенное место, уголок (лат)
*** Маленький уголок земли (фр)

Глава вторая: I

De toute part entoures d'eaux,
S'éleve un bâtiment antique.
Des prés s'étendent d'un côté,
De l'autre avec art est planté
Un bois percé de vingt allees

II

C'est là l'aimable solitude
Ou d'un tranquille et doux loisir
Je goûte l'innocent plaisir,
Libre de toute inquietude

VIII

Ici, pour L'Auteur de mon être
Tout sollicité mon amour *

См. также Ж. Б. Руссо, «Кантата», III

Heureux qui de vos doux plaisirs
Goûte la douceur toujours pure! **

8 <...>

10 <...>

12—14 *Impénétrables voûtes, dômes touffus, larges ombrages, épaisse verdure, abris, retraite, dryades****, и т. д. — излюбленные клише французской поэзии XVIII в. (какие использует, например, Фонтан в своем «Наваррском лесу» («La Forêt de Navarre», 1780), *â dédales***** которого поэт блуждал «tel jadis à Windsor Pope s'est égaré»+; здесь, у Пушкина, они сведены в изящную миниатюру.

*

I

В глубине деревенской долины,
Меж двух полевых косогорюв,
Со всех сторон окруженных водой,
Высится древнее строение
С одной стороны раскинулись луга,
С другой — искусно насаженная роща,
Прорезанная двадцатью аллеями

II

Там — то любезное моему сердцу уединенное,
Где в часы сладкого и тихого досуга
Я вкушаю невинное наслаждение,
Чуждый всякого беспокойства

VIII

Здесь к моему создателю
Все вызывает во мне любовь (фр)

** Счастлив тот, кто ваших тихих удовольствий / Вкушает вечно чистую сладость!
(Фр)

*** Непроницаемые своды, густые сады, большая тень листвы, плотная зелень, пристанища, приют, дриады (фр)

**** В лабиринтах (фр)

+ «Как некогда в Виндзоре блуждал Поуп» (фр)

Варианты

1—4 Отвергнутый черновой вариант (2369, л. 23):

Деревня, где скучал Евгений,
Была пустая сторона
Для беспорочных наслаждений
Она казалась создана

6 Зачеркнутый черновой вариант (там же):

Двумя садами огражденный

II

1 ...*замок*. — Так обычно переводится на русский французское *château*. Объяснение использования этого слова Пушкиным, которое предлагает Чижевский («возможно, под влиянием балтийских областей неподалеку» — какое влияние? неподалеку от чего?) — типичный пример комической наивности его по верхам бегущего, а точнее, спотыкающегося комментария к *ЕО* (см. коммент. к гл. 2, XXX, 3)

1—3 <...>

4 ...*старины*. — В произведении, где постоянно речь заходит о «новизне» и «моде», их противопоставление старому, немодному и патриархальному неизбежно. Кроме того, «старина» входит в группу слов с окончанием «-на», рифмовать которые Пушкин имел особое пристрастие

4—7 Описательные обороты, употребленные в этой строфе, характерны для европейского романа того времени, независимо от того, была ли местом действия Московия или Нортгемптоншир. Я имею в виду описание дома Джеймса Рашуэрта (из романа Джейн Остин «Менсфилд-парк», 1814, о котором мало известно в России. См. коммент. к гл. 3, Письмо Татьяны, 61) состоявшего из «нескольких комнат, с высокими потолками, щедро меблированных по моде пятидесятилетней давности, с натертыми до блеска полами [и] богатыми дамастными тканями... [Картины] по большей части были семейными портретами» («Mansfield Park», vol. 1, ch. 9).

7 Сначала Пушкин написал «царей портреты», но «для цензуры» (не следовало упоминать царей этак мимоходом) он заменил их на «портреты дедов».

Пушкинское примечание в обеих беловых рукописях гласит: «Дл[я] ценз[уры] портреты предков».

14 <...>

Варианты

5 Отвергнутый черновой вариант (2369, л. 24 об):

Блистают пышные покон

7—8 Отвергнутый черновой вариант (там же):

Но в том и нужды было мало
Скупому дяде богачу

III

11 ...с яблочной водой... — яблочный отвар, яблочный напиток. Буквальный перевод французского названия (eau-de-pomme), которое постоянно встречается в медицинских предписаниях XVIII в. Некоторые читатели понимают под ним «яблочную водицу» или «яблочную водку» («applejack» — яблочное бренди), которая хранится в закупоренных бутылках. Ср: брусничный отвар или «брусничная вода», упомянутая в гл. 3, III, 8 и IV, 13.

12 ...календарь... — Мое понимание смысла этого слова основано на отрывке из первой главы романа Пушкина «Капитанская дочка», начатого десять лет спустя (23 января 1833 г.): «Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи»

Однако следует отметить, что ежегодный «Брюсов календарь», подобие «Фермерского альманаха» («Farmer's Almanack», см. коммент к гл. 2, XLI, вар. 7), мог бы быть в данном случае столь же читаем, разве только помещик, скорее всего, пользовался бы изданием поновее².

Варианты

В зачеркнутом черновом варианте (2369, л. 25), «комната» названа «кабинетом», «ключница» заменена на «приказчика», в комнате стоят «большие кресла, стол дубовый» (стих 5), когда Онегин отворяет шкафы, то находит «наливки, сахар» в одном и «чай» в другом (стих 11) В этом черновике III идет после IV.

IV

6—7 .. барщины . оброком . — Барщина — неоплачиваемый труд крепостного на своего господина; оброк — разновидность земельной ренты, которую выплачивает крепостной либо вместо барщины, либо для получения разрешения заниматься каким-нибудь ремеслом на стороне.

Цивилизованные помещики первой половины XIX в. делали, что могли, для облегчения участи крепостного — часто в ущерб собственным интересам, чему едва ли поверит марксист. Таких помещиков было не очень много, но, в конце концов, гуманность восторжествовала и крепостные были официально освобождены в 1861 г.

В расцвете своих лет многие люди — поэты, монархи и прочие — стремятся исправить мир затем только, чтобы потом превратиться в хладнокровных консерваторов или замшелых деспотов Онегин на глазах у довольного Пушкина приносит небольшую жертву сострадательной и безрассудной молодости, — и соседи-скептики улыбаются (IV, 12), понимая, что его причуда продлится недолго

По этому поводу ужасно кипятится Н. Л. Бродский, посвящая четыре страницы кошмарным рассуждениям на темы вроде: «Как мог дворянин Онегин осуществлять недворянскую программу?» И умудряется даже ответить на свой вопрос.

- 8 ...*музик*... — во всех изданиях 1825—1837 гг. В черновике (2369, л. 24 об.): «И Небо раб благословил» В отвергнутых черновиках: «народ» и «мужик». В белой рукописи: «И раб судьбу благословил».
- 11 ..*sosed* .. — Здесь и далее в романе (например, гл. 8, XVIII, 4) «сосед» скорее означает «деревенский сосед», «местный землевладелец», «знакомый помещик», а в двух случаях просто «помещик» (гл. 5, XXXV, 6; гл. 6, XXXV, 4). Подходящее для ямба строение этого слова и легкость, с какой его можно рифмовать, делают его одной из тех единиц стиха, которые без труда занимают надлежащее место, в результате чего отличаются довольно монотонной повторяемостью.

Вариант

- 5 В черновике (2369, л. 24 об) читаем:

Свободы <сеятель пустынный>

Строчка эта была использована Пушкиным в коротком стихотворении, написанном немного позднее (Одесса, ноябрь 1823 г.):

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды,
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич

V

5—6 <...>

- 6 ...*дроги*... — Слово «дроги», употребленное здесь, может означать в широком смысле «старинный экипаж» или, как я полагаю, в данном контексте особую самодельную повозку простой и надежной конструкции, без рессор, которую русский помещик использовал так же, как английский использовал свой «shooting break» (охотничий открытый экипаж с двумя продольными скамьями) или «dogcart» (высокий двухколесный экипаж с местом для собак под сиденьями).

7 <...>

- 10 ...*фармазон*... — Либеральная мысль XVIII в. искала прибежища в масонских организациях. Провинциальный помещик видел в масонах революционеров. В России масонские ложи были запрещены весной 1822 г. (см. об этом также в моем Предисловии, раздел «Генезис „Евгения Онегина“», с. 68). В отвергнутом черновике (2369, л. 24) вместо «фармазон» стоит «либерал», который восстановлен в первой белой рукописи главы.

Слово «фармазон» (просторечие того времени, означающее «франкмасон» или «масон») произведено от французского «*franstaçon*» и использовалось в значении «дерзкий вольнодумец».

10—11 ...пьет одно / .. красное вино... — По-видимому, здесь намек на то, что Онегин предпочитает бокал заграничного вина шкалику доброй русской водки. Однако слово «одно» можно истолковать не как «только», а как «неразбавленное»: он фармазон, он пьет красное неразбавленное вино стаканом. Но в то время пить разбавленное вино стал бы скорее пресыщенный франт из Петербурга, а не деревенский любитель опрокинуть рюмочку. Похоже, Онегин, как и Пушкин, перешел от шампанского к бордо (см гл. 4, XLVI).

В XVIII и начале XIX в. мужи зрелого возраста разбавляли вино водой. В плане антологическом Пушкин прославил этот способ в стилизованных стихотворениях 1833 и 1835 гг. («Юноша, скромно пируй...» и «Что же сухо в чаше дно...»), а в плане биографическом сам добавлял сельтерскую воду в шампанское, как Байрон добавлял ее в рейнвейн. Судя по замечанию Веллингтона (1821), на которое ссылается Сэмюэл Роджерс в своих «Воспоминаниях» (Samuel Rogers, «Recollections», 1856), Людовик XVIII смешивал шампанское с водой.

14 Отсталые провинциалы сочли Онегина чудаком. На деле же печать его эксцентричности (байронические приступы дурного настроения, метафизический культ Наполеона, французские клише, английское платье, дух «революционности» — производной скорее от «Вольтера», чем от «революции», — и тому подобное) характерна сама по себе для определенного круга, условностям которого Онегин подчиняется ничуть не меньше, чем презираемые им обыватели условностям своего более широкого слоя. За последнее время онегинская идеология была значительно идеализирована советскими идеалистами. Это единственная причина, заставившая меня в данном примечании отклониться в сторону и рассматривать Онегина как «реальное» лицо.

Можно лишь размышлять над тем, не таилась ли в закоулках призматического сознания Пушкина замечательная история о попытках декабриста Ивана Якушкина в 1819 г. улучшить положение крестьян в своем имении (в Смоленской губернии). (Не исключено, что Якушкин рассказывал об этом Пушкину в 1821 г.) Якушкин пишет в своих воспоминаниях (1853—1855, в кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Под ред. И. Щипанова. Л., 1951, т. 1, с. 115—117), что соседи сочли его «чудаком» и именно это слово употребляет Пушкин для характеристики Онегина. (См. также коммент. к гл. 10, XVI.)

VI

5 Ленский — третий основной герой романа. В этих строфах восемнадцатилетний Ленский завязывает с двадцатилетним Онегиным более тесную дружбу, чем двадцатилетний Пушкин в первой главе; но с другой стороны, наивный и восторженный юноша, успешно замещающий Пушкина среди привязанностей Онегина, отличается от последнего сильнее, чем Пушкин, который по меньшей мере был столь же опытен и разочарован в жизни. Ленский и Пушкин понимают поэзию лучше Онегина, но Пушкин восемнадцати лет (в 1817 г.) был несоизмеримо лучшим поэтом, чем Ленский сейчас («1820» г.), хотя оба они разделяли модное влияние французской элегии, офранцуженного «Оссиана» и переложений

немецких поэтов, вышедших из-под пера Жуковского и мадам де Сталь. Онегин станет испытывать к Ленскому покровительственное чувство, в котором снисходительность сменяется подшучиванием; с Пушкиным же, несмотря на разницу в возрасте, Онегин на равных; и если Онегин обучает Пушкина байроновской меланхолии, то Пушкин может преподать ему пару дополнительных уроков, касающихся женщин, — того, чего не прочтешь у Овидия.

Фамилия Ленский (производная от названия реки в восточной Сибири) уже встречалась раньше. В первом издании эпической поэмы «Россиада» Михаила Хераскова (1733—1807), чудовищно занудном нагромождении псевдоклассических банальностей (но почитавшейся бессмертной среди современников), одним из советников царя Ивана выступает негодяй по фамилии Ленский. В одноактной комедии «Притворная неверность», переделанной Грибоедовым и Андреем Жандром (1789—1873) из «Les Fausses infidélités» (1768) Николя Тома Барта, впервые поставленной 11 февраля 1818 г., среди русских имен, заменивших французские, мелькает и имя некоего Ленского (этот веселый молодой человек и его приятель разыграли одного старого фата с помощью своих возлюбленных, притворившихся влюбленными в старика).

- 6 *...геттингенской...* — Геттингенский университет (в одноименном городе княжества Ганновер в северо-западной Германии) с улыбкой вспоминается в письме поэта Батюшкова Александру Тургеневу (выпускнику Геттингенского университета) от 10 сентября 1818 г. из Москвы в Петербург: «Сверчок* что делает? Кончил ли свою поэму [«Руслан и Людмила»]? Не худо бы его запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою. <...> Как ни велик талант Сверчка, он его промотает, если... Но да спасут его музы и молитвы наши!»³

Александр Тургенев (1784—1845) содействовал зачислению Пушкина в Лицей в 1811 г., и он же сопровождал гроб с телом поэта из Петербурга в Святые Горы (Псковской губернии) в феврале 1837 г.

Любопытно отметить, что вымышленный Владимир Ленский — это второй геттингенский студент среди приятелей Онегина; первым был Каверин (гл. 1, XVI, 6, см. коммент.), который, согласно исторической правде, закончил учебу в семнадцать лет, то есть в возрасте Ленского.

Тынянов (см. коммент. к гл. 2, VIII, 9—14, варианты) видел в Ленском второй главы портрет Кюхельбекера, ездившего в 1820 г. в Германию. Я категорически против поисков прототипов, поскольку они затемняют истинные, всегда атипичские приемы гения.

Наречие «прямо», относящееся к «геттингенской», — слабая увертка. В обоих отдельных изданиях второй главы (1826, 1830) дано: «душой филистер геттингенский» вместо окончательного «с душою прямо геттингенской». Булгарин в рецензии на вторую главу, напечатанной в «Северной пчеле» (1826, СХХХII), отметил, что «Philister» — это студенческое жаргонное обозначение горожанина, человека для университета постороннего, в противоположность студенту, тогда как Пушкин (который, между прочим, повторяет ту же ошибку в письме от 7 мая 1826 г. к Алексею Вульфу, дерптскому студенту) имел в виду слово

* Сверчок — прозвище беспутного девятнадцатилетнего Пушкина, члена основанного в 1815 г. литературного кружка «Арзамас», где на обед подавали «арзамасского гуся». (Примеч В Н)

«Bursch»* или «Schwärmer»**, обозначающие студентов. Если бы Пушкин был готов принять совет критика, он мог бы просто переделать строчку на «душою швермер геттингенский», но тогда он не вынес бы торжества Булгарина. При- скорбно, что наш поэт по крайней мере не вернулся к черновику (2369, л. 25 об.) и к первой белой рукописи: «...школьник геттингенской» (здесь устаревшая форма окончания именительного падежа мужского рода, совпадающая с окончанием творительного падежа женского рода)⁴.

7 ...*полном*... — Прилагательное «полный» часто используется поэтами, чтобы заполнить место в середине стиха (как здесь) или чтобы стих закончить. Предикат женского рода «полна» — удобная рифма, а предикат мужского рода рифмуется лишь с «волн» и «челн». <...>

8—9 *Поклонник Канта . Германии туманной*... — Кроме переводов и адаптаций немецких авторов, выполненных Жуковским и другими, книга мадам де Сталь «О Германии» (весьма посредственное сочинение, написанное ею в сотрудничестве с добросовестным, но *talentlos**** Августом Вильгельмом Шлегелем в 1810 г.) была для Пушкина почти единственным источником сведений о немецкой литературе (см. гл. 1, VI, вар. 9—10). Такие формулировки из этой книги (Oeuvres, 1820—1821, vol. 10), как «Les Allemands... se plaisent dans les ténèbres» (ч. II, гл. 1), «[ils] peignent les sentiments comme les idées, à travers des nuages» (ч. II, гл. 2), «[et ne font] que rêver la gloire et la liberté»**** (там же; ср. в *ЕО*, гл. 2, VI, 11: *вольнолюбивые мечты*), так же как и *sentiments exaltés*+ (ср. гл. 2, IX, 12: *возвышенные чувства*), которые де Сталь приписывает поэзии Виланда (ч. II, гл. 4), или *enthousiasme vague*++ ее Клопштока (ч. II, гл. 5), определяют качества, из которых мироощущение Ленского формируется его создателем. Впрочем, как будет видно из дальнейшего изложения, поэзия и лексикон самого Ленского оказываются в долгу перед третьестепенной французской поэзией в не меньшей степени, чем перед французскими или русскими переложениями Шиллера.

Все, что Ленский почерпнул у Канта, можно проследить по той же книге «О Германии» (Oeuvres, vol. 11): «[Kant] assigne [au sentiment] le premier rang de la nature humaine... le sentiment du juste et de l'injuste est, selon lui, la loi primitive du cœur, comme l'espace et le temps celle de l'intelligence»+++ (ч. III, гл. 6).

И далее: «.. [De l']application du sentiment de l'infini aux beaux-arts, doit naître l'idéal, c'est-à-dire le beau, considéré.. comme l'image réalisée de ce que notre âme se représente»++++. Существительное «идеал» станет последним словом последнего стихотворения, на котором в последний раз задремлет бедный поэт перед

* Бурш, студент (член студенческой корпорации в Германии, *нем*)

** *Букв*: мечтатель, энтузиаст, фанатик (*нем*)

*** Бездарным (*нем*)

**** «Немцы хорошо себя чувствуют в потемках», «[они] живописуют чувства, а также и идеи, — сквозь тучи», «[и лишь] мечтают о славе и свободе» (*фр*)

+ Возвышенные чувства (*фр*).

++ Неопределенный восторг (*фр*)

+++ «[Кант] отдает [чувству] первое место в человеческой природе .. чувство правды и несправедливости, по его мнению, естественный закон сердца, а пространства и времени — закон разума» (*фр*)

++++ «...[Из] приложения чувства бесконечного к изящным искусствам должен возникнуть идеал, иными словами — красота, понимаемая как осуществленный образ того, что представляется нашей душе» (*фр*)

поединком в шестой главе. Довольно любопытно, что это же слово окажется ключевым в последней строфе последней главы *ЕО*.

- 11 *Вольнолюбивые* . — Пушкин, уже использовавший этот составной эпитет раньше («Чаадаеву», 1821, стих 82), отмечал в письме к Николаю Гречу (от 21 сентября 1821 г., Кишинев), что слово это удачно передаст смысл французского *liberal* Рифма «плоды — мечты» — бедная
- 13 *Восторженная...* — <...> Ср.: Руссо, «Юлия», Второе предисловие: «.. une diction toujours dans les nues»*
- 14 *И кудри черные до плеч.* — В те времена носить волосы до плеч не считалось у юношей признаком женоподобия

Варианты

2—3 Отвергнутый черновой вариант (2369, л. 25 об).

Другой помещик <прискакал>
Владимир Холмской

Представляется несомненным, что Пушкин изменил фамилию на «Ленской» (которая впоследствии стала писаться «Ленский»), дабы рифмовать ее с прилагательным «геттингенской» (так стих 6 заканчивается в черновике).

6 Отвергнутые черновые варианты (2369, л. 25 об) таковы.

Кудрявый школьник Геттингенской
Душой мечтатель Геттингенской

8—12 Черновик (2369, л. 25 об):

Крикун, мятежник и поэт
Он из Германии свободной
<Привез> учености плоды
Вольнолюбивые мечты
Дух пылкии прямо благородныи

В этом черновике Пушкин поиграл с «немного вольными мечтами» и «неосторожными мечтами».

В первой белой рукописи слово «мятежник» благоразумно заменено на «красавец».

VII

Здесь Пушкин начинает разработку темы Ленского. Она подразумевает описание естества этого молодого заурядного поэта посредством того языка, который сам Ленский использует в своих элегиях (пример дается в шестой главе), — то размытого смещением несфокусированных слов, то наивно воспаряющего в псевдоклассической манере посредственных французских рифмачей. Даже самый точный перевод склоняется к тому, чтобы, привнеся некий смысл, улучшить неопределенную *flois*** замечательного пушкинского перевоплощения.

* « Речь всегда восторженная» (фр)

** Туманность (фр)

Эта строфа (см.: Публикация «Евгения Онегина», пункт 2) была первой строфой романа, которую напечатал Пушкин в конце декабря 1824 г. (в «Северных цветах» Дельвига на 1825 г.). Подозреваю, что причиной, заставившей нашего поэта выбрать эти отрывки (строфы VII—X) для предварительной печати, было стремление привлечь внимание друзей (в строфе VIII) к тому, что ни один из них не постарался разбить сосуд *его* клеветников (см. коммент. к гл. 4, XIX, 5).

Варианты

4 Отвергнутый черновой вариант (2369, л. 25 об.) гласит:

И ласкою париасских дев

Это доказывает, что Ленский был верен своей нареченной и заигрывал лишь с музами.

9—14 В первой белой рукописи:

Он знал и труд и вдоховенье
И освежительный покой
К чему-то в жизни молодой
Неизъяснимое влечение,
Страстей кипящих буйный пир
И слезы и сердечный мир

VIII

1, 5 <...>

5—6 ...друзья . оковы... — Тут слышится переключка с историей Дамона и Пифия (последний получил три дня отсрочки для приведения в порядок своих дел перед казнью; первый же отдал в заклад свою жизнь до возвращения друга) в том виде, как ее изложил Шиллер в балладе «Порука» (1799), существовавшей в нескольких французских переложениях⁵.

9—14 Исключенные стихи (10—14) существуют в двух вариантах. Первая белая рукопись (ПБ, 9):

Что есть избранные судьбами
Что жизнь их — лучший неба дар —
И мыслей неподкупных жар
И Геий власти над умами
Добру людей посвященны,
И славе доблестно равны

Вторая белая рукопись (из архива братьев Тургеневых):

Что есть избранные судьбами
Людей священные друзья,
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами,
Когда-нибудь, нас озарит
И мир блаженством одарит

Цензор мог уловить в стихах 10—14 обеих беловых рукописей политический подтекст; отсюда их изъятие. На самом деле, как показал Тынянов (1934), этот отрывок является тоикой аллюзией на очень шиллеровское стихотворение Кюхельбекера («Поэты», 1820) о мифологическом происхождении поэтов. Сперва человек был бессмертен и счастлив, но быстротечные иллюзии плотских наслаждений его совратили. В результате «он в наслажденьи вечно страждет, и в пресыщении грустит»⁶. Посему боги посылают в наш мир неких существ, исполненных божественной сущности, которых, после их воплощения, мы именуем поэтами. Языку стихотворения Кюхельбекера с такими выражениями, как «избранники», «бессмертное счастье», «род смертных» и т. п., явственно подражает Пушкин.

IX

1 <...>

1—2 Неведомый Пушкину Китс начинает сонет («К Хейдону», сочиненный в 1816 г.) поразительно сходной иитонацией:

Highmindedness, a jealousy for good .

(Любовь к добру, возвышенность души)

Такие совпадения сбивают с толку и ставят в тупик искателей сходства, охотников за источниками, неутомимых исследователей текстовых подобий.

2 <...>

5—6 ...на свете... Гете... — Эта чудовищная рифма (когда имя немецкого поэта в неряшливом русском произношении звучит почти как английское «gaiety») была, как ни странно, повторена Жуковским в посвященном Гете стихотворении, в котором четвертое четверостишие из шести таково:

В далеком полуночном свете
Твоею музою я жил
И для меня мой *гений Гете*
Животворитель жизни был!

Пушкин владел немецким еще хуже, чем английским, и имел весьма смутное представление о немецкой литературе. Его не затронуло ее влияние, и он не принимал ее тенденций. То немногое, что Пушкин прочел, относилось либо к французским переложениям (которые оживляли Шиллера, но душили Гете), либо к русским пересказам: так, тема «Теклы» Шиллера в переработке Жуковского по мастерству и гармонии намного превосходила оригинал; но тот же нежный Жуковский («Лесной царь», 1818) сделал из гетевского призрачного «Erlkönig» жалкую мешанину (так же поступит и Лермонтов в 1840 г. в «Горных вершинах», основанных на восхитительном «Auf allen Gipfeln»). С другой стороны, есть читатели, предпочитающие пушкинскую «Сцену из Фауста» (1825) всему «Фаусту» Гёте, в котором они ощущают странный налет банальности, ослабляющий мощную глубинную пульсацию этого произведения.

Чем-то похожий на Ленского второстепенный поэт Дмитрий Веневитинов (покончивший с собой в 1827 г. в возрасте двадцати одного года⁷) обладал, как мне кажется, бóльшим талантом, чем Ленский, но у него была та же наивная

потребность искать духовных вождей и учителей. Вместе с другими молодыми людьми он успел приблизиться к алтарям немецкой «романтической философии» (благовония которых вскоре парадоксальным образом смешались с благовониями других алтарей, а именно — славянофильства, учения, поразительного по своей занудности) и преклонялся перед Шеллингом и Кантом точно так же, как молодые люди следующего поколения станут преклоняться перед Гегелем, скатываясь далее к Фейербаху.

Хотя Пушкин все еще был не прочь поговорить «о Шиллере, о славе, о любви» со своими куда более туманно-возвышенными друзьями (см. строфу, посвященную Кюхельбекеру, в стихотворении 1825 г., написанном в ознаменование лицейской годовщины 19 октября) и безгранично восхищался Гете, которого ставил выше Вольтера и Байрона, рядом с Шекспиром (летурнеровским, конечно), он не выражал прямо свое мнение о *le Cygne de Weimar**. В несколько нелепом стихотворении («К Пушкину», 1826) Веневитинов тщетно молит его посвятить Гете оду:

И верь, он с радостью живой
В приюте старости унылой
Еще услышит голос твой
И, может быть, тобой плененный,
Последним жаром вдохновенный,
Отвечно лебедь запоем
И, к небу с песнью прощанья
Стремя торжественный полет,
В восторге дивного мечтанья
Тебя, о Пушкин, назовет

9—10 *И Муз возвышенных искусства / ...он не постыдил...* — Я не уверен, что здесь нет грубой инверсии, передающей следующее значение: «И он не постыдил искусства возвышенных муз».

13—14 Кажется, в этих стихах, создавая образ Ленского, Пушкин имел о нем более высокое мнение, чем в гл. 6, XXI—XXIII, где стихи Ленского, описанные и процитированные автором, едва ли могут быть названы «порывами [*фр.* les élans] девственной мечты»; они намеренно сочинены Пушкиным в соответствии с русскими подделками французских рифмованных банальностей того времени.

Варианты

IXa, b, c, d Интересный вариант последовательности четырех строф, которые должны были следовать за IX, зачеркнут в первой белой рукописи (a, b, c) и представлен (d) в черновике (2369, л. 31 об.):

Не пел порочной он забавы
Не пел презрительных Цирцей
Он оскорблять гнушался нравы
4 Избранной лирою своей,
Поклонник истинного счастья
Не славил сетей сладострастья
Постыдной негою дыша,

* Веймарский лебедь (*фр.*).

- 8 Как тот, чья жадная душа
Добыча вредных заблуждений
Добыча жалкая страстей
Преследует в тоске своей
- 12 Картины прежних наслаждений
И свету в песнях роковых
Безумно обнажает их

IXa, 5—7 Обратите внимание на устрашающее смешение определителей «Поклонник...» и т. д., «не славил» и т. д., «дыша» и т. д.

IXa, 8—10; IX, 12—14; XIVa, 8—14 и XVIIb, 9—12 На левых полях черновика вдоль этих стихов (2369, л. 26 об., 27 об., 28, 30 об.) Пушкин сделал несколько зарисовок профиля Марии Раевской: короткий нос, тяжеловатый подбородок и вьющиеся пряди темных волос, выбивающиеся из-под изящного чепца. Время — конец октября или начало ноября 1823 г.; место — Одесса. Ей еще нет и семнадцати. Слишком холодно, чтобы бегать от волн прибоя. Рядом с ее изображением — профиль красавицы Амалии Ризнич в черновике строфы XVIIb, 9—12 (2369, л. 30 об.). (Фотографии этих четырех автографов опубликованы А. Эфросом в его полезной, хотя, к несчастью, совершенно ненаучной книге «Рисунки Пушкина», с. 145, 149, 153, 157.)⁸

IXb

Певцы слепого наслажденья,
Напрасно дней свонх блажных
Передаете впечатленья
Вы нам в элегнях жнвых
Напрасно девушка украдкой
Внимая звукам лиры сладкой
К вам устремляет нежный взор
Начать не смея разговор
Напрасно ветреная младость
За полной чашею, в венках
Вспоминиает на пирах
Стихов изнеженную сладость
Иль на ухо стыдливых дев
Их шепчет робость одолев,

IXc

Несчастные, решите сами
Какое ваше ремесло,
Пустымн звукамн, словамн
Вы сеете разврата зло
Перед судилищем Паллады
Вам нет венца, вам нет награды
Но вам дороже, знаю сам,
Слеза с улыбкой пополам
Вы рождены для славы женской
Для вас ничтожен суд Молвы —
И жаль мне вас .. н милы вы
Не вам чета был гордый Ленской
Его стнхн конечно мать
Велела б дочери читать

IXc, 9—10 *Вы рождены для славы женской / Для вас ничтожен суд Молвы...* — Мысль, высказанная здесь несколько туманно, состоит в противопоставлении популярности и доброго имени: ваша слава зависит от читательниц, в остальном же репутация ничего для вас не значит.

IXd, 13—14 *Его стихи конечно мать / Велела б дочери читать.* — В черновике этой строфы (2369, л. 27) Пушкин сделал примечание к последним двум стихам: «[La mère] en prescira la lecture à sa fille. Piron*. Стих сей вошел в пословицу. Заметить, что Пирон (кроме своей Метром[ании]) хорош только в таких стихах, о которых невозможно и намекнуть, не оскорбляя благопристойности».

В «Метромании» Алексиса Пирона (1689—1773), комедии, впервые поставленной Дами в 1733 г., молодой поэт, восторженно преданный искусству, объясняет своему недоверчивому дядюшке, что он покорит Париж одними лишь своими сочинениями (акт III, сцена 7):

Je veux que la vertu plus que l'esprit y brille
La mère en prescira la lecture à sa fille,
Et j'ai, grâce à vos soins, le coeur fait de façon
À monter aisément ma lyre sur ce ton**

У И. Дмитриева есть двестише, сходное с IXc, 13—14, среди его «Подписей к портретам», а именно — в стихах, адресованных Михаилу Муравьеву, наставнику великих князей Константина и Николая (около 1800 г.)⁹:

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
Мать дочерн велит труды его читать.

В пушкинских стихах 13—14 слышатся не слишком добрые чувства к тем, кто три года назад критиковал поэму «Руслан и Людмила» с точки зрения ее нравственности: словцо «конечно», относимое к абсолютно невинной поэзии Ленского, недвусмысленно подчеркивает, что в данном случае стихи *этого* поэта вполне годятся для юных девиц, в отличие от неподобающих сочинений автора.

Дмитриев в письме к Вяземскому вскоре после появления «Руслана и Людмилы» заявлял (по-французски), что матери, вне всякого сомнения, должны запретить своим дочерям читать поэму. А восемь лет спустя в конце остроумного предисловия (датированного 12 февраля 1828 г.) ко второму изданию «Руслана» Пушкин так отреагировал на замечание Дмитриева: «...увенчанный, первоклассный отечественный писатель приветствовал сей первый опыт молодого поэта следующим стихом:

Мать дочерн велит на эту сказку плюнуть»

Пироновская цитата была до смерти замучена уже к 1824 г., когда Языков, в очередной раз явивший миру дурной вкус, использовал эту избитую строчку в виде эпиграфа к собранию своих стихотворений.

Людовик Лалан в «Литературных достопримечательностях» (Ludovic Lalanne, «Curiosités littéraires», Paris, 1845, p. 279) говорит: «Nous ne pouvons dire l'espèce d'agacement que nous éprouvons à la lecture... du vers suivant, que l'on a modifié si

* «[Мать] предпишет своей дочери читать их. Пирон» (фр).

** Я хочу, чтобы там добродетель блистала больше ума. / Это мать велит читать своей дочери; / А у меня, благодаря вашим заботам, сердце как раз таково, / Что мне легко настраивать лиру на этот тон (фр).

souvent en le prenant pour épigraphe, qu'il est assez difficile de retrouver sa forme primitive:

La mère	}	en	permettra	}	la lecture à	sa fille	}		
L'époux								défendra	sa femme
Le père								prescrira	son fils»*.

IXd

Но добрый юноша готовый
 Высокий подвиг совершить
 Не будет в гордости суровой
 Стихи иечистые твердить
 Но праведник изнеможенный
 К цепям неправдой присужденный
 В своей (*нрзб*) в тюрьме
 С лампадой, дремлющей во тьме
 Не склонит в тишии пустыниой
 На свиток ваш очей своих
 И на стене ваш вольный стих
 Не иачертит рукой безвинной
 Немой и горестный привет
 Для узника <грядущих лет>.

Томашевский (Акад. 1937, с. 282) располагает IXd иначе — непосредственно перед строфой XVIII. Я же использую последнее исправленное издание под его редакцией (ПСС, 1957, с. 517).

IXd 9—12 Рифма «пустынной — безвинной» повторяет рифму в начале стихотворения, цитированного в связи с гл. 2, IV, вар. 5.

X

- 2 ...ясна... — Значение этого русского слова включает дополнительные смысловые оттенки — «прозрачна», «чиста», «безмятежна», чего столь явно не передают английские соответствия (например, при описании «мыслей» или «сна» в пушкинских сравнениях). С другой стороны, позже мы узнаем, что венец творчества Ленского — последняя элегия, которую ему дано было сочинить, оказалась еще более смутной, чем «туманна даль», упомянутая в этой строфе. «Ясиость», очевидно, относится к его натуре, а не к его искусству.
- 8 И нечто, и туманну даль... — «Нечто» — книжное слово, не переводимое на английский каким-либо одним соответствием. По-французски эта строка звучала бы так: «Je ne sais quoi de vague, et le lointain brumeux».

* «Мы не можем выразить раздражения, испытываемого при чтении... следующего стиха, который столь часто переиначивали, используя в качестве эпиграфа, что довольно трудно определить его исходную форму.

Мать	}	—	позволит	}	его читать	дочери	}		
Супруг								запретит	жене
Отец								велит	сыну» (<i>фр.</i>).

Ср. замечание Шатобриана по поводу «le vague de ses passions» («неопределенности его страстей»), которое я цитирую в моем коммент. к гл. 1, XXXVIII, 3—4. См. также мой коммент. к гл. 4, XXXII.

Дополнительный оттенок неопределенности прелестно привносится стилизованным архаичным усечением «туманну» вместо «туманную», и все это модулируется в унисон дыханию скада на второй стопе (см. Приложение II, «Заметки о просодии»). Великолепный стих великолепной строфы.

9 *Даль* — фр. *le lointain*; далекие пределы, пространство, протяженность; далекая картина, перспектива; таинственная даль, особенно любимая русскими романтиками, имеет поэтические коннотации, отсутствующие в английском, и хорошо рифмуется с ассоциативным рядом: «жаль», «печаль», «хрусталь». Производное от «дали» слово «отдаление» соответствует фр. *l'éloignement*, не имеющему точного эквивалента в английском; есть еще глагол «удаляться», фр. *s'éloigner*, который использует Ленский в своей элегии (гл. 6, XXI, 3).

11 *..лоно тишины...* — Фр. *sein*, на избитом языке французской поэзии и прозы XVIII в. используется для обозначения «чрева» (фактически «лоно» и значит «чрево») в таких выражениях, как «l'enfant que je porte dans mon sein»*. Даже о трудолюбивых пчелах поэты писали, что они носят мед в своем «sein».

«Лонно тишины» — обыкновенный галлицизм: «le sein du repos». Его английским эквивалентом будет строка из Джеймса Битти «When in the lap of Peace reclin'd...»** («Отдых» / «Retirement», 1758, стих 35), а идеальным французским соответствием — «Стихи к подножию одной статуи» («Vers pour mettre au bas d'une statue») Шарля Пьера Колардо (Charles Pierre Colardeau, 1732—1776):

. cette jeune beauté
Rêveuse au sein de la tranquillité *** —

или «Послание в деревню» («Épître à la campagne» in «Almanach des Muses», 1801, p. 195) госпожи Бурдик-Вио (Bourdric-Viot):

Au sein de la tranquillité,
Loin du tumulte de la ville ****

Можно привести еще множество примеров из французской литературы.

Это «лоно тишины» долго преследовало современников Пушкина уже после гибели Ленского. Языков (о чьих элегиях говорится на одном дыхании наряду с творениями Ленского в гл. 4, XXXI) употребляет его в стихотворении «Тригорское» (имение госпожи Осиповой; см. «Путешествие Онегина», последние строфы), оно обнаруживается и в «Романсе» («Пышно льется светлый Терек...») Александра Полежаева (1831). Довольно любопытно, что Пушкин сам употребляет его в гл. 7, II, 8 («на лоне сельской тишины») в романтических воспоминаниях о весенней истоме. Следует, впрочем, отметить, что в гл. 2, X, 11 словосочетание это стоит в предложном падеже, обозначая необычное устье для изливающихся слез Ленского.

Что касается большинства галлицизмов в *ЕО*, то во всем остальном неточный, очень посредственный, но идиоматически верный в передаче речевых оборотов

* «Ребенок, которого я ношу во чреве» (фр)

** «Удобно устроившись на коленях Тишины...» (Англ)

*** ...Эта юная красавица, / Мечтающая на лоне тишины... (Фр)

**** На лоне тишины, / Вдали от шума городского.. (Фр).

Дюпон переводит данное выражение правильно, тогда как амбициозное, трудолюбивое и в целом гораздо более точное содружество Тургенев — Виардо произвело на свет искусственное «sur le sein de la placidité»*.

13—14 Как пел семнадцатилетний Пушкин, учась в старшем классе Лицея («На-слажденье», 1816, стихи 1—2):

В иеволе скуचीой увядает
Едва развитый жизни цвет

Вот где начинается тема «цветенья — провиденья», которая пройдет через гл. 4, XXVII (Ленский рисует Ольге в альбом голубка и надгробный камень), найдет совершенное выражение в последней элегии Ленского («Куда, куда вы удалились, / Весны моей златые дни?» — гл. 6, XXI—XXII, см. коммент.), свяжет с пушкинской элегией 1816 г. смерть Ленского в гл. 6, XXXI, 12—13 («Дохнула буря, цвет прекрасный / Увял...») и достигнет наивысшей точки в синтезе гл. 6, XLIV, 7—8, где «увял» венец авторской младости.

Заметьте, как гл. 2, X, 14 прелестно перекликается с гл. 1, XXIII, 14.

Варианты

8—9 Черновик (2369, л. 27) и первая беловая рукопись гласят.

И романтическую даль
И умирающие розы

В публикации 1825 г. вместо «умирающие» стояло «увядающие», но такая замена приходит в столкновение с другим стихом строфы.

13—14 Черновик (2369, л. 27), согласно Томашевскому (ПСС 1949):

И сень дубрав, где <он> встречал
Свой верный милый Идеал¹⁰

XI

1 *В пустыне...* — В монастырской терминологии — «убежище отшельника». Можно перевести на английский как «desert» или «desart», что в XVI в. часто означало «дикий лес» или любое дикое, необитаемое место. Ср.: *фр.* désert в таких выражениях, как «mes déserts», «beau désert» и т. п.

См., к примеру, Шолье, который начинает свои «Похвалы сельской жизни» (Chaulieu, «Des Louanges de la vie champêtre») словами: «Désert, aimable solitude»** (см. гл. 1, LVI, 2).

См. также гл. 8, XLIV, 1.

В предыдущей строфе (X, 5) слово «пустыни» употреблено в смысле «обширных пустых пространств». Здесь же «пустыня» практически синонимично словам «глушь» или «захолустье» <...> (см. коммент. к гл. 1, VIII, 14).

3—4 <...>

7 <...>

* «На лоне спокойствия» (*фр.*).

** «Пустыня, приятное уединение» (*фр.*).

Варианты

1—2 Фальстарт, зачеркнутый в черновике (2369, л. 27 об.), таков:

Но чаще гиевною сатирой
Одушевлялся стих его.

Этот вариант интересен в свете гл. 6, XXXVIII. Пушкин колебался между двумя возможностями: превратить Ленского в хилого элегического менестреля или в неистового политического певца.

14 *Гораздо...* — В первом издании главы — «еще».

XII

2 *...женых...* — Весь отрывок звучит фальшиво, ибо нас все время подводили к мысли, что Ленский избегает своих соседей. Более того (в свете строфы XXI), всем, конечно, было известно, что Ленский влюблен в Ольгу. Переход к Онегину (что, собственно, означает это «но»?) в начале строфы XII сильно хромает. Создается впечатление, что на этом этапе Пушкин еще не разработал план включения в повествование Ольги Лариной.

5 *...полурусского...* — Шуточный намек на заграничное образование Ленского.

6 <...>

11 *«Дуня, примечай!»* — <...> Властное «примечай» — то есть «обрати внимание на этого подходящего холостяка!» — лишь на ступеньку ниже того толчка, который получит Татьяна в гл. 7, LIV.

12 <...>

14 *Приди в чертог ко мне златой!..* — Как пишет Пушкин в примечании: «Из первой части Днепровской русалки» <...>

Мелодия из арии Гульды в некогда популярной опере («Eine Romantisches komisches Volksmärchen mit Gesang nach einer Sage der Vorzeit»*) в трех актах, впервые поставленной в Вене 11 января 1798 г.) «Фея Дуная» («Das Donauweibchen») Фердинанда Кауера (1751—1831), которого в отместку русалка заставила потерять почти все рукописи во время дунайского наводнения 1830 г.

По какой-то неизвестной причине автор в целом прекрасной работы об источнике неоконченной драмы Пушкина** вовсе не приводит имени композитора, путает «оперу» с «пьесой» и называет автора книги Генслер (Gensler) вместо Хенслер (Karl Friedrich Hensler, 1759—1825). И весело наблюдать, как несведущий, но тугодумный компилятор Бродский маневрирует (1950, с. 139), чтобы объехать на кривой этот вопрос, не выказав собственного невежества.

Двустипшие, исполняемое Лестой, заменившей Гульду, в переделанной Краснопольским первой части оперы под названием «Днепровская русалка» (впервые

* «Романтическая комическая народная сказка с пением по старинному преданию» (нем).

** Жданов И. «„Русалка“ Пушкина и „Das Donauweibchen“ Генслера» в кн. «Памяти Пушкина» (Записки историко-филологического факультета императорского С-Петербургского университета, LVII). СПб., 1900, с. 139—178. (Примеч. В. Н)

поставленной на сцене 26 октября 1803 г. в С.-Петербурге; опубликованной в 1804 г.), ноты которой были во всех домах — на фортепьяно уездной барышни, на чердаке влюбленного чиновника, на подоконнике борделя (о чем говорится в поэме Василия Пушкина «Опасный сосед», 1811, стих 101), полностью звучит так: «Приди в чертог ко мне златой, приди, о князь ты мой драгой» или в не менее дрянном немецком оригинале: «In meinem Schlosse ist's gar fein, komm, Ritter, kehre bei mir ein»* (акт I, сцена 4).

Довольно любопытно, что «Днепровская русалка» не только послужила Пушкину рабочей основой для его неоконченной драмы, названной будущими редакторами «Русалкой» (Пушкин работал над ней в период между 1826 и 1831 гг.), но и повлияла на некоторые подробности из сна Татьяны в *ЕО* (см. коммент. к гл. 5, XVII, 5).

Я обратил внимание, что в библиотеке Пушкина имелся экземпляр «Русалки», «оперы комической в трех действиях», переложение с немецкого Николая Краснопольского, на музыку Кауера, Кавоса и Давыдова (СПб., 1804).

Пушкин имел удивительное пристрастие черпать материал из комических источников. Томашевский** показывает, что из оперы «Gazza ladra»*** Россини (акт I, сцена 8) Пушкин заимствовал ситуацию для эпизода на литовской границе в «Борисе Годунове», когда беглый монах нарочно перевирает описание собственной внешности в царском указе.

Я обнаружил в «Анналах оперы» Лёвенберга (Loewenberg, «Annals of Opera»), различных французских энциклопедиях и других источниках, что опера Джоаккино Антонио Россини «Сорока-воровка» (либретто Ж. Жерардини, основанное на мелодраме «La Pie voleuse»****, 1815, написанной J. M. T. Vaudouin d'Aubigny, или Daubigny, и L. C. Saigniez+) впервые была поставлена 31 мая 1817 г. в миланском театре «Ла Скала», а первая русская постановка была осуществлена в Петербурге 7 февраля 1821 г. по н. ст. (в переводе И. Свичинского), одна итальянская труппа давала ее в Одессе в 1823—1824 гг. (во время пребывания там Пушкина).

Вариант

14 Отвергнутое чтение (2369, л. 27 об.):

Коль хочешь знать, я купидон

XIII

1—2 Наверное, нам следует понимать, что, ухаживая за Ольгой метафизически, видя в ней небесный идеал любви, Ленский даже не помышляет о земном браке. Но планы его родителей и Дмитрия Ларина не умерли вместе с ними, как, вероятно, кажется Ленскому здесь и в строфе XXXVII. К концу лета он уже официально помолвлен с Ольгой.

* «В моем замке так прекрасно, приди, рыцарь, найди у меня приют» (нем).

** «Пушкин и итальянская опера» в кн. *П. и его совр.*, 1927, вып. 31—32, с. 50. (Примеч. В Н.)

*** «Сорока-воровка» (итал).

**** «Сорока-воровка» (фр).

+ Дж. М. Т. Бодуэн д'Обиньи, или Добиньи, и Л. Ш. Кенье

4 <...>

5 *Они сошлись...* — Звучит двусмысленно: «сошлись» может означать «познакомились» или «стали близкими друзьями» (тогда продолжение строфы читается либо как развитие, либо как раскрытие этой идеи).

5—7 На самом деле темперамент Ленского, та философская меланхолия, которую Марджери Бейли, говоря о «Временах года» («Seasons») Томсона (см. Предисловие, с. 78, к ее изданию 1928 г. «Гипохондрика» Босуэлла / Boswell, «The Hypochondriack»), удачно характеризует как «некое порывистое, открытое сочувствие отдаленным несчастьям других», ведущее к «мистической любви к человечеству, природе, Богу, славе, добродетели, родной стране и т. д.», есть не что иное, как разновидность все того же Меланхолического Безумия, которое принимает вид байронической скуки или русской «хандры» у Онегина (см. также X, 7 и т. д.).

«Волна и камень» в обеих беловых рукописях заменены на «заря и полночь»¹¹.

13—14 Нет, Пушкин не «первый». Ср.: «...le désœuvrement rendant les hommes assez liants, il [Lord Bomston] me [St.-Preux] rechercha»* (Руссо, «Юлия», ч. I, письмо XLV).

14 *От делать нечего — друзья.* <...>

Через три дня после завершения второй главы, 8 декабря 1823 г., и более чем через месяц после написания строфы XIII (1 ноября или раньше) Пушкин использует это же выражение в приписке, адресованной Кюхельбекеру (см. коммент. к гл. 4, XXXII, 1). Вот как она появилась. 11 декабря 1823 г. Василий Туманский (1800—1860), бесцветный элегический поэт, написал из Одессы, где служил вместе с Пушкиным под началом Воронцова, длинное письмо на литературные темы (очевидно, вместе с Пушкиным и сочиненное), которое начиналось словами: «Спасибо, тебе, друг мой Вильгельм, за память твою обо мне: я всегда был уверен, что ты меня любишь не *от делать нечего*, а от сердца». В этом месте в рукописи звездочка отсылает к еще двум звездочкам и приписке внизу страницы — все пушкинской рукой: «Citation de mon nouveau poème *Suum sui que*»**

XIV

9 *Сноснее ..* — Современному читателю более предпочтительным покажется слово «терпимее» Пушкинское «сноснее» здесь как раз и означает «терпимее» (ср гл 4, XXXIII, 7, где это слово используется в своем обычном смысле)

12 Комментаторы видят тут косвенную речь, думаю, они правы.

13—14 *Иных он очень отличал, / И вчуже чувство уважал* — Вновь зачаровывающая аллитерация на «ч», к которой Пушкин имел особое пристрастие в местах, посвященных чувствам

* «.. Поскольку безделье делает людей довольно общительными, он [лорд Бомстон] стал со мной [Сен-Пре] искать знакомства» (*фр*)

** Цитата из моей новой поэмы (*фр*). Каждому свое (*лат*)

В связи с этой строфой аскетический Н. Бродский (1950, с 140) неожиданно сообщает, что своим Онегиным Пушкин осуждает стиль жизни молодых аристократов того времени, в том числе их «вечера, балы, детские праздники, рестораны, балетные увлечения и прочие жизненные забавы»

14 < . >

Варианты

В первой белой рукописи содержатся следующие варианты, из которых второй зачеркнут:

XIVa

- 8 Собою жертвовать смешно
<Иметь восторженные чувства
Простительно в 16 лет
Кто полон или тот поэт
- 12 Иль хочет высказать искусство
Пред легковерною толпой
Что ж мы такое? Боже мой? >

(См. коммент к XXXVIII, 4—14)

XIVb

- Сноснее впрочем был Евгений
Людей он просто не любил
И управлять кормилом мнений
- 4 Нужды большой не находил
Не посвящал друзей в шпионы
Хоть думал, что добро, законы
Любовь к отечеству, права
- 8 Одни условные слова
Он понимал необходимость
И миг покоя своего
Не отдал бы не для кого
Но уважал в других решимость
Гонимой Славы красоту
Талант и сердца правоту

XIVb, 5 Этот довольно неожиданный стих означает Онегин не злословил о своих друзьях, обвиняя их в том, что они состоят на секретной службе у правительства, — например, следят за деятельностью тайных обществ (см. также «Путешествие Онегина», VIII, 12, с моими коммент)

XIVb, 6—13 Черновик (2369, л 28 об.):

- Не думал что добро, законы
Любовь к отечеству, права
- 8 Для оды звучные слова
Но понимал необходимость

12 . . . решимость
Гонимой славы нищету

XV

2—5 . разговор ум . взор все . — Эскиз стилистики вводного описания, использованного более полно в отношении Ольги в XXIII, 1—8. См коммент. к XXIII, 5—8

13—14 Значение этих строк: отнесем к горячке юности ее жар и бред — и простим их Стихи построены на избитом галлицизме См , например, у Клода Жозефа Дора (Claude Joseph Dorat, 1734—1780) «К господину Юму» («A Monsieur Hume»)

...les tendres erreurs,
Et le délire du bel âge *

XVI

Тут, похоже, возникает реминисценция, ведущая нас назад, к источнику эпиграфа из Горация («Сатиры», кн 2, сатира 6), а именно, к стихам 71—76, в которых хозяин и его гости за деревенской трапезой обсуждают, в чем люди находят счастье — в богатстве или в добродетели; что отличает друга — приносимая им польза или прямота суждений, и в чем природа добра

Разговоры Пушкина с Кюхельбекером в лицейском дортуаре, несомненно, послужили отправной точкой для этой строфы. В самом деле, создается впечатление, что Пушкин был целиком поглощен собственными воспоминаниями о Кюхельбекере, которые угрожали превратить отношения между вымышленным Онегиным и вымышленным Ленским в пародию отношений между двумя другими людьми из разных временных срезов Пушкиным конца 1823 г. и тем Кюхельбекером, каким он запомнился поэту в 1815—1817 гг

Согласно исследованиям Тынянова (*Лит насл*, 1934), любимой книгой юного Кюхельбекера была работа швейцарского последователя Руссо — Франсуа Рудольфа (или Франца Рудольфа) Вайса «Философские, политические и нравственные принципы» (François Rudolphe Weiss, «Principes philosophiques, politiques et moraux», 1785), на основе которой лицеист Кюхельбекер создал рукописную энциклопедию для личного пользования К опасным предрассудкам, перечисленным у Вайса, относятся идолопоклонство, жертвенные ритуалы, религиозные преследования

«Договоры» и «плоды наук» явно восходят к трактатам Руссо «Об общественном договоре» (1762) и «Способствовало ли восстановление наук и искусств улучшению нравов» (1750).

Немыслимый Бродский (1950, с. 143—145), пишущий название книги Руссо с орфографической ошибкой — «Contrat sociale», додумался, что «плоды наук», которые обсуждают прогрессивные помещики Онегин и Ленский (в 1820 г), означают технологические достижения, например сельскохозяйственные машины, и между прочим замечает, что люди, побывавшие за границей, ужасались

* Сладкие заблуждения, / Горячка молодой поры (Фр)

реакционному мировоззрению обыкновенных русских помещиков, обсуждавших сенокос, вино и псарню!

Недоверчивому читателю напомню, что книга Бродского является пособием для учителей средней школы, выпущенной Учебно-педагогическим государственным издательством Министерства просвещения СССР (М, 1950).

10 <...>

9—11 *Поэт в жару своих суждений / Читал... / Отрывки северных поэм*. — Где он нашел эти отрывки? Ответ прост в книге «О Германии» мадам де Сталь.

Sur le rocher de la mousse antique, asseyons-nous, ô bardes!

(Воссядем, о барды, на мохе седом на вершине горы!)

Клопшток, «Герман, воспетый бардамн»

(«О Германии», ч II, гл 12)

. les morts vont vite, les morts vont vite!..

Ah! laisse en paix les morts!

(мертвецы идут быстро, мертвецы идут быстро!

О, оставьте в покое мертвецов!)

Бюргер, «Ленора»

(там же, гл 13)

Il est, pour les mortels, des jours mystérieux

Où, des liens du corps notre âme dégagée,

Au sein de l'avenir est tout à coup plongée,

Et saisit, je ne sais par quel heureux effort,

Le droit inattendu, d'interroger le sort.

La nuit qui précéda la sanglante journée,

Qui du héros du Nord trancha la destinée.

(Для смертных есть таинственные дни,

Когда душа, освободившись от телесных уз,

Погружена внезапно в лоно грядущего,

И получает, благодаря неведомому счастливому усилию,

Нежданное право — вопрошать судьбу

Ночь, предшествовавшая кровавому дню,

В который пресекалась героя Севера судьба...

Шнллер, «Вал[ен]штейн» («Walstein», sic!), акт II,

«перевод» Констанана (там же, гл 18; обратим внимание на смешные

cheville*, происходящие от heureux effort**)

Coupe dorée! tu me rappelles les nuits bruyantes de ma jeunesse.

(Позолоченный кубок! Ты напоминаешь мне шумные ночи моей юности)

Гёте, «Фауст»

(там же, гл 23)

То, что это и есть северные поэмы, читанные Ленским, становится ясно еще из одного отрывка того же произведения де Сталь (ч. II, гл. 13): «Ce qui caractérise

* Длинные (фр).

** Счастлирое усилие (фр).

les poètes du Nord [c'est] la mélancolie et la méditation... La source inépuisable des effets poétiques en Allemagne [c'est] la terreur: les revenans et les sorciers plaisent au peuple comme aux hommes éclairés... une disposition qu'inspirent... les longues nuits des climats septentrionaux... Shakespeare a tiré des effets prodigieux des spectres et de la magie, et la poésie ne sauroit être populaire [= national] quand elle méprise ce qui exerce un empire irréflecti sur l'imagination»*.

Вне всякого сомнения, он читал еще и отрывки из «Оссиана, сына Фингала, барда третьего века. Галльские стихотворения, перевод с английского переложения г-на Макферсона, выполненный г-ном Летурнером» («Ossian, fils de Fingal, barde du troisième siècle, poésies galliques, traduites sur l'anglaise de M. Macpherson, par M. Le Tourneur». Paris, 1777) или, что более вероятно, nouvelle édition** той же книги, «ornée de belles gravures»***, которые на удивление хороши, вышло в свет в 1805 г. «L'anglais de Monsieur Macpherson»**** — это издание 1765 г. в двух томах «Творений Оссиана» («Works of Ossian»), которые, в свою очередь, были похожи на снежный ком, слепленный из «отрывков старинных стихотворений, собранных в горной Шотландии и переведенных с гэльского или эрского языка» («Fragments of Ancient Poetry collected in the Highlands of Scotland, and translated from Galic or Erse Language». Edinburgh, 1760) и двух других вставных частей: «Фингала, древней эпической поэмы в шести книгах», впервые опубликованной в 1762 г., и «Теморы», еще одной «древней эпической поэмы» в восьми книгах, 1763.

Знаменитая подделка Джеймса Макферсона есть не что иное, как собрание более или менее ритмически выдержанной и лексически примитивной английской прозы, легко переводимой на французский, немецкий или русский языки. Временами в некоторых отрывках речитатив сгущается до небольших ямбических стихов с чередованием четырехстопного и трехстопного ямба балладного типа — например, в «Фингале», кн. III: «The wind was in her loose dark hair, her rosy cheeks had tears» («Ветер играл в ее распущенных темных кудрях; слезы катились по румяным ее ланитам»), что, конечно, было утрачено во французском прозаическом переложении, сделавшем Оссиана популярным на континенте.

Короли Морвена, их синие щиты, скрытые горной дымкой в посещаемых духами зарослях вереска, гипнотизирующие повторы смутных, непонятных эпитетов, звучные, отраженные скалистым эхом имена героев, размытые очертания легендарных событий — все это заполняло романтическое сознание туманной магией, столь не похожей на плоские колоннады классического театрального задника в век «хорошего вкуса» и «здорового смысла».

Искусные подделки Макферсона имели такое же огромное влияние на русскую литературу, как и на литературу других стран. Рино, сын Фингала; Мальвина, дочь Тоскара; и Уллин, главный бард Фингала, нашли свое место в невообразимых русских перепевах и были использованы Жуковским как имена-символы

* «Поэтов Севера характеризуют меланхолия и созерцательность. Неисчерпаемый источник поэтических эффектов в Германии — ужасы, привидения и колдуны нравятся как простому народу, так и людям просвещенным.. настроение, навеянное долгими ночами северных стран. Шекспир создал удивительные сцены с призраками и колдовством, а поэзия не могла бы стать народной [= национальной], если бы презирала то, что имеет невольную власть над воображением» (фр).

** Новое издание (фр)

*** «Иллюстрированной прекрасными гравюрами» (фр)

**** «Английское переложение г-на Макферсона» (фр).

(«Рино, горный вождь» и «Мальвина», дочь Уллина) в довольно комическом переложении второсортной баллады Кемпбелла «Уллин и его дочь» (Campbell, «Lord Ullin's Daughter»).

В «Руслане и Людмиле», «преданьях старины глубокой» о «делах давно минувших дней» (оссиановские выражения), отец Оссиана Фингал (или по-ирландски Финн Мак Комхал) становится отшельником Финном, Мойна (дочь Рейтамира и мать Картона) оказывается женским прообразом Наины, Рейтамир превращается в Ратмира, молодого хазара (говорящего на персидском языке монгола из Афганистана)¹².

XVIa

В тетради 2369 (л. 29 об.) содержится следующий интересный черновик, великолепно связующий эту строфу с гл. 8, XXXV, 7—14.

От важных исходя предметов
Касался часто разговор
И русских иногда поэтов
Со вздохом и потупя взор
Владимир слушал как Евгении
<Венчанных наших сочинении>
<Парнас> <достоинных> <похвал>
<Немилосердно> подражал

Видимо, за этими стихами должны были следовать строки (находящиеся в той же тетради через одиннадцать страниц), в которых Жуковский, названный «священным» и «Парнаса чудотворцем», отвергается Онегиным на том основании, что теперь он стал обыкновенным «царедворцем», а Крылов и вовсе «разбит параличом»* Благоразумный Пушкин решил не вкладывать в уста Онегина эти саркастические замечания, тем более что они уже успели набить оскомину в литературных кругах.

См. также: гл. 1, XLVIa в моем коммент.

XVII

1 *страсти...* — Фр. *les passions*. На этих стрекочущих струнах постоянно играл Байрон. Яростные, противоречивые, накаленные до предела чувства, ловко превращающиеся в абстракцию от простого их педалирования; они подобны резкому звуку, который, усиливаясь до предела, становится тишиной. Изображается, как два молодых человека обсуждают такие важные вопросы, как любовь, ревность, рок, игра, бунт. Опасные страсти, перечисленные у Вайса (см. выше, коммент. к строфе XVI), таковы: леность в детстве, плотская любовь и суетность в юности, честолюбие и мстительность в зрелости, алчность и самоублажение в старости.

14 *Коварной двойке...* — Имеется в виду карточная двойка какой угодно масти, смиренная рабыня удачи, которая, однако, может обернуться предательницей.

* См. Зенгер Т. «Новые тексты Пушкина» в кн. «Пушкин, родоначальник новой русской литературы». Сб. под ред. Д. Благого и В. Кирпотина М., Л., 1941, с. 44—45 (Примеч. В Н)

Используется как синекдоха для обозначения карточной игры, где мечут банк, например фараона или штосса.

Эти семнадцать строф были завершены 3 ноября 1823 г. в Одессе.

После XVI строфы в беловом автографе следует ряд крайне любопытных строф. XVII строфа в установленной редакции после четвертого стиха переходит в описание чувств, которые (в сочетании с прекрасными и таинственными двумя строфами гл. 8, XXXVI—XXXVII, где воображение мечет фараон) придают новое измерение довольно плоскому в остальном образу Онегина; это описание, в свою очередь (следуя подсказке в XVII, 14), соскальзывает в изумительное отступление об игре.

Первая беловая рукопись содержит такое отвергнутое продолжение:

XVIIa

- 4 Онегин говорил об них
Как о знакомцах изменивших,
Давно могилы сном почивших
И коих нет уж и следа
- 8 Но вырывались иногда
Из уст его такие звуки,
Такой глубокий чудный стон
Что Ленскому казался он
- 12 Приметой незатихшей муки —
И точно страсти были тут
Скрывать их был напрасный труд

XVIIb

- Какие чувства не кипели
В его измученной груди?
Давно ль, иадолго ль присмирели?
- 4 Проснутся — только погоди
Блажен, кто ведал их волнение,
Порывы, сладость, упоение,
И иакоиец от их отстал
- 8 Блаженней тот, кто их не знал,
Кто охладил любовь разлукой,
Вражду злословием Порой
Зевал с друзьями и с женой
- 12 Ревивой не тревожась мукой
Что до меня — то мне иа часть
Досталась пламенная страсть,

XVIIc

- Страсть к банку! ни дары свободы
Ни Феб, ни слава, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
- 4 Меня от карточной игры,
Задумчивый, всю ночь до света
Бывал готов я в прежни лета
Допрашивать судьбы завет

- 8 Налево ляжет ли валет?
Уж раздавался звон обеден,
Среди разорванных колод
Дремал усталый банкOMET
- 12 А я нахмурен, бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза
Пускал на 3-го туза

XVIIId

- И я теперь отшельник скромный
Скупой не веруя мечте
Уж не поставлю карты темной
- 4 Заметь грозное *руте*
Мелок оставил я в покое
Атáнде, слово роковое,
Мне не приходит на язык —
- 8 От рифмы также я отвык
Что будешь делать? между нами
Всем этим утомился я
На днях попробую, друзья,
- 12 Заняться белыми стихами,
<Хоть все имеет> *quinze-et-le-va*
Большие на меня права

Чтобы понять строфы XVIIc и XVIIId, как и другие пассажи у Пушкина (см. особенно его великолепную повесть «Пиковая дама», в которой переводчики, включая обычно внимательного Бернарда Герни (Bernard Guerneу) столько напутали), читателю необходимо уяснить, что значит «метать банк». Во времена Пушкина модно было играть в банк, немецкий вариант фараона, именуемый по-русски *штосс*. Это была новейшая разновидность особой группы карточных игр, эволюционировавших, начиная с XVII в., в следующей последовательности. ландскнехт, бассет (*bassette*, *barbascole* или *hoca*), фараон (*phago* или *fago*). Мы не будем вдаваться здесь в мельчайшие их различия и дадим общее описание «банка» пушкинских времен.

Игрок, или «понтер», выбирал из своей колоды карту, клал ее на карточный стол, обтянутый зеленым или синим сукном, и делал ставку, обычно монетами или бумажными купюрами, положенными сверху. Сдающий, или «банкомет» («тот, кто мечет банк»), еще именуемый «*tailleur*» («*talliere*» или «*tallier*» в бассете) распаковывал новую колоду и начинал раскладывать карты, беря их сверху колоды по одной: первую налево от себя, вторую направо и т. д. попеременно, пока не разложит всю колоду. По-английски это действие называется «*to tally*», по-русски — «метать». Русский глагол предполагает быстрое непрерывное мелькание, хотя на деле — особенно если понтеров было несколько — банкOMETу довольно часто приходилось останавливаться, когда, например, кто-нибудь говорил: «Атáнде!» (от *фр.* *attendez*), требуя возможности сделать или изменить ставку. Банкомет выигрывал, когда карта, совпадающая с той, на которую сделана ставка, ложилась направо от банкOMETа, и проигрывал, если она ложилась налево. Эта карта с левой стороны, карта понтера, называлась «*carte anglaise*»*, и если она выигрывала с первой же ставки, говорили, что она выиграла «соника» (что значит «сразу»); такое случилось дважды (в «Пиковой

даме)), когда понтировал Германн, иными словами, он дважды угадал вторую карту сверху в колоде сдающего; то же самое должно было произойти и в третий раз, если бы он не открыл по несчастной ошибке не ту карту («обдернулся») — даму вместо туза, которого, как ему казалось, он достал из своей колоды.

«Темной» по-русски называлась та карта, которую понтер доставал из своей колоды и не показывал банкомету, пока соответствующая карта не появлялась из колоды последнего.

Когда у банкомета выпадал дуплет, то есть две карты одинакового достоинства открывались одновременно на две стороны (в ходе одного расклада), понтер терял половину ставки в фараоне и всю ставку в штоссе. Если понтер выигрывал одну ставку, он мог рискнуть поставить ту же сумму плюс выигрыш (то есть удвоить ставку), он оставлял деньги на кону и загибал угол карты, что называлось «пароле» или «пароли». Когда он хотел поставить только на выигрыш, то сгибал свою карту (делал «up ri»), и это называлось «рау» или «раix» (рус. «пе» или «пароли-пе», если он только что выиграл пароли). «Sept-et-le-va», или по-русски «сетельва» («septleva», как писал Поуп в своей прелестной эклоге «Карточный стол» / «The Basset-Table», 1751), следовала за выигранным пароли, когда понтер, обязанный утроить ставку, рисковал всей суммой и, во второй раз загибая угол карты, рассчитывал выиграть в семь раз больше; если ему везло, он мог загнуть третий угол, тем самым увеличивая ставку в пятнадцать раз, вот этот-то решающий шаг назывался «quinze-et-le-va» (что звучало по-русски как «кензельва»). Следующим соблазном для понтера было увеличение ставки в тридцать раз — «trente-et-le-va», что в скучной комедии Сюзанны Сентливр «Карточный стол» (Susanna Centlivre, «The Basset-Table». London, 1706) обозначено как «Trante et leva», а по-русски передается как «трантельва».

В заключительном двестишии строфы XVIIId:

<Хоть все имеет> *quinze-et-le-va*

Большие на меня права —

последний стих — «Большие на меня права» — галлицизм: «a de grands droits» (см., например: «Орлеанская девственница» Вольтера, VIII, стих 30 и его примеч. 1782 г. к X: «l'épopée a de grands droits»*).

При описании игры в фараон в гл. XXII «Кандида» хозяйка дома, сидя рядом с банкометом, внимательно следит за «всеми пароли, всеми сетлева игры, в ходе которой каждый участник загибал угол карты; она заставляла их отгибать углы назад с суровым вниманием, но вежливо». Пушкин в первой же сцене своей повести «Выстрел» (написанной осенью 1830 г.) показывает, как Сильвио за карточным столом мечет банк в фараоне и точно так же следит, чтобы понтеры по ошибке не загнули угол карты, если не имеют права этого делать.

Редакторы неизменно печатают окончание стиха 13 как «quinze elle va» (см.: ПСС 1936, с. 431; Акад. 1937, с. 282; ПСС 1949, с. 519) вместо «quinze et le va»; возможно, тут ошибка Пушкина, но так это или нет — должны проверить люди, имеющие доступ к пушкинским рукописям. Согласно Томашевскому, в черновике (2369, л. 31) появляется еще один вариант — «sept il va», что также ошибочно¹³.

* «Английская карта» (фр.)

* «Эпопея, имеющая большие права» (фр.).

Если начальная ставка составляет, скажем, один доллар, то:

первый выигрыш: $1+1=2$ (un et le va)

второй выигрыш: $2+2=4$ (trois et le va)

третий выигрыш: $4+4=8$ (sept et le va)

четвертый выигрыш: $8+8=16$ (quinze et le va)

и т. д.

Психологически весьма интересно, что Пушкин вычеркнул эти великолепные строфы. Одно время он колебался: себя или Онегина изобразить этим бледным и бодрым игроком. (Известно, что Онегин играл; см. гл. 1, LIV и гл. 8, XXXVII.) И именно вторая глава, в которой Пушкин рисует себя «отшельником скромным», не привязанным более к карточному столу, была фактически проиграна им в карты, несмотря на его увертливые попытки (см. ниже) утверждать противоположное. В начале 1828 г. Пушкин опубликовал в болгаринской «Северной пчеле» стихотворение, написанное четырехстопным ямбом, «Послание к В.» (Иван Великопольский, 1797—1868, автор «Ариста, сатиры на игроков») ¹⁴, в котором после похвал, адресованных В., превозносящих его здоровые нравственные принципы и преподанные им добрые советы, Пушкин приходит к такому саркастическому заключению:

Некто мой сосед,
В томленьях благородной жажды,
Хлебув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал сиять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! поитировал
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б мне праздник
Я с ним готов всю ночь не спать
И до полдиевнего сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать

Великопольский, человек добросердечный, позже материально помогавший Гоголю, мягко отомстил Пушкину тут же сочиненным стихотворением, писанным в том же размере, где заявлял, что упомянутый моралист очень хорошо помнит свои бедения с Пушкиным, во время которых «глава Онегина вторая съезжала скромно на тузе». (Теперь становится совершенно ясно, что Великопольский читал строфы о страсти к банку, исключенные Пушкиным в отдельном издании главы второй 1826 г.) В апреле 1828 г. Пушкин писал Великопольскому из Петербурга в Москву: «Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность без моего согласия. К сожалению, я не могу согласиться.

<...> Неужели вы захотите со мной поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в 8-ю главу „Онегина“? NB: Я не проигрывал второй главы, а ее экземплярами заплатил свой долг, так точно, как вы заплатили мне свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедии. Что если напечатать мне сие благонамеренное возражение?»

Не слишком приятно все это читать.

Пушкин любил держать банк, а не понтировать, и картами был глубоко увлечен до конца своих дней.

В «Отрывках из дневника Томаса Рейкса, эсквайра, за 1831—1847 гг.», содержащих «воспоминания о светской и политической жизни Лондона и Парижа в этот период» («A Portion of the Journal kept by Thomas Raikes, Esq., From 1831 to 1847». 4 vols. London, 1858—1857, с путаным предисловием), находим следующую запись (vol. 3, p. 129) от 28 февраля 1837 г. н. ст. (вторник) — в этот день известие о дуэли (8 февраля н. ст.) и смерти (10 февраля н. ст.) Пушкина достигло Парижа, где тогда проживал Рейкс: «Я обнаруживаю такую заметку на с. 141 моего дневника о пребывании в России [зимой 1829/30 г.]: „Вчера вечером [23 декабря 1829 г. н. ст.; т. е. 11 декабря ст. ст.] у барона Рехансена я встретил русского Байрона; зовут его Пушкин, знаменитый и почти единственный поэт в России... В его личности и манерах я не смог заметить ничего примечательного, кроме пренебрежения опрятностью, что иногда есть недостаток людей гениальных, и нескрываемого пристрастия к азартным играм; единственным действительно стоящим внимания выражением, которое он обронил в течение вечера, было: *J'aimegois mieux mourir que ne pas jouer*“*».

(Я в долгу перед мисс Филиппой Рольф, проживающей в г. Лунде в Швеции, за то, что она любезно согласилась выяснить, у кого в гостях был тогда Рейкс. Речь идет о бароне Иоганне Готхарде фон Рехансене, 1802—1854, секретаре шведской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге.)¹⁵

Этот пассаж несколько перефразирован Рейксом в его книге «Посещение Санкт-Петербурга» (см. коммент. к гл. 1, LII, 7)**, написанной в эпистолярном жанре. Письмо IX из Петербурга, датированное 24 декабря 1829 г. н. ст., начинается так: «Вчера вечером у барона Рехансена я встретил русского Байрона; его зовут Пушкин, он знаменитый и в то же время *единственный* поэт в этой стране... Ничего замечательного в его личности и манерах я не обнаружил; неряшлив в одежде, недостаток, иногда отличающий людей талантливых, он открыто заявлял о своем пристрастии к азартным играм; единственным стоящим внимания выражением... [и т. д.]»

В связи с внешним видом нашего поэта, подвергавшимся критике не только признанного денди Рейкса, стоит упомянуть сходное замечание самого Пушкина, сделанное приблизительно в то же время. Автобиографический отрывок («Участь моя решена. Я женюсь...»), видимо написанный около 13 мая 1830 г., через неделю после получения согласия на брак с Натальей Гончаровой, содержит следующее наблюдение: «Одеваюсь небрежно, если еду в гости, со всевозможной старательностью, если обедаю в ресторане, где читаю или новый роман или журналы...» (Акад. 1936, т. 5, с. 358).

24 декабря 1829 г. ст. ст. Пушкин начал сочинять восьмую главу, и кажется очень заманчивым вообразить, что Рейкс (которого Пушкин вновь встретил на рауте 16 февраля 1830 г.) и есть «путешественник залетный, блестящий Лондонский нахал» в гл. 8, XXIIIb, 9—10 и «путешественник залетный, перекрахмаленный нахал» в гл. 8, XXVI, 9—10 (хотя, как отмечено в моем комментарии к этим стихам, в них различаются и другие, более ранние впечатления, уходящие в прошлое, в Одессу 1823—1824 гг.). Эпитет «перекрахмаленный» относится, я

* «Я предпочитаю умереть, чем не играть» (*фр.*).

** Впервые упомянута в связи с именем Пушкина С. Глинкой в кн. *П и его совр.*, 1927, VIII, вып. 31—32, с. 109—110. (Примеч. В. Н.)

полагаю, к жесткому накрахмаленному шейному платку англичанина. Фронтиспис дневника Рейкса изображает автора от цилиндра до носка элегантной туфли в перипатетическом виде сбоку — перед нами дородный господин на удивительно тонких ножках в коротковатом сюртуке и узких затянутых брюках.

Том Рейкс (1777—1848) уж точно был специалистом в карточных делах: «Случилось так, что [в 1814 г. в Лондонском клубе] Джек Бувери, брат леди Хейтсбери, проигрывал крупную сумму [в макао] и был крайне раздражен: Рейкс с присущим ему дурным вкусом стал насмехаться над Бувери, пытаясь развеселить нас своими избитыми остротами, в результате чего Бувери швырнул ему в голову игральную чашку с несколькими оставшимися в ней фишками и, к несчастью, попал в цель, чем немало разозлил денди из Сити, но никаких серьезных последствий это явное оскорбление за собой не повлекло», — пишет в своих «Воспоминаниях» капитан Рис Хауэлл Гроноу, записной остряк в своем праве (Rees Howell Gronow, «Reminiscences», London, 1862, p. 80).

XVIIc Прежде чем вычеркнуть эту строфу, Пушкин пробовал заменить первое лицо на «Онегин» и «он». Во втором стихе «Феб» был вымаран и далее вместо «ни слава, ни пиры» написано «ни дамы, ни пиры». В черновике (2369, л. 30 об.) «дары свободы» (стих 1) были заменены на «любовь свободы», а в стихе 2 вместо «славы» появилась «дружба». Начало стиха 1 — «Страсть к банку!» — сперва заменено на «О карты!», потом на «О двойка!», прием синекдохи. Еще один любопытный вариант (стихи 1—4) был сообщен Соболевским Бартеневу и Лонгинову, которые опубликовали его в «Современнике», VII (июль 1856 г.). Вариант этот был сочинен зимой 1823 г. в Одессе вместе с другими строфами, посвященными игре, но в более поздние годы Пушкин любил повторять вслух за картами или на прогулке какие-нибудь звучные стихи, написанные им раньше. Соболевский мог услышать эти строки не раньше 1826 г., когда близко сошелся с Пушкиным в Москве:

О двойка! Ни дары свободы,
Ни Феб, ни Ольга, ни пиры
Онегина в минувши годы
Не отвлекли бы от игры

Тут, конечно, имеется в виду не вымышленная Ольга Ларина, впервые появляющаяся только в строфе XXI (2369, л. 34) и, вероятно, еще не придуманная, а скорее всего Оленька Массон (род. 1796), известная петербургская куртизанка, дочь швейцарского историка и русской аристократки. Наш поэт познакомился с мадемуазель Массон в 1816-ом и вновь встречался с ней в 1826 г., судя по датам на черновике мадригала «Ольга, крестница Кнприды...».

XVIIId, 3—4 *Уж не поставлю карты темной, / Заметя грозное руте.* — Прекрасный пример поэтического синтаксиса Пушкина. Он вовсе не хочет сказать: «Теперь, когда удача от меня отвернулась, я больше не ставлю на темную карту, я не играю». На самом деле он говорит: «Я больше не играю, я не ставлю на темную [нераскрытую] карту, как я бывало поступал, когда удача от меня отворачивалась» (ср. начало посвящения).

Пушкин употребляет здесь слово «руте» <...> Я встречал написание «gouté» («jouer le routé»). Возможно, оно связано с английским «rut», взятым в значении «непрерывный ход». Русские игроки использовали его в смысле постоянного выигрыша, постоянной удачи, большого выигрыша, продолжительности, тен-

денции, полосы, серии выигрышей, когда одна и та же карта выигрывает несколько раз кряду. «Играть на руте» означало все время ставить на одну и ту же счастливую карту. В этой строфе большой выигрыш достается банкомету (отсюда и «грозное»), понтер, выбрав наудачу или вслепую свою карту и не показывая ее до момента, когда она выиграет или проиграет, пытается прервать эту опасную череду выигрышей банкомета. В первом черновом варианте у Пушкина вместо «грозное» было написано «тайное» (см. ниже).

Этот карточный термин также встречается (стихи 192—197) в великолепном стихотворении Крылова (229 четырехстопных стихов со свободной схемой рифмовки), обращенном «К счастью» (впервые опубликованном в «Санкт-Петербургском Меркурии», 1793, ч. IV, с. 96—108):

А в городе твоим стараньем
Шестеркин с небольшим познаньем
Науки легкой банк метать
На рубль рубли стадами тянет,
Пред ним руте — богатства мать —
Едва заигнется и увянет

Варианты

XVIIId, 1 Отвергнутый черновой вариант (2369, л. 31):

Уж я не тот — за фараоном

XVIIId, 1—4 Черновик (там же):

Уж я не тот <игрок нескромный>!
Вверяясь <ветреной мечте>
Не ставлю грозно карте темной
Заметя тайное *руте*.

В отвергнутом черновике стиха 3 вместо «темной» карта называется «глупой» и «грозной». «Нескромный» рифмуется с «темной» так же, как и «скромный» в XVIIId, 1.

XVIII

5 Установленное чтение: «Их своеволие, иль порывы», но я почти уверен, что «иль» — опечатка, здесь должно быть второе «их»: «Их своеволие, их порывы»¹⁶.

11 ...*Инвалид*... — военный инвалид.

11—14 Рукопись четырехстопного стихотворения из сорока четырех стихов, написанного в сентябре 1821 г. и обращенного к «[Николаю] Алексееву», доброму знакомому Пушкина по Кишиневу, в котором поднимаются те же темы, что и в гл. 2, XVIII, содержит среди прочих отвергнутых строк следующие:

Вдали штыков и барабанов
Так точно старый иивалид —
Встречает молодых уланов
И им о битвах говорит

Пушкинское (отвергнутое) примечание к этой строфе (в черновике примечаний к изданию 1833 г. — ПД, 172) звучит так:

Et je ressemble au vieux guerrier
Qui rencontre ses frères d'armes
Et leur parle encore du métier*

Пушкин не называет имени автора этих стихов, и кроме того, либо он сам, либо переписчики (я не видел автограф) написали слово «encore» не так, как в оригинале, — оно не скандируется. Я обнаружил, что цитата взята из начала стихотворения Парни «Взгляд на Киферу» («Coup d'oeil sur Cythère», 1787; в издании 1802 г. напечатанном под названием «Radotage à mes amis» — «Вздорные стихи к моим друзьям»).

Salut, ô mes jeunes amis!
Je bénis l'heureuse journée
Et la rencontre fortunée
Qui chez moi vous ont réunis
De vos amours quelles nouvelles?
Car je m'intéresse aux amours
Avez-vous trouvé des cruelles?
Vénus vous rit-elle toujours?
J'ai pris congé de tous ses charmes,
Et je ressemble au vieux guerrier,
Qui rencontre ses frères d'armes,
Et leur parle encor du métier**

Мысль не нова. Ср. сонет XL Ронсара из цикла «Сонетов к Елене [де Сюржер]», 1578 (Ronsard, «Oeuvres complètes», ed. Gustav Cohen. 2 vols. Paris, 1950, vol. 1, p. 258), стихи 1—5:

Comme un vieil combatant
Regarde en s'esbatant l'Olympique jeunesse
Pleine d'un sang bouillant aux joustes escrimer,
Ainsi je regardois [les champions] du jeune
Dieu d'aimer *** —

и сонет из его «Сочинений» («Oeuvres», 1560), посвященный принцу Шарлю, кардиналу Лорренскому (ed. Cohen, vol. 2, p. 885), стих 9:

Maintenant je ressemble au vieil cheval guerrier ****

13 ...усачей... — «Усачи», «mustaches» — галлицизм.

13—14 <...>

* Я похож на боевого ветерана, / Который встречается со своими товарищами по оружию / И вновь говорит с ними о былых сражениях (Фр)

** Приветствую вас, юные друзья, / Благословляю тот счастливый день / И счастливую встречу, / Когда вы у меня собрались / Какие новости в ваших любовных делах? / Ведь я интересуюсь любовными делами / Постигли вас невзгоды? / По-прежнему ли улыбается вам Венера? / Я ушел в отставку от действия всех ее чар / И похож на боевого ветерана, / Который встречается со своими товарищами по оружию / И вновь говорит с ними о былых сражениях (Фр.)

*** Как старый воин .. / ... / Смотрит битву юных олимпийцев, / Исполненных кипящей крови, / Сражающихся на копьях, — / Так смотрел я на [обладателей победных венков] / Юного бога любви (Фр)

**** Теперь я похож на старого боевого коня . (Фр)

XIX

- 5 *В любви считаясь инвалидом...* — Сполдинг перефразирует: «Считая себя ветераном, получившим шрамы в любовных кампаниях».
- 14 *...для нас.* — То есть для Пушкина, Онегина и третьего протагониста в романе — читателя, людей светских.

XX

- 2, 9 *...наши лета... долгие летá...* — Сдвиг ударения (так же как и в словах «гóды», «годá»). Не берусь с точностью сказать, что имел в виду Пушкин в первой строчке — «в нашем возрасте» или «в наш век».
- 12 <...>
- 14 *...девственным огнем.* — Этот и другие эпитеты, характеризующие Ленского, не были оригинальны: см., например, описание Аллана Клэра в повести Чарльза Лэма «Розамунда Грей» (1798), гл. 4: «...при виде Розамунды Грей зажегся его первый огонь» и «в его характере была приятная благородная прямота, отличавшая его в свете и свидетельствовавшая о его девственности».

Вариант

6—14 Черновик (2369, л. 33 об.):

- Одни предмет, одно желанье!
Одна печаль, одна любовь
8 Потоки слез и слезы вновь
 Ни долгие лета разлуки
 Ни чужеземные красы
 Ни музам данные часы
12 Ни даль, <ии> хладные Науки,
 Ни в шуме света, ни в глуши
 Не изменили в нем души

Зачеркнутый черновой вариант (там же) таков (стих 10):

 Ни взоры чужеземных дев

XXI

- 3 *...умиленный...* — Фр. *attendri*, «преисполненный нежности», «смягченный», «в чувствительном настроении», «с повлажневшими глазами», «тронутый».
- 3—4 *Он был свидетель умиленный / Ее младенческих забав...* — Выражение вопиюще галльское: «Il fut témoin attendri de ses ébats enfantins». Любопытное созвучие «забав» (шалостей, развлечений, игр) и фр. *ébats* (шалости, забавы) ласкает слух и стоит наравне с другим — «надменных» (высокомерных) и фр. *inhumaines* (бесчеловечных) из гл. 1, XXXIV, 9.

7—8 <...>

9—14 Ср.: Парни, «Любовные стихотворения» («Poésies érotiques»), кн. IV, элегия IX:

Belle de ta seule candeur,
Tu semblois une fleur nouvelle
Qui, loin du Zéphyr corrupteur,
Sous l'ombrage qui la recèle,
S'épanouit avec lenteur*

11 В глазах... — Галлицизм (*aux yeux*), которому была суждена долгая жизнь. См. полка спустя в романе Толстого «Анна Каренина», ч. I, гл. 6: «в глазах родных».

12—14 Мотыльков, как правило, не интересуют душистые белые колокольчатые цветки ландыша (*Convallaria majalis*, Linn.) «muguet», как его называют французы; «mugget» старой сельской Англии: «Lily of the Vale» Томсона («Весна» / «Spring», стих 447) и «valley-lilly» Китса («Эндимион» / «Endymion», кн. I, стих 157) — красивое, но ядовитое растение, излюбленное поэтами украшение пасторальных пейзажей, но при этом смертельно опасное для овец.

В другой отвергнутой метафоре, относящейся к той же барышне (в XXIa), Пушкин, конечно, вновь видел перед собою этот цветок, когда намекал, что он может погибнуть под острием косы (возможно, первоначально поэт хотел заставить Онегина ухаживать за Ольгой более настойчиво, чем в окончательной редакции).

В заметках на полях, оставленных нашим поэтом на собственном экземпляре «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова (ч. II, с. 33, «Выздоровление», 1808), Пушкин справедливо пеняет своему предшественнику, что тот употребил в связи с гибелью ландыша серп, а не косу (об этой пометке см.: ПСС 1949, т. 7, с. 573; дата неизвестна, возможно, 1825—1830 гг.).

Следует отметить, что в гл. 6, XVII, 9—10 ландыш превращается в традиционную лилею, которую точит обобщенный образ энтомологически вполне допустимого «червя», а точнее гусеницы.

Варианты

Три варианта строфы XXI зачеркнуты в первом беловом автографе.

XXIa

Кто ж та была, которой очи
Он без искусства привлекал,
Которой он и дни и ночи
4 И думы сердца посвящал?
Меньшая дочь соседей бедных
Вдали забав столицы вредных
Невинной прелести полна

* Одним чистосердечием красива, / Ты казалась диковинным цветком, / Который вдали от зефира-соблазнителя, / Скрываясь в тени, / Распускается неторопливо (фр)

- 8 В глазах родителей она
 Цвела как ландыш потаенный
 Незнаемый в траве глухой
 Ни мотыльками, ни пчелой
- 12 Цветок быть может обреченный
 Размаху гибельной косы,
 Не ошутив еще росы

<...>

XXIa, 1 *Кто же та была...* — Сверху на полях этой строфы (тетрадь 2369, л. 34 об.), написанной в ноябре или начале декабря 1823 г. в Одессе, Пушкин набросал пером (над другими портретами) профиль Грибоедова (черные очки, высокий воротник) — драматурга, автора пьесы «Горе от ума», ходившей в списках в 1823—1825 гг., поставленной на сцене в 1831 г. и напечатанной в 1833 г. — в один год с первым полным изданием *ЕО*. Пушкин встречался с Грибоедовым около четырех лет назад. Внизу на полях он изобразил и себя, переодетым в придворного арапа, «скорохода» в тюрбане с пером.

XXIa, 2 *...без искусства...* — Галлицизм (*sans art*). Ср.: Жан Демаре де Сен-Сорлэн (Jean Desmarets de Saint-Sorlin, 1596—1676), «Прогулки Ришелье» («Promenades de Richelieu»):

Je ne vois qu'à regret ces couleurs différentes
 Dont l'Automne sans art peint les feuilles mourantes*

XXIa, 2—4 <...>

XXIa, 12—13 *...обреченный / Размаху гибельной косы...* — Интересно, была ли Ольгина судьба, о которой все мы теперь знаем, столь очевидна для Пушкина в тот момент. (См. коммент. к XXI, 12—14.) Я думаю, что тогда Ольга была еще составлена из двух лиц — Ольги и Татьяны — и являлась единственной дочерью, которую (с неизбежными литературными последствиями) должен был совратить негодяй Онегин. В этом наборе вариантов мы наблюдаем процесс биологической дифференциации. Я объясняю попытку нашего поэта заменить Ольгу Татьяной в своем коммент. к XXIb, 13—14. Татьяна представлялась Пушкину с темными волосами, что, помимо прочего, подтверждается замею в XXIb «золота» на «шелк» (стих 11).

XXIb

- Ни дура Англинской породы,
 Ни своенравная Мамзель,
 В России по уставу моды
- 4 Необходимые досель,
 Не стали портить Ольги милой
 Фадеевна рукою хилой
 Ее качала колыбель
- 8 Она же ей стлала постель
 Она ж за Ольгою ходила

* Поневоле смотрю на разнообразные краски, / Которыми осень без искусства раскрашивает умирающие листья (*фр*)

Бову рассказывала ей
Чесала шелк ее кудрей

12 Чнтать — *помилуй мя* — учила
Поутру иаливала чай
И баловала невзначай

Довольно неожиданные нападки на изучение русскими провинциальными барышнями европейских языков (чему способствовала даже самая глупая и взбалмошная гувернантка) были впоследствии благоразумно Пушкиным изъяты. В окончательной редакции обе барышни Ларины читают и пишут по-французски значительно свободнее, чем по-русски, что свидетельствует о недавнем присутствии в семье гувернантки.

Три отчества няни, которые на разных стадиях черновика перебрал Пушкин (старых домашних слуг, чей преклонный возраст требовал уважения, называли не по имени, а по отчеству), все начинаются на «Ф»: Фадеевна, Филиппьевна, Филатьевна (см. пушкинское примечание 13 к XXIV, 2).

Старая няня со своими сказками — без сомнения, давно известный тематический прием. В «Скуке» Марии Эджуорт (Maria Edgemorth, «Ennui», 1809) няня — ирландка, а ее сказки повествуют об ирландской Черной Бороде и привидении короля О'Донохью.

XXIb, 1—2 Отвергнутый черновой вариант (2369, л. 34 об.):

Ни Mistress Английской породы
Ни своенравная Мадам .

Так приводит цитату Томашевский (Акад. 1937, с. 287, примеч.). Но я уверен, даже не видя автографа, что Пушкин написал «Mistriss» à la française*, искаженное английское «Mistress», встречавшееся в Англии в XVII в. и сохранившееся во Франции вплоть до XIX в.¹⁷

XXIb, 10 *Бова* — по-английски: Бевис. В русских сказках Бова-королевич (английский принц Бевис) стал сыном Гвидона и внуком царя Салтана. Прототипом его послужил *Vuovo* (или *Bueve*) d'Antona из итальянского рыцарского романа XIV в. («I Reali di Francia»).

XXIb, 13—14 Первый беловой автограф:

Да раздевала ввечеру
Ее да старшую сестру

Впоследствии, установив в черновике второй главы, какое имя будет носить Ольгина сестра, Пушкин вернулся к беловому автографу строфы XXIb и принялся заменять в ней «Ольгу» на «Татьяну», но дошел лишь до пятого стиха и вычеркнул всю строфу.

XXIc

(Стихи 1—8 как в установленном тексте.)

Так в Ольге милую подругу
Владимир видеть привыкал;
Он рано без нее скучал,

* На французский лад (*фр*)

- 12 И часто по густому лугу
Без милой Ольги, меж цветов
Искал одних ее следов

XXII

- 4 *Его цевницы...* — Поэты начинают с этого аркадского инструмента, наследника лиры или лютни, и заканчивают свободными трелями собственных голосовых связок, — так по-гегелевски замыкается круг.
- 5 *...Игры золотые!* — Поскольку детство — это золотой век человеческой жизни, стало быть, и детские игры — золотые.
Все это большого значения в тексте не имеет, да и не должно иметь, не должно ничего значить, с точки зрения сегодняшнего восприятия детства. Просто мы погружены скорее в галльский, чем в немецкий словесный мир Ленского: *flamme, volupté, rêve, ombrage, jeux** и т. п.
- 5—8 Было бы ошибочно считать Ленского, лирического любовника, «типичным представителем своего времени» (как будто время может существовать отдельно от своих «представителей»). Вспомним радости «прелестной меланхолии»: «Fountain heads, and pathless Groves, / Places which pale passion loves. / Moon-light walks... / A midnight Bell, a parting groan»** (Флетчер, «Славное мужество» / «The Nice Valour», акт III, сцена 1) и подобные *fadaises**** XVII в., уходящие корнями в тошнотворных «пастушков» ранней итальянской и испанской буколической литературы.
- 6 *...рощи...* — Экономный Пушкин предоставил Ленскому (в строфах XXI и XXII) строки, которые сам пытался использовать в юности. Ср. черновой набросок стихотворения, относящегося предположительно к 1818 г.¹⁸

В <сени пленительных> дубрав
Я был свидетель умиленный
Ее [младенческих] забав

И мысль об ней одушевила
[Моей] цевницы первый звук

<...>

XXIII

- 1—2 Пушкин никогда не знал и, возможно, даже не слышал об Эндрю Марвелле (1621—1678), который ему во многом сродни. Ср.: Марвелл, «Эпитафия» (Marvell, «An Epitaph upon...», publ. 1681), стих 17: «Скромна, как утро, как полдень, светла». То же можно сказать и об Аллане Рамзее (Allan Ramsay, 1686—1758), ср. его стихотворение «Моя Пегги молода» в сборнике «Нежный пастух» («My

* Пламень, нега, мечты, сень, игры (*фр*).

** «Ключи и непроходимые рощи, / Места, которые любит бледная страсть. / прогулки в лунном свете... / Полночный колокол, стон расставания» (*англ*).

*** Пошлости (*фр*)

Peggy is a Young Thing» in «The Gentle Shepherd», 1725), стих 4: «Как день, светла и всегда весела».

Интонация пушкинского первого стиха та же, что и в «Бесполезной проповеди» («La Sermon inutile») Понса Дени (Экушара) Лебрена (Ponce Denis Lebrun, 1729—1807; OEuvres. Paris, 1811), кн. II, ода VII:

Toujours prude, toujours boudeuse *

3 ...простодушна... — Ср. X, 3. Пушкин неоднократно использует это определение (простодушный, -ная, -но), дабы перевести фр. *naïf, naive, naïvement*. <...> Хотя наивность (простодушие) Ленского остается с ним до конца его дней (и даже потом, в царстве посмертной метафоры и в аркадской гробнице), простодушие Ольги оказывается не вовсе лишенным некоего стыдливого, но жестокого обмана.

Шатобриан говорит о поэтах в своем «Рене» (ed. Armand Weil, Paris, 1935, p. 28): «Leur vie est à la fois naïve et sublime... ils ont les idées merveilleuses de la mort»**. Сравнение «простодушной» жизни поэта с характером Ольги дублируется сравнением поэзии Ленского с «мыслями девы простодушной» в строфе X, 3, чему предшествует слабое «чудесное» эхо («idée merveilleuses») в VII, 14.

5—6 Прототипом и пушкинской Ольги, и Эды Баратынского является девушка из Аркадии, которую можно найти, например, в стихотворении Батюшкова «Мой гений» (1815):

Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов
Моей пастушкн несравненной .

5—8 Глаза... / Улыбка стан, / Всё в Ольге... — Этот прием перечисления и подытоживания пародирует не только суть, но и стиль. Пушкин обрывает фразу, точно его увлек язык Ленского и бег этого пассажа, нарочито имитирующего трафаретные риторические фигуры аналогичных описаний в европейском романе того времени с речитативом перечислений, разрешающихся восторженным «всё...».

Ср.: «Sa taille... ses regards... tout exprime en elle...»*** (описание Дельфины д'Альбемар в пресном романе г-жи де Сталь «Дельфина», 1802, ч. I, письмо XXI, адресованное Леонсом де Мондовилем своему закадычному другу Бартону, литературному племяннику лорда Бомстона (в «Юлии»); см. также коммент. к гл. 3, X, 3); ср. также у Нодье: «Sa taille... sa tête... ses cheveux... son teint... son regard... tout en elle donnait l'idée...»**** (описание Антони де Монлион в жутковатом, но не столь уж ничтожном романе «Жан Сбогар», 1818, гл. 1; см. коммент. к гл. 3, XII, 11); и, наконец, у Бальзака: «Le laisser-aller de son corps... l'abandon de ses jambes, l'insouciance de sa pose, ses mouvements pleins de lassitude, tout révélait une femme...»+ (описание маркизы д'Эглемон из чересчур переоце-

* Всегда стыдлива через меру, всегда надута . (Фр.)

** «Их жизнь одновременно простодушна и возвышенна... у них чудесные представления о смерти» (фр)

*** «Ее стан... ее взоры. все в ней выражает . » (Фр)

**** «Ее стан .. головка... взор .. волосы... все в ней говорило о » (Фр)

+ «Небрежные положения... которые принимало ее тело, и то, как она ставила ноги, беспечность позы, ее полные усталости движения — все выдавало в ней женщину.. » (Фр)

ненного пошлого романа «Тридцатилетняя женщина», гл. 3; «Сцены частной жизни», 1831—1834).

6 <...>

7 <...>

8—9 ...но любой роман / Возьмите... — Ср.: Пирон, «Розина»:

Ne détaillons pas davantage
Un portrait qui court les romans*

То, что прозаический перевод не всегда ближе к оригиналу, чем стихотворное переложение с приклееными рифмами, прекрасно подтверждается рядом уморительных промахов в английском «переводе» отрывков из *EO*, представленном анонимным автором (Уильямом Ричардом Морфиллом, написавшим несколько никудышных работ о России) в статье, посвященной Пушкину («Westminster and Foreign Quarterly Review», 1883, CXIX, p. 420—451). Вот как понимает переводчик пушкинскую ссылку на «любой роман» в XXIII, 8, путая «любой» с «любовным», а «роман» как литературный жанр с «романом» как любовным приключением (перевожу обратно):

Глаза голубые, как небо,
Улыбка, льняные локоны,
Гармония в движении, голосе и фигуре,
8 Все это в Ольге Она была
Живой любовной историей,
Там вы найдете портрет милой девушки
Я когда-то сам ее любил,
12 Но все кончилось ничем

Несмотря на незнание простейших русских слов и оборотов речи, критик несколькими презрительными словами (с. 443—444) безрассудно отбрасывает сполдингскую версию *EO* (1881). К его статье меня привела ссылка в статье М. Алексеева «И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на западе»**, в которой, впрочем, мною замечены две ошибки: перевод Сполдинга вышел не в 1888 г. и Морфилл не дает «детального анализа» этого перевода, а ограничивается лишь шестью примерами нелепостей в английском тексте.

14 <...>

Вариант

13—14 Первая беловая рукопись:

И новый карандаш беру
Чтоб описать ее сестру

* Не станем подробнее описывать портрет, / Уже изрядно надоевший в романах (фр).

** В кн.: Труды отдела новой русской литературы, I. АН СССР, Институт литературы М, Л, 1948, с. 53 (Примеч. В Н)

Между черновым наброском этих стихов и началом строфы XXIV («Ее сестра звалась... <Наташа> Татьяна») в тетради 2369, л. 35 — большой рисунок Елизаветы Воронцовой в чепце и шали.

XXIV

1—2 *Ее сестра звалась Татьяна...* — <...> Во времена Пушкина имя Татьяна считалось простонародным.

Русские варианты греческих имен упомянуты в авторском примечании 13 — Агафон, Филат, Федора и Фекла.

В черновике примечаний для издания 1833 г. (ПД, 172) Пушкин, кроме того, приводит имена Агафоклея, Февронья (обрусевшая Хавронья).

В черновике строфы (2369, л. 35) вместо имени Татьяна Пушкин пробовал для своей героини имя Наташа (уменьшительное от «Натальн»). Было это за пять лет до его первой встречи с будущей женой Натальей Гончаровой. «Наташа» (как и «Параша», «Маша» и пр.) по сравнению с «Татьяной» имеет значительно меньше возможностей рифмовки («наша», «ваша», «каша», «чаша» и несколько других слов). Это имя уже встречалось в литературе (например, «Наталья, боярская дочь» Карамзина). У Пушкина Наташа появляется в «Женихе, простонародной сказке» в 1825 г. (см. гл. 5, сон Татьяны) и в конце того же года в «Графе Нулине» — так зовут очаровательную героиню поэмы, русскую Лукрецию, надрывшую уши заезжему Тарквинию (и наставляющую рога своему мужу-помещику с двадцатитрехлетним соседом).

Татьяна как «тип» (любимое словечко русской критики) стала матерью и бабушкой бесчисленных женских персонажей в произведениях многих русских писателей — от Тургенева до Чехова. Литературная эволюция превратила русскую Элоизу — пушкинское соединение Татьяны Лариной с княгиней N — в «национальный тип» русской женщины, пылкой и чистой, мечтательной и прямодушной, стойкого друга и героической жены. В исторической действительности этот образ стал ассоциироваться с революционными чаяниями, в ходе последующих лет вызвавшими к жизни по крайней мере два поколения нежных, высокообразованных и притом невероятно отважных молодых русских дворянок, готовых жизнь отдать ради спасения народа от правительственного гнета. Немало разочарований поджидало эти чистые татьяноподобные души, когда жизнь сталкивала их с реальными крестьянами и рабочими простые люди, которых они пытались образовывать и просвещать, им не верили и их не понимали. Татьяна исчезла из русской литературы и из русской жизни перед самой Октябрьской революцией, когда власть взяли в свои руки мужчины-реалисты в тяжелых сапогах. В советской литературе образ Татьяны был вытеснен образом ее младшей сестры, ставшей теперь полногрудой, бойкой и краснощекой девицей. Ольга — это правильная девушка советской беллетристики, она помогает наладить работу завода, разоблачает саботаж, произносит речи и излучает абсолютное здоровье.

Весьма занимательным может оказаться рассмотрение «типов», если подойти к нему в верном ключе.

9—10 *.. вкусу очень мало / У нас и в наших именах...* — То есть «вкусу очень мало у нас даже в наших именах». Но поскольку «и» может означать либо «даже»,

либо «а также», эту фразу можно понять иначе: «вкусу очень мало у нас, а также в наших именах». Первое прочтение лучше.

14 *Жеманство...* — «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке, — писал Пушкин Вяземскому (в конце ноября 1823 г.), — следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали».

В *ЕО*, однако, Пушкин не придерживался «библейской похабности», которую исповедовал.

Варианты

10—11 Вторая беловая рукопись:

У нас в уборах и в стихах
И даже в наших именах

13—14 Черновик (2369, л. 35):

Я б это доказал тотчас
Но дело не о том у нас

XXV

2 После оборотов с отрицанием Пушкин, несмотря на интонационную подсказку, не начинает предложения с союза «но» для перечисления компенсирующих качеств героини (стилистически им найдется место только в гл. 8, XIV и XV). Ср. анонимную «Современную жену» («The Modern Wife», London, 1769, I, p. 219—220; капитан Уэтсбери сэру Гарри): «Она [Джульетта, младшая дочь леди Бетти Перси] не была красива, но в высшей степени обладала тем же *ne sais quoi**, которое пленяет более, нежели слишком правильная красота... Я был очарован... ее здравым смыслом, простотой обхождения, столь свободной от ветрености, кокетства или жеманства».

8 *...девочкой чужой* (тв. пад. после «казалась») — странной девчушкой, беспризорным ребенком, девочкой-подкидышем.

Тема необщительных детей обоего пола была распространена в романтической литературе. Так, Розамунда Грей у Чарльза Лэма «с детства была удивительно скромной и задумчивой...» («Розамунда Грей», гл. 1).

14 *Сидела молча у окна.* — Гл. 3, V, 3—4: «...молчалива... / Вошла и села у окна»; гл. 3, XXXVII, 9: «Татьяна пред окном стояла»; гл. 5, I, 6: «В окно увидела Татьяна»; гл. 7, XLIII, 10: «Садится Таня у окна»; гл. 8, XXXVII, 13—14: «...и у окна / Сидит она... и все она!..» Селеноподобная душа Татьяны постоянно обращена к романтической уединенности, окно становится символом тоски и одиночества. Образ Татьяны, последний раз встающий перед мысленным взором Онегина (гл. 8, XXXVII, 13—14), очень тонко смыкается с той Татьяной, которую он увидел впервые (гл. 3, V, 13—14).

* Неопределенным очарованием (*фр*)

Варианты

4—6 Отвергнутое черновое чтение (2369, л. 35 об.) предполагает иное начало:

Вы можете, друзья мои
Себе ее < > представить сами
Но только с черными очами ..

Слова, вычеркнутые Пушкиным, почти наверняка были «и сами», рифмующиеся с «глазами»¹⁹.

14 Черновик (там же): «с книгой» вместо «молча».

XXVI

14 — XXVII, 1 — Еще один редкий случай, когда одна строфа плавно перетекает в другую.

XXVII

2 <...>

6 ...*страшные*... — В издании 1837 г. заменено на «странные», что не имеет особого смысла и, скорее всего, опечатка. Более ранние издания дают «страшные».

7 *Зимою, в темноте ночей*... — В зависимости от ритма и рифмы Пушкин использует слова «темнота» (как здесь), «тьма» или «потемки». Другими заменителями могут выступать «сумрак», «мрак» и «мгла». Последнее слово в его точном смысле мрачнее и туманнее той частенько встречающейся и столь любимой поэтами мрачности, которую передают существительные «сумрак» и «мрак». Прилагательные «темный», «сумрачный» и «мрачный» нередки и в творчестве Пушкина. Иным кажется, что «сумрак» несколько светлее «мрака», возможно, по причине семантического влияния слова «сумерки».

12 ...*горелки*... — Шотландское и английское «barla-breikis» (barley-bracks, barli-brakes, barleybreaks, где «barley» — возглас, означающий перемирие, типа русского «чур-чур!») по сути дела не отличается от «горелок». И то и другое — деревенская игра в салки или пятнашки. «Горелки» имеют языческое происхождение и в пушкинскую эпоху все еще ассоциировались у крестьян с празднованием наступления весны. Само название происходит от глагола «гореть» в особом игровом значении. Любопытная разница существует между «barley-breaks» и «горелками»: в первом случае водящий помещается в «ад», где «он горит» как грешник, тогда как во втором он «горит» любовным огнем от пробуждающихся весенних желаний под гладкими и блестящими листочками берез на залитом солнцем холме. (Примечательно, что в отвергнутом черновике, 2369, л. 36, стих 12 звучит так: «Весной в горелки не играла»).

В некоторых старинных видах деревенских горелок водящий представляется «горящим пнем» (пень на Руси символизирует «единичность», «одинокость», существо без пары, материализованное «я»). Происхождение слова неясно, но я подозреваю, что его нужно искать среди родовых предков — *англ.* «rip» (булавка), «ripnacle» (остроконечная скала, вершина), «rep» (остроконечный холм) и «reg» (колышек). Толковый словарь живого великорусского языка

Владимира Даля (изд. 3-е, 1903) дает следующий диалог между «пнем» и разбитыми на пары игроками, произносимый нараспев перед началом игры: «Горю, горю, пень». — «Чего горишь?» — «Девки хочу». — «Какой?» — «Молодой». — «А любишь?» — «Люблю». — «Черевички купишь?» — «Куплю».

В горелках, в которые играют Ольга и ее маленькие подружки, собранные няней на обсаженном сиренью широком лугу, используется не столь откровенный вариант. Когда пары игроков выстроились одна за другой позади игрока-одиночки, последний поет:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло,
Погляди на небо,
Птички летят,
Колокольчики звенят
Раз, два, не воронь,
Беги, как огонь!

В этот момент последняя пара игроков отделяется и каждый бежит вперед, один справа, другой слева от «горящего», стараясь ему (или ей) не попасться; водящий бросается вдогонку. Наконец, вместе с пойманным игроком он встает в очередь с другими, а непоиманный занимает место «пня».

Я обнаружил, что эту древнюю игру упоминает Томас Деккер в своей пьесе «Честная распутница» (Thomas Decker, «The Honest Whore», 1604, ч. I, акт V, сцена 2: «Мы сначала поиграем в горелки (barley-breaks), и ты будешь в „аду“ [то есть „водить“]»; а также Аллан Рамзей в своей «Всякой всячине за чайным столом» (Allan Ramsay, «The Tea-Table Miscellany»). Вот начало песенки под названием «Приглашение» («The Invitation», 1750, p. 407), строфа 2:

See where the nymph, with all her train,
Comes skipping through the park again,
And in this grove she means to stay,
At barley-breaks to sport and play

(Смотри, как нимфа со своей свитой
Бежит вприпрыжку через парк со всех ног,
Она хочет остаться в роще,
Чтобы поиграть в barley-breaks)

Эльтон собирает «на большом лугу .. шумно играющих девочек и мальчиков», Сполдинг называет это «веселым сборищем молодых людей», мисс Радин объясняет, что Татьяна не участвует в игре, «потому что игра казалась такой шумной, но такой неинтересной», а у мисс Дейч маленькие девочки не только пятнали друг друга, но еще и «бродили по лесам», пока «Татьяна оставалась дома, ничуть не угнетенная своим одиночеством». Предполагается, что все это и есть «Евгений Онегин».

XXVIII

- 2 *Предупреждать...* — <...> Эта строфа особенно восхитительна и как мелодия, и как миниатюра, выполненная в великолепной пушкинской манере стилизации. Не переходя классические границы лишенных цвета описаний, свойственных XVIII в., Пушкин смог придать картине глубину и объем.

«Предупреждать зари восход», как это делала Татьяна, было поведением романтическим. См., например, у Пьера Лебрена в «Утренней прогулке в Вильдаврейском лесу» (Pierre Lebrun, «La Promenade matinale aux bois de ville-d'Avray», 1814) следующий стих:

J'éprouve de la joie à devancer l'aurore *

6—8 В стихе 6 звучит прелестная аллитерация на *в* и *т*:

И, вестник утра, ветер веет..

В следующей строчке я примирился с несущественной инверсией ради передачи в своем переводе выразительной ноты промедления, основанной на скаде второй стопы:

И всхóдит постепенио дéнь

И конечно, я чувствовал, что обязан передать, как великолепно стих 8 образует переход из первого восьмистишия в следующее за ним шестистишие.

Точность, которой мне удалось достичь в переводе этой строфы, основана на безжалостном и победоносном устранении рифмы, сохранение коей явилось обстоятельством, заставившим одну из моих предшественниц (мисс Дейч, 1936) следующим образом нанизать одну за одной строки, отражающие, как ей казалось, обсуждаемый пассаж (XXVIII, 1—8):

Tatyana might be found romancing
Upon her balcony alone
Just as the stars had left off dancing,
When dawn's first ray had barely shown,
When the cool messenger of morning,
The wind, would enter, gently warning
That day would soon be on the march,
And wake the birds in beech and larch

Дословный перевод:

Татьяну можно было найти предающейся мечтам
На балконе одну,
Когда звезды только что закончили свои танец,
Когда первый луч рассвета едва показался,
Когда, прохладный вестник утра,
Поялялся ветер, нежно предвещая,
Что скоро зашагает день
И разбудит птиц в буках и лиственницах

Очень легко заметить погрешности, связанные с пропуском текста; но для данной версии *ЕО* характерен не только пропуск, но и припуск, когда всевозможные образы и детали щедрой рукой подсыпаны к пушкинскому тексту. Что, к примеру, там делают все эти птицы и деревья — «И разбудит птиц в буках и лиственницах»? Почему так, а не иначе? Например, так: «And take in words to bleach and starch» («И внесет в дом слова, чтобы их побелить и подкрахмалить») или какая-нибудь другая ахиня. Еще один очаровательный штрих: буки и лиственницы совсем не характерны для западной и центральной

* Мне радостно бывает вставать, зарю предупреждая (Фр)

России и посему никогда бы не пришли на ум Пушкину при описании парка Лариных.

XXIX

1—4 *И Ричардсона и Руссо. 5—12 Отец ее...* — См. мои комментарии к более подробному описанию в гл. 3, IX—X «тайной» библиотеки, которой наслаждается Татьяна, — читая книги во французских оригиналах или «переводах» — в 1819—1820 гг., после ухода французской гувернантки (несомненно, жившей в ларинском доме, вопреки строфе XXIb) и незадолго до смерти Дмитрия Ларина. Это «сентиментальные» романы Руссо, госпожи Коттен, госпожи Крюднер, Гёте, Ричардсона и госпожи де Сталь; в гл. 3, XII (см. коммент.) Пушкин противопоставляет этим романам перечень других более «романтических» произведений (впрочем, с современной точки зрения, первый список переходит во второй совершенно незаметно) Байрона, Мэтьюрина и их французского последователя Нодье, произведений, которые тревожат сон отроковицы «нынче» (то есть в 1824 г., когда писалась третья глава). Исключительно из этого второго, модного списка в 1819—1820 гг. читает романы Онегин, как ретроспективно указано в ссылке гл. 7, XXII, действие которой происходит в тот момент (летом 1821 г. по хронологии романа), когда Татьяна догнала Онегина в своих литературных пристрастиях.

Литературная эволюция идет от лорда Бомстона к лорду Байрону.

3 <...>

8—9 *Он, не читая никогда, / Их почитал...* — Аллитерация-каламбур, если ее заметить, сразу же портит оба стиха.

Вариант

1—4 Первый черновой набросок (2369, л. 36 об.) звучит в сочетании с последними строками XXVI строфы (XXVII была сочинена уже после написания всей главы) так:

Ей чтение нравилось боле
Никто ей в этом не мешал
И чем роман тянулся доле —
Тем ей он боле угождал .

XXX

3 *Грандисон.* — Профессор Чижевский из Гарвардского университета в своем комментарии к «Евгению Онегину» (Cambridge, Mass., 1953) делает следующее невероятное заявление: «Грандисон, герой „Клариссы Гарлоу“ [другой роман] известен матери только как прозвище московского унтер-офицера [сержанта] [неверный перевод]!.. Превращение старухи Лариной из чувствительной девы в строгую mistress [двусмысленно: mistress по-английски означает „хозяйка“ и „любовница“] было обычным явлением и для мужчин [крайне двусмысленно], и для женщин в России».

3—4 ...Грандисона . Ловласу... — Благородный сердцем сэра Чарльз Грандисон и негодяй благородного происхождения Ловлас (Lovelace по-русски рифмуется с Faublas) — это, по словам Пушкина (в его 14-м примечании), «герои двух славных романов». Речь, конечно, идет об эпистолярных романах (1753—1754 гг. и 1747—1748 гг. соответственно) Сэмуэля Ричардсона (1689—1761) «История сэра Чарльза Грандисона» в семи томах и «Кларисса, или История молодой леди», «охватывающая важнейшие вопросы частной жизни и показывающая, в особенности, бедствия, проистекающие из дурного поведения как родителей, так и детей в отношении к браку», в восьми томах.

Я обратился к изданию этих двух романов 1810 г. В своем предисловии к «Грандисону» Ричардсон так определяет Клариссу, героиню его предыдущего многотомного произведения: «Молодая леди... рассматривается погруженной в такое разнообразие глубоких страданий, которые ведут к ее безвременной кончине, чем дается предупреждение родителям не воздействовать силой на склонности своих детей, касаемых принятия самого важного решения в жизни... Героиня, однако, как истинная христианская героиня, оказывается выше своих несчастий, и сердце ее неизменно остается возвышенным, утонченным и благородным в каждом из них, радуясь приближению счастливой вечности».

А вот характеристика Грандисона: «Грандисон — пример человека, поступающего всегда хорошо в различных тяжелых ситуациях, ибо все его действия продиктованы одним непоколебимым принципом: человек религиозный и добродетельный, исполненный бодрости и высокого духа, образованный и приятный в обхождении, счастлив самим собой и благословен для окружающих».

7 <...>

8—9 В то время был еще жених / Ее супруг, но поневоле... — Очень неуклюже и неправильно сформулировано по-русски <...>

13—14 Сей Грандисон был гвардии сержант. — Чин гвардии сержанта (отменен в 1798 г.) соответствует званию младшего лейтенанта в армии, в гвардии имелись особые привилегии, касающиеся продвижения по службе офицеров. Согласно «Табели о рангах» (1722) Петра I, гвардейское звание было на две ступени выше соответствующего армейского. Следует также добавить, что офицерское звание гвардии сержанта, в большей степени обладавшее блестящим ореолом, нежели практической значимостью, служило некоей абстрактной ступенью для последующего быстрого продвижения и не предполагало немедленной службы, если юноша его получал. Вспомним Петра Гринева, рассказчика в небольшом изумительном романе Пушкина «Капитанская дочка» (1836). Еще до его рождения в 1757 г. отец записал мальчика (милостью титулованного родственника) сержантом гвардии в Семеновский полк, и официально тот «считался в отпуску до окончания наук», то есть до окончания поверхностного домашнего образования, которое получал от любившего выпить французского ментора. Мальчику было шестнадцать, когда отец решил, что пора его определить в службу — армейскую (чтоб «быть солдатом»), а не в гвардейскую, как планировалось первоначально (чтоб «не стать шарматом»). Во времена Александра I (1801—1825) блестящий гвардии сержант екатерининского царствования (1762—1796) уступил место на светских балах томному архивному юноше (так назывались молодые люди, служившие в модном Московском Архиве государственной

коллегии иностранных дел; см. коммент. к гл. 7, XLIX, 1), которого в 1830-е гг., при Николае I, в свою очередь сменил камер-юнкер, о чем пишет в своих желчных, но умных «Записках» Ф. Вигель (около 1830 г.).

Татьяна, старшая дочь Прасковьи Лариной, родилась в 1803 г. Когда лихой молодой игрок ухаживал за Rchette, последней едва ли было больше шестнадцати или восемнадцати лет. Принимая это во внимание, я думаю, Прасковья Ларина родилась около 1780 г., и следовательно, к 1820 г. ей было сорок с небольшим, хоть автор и аттестовал ее «милой старушкой» (гл. 3, IV, 12). В седьмой главе госпожа Ларина вновь встретится со своей кузиной, княжной Алиной (русифицированный вариант фр. *Aline*, модное уменьшительное имя Александры).

В английской жизни той эпохи обнаруживаются некоторые аналогии. Так, капитан Гроноу в своих грубых и неуклюжих воспоминаниях («Reminiscences», р. 1) пишет: «После окончания Итона я получил [в 1812 г.] звание сержанта Первой Гвардии... и поступил на службу в... 1813 г.».

По этому поводу Тургенев и Виардо снабдили свое французское переложение *ЕО* (1863) таким запутанным примечанием: «Comme il n'y avait alors qu'un seul colonel dans la garde, qui était l'empereur [or the empress], et que les simples soldats étaient gentilhommes, le grade de sergent équivalait à celui de colonel [à celui de lieutenant?]*».

Варианты

9—10 Отвергнутый черновой вариант (2369, л. 36 об.):

Она блистала
В толпе красавиц тех времен ..

13—14 Черновик (там же):

Ловлас ее был славный франт
Екатерининский сержант

ХХХ—ХХХІ

На полях черновика (2369, л. 37), написанного не раньше конца ноября и не позже 8 декабря 1823 г. в Одессе, Пушкин нарисовал чернилами два интересных портрета (см.: Эфрос, «Рисунки Пушкина», с. 185).

Справа, вдоль ХХХ, 11—12 и ХХХІ, 1—6, — графиня Елизавета Воронцова, нарисованная со спины: простое элегантное платье с низким вырезом, сзади на шее заметна нитка бриллиантов.

Слева, вдоль ХХХІ, 11—14, — традиционный автопортрет в профиль, без баков, с вьющимися волосами.

В своих замечательных портретных зарисовках Пушкин обычно находил ключевую черту, графическую константу, и повторял ее во всех изображениях данного человека. Так, ключом к его собственному профилю является резкий вырез ноздри (очертания острого носа выглядят как быстро от руки написанное

* «Поскольку в гвардии тогда был только один полковник — император, а простые солдаты были дворяне, чин сержанта соответствовал чину полковника [чину лейтенанта?]*» (фр).

«h» или перевернутая «7») над длинной обезьяньей верхней губой; ключом к профилю Екатерины Ушаковой (1809—1872, предмета пушкинской московской любви, вспыхивавшей весной 1827 и весной 1829 гг.; она вышла замуж за Дмитрия Наумова около 1840 г.) становится особый идущий вниз штрих, складочка от улыбки, добавленная к милому абрису ее губ. Елизавету Воронцову отличает красивая шея, иногда с намеченной точками ниткой ожерелья. Ее шея и плечи возникают (без очертаний головки и корпуса) в тетради 2369, л. 42 на полях с правой стороны под черновиком стихотворения «Недвижный страж дремал...» (см. коммент. к гл. 10, I, 1) и над стихом гл. 2, XL, 5 «Быть может (лестная надежда!)» (воспр. Эфросом, с. 189).

XXXI

4 <...>

8—9 *Рвалась и плакала сначала...* — Глагол «рваться» (происходящий от «рвать») обладает гораздо более выразительной силой, чем любой аналогичный английский глагол. Он означает не просто «кидаться», но предполагает безудержное метание человека, сдерживаемого другими людьми и предающегося страстной скорби, которая ищет выхода в отчаянных корчах и других диких движениях. Мать Марии Кочубей в восхитительной поэме Пушкина «Полтава», веля дочери сделать все возможное, чтобы Мазепа освободил Кочубея, говорит: «Рвись, требуй...» <...> «Рвись» передает здесь все телодвижения, вызванные скорбью и неистовством, когда заламывают руки, рвут на себе волосы и т. п.

14 Отрывок, цитируемый в 15-м примечании Пушкина, взят из «Рене», чуть далее первой трети истории (ed. Weil, p. 41): «Est-ce ma faute, si je trouve partout les bornes, si ce qui est fini n'a pour moi aucune valeur? Cependant je sens que j'aime la monotonie des sentimens de la vie, et si j'avois encore la folie de croire au bonheur, je le chercherois dans l'habitude»*.

См. также: Вольтер, «Фанатизм, или Пророк Магомет», акт IV, сцена 1: «La nature à mes yeux n'est rien que l'habitude»**.

XXXIa, XXXIb

После строфы XXXI Пушкин начал XXXIa таким образом (2369, л. 37):

Они привыкли вместе кушать
Соседей вместе навещать
<По праздникам обедню> слушать
Всю ночь храпеть, а днем зевать
В линейке ездить по работам
<...в баню по субботам>
Солить арбузы и грибы

* «Моя ли вина, если всюду я встречаю пределы, если все завершенное не представляет для меня ценности? Однако я чувствую, что люблю однообразие жизненных переживаний, и если бы я еще имел безумие верить в счастье, я искал бы его в привычке» (фр.).

** «На мой взгляд, природа есть не что иное, как привычка» (фр.).

XXXIa, 5 ...в линейке... — <...> Одно из значений слова «линейка» выражает понятие удобного, низко посаженного, старомодного экипажа, достаточно мягкого и уютно укрытого, этаким роскошной спальни на колесах. Но то же самое слово употреблялось в 1820-х гг. в России для обозначения дрожек, которые, как ни странно, были очень близки двухколесному четырехместному ирландскому экипажу, а точнее, его открытой разновидности, где пассажиры занимали места спиной друг к другу на боковых сиденьях, не меньше троих с каждой стороны.

Роберт Лайалл в «Путешествиях по России, Крыму, Кавказу и Грузии» (Robert Lyall, «Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus, and Georgia», London, 1825, I, p. 22) описывает линейку как «длинный полуоткрытый экипаж с двумя сиденьями, на которых умещается более десятка человек».

XXXIa, 7 Одно из отвергнутых чтений стиха:

Солила белые грибы .

Грибы, называющиеся по-русски «белыми», относятся к виду *Boletus edulis*, это мясистые шляпочные грибы с толстой белой ножкой и желтовато-коричневой шляпкой, которые в жареном, соленом или маринованном виде весьма ценятся европейскими гурманами. О том, как русские разбираются в грибах и любят их, я подробно рассказываю в своей книге «Другие берега» («Conclusive Evidence». New York, 1951, p. 22—24).

В черновых набросках строф XXXIa и XXXIb (2369, л. 37 и 38 об.) Ларин изображен без всякой симпатии.

XXXIa, 13—14 В черновике (л. 37) говорится:

Довольно скуп
<Отменно> добр и очень глуп

См. также ниже: XXXIb, 2.

XXXIb, 1—3 В черновике (л. 38 об.) дано:

Супруг — он звался Дм<итрий> Ларин
И винокур и хлебосол
Ну словом прямо русской барин ..

XXXIb, 2 Отвергнутое чтение (л. 38 об.):

Невежда, толстый хлебосол

XXXIb, 3 Слово «барин» происходит от «боярин» (в «Webster's New International Dictionary» помещена на эту тему лаконичная статья). В контексте «вышестоящий — нижестоящий» слово это означает «хозяин», в иных контекстах, как здесь, имеет следующие коннотации: «помещик», «дворянин» и — выдавливая последнюю каплю ассоциаций — «добродушный, настоящий, старорежимный аристократ».

Между прочим, Петр Гаинибал, двоюродный дед и деревенский сосед нашего поэта, был, как и господин Ларин в рукописи, страстным винокуром (делал домашнюю водку).

XXXII

5 <...>

- 7 В издании 1826 г. напечатано «как Простакова», замененное на «единовластно» в списке опечаток, приложенном к изданию гл. 6 1828 г., и в текстах изданий 1833 и 1837 гг. Современные редакторы вместо «единовластно» печатают «самодержавно», полагая, что этот императорский эпитет был отвергнут в рукописи по цензурным соображениям²⁰.
- 11 ...брила лбы... — Отбирала из своих крепостных рекрутов в армию: тем, кого признавали годным для военной службы, сбривали спереди волосы, чтобы их было легко узнать.

XXXIII

- 2 ...альбомы... — «Album... le livre dans lequel, selon les bienveillans usages de l'Allemagne, chacun se fait donner une marque de souvenir par ses amis»* — определение мадам де Сталь в книге «О Германии», ч. II, гл. 23 (Oeuvres, 1820, vol. 10). См. также: гл. 4, XXVII—XXXI.
- 3 Звала Полиною Прасковью... — Прасковья или Парасковья — распространенное русское женское имя, от него уменьшительные — Параша и Паша. В своей офранцуженной юности госпожа Ларина, чье имя, кстати, тоже было Прасковья, называла любую Прасковью (или Парасковью) не Пашей, а Полиной (ср.: *Алина*, XXX, 5 и коммент. к XXX, 13—14) от фр. *Pauline*. Даже русские уменьшительные имена переделывались на французский лад, и Паша Ларина превращалась в устах ее светской московской кузины в *Rachette* (см. гл. 7, XLI, 1).
- 4 И говорила нараспев... — Московская манера, особенно свойственная женщинам, произносить нараспев некоторые слоги, чтобы получалось подобие музыкальной мелодии, еще раз упоминается в гл. 7, XLVI, 13.
- 6—7 Она произносила русский «Н» в нос, например в слове «солнце», как будто это французское «N» в слове «son» (son-tse).
Лернер («Звенья», 1935, № 5, с. 65) отмечает, что при чтении стиха «И русской Н как N французский» внимательный читатель пушкинского времени прочел бы первое «Н» как «наш» — так называлась эта буква в старом русском алфавите. Второе N, конечно, произносится «эн» (как в «кеп»).
- 14 На вате шлафор и чепец. — «Шлафор» происходит от нем. *Schlafrock* («домашний халат»), фр. *robe de chambre*; «на вате» значит «подбитый ватой» (фр. *ouatée*). «Чепец» — это женский головной убор с оборками или гофрировкой, который носили хозяйки дома. Приукрашенный, он похож на английскую «bonnet» — дамскую шляпу без полей (ср.: гл. 3, XXVIII, 4).

* «Альбом... книга, в которой, по благодушным обычаям Германии, каждый заставлял своих друзей оставить памятную отметку» (фр.)

Вариант

В первом беловом автографе эта строфа изъята из основного текста и приписана в конце главы в таком прелестном варианте:

<Она в альбом писала кровью
По образцу Рязанских дев>
Звала Полиной Парасковью
И говорила на распев —
Корсет носила очень узкой
И русской Н, как N французской
Произносить умела в нос
(Так между модников велось)
Она любила перед балом
Затверживать мудреины па
Отца звала всегда рара
Умела щелкать опахалом
И Грандисоиа своего
Любила более всего

Стих 11 сначала звучал так:

Отца звала mon cher рара *

В стихе 2 упоминается Рязанская губерния, расположенная к югу от Москвы, между Москвой и Тамбовом.

XXXIV

- 2 *...затеи...* — «Затея» — одно из любимых пушкинских слов. Имеет множество оттенков значения: «план», «проект», «предприятие», «причуда», «прихоть», «выходка» и т. п.
- 7 *Соседей добрая семья...* — Любопытно, что главы семейств, съезжающиеся к Лариным, будут меняться в худшую сторону, пока наш поэт дойдет до пятой главы. Пушкин так до конца и не решит, высмеивать или восхвалять старомодную провинциальность (гротескную или здоровую и основательную?) и петербургское общество (праздное или широко образованное?), которых однажды, а именно, в гл. 8, XXIIIa и XXIIIb, он попытается примирить, как славянизмы и галлицизмы в своем стиле.

14 <...>

Варианты

7—8 Черновой набросок (2369, л. 38 об.):

Соседей милая семья
Исправиик, поп и попадья

«Попом» называется русский священник, «исправником» — глава местной полиции.

* Дорогой папа... (Фр)

Вот замечательное двустишие, в художественном отношении гораздо лучше хромающей окончательной редакции, но, без сомнения, Пушкин чувствовал, что зашел слишком далеко, принижая общественное положение родителей Татьяны, которые все же были дворянами и не стали бы ограничивать круг своих знакомых сельскими священниками и полицейским. Старик Ларин был дворянином и имел высокий армейский чин, а его жена, Полина Ларина, если судить по титулу ее незамужней московской кузины — более нам ничего не известно, — могла бы быть урожденной княжной Щербатской, двоюродной бабушкой по отцовской линии Долли Облонской Толстого. Советские комментаторы упускают эти тонкие моменты.

XXXV

3 ...на масленице жирной... — Эпитет соответствует фр. *Mardi Gras* (букв. «жирный вторник»); англ. *Shrove Tuesday*, последний день масленицы, которая по-английски называется *Shrovetide*, но в России это уже второй день Великого поста. Русская масленица длится с понедельника до сыропустного (или прощеного) воскресенья (англ. *Shrove Sunday*), на следующий день (англ. *Shrove Monday*) начинается русский Великий пост. Немцы, жившие в России, переводили слово «масленица» как *die Butterwoche* (то есть «масленая неделя»), а русские *Shrove Monday* и *Shrove Tuesday* (понедельник и вторник — первые дни Великого поста) в шутку называли «немецкой масленицей».

Раньше в Англии существовал обычай на масленой неделе во вторник исповедоваться священнику в своих грехах, после чего ест блины (pancakes) и веселиться. Русское праздничное блюдо под названием «блины» — это легкие, воздушные, жареные pancakes из дрожжевого теста, очень тонкие и нежные по сравнению с нашими американскими их разновидностями. Свернув золотисто-коричневый с темными пятнышками блин и наколов его на вилку, русский гастронорм макает его в растопленное масло и поглощает вместе с паюсной (черной) или зернистой (серой) икрой, добавив немного сметаны, повторяя это действие до сорока раз за один присест. Русский «блин» состоит в родстве с англ. *flawn* (ватрушкой), фр. *flan* (сортом пирожного с кремом) и еврейско-американским *blintz* (свернутым блином с начинкой из творога).

5—11 В белой рукописи этот отрывок (пропущенный в прижизненных изданиях) гласит:

Два раза в год они говели,
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод,
В день троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три

6 ...круглые качели... — Одни из таких круглых (или круговых) качелей упоминаются при описании красного двора помещика князя Ивана Раменского в романе посредственного писателя Алексея Писемского (1820—1881) «Тысяча душ» (1858): на них катаются приказчица и две поповны, качели вращает скотник, упираясь грудью в вал.

- 7 *Подблюдны песни...* — См. коммент. к гл. 5, VIII, 5—8. <...>
- 8 *В день троицын...* — Это воскресенье, следующее за английским Духовым днем (Whitsunday) и восьмое воскресенье после Пасхи.
- 10 *...лучок зари...* — В России существует несколько растений, которые носят название «заря» или «зоря». В словаре Даля их приводится шесть. Наименее вероятное для данного контекста — любисток семейства зонтичных; однако все переводчики, не задумываясь, хватаются именно за него, не беря на себя труд поинтересоваться, насколько распространена эта южноевропейская зонтичная трава (*Levisticum officinale*, любисток лекарственный) в северо-западной России; между тем она там не растет, да и прочие растения, именуемые любистоком в Англии (англ. *lovage*), не похожи на русскую «зарю». Среди других цветов с этим названием лишь чихотная трава и дудник лесной имеют некоторые основания претендовать на участие в обрядах Троицы и Духова дня, есть еще виды *Conioselinum* (гирчовника), расплывчатость сведений о которых так притягательна для педанта; но наиболее очевидным растением, также именуемым «заря» и несущим явные ассоциации с весной, конечно, является *Ranunculus acris*, растущий на лугах лютик едкий или куриная слепота. (В Западной Европе на праздник Троицы приносили гвоздику садовую или голландскую, *Dianthus caryophyllus*, с розовыми цветками.)

Два обычая безнадежно перепутались в дежурных комментариях, бездумно надерганных пушкинистами по поводу злополучного «пучка зари».

На Троицу сельские церкви в России украшаются березовыми ветками, и в некоторых областях существует обычай пролить столько слез по своим грехам, сколько капелек росы на принесенной в церковь вместо цветов березовой ветке. Люди из обеспеченных слоев, как, впрочем, и многие бедняки, все же приносят в церковь букет цветов*. В Псковской губернии эти букеты впоследствии использовались — в ходе последующего «языческого» этапа праздника, — чтобы «обмести» могилу родителей, дабы «прочистить» им глаза. Об этом обряде упоминает Иван Снегирев, без всякой ссылки на источник, в книге «Русские простонародные праздники и северные обряды» (М., 1837, с. 185). Лишь первый обычай — «росинки грехов» (Ларины проливали не больше трех) — фигурирует в *ЕО*. О втором в беседе со Снегиревым рассказывал Пушкин.

Лернер** цитирует запись от 18 сентября 1826 г. в дневнике означенного профессора Снегирева, этнографа, цензора и консерватора, который он вел с 1825 по 1827 г.: «Был у А. Пушкина, который привез мне [то есть из Михайловского в Москву] как цензору свою пиесу «Онегин», гл. II, и согласился на сделанные мною замечания, выкинув и переменяв несколько стихов***; сказывал

* Читатель найдет дополнительные подробности в кн.: *William Walsh Curiosities of Popular Customs London, 1898, p. 1002 (Примеч В Н)*

** «Замечки о Пушкине» в кн.: *П. и его совр., 1913, IV, вып. 16, с. 47. (Примеч В Н)*

*** Вычеркнуты были VIII, 10—14, поскольку эти стихи могли быть ошибочно отнесены к декабристам, и XXXV, 5—11, ибо такой обыденный и даже «сатирический» рассказ о посещении церкви не подлежал печати; изменения коснулись II, 7, IV, 8, VI, 9 и, возможно, «O Rus» в эпиграфе, что, однако, было восстановлено в списке исправлений к изданию шестой главы в 1828 г. и в тексте перепечатанной в 1830 г. второй главы (*Примеч В Н*)

мне, что есть в некоторых местах обычай троицкими цветами обметать гробы родителей».

Та же деталь упоминается Павлом Мельниковым (писавшим под псевдонимом Андрей Печерский) в его этнографическом романе «В лесах» (1868—1875), ч. III, гл. 1, где он описывает любопытные переплетения языческих традиций и христианских обрядов у русских крестьян в лесистых местностях Костромской и Нижегородской губерний.

- 10 *Умильно...* — Думаю, Пушкин употребил тут это наречие в смысле «умиленно», что значит «с нежностью», «в чувствительном настроении»; обычно оно имеет значение «мило», «трогательно» (иными словами, «чтобы наблюдатель был тронут»).
- 11 *...слезки три...* — Когда русское числительное («три») ставится после существительного («слезки»), это означает, что речь идет о «двух-трех слезках». Нечетное число («слезки три») заставляет образ немного прихрамывать. Вспоминается Китс, писавший брату и его жене 21 апреля 1819 г. по поводу «четырёх поцелуев» в своем стихотворении «Беспощадная красавица» («*La Belle Dame Sans Merci*»), которое он им посылал: «Я был вынужден прибегнуть к четному числу, чтобы обоим глазам досталось поровну».
- 12 *Им квас как воздух был потребен...* — Ср.: В. Тредиаковский, «Строфы похвальные поселянскому житию» (см. мой коммент. к гл. 1, VI, 2), стихи 87—88:

Все ж в дому, в чем вся его потреба,
В праздник пиво пьет, а квас всегда

Квас — национальный безалкогольный напиток (иногда слегка сброженный), обычно изготовлялся из дрожжевого ржаного теста или ржаного хлеба с солодом. Существуют и другие разновидности, в приготовлении которых используются мед или фрукты.

В черновике эта строфа располагалась после XLI (когда уже был написан первый беловой автограф) на л. 43 тетради 2369. В этом черновике «круглые качели» (стих 6) заменены на «сельские качели».

XXXVI

- 1 *И так они старели оба.* — Логическая интонация разворачивается здесь той же уходящей вдаль, подернутой дымкой перспективой, что и череда строк с кульминацией в стихе «Она его не подымает» (гл. 8, XLII, 1), которая будет рассмотрена ниже. Великолепная строфа XXXVI, как камертон, вводит ряд стихов с трижды повторяющейся мелодией — стихи 1, 5 и 9: «И так они старели оба», «Он умер в час перед обедом», «Он был простой и добрый барин». <...>
- 4 *...новый... венец.* — Этот второй венец есть аура смерти доброго человека; первым был свадебный венец, который обычно держит шафер над головой жениха.
- 12 *..Дмитрий Ларин...* — В первой беловой рукописи Пушкин перебрал и отверг несколько других имен — Антоний, Сергей и, возможно, Сава (в Акад. 1937 последнее печатается с вопросительным знаком).

Фамилия Ларии существует. Однажды в 1840-е гг. в Москве писатель Александр Вельтмай (1800—1870²¹) повстречал своего старинного знакомого Илью Ларию. Тип это был замечательный — сумасшедший и бездельник, скитавшийся по всей России и четверть столетия назад в Кишиневе забавлявший Пушкина своими выходками и пирушками, но вместе с тем подаривший поэту имя для деревенского помещика (возможно, здесь выявляется подозрительная связь между пушкинским светским шутком и Йориком следующих строк). В разговоре Лария спросил Вельтмаю: «Помнишь Пушкина? Вот добрая душа! Где, брат, он?» — «Пушкина давно нет на свете». — «Неужели? Ах, голубушка моя! А Владимир Петрович?» (И неважно, кто был этот Владимир Петрович)*.

Я полагаю, что, кроме всего прочего, выбор фамилии Ларин для безвылазно сидящего в деревне помещика мог быть подсказан Пушкину созвучием с «ларями», рождающими атмосферу старинного дремотного проживания под покровительством тихих домашних божеств.

- 13 ...бригадир... — Согласно «Табели о рангах», военный чин пятого класса; был введен Петром I и отменен Павлом I, оставив, таким образом, пробел в перечне чинов. Бригадир командовал бригадой из двух или трех полков, занимая положение между полковником (шестой класс) и генерал-майором (четвертый класс). Чин этот соответствовал «капитану-командору» на флоте и «статскому советнику» на гражданской службе. Звание представляется не столь значительным по сравнению с «бригадным генералом» в армии США.

XXXVII

- 1 Своим пенатам возвращенный... — Такое же определение родного дома находим в стихе 181 поэмы Е. Баратынского «Наложница», состоящей из 1510 стихов четырехстопного ямба, законченной осенью 1830 г. и напечатанной в 1831 г. (Название окончательной редакции поэмы 1835 г. — «Цыганка»²²).
- 6 «Poor Yorick!» — Н. Бродский (1950, с. 160), обращаясь к пушкинскому примечанию 16, утверждает: «Ссылкой на Стерна... Пушкин тонко раскрывал свое ироническое отношение к Лейскому в его неуместном применении имени английского шута к бригадиру Ларину».

Увы, бедный Бродский! Пушкинское примечание прямо списано из Гизотова и Пишотова исправленного издания летурнеровского перевода «Гамлета», который был в библиотеке Пушкина («Oeuvres complètes de Shakespeare», vol. 1. Paris, 1821) со следующим примечанием на с. 386—387: «Alas, poor Yorick! Tout le monde se souvient et du chapitre de Sterne, où il cite ce passage d'Hamlet, et comment dans le Voyage Sentimental [перевод Френэ, 1769], il s'est, à ce propos, donné à lui-même le nom d'Yorick»**.

Название первого переложения, выполненного Пьером П. Ф. Летурнером, звучит так: «Гамлет, принц Датский Шекспира, переведено с английского г-ном Летурнером, посвящается Королю» (Paris, 1779).

* Цитируется Летурнером в сб. «Звенья», 1935, № 5. С. 70. (Примеч. В. Н.)

** «Увы, бедный Йорик! Всем памятен и глава Стерна, где он цитирует этот пассаж из Гамлета, и, как в Сентиментальном путешествии, он в этой связи дал себе самому имя Йорика» (фр.).

Упомянутый отрывок из «Тристрама Шенди» Стерна (т. 1, конец гл. 12) таков: «Он [священник Йорик] покоится у себя на погосте, в приходе, под гладкой мраморной плитой, которую друг его Евгений, с разрешения душеприказчиков, водрузил на его могиле, сделав на ней надпись всего из трех слов, служащих ему вместе и эпитафией и элегией: „Увы, бедный Йорик!“»

Десять раз в день дух Йорика получает утешение, слыша, как читают эту надгробную надпись... и каждый, кто проходит мимо, невольно останавливается, бросает на нее взгляд — и вздыхает, продолжая свой путь: „Увы, бедный Йорик!“»

Знание Пушкиным романа Стерна основывалось на французском переложении «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» («La Vie et les opinions de Tristram Shandy») в четырех томах, первые два из которых были переведены Френэ (Frénais, 1776), а другие два в основном де Боннэ (de Bonpau, 1785). Более чем за год до начала работы над *ЕО*, в письме от 2 января 1822 г. из Кишинева в Москву, Пушкин называет «Лаллу Рук» Мура (в пишотовской прозе) подражанием безобразному восточному воображению и говорит, что вся она «не стоит десяти строчек „Тристрама Шанди“».

9 ...*Очаковской медалью!* — Очаков — в то время и позднее название укрепленного молдавского города и русского порта, примерно в сорока милях к западу от Одессы; в британской прессе принято было писать «Oczakow». В 1788 г. во время русско-турецкой войны крепость была взята штурмом войсками Суворова и по мирному договору 1791 г.²³ отошла к России. Ларин, должно быть, женился в тридцать пять лет, году в 1797-м, а умер между 1817 и 1820 гг.

14 ...*надгробный мадригал.* — Эпитафия или надгробный мадригал, начертанный Ленским, давно ставил в тупик некоторых комментаторов. Дело в том, что существительное «мадригал» используется здесь не в современном значении «комплимент» (как в гл. 5, XLIV, 7 и гл. 8, XXXV, 12), но в значении старом, уходящем корнями во Францию XVI в.: поэты времен Ронсара употребляли слово «мадригал» для определения смешанного по форме стихотворения, часто элегического по содержанию с сонетным порядком следования рифм, но состоящего более чем из четырнадцати строк.

XXXVIII

4—14 В своей «Надгробной речи», прочитанной в среду 22 марта 1662 г. в Лувре, Боссюэ говорит: «Cette recrue continuelle du genre humain, je veux dire les enfants qui naissent, à mesure qu'ils croissent et qu'ils avancent, semblent nous pousser de l'épaule, et nous dire: Retirez-vous, c'est maintenant notre tour. Ainsi comme nous en voyons passer d'autres devant nous, d'autres nous verront passer, qui doivent à leurs successeurs le même spectacle. O Dieu! encore une fois, qu'est-ce que nous?»*

* «Это постоянное пополнение человеческого рода, я хочу сказать рождающиеся дети, по мере того как они растут и продвигаются вперед, как будто толкают нас плечом и говорят нам: убирайтесь, теперь наша очередь. И так же как мы видим, как другие прошли перед нами, следующие увидят, как мы пройдем, а они, в свою очередь, покажут то же действие своим преемникам. О Боже! И снова — что же мы такое?» (Фр)

К этому источнику привела меня туманная ссылка в издании *ЕО* под редакцией Лозинского²⁴. Отмечу, что последнее предложение цитируемого пассажа перефразировано Пушкиным в гл. 2, XIVа, 14 («Что ж мы такое!.. Боже мой...»).

5 ...жатвой... — Затасканное французское клише. Метафоры «la mort fait sa moisson», «le temps moissonne les humains», «sa vie a été moissonnée»* и т. д. встречаются в тысячах вариаций во французской классической литературе и пошлой журналистике. Поэтому смешно наблюдать, как русские комментаторы (например, Чижевский) с важным видом сообщают свои толкования, основанные на древних или созданных в подражание древней манере славянских памятниках.

10 <...>

11 ...теснит. — Опечатка в издании 1826 г. заменяет это слово на бессмысленное «спешит». (Начертанные пушкинской рукой, два эти слова выглядят похоже.)

13 ...в добрый час... — Идиоматическое выражение, среднее между фр. *un beau jour* (в один прекрасный день) и англ. *in due time* (в положенное время). С восклицательным знаком означает «желаю удачи!».

Вариант

1—2 Черновик (2369, л. 39):

Другой предмет <тоски тяжелой>
Был также и новый гроб отца ..

Время и обстоятельства смерти родителей Ленского Пушкин мудро предоставил воображению читателя. Слишком сложно было бы объяснять, кто именно (дядя? опекун?) послал четырнадцатилетнего Владимира из Красногорья в Геттинген; или если его отец еще здравствовал в 1817 г., то был ли Владимир вызван домой вследствие его смерти или по какой-то другой причине. Кроме того, я не совсем уверен, что в те времена семнадцатилетний юноша мог быть вполне самостоятельным, независимым помещиком, каким кажется Ленский при первом знакомстве (см. гл. 2, VI и т. д.). Геттингенский диплом, думается мне, придавал ему солидности. В мае 1820 г. Ленскому было «без малого осьмнадцать лет», а в январе 1821 г. — «осьмнадцать» (см. гл. 2, X, 14 и гл. 6, X, 8).

XXXIX

1—4 Первый катрен по-русски звучит так:

Покамест упивайтесь ею,
Сей легкой жизнию, друзья!
Ее ничтожность разумею,
И мало к ней привязан я .

* «Смерть собирает свою жатву», «время косит людей», «жизнь его была подкошена» (фр.).

В нем чувствуется поразительное родство с интонацией державинской оды «Приглашение к обеду» (1795, строфа IV, стихи 1—4):

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день,
Достоинствам я цену знаю,
И знаю то, что век наш тень

8 <...>

12 *Печальный жребий свой...* — Эта жалоба на судьбу, прозвучавшая в ссылке и потерявшая актуальность к октябрю 1826 г., когда поэт уже был прощен и песнь напечатана, явилась причиной, заставившей Пушкина благоразумно датировать отдельное издание второй главы (с. 5): «Писано в 1823 году». Под черновым наброском этой строфы Пушкин поставил точную дату: «8 декабря 1823 nuit*» (2369, л. 41 об.).

XL

5 *...лестная надежда!* — Галлицизм: *espérance flatteuse*.

Предположения (XL и вариант, 5—8), касающиеся судьбы собственных произведений, сходны по тону с мыслями о Ленском, которые высказывает Пушкин после гибели своего героя в гл. 6, — сходство это проявляется в приверженности роковой ноте, звучащей на протяжении всей второй главы, песни, посвященной обреченному поэту.

9 *...мои благодаренья...* — Так дано в рукописи и в «Северных цветах» на 1826 г., в остальных изданиях публикуется с опечаткой: «мое благодаренье» (ед. ч), неудачная рифма.

Варианты

5—8 Черновой вариант (2369, л. 42) таков:

И этот юный стих небрежный
Переживет мой век мятежный
Могу ль воскликнуть <о друзья> —
Воздвигнул памятник <и> я

Томашевский (Акад. 1937, на вклейке после с. 300) публикует увеличенную фотокопию этого черновика. Исправленный набросок расположен вверху страницы. Под ним — отрывок (возможно, продолжение этой строфы, стихи 9—10, несмотря на конечный прочерк под стихом 8):

Я узнаю сии приметы
Сии предвестия любви

То, что «приметы» относятся к памятнику, а любовь — это читательское преклонение перед автором, похоже, подтверждается зачеркнутым вариантом:

Я узнаю его приметы
Приметы верные любви

* Ночью (фр)

Ниже до конца страницы по левому полю черновика (XL, 5—8 и XLI, 9—14) чернилами сделаны наброски мужских и женских профилей, а правое поле украшает чье-то ухо и женская шейка с ожерельем. Эта шейка с ниткой бриллиантов принадлежит графине Елизавете Воронцовой.

Зачеркнутый стих 8 чернового варианта XL, 5—8 (там же) прочитывается:

Elegi monumentum я

В 1796 г. Державин, подражая Горацию, создал следующее стихотворение, написанное ямбическим гекзаметром с перекрестной рифмой (*abab*):

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид,
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит

Так! — весь я не умру, но часть меня большая
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал,
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорять

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай

В 1836 г. в одном из изящнейших произведений русской литературы Пушкин пародирует Державина — строфу за строфой — точно в такой же стихотворной манере. Первые четыре строфы написаны с иронической интонацией, но под маской высшего фиглярства Пушкин тайком протаскивает собственную правду. Как заметил Бурцев около тридцати лет назад в работе, которую я теперь не могу отыскать, следовало бы поставить эти строфы в кавычки. В последнем пушкинском четверостишии звучит печальный голос художника, отрекающегося от предыдущего подражания державинскому хвостовству. А последний стих, хоть и обращенный якобы к критикам, лукаво напоминает, что о своем бессмертии объявляют лишь одни глупцы.

Elegi monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознеся выше он главою непокорной
Александрнейского столпа

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —

И славеи буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца

Александрийский столп — это не Фарос в Александрии (огромный маяк из белого мрамора, который, по дошедшим до нас описаниям, имел высоту четырехста футов и стоял на восточной оконечности острова Фарос в Северной Африке), как мог бы предположить наивный читатель; и не колонна Помпея девяноста восьми футов высотой, построенная на самой высокой точке Александрии (хотя этот прекрасный столп из полированного гранита имеет некоторое сходство с колонной царя Александра). «Александрийский столп», ныне именуемый «Александровской колонной», был воздвигнут Николаем I на Дворцовой площади в Петербурге в ознаменование победы Александра I над Наполеоном. Колонна представляет собой монолитный столп из темно-красного гранита восьмидесяти четырех футов в высоту, не считая основания и капители. Ее венчает фигура ангела, держащего в левой руке крест и указующего на небеса правой. Русские источники сообщают, что высота всего сооружения, включая ангела, составляет около 125 футов. Когда колонна была построена, она считалась самой высокой в мире, превосходящей наполеоновскую Вандомскую колонну (1810) в Париже более чем на четыре фута²⁵.

В библиотеке Пушкина хранилось польское стихотворение с французским переводом «Ode sur la colonne colossale élevée à Alexandre I à Saint-Petersburg le 30 Août 1834»*. На пушкинской рукописи поставлена дата: 21 августа 1836. Каменный остров (северный берег Невы, Санкт-Петербург).

«Александрийский» происходит от имени Александр, как и в случае с «александрийским стихом» (двенадцатисложником), который получил свое название от средневековых французских поэм об Александре Великом, царе Македонии в IV в. до н. э. Критик Погодин отмечал в своем дневнике со ссылкой на Александра Раевского (запись от 16 октября 1822 г.), что Пушкин называл александрийские стихи «императорскими», строя каламбур на имени русского царя Александра I.

В. Жуковский, издав посмертное собрание пушкинских сочинений (1841, т. 9), заменил «Александрийский столп» на «Наполеонов столп» и переделал строфу IV, убрав упоминание «жестокого века» и «падших» декабристов.

* «Ода на возведение грандиозной колонны в память Александра I в Санкт-Петербурге 30 августа 1834 г.» (фр).

В некоторых советских изданиях слова стиха 15 — «И в мой жестокий век» — заменены более ранним рукописным вариантом «вслед Радищеву», в котором подразумеваются радищевская ода «Вольность» (написанная около 1783 г.) и ода «Вольность» самого Пушкина (написанная в 1817 г.). См. коммент. к отрывкам гл. 10.

Стих 20 — «И не оспоривай глупца» — ср. в коммент. к гл. 7, после вар. XXI—XXII — «Альбом Онегина», III, 4:

и не спорь с глупцом

6 Отвергнутый черновой вариант (2369, л. 41 об.):

Укажет с кафедры невежда

ХLI

Пушкин начал переписывать следующую строфу (в ПБ) с черновика (2369, л. 41 об и 42), но дошел лишь до стиха 8 и зачеркнул написанное. Стихи, данные здесь в угловых скобках, относятся к зачеркнутому первому беловому автографу, стихи 9—14 взяты из черновика:

<Но может быть — и это даже
Правдоподобнее сто раз
Изорванный в пыли и саже
Мой недочитанный рассказ
Служанкой изгнан из уборной
В передней кончит век позорный
Как прошлогодний календарь
Или затасканный букварь>
Но что ж в гостиной нль в передней
Равно читатели [черны]
Над книгой их права равны
Не я первой не я последнии
Их суд услышу над собою
Ревнивый, строгий и тупой

Эта прелестная строфа (отвергнутая поэтом по неизвестным причинам) являет собой замечательный пример гениального умения Пушкина извлекать наполненную смыслом благородную музыку из самых тривиальных слов. Не что иное, как контраст между их банальной, подсобной сутью и звучностью, которую они развивают в акустическом парадизе пушкинского ямба, производит впечатление благородного смысла. В первом стихе — «Но может быть — и это даже» — незначительное словосочетание «может быть» (употребленное Пушкиным со сходной интонацией в гл. 6, XXXIX, 1) и слово «даже» практически формируют строку; магия их расположения, аллитерация на «ж», объемное и полновесное звучание возносят тривиальное «может быть» и «даже» к рокошущим отголоскам судьбы и метафизической гибели. Раскаты набирают полную силу в быстротекущем «правдоподобнее» и в следующих за ним строках, явственно отмеченных скадом.

Такой прием прямо противоположен тому, что делал Н. Гоголь, вводящий пустопорожние слова, наречные сорняки и предложные осколки в запинаящееся бормотание своих механических уродов и личинок-гомункулусов, как, например, в «Шинели».

Я рассматривал этот прием в своей довольно поверхностной книжонке «Николай Гоголь» («Nikolai Gogol», New Directions, 1944) с кошмарным указателем (за который я ответственности не несу) и путаной системой транслитерации (за которую я ответственность несу). Пользуясь случаем, хочу отметить, что рассказ на с. 8 внизу относится к Дельвигу и афоризм на с. 27 вверху принадлежит ему же (но не Пушкину, который лишь передает и рассказ, и афоризм).

1—2 *Но может быть — и это даже / Правдоподобнее [в] сто раз... — «Сто раз» неверно заменено на «стократ» в некоторых изданиях (следующих описке Пушкина в отвергнутой белой рукописи первых восьми стихов); это обстоятельство заставило Чижевского (с. 233) сделать ложное предположение, что строфа не закончена.*

В черновике (2369, л. 41 об.) написано «сто раз».

6 Во французской литературе XVII в. неоднократно говорится о поэтических произведениях, пущенных на оберточную бумагу и т. п. Ср.: Скаррон, «Комический роман» (Scarron, «Roman comique», 1651—1657), ч. I, гл. 8: «...un poète, ou plutôt un auteur, car toutes les boutiques d'épiciers du royaume étoient pleines de ses oeuvres, tant en vers qu'en prose»*; ср. также: отец (Жан-Антуан) Дюсерсо (ок. 1670—1730) «Послание господину Этьену, продавцу книг» (du Cerseau, «Épître à Monsieur Etienne, Libraire»):

Mais s'il avient, comme tout se peut faire,
Que mes écrits, par un triste destin,
Triste pour sûr, mais assez ordinaire,
De la boutique aillent au magasin,
Et que de-là, moisés dans la poussière
Ils soient enfin livrés à la beurrère.. **

Все это, я думаю, исходит из «Послания» Горация, I, XX, обращенного к собственной книге: «После ж, руками толпы захватана, станешь ты грязной, / Непросвещенную моль молчаливо кормить будешь» и другого «Послания», конец II, I, где книга сравнивается с «ненужной оберточной бумагой для ароматных приправ и перца».

Варианты

7 Исправленный черновой вариант:

Как Инвалид иль Календарь .

Первое — название периодического издания того времени.

Ключом ко второму служит зачеркнутое чтение «Брюсов Календарь», подобие «Фермерского Альманаха» («Farmer's Almanack»; ср. возможный «Придворный Календарь» в гл. 2, III, 12), который был любим читателями в XVIII и начале

* «...Поэт, или, скорее, автор, ибо все бакалейные лавки в королевстве были полны его произведениями, как в стихах, так и в прозе» (Фр.).

** Но что если б случилось — а все возможно в мире, — / Что мои сочинения, по печальному жребью судьбы, / Наверное, печальному, но довольно обычному, / Из лавки бы попали в кладовую, / А оттуда, залежавшиеся в пыли, / Были бы отданы торговке маслом на обертки... (Фр.)

Глава вторая: ХLI, варианты

XIX в.). Создание календаря приписывается графу Якову Брюсу (James Bruce, 1670—1735), одному из генералов Петра I, которого молва произвела в алхимики. На самом деле Брюс был отличным астрономом и математиком. Истинным автором календаря был библиотекарь Василий Киприянов, неизвестный ученый низкого происхождения, напечатавший 2 мая 1709 г. в Москве первый выпуск календаря, в основном посвященный астрономии, — «под назреением» генерал-лейтенанта Якова Вилимовича [Вильямовича] Брюса. Вторая часть вышла через полгода и сообщала сведения духовного содержания, за сим последовала в (июне?) 1710 г. третья, «пророческая» часть («Предзнаменование времени на всякий год по планетам»), которая принесла Киприянову состояние. Последовали несметные переиздания и подделки, а кое-что вошло в сонник Мартына Задеки, о котором см. далее (коммент. к гл. 5, ХХII, 12).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Эпиграф

Строка из песни II поэмы «Нарцисс, или Остров Венеры» (опубликована в 1768 г.), третьесортного сочинения в четырех длинных песнях Жака Шарля Луи Кленшана де Мальфилатра (Jacques Charles Louis Clinchamp de Malfilâtre; 1733—1767): «Она [нимфа Эхо] была девушка [и следовательно — любопытна, как это свойственно им всем]; [более того], она была влюблена... Я ее прощаю, [как это должно быть прощено моей Татьяне]; любовь ее сделала виновной [ср.: *ЕО*, гл. 3, XXIV]. О если бы судьба ее извинила также!»

Согласно греческой мифологии, нимфа Эхо, зачахнувшая от любви к Нарциссу (который, в свою очередь, изнемог от безответной страсти к собственному отражению), превратилась в лесной голос, подобно Татьяне в гл. 7, XXVIII, когда образ Онегина проступает перед ней на полях читанной им книги (гл. 7, XXII—XXIV).

В принадлежавшем Пушкину учебнике «Лицей, или Курс древней и современной литературы» («*Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne*», книге, которая являлась руководством для Ламартина и которая сформировала его плачевный *goût**, а также для Стендаля, упоминающего в дневниковой записи от 1804 г. о желании «делагарпизировать» свой стиль, что ему, наследнику Вольтера и Лакло, так никогда и не удалось) Лагарп (VIII, 252) цитирует два вполне невинных отрывка из «Нарцисса», первый из которых начинается той самой строкой, которую Пушкин мог позднее вспомнить.

И хотя, вообще говоря, Пушкин никогда не упускал случая сделать скабрёзный намек, здесь он вряд ли осознавал, что нимфа Мальфилатра подслушивала — за спиной Лагарпа — довольно непристойную беседу Венеры со стариком Тиресием, на которого Юнона наслала импотенцию за то, что тот убил двух змей *in cornu***.

На титульной странице чистовика третьей главы (ПБ, 10) Пушкин предпосылает вышеназванному эпиграфу три строки из Данте («Ад», песнь V):

Ma dimmi al tempo de'dolci sospiri,
A che e come concedette amore,
Che conoscete i dubbiosi desiri?***

* Стиль (*фр*)

** В процессе совокупления (*лат.*).

*** Скажи: в минуты нежных вздохов / Как умудряется любовь / Сумбур страстей необъяснимых / В конкретное желанье превратить? (*Итал*)

I—II

Третья глава открывается диалогом — чистым диалогом, то есть лишенным каких-либо вкраплений «он сказал», «он ответил» и т. п. Он занимает первые две строфы и полторы стопы в третьей («Поедем»). В то время (1824) подобный прием (предваряющий диалог) был сравнительно нов для европейского романа.

Однако, с другой стороны, подчинение «реалистического» разговора с его естественным течением жесткой поэтической структуре с изысканным рисунком рифм и выявление таким образом живого комизма, возникающего по принципу контраста, не являлось новшеством в пушкинскую эпоху. Среди многочисленных примеров такого рода можно привести один из прелестнейших сонетов Бернара де Ла Моннуа (Bernard de La Monnoye, 1641—1728) «Диалог двух приятелей во время мессы» («Dialogue de deux Compères à la Messe»), написанный в подражание итальянскому сонету Маттео Франко (Matteo Franco, 1447—1494):

«Voulez-vous qu'au sortir nous déjeunions en ville?»
«Топе» «Nous en mettrons Sire Ambroise et Rolait»
«D'accord» ..

•
«A propos, on m'a dit que le voisin Lucas
Épouse votre » «Point J'ai découvert ses dettes» *

В начале третьей главы мы встречаем самые разнообразные приемы — разговорную интонацию, разбивку строки на две или три реплики, схему «вопрос — ответ», включение короткой реплики в первую стопу стиха, прерывание речи и даже один случай переноса, что также свойственно манере некоторых басен Лафонтена и Крылова.

Строфы I и II в гл. 3 логически сплавлены воедино, и их 28 строк разбиты на 16 (7+9) реплик, причем Онегин оказывается в три раза разговорчивее Ленского: Онегин произносит сотню слов по-русски, в то время как Ленский — 35. Поначалу восторженный идеалист *sur ses gardes*** , ибо саркастический Онегин совсем не похож здесь на того снисходительного слушателя, который в гл. 2, XV старался сдержать охладительное слово. Теперь Онегин своими колкостями пытается спровоцировать Ленского на взрыв (II, 3—5), а затем озадачивает его добродушным дружеским предложением (возвращаясь к терпимой манере гл. 2, XV, 13—14).

Это первый случай в романе, когда мы действительно слышим беседу Онегина с Ленским, разговор которых лишь описывался в гл. 2, XV. Кстати, казалось бы, строфа XIX в гл. 2 давным-давно должна была удовлетворить любопытство Онегина, высказываемое им в гл. 3, I—II; но оказывается, он только сейчас впервые слышит имя Лариных.

* «Не хотите ли по окончании пообедать в городе?» / «Идет». «Будем пить „Сир Амбруаз“ и „Ролэ“» / «Согласен»... / .. / «Кстати, мне говорили, что сосед Лука женится на вашей...» / «Вовсе нет Я узнал, что у него долги» (Фр)

** Настороже (фр)

I

1, 3 Богатство рифмы здесь основывается на раздельном звучании одного из ее компонентов: «поэты — где ты», сравнимой с «poet — know it» или «prodige — dis-je».

1—7 Б. В. Томашевский опубликовал* уголок страницы «Из Пушкинской тетради (1824)» с наброском головы Вольтера в ночном колпаке, сделанным нашим поэтом на правом поле. Однако издатели не смогли идентифицировать рукопись, хотя на копии видны окончания последних слов семи первых стихов. Это начало третьей главы.

Сообщается, что тетрадь (ныне в Пушкинском Доме) находится во Всесоюзной библиотеке имени Ленина в Москве. Эта библиотека также называется Ленинской и Публичной.

Судя по описанию пушкинских черновиков, которое дано Томашевским в Акад. 1937, этот автограф находится в тетради 2369, л. 39 об.¹, и датирован «8 févr. la nuit 1824»**.

На полях черновика есть краткая запись, относящаяся к княгине Елизавете Воронцовой (или, как она сама писала свое имя, — Elise Woronzoff): «soupe chez C. E. W.» («ужинал у кн. Е. В-ой»).

5 *Вот это чудно* — галлицизм (*voilà une belle merveille*), отчасти оправданный такими русскими выражениями удивления, как «чудное дело», означающими «вот это странно».

7 *Так...* — Некоторые издатели дают «там».

Варианты

13 —14 В черновике (2369, л. 48 об.) Томашевский прочитывает (стих 13):

Да в зале сальная свеча —

и (стихи 13 —14):

Варенье, сальная свеча,
Помин про Саву Ильича

Странная фигура этот Сава (или Савва, святой-покровитель Сербии), сын Ильи. Для того чтобы прийти к какому-либо удовлетворяющему меня самого выводу, я должен был бы лично исследовать тетрадь 2369; имеющийся же у меня материал по черновикам стиха 14 дает лишь замену «шуток» и «рассказов» на «помин». «Помин» может восприниматься здесь в смысле пустопорожних воспоминаний, и я бы предположил, что именно это вызывает отвращение Евгения, когда старшая Ларина, желая сделать ему приятное, вспоминает шутки и прочие характерные особенности дядюшки Онегина Савы. Евгений не мог знать и употреблять с такой фамильярностью имена соседских помещиков, и уж конечно он не догадывался о намерении своего создателя (см. коммент. к гл. 2, XXXVI, 12) назвать Савой покойного отца возлюбленной Ленского.

* Лит насл., 1937, т. 31—32, с. 29 (Примеч В Н)

** «8 февр. ночь 1824» (фр)

Единственная свеча, которую представляет себе Онегин, когда с чувством брезгливости рисует в своем воображении образ захолустной гостиной, может быть противопоставлена сиянию множества свечей в «Обермане» Сенанкура, письмо LXV, где привычные в то время домашние занятия окрашены приятным светом: «...j'aime à être assis sur un meuble élégant à vingt pieds de distance d'un feu de salon, à la lumière de quarante bougies»*.

Потрясающая фраза!

II

5 *Опять эклога!* — галлицизм. «Эклогу» здесь следует понимать не как литературную форму (пасторальное стихотворение, одну из буколик Вергилия, диалог пастухов, идиллию, «тихую» оду или просто «короткую поэму», как ее называли римляне), но в более широком — французском — значении слова как *agrément de la vie champêtre*** , пасторальную болтовню.

9 *Филлида* — англ. *Phyllida* или *Phillida* (например, у Исаака Уолтона / Izaak Walton, ок. 1640), фр. *Philis*, *Phylis*, *Filis* и *Fillis* (см., например, различные издания — 1609, 1627 гг. и др. — «Стансов» Жана де Линжанда / Jean de Lingendes, «D'où vient que sans effort...»*** и т. д.).

Это не покинутая фракийская царевна Филлида, которая, повесившись, превратилась в цветущее миндальное дерево, но некая обобщенная фигура, излюбленная дева аркадской поэзии, пасторалей и т. п., предполагающих присутствие определенного буколического пространства и времени, в рамках которых утонченные пастухи и пастушки пасут свои безупречные стада среди вечных полевых цветов и занимаются стерильной любовью в тенистых боскетах у журчащих ручьев. То, что овцы подобны жабам и могут опустошить целый континент, поэтов не заботит. Переоцененный Вергилий является наиболее известным выразителем этой темы на отполированном пороге золоченого века: в его десяти эклогах, представляющих собой скудные слепки с идиллий Феокрита, если тот или иной пастушок не сгорает страстью к своему молодому подпаску, то ухаживает за случайно подвернувшейся пастушкой, одну из которых зовут Филлидой. Кстати, трудно представить что-либо более удручающее, чем та произвольная символика, которую приписывают этим пьескам английские комментаторы.

Впоследствии — от Ренессанса вплоть до начала прошлого века — буколическая тема процветала в надушенных и разукрашенных ленточками формах по всей Европе, нигде не создав шедевров, хотя и дав отголоски в произведениях ряда великих поэтов — таких, как Шекспир и Лафонтен.

10 — 11 *Предмет и мысли, и пера, / И слез, и рифм et ceterá* — Француз 1820-х гг. без труда расслышал бы в насмешке Онегина голоса знакомых авторов. Это Антуан Бертен, «Даме, имени которой я не назову» (Antoine Bertin, «A une femme que je ne nommerai point», 1785):

* « Я люблю сидеть в элегантном кресле в двадцати шагах от камина в гостиной при свете сорока свечей» (фр)

** Забавы сельской жизни (фр)

*** «Вот почему без усилий .» (Фр)

Комментарий к «Евгению Онегину»

Beauté, talens, esprit, jeunesse,
Taille, et minois d'une déesse,
Jambe élégante, *et coetera**.

Пирон, «Розина» (Piron, OEuvres complètes, 1776):

Le sort bientôt se déclara.
Le lot fut pour un Insulaire. .
Beau, bien fait, jeune, *et coetera***

Габриель Шарль де Латтеньян, (Gabriel Charles de Lattaignant; 1697—1779; рифмоплет, если не считать одного потрясающего произведения — «Серьезные размышления» / «Reflexions sérieuses»), «Куплеты для сюиты комедии, озаглавленной „Наследники“» («Couplets pour être mis à la suite d'une comédie intitulée les Héritiers»):

J'appris dès mon bas âge
Le chant, la danse *et coetera* .***

Лагарп, «Тень Дюкло» (La Harpe, «L'Ombre de Duclos», 1773):

Couplets badins, et tristes facéties,
Contes rimés, lyriques inepties;
Flore, Zéphyr, et jargon d'opéra,
Roses, baisers, boudoirs, et coetera .****

Сам Пушкин применил эту фигуру уже в 1816 г. в строках, написанных четырехстопным размером и обращенных к дяде, поэту Василию Пушкину, где он желает ему и всем остальным счастливой Пасхи² (стихи 14—15):

побольше серебра
и золота *et cetera*

12 «Нет». — Онегин использует архаичную и диалектную форму отрицания «нет», нечто среднее между «no» и «not at all».

13 <...>

III

1 *Поедем*. — Я воспринимаю это слово как заключительную реплику Онегина. Здесь мы встречаемся со своего рода межстрофическим переносом, хотя он и не выражен столь явно, как в гл. 3, XXXVIII—XXXIX и гл. 8, XXXIX—XL.

6 *Варенья* — домашние ягодные консервы из вишни, малины, клубники, крыжовника, красной и черной смородины (в отвергнутом черновом варианте — «варенье медовое») — это только наиболее распространенные виды. Варенье подавалось гостям в стеклянных вазочках на подносе («с одной ложечкой для

* Красота, дарования, ум, молодость, / Стан и личико богини, / Изящная ножка, *et coetera* (фр.).

** И вот судьба объявила о себе: / Счастливый жребий выпал Островитянину. . / Красивому, хорошо сложенному, молодому, *et coetera* (фр.).

*** Обучен с ранних лет я был / И петь, и танцевать *et coetera*... (Фр.)

**** Забавные куплеты и грустные шутки, / Рифмованные сказки, лирические глупости / *Флора, Зефир* и оперный жаргон, / *Розы, поцелуи, будуары et coetera* .. (Фр.)

всех» — вариант стиха 7). Гости накладывали варенье себе на блюде с помощью этой ложки и потом ели его чайными ложечками или размешивали в чае.

7 ...столик... воощаной... — Не «waxed» («воощеный»), как того требует строго грамматический перевод, но «покрытый клеенкой».

В стихотворении, посвященном лицейскому товарищу Ивану Пущину, 4 мая 1815 г. Пушкин уже упоминал *столик воощаной* и предлагал поставить на него пивную кружку³.

И. И. Дмитриев в своей сатирической фантазии «Причудница» (*фр* «La Caricieuse» или «L'Extravagante», 1798) выводит врача, который выписывает рецепт у постели больной на столике, покрытом «воощанкой» (см. также коммент. к гл. 5, XVIII, 12).

А. Ф. Писемский в романе «Тысяча душ» (ч. III, гл. 1) описывает рублевый гостиничный номер на четвертом этаже с «воощенным [!] столиком и таковым же диваном».

В «Словаре языка Пушкина» (М., 1956, т. 1) «воощаной» толкуется как «навоощенный» (англ. *waxed*).

8 Брусника — *Vaccinium vitis-idaea*, Linn., «red whorts» в Северной Англии, «lingon» в Швеции, «Preisselbeere» в Германии и «aigelle ponctuée» французских ботаников — растет в горах и сосновых лесах севера. Ее также называют «cowberry» и «windberry» наряду с некоторыми другими представителями того же рода. В Шотландии ее называют «common cranberry» («клюквой обыкновенной») или «lingberry» («вересковой ягодой»), что неверно, так как брусника не имеет ничего общего ни с настоящей клюквой *Oxycoccus oxycoccus* или *palustris*, ни с шишечками вереска *Calluna*. В Америке она носит название «горной клюквы» (например, у Торо в «Лесах штата Мэн», 1864), а канадские рыбаки величают ее «низкорослой клюквой», что приводит к безнадежной путанице с американскими видами настоящей клюквы *Oxycoccus*. Словари и злобредные писаки, которые с их помощью переводят русских авторов, путают бруснику с ее темно-синей родственницей черникой, *Vaccinium myrtillus*, Linn. (*bilberry proper* или *whortleberry* — символ «голубого поля круглой формы» или «лазурного щита» в геральдике). А при попустительстве И. С. Тургенева, как я заметил, Виардо даже сходит с рук «cassis» — черная смородина!

Возможно, словосочетание «брусничная вода» (или «водица»), *eau d'airelle rouge*, было бы допустимо перевести как «вода из красных ягод» (ср. «лимонная вода» у Свифта в «Дневнике современной дамы» / «Journal of a Modern Lady», 1729), если бы не существовало других ягод красного цвета. Онегин, как мы видим далее (IV, 13—14), с недоверием относится к напитку госпожи Лариной, опасаясь непредсказуемого действия деревенского питья на городской желудок. Брусника широко использовалась деревенскими жителями в виде экстракта из ягод, а также отвара из листьев в качестве лечебного средства при болезнях почек и желудочных расстройствах. Уже в XVI в. «Домострой», рукописный свод хозяйственных уложений, называет «воды брусничные» неперменным содержимым погреба доброго хозяина.

Брусника в России так же популярна, как черника, клюква, малина, дикорастущая и садовая земляника, дикорастущая и садовая мускусная или зеленая земляника (клубника, которую в провинции часто путают с обыкновенной садовой земляникой, викторией и т. д.)

Студенты, изучающие русскую литературу, обязательно вспомнят роскошный новый фрак «брусничного цвета с искрой», в котором щеголяет Чичиков во второй части «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

Надеюсь, все это будет учтено будущими переводчиками русской классики.

У мисс Дейч подается «сироп из голубики», а у мисс Радин — «кувшии голубичного сока». Сполдинг пропускает эту строфу, зато в следующей называет брусничную воду «брусничным вином», а Эльтон вызывает у Онегина расстройство желудка «черничным отваром... в кувшине» и «черничным ликером».

Варианты

6—14 Остальная часть строфы в белой рукописи (ПБ, 10) выглядит следующим образом:

Несут на блюдечках варенья
С одною ложечкой для всех
8 Иных занятнй и утех
В деревне нет после обеда
Поджавши руки, у дверей,
Сбежались девушки скорей
12 Взглянуть на нового соседа,
И на дворе толпа людей
Крнтиковала их коней

Я почти убежден, что Пушкин изъял конец строфы из-за двух погрешностей, которые он мог исправить, только переписав ее: слово «всех» в стихе 7 может относиться как к вареньям, так и к гостям, которые ими лакомятся. Вторая ошибка — «их коней», когда должно было бы быть «коней Онегина», ибо из контекста следует (см. обращение к кучеру в IV, 9), что для визита использовался экипаж Онегина, а не Ленского; и даже если представить, что под выражением «Поскакали други» (III, 1) подразумевается верховая езда, сочетание «их коней» все равно неверно, так как один из скакунов в таком случае был уже достаточно хорошо знаком домочадцам Лариных, чтобы вызывать у них любопытство!

Вымарка создает структурную паузу.

8—9 В черновике (2369, л. 49) читаем:

Бутыль с брусничною водой,
Арбуз и персик золотой —

с отвергнутыми вариантами «и доморощенный арбуз» и «блюдо с дыней золотой».

Вероятно, вспомнив, что Ларины задуманы сравнительно «бедными», Пушкин исключил южные фрукты, которые зажиточные северные помещики выращивали в теплицах. К 1820 г. изобретательные садоводы начали заменять старые жаровые трубы в теплицах металлическими трубами с паровым отоплением, и в Эдинбурге, Санкт-Петербурге и Риге стали вызревать мандарины. Сложнее было вырастить персики, а уж тепличным ананасам оставалось только изумляться тому, что им было уготовано.

IV

2 Пушкинское примечание 17 относится к опечатке «зимой» вместо «домой».

5—6 ...*Онегин . Ленский...* — Во времена Пушкина и Толстого в дворянской среде, как военной, так и литературной, у людей, связанных дружескими отношениями, *qui se tutoyaient**, было принято называть друг друга по фамилиям или титулам (ср. мой коммент. к гл. 8, XVII—XVIII). К знакомым и людям старшим по возрасту обращались по имени и отчеству, только по имени обращались лишь к близким родственникам или друзьям детства.

Выражение «Ну что ж», которым Ленский начинает разговор, равнозначно французскому «eh bien».

5—14 Второй диалог, занимающий IV, 5—14 и V, 1—12, состоит из восьми реплик, и снова Онегин, произносящий 75 слов, оказывается в три раза разговорчивее Ленского. Следует отметить, что по сравнению с предваряющим диалогом (I—III) смена настроения происходит в обратном порядке: Онегин начинает с вялой, но вполне добродушной болтовни, а заканчивает едким сарказмом. Онегин погружает Ленского в состояние обманчивой безмятежности, превознося достоинства старушки Лариной; небрежный вопрос «которая Татьяна?» задается с очевидной провокационной целью: Ленский наивно объясняет то, что наверняка уже известно Онегину, чем вызывает целый шквал язвительных колкостей. На самом деле Онегин здесь не столько остроумен, сколько груб, и остается только удивляться, почему вспыльчивый Ленский сразу не вызывает его на дуэль. Когда я впервые читал *ЕО* в возрасте девяти или десяти лет, это место меня настолько расстроило, что я мысленно представил себе, как на следующее утро Онегин едет извиняться к Ленскому с той учтивой прямоотой, которая составляет обаяние гордого человека, за то, что излил свою желчь на предмет обожания влюбленного и на светило поэта.

«Ларина... очень милая старушка», *une petite vieille très aimable*. Перефразируя Шекспира (сонет II), по меньшей мере «сорок зим избороздили ее чело»** (см. коммент. к гл. 2, XXX, 13—14).

8 ...*поле...* — Фр. *la campagne*.

10 *Какие грустные места!* — Этот стих удивительным образом перекликается со стихом 6 («Какие грустные места!») известного стихотворения Ф. И. Тютчева «Песок сыпучий по колени...», написанного четырехстопным ямбом со структурой рифм *ababesec* в 1830 г. и опубликованного в пушкинском «Современнике» в 1837-м:

Песок сыпучий по колени ..
Мы едем — поздно, — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися темень
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!

* Которые обращались друг к другу на «ты» (фр)

** Когда твое чело избороздят / Глубокими следами сорок зим, / Кто будет помнить царственный наряд, / Гнушаясь жалким рубищем твоим. (Перевод С. Я. Маршака)

Как было указано русскими критиками, образ стихов 7—8 не что иное, как усовершенствованная метафора из стихотворения Гете «Здравствуй и прощай» («Willkommen und Abschied»): «Wo Finsternis aus dem Gesträuche mit hundert schwarzen Augen sah»*.

11 *А кстати...* — «Глупые места» напоминают Онегину об их «глупых обитателях» — «простой» Лариной; отсюда и «кстати».

11—14 Немыслимый перевод Боденштедта⁴ этих стихов на немецкий звучит следующим образом:

Lensky! Die Larina ist schlicht,
Aber recht hübsch für ihre Jahre,
Doch ihr Likör, wie schlechter Rum,
Steigt mir zu Kopfe, macht mich dumm**

Редкий случай, когда выдуманный переводчиком ром оказывает на него такое же воздействие, как на воображаемого говорящего.

Варианты

6—8 Черновик (2369, л. 49):

ты скучаешь —
Всегда и всюду, правда — Но
Сегодня больше — Нет, равно

9 В беловом варианте этого стиха кучер Онегина назван Ильюшкой. Кучера Пушкина в Михайловском звали Петр.

V

1 *Скажи, которая Татьяна?* — С этого момента Татьяна постоянно присутствует в третьей главе, за исключением двух отступлений, где вмешивается сам Пушкин, чтобы пообещать роман в прозе (XI—XIV) и порассуждать о кокетках, сравнивая их с Татьяной (XXIV—XXV), об эпистолярном жанре и женском правописании (XXII—XXIII, XXVII—XXX); сюда же можно добавить песню девушек, написанную трехстопным хореем с длинными стиховыми окончаниями, и завершающее главу отступление.

1—12 См. коммент. к IV, 5—14.

2—4 Отсылка к шедевру В. А. Жуковского «Светлана» (1812), строфа II, стихи 3—4 («Молчалива и грустна милая Светлана») и строфа XVII, стихи 1—2 («Села... под окном»). Эта баллада состоит из двадцати строф по четырнадцать стихов в каждой с сонетной последовательностью рифм (*babacceddiffi*) в двух хорейских размерах — четырехстопном (восемь стихов с мужскими рифмами *b, c, d, f*) и трехстопном (шесть строк с женскими рифмами *a, e, i*). Меня всегда интересовало, не повлияла ли разработка Жуковским этой сонетной формы в

* «Где тьма глядит из кустарника сотней черных глаз» (*нем*).

** Ленский! Эта Ларина проста, / Но очень мила для своих лет, / Но ее ликер, будто плохой ром, / Ударяет мне в голову, делая меня глупым (*нем*)

«Светлане» на выбор Пушкиным размера для *ЕО*, хотя, конечно, мелодика поэмы Жуковского, благодаря торопливому хорею и введению трехстопного стиха с женскими окончаниями в мужской четырехстопный, производит иной эффект, нежели мелодика *ЕО*.

Баллада начинается с гадания девушек (такого же, как в *ЕО*, гл. 5, VIII), для которого используются воск («Светлана», I, 8), «перстень золотой, серьги изумрудные» (I, 10—11, 14; см. мой коммент. к гл. 5, VIII) и «зеркало с свечою» (IV—VI). В результате заклинаний появляется возлюбленный Светланы, и последующие девять строф пародируют окрашенную в траур рыцарскую тему «Леноры» Бюргера. Видение оказывается безобидным сном, и баллада заканчивается восхитительным утренним перевертышем: лучи благодатной действительности разгоняют мрак ичного кошмара, и возлюбленный Светланы возвращается к ней живой и невредимый после годичного отсутствия.

В *ЕО* есть и другие переключки со «Светланой». Так, последняя строфа баллады Жуковского с «приятным ручейка блеском на лоне луга» предвосхищает пейзажи, связанные с именем Ленского (особенно в гл. 7, VI), а различные ее детали любопытным образом перекликаются со сном Татьяны (гл. 5).

Пушкин не впервые обращается к деве Жуковского. В 1814 г. наш поэт адресует своей сестре Ольге Пушкиной послание, состоящее из 121 строки, написанное четырехстопным ямбом, в котором вопрошает, смотрит ли та «в темну даль задумчивой Светланой» (стихи 45—46)⁵. См. также мой коммент. к эпиграфу гл. 5, а также к гл. 5, X, 6 и гл. 8, IV, 7—8.

- 9 *Точь-в-точь в Вандиковой Мадоне...* — В первом издании вместо «точь-в-точь» стояло «как и», что требовало родительного падежа («мадоны»), разрушавшего рифму.

Согласно Гофману (1923)⁶, прежде чем остановиться на «Вандиковой», Пушкин пробовал «Рафаэлевой» и «Перуджиновой». Религиозная живопись Ван Дейка (сэр Антонис ван Дейк или Вандейк, 1599—1641), представленная такими картинами, как «Мадонна с четками» (Ораторио дель Сантиссимо Розарио в Палермо), «Мадонна с младенцем» (в Лувре) или «Святое семейство с куропатками» (в петербургском Эрмитаже), малоинтересна.

Пушкин любил слово «мадонна». В записной книжке П. И. Бартенева* сказано, что Пушкин в своем (утраченном) письме к Елизавете Хитрово (1783—1839) сообщает ей в 1830 г., что собирается жениться «на косоглазой и рыжеволосой мадонне» («j'épouse une madonne louche et rousse»). Двусмысленно-ласкательное прозвище, данное Пушкиным жене, — «косая мадонна» — упоминают и другие мемуаристы (например, согласно запискам Бартенева, княгиня Вера Вяземская).

- 10—11 *Кругла, красна лицом она, / Как эта глупая луна...* — Старое значение слова «красна» — «красива», и я понимаю выражение «она красна лицом» как «у нее красивое лицо», а не как утверждение, что «у нее красное лицо». «Красное лицо» свидетельствовало бы о грубом румянце невоздержанности, высоком кровяном давлении, злости, чувстве стыда и т. д., что абсолютно не соответствовало бы образу розоволикой Памелы или мадонны, который имеет в виду Онегин. И без того он здесь довольно груб. Для описания прелестного цвета

* Отрывки из нее опубликованы М. А. Цявловским в кн. «Пушкин» (Летописи Государственного Литературного музея Ч 1. М., 1936, с 491—558). (Примеч В Н.)

лица Ольги Пушкин пользуется существительным «румянец» и прилагательным «румяная»; более того, в отвергнутом черновике (над профилем графа Воронцова, чьи эполеты красуются рядом с черновым наброском стиха 13) мы можем разобрать слова «румяна и бела». «Красная девица» означает «красивая девушка», и возможно, для нескольких поколений иностранцев будет откровением узнать, что название знаменитой древней Красной площади в Москве означает «красивое место для проведения торжеств», а не ее цвет.

Мой выбор этого значения обусловлен и сравнением с луной, которая предстает здесь прекрасной сферой («круглой и белоликой»), воспеваемой поэтами, — именно этой ясной луне элегически изливает свои чувства Ленский в гл. 2, XXII, 8—12. Ни в одном из черновиков луна не фигурирует, не найти ее и в белой рукописи, но на существование «лунных» строк указывает любопытный отрывок из письма Вяземского Александру Тургеневу и Жуковскому (опубликовано в «Архиве братьев Тургеневых» от 6 января 1827 г., за девять месяцев до появления в печати этой главы), в котором он цитирует гл. 3, V, 11—12 так

Как ваша глупая луна
На вашем глупом небосклоне, —

где «ваша» явно используется во множественном числе и означает «луна, которую воспеваете вы, поэты». Естественно, эта лирическая обобщенная луна не окрашена никаким цветом; как бы там ни было, сравнение красного лица с красной луной вызывало бы у читателя ассоциации с цветом помидора, а не розы. Я прекрасно знаю, что в стихотворении 1819 г. «Русалка» (семь четырехстопных восьмистиший, написанных ямбом) Пушкин, описывая летний вечер с туманом над озером, говорит в стихе 14 о виднеющемся в облаках месяце именно красноватого цвета («И красный месяц в облаках»), но здесь он живописует оссиановский пейзаж (как, например, в «Суль-мала с Лумона»), а не аркадский, как в третьей главе *ЕО*.

Общее мнение, разделяемое не только переводчиками, но и добрыми, простодушными русскими читателями (включая составителей «Словаря языка Пушкина», М., 1957, т. 2), о том, что «красна лицом» означает цвет лица, можно отнести лишь на счет редкостной глупости.

В «точном» английском переводе немыслимого итальянского либретто глупой оперы Чайковского «Евгений Онегин» («„Евгений Онегин“, лирические сцены в 3-х действиях, текст по Пушкину». М., 1878, либретто композитора и Константина Шиловского [рифмоплета]; впервые поставлено студентами Императорского музыкального училища в Москве, 1879), опубликованном в Нью-Йорке для оперного театра «Метрополитен» примерно в 1920 г., «синьора Ларина» в первом акте сидит под деревом и «варит леденцы» (Ольга сидит на дереве, а Татьяна в обмороке); далее следует беспримерный по своему идиотизму текст «Онегин (Ленскому): „Теперь скажи мне, которая Татьяна? / .. Ее природе не свойственна безмятежность / Классической мадонны. / Лилово-красная, клянусь душой, / Сияет, как глупая луна“ (...нагло смотрит на Татьяну)».

12 *...небосклоне*. — Существительное «небосклон» (небесный свод) давно потеряло свой метафорический смысл и стало просто синонимом «неба». Зачастую русский поэт предпочитает пользоваться первым словом в силу его более богатых возможностей рифмообразования.

13 <...>

Варианты

8—14 Б. Томашевский (Акад. 1937, с. 575) дает два беловых варианта, начинающихся так (стихи 8—9):

В чертах у Ольги мысли нет
Как в Рафаэлевой мадонне, —

а далее разнящихся и продолжающих тему (первоначальный вариант беловой рукописи, стихи 10—14):

Румянец да невннныи взор
Мне надоели с давних пор —
— Всяк молится своен иконе, —
Владимир сухо отвечал.
И наш Онегин замолчал. —

и (исправленный вариант беловой рукописи, стихи 10—14):

Поверь — невинность это вздор
А приторный Памелы взор
Мне надоел и в Ричардсоне
Владимир сухо отвечал
И после во весь путь молчал

Памела в стихе 11 — это героиня «Памелы, или Вознагражденной добродетели» Ричардсона во французском переложении (1741—1742) А. Ф. Прево (см. коммент. к гл. 3, IX, 10).

Va, Vb, Vc

Начало традиционного сюжета представлено в следующих черновиках в тетради 2369, л. 50, 51 об :

Va

В постеле лежа — наш Евгении
Глазами Байрона читал
Но дань вечерних размышлений
4 В уме Татьяне посвящал —
Проснулся <он> денницы ране
И мысль была все о Татьяне
Вот новое подумал он —
8 Не уж-то я в нее влюблен
Еи богу это было б славно
<Себя> <уж> то-то б одолжил
Посмотрим — и тотчас решил
12 Сосед<ок> навещать исправно
Как можно чаще — всякой деиь
Ведь им досуг а нам не лень

Vb

<Решил> и скоро стал Евгении
Как Ленской

Vc

Ужель Онегии в самом деле
<Влюбился>

Va, 1—3, 7—9 Когда в «Графе Нулине» (написанном 13—14 декабря 1825 г., опубликованном 22 декабря 1827 г. в «Северных цветах» на 1828 г.) граф ложится в постель в доме приютившей его дамы, после того как сломался его экипаж, слуга-француз приносит ему графин, серебряный стакан, сигару, бронзовый светильник, щипцы с пружиной, будильник (вместо ночного горшка в черновике) и неразрезанный роман, а далее

216 в постеле лежа Вальтер Скотта
Глазами пробегаёт он,
Но граф душевно развлечен
220 мыслит он
«Неужто правда я влюблен?
Что если можно? Вот забавно!
Однако ж это было б славно»

В черновике стиха 221 — «God damn! Неужто я влюблен?» — первые два слова написаны на английском. Это восклицание «Goddam» или «Goddem» регулярно встречается во французских романах и стихах-однодневках XVIII в. при описании англичан. Под «Вальтером Скоттом» в стихе 216 подразумевается французский пересказ одного из его исторических романов серии «Уэверли».

VI

Вариант

13—14 Черновик (2369, л. 51 об.) даёт:

Того же мненья был и поп
И сам дьячок его Антрон

Завершив строфой VI гл. 3 черный грессбук, известный как тетрадь 2369, начатый (гл. 1) в мае 1823 г., Пушкин переходит к другой похожей тетради (2370), которая открывается строфой XXIX гл. 3 (22 мая 1824 г., Одесса) и где целый ряд предшествующих страниц, вероятно, был уничтожен. Согласно Томашевскому (Акад. 1937, с. 309), черновики двадцати двух строф гл. 3 (VII—XXVIII) утрачены, за исключением одного четверостишия строфы IX, бегло записанного в тетради 2369 (л. 50, на котором расположена и начатая с фальстарта строфа Va), и всей строфы XXV (подражание Парни), запечатленной в тетради 2370 (л. 12) после отрывка, включающего письмо Татьяны (со строфы XXIX по строфу XXXV). Временной пробел (май 1824 г.) был отмечен ссорой Пушкина с генерал-губернатором, и можно предположить, что наш поэт уничтожил черновики писем или другие материалы, записанные между VII и XXVIII строфами, черновики которых в результате этого тоже погибли.

VII

10 *Сгорая негой и тоской...* — Оба существительных относятся к таинственно-за-вораживающему романтическому лексикону, столь часто используемому в *ЕО* и столь труднопереводимому на английский язык. Значение слова «нега» варьируется от «умиротворенности» (фр. *mollesse*), то есть спокойного наслаждения, состояния «сладостности», через различные оттенки задумчивой влюбленности, *douce paresse**, и нежной чувственности до откровенной сладострастности (фр. *volupté*). Переводчик должен быть очень осторожен, чтобы не переборщить там, где Пушкин балансирует на грани, заставляя свою барышню томиться всеми французскими страстями, как воображаемыми, так и реальными.

«Тоска» — обобщенный термин для определения чувства физической или метафизической неудовлетворенности, томления, тупой боли, саднящего отчаяния, грызущих душу мучений. (См. также коммент. к гл. 3, XIV, 9—10.)

10, 12 Три излюбленных слова Пушкина — «нега», «тоска», «томленье» — собраны здесь воедино.

14 *Душа ждала.. кого-нибудь...* — Не особенно удачная строчка, ее предполагаемая циничная легкомысленность звучит плоско и банально. <...>

VIII

7 *Твердит...* — См. коммент. к гл. 2, XXX, 7.

IX

3—4 и X, 5 Ср.: Мэри Хейз, «Воспоминания Эммы Кортни» (Mary Haas, «Memoirs of Emma Courtney», 1796), т. 1, гл. 7: «...ко мне в руки попала „Элоиза“ Руссо. — Ах! с каким восторгом... я упивалась этим опасным, завораживающим сочинением!»

4 *...обман!* — Пушкинское словечко «обман» содержит в себе представление о заблуждении, выдумке и — по созвучию — «туман» мистификации. См. также гл. 2, XXIX, 3.

7 *Любовник Юлии Вольмар...* — Неточность: фамилия Юлии была д'Этанж, а не Вольмар, когда она стала возлюбленной Сен-Пре (как ее подруга Клара д'Орб называет анонимного альтер-эго автора). Роман называется «Юлия, или Новая Элоиза», «письма двух любовников, живших в маленьком городке у подножия Альп, собраны и изданы Ж.-Ж. Руссо» (Amsterdam, 1761, 6 vols.).

Юлия — *blonde cendrée*** (излюбленный цвет волос позднейших традиционных героинь, таких, например, как Клелия Конти в «Пармской обители» Стендаля, 1839), с нежными лазурно-голубыми глазами, каштановыми бровями, красивыми руками и восхитительным цветом лица, — дочь барона д'Этанжа, избивавшего ее (ч. I, письмо LXIII). Сен-Пре — частный учитель, «un petit bourgeois sans fortune***». О его внешности нам мало что известно, за исклю-

* Спокойная праздность (*фр*)

** Блондинка с пепельным оттенком волос (*фр*)

*** «Мелкий буржуа, не имеющий состояния» (*фр*)

чением того, что он близорук («la vue trop courte pour le service»* — ч. I, письмо XXXIV; прием, широко использовавшийся позднейшими авторами). Однажды ночью его ученица сознательно отдается ему, после чего заболевает оспой. Сен-Пре покидает Европу и проводит три или четыре года в абсолютно абстрактной Южной Америке. Его возвращение, супружеская жизнь Юлии и ее смерть занимают последнюю часть романа.

Юлия выходит замуж за господина де Вольмара (имя изобретательно образовано от «Вальдемара»), польского дворянина пятидесяти лет, воспитанного то ли по небрежности, то ли по осмотрительности своего создателя в вере греческой («dans le culte greque»), а не римско-католической, как большинство поляков; проведя часть жизни в ссылке в Сибири, он позднее обращается в вольнодумство. Остается только гадать, как воспринимала Татьяна Ларина восхитительные примечания Руссо, касающиеся религиозных преследований, и эпитеты «смешной культ» («culte ridicule») и «глупое иго» («joug imbécile») по отношению к православной церкви, к которой сама принадлежала. (В 1760-х гг. появился исковерканный и сокращенный русский «перевод», однако Татьяна читала произведение на французском языке, в чем многие комментаторы, вероятно, не отдают себе отчета).

Оспу, которой позднее, из соображений сюжетопостроения или эмоционального накала, суждено было заразиться множеству привлекательных персонажей (разве можно забыть мадам де Мертей, лишившуюся глаза, в «Опасных связях» Шодерло де Лакло или страшные затруднения, в которые попадает Диккенс, изуродовав к концу своего «Холодного дома» облик Эстер Саммерсон!), подхватывает Сен-Пре от больной Юлии, целуя ей на прощание руку, прежде чем отправиться в «voyage autour du monde»**. Он возвращается обезображенный оспинами («щербатый» — ч. IV, письмо VIII); лицо Юлии автор щадит, предоставляя ему лишь изредка покрываться преходящей «rougeur»***. Сен-Пре гадает, узнают ли они друг друга, и когда это происходит, он с жадностью набрасывается на творог и простоквашу в доме Юлии де Вольмар и погружается в руссоистскую атмосферу, приправленную яйцами, молочными продуктами, овощами, форелью и щедро разбавленным вином.

С художественной точки зрения роман является полной белибердой, однако он содержит ряд отступлений, представляющих исторический интерес, а также отражает изысканную, болезненно впечатлительную и в то же время наивную личность автора.

Замечательна сцена бури на Женевском озере (ч. IV, письмо XVII), разыгравшейся во время «прогулки по воде» («promenade sur l'eau») на хрупком суденышке («un frêle bateau»****), которым правят пять человек (Сен-Пре, дворецкий и три местных гребца); Юлия, невзирая на сильнейший приступ морской болезни, проявляет редкостную готовность быть полезной. она «animoit [наше мужество] par ses caresses compatissantes... nous essuyoit indistinctement à tous le visage, et mêlant dans un vase [!] du vin avec de l'eau de peur d'ivresse [!], elle en offroit alternativement aux plus épuisés»+ (все перечисленные действия предполагают

* «Зрение, слишком плохое для военной службы» (фр.)

** «Кругосветное путешествие» (фр.)

*** «Краснота» (фр.).

**** «На утлой лодочке» (фр.)

+ «Ободряла [наше мужество] своими неустанными ласковыми заботами, всем без различия она вытирала влажные лица; смешав в сосуде [!] вино с водой, чтобы мы не опьянели [!], она по очереди поила самых изнуренных» (фр.)

активное передвижение на «frêle bateau» с неизбежными спотыканиями о мешающие весла).

Любопытно пристальное внимание к явлению опьянения, пронизывающее весь роман: после того как Сен-Пре однажды напивается и пользуется в присутствии Юлии недопустимыми выражениями (ч. I, письмо LI), та заставляет его «умеренно пить вино и разбавлять его прозрачной ключевой водой». Сен-Пре, однако, снова поддается искушению в Париже, где он, сам того не ведая, оказывается в публичном доме, куда его увлекают приятели (о чем он подробно сообщает Юлии в письме). Там он по ошибке принимает белое вино за воду и, когда приходит в себя, с изумлением обнаруживает, что находится «в уединенной комнате, в объятиях одной из девиц» (ч. II, письмо XXVI). Далее Юлия спасает своего маленького сына Марселина от гибели в опасном озере и тихо умирает вследствие пережитого потрясения в одном из наименее достоверных эпизодов романа. Кончина ее поистине сократовская — с пространными речами в присутствии собравшихся гостей и обильными возлияниями, так что ее последние часы неизбежно должны были сопровождаться алкогольным опьянением.

Похоже, эпистолярная форма, столь излюбленная в XVIII в., была продиктована единственно мыслью о том, что (как это утверждает поэт Колардо в «Любовных письмах Элоизы к Абеляру», ок. 1760 / Colardeau, «Lettre amoureuse d'Héloïse à Abailard») «L'art d'écrire... fut sans doute inventé / Par l'amante captive et l'amant agité»*, или, как это выражено Поупом в его «Послании Элоизы к Абеляру» (1717), стихи 51—52, «Небеса преподали науку писем сначала горемыкам — / Покинутым любовникам и плененным девушкам». Она требует, чтобы автор обеспечил главных героев конфидентами (впрочем, Лакло и Гете опускали ответные письма этих подставных лиц). Задушевым приятелем Сен-Пре выведен некий лорд Эдуард Бомстон, переживающий собственный роман в Италии. В письме III (ч. II) он предлагает Юлии и ее возлюбленному «край, где уготовано убежище для любви и невинности» в своем поместье «dans le duché d'York»**, где (как ни странно) «мирный поселянин еще хранит простые нравы... счастье, дарованное чистым душам». Остается только гадать, как ко всему этому отнеслись бы «мирные поселяне».

Однако успех роману принесли не эти несурезицы, но общий романтический дух, драматические восклицания («Варвар!», «Невинное дитя!», «Жестокий!»), обращенные как к самому пишущему, так и к его корреспонденту, прощания, знаменитый первый поцелуй в боскете... Историки литературы сильно преувеличивают *sens de la nature**** у Руссо; он продолжает видеть *les champs***** сквозь кружевную завесу морали.

Вольтер проявил крайнюю суровость к своему главному сопернику; в Послании XCIV к герцогине де Шуазель (Choiseul; 1769) он пишет:

[Jean-Jacques] aboie à nos beautés [наших прекрасных дам].
Il leur a préféré l'innocente faiblesse,
Les faciles appas de sa grosse suïssesse,

* «Искусство писать... было, без сомнения, изобретено / Пламенной любовницей и взволнованным любовником» (фр.).

** «В герцогстве Йорк» (фр.).

*** Чувство природы (фр.).

**** Поля (фр.).

Qui contre son amant ayant peu combattu
Se défait d'un faux germe, et garde sa vertu

gardez-vous bien de lire
De se grave insensé l'insipide délire*

(Ср.: *ЕО*, гл. 1, XXIV, 12.)

Сам Лагарп, автор лицейского учебника Пушкина, критикуя сюжет и образы главных героев, хвалил роман Руссо за страстность, красноречие и умение говорить о человеческих слабостях языком честности и добродетели.

В связи с этим и другими читанными Татьяной романами следует отметить, что их героини — Юлия (несмотря на ее добрачный *fausset-couche***), Валери и Лотта (невзирая на вырванный у нее силой поцелуй) — остаются такими же верными своим мужьям, как княгиня Н. (урожденная Татьяна Ларина) своему, да и Кларисса отказывается выйти замуж за своего соблазнителя. Обратите также внимание на чувство едва ли не патологического уважения и своеобразную экзальтированную сыновнюю любовь, которую испытывают юные герои этих произведений к зрелым и необщительным супругам молодых героинь.

7—11 ...Юлии Вольмар, / Малек-Адель и де Линар, / и Вертер... Грандисон... — Волшебство аллитерации, извлеченное нашим поэтом из имен популярных героев или, лучше сказать, из контрапункта, создаваемого этой последовательностью имен, представляет восхитительный пример того, как художник различает поэтический рисунок в прозаическом хаосе. Начавшись с легкой, лепечущей игры на «л» («Любовник Юлии Вольмар, Малек-Адель и де Линар»), мелодика переходит к задумчивым «м» («мученик мятежный») и заканчивается комическим апофеозом духовых «о» («И бесподобный Грандисон, / Который нам наводит сон»), завершающим инструментовку этой изумительной строфы.

8 *Малек-Адель* — герой «Матильды» (1805)⁷, мертворожденного романа чувствительной, но бездарной Софи Коттен, урожденной Мари Ристо (Sophie Cottin, née Marie Ristaud, 1773—1807), вдовы парижского банкира, который, «будучи тронут ее нежностью», женился на ней, когда она была еще «задумчивым семнадцатилетним ребенком». Малек-Адель — мусульманский военачальник времен Третьего крестового похода (XII в), отважный и блистательный воин, который среди песчаных бурь влюбляется в английскую путешественницу — добродетельную принцессу Матильду, сестру короля Ричарда Львиное Сердце. Должен признаться, что я перелистал, не читая, десятки страниц. Однако скука, вызываемая этим произведением, несравнима с той, которую порождает «Дельфина» мадам де Сталь или, например, приторные «исторические» романы, распространяемые среди домохозяек книжными клубами в сегодняшней Америке

8 *Де Линар* — молодой герой романа «Валери, или Письма Гюстава де Линара к Эрнесту де Г.» («Valérie, ou Lettres de Gustave de Linar à Ernest de G.», London, 1803; Paris, 1804; я пользовался изданием 1837 г) мадам де Крюднер (Барбара Юлиана, баронесса фон Крюднер, в девичестве фон Фитингофф), немки, пи-

* [Жан-Жак] бранит наших красавиц. / Им предпочел он невинную слабость, / Доступные прелести своей толстой швейцарки, / Которая, немного посопротивлявшись любовнику, / Избавляется от ненужного плода и сохраняет свою добродетель / / остерегайтесь же читать / Безвкусные бредни этого конченного безумца (фр.)

** Выкидыш (фр.).

савшей по-французски, одной из самых романтических женщин своего времени. Писательница и влиятельный религиозный мистик, она родилась в Риге в 1764 г., умерла в Крыму, в Карасу-базаре, в 1824-м. Ее первым любовником (ок. 1785 г.) был русский дворянин (кажется, Александр Стахеев), служивший в Венеции секретарем барона фон Крюднера, русского дипломата, за которого Барбара Юлиана вышла замуж в семнадцатилетнем возрасте. Перед тем как застрелиться из-за неверности возлюбленной, изменившей ему и барону с новым любовником в Копенгагене, Стахеев написал фон Крюднеру письмо с признанием. Роман мадам фон Крюднер, создававшийся в Италии и Швейцарии, в определенной мере автобиографичен. Она сама его рекламировала, спрашивая в галантерейных лавках шляпки à la Валери. Ее восторженность абсолютно покорила Александра I, которого она окрестила Ангелом Господним, когда они познакомились в Хейльбронне в 1815 г.

Юная Валери, графиня де М., очевидно родом из Ливонии, вышедшая замуж в четырнадцатилетнем возрасте и познакомившаяся с де Линаром в шестнадцать, унаследовала от Юлии замечательного печального старого мужа и пепельно-белокурые волосы. Однако в отличие от пышущей здоровьем швейцарки, Валери изящна, бледна, хрупка и гибка, ее синие глаза чуть темнее, чем у Юлии, и взгляд их то чрезмерно весел, то безразличен.

Гюстав де Линар, поклонник, которого она не любит, темноволосый и грубый молодой швед, метафизически соотносится с Акселем Ферзенем, героическим, меланхоличным и эксцентричным любовником королевы Марии-Антуанетты. Символы характера де Линара и его настроений — одиночество, горные вершины, бури, манера передвижения «*marchant-à-grand-pas*»* (обретшая своего прославленного представителя в Константине Левине из «Анны Карениной» Толстого), прижатие горящего лба к холодному стеклу (что будет практиковаться Базаровым в «Отцах и детях» Тургенева), тоска, апатия, луна и пневмония.

Произведение не лишено отдельных прелестных пассажей — аромат апельсинов и крепкого чая, сопутствующий Валери, исполненный драматизма танец с шалью, итальянские соловьи, роза в ее волосах, «*mon âme défaillante de volupté*»** и внезапно подмеченная деталь: «*des vers luisants sur les haies de buis*»*** или описание вспархивающего сфинкса (сумеречной бабочки) со ствола кипариса на старом кладбище, заросшем цветущими сливовыми деревьями. Следует отметить, что не только новое богатство туманных и наполненных мягким ароматом пейзажей, но и основные состояния томности, страсти и ее увядания скорее ближе к Шатобриану, чем к Руссо. А боскеты, приют светлячков, поручены заботам того же самого садовника, который подстригал «миртовые кущи... пристанища светляков», обрамлявшие дорожки Ливорно, где, согласно воспоминаниям вдовы Шелли, поэт однажды летним вечером услышал жаворонка и увидел «золотого светляка в росистой ложине», упомянутых в его знаменитой оде⁸.

На экземпляре «Валери» (1804), хранящемся среди пушкинских книг, сделаны надписи (неизвестной рукой) на страницах шмуцтитулов (например: «*Hélas, un*

* «Широким шагом» (фр)

** «Моя душа, изнемогающая от сладострастия» (фр)

*** «Светлячки у самшитовой ограды» (фр).

moment...», «Dieu tout puissant... ce ravissant éclair de vie»* и т. д.) и стоит имя «Mlle Olga Alekseev»**.

- 9 *Вертер* — герой «Страданий юного Вертера» («Die Leiden des jungen Werthers», Leipzig, 1774), сентиментального романа Гете. Пушкин, как и русские барышни, читал его на французском. В то время существовало несколько его версий: «Les Passions du jeune Werther» (Paris, 1777) К. Обри (графа F. W. C. von Schmettau); «Les Souffrances du jeune Werther» (Erlangen, 1776) барона С. фон Зекендорфа (S. von Seckendorf); «Werther», «traduit de l'allemand sur une nouvelle édition augmentée par l'auteur [то есть Гёте] de douze lettres et d'une partie historique entièrement neuve»*** (Paris, 1804) Шарля Луи Севеленжа (Ch. L. Sevelinges).

Это произведение все еще источает пусть поблекшее, но очарование, хотя с художественной точки зрения сильно уступает «Рене» Шатобриана и даже «Адольф» Констана. Молодой Вертер, претендующий на звание художника, уезжает в захолустный городок с гротами, липами и журчащими ручьями и обнаруживает в его окрестностях идеальную деревеньку Вальхейм. Там он знакомится с Шарлоттой С., Лоттой, «мамзель Лотхен» (как он восторженно обращается к ней в оригинале в манере, характерной для немецкой буржуазии того времени). Та выходит замуж за добропорядочного, основательного и честного Альберта. Роман, написанный в основном в эпистолярной форме, состоит из писем — на самом деле монологов, адресованных Вертером некоему Вильгельму, который милостиво остается немым и незримым.

При каждом удобном случае Вертер льет слезы, отдается возне с малышами и продолжает страстно любить Шарлотту. Заливаясь потоками слез, они вместе читают Оссиана. Вертер — прототип героев Байрона: «Je souffre beaucoup, car j'ai perdu ce qui faisait l'unique charme de ma vie; cet enthousiasme vivifiant et sacré qui créait des mondes autour de moi, il est éteint» (Sevelinges, p. 190) «...Quelquefois je me dis... Jamais mortel ne fut tourmenté comme toi!» (Ibid., p. 198)****.

Последние дни Вертера описаны «издателем», то есть Гёте. Измученный трагической любовью, преследуемый меланхолией и отвращением к жизни, Вертер пускает себе пулю в лоб. В эпоху, когда художественное произведение воспринималось как «история болезни» века, мадам де Сталь могла бы сказать о «Вертере», что он рисует «pas seulement les souffrances de l'amour, mais les maladies de l'imagination dans notre siècle» («De l'Allemagne», pt. II, ch. 28)+.

- 10 *И бесподобный Грандисон...; X, 3 Кларисой...* — Татьяна читала Ричардсона (см. коммент. к гл. 2, XXIX, 1—4) во французском переводе, обязанном своим появлением перу чудовищно плодовитого аббата Антуана Франсуа Прево. Его переводы «Клариссы Гарлоу» и «Сэра Чарльза Грандисона» были опубликованы

* «Увы, миг...», «Всемогущий Боже... этот восхитительный проблеск в жизни» (фр.)

** «Мадемуазель Ольга Алексеева» (фр.)

*** «Вертер», «перевод с немецкого по новому изданию, дополненному автором [то есть Гёте], состоящему из двенадцати писем и одной совершенно новой исторической части» (фр.)

**** «Я сильно страдаю, ведь я утратил то, что составляло единственную отраду в моей жизни; это живительное священное воодушевление, которое создавало вокруг меня миры, — оно угасло». «..Иногда я говорю себе.. Никогда смертный так не страдал, как я!» (Фр.)

+ «Не только любовные страдания, но и болезни воображения нашего века» («О Германии». Ч. II, гл. 28) (фр.)

в 1751 и 1755 гг. соответственно и выдержали несколько переизданий; вероятно, Татьяна читала их в том самом издании 1777 г., над которым корпел Пушкин в Михайловском в ноябре 1824 г., о чем писал брату. «Читаю Кларису, мочи нет какая скучная дура!»

Я сравнил английский и французский тексты, пользуясь изданиями Прево 1784 г. (Amsterdam and Paris, vols. 19—24 и 25—28) его «Избранных сочинений» (заметьте — «избранных»!). Они включают соответственно «Lettres angloises, ou Histoire de Miss Clarisse Harlove» (sic; London, 1751, 6 vols) и «Nouvelles Lettres angloise, ou Histoire du chevalier Grandisson» (sic), «par l'auteur de *Pamela* et de *Clarisse*»* (Amsterdam, 1755, 4 vols).

Вариант Летурнера называется «Clarisse Harlowe. Revue par Richardson»** (Geneva, 1785—1786).

Во Франции романы Ричардсона в переводах Прево критиковались уже в XVIII в. Песенник Шарль Колле (1709—1783) написал около 1753 г. балладу «Кларисса», в которой одно из четверостиший звучало следующим образом:

Ce ne sera point par lettres
Que j'écrirai ma chanson,
Deux bonnes sur cent de piètres
Se trouvent dans Richardson***

Шатобриан, безусловно величайший французский писатель своего времени, замечательно сказал в 1822 г.: «Si Richardson n'a pas de style (ce dont nous ne sommes pas juges, nous autres étrangers), il ne vivra pas, parce que l'on ne vit que par le style» («Mémoires d'outre-tombe», ed. Levailant, pt. I, bk. XII, ch. 2) ****.

Ричардсон не обладал собственным стилем, однако его отдельные живописные пассажи заслуживают внимания. К несчастью, Прево сократил и выхолостил оригинал. Так, в «Грандисоне» он тщательно вымарал такие подробности, как блестящие описания в духе Хогарта «порочного» сообщника, помогавшего сэру Харгрейву (в попытке похищения истеричной Гарриет), — высокого, ширококостного, косолапого, неопрятного, краснорожего и прыщавого священника. И конечно же, этот перевод изобилует ошибками, диктуемыми клише французского «bon goût»+ того времени (например, приятная текучесть «плывущих за мной косяков дураков» переведена как «une multitude de fous qui me prodigaiient leur admiration»++).

Вариант

1—5 Черновик (2369, л. 50; см. также коммент. к гл. 3, VI, вариант 13—14):

* «Англиские письма, или История мисс Клариссы Гарлоу»; «Новые английские письма, или История кавалера Грандисона», «написано автором „Памелы“ и „Клариссы“» (фр)

** «Кларисса Гарлоу Пересмотрена Ричардсоном» (фр)

*** Не с помощью писем / Буду я писать свою песню, / Недурно, если два хороших на сотню дрянных / Найдутся у Ричардсона (фр.)

**** «Если Ричардсон не владеет стилем (о чем не нам, иностранцам, судить), дни его сочтены, потому что только за счет стиля и можно жить» («Замогильные записки», изданные Левайаном. Ч I, кн XII, гл 2) (фр)

+ «Хороший вкус» (фр).

++ «Множество безумцев, всюду вызывающих восхищение» (фр)

Теперь с каким она вниманьем
Роман брала к себе в постель
<Во сне> <с каким> очарованьем
Ялялся ей Малек Адель
Отец ее

Упоминание о ее покойном отце словно возвращает нас к теме гл. 2, ХХІХ, 5—12 (черновик 2369, л. 36 об.).

Х

1, 3 ...героиней... Дельфиной... — Для того чтобы творительный падеж «героини» (необходимый после «Воображаясь») рифмовался с «Дельфиной», наш поэт заменяет правильное окончание *-ней* на несуществующее *-ной*.

3 *Кларисой*... — См. коммент. к гл. 3, ІХ, 10.

3 *Дельфиной*... — Если устаревших «Вертера» и «Юлию» сегодня еще можно читать, по крайней мере с позиций бесстрастного исследования, то мадам де Сталь не переносима ни при каких обстоятельствах. Мне думается, что Пушкин не стал бы навязывать своей Татьяне роман в письмах «Дельфина» (1802; произведение, состоящее из 250 000 бесцветных невыразительных слов), если бы помнил, что тот не обладает даже псевдоэзотическим блеском пресловутой «Матильды» Коттен, не говоря уже об эмоциональном накале романов Гёте и Руссо.

Дельфина д'Альбемар, вдова двадцати одного года, продирается сквозь тернии любовного романа в 1790—1792 гг. Ее возлюбленный Леонс де Мондовиль женат, и в конце концов она расстается с ним, понуждаемая моральным долгом по отношению к его жене. Когда Дельфина заболевает, герой стоит «attaché aux colonnes de son lit, dans un état de contraction qui [est] plus effrayant encore que celui de son amie»* (ч. IV, письмо IV). В четвертой части романа (письмо XIX: Дельфина к мадам де Лебенсэ) описано несколько сцен шумной возни: «...je me jetai aux genoux de Léonce... il... me replaça sur le canapé, et se prosternant à mes pieds»** и т. д. Как художница Сталь абсолютно слепа: «Matilde, lui dis-je en serrant ses deux mains qu'elle élevoit vers le ciel»*** (ч. IV, письмо XXXIV).

5 См. коммент. к ІХ, 3—4.

14 ...Грандисон. — Здесь Чижевский в своих комментариях к *ЕО* (с. 237) снова дезинформирует читателя (см. коммент. к гл. 2, ХХХ, 3): «Грандисон — герой „Клариссы Гарлоу“ Ричардсона». К тому же он полагает, что Пушкин читал эти романы по-русски.

* «Уцепившись за столбики ее кровати, в болезненном состоянии, более пугающем, чем состояние его подруги» (*фр.*).

** «...Я бросилась к ногам Леонса... он... положил меня на софу и, бросившись к моим ногам» (*фр.*).

*** «Матильда, — сказал я ей, сжимая ее руки, которые она простирала к небу» (*фр.*).

Ха

В белой рукописи присутствует дополнительная строфа:

- Увы! друзья! мелькают годы —
 И с ними вслед одна другой
 Мелькают ветреные моды
 4 Разнообразной чередой —
 Все изменяется в природе
 Ламуш и фижмы были в моде
 Придворный франт и ростовщик
 8 Носили пудренный парик
 Бывало нежные поэты
 В надежде славы и похвал
 Точили тонкий мадрнгал
 12 Иль остроумные куплеты
 Бывало храбрый генерал
 Служил и грамоты не знал.

5 <...>

6 *Ламуш и фижмы были в моде.* — Томашевский (ПСС 1957, с. 625) объясняет, что ламуш — это «карточная игра, вышедшая из моды в начале XIX века». Я выяснил, что эта игра, называемая по-французски «la touche» или «ramphile» («рам» означает «валет треф»), была известна в Англии как «лу» («lu» или «loo»), от более старого англ. *lanterlu*, фр. *lanturelu*, что означает «рефрен»). Мне кажется, хотя у меня и нет возможности это проверить, что разновидность лу с пятью картами называлась в России в XVIII в. «квинтич». Любопытно отметить, что лу, которую Пушкин уже в 1823 г. считал реликтом XVIII в., снова вошла в моду через четыре года, судя по полицейскому отчету от марта 1827 г. об игре Пушкина в карты. <...>

Однако я вовсе не уверен, что Пушкин здесь имел в виду карточную игру. Поскольку он сосредоточен на убранстве, «ламуш» вполне может означать кусочек черной тафты — по-русски «мушку», которую начиная с 1650-х гг. французские и английские дамы приклеивали на подбородок или щеку, чтобы оттенить белизну кожи.

Слово «фижмы» происходит от немецкого «Fischbein»* и обозначает определенный вид юбки, которую дамы в XVIII в. надевали поверх обручей, сделанных из китовых костей. Нижние юбки на обручах вошли в моду во второй половине XVII в. Они сродни более ранним моделям «farthingale» и появившимся позднее кринолинам.

10 *В надежде славы и похвал...* — Неудачная тавтология усугубляется в читательском восприятии сравнением со схожей начальной строкой из более позднего стихотворения Пушкина: «В надежде славы и добра...» («Стансы», 1826, написанные в честь Николая I).

XI

2 *...пламенный...* — явное клише, характерное для Пушкина и его школы. Первый ударный слог этого трехсложного слова легко — возможно, слишком легко —

* «Китовый ус» (нем.).

совпадает со вторым метрическим ударением четырехстопного ямба, так что конец слова соскальзывает в банальную модуляцию в русском стихе — сканд на третьей стопе в строке из трех слов (как здесь). Схожие метрические элементы содержат слова «радостный», «трепетный», «девственный» и т. д., а также множественные числа двусложных прилагательных (включая различные падежи и роды) — например, гл. 3, XVI, 12: «Напевы звучные заводит». «Пламенный» близко по значению к «пылкий» — еще одно излюбленное слово Пушкина и представителей его школы.

- 5 *...предмет...* — Вероятно, любимый «предмет» автора — это его герой.
- 9 *Питая жар...* — распространенный галлицизм. См., например, драматическую эклогу («трагедию») Расина «Федра» (1677), III, 1: «Vous pourrissez un feu...»*; есть и другие бесчисленные примеры.
- 10 *Всегда восторженный герой...* — Первые два слова образуют тот же самый эпитет, который применен в гл. 2, VI, 13 к манере Ленского вести разговор — «Всегда восторженная речь»; и поскольку этот стих еще звучит в сознании, читатель автоматически соединяет «всегда» и «восторженный». На самом же деле логика дидактического изложения в этой строфе предполагает, что «всегда» относится к следующей строке («Всегда... готов») и согласуется со следующим «всегда», определяющим неизбежность наказания порока и вознаграждения добродетели.

XII

- 5 <...>
- 6 *Тревожат сон отроковицы...* — Еще одно общее место для того времени; ср Чарльз Седли «Игра в фараон, или Матери-картежницы», «модная небылица, написанная автором „Извозчика ландо и его жены“» (Ch. Sedley, «The Fago Table; or, The Gambling Mothers», London, 1808) — «Эпиграф»: «Писатели-романтики пытаются сделать чтение романов полезным для подрастающего поколения. Глупости! — Неужто вы подожжете собственный дом, лишь бы устроить фейерверк? — Мораль таких книг, вместо того чтобы быть направленной к нужному адресату, всегда обращена к барышням, как будто они причастны к порицаемому злу!»
- Странно, что даже аккуратный и образованный Лернер («Звенья», V [1935], с. 71—73) допускает ошибку, приравнивая «отроковицу» XII строфы к Татьяне и приписывая последней упомянутую в этой строфе библиотеку (в добавление к романам XVIII в., перечисленным в X строфе). На самом же деле список авторов XII строфы принадлежит барышне 1824 г. — современнице Пушкина — и включает любимых авторов Онегина 1820 г. В противном случае гл. 7, XXII—XXIV, где Татьяна открывает для себя Байрона (а через Байрона заглядывает и в душу Онегина), теряет всякий смысл, ибо тогда ей давно уже должны быть известны эти фантазии британской музы. Справедливо, что впечатление, произведенное на Татьяну демоническими взорами Онегина в гл. 3, XLI и гл. 5,

* «Вы питаете огонь...» (Фр)

XVII—XX, скорее напоминает Мэтьюрина, чем Жан-Жака, однако Пушкин читывал и Мэтьюрина.

В пушкинской библиотеке находилось пять романов миссис Радклиф в издании «Прозаической библиотеки Баллантайн» (1824, vol. 10), включая «Сицилийскую любовь» и «Удольфские тайны», но ни сам Пушкин, ни его «отроковица», ни Онегин не читали их по-английски.

- 8 *...задумчивый Вампир...* — Суеверия, связанные с вампирами, упоминаются в поэме Байрона «Гяур» (1813); но, конечно же, есть еще повесть «Вампир», впервые опубликованная в «New Monthly Magazine» в апреле 1819 г. и принадлежащая перу доктора Джона Уильяма Полидори (врача Байрона, с которым поэт навеки покинул Англию 25 апреля 1816 г.), позднее она была названа романом, «написанным лордом Байроном, к которому приложено описание его жизни на острове Митилини». Последний вышел в свет в июле 1819 г.

Критики сурово обрушились на несчастное произведение: «The British Review» (1819, XVIII) назвал его «повествованием об отвратительном ужасе», которому было «приписано» «имя этого дворянина [лорда Байрона]»; а «The London Magazine» (1820, II) нарек его «низким мошенничеством». Однако роман был несколько раз переведен на французский, и первый перевод «Le Vampire», «nouvelle traduite de l'anglais de Lord Byron»* (Paris, 1819), был выполнен Фабером (H. Faber).

- 9 *...Мельмот, бродяга мрачный...* — «Melmoth, ou l'Homme errant», «par Mathurin [sic], traduit librement de l'anglais»** Жана Коэна (Jean Cohen; Paris, 1821, 6 vols.). Малоизвестный в России оригинал «Мельмота-Скитальца» (Edinburgh, 1820, 4 vols.) был написан Чарльзом Робертом Мэтьюрином (Charles Robert Maturin), ирландским священником, который имел обыкновение писать с приклеенной ко лбу облаткой, что являлось знаком обязательного молчания для всех заходящих к нему домочадцев. Книга эта, хотя и превосходящая творения Льюиса и миссис Радклиф, несомненно второсортна, а высокая оценка, которую ей (во французском переложении) дал Пушкин, — следование французской моде.

Я уже упоминал приезд юного Джона Мельмота в дом своего дядюшки в коммент. к гл. I, II, 1. И племянник, и дядя — потомки дьяволоподобного Мельмота-Скитальца («Там, где он ступает, земля сожжена! Там, где он дышит, в воздухе вспыхивает огонь! Там, где он ест, яства становятся ядом! Там, куда устремляется его взгляд, сверкает молния!.. По этому хлебу и вину... которые его присутствие превращает в нечто столь же нечистое, как пена на губах порешившего с собою Иуды...»). Джон находит ветхую рукопись. Далее следует длинное повествование, изобилующее рассказами внутри рассказов, — о кораблекрушениях, сумасшедших домах, испанских монастырях; и тут я начал клевать носом.

Имя автора «Мельмота-Скитальца» постоянно искажается писателями того времени и с легкой руки Коэна превращается в «Мэтьюрин» (распространенное французское имя).

Характер Мельмота отмечен гордостью, интеллектуальным величием, «безграничным стремлением к запретному знанию» и саркастической веселостью, которая превращает его в «арлекина inferнальных миров». Мэтьюрин поль-

* «Вампир», «повесть лорда Байрона, переведенная с английского» (фр.).

** «Мельмот, или Странник», «Мэтьюрина, вольный перевод с английского» (фр.).

зуются всеми общими местами сатанизма, оставаясь при этом на стороне догматических ангелов. Герой вступает в соглашение с неким Известным лицом, которое гарантирует ему владычество над временем, пространством и материей (Малой Троицей) при условии, что Мельмот будет искушать несчастных в час самых страшных испытаний, предлагая спасение, если они согласятся поменяться с ним своим положением. Ш. Бодлер сказал о Мельмоте: «...quoique de plus grand... relativement à la pauvre humanité que se pâle et ennuyé Melmoth»^{*}; но не забудем, что он также восхищался Бальзаком, Сент-Бёвом и другими популярными, но, по сути, посредственными писателями.

В пушкинском примечании 19 «Мельмот» назван «гениальным произведением». Однако это определение тем более странно, что Пушкину было известно лишь «вольное» французское переложение Козна.

10 .. *Вечный жид...* — от нем. *der ewige Jude*; в других употреблениях слово «жид» звучит архаично или вульгарно (фр. *le Juif errant*). Может быть отнесено к «Агасферу Скитальцу», «драматической легенде» в шести частях («Ahasuerus, the Wanderer», London, 1823), анонимно опубликованной драгунским капитаном 24-го полка Томасом Медуином (Thomas Medwin; 1788—1869), который прославился через год как автор сомнительного «Дневника разговоров с лордом Байроном, записанных во время пребывания с его светлостью в Пизе в годы 1821 и 1822» («Journal of the Conversations of Lord Byron...», London, 1824). Пушкин и его литературные приятели с огромным наслаждением читали французский перевод этой книги, сделанный неутомимым Пишо, — «Les Conversations de Lord Byron, recueillies par M. Medwin, ou Mémoires d'un séjour à Pise auprès de Lord Byron contenant des anecdotes curieuses sur le noble lord...»^{**} (Paris, 1824). Впрочем, мне не удалось выяснить, выходила ли поэма автора записок на французском; если же не выходила, то она не могла быть известной Пушкину и его читателям.

Нет необходимости притягивать сюда, как это делают многие составители комментариев, «эпический фрагмент» (1774) Гёте (написанный в совершенно иной манере, нежели предполагает данная строфа), как и произведение преподобного Джорджа Кроули «Салатиэль. Рассказ о прошлом, настоящем и будущем» (George Croly, «Salathiel: A Story of the Past, the Present, and the Future» — название, неверно процитированное Сполдингом на с. 264, не знавшим к тому же, что три тома этой книги вышли в свет лишь в 1828 г., то есть на четыре года позднее, чем предмет нашего исследования). Столь же необоснованными были бы здесь ссылки на «лирическую рапсодию» Шубарта «Вечный жид» («Der ewige Jude», 1783), сицилийскую сказку в «Духовидце» (1789) Шиллера, «Песнь вечного жида» (1800) Вордсворта и «Вечного жида» (1819) преподобного Т. Кларка, — список может быть продолжен, но вряд ли какое-либо из этих произведений было известно в 1824 г. молодому русскому читателю, владевшему французским. Нас преследуют еще и такие библиографические призраки, как ссылки на несуществовавших авторов и их произведения, упомянутые Чижевским в комментариях к *ЕО*: не было никакого «французского поэта Рокко де Корнелиано»,

* « . Что может быть величественнее .. относительно несчастного человечества, чем этот бледный и раздосадованный Мельмот» (фр)

** «Беседы лорда Байрона, собранные г-ном Медвином, или Дневник пребывания в Пизе при лорде Банроне, содержащий любопытные анекдоты об этом благородном лорде .» (Фр)

автора вымышленного романа «Вечный жид» (1820), как не было никогда на свете и драматурга «Л. Ш. Шенье» (Чижевский, с. 239, 316). Впрочем, существует совершенно ничтожный трактат «История вечного жида, написанная им самим» («Histoire du Juif-errant écrite par lui-même»), опубликованный анонимно в Париже в 1820 г. автором, специализировавшимся на политических, исторических и религиозных темах, — графом Карло Пасеро де Корнелиано (Corneliano); есть и скверная мелодрама в трех актах Луи Шарля Кэнье (Caigniez или Caignez, 1762—1842), в которой Скиталец представлен Иглуфом (от нем. *ich lauf* — я бегу), — первая безуспешная постановка состоялась 7 января 1812 г. в парижском «Театре Веселья» (Théâtre de la Gaîté). Между прочим, этот Кэнье был «соавтором» Теодора Бодуэна, известного под именем д'Обиньи (d'Aubigny), истинного создателя чрезвычайно удачной пьесы «La Pie voleuse, ou la Servante de Palaiseau»* (преьера в Париже 29 апреля 1815 г.), которая послужила основой для создания либретто (Д. Ж. Жерардини) к опере Россини «Сорока-воровка» (1817), столь любимой Пушкиным в его одесский период.

Легенда об Агасфере, или Иоанне Бутадеусе, отказавшемся помочь Иисусу Христу на его крестном пути и обреченном на вечные скитания, которую Шарль Шёбель (Charles Schoebel; 1877) связывает со сказаниями о Каине и Вотане, похоже, впервые появилась в немецком народном памфлете «Агасфер, или Повесть о жиде» («Ahasverus, Erzählung von einem Juden», Leiden, 1602), а затем во французской балладе, напечатанной маленькой книжечкой в шестнадцать страниц в Бордо в 1609 г., — «jouxte la copie imprimée en Allemagne»**, под заголовком «Discours véritable d'un Juif errant, lequel maintient avec parolles probables avoir esté present à voir crucifier Jesus-Christ»***. Существует также английская баллада «Вечный жид» («The Wandering Jew»), опубликованная Пелисом в его сборнике 1700 г. Этот туманный апокриф сохранился в истории в основном благодаря частому его использованию господствующими сектами в качестве загадочного и неминуемого оправдания преследований более древней, но менее удачливой секты.

Сообщается, что впервые Скиталец появился в Гамбурге зимой 1542 г., где его видел виттенбергский студент Пауль фон Айтцен (позднее ставший архиепископом); следующие его появления были отмечены в Вене в 1599 г., в Любеке в 1601-м, в Москве в 1613-м и т. д.****

В романтическую эпоху легенда утратила окраску христианской пропаганды и превратилась в более обобщенный символ странствий и отчаяния байронического героя, находящегося не в ладах и с раем, и с адом, и с богами, и с людьми.

Пушкинский «Вечный жид» — ссылка на легенду, часто упоминавшуюся и в поэзии, и в прозе того времени. «Легендарный еврей-скиталец» появляется во

* «Сорока-воровка, или Служанка из Палезо» (фр).

** «Точная копия, напечатанная в Германии» (фр).

*** «Подлинные слова Вечного жида, где он правдоподобно свидетельствует, что видел воочию, как распинали на кресте Иисуса Христа» (фр).

**** Для написания вышеприведенных комментариев я пользовался «Генеральным каталогом печатных книг Национальной библиотеки («Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale»); Мишо, «Всемирная биография» (Michaud, «Biographie universelle»); Шарль Шёбель, «Легенда о Вечном жиде» (Charles Schoebel, «La Légende du Juif-errant», Paris, 1877); Шамфлери, «Народная образность» (Champfleury [Jules Fleury], «L'Imagerie populaire», Paris, 1886); Поль Жинисти, «Мелодрама» (Paul Ginisty, «Le Mélodrame», Paris, 1910) и различными энциклопедиями. (Примеч. В Н)

вставном четырехстопном отрывке байроновского «Чайльд Гарольда», песнь I, после строфы LXXXIV (см. мой коммент. к *ЕО*, гл. 1, XXXVIII, 9). Еще один странник упомянут в «Мельмоте» (см. коммент. к гл. 3, XII, 9). В «Монахе» Льюиса, неумелой стряпне, опубликованной анонимно в 1796 г., среди эпизодических персонажей присутствует таинственный странник, который прячет под бархатной повязкой горящий на лбу крест, — он и есть не кто иной, как Вечный жид. В русской адаптации этот роман был приписан (как указано в «Звеньях» Лернером, 1935, V, с. 72) известной даме, «славной госпоже Радклиф», Анне Рэдклифф (1764—1823), чьи готические причуды в разнообразных переводах оказали столь сильное влияние на Достоевского, а через него дух этой дамы до сих пор тревожит сон английских, американских и австралийских подростков.

Тема Вечного жида была использована самим Пушкиным в небольшом фрагменте, состоящем из двадцати восьми строк, написанном четырехстопным ямбом в 1826 г. Он начинается со слов: «В еврейской хижине лампада в одном углу бледна горит», которые должны были стать началом поэмы «Странствующий жид» (согласно записи от 19 февраля 1827 г. в дневнике Франтишека Малевски, опубликованного в «Лит. насл.», 1952, т. 58, с. 266)⁹. Обращались к этой теме и Жуковский в «Странствующем жиде» (первоначальный набросок 1831 г. и завершенная скучная поэма 1851—1852 гг.), и Кюхельбекер в своем замечательном «Агасвере», который в 1832 г. замысливался как эпическое произведение (вступление написано 6 апреля 1832 г. в Свеаборгской крепости, Хельсинки), а затем как драматическая мистерия (середина мая 1834 г. в той же Свеаборгской крепости), дописана в своем окончательном виде в 1840—1842 гг. в Акше в Сибири и опубликована (в неполном виде) посмертно в 1878 г. в «Русской старине» (XXI, с. 404—462).

- 10 «*Корсар*» — поэма, написанная высокопарным слогом и состоящая из трех песен, создана Байроном в конце декабря 1813 г. (опубликована в феврале 1814 г.). «Одинокий, неистовый и странный» Конрад, с «надменным видом, отчужденной миной» («solitaire, fagouche et bizarre»* в переводе Пишо 1822 г.), спасает из пламени Гюльнару, царицу гарема (см. мой коммент. к гл. 2, XXXVII, 9).

В черновом наброске критической заметки (1827), посвященной уничижительному разбору поэмы «Корсер» (русское произношение французского *corsaire*) некоего В. Олина, которая представляет собой подражание «Корсару» Байрона, Пушкин замечает, что английские критики байроновской поэмы видели в ее герое не столько отражение характера автора, сколько намек на Наполеона¹⁰. Эта мысль была почерпнута им у того же Пишо: «On a prétendu que lord Byron avait voulu dessiner dans son corsaire quelques traits de Napoléon»** (коммент. Шастопалли в Полн. собр. соч. лорда Байрона / *Oeuvres complètes de Lord Byron*, 1820, vol. 1, p. 81). <...>

- 11 ...*таинственный Сбогар*. — Здесь Пушкин контрабандой протаскивает в собрание небылиц британской музыки небольшой французский роман, написанный в духе Шатобриана. Речь идет о романе Шарля Нодье «Жан Сбогар» (Charles Nodier, «Jean Sbogar», 1818; справки делались по изданию: Paris, 1879). Его героиня —

* «Одинокий, нелюдимый и странный» (*фр.*)

** «Существует мнение, что лорд Байрон хотел изобразить в своем корсаре некоторые черты Наполеона» (*фр.*)

Антония де Монлион, семнадцатилетняя уроженка Бретани (см. также мой коммент. к гл. 2, XXIII, 5—8), очаровательное и болезненное существо, которое гуляло, «*arruée sur sa soeur*»*: разрушение физического состояния от цветущей Юлии через томную и истеричную Валери достигает своего завершения в Антонни. Таинственный Жан Сбогар, молодой далматинец с белокурыми волосами, является вождем разбойничьей шайки — «*Frères du bien commun*»**, что-то вроде коммунистов-любителей, — которая занимается грабежом в безлюдных окрестностях Триеста в Истрии на Адриатике, неподалеку от того места, где гондольеры все еще поют Тассо. Сбогар предстает перед нами в образе призрачного демона, — распевая, он легко перелетает со скалы на скалу, а затем вдруг «*roussant un cri sauvage, douloureux, plaintif, semblable à celui d'une hyène qui a perdu ses petits*»***, что случается не каждый день. Он носит элегантную шляпу с белым плюмажем и короткий плащ; лицо его нежно, а руки изящны и белы. Ему ничего не стоит вдруг переодеться в облачение армянского монаха. Позднее он появляется под довольно распространенным именем Лотарио на приеме в Венеции: в ушах блестят изумрудные серьги, взгляд излучает поток небесного света, а на лбу «*un pli bizarre et tortueux*»****. Он одержим идеей установления имущественного равенства. Но я не отроковица, и тут уж Сбогар перестает тревожить мой сон.

По прошествии двух лет после публикации роман Нодье был отрецензирован (в связи с появлением слабого английского перевода под названием «Джованни Сбогарро») в «The London Magazine» (1820, II, p. 262—268): «Его пронизывает лихорадочное биение всепоглощающей и страстной чувственности. Чахоточный жар, болезненная чувствительность, истома, приступы нездорового воображения... Его отличает мягкая эолийская мелодика, других примеров которой во французском языке мы не знаем. Мистеру Нодье свойственно именно то, что мы понимаем под современным романтическим стилем: он гармоничен, возвышен, величав и удачлив... [«Сбогар»] так же полон чувственности, как и немецкая баллада, а речь героев во многом напоминает манеру изложения мадам де Сталь. Сбогар появляется и исчезает в духе магических входов и выходов героев лорда Байрона, и если не считать его склонности к целомудрию, его можно было бы принять за брата-близнеца Корсара».

- 14 *...безнадежный эгоизм.* — Я сильно склонялся к тому, чтобы использовать в своем переводе близкое по смыслу, но не буквальное выражение «*gloomy vanity*» («мрачное тщеславие»), которое Байрон употребляет в посвящении Мору, предваряющем «Корсара».

XIII

- 11 *.. перескажу...* — Этот же глагол повторяется в первой строке следующей строфы и означает там «расскажу».

- 14 *...старинны.* — Повторяемость этого слова поразительна.

* «Поддерживаемое сестрой» (*фр*)
 ** «Братство общей собственности» (*фр.*)
 *** «Испускает дикий крик, мучительный, жалобный, похожий на крик гиены, потерявшей своих малышей» (*фр*)
 **** «Странная извилистая морщина» (*фр*)

XIV

- 1, 9 *...речи... речи...* — Между этими двумя «речами» есть небольшая разница — первое слово имеет дидактический оттенок, второе — лирический.
- 9—10 *...неги... тоскующей...* (род. пад.) — Эти формулы упоминались в связи с чувствами Татьяны в гл. 3, VII, 10. Интересно отметить, что выражение «неги страстной» (XIV, 9) оказывается перевертышем «страсти нежной», искусство которой Онегин изучал в гл. 1, VIII, 9. «Нега» повторяется и в строфе XV, 8, где она окрашена оттенком чувственности и сладострастия (*tendresse*).

Вариант

- 12 Беловая рукопись предлагает сомнительное «Амалии прекрасной» вместо «любовницы прекрасной»¹¹.

XV

- 2 Симпатия Пушкина к своей героине отражена далее в строфе XXXI, 1—2 и гл. 4, XXIV, 13—14.
- 8 *...негу...* — Значение этого слова варьируется от «сладкого томления» до «опасной эйфории», которая подразумевается здесь (см. также коммент. к VII, 10 и XIV, 9—10).
- 13 *Везде, везде...* — Эта формула, вмещающаяся в две ямбические стопы по-русски, превращается в два неповоротливых дактиля в английском переводе. <...>

XVI

5 <...>

- 8—9 *И в слухе шум, и блеск в очах...* — Хорошо известное явление, типичное для легкого юношеского помешательства.
- 9—10 Ср.: Марвелл, «Дому Апплтона» (Marvell, «Upon Appleton House», опубликовано в 1681 г.), строфа XL:

Но когда бдительный дозор
Звезд обходит полюс

- 11 *Соловей* — распространенная в Европе певчая птица, представитель рода *Luscinia* Старого Света. В брачный период, в основном по ночам, самцы зачастую издают нежные, насыщенные, переливающиеся трели и свист; для бесчисленных поэтов соловей стал таким же символом, как роза.
- 14 *...с няней...* — Этот литературный образ, в котором Пушкину хотелось отразить свою няню, точнее, няню своей сестры, уже возникал в гл. 2, XXIb, 6—14 (см. коммент.) и XXVII, 9. Одухотворенный пассаж в гл. 3, XVIII несколько возвышает ее над той ролью комической поверенной, которая формально ей предназначается. Лицо, которое Пушкин называл «своей старой няней», в действительности оказывается вполне независимым от седой Филатьевны (гл. 3, XXXIII,

б), этот образ обретает собственные стилистические права в гл. 4, XXXV, 3—4 и получает звание «подруги юности».

Русских комментаторов слишком опьяняет идея «простой русской женщины из народа», которая рассказывает старые сказки (увы, почерпнутые из дешевых итальянских брошюр) «нашему народному поэту» (как будто истинный поэт может быть «народным!»), чтобы они удосужились обратить внимание на некоторые забавные детали, имеющие отношение к старой няне Татьяны.

В письме от 9 декабря 1824 г. Пушкин писал из Михайловского Дмитрию Шварцу, служившему чиновником по особым поручениям в Одессе у Воронцова: «Буря кажется успокоилась, осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда и подать вам голос, милый Дмитрий Максимович. Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне — скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы. Но зато нет ни саранчи, ни милордов Уоронцовых*. Уединение мое совершенно — праздность торжественна**. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством***, и то вижу его довольно редко — целый день верхом — вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз ее видели****, она единственная моя подруга — и с нею только мне нескучно».

Это неопровержимо доказывает, что Пушкин в Одессе еще до конца июля 1824 г. читал Шварцу третью главу, по крайней мере до строфы XX. Забавно, что в момент сочинения этих строк он не виделся со старой няней сестры с лета 1819 г. — времени его последнего посещения Михайловского (если, конечно, она тогда была там) — и не знал летом 1824 г., что через месяц с небольшим ему предстоит снова встретиться с ней в роли ключницы (и своей няни)¹².

См. также мой коммент. к гл. 4, XXXV, 3.

XVII

3 Уменьшительное имя появляется в романе впервые после одиннадцати упоминаний полного (Татьяна). Няня разбивает лед отчужденности, обращаясь к девушке как к «Тане» трижды в строфе XVII, один раз в строфе XVIII и один раз в строфе XXXV. С этого момента Пушкин назовет ее «Таней» тридцать три раза, что в сумме для всей поэмы составит тридцать восемь, то есть одну треть от частоты обращений «Татьяна».

3 *Мне скушно...* — Провинциальное произношение Татьяны, заменяющее «ч» на «ш» (несомненно, влияние матушки-москвички), дает Пушкину возможность рифмовать «скушно» с «душно» первой строки.

4 <...>

* Начальным «У» Пушкин подчеркивает английское «W» — звук, использующийся в более или менее устоявшейся немецкой транслитерации фамилии «Воронцов», и тем самым выражает свое презрение к англomanии генерал-губернатора (*Примеч В Н*)

** «Праздность торжественна» — несомненно, подражание какой-то глупости, ошибке иностранца, упоминание которой звучит как понятная и Пушкину, и его корреспонденту шутка, — искаженное «празднество торжественное». (*Примеч В Н*)

*** Осиповы, чье поместье Тригорск, или Тригорское, воспевается в последних строфах «Путешествия Онегина». (*Примеч В Н*)

**** Где? Когда? Возможно, в Москве около 1810 г. маленький Шварц танцевал на детских праздниках с маленькой Ольгой Пушкиной (*Примеч В Н*)¹³

5 <...>

7 <...>

12 <...>

13 <...>

XVIII

1 <...>

5—6 Ср. в переводе у Эльтона:

«But then thy marriage, nurse, how came it?»
«Why, God's plain will it was to frame it»*

Такое *cheville* (многословие) особенно смешно для американского уха.

12—13 *Мне с плачем косу расплели...* — «La tresse de cheveux que portent les jeunes filles est cachée au mariage et ne se montre plus désormais»**, — сообщает Тургенев «Для того, чтобы переплести ее в две косы, когда девушка становится замужней женщиной», — добавляет Сполдинг. И оба правы.

В хорошо известной песне, написанной трехстопным хореем с грубым наклоном*** на слове «мою», содержится та же самая мысль:

Рано мою косыньку
В ленты убирать —
Рано мою русую
На две расплетать

В черновике примечаний, сделанных Пушкиным для издания 1833 г. (ПД, 172), читаем: «Кто-то спрашивал у старухи [крепостной]: По страсти ли, бабушка, вышла ты замуж? — По страсти, родимый, отвечала она. Приказчик и староста обещались меня до полусмерти прибить [когда заставляли ее выйти за крепостного по их выбору]. В старину свадьбы как суды обыкновенно были пристрастны [добавляет Пушкин свой каламбур]».

XIX

1 *И вот ввели в семью чужую...* — Повествовательная тягучая и печальная интонация напоминает здесь: «и так они старели оба» (гл. 2, XXXVI, 1). Это один из лейтмотивов романа.

<...>

* «Но тогда твоя свадьба, няня, как она произошла?» / «Ну, только Божья воля ее создала» (англ.).

** «Косу, которую носит девушка, после замужества прячут и больше никогда не показывают» (фр.).

*** О наклоне см. в наст. изд. Приложение II. «Заметки о просодии».

XX

5—7 ...луна сияла / И томным светом озаряла / Татьяна бледные красы... — Во всех трех изданиях (отдельном издании третьей главы 1827 г. и полных изданиях романа 1833 и 1837 гг.) стоит эпитет «темным» (тв. пад.). Современные издатели считают это опечаткой и читают слово как «томным» (один из устоявшихся эпитетов луны) или восстанавливают «полным» по беловым рукописям (полный автограф хранится в ПБ, а автограф строф XVII—XX, 1—12 — в ПД). Черновик утерян (см. коммент. к варианту строфы VI). Эпитет «томным» появляется и в корректуре «Звездочки» на 1826 г. (альманаха, который не удалось выпустить Бестужеву и Рылееву из-за ареста в декабре 1825 г.*), и в «Северных цветах» Дельвинга на 1827 г., которые вышли в свет около 25 марта; впрочем, вполне возможно, что это было опечаткой или чьим-то благонамеренным исправлением. Претенциозное представление о том, что лунный свет мог быть темнее бледной красы Татьяны, вполне согласуется с общим духом стилизации, пронизывающим эту главу¹⁴.

С другой стороны, эпитет «томный» по отношению к луне имеет свои аналоги в таких образцах английской поэзии, как «Весна» Томсона, стих 1038: «Под томным трепетом ее лучей» — и «Канун святой Агнессы» Кнтса (1820), стих 127: «И слабый смех ее раздался под истомленной луной».

12 ...в длинной телогрейке... — Сполдинг в примечании на с. 265 сообщает, что такое одеяние называется по-французски «*chaufferette de l'âme*»; но это буквальный перевод русской «душегрейки», которая, в свою очередь, синонимична «телогрейке».

Американские и западноевропейские читатели скорее всего представляют себе стеганый жакет домохозяйки в духе живописи голландской школы, нежели просторную теплую кофту, характерную для некоторых областей России.

Та разновидность, которую имеет здесь в виду Пушкин, вероятно, называется шушуном; это кофта, подбитая чем-нибудь теплым (см. мой коммент. к гл. 4, XXXV, 3—4).

13—14 И все дремало в тишине / При вдохновительной луне. — Не могу избавиться от ощущения подражательности этих строк. В последней строке прилагательное «вдохновительная» хотя в определенном смысле и не ново, звучит как-то странно искусственно. Я предполагаю, что Пушкин вспомнил комплимент, отпущенный любимым им критиком нелюбимому им стихотворцу, и воспроизвел по-русски французский эпитет, считавшийся смелым по меркам эпохи «хорошего вкуса» и «здорового смысла». В одном из своих произведений, «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (J. de Staël, «*De la Littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales*», 3 edn., 1818, vol. 2, pt. II, ch. 7, p. 246), когда-то очень популярном, а теперь безнадежно устаревшем, мадам де Сталь замечает: «*Delille, dans son poëme de l'Homme des Champs, s'est servi d'un mot nouveau, inspiratrice*»**. Она имеет в виду пассаж из первой песни

* Это издание должно было продолжиться в сокращенном виде их ежегодник «Полярная звезда» (1823—1825) (Примеч. В. Н.)

** «Делиль в своей поэме о сельском жителе воспользовался новым словом — вдохновительница» (фр.).

смертельно скучной поэмы Делиля в четырех песнях «Сельский житель» («L'Homme des champs», 1800):

Que dis-je? autour de lui tandis que tout sommeille,
La lampe inspiratrice éclaire encor sa veille*

Беловая рукопись в ПБ содержит отвергнутый вариант:

И все молчало, при луие
Лишь кот мяукал на окне

В корректуре «Звездочки» и в отдельном издании третьей главы (около 10 октября 1827 г.) эти строки звучат следующим образом:

И все дышало в тишине
При вдохновительной луне

В письме от 23 апреля 1825 г. наш поэт пишет из Михайловского брату в Петербург: «Ты, голубчик, не находишь толку в моей луне — что ж делать, а напечатай уж так». Распоряжение, вероятно, относится к передаче строф XVII—XX Бестужеву и Рылееву, которые платили по пять рублей за строчку этого «Ночного разговора Татьяны с няней».

XXI

1—2 *И сердцем далеко носилась / Татьяна, смотря на луну...* — Деепричастие «смóтря» вместо «смотрим», с ударением на первом слоге, звучало как проявление режущей слух провинциальности

3—8 Я привожу весь отрывок:

Вдруг мысль в уме ее родилась
«Поди, оставь меня одну
Дай, няня, мне перо, бумагу,
Да стол подвинь, я скоро лягу,
Прости» И вот она одна
Все тихо Светит ей луна

Это самый длинный пассаж последовательных, лишенных скада строк в ЕО, за исключением схожей череды из шести связанных между собой стихов, передающих робкую элегию Ленского в гл. 6, XXI, 4—9. Короткий и прямолинейный монолог Татьяны с его умышленной безэмоциональностью следует сразу после блистательного пассажа, состоящего из восемнадцати энергичных строк со скадом.

9—14 Прелестно то, что образ Онегина, которым очарована Татьяна, не совсем совпадает с реальным Евгением. Татьяна видит себя романтической героиней, пишущей к вымышленному герою с лицом Евгения; однако по мере написания этого безрассудного послания оба образа, вымышленный и реальный, сливаются. Письмо закончено; оно писалось автоматически, в трансе, и теперь, когда реальность снова возвращается, Татьяна осознает, что оно адресовано реальной Татьяной реальному Евгению.

* Но что я говорю? Вокруг него, покуда дремлет все, / Вдохновительница-лампа освещает его бдение (фр.)

XXIa

Следующая строфа отвергнута в белой рукописи:

- Теперь мне должно б на досуге
Мою Татьяну оправдать —
Ревивый критик в модном круге
4 Предвижу, будет рассуждать,
Ужели не могли зарае
Внушить задумчивой Татьяне
Приличий коренных устав
8 Да и в другом поэт не прав
Ужель влюбиться с первой встречи
Она в Онегина могла
И чем увлечена была
12 Какой в нем ум, какие речи
Ее пленить успели вдруг —
Постой, поспорю я, мой друг

XXII

10 *Оставь надежду навсегда* — Данте Алигьери, «Ад», песнь III, стих 9: «Забудь надежду, всяк сюда входящий».

Внимания исследователей избежал *double entente** слова «скромный» в неоднозначном 20-м примечании Пушкина, которое вследствие этого разделило судьбу моряцкого ругательства, почерпнутого, вероятно, Джейн Остин у Чарльза Остина и необдуманно вложенного ею в уста мисс Кроуфорд в «Мэнсфилд-парке» (т. 1, гл. 6), и отвратительного каламбура, занимающего целую строку в последней строфе гораздо менее невинного «Бенпо» лорда Байрона.

В «Максимах и мыслях» Шамфора (в «Сочинениях», собранных его друзьями [Paris, 1796], IV, 43) я нашел следующее высказывание: «*Je mettrais volontiers sur la porte du Paradis le vers que le Dante a mis sur celle de l'Enfer*»**.

XXIII

Сноска в белой рукописи:

E'l viso di pietosi color farsi,
Non so se vero o falso. mi pareo

Petr[arca]***

Это начало второго четверостишия XIX сонета из «*Rime di Francesco Petrarca in vita di Laura*»****; издание Генри Бона (London, 1859) предлагает три «пе-

* Двойкий смысл (*фр*)

** «Я бы охотно водрузил над воротами рая тот стих, который Данте поместил над дверью ада» (*фр*)

*** И мне показалось, не знаю, правда или нет, / Что лицо покрылось краской нежности / Петр[арка] (*итал*)

**** «Стихи Франческо Петрарки на жизнь мадонны Лауры» (*итал*).

ревода», свидетельствующих о том, что Петрарке повезло не больше, чем Пушкину. <...>

- 1 Среди поклонников послушных... — Очень слабая строчка. Поэт видит причудниц следующей строки окруженными послушным поклонением. Слово «похвал» (мн. ч., род. пад.), завершающее четвертую строку и столь часто встречающееся в *ЕО* (ибо оно легко рифмуется), соответствует французскому *éloges*, которое, судя по его использованию в качестве модного клише английскими писателями того времени, не имеет абсолютно точного аналога в английском.

10 <...>

- 11 ...нежней... — так дано в предыдущих изданиях. Вариант «важней» 1827 г. — опечатка.

XXIIIa

Следующая строфа отвергнута в белой рукописи:

Но вы, кокетки записиые,
Я вас люблю — хоть это грех
Улыбки, ласки заказиые
4 Вы расточаете для всех
Ко всем стремите взор приятный
Кому слова невероятны
Того уверит поцалуй
8 Кто хочет — волеи торжествуй
Я прежде сам бывал доволеи
Единым взором ваших глаз
Теперь лишь уважаю вас
10 Но хладиой опытиостью болеи
И сам готов я вам помочь
Но ем за двух и сплю всю иочь

Если не считать обаятельного французского оборота в стихах 6—7, вся строфа есть не более чем набор банальностей, и Пушкин отверг ее совершенно справедливо. Гораздо позднее, работая над седьмой главой, он, похоже, собирался перенести эту строфу в «Альбом Онегина» (см. коммент. к гл. 7, следующий за вариантами XXI—XXII строф, «Альбом Онегина», X), но затем отказался и от самого «Альбома».

XXV

Согласно Томашевскому (Акад. 1937, с. 310), черновик этой строфы (2370, л. 12) был написан теми же чернилами, что и «Разговор книгопродавца с поэтом», черновик которого, датированный 26 сентября 1824 г., расположен рядом. Томашевский относит написание этой строфы к той же дате, из чего следует, что она была создана почти три месяца спустя после завершения строф I—XXIV и XXVI—XXIX.

Если не считать возможного желания теснее соединить «нежную Татьяну» с «нежным Парни», чтобы стилистически оправдать в противном случае к делу

не относящиеся стихи 13—14 строфы XXIX, я бы предположил, что Пушкин был косвенно спровоцирован на это озорное подражание знакомством с произведением Ф. Булгарина «Литературные призраки» в обозрении «Литературные листки»*, 1824 (не ранее 27 августа), ч. III, № XVI, где встречается фраза (вложенная в уста некоего Талантина, в котором легко распознается друг Булгарина Грибоедов): «Подражание Парни и Ламартину [со стороны русских поэтов]... есть диплом на безвкусию».

1—6 У Эвариста Парни («нежного Парни», как называет его Пушкин в гл. 3, XXIX, 13) во второй пьеске («Рука» / «La Main») его «Картин» («Tableaux») есть следующие строки (стихи 5—12):

On ne dit point «La résistance
Enflamme et fixe les désirs,
Reculons l'instant des plaisirs
Que suit trop souvent l'inconstance»
Ainsi parle un amour trompeur
Et la coquette ainsi raisonne
La tendre amante s'abandonne
A l'objet qui toucha son coeur**

Говоря о своей откровенной и нежной Татьяне Лариной, Пушкин во многом подражает Парни (гл. 3, XXV, 1—6):

Кокетка судит хладиокровию,
Татьяна любит не шутя
И предается безусловно
Любви, как милое дитя
Не говорит она отложим —
Любви мы цену тем умножим

<...>

XXVa, XXVb

Строфа XXV не представлена в белой рукописи (несомненно, написанной до сентября 1824 г.), где мы обнаруживаем две другие отвергнутые строфы, объединенные красноречивым переносом.

XXVa

А вы, которые любили
Без позволения родных
И сердце иежное хранили
4 Для впечатлении молодых
Тоски, надежд <и> неги сладкои

* Приложение (1823—1824) к его «Северному архиву», 1822—1828, слившемуся в 1829-м с «Сыном Отечества» (Примеч В Н)

** Не надо вовсе говорить: «Сопротивление / Разжигает и укрепляет желания, / Отдалим миг наслаждения, / Который слишком часто чреват непостоянством» / Так говорит обманщица-любовь, / Так рассуждает и кокетка / А нежная любовница всецело отдается / Тому, кто тронет ее сердце (фр)

- Быть может <если> вам украдкой
Случалось тайную печать
8 С письма любовного срывать
Иль робко в дерзостные руки
Заветный локои отдавать
Иль даже молча позволять
12 В миинуту горькую разлуки
Дрожащий поцалуй любви
В слезах, с волиеином в крови

XXVb

- Не осуждайте безусловно
Татьяны ветреиой моей,
Не повторяйте хладнокровно
4 Решенья чопорных судей —
А вы, о *Девы без упрека*,
Которых даже тень порока
8 Страшит сегодня как змия
Советую вам то же я
Кто знает? пламениой тоскою
Сгорите может быть и вы
12 А завтра легкой суд Молвы
Припишет модиому Герою
Победы иовой торжество
Любви вас ищет божество

Обратите внимание на одинаковую рифму, образованную теми же словами («безусловно», «хладнокровно») в XXVb, 1 и 3 и строфе XXV, 1 и 3. Пушкин совершенно справедливо отказался от XXVa и XXVb и заменил обе строфы очаровательным парафразом Парни (добавленным в Михайловском, вероятно, 26 сентября 1824 г.). Не поручусь, что не переусердствовал в стремлении к точности, везде переводя «порок» словом «vice» в отличие от «греха» — «sin». «Порок» представляет собой легкое для рифмовки слово, и похоже, здесь (XXVb, 6), как и в других местах, оно является почти синонимом «греха». Судя по исправленному варианту, выражение «Девы без упрека» (XXVb, 5) выделено Пушкиным курсивом. Это расхожий галлицизм «*vierge sans reproche*»*, образованный из выражения «*chevalier sans peur et sans reproche*»**.

XXVI

- 5 *Она по-русски плохо знала...* — В тексте нет перехода от четверостишия к первому двустишию, как нет его и от стиха 8 к стиху 9.
7 *...выражалася...*; 12 *...изъяснялася...* — В русском языке существует два глагола, передающие значение англ. *to express*. Смысл первого буквально — «облекать

* «Дева без упрека» (*фр*).

** «Рыцарь без страха и упрека» (*фр*).

свои мысли в слова», второго — «доводить до собеседника смысл собственных слов». Ср. с фр. *s'exprimer* и *s'expliquer**.

XXVIa, XXVIb

Следующие две строфы были отвергнуты в белой рукописи, но восьмистишия обеих позднее использовались с незначительными изменениями (XXVIb, 1 и 3) для шестнадцатистрочной строфы из «Альбома Онегина» (строфа VII; см. коммент. к гл. 7, следующий за вариантами строф XXI—XXII), который в конце концов был также отвергнут.

XXVIa

Сокровищем родного слова
(Заметят важные умы)
Для лепетания чужого
4 Безумно пренебрегли мы
Мы любим Муз чужих игрушки
Чужих наречий погремушки
А не читаем книг своих
8 Но где ж они? давайте их
Конечно северные звуки
Ласкают мой привычный слух,
Их любит мой славянский дух
12 Их Музыкой сердечны муки
Усыплены .. но дорожит
Одними звуками Пиит

XXVIb

Но где ж мы первые познания
И мысли первые нашли,
Где применяем испытанья,
4 Где узнаем судьбу земли —
Не в переводах одичалых
Не в сочинениях запоздалых
Где *русской* Ум да *русской* дух
8 Зады твердит и лжет за двух
Поэты наши переводят
А прозы <нет> Одни журнал
Исполнен приторных похвал,
12 Тот брали плоской Все наводят
Зевоту скуки — хоть не сон
Хорош Российской Геликон!

Довольно бессмысленное «применяем» в XXVIb, 3 заменено в «Альбоме» на «поверяем». По странному капризу буквального толкования, фраза «Где при-

* «Выражаться» и «объясняться» (фр)

меняем испытанья», если подходить к ней некритически, означает: «Там, где мы проводим опыты», что не имеет здесь никакого смысла. Если «поверяем» в «Альбоме» означает «проверяем», а не «сообщаем по секрету», тогда «испытанья» надо понимать не как «опыты», а скорее как «превратности, испытания судьбы», имея в виду нашу судьбу, *nos epreuves**, тяжелые испытания нашей истории, увиденные сквозь призму истории зарубежных стран или глазами историков-чужеземцев. (См. также мой коммент. к гл. 3, XXIX, 6 о галлицизмах.)

XXVII

- 4 С «Благонамеренным» в руках¹ — «Благонамеренный» — журнал, выходивший сначала ежемесячно, затем еженедельно (1818—1827), издавался Александром Измайловым (1799—1831), автором «Басен» (1826), который однажды, в связи с задержкой выпуска номера на масляной неделе в 1820 г., объяснял в стихах, что он

Как русский человек, на праздниках гулял,
Забыл жеиу, детей, не только, что журиал

В частной переписке Пушкина с друзьями стих 4 был непристойно искажен («благонамеренный в смысле фалла»). (Шутку эту пустил Вяземский в письме Пушкину от 26 июля 1828 г.) Следует также заметить, что в 1822 г. «Благонамеренный» (№ 38) в стихотворении «Союз поэтов» обрушился с критикой на друзей Пушкина — Баратынского и Дельвига.

Ср. послание Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» (1823), написанное ста пятьюдесятью александрийскими стихами, стихи 115—116:

Тобой предупрежден листов твоих читатель,
Что любит подгулять любезный их издатель

- 5 ...на вас... — В издании 1837 г. очевидная опечатка — «на нас».
- 6, 12 Наш поэт слишком часто пользуется эпитетом «милый» и образованным от него наречием «милло». Фр. *gentil, gentiment*

XXVIII

- 3 С семинаристом (тв. пад.) в желтой шале... — Неверное окончание предложного падежа. Следует — «шали», если только Пушкин не образовал его от слова «шаля», а не «шаль». Слово это, заимствованное из персидского, пришло в Россию из Германии через Францию, где в начале XIX в. оно писалось «schall».

Остается гадать, умышленно ли ввел Пушкин этот солецизм для подтверждения смысла стиха 6.

«Шале» рифмуется с «на бале» (стих 1) — архаическая форма предложного падежа (современная — «на балу»).

* Наши испытания (фр).

«Семинарист» — молодой богослов, учащийся семинарии (духовного учебного заведения).

Варианты

- 2 Отвергнутая беловая рукопись:

Иль у Шишкова на крыльце

О Шишкове см. мой коммент. к гл. 8, XIV, 13.

- 3 В беловой рукописи шаль «красная».

XXIX

Эта строфа написана 22 мая 1824 г. в Одессе. Именно здесь начата тетрадь 2370 (см. коммент., следующий за вариантом строфы VI), и первый ее лист содержит черновик письма Казначееву, директору канцелярии Воронцова (см. коммент. к гл. 1, LIX, 6—8).

- 2 ...выговор речей... (мн. ч., род. пад.) — скорее способ произнесения слов, чем произношение; манера говорить, но не акцент, хотя смысл обоих русских слов («выговор» и «произношение») часто смешивается. <...> Глагол «производить» в стихе 4 — галлицизм «produire».

В статье «Мои замечания об русском театре» Пушкин, говоря о молодой русской актрисе Колосовой, перечисляет ее различные достоинства — прекрасные глаза, прекрасные зубы и «нежный недостаток в выговоре». И далее он советует ей как-нибудь исправить парижский выговор буквы «р» (фр. *grasseye-ment*), «очень приятный в комнате, но неприличный на трагической сцене».

- 6 .. галлицизмы... — В декабре 1823 г. Бестужев (в написанном совместно с Рылевым обзрении в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г., с. 1—14) утверждал, что «совершенное оцепенение словесности», наблюдавшееся в 1823 г., вызвано «затаившейся страстью к галлицизмам», вырвавшейся наружу и захватившей всех вокруг с конца войны (1812—1814). Цявловский (ПСС, 1936, т. 5, с. 630) сравнивает гл. 3, XXVIa (и гл. 7: «Альбом», VII; см. коммент. к гл. 7, следующий за вариантами строк XXI—XXII) с черновым наброском замечаний 1825 г., в котором Пушкин высказывает свое мнение по поводу нападок Бестужева на французские влияния: «Где наши Аддиссоны, Лагарпы, Шлегели, Sismondî? что мы разобрали? чьи литературные мнения сделались народными, на чьи критики можем мы сослаться, опереться?»

А в письме к Вяземскому (13 июля 1825 г.) Пушкин пишет: «Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай Бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка прозы, т. е. языка мыслей)».

Рядом с этой и следующими двумя строками Пушкин набросал рисунок, описанный мною в коммент. к гл. 1, LIX, 6—8.

- 8 ...Богдановича стихи. — Ипполит Богданович, незначительный поэт, автор «Душеньки» (см. мой коммент. к гл. 1, XXXIII, 3—4) и переводов из Вольтера и

других французских писателей того времени. В пушкинской поэме «Руслан и Людмила» (1820) ощутимо его определенное влияние.

11 *ей-ей* — основывается на Евангелии от Матфея, V, 37¹⁵. Русский эвфемизм, заменяющий выражение «ей-Богу», то есть «клянусь Богом». Следует, однако, отметить, что русские выражения «ей-Богу», «Боже мой», «Господи!» и т. д., появившиеся в изящной словесности под влиянием французского «mon Dieu», не обладают тем мирским колоритом, какой присущ их точным английским эквивалентам. Таким образом, «Господи!» или «Боже» означает не «God!», но «Good God!» («Боже милосердный!»).

13 *...нежного Парни...* — Эварист Дезире Дефорж, шевалье де Парни (1753—1814). Слова «tendre» («нежный») и «tendresse» («нежность») встречаются в элегиях и идиллиях Парни чаще, чем у любого другого французского поэта того времени. См., например, «Клятвы» в «Эротических стихотворениях» («Les Serments» in «Poésies érotiques», 1778, bk. III), стихи 16—20:

Viens donc, ô ma belle maîtresse,
Perdre tes soupçons dans mes bras,
Viens t'assurer de ma tendresse,
Et du pouvoir de tes appas
Aïmons, ma chère Eléonore ..*

Откровенные модуляции ямба в строках 18—20 должны услаждать как русское, так и английское ухо.

14 В последних строках «Ответа молодому поэту» («Réponse à un jeune poète»), впервые опубликованного в 1809 г. («Mercure», vol. XXXVI), Парни говорит об угасании собственной славы:

Pour cette France repétrie
L'élégance est afféterie,
La délicatesse est fadeur,
Et mes vers une rêverie
Sans espérance et sans lecteur**

Вариант

9—13 Черновик (2370, л. 2):

Одиакo полиo — мие свобoда
Вoспoмиинать o том, o сем
В очарoвaини свoем,
Но oжидает пере<во>да
Письмo <Татьяны> <мoлoдoй>

После черновика этой строфы следует гл. 1, XXXIII.

* Приди же, моя прекрасная возлюбленная, / В моих объятьях оставь свои подозрения; / Приди, и ты убедишься в моей нежности и власти твоих чар. / Давай любить друг друга, дорогая Элеонора. . (Фр.)

** В этой Франции, где все перемешалось, / Изящество кажется жеманством, / Тонкость — безвкусицей, / А мои стихи — безнадежными бреднями, / Которые не находят себе читателя (фр.).

ХХХ

1 *Певец Пиров...* — Если в иерархии таланта существует переходная ступень между поэзией значительной и незначительной, то Евгений Баратынский (1800—1844) занимает как раз это промежуточное положение. Его элегии идеально настроены на тот самый лад, где томление сердца и пронзительность мысли соединяются, приуготовляя рождение музыки; но тут, словно угаснув за бесшумно прикрытой где-то вдалеке дверью, стих перестает пульсировать (хотя слова его все еще могут звучать) в тот самый момент, когда мы готовы отдаться ему. Он хотел выразить глубокие и сложные вещи, но в полной мере ему никогда не удавалось это сделать. Пушкин относился к нему с нежностью и серьезным уважением, — тональность этого чувства уникальна в анналах литературных симпатий великого поэта

В начале 1816 г. Баратынский был изгнан из Пажеского корпуса (военной школы для молодого дворянства): вместе со своим приятелем Ханыковым он украл из бюро дяди последнего ценную табакерку и пятьсот рублей денег. Проведя три года в деревне, в 1819-м Баратынский вернулся в Петербург¹⁶ (где познакомился с Пушкиным), а затем, начав с рядового, служил в Финляндии в 1820—1824 гг. Попытки советских комментаторов сравнить его судьбу с участью Пушкина в терминах политического мученичества по меньшей мере смешны.

Поэма Баратынского «Пирь» (написанная в 1820 г.) представляет собой посредственную элегию, во многом созданную под влиянием французской поэзии изящного и банального XVIII в. В первом издании (1821) она состоит из 268 стихов, написанных четырехстопным ямбом со свободной схемой рифмовки. Баратынский в мрачной Финляндии, где был расквартирован его полк, ностальгически вспоминает дружеские пирушки 1819 г. с собратьями-поэтами в веселом Петербурге. В посвящении гл. 4 и 5 *ЕО* (впервые опубликованном в феврале 1828 г. и адресованном Плетневу) Пушкин подражает стихам 252—253 «Пиров», которые одно время он даже собирался сделать эпиграфом к первой или четвертой главе, что превратило бы подражание в комплиментарную ссылку. Он использовал другой стих (52) «Пиров» в качестве эпиграфа к «московской» седьмой главе (1827—1828, опубликована в 1830) и косвенно упомянул стихи 129—139 в гл. 4, *XLV* (см. коммент. к гл. 4, *XLV*, 1, 7).

Пушкин — тот, каким он был в 1819 г., — описывается Баратынским в поэме (стихи 210—213) как:

Очаровательный певец
Любви, свободы и забавы,
Ты, П<ушки>, ветреиный мудрец,
Наперсиик шалости и славы

В переработанном издании «Пиров» (1826), вышедшем в свет вместе с поэмой Баратынского «Эда», о Пушкине говорится:

Ты, П<ушки>и иаш, кому даю
Петь и героев, и вию,
И страсти молодости пылкой,
Дано с проказливым умом
Быть сердца чудным знатоком
И, что по-моему не малость,
Быть прелюбезным за столом!

В окончательной редакции 1835 г. «чудным» заменено на «верным», а следующие две строки сплавлены в одну:

И лучшим гостем за бутылкой

Баратынскому не нравился *ЕО*, и в письме от 1832 г. он отзывается о романе как о блистательном, но юношеском подражании Байрону.

Предваряя посылаемый Прасковье Осиповой, находившейся тогда в Твери, экземпляр «Пиров» и «Эды» (опубликованных 1 февраля 1826 г.) 20 февраля 1826 г. из Михайловского, Пушкин доброжелательно отзывался об «Эде», «финляндской повести», как о «*chef-d'oeuvre de grâce, d'élégance et de sentiment*»*. Эта на редкость неуклюжая и банальная поэма, состоящая из 683 стихов четырехстопного ямба со свободной схемой рифмовки, была начата в 1824 г., опубликована в 1826-м и переработана в 1835-м. Финская девушка Эда, соблазненная русским гусаром Владимиром, по несчастному совпадению (стихи 63—69) внешне мало чем отличается от Ольги Владимира Ленского (*ЕО*, гл. 2, XXIII, 5—8):

Румянец нежный на щеках,
Летучий стан, власы златые
В небрежных кольцах по плечам
И очи бледно-голубые
Подобно финским небесам
Готовиость к чувству в сердце чистом, —
Вот Эда вам!

(В окончательном тексте 1835 г. последнее восклицание убрано.)

Поцелуй Эды и Владимира описывается как «влажный пламень» (стих 159), заимствованный, как я заметил, из «Обеда» Шарля Мильвуа (Ch. Millevoye, «Le Déjeuner»):

Un long baiser, le baiser du départ
Vient m'embraser de son humide flamme**

I ...*томной*... — Излюбленный эпитет Пушкина и его школы — «томная глава», «томные глаза», «томный взор», что в основном соответствует аналогичному понятию у французских и английских писателей-сентименталистов; но в силу своей созвучности с прилагательным «темный» и благодаря по-итальянски насыщенному звучанию русский эпитет по своей мрачной торжественности превосходит английский «*languorous*» и не обладает ироничностью последнего. Следует отметить, что состояние и ощущение «неги» близко по значению более наигранному и, как правило, менее приятному состоянию «томности». То, что это состояние, хотя зачастую и окрашенное лирическими чувствами, по сути своей неприятно, подтверждается еще одним словом — «томление», передающим болезненное ощущение пустоты, томительную пресыщенность (гл. 3, VII, 12). Глагол «томить» образует возвратную форму «томиться», то есть «тосковать». Прилагательное «томный» встает в один ряд с синонимами определения «вялый».

* «Шедевр грации, изящества и чувства» (*фр.*)

** Долгий поцелуй, поцелуй расставанья / Зажег меня своим влажным пламенем (*фр.*)

12—13 Именно в Финляндии Баратынский написал свое первое стихотворение, открывшее для проницательного читателя его талант. Речь идет о «Финляндии», впервые опубликованной в 1820 г. в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Вот начало этой элегии в духе Оссиана, состоящей из 72 ямбических стихов со свободной схемой рифмовки:

В свои расселины вы приняли певца,
Граиниты финские, граиниты вековые .

и завершение:

Златые призраки, златые свиденья,
Желанья пылкие, слетитесь толпой!
Пусть жадио буду пить обманутой душой
Из чаши юности волшебство заблуденья!

Что нужды до былых иль будущих племен?
Я не для них брегичу незвонкими струями
Я, невнимаемый, доволью награжден
За звуки звуками, а за мечты мечтами

14 *...горя...* — Речь идет не о горе разлуки, но о прискорбной необходимости, на которую Пушкин обрекает самого себя, перевести русским стихом воображаемое послание на французском.

XXXI

1 *Письмо Татьяны предо мною...* — Его появление в руках Пушкина, выступающего в качестве персонажа романа, может быть, в частности, объяснено тем, что оно было переписано для него Онегиным в Одессе, где в 1823—1824 гг. они предавались воспоминаниям о своих прошлых увлечениях, скрашивавших их прогулки по берегам Невы в 1820-м (см. «Путешествие Онегина», коммент. к гл. 8, рукопись, XXX)

По ходу романа Пушкин приводит образчики сочинений всех троих главных персонажей: письмо Татьяны, последнюю элегию Ленского и письмо Онегина.

2 *Его я свято берегу...* — В переводе этого места на английский мне помогло французское выражение «je la conserve religieusement».

5—6 *Кто ей внушал и эту нежность, / И слов любезную небрежность?* — Ответ: Парни. См., например, его выражение в стихотворении «Следующий день» («Le Lendemain» in «Poésies érotiques», bk. I):

Et ton âme plus attendrie
S'abandonne nonchalamment
Au délicieux sentiment
D'une douce mélancolie, —

что буквально переводится на язык русского романтика: «и умиленная душа предается небрежно сладостному чувству грусти нежной»

6 *...любезную небрежность..* — Галлицизм, *aimable abandon*

7 *...взор ..* — В издании 1837 г. допущена опечатка: «взор».

- 13 .. *Фрейшиц*. — Ссылка на увертюру «Вольного стрелка» (нем. «Der Freischütz», фр. «Le Franc Archer», «Седьмая пуля» или «Волшебный стрелок»), романтической оперы Карла Марии фон Вебера (1786—1826), впервые поставленной в Берлине 18 июня 1821 г., в Париже — 7 декабря 1824 г. (под названием «Robin des Bois»).

Лесной дух дает стрелку волшебные пули. Негодяй Каспар продается этому духу. И стрелок, и Каспар влюблены в Агату, дочь старшего лесничего богемского князя. Во втором акте Агата, пребывая в грустном настроении, открывает окно, и лунный свет наполняет комнату. В «Оперном справочнике» Джорджа П. Аптона и Феликса Боровского (George P. Upton, Felix Bogowski, «Opera Guide», New York, 1928) говорится, что чарующая музыка «Волчьей долины» непревзойденна по своей загадочности и таинственности. Отправившийся в эту долину по наущению Каспара Макс, нареченный Агаты, сталкивается там с призраками, скелетами и фантастическими животными.

Вяземский писал А. Тургеневу из Москвы в Петербург (24 марта 1824 г.): «Пришли моей жене все, что существует в переложении для фортепиано из оперы „Der Freischütz“: вальсы, марши, увертюры и прочее». Четвертого апреля Тургенев отвечает, что попробует раздобыть ноты. Десятого апреля Вяземский пишет, что они появились и в Москве¹⁷.

Биограф, небезразличный к истории амурных увлечений, легко вообразит княгиню Вяземскую и графиню Воронцову этак числа 10 июня 1824 г. в Одессе, разучивающими эту увертюру в присутствии Пушкина, который питал *amitié amoureuse** к первой и был страстно влюблен во вторую. В это же время все трое бросали вызов волнующемуся прибою на морском берегу в Одессе — незначительный эпизод, который мог заставить нашего поэта вернуться к теме «Тавриды» (см. коммент. к гл. 1, XXXIII).

Вариант

- 13 Черновик (2370, л. 4 об) вместо «Фрейшиц» дает «Моцарт иль Диц».

Вольфганг Амадей Моцарт (1756—1791) — австрийский композитор. Фердинанд Диц (1742—1798) давал уроки игры на скрипке царю Александру и написал музыку к песне на слова И. Дмитриева «Стонет сизый голубочек», которая пользовалась невероятной популярностью в то время.

Письмо Татьяны к Онегину

79 строк, написанных четырехстопным ямбом со свободной схемой рифмовки: *ababaceffeggiññjojo, babaacees, ababeceddifoofogoog; aabeeññoco, babaceeciddi, baba*. (Разбивка на строфы необязательна; одни и те же буквы в данных шести частях не свидетельствуют об одинаковости рифм; обычно в русских изданиях письмо Татьяны разделяется на части после стихов 21, 30 и 75)

Предполагается, что Татьяна писала свое письмо на французском; и действительно, его гораздо проще перевести традиционной французской прозой, чем английскими ямбами. Я сверялся с четырьмя французскими прозаическими переводами:

* Дружба-любовь (фр).

«Eugène Onéguine» А. Дюпона в «Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine» («Избр. соч. А. С. Пушкина»), vol. 1 (St. Petersburg; Paris, 1847);

«Onéguine», опубликованный Иваном Тургеневым и Луи Виардо в парижском «Revue nationale» («Национальное обозрение»), XII и XIII, 48—51 (1863) письмо Татьяны в XIII, 49 (10 мая 1863 г.);

«Lettre de Tatiana à Onéguine» во фрагментах «Евгения Онегина» в «Oeuvres choisies» («Избр. соч.»), переведенном Андре Лиронделлем (Paris, 1926);

и так же озаглавленный отрывок в «Anthologie de la poesie russe» («Антология русской поэзии») Жака Давида (Paris, 1946).

Из этих четырех переводов наилучший принадлежит Лиронделлю, более тяжеловесный вариант Тургенева — Виардо стоит на втором месте. Оба точны. Версия Дюпона местами точно передает французские идиомы пушкинского времени, но одновременно содержит целый ряд грубых ошибок (так, стих 16 «думать об одном» переведен «penser à un homme unique»*, хотя в оригинале речь идет о предмете, а не о человеке), к тому же она весьма вульгарна. Однако гораздо вульгарнее перевод Давида, который щеголяет такими дешевыми неточностями, как «de faire en un seul rêve tous les rêves»** (стих 16), «et le ciel m'a faite pour toi»*** (стих 34), «considère... que me taire c'est mourir»**** (стихи 68—71).

В приведенном ниже буквальном французском переводе письма Татьяны, которое, повторяю, прекрасно укладывается в банальный французский, я отметил заимствованные строки Дюпона — [Дю], Тургенева — Виардо — [ТВ], Лиронделля [Л] и Давида — [Да]. Строки, лишённые инициалов, являются моим собственным вкладом.

- Je vous écris — en faut-il plus? [Л]
Que pourrais-je dire encore? [Да+Дю]
Maintenant, je le sais, il est en votre pouvoir [ТВ]
4 de me punir par le mépris [Л]
Mais si vous gardez [Да]
une goutte de pitié pour mon malheureux sort [ТВ]
vous ne m'abandonnez pas. [Дю]
8 Je voulais d'abord me taire [Дю]
Croyez-moi jamais vous n'auriez [Дю]
connu ma honte [Дю]
si j'avais eu l'espoir [Л]
12 — ne fut-ce que rarement, ne fut-ce qu'une fois par semaine — [ТВ]
de vous voir dans notre campagne, [Дю]
rien que pour entendre vos propos, [Л]
vous dire un mot et puis [Л]
16 penser, penser à une seule chose
jour et nuit, jusqu'au revoir [Л]
Mais, dit-on, vous fuyez le monde [Дю]
dans ce coin perdu de la campagne tout vous ennue [Да+Дю]
20 et nous ne brillons par rien [ТВ]
bien que nous soyons naïvement heureux de vous voir. [ТВ]

* «Думать о единственном человеке» (фр.).

** «В одной-единственной мечте полагать все мечты» (фр.).

*** «И небо меня для тебя создало» (фр.).

**** «Считаю .. что для меня молчанье — смерть» (фр.).

- Pourquoi être venu chez nous? [Л]
Au fond d'une campagne ignorée,
24 je ne vous aurais jamais connu, [ТВ]
je n'aurais pas connu ces amers tourments [ТВ]
Ayant avec le temps — qui sait — calmé [Л]
l'émoi d'une âme novice, [Л+Дю]
- 28 j'aurais trouvé un ami selon mon coeur [Дю+Да]
et j'aurais été fidèle épouse [Л]
ainsi que mère vertueuse [Л]
Un autre! Non, à nul autre au monde [ТВ]
- 32 je n'aurais donné mon coeur! [ТВ]
C'est ainsi qu'en a décidé le conseil d'en-haut, [Л]
c'est la volonté du ciel je suis à toi [Дю, ТВ]
Ma vie entière fut le gage [Л]
- 36 de notre rencontre certaine, [Л]
Dieu t'envoie à moi, je le sais, [Л]
tu seras mon gardien jusqu'à la tombe [ТВ+Л]
Tu m'apparaissais dans mes songes [Дю]
- 40 invisible, tu m'étais déjà cher, [ТВ+Л]
ton regard merveilleux me troublait,
ta voix résonnait dans mon âme [Л]
depuis longtemps Non, ce n'était pas un rêve, [Дю]
- 44 à peine tu étais entré, aussitôt je te reconnus, [Л]
je me pâmais, je brûlais,
et je me dis C'est lui! [Дю+Л]
N'est-ce pas, je t'avais déjà entendu [ТВ]
- 48 tu me parlais dans le silence [ТВ, Л, Да]
lorsque je secourais les pauvres [Дю, Л]
ou que j'adoucissais par la prière [Л+ТВ]
l'angoisse de mon âme agitée? [Дю+Л]
- 52 Et même à ce moment-ci
n'est-ce pas toi, chère vision, [ТВ]
qui vient de passer dans l'ombre transparente
et de se pencher doucement sur mon chevet?
- 56 N'est-ce pas toi qui me murmures [ТВ]
avec joie et amour des mots d'espoir? [Л]
Qui es tu? Mon ange gardien [ТВ, Л, Да]
ou un perfide tentateur? [ТВ, Л]
- 60 Résous mes doutes [ТВ]
Peut-être que tout cela est vide de sens
et n'est que l'égarement d'une âme novice,
et tout autre chose m'attend...
- 64 Mais s'en est fait Dès à présent [ТВ]
je te confie mon sort, [Дю]
je verse mes larmes devant toi,
j'implore ta défense [Дю]
- 68 Imagine-toi je suis seule ici, [Дю+ТВ]
personne ne me comprend, [Дю, ТВ, Л]
ma raison succombe, [ТВ]
et je dois périr en silence [Дю]
- 72 Je t'attends d'un seul regard
viens ranimer les espérances de mon coeur [Дю+ТВ]
ou bien interromps le songe pesant
d'un reproche, hélas, mérité [Л, Да]

76 Je finis Je n'ose relire [Л+ТВ]
Je me meurs de honte et d'effroi [ТВ]
Mais votre honneur me sert de garantie — [Дю]
je m'y confie hardiment [ТВ]

1 Я к вам пишу — чего же боле? — Среди громоздких силлабических стихов, латающих любовные сцены в анонимной повести начала XVIII в. «История Александра, русского дворянина» (эта жуткая адаптация слащаво-сентиментальной немецкой баллады была перепечатана Гуковским¹⁸ в его антологии (М., 1938; см. коммент. к гл. 1, XLVIII, 12), в любовной жалобе героини (с. 19) присутствуют следующие строки:

Предай ныне смерти, не томи меня боле,
Ты мя мучишь, в твои есть воле

5—7 Но вы / Хоть каплю жалости храня, / Вы не оставите меня. — Ср. у мадам де Крюднер в «Валери»: «Vous ne me refuserez pas votre pitié; vous me lirez sans colère»* (Линар к Валери, письмо XLV).

См. также первое длинное письмо Юлии к Сен-Пре: «...si quelque étincelle de vertu brilla dans ton âme...»** (Руссо, «Юлия», ч. I, письмо IV).

В отдельном издании этой главы дан следующий вариант стиха 7:

И не оставите меня

13, 19, 23 В деревне нашей <...> В глуши, в деревне <.. > В глуши забытого селенья... — В Англии Татьяну Ларину звали бы Розамундой Грей (см. под таким названием неумышленную пародию Чарльза Лэма на сентиментальную повесть — с повестью, насилием и сельскими розами) и жила бы она в хижине; но Ларины жили в господском доме, состоящем по меньшей мере из двадцати комнат, имели обширные земельные угодья, парк, цветник, огород, конюшни, скотный двор, поля и т. д. Предположу, что им принадлежало около 350 десятин (1000 акров) земли, что считалось небольшим поместьем для этой области, и около двухсот крепостных крестьян, не считая женщин и младенцев. Часть их прислуживала в господском доме, остальные проживали в бревенчатых избах, из которых состояла деревня (или несколько небольших деревушек). Название деревни или ближайших деревушек совпадало с названием поместья, включавшего поля и лес. Соседи Лариных, Онегин и Ленский, были значительно состоятельнее, и у каждого из них могло быть более двух тысяч душ.

18 Но говорят, вы нелюдим... — Внутренняя интонация выразительно перекликается с пассажем из «Адольфа» Константа (гл. 3): «...ce caractère qu'on dit bizarre et sauvage, ce coeur... solitaire au milieu des hommes»*** (ср. с Пишотовым «Корсаром», процитированным в моем коммент. в гл. 3, XII, 10).

В письме к Вяземскому 29 ноября 1824 г. Пушкин писал из Михайловского: «Дивлюсь, как письмо Тани очутилось у тебя. Н. В. истолкуй это мне [без сомнения, оно распространялось Львом Пушкиным]. Отвечаю на твою критику: нелюдим не есть мизантроп, т. е. ненавидящий людей, а убегающий от людей. Онегин нелюдим для деревенских соседей; Таня полагает причиной тому то,

* «Вы не откажете в жалости, вы прочтете меня без гнева» (фр.).

** «...Если хоть искра добродетели блеснула в твоей душе.» (Фр.)

*** «...Этот характер, который называют странным и диким, это сердце... одинокое и среди людей» (фр.).

что в глуши, в деревне все ему скучно и что блеск один может привлечь его... если, впрочем, смысл и не совсем точен, то тем более истины в письме; письмо женщины, к тому же семнадцатилетней, к тому же влюбленной!»

Знаменитая строка «Чайльд Гарольда» (песнь III, LXIX, 1) звучит так:

Нет нужды ненавидеть род людской
Для бегства от него

22 <...>

26, 62 Души неопытной волненья < . > Обман неопытной души! (род. пад.) — «Неопытная душа» (им. пад.) — галлицизм *une âme novice*, часто встречающийся в литературе того времени. Так, первые строки четверостишия, взятого эпиграфом к «Вертеру» в переводе на французский Севеланжа (1804), звучат следующим образом:

Ainsi dans les transports d'une première ardeur
Ame et veut être aimée une âme encore novice*.

Внимательный читатель также заметит, что «Ainsi dans les transports d'une première ardeur» перекликается со строчкой Вяземского («Первый снег», стих 75), которую Пушкин одно время собирался позаимствовать для эпиграфа к первой главе:

По жизни так скользит горячность молодая .

31 Другой! — распространенная риторическая формула в европейских любовных стихах. Ср.: Шенье «Любовь» («Les Amours»), IX (в Собр. соч., изданном Уолтером / OEuvres, ed. Walter), элегия, начинающаяся словами «Reste, reste avec nous...»** (стих 75): «Un autre! Ah! je ne puis...»***; или поэма Байрона «Абидосская невеста» (1813), I, VII, 197—198: «Чтоб ты была с другим... С другим!»

34 Ср. с «Юлией» Руссо (Сен-Пре — Юлии, ч. I, письмо XXVI): «Non... un éternel arrêt du ciel nous destina l'un pour l'autre...»****

Именно в этот момент Татьяна переходит с официального обращения во втором лице множественного числа на второе лицо единственного — хорошо известный прием по французским эпистолярным романам того времени. Так, в своей третьей короткой записке к Сен-Пре Юлия начинает *tutoyer*+, путая «ты» с «вы». В письме Татьяны первоначальное «вы» возникает вновь лишь в самом конце (стих 78 — «ваша честь»).

Опечатка в издании 1837 г. превращает «то» в бессмысленное «но».

35—46 Вся жизнь моя . вот он! — Татьяна могла читать (возможно, среди записей на память, сделанных в альбом ее сестры) элегию 1819 г. Марселины Деборд-Вальмор (1786—1859), этакого Мюссе в юбке, только без его ума и красочности описаний:

* Так в восторге первого порыва / Любит и хочет быть любима еще неопытная душа (фр)

** «Останься, останься с нами » (Фр)

*** «Другой! Ах! не могу...» (Фр)

**** «Нет . вечный неба приговор нас предназначил друг другу » (Фр)

+ Обращаться на «ты» (фр)

J'étais à toi peut-être avant de t'avoir vu
Ma vie, en se formant, fut promise à la tienne,

.....
j'avais dit: Le voilà!*

45 Татьяна читала «Федру» (1677, I, III) Расина, который, в свою очередь, читал Вергилия:

Je le vis, je rougis, je pâlis à sa vue,
Un trouble s'éleva dans mon âme éperdue,

Mes yeux ne voyoient plus, je ne pouvois parler,
Je sentis tout mon corps et transir et brûler **

«Обомлела» — хотя и не в полной мере, но все же отчасти передается французским «se râmer» или «défaillir»***.

49 Когда я бедным помогала... — Сентиментальная мода того времени. На ум приходит такая французская гравюровка, как «La bonne Châtelaine»****: молодая дама из замка — на локте корзиночка с провизией — в ней видна бутылка вина — дверь лачуги — старый крестьянин в нищей постели страстно вздымает к небесам руки и взор — его жена стоит со сложенными в благочестивом жесте руками — в руках ребенка только что полученная кукла.

53—55 Ср.: Винсент Кампенон в «Альманахе Муз» (Vincent Campenon, «Almanach des Muses», 1805).

Loin de lui, seule avec moi-même,
Je crois et l'entendre et le voir,
La nuit, son fantôme que j'aime
Près de ma couche vient s'asseoir+

Количество параллелей может быть умножено.

55 ...изголовью (дат. пад.)... — Фр. *chevet*. Ситуация очень галльская. Этот призрак у постели, эта дева в молитве, этот ангело-демонический гибрид. Отсюда лишь один шаг до сентиментальных видений готических суккубов — и то и другое бледные порождения века Разума.

56 ..с отравой... — Предательская опечатка в издании 1837 г. превратила это в сочетание «с отравой».

61 это все пустое... — Ср.: «Так меня любит! это все пустое» (поток мыслей Фанни за чтением письма мисс Кроуфорд в романе Джейн Остин «Мэнсфилд-парк», т. 3, гл. 13).

Странно, но Джейн Остин не пользовалась популярностью в России Татьяны, хотя в Париже уже в 1815 г. был опубликован роман «Рассудок и чувствитель-

* Я была твоя, быть может, раньше, чем тебя увидела. / И жизнь моя, при зарождении, была обещана тебе, / ... / . я говорила Вот он! (Фр.)

** Я увидела его — покраснела, побледнела, / Смятенье поднялось в моей растерянной душе; / Глаза не видели, я не могла говорить; / Я почувствовала, что все тело то цепенеет, то горит... (Фр)

*** «Падать в обморок», «обмирать» (фр).

**** «Добрая госпожа» (фр)

+ Вдали от него, наедине с собою, / Я верю, что слышу и вижу его, / По ночам приходит призрак возлюбленного / И садится возле моего ложа (фр)

ность, или Два способа любить» («Raison et sensibilité, ou les Deux Manières d'aimer») в вольном переложении Изабель де Монтолье (Элизабет Жанна Полина Польер де Боттан), а через год перевод Анри Вильмена «Мансфильдский парк, или Три кузины» («Le Parc de Mansfield, ou les Trois Cousines»); на самом деле сестер было две, а Фанни приходилась им кузиной).

78 *Но мне порукой ваша честь...* — В гл. 3, XXXIV, 5 то же выражение использует няня; заменяя «честь» на «Бог», а в гл. 4, XIV, 5 Онегин говорит, что «совесть» ему «порукой».

Ср.: «Юлия» Руссо (первое длинное письмо Юлии к Сен-Пре, ч. I, письмо IV): «Toutefois... s'il y reste [в душе ее корреспондента] encore quelque trace des sentiments d'honneur...» и «...mon honneur s'ose confier au tien...»*

Варианты

Черновик находится в тетради 2370, сразу вслед за черновиком строфы XXXI (л. 4 об.), и занимает обе стороны л. 5, а также л. 6 и 7.

П. Анненков («А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений». 2-е изд. СПб., 1873, с. 132 —133) первым обратил внимание на то, что наш поэт начал работу над письмом Татьяны с прозаического наброска на русском языке. «И вслед за этим, — говорит Анненков, — Пушкин перелагает эту бедную программку на... чудные стихи». (Позднее схожий план создается и для проповеди Онегина в четвертой главе.)

На л. 5 расположен черновик прозаического наброска, фотокопия которого воспроизведена в Акад. 1937, на вклейке после с. 314: «Я знаю что вы презираете (нрзб) Я долго хотела молчать — я думала что вас увижу Я ничего не хочу, я хочу вас видеть — у меня нет никого Придите, вы должны быть то и то. Если нет, меня Бог обманул [и] [я]... но перечитывая письмо я силы не имею подп[исать] отгадайте я же...»

Ниже на том же листе следует черновик письма с бесчисленными, но несущественными поправками вплоть до строки 21, после чего записана прозаическая строка: «Зачем я вас увидела — но теперь поздно». Лист 5 об. начинается со стиха 26.

Черновик (стих 4а):

Предвижу мой конец недалёкой

Отвергнутые чтения (стихи 1, 4а, 7):

Я вас люблю чего же боле?

Предвижу стыд мой неизбежный...

Я так люблю — я так несчастна

Рядом со стихом 3 расположена зачеркнутая прозаическая строчка: «Мой стыд, моя вина теперь известны вам».

Отрывок 24—30 представлен следующими вариантами.

Окончательный черновик (2370, л. 5 об.):

* «Во всяком случае... если там остается еще хоть след чувства чести...»; «...моя честь решается довериться твоей..» (Фр.)

Моя смиренная семья
Уединенные гулянья
Да книги — верные друзья —
Вот все что [так] любила я

Отвергнутый черновик (там же):

Я деревенскому супругу
Быть может руку б отдала

После стиха 51 в белой рукописи имеются дополнительные стихи (а, б, с, d).

Ты мне внушал мон моленья
И Веры благодатной жар
И грусть и слезы умненья
Не все ли твой заветный дар

79 После этого последнего стиха письма в черновике (2370, л. 7 об.) следуют две не включенные в строфу строки, которые могут быть лишь стихами 5—6 последующей строфы, так как это двестишие с женскими рифмами:

Подумала что скажут людн?
И подпнсала Т Л

В русском языке образуется тавтологическая рифма, так как в старом русском алфавите для каждой буквы с целью запоминания использовалось определенное слово: Л — «Люди». Читатель может вообразить, что в английском алфавите буква «Т» могла бы называться, скажем, «Tough» («жесткий»), а буква «L» — «Little» («маленький»).

Подумала что скажут людн?
И подпнсала Твердо, Людн

XXXII

На левом поле черновика (2370, л. 7 об ; воспроизведено Эфросом на с. 203) рядом со стихами 5—7 Пушкин сделал набросок Татьяны — изящная фигура в задумчивой позе со склоненной на руку головой, темные волосы спадают на обнаженное плечо, в разрезе легкой сорочки едва обозначена ложбинка между грудей. (См. также коммент. к гл. 1, XLVIII, 2.) Ниже Пушкин нарисовал легко узнаваемый профиль своего отца, с которым он уже встретился или собирался встретиться в Михайловском после более чем четырехлетней разлуки.

Думается мне, что Пушкин добрался до этой строфы в июне 1824 г., за полтора месяца до своего отъезда из Одессы в Михайловское; однако совершенно очевидно, что он возобновил работу над этой же строфой лишь около 5 сентября 1824 г. в Михайловском.

Окончательный вывод требует изучения автографов.

- 1 *.. то вздохнет, то охнет...* — Непереводимое русское восклицание «ох», выражающее усталость и горе, схоже с ирландским «ooh», но звучит скорее как стон, а не вздох и заканчивается резким придыхательным согласным звуком.
- 3 *Облатка розовая...* — Конверты еще не были изобретены; сложенное письмо запечатывалось специальной клейкой пастой с розовым оттенком в форме

кружка, как в данном случае. Могла добавляться и личная печать — на бумагу капали сургучом и вдавливали в него свою монограмму (см. XXXIII, 3—4).

- 5 *...головушкой...* — уменьшительно-ласкательное от «головы» с оттенком сострадания, часто использовалось в жалобных народных песнях. Обычная уменьшительная форма — отвратительно жеманное «головка» (см. коммент. к гл. 4, XVII, 8).
- 6 *Сорочка легкая спустилась...* — Молодая дворянка в 1820-х гг. носила дневную сорочку из тонкой ткани с очень глубоким вырезом; ложась в постель, она надевала поверх нее ночную рубашку или кофту, или и то и другое вместе. Для вечерних омовений у англазированной красавицы могла быть жестяная ванна в туалетной комнате, наполненная горячей водой (которую приносили в кувшинах или ведрах), тогда же, по-видимому, меняли белье. Однако русская провинциальная барышня больше полагалась на еженедельную баню, которая имелась у любого помещика. В ту ночь Татьяна вовсе не ложилась в постель и, вероятно, накинула платье перед самым приходом няни.
- 14 Под последней строкой исправленного черновика установленного текста в тетради 2370 (л. II об.) Пушкин делает следующую приписку: «5 сентября 1824 u.l.d. E.W.»

Это расшифровывается как «5 сентября 1824 eu lettre de Elise Worontzow»*. Пушкин соединил оба инициала в монограмму, известную по подписям графини Елизаветы Воронцовой. Он не видел ее с конца июля. (Она вернулась в Одессу из Крыма 25 июля.) Профиль графини Воронцовой нарисован Пушкиным на л. 9 об. той же тетради. Черновые наброски строфы XXXII начинаются на л. 7 об.

Кажется, будто между 13 июня 1824 г. и 5 сентября Пушкин забросил работу над своим романом. Он выехал из Одессы 31 июля и отправился на почтовых по предписанному полицией маршруту через Николаев, Елизаветград, Кременчуг, Чернигов, Могилев и Витебск, прибыв в Опочку 9 августа и покрыв за десять дней расстояние в 1075 миль¹⁹. Четвертого октября псковский губернатор Б. Адеркас²⁰ сообщил балтийскому генерал-губернатору Ф. Пауллучи²¹, что статский советник Сергей Пушкин согласился сотрудничать с правительством и держать своего сына под строгим надзором в Михайловском, фамильном имении близ Опочки. Такое поведение отца привело в октябре к семейной ссоре, и около 17 ноября родители Пушкина покинули Михайловское.

Вариант

На л. 7 об. тетради 2370 можно разобрать следующий вариант, изобилующий многочисленными вымарками:

- <В волиеиы сидя> на постеле
 <Татьяна чуть могла дышать>
 Письма не смея в самом деле
 4 <Нн перечесть, ни подписать>
 Уж поздио, блеск луна теряет

* «..Письмо от Элизы Воронцовой» (фр.).

- И утро тихое сияет
Сквозь ветки <липы> к ней в окно
8 А нашей деве все равно
Окаменев облокотилась
Постель < > горяча
С ее <прелестного> плеча
12 Сорочка легкая спустилась
<Упали кудри на глаза
На перси капнула слеза>

XXXIII

1 *Она зари не замечает...* — Читатель русского текста должен со вниманием отметить протяжную интонацию этой строки, столь простой по своему буквальному смыслу и столь чарующей по своей мелодике. Этот жалобный и томный лейтмотив снова оживет в гл. 5, XXII, 1 и в последней гл. 8, XXX, 1 и XLII, 1, причем каждый раз открывая собой строфу.

3—4 Ср.: Байрон, «Дон Жуан», I, CXCVII, письмо Юлии:

Мне больше нечего сказать, но я медлю
И не решаюсь поставить свою печать на этот лист...

Пишо (1823): «Je n'ai plus rien à dire, et je ne puis quitter la plume; je n'ose poser mon cachet sur ce papier»*.

6 *...Филатьевна седая...* — Дочь Филата — к пожилым уважаемым женщинам низшего сословия часто обращались, используя лишь одно отчество. Мы никогда не узнаем имя и фамилию няни. По какой-то причине Пушкин колебался, выбирая ей отчество, но все три варианта начинались с буквы «Ф». В черновике и белой рукописи она названа «Фадеевна» (дочь Фаддея), в изданиях 1827 и 1833 гг. — «Филипьевна» (дочь Филиппа) и лишь в 1837 г. она становится «Филатьевной» (дочерью Филата).

13 <...>

Вариант

4 В отвергнутом черновике (2370, л. 11 об.) — «Сердоликовая печать».

XXXIV

2, 5, 11 *...родная... Мой друг... милая моя.* — Старая няня пользуется следующими ласкательными обращениями (всего девять): XVIII, 7 — «мой свет»; XIX, 6, 12 и XXXIII, 8 — «дитя мое»; XX, 3 и XXXV, 2 — «сердечный друг»; XXXIII, 9 — «красавица»; XXXIII, 10 — «пташка ранняя моя»; XXXIV, 2 — «родная»; XXXIV, 5 — «мой друг»; XXXIV, 11 — «милая моя» и XXXV, 10 — «душа моя».

* «Мне больше нечего сказать, и я не могу оставить перо, я не осмеливаюсь опустить мою печать на этот лист» (фр.).

6 ...внука... — Нам известно лишь то, что им мог быть мальчик (Тришка, уменьшительное от Трифона, в первом черновике), который подает сливки в гл. 3, XXXVII, 8, или совсем маленький парнишка с салазками из гл. 5, II, 9—14.

7—8 ...к О... к тому... / К соседу... — Татьяна начинает произносить имя Онегина, но, задохнувшись на первой «О», прерывает себя и пытается дать ему какое-нибудь определение (тот мужчина, тот человек), пока не находит спасительное «к соседу» (совершенно определенному для нее и всего лишь одному из многих местных помещиков для няни).

Интересно отметить, что Татьяна, даже пожелав договорить имя до конца, не смогла бы этого сделать, так как начальное «О» предшествует ударному слогу, и «Онегину» не уложилось бы в размер этой части стиха. Назови она его, стих бы не скандировался: «С запиской этой к Онегину». То обстоятельство, что «О» попадает на икт, указывает нам, что Татьяна пользуется им как шифром (ср. с монограммой в XXXVII, 14).

Смятение и прерывистое дыхание Татьяны прекрасно переданы в стихе 8:

К соседу . да велеть ему —

с помощью скада на второй стопе (*ду да*), после чего она поспешно продолжает:

Чтоб он не говорил ни слова,
Чтоб он не называл меня —

где дважды в строке мы наблюдаем исключительно редкую последовательность метрических ударений (полускад, скад, ударение, ударение):

У́—У—У—У—У—У
У—У—У—У—У—У

В отдельном издании главы третье «к» в стихе 8 опущено, что не мешает употреблению дательного падежа.

8 ему — конечно же, внуку.

XXXV

Первый черновик (карандашом) расположен на л. 12 (тетрадь 2370), а поверх него написана строфа XXV (парафраз Парни), которой нет в Беловой рукописи и которая была сочинена в последнюю неделю сентября 1824 г. (после того, как были созданы строфы, предваряющие письмо Татьяны, само письмо и строфы XXXII—XXXIV).

6 <...>

8 ...дело о письме... — «Il s'agit d'une lettre», галлицизм Татьяны звучит в этом разговоре довольно резко, так как непосредственно за ним следует исконное русское выражение няни «дело, дело» (стих 9), в смысле «вот это уже разумно».

23 ...снова побледила. — Психологически оправданно: решительный шаг сделан — Татьяна отдала письмо.

XXXVa

Следующая строфа, заменяющая XXXVI, отвергнута в беловой рукописи:

Теперь как сердце в ней забилося
Заныло будто пред бедой
Возможно ль! Что со мной случилось
4 Зачем писала, Боже мой!
На мать она взглянуть не смеет
То вся горит, то вся бледнеет,
Весь день потупя взор молчит
8 И чуть не плачет и дрожит —
Внук няни поздно воротился
Соседа видел он, ему
Письмо вручил он самому
12 И что ж сосед? — верьхом садился
И положил письмо в карман —
Ах чем-то кончится роман

Прием пересказа чужой речи, столь характерный для европейской литературы XVIII в., использован здесь в трех видах: (1) внутренний монолог Татьяны, (2) ее диалог с маленьким посланцем или няней и (3) авторский (или читательский!) нетерпеливый вопрос.

В той же беловой рукописи дается такой вариант первых пяти строк:

Лишь только Няня удалилась
И сердце будто пред бедой
У бедной девушки забилося
Вскричала Боже! что с<о мной>
Встает На мать взг<лянуть не смеет>

XXXVI

2 *...все нет, как нет.* — Конкретное отрицание «все нет» (письма) переходит в обобщение «как нет» (словно никакого письма и не было).

3 *...с утра одета...* — Одета для приема гостей, в ожидании Онегина.

8 *«Он что-то нас совсем забыл».* — Тон этого замечания смутно намекает на то, что Онегин бывал у Лариных более одного раза. Однако нам известно, что он заезжал лишь однажды. В будущем, вплоть до восьмой главы, предстоит еще два посещения.

Эти три онегинских визита к Лариным распределяются по времени так: первый — конец июня 1820 г. (читателю следует помнить, что во всех моих комментариях используется старый стиль, за исключением отдельных, особо оговоренных случаев), второй — конец июля, третий — 12 января следующего года. Пушкинская хронология здесь не слишком «реалистична».

12 *Да, видно, почта задержала.* — Имеется в виду, что Онегин задержан полученной корреспонденцией. На какое-то ужасное мгновение Татьяне кажется, что Онегин все еще поглощен изучением ее письма и сочинением длинного ответа.

Естественно, скрытный Онегин не рассказал чистосердечному Ленскому о письме Татьяны, поэтому упоминание Ленским почты совершенно невинно.

XXXVII

- 11 *..моя душа...* — Пушкин пользуется лексиконом няни (см. XXXV, 10).
- 14 *Заветный вензель О да Е.* — Весьма любопытен случай сходства: более раннее появление этой же лелеемой монограммы в «Избирательном сродстве» Гете («Die Wahlverwandtschaften», 1809), ч. I, гл. 9, где описывается стакан, на котором видны «...die Buchstaben E und O in sehr zierlicher Verschlingung eingeschritten: es war eins der Gläser, die für Eduarden in seiner Jugend gefertigt worden»*. Похоже, самым ранним переводом на французский язык был анонимный «Les Affinités électives» (Paris, 1810), на самом деле сделанный Раймоном, А. Сери, Годелем, Ж. Л. Манже и Дж. Б. Деспингом.

Вариант

- 8 Этот мальчик в черновике (2370, л. 17 об.) и в белой рукописи назван «Тришкой».

XXXVIII

- 2 *И слез был полон томный взор.* — Очень сомнительно, чтобы «взор» мог быть «полон слез».

Для русской литературы характерно обилие значений, относящихся к зрению. Рус. *взоры, очи, глаза* = фр. *regards, prunelles, yeux*. (См. также коммент. к гл. 8, XV, 4.)

3—4 <...>

- 4 *...скачут...* — Здесь глагол «скачут» не обязательно означает мчащихся галопом всадников. Я думаю, он указывает на то, что Евгений быстро подъезжает к дому в своей коляске, возможно запряженной тремя лошадьми. Впрочем, иллюстраторы почему-то сочли, что он едет верхом.

- 4, 7 *...на двор.. на двор...* — Это забавное слово «двор» — удобная, ничего не значащая вставка для рифмоплета и непреодолимое препятствие для истинного переводчика. Слово отражает противоречивость различных подходов к определению этой огороженной территории. Оно может означать «место вне дома» в таких выражениях, как «холодно на дворе», и, напротив, место, включенное в понятие дома, как в словосочетании «ехать со двора» (например, в гл. 6, XXIV, 14), где двор является общим обозначением «места обитания», «жилища», охватывая все постройки, относящиеся к домашнему хозяйству, или более конкретным обозначением внутреннего двора. Но так как внутренний двор находится вне дома, мы здесь имеем что-то вроде связующей нити, соединяющей внешний мир с внутренним. «Двор» также может означать императорское окружение, как в гл. 8, XLIV, 10. (См. также коммент. к гл. 1, IV, 4; гл. 2, XXIV, 14 и гл. 5, I, 2.)

* «...Изящно сплетенные вензелем буквы Э и О, это был один из бокалов, заказанных для Эдуарда в дни его молодости» (нем.).

5 «Ах!» — Буква «х» в этом восклицании звучит так же резко, как в «ох» (см. коммент. к XXXII, 1). Глагол в русской фразе опущен. Пушкин уже пользовался такой формулой в «Монахе» (1813), песнь III, поэме, написанной им в четырнадцатилетнем возрасте («Панкратий: „Ах!“ — и вдруг проснулся»).

Это выражение следует сравнить с обсуждаемыми в следующем комментарии.

6 *Татьяна прыг...* — от глагола «прыгнуть». «Прыг» — так называемый междометный глагол (неспрягаемое «прыг» вместо глагола прошедшего времени женского рода «прыгнула»), грамматически совпадающий с глагольным междометием (то есть междометием, употребленным как междометный глагол), — ср. гл. 5, XII, 8: «Татьяна ах!» — где «ах» также может рассматриваться как междометное сокращение от глагола «ахнуть». Ближе к другой типично русской грамматической форме — сопряженному инфинитиву, например (там же): «он реветь» (то есть он начинает реветь). В этом ряду существует еще третья форма, когда действие настолько мгновенно, что глагола нет вовсе (например, гл. 6, XIX, 14: «и на крыльцо»).

14—XXXIX, 1...*на скамью / Упала...* — Редкий случай, когда одна строфа переливается в другую. Этот прием замечательно отражает возбужденное состояние Татьяны. Отголосок схожего ритма возникнет при запоздалом порыве Онегина в гл. 8, XXXIX, 14—XL, 1.

Татьяна потрясена не фактом приезда Онегина (она ожидала его еще в строфе XXXVI, да и Ленский только что сказал, что тот приедет), но тем, что он не ответил на ее письмо до своего появления. В эпистолярных романах, которые сформировали ее представления, ответ давался в письменной форме, а не в устном разговоре. Непредсказуемая действительность попирает здесь литературную романтическую традицию.

Описание Пушкиным бегства Татьяны из столовой к садовой скамейке дает читателю представление о местности. Сбежав с бокового крыльца, она выскакивает во двор и устремляется в сад. Затем она обегает куртины, мостики, перекинутые через канавки, лужок («кошенный лужок», как значит в отвергнутой белой рукописи). Углубляется в парк по аллее, ведущей через лесок к озеру, но, не добежав до последнего, сворачивает по тропинке и бросается сквозь цветники, столь знаменитые в русских поместьях, и кусты сирени (или, как пишет Пушкин, «кусты сирен», используя необычную форму, им. пад., ед. ч., — «сирень», *Syringa vulgaris*, Linn. — первоначально вывезена из Азии через Турцию и Австрию в XVI в., эмансипированная родственница используемой в хозяйстве оливы).

По тропинке, ведущей к ручью (и возвращающейся обратно к аллее в гл. 3, XLI), Татьяна добегает до скамьи. За ручьем расположен огород или фруктовый сад, где крепостные девушки собирают ягоды. Именно вокруг этого огорода она вернется с Онегиным к дому в гл. 4, XVII (после встречи в липовой аллее, к которой она возвращается в гл. 3, XLI и которую она будет вспоминать в гл. 7, LIII, 13—14 и гл. 8, XLII, 11).

XXXIX

8, 12 ...*ягоды* (вин. пад., мн. ч.)... *ягоды* (род. пад., ед. ч.)... — В незаконченном черновике они названы «кружовником» (2370, л. 19), а в отвергнутых чтениях —

«малиной» и «алым барбарисом»). Это еще растущее сырье для варенья гл 3, III, связывающее, таким образом, конец главы с ее началом. В XXXIX, 12 «ягода» в единственном числе имеет собирательное значение.

Песня девушек

Слово «девушка», использованное в заглавии, подразумевает «крепостную»; в иных случаях оно означает «молодую барышню», «незамужнюю женщину». Слово «дэвица», употребленное в самой песне, с фольклорным ударением на первом слоге, означает «девушку» в более широком смысле («дэвица» с ударением на втором слоге является синонимом «девушки» в смысле «незамужней особы» — это значение, например, используется в гл. 7, XXIII, 3).

«Песня девушек» — единственное исключение из ямбического размера в *ЕО*. Она состоит из восемнадцати стихов, написанных трехстопным хореем с длинными стиховыми окончаниями. В реальной песне окончание последнего слова строки может обретать ударение, имитирующее икт четвертой стопы со скадом. (Здесь читателю следует обратиться к Приложению II, «Заметки о просодии»: 3. Скад.)

Семнадцать строк этой песни имеют скад либо на первой стопе (стихи 3—5, 7—12, 15, 17), либо на второй (1—2, 6, 13—14, 16), последний стих лишен скада (18: «Игры наши девичьи»: $\text{—} \cup \text{—} \cup \text{—} \cup \bar{\cup}$). Легкое различие в расположении ударений между трехсложным словом, образующим длинное стиховое окончание в хореической строке (икт-понижение-понижение), и трехсложным словом, начинающим хореическую строку (скад на II), выглядит исключительно красиво, когда слово, завершающее строку, повторяется в начале следующего стиха:

Затяните песенку,
Песенку заветную
 $\text{—} \cup \text{—} \cup \text{—} \cup \bar{\cup}$
 $\text{—} \cup \text{—} \cup \text{—} \cup \bar{\cup}$

Хотя темы и формулы этой песни были повсеместно распространены в русском варианте

Маленькой Аркадии
Меж девичьей и зеленью деревни, —

ягоды там искусственно подкрашивали и ароматизировали, и пушкинская изящная вещица лишь суммирует фольклорные стилизации XVIII в., облекая их в аккуратные хорей. «Песня девушек» была перепечатана в «Северном певце» — «собрании новейших и отличнейших романсов и песен», посвящавшемся «любительницам и любителям пения» (1830, ч. I), и в «Песеннике для дамского ридикюля» (1832) — оба были опубликованы братьями Лазаревыми в Москве и на радость ученым-этнографам помогли распространению нескольких «народных песен», таких, например, как «Девушки красоточки» (ок. 1850), которую любили натренькивать лакеи и мастеровые. Так проходит слава поэта.

Песня эта — превосходная стилизация. Во всех печатных изданиях она представлена единым стихотворным блоком; но смена тональности, особенно выраженная в завершающей части, оправдывает предложенную мною разбивку.

Для того чтобы точно передать ритм песни, я придумал следующую звуко-подражательную имитацию, смысл которой, конечно же, не имеет никакого отношения к иллюстрируемым ею строкам (3—4):

You're the brightest, Davison,
You're the lightest, Milligan

Разыгрантесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые!

3—4 <...>

Вариант

В тетради 2370 (л. 19 об.) поверх окончательного текста песни имеется черновик первого варианта, состоящий из четырех четверостиший, написанных чередующимся четырехстопным и трехстопным хореем с парными женскими рифмами:

Вышла Дуня на дорогу
Помолившись Богу —
Дуня плачет, завывает
4 Друга провожает
Друг поехал на чужбину
Дальнюю сторонку
Ох уж эта мне чужбина
8 Горькая кручина!
На чужбине молодицы,
Красные девицы,
Осталась я молодая
12 Горькою вдовицей —
Вспомяни меня младую
Аль я приревную
Вспомяни меня заочно
Хоть и не нарочно

<...>

XL

1 *Они поют...* — Схожая классическая интонация встречается и в других местах у Пушкина, например после татарской песни ханских жен в «Бахчисарайском фонтане».

Пушкин, желая использовать в *ЕО* сочиненную им песню сборщиц ягод, колебался, надо ли заставлять Татьяну слушать ее (что при сложившихся обстоятельствах было бы странно), или, напротив, не обращать на нее внимания (но тогда читатель едва ли ею заинтересуется). В черновике строфы — «песню разносит эхо в поле» и «Татьяна внемлет поневоле».

5—6 *Чтобы прошло ланит пыланье. / Но в персях то же трепетанье...* — Обратите внимание на аллитерацию *ло-ла-ла* при описании ланит и *пер-то-тре-пе-та*, когда речь идет о персях. Мелодика оправдывает поэтическую банальность,

которая, например, звучит столь бессмысленно в немзыкальной «Весне» Томсона (стихи 968—969):

her wishing bosom heaves
With palpitations wild . *

Вариант

9—11 В отвергнутой белой рукописи мотылек выглядит чуть иначе:

Так мотылек невольно блещет
За лапки пойман шалуном

Как хороши эти «лапки»!

XLI

5—6 Следует отметить, что в этот летний день 1820 г. Татьяна воспринимает Онегина как некий демонический образ готического романа или байронической поэмы, то есть скорее в духе гл. 3, XII, где дается перечень читанного Онегиным в 1820 г. (то же, что читали барышни в 1824-м, когда Пушкин сочинял эту строфу), а не в духе гл. 3, IX, где приводится список излюбленных книг Татьяны до весны 1821 г., когда в кабинете Онегина она впервые познакомится с Мэтьюрином и Байроном (гл. 7).

8 *Остановилась она.* — Это повторится во сне Татьяны (гл. 5, XI, 14). Между прочим, небезынтересно отметить один из случаев, когда русская строка в *ЕО*, состоящая из восьми слогов при точном переводе на английский сокращается как минимум до двух. Другой такой пример: «Благословенные края» в «Путешествии Онегина» (XXIII, 14)

С другой стороны, в *ЕО* существуют и такие примеры, когда строка русского текста в восемь слогов обретает точный эквивалент в гекзаметре на английском.

12—14 В переводе Трессана третья песнь «Неистового Роланда» Ариосто (если пользоваться языком, на котором его читал Пушкин) завершается следующим образом: «Vous en apprendrez le sujet [внезапный крик в гостинице]; mais ce ne sera que dans le chant suivant, car il est temps que ma voix se repose»**.

В одном месте поэмы говорится о «poissons souvent troublés dans leurs amours secrets»*** (песнь VII), что всегда приводило меня в недоумение. А в песне X (всего их сорок шесть) Анжелика лежит, распростершись на каком-то песке «toute nue... sans un seul voile qui put couvrir les lys et les roses vermeilles placés à propos»****, галльская символика, которую читатель может также встретить в первых русских силлабо-тонических стихах (Третьяковского, Ломоносова), как и в отрывке из «Первого снега» П. Вяземского, который Пушкин вспоминает

* ...И жаждающая грудь ее вздымается / В диком трепетанье (Англ)

** «Вы узнаете, о чем идет речь, но только в следующей песне, ибо пора отдохнуть моему голосу» (фр).

*** «Рыбы, которым часто мешают в их тайных любовных утех» (фр)

**** «Совершенно обнаженная без всякого покрова, который скрыл бы лилии и алые розы, прекрасно расположенные» (фр)

Глава третья: ХLI

в связи с гл. 5, III (см. мой коммент. к гл. 5, III, 6), где, впрочем, она относится к физиономическому цветнику:

Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе

Ср.: Томас Кемпион, «Четвертая книга песен», VII:

Ее лицо подобно саду,
Где роз и лилий собран цвет.

Пушкин датировал окончание главы, написав название месяца по-русски (а не по-французски, как ранее) — «2 окт. 1825».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Эпиграф

La morale est dans la nature des choses. / Necker*: «La morale doit être placée au-dessus du calcul. La morale est la nature des choses dans l'ordre intellectuel; et comme, dans l'ordre physique, le calcul part de la nature des choses, et ne peut y apporter aucun changement, il doit, dans l'ordre intellectuel, partir de la même donnée, c'est-à-dire, de la morale» (Mme de Staël, «De la Littérature», 1818 edn., vol. 2, pt. II, ch. 6; p. 226)**.

«Vous avez trop d'esprit, disoit un jour M. Necker à Mirabeau, pour ne pas reconnoître tôt ou tard que la morale est dans la nature des choses» (Mme de Staël, «Considérations sur les principaux événemens de la Révolution française», 1818, pt. II, ch. 20; «Oeuvres», vol. 12, p. 404)***.

Пушкин закончил четвертую главу 3 января 1826 г., через несколько дней после того, как узнал о восстании декабристов. Поэтому любопытно отметить, что отрывку, из которого взята цитата для эпиграфа, непосредственно предшествует вот что: «J'ai eu entre les mains une lettre de Mirabeau, écrite pour être montrée au roi; il y offroit tous les moyens pour rendre à la France une monarchie forte et digne, mais limitée... *Je ne voudrois pas avoir travaillé [сказал Мирабо¹] seulement à une vaste destruction*»****. А слов через сорок идет цитата из Неккера.

Вариант

В белой рукописи (ПБ 14) четвертой главе предпослано два эпиграфа:

* Нравственность в природе вещей. Неккер (фр.)

** «Нравственность надо ставить выше расчета. Нравственность в природе вещей в духовном плане; и как в плане материальном, расчет вытекает из природы вещей и ничего не может в ней изменить, так и в духовном плане он должен вытекать из тех же данных, то есть из нравственности» (Мадам де Сталь, «О литературе») (фр.).

*** «Вы слишком умны, — сказал однажды Неккер Мирабо, — чтобы не признать рано или поздно, что нравственность — в природе вещей» (Мадам де Сталь, «Заметки об основных событиях Французской революции») (фр.)

**** «У меня в руках было письмо Мирабо, написанное с тем, чтобы его увидел король, в нем он предлагает всевозможные способы возвращения во Францию монархии, сильной и достойной, но ограниченной.. *Я не хотел бы, чтобы моя деятельность вызвала только громадные разрушения*» (фр.).

[Ma dimmi] al tempo de dolci sospiri
A che e come concedette amore
Che conosceste i dubbiosi desiri?

Dante inf[erno] Cant[o] V [с 118—120]*

и

Собрание пламенных замет
Богатой жизни юных лет

Ба[ратынский]

Первый написан еще и на титульном листе белой рукописи третьей главы (см. коммент. к ее эпиграфу). Второй эпиграф написан также на обложке первой белой рукописи первой главы (Одесса, 1823; см. коммент. к эпиграфам гл. 1). Он взят из поэмы Баратынского «Пирь» (стихи 252—253) и перефразирован в завершающих стихах (15—17) посвящения (издание 1837 г.) без указания адресата, но с именем Плетнева в отдельном издании четвертой и пятой глав (1828).

I—VI

Первые шесть строф в полных изданиях Пушкин благоразумно опустил. К 1833 г. он уже был женат на Наталье Гончаровой столько же лет, сколько в 1824 г. князь Н. — на Татьяне Лариной (около двух). Первые четыре строфы появились в «Московском вестнике» (1827, ч. 5, № 20, с. 365—367) под заголовком «Женщины: Отрывок из „Евгения Онегина“»; белая копия в МБ (3515). Строфы V и VI представлены в черновых вариантах в тетради 2370, л. 31, 32 об. и 41 об. Вот эти шесть отвергнутых строф:

I

В начале жизни мною правил
Прелестный, хитрый, слабый пол,
Тогда в закон себе я ставил
4 Его единый произвол
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Каким-то чистым божеством
8 Владея чувствами, умом,
Она сияла совершенством
Пред ней я таял в тишине
Ее любовь казалась мне
12 Недостигаемым блаженством
Жить, умереть у милых ног —
Иного я желать не мог

* [Но скажи мне.] в дни нежных вздохов / По каким признакам и как амур допустил, / Чтобы вы узнали свои неясные желанья? / Данте «Ад», песнь V (итал)

II

- То вдруг ее я ненавидел,
И трепетал, и слезы лил,
С тоской и ужасом в ней видел
4 Созданье злобных, тайных сил,
Ее пронзительные взоры,
Улыбка, голос, разговоры —
Все было в ней отравлено,
8 Изменой злой напоено,
Все в ней алкало слез и стопа,
Питалось кровию моею
То вдруг я мрамор видел в ней,
12 Перед мольбой Пигмалиона
Еще холодный и немой,
Но вскоре жаркой и живой

5—7 Здесь есть забавная переключка с той интонацией, о которой я писал в своем комментарии к портрету Ольги (гл. 8, XXIII, 5—8).

III

- Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено
Темира, Дафна и Лилета
4 *Как сон забыты мной давно.*
Но есть одна меж их толпою
Я долго был пленен одною...
Но был ли я любим, и кем,
8 И где, и долго ли? .. за чем
Вам это знать? не в этом дело,
Что было, то прошло, то вздор,
А дело в том, что с этих пор
12 Во мне уж сердце охладело,
Закрылось для любви оно
И все в нем пусто и темно

Факсимиле этого черновика (2370, л. 41) опубликовано Томашевским («Пушкин и французская литература». — *Лит. насл.*, 1937, т. 31—32, с. 23). На полях справа, вдоль стихов 9—14, Пушкин нарисовал профиль Вольтера в ночном колпаке, а ниже, на той же странице, — Мирабо и еще одного Вольтера, теперь уже без колпака.

- 3 *Темира, Дафна и Лилета.* — Из оды Дельвига «Фани», тогда еще существовавшей в рукописи (написана около 1815 г.), опубликованной Гофманом в 1922 г.:

Темира, Дафна и Лилета
Давно, как сон, забыты мной,
И их для памяти поэта
Хранит лишь стих удачный мой!

«Темира» («Thémire») и «Дафна» («Daphné») — имена, часто упоминавшиеся французскими аркадийцами (Грессе, Гудар де ла Мотт и т. д.). «Лилета», или «Лила», была любимой пастушкой Батюшкова².

IV

- Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайне изменя,
Не могут надивиться намн,
4 Себя по совести ценя
Восторги наши своенравны
Им очень кажутся забавны,
И право с нашей стороны
8 Мы непростительно смешны
Закабалюсь неосторожно,
Мы их любви в награду ждем,
Любовь в безумии зовем,
12 Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких и страстей

Вариант

Сохранилась черновая редакция строфы IV (2370, л. 34):

- Смешон конечно важный модник
Систематический Фоблас,
Красавиц записной угодник —
4 Хоть поделом он мучит вас
Но жалок тот, кто без искусства
Души возвышенные чувства,
<Прелестной> веруя мечте
8 Приносит в жертву красоте
И расточась неосторожно,
Одной любви в награду ждет
Любовь в безумии зовет
12 Как будто требовать в<озможно>
От мотыльков иль от лилей
Глубоких чувств или страстей.

2 Фоблас — см. коммент. к гл. 1, XII, 9—10.

ПСС 1949 (с. 529) дает еще один незаконченный вариант, который, как сообщается, следует в черновике за вариантом строфы IV:

- Блажен, кто делит наслажденье,
Умен, кто чувствовал один,
И был невольного влеченья
4 Самолюбивый властелин,
Кто принимал без увлеченья
И оставлял без сожаленья,
Когда крылатая любовь
< . > предавалась вновь.

Томашевский (Акад. 1937, с. 338) также приводит черновик строфы IV в рукописи 22/3366 («Список Соболевского») с пометой (авторской?): «Avant les voyages» (то есть перед «Путешествием Онегина»).

V

- Признаться ль вам, я наслажденье
В то время лишь одно имел,
Мне было мило ослепленье,
4 Об нем я после пожалел
Но я заманчивой загадкой
Не долго мучился украдкой
<И сам помогли мне>,
8 Шепнули сами слово мне,
<Давно> известное по свету,
И даже никому оно
Уж не казалось и смешно
12 Так <разгадав загадку эту>,
Сказал я только-то, друзья,
Куда как недогадливы я.

8 ...слово... — Галлицизм, *le mot de l'énigme**. Интересно, что же это была за простая разгадка. Возможно, такая: «Le fruit de l'amour mondain n'est autre chose que la jouissance...» (Pierre de Bourdeilles, Seigneur de Brantome, «Recueil des dames», pt. II: «Les Dames galantes», Discours II)**.

См. также гл. 7, XXV, 2.

VI

- Страстей мятежные заботы
Прошли, не возвратятся вновь!
Души бесчувственной дремоты
4 Не возмутит уже любовь —
Пустая красота порока
Блестит и нравится до срока
Пора! проступки юных дней —
8 Загладить жизнью моей! —
Молча играя очернила
Мои начальные лета
Ей подмогала клевета
12 И дружбу только что сместила,
Но к счастью суд <молвы> слепой
Опровергается порой!..

VII

12 *Ловласов обветшала слава...* — Слово французского происхождения, произведенное от имени ричардсоновского злодея из романа «Кларисса Гарлоу»: *un Lovelace* (-ove- как -ob- в слове «совет»; -ace- как -ac- в слове «лаплас»).

* Разгадка (фр).

** «Плоды мирской любви — не что иное, как наслажденье...» (Пьер де Бурдей, сеньор де Брантом, «Дамский сборник», ч. II «Галантные дамы», Рассуждение II; фр)

VIII

1, 9 *Кому не скучно <..> Кого не утомят...* — Эти риторические местоимения по-русски звучат практически как междометия. <...>

7—8 Интересно, нет ли в конечном слове следующих двух стихов:

Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет! —

подсознательного влияния суффикса *-nette* из эклоги Парни «Час любовного свидания» («L'Heure du berger» in: «Poésies érotiques», bk. 1):

— J'ai quatorze ans,
Répond Nicette,
Suis trop jeune
Pour les amants*

IX

Эта строфа в черновике (2370, л. 29) первоначально была от первого лица и, возможно, задумывалась как слова Онегина.

1 *Так точно думал мой Евгений.* — Вернемся к петербургской юности Евгения и найдем прелестную переключку между интонациями данного стиха и строки из гл. 1, II, 1: *Так думал молодой повеса.*

В целом инструментовка этого четверостишия восхитительна. См. следующий комментарий.

2—4 *Он в первой юности своей / Был жертвой бурных заблуждений / И необузданных страстей.* Отметим внутренний ассонанс *первой — жертвой* и журчащее бормотание аллитераций (легкая реминисценция морских волн из гл. 1, XXXIII) — все эти *бы, блу, бу* в стихах 3—4, изливающиеся в конце мощным потоком.

8, 9 *Томим ..* — Смысл слова «томим» здесь определить трудно. Угнетен ли герой своими страстями, или же они ему наскучили? Утомлен ли он своими успехами, или они наводят на него тоску? <...>

10 *Внимая...* — «Внимать» («to hearken») — строго говоря, подразумевает большее внимание со стороны слушателя, нежели глагол «слушать» («to listen»). «Внимать», как и «hearken», обычно, хоть и не всегда, употребляется с дательным падежом. Пушкин, выбирая между «внимать» и «слушать» и их производными, руководствуется исключительно соображениями метрики. В четырехстопном ямбе «внимать» укладывается в отрезки «нечетный-четный слог» и рифмуется с несметным количеством всевозможных инфинитивов. «Слушать» (используется только с винительным падежом; впрочем, «внимать» иногда тоже — например, гл. 1, XIX, 2) попадает лишь в отрезки «четный-нечетный слог» и имеет лишь две-три подходящих рифмы.

Отметим, что слова, описывающие слуховое восприятие, встречаются в русском языке чаще, чем в английском, а описывающие зрительное — реже.

* «Мне четырнадцать, — / Отвечает Нисетта, — / Я слишком молода / Для любви» (фр).

Вариант

Строфа IX первоначально (2370, л. 20 об.) начиналась четверостишием:

Я жертва долгих заблуждений
Разврата пламенных страстей
И жажды сильных впечатлений
И бурной юности моей

Неизвестно, каков был план нашего поэта — то ли продолжать свою исповедь, то ли вложить ее в уста Онегина и обратиться к Татьяне; но так или иначе, он опустил этот отрывок, и строфа IX перекроилась в авторский переход, вводящий прямую речь героя.

X

- 2 ...*волочился*... — Глагол «волочиться» (есть также и субстантивные формы — «волокичество» и «волокичица», м. р.) имеет чуть иной смысловой оттенок, нежели более или менее эквивалентные ему английские обороты «to dangle after petticoats» (бегать за юбками), «to dally with» (флиртовать), «to court a woman» (ухаживать за дамой) и т. п. В нем больше от «тащить себя», нежели от «тянуть себя»; ведь на самом деле он образован от глагола «влачить», «волочить», означающего «тащить по земле» (кстати, существительное «волокичица» женского рода означает «промедление», «оттягивание»). Пушкин использует глагол «волочиться» еще в двух пассажах из *ЕО*: гл. 6, XLIII, 8 и гл. 8, III, 12. Ср.: французское «se traîner»* имеет также значения «se mouvoir à genoux»** и «se prosterner aux pieds d'une femme»***.

XI

- 2 ...*живо тронут*... — Галлицизм, *vivement touché* — «сильно взволнован».
- 4 <...>
- 7 *И в сладостный, безгрешный сон*... — Слово «сон» в своем обычном смысле означает «состояние сна» или «то, что снится»; в последнем случае оно синонимично существительному «сновидение», «видение во сне». Однако в поэзии оно постоянно используется как заменитель слова «мечта». «Сон» хорошо рифмуется в именительном падеже единственного числа, еще лучше — во всех падежах множественного числа («сны», «снов» и т. д.), а родительный падеж («сна») умножает ряды гигантского и мощного племени рифмующихся слов с окончанием *-на*

XII

- I *Минуты две*... — «Около двух минут», «минуту или две»; но это ложный буквализм. Вряд ли можно вообразить двух людей, стоящих лицом к лицу в полном молчании более пятнадцати секунд.

* «Тянуться, тащиться» (фр.).

** «Становиться на колени» (фр.).

*** «Падать к ногам дамы» (фр.).

13 *Примите исповедь мою...* — Та же строчка (873) есть у Баратынского в поэме «Наложница». См. коммент. к гл. 2, XXXVII, 1.

XIV

5 *...совесть в том порукой...* — См. мой коммент. к гл. 3, Письмо Татьяны, 78 (после коммент. к строфе XXXI).

9—14 Ср.: Сенанкур, «Оберман», Письмо XLV: «...c'est une misère à laquelle on ne peut espérer de terme, de ne pouvoir que plaindre celle... qui n'oppose à notre indignation que des larmes pieuses...»*

XVI

7 *Мечтами легкие мечты...* — Эпитет относится к обоим существительным, — к такому выводу можно прийти, руководствуясь если не грамматическими, то логическими соображениями.

10—11 Рифма не вполне оригинальная (*суждено — но*), с некоей дидактической паузой после стиха 11.

Варианты

XII—XVI

Небольшая проповедь Онегина сперва была намечена в той же манере, что и наброски к Письму Татьяны. (Лично мне вполне ясно, что одно время Пушкин мыслил ответ Онегина Татьяне в виде письма.) Вот набросок этих прозаических строк (2370, л. 71 об.):

«Когда б я думал о браке, когда бы мирная семейственная жизнь нравилась моему воображению то я бы вас выбрал никого другого... я бы в вас нашел [ср. XIII]... Но я не создан для блаженства [ср. XIV]... не достоин... Мне ли соединить мою судьбу с вами [ср. XV]... Вы меня избрали, вероятно я первый ваш *passion*, но уверены ли... Позвольте вам совет дать [ср. XVI]».

Иные фрагменты незаконченных строф, имеющих отношение к монологу Онегина, обнаруживаются в тетради 2370, л. 41:

А (стих 1)

Я вам открылся беспритворно

В (стихи 1—5)

Нет я не изверг сладострастный

Я устыдился б обмануть

Доверчивость души прекрасной

..... . <грудь>

Нет вы достойны быть любимой

* «...Это несчастье, которому не видно конца, и можно только жалеть ту .. которая нашему негодованию противопоставляет лишь благочестивые слезы...» (Фр)

С (стихи 1—7)

Не все [конечно] нет сомненья

Найти возможно исключенья
И вы живой тому пример —
Но вообще клянусь пред вами —
Что женщины не знают сами
Зачем они

Д (стихи 6—10)

Прельщенный вашей красотой
Воображением умом

.. ...
Как ищет изверг сладострастный
Минуты неги в чем-нибудь

XVII

- 2 Этот стих нелепо переложено госпожой Дейч так: «И ослепленная слезами, что, неутертые, блистали / В ее больших темных глазах».
- 6 Как говорится, *машинально*... — Модный галлицизм того времени, *machinalement*, узаконенный Французской академией в 1740 г. Произношение и написание его не вполне устоялись в России (*машинально* — *махиально*). Вяземский 30 мая (или апреля) 1820 г. в письме к Пушкину пишет «махиально» (от «машина» вместо «машина»); ныне эта форма употребляется лишь с шутливым оттенком. Сам Пушкин в черновике строфы XVII, 6 (2370, л. 51 об.) тоже пишет «махиально».
- Как галлицизм встречается и в романе Джейн Остин «Гордость и предубеждение» (1813, т. 3, гл. I). Элизабет Беннет осматривает Пемберли, усадьбу мистера Дарси, в его отсутствие, узнавая много хорошего о хозяине от разговорчивой миссис Рейнольдс, экономки, как вдруг откуда ни возьмись появляется сам Дарси и задает Элизабет разнообразные вопросы, на которые та отвечает «mechanically» — «механически» (то же самое, что «машинально»).
- 8 *Головкой томною склонясь*... — Здесь используется слово «головка», а не «головушка», как в гл. 3, XXXII, 5 (см. коммент).
- 9 В издании 1837 г. опечатка: «пошла» вместо правильного «пошли».

XVIIa

В минуту раздражения своими соседками Пушкин сочинил строфу, которую впоследствии забраковал (2370, л. 51 об.):

Но ты — губерния Псковская
Теплица юных дней моих
Что может быть, страна глухая
4 Несносней барышень твоих?
Меж нами нет — замечу кстати
Ни тонкой вежливости знати
Ни <ветрености> милых шлюх —

- 8 Я уважая русский дух,
Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток острогу
Порою зуб нечистоту
- 12 <И непристойность и> жеманство
Но как простить им <модный> бред
И неуклюжий этикет

I *Но ты — губерния Псковская...* — Важно отметить, что отвергнутое чтение строфы XVIIIa, 1 звучит так: *Но есть губерния Псковская*; следовательно, Псковская губерния никакого отношения к Лариным не имела.

II *Порою зуб...* — Некоторые издания дают «Пороки зуб». В отвергнутом варианте стиха II было «Белья и зуб нечистоту». Все вместе создает отталкивающее впечатление, особенно если представим себе барышень Осиповых («*toutes mauvaises*»*)

XVIII

4—7 Эхо этого пассажа обнаруживается в гл. 8, IX. Назначение обоих фрагментов чисто структурное. В данном случае это не переход от одной темы к другой. Далее идет отступление (от XVIII, 12—14 до XXII: от «друзей» через «родных» и «красавиц нежных» к «самому себе»).

13 *Уж эти мне друзья...* — Здесь интонация менее сердечная, чем в начальном стихе гл. 3, I, где использован тот же самый восклицательный оборот (*Уж эти мне поэты!*). Повтор слова «друзья» усугубляет критический и горький тон настоящего пассажа (автор осуждающе качает головой).

XIX

1—2 Ср. с интонацией байроновского «Дон Жуана», XIV, VII, 2 (см. также коммент. к ЕО, гл. 4, XX, 1): «...nothing; a mere speculation»** (у Пишо, 1824: «...Rien... c'est une simple méditation»).

4—6 *Что нет презренной клеветы, / На чердаке вралем рожденной / И светской чернью ободренной...* — Верхний этаж дома № 12 по Средней Подьяческой улице в Санкт-Петербурге, где драматург и театральный режиссер князь Шаховской³ (см. коммент. к гл. 1, XVIII, 4—10) регулярно устраивал развеселые вечеринки с приглашением балерин, был окрещен «чердаком», и поскольку именно там весной 1820 г. был пущен слух, затрагивающий честь Пушкина, комментаторы усматривают нечто большее, чем совпадение в использовании слова «чердак» в этой горькой и пророческой строфе, с ее свирепыми раскатами аллитерированных *p*. (Иван Тургенев в сноске к французскому переводу Виардо говорит, что Пушкин в этом месте как бы «*prédit les causes de sa mort*»***) Однако правда и то, (1) что «враль» разродился своей клеветой не на «чердаке», а передал ее

* «Дурнушки» (фр)

** «. Ничего, всего лишь размышленья» (англ)

*** «Предсказывает причины собственной гибели» (фр)

из Москвы завсегдагатаям «чердака», и (2) что «чердак» (фр. *gtenier*) есть *lieu comtin**, где зарождаются сплетни.

Враль — пошлый лжец, который болтает Бог знает что, бездельник и плут, *un drôle qui divague*, хвастливый болван, безответственный дурачок, который придумывает и разносит ложь. Глагол «врать» на языке того времени значил не только «говорить неправду» (его современное значение), но также «болтать и хвастать», «молоть чепуху», «вздорно бахвалиться». Грибоедовский Репетилов и гоголевские Ноздрев с Хлестаковым — вральи знаменитые. В следующем стихе *ободренной* — галлицизм, *encouragé*

Надо заметить, что в черновике стиха 5 (2370, л. 72 об) нет никаких чердаков с вральями, зато есть более определенный выпад в сторону конкретного сплетника, которого имел в виду поэт:

Картежной сволочью рожденной

Впервые Пушкина привели на «чердак» к Шаховскому в начале декабря 1818 г. В письме к Катенину (с которым он не виделся с 1820 г.), написанном в начале сентября 1825 г., Пушкин вспоминает в связи с отрывками из трагедии Катенина «Андромаха» (незадолго до того появившимися в болгаринском журнале «Русская талия») «<один> из лучших вечеров моей жизни; помнишь? . На чердаке князя Шаховского». И в том же самом письме поэт сообщает своему адресату: «...четыре песни „Онегина“ у меня готовы, и еще множество отрывков, но мне не до них [занят „Борисом Годуновым“]».

Числа 15 апреля 1820 г. петербургский военный генерал-губернатор, граф Михаил Милорадович (1771—1825), рыцарь, *bon vivant*** и склонный к театральным поступкам государственный муж, пригласил поэта побеседовать об антитиранических стихах, ходивших в списках и приписывавшихся Пушкину. Это была беседа двух джентльменов. Пушкин в присутствии генерала записал свою блестящую оду «Вольность», глуповатый «Нозель» («Ура! в Россию скачет / Кочующий деспот»), а может быть, и еще какие-нибудь короткие вещицы, которые до нас не дошли. Если бы Милорадович не повел дело с Пушкиным столь дружески, то вряд ли влиятельным друзьям поэта (Карамзину, Жуковскому, Александру Тургеневу, Чаадаеву) удалось бы убедить Александра I прикомандировать его к канцелярии дедушки Инзова, главного попечителя Комитета об иностранных поселениях Южного края России⁴, и разрешить провести лето на Кавказе и в Крыму для поправки здоровья — вместо того, чтобы заковать его в цепи и отправить куда-нибудь в арктические тундры.

Тем временем дошел до Москвы и рикошетом вернулся в Петербург слух о том, что, действуя согласно приказу царя, граф Милорадович высек Пушкина в Тайной канцелярии Министерства внутренних дел в Петербурге. Сплетня доползла до поэта в последних числах апреля; Пушкин не смог установить первоисточник и дрался на дуэли (оставшейся неизвестной властям) с человеком, разносившим ее по Петербургу.

4 мая граф Карл Роберт Нессельроде (1780—1862), министр иностранных дел, распорядился выдать «коллежскому секретарю» Пушкину тысячу рублей на дорожные расходы и отправил его курьером в Екатеринослав, где распола-

* Общее место (*фр*).

** Весельчак (*фр*)

гальская ставка Инзова. Спустя несколько дней Пушкин покинул Петербург и только из полученного впоследствии (вероятно, на Кавказе) письма узнал, что знаменитый московский скандалист граф Федор Толстой (1782—1846; его двоюродный брат Николай был отцом Льва Толстого) потчевал своих петербургских друзей рассказами о «порке». (Обстоятельства дела приводят меня к догадке, что Шаховской с Катениным ревностно опровергали этот слух.)

Прозвище Федора Толстого, «Американец», являет отменный образец русского юмора: в 1803 г., будучи участником первой знаменитой кругосветной экспедиции адмирала Крузенштерна, Толстой был высажен за неповиновение на одном из Алеутских островов (Крысином острове), и ему пришлось добираться обратно через Восточную Сибирь, что заняло пару лет. Он был героем двух войн, русско-шведской (1808—1809) и русско-французской (1812). Убил на дуэлях одиннадцать человек. Был известен плутовством в картах. Все шесть лет ссылки Пушкин лелеял мечту о дуэли с Толстым и в сентябре 1826 г., сразу по приезде в Москву, послал ему вызов. Пушкинским друзьям удалось почти полностью помирить их, и что весьма удивительно, Толстой стал доверенным лицом Пушкина, когда тот сватался к Наталье Гончаровой⁵.

В эпилоге к «Руслану и Людмиле» (сочиненном в июле 1820 г. в Пятигорске) и в посвящении к «Кавказскому пленнику» (адресованном в 1821 г. Николаю Раевскому) поэт упоминает «сплетни шумные глупцов» (эпилог, стих 8) и утверждает: «Я жертва клеветы и мстительных глупцов» (посвящение, стих 39). В отместку за клевету он в стихах (1820, 1821) дважды обличил Толстого за безнравственность*. 23 апреля 1825 г. наш поэт писал из Михайловского в Петербург своему брату: «Толстой явится у меня во всем блеске в 4-й песне „Онегина“, если его пасквиль этого стоит...» Пушкин здесь имеет в виду лаконичные, но весьма ядовитые стихи, ходившие в списках (Толстой сочинил их в 1821 г. в ответ на пушкинские диатрибы). Пушкин услышал о них в 1822 г.

В этой эпиграмме, составленной шестью александрийскими стихами, Толстой напоминает «Чушкину» (от «чушь» и «чушка»), что у того «есть щеки». Непостижимо, как мог Пушкин, мстительный Пушкин, с его обостренным чувством чести и amour-propre**, простить такую грубость. Не иначе как Толстой в сентябре 1826 г. заработал прощение ценою каких-то невероятных усилий.

Я полагаю, что, обдумывая четвертую главу, Пушкин сочинил две нижеследующие незаконченные строфы (продиктованные Каверину в Калуге 1 августа 1825 г., по памяти записанные Соболевским для Лонгинова около 1855-го и опубликованные Анненковым в 1857-м в качестве эпиграммы) с намерением развить тему «презренной клеветы» и, возможно, изобразить Толстого в строфах, посвященных Москве, куда должны были отправиться Ларины в этой же песни (см. XXIVa):

* Аллюзия заключена в стихах 55—58 восьмидесятистрочного послания Чаадаеву (1821), писанного александрийским стихом:

Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но просветив себя, исправил свой позор
Отвыкнул от вина и стал картежный вор (Примеч В Н)

** Самолюбие (*фр*).

АА

О муза пламенной саткры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
4 Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
8 Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные клеветы,
Мир вам, смиренные глупцы!

ВВ

А вы, ребята подлецы, —
Вперед! Вашу сволочь буду
Я мучить казнью стыда!
4 Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
8 Готовы от меня принять
Нензгладную печать!

В 1825 г., между началом июля и сентябрем, будучи в Михайловском, Пушкин набросал письмо царю (так никогда и не отосланное), в котором появились следующие строки: «Des propos inconsiderés, des vers satiriques me firent remarquer dans le public, le bruit se répandit que j'avais été traduit et fou [etté] à la Ch[ancellerie] sec[rète]

Je fus le dernier à apprendre ce bruit qui était devenu général, je me vis flétri dans l'opinion, je fus découragé — je me battais. J'avais 20 ans en 1820 — je délibérais si je ne ferais pas bien de me suicider ou d'assassin[er]»*.

Росчерк, который идет далее, прочитывается как *V*, но это не первая и не последняя буква опущенного слова, судя по тире перед ней и волнистой линии после *Я* почти не сомневаюсь, что она означает «Miloradovich» с гипертрофированным *V*^б.

Непостижимо, как толкователи могли вообразить, что *V* означает «Votre Majesté»** (особенно в дальнейшем контексте, где Пушкин определяет свою потенциальную жертву как «un homme auquel tenait tout»*** — что по отношению к царю было бы невозможным принижением — и сообщает, что является невольным поклонником «таланта» данной особы) Столь же непостижимо, как и почему Д. Благой, редактор академического Собрания сочинений 1937 г. (т. 13,

* «Необдуманные отзывы, сатирические стихи обратили на меня внимание. Разнесся слух, будто бы я был отвезен в Тайную канцелярию и высечен. Я последний узнал об этом слухе, который стал уже общим. Я увидел себя опозоренным в общественном мнении. Я впал в отчаяние, я дрался на поединках. Мне было тогда, в 1820 году, 20 лет — я размышлял, не должно ли мне покончить с собой или убить» (*фр*)

** «Ваше величество» (*фр*)

*** «Человек, от которого зависело все» (*фр*)

с. 227), сподобился прочесть слова «fus découragé»* как «suis découragé»**, ведь в этом издании факсимиле рукописи обнаруживает совершенно очевидное сходство между упомянутым *fus* и *fus* в начале абзаца⁷.

Кто же был тот человек, с кем Пушкин стрелялся на дуэли весной 1820 г.?

В дневнике, который вел молодой офицер Федор Лугинин в Кишиневе (15 мая — 19 июня 1822 г.)***, 15 июня отмечено, что Пушкин, с которым он ненадолго сошелся, имел в Петербурге дуэль из-за ходивших слухов о порке в Тайной канцелярии.

В письме от 24 марта 1825 г. из Михайловского в Петербург к Александру Бестужеву (псевдоним Марлинский) Пушкин после добродушных заверений в том, что он столь высоко ценит поэзию Рылеева, что даже видит в нем соперника, добавляет: «...жалею очень, что его не застрелил, когда имел случай — да чорт его знал». Это намек не только на дуэль, но и на какую-то историю, которую Бестужев явно знал столь хорошо, что не было надобности ни в каких разъяснениях.

Знакомство Пушкина с Рылеевым (1795—1826) могло произойти только весной 1820 г., когда Рылеев жил в Петербурге или в загородном поместье Батово⁸ (принадлежавшем его матери Анастасии, дочери Матвея Эссена; оно было куплено⁹ в 1805 г., расположено в нескольких милях к западу от Рождествена, деревни близ Царского Села, в сорока пяти милях на юг от Санкт-Петербурга, по лужскому тракту). Пушкин так живо помнил лицо Рылеева, что, не видав его более пяти лет, рисовал его профиль — с длинным носом, выступающей нижней губой и гладко зачесанными волосами. Отметим также, что Пушкин в своих письмах упоминает Батово как знакомое место: 29 июля 1825 г. из Михайловского он направляет Прасковье Осиповой в Ригу два письма: одно от своей матушки, «другое из Батова»¹⁰. Мы знаем, что в начале 1820 г. Рылеев отправил или сам отвез беременную жену в ее фамильную усадьбу в Воронежской губернии и что 23 мая у него родилась дочь. О собственных его разъездах с конца 1819 по конец 1820 г. известно очень мало (см. примечания Оксмана к изданию сочинений Рылеева, М., 1956)¹¹.

Когда же Пушкин уехал из Петербурга? Если верить В. Гаевскому, биографу Дельвига (получившему сведения от Михаила Яковлева — см. «Современник», 1854, сентябрь), Пушкин уехал из города 6 мая. По словам же Александра Тургенева (в письме к брату Сергею от 6 мая), поэт должен был уехать на следующий день, 7 мая. В один из этих дней он и тронулся в путь со своим слугой, Никитой Козловым; двое друзей «сопровождали его до Царского» (14,5 миль от Петербурга в сторону Луги¹²). Этими друзьями были Дельвиг и Павел Яковлев (1796—1835), сослуживец Пушкина по Министерству иностранных дел и брат его одноклассника Михаила Яковлева.

9 мая 1821 г. в своем кишиневском дневнике Пушкин записывает, что минул ровно год с тех пор, как он покинул Петербург. Возможно, он действительно уехал из города 6 мая 1820 г. Но если и провел следующие несколько дней, до 9-го, в непосредственной близости от города, то имел основания сказать, что уехал из Петербурга 9-го числа. Пушкин был весьма пунктуален относительно роковых дат в своей жизни.

* «Был в отчаянии» (фр)

** «Теперь в отчаянии» (фр).

*** Публикация Оксмана в *Лит насл*, 1934, т. 16—18, с. 666—678. (Примеч В Н)

Моя гипотеза состоит в том, что приблизительно 1 мая 1820 г. Рылеев в своем антиправительственном угаре пересказывал слух о порке как о свершившемся факте (к примеру, так: «Власти нынче секут наших лучших поэтов!»), что Пушкин вызвал его на дуэль, что секундантами были Дельвиг и Павел Яковлев и что дуэль произошла между 6 и 9 мая в окрестностях Петербурга, возможно, в имении матери Рылеева Батово. После этого Пушкин сразу же уехал на юг через Лугу, Великие Луки, Витебск, Могилев и далее, прибыв в Екатеринослав 20 или же 21 мая¹³.

Имение Батово позднее принадлежало моим деду с бабкой — Дмитрию Николаевичу Набокову, министру юстиции при Александре II, и Марии Фердинандовне, урожденной баронессе фон Корф. Прелестная лесная дорога вела к нему от деревни Выра, имения моих родителей, которое было отделено извилистой рекой Оредеж как от Батова (в миле на запад от Выры), так и от поместья Рождествено, принадлежавшего моему дяде Рукавишникову (место это в 1710-е гг. было резиденцией Алексея, сына Петра Великого; унаследовано мною после смерти дяди Василия, в 1916 г.)¹⁴. Непременные летние поездки в Батово — в тарантасе ли, в шарабане или же в автомобиле — помню с тех самых пор, как мое сознательное «я» всплывает из этой трепетной зеленой бездны, с 1902, скажем, года, и вплоть до революции 1917-го, когда, как нетрудно догадаться, все частные земли были национализированы Советами.

Помню потешные дуэли с кузеном¹⁵ на *grande allée** Батова (великолепная аллея, обсаженная гигантскими липами и березами и пересеченная в конце своем строем тополей), где, согласно неким семейным преданиям, Рылеев действительно дрался на дуэли. Помню и одну лесную тропу за Батовом, по которой я мог часами бродить в одиночку, как взрослый, чтобы все ждали и волновались; эту тропу два-три поколения маленьких Набоковых, возвращенных гувернантками, знали как *Le Chemin du Pendu***; а сотнею лет прежде она была любимым местом прогулок самого *le Pendu*, Рылеева. Я знаю, что статья о Батове (В. Нечаев, «Усадьба Рылеева») появилась или должна была появиться году в 1950-м в советском сборнике «Звенья», № 7, но этот выпуск, насколько мне известно, в Америку не попал¹⁶, в отличие от № 8.

XX

1 Ср.: Байрон, «Дон Жуан», XIV, VII, 2: «Gent. reader...»

12—13 Приверженцы биографического подхода усмотрят здесь воспоминание о внезапном отъезде графини Воронцовой с разобиженным супругом из Одессы в Крым (середина июня 1824 г.).

14 ...*долги дни!* — Если это выражение переложить на другой северный язык, то получится «lang dags»***.

* Главная аллея (фр.).

** Дорога висельника (фр.).

*** «Долгие дни» (швед.).

XXI

5—8 Выразительность перечислений в этой до странности слабой строфе достигается путем нанизывания фраз, начинающихся с «но»:

Конечно, так Но вихорь моды,
Но своенравие природы,
Но мненья светского поток
А милый пол, как пух, легок

XXII

5—8 <...>

9—10 <...>

11 *Любите самого себя...* — Еще одна слабая и банальная строфа. Ср.: Гейне, «Возвращение на родину» («Die Heimkehr», 1823—1824), LXIV, стихи 9, 11, 12, который выразил то же самое гораздо лучше:

Braver Mann!

Schade, dass ich ihn nicht küssen kann!
Denn ich bin selbst dieser brave Mann*

XXIII

9—11 Вновь перечисление, напоминающее гл. 2, XXII, 5—8. *Улыбка* оказывается кстати.

13—14 Под исправленным черновиком этой строфы (2370, л. 52) Пушкин, со свойственным ему суеверным отношением к датам, написал: «1 генв. 1825 31 дек. 1824».

Символы «буря», «день» и т. п. часто использовались Пушкиным как в стихах, так и в прозе, по отношению к собственной судьбе. И не следует забывать, что Татьяна — это двоюродная сестра его Музы (см. гл. 8, V, 11—14). Конечно же, нашелся критик, углядевший в конце романа аллегория: Пушкин уступает свою Музу не князю N, а бряцающему шпорами генералу Бенкендорфу (см. коммент. к гл. 8, XLVIII, 5)!

XXIV

2 *...гаснет...* — Галлицизм, *se consume*.

11 *...милые мои...* — Поэт обращается к своим друзьям и читателям.

14 *Татьяну милую мою!* — Создатель Татьяны теперь забудет о ней на двадцать восемь строф (исключая упоминание о грядущих именинах в гл. 4, XLIX), то есть до гл. 5, IV, где начинается тема гадания — сна — именин, заканчивающаяся в гл. 6, III. С точки зрения художественного времени это значит, что

* Не молодец ли? / . / Расцеловать его, жаль, нельзя: / Ведь молодец-то этот — я (нем)

Татьяна страдает и вянет по крайней мере полгода — длится агония, прерываемая посещением пустынного замка Онегина в седьмой главе, после чего мы вместе с Татьяной отправляемся в Москву.

Варианты

Пушкин набросал несколько версий строфы XXIV.

XXIVa

В тетради 2370, л. 52 об. есть отвергнутый черновик:

Родня качает головою
Соседн шепчут меж собою
Пора, пора бы замуж ей
8 Мать также мыслит — у друзей
Тихонько требует совета —
Друзья советуют зной
В Москву подняться всей семьей —
12 Авань в толпе большого света
Татьяне сыщется женных
Мнлей нль счастливей другнх

XXIVb

Еще один черновой вариант (2370, л. 53 об.), продолжающий московскую тему:

Старушка очень полюбила
Благоразумный их совет —
В столицу <ехать> положила,
4 Как только <будет> зимний след
Уж небо осенью дышало
Уж реже солнышко блистало

Продолжается эта строфа как XL, 7—14.

XXIVb, 6 Вариант стиха гласит:

Уж реже <радуга> блнстала

В этот момент Пушкин задался вопросом: что делать дальше с романом, сюжет которого после первого взрыва почти угас? Творческая интуиция подсказала ему отложить рассказ о предполагаемой поездке в Москву. Татьяну отвезут туда лишь в седьмой главе. Из *grands mouvements** первых шести глав (любовь Татьяны к Онегину и кошмарные именины с их трагическими последствиями) второй взрыв должен был начаться в конце четвертой главы.

XXIVc

Черновик в тетради 2370, л. 53 читается так:

* Повороты сюжета (фр.).

- Не в первый раз моей Татьяне
Уж называли женихов
Семейство Л<ариных> заране
4 Поздравить всякой был готов
... ..
Ее искали но доселе
Она отказывала всем —
8 Старуха мать гордилась тем —
Соседи <всех именовали>
И всех по пальцам перечли
Там до Онегина дошли
12 <Потом усердно рассуждали>
И предрекали уж развод
<много> через год

XXIVd

Еще в одном черновике (там же) читаем (стихи 1—3):

Но сплетни <скоро перестали>
Не вздумал свататься жених
А Таня

2 Отвергнутое чтение (там же):

Онегин не приехал вновь .

XXIVe

В другом черновике (2370, л. 53 об.) читаем:

- Когда повеет к нам весною
И небо вдруг оживлено —
Люблю поспешною рукою
4 Двойное выставить окно
С каким-то грустным наслаждением
Я упиваюсь дуновеньем
<Живой> прохлады — но весна
8 У нас не радостна — она
Богата грязью не цветами
Напрасно манит жадный взор
<Лугов> пленительный узор
12 Певец не свищет над водами
Фиалок нет и вместо роз
В полях растоптанный навоз

(Я беру последние три стиха из статьи в ПСС, 1949, т. V, с. 534)¹⁶.

- 4 *Двойное выставить окно.* — Русские дома имели, а может быть, и поныне имеют большие створчатые окна с двумя прочными рамами, одну из которых по весне снимали. Слои ваты толщиной в несколько дюймов, проложенные между рамами, заткнутые щели, внутренние ставни беленого дерева, толстые боковые занавеси и шторы с оборками не пропускали холода. Наши «сторм уиндоуз» смотрятся принадлежностью кукольного домика в сравнении со столь надежной защитой.

12 *Певец...* — Женский род, «songstress» или «chauntress», был бы более традиционным для соловья английского, но по-русски он мужского рода. В отвергнутом черновике (2370, л. 53 об.) прелестен «бюльбюль», персидский вид соловья, которого Пушкин взял из нудных выхолощенных французских пересказов и переложений восточных сказок, столь популярных в XVIII в.

13—14 *...вместо роз.. навоз.* — Отметим здесь «реалистическую» рифму в пику устоявшейся *розы — морозы* из XXIVf, 5—6 (см. также коммент. к гл. 4, XLII, 1—3).

XXIVf

В тетради 2370, л. 54 есть еще один черновик:

Что наше северное лето —
Карикатура южных зим? —
Мелькнет и нет — известно это —
4 Хоть мы признаться не хотим
Ни шум дубрав, ни тень, ни розы
В удел нам отданы морозы
Мягель, свинцовый свод небес
8 Безлиственный серебристый лес
<Пустыни ярко снеговые>
Где свищут подрези саней —
<Средь хладно> пасмурных ночей
12 Кибитки, пеоны удалые
Двойные стекла, банный пар —
Халат лежанка и угар

XXIVe, 5—6 Отметим рифму *розы — морозы*, высмеянную Пушкиным в окончательном тексте гл. 4, XLII, 1—3.

XXV

Все четыре английских переложения этой строфы почему-то особенно отвратительны. Сполдинг заставляет Ленского бродить (rove) с Ольгой «вокруг луга и роши» (grove) (стих 8), «заигрывать с распущенным локоном» (стих 13); Эльтон отправляет их (стихи 7—8) «в путешествие по саду, сложив руки и вдыхая утренний воздух» (очевидно, некий восточный ритуал). Госпожа Дейч видит их «сидящими в ее комнате, в то время как свет угасает» (стихи 5—6), или идущими на прогулку, «чтоб прелесть сада познавать»; а госпожа Радин переписывает Пушкина так (стихи 9—14):

Ну что же еще? Растерян и охвачен
Стыдом и безнадежно запутавшись в силках,
Самое большее, на что он отважился
(Под смех и поддразнивание Ольги),
Лишь разглаживать выбившийся локон
Иль платье милой целовать

Очаровательная картинка.

XXVI

13—14 Где-то видел я — вроде бы в журнале «Живописное обозрение» за 1899 г. — шахматную задачку («Ленский начинает, и Ольга ставит ему мат в один ход»), не без юмора построенную составителем на этом неправильном ходе, решение которой: белая пешка берет белую ладью¹⁷.

Пушкин был посредственным шахматистом и, наверное, проиграл бы Льву Толстому. Кстати, в его библиотеке хранилась прелестная книжица «Шахматная игра» (1824) Александра Петрова, прославленного мастера, с посвящением Пушкину, написанным рукою автора. У него также была книга Франсуа Андре Даникан Филидора «Анализ шахматной игры» (François A. D. Philidor, «Analyse du jeu des échecs», 1820).

Варианты

3—4 Кажется, Пушкин без особой уверенности ссылается здесь на великого Шатобриана.

В черновике (2370, л. 58) читаем (стихи 3—4):

Где скромный Автор <думал боле>
О нравах <чем Шатобриан> —

с отвергнутым чтением стиха 3: «Где скромный немец думал боле» — камушек в огород Августа Лафонтена.

13—14 Отвергнутый черновик (там же), по-моему, можно реконструировать так:

И пешкой своего слона
Берет в рассеяньи она¹⁸

XXVII

1 <...>

3 *Летучие листки...* — «Летучий» грамматически тождествен англ. *flying* (летающий), а «листок» — *small leaf*, фр. *feuille*. «Feuille volante» во французском — вложенная страница или форзац, но «летучие листки», ясное дело, не форзацы. *Flying* превращается во *fleeing* (улетающие). Любопытное переплетение смыслов.

5 *...сельски виды...* — Употребление архаической усеченной формы этого прилагательного (*сельски* вместо трехсложного *сельские*) создает эффект стилизации под сентиментальность самого описываемого объекта.

Вариант

5—6 Беловая рукопись:

То в нем рнсует он цветочек
В венке два сердца, ручеечек

Этот ручеечек, два сердца и лира (из черновика) соединяются с надгробным камнем из окончательного текста — вот вам и весь Ленский.

XXIX

1—4 Ср. Свифт, «Стихи в дамский альбом в переплете из слоновой кости» («Verses Wrote in a Lady's Ivory Table-book», 1698).

Here you may read (*Dear Charming Saint*)
Beneath (*A new Recelit for Paint*)
Here in Beau-spelling (*tru tel deth*)

(Здесь можешь ты прочесть (*О, мой милый анкет*)
И ниже (*Новый рецепт румян*)
Здесь почерком изящным (*верен до могилы*)

и у Приора в «Купидоне и Ганиমেде» (Prior, «Cupid and Ganymede», ок. 1690, стихи 19—20):

Two Table-Books in Shagreen Covers,
Fill'd with good Verse from real Lovers

(Два альбома в шагреновых переплетах,
Заполненные дивными стихами истинно влюбленных)

5 *армейской*. — фактически «принадлежащий к регулярной армии, фронту»; но здесь означает просто вульгарную гарнизонную манеру

5—6 У Сполдинга:

Наверное, один армейский поэт
Тайно от всех вписал свой чудовищный стишок —

что не в пример мрачнее оригинала. Заметим, что госпожа Дейч просто опустила эти строки, укоротив строфу до двенадцати стихов.

6 *стишок злодейской* — Фр. *un petit vers scélérat*, как правильно переводят Тургенев и Виардо.

Варианты

2 В отвергнутом черновике (2370, л. 74) притаилась собачка («под розою найдете вы собачку».

13 Отдельное издание четвертой и пятой глав дает *верно* вместо *важно*

XXX

6 *Толстого...* — Отсылка к Федору Петровичу Толстому (1783—1873), известному художнику (не путать с графом Федором Ивановичем Толстым, прозванным «Американцем», см. коммент. к гл. 4, XIX, 5). В письме Льву Пушкину и Плетневу из Михайловского в Санкт-Петербург от 15 мая 1825 г.¹⁹, посланном им вместе с рукописным сборником стихотворений для печати, Пушкин настоятельно (но тщетно) требует украсить издание виньеткой («Психея, которая задумалась над цветком») и добавляет. «Что, если б волшебная кисть Ф Толстого. .

Нет! Слишком дорога
А ужась как мнла »

(В последних двух строках содержится цитата из басни Дмитриева «Модная жена», стихи 50—51, написанной вольным ямбом и напечатанной в 1792 г. в «Московском журнале».)

- 10 *...подает...* — В отдельных изданиях четвертой и пятой глав — *поднесет* Вальтер Скотт в своем «Дневнике» (20 ноября 1825 г.) называет дамский альбом «самой назойливой формой попрошайничества».

XXXI

Прелестно, что в той части песни, где Пушкин обсуждает стихотворные формы, первую октаву строфы, закрывающую тему, он строит подобно итальянскому сонету — на двух рифмах:

Не мадригалы Ленский пишет
 В альбоме Ольги молодой;
 Его перо любовью дышет,
 4 Не хладно блещет остротой,
 Что ни заметит, ни услышит
 Об Ольге, он про то и пишет
 И полны истины живои
 8 Текут элегии реки
 Так ты, Языков вдохновенный,
 В порывах сердца своего,
 Поешь, Бог ведает, кого,
 12 И свод элегий драгоценный
 Представит некогда тебе
 Всю повесть о твоей судьбе

Классический сонетоплет, конечно, не вынес бы повтора *пишет* — *пишет*

Попытка подобной схемы рифмовки, основанной на двух рифмах, обнаруживается также и в гл. 5, X, где, однако, созвучие женских рифм *няни* и *бане* формально не вполне точно.

- 2 *Ольги молодой...* — Галльское выражение, «de la jeune Olga». Ср гл. 7, V, 11 *Тани молодой*, «de la jeune Tanya».
- 9 *Языков вдохновенный...* — Здесь имеется в виду Николай Языков (1803—1846), заурядный поэт, чрезмерно перехваленный Пушкиным. Впервые они повстречались в 1826 г., когда гостили летом у деревенских соседей Пушкина Осиповых (Алексей Вульф, сын Прасковьи Осиповой, был товарищем Языкова по Дерптскому университету). Языков упоминается также в конце «Путешествия Онегина» (см. коммент. к последней строфе, 6—11)
- 12 *...свод элегий...* — Шенье в посвящении Понсу Дени Экушару Леброну (Epître, II, 3, ll. 16—17. — In: «Oeuvres», ed. Walter) говорит о «l'Élégie à la voix gémissante, / Au ris mêlé de pleurs...»* Пушкин позаимствовал метафору «свод» (*code*) из стихов 60—61 этого стихотворения:

Ainsi que mes écrits, enfants de ma jeunesse,
 Soient un code d'amour, de plaisir, de tendresse**

* «Элегия для жалобного голоса, / Смех сквозь слезы...» (Фр)

** Также как мои писанья, дети моей юности, / Представляют свод любви, удовольствия, нежности (Фр)

XXXII

- 1 ...*тише!* — Английские эквиваленты «hark!», «list!», «whist!», «hush!» и т. п. подразумевают призыв молчать или слушать. Русское «чу!» ассоциируется с понятием «чувать», включающим в себя соответствующие ощущения. «Тише» — сравнительная степень от «тихо».
- 1 *Критик строгой* — не кто иной, как Кюхельбекер, который опубликовал (12 мая 1824 г.) эссе под громоздким названием «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» («Мнемозина», 1824, ч. II, с. 29—44), где он справедливо разбил русскую элегию за ее бесцветность и расплывчатость, безличную обращенность в прошлое, набивший оскомину лексикон и прочее, но зато многоречиво превознес русскую оду (часто напыщенную и верноподданническую) как вершину вдохновенного лиризма. Пушкин, сочинивший эту строфу в январе 1825 г., примерно в то же время или ранее подготовил предисловие (см. выше «Отвергнутые вступления») к отдельному изданию первой главы (1825), где ссылается на это эссе, которое задело его, ибо лексика его собственных элегий, невзирая на их великолепную мелодичность, вполне попала под огонь кюхельбекеровской атаки (ведь Кюхельбекер действительно писал: «Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все...»). Более того, Пушкин оставил рукописную заметку (см.: ПСС 1949, т. 7, с. 40 и 663), в которой отвечает как на июньское эссе Кюхельбекера, так и на его же статью «Разговор с Ф. В. Булгариным» в октябрьском выпуске «Мнемозины» (1824, ч. III) и обвиняет автора в том, что тот смешал *восторг* (моментальный экстаз творческого восприятия) и *вдохновение* (истинное, спокойное, продолжительное, нужное «в поэзии, как и в геометрии»), и несправедливо утверждает, что ода (Пиндар, Державин) исключает и план, и «постоянный труд, без коего нет истинно великого»²⁰.

Вильгельм Кюхельбекер происходил из немцев: *Wilhelm von Kuchelbecker*, согласно дарственной надписи, сделанной для него Гете на экземпляре «Вертера», подаренном ему в Веймаре 22 ноября 1820 г. по новому стилю. Он почти на десяток лет пережил Пушкина (1797—1846). Интересный поэт-архаист, беспомощный драматург, одна из несметных жертв Шиллера, отважный идеалист, героический декабрист, в общем — фигура трагическая, он десять лет после 1825 г. провел в заключении то в одной, то в другой крепости, а остаток своих дней — в сибирской ссылке. Он был лицейским товарищем Пушкина; «les fameux écrivains [печально известные шелкоперы], Pouschkine et Kuchelbecker» — так великий князь Константин соединил их имена в дуэт в частном письме Федору Опочинину от 16 февраля 1826 г. из Варшавы, осведомляясь, является ли некто Гурьев их одноклассником²¹.

Заметка Бартенева (1852) о дуэли Пушкина с Кюхельбекером в 1818 г.* в действительности необоснованна, хотя есть несколько анекдотов, до нее касающихся; в лучшем случае это могла быть злая шутка, сыгранная с Кюхельбекером его циничными приятелями.

Лишь в самом конце своего необыкновенно печального и жалкого литературного пути, на закате жизни, сперва осмеянный друзьями и недругами, затем и вовсе забытый всеми, больной, слепой, сломленный годами ссылки, Кюхель-

* Русский архив, 1910; цит. по: Тынянов Ю. Пушкин и Кюхельбекер. — Лит. насл., 1934, т. 16—18, с. 321—378 (Примеч В Н)

бекер написал несколько замечательных стихотворений, одно из которых — подлинный шедевр, создание истинного гения — «Участь русских поэтов» (написано в Тобольской губернии в 1845 г.). Я цитирую последние десять строк из двадцати:

их бросают — в черную тюрьму,
 Морят морозом безнадежной ссылки.
 Или болезнь наводит ночь и мглу
 На очи прозорливцев вдохновенных;
 Или рука любезников презренных
 Шлет пулю их священному челу,
 Или же бунт поднимет чернь глухую,
 И чернь того на части разорвет,
 Чей блестящий перунами полет
 Сияньем облил бы страну родную

Пуля убила Пушкина, чернь растерзала Грибоедова.

Вот одна трагическая запись из дневника Кюхельбекера: «Если человек был когда несчастлив, так это я; нет вокруг меня ни одного сердца, к которому я мог бы прижаться с доверенностью» (Акша, сентябрь 1842 г.).

Кюхельбекер, критикуя элегию, перечислял образцы ее пошлого словаря: *мечта, призрак, мнится, чудится, кажется, будто бы, как бы, нечто, что-то*:

«Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все... Чувство уныния поглотило все прочие [эту фразу Пушкин цитирует в предисловии к первой главе, 1825]... Картины везде одни и те же: луна, которая — разумеется — „уныла и бледна“, скалы и дубравы, где их никогда не бывало, лес, за которым сто раз представляют заходящее солнце, вечерняя заря, изредка длинные тени и привидения, что-то невидимое, что-то неведомое, пошлые ино-сказания, бледные, безвкусные олицетворения *Труда, Неги, Покоя, Веселия, Печали, Лени* писателя и *Скуки* читателя; в особенности же — туман: туманы над водами, туманы над бором, туманы над полями, туман в голове сочинителя...»

Суть всего этого Кюхельбекер, как я понимаю, позаимствовал в одной из двух статей о Байроне, подписанных «R» [Этьен Беке], опубликованных в «Journal des débats» (Париж, 23—24 апреля и 1 мая 1821 г.): «Vous pouvez être sûr d'avance qu'il y a un *vague indéfinissable* dans leur figure, du vague dans leur mouvements, du vague dans leur conduite, parce qu'il y a beaucoup de vague dans la tête du poète»*.

Ср. описание элегий Ленского в гл. 2, X.

6 Отдельное издание четвертой и пятой глав дает нам *или* вместо *и*.

14 *Пишите оды...* — Первой одой в русском силлабическом стихосложении была «Ода на взятие города Гданьска» Василия Тредиаковского (1703—1769), изданная в 1734 г. в виде брошюры. Это преднамеренное подражание «Оде на взятие Намюра» («Ode sur la prise de Namur») Буало (1693). Тредиаковский также следовал Буало, различая две главные разновидности оды, хвалебную и нежную, и защищая в них лирический (*красный*, то есть красивый) беспорядок. Героическая ода была первой формой, которую принял русский лирический стих начиная с

* «Вы можете быть заранее уверены, что есть *неуловимая неопределенность* в их облике, неопределенность в их движениях, неопределенность в их поведении, ибо много неопределенности в голове поэта» (*фр*).

ломоносовской «Оды на взятие Хотина» (написанной в 1739-м и изданной в 1751 г.), которая проанализирована в Приложении II «Заметки о просодии», где я обсуждаю торжественное вхождение в Россию четырехстопного ямба, с последующим усвоением немецкой просодии и французской строфической формы. Эта красивая *strophe de dix vers** по количеству слогов тождественна четырехстопному размеру; придумал ее Ронсар (например, строфа I из оды в пятьдесят семь стихов, начинающейся словами «Comme un qui prend une soupe»**, сочиненной в 1547 г. и опубликованной в первой книге его «Odes» в 1550 г. в «OEuvres», ed. Cohen, vol. 1, no. II), а популяризировал Малерб (Malherbe). Она состоит из *quatrain à rimes croisées**** *abab* и двух трехстиший с рифмовкой *eeiic* (порядок мужских и женских рифм иногда обратный: *babacedde*), а количество слогов — семь или восемь, не считая женских концовок. Прекрасный образец (который к тому же и интонирован по-онегински — с характерными перечислениями) — «Sur l'attentat commis en la personne de Henry le Grand, le 19 Décembre 1605»**** Малерба. Вот его XVIII строфа (цит. по: La Poésie de M. de Malherbe, ed. Jacques Lavaud, Paris, 1936—1937):

Soit que l'ardeur de la priere
Le tienne devant un autel,
Soit que l'honneur à la barriere
L'appelle à débattre un cartel,
Soit que dans la chambre il médite,
Soit qu'aux bois la chasse l'invite,
Jamais ne t'escarte si loin,
Qu'aux embusches qu'on luy peut tendre
Tu ne soit prest à le deffendre,
Sitost qu'il en aura besoin+

Обе строфы — французская одическая и онегинская — родственницы сонета. По форме четырнадцатистрочная онегинская строфа выше талии совпадает с французской одической строфой (в обеих сходная рифмовка первых семи стихов). Онегинская строфа, можно сказать, наполовину ода, наполовину сонет. Мы могли бы назвать ее строфой-русалкой. Хвост ее рифмуется *ciddiff*, одическая же строфа ниже талии — *ис*.

Если сравнить французскую десятистрочную одическую строфу (*ababeecic*) с обычной сонетной (*abababaeecic*), можно заметить, что она есть неполный сонет, то есть сонет, в котором не хватает второго катрена.

Гудар де ла Мотт в своих суховатых «Размышлениях о критике» («Réflexions sur la critique», pt. IV. — In: OEuvres, 1754, vol. 3, p. 256) изящно описывает ее как «un air, dont le quatrain est la première partie, et dont les deux tercets sont la reprise...»++. Ей нет четкого соответствия в английском. Приор (Prior, 1695),

* Строфа из десяти стихов (*фр*)

** «Как тот, кто берет кубок» (*фр*)

*** Четверостишие с перекрестными рифмами (*фр*)

**** «Покушение на Генриха Великого 19 декабря 1605» (*фр*)

+ Пусть жар молитвы / Удерживает его перед алтарем, / Пусть честь к барьеру / Зовет его на поединок, / Пусть в своей комнате он предается размышлениям, / Пусть охота зовет его в леса. / Никогда не удаляйся столь далеко, / Чтоб, если ему расставят сети, / Ты не смог бы защитить его / Тотчас, как он будет в этом нуждаться (*фр*).

++ «Мотив, в котором четверостишие звучит как ведущая партия, а два терцета вторят ему.» (*Фр*)

пародируя «Оду на взятие Намюра» Буало, демонстрирует столь же слабое представление о технике *strophe de dix vers*, сколь Буало — о технике Пиндара, тогда как Коули (Cowley; 1656) подменяет чрезвычайно строгую одическую форму Пиндара туманным и порывистым лиризмом.

Для Пушкина понятие «ода» связывалось с героическими стихами в духе Тредиаковского и Ломоносова. Кажется, он упускает тот факт, что вершина русской поэзии XVIII в. — это величественные державинские оды к Государыне Императрице и к Господу Богу (а самое замечательное стихотворение первого двадцатилетия века следующего — его собственная ода «Вольность»). Пушкин не был охотник до французских официальных од и не знал английской оды своего времени (от Коллинза до Китса) с ее свежей струей романтического неистовства. Когда Пушкин говорит «ода», он явно представляет себе скопище напыщенных и неповоротливых риторических виршей, подмечая, скорее всего, ту тяжеловесность, что привнесли в оду архаисты. Кюхельбекер был не одинок, предпочитая оды старинного, ломоносовско-державинского толка современным ему романтическим элегиям. Шевырев (с некоторыми архаическими уловками и изысками мифо-поэтических фигур речи), предшественник Тютчева (гениальности которого ему не хватало), имел схожие пристрастия. Словесники-классификаторы различают два главных поэтических течения: архаисты (Державин, Крылов, Грибоедов, Кюхельбекер) и романтики (Жуковский, Пушкин, Баратынский, Лермонтов). В Тютчеве же оба эти течения сливаются воедино.

XXXIII

- 6 Здесь содержится отсылка к сатирическим стихам Ивана Дмитриева (1760—1837) «Чужой толк», 1795 (150 ямбических гекзаметров). *Толк* — объяснение, чувство, мнение. Это название может также пониматься как «иностранный учение», французский псевдоклассицизм, — хотя Дмитриев едва ли стал бы сокрушаться по поводу французских веяний. В этом путаном и тяжеловесном произведении четыре действующих лица: старик, который жалуется автору на русские оды и удивляется, отчего они столь дурны; автор собственной персоной (у Пушкина — «сатирик»), которому претит этот разговор о собратях-поэтах; Аристарх, суровый критик, вступающий в спор и растолковывающий старику, отчего дурны русские оды (торопливы, корыстны); и наконец, сочинитель од (у Пушкина — «хитрый лирик», или «пышный лирик» — в отвергнутом черновике), чью манеру сочинять оды описывает критик. Кончается все тем, что критик говорит:

Кто в громкий славою Екатеринин век
Хвалой ему сердец других не восхищает
И лиры сладкою слезой не орошает,
Тот брось ее, разбей, и знай он не поэт!

В ответ автор обращается к своим собеседникам и предлагает вместе сочинить длинную сатиру на Аристарха, который так их разобидел.

Нынче сам спор Пушкина с Кюхельбекером кажется довольно скучным. Дело тут главным образом в терминах, поскольку то, что зовется «одой», может быть столь же совершенно, сколь и любая иная поэтическая форма, в зависимости от таланта создателя.

14 ...ссорить... — у этого русского глагола нет простого английского эквивалента. <...> Он используется также в гл. 6, VI, 13 (*поссорить*).

Два столетия, которые Пушкин не желает стравливать друг с другом, — это XVIII и XIX вв., или, точнее, эпоха Ломоносова и Державина, длившаяся соответственно годам их творчества (1739—1765 и 1776—1816), то есть более полувека, и период с 1800 по 1825 г. — время взлета романтической элегии (Жуковский, Пушкин и многие другие).

XXXIV—XXXV

В черновиках этих строф (18 января 1825 г.; тетрадь 2370, л. 75 об. и 76) тут и там встречаются записи, касающиеся пророческого сна Григория Отрепьева в первой части «Бориса Годунова», романтической драмы, которую в то время сочинял Пушкин (декабрь 1824 — 7 ноября 1825 г.).

XXXV

3 ...старой няни... — Это Арина (или Ирина) Родионовна (1758—1828), домоправительница Пушкина в Михайловском, куда он отправился или, скорее, был отправлен из Одессы в 1824 г. Ее не следует путать с безымянной няней, которой Пушкин снабдил девиц Лариных (путаница, намеренно введенная Пушкиным в письме к Шварцу, которое я цитирую в коммент. к гл. 3, XVI, 14), или же с няней, ходившей за Пушкиным-дитятею.

Сперва Арина была вывезена из своего родного села Кобринно (близ Суйды, Петербургской губернии) в Москву, нянчить сестру Пушкина Ольгу (1797—1868), двумя годами старше его Имения Михайловское (в Псковской губернии) и Кобринно (или, скорее, Руново, как называлось само имение) в 1782 г. были унаследованы Осипом Ганнибалом от отца Абрама (прадеда Пушкина по материнской линии); в 1800 г. Кобринно было продано, но без Арины. Народолюбцы-пушкинисты обожают ее до слез. Влияние ее сказок на Пушкина усердно и нелепо раздувается. Вряд ли Пушкин когда-нибудь читал ей вслух *ЕО*, в чем уверены некоторые комментаторы и иллюстраторы. В 1820-е гг. она твердою рукою вела хозяйство, держала в страхе служанок и была очень не прочь приложиться к бутылочке. Пушкин, отзывавшийся на всякое модное литературное веяние своего времени, романтизировал ее в стихах, хотя и в самом деле душевно любил Арину и ее сказки. На моей памяти все русские дети обычно учили наизусть стихотворение «Зимний вечер» (сочиненное в 1825 г. и впервые опубликованное в альманахе «Северные цветы» на 1830 г.) — четыре восьмистишия, написанные четырехстопным хореем: «Буря мглою небо кроет...» Вот начало третьей строфы:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя, где же кружка?
Сердцу будет веселей
Спой мне песню

Кроме того, в 1826 г. Пушкин посвятил ей трогательную элегию (неоконченную) — двенадцать с половиной стихов, написанных четырехстопным ямбом, начинается она так:

Подруга дией моих суровых,
Голубка дряхлая моя!*
Одиа в глуши лесов сосиновых
Давио, давио Ты ждешь меия

А в стихотворении, которое можно было бы озаглавить «Возвращение в Михайловское» (см. примеч. к гл. 2, II, 2), написанном в 1835 г., Пушкин вспоминает, как она делила с ним годы изгнания в деревенской глуши (1824—1826) и рассказывала ему множество сказок, «затверженных» поэтом «с малых лет, но все приятных сердцу».

Собственной же няней поэта, его «мамушкой», в годы младенчества была вовсе не Арина, а другая женщина, вдова по имени Ульяна, о которой, к сожалению, известно очень мало. По отчеству она была, кажется, Яковлевна, родилась примерно в 1765 г.²²

3—4 В отрывке, озаглавленном «Сон» (1816; 220 пятистопных ямбов со свободной схемой рифмовки), Пушкин говорит об Ульяне (стихи 173—179, 183—186):

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных иочей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Оиа, духов молитвой уклоия,
С усердием перекрестит меия
И шепотом рассказывать мие станет
О мертвецах, о подвигах Бовы
. . .
Под образом простой иочник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкии чепец
И длииный рот, где зуба два стучало

В элегии 1822 г., сочиненной в Кишиневе (26 пятистопных ямбов со свободной схемой рифмовки; начинается словами: «Наперсница волшебной старины...»), Пушкин описывает два обличья, в которых к нему является Муза: старая няня (стихи 5—12) и юная чаровница (стихи 18—25):

[К Музе]

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов, игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
4 Во дни утех и снов первоначальных
Я ждал Тебя, в вечерней тишине
Являлась Ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне,
8 В больших очках и с резвою гремушкой
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух иапевами пленила
И меж пелеи оставила свирель,
12 Которую сама заворожила

* Однако дать дословный перевод — «my decrepit doveling» — было бы чересчур, даже для буквалиста; мой перевод — «my dear decrepit friend». (Примеч В Н)

Это вновь Ульяна. Мне кажется очевидным, что лишь начиная с поздней осени 1824 г. в Михайловском Пушкин действительно начинает ретроспективно отождествлять Арину (теперь домоправительницу, бурмистершу, а в прошлом — няню сестры) с неким собирательным образом «няни моей». Итак, давайте помнить Арину, но не забудем при этом и добрую Ульяну.

- 8 *Душу трагедией в углу...* — Эта трагедия — «Борис Годунов», см. коммент. к XXXIV—XXXV.

Ср. предпоследний стих (475) в «Искусстве поэзии» Горация:

quem vero arripuit, tenet occiditque legendo

«Кого бы ни поймал он, хватает его и зачитывает до смерти» (или «убивает своей декламацией»).

В исправленном черновике вместо «трагедией» у Пушкина стоит «поэмою», а в отвергнутом черновике — «куплетами» (фр. *couplets* — термин, беспечно раздаваемый Пушкиным и строфам, и стансам), то есть отсылка к *ЕО*.

- 9—14 Еще в 1815 г у Пушкина в четырехстопном стихотворении «Моему Аристарху» (обращенном к лицейскому учителю латыни Н. Кошанскому, 1785—1831) появились следующие великолепные строки:

Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю

XXXVI

Опубликована только в отдельном издании четвертой и пятой глав:

Уж их далече взор мой ищет —
А лесом кравшийся стрелок
Поэзию клянёт и свищет,
4 Спуская бережно курок —
У всякого своя охота,
Своя любимая забота —
Кто целит в уток из ружья,
8 Кто бредит рифмами как я,
Кто бьет хлопущей мух иахальных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
12 Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином —
И благо смешано со злом

Это исключительно слабая строфа. Первое четверостишие являет собой нагромождение разрозненных образов, из которых смутно вырисовывается следующее: поэт распугивает уток, декламируя свои стихи; охотник стреляет в уток, «бережно» нажимая на спусковой крючок; этот охотник крался себе лесом, а теперь поносит поэта и высвистывает своего пса.

- 8—9 Вместо этого вялого куплета, желая избавиться от назойливых мух (которых дядюшка Онегина давил корявым пальцем на стекле²³: см гл. 2, III, 1—4), Пушкин внес от руки исправление на полях своего экземпляра отдельного

издания четвертой и пятой глав (опубликованных 31 января — 2 февраля 1828 г. и переплетенных вместе с главами первой — третьей и шестой)

Кто эпиграммами, как я,
Стреляет в куликов журнальных*

Именно сюда, в это переплетенное собрание глав (МБ 8318), Пушкин вписал одну строку эпиграфа из Вяземского (гл. 1), эпиграф «O Rus!» (гл. 2) и слово «ведьма» вместо «ворон» (см. коммент. к гл. 5, XXIV, 7—8).

XXXVII

9 *Гюльнара* — от фр. *Gulnare*. Эдвард Вильям Лэйн в примечании к главе 23 своего целомудренного переложения «Тысячи и одной ночи» (Edward William Lane, «The Thousand and One Night», London, 1839—1841) пишет (III, 305): «*Джюльнар* (в просторечии *Джюльнар*) происходит от персидского *gulnár* и означает „цветок граната“». Словари это подтверждают.

В поэме «Корсар» (II, XII) Байрон так описывает свою героиню:

That form, with eye so dark, and cheek so fair,
And auburn waves of gemmed and braided hair

(Этот образ с такими темными глазами, и нежными щеками,
И каштановыми локонами украшенных жемчугами волос)

В письме Анне Керн от 8 декабря 1825 г. Пушкин пишет: «*Vous m'êtes d'acquiescé pour moi un nouveau charme... c'est vous que je verrai dans Gulnare...*»**

10 *Геллеспонт* — пролив между Мраморным и Эгейским морями; Дарданеллы.

Байрон писал Генри Друри 3 мая 1810 г.: «Сегодня утром я проплыл от *Сестоса* до *Абидоса*. Напрямую расстояние это не превышает и мили, но течение опасным образом его увеличивает... [Я проплыл его] за час и десять минут»

См. также восхитительные строки из конца песни II (CV) «Дон Жуана».

[Juan] could, perhaps, have passed the Hellespont,
As once (a feat on which ourselves we prided)
Leander, Mr Ekenhead, and I did

([Жуан] возможно, переплыл бы Геллеспонт,
Как однажды (к вящей нашей гордости)
Переплыли его Леандр, мистер Экенхед и я)

Пушкину они известны были в переложении Пишо (1820)

Варианты

13—14 Беловая рукопись (ПБ 14) содержит следующие два отвергнутых стиха, с аккуратной пометой на полях: «en blanc»***.

* *Георгиевский Г* Автограф А С Пушкина. — Записки отдела рукописей (описаны некоторые автографы в Ленинской библиотеке, Москва), 1938, № 1 Публикуется факсимиле этих двух стихов (с. 14) (*Примеч В Н*)

** «Байрон получил в моих глазах новую прелесть.. Вас буду видеть я в образе Гюльнары...» (*Фр*)

*** «Набело» (*фр*).

И одевался — только вряд
Вы носите ль такой наряд

XXXVIII

Вслед за вариантом двустишия из строфы XXXVII следует строфа XXXVIII, тоже отвергнутая. Пушкин начал наряжать Онегина в свои собственные одежды, но потом передумал.

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарской на распашку
4 И шляпу с кровлею как дом
Подвижный — сим убором чудным
Безнравственным и безрассудным
Была весьма огорчена
8 Псковская дама Дурица
А с ней Мизинчиков — Евгении
Быть может толки презирал,
А вероятно их не знал,
12 Но все ж своих обыкновений
Не изменил в угоду им
За что был ближним нестерпим

1 *Носил он...* — Бродя в окрестностях своего имения в Михайловском, Пушкин одевался весьма причудливо — то была последняя твердыня его личной свободы, знак отстаивания собственных прав. Полиция и благонамеренные соседи распознали его истинные намерения. Местный купец по фамилии Лапин записал в своем дневнике (29 мая 1825 г.) в Святых Горах: «И здесь имел счастье видеть Александру Сергеевича Г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею, а на прим. У него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою, с железною в руке тростию, с предлинными черными бакинбардами, которые более походят на бороду, также с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом, я думаю, около $\frac{1}{2}$ дюжин»*.

Пушкин носил железную трость, чтобы развить верность и меткость руки, готовясь к дуэли, на которой он намеревался при первой же возможности стреляться с Федором Толстым (см. примеч. к гл. 4, XIX, 5). Начал он носить ее после ссоры с одним молдаванином 4 февраля 1822 г. в Кишиневе, по воспоминаниям И. Липранди («Русский архив», 1866, с. 1424), оценившего вес трости в восемнадцать фунтов. Другой источник** пишет, что трость, которую Пушкин носил в Михайловском, весила восемь фунтов²⁴.

Журналист А. Измайлов (см. коммент. к гл. 3, XXVII, 4) писал другу 11 сентября 1825 г. из Петербурга, что 29 мая на ярмарке в Святых Горах Пушкин был окружен нищими и давил апельсины обеими руками. Была на нем красная рубаха с воротом, шитым золотом.

* Софийский Л. Город Опочка. Псков, 1912, с. 203. (Примеч. В Н)

** Тимофеев К. Журнал Министерства народного просвещения, 1859, цит. по Вересаев В. Пушкин в жизни 5-е изд. М.; Л., 1932, с. 185 (Примеч. В Н)

«Большая соломенная шляпа» (согласно дневнику Вульфа) была той плетеной из корней белой шляпой («корневой шляпой»), которую Пушкин привез из Одессы. Не следует путать ее с другим головным убором поэта, описанным далее (см. коммент. к вариантам стиха 4).

- 3 *Армяк...* — Эта разновидность кафтана представляет собой нечто напоминающее по покрою верхнюю рабочую одежду, обычно из верблюжьей шерсти.
- 8 Определение *псковская* по отношению к госпоже Дуриной («*Dame Goose*») не обязательно означает, что место действия романа совпадает с той местностью в Псковской губернии, где находилось имение Пушкина (*псковская* может значить и «родом из Пскова»). Напротив, несколько разрозненных деталей указывают на местность чуть восточнее; но верно также и то, что на протяжении всей поэмы тут и там происходит некое наложение деталей, когда собственные впечатления Пушкина от сельской жизни расцветивают вымышленную картину обобщенной русской *rus**.
- 9 *Мизинчиков* — комическая фамилия, у которой, однако, есть двойник — фамилия одного из деревенских соседей Пушкина, Пальчиков²⁵, от слова «пальчик», то есть «маленький палец». Мизинчиков же образован от «мизинчика», «мизинца», фр. *l'auriculaire*, так что раздраженного господина здесь можно по-английски назвать «*Mr. Earfingerlet*».

Варианты

- 4 Черновик (2370, л. 76 об.):

И шапку с белым козырьком

Отвергнутый черновик:

Картуз с огромным козырьком

На полях черновика гл. 5, III—IV (2370, л. 80), воспроизведенного Эфросом (с. 215), есть карандашный набросок: стоящий Пушкин в той самой шляпе и с хлыстом в руке (а вовсе не со знаменитой железной тростью, как полагает Эфрос)²⁶.

XXXIX

- 1—4 Один из лучших примеров для иллюстрации трудностей особого рода, которые должны иметь в виду переводчики Пушкина, — это следующее четверостишие из строфы XXXIX, описывающее летнее времяпрепровождение Онегина в 1820 г. в его деревенском поместье:

Прогулки, чтение, сон глубокой,
Лесная тень, журчанье струи,
Порои белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй

* Деревня (лат)

В первом стихе (верно переведенном Тургеневым — Виардо как «La promenade, la lecture, un sommeil profond et salutaire»), *прогулки* нельзя перевести очевидными «walks», поскольку это русское слово может означать и верховые прогулки, предпринимаемые как в виде спортивных упражнений, так и для удовольствия. В своем переводе я отказался от «promenades» и остановился на «gambles», поскольку это слово с равным успехом может быть употреблено для обозначения как пеших, так и верховых прогулок. Следующее слово означает «reading», а далее идет головоломка: «сон глубокой» подразумевает не только «deep sleep», но и «sound sleep» — «целительный сон» (откуда и двойной эпитет во французском переводе), а также, конечно, и «sleep by night» — «ночной сон» (и в самом деле, в черновике стоит отвергнутое: *Прогулки, ночью сон глубокой...*). Появляется искушение воспользоваться словом «slumber» — «дремота», что было бы славным эхом (хоть и в иной тональности) аллитераций подлинника (*прогулки — глубокой, «gambles» — «slumber»*), но подобных изысков переводчику следует остерегаться. Самое верное переложение этого стиха, скорее всего:

Rambles, and reading, and sound sleep —

что сравнимо с «Sound sleep by night; study and ease» («Ночной целебный сон, занятия и свобода») в «Оде на одиночество» Поупа («Ode on Solitude», 1717) или с томсоновским «Retirement, rural quiet, friendship, books» («Покой, тишь сельская, друзья и книги») в «Весне» («Spring», стих 1162).

В следующем стихе:

Лесная тень, журчанье струй —

лесная тень — это «the forest's shade» или даже более адекватная «the sylvan shade», но тут появляется еще одно затруднение: ловушка, таящаяся в *журчанье струй*, что в конце концов я перевел как «the purl of streams», поскольку слово «струи» (им. пад. мн. ч.) имеет два смысла: один, простейший, это английское «streams» в его старом понимании, означающее не «массы вод», а скорее «тонкие потоки», «ручейки» (например, у Чарльза Коттона в «Уединении» / *Charles Cotton, «The Retirement»*, стих 48: «And Loire's pure streams...» — «Луары чистые струи»; см. также «Оксфордский английский словарь»), тогда как есть и другое значение, сходное с французским *ondes* — «воды», которое и пытался выразить Пушкин; поэтому переводчику Пушкина должно быть ясно, что стих в английском переводе:

the sylvan shade, the purl of streams —

(или, как выразился бы английский стихотворец старого образца: «the greenwood shade, the purling rillets» — «тень дубрав, журчанье ручейков») по умыслу автора, описывает идиллическую картинку, милую поэтам-аркадийцам. Лес и воды, «les ruisseaux et les bois»*, без труда отыщутся в бесчисленных «éloges de la campagne»**, восхваляющих «зеленые чертоги», бывшие в фаворе у французских и английских поэтов XVIII в. Типичные образчики банальностей такого рода: «Le silence des bois, le murmure de l'onde» — «Молчание лесов, журчанье вод» у Антуана Бертена (Antoine Bertin, «Les Amours», кн. III, элегия XXII) и «dans

* «Леса и ручейки» (фр.).

** «Похвалы деревне» (фр.).

l'épaisseur du bois, / Au doux bruit des ruisseaux» — «во глубине лесов, в нежном говоре ручьев» у Парни (Parny, «Poésies érotiques», bk. I: «Fragment d'Alcée»).

Вот мы и одолели, не без помощи второразрядных французских поэтов, два первых стиха этой строфы. Теперь первое четверостишие готово:

Rambles, and reading, and sound sleep,
the sylvan shade, the purl of streams,
sometimes a white-skinned, dark-eyed girl's
young and fresh kiss .

В стихах 3—4:

Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй —

переводчик становится пред лицом того факта, что Пушкин маскирует автобиографический намек под видом дословного перевода из Андре Шенье, которого, впрочем, он не упоминает ни в одном из сопутствующих примечаний. Я несгибаемый противник ведения литературных дискуссий, основанных преимущественно на обстоятельствах личной жизни автора; к тому же подобная эмфаза была бы особенно несообразной в случае пушкинского романа, где стилизованный и потому нереальный Пушкин является одним из главных героев. Однако почти несомненно, что в настоящей строфе поэт, посредством уникального для 1825 г. приема, закамouflировал свой собственный опыт — имеется в виду приключившаяся тем летом в Михайловском любовная история с одной хрупкой крепостной девицей, Ольгой Калашниковой (род. ок. 1805 г.), дочерью Михаила Калашникова (1775—1858), в то время управляющего имением, а позднее бывшего в той же должности в Болдине (имение отца Пушкина в Нижегородской губернии). В конце апреля 1826 г. Пушкин отправил Ольгу, брюхатую, в Москву, попросив Вяземского отослать ее после родов в Болдино, а ребеночка укрыть в одном из имений Вяземского. Неясно, какие в конце концов были предприняты меры. Ребенок (мальчик) родился в Болдине 1 июля 1826 г. и был записан сыном крестьянина Якова Иванова, причетника. Окрестили его Павлом. О судьбе его ничего не известно. Мать же его по приезде в Болдино была выдана замуж (в 1831 г.) за какого-то Павла Ключникова, мелкого помещика и пьяницу²⁷.

Если теперь мы обратимся к Шенье, то в отрывке, датированном 1789 г., «Элегии», III (в кн.: «Oeuvres», ed. Walter), опубликованном А. де Латушем (H. de Latouche) в 1819 г., найдем (стихи 5—8):

Il a, dans sa paisible et sainte solitude,
Du loisir, du sommeil, et les bois, et l'étude,
Le banquet des amis, et quelquefois, les soirs,
Le baiser jeune et frais d'une blanche aux yeux noirs*.

Никто из переводчиков Пушкина — английских ли, немецких ли, французских — не заметил того, что несколько русских пушкинистов открыли** неза-

* Он предается в спокойном и священном уединении / Отдыху, сну, прогулкам в лесах, занятиям, / Дружескому пиру, а порой, по вечерам, / Ловит юный и свежий поцелуй черноокой белянки (фр).

** Открытие, впервые опубликованное, по-моему, С. Савченко: «Элегия Ленского и французская элегия». — В кн.: Пушкин в мировой литературе. Л., 1926, с 361—362. (Примеч. В Н)

висимо друг от друга, что два первых стиха нашей строфы XXXIX представляют собой парафраз, а два следующих — дословный перевод строк Шенье. Странная озабоченность Шенье (и в этом, и в других его стихах) белизною женской кожи и образ хрупкой возлюбленной Пушкина переплавились в чудесную маску, скрывающую пушкинские чувства; наш автор, который вообще был весьма осторожен в том, что касалось идентификации источника такого рода, нигде не раскрывает своего прямого заимствования, будто, отсылая к литературному происхождению этих стихов, он мог бы потревожить тайну собственного романа. Любопытно, что у Пушкина на самом-то деле была возможность раскавычить свой источник. Критик Михаил Дмитриев, нелюбезно рецензируя эту песнь в «Атенее» (1828, ч. 1, № 4, с. 76—89), учинил поэту головомойку за его «невразумительные выражения». В черновике ответа на эту рецензию Пушкин возражает, что «младой и свежий поцелуй» вместо «поцелуй молодых и свежих уст» — очень простая метафора; но он не призывает на помощь авторитет Шенье (хотя и мог бы).

В этих стихах, а также в других, например в его послании к Лебрену («*Epîtres*», II, 1, l. 39, ed. Walter: «*Les ruisseaux et les bois et Vénus et l'étude...*»*), Шенье подражает Горацию. См., например, «Сатиры» Горация (II, VI, стихи 60—62, начало которых используется Пушкиным как эпиграф к гл. 2 *ЕО*; см. коммент.):

o rus, quando ego te aspiciam! quandoque licebit
punc veterum libris, punc somno et inertibus horis,
ducere sollicitae iucunda obliviae vitae!

Английские переводчики, не подозревая обо всех сложностях и тонкостях, обсужденных выше, имели с этой строфой немало хлопот. Сполдинг подчеркивает гигиенический аспект события:

И чистый поцелуй
Младой селянки темноглазой

Мисс Радин произвела на свет следующий кошмар:

И временами поцелуй одной красотки молодой,
Темноглазой, с ярким юным видом

Мисс Дейч, очевидно не сознавая, что Пушкин намекает на плотские отношения Онегина с крепостными девушками, выступает до невероятности целомудренно:

И если как-то черноокая девица дозволит
Поцелуй, столь свежий, как она сама

А вот профессор Эльтон, от которого в подобных случаях всегда только и жди какой-нибудь банальности или нескладухи, меняет местами действующих лиц и перекрашивает волосы девицы пергидролом:

[Онегии] иногда дарил свой поцелуй
Какой-нибудь блондинке черноокой...

Пушкинский стих 3, между прочим, прекрасно иллюстрирует то, что я подразумеваю под буквализмом, дословностью, буквальной интерпретацией. Я понимаю «буквализм» как «абсолютную точность». Если в результате такой

* «Ручьи, леса, Венера и занятя...» (*Фр*)

точности вдруг возникает нечто странное, что можно описать аллегорично — «буква убила дух», тому лишь одна причина: что-то было неладно то ли с буквой, то ли с духом подлинника, и это уже не зависит от переводчика. Пушкин дословно (то есть с абсолютной точностью) перевел «une blanche» Шенье как *белянка*, и английскому переводчику следует перевоплотить здесь обоих, Пушкина и Шенье. Было бы ложным буквализмом переводить слово «белянка» («une blanche») как «a white one» — «белая» или, что еще хуже, «a white female» — «белая женщина», а назвать ее «fair-faced» было бы к тому же и двусмысленно («белолицая», «красивая»). Точное значение — «a white-skinned female» — «белокожая женщина», конечно, «young» — «молодая», следовательно, «a white-skinned girl» — белокожая девушка, с темными глазами и, скорее всего, черными волосами, оттеняющими светящуюся белизну незагорелой кожи.

Пушкин уже имел (январь 1820 г.) опыт точного перевода одного стиха из Шенье. Им он заключает стихотворение из шести александрийских стихов «Дориде»:

И ласковых имен младенческая нежность

Ср.: Шенье, «Искусство любить» («L'Art d'aimer»), IV, 7, стих 5 (ed. Walter):

Et des mots caressants la mollesse enfantine *

В связи с этим примечанием см. у Шенье, «Послания», VII («Épître sur ses ouvrages», ed. Walter), стихи 97—102, 137—140.

Un juge sourcilleux, épiant mes ouvrages,
 Tout à coup à grands cris dénonce vingt passages
 Traduits de tel auteur qu'il nomme, et, les trouvant,
 Il s'admire et se plaît de se voir si savant
 Que ne vient-il vers moi? je lui ferai connaître
 Mille de mes larcins qu'il ignore peut-être

.....
 Le critique imprudent, qui se croit bien habile,
 Donnera sur ma joue un soufflet à Virgile
 Et ceci (tu peux voir si j'observe ma loi),
 Montaigne, s'il t'en souvient, l'avait dit avant moi**

Здесь Шенье обращается к следующему пассажиру из эссе Монтеня «О книгах» («Essais», 1580: «Des Livres», bk. II, ch. 10; орфография по бордосской рукописи, опубликованной А. Арменго, Париж, 1927): «Je veus qu'ils donnent une nasarde à Plutarq sur mon nez: et qu'ils s'eschaudent à injurier Seneque en moi»***.

12—14 Представление о целительности сельского отдохновения после рассеянной городской жизни, конечно же, являет собой классическое общее место, до смерти

* И слов ласкающих младенческая нежность .. (Фр)

** Судья надменный, мои сочинения подслушав, / Объявляет вдруг громогласно о двух десятках мест, / Взятых мною у поэта, чье имя он называет, и их обнаружив, / Восхищается собой и доволен своей ученостью. / Зачем он не придет ко мне? Я б его познакомил / С тысячей моих литературных краж, которых он не знает, может статья / . / Неосторожный критик, считающий себя весьма искусным, / По моей щеке даст пощечину Вергилию / А это (ты можешь видеть, в праве ли я) / Монтень, если он тебе вспомнится, сказал до меня (Фр)

*** «Я хочу, чтобы они по моему носу дали щелчок Плутарху и пусть они обожгутся, оскорбляя через меня Сенеку» (Фр).

заезженное *petits poètes**, пиметрами XVIII столетия. Для примера возьмем хотя бы «Попурри» Дора (Claude Joseph Dorat, «Le Pot-pourri»):

Après les frivoles tendresses
De nos élégantes beautés,
Ce long commerce de foiblesses,
D'ennuis et d'infidélités

Combien il est doux pour le sage
De s'échapper dans les forêts,
Et de chiffonner les attraités
De quelque nymphe de village! **

XL

- 1—2 Здесь пришлось пожертвовать ямбом, чтобы сохранить порядок слов подлинника, — иначе не показать того тончайшего различия, что есть между этим четверостишием и вариантом XXIVf, 1—4.
- 6 ...*солнышко* .. — «small sol», «dear sol», «dear little sun», «good sun», «nice sunshine». По-английски невозможно передать эту неназойливость русской уменьшительной формы слова «солнце».
- 11 ...*крикливых*... — от слова «крик» — «cry», «scream». Интересно, что точного английского эквивалента не существует. Есть французские «criard, criarde». «Screamu» не годится.
- 14 .. *у двора* — «by the stead», «near the premises», «at the gate». См коммент. к гл. 5, 1, 2.

XLI

- 1—4 Это четверостишие дает нам превосходный образец совершенной взаимосвязи между ритмом и содержанием.

Встает заря во мгле холодной,
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк

Два первых, «правильных стиха» в повествовательной манере разворачивают перед нами две картины — холодное утро, тихие поля. Затем «быстрое течение» стиха вводит зловещую тему волков, а «плавный скад» выдерживает мелодраматическую паузу (*на дороге*), чтобы эффектнее подать появление волка.

- 7 *Несется в гору во весь дух*... — В черновых примечаниях к изданию 1833 г. (ПД, 172) Пушкин говорит: «Критиковали меру этого стиха несправедливо:

* Мелкие поэты (*фр*)

** После фривольных ласк / Наших изяшных красавиц, / Этого надоевшего смешения слабостей, / Скуки и вероломства / . / Как сладко благоразумному человеку / Укрыться в глубине лесов / И насладиться прелестями / Какой-нибудь деревенской нимфы! (*Фр*)

U—U—UUU—

одно из измерений четырехстопного ямбического стиха, впрочем довольно однообразного». И к этому Пушкин добавляет еще один пример (гл. 3, V, 14: «И после во весь путь молчал») того, что он считает обычным пиррихией <...>

И после во весь путь молчал

U—UUU—U—

Здесь, конечно, нет никаких настоящих «пиррихий». Булгарин, который процитировал этот стих в своем критическом разборе третьей главы («Северная пчела», 1827, № 124) как ошибку в стихосложении, благоразумно не стал входить в подробности; а Пушкин, защищаясь, не знал, как возразить по существу.

На самом деле обсуждаемые нами стихи скандируются так (гл. 4, ХLI, 7 и гл. 3, V, 14):

Несется в гору во весь дух

U—U—U—U—

И после во весь путь молчал

U—U—U—U—

Стопа *во весь* в обоих случаях (означающая, соответственно, «изо всех сил» и «всю дорогу») представляет собой не пиррихий (UU), а то, что я в своих заметках о просодии называю «обратным смещением» (—U). Метрическое ударение в стопе падает на безударное *во*, образуя скад (—), то есть под метрическое ударение попадает слог, не несущий ударения словесного, тогда как обычно метрическое и словесное ударения совпадают (—), — пример тому другие стопы разбираемых стихов. Это обычная абберрация; но до чего же режет ухо, когда «понижение» (слог, не несущий метрического ударения) стопы приходится на *весь* — слово, явно акцентированное в обороте *во весь*, вот в чем и состоит «обратное смещение», вот что раздражает слух. За дальнейшими подробностями можно обратиться к Приложению II «Заметки о просодии».

9, 11 Упомянутое здесь стадо пригнали в Красногорье с известняковых плато нормандского Вексена, где Шолье (Chaulieu, «Les Louanges de la vie champêtre», см. коммент. к гл. 1, LVI, 2) распевал во все горло своим церковным фальцетом:

Quel plaisir de voir les troupeaux,
Quand le midi brûle l'herbette,
Rangés autour de la houlette,
Chercher le frais sous ces ormeaux!*

* Какое наслаждение смотреть на стада, / Когда полуденный зной выжигает траву, / Собирающиеся вокруг пастушьего посоха, / Чтобы найти прохладу под этими вязами! (Фр.)

Почему вид коров вокруг пастушьего посоха должен хоть в ком-то вызывать умиление, — остается тайной, разгадать которую возможно лишь в виду литературных мод или условностей.

12 ...дева... — В своем примечании 23 Пушкин отзывается на критику Бориса Федорова, который в первом и единственном выпуске журнала «Петербургский зритель» (1828) отрецензировал главы четвертую и пятую²⁸. Пушкин использовал «благородное» поэтическое слово *дева* вместо *девушка*, *девица* или *девка*; а в гл. 5, XXVIII, 9 он употребил слово *девчонки* вместо *девы* или *барышни*.

В одной рукописной заметке (ПСС 1949, т. 7, с. 176) Пушкин продолжает свою полемику: «Господин Федоров в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ую главу, заметил, однако ж, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *уж* [на самом деле только два: гл. 4, XL, 5 и 6; еще одно *уж* стоит в середине стиха 14], что и называл он *ужами*»²⁹.

Часто повторяемое в русской повествовательной поэзии *уж* доставляет неисчислимы мучения добросовестному переводчику, которому приходится употреблять грузные трехсложные слова, чтобы передать более или менее тавтологичное односложное слово, втиснутое автором всего лишь с целью заткнуть дыру в стихе! Ладная краткость и мягкость звучания этого словца позволяют русским пользоваться им как в речи, так и на письме гораздо чаще, чем его двойником пользуются в языке английском. Глухой свист его постоянно сопутствует вводу русской фразы, и если всякий раз переводить его английским «already», то выйдет что-то похожее на смехотворный английский русского жителя Нью-Йорка. Слово это — не редкость в тексте *ЕО*, его нужно рассматривать как своего рода филологизм. Я постарался сохранить его нетронутым (переведа как «already») в тех пассажах, где оно является принадлежностью стиля: сам Пушкин в отвергнутом примечании поясняет использование *уж* в строфе XL гл. 4. Кое-где *уже* и *уж* можно адекватно передать словом «now», но есть некоторые обороты, где оно означает «practically» — «в сущности» или «yet» — «еще». Иногда оно используется в стихотворении просто для заполнения паузы и в английском оказалось бы излишним. Поэтому в некоторых случаях я просто его отбросил. Любопытно, что в связи с происхождением английского «already» такая обычная русская фраза, как «он уже готов» станет забавной и невозможной «he is already ready».

12—14 Я не просматривал французских переводов «Времен года» Томсона, но подозреваю, что некоторые отголоски стихов 134—137 из «Зимы» («Winter», 1726) этого автора Пушкин держал в памяти:

Even, as the matron, at her nightly task,
With pensive labour draws the flaxen thread,
The wasted taper and the crackling flame
Foretell the blast

(И женщина, что за ночной работой
Задумчно сучит льняную нить,
Свечи огарок, пламени трещанье
Предсказывают бурю)

14 ...лучинка... — Уменьшительная форма от слова «лучина», смолистая деревянная щепка, использовавшаяся вместо свечи.

14—XLII, 1 *Трещит.. трещат...* — Повтор не самый удачный. Свежий треск мороза (к примеру, в каком-нибудь гиперборейском лесу, где от холода раскалываются стволы огромных деревьев и сама земля звенит) — совсем не то, что треск смолистой лучины, освещавшей крестьянскую бревенчатую избу.

XLII

1—3 ...*Морозы . розы...* — Русский пример того, что Поуп называет в своем «Опыте о критике» («*Essay on Criticism*», стихи 349—351) «обязательным возвратом ожидаемой рифмы»:

Where — e'er you find *the cooling western breeze,*
In the next line, it *whispers thro' the trees*

(Где б ни нашлн вы прохладный западный ветерок,
В следующей строке он шепчет меж деревьев)

В послании «К В. А. Жуковскому», написанном в 1821 г., Вяземский, размышляя о рифмах, пользуется тем же приемом:

И, в самый летний зной в лугах срывая розы,
Насильственно пригнать с Уральских гор морозы

Рифма *мороза — роза* впервые появилась у Пушкина в 1827 г., во втором четверостишии мадригала из восьми стихов «Есть роза дивная...», обращенного к некоей московской красавице:

Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза,
Блестит между мннутных роз
Неувядаемая роза

и в виде мужской рифмы (*мороз — роз*) в других четверостишиях, написанных зимой 1828 г. (стихи 1—8 отрывка из 12 стихов):

Как быстро в поле вдруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз,
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью

Гофман в книге «Пушкин, психология творчества» (Париж, 1928) на с. 208 отмечает, что прежде, до написания гл. 4, XLII (сочиненной, думаю, на первой неделе января 1826 г.), Пушкин никогда не употреблял рифмы *морозы — розы*. См., однако, XXIVf, 5—6.

7 *Мальчишек радостный народ...* — Этот эпитет неуклюже балансирует на двух уровнях смысла; Пушкин намеревался сказать *веселый народ*, но это не скандировалось бы. Употребление слова *народ* в его разговорном и несколько шутливом смысле любопытно сравнить с неоклассическими вариациями на натурфилософ-

скую тему у Томсона во «Временах года» (1726—1746): «the feathery people», «the plummy nation» («пернатый народ»), «the tuneful race» («певучее племя») и «the weak tribes» («хрупкие племена») — и все это о птицах.

- 8 Критик, о котором говорится в пушкинском примечании 24, — это Михаил Дмитриев, который разобрал четвертую и пятую главы в «Атенее», 1828.

«Тот же самый критик, — пишет Пушкин в одной из неопубликованных статей, — понимает так, что в намерения тяжелого гуся входит использовать свои красные [то есть не черные или еще какие-нибудь] лапы для плавания, и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках»³⁰.

Слово *лапки* (ед. ч. *лапка*) здесь не имеет уменьшительного смысла (хотя с точки зрения грамматики смысл этот именно таков), а означает всего лишь нижние конечности домашней птицы. Однако на самом деле полная форма (ед. ч. *лапа*, мн. ч. *лапы*) по-русски была бы уместнее применительно к живому гусю (у тяжелого гуся как тело, так и плоские нижние конечности маленькими не назовешь). Ноги птиц, видовая принадлежность которых не уточняется, от вьюрка до павлина, конечности насекомых (на взрослой стадии развития) и маленьких четвероногих (например, комнатных собачек, кроликов, домашних кошек) правильно называть *лапками*. Конечности же более крупных собак, волков, медведей и тигров, водоплавающих птиц, страусов, орлов, ястребов и им подобных, а также лапообразные конечности черепах и верблюдов именуются *лапами*. Нижние конечности гусениц и детей зовутся *ножками*, как и ножки стульев, что с точки зрения грамматики является уменьшительно-ласкательной формой слова *ноги*.

- 13 ...*первый снег*... — На дворе декабрь 1820 г., и перед нами первое из трех описаний прихода зимы в романе. Еще два находим в гл. 5, I (относящееся к той же самой зиме, но увиденной глазами Татьяны) и в гл. 7, XXIX—XXX (ноябрь 1821 г.).

Упоминания зимы в *editio optima* таковы:

гл. 1, XVI: морозной пылью серебрится его бобровый воротник (ноябрь или декабрь 1819 г.)

XXII: бьющиеся кони, прозябнувшие кучера

XXVII: наведенные на снег радуги

XXXII: ножка зимой на чугуне камина

XXXV: утренний снег, хрустящий под ногой

гл. 4, XL: карикатура южных зим

XLI: зимних друг ночей

XLII: мороз, катание на коньках, сверканье первого снега (декабрь 1820 г.)

XLIII: зимнее времяпрепровождение

XLIV: ванна со льдом

XLV—L: ужин у камина (5 января 1821 г.)

гл. 5, I: наконец-то выпавший снег (2—3 января 1821 г.; обратим внимание на частичные совпадения с гл. 4)

II: простые радости бедняков

III: Вяземский и Баратынский

IV: на солнце иней, сиянье розовых снегов

IX: ясная ночь, мороз, хрустящий снег

XI: зимняя сцена в сне Татьяны (5 января 1821 г.)

XII: сугроб и медведь

- XIII: ветви сосен, отягченные снегом
XIV: рыхлый снег, хрупкий снег
XV: пустынный снег
XX: тьма морозная
XXI: багряный луч на мерзлом стекле
XXIV: «метель» в соннике
XXV: сани с гостями (12 января 1821 г.)
гл. 6, XXIV: перелетная метель под ярким солнцем (14 января 1821 г.)
гл. 7, XXIX: зима идет (ноябрь 1821 г.)
XXX: первый снег на кровлях бань
XXXV: зимняя дорога
гл. 8, XXXIX: зимняя спячка Онегина (с начала ноября 1824 г. до начала апреля 1825 г.) подходит к концу.
<...>

Вариант

12—14 Отвергнутое чтение (2370, л. 27) гораздо умильнее:

Скользит и падает — Веселый
Выходит зайчик — первый снег
Звездами падает на брег

XLIII

1 ...что делать... — Ср. у Китса, «Мечта» («Fancy», 1820), стихи 15—18:

What do then?
Sit thee by the ingle, when
The sear faggot blazes bright,
Spirit of a winter's night .

(Что же делать?
Сиди у очага, когда
Сухие ветки пламенеют ярко,
Дух зимней ночи)

См. также конец гл. 4, XLI.

5—8 Пушкин заключает письмо к Вяземскому (28 января 1825 г., из Тригорского, близ Михайловского, в Москву) словами: «Пишу тебе в гостях [от Осиповых] с разбитою рукой — упал на льду не с лошади, а с лошадыю: большая разница для моего наезднического честолюбия».

10 ...Прадт... — Доминик де Прадт (1759—1837), французский публицист. В библиотеке Онегина той зимой могла быть скорее всего его книга «Европа после Экслашпельского конгресса, последовавшего за Венским конгрессом» («L'Europe après le congrès d'Aix-la-Chapelle, faisant suite au congrès de Vienne». Paris, 1819), где есть следующий забавный пассаж (с. 36—42): «Les accroissemens de la population en Russie suivent les mêmes degrés qu'on les voit parcourir en Amérique. ...Il est calculé qu'en 1920 [la] population [des Etats-Unis] surpassera 100,000,000 h[abitans]... [Dans] cent ans la population de la Russie excédera cent millions d'hommes... Ajoutez que la Russie... est la seule puissance de l'Europe qui possède encore, dans une très-grande

abondance, une des machines les plus essentielles de la guerre, un des principes vitaux de l'état militaire d'un pays, les chevaux... [et] sous ce rapport, la Russie ressemble à... l'Amérique...»*

Вот главная идея Прудта (с. 42): «Le congrès de Vienne, en sanctionnant l'occupation de la Pologne, a faussé la politique de l'Europe qui exigeait d'éloigner la Russie à tout prix»**.

10 ...*W. Scott*! — Вальтер Скотт, например, «Айвенго» («Ivanhoé, ou le Retour du croisé») во французском переводе Огюста Жана Батиста Дефоконпре (Paris, 1820).

Вариант

1—4 В белой копии читаем:

В глуши что делать в это время?
Гулять? но голы все места,
Как лысое Сатурна темя
Иль крепостная нищета.

Черновик (2370, л. 77 об.) помечен «2 генв. 1826».

Бродский, конечно же, в восторге от этого намека на тяготы крестьянской жизни в прежние лета, до Ленина со Сталиным.

Здесь дивная аллитерационная игра на *г* и *л*:

В глуши что делать в это время?
Гулять? Но голы все места

Сатурн — античный бог времени или времен года; обычно изображается лысым седобородым стариком с косою в руках. Он пожирает собственных детей, «как революции пожирают рожденные ими же свободы» (говаривал жирондист Верньо).

XLIV

1 ...*Чильд Гарольдом* (тв. пад.)... — Первый звук, *Ч*, Пушкин произносит по-английски, однако следующий гласный — уже на французский манер — *и* вместо английского *ай*. Он начал следующее слово с *г*, использовавшегося для передачи английского и немецкого *h*; поставил ударение на последнем слоге имени *à la française**** и вдобавок припечатал окончанием русского творительного падежа (-ом).

* «Увеличение населения в России развивается в тех же масштабах, что и в Америке. ...Подсчитано, что в 1920 году население Соединенных Штатов превысит 100 000 000 ч[еловек].. [Через] сто лет население России будет больше ста миллионов человек... Кроме того, учтите, что Россия... единственная среди европейских держав, которая располагает еще в избытке одним из самых важных орудий войны, одним из жизненно важных составляющих военного положения страны — лошадьми [и] а этом Россия похожа... на Америку. » (Фр.)

** «Санкционировав оккупацию Польши, Венский конгресс извратил политику Европы, которая требовала удаления России любой ценой» (фр.).

*** На французский лад (фр.).

Наиболее же поразительна здесь сама рифма. Чтобы подбавить сарказма по поводу избитой рифмы *морозы — розы*, подачи читателю в строфе XLII, Пушкин теперь показывает, на что способен: *со льдом* — акцентировано на предлоге, и эта простонародная интонация разительно контрастирует с космополитическим *Гарольдом*. Напоминаю англоязычному читателю, что *rime richissime**, даже состоящая из двух слов, как здесь, не имеет в русском того вульгарно-шутливого оттенка, который возникает в английском. У меня есть в запасе еще один прелюбопытный пример.

В шутливых строках, посвященных осаде Измаила в «Дон Жуане» (песнь VII, строфа XVII), среди перепутанных русских фамилий, которые уже были исковерканы, пройдя через транслитерацию с немецкого на французский и английский, фамилий с прилипшими к ним потрепанными *w* и подложными *sch* или, напротив, утратившими *h* во французском начертании, есть одна — «Mouskin Pouskin» (Мусин-Пушкин), зарифмованная с «through skin» и «new skin»**. (Графы Мусины-Пушкины состояли в отдаленном родстве с просто Пушкиными.)

Согласно сноске Колриджа в его издании «Дон Жуана», фамилия эта принадлежит графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину (1744—1817), государственному мужу и археологу; однако было еще одно лицо с такой фамилией — граф Алексей Семенович Мусин-Пушкин (род. 1779), посол Екатерины II в Лондоне и Стокгольме, который также умер в 1817 г. и тоже был известен мемуаристам.

Англичанину порою туго приходилось с этой русской фамилией: «Автор этого воображаемого путешествия — русский князь Муска Пуска... [никто] как он, не искажил быта и нравов английского общества». Так пишет Джордж Бруммель одной даме 1 января 1836 г. из Кана, за год до того, как он начал терять рассудок (цит. по: Jesse, «Bummel», vol. 2, ch. 22). Однако путешественник Эдвард Дэниэль Кларк (1769—1822), посетивший Россию в 1800 г., почти правильно транслитерировал это имя в одной из сносок «Путешествия по разным странам Европы, Азии и Африки» (Edward Daniel Clarke, «Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa», 4th edn., London, 1817, t. 2, p. 126): Alexis Mussin Pushkin.

В ноябре 1825 г. Пушкин пишет Вяземскому из Михайловского в Москву, что ему известны лишь первые пять песен «Дон Жуана» (в прозаическом переложении Пишо). 21 июля 1825 г. он напомнил Анне Вульф, отправившейся в Ригу к своей кузине Анне Керн, чтобы та послала ему пишотовское переложение остальных песен (парижское издание 1824 г.), которое Анна Керн обещала для него достать. Вероятно, он и получил эту книгу в начале 1826 г. Пишо так переводит пассаж с «new skin»: «...et Mouskin-Pouskin, tout aussi belliqueux que quiconque [a] fendu un homme en deux... Ils se souciaient peu de Mahomet... à moins qu'ils n'eussent pensé à faire un tambour de leur peau»***.

В рукописной критической заметке от 1827 г. (ПСС 1936, т. 5, с. 23) Пушкин пишет: «Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видал бы собственными глазами. Однако ж в „Дон Жуане“ описывает он Россию,

* Богатейшая рифма (*итал.*).

** «Сквозь кожу», «новая кожа» (*англ.*).

*** «...А Мускин-Пускин, столь же воинственный, как некто, кто разорвал человека надвое... Им дела не было до Магомета . Разве только они думали сделать барабан из его кожи» (*фр.*)

зато приметны некоторые погрешности: *кибитка* [не] малоудобная повозка без рессор [Байрон спутал ее с *телегой*]. Есть и другие ошибки, более важные...»

Это относится к байроновским словам («Дон Жуан», IX, XXX): «Проклятая коляска без рессор», которые пушкинский источник (Pichot, 1824) переводит как «*maudite sorte de voiture non suspendue*».

У русских в целом меньше затруднений с именами байроновских героев и его собственным, нежели у Байрона было с именами русскими (он, к примеру, рифмовал «*Soúvaroff-lóver of*» и «*Suwarrow — sorrow*» вместо верного «*Suvórov — more of*»). Сочинения Байрона, как я неустанно повторяю, доходили до России большей частью во французских пересказах. Французское звучание его имени — «*Bigong*» с ударением на последнем слоге, произносимом в нос; в русском нет аналога такому звуку. В России были попытки имитировать эту французскую форму написанием «Бирон». <...> Однако оно не прижилось из-за путаницы с именем знаменитого фаворита императрицы Анны (Bühren, по-русски писавшегося как *Бирон*). Наконец, было найдено правильное произношение «Байрон», которое идеально передает английский гласный звук. Но в то же самое время другая когорта лингвистов произвела на свет кошмарное «Бейрон», которое упорно употребляли Катенин, Вяземский, Рылеев, Языков и другие москвичи-германофилы. <...> (См. также коммент. к гл. 1, XXXVIII, 9)

13 *На тройке чалых лошадей...* — Ленский приезжает в санях, запряженных тройкой, то есть тремя лошадьми в одной упряжи, в ряд. «Тройка» (с опущенным «лошадей») используется как эллипс, означая экипаж, запряженный тремя лошадьми. <...>

Я заметил, что один из английских переводчиков, Сполдинг (1881), вручил Ленскому поводья, словно английскому аристократу, правящему своим фазтоном; но действие все-таки происходит в России, где между дворянином и тремя лошадьми помещается кучер.

Слово «чалый» означает более или менее ровное смешение бледно-коричневого тона с сероватым, но иногда имеются в виду и другие оттенки. Здесь чалый видится мне довольно светлым, мягким оттенком коричневатого-серого, однако, может быть, я нахожусь под впечатлением воспоминаний о петербургской школе верховой езды. Тургенев — Виардо, описывая лошадиную масть, дают перевод «*fleur-de-rêcher*» — цветок персика (то есть рыжеватый крап на белесом фоне), а Иван Тургенев был в этом деле дока.

Вариант

6 В отвергнутом черновике (2370, л. 77 об.) Онегин играет,
Кий опилив натерши мелом

XLV

1—7 *Вдовы Кликко или Моэта того-сего...* [см. также XLVI, 5, 6 — *Au*] — Вольтер («Светский человек» / «*Le Mondain*») видит в «*écume pétillante*»* вина аи «*l'image brillante*» «*de nos Français*»**.

* «Игристая пена» (фр).

** «Блестящий образ наших французов» (фр).

Байрон («Дон Жуан», XV, LXV, 8) говорит о пене шампанского, «столь белой, сколь расплавленные перлы Клеопатры».

Баратынский в «Пирах» (стих 139) находит в шампанском «подобье жизни молодой» (см. ниже).

Фамилия Жана Реми Мозта (Jean Remi Moët, 1758—1841), основателя знаменитой фирмы шампанских вин и добродушного *maire** города Эперне, на русском рифмуется с «поэтом». Трема над *e* в *Moët* и над *i* в *Ai* во французском указывает на расщепление дифтонга на два слога (*naïf*, *Vaïf*), и не следует путать ее с диакритическим знаком над *i* в моей транслитерации русских слов, выбранным произвольно, чтобы передать трансформацию *и* в его открытую разновидность — *ы* (*ti*, *Krim*, *Yazikov* и т. д.). <...>

Название прославленного шампанского происходит от французского *Ai* или *Au* — городка в департаменте Марна на севере Франции, где в бассейне реки Марны, близ Эперне, располагались первые виноградники.

Пушкинское примечание 25 — не что иное, как отрывок из послания, адресованного брату Льву (четырехстопный хорей, 36 стихов). Этот стихотворный набросок, написанный в начале декабря 1824 г., так и остался неоконченным. Начинается он так: «Что же? Будет ли вино?»

На первый взгляд кажется, будто Пушкину пришло в голову, что стих 7 строфы XLV гл. 4 может прозвучать как издевка над строчкой из «Пиров» Баратынского, чьи чувства им всегда ревностно оберегались; и он тактично и лаконично цитирует свои собственные прихрамывающие строки в качестве прототипических, с тем чтобы задним числом доказать, что ни в коем случае не имел в виду Баратынского.

Но тому может быть и другая причина, более тонкая.

Вот отрывок о шампанском из «Пиров» Баратынского (изд. 1821 г., стихи 129—139):

И между тем сынам веселья
В стекло простое бог похмелья
Лил через край, друзья мои,
Свое любимое *Аи*
Его звездащаяся влага
Недаром взоры веселит
В ней укрывается отвага,
Она свободою кипит,
Как гордый ум не терпит плена,
Рвет пробку резвою волной,
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой.

При подготовке издания 1826 г. (то есть сразу после восстания декабристов) цензор не одобрил этой метафоры (стихи 135—136) с ее неуместными *свободой* и *гордостью*, и эти строки были заменены (возможно, Дельвигом, как полагает Гофман в своем издании сочинений Баратынского 1915 г.) на «Как гордый конь не терпит плена». Что позволено лошадке, то не позволено человеку.

(В последнем прижизненном издании 1835 г. стоит: «Как страсть, как мысль она кипит» и т. д.).

* Мэр, городской голова (*фр*).

В одном из писем Баратынскому его друг Дельвиг, следивший за печатанием «Пиров» и «Эды» (публиковавшихся вместе), говорит о своих бесплодных попытках убедить цензора пропустить первоначальные строки: «*Монах и Смерть Андрея Шенье* перебесили нашу цензуру».

Вполне возможно, что Пушкин, состоявший тогда в переписке как с Дельвигом, так и с Баратынским, обозначил свою осведомленность о дурацкой поправке, требуемой полицией. В его лукавой строчке «подобием того-сего» — подразумевалась невинная на первый взгляд цитата, немедленно напомнившая посвященным о «Пирах».

«Андрей Шенье», упомянутый Дельвигом, — это элегия, сочиненная Пушкиным в начале 1825 г.; в ней оплакивается смерть Шенье под ножом гильотины в 1794 г., на закате эпохи народной тирании. Состоящая из 185 вольных ямбов, она обращена к Николаю Раевскому и впервые была напечатана 8 октября 1825 г. с цензорскими изъятиями более сорока стихов (21—64 и 150) в сборнике «Стихотворения Александра Пушкина», вышедшем в свет 28 декабря 1825 г., через две недели после декабристского мятежа. Злонамеренные или же наивные читатели пустили гулять по рукам списки стихов (в которых автор устами Шенье призывает «священную свободу» и свержение царей) под фальшивым названием (придуманным неким Андреем Леопольдовым, студентом Московского университета) «Четырнадцатое декабря»; по этой причине озадаченная полиция докучала Пушкину и арестовала владельцев списков. Эта элегия, включая и подвергнутый цензуре отрывок, в действительности не имеет никакого отношения к российским событиям, кроме случайной ассоциации: нападая на робеспьеровский режим террора, она восхваляет (как и ода «Вольность», 1817) Свободу, основанную на Законе.

- 2 Ср. у Вяземского, в четырехстопном стихотворении, посвященном поэту Давыдову (1815; стихи 49—52):

дар волшебный
Благословенного Аи
Кипит, бьет искрами и пеной! —
Так жизнь кипит в молодые дни!

- 5 *Инокрена* — священный источник муз на горе Геликон в Беотии. Он был выбит копытом Пегаса — крылатого коня, символизирующего поэтическое вдохновение.
- 9 *Последний бедный лепт...* — Томашевский (ПСС 1957, с. 597) заметил здесь ироническое цитирование послания Жуковского «Императору Александру» (1814, стихи 442—443):

Когда и нищета под кровлею забвенья
Последний бедный лепт за лик твой отдает .

XLVI

И эта, и предыдущая, XLV, строфы, обе пенящиеся привозными банальностями, весьма убоги.

- 3 ...*Бордо...* — «Кроваво-красный пенистый сок» бордо пришелся по вкусу и Джону Гэю (John Gay, «Wine», 1708).

Дюси в стихотворении «Мадам Жоржетте В.» (Ducis, «A Mme Georgette W. C.») восхваляет бордо примерно теми же словами (стихи 2, 8):

Oui, je bois [ses] coupes vermeilles,

Calme et vieux, c'est le vin des sages *

5, 6 *Au* — см. коммент. к XLV, 1—7.

11—14 Вот прекрасный пример отрезвляющего и притормаживающего эффекта, достигаемого целой вереницей скадов на второй стопе, после всплеска невероятного количества модуляций. <...>

XLVII

4—7 В неопубликованной заметке (см.: ПСС 1949, т. 7, с. 171) Пушкин пишет: «Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко в обстоятельствах не благоприятных. По привычке полагали меня все еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатании четвертой и пятой песни *Евгения Онегина* [в начале 1828 г.]. Разбор сих глав, напечатанный в „Атенеи“ [в 1828 г., подписан „V“, написан Михаилом Дмитриевым], удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать „стакан шипит“ вместо „вино шипит в стакане“? „камин дышит“ вместо „пар идет из камина“?»

9—13 Интонация этой ремарки в скобках очень напоминает замечание о Руссо в гл. 1, XXIV, 9—14.

12 *...меж волка и собаки...* — Привычный галлицизм, *entre chien et loup*, восходящий к XIII в. (*entre chien et leu*) и означающий *сумерки* — время дня, когда пастуху уже становится трудно отличить волка от собственной собаки из-за сгущающейся темноты. В этом выражении усмотрели к тому же и эволюционистский смысл, а именно постепенный переход дня в ночь, подобно промежуточной стадии между двумя близкородственными видами животных.

XLVIII

Варианты

10 В отдельном издании четвертой и пятой глав (1828) есть вариант:

А то, топ cher, суди ты сам

13—14 и XLIX, 1 В отвергнутом черновике (2370, л. 78 об.) стоит «суббота», как и в окончательной белой рукописи, однако в исправленном черновике (там же) читаем:

Да что? — какой же я болван —

Чуть не забыл — в четверг ты зван —

* Да, пью я кубками алое вино; / ... / Оно — напиток мудрецов, спокойное и старое... (*фр*)

«Четверг» сохраняется в одном из вариантов белой рукописи, где следующая строфа начинается так:

Ты зван в четверг на именины .

Однако в 1821-м, единственно возможном здесь году, 12 января приходилось на среду, и легче легкого Пушкину было бы сказать: «Чуть не забыл — ты в среду зван» и «Ты в среду зван на именины». Эта дата приходилась на среду в 1818 и 1824 гг., на понедельник — в 1825-м и на вторник — в 1826-м, когда была дописана глава.

XLIX

Здесь все что-нибудь забывают: Ленский забывает (но затем, к несчастью, вспоминает) о приглашении, Онегин забывает, в какое положение поставлена Татьяна, а Пушкин забывает о календаре. Если б только Ленский внезапно не вспомнил то, что пытался заставить забыть его ангел-хранитель, не было бы ни танца, ни дуэли, ни гибели. Тут-то и последует со стороны Онегина ряд неосторожных и безответственных поступков, которые с фатальной неизбежностью приведут к катастрофе. Видимо, вечер в тесном семейном кругу, обещанный Ленским в его наивном рвении затащить в гости своего приятеля, должен был казаться Онегину еще менее приемлемым (хотя по иной причине), чем большое сборище. С какой стати он предпочтет близкий круг шумной компании? Из жестокого любопытства? Или же с тех пор, как они виделись в последний раз, пять с лишним месяцев назад, Татьяна стала больше ему нравиться?

1—2 ...Татьяны именины / В субботу. — 12 января, св. Татьяна Римская, ок. 230 г., мученица. <...>

Варианты

1 См. XLVIII, варианты стихов 13—14.

13 В отвергнутом черновике (2370, л. 78 об.) читаем прелестное

Накинул синюю шинель

и, верно, отбыл в какую-нибудь мятель.

L

9 ...враги Гимена... — Неблагозвучное сближение двух согласных (*gi* — *gi*) совершенно не в духе *ЕО*. Или Пушкин произносил «Химена»?

12 ...Лафонтена... — Пушкинское примечание 26 об этом «авторе множества семейственных романов» относится к Августу (или Огюсту) Генриху Юлию Лафонтену (1758—1831), немецкому романисту. Он был столь же бездарен, сколь плодовит, произведя на свет более 150 толстых томов, и сказочно популярен за пределами своей родины, во французских переводах. Пушкин мог иметь в виду роман «Два друга» («Les Deux Amis», нем. «Die beiden Freunde»), перевод графини де Монтолон (Countess de Montholon; Paris, 1817, 3 vols.), или «При-

Глава четвертая: LI

знание на могиле» («*Les Aveux au tombeau*», нем. «*Das Bekenntniss am Grabe*») в переводе Элизы Вояр (Elise Voïart; Paris, 1817, 4 vols.), или же, что скорее всего, «Семья Хальдена» («*La Famille de Halden*», нем. «*Die Familie von Halden*», 1789) в переводе Виллемайна (H. Villemain; Paris, 1803, 4 vols.), экземпляр которой (согласно лаконичному упоминанию Модзалевского в книге «Пушкин и его современники», 1903, т. 1, с. 27) имелся в библиотеке госпожи Осиповой, соседки Пушкина, в Тригорском.

LI

Под строфой в черновике (2370, л. 79) стоит: «6 генв.» (6 января 1826 г.).

ГЛАВА ПЯТАЯ

Эпиграф

Два стиха из эпилога баллады Жуковского «Светлана» (1812), на которую я ссылаюсь в коммент. к гл. 3, V, 2 и гл. 5, X, 6.

Две заключительные строфы баллады адресованы Александре Протасовой (1797—1829), крестнице и племяннице Жуковского (дочери его сестры). В 1814 г. она вышла замуж за посредственного поэта и критика Александра Воейкова (1778—1839), жестоко обращавшегося с нею. Уж она-то знала эти «страшные сны» и умерла молодой в Италии. В нее был влюблен Александр Тургенев; в письме от 19 октября 1832 г. Жуковский послал ему надпись с ее надгробного камня в Ливорно на церковнославянском языке («Архив братьев Тургеневых», 1921, № 6, с. 461). Родною сестрой ей приходилась Мария Протасова (1793—1823) — единственная любовь Жуковского, вышедшая в 1817 г. замуж за известного хирурга Ивана Мойера (Иоганн Христиан Мойер, 1786—1858).

В белой рукописи пятой главы (ПБ 14) есть два пробных варианта эпиграфов: первые два слова из стихов Петрарки, служащих эпиграфом к шестой главе, — очевидно, фальстарт, и строфа II, стихи 1—8 из «Светланы», тема которых отсылает нас обратно к V строфе гл. 3:

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана
Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко,
Слушай песни круговой,
Вынь себе колечко

I

Вверху черновика (2370, л. 79 об.) Пушкин надписал дату — «4 генв.» (4 января 1826 г.).

- 2 *на дворе*; 7 *двор*; 11 *на дворе*. — *Двор* в стихе 7 — это всего лишь отдельный объект в ряду других объектов (куртин и т. д.). *На дворе* в стихе 11 может означать «во дворе» или (и такое понимание здесь более вероятно) «на улице», «вне дома». В стихе 2 *на дворе* передает еще более размытое и общее понятие о чем-то, происходящем на открытом воздухе, на просторе. В самом деле, *на дворе* в этой идиоматической фразе (*осенняя погода стояла на дворе*) едва ли

значит более, чем наречие в разговорных американских оборотах вроде «the man stood around» («человек стоял себе») или «it's raining out» («на улице дождь»). Поэтому стихи 1—2:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе —

значат всего-навсего, что подобная погода (осенняя) продолжалась (или длилась) в том году (1820) в течение долгого времени (до января 1821 г.), и за надобностью обстоятельства места русская фраза закругляется под конец этим *на дворе*.

3, 10, 13 *зима (зимний)* — повторяется в этой строфе трижды.

Заметим, что в предыдущей, четвертой главе (строфа XL) лето чудесным образом завершается в ноябре, что расходится с постулированной краткостью северного лета (гл. 4, XL, 3), поскольку осенняя погода в тех краях, где было поместье Лариных, устанавливалась не позднее последних чисел августа (по старому стилю, разумеется). Запоздалый приход и осени, и зимы в «1820» г., не очень-то четко означен в четвертой главе, хотя на самом деле конец этой главы (строфы XL—L) покрывает тот же самый временной промежуток (с ноября по начало января), что и строфы I—II гл. 5. Пушкинский «1820-й» отличается от реального 1820 г., который на северо-западе России был отмечен чрезвычайно ранним снегопадом (в Петербургской губернии — 28 сентября, судя по письму Карамзина Дмитриеву).

5 Все четверо английских переводчиков — Сполдинг, Дейч, Эльтон и Радин — ошиблись в дате, поняв *на третье* как «третьего числа»!

9 ...*узоры*. — Имеются в виду морозные узоры.

12 ...*мягко*... — Фр. *moelleusement*, смесь «yieldingly» и «thickly» («податливо» и «обильно»).

14 *Все ярко, все бело кругом*. — Ср. у Томсона, «Зима» («Winter», ed. 1730—1738), стихи 232—234:

Sudden the fields
Put on their winter-robe of purest white
'Tis brightness all

(И вдруг поля
Надели зимний свой наряд чистейшей белизны
Все ярко)

Вариант

I—4 Отвергнутый черновик (2370, л. 79 об.):

В тот год осенняя погода
Стояла долго Барометр
Замерзнул Бедная природа
ветр

Ветр здесь единственно возможная рифма к *барометру*. Она уже была использована Жуковским в его шуточной комедии 1811 г., озаглавленной «Коловратно-курьезная сцена между господином Леандром, Пальясом и важным господином доктором».

II

Эта строфа часто попадает в русских хрестоматиях в виде самостоятельного стихотворения под названием «Зима»; а в 1899 г. некто Плосайкевич изготовил из нее «Детский хор для двух голосов», окрестив первое восьмистишие «Русская зима», а оставшиеся шесть стихов — «Мальчик-забавник»¹.

1—4 Сполдинг (1881):

Winter! The peasant blithely goes
To labour in his sledge forgot,
His pony sniffing the fresh snows
Just manages a feeble trot

(Зима! Крестьянин беспечно едет / На работу в своих забытых санях, / Его пони, нюхая свежие снега, / Еле-еле рысит...)

Коксуэлл (Cockswell, «Russian Poems», London, 1929):

Winter The Peasant shows his glee
Sleighting along the frozen road,
Whose faithful horse, since it has snowed,
Maintains a trot but cautiously

(Зима... Крестьянин проявляет радость, / Катя́ в санях по замерзшей дороге; / Его верный конь из-за снега / Идет рысью, однако осторожно.)

Дейч (1936).

Here's winter! The triumphant peasant
Upon his sledge tries out the road,
His mare scents snow upon the peasant
Keep air, and trots without a goad

(Вот и зима!.. Крестьянин-триумфатор / В своих санях пробует дорогу; / Его кобыла обоняет снег сквозь чудный / Резкий воздух и бежит рысью без погонялки)

Эльтон (1937).

Winter! the peasant's heart now dances,
Again he journeys in his sleigh
The old mare sniffs the snow, advances
With shambling trot, as best she may

(Зима! Крестьянское сердце пляшет; / Вновь он путешествует в санях. / Кобыла старая, нюхая снег, идет вперед / Неуклюжей рысью, насколько это в ее силах.)

Радин (1937).

Winter! The peasant in its honor
Marks out the roadway with his sleigh,
His poor horse plowing through the furrows
Goes jogging, stumbling, on its way

(Зима! Крестьянин в честь ее / Санями отмечает путь; / Его бедная лошадь, пропахивая борозды, / Трусит своей дорогой, спотыкаясь.)

Забытые сани, крестьянин-триумфатор, проявляющий радость на замерзшей дороге, чудный резкий воздух, невообразимая погонялка, пляшущее сердце крестьянина, старая кобыла, честь зимы, пропахивание борозд, бедная споты-

кающаяся лошадь — все это груда чудовищной бессмыслицы, конечно ничего общего с *ЕО* не имеющей.

10 *В салазки жучку посадив* — *Жучка* (слово выделено в тексте *ЕО* курсивом) — любая собачонка темной масти, а в широком смысле — мелкая дворняжка.

Варианты

1 Отвергнутое чтение (2370, л. 70):

Зима! Мужик наш не горя

12—14 Черновик (2370, л. 70 об.):

Ямщик веселый стоя правит
И колокольчик удалой
Гремит под новою дугой

III

3 *...низкая природа* . — Здесь Бродский со свойственным ему идиотизмом комментирует: «Дворянское общество было оскорблено реалистическими описаниями природы»². На самом деле Пушкин, конечно, имел в виду обычного, настроенного на французский лад читателя, изящный вкус (*le bon goût*) которого мог быть оскорблен.

6—7 *Другой поэт первый снег...* — Рукописное примечание (ПБ 172), подготовленное к изданию 1833 г., гласит: «Первый снег Вяземского красивый выходец и проч. Конец [стихотворения]. Барат<ынский> в Финл<яндии>».

В отрывке из «Первого снега» Вяземского (1819; см. мой коммент. к гл. 1, эпиграф) говорится:

Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит
Украшен твой наряд лесов сибирских данью

Румяных щек твоих свежей алеют розы
И лилия свежей белеет на челе

Это типический образец пышного и витиеватого стиля Вяземского, с его бесчисленными определениями и определениями к этим определениям. Стихотворение кончается так (стихи 104—105):

О первенец зимы, блестящей и угрюмой!
Снег первый, наших нив о девственная ткаиь!

Пушкин без труда заткнул за пояс и оставил далеко позади и Вяземского, и Баратынского (см. следующий коммент.) в своих стихах «Зима» (1829) и «Зимнее утро» (1829), гармоничных и немногословных, где краски изумительно чисты, а речь проста и свободна.

13—14 Отсылка к «Эде» Баратынского, опубликованной в «Мнемозине» в начале 1825 г., а также в «Полярной звезде» за тот же год. Этот отрывок слегка отличается от текста 1826 г. (стихи 623—631):

Сковал потоки зимний хлад,
И над стремнинами своими
С гранитных гор уже висят
Они горами ледяными
Из-под сугробов снеговых
Скалы чернеют снег буграми
Лежит на соснах вековых
Кругом все пусто Зашумели,
Завыли зимние метели

Видимо, наш поэт изменил своим первоначальным намерениям и решил все же посостязаться с Баратынским — благо трудностей здесь не предвиделось. В Татьянинном сне Пушкин расковал эти потоки (гл. 5, XI) и украсил сосны (гл. 5, XIII). Баратынский же в издании «Эды» 1826 г. заменил сосны мглою, «волнистой и седой».

IV

3 <...>

6—7 *...зарю поздной / Сиянье розовых снегов.* — Ср. у Томаса Мура, «Любовь ангелов» (Thomas Moore, «Loves of the Angels», 1823) стихи 98—99, «История первого ангела»: «...snow / When rosy with a sunset glow» («...снег, / Когда он розовеет в отблесках заката»).

«Поэзия господина Мура, — писали в «Эдинбургском обозрении» («The Edinburgh Review») в феврале 1823 г., — это роза без шипов — ее касание как бархат, оттенок ее пунцов... Поэзия же Байрона — колючая куманика, а порою смертоносный анчар» (см. коммент. к гл. 1, XXXIII, 3—4).

Розовые снега — амальгама *роз* и *морозов*, «ожидаемой рифмы», подкинутой читателю в гл. 4, XLII.

14 *Мужьев* — Сей винительный падеж — вульгаризм, который в устах служанок уместнее правильного *мужей* (появившегося в издании 1828 г., но затем в том же году исправленного на *мужьев* в списке опечаток, прилагавшемся к шестой главе. Заметьте, что предсказание сбылось: Ольга вышла замуж за улана, а Татьяна — за важного генерала.

V

9—12 Та же примета имела хождение в Уэльсе, согласно следующему наблюдению (Р. П. Хэмптон Робертс, «Заметки и вопросы» / R. P. Hampton Roberts, «Notes and Queries», 5th ser., VII, 1877, 17 Feb.): «Будучи в Англии, я слышал, что такое поведение кошки [умывание] предвещает не дождь [как обычно считают в Англии], а нежданного гостя. Если умывается только мордочка, то время его прихода неизвестно; если же кошка захватывает лапкой и ухо, жди его в тот же день».

9 *Жеманный кот..* — В издании 1828 г. — *жеманный ль кот* <...>

На полях черновиков (2370, 80 об. и 81 об.) Пушкин, работая над строфами V—VI и IX—X, спустя недели три после провалившегося мятежа декабристов

в Петербурге (14 декабря 1825 г.) набросал профили нескольких заговорщиков, которых знал лично. Среди разных мирабо- и вольтерообразных профилей можно различить декабристов П. Пестеля и К. Рылеева, что свидетельствует о необычайной цепкости зрительной памяти Пушкина, поскольку Пестеля он не видел более четырех лет (с весны 1821 г. в Кишиневе), а Рылеева — пять с половиной (с весны 1820 г. в Петербурге). <...>

VI

2—7 «Я всегда знал, что Падучая Звезда может нарушить Ночной Покой... Нету на свете такой мелочи, которая не могла бы показаться ужасающей Воображению, полному Предзнаменований и Предубеждений» (Аддисон, «Зритель» / Addison, «The Spectator», 1711, № 7, 8 March), где автор острит относительно суеверных дамочек.

Падучие звезды предвещают недоброе с самого сотворения мира.

VII

1 *Что ж?* — Эта вопросительная формула здесь значит: «Что бы вы думали?» или «Как ни странно».

11 *У гробовой своей доски...* — Близнец английской идиомы «At the door of the grave» — «у двери могилы».

VIII

2 *..воск потопленный...* — К пушкинскому эпитету имеют отношение глаголы «растопить» и «топить» (последний как переходный, так и непереходный). Вместо горячего воска иногда расплавляют олово и помещают в воду, где оно принимает пророческие формы. В «Потребнике» (книге обрядов) 1639 г. упоминаются две разновидности гадателей: восколей и оловолей.

5—8 Пение подблюдных песен в канун Рождества и Крещения начинается с песни «Слава Богу в небесах, слава!» Женщины и девушки, желающие погадать, бросают колечки и прочие безделушки в блюдо или таз с водою. Затем блюдо накрывается платком и начинаются песни. Под конец каждой песни достают первую попавшуюся безделушку, и ее владелица, в зависимости от того, какая песня была только что пропета, получает то или иное предзнаменование.

7 *...вынулось...* — Очевидный перевод «was taken out» не передает элемента случайности выбора, заключенного в использованном здесь русском глаголе.

9 *...мужички-то...* — Уменьшительный суффикс и деревенское *-то* невозможно адекватно передать по-английски.

9—12 Это известная святочная песня (прилагательное «святочная» происходит от слова «святки», двенадцать дней после рождения Христа, то есть с 25 декабря, до Богоявления (Крещения, когда Христос был окрещен), 6 января. Эта песня поется так:

У Спаса в Чугасах за Язую,
Слава!

Живут мужики все богатые,
Слава!
Гребут золото все лопатою,
Слава!
Чисто серебро лукошками,
Слава!

Яуза — приток Москвы-реки, восточнее Кремля. Кирпичная церковь Христа Спасителя была выстроена в 1483 г. Обычно эта песня предрекала пожилым людям смерть.

14 *..кошурка...* — Эта песня такова:

Уж как кличет кот кошурку в печурку спать
Слава!
Ты приди, моя кошурка, в печурку спать,
Слава!
У меня, у кота есть скляница вина,
Слава!
Скляница вина и конец пирога,
Слава!
У меня, у кота и постелька мягка,
Слава!

Эта песня «милей сердцу дев», ибо предсказывает свадьбу, как указывает Пушкин в примечании 29.

Вариант

2 В отвергнутых черновиках (2370, л. 81) был *воск растопленный и воск и олово*.

IX

4 *В открытом платице*. — У Сполдинга — «В полураспахнутом халате»; у Эльтона — «В косынке, с непокрытой головой»; у мисс Дейч — «не замечая холода»; и только мисс Радин написала верно.

6 *На месяц зеркало наводит.. 13 Как ваше имя?* — Известные обряды гадания на улице. Не одинока наша офранцуженная голоплечая барышня: русская девка-крестьянка в сапожках и платке тоже вышла бы на сельское перепутье ловить в свое зеркальце луну, упрашивая назначенного ей судьбою мужа показаться в нем. Читателю может припомниться старинное английское заклинание:

Moop, good moop, all hail to thee
I prithee, moop, reveal to me
Who my husband must be

(Луна, добрая луна, да здравствует луна
Молю тебя, луна, открой мне,
Кто станет моим супругом)

Другое старинное чародейство (не упоминаемое Пушкиным, но открывающее «Светлану» Жуковского) заключалось в том, что на дорогу за ворота бросали башмак. Когда он падал на снег, носок его указывал на дом будущего мужа.

Строфа заканчивается ритуалом, который вряд ли могла бы исполнить скромница Татьяна: выйти за ворота и окликнуть первого встречного прохожего.

13 *Смотрит он...* — Глаголы «смотреть», «глядеть» (гл. 6, XXIV, 13) чаще используются в русском языке, нежели «to look» в английском. Порою они лишь синтаксическая указка, направляющая внимание читателя на надвигающееся действие или событие (как здесь), порою настраивают на определенный лад (на удивление или нерешительность): «Князь на Онегина глядит» (гл. 8, XVII, 11). Часто встречается и глагол совершенного вида — «взглянуть» («to glance» — «кинуть взгляд»): «Взгляну на дом...» (гл. 7, XVI, 3—4). Из этого ряда меньше всего неприятностей доставляют русские эквиваленты английского существительного «look» — «взгляд» (точное значение «glance») и «взор» (точное значение «gaze»). Они легко рифмуются, а если подпереть их эпитетами («томный», «веселый», «печальный», «угрюмый»), превращаются в отштампованные заготовки, предназначенные для передачи душевного настроения через выражение лица.

14 *Агафон*. — Это имя ошарашивает своей нелепостью. Являясь русским вариантом греческих Агафо или Агафоникус (см. пушкинское примеч. 13 к гл. 2, XXIV, 2, о сладкозвучнейших греческих именах), для русского уха оно мужицкое и грубое. Английское соответствие ему можно отыскать среди имен библейских. Представим себе английскую барышню образца 1820 г., которая выскальзывает за ворота своего замка, чтобы узнать имя у проходящего мимо работяги, и обнаруживает, что звать ее мужа будут не Алланом, а Ноем.

Вариант

14 В черновике этой строфы (2370, л. 81 об., карандаш; опубликовано Эфросом в *Лит. насл.*, 1934, № 16—18, между с. 928 и 929), Пушкин зачеркнул *Агафон* и сверху надписал *Харитон* — имя, которое, будучи сохранено в окончательном тексте, чудным образом предвещало бы Харитоньев переулочек в приходе церкви св. Харитония (Харитона), куда в матримониальных целях привезут Татьяну годом позже.

В отвергнутом черновике стоит *Мирон*, а в белой копии есть вариант *Парамон*.

X

1, 5, 8, 9, 14 *Татьяна*. — Отметим, что имя *Татьяна* повторяется в этой строфе о гадании с зеркалом целых пять раз, и к тому же в ней есть иные повторы. Любопытно, не эхо ли это магических заклинаний героини; вспоминаются также повторы в первой строфе песни. Татьянино зеркало можно сравнить с пушкинским «магическим кристаллом» в гл. 8, L.

1—3 *...няни .. в бани...* — Окончание предложного падежа в стихе 3 принаравливается к рифме. Правильная форма, несомненно, *в бане* (или же в старой орфографии, пользуемой на всем протяжении XIX в., *в банье*).

В Аравии «главное обиталище» джиннов — баня (Томас Патрик Хьюз, «Словарь ислама» / Thomas Patrick Hughes, «A Dictionary of Islam». London, 1885, p. 136).

С Татьяной нам больше не ворожить в ее семейных термах. Зато в седьмой главе мы вслед за ней отправимся в некий пустынный замок, где, зачарованная в «келье модной», она вызовет дух Онегина, рассматривая оставленные им на книжных полях магические знаки. Ее книги также не случайны в этом контексте. На месте зеркальца под подушкой, в котором отражалась дрожащая луна, прежде лежал «Вертер», а потом — «Адольф».

6—8 Ср. с другими примерами, когда автор соперживает Татьяне.

6 *Светлана*. — Очередная отсылка к превосходной балладе Жуковского, уже упоминавшейся поэтом в гл. 3, V, 2—4 (см. коммент.) и давшей эпиграф пятой главе. Светлана гадает и ворожит при свечах перед зеркалом за столом, накрытым на двоих. Вдруг появляется дух уж год как без вести пропавшего ее возлюбленного «с яркими глазами» и, как в «Леноре» Бюргера, увлекает ее к его собственной могиле. Однако все это происшествие оборачивается сном; наутро возлюбленный Светланы возвращается домой, целый и невредимый, и они женятся. Баллада кончается двенадцатистрочным эпилогом³ (или посылкой, *envoi*, — если использовать термин, относящийся к жанру стихотворного послания некоей важной персоне, также называемому «балладой»):

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана

А восьмью стихами ниже, под конец стихотворения:

Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга!

Пейзаж в духе Ленского.

Пушкин не без причины держал в своем призматическом уме строфу V из «Светланы»:

Вот красавица одна,
К зеркалу садится,
С тайной робостью она
В зеркало глядится,
Темно в зеркале, кругом
Мертвое молчанье,
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи

В каждой из двадцати строф рифмовка такая: *babasesceddiffi*.

Из стиха 13 взято прозвище, под которым Пушкин был известен в 1817—1818 гг. в дурашливом клубе любителей гусятины («Арзамасе»), где каждый из собутыльников был прозван каким-нибудь именем или словом, заимствованным из баллад Жуковского⁴ (см. мой коммент. к гл. 8, XIV, 13). Эти арзамасские обеды аукнутся в сне Татьяны (гл. 5, XVII, 3—4) костями гуся и оставшимся от него красным колпаком.

11 ...*Лель*... — По-украински *Лело*, по-польски *Лелум* (Снегирев, «Русские простонародные праздники», 1838, т. 1, с. 119, 165, 184) — предположительно языческий бог (любви и садов); имя его происходит, по-видимому, от простого припева — что-то вроде *лели-лели-лели* или *ай-люли-люли* в русских песнях. На память также приходит начало одной старинной английской баллады: «Down in the valley, the sun setting clearly. / Lilly o lille, lilly o lee»*.

В одной старинной песне, поющей на Троицу, есть такие слова:

И я выду молода
За иовые ворота;
Дидо, кáлииа!
Лелио, мáлииа!

В этой и других русских песнях *кáлина* и *мáлина* встречаются и рифмуются беспрестанно, но почти лишены смысла (и причудливо акцентованы). Поскольку русско-английские словари безнадежно беспомощны относительно ботанических терминов, ниже следующие сведения могут оказаться полезными.

Калина, «whitten tree», — одно из множества названий *Viburnum opulus*, Linn. Уильям Тернер в своем «Травнике» (W. Turner, «Herball», 1562) окрестил ее «орле тре», от фр. «орьер», теперь («viorne») «обьер» или «aubier». Не чосеровское ли это «whipultre»? Ее также называют «cranberry tree», клюквенное дерево (глупое и сбивающее с толку название, ибо ничего общего с клюквой калина не имеет); садовникам она известна как «snowball tree» или «guelder-rose». В Северной Америке она представлена родственными видами (различными боярышниками).

Малина — обычная европейская *Rubus idaeus*, Linn.

12—13 Ср. у Джона Бранда в «Обзоре популярных древностей Великобритании» (John Brand, «Observations on the Popular Antiquities of Great Britain». London, 1882, vol. 2, p. 165—166): «На севере [Англии] кусочки свадебного пирога трижды... просовывают сквозь обручальное кольцо, которое затем молодые люди кладут себе под подушку, отходя ко сну, чтобы... [вызвать] во сне... образ предназначенного небесами супруга или супруги».

В Англии ворожат (или ворожили) также с помощью «луковицы св. Томаса»: девушки чистили луковицу и ночью клали ее под подушку, молясь святому Томасу, чтобы он показал им-во сне возлюбленного.

XI

1—2 *И снится чудный сон Татьяне / Ей снится, будто бы она...* — Точно та же интонация была в «Руслане и Людмиле», песнь V, стихи 456—457: «И снится вещий сон герою, / Он видит, будто бы княжна...» (заметим одинаковую концовку *-на*).

10 ...*мосток*... — Думаю, что этот мосток отразился в сне Татьяны, будучи составной частью иного гадательного обряда. Снегирев (в работе, упоминавшейся в коммент. к X, 11; т. 2 [1838], с. 52), а также безымянные составители различных изданий «Мартына Задеки» (например, издания 1880 г.) дают нам следующие сведения. Мостик из березовых прутьиков (подобных тем, из которых делается

* «Там за долиной ясно солнце садится, / Лилли о лилле, лилли, о ли» (англ.)

веник — короткая метелочка, которая свищет по багровым спинам в русской парной) кладется под девичью подушку. Перед тем как отойти ко сну, девушка произносит магические слова: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тот переведет меня через мост». Он приходит к ней во сне и за руку переводит через мост.

Заметим, что медведь, онегинский кум (гл. 5, XV, 11), из пророческого сна Татьяны, который помог ей перебраться через ручей (XII, 7—13), предвозвещает ее будущего мужа, дородного генерала, онегинского родственника. Интересный ход в развитии пушкинской композиции, замечательно выверенной; смесь творческой интуиции и художественного прозрения.

- 14 *Остановилась она.* — Примечательное свойство этой и следующих строф — переключка между сном Татьяны и ее переживаниями в последних строфах гл. 3, ритмическая и словесная. Сон есть травестия и прошлого, и будущего. Стих 14 строфы XI гл. 5 дословно повторяет стих 8 строфы XII гл. 3.

XII

- 2, 13 *.. ручей...* — Несмотря на то что Пушкин сообщает этому слову необычайно широкий смысл (ср. «рев» кавказских «ручьев» в «Путешествии Онегина», вариант XIIс., 8), думаю, что здесь мы имеем дело с превращениями, присущими снам: романтический яростный поток, что шумит в строфе XI, влился в строфу XII чахлым ручейком, уже знакомым нам по ларинским окрестностям (гл. 3, XXXVIII, 13), не удивив при этом сновидицу.
- 8 *Татьяна ах!* — Этот вскрик — еще одно тонкое напоминание о бешеном бегстве Татьяны к ручью в гл. 3, XXXVIII (см. мой коммент. к *Ах!* в стихе 5).
- 14 *...и что ж?* — Риторическая фигура, означающая здесь: «И что же, вы думаете, произойдет теперь?» Ср. гл. 5, VII, 1.

XIII

- 3 *...от косматого лакея...* — В XIX в. (почти на всем протяжении его) среди юных дам благородного происхождения было принято прогуливаться со своею гувернанткой или *dame de compagnie** в сопровождении ливрейного лакея. Еще в 1865 г. у Толстого в «Анне Карениной» (ч. I, гл. 6) перед нами предстает маленькая княжна Китти Щербацкая (одна из внучек Татьяны), прогуливающаяся по Тверскому бульвару в Москве с двумя своими старшими сестрами и *Mlle Lipon*, причем все четверо «в сопровождении лакея с золотой кокардой на шляпе». Для передачи значения эпитета «косматый» можно позаимствовать шекспировского «*rugged Russian bear***» («Макбет», III, IV, 100).
- 12 *.. стремнины...* — Забавно, что даже русская зима пришла к Пушкину через французских поэтов или через английских во французском переложении. В данном случае приходит на ум «Зима» Томсона, стихи 300—301: «...гигантские стремнины, / Разглаженные снегом...»
- 13 *...занесены...* — То же самое слово повторяется в строфе XV, 8 (*занесен*).

* Компаньонка (фр.)

** «Косматый русский медведь» (англ.)

XIV

6 ...в хрупком снеге... — Принятая форма предложного падежа — *в снегу*. *Хрупкий* обычно означает «ломкий». Но здесь это слово образовано от глагола «хрупать», то есть издавать хрустящий, трескучий звук.

Вяземский в стихотворении «Первый снег» (см. цитату в коммент. к гл. 5, III, 6) использует для снега тот же эпитет. См. также у Крылова в его восхитительной и поэтической басне «Мот и ласточка» (1818; «Басни», кн. VII, № IV, стихи 19—22):

опять отколь взялись морозы,
По снегу хрупкому скрипят обозы,
Из труб столбами дым, в окоиицах стекло
узорами заволокло

И еще в двух описаниях зимы (в гл. 1, XXXV, 8—11 и гл. 5, I, 9) Пушкин повторяет эти два крыловских образа — дым и морозные узоры.

XV

1—3 ...*проворно... покорна...* — Эта рифма кажется предвестницей столь же неточной рифмы из строфы XLIV: *задорный... проворно* (см. коммент. к гл. 5, XLIV, 3).

Варианты

9—10 Подготавливая издание 1838 г., Пушкин записал (ПД 172):

И вот стучит медведь в окошко
И в шалаше раздался шум

Издание 1828 г. дает (стих 10):

И в шалаше ужасный шум ..

XVI

4 *Как на больших похоронах...* — Возможно, воспоминание о похоронах онегинского дяди (гл. 1, LIII), о которых Татьяна слышала от кого-то из присутствовавших там. Имеются в виду шумные поминки, пир, следующий за погребением.

7 *И что же! видит... за столом...* — Так в издании 1837 г., вместо *И что же видит? . . за столом.*

14 *Полу-журавль и полу-кот.* — Ср. у госпожи де Сталь о Фаусте («De l'Allemagne», pt. II, ch. 23): «Мефистофель ведет Фауста к ведьме, которая командует зверями, наполовину обезьянами и наполовину котами».

Весьма странно, что Шлегель, помогавший госпоже Сталь в ее трудах, не поправил этой странной ошибки. Животное, описанное Гете в сцене «Nehenküche»*, не имеет ничего общего ни с «котом», ни с «полу-котом»; это всего лишь африканская длиннохвостая обезьяна⁵ (*Cercopithecus*), *eine Meerkatze***.

* «Кухня ведьмы» (нем.).

** Морская кошка (нем.).

Варианты

Судя по исправлениям в черновиках (2370, л. 83—83 об.) и в белой рукописи (ПБ 14), у Пушкина были немалые сложности в выборе своих зверей. (См. также вариант XVII.)

9—10 Отвергнутые чтения (2370, л. 83):

Ииой в рогах с медвежьей мордой
Другой с мышьиной головой .

10 Беловая рукопись:

Другой с ослиной головой .

12 Отвергнутое чтение (там же):

. тигра гривой [sic] .
Там крысьи лапки .
Там ястребиный нос
Там красивый глаз ..

Беловая рукопись:

Здесь шевелится хобот гордой .

13 Отвергнутое чтение (там же):

Здесь рыба с лапками .

14 Черновик (там же):

Полу-журавль и полу-крот

XVII

1 *Еще страшней, еще чуднее...* — Этот стих обнаруживает забавное сходство с фразой «Cugiouser and Cugiouser»* из второй главы «Приключений Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла (1865).

3—4 *Вот череп на гусиной шее / Вертится в красном колпаке...* — Соблазнительно усмотреть здесь воспоминание об арзамасских обедах 1817—1818 гг. См. коммент. к гл. 5, X, 6 и гл. 8, XIV, 13.

5 *Вот мельница вприсядку пляшет...* — Томашевский («Временник Пушкинской комиссии». М., 1936, II) опубликовал карандашный рисунок Пушкина — ветряная мельница из Татьяниного сна и танцующий скелетик. Рисунок сделан на пушкинском экземпляре отдельного издания четвертой и пятой глав. Лопасты ветряной мельницы по-русски называются крыльями.

В рукописном варианте гл. 8, XLVI Татьяна вспоминает местную ветряную мельницу (отвергнутое чтение в белой рукописи ПБ). Это не та мельница (гл. 6, XII, 11 и XXV, 10) — судя по всему, водяная (гл. 6, XXVI, 1), близ которой Ленский пал на дуэли с Онегиным, но русскому читателю придет на память та водяная мельница, ибо ветряная ли, водяная ли, все равно она зовется мельницей.

Танец вприсядку — известная русская мужская пляска.

* «Все страннее и страннее» (англ.), «Чем дальше, тем странше» (перевод В Н).

В «Днепровской русалке» (см. коммент. к гл. 2, XII, 14) один шутейный персонаж оборачивается медведем, дерево превращается в ветряную мельницу, а мешки с мукой пускаются в пляс. В юности Пушкин мог видеть эту оперу в Петербурге.

7 *Лай, хохот, пенье, свист и хлоп...* — Отдельное издание четвертой и пятой глав дает «Визг» вместо «Лай».

7—8 См. мой коммент. к гл. 1, XXII, 5—6, где сказано, что подобный прием становится лейтмотивом всего романа.

Сказочные упыри и химерические чудовища из сна Татьяны — это те же гости из дневной жизни, которые придут к ней на именины и позже объявятся на балах в Москве, гости, погруженные во мрак ночного кошмара, и этот сон предвосхищает их выход на сцену.

В басне Ивана Хемницера «Два соседа» («Басни», 1779) есть сходная интонация (стихи 24—25):

Тут лай собак, и визг свиной,
И крик людей, и стук побой .

В замечательной по красоте поэме-сказке о волшебном замке, написанной Гаврилой Каменевым (1772—1803), предтечей русского романтизма, и озаглавленной «Громвал» (опубликована в 1804 г.; состоит из нерифмованных четверостиший с мужскими концовками, причем первые два стиха каждого — четырехстопный дактиль — весьма необычное сочетание), говорится о том же и в той же манере (стихи 105—106):

Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркают, воют, хохочут, свистят

И наконец, в вымышленном сне Софьи, поведенном ею отцу, Павлу Фамусову, в грибоедовском «Горе от ума» (действие I, стих 173) слышится

стон, рев, хохот, свист чудовищ!

Формула эта интернациональна. Совершенно такая же интонация у Теннисона, см. его «Сон наяву: Пробуждение» (Tennyson, «The Day Dream: The Revival», 1842), стихи 3—4.

And feet that ran, and doors that clapt,
And barking dogs, and crowing cocks .

(«И ноги, что бежали, и двери, что хлопали,
И лающие псы, и кукарекающие петухи...»)

Журнальные обозреватели, которым Пушкин устраивает выволочку в примечании 31 (см. текст), заявляли, что «хлоп» и «топ» — слова неудачные и лишь полная форма «хлопанье» и «топанье» единственно правильная. Пушкин использует «хлоп» и «топ» также в балладе «Жених» (см. ниже), в стихах 139 и 137 соответственно.

В 1826 г. Пушкин обработал, или сочинил, народную песню (одну из трех) про Стеньку (Степана) Разина, знаменитого волжского разбойника (и мятежного

донского казака, схваченного и четвертованного в 1671 г.), которая начинается так:

То не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливается
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погоулять по морю

Мы встречаем похожую интонацию и в замечательной балладе Пушкина «Жених. Простонародная сказка», написанной в июле 1825 г. в Михайловском и состоящей из сорока шести строф (четырёхстопные ямбы с мужской рифмовкой и трехстопные ямбы — с женской, *babacsee*), стихи 137, 153:

Вдруг слышу крик и конский топ
Крик, хохот, песни, шум и звон

Наташа, купеческая дочь, исчезает на три дня (она заблудилась в лесу, как мы узнаем позже) и возвращается дрожащая и чуть живая. Через некоторое время она вновь становится румяной и веселой и резвится вплоть до того вечера, когда следующее зрелище не сгонит привычного румянца с ее щек: некий молодец во весь опор гонит тройку удалых коней мимо ее крыльца. Затем он сватается, и отец настаивает, чтобы Наташа приняла предложение. На свадебном пиру она просит жениха истолковать один сон (и повествует о лесной тропинке, что привела ее к избе, полной сверкающих сокровищ), который на самом деле оказывается вовсе не сном, а реальной историей убийства, что совершил наш молодец, которого тут же и арестовывают. Эта баллада, которая по форме превосходит даже «Светлану» Жуковского, исполнена великолепных звукоподражаний; к примеру, стихи 117—120 безупречно передают вздохи и шелесты глухого леса:

в глуши
Не слышно было ни души
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели

В своем переводе я не смог передать все эти *с-с-с* и *ш-ш-ш* и лишь сохранил смысл.

- 8 *Людская молвь и конский топ!* — Ср. у Прейда в «Рыжем рыбаке» (Praed, «The Red Fisherman»), стих 117:

Neigh of steed, and clang of steel
(Ржанье коня и бряцанье стали)

Варианты

- 1 Черновики (2370, л. 83 об.):

<Там крысы в розовой ливрее>
Там петухи в цветной ливрее

Отвергнутая беловая рукопись и отдельное издание пятой главы (1828):

<Там крыса в голубой ливрее>

<Там ворои в голубой ливрее>

Там суетливый еж в ливрее ..

Примечания к изданию 1833 г. (ПД 172):

<Там филии на крылатом змее>

Там змей в очках, там еж в ливрее

5 Черновики (2370, л. 83 об.):

<Там мельница на стуле пляшет>

Тут мельница живая пляшет .

Беловая рукопись и отдельное издание главы:

Там мельница в мундире пляшет

XVIII

Сравним некоторые подробности и настроения сна Татьяны с концом главы 15 «Сбогара» Нодье, где Антония поверяет Жану свои видения: «Tout, ici, étoit plein de fantômes. — On y voyoit des aspics d'un vert éclatant, comme ceux qui se cachent dans le tronc des saules; d'autres reptiles bien plus hideux, qui ont un visage humain; des géants démesurés et sans formes; des têtes nouvellement tombées... et toi, tu étois aussi debout au milieu d'eux, comme le magicien qui présidoit à tous les enchantements de la mort»*.

12 *...взорами сверкая...* — В «Причуднице» Дмитриева героиня по имени Ветрана (английская Зефирина), ветренная и капризная красотка, живущая в уюте и в достатке с прекрасным мужем, но изнывающая от скуки, переносится во сне при пособничестве одной колдуньи, которая желает преподать ей урок, в дремучий лес, где на нее, «взорами сверкая», набрасывается разбойник, увозит на лошади и скидывает в реку.

Это *взорами сверкая* в ЕО, гл. 5, XVIII, 12 — воспоминание о *блистая взорами* в гл. 3, XLI, 5, когда Онегин появляется пред нею, по сути дела, удовлетворяя просьбу, с которой обращалась к нему Татьяна в стихе 74 своего письма (гл. 3, перед строфой XXXII): «...сон тяжелый перерви». Теперь грезы длятся, и развитие образа Онегина катится по демоническому пути, проложенному стихом 59 ее письма. Сверкающие и блистающие взоры станут, однако, *чудно нежными* (*Взор его очей / Был чудно нежен*) в гл. 5, XXXIV, 8—9, а впоследствии вспомнется «мгновенная нежность» его очей (гл. 6, III, 2).

13 *.. гремя...* — Производя громкий резкий шум при отодвигании стула.

Стихи 12—13 связуют прошлое (гл. 3, XLI, 5) с будущим (гл. 5, XXXV, 1).

* Здесь все было полно призраками. — Виднелись ярко-зеленые аспиды, вроде тех, что прячутся в ивовых пнях, какие-то другие пресмыкающиеся, гораздо более отвратительные, с человеческими лицами, бесформенные гиганты непомерной величины; недавно срубленные головы... и ты тоже стоял посреди них, как волшебник, который председательствует при всех колдовствах смерти» (фр.)

XIX

9—14 В этом босхианском наборе *усы* из стиха 11 могут быть как усами кого-то из фелид или щупиками артропод, так и усищами великана. Среди этих средневековых символов смутно различимы атрибуты слонов и вепрей, хвост чертова пуделя или льва.

13 *Всё указывает...* — Та же идиоматическая форма, что и во фразе, открывающей XXI строфу гл. 1 — *Всё хлопает*.

XX

5—7 *Онегин тихо увлекает..* — Критик из пушкинского примечания 32 — это Борис Федоров, который, разбирая четвертую и пятую главы (1828) в своем журнале «Санктпетербургский зритель», обвинил Пушкина в безнравственности и неблагопристойности.

Глагол «увлекать», фр. *entraîner*, в том его употреблении, какое мы встречаем в стихе 5 <...>, несмотря на протесты Пушкина, действительно в определенной степени наводит на мысль о попытке уговорить и обольстить, что, конечно же, и подразумевается в этом пассаже.

«Слагает» (англ. *deposits*, фр. *dépose*) в следующем стихе <...> и в данном контексте указывает на безвольность и покорность объекта. Значение этого глагола в данном употреблении близко к «укладывать», что означает «положить, уложить кого-либо или что-либо», добавочный оттенок, подчеркивающий обдуманность и целенаправленность онегинских действий.

10—XXI, 3 *..Ленской...* — М. Гершензон в своей статье «Сны Пушкина»* заявляет, что во сне Татьяна интуитивно понимает, что, во-первых, Ленский со всеми его стихами не более чем подрумяненный молодостью обыватель и, во-вторых, что Онегин его за это подсознательно ненавидит.

Однако в сне Татьяны нет ни слова, подтверждающего правомерность подобного утверждения. «В нем [Онегине], — пишет Гершензон в своей исключительно глупой статье, — возбуждали тошноту и любовные изливания Ленского, и его стихи, и Ольга, и их пресно-приторный роман... и так человечески понятно, что в минуту досады на Ленского он дал волю своему злему чувству, — раздражил Ленского, закружил Ольгу, как мальчишка бросает камешек в воркующих голубей!»

Гершензон также ссылается на книжку С. Судиенко, которого он считает чудаком, «Тайна поэмы А. С. Пушкина „Евгений Онегин“» (Тверь, 1909), где аллегорический смысл усматривается в разнообразных подробностях сна Татьяны; к примеру, две жердочки, перекинутые через ручей, — это две прошлые встречи Татьяны с Онегиным, и т. п.

Варианты

1 Отвергнутые чтения (2370, л. 84):

* Опубликовано в сборнике статей различных авторов «Пушкин», изд. Н. Пиксанов. М., 1924, с. 79—96. (Примеч В Н.)

Мое! сказал Евгений басом...
Мое! сказал Евгений бледный...

9—10 В отвергнутом черновике (там же) Ольга входит

С лампадой бледною в руке
За нею Ленский

XXI

1—3 См. коммент. к XX, 10.

XXII

1 *Но та, сестры не замечая...* — Протяжный, томный распев этого стиха — отголосок гл. 3, XXXIII, 1 — *Она зари не замечает*. А этот стих, в свою очередь, аукается с распевами первого стиха гл. 8, XXXI — *Она его не замечает*, и гл. 8, XLII — *Она его не подымает*. Эта тема звучит речитативом, как магическое заклинание.

12 *...Мартын Задека...* — Я склонен рассматривать этот персонаж как сфабрикованный в 1770 г. безымянным литературным поденщиком, швейцарским немцем, который мог произвести имя своего мудреца от *цаддика* (раввинское звание, означающее «особо праведный»), или от Задока, священника во времена Соломона, или от Зидеккии, *fameux cabaliste** времен Пипина Короткого (восьмой век), доказывавшего скептикам, что все четыре стихии населены сильфами; по его просьбе они явились людям в небесах на сверкающих воздушных кораблях (как о том свидетельствует аббат Монфокон де Вийар в романе, направленном против розенкрейцеров, «Князь Каббалы, или Беседы о тайных науках» (Mout-fauson de Villars, «Le Comte de Cabalis, ou Entretien sur les sciences secrètes», Paris, 1670).

В университетской библиотеке города Базеля хранится сборник памфлетов XVIII в., озаглавленный «Historische Schriften»** на форзаце и «Varia historica»*** — на обложке (в каталоге фигурирует как «Leseges. Brosch.», № 17). Мадмуазель Эжени Ланге, библиотекарь Швейцарской Национальной библиотеки, любезно предоставила мне фотостат четвертого памфлета из этого сборника. Это четырехстраничное повествование под названием «Чудесное и необычайное пророчество знаменитого Мартина Задека, швейцарца из Золотурна, который на 106-м году жизни, перед смертью своей 20 декабря и после смерти 22 декабря 1769 года в присутствии своих друзей прорицал настоящее и будущее» («Wunderbare und merkwürdige Prophezeung des berühmten Martin Zadecks, eines Schweitzers bey Solothurn der im 106ten Jahr seines Alters, vor seinem Tode den 20. Dezember, und nach seinem Tode den 22ten Dez. 1769. in Gegenwart seiner Freunde prophezeyet hat, auf gegenwärtige und zukünftige Zeiten»). В брошюре этой дается краткое описание его жизни (в 1739 г. он удалился в Альпы, жил там, питаясь одними травами, тридцать лет в благочестивом одиночестве и умер в убогой хижине неподалеку от Солера), а также пророчеств, данных им со смертного

* Знаменитый каббалист (фр.).

** «Исторические труды» (нем.).

*** «Историческая смесь» (лат.).

ложа (к примеру, о распаде Турции, грядущем расцвете Швеции и России, ослепительном величии Данцига, о завоевании Италии Францией, окончательном захвате Африки тремя северными государствами, гибели большей части Нового Света от потопа и конце света в 1969 г.). Эта брошюра явно имела широкое хождение: переложения ее входили в разные гадательные книги, немецкие и русские. Имя Мартина Задека (в русском Мартын Задек или Мартын Задека) появляется наряду с именами Тихо Браге и Иоганна Каспара Лафатера на титульном листе 454-страничного «Оракула» в трех томах, выпущенного в Москве в 1814 г.; но есть и множество других изданий, например «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного шестилетнего старца Мартина Задека» (М., 1821) и «Новый полный оракул и чародей», содержащий «Толкователь снов» и «Предсказания Брюса и Мартына Задеки» (М., 1880).

XXIII

- 5 *Его с разрозненной Мальвиной.* — «Мальвина» — роман мадам Коттен (Paris, 1800 или 1801), согласно Л Сайксу, автору превосходной монографии (L. Sykes, «Madame Cottin». Oxford, 1949; см. коммент. к гл. 3, IX, 8, о Малек-Аделе).

Мальвина де Сорси после смерти своей подруги, миледи Шеридан (возможно, племянницы лорда Бомстона, героя Руссо), отправляется пожить в Шотландию к своей родственнице, мистрисс (это конечное *-исс / -исс* — французская особенность того времени*) Биртон, где в нее влюбляются одновременно двое — мистер Прайор, католический священник, и сэр Эдмунд, распутный тип. Злобные козни мистрисс Биртон приводят к разнообразным кошмарным и запутанным событиям, вследствие которых Мальвина теряет остатки своего разума.

Судя по отвергнутому черновику стиха 5 (2368, л. 49 об.: «...с русской Мальвиной»), Пушкин мог иметь в виду русское переложение, появившееся в 1816—1818 гг. (согласно Бродскому, с. 231), и в таком случае Татьяна вряд ли прочла бы его.

- 6 *...за три с полтиной...* — Вероятно (как отмечает Лозинский, 1937), бумажными деньгами («ассигнациями»), что равнялось бы одному рублю серебром.
- 8 *Собранье басен площадных...* — Это о дешевых книжонках, предназначенных для низших сословий — лавочников, мастеровых, полуграмотной прислуги и прочих.
- 9 *...две Петриады...* — Среди полудюжины «Петриад» (эпопей, посвященных Петру I, ничтожнейших подражаний ничтожнейшим же французским «Генриадам»), имевших хождение в те времена, было неуклюжее «Лирическое песнопение» в восьми песнях, вышедшее из-под пера князя Сергея Шихматова; будучи опубликовано в 1812 г., оно вызвало к жизни остроумную эпиграмму Батюшкова «Совет эпическому стихотворцу»:

Какое хочешь имя дай
Твоей поэме полудикой.
Петр длинный, Петр большой,

* Традиционное английское написание — *mistress*. (Примеч переводчика)

Но только Петр Великой —
Ее не называй

Еще две героические поэмы о Петре были написаны Романом Сладковским (1803) и Александром Грузинцовым (1812); есть еще французская трагедия в стихах Дора «Петр Великий» (Dorat, «Pierre le Grand», Paris, 1779). Самая лучшая в этой компании — ломоносовская, «Петр Великий, героическая поэма», 1250 стихов, написанных ямбическим гекзаметром (с рифмовкой *bbaacsee*). Она состоит из вступления (64 стиха; датировано 1 ноября 1760 г.) и двух песен (632 и 554 стиха). Приведу стихи 171—173 из первой песни, на диво пророческие:

Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток

10 *Мармонтеля третий том.* — В третьем томе Полного собрания сочинений Мармонтеля (Marmontel, «Oeuvres complètes», Paris, 1787, 17 vols.) содержатся «Нравственные повести» («Contes moraux»), впервые появившиеся в 1761 г. (в двухтомном издании La Haye), и «Новые нравственные повести» («Nouveaux contes moraux»). В библиотеке Пушкина имелось Полное собрание 1818—1819 гг. издания*. Замечу, что Бродский (1950, с. 49) пишет: «Contes morales», а Чижевский (1953, с. 212) дает неверное написание фамилии автора — «Marmontelle».

Связь между виршами в честь Петра I и пресными рассказами из третьего тома Мармонтеля, быть может, была подсказана Пушкину двумя строками из хорошо ему известной сатиры Жильбера «Восемнадцатый век» (1775), в которой упоминается Тома (Antoine Léonard Thomas), работавший над своей «Петреидой» («La Pétréide»), эпической поэмой в честь царя Петра, так и не оконченной по причине смерти автора в 1785 г.:

Thomas est en travail d'un gros poème épique,
Marmontel enjolive un roman poétique . **

Варианты

7—9 В отвергнутых черновиках (2368, л. 49 об.) книгоноша берет взамен проданных книг «L'homme» и *вокабулы да часть Левека*. Здесь явно имеются в виду «Основы французской грамматики» Ломона (Charles François Lhomond, «Elémens de la grammaire française», Paris, 1780), претерпевшие множество изданий и редакций, и «История России» Пьера Шарля Левека (Pierre Charles Levesque «Histoire de Russie», Paris, 1782, 5 vols.), либо его же «История народов, покоренных Россией» («Histoire des différents peuples soumis à la domination des Russes», Paris, 1783, 2 vols.), имевшиеся в библиотеке Пушкина.

* См.: Модзалевский Б Библиотека Пушкина библиографическое описание — В кн II и его совр., 1909, III, вып. 9—10, с. 282. (Примеч В Н)

** Тома трудится над огромной эпической поэмой, / Мармонтель же кропает поэтический роман .. (Фр)

XXIV

7—8 «Азбучный» порядок слов нарушен (в русском алфавите *ж* идет перед *л*, а последовательность слов на *м* должна быть такова: *медведь, метель, мосток, мрак*):

бор, буря, ворон, ель,
 Ёж, мрак, мосток, медведь, метель

«Ворон» — это *repimento** (см. вариант XVII, 1 в отвергнутой белой рукописи), и то же относится к «ежу» (см. там же, белая рукопись, и отдельное издание четвертой и пятой глав) «Ворон» появляется в белой рукописи строфы XXIV, 7 (ПБ 14) и во всех трех изданиях. Однако в Акад. 1937 напечатано *ведьма* вместо *ворон*, на основании рукописной поправки, сделанной Пушкиным в его собственном экземпляре отдельных выпусков пяти глав *ЕО* (с первой по шестую), переплетенных вместе (МБ, 8318), возможно вскоре после опубликования шестой главы (23 марта 1828 г.). *Ворон* этот тревожил Пушкина. На полях черновика «Зимы», датированного 2 ноября 1829 г. (2382, л. 15 об.), он для памяти записал *ворон* поверх другой надписи, относящейся к гл. 7, XXXI, 1—4 (см. мой комментарий). Не исключено, что он намеревался вернуть «ворона в голубой ливрее», вымаранного из XVII, 1

В черновом наброске XXIV, 8 (2368, л. 49 об.) читаем.

Медведь, мосток, мука, метель

Эта «мука» отсылает нас к пляшущей мельнице из сна Татьяны и к тому же забавным образом подтверждает, что Пушкин ощущал себя должником «Днепровской русалки», в которой на сцене отплясывают мешки с мукой (см. коммент. к гл. 2, XII, 14 и к гл. 5, XVII, 5).

В черновике (2368, л. 49 об.) Татьяна разыскивает в соннике и другие слова *женишьба, шатер, шалаш* (с вычеркнутым *дом*), а также *ручей, серьги* и еще несколько пробных вариантов слов, которые с трудом читаются в пушкинской рукописи.

Если судить по некоторым стилистическим деталям, то толкователь снов (сонник) Мартына Задеки образца 1880 г., с которым я сверялся, не должен отличаться (не считая нескольких очевидных дополнений к основному тексту) от сонников начала XIX в. Правда, толкователь 1880 г. не содержит всех слов, что искала Татьяна, но «ворон», «ель» и «медведь» в нем есть. Там говорится, что, если приснившийся ворон подавал голос (а вся Татьяна живность гололиста не в меру), то это сулит смерть кого-то из родных, — вот она и прибирает жениха Татьяниной сестры; «ель» означает свадьбу, — и Татьяна действительно выйдет замуж на следующий год; «медведь» предвещает достаток, — и супругом ей будет состоятельный князь N. Иными словами, Мартын Задека должен был хотя бы отчасти разрешить «сомнения» Татьяны. Довольно любопытно, что Татьяна вряд ли что-нибудь еще смогла бы найти для разгадки своего страшного сна, кроме, может быть, «козы», «журавля» и «мельницы», предвещающих беду, тогда как «копыта» и «лай» предрекают, соответственно, свадьбу и раздор.

* Раскаяние (*итал*).

- 13 Дней несколько она потом... — Этот стих весьма необычно акцентован, здесь самый сильный слог — слово *дней* попадает на «понижение» и образуется ложный спондей с ударным первым слогом слова *нёсколько*, тогда как *она* и *потом* — слова слабые с полускадами на концах:

ú'ú—ú—ú—ú—

XXV

- 1 ...багряною рукою... — Эпитет «багряный» (англ. *crimson*, синоним — «пурпурный», англ. *porphyrous*) подразумевает насыщенный, темный тон красного, соответствующий французскому *rouge*, но ни в коем случае не английскому *purple*, который переводится как «фиолетовый».

«Багряная рука» производит или должна производить на русского читателя смешное впечатление, ибо гомеровская «*rhododactylos Eos*» — «розовоперстая заря» или «розоворукая заря» (см. взывание Симеты к луне в идиллии II Феокрита) напомнит ему багровые руки прачки (как съязвил Вяземский в одном стишке 1862 г.⁶).

Какой-нибудь французский пиит написал бы: «розовые руки» (например, Казимир Делавинь / Casimir Delavigne: «*Déjà l'Aurore aux mains vermeilles...*»^{*}).

Насколько я смог разобраться (а я, признаюсь, прошелся лишь по верхам этого вопроса), было два типа классического пурпура: тирский пурпур, темно-красный, цвет крови и зари, и тарентинский, который, как говаривали поэты, соперничал с цветом фиалки. Французские поэты в использовании «*rouge*», выражающего тирское понятие, дошли до того, что в их стихах зрительное восприятие цвета перестало иметь даже самое ничтожное значение; любой конкретный оттенок был заменен на некий абстрактный поток солнечного света. За ними пошли и русские, чей «пурпур» — не более чем традиционный малиновый грузного занавеса в аллегории или апофеозе. Но некогда подсиненный кубовой краской английский «пурпур», повинувшись присущему англичанам саксонскому культу цвета, более тяготел к тону сливы, бабочки-переливницы (английское имя которой — «*The Purple Emperor*» — «Пурпурный император»), вереска в цвету, дальних холмов — словом, к аметистовому и фиолетовому. «*You violets... / By your pure purple mantles known*» («О вы, фиалки... / Мы узнаем вас по вашим чисто-пурпурным мантиям»), — писал сэр Генри Уоттон (Henry Wotton, 1568—1639) в стихотворении, посвященном Елизавете Богемской. Шекспировские «*long purples*»^{**} («Гамлет», IV, VII, 170) оборачиваются у Летурнера (Letourneur) во «*fleurs rougeâtres*»^{***}, которые, конечно, делают абсурдным их сравнение с посиневшими пальцами мертвецов из того же отрывка. Ярко-красная разновидность пурпурного все же встречается у Шекспира и других поэтов его времени, но истинный ее расцвет, по счастью недолгий, приходится на эпоху псевдоклассицизма, когда Поуп, будто по умыслу, соотносится с французским употреблением «*rouge*». Ученик Поупа Байрон последовал примеру учителя, и Пишо вряд ли можно упрекнуть в неверном выборе цвета, когда он переводит из «Дон Жуана», II, CL, 2—3 («...the lady, in whose cheek / The pale contended with the

* «Уже Аврора с розовыми руками.» (Фр.)

** «Длинные пурпур» (англ.).

*** «Красноватые цветы» (фр.).

purple rose»*): «...la jolie personne, sur les joues de laquelle le vermillon de la rose semblait le disputer à la pâleur des lis»**. Такой перевод (куда автор его непроизвольно засунул обязательную спутницу бледности — лилию, получив при этом банальнейший литературный оборот) отождествляет пурпур с цветом крови.

1—4 В одной из своих «Вздорных од» Александр Сумароков (1718—1777), один из значительных стихотворцев своего времени, спародировал образность Ломоносова:

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места,
Заря багряною ногою
Выводит новые лета

Пушкин в примечании 34 к четверостишию строфы XXV цитирует зачин ломоносовской «Оды на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны» (1748), состоящей из двадцати четырех строф с рифмовкой *ababesic*.

Еще одна «багряная рука» появляется в оде Ломоносова на более раннюю годовщину царствования той же особы (1746), в ней двадцать семь строф (стихи 11—14):

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря,
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря

Но первая «багряная рука» появилась у Ломоносова еще раньше, в оде, известной только по отрывку, который он опубликовал в своем «Кратком руководстве к красноречию» (1744). Она, кстати, довольно легко ложится на английские рифмы:

Сходящей с поль златых Авроры
Рука багряна сыплет к нам
Брильянтов, искр, цветов узоры,
Дает румяный вид полям,
Светящей ризой мрак скрывает
И к сладким песням птнц возбуждает
Чистейший луч доброт твоих
Украсил мой усердной стих,
От блеску Твоя порфнры
Яснеет тон нижайшей лиры

Порфира («королевский пурпур») из стиха 9 этого отрывка не всегда видится русским поэтам кроваво-красной. В стихе 6 великолепного стихотворения Шевырева «Сон» (пятьдесят три стиха, написанных четырехстопным ямбом; опубликовано в 1827 г.) порфира имеет оранжевый оттенок («в порфирах огненно-янтарных»). Франтишек Малевский (1800—1870), польский литератор, отмечал в своем дневнике, что этот самый «Сон» разбранили (назвав «пьяным бредом охотника до шампанского, у которого в глазах двоится»⁷) на вечере у Полевого, где присутст-

* «...Госпожа, на щеках которой / Бледность боролась с пурпурной розой» (англ.)

** « Красавица, на ланитах которой цвет алой розы словно спорит с бледным цветом лилий» (фр)

вовали Пушкин, Вяземский и Дмитриев*. Шевырев, наверное, знал английский: похоже, что он взял свой эпитет из «L'Allegro» Мильтона (1645), стихи 59—61:

Right against the Eastern gate,
Where the great Sun begins his state,
Rob'd in flames, and Amber light

(Прямо против Восточных врат,
Где начинается царство великого Солнца,
Одетого в пламя и янтарный свет)

Варианты

5—10 Черновики (2368, л. 43 об.), стихи 5—6:

С ребятами, с учителями
Соседи целыми семьями .

Отвергнутый черновик (там же), стих 5.

С мадамами, с учителями .

Еще один черновой вариант (там же), стихи 5—10.

Татьяну ждут приветы, ласки
Уж накануне 2 коляски
Одна кибитка, 3 возка
К ним привезли издалека
Соседей целыми семьями
с мамками, с людьми
С млад<ыми> дочками, с детьми

В отвергнутом черновике (там же, л. 41 об.) гл. 5, XXIX, 1—2 городская свита угощается так:

Учителя, мадамы, мамки
В гостинной кушают с детьми

XXVI

2—12 *Пустяков* . — Расхожие комедийные фамилии, у которых есть очевидные двойники в английской литературе: Пустяков (потомок фонвизинского Простакова, «мистера Нодди» (noddy — простак, дурень), соответствует англичанину «мистеру Трайфлу» (trifle — пустяк), что славно контрастирует с его тучностью; Гвоздин подобен «сквайру Клауту» (clout — затрещина), Скотинин (дядя фонвизинского Недоросля по материнской линии, см. коммент. к гл. 1, XVIII, 3) — «мистеру Брутишу» (brutish — зверский, звероподобный); Петушков — это «Young Cocksnoor» (хвастливый петушок) и, наконец, Флянов — «Judge Flap» (судья Флан) — вся эта компания гротескных персонажей только и ждет Гоголя, который перенесет их из простой комедии свинских нравов и Хогартовых рыл в свой мир поэтических фантазий.

* Кстати, в комментарии к этому дневнику, в *Лит насл.*, 1952, LVIII, с 268, примеч. 30, допущена грубейшая ошибка — якобы критика относилась к сну Святослава из «Слова о полку Игореве» (*Примеч В. Н*)

9 *Мой брат двоюродный, Буянов* [«мистер Рауди» (*gowdy* — скандалист, буян)] .. — герой поэмы «Опасный сосед» (содержащей 154 александрийских стиха) Василия Пушкина (1770—1830), приходившегося нашему поэту дядей, а его отцу Сергею Пушкину — старшим братом. Юный племянник в стихотворении 1814 г. «Городок» (написанном трехстопным ямбом) расточал дяде похвалы за эту поэму, на удивление удачную, а Баратынский в эпиграмме 1826 г. язвительно замечает, что лишь сделка с дьяволом могла бы объяснить столь внезапный всплеск таланта у такого вялого и неловкого версификатора, коим Василий Пушкин слыл прежде (и остался после) «Опасного соседа»⁸.

Эта нескромная поэма — скорее галантная во французском смысле слова, нежели скабрзная (хотя в ней полно отечественных хулиганских словечек), была написана в апреле 1811 г. и весело кружила меж литераторов и *bons vivants* *, которые заучивали ее по спискам столь твердо, что в 1815 г. один русский дипломат (барон П. Шиллинг), испытывая как-то в Мюнхене русские литографские станки, с легкостью тиснул ее по памяти — и тем самым взял на себя ответственность за первое печатное издание!** Второе, лейпцигское издание 1855 г. было сделано по рукописи, охотно предоставленной автором в 1830 г. Первое в России — издание Бурцева, Петербург, 1901 г. При составлении своих примечаний я пользовался московским изданием 1918 г. («Библиофил») и петербургским 1922 г. («Атенеум»).

Поэма начинается так:

Ох! дайте отдохнуть и с силами собраться!
 Что прибыли, друзья, пред вами запирасться?
 Я все перескажу Буянов, мой сосед,
 Имение свое проживший в восемь лет
 С цыганками, с блядьми, в трактирах с кучерами***,
 Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
 Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком,
 Пришел, — и понесло повсюду кабаком

Этот «опасный сосед» (опасный, потому что разбитные удалыцы до добра своих друзей не доводят) приглашает рассказчика в веселый дом опробовать новенькую юную проститутку Варюшку, которая, впрочем, оказывается сифилитичкой, по словам другой девки, постарше, с которой, в конце концов, и уединяется наш рассказчик. Но их приятное времяпровождение прерывается пьяным дебошем, учиненным Буяновым. Несмотря на то, что поэма эта написана гладким и живым стихом, она вовсе не заслуживает присвоенной ей репутации шедевра русской словесности. Внимательный читатель заметит про себя, что племянник Василия Пушкина (и «двоюродный брат» литературного чада своего дядюшки) не только приглашает повесу и скандалиста Буянова, еще тепленького после объятий юной Варюшки, к Татьяне на именины, но и позволяет ему в гл. 7, XXVI, 2 просить Таниной руки, причем мать ее говорит о нем как о возможном кандидате в женихи. В благодарность за то, что племянник оказал Буянову эдакую любезность, Василий Пушкин упомянул Татьяну в одной ни-

* Бонвиваны, кутилы, весельчаки (*фр*)

** Не считая крошечного тиража (известного сейчас по уникальному экземпляру, хранящемуся в ПД), лично отпечатанного автором 1 января 1812 г в Санкт-Петербурге (Примеч В Н)

*** В издании 1918 г — «с плясунами» (Примеч В Н)

чтожной четырехстопной поэме, «Капитан Храбров» (1829), где некая гостья сообщает капитану:

Я очень занимаюсь чтеньем,
И романтизм меня пленил
Недавно Ларина Татьяна
Мне подарила Калибана

Я подозреваю, что это отсылка к «драматической шутке в двух актах» Кюхельбекера «Шекспировы духи» (СПб, 1825), о которой идет речь в черновике письма Александра Пушкина к Кюхельбекеру (1—6 декабря 1825 г.: «Зато Калибан — прелесть»). Адресат, впрочем, так этого письма и не получил: он был арестован за участие в мятеже декабристов (14 декабря 1825 г.)⁹.

Задолго до ЕО наш поэт уже с определенностью высказался о поэзии своего дяди (в письме к Вяземскому от 2 января 1822 г. из Кишинева в Москву): «...все они вместе [произведения В. Пушкина] не стоят Буянова; а что-то с ним будет в потомстве? Крайне опасаясь, чтобы двоюродный брат мой не почелся моим сыном...»

10 *В пуху* — Этот «пух» — обычная деталь в описании опустившегося русского человека; последствие пьяного сна в одежде в грязном помещении на дырявой перине. Эльтон понял *в пуху* как «рыльце в пуху», а у мисс Радин еще бóльшая нелепица — «небрить»! Сполдинг засовывает *пух* в «пальто на вате», а мисс Дейч сыплет им буяновскую шевелюру.

Варианты

2 В отвергнутом черновике (2368, л. 42) Пустяков прозывается Тумаковым («мистер Узк», англ. *whack* — тумак, удар).

5—12 Черновик (2368, л. 43):

Хлипкова трижды молодая
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до 2 годов
7 дочереи да пять сынов
Мои брат двоюродный Буянов
В ермолке, в бронзовых цепях
В узорной куртке и в усах
И отставной советник Лянов —

который в беловом варианте (ПБ 14) представлен как (стихи 13—14):

Тяжелый сплетник, дамский шут
Обжора, ростовщик и плут.

XXVII

1 *С семьей Панфила Харликова*.. — Панфил — простонародная форма имени Памфилус (сирийский святой). Харликов — фамилия комедийная («мистер Тротл», англ. *throttle* — глотка), образована от слова «харло» (диалектная форма слова «горло», аналогичная французскому — *gosier*), от которого, в свою очередь, происходит глагол «горланить» (или «харлить»), означающий «кричать изо всех сил» («à plein gosier»*):

* «В полное горло», «во всю глотку» (*фр*)

And with Pamphilus Throttle's family
Also arrived the Frenchman Trick,
A wit, come recently from Tambov,
With spectacles and red perwick —

как получилось у меня, когда предпринял я первую, порочную попытку (1950) перевести *ЕО* рифмованными стихами.

6 ...*куплет*. — Не «couplet» (рифмованное двустишие, термин из практики английского стихосложения), а строфа в несколько строк, иногда с рефреном. Пушкин называл *куплетами* даже строфы *ЕО*. Здесь употребление французское (см. также коммент. к гл. 4, XXXV, 8).

8—13 *Réveillez-vous, belle endormie belle Niná...** — Забавно, что в некотором смысле Татьяна и есть эта спящая красавица, и она не вполне пробудилась от своего волшебного сна, предвестника этих гротескных гостей

Здесь имеется в виду одно из многих подражаний «Спящей красавице» («La Belle Dormeuse», ок. 1710 г.), приписываемое Шарлю Ривьеру Дюфрени (Charles Rivière Dufresny, 1648—1724), который (согласно Филоксене Буайе) сочинял мелодии для своих пьес, не зная нот, и напевал их композитору Никола Раго де Гранвалю (Nicolas Ragot de Grandval, 1676—1753), писавшему по ним партитуру. В той версии, которую, возможно, имел в виду Пушкин, первый и третий стихи первого четверостишия были (согласно Томашевскому, в *П и его совр*, 1917, VII, с. 67): «Réveillez-vous, belle endormie» и «Dormez profondément, ma mie»**. Вот текст, опубликованный Буайе в книге «Французские птиметры» (Boyer, «Les Petits Poètes français», 1861, III, p. 129).

Réveillez-vous, belle dormeuse,
Si ce baiser vous fait plaisir;
Mais si vous êtes scrupuleuse,
Dormez, ou feignez de dormir

Craignez que je ne vous réveille,
Favorisez ma trahison,
Vous soupirez, votre coeur veille,
Laissez dormir votre raison

Pendant que la raison sommeille
On aime sans y consentir,
Pourvu qu'amour ne nous reveille
Qu'autant qu'il faut pour le sentir

Si je vous apparais in songe
Profitez d'une douce erreur,
Goûtez le plaisir du mensonge,
Si la vérité vous fait peur***

* Проснитесь, спящая красавица прекрасная Нина (Фр)

** «Проснитесь, спящая красавица» и «Спите крепко, милая моя» (Фр)

*** Проснитесь, спящая красавица, / Если этот поцелуй вам приятен, / Но если вы его опасаетесь, / Спите, или притворяйтесь, что спите / Опасайтесь, как бы я вас не разбудил, / Помогите моему вероломству, / Вы вздыхаете, ваше сердце бодрствует, / Пусть ваш рассудок спит / Пока рассудок дремлет, / Любят, и не соглашаясь на это, / Лишь бы только любовь разбудила нас / Как раз настолько, чтобы ее ощутить / Если я вам явлюсь во сне, / Воспользуйтесь сладкой ошибкой, / Вкусите наслаждение лжи, / Если правда страшит вас (Фр)

Жюльен Тьерсо в сборнике «Народные песни, собранные во французских Альпах (Савойя и Дофине)» (Julien Tiersot, «Chansons populaires recueillies dans les Alpes françaises (Savoie et Dauphiné)», Grenoble, Moutiers, 1903) на с. 243 пишет, что ему удалось обнаружить публикацию первой строфы представленной выше баллады в книге «Ключ к сборнику песен, или Собрание народных песен за сто и более лет» («La Clef des Chansonniers, ou Recueil des vaudevilles depuis cent ans et plus», Ballard, 1717), и ставит под сомнение авторство Дюфрени, которому эта баллада приписывалась во «Французской антологии» («L'Anthologie française», 1765). Тьерсо также цитирует дюжину строф (с нотами) так называемой «народной песенки» (то есть сочиненной анонимным автором, а затем многократно искаженной неизвестно кем). Она начинается так же, как в *ЕО*, в гл. 5, XXVII, 8:

Reveillez-vous, belle endormie,
Réveillez-vous, car il est jour,
Mettez la tête a la fenètre
Vous entendrez parler de vous!*

В Россию, однако, дошла более приглаженная версия. Слова чуть припудрены светской двусмысленностью, столь характерной для эпохи Дюфрени, но мелодия изящна, и она полюбилась издателям песен для детей и благородных девиц задолго до 1820 г. К тому времени первоначальные строки (едва слышные отголоски которых можно уловить в письме Татьяны, например в стихах 39 и 62) забылись и сменились иными, более пристойными, в разного рода поздравительных аранжировках, например:

Il faut vous appeler Julie,
Ce nom nous tire d'embarras,
Il rime trop bien à «jolie»
Pour qu'il ne nous souvienne pas**

Что-то в этом роде и отыскал Трике в каком-нибудь ветхом «Сборнике изящных песен» («Chansonnier des Grâces») или «Песенном альманахе» («Almanach chantant»). Листая страницы своих детских воспоминаний, нахожу — с трудом, но разобрать можно — следующий мадригал, виденный в старинном песеннике или альбоме:

Chérissez ce que la nature
De sa douce main vous donna,
Portez sa brillante parure,
Toujours, toujours, belle Nina***

Трюк Трике заключался в том, что он убрал одно из «toujours» («Toujours, belle Tatiana»****), сохранив таким образом восьмисложность. Заметьте,

* Проснитесь, спящая красавица, / Проснитесь, ведь уже день, / Выгляните в окно / Вы услышите, что о вас говорят! (Фр)

** Вас надо называть Жюли, / Это имя выводит нас из затруднения, / Оно столь хорошо рифмуется со словом «красивая», / Что не может не подойти нам (фр)

*** Дорожите тем, что природа / Дала вам своей ласковой рукой, / Носите свой блестящий наряд, / Всегда, всегда, прекрасная Нина (фр)

**** «Всегда, прекрасная Татьяна» (фр)

что Пушкин в стихах 13 и 14 метрически игнорирует *e tuiet** (зато делает трехсложным итальянское *niente*** в гл I, LV, 7).

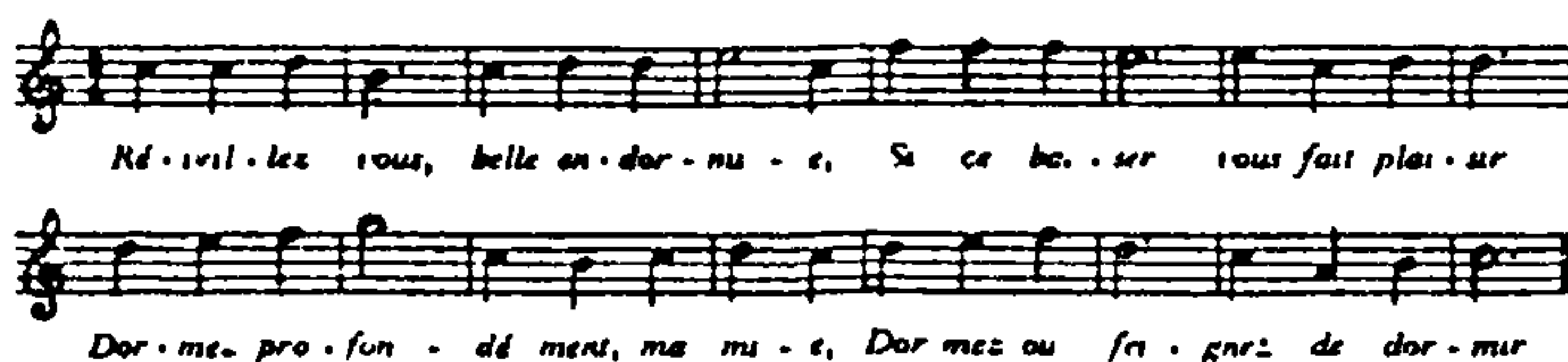
Комедийная фамилия Трике («мистер Trick», фр. *trick* — шутка, фокус) была использована в несколько ином звучании И. Крыловым в более чем посредственном фарсе в трех действиях «Модная лавка» (написанном в 1805 г. и впервые представленном 27 июля 1806 г.), где есть один бессовестный француз по имени мосье Трише («мистер Трикстер», фр. *trickster* — обманщик).

«Нина́» — имя из французской идилли, весьма модное в XVIII столетии. См., например, диалог между Ниной и Дафной (Nina et Daphné) в «Букете» Николя Жермена Леонара (Nicolas Germain Leonard, «Le Bouquet», 1744—1793).

Имя Татьяны произносится здесь (XXVII, 14) на французский манер, «Та-ти-а-на́», в четыре слога, с ударением на последнем.

В наскоро сляпанной Чайковским опере «Евгений Онегин» Трике, что характерно, поет куплет совершенно на другой мотив.

А вот мелодия Дюфрени-Гранваля:

Вариант

1—2 В исправленном черновике (2368, л. 43) француз сопровождает ветреную вдову сорока лет, госпожу Лазоркину («миссис Эжур», фр. *azure* — лазурь)

XXVIII

6 Музыка полковая! — Военный оркестр.

9 Девчонки прыгают.. — См. коммент. к гл. 4, XLI, 12.

10 Но кушать подали. — Лакей обычно объявлял: «Кушать подано».

13 ..крестясь.. — Перед трапезой русские, собрав пальцы щепоткой, осеняют грудь свою крестом, опускаясь на стул (ловко пододвинутый стоящим за спиной лакеем) Делается это машинально (головы не склоняются, благодарственная молитва не произносится), как машинально проверяют, в порядке ли пуговицы

XXIX

4 Да рюмок раздаётся звон. — Скорее, стопок с водкой, нежели бокалов с вином.

5—8 Ритм этих строк, особенно в подлиннике, весьма схож со свифтовским; ср. с «Дневником современной дамы» («The Journal of a Modern Lady»), стихи 174—178:

* Е «немое» (фр).
** «Ничего» (итал)

Now Voices over Voices rise,
While each to be the loudest vies,
They contradict, affirm, dispute,
No single Tongue one Moment mute,
All mad to speak, and none to hearken

(Все больше нарастает шум,
И каждый хочет перекричать соседа,
Все спорят, ссорятся, доказывают что-то,
Никто и ни минуты не молчит,
Все рвутся говорить, никто не хочет слушать)

Нет сомнений, что в эту самую минуту Татьяна, в душевном смятении, вспоминает шумных вурдалаков из своего сна — и в следующую секунду она застынет, смущенная, под взглядом Онегина.

9 *Вдруг двери настезь.* — Имеется в виду двустворная дверь (фр. *porte à deux battants*).

10—11 *«Ах, Творец!» / Кричит хозяйка..* — Сполдинг допускает смешную и невероятную ошибку: «„Ах! / Наконец-то автор [Ленский]!“ — вскричала мама».

12—13 *всяк отводит / Приборы, стулья.* — Здесь присутствует некая двусмысленность, поскольку этот глагол кроме «отодвигает в сторону» может также означать «предназначает», «выделяет»; но поэт добавил бы «им», если б желал сказать, что приборы и стулья готовились для только что прибывших двух друзей теми гостями, кто теснится.

13 *Приборы;* 14 *друзей;* XXX, 1 *Сажает прямо против Тани.* — Аллитерации на *пр* и первом *др* (на смену которому придет *тр*) подготавливают изумительную инструментовку следующих строк, где звуки, передающие грохот отодвигаемых стульев, в конце XXIX повторяются, но уже в новом эмоциональном ключе (XXX, 2—3):

И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани

Отметим изысканный параллелизм между *утренней* и *трепетней* — одинаковые согласные, одинаковые окончания, одинаковая метрическая позиция в одинаково замедленном, «обморочном» стихе. Повторы *ей* и *ней* продолжаются, начиная с рифмы, заключающей предыдущую строфу, через *ней* в *утренней*, *бледней* и *трепетней* до *темнеющих* и *ей* в слове *очей* из стихов 4—5, с волнующей аллитерацией на *ч*, прелестно завершающей всю эту симфонию:

Она темнеющих очей

Кстати, любопытно сравнить эту нежную «утреннюю луну», символизирующую Татьяну, с «глупой» ночной луной, напоминающей лицо Ольги (гл. 3, V). См. в Приложении II схему скадов в этой строфе.

XXX

1—5 См. коммент. к XXIX, 13.

6 *В ней страстный жар..* — Отдельное издание четвертой и пятой глав дает *тайный* вместо чрезмерного *страстный*.

Вариант

7—14 В варианте (2368, л. 41), изобилующем переносами, Пушкин сначала собирался заставить Татьяну вести себя так, как повела бы себя более заурядная героиня:

Она приветствии двух друзей
8 Не слышит — слезы из очей
Хотят уж хлынуть — вдруг упала
Бедняжка <в обморок> — тотчас
Ее выносят — суетясь
12 Толпа гостей зашептала
Все на Евгения глядят
Как бы во всем его вник

XXXI

<...>

XXXII

4 ...*пирог* — Пирог с мясом или с капустой был важной составной частью старомодного именинного пиршества.

7 ...*блан-манже* .. — В это желе из миндального молока (старинный французский и английский десерт, не путать с нашим современным «blancmangé») могли добавляться искусственные красители. Наличие его (а также русского шампанского) на праздничном столе госпожи Лариной свидетельствует как о старосветском стиле ее домашнего уклада, так и о сравнительной скудости средств

В рассказе Пушкина «Барышня-крестьянка» (1830) прислуга одного состоятельного помещика получает на сладкое «блан-манже синее, красное и полосатое».

В Англии XVIII столетия на званых обедах модно было подавать к столу целые пейзажи из разноцветного бланманже.

8 *Цимлянское* — Шипучее вино из станицы (казацкого селения) Цимлянской, на Дону.

11 *Зизи...* — Зизи Вульф, соимениница Татьяны¹⁰.

Отношениям Пушкина с семейством Осиповых, его деревенских соседей, непросто найти параллель в анналах литературных амуров. За годы вынужденной жизни в деревне (с августа 1824 по сентябрь 1826 г.), в Михайловском Псковской губернии и позднее, во время наездов к Вульфам в их поместье в Тверской губернии, он ухаживал за пятью или шестью представительницами этого рода — в Малинниках, принадлежавших Николаю Вульфу, в Павловске, имении Павла Вульфа, и в Бернове, имении Ивана Вульфа.

Среди них, во-первых, сама помещица Прасковья Осипова, урожденная Вындомская (1781—1859), владевшая Тригорском, или Тригорским (Тригорское), расположенным близ пушкинского имения в Псковской губернии, а также Малинниками в Тверской губернии, примерно в двадцати пяти милях от Старицы. Она пережила двух мужей, Николая Вульфа (ум. 1813) и Ивана Осипова (ум. 1822¹¹). Подписывалась она на полурусском, полуфранцузском — сначала

Prascovie de Windomsky, затем *Prascovie Woulff* и, наконец, *Prascovie d'Ossipoff*. Неясно, имел ли Пушкин роман с нею, но почти нет сомнений, что она была влюблена в него.

Была также Зина, или Зизи, или *Euphrosine*, или *Euphrasie* (французские формы имени Евпраксия) — Зизи Вульф (1809—1883), младшая дочь госпожи Осиповой. Пушкин писал ей всяческие стихи на случай и из Михайловского сообщал ее брату в Петербург в конце октября 1824 г.¹², что у него, Александра Пушкина, мужчины двадцати пяти лет от роду, и у Зизи, девицы пятнадцати лет, талии одного размера. Судя по сохранившемуся силуэту, в то время она была полноватой, и сравнение в гл. 5, XXXII со стройной рюмкой было шуткой. У Пушкина был с ней мимолетный роман в 1829 г. В 1831 г. она вышла замуж за барона Вревского. Св. Евпраксия празднуется в день св. Татьяны, и тень Зизи появляется на именинном обеде у Лариных в вымышленный четверг, «12 января 1821», за два дня до вымышленной истории гибели Ленского. Настоящая же Зина Вревская во время визита в Петербург обедала 26 января 1837 г. с Пушкиным и его сестрой накануне роковой дуэли.

У Зизи была старшая сестра, Анна, *Annette Woulff* (1799—1857), которая страстно и беззаветно обожала Пушкина и которую он хладнокровно и цинично совратил в 1825 г. В разгар романа, в начале февраля 1826 г., мать спровадила ее в Малинники, откуда та посылала Пушкину душераздирающие письма.

Была и еще одна Анна, *Netty Woulff*, дочь Ивана Вульфа и кузина Аннетты и Зизи. Это о ней позже писал Пушкин Алексею Вульфу, брату Аннетты и Зизи «нежная, томная, истерическая *Netty*»¹³.

Была еще Алина, Александра Осипова, падчерица П. Осиповой, дочь ее второго мужа от предыдущего брака (и возлюбленная Алексея Вульфа, 1805—1881, повесы и автора известных дневников), в замужестве Беклешова. Она была предметом страсти Пушкина параллельно с вышеупомянутыми барышнями, но расцвет их отношений приходится на осенние сезоны 1828 и 1829 гг., когда Пушкин навещался в имения Вульфов¹⁴.

Наконец, была еще и племянница госпожи Осиповой, Анна Керн (1800—1879), дочь Петра Полторацкого и сестры Николая Вульфа. Первым мужем Анны, за которого она вышла в ранней юности, был генерал-майор Ермолай Керн (1765—1841). Пушкин тщетно добивался ее летом 1825 г., когда она гостила в Тригорском. Вскоре после этого она завела шашни со своим кузеном, Алексеем Вульфом, и лишь в феврале 1828 г. в Петербурге действительно стала любовницей Пушкина.

11 . *кристал...* — Здесь означает «хрустальный бокал».

Вариант

1—12 В черновике (2370, л. 40 об.) упоминается, по-видимому, не Зина Вульф, а Елизавета Воронцова¹⁵:

О Лиза друг души моей
Соперница картин французских

XXXIII, XXXIV

<...>

XXXV

- 3 <...>
- 6 *Сосед сопит перед соседом...* — Здесь и в других местах «сосед» употребляется в смысле «сосед-помещик», владелец земель в той же местности.
- 7 *Подсели дамы к камельку...* — Глагол «подсесть» сочетает в себе значение приближения к некоему месту и усаживания. См. гл. 7, XLIX, 11: *К ней подсел* — «[приблизился к ней и] сел рядом».
- 11 *ломбер* .. — Карточная игра испанского происхождения, популярная в Европе в XVII и XVIII вв. Она часто упоминается в сатирических стихах. См. «Игрок ломбера» Василия Майкова, поэму в трех песнях (см. мой коммент. к гл. 8, Ia, 3).
- 13—14 Я сознаю, что эта кода с трудом скандируется в переводе, будучи испорчена двумя переносами, коих нет в подлиннике. Но здесь, как и повсюду, я принес мелодику в жертву точности. Однако в следующей строфе перенос есть и в подлиннике.

Вариант

- 11—12 В черновике (2370, л. 39 об.) «бостон и *квинтич*» манят пожилых гостей, а «быстрый экарте» приходит на смену старым играм.

Относительно игры в бостон см. коммент. к гл. 1, XXXVIII, 11. Экарте не нуждается в разъяснениях, а *квинтич*, возможно, является предшественником винта — русской карточной игры, распространившейся в последующие десятилетия. Ср. «квинт», пять карт одной масти по старшинству, в пикете.

XXXVI

- 1 *. робертов* [род. пад. мн. ч. слова *роберт*]... — По-английски *rubber*. Происхождение этого слова неясно, его употребление по отношению к иным играм и спорту восходит к XVI в. Во времена Пушкина французы говорили *robre*, а немцы — *Robber*. Загадочное *т*, которое наводит на ложную этимологию русского слова XVIII в. «роберт», на самом деле, думаю, является следствием голландского искажения слова «*rubber*»: *eep robbertje whisten*.
- 8 *Брежет*. — См. коммент. к гл. 1, XV, 13.
- 13 *Как ты, божественный Омир* . — В старомодной русской поэтической речи «Гомер» звучал как *Омир*. В других местах поэт использует правильное *Гомер*. Ранее (1818—1820) он писал совершенно на французский лад — *Омер*. См. «Руслан и Людмила», песнь IV, стихи 147—153.

Я не Омер в стнхах высокнх
Он может воспевать один
Обеды греческих дружин
И звон, и пену чаш глубоких
Милее, по следам Парни,
Мне славнть лирою небрежной
И наготу в ночной тени

«Божественный» — также галлицизм, а упоминание о Гомеровых пирах — общее место в литературе. Ср. у Байрона в «Дон Жуане». XV, LXII, 3—6:

but what Muse since Homer's able
(His feasts are not the worst part of his works)
To draw up in array a single day-bill
of modern dinners?

(но что Муза, если Гомер может
(Пиры далеко не худшая часть его сочинений)
Описать все разнообразие дневного меню
Современных обедов?)

А у Вольтера в «Орлеанской девственнице» песнь X:

tous ces auteurs divins,
ce bavard Homere

Ne manquent point
L'occasion de parler d'un repas*

Если, как принято считать, загадочный греческий поэт Гомер жил примерно в IX в. до н. э., то Пушкин промахнулся на четыре столетия, разделив заблуждения ученых своего времени.

XXXVII, XXXVIII

Две следующие пленительные строфы появились только в отдельном издании четвертой и пятой глав 1828 г. Из-за нежного (хотя и совершенно неуместного) упоминания Истоминой (см. коммент. к гл. 1, XX, 5—14), Пушкин, будучи к 1833 г. уже женатым человеком, опустил эту строфу и ее продолжение в полных изданиях.

XXXVII

В пирах готов я непослушно
С твоим бороться божеством.
Но признаюсь великодушно,
4 Ты победил меня в другом
Твои свирепые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твои Зевес
8 Большой имеют перевес
Перед Онегиным холодным,
Пред сонной скукою полей,
Перед Истоминой моей,
12 Пред нашим воспитаньем модным,
Но Таня (присягну) милей
Елены пакостной твои

* ...Все эти божественные авторы, / . этот болтливый Гомер / / Не упускают /
Случая поговорить об обеде (фр)

В исправленном черновике (2370, л. 39 и 38 об.) есть следующий вариант стихов 10—12:

Пред бригадирш<ею> моей,
Пред скукой <северных> полей
Пред нашим воспитаньем модным

Бригадирша — госпожа Ларина, вдова бригадира (см. гл. 2, XXXVI, 13). Это слово носило несколько обидный оттенок (хотя здесь употребляется вполне благожелательно) после появления комедии Фонвизина «Бригадир» (написанной в 1766 г. и опубликованной в 1786 г.), где бригадирша Акулина была представлена как прижимистая и чудовищно невежественная женщина, безжалостная к крепостным и готовая ради денег, по словам ее сына, «вытерпеть горячку с пятнами».

XXXVIII

Никто и спорить тут не станет,
Хоть за Елену Менелай
Сто лет еще не перестанет
4 Казнить Фригийский бедный край,
Хоть вокруг почтенного Приама
Собранье стариков Пергама,
Ее завидя, вновь решит
8 Прав Менелай, и прав Парид
Что ж до сражений, то немного
Я попрошу вас подождать,
Извольте далее читать,
12 Начала не судите строго,
Сраженье будет Не солгу,
Честное слово дать могу

XXXIX

3 *в зале; 13 в залу.* — Не знаю, обращал ли кто-нибудь внимание на то, что найти эквивалентные названия для комнат дома в разных языках бывает до странности затруднительно. Русская *зала* происходит от немецкого *Saal* и французского *salle*, и уникально это русское слово тем, что оно может соответствовать всем трем родам (*зал, зала, зало*). Оно значит «комната для собраний», отличаясь от *салона* или же *гостиной* большей просторностью или, как в данном случае, длиной. В ней мебель (позолоченные кресла, напольные часы, консоли и т. п.) томится вдоль стен, словно дурнушки на балу, чтобы дать место танцующим. Это нечто среднее между *music room* (комнатой для музицирования) и обычной *ballroom* (бальной комнатой). Слово «зал» может означать также концертный или театральный зал.

6—7 *Парис окружных городков...* — Вместо *Париса* (сына Приама, любимчика Афродиты, возлюбленного Елены) в отвергнутой белой рукописи находим *Дюпора* — Louis Duport (1781—1853), первоклассный французский танцовщик, который (как с явным неудовольствием сообщает *La Grande Encyclopédie*, vol. XV, «покинул Оперный театр и тайно уехал из Парижа в 1808 г., презрев свои ангажементы, дабы выступить в Петербурге», где он и протанцевал с успехом

до 1812 г. Пушкин поменял *Дюпора* на *Ловласа*, пока не нашел *Париса* — имя, звучащее в моем переводе двусмысленно¹⁶ (не то что в русском, где столица Франции называется *Париж*).

12 *.Пустякову...* — Поскольку в русском языке отсутствуют понятия *Miss* и *Mistress*, остается неясным, имеется в виду дама или же девица Пустякова. По логике вещей это должна быть дочь Пустякова, *Miss*, но в строфе XXVI, 1—2, где появляется чета Пустяковых, ни о какой дочери упоминания нет; к тому же было бы вполне в духе комедийного жанра вручить в партнерши распутнику Буянову дородную мадам Пустякову.

Черновики этой строфы, как и строф XL—XLV, утеряны.

XL

3 *Альбана ..* — Альбан — французская форма от Альбано или Альбани. Франческо Альбани — второстепенный итальянский художник (1578—1660), был чрезвычайно популярен в XVIII в. Приторный и притворный скромник, он набил себе руку на однообразных мифологических сюжетах в псевдоклассическом духе, во вкусе эпохи «Разума», а поскольку он никогда не изображал ни балов, ни каких-либо иных современных сюжетов, то упоминание его имени здесь можно объяснить либо тем, что Пушкин припомнил вдруг какую-нибудь «*Vénus procédant à sa toilette*»*, которая могла натолкнуть его на сравнение в гл. 1, XXV, 12 (см. коммент.), или просто взял наугад имя знаменитого в ту пору художника. Следуя идеалам рококо, французские писатели XVIII в. ставили Альбано наравне с Рафаэлем (любимцем XIX в.) и даже называли его «*l'Anacréon de la peinture*»**. Бездарные гравюры его картины «*Phoebus conduisant son char*»*** все еще украшают меблированные комнаты центральной Европы.

Печальная участь Альбано являет собой один из наиболее поразительных примеров поблекшей славы. Сегодня его почти не вспоминают, а европейская литература XVIII и начала XIX столетия полнится ссылками на его имя. Могут привести лишь несколько:

Жанти-Бернар (*Gentil-Bernard*, 1710—1775), «Искусство любить» («*L'art d'aimer*»), песнь I, стихи 57—58:

Dans mes tableaux, Albane plus fidèle,
Peignons l'Amour comme on peint une belle ****

и стихи 199—202, 205—206, 244.

Ce sont les jeux des Amours triomphants,
Albane eût peint ces folâtres enfants
L'un, pour servir une flamme secrète,
Contre un jaloux dirige une lunette,

♪♯

....
Tel à sa voix joint un clavier sonore,
Tel autre esquisse un objet qu'il adore

* «Туалет Венеры» (*фр*)

** «Анакреон живописи» (*фр*).

*** «Феб, управляющий своей колесницей» (*фр*).

**** В моих картинах, верный Альбан, / Изобразим Амура, как изображают красавицу (*Фр*)

Et dans nos bals, vrais temples de l'Amour .*

Лагарп в книге «Лицей, или Курс литературы» (1799; учебник, который Пушкин так хорошо знал), VIII, с. 189 (изд. 1825), цитирует «Генриаду» Вольтера (1728), песнь IX:

Les folâtres Plaisirs, dans le sein du repos,
Les Amours enfantins désarmaient ce héros
L'un tenait sa cuirasse encor de sang trempée;
L'autre avait détaché sa redoutable épée,
Et riait en tenant dans ses débiles mains
Ce fer, l'appui du trône, et l'effroi des humains .** —

и добавляет: «Cette touche est de l'Albane...»***

Тут же Лагарп (изд. 1825, XIII, с. 560), обсуждая «Женитьбу Фигаро» Бомарше, говорит: «Этот прелестный паж [Керубино] между этих прелестных женщин, занятых его раздеванием и одеванием, словно картинка Альбана» (ср.: *ЕО.* гл. 1, XXIII, 4: «одет, раздет и вновь одет»).

У Лебрена в «Одах» (Lebrun, «Odes»), кн. 5, XII, есть такие слова:

D'azur il peint une cabane,
Et son art, au pinceau d'Albane,
Prête d'infidèles vernis****

Антуан Лемьер (Antoine Lemierre, 1723—1793) в «Живописи» («La Peinture», 1769), песнь III, пишет:

La foule des Amours de tous côtés assiège
L'atelier de l'Albane et celui de Corrège . +

Газлит в своем эссе «О живости» (Hazlitt, «On Gusto») в сборнике «Круглый стол» («Round Table», 1817) замечает: «В красках Тициана есть *gusto*... у Рубенса плоть как цветы, а у Альбано — как слоновая кость...»

Байрон в 1823 г., описывая одну из картин в норманнском аббатстве («Дон Жуан», XIII, LXXI, 5), пишет: «Здесь пляшут мальчики Альбано [купидоны]...»

Казимир Делавинь в «Мессинских элегиях», II (Casimir Delavigne, «*Messéennes et poésies diverses*», 1823), восклицает:

Adieu, Corrège, Albane, immortel Phidias.
Adieu, les arts et le génie!++

* Это торжествующие игры Амуров; / Альбан изобразил бы этих резвых детей / Один, чтобы помочь тайной страсти, / Направляет на ревнивца подзорную трубу, / .. / Другой подкрепляет свой голос звуками музыки; / Тот набрасывает портрет предмета своего обожания. / .. / А на наших балах, настоящие храмы любви... (Фр.)

** Игривые желанья, на лоне тишины, / Мальчики Амуры обезоруживали этого героя. / Один держал его кирасу, еще мокрую от крови; / Другой отцепил его страшную шпагу / И, смеясь, держал в своих хилых руках / Этот клинок, опору трона и устрашение смертных... (Фр.)

*** «Это кисть Альбана» (Фр.).

**** Лазурью он пишет хижину, / И живопись его, достойная кисти Альбана, / Излиществует неверным блеском (Фр.).

+ Толпа Амуров осаждают со всех сторон / Мастерские Альбана и Корреджо.. (Фр.)

++ Прощай Корреджо, Альбан, бессмертный Фидий, / Прощайте, искусства и гений! (Фр.)

Ж. А. Амар (J. A. Amar) в своем предисловии к «Oeuvres» Жана Батиста Руссо (изд. 1820) описывает скучнейшие оды и напыщенные кантаты этого автора как «exécutés avec le pinceau de l'Albane ou du Corrège»*.

Сам Пушкин в своей галломанской юности несколько раз упоминал «l'Albane». В «Монахе» (1813), в песни III, есть такой пассаж:

Я кисти б взял бестрепетной рукою
И, выпив вмиг шампанского стакаи,
Трудиться б стал я жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан
Представил бы все прелести Натальи

В третьем четверостишии четырехстопного стихотворения «К живописцу» (посвященного его лицейскому приятелю Илличевскому, 1815) юный Пушкин писал:

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерии пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу** окружи

В отрывке «Сон» (1816), одном из достойнейших среди его самых ранних произведений (см. коммент. к гл. 4, XXXV, 3—4), Пушкин требует: «Подайте мне Альбана кисти нежны», чтобы описать возлюбленную (стих 200).

ХLI

1—3 *безумный. вальса вихорь...* — В своем четырехстопном стихотворении в сорок строк «Оправдание» (1824) Баратынский в свойственной ему неуклюжей, но дивной манере описал «безумный вальс», в котором он попеременно кружил разных прелестниц:

Касаяся душистых их кудрей
Лицом моим, объемля жадной дланью
Их стройный стан .

См. также о скверно исполненной мистификации Сент-Бева «Жизнь, стихи и мысли Жозефа Делорма» («Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme», 1829) в коммент. к гл. 1, XXXVIII, 3—4.

11—12 *Спустя минуты две, потом / Вновь с нею вальс он продолжает.* — Я попытался передать тавтологичность этой неудачной строфы. «Спустя пару минут он продолжает вальсировать с нею», — вот что *хотел* сказать поэт.

14 *собственным глазам* — Обычный галлицизм («ses propres yeux») вместо правильного «своим глазам».

ХLII

8 *...в городах...* — Подозреваю, что это опечатка, и следует читать *в городках*¹⁷.

* «Исполненный кистью Альбана или Корреджо» (фр)

** Сестра другого лицеиста, Екатерина Бакунина. (Примеч В Н)

XLIII

Стихи 1—4 имеются в белой рукописи. Стихи 5—14 были опубликованы в издании 1828 г. Вся эта строфа целиком была опущена в изданиях 1833 и 1837 гг.

Как гонит бич в песку маижном
По корде резвых кобылиц
Мужчины в округе мятежном
4 Погнали, дернули девиц —
Подковы, шпоры Петушкова
(Канцеляриста отставного)
Стучат, Буянова каблук
8 Так и ломает пол вокруг
Треск, топот, грохот — по порядку
Чем дальше в лес, тем больше дров —
Теперь пошло на молодцов —
12 Пустились — только не вприсядку —
Ах! легче, легче! каблуки
Отдавят дамские иоски

6 *Канцеляриста...* — Вместо ожидаемого *кавалериста*.

10 *Чем дальше в лес, тем больше дров* — гласит русская пословица, топорная, как и все пословицы; но здесь она метко бьет в цель со своим вполне уместным треском. Пушкин подчеркивает грубую вульгарность провинциальных балов.

XLIV

1 См. XXVI, 9—11 и коммент. к этим стихам.

3 *.. проворно...* — Заметьте, как тонко вторит это *проворно* другому — из концовки XV, 1.

9—10 В стихотворении «Гречанке», написанном в Кишиневе (обращенном к Калипсо Полихрони, о которой говорили, что она была любовницей Байрона), Пушкин уже в 1822 г. использовал ту же интонацию:

Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивою,
И ты, склонясь к его плечу
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивою
Питать я пламя не хочу

XLV

Забавно проверить, что же делал живой Байрон в то время, как пушкинский герой танцевал, тосковал, погибал.

12 января 1821 г. ст. ст. (24 января н. ст.), когда Ленский на северо-западе России отправился на свой последний бал, Байрон в Италии, в Равенне, написал в своем дневнике: «...на Корсо встретились мне маски... они пели и плясали, „ибо завтра все умрем“».

На следующий вечер, 13 января (25 января н. ст.), когда Ленский сочинял свою последнюю элегию, Байрон записал: «Еще один день прошел... но „что лучше, жизнь иль смерть, лишь боги знают“, как сказал Сократ своим судьям...»

А 14 января (26 января н. ст.), в тот самый день, когда Ленский с Онегиным дрались на дуэли, Байрон отметил в дневнике. «Прискакали — разрядили пистолеты — славная стрельба».

Наверное, это останется классическим примером того, как жизнь подыгрывает искусству.

11 *требует коня...* — Я бы посчитал, что это значит «требует своего коня», «приказывает, чтобы ему привели его коня», если бы из текста не следовало, что скорее всего Ленский с Онегиным прибыли на именины в санях последнего и теперь первому приходится брать лошадь из ларинской конюшни.

14 В отдельном издании четвертой и пятой глав (1828) читаем:

Как раз решат судьбу его

Но дабы избежать слияния *как раз* с идущим вслед за ним *решат*, Пушкин через два месяца в списке опечаток, прилагавшемся к шестой главе, изменил эту строку так:

Вдруг разрешат судьбу его

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Эпиграф

Неполная цитата (стихи 49 и 51) из книги Петрарки «На жизнь мадонны Лауры», канцона XXVIII «O aspettata in ciel beata e bella». Со стихом 50, опущенным Пушкиным, отрывок звучит так:

Là sotto i giorni nubilosi e brevi,
Nemica naturalmente di pace,
Nasce una gente, a cui 'l morir non dole*

I

1 *Заметив, что Владимир скрылся...* — «Having noticed that Vladimir had withdrawn» — но такой перевод не передает оттенка «исчезновения», содержащегося в русском глаголе «скрываться».

10—12 Ср.: Роберт Лайалл, «Характер русских и подробная история Москвы» (Robert Lyall, «The Character of the Russians, and a Detailed History of Moscow». London, 1823. P. LIII—LIV, LVII):

«На следующее воскресенье после нашего прибытия в это поместье [Грузино¹, неподалеку от Торжка] мать господина, с которым мы вместе путешествовали, мадам [Полторацкая] устроила прием. В течение всей субботы к дому то и дело подъезжали дворянские экипажи... Хотя дом мадам [Полторацкой²] был весьма внушительных размеров, я недоумевал, где же вся эта компания, насчитывавшая почти пятьдесят человек, найдет место, чтобы расположиться на ночь. Вечер прошел в беседах и карточных играх, в 11 часов был подан изысканный ужин, по завершении которого началась какая-то суматоха и суета, привлечшие мое внимание. Столовая, гостиная, зала и вся анфилада комнат, в которых мы провели вечер, были превращены в спальни... Из-за недостатка кроватей... спальня места были устроены на полу, а некоторые — на креслах...

На следующий день около 11 часов я нанес утренний визит в один из домов, где были размещены некоторые мои знакомые... Зала и гостиная выглядели буквально как казарма — софы, диваны и кресла были сдвинуты и покрыты спальными принадлежностями, их усталые или пребывающие в состоянии лени обитатели... с полдюжины дворян... [в одной такой берлоге], закутавшись

* Там, где дни облачны и кратки, / Естественный враг покоя, / Родится поколение, которому не больно умирать (*итал*)

в роскошные шелковые халаты, лежали, сидели, пили кофе и чай, курили в спертom воздухе среди ночных горшков и прочих дрянных вещей, являя взору странную пеструю картину».

II

1—3 Неподражаемый Эльтон предлагает:

All quiet! In the parlour snorting
Was heard the ponderous Pustyakov,
With ponderous better-half consorting

(Все тихо! В гостиной слышно было,
Как сопел тяжеловесный Пустяков,
Имея общение со своей тяжеловесной половиной)

3 *половиной* (тв. пад.) — галлицизм, *moitié*. Французские поэты школы *sublime* или *cheville** пользовались термином «*moitié*» в абсолютно серьезных поэтических произведениях. Например, где-то в «Генриаде» Вольтер пишет: «*Et leurs tristes moitiés, compagnes de leurs pas*»**.

8 *В фуфайке...* — Полагаю, это слово происходит от немецкого *Futterhemd****. Соответствует французскому *camisole de laine***** или *gilet de flanelle*+. В Англии XVIII в. употребляли *gilet de dessous*++ (ок. 1800), которое я использовал в своем переводе. В мое время под словом «фуфайка» обычно имели в виду «вязаный жакет» или «свитер», но с добавлением определения «нательная» фуфайка может означать нижнюю рубашку или футболку. Воображение подсказывает мне, что месье Трике остается на ночь во фланелевом жилете.

11 *Одна печально...* — Подозреваю, что должно быть «одна, печальна».

14 *в поле...* — В смысле: «в открытое пространство». Та же интонация встречается в более ранней поэме Пушкина «Цыганы», стихи 26—29:

В шатре одном старик не спит,
Он перед углями сидит
...
И в поле дальнее глядит.

III

9 В русском переложении С—СХII октав XXIII песни «Из Ариостова „Orlando furioso“» (а точнее, из его французского пересказа «Roland furieux»), сделанном Пушкиным в 1826 г. (см. мой коммент. к гл. 1, LIV, 4), наш поэт переводит с французского пассаж «*son coeur se glace: il lui semble qu'une main froide le lui presse*»+++ четырехстопным стихом:

* Высокий стиль [или] ритмические вставки (фр.)
** «И их печальные половины, следующие за ними» (фр.).
*** Нижняя рубашка (букв. подкладочная рубашка, нем.).
**** Шерстяная кофта (фр.).
+ Фланелевый жилет (фр.).
++ Нижний жилет (фр.).
+++ «Его сердце леденеет ему кажется, что некая холодная рука сжимает его» (фр.).

И нестерпимая тоска, как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно

Удивительные перемещения и переходы!

Итальянский текст (песнь XXIII, октава CXI, 6) таков.

Stringersi il cor sentia con fredda mano *

Лудовико Ариосто (1474—1533) начал писать эту историю о страстной любви в 1505 г. и работал над ней одиннадцать лет. Первое издание 1516 г. состоит из сорока песен, а издание 1532 г. из сорока шести (4842 октавы). Талантливому французскому Луи Элизабет де Лавернь, графу де Трессану (1705—1783) потребовалось три месяца, чтобы переложить изысканные мелодии божественного Лудовико на язык легкой французской прозы. Несмотря на то, что выходу в свет этого переложения предшествовало появление других, более точных переводов, лишь «Неистовый Роланд. Героическая поэма Ариосто» («Roland furieux. Poème héroïque de l'Agioste» в переводе Трессана, 1780) претерпела на протяжении XIX в. множество более или менее переработанных переизданий (например, Панелье, 1823).

IV

- 3 *В пяти верстах от Красногорья..* — В славянских географических названиях понятие «красный», то есть «красивый», «праздничный», иногда связано с древними представлениями о магической силе огня, весенней поре и др.; от «огненного» красного всегда легко сделать следующий шаг к «красному» в его обычном сегодняшнем смысле. Желал того Пушкин или нет, но распространенное название поместья Ленского несет в себе более глубокие связи с поверьями и ворожбой прошлого, чем скупое английское «Fairhill». Такие сочетания, как Красная Горка, ассоциируются не только с представлениями о яркой красоте природы (или, если быть более точным, с красным цветом камня, песка или сосновой коры), но и с некоторыми захватывающими дух, хотя и традиционными языческими весенними обрядами и играми, о которых так скучно пишут в трудах по антропологии.
- 6 *В философической пустыне...* — «Пустыня» — это «désert» французского псевдоклассицизма. А также «retraite». Ср.: Мармонтель, «Урок несчастья» в «Нравственных повестях»: «Tout le monde connaît la retraite philosophique qu'il s'était faite au bord de la Seine»**.
- 7 *Зарецкий* — Некоторые любители прототипов ошибочно видят в этом образе пародию на Федора Толстого (см. коммент. к гл. 4, XIX, 5 и гл. 6, VI, 5—8).
- 10 Ср.: гл. 2, XXXVI, 9.
- 13 Замечание Лернера*** отослало меня к высказыванию Вольтера («Кандид» 1759, гл. 30): «Il n'y eut pas jusqu' à frère Giroflée qui ne rendît service; il fut un très bon menuisier, et même devint honnête homme...»****

* Чувствовал, как сжимается сердце холодной рукой.. (Итал.)

** «Все знают философическую пустыню, которую он создал себе на берегу Сены» (фр.).

*** «Звенья», 1935, № 5, с 77. (Примеч В Н)

**** «Даже брат Жирофле оказался полезен: он стал очень хорошим столяром и даже сделался честным человеком..» (Фр.)

<...>

Чижевский (с. 267) проводит здесь совершенно ошибочную аналогию с использованием Гоголем слова «даже» в «Шинели».

- 14 *Так исправляется наш век!* — Я понимаю здесь «век» скорее как «эпоху», а не как «отпущенный срок жизни» (в отличие, например, от гл. 8, X, 13); впрочем, и тот и другой смысл достаточно тривиальны. К тому же вся строка есть неуклюжий галлицизм. Ср.: Вольтер, примечание 1768 г к началу песни IV «Женевской Гражданской войны»: «*Observez, cher lecteur, combien le siecle se perfectionne*»*.

V

- 4 *В пяти саженьях*. — Сажень — 7 футов; 2,134 метра; 2,33 ярда. Ярд — мера расстояния в один шаг, двенадцать шагов — принятая дистанция при дуэли на пистолетах. Байрон (согласно его биографии, написанной Муром / Moore, «*Life*», р. 319) мог загасить свечу выстрелом из пистолета с расстояния в двадцать шагов.
- 9 *Как зюзя пьяный..* — Пьяный, как свинья (англ. *soused as a swine*). По-русски «зюзя» имеет кроме «свиньи» еще несколько значений, одно из них — как раз и есть «пьяный человек», а другое — «толстый, обрюзгший». Английское существительное «*souse*» означает, кроме того, и соленую свинину и может происходить от латинского *sal* — «соль», в то время как глагол с таким же написанием мог возникнуть под влиянием французского *sauûl*, происходящего от латинского *satietas*. «Зюзя» звучит так, словно непосредственно происходит от латинского *sus* («свинья»), но скорее всего является звукоподражательным образованием, имитирующим сосание (ср.: *susurrus*). Ср.: «*as drunk as David's sow*» («пьян, как свинья Дэвида»; Ray, «*Proverbs*», 1670).

Схожее выражение «как зюзя натянуся» использует Денис Давыдов в своем блистательном стихотворении «Решающий вечер» (три четверостишия, написанных alexandрийским стихом ок. 1818 г.)³.

- 11 Сравнение с римским полководцем Марком Атиллем Регулом (погиб ок. 250 г. до н. э.), героем 1-й Пунической войны. Потерпев поражение от карфагенян, был отпущен в Рим с тем, чтобы предложить сенату жесткие условия мирного договора. Вместо этого выступил с настоятельным требованием продолжения войны. Вернулся в плен, как и обещал, хоть знал, что ему придется поплатиться жизнью за свой поступок.
- 13 *...у Вери...* — Кафе Вери (*Café Véry*) — старый ресторан в Париже, изначально (1805—1817) располагавшийся на Террасе де Фейян (*Terrasse de Feuillants*) в саду Тюильри и пользовавшийся особой популярностью у военных благодаря своей прекрасной кухне. Не могу понять, почему капитан Джессе в своем «Бруммеле» пишет «*Vérey*» и почему Сполдинг (а вслед за ним Эльтон) предлагает написание «*Verrey*». В «Физиологии вкуса» Ансельма Брийа-Саварэна (*Anthelme Brillat-Savarin*, «*Physiologie du goût*», 1825) упоминаются восхитительные *entrées truffées*** , которые подавались у братьев Вери. Леди Сидни Морган, щеголявшая

* «Посмотрите, дорогой читатель, как совершенствуется век» (*фр*)

** Закуска из трюфелей (*фр*).

беглым, но ужасающим французским (изобилующим ошибками и идиомами, употребленными без всякого идиоматического контекста), сообщает в 1818 г. в своем дневнике «Отрывки из моей автобиографии» («Passages from my Autobiography». London, 1859, p. 52), что ее водили «обедать к Вери, в сады Тюильри».

VI

5—8 Эти строки вполне могут быть слабым отголоском того, что наш поэт хотел сказать, но не сказал о Федоре Толстом, заурядном болтуне и повесе, в течение шести лет вызывавшем у Пушкина бурную ненависть своими сплетнями (см коммент. к гл. 4, XIX, 5).

VII

4 ...*врапьем* . — О значении глагола «врать» на языке повес того времени см. коммент. к гл. 4, XIX, 5.

5 *Sed alia tempora!* — «Autres temps, autres mœurs»* — французская пословица.

9 Из пятидесяти студентов колледжа, которых я однажды спросил (желая нарочно продемонстрировать свойственное сегодняшним молодым американцам немислимое невежество, касающееся окружающей природы), как называется дерево (американский вяз), растущее за окном класса, дать точный ответ не смог никто: одни неуверенно предположили, что это дуб, другие промолчали, а одна девушка сказала, что, по ее мнению, это просто дерево, посаженное для тени⁴. Когда переводчик встречается с ботаническими названиями у автора, ему следует быть более точным.

В гл. 6, VII Пушкин описывает, как исправившийся повеса Зарецкий удалился в деревню и укрылся под сенью совершенно определенных растений. Вот анализируемая строка:

Под сень черемух и акации

Перевод словосочетания «под сень» (то есть под некое укрытие, образуемое навесом, крышей, галереей, аркой, карнизом, «лиственным шатром», «лесным пологом», покровом, балдахинном, беседкой, метафорическим «крылом» и т. д.) не составляет особого труда; не спорю, оно создает некоторую неловкость, так как выражения «под сенью» (тв. пад., ед. ч.), «под сень» (вин. пад., ед. ч.) и другие сочетания со словом «сень» (ж р., ед. ч.) и «сени» (мн. ч.; не путать с известным словом «сени», означающим «прихожую») метрически очень податливы и потому пользуются особой любовью русских поэтов к вящему неудобству их переводчиков. Редко значение слова «сень» можно передать одним английским словом. Казалось бы, близкое по значению «shade»** не может устроить неподкупного буквалиста по той существенной причине, что в приведенных выше выражениях «тень» не совсем синонимична «сени», уже не говоря о том, что может выступать в том же пассаже в качестве робкой рифмы к этому слову. Однако чувственное восприятие «сени» столь хрупко, что во многих случаях —

* «Другие времена, другие нравы» (фр.).

** «Тень» (англ.).

как, например, и в данном — никто не сочтет за преступление, если после предлога «под» («beneath» или «under») это слово будет просто опущено (см.: Коллинз, «Ода к вечеру», стих 49 в «Собрании» изд. Додсли, 1748 г. / Collins, «Ode to Evening», Dodsley's Collection) или заменено на «кров», как в выражении «под кровом» («in the shelter»). Но вернемся к рассматриваемой строке:

Под сень черемух и акаций

Кров, о котором идет речь, образован двумя видами кустов или деревьев. Говорят ли о чем-нибудь их названия русскому читателю? Всем известно, что распространенное название растения по-разному воздействует на воображение людей, говорящих на разных языках, — в одной стране оно рождает ассоциацию с цветом, в другой — с формой, слово может нести красоту классических коннотаций, источать благоухание невероятнейших цветов, хранить накопленный мед романтического смысла, вложенного в него не одним поколением элегических поэтов, под цветочным нарядом оно может скрывать мемориальную доску, которая увековечивает память какого-нибудь ботаника прошлого (как, например, *dahlia**) или странствующего иезуита с острова Лусон⁵ (как *camellia***). Слова «черемуха» и «акация» рождают в русском сознании две цветущие кущи и то, что я бы назвал стилизованным сочетанием ароматов, отчасти искусственных, как будет показано ниже. Не думаю, что переводчик обязан утруждать себя воспроизведением в тексте таких ассоциаций, но он должен пояснить их в примечаниях. Жаль, конечно, если благозвучное французское название какого-нибудь растения, скажем, вымышленное *l'alidore* с его намеками на приворотные зелья и утренние туманы превращается в Англии в «свиную бородавку» («hog's wart») из-за особой формы его цветков, или «хлопковую почку» («cotton bud») из-за нежной ткани молодых листочков, или «пасторскую пуговицу» («parson's button») с аллюзией неизвестного происхождения. Если название данного вида не вызывает недоумения и не сбивает с толку читателя, годясь для обозначения нескольких различных растений (в этом случае следует давать видовое название на латыни), переводчик имеет право использовать любой существующий термин, коль скоро он точен.

В словарях «черемуха» обычно переводится как «bird cherry» (буквально «птичья вишня»), значение этого слова расплывчато и практически ничего не объясняет. «Черемуха» — это «птичья вишня» вида *racemosa* Старого Света, фр. *putier racemeux**** или *Padus racemosa***** (Schneider). Русское название с его пушистыми, мечтательными созвучиями как нельзя лучше соответствует образу этого прекрасного дерева с характерными длинными кистями цветков, которые придают всему его облику в период цветения мягкую округлость. Будучи распространенной обитательницей русских лесов, черемуха одинаково уютно чувствует себя и на берегах рек по соседству с ольхой, и в сосновом бору; ее кремово-белые с мускусным запахом майские цветы ассоциируются в русской душе с поэтическими волнениями юности⁶. У этой «птичьей вишни» нет точного видового английского названия (хотя есть несколько родовых, но названия эти либо неточны, либо омонимичны, либо и то и другое вместе),

* Георгин (англ.).

** Камелия (англ.)

*** Гроздевидная (кистевидная) черемуха (фр.).

**** Черемуха обыкновенная (лат.).

которое могло бы соперничать как с педантизмом, так и с безответственностью глупейших наименований, упорно перетаскиваемых вредоносными буквоедами из одного русско-английского словаря в другой. Одно время я полагался на обычно точный словарь Даля и называл дерево по-латыни *Mahaleb*, однако последнее оказалось совсем другим растением. Позднее я придумал термин «musk cherry» (буквально «мускусная вишня»), вполне созвучный названию «черемуха» и прекрасно передающий особенность ее аромата, но, увы, намекающий на вкус, совершенно не свойственный ее маленьким, круглым и черным плодам. Теперь же я употребляю научное название, благозвучное и простое «*racemosa*» и пользуюсь им как существительным, рифмуясь с «мимозой».

Обратимся к соседке черемухи — акации и попробуем ответить на следующий вопрос: должен ли переводчик понимать это название буквально, основываясь на словаре, сообщая, что «акация» — это «*acacia*», или же он обязан выяснить, что на самом деле означает это слово, исходя из его контекстуальной среды обитания, в условиях некоей воображаемой местности и в свете определенного литературного приема? Я сторонник второго пути.

Если дикорастущая черемуха встречается на всей охватываемой романом территории (северо-западная и центральная Россия), то с акацией дело обстоит иначе. Она относится к красивой и полезной разновидности тропической мимозы, один из видов которой — австралийская *A. dealbata*, F. v. M., или декоративная серебристая акация (англ. *silver wattle*), акклиматизировалась на кавказском побережье: в послепушкинские времена под названием «мимоза» ее продавали в петербургских цветочных лавках. Акацию из нашего текста нельзя назвать и «locust» (то есть псевдоакацией), как решено одним переводчиком, хотя для южной России «белая акация» означает совершенно определенное растение — сладкопахнущую американскую псевдоакацию (*Robinia pseudoacacia*, Linn.), культивируемую на Украине и воспетую сотнями одесских рифмоплетов. Но у Пушкина речь идет не о серебристой австралийской акации и не о псевдоакации. Тогда о чем же? Конечно, о цветущем желтыми цветами виде рода *Caragana*, а именно *C. arborescens*, Lam., вывезенном из Азии и высаживавшемся вокруг господских беседок и вдоль садовых аллей в северной России. Французские гувернеры называли ее «*l'acacia de Sibirie*» — «сибирской акацией», а мальчики расщепляли ее темный стручок и, сложив ладошки лодочкой, дули в него, извлекая отвратительные резкие звуки. Однако с окончательной определенностью помогает установить действительное название растения следующее соображение. Пушкинская строка является пародией на два пассажа из стихотворения «Беседка Муз» (1817) Батюшкова, незначительного поэта и литературного новатора, языку которого Пушкин обязан не меньше, чем стилю Карамзина и Жуковского. Стихотворение это, написанное вольным, или басенным, ямбом, то есть ямбом с неравным количеством стоп в строках, начинается так:

Под тению черемухи млечной,
И золотом блистающих акаций —

и завершается:

Беспечен, как дитя всегда беспечных грации,
Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций

Эпитет второй строки стихотворения прекрасно подходит к ярким цветам *Caragana* и совсем не годится для белых лепестков псевдоакации. Следовательно, стих 9 в гл. 6, VII *EO* следует переводить так:

beneath the racemosas and the pea trees, —

оставляя прочие названия деревьев тем благородным перекладчикам, которых восхвалял сэр Джон Денем три века тому назад, обращаясь к не менее достойному сэру Ричарду Фаншо (см. Предисловие Драйдена к «Посланиям» Овидия, 1680):

That servile path thou nobly do'st decline,
Of tracing word by word and Line by Line

(Тот рабский путь ты благородно отвергаешь,
Когда переводят слово в слово и строку в строку)

Первое издание сочинений Батюшкова в двух последовательно выходивших томах было осуществлено в Санкт-Петербурге в 1817 г. и называлось «Опыты в стихах и прозе». Константин Батюшков родился в 1787 г. Его первое опубликованное стихотворение «Мечта» было написано в 1802 г., последнее небольшое стихотворение, настоящий шедевр, — в 1821-м (или, как сообщает Александр Тургенев, в начале 1824-го, в период просветления сознания после прочтения последнего издания стихотворений Жуковского):

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез

В 1822 г. Батюшков пытался покончить с собой. Тридцать три года он провел в состоянии умопомешательства и умер в 1855 г.

В период краткого творческого расцвета Батюшков переводил Грессе, Парни, Буало и Тассо, а также писал самостоятельно, подражая стилю любимых поэтов. Он и Жуковский были предшественниками Пушкина, и в юности наш поэт считал Батюшкова своим самым любимым русским учителем. Гармония и точность — таковы были литературные достоинства, усвоенные им от обоих, но даже ранние стихи Пушкина обладают большей живостью и силой, чем произведения его учителей. Позднее Пушкин критиковал Батюшкова и оставил несколько интересных замечаний на полях его «Опытов», но в *EO* есть еще нечто, отражающее плавность стиха, определенную предпочтительность в выборе лексики и различные усовершенствования стиля, присущие Батюшкову.

Я обратил внимание, что лишь один английский поэт (очень незначительный), а именно Бернард Бартон, обращаясь в стансах 1824 г. (ст. III) к Джону Баурингу, переводившему Батюшкова для своей русской антологии, раскладывает имя поэта на четыре слога (Ба-ти-уш-ков):

Derzhavin's noble numbers, soaring high,
Replete with inspiration's genuine force,
And Batiushkov's milder melody,
Warm from domestic pleasure's sweetest source

(Державина величавые стихи, взмывающие ввысь,
Исполненные истинной силой вдохновения,
И более тихая мелодия Батиушкова,
Согретая нежнейшим источником домашних радостей)

12 *Капусту садит, как Гораций...* — Чижевский недоумевает, зачем Горация заставили сажать капусту. На самом деле это распространенный галлицизм *planter des (ses) choux**, означающий «жить в деревне». Но помимо всего прочего Гораций действительно занимался сельским хозяйством. Обыкновенно растущие в огороде *olus* или *holus***, среди которых вполне могла быть и *brassica* (капуста), встречаются в «Сатирах», кн. II, 1, 74 и VI, 64 (см. коммент. к эпиграфу *EO* гл. 2) и «Посланиях» (кн. 1, XVII, 13). В «Сатирах» (кн. II, IV, 15) содержится отдельное упоминание о *caule*, капусте или кочерыжках («colewort», как ее именует Дэвид Уотсон), которая «на сухой почве вырастает слаще, чем в пригородных огородах».

Схожее и, возможно, исходное французское выражение *planter* (или *cultiver ses laitues (à Salone)**** восходит к письму ушедшего на покой римского императора Диоклетиана, посланному из Салоны (в Далмации) его сподвижнику Максимиану; в нем говорится, что удовольствие, доставляемое выращиванием овощей собственными руками, неизмеримо выше всех радостей обладания политической властью.

VIII

2 *...сердца в нем...* — «Сердце» употребляется здесь в значенииместилища нравственных достоинств — великодушия, чуткости, честности — всего того, чего лишен Зарецкий. Ср.: «man of heart», «homme de coeur». Чуть дальше слово «сердце» означает «гнев» («младое сердце» Ленского — XI, 4). Расположение шахматных фигур, полученное здесь Пушкиным, не соответствует плану, намеченному после первых ходов игры. Мы можем допустить, что скучающий щеголь завел знакомство с романтическим Ленским (по сути дела, заменившим рассказчика в дружеских пристрастиях Онегина), но вряд ли его закадычным другом мог стать Зарецкий, ничем не отличающийся от Буянова и обладающий всеми чертами провинциального «мерзавца», столь для Онегина неприемлемыми. С другой стороны, для развития сюжета абсолютно необходимо, чтобы Онегин знал Зарецкого и боялся его клеветнических измышлений.

11 *...осклабя взор...* — Глагол «осклабиться», редко употребляемый сегодня, скорее подразумевает презрительную или самодовольную ухмылку, усмешку или же вид *goguenard*****, чем ту улыбку, которую, как мне кажется, имел здесь в виду Пушкин.

IX

4 *Звал... на дуэль* — вызывал своего друга на дуэль. «Звал» — галлицизм, *appeler en duel, appeler en combat singulier+*.

* Сажать капусту (фр.).

** Овощи, зелень (лат.).

*** Сажать (или выращивать) латук (в Салоне) (фр.)

**** Насмешливый (фр.).

+ Вызывать на дуэль, вызывать на поединок (фр.)

В современной России, где почти ничего не осталось от понятия чести — обыкновенной личной чести (я не говорю о соревнованиях стахановцев, политической нетерпимости или националистическом «гоноре»), читатели остаются в полном недоумении относительно причин дуэли между Онегиным и Ленским и не могут понять всех ее подробностей, если только не воспринимают ее как должное, как некое действие, происходящее по законам странной «феодалной» легенды или оперного либретто. На самом же деле для благородного человека в 1820 г. во всем цивилизованном мире было совершенно естественно вызвать на дуэль того, кто вел себя по отношению к нему и его невесте так, как на балу у Лариных вел себя Онегин по отношению к Ленскому, удивительно другое — как юному Ленскому хватило самообладания не послать картель (*lettre d'appel**) Онегину тотчас же после грубых замечаний последнего о банальных мадоннах и круглой луне, оброненных за полгода до этого. Поведение Ленского, не имея ничего общего с экстравагантной вспыльчивостью, является единственно разумным для честного человека того времени в сложившейся ситуации; странным выглядит поведение Онегина (оно противоречит тому характеру, который дал ему автор в предыдущих главах) — он не только принимает вызов, но и стреляет первым, да к тому же метит так, чтобы убить противника. Тут надобно помнить, что честь восстанавливалась не столько собственным выстрелом, сколько проявлением способности хладнокровно встретить чужой (см. коммент. к XXVIII, 7 и 14).

X

8 *в осьмнадцать лет..* — см. гл. 2, X, 14 — «Без малого в осьмнадцать лет». Сколько лет было Ленскому? Конечно же, не семнадцать или восемнадцать, как сказано в шестой главе, где безрассудная горячность, побудившая его вызвать Онегина на дуэль, объявляется простительной для восемнадцатилетнего мечтателя; эта возрастная характеристика выглядит столь же отвлеченно, как упоминание тринадцатилетней девочки в четвертой главе среди общих рассуждений, предваряющих рассказ об отношении Онегина к Татьяне (которой на самом деле семнадцать). И хотя одаренных мальчиков нередко отправляли в зарубежные университеты в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет (правда, у нас есть Адольф Констана, открывающий роман следующими словами: «*Je venais de finir à vingt-deux ans mes études à l'université de Göttingue...*»**), крайне сомнительно, чтобы Ленский в восемнадцать лет собирался жениться на шестнадцатилетней Ольге; наш состоятельный молодой помещик почти наверняка уже достиг или должен был вот-вот достичь совершеннолетия; не думаю, чтобы он был моложе Онегина более чем на пять-шесть лет (последнему весной 1821-го исполнится двадцать шесть).

XI

12 *И вот общественное мнение!* — Первая из трех переключек в *ЕО* (см. гл. 7, третий эпиграф и гл. 8, XIII, 14) с «Горем от ума» Александра Грибоедова

* Письмо с вызовом на поединок (*фр*)

** «В двадцать два года я только лишь закончил свое обучение в Геттингенском университете. » (*Фр*)

(1795—1829), комедией в четырех действиях, написанной вольным ямбом, то есть стихами различной длины (от одного слога до тринадцати) со свободной схемой рифмовки. Приведенная строка — цитата из монолога Чацкого (4-е действие, сцена X, 284—286):

Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют —
И вот общественное мненье!

Эти строки еще не были опубликованы, когда Пушкин вставил указанный стих в свою строфу (конец 1826 г.). В свет вышли лишь сцены VII—X 1-го действия и все 3-е действие в болгаринском альманахе «Русская Талия» («в дар любителям и любительницам отечественного театра») в середине декабря 1824 г. (они были отрецензированы одновременно с первой главой *ЕО*). Издание всей пьесы на долгое время задержалось из-за придирок цензуры. Замысленная автором еще в 1818 г., начатая в 1822-м и законченная в 1824-м, эта гениальная комедия, значительно превосходящая первые театральные опыты автора, была знакома Пушкину по одной из многочисленных рукописных копий, ходивших по рукам благодаря стараниям друга Грибоедова, драматурга Жандра, и ее переписчиков. Одним из немногих друзей, посетивших Пушкина в михайловской ссылке, был его лицейский приятель Иван Пушин. Он приезжал 11 января 1825 г., накануне Татьянина (и Евпраксиина) дня, отдал Пушкину один из списков грибоедовской комедии и отбыл вскоре после полуночи. К этому дню наш поэт добрался по меньшей мере до гл. 4, XXVII. Через год в гл. 6, XI, 12 он процитировал строку из «Горя от ума».

Первое издание всего текста пьесы с купюрами появилось в Москве в 1833 г. после смерти Грибоедова, хотя отрывки 1-го действия ставились в Петербурге в 1829 г., были и другие фрагментарные постановки; более или менее полностью пьеса была сыграна на сцене 26 января 1831 г. Судьба распорядилась так, что два величайших поэтических шедевра русской словесности вышли из печати одновременно.

- 13 *Пружина чести* — см. также XXVIII, 14 — *ложный стыд* (*fausse honte*). Общее место в литературе того времени. Ср.: Стилль, «Зритель» (Steele, «The Spectator», 1711, № 84, 6 June): «...принуждаемый силой Обычая-Тирана, который ошибочно зовется Делом Чести, дуэлянт убивает возлюбленного друга... Стыд — величайшее из всех зол...» — и Каупер, «Беседа» (в кн.: «Стихотворения», 1782), стихи 181—182:

The fear of tyrant custom, and the fear
Lest fops should censure us, and fools should sneer

(Страх пред обычаем-тираном, и страх
Перед осуждением щеголей и насмешкой дураков)

(«Беседа» — дидактическое произведение, состоящее из 908, строк со специальным разделом, стихи 163—202, посвященным дуэлям, где Каупер предлагает решать вопросы чести с помощью кулачного боя.)

XII

- 4 *сосед велеречивый*.. — Я обратил внимание, что Зарецкий уподобляется в сознании Пушкина герою «Опасного соседа» Василия Пушкина, Буянову (см. коммент. к гл. 5, XXVI, 9), когда тот произносит речь в борделе (стих 58):

Ни с места — продолжал сосед велеречивый

- 10 Любопытная перекличка с письмом Татьяны (стих 60) и ее обращением к соннику (гл. 5, XXIV, 9—10).

- 13 *Взвести друг на друга курок*.. — Отметим смещение ударения на предлог.

XIII

- 5 *Махнул рукою* — Очевидный случай, когда буквалист должен отступить (и заняться написанием подробных комментариев), — фраза описывает национальные жесты или мимику, теряющие всякий смысл при точном переводе. Русский жест, переданный в обороте «махнуть рукой» (или «рукою»), подразумевает резкое движение руки сверху вниз с выражением усталого или торопливого отказа. Если рассматривать этот жест в замедленном темпе, будет заметно, что правая рука с довольно расслабленной кистью совершает пол-оборота слева направо, а голова в это же самое время чуть поворачивается справа налево. Другими словами, жест фактически включает два одновременных движения: рука бросает то, что держала или надеялась удержать, а голова отворачивается от сцены поражения или осуждения.

Таким образом, выражение «махнул рукой» невозможно перевести лишь с помощью глагола и существительного «рука», так как они не смогут передать расслабленного взмаха и его ассоциативную связь с отказом. Из моих предшественников лишь мисс Радин в какой-то мере уловила существо дела.

Сполдинг (1881):

His watch, the sun in turn he views —
Finally tost his arms in air
And lo! he is already there!

(То на часы, то на солнце по очереди смотрит он — / Наконец, вскинул руки / И — глядь! — вот он уж там!)

Мисс Дейч (1936).

He marked the time, and presently
He waved his hand, as one who'd rue it
And was at Olga's ere he knew it

(Он заметил время и тотчас / Помахал рукой, как человек, полный сожаленья, / И сразу же у Ольги оказался)

Эльтон (1937):

Scanned watch, observed the sun, and yet
Waved hand at last, and soon was quitting,
And there, amidst his neighbours, sitting

(Воззрися на часы, взглянул на солнце; наконец / Рукою помахал и вскоре удалился, / И вот уж средь соседей восседает.)

Мисс Радин (1937):

Takes out his watch, surveys the sun,
Is tempted, and capitulates —
And here he's at his neighbors' gates

(Достает часы, смотрит на солнце, / Он чувствует соблазн и поддается — / И
вот уж у ворот соседей.)

8—9 <...>

10 *На встречу...* — Фр. *à la rencontre*.

12 *Подобна ветреной надежде.* — Ср. гл. 1, XXV, 12 — *Подобный ветреной Венере* —
а также эпитеты к слову «надежда» в гл. 5, VII, 6—14.

XIV

9 *Он смотрит в сладком умиленье...* — «Il regarde avec un doux attendrissement».
См. коммент. к гл. 7, II, 5.

XV—XVI

Эти две строфы (а также XXXVIII) известны лишь из публикации Я. Грота
в книге «Пушкин и его лицейские товарищи и наставники» (СПб., 1887, с. 211—
213; см.: Томашевский, Акад. 1937) по копии (ныне утраченной), сделанной
князем В. Одоевским.

XV

Да, да, ведь ревности припадки —
Болезнь, так точно как чума,
Как черный сплин, как лихорадка,
4 Как повреждение ума
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свои бред имеет,
Сны злые, призраки свои
8 Помилуй Бог, друзья мои!
Мучительней нет в мире казни
Ее терзаний роковых
Поверьте мне кто вынес их,
12 Тот уж конечно без боязни
Взойдет на пламенный костер
Иль шею склонит под топор.

3 *..черный сплин...* — См. коммент. к гл. 1, XXXVII, 6—10 и XXXVIII, 3—4.

XVI

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой,
Тебя уж нет, о ты, которой
4 Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным

- И рая мигом сладострастным.
Как учат слабое дитя,
8 Ты душу нежную, мутя,
Учила горести глубокой
Ты негой волновала кровь,
Ты воспаляла в ней любовь
12 И пламя ревности жестокой,
Но он прошел, сей тяжкий день.
Почней, мучительная тень!

XVIII

1—2 В 1819 г. Марселина Деборд-Вальмор (см. коммент. к гл. 3, между строфами XXXI и XXXII, письмо Татьяны, стихи 35—46) опубликовала элегию, начинавшуюся словами: «S'il avait su quelle âme il a blessée...»*

7—8 *Ах, может быть, ее любовь / Друзей соединила б вновь!* — Более того, она могла вспомнить, что Юлия д'Этанж Руссо (чей отец, мрачный барон, убил на дуэли друга, и с тех пор его постоянно мучили ужасные воспоминания) сумела воспрепятствовать дуэли между своим возлюбленным и его лучшим другом, о чем рассказывается в первой части романа.

XIX

4 *.. нахмуря бровь ..* — любопытный солецизм: правильной формой было бы множественное число — «брови».

14 *«Так»* — лексический аналог пожатия плечами.

XX

12—14 Барон Антон Дельвиг (6 августа 1798 — 14 января 1831), один из ближайших друзей Пушкина, незначительный поэт, автор милых идиллий и народных песен, искусно сложенных сонетов и нескольких блистательных дактилических гекзаметров, в которых любопытным образом сочетаются классический и народный дух, амфора и самовар. В статье И. Медведевой «Павел Яковлев и его альбом»** представлен очень выразительный рисунок (ок. 1820) из альбома современника, где Дельвиг изображен веселым и пьяным, взъерошенным и без очков.

И вот удивительное совпадение — Дельвиг умер в десятилетнюю годовщину смерти вымышленного Ленского (который здесь сравнивается с ним накануне своей роковой дуэли); а поминки, устроенные его друзьями (Пушкиным, Вяземским, Баратынским и Языковым) в московском ресторане 27 января 1831 г., происходили ровно за шесть лет до роковой дуэли Пушкина.

Именно Дельвиг (судя по записи, сделанной Пушкиным) тонко подметил, что чем ближе к небесам, тем холоднее становится поэзия, и именно Дельвиг хотел поцеловать руку Державину, когда тот посетил Лицей (см. коммент. к гл. 8, II, 3).

* «Если бы он знал, какую душу ранил...» (Фр)

** В «Звеньях», 1936, № 6, с. 127. (Примеч. В Н).

Лучшее стихотворение Дельвига было написано и посвящено Пушкину в январе 1815 г. (опубликовано в том же году в «Российском музее», № 9). Шестнадцатилетний мальчик пророчит в мельчайших подробностях литературное бессмертие пятнадцатилетнему мальчику и делает это в стихотворении, которое само по себе бессмертно, — в истории мировой поэзии я не могу найти другого подобного совпадения гениального предвидения с осуществившимся предназначением:

Кто, как лебедь цветущей Авзонии,
Осеенный и миртом и лаврами,
Майской ночью при хоре порхающих,
В сладких грезах отвился от матери, —

Тот в советах не мудрствует, на стены
Побежденных знамена не вешает,
Столб кормами судов неприятельских
Он не красит пред храмом Ареевым,

Флот, с несчетным богатством Америки,
С тяжким золотом, куплеиным кровию,
Не взмущает двукраты экватора
Для него кораблями бегущими

Но с младенчества он обучается
Воспевать красоты поднебесные,
И лаиты его от приветствия
Удивлениой толпы горят пламенем

И Паллада туманное облако
Рассеивает от взоров, — и в юности
Он уж видит священную истину
И порок, исподлобья взирающий!

Пушкин! Он и в лесах не укроется
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлои на Олимп торжествующий

XXI

1 *Стихи на случай сохранились...* — Пушкин не хранил их так же «свято», как письмо Татьяны (см. гл. 3, XXXI, 1—4). *На случай* — случайно.

3 *Куда, куда вы удалились.* — <...> Я предпочел использовать в переводе восклицание, столь часто встречающееся в английской поэзии XVII—XVIII вв.:

Джон Коллоп, «Дух, Плоть» (1656):

Whither? ah, whither flies my soul

(Куда? ах, куда улетает моя душа)

Томас Флетчер (1692):

Whither fond soul, ah, whither wouldst thou fly?

(Куда, любимая душа, ах, куда ты полетишь?)

Поуп, переложение «*Animula vagula blandula*»* императора Адриана, стих 5:

Whither, ah whither art thou flying!

(Куда, ах куда ты улетаешь!)

(В 1713 г. Поуп отослал Джону Кэриллу два варианта переложения Адриана; второй из них начинается словами «Ах, мимолетный дух!» и озаглавлен «То же другой рукой» — очевидно, другой рукой Поупа — именно там он и вопрошает «куда».)

Джеймс Битти, «Ода Надежде» (ок. 1760), стих 78:

Whither, ah whither are ye fled?

(Куда, ах куда ты улетела?)

Анна Летиция Барбо, «Жизнь» (ок. 1811):

O whither, whither dost thou fly

(О куда, куда ты улетаешь)

Барри Корнуолл, «Песня» (ок. 1820):

Whither, ah! whither is my lost love straying

(Куда, ах! куда устремляется моя потерянная любовь)

Китс, «Эндимион» (1818), кн. 1, стихи 970—971:

Ah, where

Are those swift moments? Whither are they fled?

(Ах, где

Те мимолетные мгновенья? Куда же они упорхнули?)

4 *Весны моей... дни* — избитый галлицизм. Упомяну лишь несколько примеров, отобранных при беглом чтении:

Клеман Маро, «О себе» («*De soy mesme*», 1537):

Plus ne suis ce que j'ay esté,
Et ne le scaurois jamais estre,
Mon beau printemps et mon esté
Ont fait le saut par la fenestre**

Гильом де Шолье, «О первом приступе подагры» («*Sur la première attaque de goutte*», 1695), стихи 12—13:

Et déjà de mon printemps
Toutes les fleurs sont fanées***

Вольтер, «Послание XV» («*Épître XV*», 1719), стихи 8—10:

Tu vis la calomnie
Des plus beaux jours de mon printemps
Obscurcir la naissante aurore****

* «Душенька, нежная, непостоянная» (лат)

** Я уже не тот, что был, / И никогда уже таким не буду, / Моя прекрасная весна и мое лето / Выпрыгнули за окошко (фр)

*** Уже моей весны / Все цветы завяли (фр)

**** Ты видел, как клевета... / Прекраснейших дней моей весны / Омрачала занимающуюся зарю (фр).

Андре Шенье, «Элегия» (Oeuvres, ed. Walter; № XVI в «Oeuvres posthumes», 1826) стихи 1—2:

O jours de mon printemps, jours couronnés de rose,
A votre fuite en vain un long regret s'oppose*

Ср.: Михаил Милонов (1792—1821), «Несчастный поэт», весьма вольный перевод «Le Poete malheureux» Лорана Жильбера (Laurent Gilbert). Второе полустигийе строки 23 звучит у Жильбера следующим образом: «ô printemps de mes jours». Последующее вяло перефразировано Милоновым (стихи 1, 12—14):

О дией моих весна! куда сокрылась ты?
.....
Но блеск отрадных дией твоих
Еще прельщениое воображенье ловит.
Кто знает, что судьба в грядущем нам готовит?

См. также: Шарль Юбер Мильвуа (1782—1816), «Элегии», кн. 1 «Листопад (первый вариант)» («La Chute des feuilles, première version»):

Et je meurs! de leur froide haleme
M'ont touché les sombres autans,
Et j'ai vu, comme une ombre vaine,
S'évanouir mon beau printemps**

И его «Молитесь за меня», «сочинено... за восемь дней до смерти» («Priez pour moi», «composé... huit jours avant sa mort»):

Je meurs au printemps de mon âge,
Mais du sort je subis la loi .***

Русские комментаторы (на которых ссылается Бродский в своих комментариях к *ЕО*, с. 241—242) обратили внимание на прототипы стихов Ленского в различных русских элегиях того времени, среди которых мы находим «Вертера и Шарлотту» Василия Туманского (1819), стихотворение, писанное пятистопным ямбом («Когда луна дрожащими лучами / Мой памятник простой озолотит, / Приди мечтать о мне и горести слезами / Ту урну окропи, где друга прах сокрыт»), «Пробуждение» Кюхельбекера (1820), написанное четырехстопным хореем («Что несешь мне, день грядущий? / Отцвели мои цветы...»), и особенно анонимное «Утро» в антологии 1808 г., приписываемое В. Гиппиусом В. Перевозчикову («Дни первые любви! <...> / Куда, куда вы удалились?»).

Да и сам юный Пушкин предвосхитил юного Ленского: «Опять я ваш...» (1817) — «Умчались вы, дни радости моей!»; «К Щербинину» (1819) — «Но дни младые пролетят» (1820): «Мне вас не жаль, года весны моей...»; «Погасло дневное светило...» (1820) — «Подруги тайные моей весны златые» («златые» — арх., род. пад., ед. ч., ж. р.).

* О дни моей весны, дни, увенчанные розой, / Напрасно долгое сожаление противится вашему бегу (*фр.*).

** Я умираю! холодным дыханием / Коснулись меня мрачные ветры; / И я увидел, как, словно пустая тень, / Исчезла моя первая весна (*фр.*).

*** Я умираю по весне моих дней, / Судьбы я испытал закон (*Фр.*)

Ярким примером аналогичной метафоры в английской поэзии является строка Пикока (Peacock) «Счастливая и яркая весна нашей жизни» («Видения любви» в сборнике «Пальмира и другие стихотворения», 1806).

Комментируя схожую формулу, использованную Катуллом в «Ad Manlium», забавный француз Франсуа Ноэль, убежденный, что ему удалось перевести этого поэта («Стихотворения Катулла» / «Poesies de Catulle», Paris, 1803, II, p. 439 — эта книга имелась в библиотеке Пушкина), сообщает следующее о стихе 16:

«*Ver .. florida. Ces expressions riantes: „la fleur de l'âge, le printemps de la vie“, supposent beaucoup d'imagination dans les premiers écrivains qui s'en sont servis. Dans Pétrarque, par exemple, qui a dit fort heureusement:*

Ch'era dell'anno, e di mia etate aprile,

mais fort peu dans ceux qui les imitent. C'est ce qui rend la langue poétique si difficile. Commun ou bizarre, ces deux écueils ne sont séparés que par un sentier étroit et glissant».*

То были времена, когда переводом назывался элегантный парафраз, когда выражение «la langue poétique»** являлось синонимом «le bon goût»***, а обладатели этого хорошего вкуса были шокированы «les bizarreries de Sakhespear»**** (sic; Ноэль, II, p. 453), и когда Жан Батист Руссо считался поэтом.

Любопытный парадокс заключается в том, что если переводы на французский современных и древних поэтов в XVIII в. были наихудшими, то переводы последующих эпох можно считать наисовершеннейшими, хотя бы потому, что для передачи зарубежной поэзии французы пользовались своей удивительно точной и мощной прозой, не сковывая себя по рукам и ногам банальными и предательскими рифмами.

Уже в 1836 г. Теофиль Готье писал+: «Une traduction, pour être bonne, doit être en quelque sorte un lexique interlinéaire... Un traducteur doit être une contre-épreuve de son auteur; il doit en reproduire jusqu'au moindre petit signe particulier»++.

4 ...*золотые дни?* — Если «весна» пришла из Франции, то «золотые дни» — из Германии.

Жуковский в 1812 г. написал русский вариант «Идеалов» Шиллера (см. коммент. к XXIII, 8), озаглавив его «Мечты» (это слово встречается во втором стихе оригинала).

* «Весна... цветущая [лат.]. Эти веселые выражения: „цвет лет, весна жизни“ — предполагают наличие развитого воображения у первых писателей, которые их использовали У Петрарки, например, который очень удачно сказал: „Это было в том году в апреле“; но его очень мало у тех, кто им подражал. И вот почему язык поэзии столь капризен. Общее место или причудливость — эти два камня преткновения разделены только узкой и скользкой тропой» (фр).

** «Поэтический язык» (фр).

*** «Хороший вкус» (фр).

**** «Причудливостями Шекспира» (фр).

+ В рецензии на перевод «Повестей» Э.-Т.-А. Гофмана, перепечатано в «Souvenirs de théâtre, d'art et de critique» (Paris, 1883), p. 49. (Примеч В Н)

++ «Чтобы быть хорошим, перевод должен быть в каком-то смысле подстрочным словарем... Переводчик должен быть своего рода слепком со своего автора; он должен воспроизводить его до мельчайшего значка» (фр)

O! meines Lebens goldne Zeit?*

переведено как:

О дней моих весна золотая

Ср.: элегия Милонова «Падение листьев» (1819; подражание «Листопаду» Мильвуа; см. предыдущий коммент.), стихи 21—24:

Осенни ветры восшумели
И дышут хладом средь полей,
Как призрак легкии улетели
Златые дни весны моей!

Подражал этому стихотворению Мильвуа и Баратынский (1823—1827), стихи 21—22:

Вы улетели, сны золотые
Минутной юности моей!

8 *Нет нужды, прав судьбы закон.* — Я с трудом преодолел искушение передать интонацию «нет нужды» формулой «let be» («да будет так»), но она показалась мне недостаточно точной.

Следует отметить, что через десять лет Пушкин повторил конец печальной строки Ленского — в стихе 22 неоконченного стихотворения, написанного к двадцатипятилетию основания Лицея и прочитанного им 19 октября 1836 г. на ставшем для него последним собрании лицеистов. Стихотворение состоит из восьми строф по восемь строк пятистопного ямба. Последняя строка восьмой строфы не завершена. Строфическая схема рифм *baabesec* (стихи 19—22):

Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
... ..
Не сетуйте таков судьбы закон

Словосочетание «судьбы закон» не только по смыслу, но и по звучанию близко к строке Мильвуа из «Молитесь за меня»:

...du sort je subis la loi. **

10 *Все благо.* — Мой выбор при переводе этого выражения посредством лейбни-цевского «all is right» («все правильно») был определен Поупом, известным Пушкину по ироническому рефрену Вольтера «tout est bon, tout est bien»*** из его полемической повести «Кандид, или Оптимизм» (Женева, 1759); см., например, гл. 10, 19, 23. Строка Поупа («Опыт о человеке», послание I, стих 294) звучит так:

Есть истина одна все что ни есть, все правильно!

(См. также «Опыт», послание IV, первое полустишие строки 145 и второе 394-й.) Общая тональность элегии Ленского определенно перекликается с современной ему идеей оптимизма — изначальное название доктрины, которую выдвинул немецкий философ и гениальный математик Готфрид Вильгельм фон

* О! золотое время моей жизни? (нем)

** ...Судьбы я испытал закон... (Фр)

*** «Все хорошо, все благо» (фр.).

Лейбниц (1646—1716). Вольтер как мыслитель несоизмеримо ниже Лейбница, в то время как подражательность Поупа, по крайней мере, лишена нелепостей (присущих критике Вольтера) в силу поразительного умения этого талантлившего поэта располагать точнейшие слова в наилучшем порядке.

В стихотворении «Человек», посвященном Байрону и опубликованном в «Поэтических раздумьях» («Méditations poétiques», Paris, 1820), Ламартин поясняет в стихе 56:

Tout est bien, tout est bon, tout est grand à sa place *

XXII

8 *дева красоты* — псевдоклассический галлицизм, *fille de la beauté*; например, в начале «подражания Горацию» («Оды», кн. 1, № XVI) Этьена Огюстена де Вейли (1770—1821) в «Альманахе муз» (1808, с. 117) и отдельно изданной книге «Оды Горация» (1817).

14 *супруг* — еще один галлицизм в речи Ленского; буквальный перевод слова «*éroux*», которое во французской сентиментальной литературе того времени означало не только «супруг» в современном его значении, но также «жених», «нареченный». В английской литературе существует аналогичное устаревшее значение у слова «*spouse*»**. *Приди, приди* (фр. *viens, viens*), вероятно, является приглашением посетить могилу. См. цитату в моем коммент. к XL, 14.

XXIII

1 . *темно и вяло...* — Тщетно пытаюсь в течение нескольких лет проиллюстрировать этот очевидный галлицизм, я наткнулся на «Заметки» Шатобриана к его блистательному прозаическому переводу поэмы Мильтона «Потерянный рай» (1836): «Souvent, en relisant mes pages, j'ai cru les trouver obscures ou traînantes, j'ai essayé de faire mieux: lorsque la période a été debout *élégante* ou *claire*, au lieu de Milton, je n'ai rencontré que Bitaubé; ma prose lucide n'étoit plus qu'une prose commune ou artificielle, telle qu'on en trouve dans tous les écrits communs du genre classique. Je suis revenu à ma première traduction»***

Некоторое представление о том, что Пушкин подразумевал под «темно» и «вяло», можно получить из сделанной им записи на полях батюшковских «Опытов в стихах и прозе» (1815, т. II, с. 166, «Послание И. Муравьеву-Апостолу»). Стихи 77—80 относятся к автору стихотворений «Ермак» и «К Волге»:

Как часто Дмитриев, расторгнув светски узы,
Водил нас по следам своей счастливой Музы,
Столь чистой, как струи царицы светлых вод,
На коих первый раз зрел солнечный восход

* Все благо, все хорошо, все значительно на своем месте... (Фр)

** «Супруг», «супруга» (англ.).

*** «Часто, перечитывая свои страницы, я находил, что они темны и растянуты, я постарался перевести лучше когда текст стал *изящным* и *ясным*, вместо Мильтона я находил лишь Битобе, моя ясная проза не была больше не чем иным, как посредственной, ремесленной прозой, какую встречаешь во всех посредственных писаниях классического жайра. Я вернулся к моему первому переводу» (фр)

Стихи 79—80 наш поэт пометил: «вяло», а последние два стиха того же стихотворения (99—100) — «темно». Стихи 98—100:

Все сильно чувствует, все ловит взором, слухом,
Все наслаждается, и всюду, наконец,
Готовит Фебу даиь его грядущий жрец

Пушкин поставил в кавычки «темно и вяло», возможно цитируя определение, данное романтическому стилю каким-нибудь критиком. Оба эти эпитета в какой-то мере действительно характеризуют элегию Ленского. «День грядущий», таящийся «в глубокой мгле»; устрашающая инверсия «А я, быть может, я гробницы / Сойду в таинственную сень»; оссиановская «дева красоты» и посвящение ей «печального рассвета» — все это, без сомнения, туманно и расплывчато, *vers trainants et obscurs, style languissant et flasque**, неопределенно и бледно.

2 *Что романтизмом мы зовем.* . — Как случается в зоологических классификациях, когда вместо правильного названия животного в течение многих лет используется ряд устаревших, синонимичных или неточных названий, от которых невозможно ни отделаться, ни отказаться, которые не запрятать в скобки и которые со временем лишь укрепляют свои позиции, так и в истории литературы расплывчатые термины «классицизм», «сентиментализм», «романтизм», «реализм» и т. п. не сдаются и кочуют из учебника в учебник. По природной твердолобости некоторые педагоги и студенты немеют перед завораживающей силой классификаций. Для них «школы» и «течения» — все. Налагая на чело посредственности клеймо принадлежности к некоей группе, они потворствуют собственному неумению различить истинного гения.

Я не могу себе представить ни одного шедевра, оценка которого в той или иной степени повышалась бы в зависимости от его принадлежности к определенной школе; и, напротив, готов назвать сколько угодно третьесортных произведений, жизнь которых искусственно поддерживается на протяжении веков только потому, что ученые приписали их какому-нибудь «течению» прошлого.

Вредность всех этих терминов в том-то и состоит, что они отвлекают исследователя от сопровождаемого истинным наслаждением соприкосновения с сущностью индивидуальных художественных открытий (а только они в конечном счете значимы и непреходящи).

Более того, каждый такой термин настолько зависит от многочисленных интерпретаций, что становится бессмысленным сам по себе в своей сфере классификации знания. Однако раз уж термины эти существуют и все никак не перестанут брнчать о булыжник мостовой, по которой удирают их увешанные ярлыками жертвы, пытаясь избежать грубой идентификации, мы вынуждены с ними считаться. Имея в виду цели настоящих комментариев, я готов принять следующие практические определения.

«Классицистическое» — по отношению к литературному произведению нашего времени, предполагает подражание древним образцам, традиционное по форме и содержанию. В России используется термин «псевдоклассицизм» для определения анахронических подражаний, в которых древние римляне и греки носят напудренные парики.

* Растянутые и нечеткие стихи, стиль безжизненный и вялый (*фр.*).

«Сентиментальное» — предполагает не более чем пролитие традиционных слез над несчастьями традиционной добродетели, изложенными в стихах или прозе.

«Реалистическим» называется такое художественное произведение, в котором автор проявляет готовность назвать и описать, не опасаясь бытующих запретов, любую подробность физического или нравственного свойства исследуемого им мира. (В этом смысле *ЕО* не является произведением ни сентименталистским, ни реалистическим, хотя содержит элементы и того и другого; он склоняется к романтизму, пародируя классицизм.)

Четвертый термин в этом ряду — «романтизм» — требует более подробного рассмотрения его основных разновидностей, известных в пушкинскую эпоху. Можно различить по меньшей мере его одиннадцать видов или стадий:

1) Примитивный, народный вид: словарь Джонсона определяет романтическое произведение («*romance*») как «средневековую историю о боевых подвигах». Однако «боевые подвиги» имеют своим следствием аркадскую традицию, и в Англии XVII в. романтизм совершенно определенно предполагал описание счастливого существования пастухов и удалившихся на покой рыцарей, питающихся медом и сыром. Как «боевые», так и «пасторальные» оттенки подпадают под наше первое определение романтизма, характеризующегося полетами фантазии в народной литературе в период между падением Рима и возрождением словесности.

2) «Придание красоте таинственных оттенков» (Уолтер Патер, «Понимание», постскрипtum / Walter Pater, «*Appreciations*»). Повышенное внимание к страстям и всему фантастическому. Удалившийся на покой рыцарь оказывается некротомантом; луна в расколовшемся над Аркадией небе восходит совсем не там, где обычно. Уже в 1665—1666 гг. Перис (Perus) описывает Виндзорский замок как «самый романтический замок в мире». В 1799 г. Кэмпбелл замечает, что «удаленность добавляет очарования этому виду».

3) Шотландский подвид с оттенком жути. Перефразируя «Менестреля» (1772) Битти (Beattie, «*The Minstrel*»), «непривычный, призрачный вид пейзажа, особенно в лунном свете, окрашивает фантазии в неизменно мрачные тона и создает романтическую атмосферу, располагающую к разгулу воображения и той меланхолии, которая вызывает страх перед невидимым».

4) Романтичность: «романтичный» («*romanesque*») человек считает романтическими такие пейзажи (земли, озера, моря), которые воскрешают в памяти его душевные переживания (любовь, дружбу, былые устремления и упования) или же описания схожих картин в популярных романах и стихотворениях сентиментальной или фантастической направленности. «Il [Fonsalbe] a rendu à mes déserts quelque chose de leur beauté heureuse, et du *romantisme* de leur sites *alpestres*»* (Сенанкур, «Оберман», Письмо LXXXVII).

5) Немецкий подвид (гибрид с изрядной долей сентиментализма). Грезы, видения, призраки, склепы, лунный свет. Видеоряд, уходящий в метафизику. Высокопарные чувства, выраженные вялым и туманным языком. В поэзии — идея бесконечного приближения души к смутно осознаваемому совершенству.

6) Предлагаемая учебниками обобщающая концепция, сформировавшаяся около 1810 г.: сочетание «меланхолии» как сути северной (немецкой, «оссиа-

* «Он [Фонсальб] вернул моей пустыне нечто от ее былой красоты, нечто от романтического альпийского пейзажа» (фр).

новской») поэтики с живостью и энергией Возрождения (например, Шекспир). Романтическое осознается как «современное и живописное», в отличие от «классического», определяемого как «древнее и монументальное», — такое понимание, кажется, стало конечным продуктом размышлений благонамеренного, но трудночитаемого основателя романтической школы в немецкой литературе Августа Вильгельма фон Шлегеля (1767—1845, совместно с братом Фридрихом, философом, 1772—1829), который был наставником детей мадам де Сталь (ок. 1805—1815). Он помогал ей в работе над книгой «О Германии», был возведен в дворянское достоинство, получил многочисленные награды и в 1808-м читал в Вене лекции о драматическом искусстве и литературе*.

7) Романтическая эпическая поэма — произведение, в котором гармонично сочетаются трагическое и комическое, высокое и низкое, святое и нечестивое, метафизические обобщения и натуралистические подробности (ср. с планом *ЕО*, намеченным в «Посвящении»).

8) «Романтический» как определение стиля, изобилующего живыми характерными подробностями (местный колорит, экзотические пейзажи, национальные особенности, реалистически описанные народные традиции, новые оттенки восприятий, эмоций, смысла и т. д.) и противопоставляемого в таких своих образцах, как проза Шатобриана и Виктора Гюго, расплывчатому туману сентиментализма, например пустословию Ламартина (следует, однако, отметить, что туман и меланхолия, несмотря на свою полную противоположность описанной выше стилистической яркости, тоже вполне «романтичны», и потому-то Ламартин равно фигурирует и среди романтиков).

9) Новый стиль в поэзии, свободный от классицистической строгости и традиционализма, допускающий анжамбеманы, свободные цезуры и другие вольности.

10) Литературные жанры, неизвестные древним.

11) «Современное» в отличие от «древнего» в любом литературном произведении.

Эти понятия во многом пересекаются, и неудивительно некоторое замешательство Пушкина по поводу того, что в строгом смысле слова действительно зовется «романтизмом», — проблема, интересовавшая нашего поэта и его друзей писателей гораздо острее, чем нас сейчас.

В наброске статьи, озаглавленном «О поэзии классической и романтической» (1825), Пушкин обвиняет французских критиков в том, что они запутывают вопрос, относя к романтизму всю поэзию, «ознаменованную печатью мечтательности и германского идеологизма» или «основанную на предрассудках и преданиях простонародных». Он утверждает, что различие между классицизмом и романтизмом может проводиться лишь с точки зрения формы, а никак не содержания. Вот его определение родов романтической поэзии: «Те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими». По мнению нашего поэта, западноевропейская поэзия в мрачный период средневековья представляла собой в лучшем случае изящную безделушку, триолеты трубадуров. Однако два обстоятельства решительно повлияли на ее разви-

* Его работа «О драматическом искусстве и литературе» («Über dramatische Kunst und Literatur», 1809—1811) была переведена на французский («Cours de littérature dramatique», Paris, 1814, 3 vols.) Альбертиной Адриеной Неккер де Соссюр, двоюродной сестрой мадам де Сталь; перевод этот внимательно прочел Пушкин. (Примеч В Н)

тие: нашествие мавров, «внушивших ей исступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие Востока», и крестовые походы, сообщившие ей «набожность и простодушие, свои понятия о геройстве и вольности нравов походных станов». Таковы, согласно Пушкину, корни романтизма.

В этой же статье, да и не только в ней, Пушкин обрушивается с резкой критикой на французский «псевдоклассицизм» в лице Буало: «Сия лжеклассическая поэзия, образованная в передней и никогда не доходившая далее гостиной <...> мы видим в ней все романтическое жеманство, облеченное в строгие формы классические». Однако в постскрипуме к наброску 1825 г. он хвалит сказки Лафонтена и «Деву» Вольтера, называя их памятниками «чистой романтической поэзии». Не следует забывать, что такие «чисто французские классицисты», как Корнель, Расин и Мольер, стояли в ряду самых любимых пушкинских писателей.

В другом рукописном наброске 1830 г. Пушкин продолжает: «Французские критики имеют свое понятие об романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности. Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические. Таким образом Андрей Шенье, поэт, налитанный древностию, коего даже недостатки проистекают от желания дать французскому языку форму греческого стихосложения [это единственное заблуждение Пушкина], — попал у них в романтические поэты»⁷.

8 ..идеал. — «Идеалы» Шиллера («Альманах Муз» за 1796 г.), элегия, состоящая из одиннадцати строф, включающих восемьдесят восемь строк, написанных четырехстопным ямбом, начинается так:

So willst du treulos von mir scheiden,
Mit deinen holden Phantasien,
Mit deinen Schmerzen, deinen Freuden,
Mit allen unerbittlich fliehn?
Kann nichts dich, Fliehende, verweilen,
O! meines Lebens goldne Zeit?

Erloschen sind die heitern Sonnen,
Die meiner Jugend Pfad erhellt,
Die Ideale sind zerronnen *

Мадам де Сталь в книге «О Германии», ч. II, гл. 13, замечает: «Il seroit intéressant de comparer les stances de Schiller sur la perte de la jeunesse, intitulées „l' Ideal“, avec celles de Voltaire.

Si vous voulez que j'aime encore,
Rendez-moi l'âge des amours, etc»**

Я последовал ее совету, но не обнаружил ничего intéressant, ее замечание оказалось совершенно неуместным.

* Так беспечально хочешь ты отделиться от меня, / Со своими благими фантазиями, / Со своими печальями, своими радостями, / Со всем без горестей сбежать? / Тебя, бегущее, не в силах удержать, / О, моей жизни время золотое? / / Погасли радостные солнца, / Что моей юности освещали путь, / Идеалы исчезли . (Нем)

** «Было бы интересно сравнить стансы Шиллера об утраченной юности, озаглавленные „Идеал“, со стансами Вольтера

Если вы хотите, чтоб я еще любил,
Верните мне возраст любви, и т д» (Фр)

Ламартин в ночь написания стихотворения, упомянутого в коммент. к XXI, 10, осенью 1818 г. читал «Чайльд Гарольда» в неполном французском переложении, хранившемся во Всемирной Женевской библиотеке, и в конце концов «[s'endormit] de lassitude, la tête sur le volume comme sur le sein d'un ami»* (Lamartine, «Vie de Byron», 1865). <...>

XXIV

- 4 . *Веспер...* — По странной оплошности Пушкин называет утреннюю звезду «Веспером» (другое название — Гесперид), хотя это имя вечерней звезды, в то время как правильное название утренней звезды — Люцифер или Фосфор⁸. Всеми этими именами древние называли планету Венеру. В некоторых областях России утреннюю и вечернюю звезду называют «зарницей» или «зорницей» (другое значение: световая вспышка вроде молнии на вечернем небе). (См.: «вечерняя зарница» в элегии Милонова, цитированной в коммент. к XLI, 1—4, и «утреннюю зарницу» в «Анне Карениной» Толстого, ч. VI, гл. 12.)
- 7 *перелетная мятель* — Эпитет означает «перелетающая с места на место», а «метель» (или «мятель» в данном случае) не «снежная буря» или «пурга», но то, что более точно называется по-русски «заметь», а именно — легкие завихрения снежной пороши, морозным ясным утром взметаемые на насте порывами ветра.
- 12 *полы завеса* — две половины полога кровати.

XXV

- 2 ...*Гильо* . — Строго говоря, это имя из французских комедий. Упоминается среди типично низких имен («Пьер, Гильо и Мишель») в опыте Монтеня «Об именах», написанном около 1573 г. («Опыты», кн. I, гл. 46). Это же имя, данное пастуху, дважды встречается в «Баснях» Лафонтена (1668—1679), кн. III, № III «Волк-пастух» («Le Loup devenu Berger») и кн. IX, № XIX «Пастух и его стадо» («Le Berger et son Troupeau»). Я думаю, Пушкин использует его здесь как фамилию (ср. «Пикар» в «Графе Нулине», 1825). У Грибоедова в «Горе от ума» (известном с 1825 г.) Чацкий упоминает беспечного француза, московского танцмейстера, которого он называет «Гильоме» (действие I, стихи 405—411). Французский переводчик Шекспира (в 20-ти томах, 1776—1783) Пьер Летурнер (1736—1788) крестился у викария Валоньи (Valognes Bass Normandie) Бернардэна Феликса Гильо; на периферии истории известны и другие Гильо.
- 11—14 Неуклюжий текст — Онегин «велит слуге нести» ящик с пистолетами и (велит) «лошадям [вместе с санями и кучером] отъехать в поле».
- 12 *Лепажу* — упоминание Жана ле Пажа, или Лепажу (1779—1822), парижского оружейника.

Я случайно обратил внимание, что в коллекции огнестрельного оружия Рудольфа Нуннемахера** представлен лишь один пистолет Лепажу, и то его марка ошибочно названа автором описания коллекции «Lgiage» (хвостик «р» в

* «[Уснул] от усталости, положив голову на книгу, как на грудь друга» (*фр.*).

** См статью John Metschl в «Bulletin of the Public Museum of Milwaukee», 1928, IX, p 446 (*Примеч В Н*)

«Lerage» соединен с предшествующим «e» и образует «g» вследствие ошибки переписчика).

- 12 ...стволы роковые... — Во вдохновенном отрывке «Охота» (с. 158—163) в «Застольной беседе» Ли Ханта (Leigh Hunt, «Table-Talk», London, 1851) я нашел эпитет «смертоносные стволы» в применении к оружию охотников, «перебивающих куропаткам лапки» и «превращающих заросли кустарника в место мучительной агонии раненых пернатых».

XXVI

- 9 ...из чувства... — Я не уверен, что английский перевод «out of feeling» в полной мере передает это русское обозначение профессиональной любви Зарецкого к порядку и тщательному соблюдению правил в делах такого рода.

XXVII

- 9 *пожалуй* — устаревающее слово, которое потеряло свой изначальный смысл «пожалуйста» (фр. *s'il vous plaît*), сохранив оттенок почтительной вежливости к пожеланию другого (как здесь), и постепенно сократилось до небрежного выражения принятия чьего-то предложения или допущения возможности («Помоему, можно было бы...» и т. д.).

В книге «О Пушкине» (Берлин, 1937, с. 79) Ходасевич⁹ пронизательно заметил, что унылая подавленная интонация музыкальной фразы «Начнем, пожалуй», данная Чайковским тенору в опере «Евгений Онегин», превращает мужественного Ленского Пушкина в безвольного нытика.

XXVIII

- 7 Для толкователя снов все онегинское поведение в то утро подобно жуткому ночному кошмару, словно герой оказался под влиянием недавнего сна Татьяны. Нам всем известно это ощущение «опоздания» во сне, случайные «замены» (как здесь, когда слуга превращается в секунданта), «оплошности» и странное чувство неловкости, вдруг беспечно игнорируемое. Онегин ведет себя так, как никогда бы не повел, будучи в нормальном состоянии нравственного самоосознания. Проспав назначенное время, он наносит Ленскому ничем не обоснованное оскорбление, вынудив кипящего от ярости юношу ждать на ледяном ветру часа два, а то и более. По какой-то оплошности он забывает заpastись секундantom, хотя знает не хуже Зарецкого, что при поединке между дворянами их секунднты должны быть представителями того же слоя общества, что и дуэлянты, и является со слугой, нанося таким образом Ленскому еще одно глупое оскорбление. Он стреляет первым и метит в противника, что также на него не похоже. Ленский безусловно намеревался убить Онегина, но последний, будучи бесстрашным, саркастичным дуэлянтом и находясь в здравом рассудке, несомненно, должен был бы воздержаться от выстрела и не только не отвечать на выстрел Ленского, но, в случае если останется в живых, разрядить пистолет в воздух. Когда Ленский падает, ловишь себя на ощущении, что Онегин вот-вот проснется (как Татьяна) и поймет, что все это был сон.

10—11 ...*Не засмеяться ль им, пока / Не обагрилась их рука...* — Ср.: «багряная рука» зари — коммент. к гл. 5, XXV, 1—4.

Остается гадать, не смеется ли тут еще и тень Ломоносова.

13—14 «*Le faux point d'honneur, leur [aux gens du monde] inspire une crainte farouche, et les arrête*»* (перевод Тургенева—Виардо).

14 *ложный стыд* — фр. *fausse honte*, «*mauvaise honte*». Для меня очевидно, что это банальное двустишие является реминисценцией «Посланий» Буало, III (1674), стихи 28, 37—38:

Des jugemens d'autrui nous tremblons follement,

.

Quelle fausse pudeur a feindre vous oblige?

«*Qu'avez-vous?*» — «*Je n'ai rien*» .**

(Ср. со смертью Ленского.)

См. также коммент. к гл. 6, IX, 4.

XXIX

3 ...*уходят пули.* — Каждая из двух пуль уходит в соответствующий ствол пистолета, сечение которого представляет собой многогранник (отсюда — *гранный*).

4 Ср.: Байрон, «Дон Жуан», IV, XLI, 1—2:

Как странно звук взведенного курка

Внимательное ухо поражает...***

Пишо (1823): «*C'est une étrange sensation que produit sur l'oreille le bruit qu'on fait en armant un pistolet...*»****

5—6 *порох сыплется.* — «В первых образцах огнестрельного оружия Лепажя, — сообщает майор Поллард в своей „Истории огнестрельного оружия“ (Pollard, «*A History of Firearms*», London, 1926, p. 113), — в 1818 г. наблюдалась тенденция использовать открыто насыпавшийся порох, изготовлявшийся Пюла в Париже».

8—9 *За ближний пень / Становится Гильо..* — На одной из известнейших и отвратительнейших картин Ильи Репина, где изображена дуэль между Онегиным и Ленским, все смехотворно неверно, включая позы и расположение противников, а Гильо, которого никак не защищает хилый обрубок дерева, стоит на линии онегинского выстрела и вполне может разделить участь секунданта, застреленного ноябрьским утром на Бэгшот-Хит в ходе неумело организованной дуэли (как о том сообщалось в «*Morning Chronicle*» 26 ноября 1821 г.). Сомневаюсь, чтобы «великий» русский художник читал роман Пушкина (хотя он несомненно

* «Ложный вопрос чести внушает им [светским людям] дикий страх и их останавливает» (фр).

** От чуждых суждений мы трепещем безумно, / / Какой ложный стыд заставляет вас притворяться? / «Что с вами?» — «Ничего» (фр)

*** Перевод с англ Т. Г. Гнедич.

**** «Странное впечатление для уха производит звук дорожного пистолета...» (Фр)

видел оперу «великого» композитора), когда писал свою «Дуэль Онегина и Ленского» (1899)¹⁰. Как в опере, так и в картине все оскорбительно для пушкинского шедевра. Дуэлянты стоят как два тупых манекена, выставив одну ногу вперед, демонстрируя *la taille cambrée**, и наведя друг на друга дула игрушечных пистолетиков. У Ленского та же поза, что и у юного Пушкина, читающего свои стихи Державину на другой нелепой картине (1911) того же художника. Эта постыдная мазня любовно воспроизводится во всех иллюстрированных изданиях сочинений Пушкина.

«Общество имени А. И. Куинджи», присудившее Репину денежную премию в три тысячи рублей и золотую медаль за картину «Пушкин на лицейском экзамене», заявило, что не столько награждает его за саму картину, сколько компенсирует таким образом оскорбления, нанесенные ему декадентами (художниками-авангардистами).

- 13 *Друзей*. — Русская конструкция допускает здесь двойное прочтение: «двух друзей» и «своих друзей»; однако восклицание, открывающее строфу ХХVIII, похоже, исключает возможность первого толкования.

ХХІХ—ХХХ

Описываемый здесь поединок представляет собой классическую дуэль à *volonté*** по французскому кодексу, частично основанному на правилах пистолетных дуэлей Англии и Ирландии, которые были приняты в Типперэри около 1775 г. Согласно этому Клонмелскому кодексу и дополнительному положению, принятому в Голуэе, выстрелы производились по сигналу, по команде или по собственному усмотрению дуэлянтов, в последнем случае противникам разрешалось сблизиться настолько, что можно было «даже дотронуться до дула» наведенного пистолета. Широко распространенные правила дуэлей, принятые на континенте, предполагали, однако, наличие в центре полосы, которую запрещалось переходить, она называлась барьером (*фр.* *barrière* — термин происходит от древнейшей формы дуэли на пистолетах, практиковавшейся во Франции, когда сидевшие верхом противники разделялись столбиками, установленными на расстоянии десяти ярдов друг от друга и определявшими минимальное расстояние, с которого разрешалось производить выстрелы). Вот как проходил поединок.

Предварительная церемония состояла не только из вызова, отправляемого в письменной форме, именовавшегося еще «картелем» (гл. 6, IX), но и из совещания секундантов; следует отметить, что последняя формальность не была соблюдена в настоящем случае, не были письменно определены и условия поединка, как того требовали установленные правила. Нет оснований полагать, что были оставлены и посмертные записки с тем, чтобы оградить уцелевшего соперника от преследований; официально дуэли были запрещены, что, впрочем, никак не влияло на их распространенность; если дуэль не заканчивалась смертельным исходом, противники не наказывались, но даже когда последствия ее оказывались роковыми, влиятельные лица в высших кругах помогали смягчить, а то и вовсе отменить такие наказания, как тюремное заключение и ссылка.

* Стройный стан (*фр.*).

** По желанию (*фр.*).

Стороны прибывают на выбранное место. Секунданты отмеряют определенное количество шагов (ярдов); например, в данном случае отмеряется тридцать два ярда, после чего противники вправе уменьшить это расстояние, сходясь по сигналу навстречу друг другу (в иных случаях ограничиваются двенадцатью, а то и еще меньшим количеством шагов). Предел сближения определяется количеством шагов между конечными отметками, вследствие чего в середине площадки остается пространство шириной, скажем, шагов в двенадцать — это барьер, граница, что-то вроде нейтральной полосы, ступать на которую нельзя; обычно она отмечается сброшенными плащами, шинелями или гусарскими ментиками дуэлянтов.

Секунданты заряжают пистолеты, и дуэль начинается. Противники занимают места на крайних отметках лицом друг к другу, держа пистолеты дулами вниз. По сигналу «Сходитесь!» (фр. *Marchez!*) они начинают сближаться и, когда сочтут нужным, могут стрелять. Онегин начинает медленно поднимать свой пистолет, когда они с Ленским делают навстречу друг другу четыре шага; после еще пяти шагов Ленский убит первым же выстрелом. Если бы Онегин, выстрелив, промахнулся, или пистолет дал осечку, или тяжелое ранение все же позволило Ленскому сделать свой выстрел, последний мог бы заставить Онегина подойти к барьеру, а потом хладнокровно и долго целиться в него с двенадцати шагов. Вот одна из причин, по которой серьезные дуэлянты предпочитали предоставлять первый выстрел противнику. Если после обмена выстрелами кровожадность противников не утолялась, они могли перезарядить пистолеты (или использовать новую пару) и начать все с начала. Подобные дуэли с возможными вариантами (например, барьер не столь часто отмечался в Англии и Ирландии) были распространены во Франции, России, Великобритании и южных штатах Америки с конца XVIII в. приблизительно до 1840 г., а в латиноамериканских и славянских странах они происходили и в наше время. Читая эту главу, не следует представлять себе медленно расходящихся, а потом резко разворачивающихся и стреляющих друг в друга противников — картина, часто изображаемая в современных фильмах и комиксах. Эта разновидность дуэли была изобретена во Франции в 1830-х гг. и пользовалась популярностью в более позднее время у парижских журналистов.

Что касается деталей дуэли между Онегиным и Ленским, то ее описание сделано нашим поэтом на основе личных воспоминаний, а в смысле исхода она предвосхищает его собственную судьбу.

Пушкин дрался на дуэли по меньшей мере три раза до своего рокового поединка с Дантесом. Его первая дуэль с Рылеевым состоялась предположительно между 6 и 9 мая 1820 г. в районе Царского Села (см. мой коммент. к гл. 4, XIX, 5). Вторая (в 9 часов утра на первой неделе января 1822 г. в полутора милях от Кишинева) — с полковником Старовым, командиром егерского полка, когда целиться было трудно из-за бушевавшей пурги: для первого обмена выстрелами барьеры были установлены на расстоянии шестнадцати шагов и сужены до двенадцати для второго. Весной того же года в винограднике неподалеку от Кишинева Пушкин дрался с еще одним военным, по фамилии Зубов. В результате всех этих дуэлей кровь не была пролита ни разу; подробностей о них известно очень мало, разве что в ходе первой и третьей Пушкин, кажется, разрядил свой пистолет в воздух¹¹.

На четвертом и последнем поединке Пушкина с бароном Жоржем Шарлем Дантесом, известным также под именем барона Жоржа де Геккерена, в половине

пятого вечера 27 января неподалеку от Петербурга (на северном берегу Невы, в полутора тысячах футов к северу от Черной речки в сосновом леске неподалеку от дороги на Коломяги), стороны разошлись на расстояние в двадцать шагов и первым же выстрелом Пушкин был смертельно ранен. Условия этой дуэли таковы:

1. Les deux adversaires seront placés à vingt pas de distance, à cinq pas chacun des deux barrières qui seront distantes de dix pas entre elles.

2. Armés chacun d'un pistolet, à un signal donné, ils pourront en s'avançant l'un sur l'autre, sans cependant dans aucun cas dépasser la barrière, faire usage de leurs armes.

3. Il reste convenu en outre qu'un coup de feu parti, il ne sera plus permis à chacun des deux adversaires de changer de place pour que celui des deux qui aura tiré le premier essuie dans tous les cas le feu de son adversaire à la même distance.

4. Les deux parties ayant tiré, s'il n'y a point de résultat on recommencerait l'affaire... en remettant les adversaires à la même distance de vingt pas...*

Шесть пунктов, из которых я процитировал четыре, были подписаны 27 января 1837 г. в половине третьего дня в Санкт-Петербурге. Двумя часами позднее Пушкин был ранен в низ живота и скончался от травматического перитонита 29 января в 2.45 пополудни.

Обстоятельства, приведшие к трагической гибели Пушкина, вкратце сводятся к следующему.

В 1833 г. нидерландский посланник барон Якоб Теодор ван Геккерен (Жак Тьерри Борхард Анна ван Геккерен-Беверваарт, 1791—1884), возвращаясь после отпуска к месту службы в Санкт-Петербург, познакомился на постоялом дворе с молодым дворянином из Эльзаса, направлявшимся туда же. Это был Жорж Шарль Дантес (1812—1895), уроженец Кольмара, бывший одно время студентом в Сен-Сире. Согласно Луи Метману, официальному (хотя и не всегда достоверному) биографу семьи, Дантесы происходили с острова Готланд и жили в Эльзасе с XVII в., где некий Жан Анри Антес, *manufacteur d'armes blanches*** , в 1731 г. получил дворянский титул. Отца Жоржа Дантеса произвел в бароны Наполеон I. Обучение нашего героя военному делу во Франции прервала июльская революция, положившая конец правлению Карла X (1824—1830) и возведшая на престол Луи Филиппа. Дантес остался верным Карлу и отправился искать счастья ко двору царя Николая I, который симпатизировал легитимистам.

Жорж Дантес и его покровитель прибыли в Петербург на пароходе 8 октября 1833 г. Пушкин, который вел в это время дневник, записал 26 января 1834 г., то есть почти точно за три года до роковой дуэли, что в гвардию принят иностранец — барон Дантес. Он познакомился с Дантесом в Петербурге в конце июля 1834 г. Наталья Пушкина после выкидыша, случившегося у нее в марте,

* 1. Противники становятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга и пяти шагов для каждого от барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам.

2. Вооруженные пистолетами противники по данному знаку, идя один к другому, но ни в коем случае не переступая барьера, могут стрелять.

3. Сверх того принимается, что после выстрела противникам не дозволяется менять место, для того чтобы выстреливший первым огню своего противника подвергся на том же самом расстоянии.

4. Когда обе стороны сделают по выстрелу, то в случае безрезультатности поединок возобновляется.. противники остаются на том же расстоянии в двадцать шагов .
(Перевод с фр П. Е. Щеголева)

** Изготовитель холодного оружия (фр).

проводила лето с двумя детьми, Марией и Александром, в поместье матери в Калужской губернии. Она вернулась в Петербург осенью и родила третьего ребенка (Григория) в мае 1835-го, а еще через год — четвертого (Наталью). Не существует доказательств, что отношения с Дантесом, влюбившимся в нее в конце 1834 г., заходили далее кокетливых бесед и вырванных украдкой поцелуев, что, конечно же, было дурно, но правда и то, что у ее мужа в это время были романы с другими женщинами, в частности с сестрой Натальи, Александрой¹². Другая (старшая) сестра, Екатерина, была страстно влюблена в Дантеса.

Летом 1836 г. Пушкины снимали дачу в пригороде, неподалеку от Черной речки (я где-то читал, что название «Черная речка», известное уже в 1710 г., происходит от специфического темного оттенка воды, возникающего оттого, что корни ольшаника, растущего на берегах, уходят в воду и придают ей темно-коричневую окраску), и Наталья с Екатериной часто видели Дантеса. Июль проходил в атмосфере *billets-doux, petits jeux**, прогулок верхом, пикников, и так случилось, что в этот месяц Екатерина Гончарова забеременела (обстоятельство, тщательно скрываемое в анналах семейства Геккерен-Дантеса, но убедительно доказанное Гроссманом в «Красной ниве», XXIV; 1929)¹³. Совершенно определенно к началу осени 1836 г. стали распространяться слухи о ее возможном браке с Дантесом (теперь уже бароном де Геккереном — его истинный отец официально передал свои родительские права голландскому посланнику в апреле того же года). Также не вызывает никаких сомнений, что Дантес, как и раньше, продолжал ухаживать за Натальей Пушкиной, что оставалось источником пристального интереса *grand monde***.

Несколькими годами ранее венское общество придумало забаву — выдавать разным лицам всевозможные нелепые дипломы. Группка томных молодых людей решила возродить это развлечение в Петербурге. Один из членов этой клики весельчаков, князь Петр Долгорукий (прозванный в обществе *le bancaï* — «кривоногий»), состряпал анонимное письмо¹⁴, которое было получено Пушкиным и его друзьями по почте (только что открытой в городе) 4 ноября 1836 г.:

«*Les Grands-Croix, Commandeurs et Chevaliers du Sérénissime Ordre des Cocus, réunis en grand Chapitre sous la présidence du vénérable grand-Maître de l'Ordre, S. E. D. L. Narychkine, ont nommé à l'unanimité Mr. Alexandre Pouchkine coadjuteur du grand Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre.*

*Le secrétaire perpétuel: Cte J. Borch***».*

Я сохранил орфографию. «Секретарь» Иосиф Борх и его жена Любовь считались в свете образцовой парой, ибо «она жила с кучером, а он — с форейтером». «Достопочтенный великий магистр» — это его превосходительство Дмитрий Львович Нарышкин, жена коего Мария в течение многих лет была любовницей царя Александра I. Диплом, как полагают, намекал на то, что рогоносцем сделал Пушкина царь. Но это не так. Хотя самодержец и заметил

* Любовные записки, салонные игры (*фр*)

** Большой свет (*фр.*)

*** «Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д Л Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютером великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь граф И. Борх» (*Перевод с фр: ПСС. Т. 16 С. 394*)

Наталью Пушкину еще до ее замужества, скорее всего она стала его любовницей очень ненадолго, да и то после смерти нашего поэта¹⁵.

То, что письмо написано русским, становится ясным с первых же попыток его расшифровки (например, написание французского «U» как русского «И», которое в печатном варианте является зеркальным отражением «N»), но Пушкин по так никогда и не объясненной причине считал, что оно написано Геккереном. Советские графологи доказали (в 1927 г.), что пасквиль был делом рук Долгорукого; последующие состряпанные им подделки дают достаточно сильные психологические основания для установления его авторства. Долгорукий принадлежал к кругу Геккерена и Дантеса, но именно последние, с точки зрения Пушкина, стояли за всей этой подлостью. 7 ноября Пушкин вызывает на дуэль поручика Дантеса, за чем следует суматошный период *rougrarlers**, когда друг Пушкина Жуковский делает все возможное, дабы уладить дело миром; 17 ноября Пушкин забирает назад свой вызов, так как Дантес сватается к Екатерине Гончаровой, что ему давно следовало сделать, ибо к этому времени она находилась на пятом месяце беременности. Они поженились 10 января 1837 г.; 24 января у Пушкина состоялась таинственная беседа с царем¹⁶. В последовавшие за свадьбой две недели Дантес продолжал при каждом удобном случае оказывать Наталье Пушкиной всевозможные знаки внимания.

26 января Пушкин отправляет оскорбительное письмо голландскому посланнику, обвиняя его в том, что тот «отечески сводничал» своему «незаконнорожденному <...> сыну». Последний эпитет представляется оскорблением абсолютно необоснованным, ибо Геккерен был закоренелым гомосексуалистом, о чем наш поэт прекрасно знал. По своему официальному положению Геккерен не мог вызвать Пушкина на дуэль, зато тотчас же это сделал Дантес.

Секундантом Пушкина был его старый лицейский приятель подполковник Константин Данзас, секундантом Дантеса — виконт Лоран д'Аршиак, атташе французского посольства. Дуэль состоялась в среду 27 января. Сани обоих противников подъехали к так называемой Комендантской даче около четырех часов морозного дня, когда уже начали сгущаться сумерки. Пока секунданты и Дантес вытапывали в снегу дорожку длиной в двадцать ярдов, Пушкин, завернувшись в медвежью шубу, сидел на сугробе и ждал. Секунданты отметили барьер на расстоянии десяти ярдов своими сброшенными шинелями, и дуэль началась. Пушкин сразу сделал пять шагов и подошел к барьеру. Дантес сделал четыре шага и выстрелил. Пушкин повалился на шинель Данзаса, но через несколько секунд приподнялся и, опираясь на руку, заявил, что у него достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел. Его пистолет упал дулом в снег, и ему подали другой. Пушкин не спеша тщательно прицелился в своего противника, которому велел подойти к барьеру. Ударная сила пули, попавшей Дантесу в руку, повалила его, и Пушкин, решив, что убил противника, воскликнул «Браво!» и подбросил в воздух свой пистолет. Пушкина перенесли в двухместную карету, присланную не на шутку встревоженным голландским посланником к месту дуэли (а сам Геккерен пересел в одни из саней).

Позднее Дантес сделал блестящую карьеру во Франции Виктор Гюго в своих «Возмездиях» («*Les Châtiments*»), кн. IV, № VI, прекрасной обличительной речи, состоящей из тридцати звучных александрийских стихов, «Сочинено

* Переговоры (*фр*)

17 июля 1851 г., спускаясь с трибуны» («Ecrit le 17 Juillet 1851, en descendant de la tribune»), дает следующие характеристики членам сената Наполеона III, в том числе и Дантесу (стихи 1—2, 7):

Ces hommes qui mourront, foule abjecte et grossière
Sont de la boue avant d'être de la poussière.

.....
Ils mordent les talons de qui marche en avant*

Крайне любопытно было обнаружить в труде барона Людовика де Во «Стрелки из пистолета» (Ludovic de Vaux, «Les Tireurs de pistolet», Paris, 1883, p. 149—150), что сын Жоржа и Екатерины Геккерен-Дантес, Луи Жозеф Морис Шарль Жорж (1843—1902), стал одним из знаменитейших дуэлянтов своего времени. «Baron Georges de Heeckeren... grand, gros et fort, yeux clairs et barbe blonde», возглавляя в 1860-е гг. борьбу с повстанцами в Мексике, «se prit de querelle» в гостинице в Монтерее «avec un Américain qui mettait les pieds sur la table avant le dessert» и дрался с ним на дуэли «à l'américaine au revolver et lui brisa le bras... Rentré en France il eut un duel à l'épée avec Albert Roge... Tout le monde se rappelle son duel avec le Prince Dolgorouki dans lequel il fracassa l'épaule de son adversaire après avoir subi son feu à dix pas... C'est un charmant viveur... qui compte beaucoup d'amis à Paris et qui le mérite bien»**.

XXX

- 3 *Походкой твердой, тихо, ровно...* — Ритм угрожающего сближения противников, подчеркнутый тяжелым, глухим звучанием эпитетов, удивительным образом предвосхищен в конце первой части более ранней поэмы Пушкина «Кавказский пленник» (1820—1827), где протагонист вспоминает свои предшествующие поединки (стихи 349—352):

Невольник чести беспощадной,
Вблизи видал он свой конец,
На поединках твердый, хладный
Встречая гибельный свинец ..

В 1837 г. «невольник чести» был позаимствован Лермонтовым для его знаменитого стихотворения на смерть Пушкина.

12 <...>

XXXI

- 6 *...глыба снеговая...* — «Глыба» предполагает массу большего объема, чем англ. *lump* («ком»), — нечто среднее между *lump* и *mass* («масса», «куча»).

* Эти смертные, гнусная и грубая толпа, / Сотворены из грязи, а станут пылью. / ... / Они кусают за пятки идущего впереди (фр.).

** «Барон Жорж де Геккерен... высокий, толстый и грузный, со светлыми глазами и русой бородой» «поссорился» «с американцем, который клал перед десертом ноги на стол» «по-американски на револьверах и раздробил ему руку... Возвратившись во Францию, он дрался на дуэли на шпагах с Альбером Роже... Все помнят его дуэль с князем Долгоруким, на которой он раздробил плечо своему противнику после того, как тот стрелял в него с десяти шагов... Это очаровательный прожигатель жизни... у которого много друзей в Париже, он этого заслуживает» (фр.).

Когда у Пушкина в *ЕО* гл. 6, XXXI, 4—6 падение Ленского на роковой дуэли сравнивается с тем, как «медленно по скату гор, / На солнце искрами блистая, / Спадает глыба снеговая», мы вместе с русским автором представляем себе солнечный день русской зимы, но в то же время не можем не вспомнить, что когда в макферсоновском «Фингале», кн. III, Старно убивает Агандеку, она падает «словно снег, что свергается с утесов Ронана». Когда Лермонтов в «Герое нашего времени» (ч. II, «Княжна Мери») сравнивает гору Машук на Северном Кавказе (высота 3258 футов над уровнем моря) с мохнатой персидской шапкой или называет другие невысокие, поросшие лесом горы «кудрявыми», на память приходят многочисленные «косматые горы» из «Поэм Оссиана» (например, в начале поэмы «Дар-тула»). И когда Толстой начинает и заканчивает восхитительную повесть «Хаджи-Мурат» (1896—1898; 1901—1904) изысканным сравнением истерзанного, но не желающего гибнуть кустика репея со смертью чеченского предводителя, мы отмечаем слабое, но неоспоримое влияние повторяющейся у Оссиана фразы «они падали словно головки чертополоха» (см., например, «Суль-мала с Лумона»).

10—14; XXXII, 9—14 Поток отвлеченных образов, которыми завершается строфа XXXI, — *младой певец, безвременный конец, дохнула буря, цвет . увял, потух огонь на алтаре* — есть сознательное соединение традиционных поэтических формул, с помощью которых Пушкин подражает стилю бедного Ленского (ср.: XXI—XXII, последняя элегия Ленского); однако богатое и оригинальное сравнение с опустелым домом, где закрыты ставни, окна забелены мелом и нет хозяйки (в русском языке «душа» — женского рода), завершающее строфу XXXII, — это уже голос Пушкина, образец того, на что способен он сам.

В 1820-х гг. еще ни Шелли, ни Китс не были столь хорошо известны и читаемы во французских переложениях, сколь менее утонченные и легко перефразируемые Макферсон, Байрон и Мур. Когда Пушкин писал шестую главу *ЕО*, он, конечно, не знал «Адониса», стихотворения Шелли, написанного на смерть Китса в июне 1821 г. и опубликованного в том же году. Как и многие другие параллели, разбираемые в моих комментариях, сходство метафорического ряда, связанного со смертью Ленского, и образность «Адониса», VI, 7—9:

The bloom, whose petals, nipped before they blew,
Died .

The broken lily lies — the storm is overpast —

(Цветок, чьи лепестки оборваны до срока,
Погиб ..

Промчался ураган, и сломанная лилия лежит)

легко объясняются логикой литературного развития, основанного на одних и тех же издревле существующих формулах. Однако пушкинский образ опустелого дома в своих деталях более оригинален, чем метафора «ангельской души», «земной гостьей» посетившей «невинную грудь» («Адонис», XVII).

XXXII

1—2 Ср.: Браунинг, «После» (1855), монолог дуэлянта, убившего своего противника:

How he lies in his rights of a man!
Death has done all death can

And, absorbed in the new life he leads,
He reck's not, he heeds
Nor his wrong nor my vengeance, both strike
On his senses alike,
And are lost in the solemn and strange
Surprise of the change

(Как он лежит с правом, данным человеку!
Смерть совершила все, что могла
И, поглощенный своей новой жизнью,
Он не заботится, он не замечает
Ни содеянного им зла, ни моего возмездия,
И то и другое одинаково
Отражается на его чувствах
И теряется в торжественном и странном
Удивлении перед преображением)

8 <...>

9—14 См. коммент. к гл. 6, XXXI, 10—14.

12—14 К 6 января 1827 г. Вяземский прочел шестую главу (привезенную Пушкиным в Москву) и сразу же пришел в восторг. С редким художественным чутьем он восхищался сравнением с покинутым домом (см. его письмо от того же числа Александру Тургеневу и Жуковскому, которые тогда были за границей).

<...>

XXXIII

12 *На благородном расстоянии...* — Ср.: Байрон, «Дон Жуан», IV, XLI, 4—6:

twelve yards off, or so,
A gentlemanly distance, not too near,
If you have got a former friend for foe

(двенадцать ярдов, приблизительно,
Благородное расстояние, не слишком близко,
Если противник — твой бывший друг)

Двенадцать ярдов — это двенадцать шагов (тридцать шесть футов), что составляет три восьмых расстояния, с которого стрелялись Онегин и Ленский. Фактически они находились на расстоянии четырнадцати ярдов друг от друга, когда Онегин выстрелил. На поединках, где защищалась честь семьи, расстояние могло быть значительно меньшим. Так, Рылеев стрелялся с князем Константином Шаховским с расстояния в *три* шага (22 февраля 1824 г.), и их пули столкнулись в воздухе.

Пишо (1823): «C'est une distance honorable...»*

Но не Байрон придумал это выражение. См. глупую комедию Шеридана «Соперники», V, III, где сэр Луций О'Триггер, секундант труса Акра, отмеряет шаги и замечает: «Ну вот, очень хорошее расстояние — настоящее благородное расстояние». (Акр при этом думает: «хорошее расстояние» — это «сорок или

* «Это благородное расстояние» (*фр*).

тридцать восемь ярдов», да еще чтобы дуэлянты не сходились, как это допускалось франко-русским кодексом.)

XXXIV

Варианты

Черновые наброски продолжений в собрании Майкова (ПД, 155):

XXXIVa

- В сраженьи <смелым> быть похвально
Но кто не смел в наш храбрый век —
Всё дерзко бьется, лжет нахально
- 4 Герой, будь прежде человек —
Чувствительность бывала в моде
И в нашей северной природе
Когда горящая картечь
- 8 Главу сорвет у друга с плеч —
Плачь, воин, не стыдись, плачь вольно
И Кесарь слезы проливал
<Когда он> друга <смерть узнал>
- 12 И сам был ранен очень больно
(Не помню где, не помню как)
Он был конечно <не> дурак

10—14 Здесь Пушкину приходят смутные воспоминания об отрывке из «Жизнеописаний» Плутарха (читанных им на французском в переводе Жака Амье), когда Цезарь в Александрии, получив голову Помпея, «ne put retenir ses larmes»* («Vies des hommes illustres»: «César», LIII). Именно около статуи Помпея во время заседания Сената Цезарю был нанесен (Каской) первый удар в шею, после чего совершилось убийство (там же, LXXI), — отсюда упоминание о ранении.

В ПСС, 1949 (с. 612) приводится черновик, где Цезарь и его друг заменены на Кассия и Брута (стихи 10—11):

И Кассий слезы проливал,
Когда он Брута смерть узнал .

Хотя все было наоборот. Отметим эту расплывчатость классических познаний.

XXXIVb

- Но плакать и без раны можно
О друге, если был он мил
Нас не дразнил неосторожно
- 4 И нашим прихотям служил
(Но если Жница роковая

* «Не смог сдержать слезы» (фр.)

- Окровавленная, слепая,
В огне, в дыму — в глазах отца
8 Сразит залетного птенца¹⁾
О страх! о горькое мгно<венье>
О Ст<роганов> когда твой сын
Упал сражен, и ты один.
12 <Забыл ты> <Славу> <и> сраженье
И предал славе ты чужой
Успех ободренный тобой

10 Ст<роганов>; 13 чужой... — Граф Павел Строганов, командовавший дивизией в сражении при Кране близ Лана во Франции 7 марта 1814 г. (по н. ст.), покинул поле битвы, узнав, что его девятнадцатилетний сын Александр обезглавлен пушечным ядром.

«Чужой» — согласно Тынянову (*Лит. насл.*, 1934, т. 16—18, с. 369—370), это пушкинский *bête poire**, граф Воронцов, которому современники приписывали окончательный успех сражения у Лана 9 марта.

XXXIVc

- 1 Как мрачный стон, как гроба холод...

XXXV

- 4 ...сосед... — Это слово кажется здесь неуместным, если не знать, что кроме обозначения такого же помещика, живущего поблизости, оно перекликается с XII, 4 (см. коммент.).
- 10 клад — вероятно, ошибка, следовало бы написать «кладь». «Клад» означает «сокровище», особенно «спрятанное сокровище».
- 12 ..бьются... — Читателю, владеющему двумя языками, следует обратить внимание, что Пушкин использует здесь тот же глагол, что и в гл. 1, XXII, 9 («бьются кони»). Более сильное беспокойство коней в этой драматической сцене требует и более экспрессивного английского глагола.

XXXVI

- 13 ...призрак... — В специальном пушкинском выпуске (1937) русскоязычного периодического издания «Иллюстрированная Россия» (Париж) Гофман публикует факсимиле одного из немногих сохранившихся автографов шестой главы (с. 30 и 31) — страницу рукописи, принадлежащую русской даме Ольге Купрович (Виипури, Финляндия) и представляющую собой окончательный черновик или исправленную беловую рукопись гл. 6, XXXVI—XXXVII. Изменения несущественны, за исключением XXXVI, 13, где отчетливо написано слово «признак», которым следует заменить «призрак», появившийся, по справедливому замечанию Гофмана, вследствие опечатки в изданиях 1828, 1833 и 1837 гг. Ср.: «Раз-

* Предмет ненависти (*фр.*).

говор книгопродавца с поэтом): «признак Бога, вдохновенье» (см. Комментарий, «Отвергнутые предисловия») ¹⁷.

XXXVII

12 <...>

13 *домчится* — глагол соединяет в себе две идеи — быстрое движение вперед и достижение цели.

XXXVIII

Эта строфа известна лишь по публикации Грота (см. коммент. к XV—XVI):

Исполня жизнь свою отравой,
Не сделав многого добра,
Увы, он мог бессмертной славой
4 Газет наполнить номера
Уча людей, мороча братий
При громе плесков иль проклятии,
Он совершить мог грозный путь,
8 Дабы последний раздохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
12 Иль быть повешен, как Рылеев .

Последние две строки, возможно, были опущены Гротом из цензурных соображений.

1—7 Этот образ свидетельствует о пушкинском предвидении, ибо подобные качества были свойственны перевозносимым или ненавидимым журналистам 1850—1870-х гг., таким, как радикалы Чернышевский, Писарев и другие политико-литературные критики гражданской направленности, — тип резкий и жесткий, еще не существовавший в 1826 г., когда писалась эта восхитительная строфа.

12 Кондратий Рылеев (1795—1826) — выдающийся декабрист, присоединившийся к движению в начале 1823 г. и казненный через повешение. Автор очень посредственных «Дум» (1821—1823) — двадцати одного патриотического стихотворения на исторические темы (с одним из них, монологом Бориса Годунова, любопытно перекликается, по крайней мере интонационно, отрывок пушкинской трагедии того же названия, написанной двумя годами позже). Перу Рылеева также принадлежит поэма «Войнаровский», посвященная Украине (Мазепа и т. д.), отдельное издание которой вышло в середине марта 1825 г.

См. также коммент. к гл. 4, XIX, 5.

XL

5—14 Ручей и ветви сосен упрямо продолжают жить даже после смерти своего певца. В первом опубликованном стихотворении (1814) «К другу стихотворцу» Пушкин советовал обходиться без «ручьев, лесов, унылых могил» Но их атмосфера прилипчива.

Следует отметить, как дух Ленского струящимся ручейком проникает во владения Онегина. И онегинский «*idol mio*» — последние произнесенные им в романе слова (в гл. 8, XXXVIII, 13) — в чем-то созвучны «идеалу» Ленского (гл. 6, XXIII, 8), последнему слову, написанному им у нас на глазах. Точно так же «идеал» последней строфы романа заставляет вспомнить прилагательное «идеальный» из посвящения. На протяжении всего романа мы ощущаем тайный сговор слов, перекликающихся друг с другом в разных его частях.

8—9 ...*струйки*. / *Ручья*. — уменьшительное от «струи» в гл. 4, XXXIX, 2, которые вдруг превращаются в «волны» (стих 12), напоминая нам о преобразованиях воды в сне Татьяны (гл. 5, XI, 5—14; XII, 1—2, 13); однако, с другой стороны, «волны» в обоих случаях могут оказаться не более чем попыткой передать французское слово «*ondes*», не имеющее точного эквивалента в русском языке, тогда как, вообще говоря, Пушкин использует слово «ручей» в очень широком смысле, иногда превращая его в обыкновенный синоним «потока».

Обратите также внимание, что выражение «есть место» (стих 5) содержит явную классическую интонацию — *est locus* (например, «*est locus Italiae medio sub montibus altis*»* — «Энеида», VII, 563).

5—14 (см. также XLI, гл. 7, VI—VII) Профессор Чижевский говорит (с. 270): «...эта тема [могила юноши] была использована К. Делавинем [имя которого он пишет К. Delavigne] («*Messenie*»)). Такого поэта не существует, а если речь идет о Казимире Делавине (*Casimir Delavigne*), как запоздало делается предположение в указателе, то ни он, ни кто-либо другой не писали произведения под названием «*Messénie*», если же имеется в виду сборник патриотических элегий Делавиня «*Les Messéniens*» («Мессинские элегии»), то в нем никакие могилы юношей не воспеваются.

14 (см. также XLI, 13; гл. 7, VII, 9, 12) Простота памятника — еще одна традиционная тема в ряду «цветенье — провиденье», «певец — конец». Ср. с романсом, состоящим из четырех элегических четверостиший, Андре Франсуа де Купиньи (1766—1835) «Вертер Шарлотте за час перед смертью» (*A. F. de Coupigny*, «*Werther à Charlotte, une heure avant de mourir*»), ст. III (в «Альманахе Муз», 1801, с. 106):

Vers le soir, près de l'urne ou ma cendre paisible
Dormira sous l'abri d'un simple monument,
Viens rêver quelquefois, que ton âme sensible
Plaigne l'infortuné qui mourut en t'aimant **

Эти строки послужили образцом для элегии Туманского, процитированной мною в коммент. к гл. 6, XXI, 4.

См. также упоминание могилы генерала Марсо в «Чайльд Гарольде» Байрона (III, LVI, 1—2):

Под Кобленцом есть холм, и на вершине
Простая пирамида из камней

* «Есть место в центре Италии, окруженное высокими горами» (*лат*)

** По вечерам возле урны, где мой мирный прах / Будет покоиться под простым памятникком, / Приходи помечтать иногда; пусть твоя чувствительная душа / Пожалеет несчастного, который умер, тебя любя... (*Фр*)

Встречается «памятник простой» и в пушкинской оде 1814 г. «Воспоминания в Царском Селе» (см. коммент. к гл. 8, Ис, 12).

XLI

1—4 Ср.: Мильвуа, «Листопад», первый вариант («La Chute des feuilles», première version):

Mais son amante ne vint pas
Visiter la pierre isolée,
Et le pâtre de la vallée
Troubla seul du bruit de ses pas
Le silence du mausolée*

Батюшков в «Последней весне» (1815) передал конец элегии Мильвуа так:

И Делия не посетила
Пустынный памятник его
Лишь пастырь в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы

Неуклюжее (по-русски) выражение «как... стадо выгонял» вместо «когда...» странно отзывается у Пушкина в гл. 6, ХLI, 1—2 — «как начинает капать / Весенний дождь».

Михаил Милонов в «Падении листьев» (1819; см. коммент. к гл. 6, ХХI, 4) так завершает свою причудливую версию той же темы:

Близ дуба юноши могила,
Но, с скорбию в душе своей,
Подруга к ней не приходила,
Лишь пастырь, гость нагих полей,
Порой вечерняя зарница,
Гоня стада свои с лугов,
Глубокий мир его гробницы
Тревожит шорохом шагов

Чижевский (с. 274), цитируя пять строк французского оригинала, допускает, по меньшей мере, пять ошибок.

Баратынский в своем переложении (1823) пользуется *вторым вариантом* элегии Мильвуа, в котором пастух заменен матерью погибшего юноши (ну а уж в *третьем варианте* они являются оба).

Та же тема вновь подхватывается в следующей главе. После того как выяснилось, что и в Аркадии есть смерть, Ленский остается среди переплетенных между собою символов второстепенной поэзии. Его хоронят у тропинки в пасторальном уединении не только из элегических соображений, но и потому, что самоубийцам, каковыми считала церковь погибших дуэлянтов, было отказано в освященной земле кладбищ.

5 *И горожанка молодая* — Эта молодая горожанка, пастух и жницы представляют собой очень милую стилизацию. Пастух будет продолжать плести свой лапоть

* Но возлюбленная не пришла / К его одинокому камню; / И только деревенский пастух / Тревожит тишину гробницы / Звук своих шагов (фр)

еще и в седьмой главе, а юная амазонка в каком-то смысле превратится в Музу главы восьмой.

8 *Несется по полям*.. — Фр. *parcourt la plaine; les champs, la campagne*.

14 *..нежные глаза* — Увы, английский аналог «tender eyes» ныне погублен созвучием с глаголом «tenderize» («разваривать [мясо]»).

XLII

1 *.. в чистом поле*... — Фр. *dans la campagne*. Карамзин (в 1793 г.) искусственно ввел в употребление оборот «в чистом поле» в смысле *à la campagne, aux champs* (выражение XVII столетия). Сам Пушкин в своем французском переводе одиннадцати русских песен (он использовал «Новое и полное собрание русских песен» Н. Новикова, ч. 1, Москва, 1780) передает «чистое поле» как «la plaine déserte».

XLIII

1—2 Есть что-то привлекательно парадоксальное в том, как автор признается в любви к своему герою, когда тот только что лишил жизни бедного Ленского.

4 *Но мне теперь не до него*. — Доверительная фраза, сочетающая сразу несколько смыслов: что автор не в настроении, что у него нет времени и что он вообще не готов говорить на эту тему. См. также коммент. к гл. 3, XXXV, 6.

5—6 «И, признаться... [автор] / Устал от своей давней возлюбленной Рифмы» — говорит Драйден в блистательном прологе (стихи 7—8) к нелепой трагедии «Ауренг-Зеб» (премьера состоялась весной 1675 г.).

XLIV

5—6 Нужно ли устаревшие или другие необычные русские выражения передавать столь же необычными английскими формулами?

Существительное «молодость» имеет архаическую форму «младость», вышедшую из употребления даже в поэзии. И в *ЕО*, и в других сочинениях Пушкин использует обе формы и их производные («молодой» и «младой»), не различая их, но выбирая наиболее подходящую для заполнения необходимой ячейки размера. Иногда «молодой» (им. пад., ед. ч., м. р. и род. пад., ед. ч., ж. р.) или «молодая» (им. п., ед. ч., ж. р.) низводятся до роли необязательного эпитета с галльской интонацией, как, скажем, *la jeune Olga* (Ольга молодая), хотя мы и без того знаем, что она молода. Английское «youthful», конечно же, не столь архаично, как «младой», и его едва ли следует использовать, покуда нас устраивает «young», но есть в *ЕО* пассажи, в которых «младость» требует употребления «youthhood» или какого-нибудь еще более архаичного слова. Так, когда в гл. 6, XLIV Пушкин оплакивает проходящую молодость и находит рифму, которая никогда бы не пришла в голову поэту нашего времени, поскольку одно из рифмующихся слов уже мертво:

Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где вечная к ним рифма «младость»? —

переводчик не может противостоять искушению и передает это так:

Dreams, dreams! Where is your dulcitude?
Where is (its stock rhyme) juventude?

Можно возразить, что никогда «dulcitude — juventude» не пользовались в английской поэзии такой популярностью, как «сладость — младость» в пушкинскую эпоху, и что, следовательно, эта аналогия натянута. Возможно, разумнее передать рифмующиеся слова как «sweetness» и «youth» и пояснить их коннотации в примечании.

Кокетство с «шалуньей рифмой» (см. XLIII, 6) (фр. *la rime espiègle* или *poissonne*) можно проследить, вернувшись к беспричинно возникшей «розе» из гл. 4, XLII, 3.

7—8 . и вправду наконец / Увял, увял ее [младости] венец? — Так Пушкин отождествляет в ретроспекции тему увядшего цвета жизни Ленского (гл. 2, X, 13—14, гл. 6, XXI, 3—4 и XXXI, 12—13) с душевными излияниями собственной юности. В элегии, начинающейся словами «Я пережил свои желанья», Пушкин, двадцати одного года от роду, писал (стихи 5—8):

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду придет ли мой конец?

(Три четверостишия этой элегии были сочинены 22 февраля 1821 г в Каменке Киевской губернии, и сначала их предполагалось вставить после стиха 55 в поэму «Кавказский пленник», которую наш поэт заканчивал в это время; поэма была завершена на следующий день, а 15 мая того же года во время недолгого пребывания в Одессе к ней был добавлен эпилог.)

14 Ужель мне скоро тридцать лет? — Эта строфа (вместе с XLIII и XLV) написана 10 августа 1827 г. в Михайловском. Нашему поэту было тогда двадцать восемь лет.

Ср.: Бретен, «Любови» («Les Amours»), кн III, Элегия XXII (1785):

La douce illusion ne sied qu'à la jeunesse,
Et déjà l'austère Sagesse
Vient tout bas m'avertir que j'ai vu trente hivers*

Черновики XLIII (2368, л. 24), XLIV (там же) и XLV (л. 24 об.) образуют один из трех дошедших до нас автографов шестой главы (остальные — черновики строфы XXXIVa, b и c [ПД, 155] и окончательный черновик или первая беловая рукопись строф XXXVI—XXXVII из коллекции Купрович) и датированы «10 авг. [1826]» (год указан согласно Томашевскому, Акад. 1937, с 661). См. также коммент. к гл. 6, XLVI, 1—4.

XLV

1 полдень мой — Ср.: Жан Батист Руссо, «Оды», кн. 1, № X (ок. 1695) «tirée du cantique d'Ezéchiàs, Isaïe, chap. 38, verset 9 et suiv. (Ego dixi: in dimidio dierum meorum...**)»:

* Сладкие мечты — удел юности, / И вот уже суровая Мудрость / Тихо предупреждает меня, что я видел тридцать зим (фр.)

** Я сказал себе. в преполовение дней моих. (Лат)

Au midi de mes années
Je touchois à mon couchant ..*

(«В преполовение дней моих» — молитва Езекии, царя Иудейского. — Исаия, 38, 10).

Далее этот образ разрабатывали романтики — ср.: Байрон, «Дон Жуан», X, XXVII, 4—5:

That horrid equinox, that hateful section
Of human years — that half-way house

(Это ужасное равноденствие, эта ненавистная участь,
Человеческой жизни — эта гостиница на полпути)

XLVI

1—4 2 октября 1835 г. в Тригорском Пушкин записал это четверостишие (уже опубликованное в изданиях 1828 и 1833 гг.) вместе с цитатой из Колриджа в красный сафьяновый альбом с золотым тиснением, принадлежавший Анне Вульф, в которую наш поэт был влюблен десятью годами ранее. Он процитировал начало эпиграммы из пяти строк, написанной Колриджем в 1802 г.:

How seldom, friend! a good great man inherits
Honour or wealth with all his worth and pains!

(Как редко, друг, достойный человек получает
Славу и богатство благодаря своим добродетелям и стараниям!)

2 ...сени... — Здесь, так же как в гл. 2, I, 12, имеется в виду тень от деревьев. См. мой коммент. к гл. 6, VII, 9.

Ъ ..угол. — Англ. *corner* или *hole* представляются мне здесь не совсем точными аналогами. В других случаях для передачи уменьшительной формы «уголок» я пользовался словом «поок». См. мой коммент. к гл. 2, I, 2.

Вариант

13—14 В первом издании *ЕО* шестая глава заканчивалась словами (см. пушкинское примечание 40):

Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов,

XLVII

Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных и скучных,
4 Тупых, привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопов добровольных,
Среди вседневных, модных сцен,

* В преполовение дней моих / Я достиг своего заката .. (Фр)

- 8 Учтивых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
12 Расчетов, дум и разговоров,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья

11—12 *Среди досадной пустоты / Расчетов, дум и разговоров..* — В 1828 г. в экземпляре отдельного издания шестой главы (переплетенной с предшествующими главами) Пушкин своей рукой исправил «дум» на «душ». Поправка мало меняет смысл всего этого довольно бесцветного отрывка (с очень банальным перечнем); более того, оба слова могут быть переданы по-английски одинаково — «mentalities». Пушкина, вероятно, мало заботила эта поправка, так как в строфе, прилагаемой к примечанию в полных изданиях романа 1833 и 1837 гг., восстанавливается первоначальное чтение: «дум».

«Расчеты» означают «оценку», «подведение баланса» «Души», как уже указывалось, — это крепостные крестьяне. Бродский (в комментарии к *ЕО*; с. 250—251) в социологическом угаре выбрасывает запятую между «расчетов» и «душ», придавая последнему слову значение «крепостных душ» (как скот считался по головам, так крепостные по душам) и читает эти строки иначе:

Среди досадной пустоты
Расчетов душ и разговоров —

намекая на то, что Пушкин здесь высмеивает помещиков, занимающихся в высшем свете хозяйскими разговорами, подсчетом, сколько у кого крепостных крестьян, и торгом по поводу цен на них! Конечно же, это полная ерунда — подобные разговоры были совершенно не типичны для высшего света. Кроме того, выражение «расчетов душ» невыносимо коряво и тематически нарушает сбалансированность «досадной пустоты» и неуточненных «разговоров».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Эпиграфы

Первый эпиграф взят из поэмы Дмитриева «Освобождение Москвы» (1795), стихи 11—12.

В начальных строках пушкинской «Вольности», наиболее значительной из русских од (сочиненной в 1817 г.):

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица! —

наш поэт слегка переиначил стихи 3—4 ничтожного «Освобождения Москвы» Дмитриева (1613 г. — конец эпохи Смутного времени, освобождение от поляков и самозванцев, когда князь Дмитрий Пожарский разбил литовцев и первый Романов был избран на царство):

Не шумиы петь хочу забавы,
Не сладости цитерских уз

Поэма Дмитриева (162 стиха, написанных четырехстопным ямбом) печально знаменита, кстати, самым чудовищным во всей русской поэзии нагромождением согласных (стих 14):

Алмазный скиптр в твоих руках

птрвптв!

Второй эпиграф седьмой главы — из «Пиров» Баратынского (1821), стих 52 (см. коммент. к гл. 3, XXX, 1).

Третий же взят из грибоедовского «Горя от ума» (законченного в 1824 г.), I, VII, ядовитый упрек Софьи и находчивая реплика Чацкого (см. коммент. к гл. 6, XI, 12).

По мере чтения комментария к этой главе читателю станет ясно, почему я полагаю, что Пушкин мог бы поставить и четвертый эпиграф — из «Княгини Натальи Долгорукой» Козлова, ч. II, строфа IV:

Москва видна
Уже в очах Иван Великой,
Как жар, венец его горит

«Иван Великий» — название самой высокой колокольни в Москве: «...огромная колокольня Ивана Великого, воздвигнутая в ломбардо-византийском стиле Борисом Годуновым в 1600 году, достигает высоты 271 фута (318 футов вместе с крестом) и имеет множество колоколов, один из которых весит 64 ¹/₃

тонны» (князь Петр Кропоткин и Джон Томас Билби в «The Encyclopaedia Britannica», 11th ed., New York, 1911).

I

1—3 *...вешними лучами. . мутными ручьями* — Ручьи эти текут из литературного, а не из природного источника. Во многих модных западноевропейских стихах того времени мы обнаруживаем подобные ручейки, например у Мура в «Лалла Рук» («Хорасанский пророк под покрывалом» / «The Veiled Prophet of Khorassan», 5th ed., London, 1817, p. 30) «...rills / Let loose in spring-time from the snowy hills» («...ручейки, что весною вырываются на волю с заснеженных холмов») Или более ранние: «Dissolving snows in livid torrents lost» («Тающие снега, теряющиеся в серо-синих потоках») — из «Весны» Томсона, стих 16. Но истинный их источник — Вергилий; ср.: «Георгики», I, 43—44:

Vere novo gelidus capis montibus humor liquitur * —

или подражания ему: «Au retour du printemps, quand du sommet des montagnes qu'elle blanchissait, la neige fondue commence à s'écouler ..»**

4 *На потопленные луга. II, 2 Весна, весна! пора любви!* — Любопытная парафраза «Весны» Баратынского (шесть четырехстопных строф с рифмовкой *abab*, впервые опубликовано в декабре 1822 г., в «Полярной звезде»), стихи 5—10, 28—30.

Земля воздвиглась ото сна

Текут потоками снега,
Опять в горах трубят рога,
Опять зephyры налетели
На обновленные луга

О, если б щедростью богов
Могла ко смертным возвратиться
Пора любви с порой цветов!

10 *...за данью полевой..* — <...> Ср. у Жана Антуана де Баифа (Jean Antoine de Baïf, 1532—1589) в «Развлечениях» («Passetemps», bk. I: *Du Printemps*, st. IX):

Les mépagères avettes

Voletant par les fleurettes
Pour cueillir ce qui leur duit***

Это также результат внимательного прочтения Вергилия, а не собственных наблюдений.

11 *.. из кельи восковой.* — Общее место как в английской, так и во французской поэзии. См., например, у Гэя «Сельские забавы, георгика... мистеру Поупу» (Gay, «Rural Sports, a Georgic... to Mr. Pope», 1713, can. I, 88): «[bees] with sweets

* С приходом весны с оледенелых серых гор влага струится .. (Лат)

** «Ранней весною, когда с горных белых вершин талая вода начинает струиться » (Фр)

*** Хозяйственные домашние пчелы / . / Порхая с цветочка на цветочек, / Чтобы собрать то, что им годится (фр).

the waxen cells distend»* — или у Андре Шенье в «Элегиях», I (ed. Walter; XVI, «Oeuvres posthumes», 1826), «Sa cellule de cire»**; есть и другие примеры.

В своих комментариях к *ЕО* Бродский (с. 253) притягивает за уши некое «фольклорное» произведение, где упоминается «медовая келейка», явно принадлежащее перу какого-то захудалого русского пиита начала XIX в., начитавшегося французских поэтов или их русских эпигонов¹.

13 *Стада шумят...* — Стада и гурты мычат и блеют.

II

Есть некоторые аналогии (возможно, случайные или восходящие к Шатобриану) между строфами II и III и письмами XXII—XXIV из «Обермана» Сенанкура (например, конец письма XXII: «...tout existe en vain devant lui, il vit seul, il est absent dans le monde vivant»***; и XXIV: «...cette volupté de la mélancolie... printemps. ...Saison du bonheur! je vous redoute trop dans mon ardente inquiétude»****).

См. также пассаж из «Замогильных записок» Шатобриана, в главе о его пребывании в Джерси в 1793 г., написанной в 1822 г. («Mémoires d'outre-tombe», ed. Levaillant, pt. I, bk. X, ch. 3): «Ce qui enchante dans l'âge des liaisons devient dans l'âge délaissé un objet de souffrance et de regret. On ne souhaite plus le retour des mois... une belle soirée de la fin d'avril... ces choses qui donnent le besoin et le désir du bonheur, vous tuent»+.

2 См. коммент. к гл. 7, I, 4.

3 ...*темное*... — В других изданиях: *Какое томное волнение*.

5 ...*умилением* (тв. пад.). — Смысл этого слова точно передается только французским «attendrissent», которому английские словари предлагают чудовищное соответствие «inteneration» («разжалобленность», «смягченность»). Но русское слово скорее уж значит «melting mood» («растроганность»), «softheartedness» («мягкосердечность»), «tender emotion» («нежность») и т. п. Оно так же соотносится с «сочувствием», как «прелесть» — с «красотой» или как «увлажнившиеся глаза» — с «глазами, полными слез». См. коммент. к гл. 6, XIV, 9.

Вариант

12—13 В черновике строфы II (собр. Леонида Майкова, ПД 108) один из вариантов (очевидно, стихи 12—13) таков:

Отдайте мне мороз и вьюгу
И зимний долгой мрак ночей

* «[Пчелы] сладостью наполняют кельи восковые» (англ.).

** «Ее восковая келья» (фр.).

*** « Вотще все существует перед ним, он живет один, он далек от живого мира» (фр.).

**** «...Это наслаждение меланхолией... весна. Счастливая пора! Но как страшит она мою смятенную душу» (фр.).

+ «То, что очаровывает в пору любовных связей, становится в пору одиночества предметом страданий и сожалений. Не желаешь больше возвращения прошедших месяцев... чудесного вечера в конце апреля... то, что дает необходимость и желание счастья, убивает вас» (фр.).

III

См. мой коммент. к началу строфы II.

IV

1 *Вот время* — Ср. у Томсона в «Зиме» (1726), стихи 33—35, 39:

Then is the time [fair autumn],
For those, whom wisdom, and whom nature charm,
To steal themselves from the degenerate crowd,

And woo lone quiet, in her silent walks

(Тогда время [золотая осень]
Для тех из мудрецов, кого краса природы
Влечет к себе от развращенных толп,

Манит ту тишину, что одиноко бродит)

1 *...добрые ленивцы* — Фр. *bon paresseux*. «Лень» на языке того времени означала «наслаждение внешним бездействием при сосредоточенной деятельности чувств» (Ходасевич, ок. 1930, цит. по: «Литературные статьи и воспоминания». Нью-Йорк, 1954). К тому же в слове этом есть крупница галльского смысла. Ср. оттенок восхитительной праздности в «Послании» («Épître», V) Грессэ, адресованном отцу Буганту, где автор говорит об «улыбчивой легкости» своих стихов, которыми он заслужил

l'indulgence
Des voluptueux délicats,
Des meilleurs paresseux de France,
Les seuls juges dont je fais cas*

4 *Вы, школы Левшина птенцы* — Изучавшие труды Левшина (а вовсе не «крестьяне», как вообразили себе некоторые русские толкователи¹).

Василий Лёвшин (1746—1826), тульский помещик, плодовитый компилятор, автор более чем восьмидесяти трудов в ста девяноста томах, в том числе разнообразных трагедий и романов, а также всякой всячины, по преимуществу переведенной с немецкого, например «Очарованный лабиринт», восточная повесть в трех частях (1779—1780), и «Жизнь Нельсона» (1807). Я видел его сочинение о водяных, паровых и ветряных мельницах. В 1820-х гг. он был известен как автор многотомных компилятивных трудов по садоводству², а также «Ручной книги сельского хозяйства» (1802—1804).

Сейчас помнят лишь его довольно занятные «Русские сказки», «содержащие древнейшие повествования о славных богатырях [крестьянских рыцарях, силачах], сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывания в памяти приключения» (М., 1780—1783). Это единственное сочинение Левшина, упомянутое в «Истории русской литературы XVIII века» Д. Благого (М., 1945, с. 271—272), мнению которого я доверился, кстати дав именно такое произнесение фамилии обсуждаемого автора.

* Отпущение грехов / Утонченными сластолюбцами, / Лучшими ленивцами Франции, / Единственными судьями, которых я признаю (фр)

- 5 ..*Приамы*... — Приам, последний троянский царь, кроткий старикан, отец более чем пятидесяти детей. В конце жизни его постигли страдания и муки. *Un Priam* обычно означает скорее «*type d'extrême malheur*»*, а не «деревенский старец» или «сельский отец семейства», что, очевидно, в данном случае имел в виду Пушкин, подзабывший источник.
- 14 *Тянитесь*... — Неопределенная форма — *тянуться*. Сложно перевести все оттенки этого слова. В нем сочетаются такие понятия, как «направляться», «растягиваться», «медленно продвигаться длинной чередой». Тот же самый глагол описывает движение каравана гусей в гл. 4, XL, 12.

Вариант

- 4 В черновике читаем (2371, л. 3):

Вы, беззаботные певцы...

V

- 2 В своей коляске *выписной*... — Четырехколесная открытая карета с откидным верхом. <...> Это обычная французская «*calèche*», которую, впрочем, американскому читателю нетрудно спутать с канадской повозкой того же названия, примитивной двухколесной колымагой (описанной, например, в словаре Вебстера (Webster's New International Dictionary, 1957). Более поздняя модификация коляски — *виктория*³.
- 6; VI, 5—6 Навещая могилу Ленского вместе с этой амазонкой, ближайшей родственницей пушкинской Музы, встречаем тот же *décor* в стиле Батюшкова и Мильвуа. Может быть, пушкинисту будет небезынтересно следующее наблюдение.

В одном из лучших своих стихотворений — «Не дай мне Бог сойти с ума...» (1832)⁴ Пушкин намекает на свою осведомленность о безумии Батюшкова. Батюшков в элегии «Последняя весна» (1815), подражающей «Листопаду» Мильвуа (см. коммент. к гл. 6, XLI, 1—4), наградил соловья эпитетом, новым для русской поэзии (стихи 3—4):

И яркий голос Филомелы
Угрюмый бор очаровал...

Пушкин же в своем стихотворении 1833 г. (пять шестистрочных строф с мужскими рифмами *bbcddc*, где *b*, *d* — четырехстопный ямб, а *c* — трехстопный) вторит Батюшкову в последней строфе:

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звои оков.

* «Невероятный неудачник» (*фр.*).

Эпитет «яркий» у обоих поэтов — не более чем обычный галлицизм. См., например, у Дюдуае (Gérard Dudoier, marquis du Doyer de Gastels, 1732—1798) в мадригале, посвященном мадмуазель Долиньи (милой актрисе, а впоследствии своей жене), 1 мая 1769 г. («Almanach des Muses», 1809, p. 35):

...des oiseaux la voix brillante. *

VI

2—3 Ср.: Аддисон, «Зритель» («The Spectator», 1711, N 37, 12 Apr.): «...ручеек, что бежит чрез зеленый луг...»

5—6 См. коммент. к гл. 7, V, 6.

6 ...шиповник... — Дикая европейская роза с душистыми розовыми цветами и мягкими красными плодами, *Rosa cinnamomea*, Linn., бедная деревенская родственница шеститысячного племени садовых роз. Цветет в июне. Бейли в «Справочнике культурных растений» (L. H. Bailey, «Manual of Cultivated Plants», New York, 1948, p. 536) сообщает: «...в прошлом роза садовая, но бурно разросшаяся и одичавшая, произрастающая обычно близ заброшенных построек, вдоль заборов, на кладбищах и по обочинам дорог». Русские же авторы, напротив, считают шиповник предком садовых роз (М. Нейштадт, «Определитель растений». М., 1947—1948, с. 263).

10 *Пришельцу*... — «Пришелец» с грамматической точки зрения означает «тот, кто пришел из иного места», и возможно, Пушкин вольно использует его здесь вместо «прохожий» (*lat. viator*).

VII

2—4 Могила поэта, с венком и лирой, что подвешены над нею на ветвях кладбищенских деревьев, была уже воспета Жуковским в знаменитой его элегии «Певец» (1811). Она состоит из шести строф, по восемь стихов каждая, с рифмовкой *abbaccc*. Метрика ее необычна; она была новинкою для русской просодии: в каждой строфе за четырьмя пятистопными ямбическими стихами следуют три четырехстопных ямбических стиха, а заключительный стих — двухстопный дактиль (стихи 41—48):

И нет певца... Его не слышно лиры...
Его следы исчезли в сих местах;
И скорбно все в долине, на холмах,
И все молчит... лишь тихие зефиры,
Колебля вянуший венец,
Порою веют над могилой,
И лира вторит им уныло.
Бедный певец!

Заметим, что *бедным певцом* назван Ленский в гл. 6, XIII, 10: *На встречу бедного певца*, «à la rencontre du pauvre chantre».

9—10, 12 См. коммент. к гл. 6, XL, 14.

* ...Яркий голос птиц... (Фр.)

9—11 Описывая забытую придорожную могилу Ленского в русской Аркадии, Пушкин передает упадок и забвение двумя замечательными анжамбеманами:

Но ныне памятник унылый
Забыв к нему привычный след
Заглох венка на ветви нет.

Переводчик от всей души желал бы в точности сохранить этот покров и аллитерации (протяжное *ны*, ритмичность повтора двух односложных слов на *з*), но ему приходится довольствоваться следующим:

But now the drear memorial is
forgot The wonted trail to it,
weed-choked No wreath is on the bough

Заглох точнейшим образом переводится как «weed-choked»*, но, строго говоря, в этом *заглох* не появляется никакого русского эквивалента английскому «weed»**. Это не имело бы особого значения, если бы не одно удивительное обстоятельство, напрямую связанное с английским «weed». Я сильно сомневаюсь, что в те годы, когда писались эти строки (с осени 1827 г. по 19 февраля 1828 г.), Пушкин настолько овладел английским, что смог не только прочесть английскую поэму длиной более чем в две тысячи строк, но и уловить все изящество ее ритма. Как бы там ни было, факт остается фактом — гл. 7, VII, 9—11 *ЕО* обнаруживает разительное сходство, как настроения, так и музыкального настроения, с отрывком из «Белой оленихи из Рильстона» («The White Doe of Rylstone») Вордсворта (сочиненным в 1807—1808 гг., опубликованным в 1815 г.), песнь VII, стихи 1570—1571, 1575—1576:

Pools, terraces, and walks are sown
With weeds, the bowers are overthrown,

.. .
The lordly Mansion of its pride
Is stripped, the ravage hath spread wide

(Пруды, террасы и дорожки заплонили
Сорняки, беседки развалились

Господский замок своей славы
Лишился, опустошение повсюду)

12 .. *под* .. — В издании 1837 г. ошибочно напечатано *над*.

Вариант

1—10 В черновике этой строфы (2368, л. 36, 37):

Кругом его цветет шиповник
Минутный вестник теплых дней
И вьется плющ, могил любовник,
Гремит и свищет соловей —
В тиши пустыни онемелой
И говорят, над урной белой

* «Заросший, задушенный сорняками» (*англ*)

** «Сорняк» (*англ*)

Поутру свежий ветерок
Колеблет иногда венок
На ветвях сосен устарел<ых>
На урне надпись говорит

Согласно Цявловскиому (ПСС 1936, т. 1, с. 757), следующее четверостишие повторяется на одной и той же странице дважды (2368, л. 36, по Томашевскому, Акад. 1937, с. 417):

Кругом его цветет шиповник
Минутных вестник теплых дней
И вьется плюш, могил любвиик,
И свищет ночью соловей

А далее идут семь строк, написанных дактилическим и анапестическим гекзаметром с женскими нерифмованными окончаниями (1827)⁵:

В роше карийской, любезиой ловцам, таится пещера,
Стройные сосны кругом склонились ветвями, и тенью
Вход ее заслонен на воле бродящим в извилах
Плюшем, любвииком скал и расселии С камня на камень
Звоикой струится дугой, пещерное дно затопляя,
Резвый ручей Он, пробив глубокое русло, вьется
Вдаль по роше густой, веселя ее сладким журчаиьем

VIII .

В черновике (2371, л. 4):

<Но> раз вечериею порою
Одна из дев сюда пришла
Казалось — тяжкою тоскою
4 Она встревожена была —
Как бы воливаемая страхом
Она в слезах пред милым прахом
Стояла, голову склонив —
8 И руки с трепетом сложив
Но тут поспешными шагами
Ее настиг молодой улаи
Затянут — статей и румяи
12 Красуясь черными усами
Нагнув широкие плеча
И гордо шпорами звуча

IX

В черновике (2371, л. 4):

Она на воина взглянула,
Горел досадой взор его,
И побледила <и> вздохнула
4 Но не сказала ничего —
И молча Леиского невеста
От сиротеющего места

- 8 С ним удалилась — и с тех пор
Уж не являлась из-за гор
Так равнодушиное забвенье
За гробом настигает нас,
12 Врагов, друзей, любвиц глас
Умолкает — об одио<м> именье
Наследник<ов> ревиивый хор
Заводит непристойный спор

9—14 Следует отметить, что, опустив строфы VIII и IX, Пушкин перенес эти строки в XI, 9—14.

X

1—2 *...изнывая, / Не долго плакала она.* — Обычное для Пушкина построение фразы (вместо того чтобы сказать: «Она не изнывала и не плакала»).

5—8 [*Улан*] *увлек.. успел... умел...* — Трудно с точностью передать в переводе эту аллитерированную череду русских глаголов. <...>

13—14 *С огнем в потупленных очах, / С улыбкой легкой на устах.* — Чудовищная сценка. Далеко же мы ушли от первоначального образа наивной Оленьки, безгрешной прелестницы, резвящейся с юным Владимиром среди древних деревьев родового парка (гл. 2, XXI). Теперь в Ольге, странным образом изменившейся после того кошмарного бала, есть что-то от коварного бесенка. Что должна означать эта *улыбка легкая*? Откуда у девы такой *огонь*? Уж не предположить ли нам — а я считаю, что так и следует сделать, — что улану несладко придется с такою невестой — хитрой нимфой, опасной кокеткой, вроде той, каковою станет жена самого Пушкина пару лет спустя (1831—1837)?

Вот вам пример абсолютно ненаучного комментария.

XI

2 . *глухой* — Этот эпитет можно понять двояко. Когда он относится к местности (глухой край, глухая сторона), то означает «дремучий», «унылый», «мрачный», «отдаленный» и т. п.

9—14 См. коммент. к IX, 9—14.

Вариант

9—14 В одном черновике читаем (2371, л. 4 об.):

По крайией мере из могилы
Не вышла в сей печальиый день
Его ревиующая Теиь
И в поздний час, Гимеиу милый,
Не испугали молодых
Следы явлений гробовых

XII

После предыдущих превосходных строф эта кажется весьма слабой. Как это часто случается у Пушкина, когда он обязан заботиться о сюжете и разворачивать события, которые не представляют для него особого интереса, торопливая немногословность его оборачивается набором разрозненных банальностей и простодушной нескладностью. Ни он и никто другой из его современников-романистов не овладел искусством «перехода», которое тремя десятилетиями позже предстояло отточить Флоберу.

XIII

Строфа XIII (2371, л. 5—5 об.) датирована 19 февраля [1828 г.], о чем свидетельствует надпись в верху черновика (л. 5; год дан согласно Томашевскому, Акад. 1937, с. 661).

- 6 . *родная* . — Здесь есть легкая двусмысленность, поскольку *родная* может означать «дорогая», но основное значение — «родная по крови», а Ольга и была Татьяне родной.

Кстати, эта страстная привязанность к младшей сестре в новинку читателю, который, дойдя до восьмой главы, будет удивляться, почему же Татьяна больше не вспоминает об Ольге.

XV

- 1—2 Пушкин в одной заметке пишет (Болдино, 1830; черновик в МБ 2387 А — тетрадь, сшитая из отдельных листов полицией после смерти поэта, — л. 22; впервые опубликована в 1841 г.)⁶: «Критику 7-й песни в „Северной пчеле“* пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку о жуке. У меня сказано:

Был вечер Небо меркло Воды
Струились тихо Жук жужжал»

Критик [Фаддей Булгарин] радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих».

- 2 *Жук жуужжал*. — Имеется в виду хрущ — жук из семейства скарабейд, европейский майский жук, один из двух видов *Melolontha*, летающий в сумерках с настойчивым жужжанием и тупой целеустремленностью над деревенскими тропинками в мае и июне. Некоторые поэты путают его жужжание, или гудение, с шорохом бражников, на закате дня глухо шумящих над цветами; Шекспир же описывал навозного жука (*Geotrupes* sp.), как видно из цитаты, приведенной ниже. Но почему госпожа Дейч сочла целесообразным превратить жесткокрылое насекомое в прямокрылое (перевожу обратно на русский: «Был слышен стройный хор сверчков»), остается непостижимым, особенно если учесть, что хрущ — неперенный спутник сумерек в английской поэзии. Когда Булгарин иронически

* № 35 от 22 марта 1830 г; см мой коммент к гл. 8, XXXV, 9. (Примеч В. Н)

приветствовал пушкинского жука как нового героя, он был не прав, — на самом деле это герой очень старый.

Уильям Шекспир, «Макбет» (1623), III, II, 42—43:

...и иавозный жук
Еще с жужжаньем сонным не помчится *

Уильям Коллинз, «Ода к вечеру» («Ode to Evening», 1746), стихи 11—14:

Иль там, где Жук гудит
В печальный свой Рожок,
Когда летит над сумеречной тропой,
Мимо Пилигрима, привычного к беззаботному шуму

Томас Грэй, «Элегия, написанная на сельском кладбище» («An Elegy Wrote in a Country Church Yard», 1751), стих 7:

жук вершит гудящий свой полет

Джеймс Макферсон, «Песни в Сельме» («королевская резиденция» Фингала; 1765):

Вечерние мошки на слабых крылах носятся, жужжа, над полями**

Роберт Саути, «К размышлению» («To Contemplation», написано в Бристоле в 1792 г., опубликовано в 1797), стихи 26—28, 31:

Иль уведи меня туда, где средь долины тихой
Извилистый ручей течет в сребристом свете,
И я присяду

...
И стану внимать монотонному жужжанию летящего жука

Крабб (Crabbe) ошибочно переносит «жужжание жука» в «свет и тень» осеннего вечера («The Cathedral-Walk», в кн. «Tales of the Hall», 1819).

Юный Жуковский в своем знаменитом, восхитительно инструментованном переложении элегии Грэя, первом, написанном ямбом (1802), постарался на славу:

Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает

Вторая версия перевода (1839) написана дактилическим гекзаметром и не рифмована:

Жук с усыпительно-тяжким жужжаньем

(Здесь Жуковский явно попадает под влияние Саути.)

Но в переложении Шатобрианом этой элегии, «Сельские могилы» («Les Tombeaux champêtres», London, 1796), *Melolontha grayi* претерпевает следующее изменение:

On n'entend que le bruit de l'insecte incertain***

Конечно, абсолютно неизвестное насекомое; однако в эпоху хорошего вкуса запрещено было употреблять точное, но грубое слово «hanneton»****.

* Перевод с англ. А. Д. Радловой

** Перевод с англ. Ю. Д. Левина.

*** Слышно лишь жужжание неизвестного насекомого (фр.)

**** Майский жук, ветрогон (фр.)

Спустя сорок лет этот великий французский писатель искупил своим великолепным переводом «Paradise Lost»* эту уступку требованиям времени.

8—14; XVI, 1—7 Все это бесстыдно списано с «Княгини Натальи Долгорукой» Козлова (известной уже в 1827 г. и опубликованной в 1828), часть I, стихи 11—32; Пушкин лишь слегка подправил описанную слепым поэтом сцену посещения Натальей ее бывшего дома (стихи 11—13, 24—26, 28—32):

Она идет, и сердце бьется,
Поляна с рошей перед ней,
И вот в село тропинка вьется
.
Но, чем-то вдруг поражена,
Стоит уныла и бледна
В ее очах недоумея...
.
Нейдет в него [в селение], нейдет назад,
«О, если там! А мне таиться
Велит судьба .. быть может нет!
Кому узнать? »

Поэма Козлова, в двух песнях, написана четырехстопным ямбом с вольной рифмовкой и строфами разной длины; в ней рассказывается о несчастьях, скорее готического, нежели славянского толка, преследовавших дочь графа Бориса Шереметева, петровского фельдмаршала. В одной из сцен героине является дух ее супруга, который, объясняя, что он был обезглавлен, снимает, как шляпу, собственную голову.

См. также коммент. к гл. 7, XXIX, 5—7 и XXXII, 13—14.

Как сказано в моих «Заметках о просодии» (см. Приложение II), в строфе XVI, 2—6 наблюдается самая длинная во всем романе череда стихов без скадов (в пределах одной строфы) — очевидно, следствие нечистой совести автора.

13 *. . сердце в ней .* — Поскольку ударение в слове «сердце» падает на первый слог, а в словах *его* и *её* — на второй, «его (её) сердце» не укладывается в русский ямбический или хореический стих. Отсюда неуклюжие *сердце в нем* или *сердце в ней*, которые нередки в *ЕО*.

XVI

14 *. барыню...* — Я подозреваю здесь опечатку: вместо «барыню» должно быть «барышню», англ. *miss*, фр. *la demoiselle*⁷.

XVIII

Рассказ Анисьи (ближайшей родственницы Татьяниной няни), с его несвязицей и перескоками с Евгения на его дядю, относится к крупным творческим удачам нашего поэта. Настоящим хозяином старушки-ключницы, конечно же, был не молодой петербургский фат, а старый барин, что вечно ворчал на нее с 1780 г.⁸

2 *Покойный Ленский ..* — Это, конечно, недопустимая форма в устах крепостной старухи. Она должна была назвать беднягу Ленского по имени и отчеству либо

* «Потерянный рай», поэма Дж. Мильтона.

же сказать: «Красногорский барин». Кроме того, она должна была знать, что пал он от руки ее хозяина.

11 *в дурачки*. — Незатейливая карточная игра, в которую теперь в России играют обычно дети.

13 <...>

XIX

11—14 Тут следует напомнить читателю, что в 1820-х гг. Байрон совершенно обворожил умы и души европейцев. Он был романтическим двойником Наполеона, «роковой личности», которого неведомая сила влекла к недостижимым горизонтам господства над человечеством. Байрон же считался измученной душой, скитающейся в вечных поисках тихой пристани среди непроглядного тумана, как у Лебрена в «При известии о смерти лорда Байрона» (Pierre Lebrun, «En apprenant la mort de Lord Byron», 1824, II, стихи 17—20).

Ainsi, loin des cités, sur les monts, sur les mers,
Cherchant un idéal qui le fuyait sans cesse,
Martyr des maux rêvés plus que des maux soufferts,
Au gré d'une inconstante et sauvage tristesse *

12 *И столбик с куклою чугунной...* — В старину статую называли *кумиром*, а статуэтку — *куклой*, это слово и использует здесь Пушкин. Он уже пользовался им прежде, в стихотворении «Послание к Юдину» (Павел Юдин — его лицейский приятель), написанном летом 1815 г. (стихи 22—26):

Доволен скромною судьбою
И думаю «К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы,
Драгие куклы по углам?»

Вариант

13—14 Черновик (2371, л. 6 об.) уводит нас назад, к гл. I, XXIV.

Хрусталь и бронза и фарфор
И модных шеточек прибор

XXI—XXII

Варианты

В отвергнутом варианте XXI, 10—14 и альтернативном XXII мы знакомимся с альбомом, который Татьяна находит в онегинском кабинете.

* Вдали от городов, в горах, на морях, / В поисках ускользающего идеала, / Жертва скорее воображаемых зол, нежели выстраданных, / По воле непостоянства и безысходного уныния. (Фр)

10—14 Окончание альтернативного варианта XXI в белой рукописи (ПБ 43) таково:

Сперва ей было не до книг
И вдруг открылся между их
Альбом и чтением предалася
Татьяна жадною душой
И ей открылся мир иной

XXII (альтернативная). Этот вариант в белой рукописи (ПБ 43) читается так:

Опрятно по краям окован
Позолоченным серебром,
Он был исписан, изрисован
4 Рукой Онегина кругом
Меж непонятого маранья
Мелькали мысли, замечанья
Портреты, числа, имена
8 Да буквы, тайны письма
Отрывки, письма черновые,
И словом, искренний журнал,
В который душу изливал
12 Онегин в дни свои молодые
Дневник мечтаний и проказ
Кой что я выпишу для вас

Так и Антония в романе Нодье «Сбогар» (1818, см. коммент. к гл. 3, XII, II) после исчезновения Сбогара наталкивается на его записи, часть из которых сделана чернилами, часть — карандашом, а кое-какие — кровью.

«Альбом Онегина» начинается сразу после строфы XXI в черновике (тетрадь 2371), содержащем на листе 7 строфу XXI, а на листе 7 об. — альтернативную XXII (после которой и идет «Альбом»)⁹.

В то время альбомы были в моде. Сравним хотя бы описание альбома Красавчика Бруммеля, сделанное капитаном Джессе («Brummell», vol. 1, ch. II): «Углы и застежки его из чеканного позолоченного серебра, как на старинных молитвенниках, а переплет синего бархату... В нем ни много ни мало двести двадцать шесть стихотворений [тогдашних знаменитостей]... вписанных его собственной рукой».

Альбом Онегина, с обложкой, также укрепленной по краям серебром, более, однако, похож на дневник, чем на простое собрание полюбившихся цитат.

После того как Татьяна поняла — или решила, что поняла, — нечто в натуре Онегина, прочтя альбом или маргиналии в его книгах (строфы XXIII—XXIV), наш поэт сперва собирался оставить ее предаваться грустным размышлениям в пустынном замке, а сам хотел вновь заняться его бывшим обитателем (см. ниже, строфа XXV альтернативная).

Альбом Онегина

В белой рукописи двенадцать частей. Нумерация (без сомнения, предварительная) авторская. Рукопись хранится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ 43)

I

- Меня не любят и клеветуют
В кругу мужчии несносеи я
Девчойки предо мной трепещут
4 Косятся дамы на меня
За что? за то, что разговоры
Принять мы рады за дела
Что вздорным людям важины вздоры
8 Что Глупость ветрена и зла
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет иль смешит —
12 Что ум любя простор — теснит

Заметим, что стихи 6—12 (за исключением одного слова в стихе 7) повторяются в гл. 8, IX, 9—10, 12, 11, 5—8 (именно в таком порядке), но с менее уверенной, скорее, вопросительной интонацией.

II

- Бойтесь вы Графиии -овой —
Сказала им Элиза К
Да, возразил NN суровый
4 Боимся мы Графиии -овой
Как вы бойтесь паука

Варианты

I Черновик (2371, л. 8):

княжины R-овой

Отвергнутые варианты:

- ..Элизы R-овой
- ..старухи K-овой
- . графиии K-овой

Беловая рукопись, отвергнутые варианты (ПБ 43):

- ..старая З К
- старая В К.*

- 3 NN в черновике — [господин] E. K (там же). Но NN — не будущий супруг Татьяны, которого Пушкин еще не вывел на сцену. Русские используют латинское N для обозначения людей или мест неизвестных, как в других языках используется X.

* Это варианты стиха 2, а не 1. (Примеч ред)

III

В Коране мыслей много здравых
Вот например пред каждым сном
Молись — беги путей лукавых,
Чти Бога и не спорь с глупцом

2—4 Эта «цитата» — смутный парафраз строк Корана, который Пушкин знал во французском переложении, — очевидно, относится к отрывку из суры (части) LXXIII о вечерней молитве, где строки 8 и 10, в переводе Ричарда Белла («The Qur'an», Edinburgh, 1937—1939, p. 614), гласят: «И поминай имя Господа твоего и устремись к Нему всем устремлением... И терпи то, что они [неверные] говорят, и беги от них хорошенько»*. В переводе Эдуарда Монте (Edouard Montet, «Le Coran», Paris, 1925, p. 236) последние слова звучат так: «...et éloigne-toi d'eux dans une retraite digne»**.

4 См. последние слова «Памятника» (или «Eregi monumentum»), цитируемые мною в коммент. к гл. 2, XL, варианты 5—8.

IV

Цветок полей, листок дубрав
В ручье Кавказском каменеет
В волненьи жизни так мертвеет
И ветренный и нежный нрав

1—2 Подобный феномен петрификации описан также в стихах 27—28 посмертно опубликованного стихотворения из двенадцати четверостиший (начинающегося словами «Ты прав, мой друг...») — исключительно мелодичного, с байроническим уклоном; в нем Пушкин обращается к Владимиру Раевскому в 1822 г.):

Так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет

Владимир Раевский (1795—1872) — поэт (весьма посредственный) и декабрист (не имевший отношения к семье генерала Николая Раевского).

Дополнительные строки в черновике (2371, л. 8 об.):

Когда бы груз меня гнетущий
Был страсть — [его бы сбросил я]
Так напряженьем воли твердой
Мы страсть безумную смирим
Беду снесем душою гордой
Печаль надеждой усладим
но чем (прзб) утешить
<Тоску, безумную тоску >

V

Шестого был у В на бале
Довольно пусто было в зале —
R C как Ангел хороша

* Перевод И Ю. Крачковского.

** «. И удались от них с достоинством» (фр).

- 4 Какая вольность в обхождении
В улыбке, в томном глаз движении
Какая нега и душа!
Она сказала *Nota bene*
8 Что завтра едет к Селимене

VI

- Вечор сказала мне *R C*
Давно желала я вас видеть
Зачем? — мне говорили все
4 Что я вас буду ненавидеть
За что? — за резкий разговор,
За легкомысленное мненье
О всем, за колкое презренье
8 Ко всем, однако ж это вздор
Вы надо мной смеяться властны
Но вы совсем не так опасны
И знали ль вы до сей поры
Что просто — очень вы добры?

1 *R C* в черновике (2371, л. 9) — *L C* с отвергнутым *S. M.*

VII

- Сокровища родного слова
Заметят важные умы
Для лепетания чужого
4 Безумно пренебрегли мы
Мы любим Муз чужих игрушки
Чужих наречий погремушки
А не читаем книг своих —
8 Да где ж они? — давайте их.
А где мы первые познания
И мысли первые нашли
Где поверяем испытанья
12 Где узнаем судьбу земли
Не в переводах одичалых
Не в сочиненьях запоздалых
Где русский ум и русский дух
Зады твердит и лжет за двух.

Кроме двух измененных слов (в стихах 9 и 11), строфа эта есть зеркальное отражение гл. 3, XXVIa, 1—8 и XXVIb, 1—8.

VIII

- Мороз и солнце! чудный день
Но нашим дамам видно лень
Сойти с крыльца и над Невою
4 Блеснуть холодной красотой —
Сидят — напрасно их манит

Песком усыпанный гранит
Умна восточная система
8 И прав обычай стариков
Они родились для Гарема
Иль для неволи теремов

10 *Терем* был подобием дамского будуара; в допетровской Руси — часть жилища, отведенная женщинам.

IX

[Вчера у В —] оставя пир
R C летела как Зефир
Не внемля жалобам и пеням
4 А мы по лаковым ступеням
Летели шумною толпой
За Одалиской молодой
Последний звук последней речи
8 Я от нее поймать успел
Я черным соболем одел
Ее блистающие плечи
На кудри милой головы
12 Я шаль зеленую накиннул
Я пред Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинул

X

1 *Я вас люблю ..* — единственное, что есть в этой части. Гофман (*П. и его совр.*, 1922, IX, примеч. 181) полагает, что Пушкин собирался вставить сюда некую версию выброшенной строфы XXIIIa из гл. 3 («Но вы, кокетки записные, / Я вас люблю...»).

XI

Сегодня был я ей представлен
Глядел на мужа с полчаса
[Он важен] красит волоса
Он чином от ума избавлен

[XII—XIII]

В черновике (2371, л. 8) обнаруживаются также еще две части, между II и III:

[XII]

Я не люблю княжны S L
[Ее невольное кокетство —]

Она взяла себе за [цель]
Короче было б взять за средство

XIII

Вчера был день довольно [скучный]
[Поутру были у меня]
Чего же так хотелось ей
Сказать ли первые три буквы
К-Л-Ю-Клю возможно ль клюквы!

- 5 Ср. второй эпиграф к отрывку (ок. 1827), который, очевидно, был началом некоей поэмы, действие которой происходило в Италии. Отрывок этот открывается риторическим вопросом в духе Гете. «Кто знает край...»; первый же из двух эпиграфов взят из песни Миньоны, лейтмотива романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795—1796), кн. III, гл. 1.

Второй эпиграф: *По клюкву, по клюкву, / По ягоду, по клюкву* (народная или псевдонародная частушка про сбор клюквы, *Oxycoccus palustris*). Это намек на каприз молодой графини Марии Мусиной-Пушкиной, любительницы вояжей, заявившей в Италии, что более всего она скучает по русской клюкве.

И. Шляпкин, «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина» (СПб, 1903, с. 3), относит к «Альбому» также и следующий набросок:

Конечно, презирать не трудно
Отдельно каждого глупца,
Сердиться так же безрассудно
И на отдельного страмца

Но что чудно —
Всех вместе презирать и трудно —

Их эпиграммы площадные,
Их Бьеврианы занятые

Относительно собрания каламбуров, в связи с которыми упомянута «Бьевриана», см. коммент. к гл. 2, эпиграф.

Эти тринадцать или четырнадцать «частей» — все, что мы имеем от «Альбома Онегина». Теперь же вернемся к основной линии — гл. 7, XXII.

XXII

- 5 *Певца [фр le chantre] Гяура и Жуана* — Поэма Байрона «Гяур» была известна Пушкину с Онегиным в переводе Шастопалли (Chastopalli, 1820). Онегин мог отметить такой, например, пассаж: «Les plus cruelles angoisses de la douleur seraient des plaisirs en comparaison de ce vide effrayant, de ce désert aride d'un coeur dont tous les sentiments sont devenus sans objet»*. (Отделавшись от де Салля, Пишо

* Самые жестокие страдания покажутся удовольствием в сравнении с этой ужасной пустотой, с этой безводной пустыней сердца, все чувства которого стали бесцельны (фр)

заменяет «ce désert»* на «cette solitude»** в издании 1822 г.). Это кошмарное толкование стихов 957—960, где у Байрона:

The keenest pangs the wretched find
Are rapture to the dreary void,
The leafless desert of the mind,
The waste of feelings unemployed

(Чудовищные муки, что иастигли несчастного,
Ничто в сравнении с мрачной пустотой,
Пустыней мертвой духа
И с прозябаньем втуне чувств)

В переводе первых двух песен байроновского «Дон Жуана» (1819), исполненном Шастопалли в 1820 г. (при участии Пишо), Татьяна в июне 1821 г. могла обнаружить следующий отрывок, отмеченный Онегиным: «С'en est fait! jamais mon cœur ne sentira plus descendre sur lui cette fraîche rosée qui retire de tout ce que nous voyons d'aimable, des émotions nobles et nouvelles; trésor semblable à celui que l'abeille porte dans son sein [sic]!»***

По-видимому, это должно означать следующее (I, ССХIV, 1—5):

No more — no more — Oh! never more on me
The freshness of the heart can fall like dew,
Which out of all the lovely things we see
Extracts emotions beautiful and new,
Hived in our bosoms like the bag o'the bee

(Никогда, о, никогда мне на сердце
Не упадет свежесть, подобно росе,
Которая из всего прекрасного, что мы видим,
Рождает чувства красивые и новые,
Накопленные у нас в груди, как в медовом мешке пчелы)

Татьяна могла найти и такие слова: «Les jours de l'amour sont finis pour moi: adieu les charmes des jeunes beautés, de l'hymen... J'ai perdu l'espoir d'une tendresse mutuelle!»****

Очевидно, это соответствует следующему отрывку (I, ССХVI, 1—5):

My days of love are over, me no more
The charms of maid, wife
Can make the fool
.
The credulous hope of mutual minds is o'er .

(Минули дни любви Уж никогда
Очарование ни девушек, ни женщин .
Меня не одурачит .
.
Умчались легковверные надежды иайти родственную душу...)

* «Эта пустыня» (фр).

** «Это уединенное место» (фр)

*** «Кончено! Никогда больше на мое сердце не падет та свежая роса, которая из всего приятного, что мы видим, извлекает благородные и новые чувства, сокровище, подобное тому, что пчела несет в своем чреве» (фр).

**** «Дни любви прошли для меня: прощайте, прелести юных красавиц, супружества Я потерял надежду на взаимную нежность» (фр)

«Дон Жуан» был написан между осенью 1818 и весной 1823 г., и песни его выходили в свет в такой очередности: I и II — 15 июля 1819 г. (эта и последующие даты даются по новому стилю), III, IV и V — 8 августа 1821 г., а остальные — с 15 июля 1823 г. по 26 марта 1824 г. В *ЕО* упомянута, конечно, пишотовская версия «Дон Жуана» («Oeuvres de Lord Byron», 1820, 1823—1824).

В отдельном издании седьмой главы читаем (стих 5):

Певца Манфреда и Жуана .

«Манфред» — драма Байрона, написанная белым стихом (1816—1817, опубл. 1817); переведена Пишо и де Саллем в 1819 г.

6—7 ..еще два-три романа... — Тут один из английских «переводов» (мисс Дейч) сообщает нам: «...два или три романа привозных / В обложках ярких».

Варианты

3—12 В черновиках есть два варианта. Вот первый (2371, л. 17):

Однако ж несколько творений
С собо<й> в дорогу он возил
В сих избранных томах —
Пожалуй <?> вам знакомых
Весьма немиого <вы б> нашли
Юм, Робертсон, Руссо, Мабли
Бар<он> д'Ольбах, Вольтер, Гельвеций,
Лок, Фонтенель, Дидрот, Ламот
Гораций, Кикерон, Лукреций

Второй вариант (2371, л. 68), стихи 3—5:

Лю<бимых> несколько творений
Он по привычке лишь возил —
Мельмот, Реие, Адольф Коистаиа

В отвергнутых черновиках (там же) есть также «Весь В. Скотт» и «Коринну Сталь». Последний роман, конечно, вряд ли удивил бы Татьяну, уже прочитавшую «Дельфину».

Весь этот перечень авторов и их произведений был хорошо известен во французской и английской литературе (см. коммент. к гл. 8, XXXV, 2—6). Но Пушкину было забавно уложить их в ямбические стопы и зарифмовать.

В первом списке есть Дэвид Юм (1711—1776), шотландский философ и историк, и Вильям Робертсон (1721—1793), шотландский историк. Существовало несколько переводов их трудов; например, «История Англии» Юма в переводе Деспре («Histoire d'Angleterre», tr. J. B. D. Després, Paris, 1819—1822) и «История Шотландии» Робертсона в переводе В. Кампенона («Histoire d'Ecosse», tr. V. Campenon, Paris, 1821).

Много переводился и Джон Локк, английский философ (1632—1704); например, его «Опыт о человеческом разуме» («Essay Concerning Human Understanding») вышел во французском переложении П. Коста (P. Coste; Amsterdam, 1700), и т. д.

В списке есть еще Габриэль Бонно, аббат де Мабли, французский публицист (1709—1783); Бернар Ле Бовье де Фонтенель, французский писатель (1657—1757),

и трое французских философов — Поль Анри Тири, барон Гольбах (1723—1789), Дени Дидро (1713—1784) и Клод Адриан Гельвеций (1715—1771).

Но который Ламот? Вряд ли Франсуа де Ламот Ле Вайе. Наименее фантастичными претендентами среди множества Ламотов, серых и посредственных, являются уцелевшие в библиографических обзорах Антуан Гудар де Ла Мотт (1672—1731), литературный критик и драматург, а также Фридрих Гейнрих Карл, барон де Ла Мотт Фуке (1777—1843), немецкий поэт и романист, известный в России по французским переводам. Гудар де Ла Мотт и Фонтенель принадлежали к литературной школе, которая искала в поэзии и требовала от нее *des pensées raisonnables**. В «Oeuvres» (1754) Ла Мотта Онегин мог найти разнообразные статьи, о которых в 1824 г. должны были еще помнить любители литературы, например о правильных элегических и одических формах.

Ла Мотт Фуке — автор романтической повести «Ундина» (1811), по-французски «Ondine», «traduit librement»** неутомимой мадам де Монтолье (Paris, 1822), пересказанной Жуковским («Ундина. Старинная повесть», 1833—1836). Его «Pique-Dame. Berichte aus dem Irrenhause in Briefen. Nach dem Schwedischen»*** (Berlin, 1826), полагаю, была известна Пушкину (во французском или русском переложении), когда он писал свою «Пиковую даму». В один прекрасный день я соберусь и опубликую статью на эту тему¹⁰.

Трое римлян в нашем списке — это поэты Квинт Гораций Флакк (63—8 до н. э.) и Тит Лукреций Кар (ум. 55 до н. э.), а также государственный муж и оратор Марк Туллий Цицерон (106—43 до н. э.). *Кикерон*, вместо обычной русской формы *Цицерон*, кажется мне подозрительным. Следовало бы перепроверить рукопись¹¹.

Во втором списке «Мельмот Скиталец» (1820) — роман Мэтьюрина во французском переводе Козна (см. коммент. к гл. 3, XII, 9).

«Рене» — гениальная повесть крупнейшего французского писателя своего времени Франсуа (Огюста) Рене виконта де Шатобриана (1768—1848; см. коммент. к гл. 1, XXXVIII, 3—4) была придумана, по словам автора, под тем самым вязом в Харроу (Миддлсекс, Англия), где Байрон «s'abandonnait aux caprices de son âge»**** («Замогильные записки» / «Mémoires d'outre-tombes», ed. Levaillant, pt. I, bk. XII, ch. 4). Эта восхитительная повесть, с которой по искусности и *charme velouté*+ мог сравниться лишь сенанкуровский Оберман (1804), увидела свет во втором томе «Гения христианства» («Le Génie du Christianisme», 1802) Шатобриана и в последующих четырех изданиях (1802—1804) была неотъемлемой частью этого тома. Вот внушительный ряд заголовков и подзаголовков:

«Гений христианства, или Поэтическая и нравственная красота христианской религии». Часть вторая. *Поэтика христианства*. Книга IV: *Продолжение о поэзии и ее связи с человеком. Продолжение о страстях*. Рене, Франсуа-Огюста Шатобриана (*Génie du Christianisme, ou Beautés poétiques et morales de la religion chrétienne. Seconde partie. Poétique du Christianisme. Livre IV: Suite de la poésie dans ses rapports avec les hommes. Suite des Passions. René, par François-Auguste de Chateaubriand*).

* Здравомыслие (фр.).

** «Вольно переведенная» (фр.).

*** «Пиковая дама. Донесения в письмах из сумасшедшего дома. Со шведского» (нем.).

**** «Предавался причудам своего века» (фр.).

+ Мягкое очарование (фр.).

В пиратском же издании (Paris, 1802) повесть вышла под названием «Рене, или Следствия страстей» («René, ou les Effets des passions»).

В следующем, авторизованном издании (Paris, 1805) «Рене» печатается вместе с другой повестью — «Атала» (ставшей главой «Гения», впервые опубликована в 1801 г.).

В джунглях Луизианы, сидя под сассафрасовым деревом, Рене, изгнанный за пределы Франции, «un jeune homme entêté de chimères, à qui tout déplaît, et qui s'est soustrait aux charges de la société pour se livrer à d'inutiles rêveries»*, делится с отцом Суэлем воспоминаниями о своем романтическом прошлом**: «Mon humeur étoit impétueuse, mon caractère inégal. ...Chaque automne je revenois au château paternel, situé au milieu des forêts, près d'un lac, dans une province reculée»***.

Ритм и яркость речи восхитительны — сам Флобер не сказал бы лучше.

«Tantôt nous [Рене и его сестра Амели] marchions en silence, prêtant l'oreille au sourd mugissement de l'automne, ou au bruit des feuilles séchées, que nous traînions tristement sous nos pas; tantôt, dans nos jeux innocens, nous poursuivions l'hirondelle dans la prairie, l'arc-en-ciel sur les collines pluvieuses...»**** Путь вниз по склонам этих холмов, скрытых дождевою завесой, ведет напрямик в новый мир художественной прозы.

Меланхоличный и нежный рассказчик после смерти отца бродит под гулками сводами некоего монастыря, где он почти уж собирается укрыться от мира. Но в конце концов он решает отправиться в путешествие: «Je m'en allai m'asseyant sur les débris de Rome et de la Grèce [где еще один путешественник, Чайльд Гарольд, так и не вспомнит о своем предшественнике]... La lune, se levant dans un ciel pur, entre deux urnes cinéraires à moitié brisées, me montrait les pâles tombeaux»+.

Затем мы находим его перед памятником Карлу II в Лондоне. В горах Шотландии он размышляет о героях Морвена. Побывав на Сицилии, он возвращается на родину и находит ее опозоренной и изуродованной революцией: «Traité partout d'esprit romanesque, honteux du rôle que je jouois, dégoûté de plus en plus des choses et des hommes, je pris le parti de me retirer dans un faubourg...»++ Отголосок этой интонации находим в гл. 8 *ЕО*, где повествуется об умонастроениях Онегина после возвращения в Петербург, которые сродни тоске Рене в Париже: «Je me fatiguai de la répétition des mêmes scènes et des mêmes idées. Je me mis à sonder mon coeur, à me demander ce que je désirois. Je ne le savois pas; mais

* «Молодой человек, одурманенный химерами, которому ничто не нравится и который уклоняется от общественных занятий, чтобы предаться бесполезным мечтаниям» (*фр*)

** «René», ed Weil, 1933, p 11, 16—18, 23—25, 37, 40, 51, 59, 67. (*Примеч В Н*)

*** «Я обладал кипучим нравом и непостоянным характером. .. Каждую осень я возвращался в родительский замок, расположенный среди лесов, у озера, в отдаленной провинции» (*фр*)

**** «Мы то шли молча, прислушиваясь к глухому завыванию осени или к шуршанию сухих листьев, которые мы печально ворошили при ходьбе, то в наших невинных играх мы гонялись по лугу за ласточкой или за радугой на дождливых холмах...» (*Фр*)

+ «Я убежден, что сидел на развалинах Рима и Греции. Луна, всходящая на ясном небе, между двумя расколотыми могильными урнами, освещала бледные гробницы» (*фр*)

++ «Повсюду мне приписывали романтическое воображение; стыдясь роли, которую я играл, испытывая все большее отвращение к вещам и людям, я принял решение удалиться в предместье. » (*Фр*)

je crus tout-à-coup que les bois me seroient délicieux. Me voilà soudain résolu d'achever, dans un exil champêtre, une carrière à peine commencée, et dans laquelle j'avois déjà dévoré des siècles»*.

Он собирается покончить с собой, но появляется Амели и спасает его: «...elle tenoit de la femme la timidité et l'amour, et de l'ange la pureté et la mélodie»**. Легкий аромат инцеста окутывает их отношения: «Cher et trop cher René...»***.

Амели уходит от него в монастырь. В ее пылком послании к Рене есть «je ne sais quoi de si triste et de si tendre, que tout mon cœur se fondoit»****. После упоительного посещения имения, где они некогда жили, и описания пострижения Амели (во время которого она признается в своей «criminelle passion»+), Рене отбывает в Америку.

Замечательный роман Константа «Адольф» (написанный в 1807 г., опубликованный в 1816 г.), «рукопись, найденная в бумагах неизвестного и изданная господином Бенжаменом Констаном» (Henri Benjamin Constant de Rebecque, 1767—1830), имелся среди книг Пушкина (издание 1824 г., но Пушкин прочел этот роман раньше). «Адольф» — схематичная, сухая, неизменно мрачная, но весьма притягательная книга. Герой обхаживает, обожает и терзает некую неубедительно польскую даму по имени Элеонора (племянницу героя Руссо Вольмара) сперва на фоне неопределенных германских, а затем еще более неопределенных польских декораций, между 1789 и 1793 гг. Политическая обстановка во Франции того времени (не упоминаемая в книге) помешала автору поместить героев своего чисто психологического романа в знакомую среду, что было бы естественно (впрочем, яркий, детально прорисованный задник был ни к чему — только отвлекал бы внимание). Но условная Польша осталась условностью, а художнику удалось пережитрить историю.

В послесловии к роману, написанном в форме письма, Констан изображает Адольфа человеком, в котором смешались себялюбие и чувствительность, который предвидит приближение зла, но отступает в отчаянии, осознав его неизбежность. По натуре он переменчив — то рыцарь, то подлец. После всхлипов безумной любви на него вдруг накатывает приступ ребяческой жестокости, а потом он снова льет крокодиловы слезы. Какие бы ни угадывались в нем таланты, все они растрачиваются понапрасну или попросту гибнут, когда героем овладевает очередная прихоть или же он отдается на волю неведомым силам, на деле оказывающимся всего лишь метаниями его нервической натуры. «On change de situation, mais... comme on ne se corrige pas en se déplaçant, l'on se trouve seulement avoir ajouté des remords aux regrets et des fautes aux souffrances»++.

* «Повторение одних и тех же сцен, одних и тех же мыслей становилось докучным. Я заглядывал в глубь моей души, спрашивая самого себя, чего же мне нужно. Ответа я не находил, но вдруг мне почудилось, что есть для меня очарование в жизни среди лесов. И вот я внезапно решил удалиться на лоно природы и закончить там странствие, едва начавшееся и уже поглотившее целые столетия» (фр.)

** «От женщины были в ней застенчивость и любовь, от ангела — чистота и гармоничность» (фр.).

*** «Милый, бесконечно милый Рене» (Фр.)

**** «Такая невыразимая печаль и такая нежность, что сердце рвется на части» (фр.)

+ «Преступная страсть» (фр.).

++ «Мы меняем свое положение — но перемена места не исправляет человека, и оказывается, что мы только присовокупляем к сожалениям — угрызения совести, а к страданиям — ошибки» (фр.)

Аналогий с Онегиным немало, и все они очевидные, а потому останавливаться на них смертельно скучно. Замечу только вот что: Адольф едва ли материален. Беззвучный, бесплотный, он лишь фигура без лица в неосязаемом мире. Но как характер, как история болезни, как воплощение душевного разлада он, несомненно, живой, и описание его влюбленности — шедевр по художественной насыщенности. В отличие от Адольфа Онегин (если на минуту принять его за «реальное» лицо) на глазах растекается и распадается, лишь только начинает испытывать чувства, лишь только покидает очерченные его творцом пределы существования в виде яркой пародии и средоточия многочисленных, к делу не относящихся и вневременных материй. С другой стороны, как физическое лицо Онегин по сравнению с серым оттиском Адольфа на редкость объемён; мы знаем его гардероб, его характерные жесты. Он навечно помещен в маленький мир, яркий и полный пушкинских знакомых, пушкинских переживаний, воспоминаний, мелодий и фантазий. В этом отношении Пушкин преодолевает границы французского неоклассицизма, а Констан — нет.

1 января 1830 г. в первом выпуске «Литературной газеты», издававшейся Дельвигом, Орестом Сомовым, Вяземским, Пушкиным и Жуковским (в порядке убывания активности в подготовке издания), наш поэт опубликовал следующую анонимную заметку: «Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенж. Констан. „Адольф“ принадлежит к числу *двух или трех романов,*

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом

Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнаруженный гением лорда Байрона. С нетерпением ожидаем появления сей книги. Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы». (Но этого не произошло. Полевой, влиятельный критик, который десятью годами ранее перевел «Адольфа», правда еще менее удачно, справедливо ругал перевод Вяземского, вышедший весной 1830 г. с посвящением Пушкину, за нескладность и неточность.)

Ни Шатобриан, ни Констан почему-то не заслужили похвалы английской критики. Популярное среди обывателей того времени «Эдинбургское обозрение» писало про «Аталу» Шатобриана (1821, LXIX, p. 178): «Сам предмет, манера изложения и язык его, по нашему мнению, смешны и заумны». А Констан назван (на той же странице) «автором дурной повести под названием „Адольф“».

XXIII

1—2 Вспоминается, что у Шеридана в его знаменитой, но на редкость дурацкой комедии «Соперники» Лидия Лэнгвиш говорит о леди Слаттерн, что та «нарочно

оттачивает себе ногти, чтоб удобнее было делать отметки на полях» (1, 2). Это искусство в наши дни полностью утрачено.

XXV

Данная строфа, а также следующие три отсутствуют в тетради 2371. Ни одной из них в черновиках нет. Следующей в черновике (2371, л. 71 об.) идет строфа XXIX установленной редакции.

- 2 ...слово... — Галлицизм, *le mot de l'énigme**. Ключевое слово, решение¹².
- 8 *крехтя* — деепричастие от *крехтеть* или *кряхтеть*, которое нельзя передать одним английским словом. Смысл его — издавать глубокий грудной звук, нечто среднее между стоном и ворчаньем, знак подавленности или нерешительности.
- 13 *Нейду* [*за него, за вас*]. — Сокращенная форма от «не иду», «не принимаю предложения».

Ср. XXVI, 7 — *пойдет*, «примет предложение».

Альтернативная строфа

Черновик находится в тетради 2371, л. 69. В издании Томашевского 1937 г. (с. 442, XXIVa) приведены отвергнутые строки; но их нет в тексте, опубликованном с его комментариями в ПСС 1949 (с. 543) и 1957 (с. 546) гг., где к тому же один стих читается иначе (Акад. 1937: «Ямщик ударил, засвистал»). Как и в других случаях, я был вынужден придерживаться издания 1937 г. в том, что касалось вымаранных строк, и издания 1949 г. (или 1957 г.) — во всем остальном.

- С ее открытием поздравим
Татьяну милую мою —
И в сторону свой путь и направим
- 4 Чтоб не забыть о ком пою
Убив неопытного друга
Томленье <сельского> досуга
Не мог Онегии <перенести>
- 8 <Решился он в кибитку сесть> —
<Раздался> колокольчик звучный
Ямщик удалый засвистал
И наш Онегин поскакал
- 12 <Искать отраду жизни> скучиной —
По отдаленным стороиам
Куда не зная точно сам

В процессе сочинения седьмой главы Пушкин дважды оказывался на распутье: сперва после строфы XXI, 9, а потом (по возвращении на главную дорогу) после XXIV.

У развилки строфы XXI он увлекся (как мы уже видели) идеей ознакомить Татьяну с петербургским дневником Онегина (наш меланхолический повеса вел его до того, как удалился на покой в деревню в мае 1820 г.). Эта окольная дорога через альтернативную строфу XXII (описание альбома) вывела нас на

* Разгадка (*фр*).

некое плато с альбомными руинами, скудно освещенными луной (на пробу приводятся только четырнадцать частей — около сотни стихов, не организованных в строфы). Идея угасла, не успев разгореться.

Выкинув этот эпизод и отняв у Татьяны петербургский дневник Онегина, Пушкин, несомненно, проявил хороший вкус и избавил Татьяну от бесстыдного любопытства, вряд ли совместимого с ее характером. Ибо между чтением частного письма, нечаянно забытого человеком, одолжившим вам книгу, и чтением схолий на полях ее, приоткрывающих характер владельца, лежит пропасть громадного размера. Впрочем, нельзя не попенять Пушкину на то, что он мог бы и не лишать нас здесь столь живописных страниц, если б дал Татьяне во всей красе ее скромности отворотиться от занимательной находки, позволив, однако, читателю сунуть туда нос за ее спиной.

Возвратившись на прежний путь, Пушкин продолжает повествование (XXI, 10 и далее). Как мы знаем из окончательного текста, Татьяна читает онегинские книги (XXI, 10—14; XXII) и из помет на полях (XXIII) делает более или менее определенные заключения о характере их владельца (XXIV).

После строфы XXIV — опять развилка. Пушкин идет окольным путем на протяжении одной строфы (альтернативной XXV), где он собирается оставить Татьяну предаваться мыслям в опустелом *chateau** и описать внезапный отъезд Онегина из имения (скажем, в феврале или марте 1821 г.). Далее, видимо, остаток седьмой главы был бы посвящен его прибытию в Санкт-Петербург и всплеску патриотических чувств, что повлекли его в путешествие, от которого в тексте осталось, по крайней мере, две трети. Но, сочинив альтернативную строфу XXV, Пушкин вновь переменяет свои планы и воротился на магистральный путь. Он остался с Татьяной (XXV) и в той же строфе занялся темой замужества, ведущей в Москву.

XXVI

6 ...*мелким бесом рассыпался!* — Эта идиома означает: «Он, отчаянный малый, расточал ей лукавые комплименты». Ср.: «*se répandit en compliments*»**.

XXVIII

Внутренний монолог Татьяны можно сравнить с элегией Ленского в гл. 6, XXI—XXII.

5—9; XXXII 11—12 Знакомая интонация. См., например, у Поупа («Зима», четвертая (и последняя) пастораль, 1709, стих 89 и три последующие):

Adieu, ye vales, ye mountains, streams and groves

(Прощайте вы, долины, и вы, горы, ручьи и рощи)

* Замок (*фр.*).

** «Рассыпался в комплиментах» (*фр.*).

XXIX

5—7 Ср. у Козлова, «Княгиня Наталья Долгорукая» (1828), ч. I, строфа XIV, стихи 16, 18—19

С прудом, деревьями, цветами,

Как с незабытыми друзьями,
Опять увиделась она

См. коммент. к гл. 7, XV, 8—14; XVI, 1—7.

Вариант

5—6 Черновик (2371, л. 71 об)

С дубовой рощею, с лугами
Она как с милыми друзьями

XXXI

1—3 *просрочен... упрочен* — Судя по пометке (2382, л. 15 об.; впервые опубликована в кн «Рукою Пушкина», с. 321) на полях черновика стихотворения «Зима» — «Зима Что делать нам в деревне?» (датировано 2 ноября 1829 г.) — Пушкин намеревался изменить порядок строк в этом четверостишии так: 3, 4, 1, 2 — и заменить рифму *просрочен* — *упрочен* на *исправлен* — *объявлен*. Сверху написано слово «ворон» — напоминание о возможной поправке (так никогда и не сделанной) в уже опубликованной гл. 5, XXIV, 7 (см. соответствующий комментарий).

2 *Проходит и* . — В издании Гофмана: *Приходит и*.

14 *осьмнадцать кляч*. — В отвергнутом черновике (2371, л. 72) у Пушкина было «шесть троек» ($6 \times 3 = 18$)

XXXII

11—12 *Простите* — До приезда из Одессы на двухлетнее жительство в Михайловское в августе 1824 г. Пушкин бывал там дважды. летом 1817 г., вскоре после выпуска из Лицея, и летом 1819. Во время первого визита он познакомился с семейством Осиповых, своих тригорских соседей, и 17 августа 1817 г., перед возвращением в Петербург, посвятил им небольшую элегию из шестнадцати стихов, написанную четырехстопным ямбом, которая начинается так (стихи 1—2, 5, 11—12):

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей

Прости, Тригорское

Быть может (сладкое мечтанье!)
Я к вашим возвращусь полям

И конечно, именно в Тригорское, а не в свое Михайловское поэт возвращается в последнем, ретроспективном отступлении в «Путешествии Онегина» (1830).

Ср. также с элегией Ленского в гл. 6, XXI—XXII. Кроме того, см. мой коммент. к гл. 7, XXVIII, 5—9.

13—14 *И слез ручей / У Тани льется из очей.* — Ср. у Козлова, «Княгиня Наталья Долгорукая», ч. II, конец строфы V:

и вдруг у ней
Ручьями слезы из очей

Здесь та же самая рифма: *очей — ручей*¹³.

См. коммент. к гл. 7, XV, 8—14; XVI, 1—7 и XXIX, 5—7

Ср. схожую концовку стихового абзаца в «Эде» (1826) Баратынского, стихи 262—265.

«Ах, где ты, мир души моей?
Куда пойду я за тобою?»
И слезы детские у ней
Невольно льются из очей

XXXIII

4 *Философических таблиц* — Таково окончательное чтение в тетради (2382, л. 107), содержащей черновика «Путешествия Онегина»; оно помечено как «Песнь VII».

Пушкин, очевидно, написал (автографы, по уверению Томашевского, не очень разборчивы) в черновике (2371, л. 72 об) *полистатических*, после того, как вымарал «Dupin сравнительных таблиц» и «геостатических таблиц». Речь о Шарле Дюпене («le Baron Pierre Charles François Dupin, Membre de l'Institut»*, как его именовали, 1784—1873) и его статистических таблицах (на самом деле Пушкин и хотел написать «статистических таблиц», но это было на один слог короче, чем надо).

Вся в отблесках славных своих побед над Наполеоном, Россия, юная и болезненно застенчивая мировая держава, очень интересовалась тем, что писал о ней опасливый Запад. Потому-то и стали популярны дюпеновские «Размышления о могуществе Англии и могуществе России на основе параллели, проведенной между этими державами М. де Прадтом» («Observations sur la puissance de l'Angleterre et sur celle de la Russie au sujet du parallèle établi par M. de Pradt entre ces puissances», Paris, 1824, относительно этой *parallèle*, установленной упомянутым пророком для Америки и России, см. мой коммент. к гл. 4, XLIII, 10). В одной из более поздних своих работ, «Производительные и торговые силы Франции» («Forces productives et commerciales de la France», Paris, 1827, 2 vols), Дюпен обсуждает (vol. 2, p. 284—285n) *routes transversales* и *routes radicales*** во Франции; он пишет: «Espérons que le gouvernement. . complétera notre système de communications transversales. c'est un des moyens les plus efficaces de favoriser le commerce, l'agriculture et l'industrie»*** (см. ниже, сарказм сидящего у

* «Барон Пьер Шарль Франсуа Дюпен, член Института [Французской академии]» (фр)

** Поперечные дороги и магистральные дороги (фр).

*** «Будем надеяться, что правительство расширит нашу систему сообщения по поперечным дорогам. это один из самых эффективных способов, благоприятствующих развитию торговли, сельского хозяйства и промышленности» (фр)

камина Вяземского). В своих таблицах Дюпен сравнивает народонаселение основных европейских государств, включая Россию, и предсказывает (vol. 2, p. 332), что к 1850 г. население Парижа возрастет до 1 460 000 человек. В 1827—1828 гг. Дюпен выпустил еще исследование «Мелкий французский производитель» («Le Petit Producteur français») в шести небольших томиках с «petit tableau des forces productives de la France»* в первом томе.

5—14 Александр I питал чуть ли не болезненную страсть к строительству дорог. При нем их было сооружено великое множество, и либеральная критика от души развлекалась, издеваясь над их изъятиями (см. коммент. к гл. 10, VI, 5).

Ср. пассаж (четверостишие IV, стихи 1—2) из несколько тяжеловесных, но ярких и остроумных «Зимних карикатур» (1828) Вяземского, с подзаголовком «Ухабы, обозы» (опубликовано в литературном альманахе Максимовича «Денница» на 1831 г.; Пушкин расхвалил их в письме к автору от 2 января 1831 г.):

На креслах у огня, не хуже, чем Дюпень,
Движенья сил земных я радуюсь избытку —

но (парафразируя следующие далее строки стихотворения) «проклиная земледелие и торговлю, когда приходится путешествовать по дорогам, разрушенным тяжелым московским обозом, груженным дарами земли».

XXXIV

Стихотворный отрывок в пушкинском примечание 42 взят из стихотворения Вяземского «Станция», опубликованного 4 апреля 1829 г. в литературном альманахе «Подснежник».

Выражение «для проходящих», цитируемое Вяземским («проходящие» — то есть случайные путники, которые могут любоваться придорожными деревьями, но вовсе не обязаны терпеть рытвины), обнаруживается в последней строке басни Дмитриева «Прохожий» («Басни», 5-е изд., М., 1818, кн. 2, ч. III, № 7).

Прохожий (un passant, a passenger) посещает монастырь и пленяется видом, открывающимся с колокольни. «Великолепные картины. Не правда ли?» — восхищенно восклицает он.

«Да! — труженик, вздохнув, отвечивал ему —
Для проходящих»

В основе этой басенки лежит старинный французский анекдот, всплывший в сборниках острот XVIII в. и приписывавшийся различным людям. Одна из версий его появляется в первом издании посмертных «Анекдотических историй» («Historiettes», 1834—1836, ed. by L. J. N. de Monmerqué, J. A. Taschereau, and H. de Châteaugiron, хранивших его в рукописи с 1803 г.), написанных в 1657—1659 гг. одаренным и остроумным Гедеоном Таллеманом де Рео (Gédéon Tallemant des Réaux, 1619—1692; он умер накануне своего семидесятитрехлетия). Имя его Чижевский (с. 278), кстати говоря, не только трижды калечит, но и превращает в синоним пустоты «Анонимные [sic] *Les Historiettes de Tallement [sic] de [sic] Reaux [sic]*» (более того, я предлагаю любому испытать свои силы и попробовать уразуметь смысл ссылки на Генриха IV у того же компилятора на той же

* «Табличка производительных сил Франции» (фр)

странице). Издание, к которому я обращался, — третье (1854—1860), выпущенное в Париже издателями Monmerqué и Paulin. Этот анекдот идет под номером 108 в гл. 477, т. VII (1858), с. 463. Он гласит: «Henry IVe, estant à Cisteaux, disoit: „Ah! que voicy qui est beau! mon Dieu, le bel endroit!“ Un gros moine, à toutes louanges que le Roy donnoit à leur maison, disoit tousjours: *Transeuntibus*. Le Roy y prit garde, et luy demanda ce qu’il vouloit dire: „Je veux dire, Sire, que cela est beau pour les passans, et non pas pour ceux qui y demeurent tousjours“»*.

Рассуждая о происхождении сюжета, Монмерке говорит, что анекдот этот фигурировал и ранее (см. VIII, 2) Я полагаю, что Дмитриев видел его у Мармонтеля в «Опыте о счастье» («Essai sur le bonheur», 1787): «Aussi triste que le chartreux, à qui l’on vantait la beauté du désert qui environnait sa cellule, tu diras: „Oui, cela est beau pour les passans“, *transeuntibus*»**

Мак-Адам и Мак-Ева (в пушкинском примечании 42): «Макадамизация» (модная тема; см., например, «The London Magazine», X, 1824, Oct., p. 350—352) — мощение дорог небольшими камнями и булыжниками. Изобретателем этого способа был некто Джон Л. Мак Адам (1756—1836), шотландский инженер. Убогий каламбур Вяземского обыгрывает женский род слова «зима» (см., например, гл. 7, XXIX, 13—14).

XXXV

- 5 *Автомедоны наши бойки*.. — Автомедон — возница Ахиллеса (героя «Илиады» Гомера).
- 7—8 Сполдинг (1881, с. 271) называет пушкинское примечание 43 «несколько застарелой шуткой» и мрачно добавляет: «Большинство англичан, стоит им заменить верстовые столбы на мильные, а частокол — на кладбищенскую ограду, мгновенно распознают ее американское происхождение».
- 14 Прикинув общую ситуацию и учтя конкретные обстоятельства, приходим к выводу, что самое большое расстояние, которое за неделю могли покрыть Ларины той зимой (январь или февраль 1828 г.) на своих четырех санях и восемнадцати дряхлых клячах, составило бы двести миль (путь, который на почтовых в легких санях с переменной лошадой каждые несколько миль был бы преодолен не более чем за два дня). Это, а также некоторые иные соображения позволяют расположить их имение в двухстах милях западнее Москвы, примерно на полдороге между Москвой и Опочкой (Псковской губернии), неподалеку от имени самого Пушкина. Таким образом, ларинское поместье оказывается где-то в нынешней Калининской области (занимающей северную часть бывшей Смоленской и западную часть бывшей Тверской губернии). Местность эта расположена милях в четырехстах южнее Петербурга, на западе ограничена верховьем Западной Двины, а на востоке — верховьем Волги. Чуть ниже (в XXXVII — Петровский замок; в XXXVIII — Тверская улица) будет сказано, что ларинская

* «Генрих IV, будучи в Сито, сказал: „Боже мой, как здесь прекрасно! Чудесное место!“ Толстый монах на все похвалы короля их обители отвечал „Transeuntibus“ Король насторожился и спросил, что это значит „Я хочу сказать, Сир, что это прекрасное место для проезжих, а не для тех, кто здесь живет всегда“» (фр.)

** «Столь же печальный, как картезианец, которому хвалят красоту пустыни, окружающей его келью, ты скажешь: „Да, это красиво для проходящих“» (фр.)

процессия въезжает в Москву с северо-запада, тем же путем, что и сам Пушкин по возвращении из михайловской ссылки, когда писал предыдущую главу (7 сентября 1826 г.)¹⁴.

Цезарь, который, по словам Гиббона, отмахивал по сто миль в день в наемных колесницах, не смог бы состязаться с русскими ездоками. У императрицы Елизаветы, дочери Петра Великого, в 1750-х гг. был специальный санный экипаж, где кроме всего прочего имелись печка и ломберный столик; впрягая по двенадцать лошадей (которых меняли через каждые несколько миль), она регулярно повторяла рекорд своего отца, тратившего на путешествие по снежной дороге из Петербурга в Москву (486 миль) сорок восемь часов. Спустя лет шестьдесят этот рекорд был побит Александром I, который преодолел сей путь за сорок два часа, а Николай I в декабре 1833 г. домчался до Москвы (согласно записи в дневнике Пушкина) феноменально быстро — за тридцать восемь часов¹⁵.

С другой стороны, зимой могло выпасть столько снега, что путешествие по снежному пути оказывалось не лучше, чем в сезоны слякоти и грязи. Так, Вульф в своем дневнике отмечает, что из-за особенно обильного снегопада он тащился сорок миль на дядюшкиной тройке из Торжка в Малинники (что в Тверской губернии) целый день, с раннего утра до восьми вечера. Тяжелый обоз Лариных, скорее всего, полз еще медленнее¹⁶.

В черновике (2371, л. 73) Пушкин сперва написал «неделю», а затем вычеркнул и исправил на «дней десять».

Бродский (комментарий к *ЕО*, с. 399) дает неверную дату приезда Лариных в Москву. Они прибыли туда в самом начале (а не в самом конце) 1822 г., вскоре после Рождества 1821 г. (см. *XLI*, 13). А к августу 1824 г. Татьяна уже около двух лет была женою князя N (см. гл. 8, *XVIII*, 2).

Вариант

1—6 В черновике (2371, л. 71 об.) видим фальстарт этой строфы:

<Татьяну> все воображая
<Еще> ребенком няня ей
Сулит веселье истощая
Риторику хвалы своей
<Вотще> она велеречиво
Москву описывает живо .

XXXVI

7 . чертогов... — Роскошные парадные залы, величественные здания, дворцы.

12 Москва. . как много в этом звуке . — Ср. с первой строкой одного стихотворения из «Жизни в Лондоне» («Life in London», bk. I, ch. 2) Пирса Игана:

London! thou comprehensive word

(Лондон! ты всеобъемлющее слово)

Вариант

9—14 В черновике (2368, л. 22 об.) читаем:

Москва! как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как сильно в нем отозвалось!
<В изгнанье, в горести, в разлуке,
Москва! как я любил тебя,
Святая родина моя!>

XXXVII

2 *Петровский замок* — Джон Ллойд Стивенс, «Случаи из путешествий по Греции, Турции, России и Польше» (John Lloyd Stephens, «Incidents of Travel in Greece, Turkey, Russia and Poland», 2 vols., New York, 1838, vol. 2, p. 72—73): «Педроски [sic] — место, милое сердцу всякого русского ...Дворец этот являет собой старинное и необычное, но интересное строение из красного кирпича с зеленым куполом и белыми карнизами... Главный променад проходит.. через дубраву с величавыми старыми деревьями».

А вот как описывал Петровский парк в 1845 г. Михаил Дмитриев, второстепенный поэт («Московские элегии», М, 1858, с 40—41):

Весело смотрит на них иаш Петровской готической замок!
Круглые башни, витые трубы, остросводные окна,
Белого камня резные столбы, темно красные стены!
В темной, густой и широкой зелени сосен старинных,
Весел и важеи, он дед между внучат молодых и веселых!

Этот же самый Михаил Дмитриев (1796—1866) был племянником Ивана Дмитриева и пушкинским Зоилом.

4—14 Пожары стали вспыхивать то там, то сям 3/15 сентября 1812 г., когда Наполеон вошел в Москву; 4 сентября он перенес свою резиденцию из горящего Кремля (центр Москвы) в Петровский замок, на западную окраину. На следующий день тучи сгустились. Ночной ливень и дождь 6 сентября затушили бушующее пламя пожаров

XXXVIII

6—14 В этом кумулятивном перечислении образов чуть слышен отголосок сия Татьяны.

9 *Бухарцы*. . — Жители Бухары (<...> российская часть Азии, север Афганистана). Они торговали на московских улицах восточными товарами, к примеру самаркандскими коврами и халатами.

13 *..львы на воротах*. — Гипсовые или чугунные львы, окрашенные в рептильно-зеленый цвет и поставленные (обычно парами) на воротах или перед ними в качестве геральдических символов. В зубах они часто держали чугунные кольца внушительных размеров, впрочем чисто декоративные и никакого отношения к открыванию ворот не имевшие.

У Писемского в романе «Тысяча душ» (нечто вроде «Красного и черного» на русский манер и столь же ничтожное по литературным достоинствам) есть забавный пассаж о подобном львином декоре (ч. IV, гл. 5) «Каждый почти день повеса этот и его лакей садились на воротные столбы, поднимали ноги, брали в рот огромные кольца и, делая какие-то гримасы из носу, представляли довольно похоже львов»

Варианты

6—14 В отвергнутых черновиках (2368, л. 23) в перечень входят «болваны в париках», «цветные вывески», «колонны», «бабы» и «карлы»

XXXIX

Возможно, ложный пропуск, имитирующий прерывание автором потока банальных впечатлений.

XL

3 У Харитонья. — Москвичи обозначали место своего жительства по близости к тому или иному церковному приходу Святой, фигурирующий здесь, был восточным мучеником во времена Диоклетиана (около 303 г.)

Пушкин поселил Лариных в том же «фешенебельном» жилом квартале, где сам он ребенком прожил несколько лет. Приход св. Харитония находился в восточной части Москвы, и поэтому въехавшим через западную заставу Лариным пришлось пересечь весь город.

Пушкин родился (26 мая 1799 г.) в доме Скворцова (не сохранившемся до наших дней) на Немецкой улице (ныне переименованной в улицу Баумана в честь молодца-революционера, убитого в стычке с полицией в 1905 г.) Осень и зима 1799 г. прошли в усадьбе матери, в селе Михайловском Псковской губернии. После недолгого пребывания в Петербурге семья Пушкиных снова поселилась в Москве (1800—1811-м), выезжая лишь на лето в Захарино (или Захарово) — имение, приобретенное в 1804 г. (и проданное в 1811) бабушкой поэта по материнской линии Марией Ганнибал в Звенигородском уезде, милях в двадцати пяти от Москвы. С 1802 по 1807 г. Пушкины жили в доме № 8 по Большому Харитоньевскому переулку¹⁷. В Малом Харитоньевском переулке проживал дядя поэта, Василий Пушкин. Этими сведениями я до некоторой степени обязан господам Левинсону, Миллеру и Чулкову, соавторам «Пушкинской Москвы» (М., 1937), и книге «Москва в жизни и творчестве А. С. Пушкина» Н. Ашукина (М., 1949).

XLI

12 .. у Симеона — Симеоновский переулок в одноименном приходе (см. коммент. к XL, 3) Св. Симеон Столпник Старший (390?—459) — сирийский отшельник, проведший тридцать семь унылых лет на столбе высотой около шестидесяти шести футов и шириною около трех.

- 13 *Меня в сочельник навестил* — Этот сочельник помогает установить дату приезда Татьяны с матерью в Москву (январь или февраль 1822 г.).

Варианты

- 9—10 Черновик (2371, л. 74):

Кузина? помнишь Грандисона
И бал у нас

- 13—14 Отвергнутый черновик (там же).

Сенатор, сына он женил
Меня недавно навестил

XLII

- 1 *А тот*. — «Тот» может здесь означать «последний». Но на самом деле не совсем ясно, то ли тетушка Алина говорит о сыне бывшего поклонника своей кузины, то ли об ином, «том Грандисоне», кто некогда ухаживал за нею, за Алиной.

XLIII

- 11 *Редеет сумрак*. — Английский поэт сказал бы: «Night wanes»* (например, Байрон, «Лара», начало песни II).

XLIV

- 8—14 Совершенно неясно, где и когда вся эта московская родня видала Татьяну в детстве. Можно предположить, что кто-то из них приезжал к Лариным в деревню¹⁸.

- 11 *А я так за уши драла!* — Ср. у Грибоедова в «Горе от ума», действие III, стихи 391—392 (слова старухи Хлестовой)

Я помню, ты детей с ним часто танцевала,
Я за уши его дирала, только мало

XLV

- 3—10 Уже знакомая нам тетушка Алина (офранцуженная уменьшительная форма имени Александра), кузина Полины Лариной, и эта тетушка Елена — старые девы и, возможно, сестры; обе знатного происхождения (возможно, княжны Щербацкие). Лукерья Львовна может быть другой двоюродной бабушкой Татьяны. Любовь Петровна, Иван Петрович и Семен Петрович, очевидно, дети одного отца, а Дмитрий Ларин мог быть их братом. Палагея (или Пелагея) Николавна, возможно, приходилась двоюродной сестрой либо госпоже Лариной, либо ее

* «Ночь идет на убыль» (англ.)

покойному мужу; мосьё Финмуш вполне годится на роль бывшего гувернера Пелагеинных детей.

- 12 . *клуба член исправный* — Возможно, член так называемого Английского клуба в Москве (который на самом деле не был ни «английским», ни, по сути, «клубом»), знаменитого своей прекрасной кухней и игорными столами. В те времена в нем состояло около шестисот членов. Московский Английский клуб не следует путать с петербургским Английским клубом, гораздо более модным, включавшим триста членов и основанным 1 марта 1770 г. неким Корнелиусом Гардинером (которого русские источники именуют *Гарнер*), английским банкиром.

Вариант

- 14 В отдельном издании (1830):

И также важно ловит мух

XLVI

- 2 *Младые грации Москвы..* — Очень мелодичная строка.
- 6 . *жеманной* . — Искренность новичка может производить впечатление притворства.
- 8 *...впрочем* . — Это русское слово с разными смысловыми оттенками («иными словами», «тем не менее», «однако», «кроме того» и т. п.) тождественно фр «d'ailleurs», «au reste» и «par contre».
- 12 *Взбивают кудри ей по моде..* — Московские и петербургские моды точно следовали парижским и лондонским образцам, вот почему здесь уместно будет привести следующий отрывок из книги Виллетт Каннингтон «Английская дамская одежда в девятнадцатом веке» (С. Willett Cunnington, «English Women's Clothing in the Nineteenth Century», London, 1937, p. 95): «На протяжении всего десятилетия [1820—1830] [женская] голова делалась с виду все больше благодаря прическе, увеличивающей ее, особенно в ширину. Волосы, которые прежде свисали колечками по бокам лица [что все еще было модно в 1822 г.], теперь [около 1824 г.] взбивались локонами на висках, и это придавало лицу более округлую форму».

XLVIII

- 1 *вслушаться* . — Сложный для перевода глагол Он подразумевает напряженное слушанье, сосредоточенность на том, что говорится, напряженное внимание.

XLIX

- 1 *Архивны юноши* . — Прозвище, придуманное другом Пушкина Соболевским (как свидетельствует Пушкин в наброске одной критической заметки осенью 1830 г. — МБ, 2387А, л. 22) для его, Соболевского, коллег — молодых людей из хороших семей, пристроенных на необременительную службу в московском

Архиве Коллегии иностранных дел (см. также коммент. к гл. 2, XXX, 13—14). Пушкинисты делали робкие попытки объяснить, почему Пушкин посчитал, что эти юноши именно так воспримут Татьяну. Суть этих объяснений сводилась к следующему: в Архиве нашла себе приют группа литераторов (и среди них князь Одоевский, Шевырев и Веневитинов), блуждавших в потемках чуждой Пушкину германской идеалистической философии (особенно философии Шеллинга, популярной тогда в Москве). Тем не менее в черновике (стихи 1—4) Пушкин заставил архивных юношей с жаром восхищаться «милой девой».

Здесь можно вспомнить также, что умеренный и аккуратный лизоблюд Молчалин из грибоедовского «Горя от ума» тоже числился по архивам (действие III, стих 165), или, как выразился один английский комментатор, «[is] on the rolls of the Records Office»* («Горе от ума», ed. D. F. Costello. Oxford, 1951, p. 177).

Там же трудился и пушкинский Зоил — второстепенный поэт Михаил Дмитриев (см. коммент. к XXXVII, 2).

Служба в архиве была чистой условностью; и молодые люди, не желавшие идти в армию, выбирали именно ее, поскольку из всех гражданских учреждений лишь одна Коллегия иностранных дел (к которой в Москве в то время принадлежали только архивы) считалась в 1820-х гг. достойным местом службы для дворянина.

- 5 *Шут печальный* в черновике (2368, л. 31 об.) заменен на *Московских дам поэт печальный*; есть к тому же и отвергнутые варианты — *поэт печальный и журнальный*, *поэт бульварный*.

Слово «шут» имеет множество значений. Основные семантические разновидности таковы: шут придворный, клоун, полишинель, а также юмористический эвфемизм вместо «черт» или «домовой», откуда и синонимическое употребление его вместо «проказник», «негодник», «мошенник» в разговорной речи пушкинской поры (галлицизм, *le drôle*; см. коммент. к XLIX, 10).

- 10 *В[яземский]*. — В черновике (2368, л. 31 об.) фамилия приведена полностью.

Есть что-то невыразимо милое в этом пушкинском приеме, когда он заставляет своих лучших друзей развлекать его любимых героев. В гл. 1, XVI, 5—6 Каверину поручено дожидаться Онегина в модном петербургском ресторане, а теперь вот в Москве Вяземский является развеять Танину скуку своим изящным разговором, — первая радость с тех пор, как бедняжка покинула родные леса. Некто в парике, очарованный новой знакомой Вяземского, — это, конечно же, еще не князь N, повеса и давний приятель Онегина, а ныне толстый генерал (с ним Татьяна вот-вот познакомится), но уже первая ласточка успеха.

В связи с этим отрывком, опубликованным в «Московском вестнике», Вяземский пишет жене из Петербурга (23 января 1828 г.): «В „Московском вестнике“ есть Москвы описание Пушкина, не совсем ознаменованное талантом его. Как-то вяло и холодно, хотя, разумеется, есть много и милого. Он, шут, и меня туда ввернул».

Критик Надеждин, разбирая главу в «Вестнике Европы» (1830), нашел, что описание это подано в манере «истинно гогартовской».

* «Числится среди служащих Архива» (англ.)

L

Варианты

11—14 В противоположность окончательному тексту, в черновике (2368, л. 32) Татьяна произвела в театре чуть ли не фурор: лорнеты и трубки оборотились на нее. После этой строфы идет фальстарт La (л. 32), стихи 1—3:

Внизу вопросы зашумели
Кто эта с правой стороны
В четвертой ложе ¹⁹

LI

1 *Собрание* — Ф. Ф. Вигель так описывает вид его в начале XIX в. («Записки», М., 1928, т. 1, с. 116): «Чертог в три яруса, весь белый, весь в колоннах, от яркого освещения весь как в огне горящий... и в конце его, на некотором возвышении, улыбающийся всеобщему веселью мраморный лик Екатерины».

С 1810 г. этот клуб (основанный в 1783 г.) носил название *Русское благородное собрание*. Он был также известен как Дворянский клуб или Club de la Noblesse.

13—14 *Спешат явиться... / Блеснуть и улететь.* — Популярная в западной поэзии интонация. Ср. у Мура, «Лалла Рук: Огнепоклонники» («The Fire-Worshippers», 5th ed., London, 1817, p. 184):

To show his plumage for a day
To wondering eyes, and wing away!

(Чтоб мимолетом показать свое оперение
Любопытствующим и упорхнуть!)

Варианты

10—11 В черновике (собр. А. Онегина, ПД 156) читаем:

Пустую голову, корсет,
Крахмальный галстух и лорнет

И отвергнутый стих 11:

Здесь накрахмаленный педаит

LIa

1—4 В продолжающем строфу LI наброске (собр. Майкова, ПД 108) читаем:

Как <живо> колкии Грибоедов
В сатире внуков описал
Как описал Ф<он>в<изин> дедов
<Созвал он всю> Москву на бал.

LII

1 *звезд прелестных*. — Некоторые понимают это выражение как «падшие звезды» («прелестница» — падшая женщина, стало быть «падучая звезда» — «прелестная звезда»), но тут ощущается натяжка.

1—4 звезд / Луна. — Комментаторы углядели здесь пародию на «Элегию к незабвенной» — чудовищный стишок Михаила Яковлева в воейковских «Новостях литературы» (СПб., 1826, кн. 15, с. 149):

И между юных, милых дев
Как между звезд луна сияла

Или еще раньше, в «Тавриде» (1798) Семена Боброва, что цитирует Бродский в комментарии к *ЕО* (1950, с. 274).

О миловидная Зарена!
Все звезды в севере блестящи,
Все дщери севера прекрасны,
Но ты одна средь их луна

2 .. на Москве. — То есть «в Москве». Выражение имеет и второй смысл, ибо его можно понять как «на Москве-реке».

ЛШ

14 являлся — На самом деле в тени этих самых вековых лип Татьяна видала его только раз, но, как мы знаем из гл. 3, конец строфы XV и начало XVI, в ее девичьих грезах Евгений являлся ей неоднократно

Варианты

12—13 Отвергнутый черновик (2368, л. 35), стих 12

В деревню к розам и тюльпанам

Набросок (там же), стих 13:

В прохладу яблочных аллей

Последний стих довольно мерзко отдает фруктовым садом, а вовсе не усадебным парком, с его липами из отвергнутого черновика и окончательного текста.

LIV

12 Там, где еще в мундирах двое — С формальной точки зрения, *еще* вроде бы говорит нам о том, что кроме толстого генерала там стояли еще двое военных; но у меня впечатление, что это *еще* является просто идиоматическим усилением указания, дабы привлечь *большее* внимание к *более* определенному месту в *более* ограниченном пространстве

Вариант

14 Черновик (2371, л. 74 об.):

Кто, старьи этот генерал?

Приятель Онегина, по-видимому, не более чем на десять лет старше его, то есть в 1822 г. ему должно быть лет тридцать семь (см. гл. 8, XVIII, 7 и XXIII, 3—4).

LV

11 *...вкось и вкривь...* — Здесь мы находим семейное сходство с кауперовским определением отступления как приема — «сплошные зигзаги в книге» (Cowper, «Conversation», p. 861).

Варианты

5—6 В черновике (2371, л. 75) «герой» назван «полурусским» (ср. определение Ленского в гл. 2, XII, 5).

9 Отвергнутое чтение (там же):

О Муза Пульчи и Парини.

Итальянские поэты Луиджи Пульчи (1432—1484), автор «Морганте-великана» («Morgante Maggiore», 1481, 1483), известной Пушкину в анонимном французском переложении «История Моргана-великана» («L'Histoire de Morgant le géant». Paris, 1625), и Джузеппе Парини (1729—1799), автор книги «Утро» («Il Mattino», 1763) — сборника шутливых наставлений миланским повесам о том, как им следует проводить время, затем сборника «День» («Il Mezzogiorno», 1765) и т. д., известных Пушкину по «traduction libre»* аббата Жозефа Грийе-Депрада, озаглавленному «Искусство городских развлечений, или Четыре времени суток». («L'Art de s'amuser à la ville, ou les Quatre parties du jour». Paris, 1778).

28 ноября 1830 г. в Болдине Пушкин написал следующую заметку (тетрадь в МБ 2387В, л. 36 и 62), которую он в качестве предисловия собирался предпослать отдельному изданию двух глав — «осьмой» (ныне «Путешествие Онегина») и «девятой» (ныне восьмой), что так и не было реализовано: «У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые конечно не станут ему в глаза бранить его произведение — хотя бы оно того и стоило.

При появлении VII песни Онег<ина> журналы вообще отозвались об ней весьма неблагоклонно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего Романа. После неумеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали 6 частей одного и того же сочинения, странно было мне читать, например, следующий отзыв».

Судя по двум сноскам в той же рукописи, имеется в виду критический обзор Булгарина в «Северной пчеле» от 22 марта 1830 г.; текст его Пушкин не воспроизвел, но я привожу его здесь, как предполагалось Пушкиным²⁰ (для сравнения см. сноску к «Вступлению переводчика»: «Публикация ЕО», № 13,

* «Вольный перевод» (*фр*)

медоточивое примечание Булгарина к строкам о Москве — гл. 7, XXXV—LIII, — которые он напечатал за два года до этого): «Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII *Евгения Онегина*? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия и не прежде уверились, что эта глава VII есть произведение сочинителя *Руслана и Людмилы*, пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII — два маленькие печатные листика — испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже *Евгений Вельский** кажется похожим на дело».

Следующие строки, идущие после «критики», задумывались Пушкиным как сноска: «Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят *Евгения Онегина* ниже *Евгения Вельского*».

Булгарин продолжает: «Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chute complète... Читатели наши спросят, каково же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи *Онегина* увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну, как рассеять горе Тани?
Вот как посадят деву в сани
И повезут из милых мест
В Москву на ярманку невест!
Мать плачется, скучает дочка,
Конец седьмой главе — и точка

Точно так, любезные читатели, все содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни!»

Пушкин хотел дать здесь вторую сноску: «Стихи эти очень хороши, но в них заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем; критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает.

В одном из наших журналов сказано было, что VII глава не могла иметь никакого успеха, ибо Век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (то есть в его заключении). Если Век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, — то поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей стариной Астрономии, Физики, Медицины и Философии состарелись и каждый день заменяются другими — произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно — виновато уж, верно, дарование стихотворца, а не Век, ушедший от него вперед.

Вероятно, критик хотел сказать, что Евгений Онегин и весь его причет уже не новость для публики, и что он надоел и ей, как журналистам.

Как бы то ни было решаюсь еще искутить ее терпение. Вот еще две главы *Евгения Онегина* — последние по крайней мере для печати... Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в

* Анонимный роман в трех главах, написанный онегинской строфой (М., 1828—1829). (Примеч В Н.)

них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу [*Путешествие Онегина*] я хотел бы вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрой, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутливую пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти, — также удерживала меня. Но *Чайльд Гарольд* стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его ни могла у меня родиться»*.

Той же осенью Пушкин написал еще одну заметку в этом же роде (черновик в МБ 2387А, л. 64; впервые опубликована в 1841 г.)²¹: «Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию**. Что есть строфы в *Евгении Онегине*, которые я не мог или не хотел напечатать, этому удивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означается место, где быть им надлежало. Лучше было бы заменять эти строфы другими или переправлять и сплавливать мною сохраненные. Но виноват, на это я слишком ленив. Смиренно сознаюсь также, что в *Дон Жуане* есть 2 выпущенные строфы».

В тексте, переведенном Пишо, пропущено более двух строф, но, видимо, Пушкин имел в виду лишь первую песнь. В первом издании подлинника (1819—1824) были опущены или заменены точками следующие строфы или их фрагменты:

I, XV, упоминание о самоубийстве сэра Самуэля Ромилн; CXXIX, 7—8; CXXX, 7—8 и CXXXI, игра слов по поводу «small-rox»*** и «great»****.

V, LXI, дружба царицы Семирамиды с конем.

XI, LVII, 5—8, литературные занятия преподобного Джорджа Кроули; LVIII, Генри Гарт Милмен.

«Nous ignorons, — говорит Пишо в примеч. 2 к песни I «Дон Жуана» (1823, vol. 6, p. 477) — si ces lacunes doivent être attribuées à l'éditeur anglais, ou à l'auteur lui-même»+. А в примеч. 39 к песни XI, т. VII (1824), с. 383, он развивает эту мысль: «Les points existent dans le texte, ce qu'il est bon de dire depuis que les points sont devenus une spéculation de librairie»++.

Кстати, в песни I «Дон Жуана» пишотовская нумерация строф после CIX (1820 и 1830) отличается от байроновской: отсутствует CX — строфа, оканчивающаяся строками о матери автора. Иначе говоря, у Пишо в I песни 221 строфа, а у Байрона — 222. Я не в силах объяснить, как и отчего это произошло.

* См. мои вводные замечания к «Путешествию Онегина». (Примеч. В Н)

** Булгарин в критическом разборе седьмой главы пишет. «На стр. 13 мы с величайшим наслаждением находим две пропущенные, самим Автором, строфы, а вместо их две прекрасные Римские цифры VIII и IX». (Примеч В Н.)

*** «Оспа» (англ.).

**** «Сифилис» (англ.).

+ «Мы не знаем, следует ли пропуски отнести на счет английского издателя или самого автора» (фр).

++ «Многоточия имеются в тексте, это важно отметить, поскольку употребление многоточия вошло в практику книгоиздания» (фр)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Эпиграф

Начало известных и посредственных стансов Байрона «Прости», написанных в связи с семейными обстоятельствами и впервые опубликованных в лондонском «Соревнователе» («Champion») 14 апреля 1816 г.¹

I

1 *В те дни...* — Интересно отметить, что эта первая строфа (точно так же, как и последующие опущенные строфы; см. Ia, b и e), написанная в конце 1829 г., начинается тем же самым оборотом и содержит в себе ту же интонацию, что и стихотворение Пушкина «Демон» (1823), которое я анализирую в комментарии к гл. 8, XII, 7, где оно упоминается.

1 *...в садах Лицея...* — имеется в виду Александровский Лицей, Lycée de l'Empereur Alexandre I, основанный этим царем 12 августа 1810 г. в Царском Селе (ныне город Пушкин) в двадцати двух верстах от Санкт-Петербурга. В августе 1811 г. Пушкин сдал вступительные экзамены. Лицей открылся 19 октября 1811 г. с первым курсом в тридцать учащихся. Двадцать раз (1817—1836) годовщина этой даты будет благоговейно отмечаться Пушкиным как с друзьями, так и в одиночестве. По современным меркам Лицей представлял собой закрытое учебное заведение для юношей благородного происхождения, программа которого включала три года подготовительной школы и трехгодичный курс средней школы. У каждого из тридцати мальчиков была своя собственная комната. Применение каких бы то ни было телесных наказаний категорически запрещалось, что являлось несомненным прогрессом по сравнению с жестоким обращением, практиковавшимся в лучших школах Англии и континентальной Европы того времени. Именно в Лицее Пушкин начал сочинять стихи. Первым было опубликовано «К другу стихотворцу» в «Вестнике Европы», который издавал Владимир Измайлов (ч. 76, № 13, 4 июля 1814) за подписью «Александр Н.к.ш.п.».

Судя по итоговым оценкам, Пушкин показал «превосходные» успехи в словесности (французской и российской) и фехтовании; «весьма хорошие» в латинской словесности, государственной экономии и финансах; «хорошие» в законе Божиим, логике, нравственной философии и российском гражданском и уголовном праве; сверх того «занимался» историей, географией, статистикой, математикой и немецким языком. 9 июня 1817 г. он был выпущен в чине коллежского секретаря (XIV класса в статской службе) и формально прикоман-

дирован к Министерству иностранных дел². Последующие три года в Петербурге он по большей части вел жизнь повесы, поэта и *frondeur**.

До конца жизни Пушкин сохранил глубокую привязанность к Лицею, который считал своим настоящим домом, и к своим бывшим школьным товарищам. Воспоминания об этом периоде жизни и ежегодные встречи 19 октября запечатлены им в нескольких стихотворениях. Есть что-то символическое в том, что стихотворение, сочиненное им для последней лицейской встречи, осталось незавершенным. Лицейский товарищ Пушкина Кюхельбекер, находясь в ссылке в Акше в Сибири, написал замечательные строки по случаю 19 октября 1838 г.:

Он ныне с нашим Дельвигом пирует,
Он ныне с Грибоедовым моим

Название «лицей» происходит от парижского «*lycée*». В 1781 г. Жан Франсуа Пилатр де Розье (р. 1756) организовал в Париже учебное заведение, названное «Музей» («*Musée*»), где преподавались естественные науки. Затем, после гибели Розье в катастрофе на воздушном шаре, в 1785 г., «Музей» был реорганизован и получил название «Лицей», куда и пригласили Жана Франсуа де Лагарпа преподавать всемирную литературу. Он читал этот курс в течение нескольких лет, а затем издал свой знаменитый учебник (1799—1805) «Лицей, или Курс древней и новой литературы», которым пользовались в Александровском Лицее через восемь лет после смерти автора.

Пушкин в письмах 1831 г. из Царского Села, где он проводил первые месяцы своей супружеской жизни (с конца мая по октябрь) и вносил последнюю правку в *ЕО*, не отказывает себе в удовольствии использовать старое, произносимое на европейский лад название места «Сарское Село» или «Сарско-Село».

- 3 ...*Читал охотно Апулея...* — Луций Апулей, римский писатель II в., автор «Метаморфоз», также известных под названием «Золотой осел», который написан в подражание грекам. Русскому читателю это произведение было известно в основном по безвкусным французским переложениям, как, например, аббата Компена де Сен-Мартена «*Les Métamorphoses, ou l'Ane d'or d'Apulée, tr. Abbé Compaïn de Saint-Martin*» (2 vol., Paris, 1707 и последующие издания), на основе которого Ермил Костров состряпал неуклюжую русскую адаптацию (М., 1780—1781)³. Этот некогда знаменитый роман, повествующий о приключениях рассказчика, превращенного в осла, содержит несколько блистательных эротических образов, но в целом вызывает у сегодняшнего читателя еще большую скуку, чем вызывал Цицерон у Пушкина в 1815 г. или у Монтеня в 1580-м. См. также мой коммент. к гл. 1, XXXIII, 3—4.

I a—f

Пушкин выбросил длинный рассказ о своей юности в Лицее. Мы имеем четыре строфы в белой рукописи (ПБ 21—26), которые я обозначил Ia, Id, Ie, If, и две в черновике (МБ 2382, л. 25 об.), вторая из которых не окончена. Эти две я обозначил Ib (она помечена «1829 24 дек.» и, вероятно, являлась первым отрывком, написанным для этой главы) и Ic. Необходимо отметить, что Ia, 1—4 — это лишь вариант Ib, 1—4а и оба черновика были использованы

* Фрондер (*фр*)

для первых четырех строк окончательного варианта. Отрывки Ia, Id, Ie, If, II и III обозначены номерами с «I» по «VI» в белой рукописи.

Ia

- В те дни когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал
Читал охотно Елисея
4 А Цицерона проклинал
В те дни как я поэме редкой
Не предпочел бы мячик меткой
Считал схоластику за вздор
8 И прыгал в сад через забор
Когда порой бывал прилежен
Порой ленив порой упрям
Порой лукав, порою прям
12 Порой смирей, порой мятежен
Порой печален, молчалив
Порой сердечно говорлив

Ib

- В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал
Читал украдкой Апулея
4 А над Вергилием зевал
Когда ленился и проказил
По кроале <и> в окошко лазил
И забывал Латинской класс
8 Для алых уст и черных <глаз> —
Когда тре<во>жить начинала
Мне сердце смутная (?) печаль
Когда та<инственная> даль
12 Мои мечтанья увлекала
И летом <песни птиц>⁴ для дня
Будили радостно меня

Ic

- Когда французом называли
Меня задорные друзья
Когда педанты предрекали
4 Что ввек повесой буду я
Когда по розовому полю
Резвились и бесились вволю
Когда в тени густых аллей
8 Я слушал клики лебедей
На воды светлые взирая
Или когда среди равнин
.
.
.
12 <Кагульский мрамор навещаю>

Id

- Когда в забвеньи перед классом
Порой терял я взор и слух
И говорить старался басом

Глава восьмая: Ia

- 4 И стриг над губой первый пух
В те дни в те дни когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
- 8 Младую вз<в>олювала кровь
И я тоскуя безнадежно
Томясь обманом пылких снов
Везде искал ее следов,
- 12 Об ней задумывался иежио,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал

Ie

- В те дни — во мгле дубравных сводов
Близ вод текущих в тишине
В углах Лицейских переходов
- 4 Являться Муза стала мне
Моя студенческая келья
Доселе чуждая веселья
Вдруг озарилась — Муза в ней
- 8 Открыла пир своих затей,
Простите хладные Науки!
Простите игры первых лет!
Я изменился, я поэт
- 12 В душе моей едины звуки
Переливаются, живут
В размеры сладкие бегут

If

- Везде со мной, неутомима
Мне Муза пела, пела вновь
(Amorem canat aetas prima)
- 4 Все про любовь да про любовь
Я вторил ей — молодые други,
В освобожденные досуги,
Любили слушать голос мой —
- 8 Они пристрастною душой
Ревнуя к братскому союзу,
Мне первый поднесли венец
Чтоб им украсил их певец
- 12 Свою застенчивую Музу.
О торжество невинных дней!
Твой сладок сон души моей

Ia

- 3 Читал охотно Елисея... — «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771) Василия Майкова (1728—1778) — поэма в духе Скаррона, из пяти песен, насчитывающая 2234 строки, написанных александрийским стихом. Ее второе издание вышло в 1778 г. и было перепечатано в сочинениях Майкова (1809). Известно, что она оказала влияние на поэму дяди Пушкина — Василия Пушкина «Опасный сосед», упомянутую в гл. 5, XXVI, 9 *ЕО*. Герой Майкова — знаменитый в Петербурге извозчик с наемной тройкой лошадей. Он представлен читателю (I, 94) как

«картежник, пьяница, буян, боец кулачный...». Вакх выбирает Елисея себе в союзники, чтобы вести борьбу с торговцами спиртным, заламывающими немислимые цены. Любимое вино Елисея — очный цвет⁵, иначе анисовая водка, которую он пьет пивными кружками (I, 152—155). Не обладая значительными литературными достоинствами, «Елисей» все же содержит ряд превосходных мест, как, например, I, 559 (описание черных усов Гермеса, которые тот образует из своих двух крыльев, приклеив их к верхней губе, чтобы сыграть роль полицейского⁶); эпизод с купцом-старовером, который, произнося вечернюю молитву, кладет «раскольничьи кресты на жирный лоб» (IV, 361); прекрасное осуждение медвежьей травли (V, 239—240): «О утешение! от скуки позевать / Как псы невинного там зверя будут рвать». Юмор поэмы груб, хотя и живописен; например, в песне I, стих 274, Вакх в сафьяновых сапожках летит на крылатых тиграх к престолу пьяного дремлющего Зевса, которого застаёт за тем, что тот пускает «голубей» (сленговое выражение, обозначающее «выпускать газы»).

5—6 Отвергнутая беловая рукопись (ПБ 21—26) содержит следующий вариант:

В те дни когда тетраде черной
Предпочитал я мяч проворный

Здесь упомянуты тетради, которыми Пушкин пользовался в школе; они были переплетены в черную ткань.

6 мячик меткой . — Вероятно, имеется в виду лапта — упрощенный вариант бейсбола; в лапте биты заменяет палка и мяч подают противнику несколько иначе, чем в бейсболе. Отличительной чертой лапты является правило, требующее запятнать противника — маленький, жесткий и неизбежно причиняющий боль мячик ловко кидают в бегущего игрока.

Ив

Эта строфа также помечена «1829 24 дек.» — дата, которая, вероятно, относится и ко времени написания Ic (обе в 2382, л. 25 об.)

Ic

1 ..французом называли .. — Французский язык, усвоенный Пушкиным в детстве от домашних учителей, отличался той же непринужденностью и идиоматичностью и в то же время был столь же шаблонным, как и у большинства русских дворян XIX столетия. Это прозвище юный Пушкин снискал в школе не в силу особенно глубоких познаний в языке, но благодаря своей подвижности и необузданному темпераменту. Ключ к разгадке истинного значения прозвища дается в следующем пояснении, которое было добавлено Пушкиным к своей подписи «Француз» 19 октября 1828 г. в Петербурге во время ежегодной встречи лицейских выпускников. «смесь обезьяны [sic] с тигром»*. Я обнаружил, что Вольтер в «Кандиде» (гл. 22) характеризует Францию как «ce pays où des singes agacent des tigres» (страну, где обезьяны дразнят тигров), а в письме к мадам

* Опубликовано Яковом Гротом в «Русской старине», 1875, XIII, 1, с. 490. (Примеч В Н)

Дюдеффан (21 ноября 1766 г.) использует ту же метафору, разделяя всех французов на передразнивающих обезьян и свирепых тигров.

Адмирал Шишков (который несмотря на свою галлофобию очень хорошо знал французскую литературу: см. коммент. к гл. 8, XIV, 13), сообщая в своей прокламации народу об отступлении Наполеона из Москвы (начало октября 1812 г.), замечает, что даже сами французские писатели определяют природу этой нации как «слияние тигра с обезьяной».

Интересно отметить, что французскую литературу и историю в Лицее Пушкину преподавал один из трех братьев Жана Поля Мара, или Марата (1743—1793), прославленного вождя времен якобинской диктатуры во Франции. Доктор Огюстэн Кабане («Неизвестный Марат» / Augustin Cabanès, «Marat inconnu», Paris, 1891; переработанное издание 1911) уверен, что этим братом, известным в России, куда он эмигрировал в 1780-х под именем «де Будри» (по названию города в Швейцарии), был Анри Мара (р. 1745). Двух других братьев звали Давид (р. 1756), в юности он носил прозвище «le borgne»* (вероятно, он лишился одного глаза), и Жан Пьер (р. 1767). Однако согласно лицейскому некрологу (ум. 23 сентября 1821 г. по ст. ст.) профессора звали Давид Мара («Давид Иванович де Будри»), он родился в Нойштадте в 1756 г. В 1784 г. он был нанят в качестве гувернера для детей Василием Салтыковым, русским дворянином, путешествовавшим за границей**. В многократно публиковавшейся серии шаржей Илличевского на лицейских преподавателей (1816) Будри изображен с двумя глазами (стеклянный глаз не избежал бы внимания школьника), но не выглядит семидесятилетним старцем, каковым к этому времени должен был быть Анри Мара. Вся эта проблема, похоже, требует дополнительного изучения⁷.

1—2 Эти строки содержат восхитительную звенящую аллитерацию:

Когда французом называли
 Меня задорные друзья

5 ...по розовому полю... — Так называемое Champ des Roses в Царскосельском парке, место, где во времена Екатерины II располагался цветник.

12 [Кагульский мрамор навещая] — фр. *le marbre de Cagoul*, упоминание в несколько французском духе мраморного обелиска, установленного в Царскосельском парке Екатериной II в 1771 г. в память о победе русской армии 12 июля предшествовавшего года над турками на реке Кагул в Молдавии. Также упоминается в псевдоклассическом стихотворении Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (см. коммент. к II, 3), написанном в 1814 г., стихи 49—52:

В тени густой угрюмых сосен
 Воздвигся памятник простой
 О сколь он для тебя, Кагульский брег, поносен!
 И славен родине драгой!

Поэтические сокращенные формы трехсложных прилагательных в русском языке («драгой» вместо «дорогой») любопытно сопоставить с поэтическими удлиненными формами английских эпитетов (be-lov-ed).

* «Кривой» (фр.).

** См.: Я. Грот, «Русский архив», 1876, XIV, с. 482 (Примеч В Н)

Id

Эта юная особа вполне убедительно была идентифицирована пушкинистами как Екатерина Бакунина (1795—1869), сестра одного из школьных товарищей Пушкина. В дневниковой записи от 29 ноября 1815 г. юный Пушкин посвящает ей бесцветную элегию (за которой — в 1816 г. — следуют уже гораздо более удачные) и добавляет краткое излияние в прозе: «Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волненьем стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, — сладкая минута!.. Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной!»

If

- 2 «*Amorem canat aetas prima*» — измененная цитата из Секста Проперция (ок. 50—10 гг. до н. э.), «Элегии», кн. II, № 10, стих 7:

aetas prima canat veneres, extrema tumultus .*

Эту строку Пушкин взял эпиграфом к своему первому сборнику стихотворений 1826 г. (28 декабря 1825). *Veneres* (вождеделение) было заменено на *amorem* (любовь). Когда Плетнев принес этот сборник Карамзину, последний воспринял *tumultus* (смятение) как намек на декабрьский мятеж и ужаснулся; но Плетнев объяснил ему, что Пушкин имел в виду «сильные чувства», «смятение души». Проперций же имел в виду «потрясения войны».

II

- 2 <...>

- 3 *Державин* — Гаврила Державин (1743—1816) — первый выдающийся русский поэт. Его прославленная ода «Бог» (1784) с любопытными заимствованиями из Фридриха Готлиба Клопштока (немецкого поэта, 1724—1803, автора «Мессиады», 1748—1773) и Эдварда Юнга (английского поэта, 1683—1765, автора «Ночных размышлений», 1742—1745), как и оды того же периода к Фелице (Екатерине II), а также стихотворения 1790-х гг. «Вельможа» и «Водопад» изобилуют изумительными пассажами, красочными образами и несут на себе отпечаток еще не отточенной гениальности. Он занимался интересными экспериментами с нарушением размера и ассонансами, которые оставили равнодушным следующее поколение — поэтов-ямбофилов пушкинской эпохи. Державин оказал гораздо большее влияние на Тютчева, нежели на Пушкина, чей поэтический язык довольно рано был сформирован Карамзиным, Богдановичем, Дмитриевым, а особенно Батюшковым и Жуковским.

В своих мемуарах (1852) Сергей Аксаков (1791—1859), третьестепенный писатель, значение которого было неимоверно раздуто славянофилами, вспоминает, как в декабре 1815 г. Державин сказал ему, что лицеист Пушкин вырастет во второго Державина. К этому времени с момента события прошло уже почти полвека.

* Юность воспекает вождеделение, зрелость — смятение .. (Лат.)

Пушкин и сам скромно намекает на некий акт преемственности:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил

Однако не юному Пушкину, но Жуковскому адресует старик Державин следующие строки:

Тебе в наследие, Жуковской!
Я ветху лиру отдаю,
А я над бездной гроба скользкой
Уж преклоня чело стою

И не к Державину, а к Жуковскому обращается юный Пушкин в последней строфе своей оды «Воспоминания в Царском Селе» (восторженный перечень исторических ассоциаций в 176 строк, написанный в 1814 г. ямбами различной длины с перекрестной рифмой), пробудившей Державина от старческой дремоты. Но обратимся к запискам самого Пушкина 1830 г (ПСС 1936, V, 461) «Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не позабуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую „Водопад“. Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара. где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы; портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои „Воспоминания в Царском Селе“, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли». Стихи (63—64), относящиеся к Державину, звучат следующим образом:

Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир

Василий Петров (1736—1799) — автор третьесортных од, воспевавших ратную доблесть.

В ноябре или декабре 1815 г. Пушкин сочиняет сатирическое стихотворение «Тень Фонвизина» (впервые опубликовано в 1936 г. во «Временнике», т. 1), где пародирует державинский «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» (стихи 231—240) и далее восклицает (стихи 265—266):

Денис! он вечно будет славеи,
Но, ах, почто так долго жить?

«Денис» — сатирик Фонвизин (см. гл. 1, XVIII, 3 и коммент.), а «он» — старик Державин, «благословивший» нашего юного поэта годом раньше.

5—14 Беловая рукопись содержит десять строк, опущенных в каноническом тексте:

И Дмитрев [sic] не был наш хулитель
 И быта русского хранитель
 Скрижаль оставя, нам внимал
 8 И Музу робкую ласкал —
 И ты, глубоко вдохновенный
 Всего прекрасного певец,
 Ты, идол девственных сердец,
 12 Не ты ль, пристрастьем увлеченный
 Не ты ль мне руку подавал
 И к славе чистой призывал

5 *Дмитрев* — поэтическая элизия фамилии Дмитриев. Иван Дмитриев (1760—1837), очень незначительный поэт, скованный в своем творчестве зависимостью от французских *petits poètes**. В основном известен своей песней «Стонет сизый голубочек», сатирой «Чужой толк» (см. гл. 4, XXXIII, 6 и коммент.) и несколькими баснями (см. коммент. к гл. 7, XXXIV, 1). Единственное его достоинство в том, что он обладал совершенным и чистым русским поэтическим стилем, в то время как национальная муза находилась еще в стадии неуклюжего младенчества. За душой у него было еще меньше, чем у Жуковского и несчастного Батюшкова, да и то, что было, он облекал в слова с гораздо меньшим талантом. Он оставил автобиографию, написанную добротной и ясной прозой.

Веневитинов в письме Шевыреву от 28 января 1827 г. обвиняет Дмитриева в завистничестве и готовности при малейшем удобном случае принизить репутацию Пушкина. Однако в 1818 г. (именно с этим эпизодом связано упоминание в строфе II, 5) в письме А. Тургеневу, датированном 19 сентября, Дмитриев называет юного Пушкина «прекрасным цветком поэзии, который долго не побледнеет»⁸. Впрочем, он критически отнесся к «Руслану и Людмиле»: «Я нахожу в нем очень много блестящей поэзии, легкости в рассказе: но жаль, что часто впадает в бюрлеск, и еще больше жаль, что не поставил в эпиграф известного стиха [Пирона] с легкой переменою: „La mère en défendra la lecture à sa fille“ („Мать запретит читать это своей дочери“))» (письмо Вяземскому от 20 октября 1820)⁹.

Интересная ситуация возникает, когда Пушкин, обращаясь к тому или иному автору, строит поэтическую фразу так, чтобы она пародировала манеру упоминаемого поэта. Однако еще больший интерес представляют те места, в которых пародируемая фраза встречается в русском изложении французского перевода английского автора, так что в результате пушкинская стилизация оказывается троекратно удаленной от первоисточника (что *мы* вынуждены передать на английском языке)! Как следует поступать переводчику в следующей ситуации? Строка о Дмитриеве звучит так:

И Дмитрев не был наш хулитель
 (And Dmitriev was not our detractor .)

* Мелкие поэты (*фр*).

Если же мы обратимся к бесцветному переложению «Послания к доктору Арбатноту» Поупа (1734—1735), написанному Дмитриевым александрийскими двустушиями (1789), мы обнаружим, что второе полустушиие дмитриевской строки 176 стало образчиком для стиха Пушкина. «Конгрев меня хвалил, Свифт не был мой хулигель». Дмитриев, не владевший английским, пользовался французским переводом Поупа (вероятно, Ла Порте), что объясняет галльское обличье Конгрива (которого Дмитриев мысленно рифмует с *grève*). Если мы обратимся к тексту Поупа, то обнаружим, что дмитриевская строка представляет собой парафраз стиха 138 Поупа.

And Congreve lov'd, and Swift endur'd, my Lays

Однако Пушкин в гл. 8, 11, 5 *ЕО* думает не о Поупе или Ла Порте, а о Дмитриеве, и я вынужден признать, что в точном переводе на английский этой строки следует сохранить «detractor» и преодолеть серьезное искушение передать пушкинский стих как

And Dmitriev, too, endured my lays

6—8 ...*быта русского хранитель*... — намек на Николая Карамзина (1766—1826). Пушкин был хорошо с ним знаком в 1818—1820 гг. и ценил его в основном как реформатора языка и историка России¹⁰. Карамзинские «Письма русского путешественника» (1792), рассказ о предпринятом им путешествии по Западной Европе, оказали грандиозное влияние на предшествующее Пушкину поколение. Как романист он — пустое место. Его называли русским Стерном, но чопорная бесцветная проза Карамзина являет полную противоположность насыщенному, чувственному и фантастическому стилю великого английского поэта в прозе. Стерн был известен в России во французских переложениях и подражаниях и почитался сентименталистом, Карамзин же стремился к сентиментализму сознательно. Разделяя с другими русскими и французскими писателями своего времени блаженную нехватку оригинальности, Карамзин не мог сказать ничего, что не было бы подражательным и вторичным. Впрочем, его повесть «Бедная Лиза» (1792) оказалась крайне популярной. У залитого лунным светом пруда легкомысленный дворянин, награжденный комедийным именем Эраст, хотя события развиваются под Москвой, соблазняет юную поселянку Лизу, которая живет в хижине со своей престарелой матерью (каким образом эти больные и абсолютно одряхлевшие старухи слезливых европейских историй умудрялись рожать детей — отдельная проблема). Больше об этой повести сказать нечего, за исключением того, что в ней проступают определенные симпатичные новшества прозаического стиля.

Изящные, очаровательные, но теперь редко вспоминаемые стихотворения Карамзина («Мои безделки», 1794), на которые его друг Дмитриев через год откликнулся, сочинив «И мои безделки», с художественной точки зрения гораздо выше его прозы.

В своем поистине замечательном реформировании русского литературного языка Карамзин искусно избавился от устаревших церковнославянских формул и архаических немецких конструкций (сопоставимых по своей напыщенности, неуклюжести и излишней усложненности с высокопарными латинскими оборотами в западноевропейской литературе более раннего периода). Карамзин отказался от инверсий, тяжеловесных конструкций и чудовищных союзов, ввел более легкий синтаксис, французскую ясность изложения и простоту естественно

звучащих неологизмов, точно отвечающих семантическим целям, как романтическим, так и реалистическим, своего времени, чрезвычайно чуткого к стилю. В долгу у Карамзина навечно остались не только его ближайшие последователи Жуковский и Батюшков, но и эклектичный Пушкин и противившийся карамзинскому влиянию Тютчев. И хотя введенный Карамзиным язык, несомненно, распахнул двери наводненных дворянских гостиных в сад Ланотра с его укрощенными фонтанами и стриженными газонами, верно и то, что через те же французские застекленные двери поверх стриженных деревьев внутрь хлынул здоровый воздух деревенской России. Однако не Карамзин, а Крылов (и вслед за ним Грибоедов) первым превратил разговорный, приземленный русский язык в литературный, окончательно утвердив его в поэтических образцах, возникших после карамзинской реформы.

Здесь неуместно обсуждать значимость исторических концепций Карамзина. Его «История государства Российского» стала откровением для жадных читателей. Первое издание, состоящее из восьми томов, вышло в свет 1 февраля 1818 г., и весь тираж в три тысячи экземпляров был распродан в течение одного месяца. Уже в 1819 г. в Париже начал выходить французский перевод, выполненный двумя французскими профессорами в России — Ст. Тома и А. Жоффре (St. Thomas, A. Jauffret).

Карамзин также является автором одной из лучших русских эпиграмм (31 декабря 1797 г.):

Что наша жизнь? Роман — Кто автор? Аноним.
Читаем по складам, смеемся, плачем спим

А обмениваясь буриме (используя рифмы, предложенные Дмитриевым), Карамзин сделал предсказание на следующий новый 1799 г. (которому предстояло стать годом рождения Пушкина):

Чтоб все сие воспеть, родится вновь — Пиндар

9—14 *И ты, глубоко вдохновенный...* — Имеется в виду Василий Жуковский (1783—1852), друг Пушкина на протяжении всей его жизни, благородный посредник во всех столкновениях нашего поэта с правительством и его благожелательный наставник в вопросах просодии и поэтического языка. Жуковский обладал сильной и изысканной лирой с оригинальным строем, но, к сожалению, у него не было своих тем. Отсюда его непрерывный поиск сюжетов в произведениях немецких и английских поэтов. Его переложения зарубежной поэзии вовсе не переводы, но талантливые, удивительно мелодичные и захватывающие пересказы, тем более завораживающие, если читателю не известен первоисточник. В лучших своих творениях Жуковскому удается передать читателю наслаждение, которое он сам получает от модуляций формируемого им юного языка, переходя от одного стихотворного образа к другому. Его основные недостатки — постоянное стремление к упрощению и делокализации текста (метод, характерный для французского перевода того времени), а также к замене всех шероховатых и необычных частных особенностей благолепным обобщением. Студенту, знающему русский язык, будет полезно сравнить, например, «Замок Смальгольм» Жуковского (1822) с его первоисточником — «Кануном Св. Иоанна» Вальтера Скотта. Тогда станет очевидным, как постоянно сглаживаются конкретные детали баллады Скотта. Так, «доспех» и «щегольская перевязь» третьего четверостишия превращаются у Жуковского в «железную броню»; чарующая, почти

шепотом произнесенная строка о паже (VII, «И звали его по-английски Уилл») опущена вовсе; «выпь» превращена в «филина»; красочное описание плюмажа, щита и шлема сэра Ричарда заменено примитивным и традиционным гербом и так далее; но с другой стороны, русский текст пронизан более утонченным дыханием таинственности; довольно прозаичная изменница Скотта и все, что с ней связано, приобретают у Жуковского более романтическую и волнующую атмосферу, и, что особенно следует отметить, он насыщает все произведение удивительными экзотическими созвучиями, используя наименьшее количество слов для заполнения мужского стиха и включая музыкально транслитерированные имена — Бротерстон, Дуглас, Кольдингам, Эльдон — в звучные русские рифмы и размеры. Изумительная оркестровка в таких строках, как «С Анкрам-морских кровавых полей» (последняя строка строфы XXXV, соответствующая по смыслу первой строке строфы XXXV у Скотта: «The Angrammoor is red with gore» / «Анкрамское болото красно от крови»), — подобного рода вещи уравновешивают утерянную ритмику. Чередование метра в балладе Скотта, где, с технической точки зрения, разбитые анапесты сочетаются с ямбами, передается Жуковским в русском языке равномерным четырехстопным анапестом, перемежающимся столь же размеренным трехстопным анапестом, тогда как типичная балладная ритмика Скотта содержит более или менее явно выраженные строки анапеста (а иногда откровенного ямба) с четырьмя ударениями, которые чередуются с ямбическими строками (или иногда с полуанапестами) с тремя ударениями. Жуковский сохраняет мужские окончания перекрестных рифм и точно воспроизводит некоторые созвучия внутри строки.

Жуковский познакомился с Пушкиным через несколько месяцев после знаменитого экзамена в Лицее, который посетил Державин. В письме к Вяземскому, датированном 19 сентября 1815 г., Жуковский пишет: «Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском Селе. Милое, живое творенье! ... Это надежда нашей словесности!»¹¹

На портрете Жуковского 1820 г. — литографии О. Эстеррайха — в овале изображены прелестные черты юного поэта с задумчивым и печальным выражением глаз и губ. Даря Пушкину копию этого портрета, Жуковский написал под овалом: «Победителю ученику от побежденного учителя в тот высокосторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 марта 26 Великая пятница».

В пятистрочном посвящении «К портрету Жуковского» (более раннему, кисти Петра Соколова, опубликованному в «Вестнике Европы», 1817), отдавая должное завораживающей мелодичности стихов своего друга, Пушкин писал в конце 1817 или в начале 1818 г. (стихи 1—2):

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль

Кстати, «пленительная сладость» встречается в «Романе в лесу» («The Romance of the Forest», 1791) миссис Радклиф, гл. 1: «Черты [Аделины].. от горя только выиграли, приобретя выражение сладостной пленительности». Но Пушкин имел в виду *douceur captivante** — расхожее выражение того времени.

* Пленительная сладость (фр.).

Уже в 1816 г. в стихотворении, состоящем из 122 ямбических гекзаметров и посвященном Жуковскому (оно начинается с комически звучащего выражения «Благослови, поэт», что напоминает «благослови, владыко» ритуала русской православной церкви), Пушкин упоминает трех поэтов из гл. 8, II *ЕО* в схожей комбинации: «И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил», Державин «в слезах обнял меня дрожащею рукой» (что он не преминул бы сделать, не убеги наш поэт) и Жуковский «мне руку дал в завет любви священной».

Вариант

13—14 Отвергнутое чтение в белой рукописи:

Ты звал меня на славный путь
Ты говорил мне братом будь

III

4, 9 *резвую резвилась*; 5, 12 *буйных буйно* — Эти неуклюжие повторы трудно объяснить, учитывая чрезвычайную тщательность, с которой Пушкин начинал главу.

13—14 *А я гордился меж друзей / Подругой ветреной моей.* — Та же интонация и рифмы встречаются в «Наложнице» Баратынского (соч. 1829—1830), стихи 779—780:

Подруге ветреной своей
Он ежедневно был милей

IV

1—11 Инструментовка первых одиннадцати стихов окончательного текста этой строфы поистине изумительна. Аллитерации строятся на гласном «а» (так произносится безударное «о») и согласных «л», «с», «з», «к».

Но я отстал от их союза
И вдаль бежал она за мной
Как часто ласковая Муза
4 Мне услаждала путь немой
Волшебством таинного рассказа!
Как часто, по скалам Кавказа,
Она Ленорой, при луне,
8 Со мной скакала на коне!
Как часто по берегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской

ал ... за
ал а за
ка ас ласк за
4 сла ла
ал ас каЗа
ка ас аскала ка каЗа
ал л

8 скакала ка
ка ас
 л
ласл ск

Игра внутренних ассонансов, столь поражающая в *ЕО* и других стихотворных произведениях Пушкина, нередко встречается и в английской поэзии. Вспомнить хотя бы перекличку строк Драйдена (в его подражании «Сатирам» Ювенала, VI, 1692), в которых путаница мыслей в состоянии опьянения передается с помощью передразнивающих и вторящих друг другу слов (стихи 422—423; курсив мой):

When *vapours* to their swimming brains advance,
And *double tapers* on the table dance

(Когда пары поднимаются к плавающим мозгам
И раздваивающиеся огоньки свечей начинают плясать на столе)

«Table» соединяет в себе первый слог «tapers» и второй «double»; «vapours» рифмуется с «tapers», а начальные согласные этих двух слов повторяются в конечной рифме «advance — dance». Можно вспомнить и способ, с помощью которого Вордсворт в «Стихах о названиях мест» («Poems on the Naming of Places», VI; написано в 1800—1802, опубл. в 1815) передает звук прибое воображаемого моря, который ему слышится в шелесте елей (стихи 106—108; курсив мой):

and, with a store
Of *indistinguishable* sympathies,
Mingling most earnest wishes for the day

(...и с множеством
Неясных привязанностей
Смешивая самые горячие желания этого дня)

1—2 *Но я отстал от их союза / И вдаль бежал . Она за мной. — Я отмечаю здесь любопытную перекличку, слабый отголосок «Вакханки» Батюшкова (двадцать восемь строк, написанных четырехстопным хореем в 1816 г. в подражание «Нарядам Венеры» Парни / «Déguisements de Vénus», IX, изд. 1808):*

Нимфа юная отстала,
Я за ней — она бежала

2 Интонация пушкинской строки и смысл батюшковского хореев напоминают мне один стих из «Падения» («The Fall»), стихотворения сэра Чарльза Седли (ок. 1639—1701), о котором ни тот ни другой не могли ничего знать.

I follow'd close, the Fair still flew

(Я по пятам за ней, красotka же все дальше)

2 *вдаль бежал; 6 по скалам Кавказа; 9 по берегам Тавриды; V, 3 в глуши Молдавии; 11 в саду моем — В настоящих комментариях не раз упоминались странствия Пушкина После своего бегства (или, вернее, высылки) из Петербурга в начале мая 1820 г. Пушкин провел большую часть лета на Кавказе, а затем пробыл три недели в южном Крыму. Эти два периода ознаменовались написанием первого черновика «Кавказского пленника» (начат в августе 1820 г.) и «Бахчисарайского фонтана», который был написан в городе следующего официального*

местопребывания Пушкина — Кишиневе, расположенном в центре Молдавии, или Бессарабии (где развиваются события «Цыган», 1823—1824), где Пушкин жил с осени 1820 г. по лето 1823-го, после чего перебрался в Одессу. «Мой сад» относится к родовому имению Пушкиных Михайловскому Псковской губернии, куда поэт был сослан правительственным указом с августа 1824 по сентябрь 1826 г.

Для многочисленных комментаторов стало расхожим местом сетовать на «ссылку» Пушкина. На самом же деле можно возразить, что в течение этих шести лет он писал больше и лучше, чем если бы остался в Петербурге. Ему не было позволено вернуться в столицу, что, несомненно, вызывало сильное раздражение у нашего поэта в течение всех лет его службы в провинции и деревенского затворничества (1820—1824, 1824—1826). Однако биографу не следует преувеличивать тяготы его изгнания. Начальник Пушкина генерал Инзов был образованным и благожелательным человеком. Прозябание Пушкина в Кишиневе проходило гораздо легче, чем у большинства военных, предававшихся азартным играм и попойкам в этой провинциальной дыре, куда они были заброшены вместе со своим полком по долгу службы. Его по-светски рассеянный образ жизни, полный романтических приключений, в веселой и изысканной Одессе оказался очень приятным видом ссылки, несмотря на вражду поэта с графом Воронцовым. Да и тихое Михайловское с милым семейством Осиповых, проживавшим по другую сторону соснового бора, через который Пушкин ездил верхом, очень скоро стало манить его обратно, как только ему было позволено выбрать место жительства по собственному желанию

6 <...>

7—8 *Она Ленорой, при луне, / Со мной скакала на коне!* — «Ленора» — знаменитая баллада, написанная в Геллиехаузене близ Геттингена летом 1773 г. Готфридом Августом Бюргером (1747—1794). Он прилежно штудировал «Реликвии древней английской поэзии» («Reliques of Ancient English Poetry», 3 vols, London, 1765), собранные Томасом Перси (Thomas Percy, 1729—1811), позднее ставшим епископом Дроморским. «Ленора» состоит из 256 строк, или тридцати двух строф, по восемь ямбических строк, со схемой рифм *babacsee*, мужскими окончаниями в четырехстопных строках и женскими в трехстопных — построение весьма оригинальное. Этот стихотворный рисунок точно воспроизведен Жуковским в его посредственном переводе 1831 г. («Ленора») и полностью соответствует схеме пушкинской строфы в «Женихе» (1825), стихотворении, далеко превосходящем по своему художественному гению все когда-либо написанное Бюргером. «Ленора» Бюргера во многом обязана старым английским балладам. Заслуга же немецкого поэта заключается в том, что он утвердил, сконцентрировав в совершенном, с формальной точки зрения, произведении тему «луны — гробницы — призрака», в определенном смысле ставшую логическим следствием присутствия Смерти в Аркадии и краеугольным камнем романтизма Гете.

Хорошо известен вариант этой баллады Скотта под названием «Вильям и Элен» («William and Helen», 1796) (стихи 113—116):

We saddle late — from Hungary
I rode since darknees fell,
And to its bourne we both return
Before the matin-bell

(Мы поздно садимся на коней — из Венгрии
Я скакал с наступления темноты,
И к ее границе мы оба возвращаемся
До колокола, зовущего к заутрене)

Кстати, мысль о мгновенных волшебных перемещениях в пространстве встречается в «Слове о полку Игореве», с которым возникает любопытная переключка, — в знаменитом отрывке или позднейшей интерполяции, где описывается занимавшийся колдовством князь Полоцкий Всеслав (1044—1101). Сообщается, что последний («объятый синей мглой») мог с такой скоростью пересекать Русь, что, провожаемый заутреней в Полоцке, успевал прибыть в Киев, когда там все еще звонили колокола, а из Киева он добирался до Черного моря еще до первого крика петуха. Этот Всеслав — своего рода славянский Майкл Скотт (ок. 1175—1234).

Жуковский создал два подражания бюргеровской «Леноре» в 1808 г. «Людмилу» (приблизительное переложение, состоящее из 126 четырехстопных двустиший, среди которых обнаруживается один из источников пушкинских сведений о «Леноре» — «Светит месяц, дол сребрится; / Мертвый с девицею мчится») и в 1812 г. замечательную балладу «Светлана», которую я анализирую в своем коммент. к гл. 3, V, 2—4.

Жуковский владел немецким, но большинство русских литераторов знало балладу Бюргера лишь по книге мадам де Сталь «О Германии», в которой она анализируется, и по французским переложениям Заголовков первого французского издания замечательно выявляет подход к переводу баллады — «Léonora», «traduction de l'anglais» (то есть перевод, основанный на английской версии У. Р. Спенсера), выполненный С. Ад. де Ла Мадлен (Paris, 1811) Другое смехотворное французское подражание вышло из-под изысканного пера Полины де Бради (Paris, 1814), которая все же была знакома с немецким первоисточником Думаю, именно оно стало образцом для «Ольги» (1815) Павла Катенина, неуклюжей вещицы, писанной четырехстопным хореем. Французская версия Поля Лера («Léonora», Strasbourg, 1834) еще более утонченна:

Ses bras de lis étreignent son amant,
Au grand galop ils volent hors d'haleine *

Это восхитительно мелодично, хоть и не более чем парафраз стихов 148—149 Бюргера.

После того как Ленора, оплакивая исчезновение Вильяма, обрушивает на Провидение лавину упреков (это место было значительно приглушено Жуковским), ее возлюбленный, к этому времени уже мертвый, является, чтобы ее забрать (стихи 97—105):

Und aussen, horch! ging's trap trap trap,
Als wie von Rosseshufen,
Und klirrend stieg ein Reiter ab,
An des Geländers Stufen,
Und horch! und horch! den Pfortenring
Ganz lose, leise klinglingling!
Dann kamen durch die Pforte

* Ее лилейные руки сжимают в объятьях возлюбленного, / Быстрым галопом они летят, задыхаясь. (Фр)

Vernehmlich diese Worte
«Holla, Holla! Thu auf, mein Kind! »*

Всадник предупреждает Ленору, что до брачного ложа в Богемии им предстоит дорога в сто миль, да и ложе, как выясняется через несколько строф, это его могила. В знаменитом стихе (149) они пускаются в путь:

Und hurre hurre, hop hop hop! **

и далее в стихах 157—158:

Der Mond scheint hell!
Hurra! die Todten reiten schnell!***

По дороге (XXV) они минуют виселицу, освещенную мертвенным лунным светом.

Я часто гадал, почему Пушкин предпочел сравнить свою Музу с этой перепуганной девой, и хотя, несомненно, его выбор может быть объяснен пристрастием к романтизму, которым окрашены его ранние произведения, очень велико искушение увидеть призрачные силуэты пяти казненных декабристов на виселице, стоящей на обочине автобиографического пути, ретроспективно пробегаемого воображением Пушкина в 1829 г.

12 *Нереида* — морская нимфа, дочь морского божества Неря.

Вариант

1—4 Беловая рукопись содержит следующий вариант:

Но рок мне бросил взоры гнева
И вдаль занес — Она за мной
Как часто ласковая дева
Мне услаждала час ночной

V

1—4 *И, позабыв столицы дальней / И блеск и шумные тирь, / В глуши Молдавии печальной / Она смиренные шатры* и т. д.

3 Молдавия — по-румынски Молдова, часть Бессарабии, крайний юго-запад России. С той же интонацией меланхолической удаленности она уже упоминалась в гл. 1, VIII, 13. См. также коммент. к гл. 8, IV, 2, 6, 9.

4—9 Пушкин имеет в виду свои впечатления 1820—1823 гг., когда он жил в Кишиневе, столице Бессарабии, и два-три раза совершал путешествия по прилежащим областям. Так, в декабре 1821 г. он предпринял десятидневную поездку в Измаил. В январе 1824 г. ненадолго вернулся в Молдавию и посетил Тирасполь и Каушаны, где тщетно пытался отыскать следы Мазеповой могилы. Главным

* А снаружи, слушаи! раздается цок-цок-цок, / Словно бы конских копыт, / И, бряцаая, слезает всадник / На ступени крыльца / И слушаи! слушаи! кольцо на затворе / Совсем нетвердо, тихо звяк-звяк-звякает! / Потом сквозь затвор / Внятно слышны такие слова / «Гей, гей! Вставай, дитя мое!» (Нем)

** И хурре, хурре, хоп, хоп, хоп! (Нем)

*** . Луна светит ясно! / Ура! Мертвецы скачут быстро! (Нем)

творческим итогом этого путешествия стали «Цыганы», романтическая поэма из 549 стихов, написанных четырехстопным ямбом, начатая зимой 1823 г. в Одессе и законченная в белой рукописи 10 октября 1824 г. в Михайловском.

«Скудные странные языки» и «песни степи» относятся к двум произведениям: это 1) не слишком выразительные двустишия, написанные Пушкиным четырехстопным амфибрахием 14 ноября 1820 г. и озаглавленные «Молдавская песня» (более известная как «Черная шаль»), которые легли в основу популярного романса (и, как утверждается, обрели новую жизнь в качестве «народной песни» в переводе на румынский), и 2) восхитительная песенка, вложенная в уста Земфиры в «Цыганах», состоящая из двадцати двухстопных анапестов:

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня

Говорят, существует настоящая песня молдавских цыган, которая звучит «арде-ма, фриде-ма» (если верить Пушкину). «Арде» по-румынски «жечь», «фриде» — «поджаривать» (Леонид Гроссман в книге «Пушкин», М., 1939, дает следующую транслитерацию — «арды ма, фрыдже ма»).

Джордж Борроу (1803—1881) в своей книге «Таргум, или Стихотворные переводы с тридцати языков и наречий» («Targum, or Metrical Translations from Thirty Languages and Dialects») (СПб., 1835) на с. 19 следующим образом переводит песню пушкинской Земфиры:

Hoary man, hateful man!
Gash my frame, burn my frame,
Bold I am, scoff I can
At the sword, at the flame

Проспер Мериме в своем неточном и вялом прозаическом переводе пушкинской поэмы «Цыганы» («Les Bohémiens», 1852) так передал песню Земфиры: «Vieux jaloux, méchant jaloux, coupe-moi, brûle-moi»* и т. д.; отсюда она частично была перенесена Анри Мейльхаком и Людовиком Халеви в написанное ими либретто оперы Жоржа Бизе «Кармен» (1875), по одноименной новелле Мериме (1847), и вложена в уста Кармен, которая с вызовом исполняет ее в IX картине первого действия.

Наконец, Иван Тургенев перевел эту кочевую песню из «Цыган» для восьмой главы посредственного романа «Братья Земганно» (1879) Эдмона де Гонкура, использовавшего ее в качестве «chanson du pays»** цыганки Степаниды Рудак (персонажа, также предложенного его русским другом).

Vieux époux, barbare époux,
Egorge-moi! brûle-moi!***

И последнее четверостишие.

Je te hais!
Je te méprise!

* «Старый ревнивец, злой ревнивец, режь меня, жги меня» (Фр)

** «Местная песня» (Фр)

*** Старый муж, жестокий муж. / Режь меня! Жги меня! (Фр)

C'est un autre que j'aime
Et je me meurs en l'aimant!*

11 См. коммент. к гл. 8, IV, 2, 6, 9.

13—14 *С печальной думою в очах, / С французской книжкою в руках.* — Возможно, по-английски это было бы более удачно передано так:

sad brooding in her eyes,
a French book in her hands

Звучит как искусное краткое обобщение завершающих строк «Меланхолии» Габриэля Мари Жана Батиста Легуве (Gabriel Marie Jean Baptiste Legouvé, 1764—1812).

tendre Melancolie!

Ah! si l'art à nos yeux veut tracer ton image,
Il doit peindre une vierge, assise sous l'ombrage,
Qui, rêveuse et livrée à de vagues regrets,
Nourrit au bruit des flots un chagrin plein d'attraits,
Laisse voir, en ouvrant ses paupières timides,
Des pleurs voluptueux dans ses regards humides,
Et se plaît aux soupirs qui soulèvent son sein,
Un cyprès devant elle, et Werther à la main**

(«Werther», произносимый как «Вертер», рифмуется с «vert»*** — сокращенным названием романа Гете во французском переводе)

Хотя это и не имеет никакого отношения к Пушкину и касается только измученного переводчика, мне бы хотелось отметить, что в силу какого-то просодического чуда сочетание пятистопного и двухстопного ямба может претерпеть «наклон» и быть перекроено в моем английском переводе таким образом, что возникают два идеальных четырехстопных хорей:

With a sad thought in her eyes,
With a French book in her hands.

Вариант

10 Вариант этой строки в белой рукописи:

Но дунул ветер, грянул гром

Имеются в виду события июля 1824 г. — отстранение Пушкина от службы и высылка из Одессы в Михайловское.

* Ненавижу тебя! / Презираю тебя! / Я другого люблю / И умираю любя его! (Фр)
** . Нежная меланхолия! / . / Ах! если искусство захочет для нашего взора начертать твой образ, / Оно должно изобразить деву, сидящую под сенью листвы, / Погруженную в мечты и предавшуюся смутным сожалениям, / Которая в шуме волн находит пищу для своей полной очарования печали, / Она открывает свои нежные ресницы, — так что видны / Слезы наслаждения в ее влажных взорах, / И находит удовольствие во вздохах, вздымающих ее грудь, / Перед ней кипарис и Вертер в руке (фр)

*** «Зеленый» (фр)

VI

- 2 *...светский раут..* — Слово «раут» употребляли в петербургском свете еще в 1916 г. В письме Вяземского жене от 1 августа 1833 г. встречается комичный варваризм — «фашьонабельный раут». Французы говорили «гаout»¹².
- 3 *стенные* — в более широком смысле, чем «степь» в V, 9, — «сельские, деревенские».
- 6 *Военных франтов, дипломатов...* — Было высказано предположение (не помню кем), что, возможно, из-за опечатки, допущенной во всех трех изданиях (1832, 1833 и 1837 гг.), исчезла запятая после «военных» — слова, которое может быть понято и как прилагательное, и как существительное. Запятая в этом стихе, конечно же, в большей степени соответствовала бы пушкинской манере (и кроме того, устранила бы слишком нарочитый образ «военных франтов»).
- 14 *Вкруг. . около. .* — Сравнение банально, выражение неуклюже. Да и вся строфа неудачна.

Варианты

- 5 В отдельном издании восьмой главы (1832) эта строка звучит следующим образом:

Сквозь ряд напыщенных магнатов .

Черновик этой строфы записан на обложке белой рукописи восьмой песни.

- 10—11 Черновик (2387А, л. 17):

Волненьем медл<енным> гостей
Нарядов, перьев и речей ..

VII

- 6 *туманный* — синонимы «пасмурный» и «сумрачный», фр. *ténébreux*, при использовании для характеристики Онегина.

Варианты

- 1—7 Беловая рукопись:

Кто там меж ними в отдаленьи
Как нечто лишнее стоит
Ни с кем он мнится не в сношеньи
Почти ни с кем не говорит
.....
Везде он кажется чужим

И отвергнутые стихи в белой рукописи (4—6):

Одни затерян и забыт
Меж молодых Аристократов
Между налетных дипломатов ..

VIII

- 1 *усмирился* — означает «укрошен жизнью», «успокоился» в отношении своих «страстей» и т. д.
- 2 *Иль корчит . чудака?* — Глагол «корчить» соединяет в себе два понятия — «принимать позу» и «гримасничать». Здесь имеется в виду скорее стремление выдать себя за кого-то, чем подражание, что исключает возможность использования в переводе таких глаголов, как «to ape»* или «to mimic»**.
- 5—7 «Мельмот-Скиталец» Мэтьюрина с печатью Рока и Вечности на смертельно бледном челе (см. коммент. к гл. 3, XII, 9).

Космополит — человек, чувствующий себя как дома в любой стране, особенно если речь идет об англичанине в Италии или русском во Франции. Онегин, однако, никогда не был за границей.

Патриот — националист, славянофил. Из «Путешествия Онегина», в которое он отправился в начале 1821 г., нам известно, что Онегин миновал период увлечения патриотизмом и разочарованным вернулся в Петербург в августе 1824 г.

Чайльд Гарольд Байрона, друг гор, собрат пещер и свойственник океану, но беспокойный чужак в обителях людей, с улыбкой отчаяния взирает на пестроту мира и крушит своих врагов проклятием всепрощения.

Квакер — член «Общества друзей», религиозной общины, основанной Джорджем Фоксом в Англии в середине XVII в.

Ханжа — слепой поклонник собственной нетерпимости.

Эксцентричный красавец того времени, сидя в состоянии апатии, закинув ноги на решетку камина, мог колебаться «между возможностью стать мизантропом и демократом» (Мария Эджуорт, «Скука», гл. 5).

VIII—IX

Натренированный социологический слух Бродского улавливает в передаваемой речи этих строф (и в XII, 1—7) целый шквал оскорблений, который консервативные аристократы обрушивают на Онегина. Все это, конечно же, глупости. Бродский забывает, что Татьяна тоже подвергала сомнению искренность Евгения. На самом деле перекличкой вопросов и ответов наш поэт здесь скорее создает нечто вроде художественного двухголосья. Теперь читателя нужно заставить забыть, что Онегин — убийца Ленского. «Благоразумные люди» (XII, 3) — это всего лишь предполагаемые критики главы. Утверждения, что мы любим обо всем судить, что нам противен ум и мы цепляемся за традиционные ценности, всегда входили в ассортимент литературного красноречия со времени зарождения сатиры и не должны приниматься здесь всерьез. В противном случае весь пассаж лишается смысла, так как фраза «пылких душ неосторожность» уж никак не может относиться к Онегину; и в самом деле, подобные фразы незаметно вставлены сюда лишь для того, чтобы создать нужную атмосферу и подготовить переход к страстной влюбленности Онегина в Татьяну.

* «Обезьянничать» (англ.)

** «Передразнивать» (англ.)

IX

- 8 *Что ум, любя простор, теснит...* — Смысл этой фразы таков: ум, нуждаясь в свободном пространстве, вытесняет из него дураков. Существительное «простор» имеет несколько значений, но все они связаны с представлением о свободном неограниченном пространстве; это «размах», «ширь», «открытая местность» и т. д. <...>
- 12 *...важны вздоры...* — Ср.: Андре Шенье, «Литературная республика» («La République des lettres», ed. Walter), фрагмент VIII: «S'il fuit les graves riens, noble ennui du beau monde...»*

X, XI, XII

Эти три строфы, написанные Пушкиным в Москве, датированы 2 октября 1829 г. Тогда они представлялись ему началом главы (обратите внимание на интонацию прелюдии в звучании строфы X), которая должна была содержать «Путешествие Онегина» и следовать сразу за главой седьмой. Окончательный текст восьмой главы (тогда девятой) был начат 24 декабря 1829 г. в Демутовом трактате в Петербурге. Через две недели Пушкин в письме к Бенкендорфу испрашивал позволения (в чем ему было отказано) отправиться за границу в качестве частного лица или сопровождать русскую миссию в Китай.

X

- 1 Не слишком оригинальный совет «смолоду быть молодым» уже давался Пушкиным в стихотворении 1819 г., адресованном рифмоплету Якову Толстому (1791—1867), с которым он был знаком по обедам в «Зеленой лампе» (одном из веселых кружков, где пили шампанское) и которому комментаторы склонны приписывать излишнюю революционность и литературную значимость.
- 3 Мисс Дейч невозмутимо рифмует с *merry* («веселый») следующий стих:

Who ripened, like good port or sherry ..

(Кто созрел, как хороший портвейн или херес.)

XII

1—7 См. коммент. к гл. 8, VIII—IX.

- 7 Упоминание пушкинского стихотворения «Демон» (октябрь или ноябрь 1823 г.). Следует отметить, что его первые строки, приведенные ниже, предвосхищают гл. 8, I, 1:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, —
Когда возвышенные чувства,

* «Если он бежит важных пустяков, благородной скуки высшего света...» (Фр.)

Ш, Ш, Ш, 0, 0, Ш, Ш, в отличие от ритмики «Демона»: 0, I—Ш, 0, Ш, Ш, Ш, I—Ш, II, Ш, Ш, 0, II, 0, 0, Ш, 0, I—Ш, Ш, I—Ш, 0, II, I, I—Ш). Стихотворение было впервые опубликовано в «Северных цветах» на 1828 г. и затем появилось в приведенном здесь виде в «Стихотворениях» Пушкина (1829), где датировано 1827 г. Вот оно:

В дверях эдема Ангел нежный
 Главой поникшею снял,
 А Демон мрачный и мятежный
 Над адской бездною летал

Дух отрицанья, дух сомненья
 На духа чистого взирал
 И жар невольный умненья
 Впервые смутно познавал

«Прости, — он рек, — тебя я видел,
 И ты не даром мне сиял
 Не все я в мире ненавидел,
 Не все я в мире презирал».

Существует предположение, что в этом стихотворении речь идет о графине Воронцовой и Александре Раевском, что еще более укрепляет возможную взаимосвязь между вымышленным Онегиным и стилизованным Раевским (см. коммент. к гл. 1, XLVI, 5—7).

Десятилетием позднее из этих двух стихотворений вырос основной пафос романтической поэмы Лермонтова «Демон».

9—14 Интонация этого отрывка, особенно стиха 13, очень напоминает звучание следующего пассажа «Рене» Шатобриана (ed. Weil, p. 41—42): «*Sans parens, sans amis, pour ainsi dire seul sur la terre, n'ayant point encore aimé, j'étois accablé d'une surabondance de vie*»*.

XIII

1 *Им овладело беспокойство* .. — Галлицизм; например, Шатобриан («Замогильные записки»), запись за 1838 год на смерть герцога Энгиенского (ed. Levallant, pt. II, bk. IV, ch. 2): «...Il me prend... une inquiétude qui m'obligerait à changer de climat»**.

См. также: Мария Эджуорт, «Скука», гл. 1: «..отвращение к месту, где я находилась... детская любовь к путешествиям».

2 *...к перемене мест* .. — Тот же самый галлицизм («*changement de lieu*») встречается у Грибоедова в «Горе от ума», действие IV, стихи 477—479:

Тех чувств
 Которые во мне ни даль не охладила,
 Ни развлечения, ни перемена мест

* «Без родителей, без друзей, можно сказать, один на земле, еще не любив, я был подавлен переизбытком жизни» (фр.).

** «...Мной овладело.. беспокойство, которое могло бы заставить переменить климат» (фр.).

Здесь также наблюдается любопытное сходство с описанием постоянства Ленского в гл. 2, XX, 8—14:

Ни охлаждающая даль,
Ни долгие лета разлуки

10 *Доступный чувству одному.* — Строка двусмысленная. Подвластный лишь одному чувству (например, тоске или раскаянию) или же движимый только чувством (но не разумом)? Ни то, ни другое не имеет большого смысла.

14 . *с корабля на бал* — Имеется в виду приезд Чацкого в «Горе от ума» Грибоедова. Зимним утром 1819 г. он внезапно появляется в доме Фамусова в Москве, проведя три года в чужих краях (действие I, стих 449). Он проехал семьсот верст с лишком (более четырехсот миль) за сорок пять часов (стих 303) без остановки, то есть путешествуя на почтовых лошадях. Следовательно, речь идет о Петербургско-Московском тракте. Чацкий возвращается через Петербург из-за границы, возможно с водных курортов (Германии? Замечание Лизы в стихе 277 может также означать, что в начале своего путешествия он посетил Кавказ для поправки здоровья). Кажется, он побывал во Франции (на что есть туманный намек в III, VIII). «Корабль» в устах Пушкина звучит как напоминание о том, что Чацкий прибыл в Россию из-за границы скорее всего по воде (а именно по Балтийскому морю), и о рассказе Софьи (стих 331), будто она осведомлялась даже у моряков, не повстречали ли они его по дороге в почтовой карете. «Бал» относится к приему, который устраивается вечером того же дня в доме Фамусова (действие III).

На первый взгляд может показаться, что Онегин прибыл в Санкт-Петербург на корабле из страны, расположенной по ту сторону Балтийского моря. Но тут возникает целый ряд осложнений.

Насколько восприятие окончательного текста должно — если вообще должно — определяться подробностями сюжета и характеристиками персонажей, отчетливо выраженными автором лишь в сохраненных, но неопубликованных рукописях? А если определенная мера такого влияния признается, то зависит ли она от особенностей рукописи (черновик, беловая рукопись, вычеркнутые чтения и т. д.) или от особых причин, помешавших автору этот текст опубликовать (например, давление цензуры, нежелание обидеть здравствующих современников и т. д.)? Я склонен опираться лишь на окончательный текст.

В окончательном тексте *ЕО* нет никаких утверждений, исключающих возможность возвращения Онегина в Россию из путешествия по Западной Европе (которое он совершает после посещения черноморского побережья, описанного в отрывках из «Путешествия Онегина», опубликованных Пушкиным). Если же мы будем анализировать *весь* имеющийся материал, то обнаружим, что Онегин, выехав летом 1821 г. из Петербурга (куда он прибыл вскоре после дуэли), отправился в Москву, Нижний Новгород, Астрахань и на Кавказ, осенью 1823 г. был в Крыму, затем посетил Пушкина в Одессе и в августе 1824-го вернулся в Петербург, таким образом завершив полный круг своего русского турне и не имея никакой возможности совершить путешествие за границу.

Когда в гл. 8, XIX Татьяна между прочим осведомляется у Онегина, не из своего ли поместья он приехал в Петербург, его ответ не приводится, но мы легко можем представить себе онегинские слова: «Нет, я прямо из Одессы», и лишь при огромном усилии воображения можно услышать другой ответ: «Я,

видите ли, был за границей: проехал Западную Европу от Марселя до Любека — *enfin, je viens de débarquer**. Я бы предположил, не углубляясь в эту проблему далее, что перемещение с палубы в бальную залу не следует воспринимать географически буквально, но относиться к нему как к литературной метафоре, почерпнутой из сюжета «Горя от ума», где «корабль» в той или иной мере также употребляется в переносном значении.

См. мой комментарий к «Путешествию Онегина», где я привожу все варианты текста, включая отвергнутые.

Здесь мы сталкиваемся с еще одной небольшой сложностью: с логической точки зрения, события и настроения, описываемые в двадцати одной строке (с XII, 8 до конца XIII), излагаются последовательно, а значит теперь, в 1824 г., Онегину должно быть двадцать девять лет; однако, с точки зрения стилистической, может возникнуть искушение воспринять всю строфу XIII как иллюстрацию и развитие соображений, высказанных в конце предшествующей строфы (XII, 10—14), и тогда в 1824 г. Онегину должно быть двадцать шесть лет, — в этом случае всю тринадцатую строфу надо воспринимать в плюсквамперфекте (глагольном времени, которого нет в русском языке) — «Им овладело беспокойство и т. д.».

XIV—XV

В этих двух строфах за входом Татьяны с ее мужем князем N («важным генералом» стиха 4) наблюдает зоркая Муза Пушкина, а не апатичный и угрюмый Онегин. Он-то заметит Татьяну лишь в строфе XVI (начиная со стиха 8), когда она уже присоединится к другой светской даме. Тем временем князь N уже подошел к своему родственнику, с которым не виделся несколько лет, — а Татьяне выражает свое почтение испанский посол.

XIV

9 *Без этих маленьких ужимок..* — Фр. *sans ces petites mignardises*.

«...Все, что обнаруживает в себе явное заимствование, — вульгарно. Оригинальное жеманство иногда может оказаться хорошим тоном; жеманство же подражательное всегда дурно», — писала леди Френсис своему сыну Генри Пелэму в скучном романе Эдварда Булвер-Литтона «Пелэм, или Приключения джентльмена» (Edward Bulwer-Lytton, «Pelham, or Adventures of a Gentleman», 3 vols., London, 1828), т. 1, гл. 26, который был хорошо известен Пушкину во французском переводе (но который я не нашел) — «Pelham, ou les Aventures d'un gentilhomme anglais», перевод («вольный») Жана Коэна (4 vols., Paris, 1828).

9—10 *.ужимок . подражательных затей..* — Хотя следующий прелестный отрывок относится не к русским дамам 1820-х гг., а к английским барышням предшествующего столетия, он дает некоторое представление о том, какими могли быть эти «ужимки и затеи»; вот письмо за подписью Матильды Мохер, написанное Стилем и опубликованное в «Зрителе» (№ 492, 24 сентября 1712 г.): «У Гликеры танцующая походка и, даже передвигаясь обычным шагом, она сохраняет музыкальный ритм. Хлоя, ее сестра... обычно в комнату... вбегает. Дульчисса,

* «Словом, я только что сошел на берег» (фр)

пользуясь приближением зимы, ввела в употребление очень обаятельную дрожь, сдвигая плечи и ежась при каждом движении... А вот очень хитрая поселянка. Появляясь в обществе, она делает вид, будто только что с прогулки, и по этому случаю успешно изображает, что запыхалась. Мать... называет ее „сорванцом“...»

13 *comme il faut*; XV, 14 *vulgar*. — В письме от 30 октября 1833 г. из Болдино жене в Петербург Пушкин писал: «Я не ревнив <...> но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнею, все, что не *comme il faut*, все, что *vulgar*».

13 ...*Шишков*... — Упоминается глава группы писателей-архаистов адмирал Александр Шишков (1754—1841), публицист, государственный деятель, президент Академии наук и двоюродный брат моей прабабушки¹⁴.

Фамилия Шишкова опущена во всех трех изданиях (1832, 1833, 1837), но присутствие ее первой буквы («Ш») в белой рукописи и замечание Вяземского на полях своего экземпляра романа решают вопрос, ответ на который подсказывает элементарная логика. Бедный Кюхельбекер трогательно заблуждался, когда в своем тюремном дневнике (запись от 21 февраля 1832 г., Свеаборгская крепость) с горечью замечал, что за отточием скрывается его христианское имя (Вильгельм) и что Пушкин подшучивает над его слабостью перемешивать в письмах русский язык с французским. Впрочем, во многих отношениях Кюхельбекер был ближе к архаистам, чем к западникам.

Шуточные упоминания этого поборника славянизмов часто встречаются в первой трети века. Так, Карамзин, дружелюбный оппонент Шишкова, пишет в письме Дмитриеву от 30 июня 1814 г.: «...ты на меня сердит: ошибаюсь ли? <...> Знаю твою нежность — сказал бы *деликатность* [фр. *délicatesse*], да боюсь Шишкова...»¹⁵

В 1808 г., комментируя собственный перевод двух эссе Лагарпа, Шишков заявил следующее (цитирую по блистательным примечаниям Пекарского к совместному с Гротом изданию писем Карамзина к Дмитриеву, СПб., 1866): «Когда чудовищная французская революция, поправ все, что основано было на правилах веры, чести и разума, произвела у них новый язык, далеко отличный от языка Фенелонов и Расинов...»¹⁶

Вероятно, речь идет о Шатобриане, гений и индивидуальность которого ничем, конечно же, не обязаны никакой «революции»; литература, рожденная Французской революцией, на деле оказалась еще более традиционной, бесцветной и банальной, чем стиль Фенелона и Расина; этот феномен сравним лишь с литературными последствиями русской революции, «пролетарские романы» которой в действительности безнадежно буржуазны.

«...Тогда и наша словесность, — продолжает Шишков, — по образу их новой и немецкой, искаженной французскими названиями словесности, стала делаться непохожею на русский язык»¹⁷.

Это критика прозы Карамзина 1790-х гг. С целью положить конец столь опасной тенденции Шишков в 1803 г. пишет диссертацию «Рассуждения о старом и новом слоге в русском языке», за которой в 1804-м следует приложение. (У Пушкина было издание 1818 г.) Нападкам Шишкова подвергаются не столько галлицизмы и неологизмы, сколько сама либеральная мысль; в основном он остался в памяти потомков как автор неуклюжих и искусственных русизмов, которыми он пытался заменить современные ему слова, механически усвоенные русскими из западноевропейских источников и служившие для определения немецких отвлеченных понятий и французской словесной мишуры. Борьба между

Шишковым и последователями Карамзина представляет исторический интерес*, однако на развитие языка она не оказала никакого влияния.

25 марта 1811 г. Шишков основал общество «Беседа любителей русского слова». Если позабыть о номинальном членстве в нем двух крупнейших поэтов — Державина и Крылова, можно согласиться с русскими критиками, определявшими деятельность общества как наивное словотворчество престарелых вельмож. Свою заранее обреченную на провал цель общество видело в поддержании «классических» (на самом деле неоклассических и псевдоклассических) форм русского языка и защите их от галлицизмов и прочей заразы. Другая группа более молодых литераторов приняла их вызов, в результате чего последовала довольно вялотекущая «литературная война», не выходящая за пределы тех querelles** между anciens и modernes***, о которых так утомительно читать в исторических обзорах французской литературы.

У русских историков литературы, начиная с середины прошлого века, вошло в традицию приписывать слишком большое значение кружку «Арзамас», который возник в силу следующих обстоятельств.

Беседовец князь Шаховской написал и обнародовал 23 сентября 1815 г. слабую пьесу, содержащую сатиру на Жуковского («Липецкие воды»; см. мой коммент. к гл. 1, XVIII, 4—10). Будущий известный государственный деятель граф Дмитрий Блудов (1785—1869) встал на защиту своего друга и нанес контрудар, написав еще более бездарный памфлет, скроенный по образцу французских шуточных полемических бесед и озаглавленный «Видение в арзамасском трактире, изданное обществом ученых людей». Арзамас, городок в Нижегородской губернии, считался таким же провинциальным, как Липецк. Он славился своим птицеводством и часто упоминался в газетах, поскольку году в 1810-м художник из народа Александр Ступин (1775—1861), не столь талантливый, сколь энергичный, основал в нем первую в России художественную школу. Этот парадокс (просвещение, исходящее из застойной провинции) вполне был в духе русского юмора. Кроме того, слово «Арзамас» было своего рода неполной анаграммой фамилии Карамзина, главы модернистов.

Жуковский и Блудов основали Арзамасское общество («Арзамасское общество безвестных людей») 14 октября 1815 г., вскоре после чего состоялось его первое собрание. Общество было призвано бороться с архаистами за разговорную простоту языка и использование современных форм (многие из которых в той или иной мере искусственно выводились из французского языка).

Встречи Арзамасского общества состояли из обеда с традиционным жареным гусем, после чего следовало чтение натужно остроумных протоколов собрания и банальных стихов. Участники пиршества, коих обычно бывало не более полудюжины (из общего количества в двадцать человек) надевали красные колпаки: эти bonnets rouges**** приводят в злорадный восторг левацких комментаторов, забывающих, однако, что некоторые головы, на которые эти колпаки были надеты, принадлежали горячим сторонникам монархии, религии и изящной словесности (как, например, в случае возглавлявших кружок Жуков-

* Предзнаменует борьбу середины века между политико-философскими группами славянофилов и западников (Примеч В. Н)

** Споры (фр).

*** Древние и новые (фр)

**** Красные колпаки (фр)

ского и Карамзина) и что общий дух пародии, пронизывавший всю деятельность общества, исключал серьезные политические или художественные цели. Юношеская символика общества оказала убийственное воздействие на несколько стихотворений Пушкина, в которых отражены шутки и остроты арзамасцев. Не будем забывать, что Жуковскому в лучшем случае был свойственен юмор баснописца (например, кошки и обезьяны представлялись ему заведомо смешными) и незрелого дитяти (животный юмор). Прозвища, которыми награждались члены кружка, заимствовались из его баллад: Жуковский — Светлана, Блудов — Кассандра, Вяземский — Асмодей, Александр Тургенев — Эолова Арфа, Василий Пушкин — Вот (*фр.* *voici, voilà*) и так далее. Став осенью 1817 г. членом этой веселой компании, Пушкин получил прозвище Сверчок (источником которого послужила «Светлана», V, 13; см. мои коммент. к гл. 5, X, 6 и XVII, 3—4). Вскоре, как часто бывает с подобными предприятиями, общество, наскучив его участникам, захирело, несмотря на попытки Жуковского вдохнуть в него новую жизнь. В 1818 г. оно окончательно распалось.

Если кружок Шишкова отличался невыносимо мрачным педантизмом и реакционными взглядами, то арзамасцам, напротив, был свойственен такой едкий юмор, что от него зубы сводило. Либерализм арзамасцев, проповедуемый из чувства противоречия обскурантизму архаистов, не обладал политической значимостью: Жуковский, например, был таким же твердым сторонником монархии и религии, как и Шишков. Русские литературоведы чрезмерно преувеличивают значение обоих обществ. Ни то, ни другое не оказало существенного влияния на развитие русской литературы, которая, как и все великие литературы, является плодом творчества отдельных личностей, а не группировок.

Из тактических соображений за несколько месяцев до издания первой песни *ЕО* Пушкин выразил чувство патриотического уважения главе архаистов. В своем «Втором послании цензору» (тогда Александру Бирукову, 1772—1844, который занимал этот пост с 1821 по 1826 г.), состоящем из семидесяти двух строк, написанных александрийским стихом в конце 1824 г., Пушкин приветствует Шишкова в качестве нового министра народного просвещения (стихи 31—35)¹⁸.

Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правление восприял
Сей старец дорог нам друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года,
Один в толпе вельмож он русских муз любил

По схожим причинам в 1824 г. Пушкин изменил свое отношение к беседовцу князю Шаховскому (который был главным козлом отпущения для арзамасцев), вставив о нем в первую главу пару лестных стихов¹⁹.

XV

4 ...взор ее очей.. — *Фр.* *le regard de ses yeux*.

7 Ср.: Вяземский, стихотворение (1815), написанное четырехстопником и посвященное Денису Давыдову (стихи 20—23):

генеральских эполетов

. . .

От коих часто поиеволе
Вздымаются плеча других²⁰

12 Беловая рукопись содержит гораздо более удачный эпитет, чем «самовластной», а именно — «тихогласной».

14 ...*vulgar* — Русскому прилагательному «вульгарный» вскоре было суждено стать общеупотребительным. В более широком смысле, «грубый» и «низменный», этот термин тождествен понятию «площадной» (от «городской площади», «рынка»), которое встречается и в других местах *ЕО* (гл. 4, XIX, 8 и гл. 5, XXIII, 8).

Ср.: мадам де Сталь, «О литературе» (см. коммент. к гл. 3, XX, 14), ч. 1, гл. 19 (изд. 1818), т. II, с. 50: «...ce mot *la vulgarité* n'avoit pas encore été employé [au siècle de Louis XIV]; mais je le crois bon et nécessaire»*.

См. также коммент. к гл. 8, XIV, 13.

14—XVI, 6 Заключенный в скобки пассаж, начиная со слов «Не могу», завершающих строфу XV, 14, и вплоть до строфы XVI, 6 включительно, когда нам предложено вернуться к интересующей нас даме, представляет собой редкий вид межстрофического переноса. В данном конкретном случае он также забавным образом играет роль некоей дверцы, открытой для читателя, но закрытой для Онегина, который замечает эту даму (чьи достоинства читатель уже оценил), только когда она садится рядом с Ниной Воронскою.

XVI

5 Оно годилось в эпиграмме... — Я почти не сомневаюсь, что эпиграмма, которая шевелилась в душе поэта, связана с игрой слов «вульгарен» — «Булгарин». Пушкин мог трансформировать ненавистного критика в «Вульгарина» или использовать краткую форму прилагательного как часть сказуемого и зарифмовать «Булгарин — вульгарен».

Эта строфа предположительно была написана в октябре 1830 г. в Болдино. В «Северной пчеле», № 30 (12 марта, 1830) вышел оскорбительный «Анекдот» Булгарина (см. коммент. к гл. 8, XXXV, 9), а неделей позже появилась его резкая критика седьмой главы**.

В пушкинских рукописях среди различных автобиографических набросков встречается следующая запись (ПСС 1936, V, 461), датированная 23 марта 1830 г.: «Я встретился с [критиком] Надеждиным у Погодина [другим литератором]. Он показался мне весьма простонародным, *vulgar*, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный».

9—10 С блестящей Ниной Воронскою, / Сей Клеопатрою Невы... — В пятой главе ловкий кудесник мосье Трике заменяет в своем мадригале «Нину» «Татьяной». Как и большинство предсказаний той главы (например, «мужья-военные», предсказанные обеим сестрам Лариным), сбывается и это: теперь Татьяна затмевает «*belle Nina*».

* «.. Это слово *вульгарность* еще не было в употреблении [в век Людовика XIV], но я его считаю хорошим и необходимым» (*фр*).

** См.: Столянский П. «Пушкин и „Северная пчела“» в *П. и его совр.*, 1914, V, вып. 19—20, с. 117—190. (Примеч. В Н)

Некоторые любители прототипов ошибочно связали этот обобщенный образ красавицы с реальной женщиной — графиней Аграфеной Закревской (1799—1879). Баратынский, влюбившийся в нее зимой 1824 г. в Гельсингфорсе (ее муж был генерал-губернатором Финляндии) и, вероятно, летом 1825 г. ставший ее любовником, признается в письме другу, что представлял себе именно ее, описывая в своей безвкусной поэме «Бал» (февраль 1825 — сентябрь 1828), как героиня уступает своего возлюбленного Арсения некоей Оленьке и кончает жизнь самоубийством. Но «Нина» было распространенным литературным именем, и тот факт, что героиню Баратынского зовут княгиня Нина, еще не доказывает, что ее прославленный прототип стал образцом и для «Нины Воронской» Пушкина (отвергнутые варианты фамилий в белой рукописи — «Волховская» и «Таранская»).

Единственным поводом считать, что у Пушкина мог быть непродолжительный роман с Аграфеной Закревской в августе 1828 г. (после разрыва с Анной Керн и попытки разрыва с Елизаветой Хитрово, 1783—1839), является то, что ее имя фигурирует в знаменитом списке дам, за которыми успешно и безуспешно ухаживал Пушкин и которых любил плотски или платонически (перечень, составленный им в 1829 г. в альбом Елизаветы Ушаковой в Москве). Об Аграфене Закревской он так пишет Вяземскому в письме от 1 сентября 1828 г. из Петербурга в Пензу: «Я пустился в свет, потому что бесприютен. Если б не твоя медная Венера, то я бы с тоски умер. Но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня в свои сводники».

Вяземский в своем ответе скаламбурил с пушкинским «бесприютен», осведомившись, неужто того больше не пускают в Приютино, поместье Олениных близ Петербурга²¹. В действительности Пушкин посетил Приютино по крайней мере еще раз — 5 сентября, когда (как отмечает в своем дневнике Аннет Оленина, которой он еще не сделал предложения) поэт смутно намекнул, что у него нет сил с ней расстаться²².

Литературному критику следует обратить внимание на то, что «медная» — это не «мраморная» (XVI, 12) и очаровательная дама из пушкинского письма Вяземскому так же отличается от «Клеопатры Невы» (XVI, 10), как комета от луны. Кстати, для меня «cette Cléopâtre de la Néva»* означает не более чем «cette reine de la Néva»**, что подразумевает блеск и власть, но не содержит никакого намека на легенду о трех умерщвленных любовниках, которой Пушкин воспользовался в своих неоконченных «Египетских ночах». (Ср. также «Альбом Онегина», IX, 13.)

Более осторожные искатели прототипов указывают на другую даму — графиню Елену Завадовскую (1807—1874; невестка дуэлянта, упомянутого в моем коммент. к Истоминой в гл. 1, XX, 5—14)²³, как имеющую больше оснований претендовать на роль образца для Нины Воронской. О ее холодной царственной красоте много говорили в обществе, и, как указывает Щеголев***, Вяземский в своем письме жене (до сих пор неопубликованном?) безоговорочно отождествляет Нину Воронскую с графиней Завадовской.

И наконец, заметим, что прелестная, трепещущая, розовая Нина строфы XXVIIa наверняка не тождественна Нине строфы XVI.

* «Эта Клеопатра Невы» (фр.).

** «Эта королева Нева» (фр.)

*** Лит насл., 1934, т. 16—18, с. 558 (Примеч В Н.)

Я несколько углубился в этот скучный и по сути бессмысленный вопрос поисков прототипа стилизованного литературного героя только для того, чтобы еще раз подчеркнуть различия между реальностью искусства и нереальностью истории. Вся беда в том, что мемуаристы и историки (вне зависимости от степени их честности) являются или художниками, фантастически преобразующими наблюдаемую жизнь, или посредственностями (более частый случай), бессознательно искажающими реальность, подгоняя ее под свои банальные и примитивные представления. В лучшем случае мы можем составить собственное мнение об историческом лице, если владеем тем, что написано им самим, — особенно в форме писем, дневников, автобиографии и т. д. В худшем — перед нами выстраивается некая последовательность событий, на которой беспечно основывает свои заключения школа искателей прототипов: поэт X, поклонник дамы Z, сочиняет литературное произведение, в котором выводит ее в романтическом виде (под именем Y) в рамках литературных обобщений своего времени; распространяются слухи о том, что Y и есть Z; реальная Z начинает восприниматься как совершенный слепок с Y; о Z уже говорят как об Y; мемуаристы и авторы дневников, описывая Z, начинают приписывать ей не только черты Y, но и позднейшие, ставшие расхожими представления об Y (поскольку вымышленные образы героев также развиваются и изменяются); затем приходит историк и из описаний Z (а в действительности Z плюс Y плюс Y₁ плюс Y₂ и т. д.) заключает, что она-то и была прототипом Y.

В данном случае Нина окончательного текста (XVI) является слишком очевидной обобщенной стилизацией, чтобы служить оправданием изысканий, предпринятых с целью обнаружения ее «прототипа». Однако вскоре мы перейдем к исключительному случаю Олениной, когда станем основываться на раскрывающих ее образ свидетельствах людей, с нею знакомых, и в результате получим кое-что новое для понимания мыслей Пушкина путем исследования эпизодического персонажа.

Вариант

7—9 Беловая рукопись:

Она сидела на софе
Меж страшной Леди Барифе
И

Остается только гадать, верна ли расшифровка Гофмана. На мой взгляд, «Barife» выглядит как итальянское слово (ср.: «baruffa» — «препирательство»); был еще итальянский путешественник Джузеппе Филиппи Баруффи (Baruffi), оставивший в начале XIX в. «Путешествие в Россию» («Voyage en Russie»; согласно статье Камиллы Кёшлен в «La Grande Encyclopédie»). Или это реальное английское имя, скажем Барри Фей (Barry-Feu)?

XVII

3 ...*степных селений* . — В строфе VI, 3 Пушкин использовал тот же эпитет, говоря о своей Музе — «прелести ее степные». Изначально прилагательное «степные» означает нечто, относящееся к степи, но я обратил внимание, что, например, Крылов в своем фарсе «Модная лавка» (опубл. 1807) использует это

слово в двух смыслах — «сельский» или «провинциальный», а также в прямом значении — «происходящий из степных областей [за Курском]». Ни обитель пушкинской Музы, поросшая густым лесом (Псковская губерния), ни родина Татьяны (в двухстах милях к западу от Москвы) не могут быть названы степью.

Степи — это огромные, поросшие травой пространства, некогда с преобладанием ковыля (*Stipa pennata*, Linn.). Они простираются от Карпат до Алтая в черноземном поясе России к югу от Орла, Тулы и Симбирска (Ульяновска). Настоящая степь, в которой древесные породы (например, тополь и т. п.) произрастают лишь в долинах рек, доходит на севере лишь до широты Харькова (приблизительно 50°), а дальше на север до широты Тулы лежит так называемая луговая степь, для которой характерны заросли дуба, *Prunus*, и т. д. Еще севернее они незаметно переходят в отбрасывающие кружевную тень березняки. В этой области расположен Тамбов. Несколько пассажей в нашем романе неоспоримо указывают на то, что в местности, где находились имения Лариных, Ленского и Онегина, было много лесов, а следовательно, она располагалась еще дальше к северу. Я помещаю ее где-то на полпути между Опочкой и Москвой. (См. коммент. к гл. 1, I, 1—5 и гл. 7, XXXV, 14)

Обычно Пушкин использует слово «степь» просто как синоним поля, открытого пространства, равнины. Однако я подозреваю, что местность, называемая степью в гл. 8, VI и XVII (точно так же, как местность гл. 4, изобилующая характерными чертами Псковской области, которые тут и там вторгаются в аркадские пейзажи) скорее всего напоминает Болдино²⁴, где с первой недели сентября по конец ноября 1830 г. он провел самую плодотворную осень в своей жизни, ибо понимал, что вскоре его ждет семейная жизнь со смутной перспективой финансовых обязательств и повседневных помех творчеству.

Болдинское имение (на реке Сазанке в районе Лукоянова Нижегородской губернии) занимало около девятнадцати тысяч акров и насчитывало тысячу душ крепостных крестьян. Оно принадлежало отцу Пушкина (Сергею Пушкину, 1770—1848), который, однако, никогда не бывал там и которого вполне устраивало, что имением занимается старший сын. Вокруг старого господского дома не имелось ни сада, ни парка, но окрестности не были лишены того приглушенного, поблекшего величия, которое вдохновляло не одного русского поэта. Эта местность с зарослями дуба и осиновыми рощицами располагается в лесостепной полосе. Именно здесь в течение трех волшебных месяцев Пушкин работал над восьмой главой и закончил «Евгения Онегина» в первом варианте (девять глав), здесь же им было написано по меньшей мере две пятых десятой главы, сочинено около тридцати стихотворений, восхитительная шутивная поэма октавами (пятистопным ямбом) «Домик в Коломне», пять «Повестей Белкина» (экспериментальные рассказы — первая проза на русском языке, обладающая непреходящей художественной ценностью), четыре маленькие трагедии — «Моцарт и Сальери», уже, вероятно, созданная в черновике; черновик «Каменного гостя», заверченный предположительно утром в день дуэли (27 января 1837 г.); «Пир во время чумы» — перевод французского буквального перевода сцены из драматической поэмы Джона Вильсона «Город чумы»; и «Скупой рыцарь», приписываемый (возможно, французским переводчиком) Шенстону, имя которого Пушкин писал в русской транслитерации через «Ч», считая, что «Ш» соответствует неверному французскому произношению, как в названии «Шильд-Арольд», — и целая серия замечательных, хотя и не всегда правдивых писем в Москву его восемнадцатилетней невесте.

8 «Скажи мне, князь...» — И Онегин, и князь N — дворяне. Онегин, обращаясь к своему старому другу и родне (возможно, двоюродному брату), пользуется доверительным «ты» (фр. «tu») и называет его «князем», что в данном контексте и при данных обстоятельствах предполагает ту же степень разговорной близости, что и «mon cher» или обращение по фамилии (ср. с диалогами Онегина и Ленского в третьей и четвертой главах). Сокращенное название титула используется в данном случае исключительно для удобства. Лицо, занимающее более низкую ступень на социальной лестнице, или ровня в шутливом разговоре могли бы использовать «ваше сиятельство» (ср. обращение князя Облонского к графу Вронскому в «Анне Карениной», ч. 1, гл. 17).

Американскому читателю следует напомнить, что русские, немецкие и французские дворяне, носившие титулы князей (что приблизительно соответствует английскому *duke* — герцог), не обязательно принадлежали к царствующей династии. Введение в английском переводе «thee» и «thou» вызвало бы нелепые ассоциации.

9 ...в малиновом берете... — Мягкий головной убор без полей, в данном случае из малинового бархата. При переводе я использовал слово «framboise», так как и в русском, и во французском языке название «малиновый» передает более богатый и насыщенный цвет, чем английское «raspberry». Думается мне, что оттенок последнего ассоциируется скорее с лиловатым цветом свежих плодов, чем с ярко-красным цветом русского варенья или французского желе, которые из них изготавливают.

Элегантная дама в 1824 г. надела бы днем (а раут, на который пришел Онегин, похоже, происходит еще до наступления вечера) плоский бархатный берет фиолетового цвета или цвета бордо. Берет мог быть украшен ниспадающими перьями. Согласно «Одежде английских дам» Каннингтона (Cunnington, «English Women's Clothing», p. 97), англичанки в 1820-х гг. носили «берет-тюрбан» из крепа или атласа, украшенный плюмажем; вероятно, именно такой берет был на голове у Татьяны. Другими модными цветами были ронсеау (пунцовый) и rouge grenat (гранатовый). В сентябрьском выпуске «Московского телеграфа» (1828), с. 140, дается следующее описание парижской моды на русском и французском языках: «Dans les premiers magasins de modes on pose des fleurs en clinquant sur des bérets de crepe bleu, rose ou ponceau. Ces bérets admettent en outre des plumes de la couleur de l'étoffe ou blanches»*.

Как сообщает Б. Маркевич**, бархатный ток пунцового цвета носила блистательная Каролина Собаньская (урожденная графиня Ржевуская, старшая сестра госпожи Евы Ганской, на которой в 1850 г. женится Бальзак) во время светских приемов в Киеве, где в феврале 1821 г. ее впервые увидел Пушкин, приехавший туда ненадолго. Три года спустя Пушкин ухаживал за ней в Одессе, и они вместе читали «Адольфа». Еще позднее поэт был завсегдатаем ее московского салона, писал ей страстные письма и стихи («Я вас любил...», 1829, и «Что в имени тебе моем...», 1830)²⁵. Она была тайным агентом правительства.

* «В самых модных магазинах на береты из голубого, розового или пунцового крепа помещают мишурные цветы. На эти береты можно также прикреплять перья цвета ткани туалета или белого цвета» (фр).

** Маркевич Б. Сочинения. СПб., 1912, т. XI, с. 425; цитируется Цявловским в кн «Рукою Пушкина», с. 186. (Примеч. В. Н.)

И простой берет, и берет с плюмажем 1820-х гг. вышли из употребления к 1835 г. и снова возродились в разнообразных формах уже в нынешнее время.

В варианте белой рукописи гл. 3, XXVIII, 3 (Гофман, 1922) у Пушкина сначала стояла «красная шаль» вместо «желтой», а в черновике «Альбома Онегина», IX, 12 (2371 л. 9 об.) «пунцовая шаль» вместо «зеленой». Наконец он выбрал один из оттенков красного для берета Татьяны.

Согласно В. Глинке*, в Эрмитаже, ленинградском художественном музее на Миллионной улице (с которой доносится отдаленный стук дрожек в гл. 1, XLVIII), хранится национализированный портрет графини Елизаветы Воронцовой²⁶ кисти (сэра Джорджа) Хейтера (1832), где она изображена в берете rouge-framboise**.

Я полагаю, что, сочиняя восьмую главу, Пушкин представлял образчики моды не 1824 г., но 1829—1830 гг., а берет кардинальского цвета (лилово-красного), который великолепно представлен в томе LXII «Journal des dames et des modes» («Журнал мод для дам», № 2, вставка 2, рис. 1; 11 января 1829), привозившегося в Россию из Франкфурта-на-Майне. Кстати, в этом номере опубликована вторая и последняя часть «Le Partage de la succession», перевод болгаринской восточной сказки «Раздел наследства» («Полярная звезда» на 1823 г.).

10 *С послом испанским говорит?* — Осенью 1822 г. на Веронском конгрессе Австрия, Россия и Пруссия договорились о военной интервенции в либеральную Испанию. Французская армия вошла в Испанию весной 1823 г. и заняла Мадрид. В этом же году была восстановлена деспотия Фердинанда VII. К зиме 1824—1825 гг., судя по всему, дипломатические отношения между Россией и Испанией наладились (французы оставались в Испании вплоть до 1827 г.), но испанский посол в России был назначен не ранее 1825 г.

Лернер в книге «Рукою Пушкина» утверждает, что испанским послом в России в 1825—1835 гг. был Х. М. Паэс де ла Кадена и Пушкин знал его лично (9 августа 1832 г. они обсуждали за обедом политику Франции); но эпизод в гл. 8, XVII относится к августу 1824 г., то есть ко времени, предшествующему появлению Паэса де ла Кадены в России.

XVII—XVIII

В ходе написания этих отрывочных комментариев мне то и дело приходится сдерживаться, чтобы не уделять чересчур много внимания ужасающим интерпретациям *ЕО* английскими рифмоплетами. Однако иногда стоит бросить взгляд на их промахи, дабы убедить читателей и издателей переводов, что использование рифмы, делающей смысловую точность математически невозможной, всего лишь помогает этим авторам скрыть то, что обнаружила бы ясная проза, а именно их неспособность адекватно передать сложности оригинала. Выбранный мною для иллюстрации отрывок — конец строфы XVII (8—14) и начало строфы XVIII (1—7) — чрезвычайно сложен и с особой отчетливостью демонстрирует весь неумышленный вред и ущерб, который может быть причинен невинному и незащитному тексту рифмоплетом-пересказчиком. Позвольте мне сначала пред-

* Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1949, с. 133. (Примеч. В. Н.)

** Малиново-красный (*фр*).

ставить текст оригинала с построчным буквальным переводом, а затем показать четыре рифмованных пересказа и прокомментировать их отличительные черты.

XVII

- 8 «Скажи мне, князь, не знаешь ты,
«Tell me, prince, you don't know
Кто там в малиновом берете
Who there in the framboise beret
С послом испанским говорит?»
with the Spanish envoy is talking?»
Князь на Онегина глядит.
The prince at Onegin looks
- 12 — Ага! давно ж ты не был в свете.
«Aha! long indeed you've not been in the monde
Постой, тебя представлю я —
Wait, I'll present you»
«Да кто ж она?» — Жена моя —
«But who is she?» «My wife»

XVIII

- «Так ты женат! не знал я ране!
«So you're married! I did not know before!
Давно ли?» — Около двух лет —
How long?» «About two years»
«На ком?» — На Лариной — «Татьяне!»
«To whom?» «The Larin girl» «Tatiana!»
- 4 — Ты ей знаком? — «Я им сосед»
«You to her are known?» «I'm their neighbor»
— О, так пойдем же — Князь подходит
«Oh, then come on». The prince goes up
К своей жене и ей подводит
to his wife and to her leads up
Родню и друга своего.
his kin and friend

Выражение «буквальный перевод», как я его понимаю, представляет собой некую тавтологию, ибо лишь буквальная передача текста является переводом в истинном смысле слова. Впрочем, у этого эпитета есть определенные оттенки, которые имеет смысл сохранить. Прежде всего, «буквальный перевод» предполагает следование не только прямому смыслу слова или предложения, но и смыслу подразумеваемому; это семантически точная интерпретация, не обязательно лексическая (относящаяся к передаче значения слова, взятого вне контекста) или структурная (следующая грамматическому порядку слов в тексте). Другими словами, перевод может быть и часто бывает лексическим и структурным, но буквальным он станет лишь при точном воспроизведении контекста, когда переданы тончайшие нюансы и интонация текста оригинала* Конечно

* См также Предисловие (Примеч В. Н)

же, лексическим и структурным переводом выражения «не знаешь ты» (XVII, 8) будет «not knowest thou», но это английское выражение не передает простоты слога русской конструкции (в которой местоимение без ущерба для смысла может быть помещено как перед «не знаешь», так и после него), тогда как архаические, сектантские и поэтические коннотации английского местоимения второго лица единственного числа отсутствуют у его простого разговорного русского аналога

«The Larin girl» — это лучшее, что мне удалось изобрести для перевода выражения «На Лариной» (XVIII, 3), существительное «Ларина» — женского рода (м р — Ларин), здесь стоит в предложном падеже. Сложность точного и краткого перевода усугубляется отсутствием в русском языке артиклей «a» и «the», поэтому сказать «a Larin» (или «a Larina») представляется слишком бесцеремонным, а «the Larin» (или, еще того хуже, «the Larina») придало бы неприемлемый намек на дурную славу героини. Сказанное не означает, что я полностью удовлетворен выражением «the Larin girl» (которое чуть фамильярнее, чем в оригинале), я поиграл с «Mlle Larin» и «Miss Larin», но отказался от них. Ларины были известным дворянским семейством, и хотя Онегин некоторое время не вращался в обществе, князь вполне мог предположить, что тот осведомлен об имеющейся в этом семействе девушке на выданье.

С лексической точки зрения, выражение «Ты ей знаком?» (XVIII, 4) — «Thou [art] to her known?» более учтиво, чем «Ты с ней знаком?» — «Thou art with her acquainted?». Это случай, когда лексический перевод переходит в буквальный.

Лексическим аналогом выражения «Я им сосед» (XVIII, 4) является «I [am] to them neighbor», но опять-таки это не будет буквальным переводом, особенно учитывая, что слово «сосед» не столь просто, как кажется на первый взгляд. Тут имеется в виду, что «наши поместья расположены рядом».

Теперь обратимся к четырем вариантам перевода.

Сполдинг (1881):

- 8 «Inform me, prince, pray dost thou know
The lady in the crimson cap
Who with the Spanish envoy speaks?» —
The prince's eye Onéguine seeks
- 12 «Ah! long the world hath missed thy shape!
But stop! I will present thee, if
You choose» — «But who is she?» — «My wife»
- «So thou art wed! I did not know
Long ago?» — «'Tis the second year»
«To ?» — «Larina» — «Tattiana?» — «So
- 4 And dost thou know her?» — «We live near»
«Then come with me» The prince proceeds,
His wife approaches, with him leads
His relative and friend as well.

Попытки сохранить верность тексту, заигрывая при этом с рифмами, поистине героические, особенно если учесть, что Сполдинг писать стихов не умеет. Этот отрывок дает прекрасный пример стиля перевода всего романа. Следует отметить, что схема рифм сводится лишь к мужским окончаниям, да и те местами крайне слабы (например, очень неудачное «shape» в XVII, 12 заставляет читателя задуматься, не должен ли «чепец» — «сар», в который обрядили Татьяну, звучать

как «саре» — «пелерина»). Диалог напоминает разговор двух квакеров. «So», завершающее строку 3 строфы XVIII, ужасающе. «We live near» («Мы живем рядом») бессмысленно. Последние две строки просто смехотворны. Фраза «His wife approaches» («Его жена приближается»), вероятно, означает, что «князь продолжает идти к своей жене».

Эльтон (1938):

- 8 «— Prince, wilt thou tell me — dost thou know
Who, in the raspberry beret yonder
Talks with the Spanish Envoy there?»
And the Prince answers, with a stare,
12 «So long a stanger? ha! no wonder
But see, I will present thee, stay!»
«But who, but who?» — «My wife, I say!»
«So, married? till to-day, I knew not!
Married some while?» — «Two years or so»
— «To whom?» — «A Larina» — «You do not
4 Mean, to Tatyana?» — «Her you know?»
— «Their neighbour, I!» — «Then, come!» Preceding,
The prince unto his wife is leading
His friend and kinsman

Оба квакера по-прежнему с нами. И опять-таки предложенный отрывок дает полное представление о переводчике. Воспроизведенный рисунок рифм при всей своей дотошности жалок. Это «stare», это «ha!» и идиотское восклицание «stay!» невыносимо вульгарны. Фраза «But who, but who?» содержит нелепый повтор. Конец строфы XVII («I say!») звучит так, словно князь при этих словах топает ногой. Краткий обмен репликами «Her you know?» — «Their neighbour, I!» служит ярким примером представлений Эльтона о стихосложении и синтаксисе. Не менее ужасающе звучит «Preceding» (предшествуя — кому?) и «is leading» строк 5 и 6.

Мисс Радин (1937):

- 8 «Who is the lady yonder, Prince,
The one in crimson over there
With the Ambassador from Spain?»
The prince looked at Eugene again —
12 «You must be introduced to her,
You've lived too long outside our life». —
«But tell me who she is?» — «My wife» —
«You're married, then! I didn't know it
And how long since?» — «Two years» — «To whom?» —
«Her name was Larin» — «Not Tatyana?» —
4 «You know her?» — «I lived near their home». —
«Then come!» In such an unforeseen
Encounter Tanya met Eugene,
Her husband's relative and friend
8 She saw him come and slowly bend
Before her

Несмотря на невозможный английский, Сполдинг и Эльтон до некоторой степени все же придерживаются текста оригинала или, по крайней мере, своего

представления об этом тексте. У мисс Радин и мисс Дейч торжествует необузданный парафраз. Мисс Радин облачает Татьяну в малиновое с ног до головы. «Outside our life» (XVII, 13) — очень неуклюжая замена.

Такие фразы, как «in such an unforeseen / Encounter Tanya met Eugene» (XVIII, 5—6) и «She saw him come and slowly bend / Before her» отсутствуют в оригинале. Следует также отметить, что нечетные строки (с женскими окончаниями) первых четверостиший строфы не зарифмованы в переводе и что все используемые рифмы — мужские.

Мисс Дейч (1936):

- 8 «Forgive me, Prince, but can you not
Say who it is that now the Spanish
Ambassador is speaking to?
She's wearing raspberry» «Yes, you
12 Have been away! Before you vanish
Again, you'll meet her, 'pon my life!»
«But tell me who she is» «My wife»
«Well, that is news — couldn't be better!
You're married long?» «Two years» «To whom?»
«A Larina» «Tanya?» «You've met her?»
4 «I am their neighbor» «Come, resume
Your friendship» At this invitation
The prince's comrade and relation
Now met his spouse

Схема рифм воспроизведена, но суть происходящего едва ли имеет отношение к *ЕО*. За что князь должен «прощать» Онегина (XVII, 8)? Что именно «малиновое» (11) надето на даме — платье? туфли? Почему князь считает, что Онегин «исчезнет» (12)? К чему ему клясться (13)? Почему для Онегина «нет ничего лучше» (XVIII, 1) сообщения о женитьбе его «товарища» (6)? Откуда берется предположение князя о «дружбе», существовавшей между Онегиным и Татьяной (5)? Из-за того, что Онегин называет ее «Таней» (3)? Ни на один из этих вопросов нет ответа в пушкинском тексте. В библиотечном экземпляре «перевода», который я использовал, бедный, сбитый с толку, милый, глупый неизвестный студент колледжа послушно написал карандашом слово «ирония» рядом с «better» строфы XVIII, 1. Вот уж воистину ирония.

XVIII

- 13 ...тон... — Пушкин любил это французское слово, которое англичане в ту эпоху иногда не выделяли курсивом. Оно употреблялось в смысле светского стиля поведения как в русских, так и в английских гостиных. Сегодняшний русский склонен путать этот «тон» с его омонимом, означающим тональность, индивидуальную манеру речи, стиль поведения и т. д. В начале XIX в. слово «тон» означало «*bon ton*»*. Это, кстати, приводит мне на ум, возможно, одну из самых неблагозвучных строк, когда-либо вышедших из-под пера французского рифмоплета Казимира Делавиня: «*Ce bon ton dont Moncade emporta le modèle*»** (курсив

* «Хороший тон» (*фр.*).

** «Тот хороший тон, образец которого ушел с Монкадо» (*фр.*)

мой. — В. Н.), «Речь на открытие Второго французского театра» («Discours d'ouverture du Second Théâtre Français», 1819, стих 154).

Ср.: «Юлия» Руссо (Сен-Пре лорду Бомстону, ч. IV, письмо VI): бывший возлюбленный Юлии, вернувшись после четырехлетнего отсутствия, видит ее женой другого: «Elle conserva le même maintien et... continua de me parler sur le même ton»*.

XIX

11 *И не из их ли уж сторон?* — Вереница из шести односложных слов странным образом обнаруживает (в силу редкости подобного ритма в русском стихе) определенную скованность, легкую тень запинки, которые различает в речи Татьяны пушкинский читатель, но не его герой.

Строки 10, 11, 13 и 14 имеют одинаковые рифмы («он», «сторон», «вон», «он») — редкий случай моитонности в романе.

XX

7—8 *...хранит / Письмо.* — Пушкин также хранил это письмо («свято», согласно гл. 3, XXXI, 2). Нам остается предположить, что, когда Онегин общался со своим приятелем в Одессе зимой 1823 г., он не только показывал Пушкину письмо Татьяны, но и позволил его переписать. Именно эта рукописная копия лежала перед Пушкиным, когда он переводил письмо с французского на русский в 1824 г.

XXII

несколько минут

- 8 Они сидят. Слова нейдут
Из уст Онегина Угрюмой²⁷,
Неловкий, он едва-едва
Ей отвечает. Голова
- 12 Его полна упрямой думой.
Упрямо смотрит он. она
Сидит покойна и вольна

Я ставил себе цель передать умышленные запинки анжамбеманов в русском тексте (перекликающиеся далее с отрывистой интонацией речи Татьяны в строфах XLIII и XLVII); отсюда в моем переводе возникает несколько рваный ритм, который призван следовать как смыслу, так и скандовке оригинала. Все анжамбеманы текста мною воспроизведены, но по-русски они звучат мелодичнее, заполняя с идеальной ритмической насыщенностью части *en-escalier*** этого четырехстопника. Конец стиха 10 — идиоматический повтор «едва-едва» передан довольно неуклюже — «hardly, barely». В следующем переносе (11—12) порядок расположения существительного и местоименования («Голова / Его») и их восхитительная разделенность не могли быть сохранены в английском синтак-

* «Она держалась по-прежнему и... продолжала говорить тем же тоном» (фр.).

** Ступеньки, уступы (фр.).

сисе, и я не стал поддаваться искушению использовать искусственный оборот «That head / of his...».

XXIII

3—4 Первоначально (варианты белой рукописи и отвергнутые чтения) муж Татьяны и Онегин вспоминали «затеи, мненья... друзей, красавиц прежних лет», а это служит доказательством того, что князь N не мог быть старше Онегина более чем на полдюжины лет, и следовательно, ему было тридцать с небольшим.

В опубликованном тексте знаменитой политико-патриотической речи, по сути рассчитанной на дешевый эффект, произнесенной 8 июня 1880 г. на открытом заседании Общества любителей российской словесности перед истерически возбужденной аудиторией, Федор Достоевский, сильно переоцененный, сентиментальный романист, писавший в готическом духе, пространно разглагольствуя о пушкинской Татьяне как о «положительном типе русской женщины», пребывает в странном заблуждении, будто ее муж был «почтенным старцем». Он также считает, что Онегин «скитался по землям иностранным» (повторяя ошибку Проспера Мериме в «Исторических и литературных портретах» / «Portraits historiques et littéraires», Paris, 1874, pt. 14: «Oniéghine doit quitter la Russie pour plusieurs années»*) и что он был «социально бесконечно ниже блестящего круга князя N»; все это вместе взятое доказывает, что Достоевский по-настоящему «Евгения Онегина» не читал²⁸.

Достоевский-публицист был одним из тех рупоров тяжеловесных банальностей (звучащих и по сей день), рев которых так нелепо низводит Шекспира и Пушкина до неясного положения всех гипсовых идолов академической традиции от Сервантеса до Джорджа Элиота (не говоря уже о рассыпающихся на кусочки маннах и фолкнерах нашего времени).

12 . без педантизма... — См. коммент. к гл. 1, V, 7.

Вариант

13—14 В белой рукописи стоит:

И слова не было в речах

Ни о дожде, ни о чепцах

XXIIIa, b

В белой рукописи представлены следующие отвергнутые строфы:

XXIIIa

В гостинной истинно дворянской

Чуждались щегольства речей

И шекотливости мещанской

4 Журнальных чопорных судей

<В гостинной светской и свободной

* «Онегин должен уехать из России на несколько лет» (фр.).

- Был принят слог простонародный
И не пугал ничьих ушей
8 Живою странностью своей
(Чему наверно удивится
Готовя свой разборный лист
Иной глубокий журналист,
12 Но в свете мало ль что творится
О чем у нас не помышлял,
Быть может, ни один Журнал!)>

XXIII

- <Никто насмешкою холодной
Встречать не думал старика
Заметя воротник немодный
4 Под бантом шейного платка >
И новичка-провинциала
Хозяйка <спесью> не смущала
Равно для всех она была
8 Непринужденна и мила
Лишь путешественник залетный
Блестящий Лондонской нахал
Полу-улыбку возбуждал
12 Своей осанкою заботной —
И быстро обмененный взор
Ему был общий приговор

а: 2—4 Я умудрился заменить аллитерациями собственного изготовления восхитительную игру Пушкина со звуками «щ» и «ч» в стихах 2—4:

Чуждались щегольства речей
И щекотливости мещанской
Журнальных чопорных судей

б: 9—10 *...путешественник залетный / Блестящий Лондонской нахал..* и XXVI, 9—10 *...путешественник залетный, / Перекрахмаленный нахал...* — Кроме того, что этот образ может быть связан* с фигурой реального англичанина Тома Рейкса, с которым Пушкин встречался в петербургском свете (см. мои коммент. к гл. 2, XVIIa—d), я допускаю, что здесь наш поэт мысленно вернулся к своим одесским впечатлениям и воспоминаниям о высокомерной англomanии генерал-губернатора графа Михаила Воронцова. Эта фамилия, в соответствии с принятой в России в XVIII в. официальной манерой написания на немецкий лад, транслитерировалась как «Woronzoff», а Пушкин издевательски транслитерировал ее обратно на русский, читая «W» по-английски как «Уоронцов». Этот генерал Воронцов (1782—1856), сын графа Семена Воронцова, русского посла в Лондоне, именно там получил свое английское образование. С 7 мая 1823 г. Воронцов занимал пост генерал-губернатора Новороссии (как тогда назывались южные губернии империи) и наместника Бессарабии. В 1840-х гг. он получил должность

* Впервые это предположение было высказано С. Глинкой в кн. *П. и его совр.*, 1927, VIII, вып. 31—32, с. 105—110. (Примеч В Н)

наместника Кавказа и титул князя. В письме к Александру Казначееву, директору канцелярии Воронцова, написанном в Одессе в начале июня 1824 г., Пушкин говорил: «Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de tel et tel chef, je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier galopin anglais qui vient y promener parmi nous sa platitude et son baragouin»* (черновик, 2370, л. 8 об и 9; не путать с более ранним письмом на русском языке к тому же адресату от 22 мая 1824 г., черновик, 2370, л. 1—2). За два месяца до этого Воронцов в письме к Нессельроде характеризовал Пушкина как «un faible imitateur d'un original très peu recommandable: Lord Byron»**.

В 1808 г. единственная сестра Воронцова Екатерина вышла замуж за Джорджа Августа Герберта, графа Пембрука и Монтгомери (1759—1827), и английские родственники время от времени посещали новороссийского наместника в Одессе.

XXIV

Согласно Томашевскому (ПСС, 1957, V, с. 627), строфы XXIV—XXVI, включая варианты, были переработаны, а окончательные варианты отобраны в июне 1831 г. в Царском Селе, после того как вся песнь, за исключением письма Онегина, была завершена в Болдино в конце 1830 г. См. также коммент. к XXVa, варианты 1—9.

- 1 *Тут был..* — Повторяющиеся интонации в перечислении участников этого великосветского раута, строфы XXIV—XXVI, слишком схожи с теми, что звучат в «Дон Жуане» Байрона, XIII, LXXXIV—LXXXVIII («Там также был Пароль — известный задира», «Там герцог Тире...», «Там был Дик Насмешник» и т. д.), чтобы быть простым совпадением.

XXIVa

Строфа, записанная на том же отдельном листе, что и XXIV (беловая рукопись), числится под номером 25, переправленным из «26» (номер окончательного варианта строфы XXIV переправлен из «25»):

И та, которой улыбалась
Расцветшей жизни благодать,
И та которая сбиралась
4 Уж общим мненьем управлять
И представительница света
И та чья скромная планета
Должна была когда-нибудь
8 Смирненным счастьем блеснуть
И та которой сердце таино
Нося безумной страсти казнь
Питало ревность и боязнь —

* «Я устал быть в зависимости от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника, мне наскучило, что в моем отечестве ко мне относятся с меньшим уважением, чем к любому юнцу-англичанину, явившемуся шеголять среди нас своей тупостью и своей тарабарщиной» (фр.).

** «Слабый подражатель очень малочтенному оригиналу: лорду Байрону» (фр.).

- 12 Соединенные случайно
Друг дружке чуждые душой
Сидели тут одна с другой.

XXVa

Следующая строфа записана на отдельном листе в белой рукописи:

- Тут был на эпиграммы падкой
На все сердитый кн<язь> Брод<ин>
На чай хозяйки слиш<ком> сладкой
4 На глупость дам, на тои мужчин
На вензель двум сироткам данный
На толки про роман туманный
<На пустоту жены своей>
8 <И на неловкость дочерей>
Тут был один диктатор бальный
Прыгун суровый, должностной;
У стенки фертик молодой
12 Стоял картинкою журнальной
Румян как вербный херувим
Затянут, нем и недвижим.

5 *вензель* — от польского «wezeł» — «узел». Две девушки-сиротки были произведены во фрейлины императрицы и таким образом получили вензель, или шифр (фр. *chiffre*), придворный знак отличия в виде монограммы царствующей императрицы. Другим, более употребительным смыслом слова «вензель» является обычная монограмма в том значении, в каком это слово используется в гл. 3, XXXVII, 14.

12—14 См. XXVI, 6—8 и коммент. к XXVI, 6 и 7.

Варианты

1—9 Лернер в сборнике *П. и его совр.* (1904, I, вып. 2, с. 81) опубликовал следующий черновой набросок (отдельная страница под номером 53 в Императорской Публичной библиотеке, Санкт-Петербург), представляющий собой вариант строфы XXVa:

На все сердитый гр<аф> Турни
На дом хозяйки — слишком вольный
.....
На толки повести туманной,
.....
На снег <. > на войну,
На тальи спелых дочерей..

На том же листке имеется запись (по предположению Лернера, предшествовавшая появлению стихов), сделанная рукою Жуковского: «Приходи ко мне в половине первого; пойдем в Лицей, там экзамен истории». Это подтверждает тот факт, что фрагмент был написан в июне 1831 г. в Царском Селе, где наш поэт проводил медовый месяц поблизости от своей старой школы.

6 Зачеркнутая строка:

<на слог газет, на день туманный> .

Томашевский (Акад. 1937, с. 511) публикует черновик строфы XXVa (ПД 164) в ином варианте (стихи 1—2, 6—9):

Вошел собой одним довольный
На все сердитый князь Бродин²⁹
.....
На Польшу, на климат туманный
На иемоту жены своей
На тальи спелых дочерей
Вошел Простов, диктатор бальный...

Автограф, описанный Лернером, квалифицируется Томашевским (Акад. 1937, с. 629) как беловая рукопись с отвергнутыми чтениями, соответствующими вариантам, указанным Лернером.

XXVI

1 Имя *Пролазов*, или *Проласов*, образовано от слов «пролаз» или «пролаза» (и то, и другое мужского рода) и означает «карьерист», «низкий доносчик». Пролазов — комический персонаж русских комедий и народных картинок XVIII в.

Издательская традиция заполнять пробел после «был» фамилией Андрея Сабурова (1797—1866), в дальнейшем ставшего бездарным директором императорских театров, с которым Пушкин был едва знаком, основывается на целой веренице немыслимых догадок, которые я не считаю нужным обсуждать. Гораздо интереснее было бы проверить, часто ли среди рисунков Сен-При встречаются карикатуры на Оленина (кстати, где хранятся эти рисунки?)³⁰.

4 *Saint-P[riest]* — имеется в виду граф Эммануил Сен-При (1806—1828), считавшийся талантливым карикатуристом. Кажется, ни один из его рисунков никогда не публиковался. Он был сыном французского эмигранта Армана Шарля Эммануэля де Гиньяра, графа де Сен-При, женившегося на русской княжне Софье Голицыной.

Этот молодой художник застрелился, согласно одной версии, в пасхальное воскресенье в церкви в Италии, согласно другой, — в присутствии некоего эксцентричного англичанина, пообещавшего оплатить его карточные долги при условии, что будет свидетелем его самоубийства³¹.

Карикатуры Сен-При также упоминаются Пушкиным в стихотворении 1829 г. к N. N. («Счастливы ты в прелестных дурах...»).

7 *...вербный херувим...* — «Вербный», от слова «верба», разновидность ивы. Речь идет о бумажных фигурках херувимов, наклеивавшихся на имбирные пряники и т. п., которые продавались на ежегодных ярмарках, устраивавшихся на Вербной неделе, перед Пасхой.

9—10 См. также коммент. к гл. 8, XXIIIb, 9—10.

10 *Перекрахмаленный...* — Имеется в виду шейный платок. Моду слегка крахмалить шейные платки пустил в 1800—1815 гг. красавчик Бруммель, а ее преувеличением в конце 1820-х гг. его подражатели шокировали как французский, так и русский вкус. Да и сам Бруммель, проводя последние годы жизни в Кане (он начал

терять рассудок около 1837 г. и стал безнадежно слабоумным к лету 1838-го), кажется, крахмалил свои батистовые платки гораздо сильнее прежнего.

XXVIa

Эта строфа записана на отдельном листе белой рукописи:

- Тут был Проласов заслуживший
Известность низостью души
Во всех Альбомах притупивший
- 4 St Priest твои карандаши
Тут был <К М> фра<иууз> женатый
На кукле чахлой и горбатой
И семи тысячах душах,
- 8 Тут был во всех своих звездах
<Правленья Цензор> не преклонный
(Недавно грозный сей Катон
За взятки места был лишон)
- 12 Тут был еще сенатор сонный,
Проведший с картами свой век,
Для власти нужный человек

Стихи 12—14 были отрезаны. Они реконструированы по тексту, опубликованному в «Вестнике Европы» (1883, № 1) А. Отто-Онегиным, которому тогда принадлежал автограф.

5—6 Отвергнутое чтение белой рукописи:

Тут знатный барин был женатый
На кукле желтой и горбатой

6 *.чахлой и горбатой* . — (пр. пад, ж. р.) белой рукописи строфы XXVIa напоминает выражение «так мала», эпитет, используемый в некоторых последующих черновиках и, несомненно, относящийся к дочери Оленина Анне (1808—1888). «Горбатой» — злонамеренный намек на ее излишне выступающие лопатки. Интересно отметить, что впоследствии (около 1840 г.) она вышла замуж за человека французского происхождения (Федора Андро, по-французски — Andrault, военного, а позже сенатора). Не знаю, верно ли были расшифрованы в черновике буквы «К. М.», относящиеся к мужу глупой куклы, но если верно, то я предполагаю, что «К» — это общепринятое сокращение титула «князь»³².

Если XXVIa, 5—7 представляют собой грубую насмешку над Аннет Олениной с некоторыми добавленными для камуфляжа подробностями, то строки 8—11 — такая же насмешка над ее отцом. Он хоть и не брал взятки, но любил щеголять во всех своих орденах. Начало строки 9 «Правленья Цензор» — синтаксически неправильное сокращение, означающее «член Главного Управления цензуры».

Постановлением 1828 г. цензура в России была передана в ведение Министерства народного просвещения, и членами ее верховного совета состояли президенты и директора учебных заведений. Алексей Оленин стал членом Главного Управления цензуры в силу занимаемой должности 6 сентября 1828 г. и сохранял этот пост до 1834 г.; вне всякого сомнения, ему была известна деятельность временной верховной комиссии, состоявшей из князя Виктора Кочубея, графа Петра А. Толстого и князя Александра Голицына, которая с 28 апреля по 31 декабря 1828 г. занималась рассмотрением дела о «Гавриилиаде» (см.

ниже). Впрочем, мне не удалось выяснить, был ли Оленин действительно «лишен места», и предполагаю, что это увольнение, как и его причина, служит камуфляжем, таким же, как статус замужней женщины, приписанный «горбатой кукле».

В черновике строфы XXVIa (2382 л. 32 об.) в стихах 11—14 с едкой злостью описывается Лиза Лосина (от «лося», который ассоциируется с «оленом»):

Уж так жеманна, так мала
Так неопрятна, так писклива
Что поневоле каждый гость
Предполагал в ней ум и злость

(Наталья Пушкина, напротив, была высокой, почти пять футов и шесть дюймов, очень элегантной и обладала столь величественным видом, что людям, встречавшимся с ней на балах, казалась холодной и глупой). Я предполагаю, что эти строки были написаны нашим поэтом во время медового месяца в Царском Селе в 1831 г. Может быть, это всего лишь воспоминание прошлого, которое лицемерный и страстный молодой муж дарит своей юной жене, а может, что мне кажется более правдоподобным, это неуголимая ярость отвергнутого поклонника, которую тот испытывает к незабываемой барышне и ее мещанским родителям.

Кукла эта вызывает «дрожь» у Онегина (отвергнутый черновик строфы XXVIa, 7 в тетради 2382, л. 34 об.). Во всех отвергнутых вариантах она «горбата», а отец ее — «нулек на ножках». Строки 7—10 на л. 32 об. Томашевский расшифровывает следующим образом:

Annette <Lisette> Olénine тут была
Уж так <жеманна>, так мала!
Так бестолкова, так писклива
<Что вся была в отца и мать> .

Имей я доступ к пушкинским рукописям, возможно, мне удалось бы дать более полную и отчетливую картину того, как в них отражается Пушкин — отвергнутый ухажер и Пушкин-художник. Художник и благородный человек одержали верх, и в окончательном тексте не осталось и следа от Аннет Олениной и ее отца. Однако несомненным остается одно — сердце нашего поэта в гораздо большей мере было отдано ухаживанию за Аннет Олениной, чем откликалось на чувственное обаяние его невесты.

Вероятно, Пушкин впервые увидел Аннет в доме ее отца, когда та была бледной одиннадцатилетней девочкой; не исключено, что она принимала участие в шарадах на том самом вечере в 1819 г., когда Пушкин флиртовал с ее кузиной Анной Керн (его *maîtresse en titre** в 1828-м), а Крылов читал свою басню о добропорядочном осле (одна строка из которой стала отправной точкой для «Евгения Онегина» в 1823 г.; см. коммент. к гл. I, I, 1). Как зачастую случается с хорошо изученными биографиями, на этой стадии нашего исследования возникает художественно убедительный рисунок, соединяющий начало «Евгения Онегина» с его концом.

В своем дневнике, написанном частично по-русски, частично по-французски («Дневник Анны Алексеевны Олениной. 1828—1829», изданный в Париже в 1936 г. Ольгой Оом, которая, похоже, не скупясь исправляла русский язык своей

* Действительная любовница (фр).

бабушки), Анна Оленина описывает, с какой жадностью Пушкин следил за ее крохотными ножками, «glissant sur le parquet»* на балу в Петербурге зимой 1827/28 г. «Parmi les singularités du poète était celle d'avoir une passion pour les petits pieds, que dans un de ses poèmes il avouait préférer à la beauté même»** (запись от 18 июля 1828 г.). В той же записи она продолжает по-русски: «Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Негритянский профиль, заимствованный от рода матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принужденного, и неограниченное самолюбие...»³³ Она в шутку нарекла Пушкина «Джеком Бродягой» по имени персонажа из пьесы «Увлечения молодости, или Прогуливающийся джентльмен» — комедии в пяти актах Джона О'Киффа (которую Аннет Оленина, вероятно, читала в «Британском театре» / «The British Theatre», ed. Elizabeth Inchbald, London, 1808, vol. XXII). Герой этот (цитирую по тексту пьесы) «подгоняем бурными порывами своей ветреной души», его «жизнь есть стремительный поток сумасбродных причуд», «черты лица лучатся смехом и легкомыслием», а между тем «здравый голос человечности подталкивает его сердце к благородным поступкам». Он влюбляется в прекрасную квакершу леди Амаранту. Издательница, мисс Оом, читает «Джек» как «Красный» и анахронически придает этому слову политическую окраску.

В двадцать лет Аннет Оленина была миниатюрной изящной блондинкой, «резвой, как мышь», пишет Вяземский в письме жене от 3 мая 1828 г.³⁴ В стихотворении, озаглавленном «Ее глаза» (семнадцать строк, написанных четырехстопным ямбом, начинающихся схемой рифмовки *abaab*, которая затем сменяется чередованием женских и мужских рифм), сочиненном весной 1828 г. в Петербурге или в оленинском имении Приютино, расположенном за Охтой, в семнадцати верстах от города, Пушкин говорит (стихи 9—17):

.Глаза Оленной*** моей!
 Какой задумчивый в них гений,
 И сколько детской простоты,
 И сколько томных выражений,
 И сколько неги и мечты!
 Потупит их с улыбкой Леля —
 В них скромных граций торжество,
 Поднимет — ангел Рафаэля
 Так созерцает божество.

В альбоме Анны Олениной стихотворение записано неизвестным почерком, и той же рукой поставлена подпись: «Арап Пушкин».

Среди стихотворений, посвященных Пушкиным Аннет Олениной, есть одно, представляющее исключительный интерес. Его черновики находятся в тетради 2371, л. 13 — то есть посередине гл. 7 (черновик гл. 7, XIII, датированный

* «Скользящие по паркету» (фр.).

** «Среди особенностей поэта была страсть к маленьким ножкам, которую в одном из своих стихотворений он поставил выше самой красоты» (фр.).

*** Заменено на *Элодии* в «Северных цветах» на 1829 год (Примеч В Н)

«19 февр.» 1828 г., находится в тетради 2371, л. 5; «Альбом Онегина» заканчивается в тетради 2371, л. 10; а строфа XXII «Хотя мы знаем, что Евгений» — в тетради 2371, л. 17):

<Увы!> Язык любви болтливый,
Язык неполиый [?] и простой,
Своею прозой иерадивой
Тебе докучи, ангел мой >
Но сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон
<Ей милы> мерные иапевы,
<Ей сладок> рифмы гордый звои
Тебя страшит любви признаье,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой иежиою прочтешь
Благословеи же будь отиные
Судьбою вверенный мне дар
Доселе в жизниной пустыне,
Во мне питая сердца жар,
Мне навлекал одно гоиеиье,
Иль лицемерную хулу,
<Иль клевету, иль> заточенье,
И редко хладную хвалу

Под черновиком этого стихотворения («<Увы!> язык любви болтливый») стоит дата «9 мая 1828». Затем следует слово «Море». Непосредственно за этим написаны два слова, которые могут быть прочтены как «on day», — возможно, имеется в виду, что стихотворение было написано в роковой день 9 мая — годовщину, по пушкинскому календарю, его высылки из Санкт-Петербурга в 1820 г.

Анна Андро, урожденная Оленина, в письме к Вяземскому, написанном на корявом русском языке 18 апреля 1857 г., вспоминает поездку в Кронштадт, предпринятую 25 мая 1828 г.*:

«Помните ли вы то счастливое время, где мы были молоды, и веселы, и здоровы!

Где Пушкин, Грибоедов и вы сопутствовали нам [семье Олениных] на Невском пароходе в Кронштадте. [Пароходы начали совершать регулярные рейсы между Петербургом и Кронштадтом в 1815 г.] Ах, как все тогда было красиво, и жизнь текла быстрым шумливым ручьем!..»

Цявловский, читающий слова, написанные вслед за «Морем» как «on day», приходит, однако, к странному выводу**:

«Слова „on day“ не имеют смысла. Если Пушкин хотел сказать „днем“, то нужно бы: „by day“». Другие комментаторы предложили чтение «one day» — с нечаянным пропуском буквы (что бессмысленно).

С другой стороны, в ППС 1949, т. III, ч. 2, с. 651 это место расшифровывается как «Ол[енины] Дау» (Цявловский скончался, не завершив свою работу, и том

* Цит. по статье Ольги Поповой о Грибоедове: *Лит насл.*, 1946, т. 47—48, с. 237. (Примеч В Н)

** «Пушкин и английский язык» в кн. *П и его совр.*, 1913, V, вып. 17—18, с. 66 (Примеч В. Н)

выпускался в свет Татьяной Цявловской-Зенгер); «Дау» — неправильное русское написание имени английского живописца Доу, которое в другом месте («Путешествие в Арзрум», 1829, при описании генерала Ермолова) Пушкин пишет «Дов» на манер франкоговорящих русских³⁵.

Вот стихотворение, озаглавленное Пушкиным «To Dawe Esqr»:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений

Использованный в первой строке эпитет к «карандашу» — «дивный» напоминает по звучанию французское «divin» — «божественный». Ср.: Вольтер, «Разные стихотворения» («Poésies mêlées»), СХХ: «Госпоже Помпадур, рисующей голову» («A Madame de Pompadour, dessinant une tête):

Pompadour, ton crayon divin. *

Джордж Доу (1781—1829), английский портретист и гравер в технике меццотинто, был приглашен в Россию царем Александром писать героев военной кампании 1812—1814 гг. для специально созданной Военной галереи Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. Доу приехал в 1819 г. и к 1825-му лично написал 150 портретов. Он покинул Россию в мае 1828 г., запечатлев всего 332 генерала по установленной цене тысяча рублей за портрет. Неизвестный рисунок Пушкина, сделанный Доу, мог остаться в бумагах художника, если они сохранились. Доу посетил Россию еще раз следующей зимой и уехал оттуда в Варшаву с эскортом царя Николая весной 1829 г., будучи уже безнадежно больным.

Осенью 1828 г. у Пушкина возникли неприятности: правительство обратило внимание на рукопись его поэмы «Гавриилиада» (1821), в которой в безбожном и элегантно-непристойном стиле французских образцов мило описывается интрига между архангелом и молодой женой старого плотника. 2 октября Пушкин написал царю откровенное письмо, до нас не дошедшее, и был прощен. Поэма (рифмованный пятистопный ямб) содержит несколько замечательных мест, но испорчена пронизывающим ее свойственным молодости мотивом: «Вот какой я нехороший».

Французские анаграммы «Annette Olénine» цветут тут и там на полях рукописей нашего поэта. Ее имя, написанное справа налево, мы находим в черновиках «Полтавы» (2371, л. 11 об.; первая половина октября 1828 г.) — *ettenna eninélo*; а серьезность намерений Пушкина отражена в имени «Annette Pouchkine», появившемся в черновиках первой главы «Полтавы», вероятно в тот самый день, когда царю было написано покаянное письмо о «Гавриилиаде».

Зимой 1828/29 г. Пушкин сделал предложение Аннет Олениной и получил отказ. Ее родители, как ни восхищались талантом Пушкина, были четой консервативной и на первое место ставили успешную карьеру, а потому, вне всякого сомнения, не могли одобрить его безнравственные стихи, любовные похождения

* Помпадур, твой божественный карандаш (*фр*).

и пристрастие к штоссу. Столь же очевидно, что Аннет Оленина не любила Пушкина и рассчитывала на гораздо более блестящую партию³⁶.

Варианты

В первом четверостишии различных черновиков, как исправленных, так и отвергнутых, относящихся к строфам XXVI и XXVIa (2382, л. 32, 33, 34), упоминается некое лицо («граф Д.», «Прыгов», «Стасов», «Тасов», «Проласов»), этаким «добрым мальым», известный своей «низостью» и «охотой открывать все балы».

В отвергнутом черновике стиха 1 (л. 32) значится также:

Гусар, красавец белокурыи

Другой отвергнутый черновик стихов 1—3 содержит следующий вариант:

Тут был диктатор бальиый хмурой

Тут был с своеи прелестной дурой

Еще один бальиый диктатор появляется в черновике (л. 32 об.). Это «<Хрущов> .. Творец элегии французской» (стихи 5—6) и он же отец «Лизы Лосиной».

Черновик стиха 7 (л. 33) сообщает:

Тут Лиза Лосина была

Ее отец изображен в первом варианте стихов 10—11 (л. 32 об) как

Нулек на ножках —

а в отвергнутом черновике он обозначен со всей определенностью:

Тут был ее отец АО

Это монограмма Алексея Оленина (1763—1843), директора Публичной библиотеки с 1811 г., президента Академии художеств с 1817-го, который и сам был художником.

Несколькими годами ранее, в письме Гнедичу от 24 марта 1821 г., Пушкин, выражая благодарность последнему за присланный ему экземпляр первого издания «Руслана и Людмилы» (в выпуске которого Гнедич принимал участие), восхищается виньеткой, сделанной Олениным на титульном листе: «Чувствительно благодарю почтенного АО». Этот фронтиспис (в действительности выполненный кем-то другим по эскизу Оленина)³⁷ представляет собой четыре сцены из поэмы, на одной из которых изображен колдун Черномор с повисшим на его бороде Русланом, они летят над зубчатой башней типичнейшего западноевропейского замка

Не следует забывать, что Оленин вместе с Карамзиным, Жуковским, Гнедичем, Чаадаевым и Александром Тургеневым (последним по порядку, но не по оказанной помощи), приложил максимум усилий, ходатайствуя перед двором и кабинетом министров за Пушкина, когда (в апреле 1820 г.) царь пригрозил сослать его в монастырь на север, а именно на Соловки, где век спустя Советами был создан один из самых позорных и бесчеловечных концлагерей.

XXVII

13—14 *Запретный плод вам подавай, / А без того вам рай не рай.* — Необходимость использования тринадцати английских ударных долей для передачи восьми русских весьма необычна. Отчасти это вызвано тем, что английские слова «запретный плод» («the forbidden fruit»), «вам» («to you») и «рай» («paradise») превосходят по количеству слогов их русские эквиваленты, а отчасти идиоматической сжатостью текста («вам подавай» — повелительное наклонение, следующее за местоимением в дательном падеже). Сполдинг парафразирует довольно точно:

Unless forbidden fruit we eat,
Our paradise is no more sweet

XXVIIa

Черновик (2371, л. 88 об.) содержит следующую альтернативную строфу:

<Смотрите> в залу Нина входит
Остановилась у дверей
И взгляд рассеянный обводит
4 Кругом внимательных гостей —
В волненьи перси — плечи блещут,
Горит в алмазах голова
Вкруг стана <вьются> и трепещат
8 Прозрачной сетью кружева
И шолк узорной паутиной —
Сквозит на розовых ногах
Один Онегин < >
12 Пред сей волшеб<ною> картиной
Одной Татьяной поражен
Одн<у> Тат<ьяну> видит <ои>

Эта и последующая альтернативная строфа XXVIIb изобилуют неожиданным богатством образов. Сохрани наш поэт эти чувственные строки, Нина, конечно, затмила бы Татьяну.

«Горит в алмазах голова», несомненно, перекликается с «Балом» Баратынского (опубл. 1828), где так описываются прически красавиц в бальной зале (изд. 1951, стихи 16—17) — «Драгими камнями у них / Горят уборы головные»; а у княгини Нины «Алмаз мелькающих серег / Горит за черными кудрями» (стихи 481—482). Не будем забывать, что описание экипажей у подъезда празднично освещенного особняка в *ЕО* (гл. 1, XXVII) повлияло на начало «Бала» Баратынского; теперь перед нами обратный процесс: конец *ЕО* (см. XXVIIb, XLIV, 14 и коммент. к XLIV, 6—14) звучит отголоском «Бала». Любопытная иллюстрация взаимообмена.

XXVIIb

Томашевский (ПСС 1957, с. 556) считает, что строфу XXVIIa черновика заменила в белой рукописи следующая строфа.

И в зале яркой и богатой,
 Когда в умолкший, тесный круг,
 Подобна лилии крылатой
 4 Колеблясь входит Лалла-Рук
 И над поикшею толпою
 Сняет царственной главою
 И тихо вьется и скользит
 8 Звезда-Харита меж Харит
 И взор смешенных поколений
 Стремится ревиостью горя
 То на нее, то на царя —
 12 Для них без глаз один Евг<еий>
 Одиой Татьяной поражен,
 Одиу Т<атьяну> видит он

1—4 Это великолепное четверостишие, обладающее исключительно яркой образностью, восхитительно оркестровано. Тонкая игра аллитераций зиждется на согласных «л», «к» и «р». Обратите внимание, как шесть последних слогов третьей строки перекликаются с тремя заключительными слогами последней строки четверостишия:

И в зале яркой и богатой,
 Когда в умолкший, тесный круг,
 Подобна лилии крылатой
 Колеблясь входит Лалла-Рук

Какая жалость, что Пушкин был вынужден исключить эту на редкость красивую строфу, одну из лучших когда-либо им сочиненных! Конечно же, она страдает невозможным анахронизмом. Отдаваясь во власть личных воспоминаний в 1827—1829 гг., Пушкин описывает бал первых лет правления Николая I (1825—1855), на мгновение забывая о том, что предполагаемые балы и рауты, на которых Онегин встречается Татьяну, должны происходить осенью 1824-го, в правление Александра I (1801—1825). Естественно, никто бы никогда не позволил опубликовать эту строфу, раз Онегин предпочитает Татьяну N императорской чете.

4 *Лалла-Рук* — это юная императрица России Александра (1798—1860), ранее прусская принцесса Шарлотта (дочь короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы), после того как в 1817 г. на ней женился Николай. Она получила это *nom de société**, появившись в «живой картине» на великосветском празднике в costume героини очень длинной поэмы Томаса Мура «Лалла Рук, восточная поэма» (1817). Под этим именем она была воспета своим учителем русского языка Жуковским, который посвятил три стихотворения светской теме Лаллы Рук, когда находился в Берлине, где в январе 1821 г. при дворе устраивались разнообразные праздники (описанные в специальном альбоме с иллюстрациями «Лалла Рук, танцевально-вокальный дивертисмент» /«Lallah Roukh, divertissement mêlé de chants et de danses», Berlin, 1822), на которых принцесса Александра выступала в роли восточной принцессы, а великий князь Николай — Алириса. Одно из этих трех стихотворений, посвященное Александре и состоящее из шестидесяти четырех хореических строк, — «Милый сон, души пленитель» —

* Светское прозвище (фр)

исключительно близко по своей образности переоцененному пушкинскому мадригалу, обращенному к Анне Керн, «Я помню чудное мгновенье...» (июль 1825 г., двадцать четыре строки, написанные четырехстопным ямбом), который он подарил ей вместе с первой главой *ЕО* в обмен на веточку гелиотропа с ее груди. Добавив в начале стиха односложное «как», дабы получить ямбический размер, Пушкин дважды повторяет (стихи 4 и 20) хорей Жуковского (стих 42):

Геий чистой красоты —

оборот, использовавшийся Жуковским не только здесь.

Говорят (Бартенев со слов Нащокина), что целомудренная красота юной императрицы обладала столь же сильной чувственной притягательностью для Пушкина, как и красота Анны Керн.

Принцесса Мура обитает в Индии, какой предстает эта страна в бледных фантастических сочинениях XVIII в. Ее развлекает менестрель бесконечной чередой монотонных куплетов и галльских *chevilles*. Пушкин, как и другие его русские современники, знал поэму по прозаическому изложению Амедея Пишо «Лалла Рук, или Монгольская принцесса, восточная история» («Lalla Roukh, ou la Princesse mogole, histoire orientale», 2 vols., Paris, 1820)

- 8 Интересно отметить, что «хариты» пришли из «Бала» Баратынского, стих 23 — «Вокруг пленительных харит».

XXX

- 10 *Боа пушистый* . — В белой рукописи содержится модный образ: «змею соболью».
- 13 . *пестрый полк* — Возможно, под влиянием французского выражения, обозначающего лакеев, — «le peuple bariolé»* бытовавшего в XVII в.

XXXa

Пушкин продолжает строфу XXX в белой рукописи таким фальстартом:

Проходят дни, летят недели
 Онегин мыслит об одном
 Другой себе не знает цели
 4 Чтоб только явио иль тайком
 Где б ни было княгиню встретить
 Чтобы в лице ее заметить
 Хоть озабоченность иль гнев
 8 Свой дикий нрав преодолев
 Везде на вечере, на бале
 В театре, у художниц мод
 На берегах замерзлых вод**
 12 На улице, в передней, в зале
 За ней он гоится, как теиь
 Куда его девалась леиь?

* «Пестрый народ» (*фр*)

** В октябре 1824 г (самое позднее время действия в этой строфе) Нева еще не замерзла (*Примеч В Н*)

XXXI

- 8 Пушкин был человеком умным и тем не менее использовал это жалкое добропорядочное назидание, чтобы повлиять на свою невесту, которая, прочти она Пушкина, могла бы отказаться от претенциозной манеры «московской барышни».

XXXII

- 7 В тексте в конце этой строки нет знака препинания, но, несомненно, это или ошибка переписчика, или типографская опечатка.
- 14 ...*точь-в-точь*. — Следует ли понимать, что «точь-в-точь» относится не к точности перевода, но подразумевает верно снятую копию (хотя это может означать и то, и другое) и что Онегин, поддавшись искренней непосредственности княгини N и, в отличие от заемного романтизма Татьяны третьей главы, сочиняет свое, во всех остальных отношениях очень французское послание на неокарамзинском русском языке, отказываясь от традиционного французского языка своих литературных образцов? Остается только гадать. Как бы там ни было, текст письма вводится в роман сухо и прозаично. Читатель наверняка припомнит сложности, с которыми столкнулся Пушкин (гл. 3, XXVI—XXXI) при «переводе» письма Татьяны.

Вариант

- 14 До того как Пушкин вставил письмо Онегина между строфами XXXII и XXXIII, последний стих строфы XXXII гласил:

Он ждет ответа день и ночь

Далее следовало «Ответа нет», начинающее строфу XXXIII.

Письмо Онегина к Татьяне

Шестьдесят строк, написанных четырехстопным ямбом со свободной схемой рифмовки: *baabeces, aabeebīcicoddo, babacese, babacceded, ababecēdidobbo, baab*; строфы разделяются как обычно принято в русских изданиях; повтор букв, связанный с недостатком гласных, не предполагает схожести рифм, за исключением первых строк второй и третьей части (где *b* обозначает одну и ту же рифму на *-ac*) и предпоследней части (где *b* обозначает рифму на *-or*); женские рифмы последней части письма перекликаются с аналогичными — «боле» — «воле» в строках 1 и 3 письма Татьяны, которое на девятнадцать строк длиннее.

- 1 Ср.: Руссо, «Юлия», ч. 1, письмо II (Сен-Пре к Юлии): «Je sens d'avance le poids de votre indignation...»*
- 10 ...*искру нежности*... — Ср. «каплю жалости» в письме Татьяны, стих 6 и «*étincelle de vertu*»** в первом длинном письме Юлии к Сен-Пре.

* «Я заранее чувствую силу вашего гнева...» (Фр.)

** «Искра добродетели» (фр.)

12 *Привычке милой* (дат. пад., ж. р.) — галлицизм, *douce habitude, doux penchant*. Похоже, литературным образцом для Онегина служил отрывок из «Опасных связей» Лакло (1782), письмо XXVIII: «Quoi! je perdrois la douce habitude de vous voir chaque jour!»* Эта формула встречается то и дело, от Шолье до Констанана.

16 *Несчастной жертвой Ленский пал...* — Странная фраза в устах Онегина. Сочетание *bon goût* с нечистой совестью делает неясной манеру его речи. Жертвой чего? Ревности? Чести? Судьбы? Меткости Онегина? Или его тоски?

Вдумчивый комментатор, пожалуй, отметит, что если ипохондрик-англичанин стреляет в себя, то снедаемый хандрой русский предпочитает убить друга, совершая тем самым, так сказать, самоубийство «через представителя».

17—18 Этот риторический оборот пользовался огромной популярностью у поэтов того времени. Ср.: Баратынский, «Бал», стихи 223—224:

И, прижимая к сердцу Ниину,
От Нины сердце он таил...

20—21 *Я думал: вольность и покой / Замена счастью* — Ср.: последняя строка пушкинской оды «Вольность» (1817), а также стихотворение «Пора, мой друг, пора...» (восемь строк, написанных ямбическим гекзаметром около 1835 г.) стих 5:

На свете счастья нет, но есть покой и воля

«Покой» включает значения: «мир», «отдохновение», «безмятежность» и «внутренняя свобода». (См. также «Путешествие Онегина», [XVIII], 13.) В другом месте «покой» заменяется «привычкой» (гл. 2, XXX, 14).

29 *Пред вами в муках замирать; 34—40 Но чтоб продлилась жизнь моя, / Я утром должен быть уверен, / Что с вами днем увижусь я; 49 ...обнять у вас колени; 53 А между тем...* — Как указывают русские комментаторы**, письмо Онегина изобилует переключками с «Адольфом» Констанана (см. мой коммент. к гл. 7, XXII, 6—7). Оно написано в том же резком нетерпеливом тоне, что и слова «Mais je dois vous voir s'il faut que je vive»*** (гл. 3) с парафразами типа «Mais alors même, lorsque tout mon être s'élançait vers vous, lorsque j'aurais un tel besoin de me reposer de tant d'angoisses, de poser ma tête sur vos genoux, de donner un libre cours à mes larmes, il faut que je me contraigne avec violence...»**** (там же).

30 *Бледнеть и гаснуть* — это почти точный повтор гл. 4, XXIV, 2: Татьяна «бледнеет, гаснет».

49 *...обнять у вас колени..* — Амфорообразная поза объятия, выражающая мольбу и преданность, постоянно встречается в европейской художественной прозе того

* «Как! чтобы я утратил милую привычку видеть вас каждый день!» (Фр.)

** Н Дашкевич в сборнике «Памяти Пушкина» (Киев, 1899), Лернер в петербургской ежедневной газете «Речь», 12 янв. 1915; и особенно Аина Ахматова в статье «„Адольф“ Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина» («Временник», 1936, I, с 91—114). (Примеч В Н)

*** «Но мне необходимо вас видеть, чтобы жить» (Фр.)

**** «Но даже тогда, когда все мое существо стремится к вам, когда мне было бы так нужно отдохнуть от всех печалей, положить голову к вам на колени, позволить свободно литься слезам, я должен усилием воли обуздывать себя » (Фр.)

времени. См., например, мадам де Крюднер, «Валери», письмо XLII: «Je [Линар] m'elancai a ses [Валери] genoux, que je serrai convulsivement»*.

В эпистолярном романе Ричардсона «История сэра Чарльза Грандисона» (т. 1, письмо XXIX к мисс Селби, понедельник, 20 февраля) коварный носильщик портшеза относит мисс Байрон в дом, где сэр Харгрейв Поллексфен «бросается к [ее] ногам»; «[она] падает на колени и обхватывает руками [одну из отступающих женщин]». Затем она склоняет колени перед негодяем. Затем бросается на диван у окна. Затем он бросается к ее ногам. Затем он обнимает ее колени своими мерзкими руками (см. схожую сцену у мадам де Сталь, мой коммент. к гл. 3, X, 3).

49—51 Онегин в гл. 8, XLI—XLII следует рекомендациям Жан-Бернара, которые тот дает возможному любовнику в «Искусстве любить» («L'Art d'aimer», 1761), песнь II, стихи 218—219:

Meurs à ses pieds, embrasse ses genoux,
Baigne de pleurs cette main qu'elle oublie **

53—54 Ср.: Руссо, «Юлия», ч. IV, письмо VI (Сен-Пре жалуется лорду Бомстону): «Quel supplice de traiter en étrangère celle qu'on porte au fond de son coeur!»*** Схожесть письма Онегина с интонацией Сен-Пре уже отмечалась в 1832 г. (21 февраля) Кюхельбекером в его тюремном дневнике³⁸.

Варианты

9—53 Черновик (ПД 165) предлагает следующие альтернативные строки:

9 Но так и быть не в силах доле
Противиться я сам себе
Не в первый раз я предаю воле
12 Страстей безумных и судьбе ..
.
23 Я позабыл ваш образ милый
Речей стыдливых нежный звук —
И жизнь сиосил душой унылой
26 Как искупительный недуг
.
50 Так я безумец — но ужели
Я слишком многое прошу?
Когда б хоть теи вы разумели
53 Того, что в сердце я ношу!

55—61 Томашевский и Модзалевский в «Рукописях» (1937) на вклейке после с. 72 публикуют факсимиле белой рукописи из собрания Майкова:

Глядеть на вас веселым взглядом,
Вести ничтожный разговор
Вы незнакомы с этим адом

* «Я бросился к ее коленям и судорожно обхватил их» (Фр).

** Умри у ее ног, обними ее колени, / Омой слезами эту руку, которую она не отняла... (Фр)

*** «Какая пытка обращаться как с чужой с той, что живет в твоём сердце!» (Фр)

Но что же Вот чего хочу
Проиду — иемного — с вами рядом
Упьюсь по капле сладким ядом
И благодарный замолчу

На этом письмо заканчивается.

Под последней строчкой черновика (ПД 165) Пушкин написал: «5 окт. 1831 С[арское] С[ело]». Это последняя по времени дата, относящаяся к работе Пушкина над романом. Песнь была опубликована три месяца спустя.

XXXIII

- 6 *Его не видят, с ним ни слова* . — Ее очевидное безразличие передано в тексте отсутствием подлежащего и неопределенно-личной формой глагола во множественном числе. Легкая ироничность или по меньшей мере разговорность интонации может быть передана на английском следующим образом: «My lady sees him not...» Это настоящий галлицизм: «On ne le voit pas, on ne lui parle pas».

XXXV

- 2—6 Прием перечисления авторов, хотя и характерен для Пушкина (питавшего особое пристрастие к перечням предметов, имен, чувств, действий и т. д.), придуман не им. В самом деле, список этой строфы ничто по сравнению с легендарным каталогом книг, прочитанных Фобласом в период вынужденного затворничества, из сочинения Луве де Кувре «Один год из жизни шевалье де Фобласа» («Une Année de la vie du Chevalier de Faublas») (см. коммент. к гл. I, XII, 9—10). В его списке из сорока авторов, против десяти Онегина, читатель узнает старых друзей, таких, как Колардо, Дора, Бомарше, Мармонтель, де Бьевр, Грессе, Мабли, Жан Батист Руссо, Жан Жак Руссо, Делиль, Вольтер и другие.

Отметим также, что Пушкин исключил из круга чтения своего героя зимой 1824/25 г. две иностранные книги, пользовавшиеся наибольшей популярностью в тот сезон: полемические «Мемуары Жозефа Фуше герцога Отрантского» («Mémoires de Joseph Fouché, duc d'Otrante», 2 vols., Paris, 1824) — Фуше был шефом полиции Наполеона; и «Беседы с лордом Байроном» («Les conversations de Lord Byron») — переложение Пишо «Дневника бесед» Медуина («Journal of the Conversations...»); см. коммент. к гл. 3, XII, 10)

Прием перечисления также очень любил дядя Пушкина Василий Пушкин, что послужило поводом для пародии Дмитриева (опубликованной в Москве в 1808 г. тиражом в пятьдесят экземпляров для частного пользования) — прелестного стихотворения, написанного четырехстопным ямбом, о путешествии Василия Пушкина за границу (в 1803 г.; см. отчеты последнего в июньском и октябрьском номерах «Вестника Европы» за тот же год). Пародия озаглавлена «Путешествие N. N. в Париж и Лондон». В третьей части находим следующие строки (21—27):

Какие фраки! панталоны!
Всему новейшие фасоны!
Какой прекрасный выбор книг!

Считайте — я скажу вам вмиг
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнилий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Виргилий,
Весь Шакеспир, весь Поп и Гюм

Корнилий — шуточная форма от Корнеля; Шакеспир — три слога, французское произношение; Поп — французское произношение Поупа; Гюм — русифицированная форма от французского произношения Юма; остальные имена даны в традиционном русском написании.

Для своей незаконченной повести, известной под названием «Арап Петра Великого», начатой 31 июля 1827 г., Пушкин, если судить по целой мешанине присутствующих в рукописи эпиграфов, намеревался предпослать первой главе цитату из «Журнала путешественника»:

Я в Париже
Я начал жить, а не дышать

2 .. *Гиббона* . . — Эдуард Гиббон (1737—1794) — английский историк. Онегин мог читать воспоминания Гиббона во французском переводе (Paris, 1793), издании, которое было в библиотеке Пушкина. Восемнадцать томов «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббона в переводе Леклерка де Сет-Шена («Histoire de la décadence et de la chute de l'empire romain», Paris, 1788—1795) должны были занять Онегина по меньшей мере на месяц.

2 .. *Руссо* . — Предполагаю, что, насытившись Гиббоном, Онегин обратился скорее к «Юлии» (см. коммент. к гл. 3, IX, 7) или «Исповеди» Руссо, нежели к его дидактическим трудам. Две недели чтения Руссо, должно быть, его вполне удовлетворили.

3 *Манзони* — Алессандро Франческо Томмазо Антонио Манзони (1785—1873) — усердный, набожный и наивный автор таких посредственных произведений, как «романтическая» трагедия «Граф Карманьола» («Il conte di Carmagnola», Milan, 1820), которую Онегин мог читать во французском переложении Клода Форьея «Le Comte de Carmagnola» (Paris, 1823). Она также переводилась Огюстом Троньоном (Paris, 1822). Подозреваю, что Пушкин хотел предложить Онегину «Les Fiancés, histoire milanaise» («Обрученные, миланская история») — французский перевод Рея Дюсюея (Paris, 1828) романа Манзони «Обрученные» («I Promessi sposi», 1827), очередной отголосок перепевов миссис Радклиф, но книга эта вышла слишком поздно и не могла соответствовать его замыслу.

Отвергнутое чтение — «Лаланд» (Жозеф Жером Ле Франсуа де Лаланд, 1732—1807, французский астроном) в белой рукописи вместо «Манзони».

3 .. *Гердера* .. — Иоганн Готфрид фон Гердер (1744—1803), немецкий философ.

Неясно, каким образом сочинение рижского мыслителя, который «rappelait l'humeur souffrante de Rousseau fugitif et vieilli»*, мог в 1824 г. попасть к fugitif et vieilli** Онегину, разве что наш герой знал немецкий (а это, как известно, не так) или имел доступ к сигнальному экземпляру французского перевода первого тома гердеровского сочинения «Идеи к философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», 1784—1791; «Idées

* «Напоминал страждущий дух постаревшего беглеца Руссо» (фр)

** Постаревший беглец (фр).

sur la philosophie de l'histoire de l'humanité», изданием которого 1827—1828 гг. мне, к сожалению, пришлось удовлетвориться; перевод был сделан в 1825 г. двадцатидвухлетним Эдгаром Кине).

3 ...Шамфора... — Вне всякого сомнения, имеются в виду «Максимы и мысли» («Maximes et Pensées») из книги «Сочинения [Себастьяна Рока Никола] Шамфора», «собранные и опубликованные одним из его друзей» (vol. IV, Paris, 1796; Пушкин имел издание 1812 г.).

Онегин мог отчеркнуть следующие места (с. 384, 344, 366 и 552):

«Je demandais à M. N. pourquoi il n'allait plus dans le monde? Il me répondit: „C'est que je n'aime plus les femmes, et que je connais les hommes“».

«Le Médecin Bouvard avait sur le visage une balafre, en forme de C, qui le défigurait beaucoup. Diderot disait que c'était un coup qu'il s'était donné, en tenant maladroitement la faux de la mort».

«Pendant la guerre d'Amérique, un Ecossais disait à un Français en lui montrant quelques prisonniers américains: „Vous vous êtes battu pour votre maître, moi, pour le mien; mais ces gens-ci, pour qui se battent-ils?“»

«Je ne sais quel homme disait: „Je voudrais voir le dernier des Rois étranglé avec le boyau du demier des Prêtres“»*.

Последнее относится к строкам (которые Лагарп в «Лицее» приписывает Дидро):

Et des boyaux du dernier prêtre
Serrons le cou du dernier roi**

Согласно мнению О. Герлака, высказанному в книге «Изречения французских авторов» (O. Guerlac, «Les Citations françaises», Paris, 1931, коммент. на с. 218): «On a longtemps attribué ces vers à Diderot qui a, en effet, dans les „Eleuthéromanes ou abdication d'un Roi de la Fève“ (1772), écrit deux vers similaires. Mais ceux-ci, dont on ignore le véritable auteur, ne sont que la paraphrase d'un voeu du curé d'Etrépigny en Champagne, Jean Meslier, dont Voltaire publia un extrait de testament, d'ailleurs considéré comme apocryphe, où se lisent ces mots: „Je voudrais, et ce sera le demier et le plus ardent de mes souhaits, je voudrais que le demier des rois fut étranglé avec les boyaux du demier prêtre“»***.

* «Я спрашивал г. N., почему он не появляется больше в свете? Он мне ответил: „Потому что я не люблю больше женщин и потому что знаю мужчин“»; «Доктор Бувар имел на лице шрам в форме буквы „С“, который его сильно безобразил. Дидро говорил, что это след от удара, который он нанес себе, неудачно орудуя косою смерти»; «Во время Американской войны один шотландец говорил одному французу, показывая на нескольких пленных американцев: „Вы сражались за своего господина, я — за своего; но эти люди, за кого сражаются они?“»; «Не знаю кто именно говорил: „Хотел бы я видеть последнего из королей, задушенного кишкой последнего из священников“» (фр.)

** И кишки последнего священника / Обовьются вокруг шеи последнего короля (фр.).

*** «Долго приписывали этот стих Дидро, который и в самом деле написал в своих „Элетероманах, или Отречении короля имениного боба“ (1772) два сходных стиха. Но эти стихи, настоящий автор которых неизвестен, есть не что иное, как парафраз обета кюре из Этрепиньи в Шампани, Жана Мелье, отрывок из завещания которого опубликовал Вольтер; оно, впрочем, считается апокрифическим; там есть такие слова: „Я хотел бы, и это будет последнее и самое горячее из моих желаний, я хотел бы, чтобы последний из королей был задушен кишками последнего священника“» (фр.).

Эти строки были парафразированы в русском четверостишии, написанном около 1820 г., по мнению некоторых, Пушкиным, но вероятнее всего — Баратынским. Оно ходило по рукам с вариантами «русского» вместо «последнего» в приложении к «попу» и «царю»:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим

4 *Madame de Stael...* — Согласно отвергнутому пассажи в первой главе, Онегин в молодости читал труд этой популярной писательницы, посвященный немецкой литературе. Теперь он мог обратиться к «Дельфине», которая вместе с «Юлией» числилась в ряду любимых романов юной Татьяны.

4 *...Биша...* — Знаменитый врач, анатом и физиолог Мари Франсуа Ксавье Биша (1771—1802), автор «Физиологических исследований о жизни и смерти» («*Recherches physiologiques sur la vie et la mort*», Paris, 1799; третье издание, к которому я обращался, — 1805). Он различал два вида жизни у живого существа: «органическую жизнь», зависящую от асимметричной внутренней структуры организма, и «животную жизнь», зависящую от его симметричной внешней структуры. Онегина особенно могла заинтересовать статья шестая о физиологии страстей, в которой автор доказывает, что любые проявления страстей влияют на функции организма. Биша оставил изумительные страницы, посвященные смерти сердца, смерти легких и смерти мозга; он скончался, будучи моложе Пушкина.

4 *..Тиссо...* — Согласно одним источникам — Симон Андре, согласно другим — Самуэль Огюст Андре Тиссо (1728—1797), знаменитый швейцарский врач, автор книги «О здоровье литераторов» (Tissot, «*De la santé des gens de lettres*», Lausanne et Lyon, 1768).

Онегин мог также отметить следующее (с. 31, 91):

«Il y a eu des tyrans qui ont condamné à la mort des philosophes qu'ils haïssaient, mais ils n'ont pu la leur faire craindre. Combien auraient-ils été plus cruels, si en leur accordant la vie, ils eussent pu leur inspirer les craintes qui sont le tourment les hypocondriques?»

«Rien au monde ne contribue plus à la santé que la gayeté que la société anime et que la retraite tue... Elle produit cette misantropie, cet esprit chagrin... ce dégoût de tout...»*

Читая Тиссо, Онегин следовал совету Бомарше:

«...Si votre dîner fut mauvais... ah! laissez mon „Barbier“... parcourez les chefs-d'oeuvres de Tissot sur la tempérance, et faites des réflexions politiques, économiques, diététiques, philosophiques ou morales»** («Lettre modérée sur la chute et la critique du „Barbier

* «Были тираны, которые приговаривали к смерти философов, которых они ненавидели, но они не могли заставить их ее бояться. Насколько более жестоки они были бы, если бы, даруя им жизнь, они смогли бы внушить им страх, который есть мука для ипохондриков?»; «Ничто на свете не способствует более здоровью, чем веселость, которую общество питает, а уединение убивает... Последнее порождает мизантропию, этот дух печали . это отвращение от всего...» (Фр)

** «.. Если ваш ужин оказался плох... ах! отложите моего „Цирюльника“... перечитайте шедевры Тиссо о воздержании и предайтесь размышлениям о политике, экономике, диете, философии или нравственности» (Фр).

de Séville“)*, которое предваряло «Севильского цирюльника, или Тщетную предосторожность», «comédie en quatre actes, représentée et tombée sur le Théâtre de la Comédie Française, aux Tuileries, le 23 de Février 1775»** в Полном собрании сочинений Пьера Огюстена Карона де Бомарше, Paris, 1809, vol. 1).

Интересно отметить, что в своей маленькой трагедии «Моцарт и Сальери» (1830) Пушкин вкладывает в уста Бомарше, как о том говорит Сальери, совсем иной совет (сцена II, стихи 31—35):

...Бомарше
Говаривал мне «Слушай, брат Сальерн,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти „Женитьбу Фигаро“»

Некоторые комментаторы притягивают сюда совершенно другого, не относящегося к делу Тиссо, — Пьера Франсуа (1768—1854), автора «Очерка войн революции вплоть до 1815 г» («Précis des guerres de la Révolution jusqu'a 1815», Paris, 1820) и книги «О латинской поэзии» («De la poésie latine», Paris, 1821).

5 . *скептического Беля* .. — Пьер Бейль (1647—1706), французский философ.

Что именно? Возможно, его восхитительно циничный и искаженный пересказ истории Абеяра (ум. 1142) и Элоизы (ум. 1163) с непристойными комментариями в «Историческом и критическом словаре» («Dictionnaire historique et critique», Rotterdam, 1697; у Пушкина было издание А. Ж. К. Бошо 1820—1824 гг. в 16 томах).

6 .. *творенья Фонтенеля* .. — Бернар ле Бовье де Фонтенель (1657—1757), в новом издании его Полного собрания сочинений (3 vols., Paris, 1818) Онегина могли привлечь «Разговоры о множестве миров» («Entretiens sur la pluralité des mondes», 1686) или, с более практической точки зрения, «Беседы о терпении» («Discours de la patience», 1687).

Еще лучшим выбором, подсказанным тенью Ленского и воспоминаниями об их безмятежных беседах на аркадские темы (гл. 3, I—II), могла бы быть «Пасторальная поэзия с Трактатом о природе эклоги» («Poésies pastorales, avec un Traité sur la nature de l'églogue», 1688). Однако лучшее творение Фонтенеля — это «Диалоги мертвых» («Dialogues des morts», 1683), в которых за легким остроумием и жесткими логическими построениями, столь характерными для той эпохи, различимо течение сильной и ясной мысли неповторимой индивидуальности.

7—8 Среди русских поэтических творений, появившихся в конце 1824-го и начале 1825 г., современные критики особо отмечали следующие: собрание стихотворений Жуковского; «Бахчисарайский фонтан» Пушкина; фрагменты «Горя от ума» Грибоедова (в «Русской Галии»; см. коммент. к гл. 1, XXI, 5—14).

Кроме того, благоприятные отзывы получили «Думы» Рылеева и опубликованные в журналах различные стихотворения Пушкина, Баратынского, Кюхельбекера, Дельвига, Языкова и Козлова.

* «Сдержанное письмо о провале и о критике „Севильского цирюльника“» (фр)

** «Комедия в четырех действиях, представленная и провалившаяся в театре Комеди Франсез в Тюильри 23 февраля 1775» (фр).

В литературном альманахе Дельвига «Северные цветы» на 1825 г., который вышел в свет в рождественские дни 1824-го, Онегин мог найти фрагмент в четыре строфы (гл. 2, VII—X), посвященный чистой душе юного идеалиста, которого он убил четырьмя годами ранее (14 января 1821 г.).

В последнюю неделю февраля 1825 г., получив первую главу, он мог с улыбкой прочесть, испытывая смесь ностальгии и удовольствия, о самом себе, Каверине, Чаадаеве, Катенине и Истоминой в снисходительном рассказе своего старого приятеля о жизни молодого повесы в 1819—1820 гг.

Приблизительно в то же время (начало 1825 г.) ему могли попасться на глаза первые три номера «Сына Отечества» за текущий год с едкой критикой Булгарина по адресу «Истории государства Российского» Карамзина, т. X и XI (Булгарин считал, что Карамзин ошибочно представляет царя Бориса Годунова злодеем).

- 9 *И альманахи, и журналы...* — Наиболее известными литературными сборниками, которые назывались «альманахами» (и отличались от журналов — литературных обзрений — в основном тем, что выходили в свет через неравномерные промежутки времени, иногда приближаясь по форме к «ежегодным антологиям» в «карманном» издании), были в 1824—1825 гг. следующие: «Мнемосина» (изд. Одоевский и Кюхельбекер), «Северные цветы» (изд. Дельвиг), театральное обозрение Булгарина «Русская Талия» и другие. В настоящий момент я держу в руках альманах «Полярная звезда» (1824 г.) — «карманная книжка на 1824-й г. для любителей и любителей русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым, Санкт-Петербург, 322 с., с иллюстрациями».

Слово «альманах», использовавшееся в России для обозначения более или менее периодического издания новых литературных произведений, появилось в 1796 г., когда Карамзин решил опубликовать «Альманах Аонид» в подражание знаменитому французскому «Альманаху Муз» («*Almanach des Muses*») — *recueil** стихов-однодневок (с редкими проблесками более долговечных произведений), выходившему с перерывами с 1764 по 1833 г.

Среди журналов (литературных обзрений, еженедельников, изданий, выходивших раз в месяц и раз в квартал) 1824—1825 гг. можно упомянуть «Вестник Европы», «Новости литературы»³⁹ и «Сын Отечества». Наиболее процветающими были «Северная пчела» Булгарина и выходивший дважды в месяц «Московский телеграф» Полевого. В последнем Пушкин подвергался нападкам (см., например, резкую критику Полевого седьмой главы в № 5). Что касается первого издания, то в 1824—1825 гг. Булгарин превозносил Пушкина в различных кратких отзывах о его стихотворениях. Его отношение внезапно меняется лишь в 1830 г.; в № 5 по поводу стихотворения Пушкина, озаглавленного «26 мая 1828», Булгарин все еще говорит о «вдохновении гения» нашего поэта, но уже в № 30 (12 марта 1830 г.) публикует «Анекдот», чрезвычайно оскорбительный для Пушкина, а следом резкую критику седьмой главы в № 35 (22 марта 1830 г.) и № 39 (1 апреля 1830 г.)

Пушкин писал шефу жандармского корпуса генералу Бенкендорфу (граф Александр Бенкендорф, 1783—1844) 24 марта 1830 г. из Москвы. «...*M. Boulgarine, qui dit avoir de l'influence auprès de vous* [Булгарин был полицейским

* Сборник (*фр.*).

осведомителем], est devenu un de mes ennemis les plus acharnés à propos d'une critique qu'il m'a attribuée...»*

Журнал Дельвига «Литературная газета», вдохновителем которого был Пушкин, и вправду подверг резкой критике два крайне посредственных, но популярных романа Булгарина, опубликованных в марте 1829 г. и в марте 1830 г. соответственно («Иван Выжигин», сатира нравов, 1086 с., и «Димитрий Самозванец», исторический роман, 1551 с.). Особенно убийственной была неподписанная рецензия Дельвига («Литературная газета», 1830, № 14), авторство которой Булгарин приписал Пушкину. Но непосредственным поводом, спровоцировавшим нападки Булгарина, стала эпиграмма Пушкина (сочиненная в феврале 1829 г.⁴⁰ и разошедшаяся в списках). Вот она:

Не то беда, что ты поляк.
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарии, —
И тут не вижу я стыда,
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярии

Имеется в виду Франсуа Эжен Видок (1775—1857), шеф французской тайной полиции, поддельные «Мемуары» которого произвели сенсацию в 1828—1829 гг. «Фиглярин» — производное от «фигляра», рифмующееся с настоящей фамилией подразумеваемого лица.

Булгарин невозмутимо опубликовал эту эпиграмму без подписи в обзоре «Сына Отечества», XI, 17 (26 апреля 1830 г.), с. 303, со следующим примечанием: «В Москве ходит по рукам и пришла сюда [в Санкт-Петербург] для раздачи любопытствующим эпиграмма одного известного поэта». Булгарин изменил последние два слова эпиграммы на «Фаддей Булгарин», придав ей тем самым вид прямой и откровенной дискредитации.

Вот часть булгаринского «Анекдота» (с подзаголовком «Из английского журнала»): «Путешественники гневаются на нашу Старую Англию, что чернь в ней невежливо обходится с иноземцами и вместо бранных слов употребляет названия иноземного народа. [Возможно, тут намек на «bugger»**, производное от «Vulgar»] <...> Известно, что в просвещенной Франции [где] иноземцы, занимающиеся Словесностью, пользуются особым уважением туземцев <...> появился какой-то французский стихотворец, который, долго морочив публику передразниванием Байрона и Шиллера (хотя не понимал их в подлиннике), наконец упал в общем мнении, от стихов хватился за критику...»

Далее в «Анекдоте» рассказывается, как этот бессовестный тип обливает грязью почтенного писателя, урожденного немца, а завершаются нападки на Пушкина тем, что этого «француза» называют заурядным рифмоплетом, у которого «сердце холодное и немое существо как устрица», сам же он — пьяница, доносчик и шулер***.

* « Г-н Булгарин, утверждающий, что он пользуется некоторым влиянием на вас, превратился в одного из моих самых яростных врагов из-за одного приписанного им мне критического отзыва ..» (Фр)

** «Содомит», «негодяй» (англ).

*** Цитируя булгаринскую статью, я полагаюсь на П Столпянского «Пушкин и „Северная пчела“» в кн.: *П и его совр.*, 1916, VI, вып 23—24, с. 127—194 и 1927, VIII, вып. 31—32, с. 129—146. (Примеч В Н)

12 ...такие мадригалы . — Хотя первые поэмы Пушкина — «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» — были в целом встречены восторженными аплодисментами критиков, было у него и несколько яростных противников, таких, как воинствующий консерватор Михаил Дмитриев, в № 3 «Вестника Европы» (13 февраля 1825 г.) отказавший Пушкину в статусе истинного поэта и утверждавший, что «стихи, которые с таким жаром называют музыкою, для потомства, даже для современников не значат почти ничего»⁴¹.

XXXVI

В произведении, где поэт изо всех сил старается сдержать свое воображение в рамках общепринятого, рационального, не слишком причудливого, того, что зовется *déjà dit** (при мелодической новизне, сообщаемой его русскоязычным нарядом), строфы XXXVI и XXXVII выделяются как нечто совершенно особенное. Сначала лексический набор может обмануть читателя, ибо кажется привычным перечнем формул, к которым нас уже приучил *ЕО*, — «мечты», «желания», «преданья» и соответствующие эпитеты — «тайные», «темные» и т. д. Но очень скоро внутреннее око и внутренний слух начинают различать иные оттенки и звуки. Составляющие элементы все те же, но их сочетание порождает удивительное преобразование смысла.

Передать точный смысл этой строфы непросто. Выражение «И что ж?», стоящее в начале, это не простое «Eh, bien, quoi? Tué» («Ну что ж? убит») Зарецкого (гл. 6, XXXV, 4) или ораторский прием рассказчика во сне Татьяны («...и что ж? медведь за ней») — гл. 5, XII, 14). Я перевел его «And lo...», так как любое другое выражение не передало бы таинственную интонацию предостережения, таящегося в этом «И что ж?».

В «тайных преданьях сердечной темной старины» есть какая-то необъяснимая многозначительность, некая завораживающая причудливость, когда переплетаются две великие романтических темы — фольклорная и чувственная, — по мере того как Онегин погружается в одно из тех сумеречных состояний, в которых грани смысла слегка смещаются и всполохи миражей изменяют очертания случайных мыслей. Особенно выразительны по своему загадочному тону «угрозы», «толки», «предсказанья» — какие угрозы? злые предзнаменования? угрожающие пророчества? — какие толки? (или, может, толкования, странные пометы на полях жизни), что за предсказанья? Связаны ли они с теми, что так прелестно соединяют сон Татьяны с ее именинами? Веселая скороговорка стиха 13 напоминает оживленную разноголосую болтовню, звучащую в голове засыпающего человека; а единственное письмо Татьяны к Онегину чудесным образом множится в последней призматической строке. В следующей строфе содержится один из самых оригинальных образов романа.

В связи с этими размышлениями велико искушение процитировать отрывок из прекрасной статьи «Ссылка на мертвых» барона Е. Розена (в «Сыне Отечества», 1847), который я привожу здесь в небольшом сокращении:

«<Пушкин> был характера весьма серьезного и склонен <...> к мрачной душевной грусти; чтоб умерять, уравновешивать эту грусть, он чувствовал потребность смеха; <...> нужна была только придирка к смеху! В ярком смехе

* Уже известное, тривиальное (*фр.*).

его почти всегда мне слышалось нечто насильственное <...> Неожиданное, небывалое, фантастически уродливое, физически отвратительное <...> всего скорее возбуждало в нем этот смех <...> И когда <...> кто-либо не удовлетворял его потребности в этом отношении, так он и сам, при удивительной и <...> ненарушимой стройности своей умственной организации, принимался слагать в уме странные стихи — умышленную, но гениальную бессмыслицу. <...> Он подобных стихов никогда не доверял бумаге».

- 13 ...длинной сказки... — Трудно определить, имеется ли здесь в виду английская «fairy tale» или всего лишь французская «conte».

XXXVII

- 4 *Свой пестрый мечет фараон.* — Великолепный образ игры в «фараон» заставляет нас вспомнить строфы о карточной игре второй главы, отвергнутые нашим поэтом. Мертвый юноша навеки запечатлен в сознании Онегина, в его мозгу всегда будут звучать страшные слова, небрежно брошенные Зарецким, и вечно будет таять снег того морозного утра под пролитой кровью и жгучими слезами раскаяния.

Вариант

- 5—6 Черновик, опубликованный Шляпкиным (1903, с. 24) и упомянутый в «Рукописях» (из собрания Шляпкина), датированный сентябрем 1830 г., содержит следующие чтения:

Видеья быстрые лукаво
Скользят иалево и иаправо . —

и Онегин «все ставки жизни проиграл» (последний стих?). В левом углу карандашом Пушкин записал следующий афоризм в прозе: «Переводчики — почтовые лошади просвещения».

XXXVIII

- 5 ...магнетизма . — Через год, а именно в декабре 1825-го, в Париже Французской Академией наук была создана комиссия для изучения явления магнетизма или гипнотизма. По прошествии пяти с половиной лет, потраченных на размышления, комиссия объявила, что явления магнетизма иногда вызываются апатией, тоской и воображением. Пушкин, вероятно, имел здесь в виду самогипноз, ведущий иногда к бессознательной рифмовке, графомании.

Ср.: Пьер Лебрен, «Поэтическое вдохновение» (P. Lebrun, «L'Inspiration poétique», 1823)

Le poète!
.....
Dans l'inspiration, pareil
A l'enfant que l'art mesmérique
Fait parler durant son sommeil.*

* Поэт! / .. / Во вдохновении похож / На ребенка, которого искусство месмеризма / Заставляет говорить во сне... (Фр.)

12 *Benedetta*. . — В июле 1825 г. Пушкин писал Плетневу: «Скажи от меня [Ивану] Козлову, что недавно посетила наш край [Тригорское] одна прелесть [Анна Керн], которая небесно поет его Венецианскую ночь [фантазия, сочиненная в 1824 г.] на голос гондольерского речитатива [«*Benedetta sia la madre*»] — я обещал известить о том милого, вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит ее, но пусть вообразит себе красоту и задухновенность — по крайней мере дай Бог ему ее слышать».

Конец этой строфы любопытно перекликается с темами гл. 1, XLVIII—XLIX (см. коммент. к этим строфам).

12—13 *Benedetta... / Idol mio...* — «*Benedetta sia la madre*» — «Да будь благословенна Богоматерь», венецианская баркаролла. На ее музыку были переложены четырехстопные хорей Козлова «Венецианская ночь» — стихотворение, посвященное Плетневу и опубликованное в альманахе «Полярная звезда» (1825):

Ночь весения дышала
Светло-южною красой,
Тихо Бреита протекала,
Серебримая луной

«*Idol mio, piu pace non ho*» — «Кумир мой, я покоя лишен» с припевом, исполнявшимся дуэтом («*Se, o cara, sorrirdi*» — «Лишь бы ты улыбнулась, моя дорогая»), написано Винченцо Габусси (1800—1846).

13—14 Эльтон предлагает смешной вариант:

.. *The News*
Drops in the fire — or else his shoes.
(...«Новости»
Роияет в огонь — или свою туфлю)

XXXIX

5—9 Временем пробуждения Онегина от зимней спячки я склонен считать утро 7 апреля 1825 г. — первую годовщину (по старому стилю) смерти Байрона в Миссолунги. В этот день Пушкин и Анна Вульф заказали заупокойные обедни в местных церквах своих поместий в Михайловском и Тригорском Псковской губернии в память «раба Божия Георгия». В майском письме из Тригорского брату в Петербург наш поэт сравнивает эти службы с «*la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de Monsieur de Voltaire*»*.

7 ...зимовал он, как сурок... — Выражение, заимствованное из французского — «*hiberner comme une marmotte*». «Сурок» — родовое название, однако грызун, именуемый французами *la marmotte* (*Marmota Marmota*, Linn.), обитает лишь в горах Западной Европы. В южной и восточной России встречается не он, а *Marmota bobac*, Schreber; по-французски — *boubac*, по-русски — байбак, по-английски — *bobac*, или «польский сурок», который в Америке называется «русским сурком» и, по-видимому, насколько может судить систематик, не специалист по млекопитающим, принадлежит к одному роду вместе с тремя американскими сурками (восточным лесным американским сурком, западным

* «Обедня Фридриха II за упокой души господина Вольтера» (*фр*).

желтобрюхим сурком и серым сурком, или «свистуном»). Луговая собачка относится к другому роду.

Кстати, любопытно отметить, что байбак с баснословными подробностями описывается в «Баснях» Лафонтена, кн. IX: «Речь, обращенная к мадам де ля Саблиер».

Онегин впал в спячку непосредственно перед бедственным наводнением 7 ноября 1824 г. (после которого роскошные празднества и светские развлечения, на которых он мог видеть Татьяну, были временно запрещены правительственным указом). Другими словами, Пушкин с большим удобством для структуры романа заставил Онегина проспять катастрофу. Меж тем другой Евгений потерял в бушующих волнах свою невесту и сошел с ума, вообразив, что его преследует конная статуя, — в пушкинской поэме «Медный всадник» (1833), посвященной этому наводнению. Очень забавно, что впавший в спячку Евгений Онегин отдает займы свое имя этому несчастному (ч. 1, стихи 1—15, схема рифм произвольная — *aabebessibbisco*):

Над омраченным Петроградом
 Дышал ноябрь осеиним хладом
 Плеская шумною волиой
 В края своей ограды стройной,
 5 Нева металась, как больиой
 В своей постеле беспокойной
 Уж было поздио и темио,
 Сердито бился дождь в окно,
 И ветер дул, печальио воя
 10 В то время из гостей домой
 Пришел Евгееий молодой
 Мы будем нашего героя
 Звать этим именею Оно
 Звучит приятно, с ним давио
 15 Мое перо к тому же дружио

«Медный всадник» связан с *ЕО* и замечательной чередой строф, написанных с «онегинской» последовательностью рифм, под названием «Родословная моего героя» (1832); Пушкин колебался, которому из двух Евгениев ее отдать, и, наконец, выбрал третьего героя (Ивана Езерского). См мой Эпилог вслед за комментарием к десятой главе.

11 *Несется вдоль Невы в санях / На синих иссеченных льдах* — Лед на Неве начинает ломаться и двигаться по течению между серединой марта и серединой апреля (концом марта и концом апреля по новому стилю). Обычно за две-три недели река полностью освобождается ото льда, но иногда он продолжает плыть вплоть до второй недели мая. В строфе XXXIX снег на улицах уже уступил место грязи. Некоторые читатели полагают, что «иссеченные льды» — это скорее «изрезанный лед», плывущие расколотые водой льдины, стертые и подтаявшие, а не великолепные аквамариновые глыбы, вырубленные из замерзшей Невы и высящиеся над ее сверкающим снежным покровом, готовые к перевозке куда потребуется. По подсказке Тургенева Виардо пишет: «Le soleil se joue sur les blocs bleuâtres de la glace qu'on en a tirée»*.

* «Солнце играет на вынутых из нее голубоватых глыбах льда» (*фр*)

Ср. стихи 75—83 вступления к «Медному всаднику»:

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни [пушки] * дым и гром,
Когда полиощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синый лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешии дни, ликует

Следует вспомнить, что по той же Дворцовой набережной в мае 1820 г. прогуливались Онегин и Пушкин.

14 — XL, 1 Случай межстрофического переноса, примеров которого в романе не так уж много (см. Предисловие). Есть изумительная логика в том, что схожий перенос мы встречаем в гл. 3 (XXXVIII, 14 — XXXIX, 1: «задыхаясь, на скамью / Упала»), когда Татьяна убегает в парк, чтобы там ее нашел Онегин и прочел ей свою отповедь. Теперь они поменялись ролями, и Онегин, задыхаясь, несется туда, где урок ему преподает Татьяна.

XL

Здесь, как и в других местах, мои предшественники состязаются, дабы перещеголять друг друга в глупостях. Сполдинг: «Pallid and with dishevelled hair, / Gazing upon a note below» («Бледная и с растрепанными волосами, / Глядя вниз на записку»); Эльтон: «sitting full in sight, / Still in her négligé, and white» («сидя вся перед ним, / Все еще в неглиже и белая»); мисс Дейч: «Looking too corpse-like to be nobby, / He walks into the empty lobby» («Слишком похожий на труп, чтобы казаться красавцем, / Он входит в пустую прихожую»); и мисс Радин: «...and his passion swelled / To bursting as he saw she held / the letter he had sent...» («...и его страсть усилилась / До взрыва, когда он увидел, что она держит / Письмо, которое он послал...»).

5—8 Все здесь погружено в атмосферу сна. Как в сказке, перед ним бесшумно отворяются двери, и он проникает в заколдованный замок. И как во сне, он находит Татьяну, которая перечитывает одно из трех его писем.

<...>

XLI

10 *Его больной, угасший взор ..* — Ср. вид Сен-Пре в «Юлии» Руссо, ч. III, письмо XIII (Юлия к мадам д'Орб): «pâle, défait, mal en ordre»**, он прощается с больной Юлией. И жалоба Линара в «Валери» мадам де Крюднер, письмо XLII: «...voyez ces yeux éteints, cette pâleur sinistre, cette poitrine oppressée...»***

* Ее дымок виден с Дворцовой набережной, находящейся на противоположной стороне реки, за мгновение до звука выстрела. (Примеч. В Н)

** «Бледный, растрепанный, в беспорядке» (фр.).

*** «.. Посмотрите на эти угасшие глаза, эту зловещую бледность, на эту впалую грудь ..» (Фр)

XLII

В гетевском «Вертере», одном из любимых романов Татьяны (во французском переводе Севеланжа, 1804), тема признания и расставания обретает более драматический поворот: «[Вертер] couvrit ses lèvres tremblantes de baisers de flamme. [Шарлотта] le repoussait mollement... „Werther“, s'écria-t-elle enfin du ton le plus imposant et le plus noble. [Вертер] la laissa échapper de ses bras»* и потерял сознание. Она выбежала из комнаты. Он приподнялся и прокричал ей вслед через открытую дверь «Прощай!»

1 *Она его не подымает* — «Elle ne le relève pas». (См. коммент. к гл. 3, XXXIII, 1.)

2—6 *.. очей Бесчувственной . О чем... мечтанье .. молчанье..* — очаровательная игра аллитераций на звуке «ч».

<...>

XLIII

2 *Я лучше .. была.* — По своей сути и грамматической форме «лучше» — это сравнительная степень от «хорош», «хороша» (ж. р.). Но этот предикативный член «хорош, хороша» имеет и второе значение (галльского происхождения), а именно «красивый» (ср.: il, elle est bien de sa personne — он, она хорош или хороша собой). Другими словами, когда переводчик передает смысл второй строки этой строфы, ему приходится выбирать между «я была более хорошим человеком» и «я была красивее». Я предпочитаю последнее, как и Тургенев с Виардо: («...plus jolie, peut-être»**).

Что ни говори, но теперь Татьяна стала человеком гораздо лучшим, чем та романтическая отроковица, которая в третьей главе упивается зельем чувственных желаний и тайно шлет любовное письмо молодому человеку, которого видела лишь раз. И хотя можно сказать, что она пожертвовала пылкими идеалами юности, уступив слезам матери, столь же очевидно, что приобретенная ею изысканная простота, зрелое спокойствие и бескомпромиссное постоянство с лихвой компенсируют в нравственном отношении утерянную наивность, сочетавшуюся с несколько болезненными и откровенно чувственными мечтаниями, которые в ней воспитали романы. С другой стороны, с точки зрения Татьяны, время (а ей по меньшей мере двадцать один год) наложило отпечаток на ее внешность, испортив былую нежность кожи и черт лица

Однако решающим фактором для определения значения «лучше» мне представляется интонация слова «кажется», которое, не противореча откровенности утверждения, касающегося физической красоты («я была моложе и, кажется, красивее»), прозвучало бы лукаво и искусственно применительно к душе. Человеку не «кажется», что он был когда-то «лучше», он знает это и предпочитает об этом не распространяться. Более того, с точки зрения Татьяны, Онегин ни тогда, ни теперь не интересовался ничьими нравственными качествами.

* «[Вертер] покрыл ее дрожащие губы пламенными поцелуями [Шарлотта] его мягко оттолкнула .. „Вертер“, — вскричала она внушительным и благородным тоном. [Вертер] выпустил ее из своих рук» (фр).

** «..Быть может, красивее» (фр).

Три английских пересказчика употребляют слово «лучше» («better») в смысле нравственном.

Сполдинг:

Oneguine, I was younger then,
And better, if I judge aright

(Онегии, я была моложе тогда,
И лучше, если я сужу верю)

Дейч:

Then I was younger, maybe better,
Onegin ..

(Тогда я была моложе, может быть, лучше,
Онегии)

Эльтон:

I then, Onegin, they may tell me,
Was better — younger, too, was I'

(Тогда, Онегии, мне могли сказать,
Я была лучше — и моложе тоже!)

И лишь в одном варианте дается правильный смысл «лучше», Радин:

Onegin, I was then much younger,
And better-looking, possibly

(Онегин, я была тогда намного моложе
И красивее, возможно)

См. также рифмованное переложение фрагмента *ЕО*, выполненное князем Владимиром Бяргинским в «Пушкинском сборнике» (СПб., 1899):

Onéguine, autrefois plus belle
Et, certes, plus jeune j'étais*

См. также «Цыганы» Пушкина стихи 170—171:

А девы Как ты лучше их
И без иарядов дорогих

<...>

XLIV

1 *Тогда — не правда ли?* — Обычные трудности, связанные с переводом галльской интонации: «Jadis — n'est-ce pas?»

1 *...в пустыне.* — Я уже анализировал этот галлицизм. Здесь в речи Татьяны он имеет романтический привкус.

Красивее всего, насколько мне известно, это слово звучит в замечательном описании березы у Сенанкура («Оберман», письмо XI): «J'aime le bouleau... la mobilité des feuilles; et tout cet abandon, simplicité de la nature, attitude des déserts»**.

* Онегин, раньше красивее / И, конечно, моложе я была (фр.).

** «Я люблю березу . дрожанье листьев, и всю эту заброшенность, простоту природы, уединение» (фр.).

6—14 Мы вспоминаем, что Татьяна читала «Дельфину» мадам де Сталь, ч. IV, письмо XX (Дельфина Леонсу с предложением расстаться): «Demandez-vous si cette espece de prestige dont la faveur du monde... [m'entourait] ne seduisoit pas votre imagination...»*

Однако «соблазнительную» (вин. пад., ж. р.) имеет также значение «скандальную», и Пушкин, безусловно, вспоминает здесь «Бал» Баратынского, стихи 82—84:

Не утомлен ли слух людей
Молвой побед ее бесстыдных
И соблазнительных связей?

Ср.: Гете, «Вертер» (перевод Севеланжа, с. 234; Шарлотта, жена Альберта, говорит Вертеру, который стал для нее «infiniment cher»**) «Pourquoi faut-il que ce soit moi, Werther, moi, précisément la propriété d'un autre? Je crains, je crains bien que ce ne soit que l'impossibilité de me posséder qui rend vos désirs si ardents!»***

9 *изувечен.* — Слишком сильное слово в устах романтической героини. Нам так и не удастся выяснить, какими шрамами был отмечен князь N. Мы знаем, что он был толстым; звон шпор и гордая поступь указывают на то, что ноги у него остались целы. Может, он потерял руку?

10 *Что нас за то ласкает двор?* — Лексически и синтаксически это означает. «потому что нас за это ласкает двор». Отдельное издание главы (1832) предлагает следующее чтение: «Что милостив за то к нам двор». Предполагаю, замена была вызвана тем, что Пушкин заметил появление неблагозвучного «-о к нам» — дательный падеж множественного числа слова «окна».

Вариант

13—14 Беловая рукопись содержит следующее чтение:

Подните полно — Я молчу —
Я вас и видеть не хочу!

Обратите внимание на истерический взвизг «Я вас и видеть..!». Как эта предательская нота должна была вдохновить Онегина!

XLV

1—2 *Я плачу.. Если вашей Тани / Вы не забыли до сих пор .* — Странная речь. Когда она была *его* Таней? Похоже, княгиня N снова подпала под влияние читанных ею в юности романов, в которых эпистолярная традиция заставляла юных дам говорить о себе в письмах «ваша Юлия», «ваша Коринна» и так далее, не только подписываясь. Возможно, автор надеется, что читатель вспомнит

* «Спросите себя, не соблазнял ли ваше воображение некий ореол, которым ласка света окружала меня .» (Фр)

** «Бесконечно дорогой» (фр)

*** «Зачем нужно, чтобы это была я, Вертер, именно я, принадлежащая другому? Боюсь, очень боюсь, что только невозможность обладать мною делает ваши желания пылкими!» (Фр)

гл. 4, XI и найдет в ней некоторую видимость логики, позволяющей употребить здесь уменьшительное имя.

8—10 *К моим младенческим мечтам / Тогда имели вы хоть жалость, / Хоть уважение...* — Здесь перед нами очаровательная игра на плаксиво-сентиментальных повторах «м» с эмоционально насыщенным переходом к мощному высокопарному «ж», словно после лепета и стенаний ноздри дамы расширяются в приступе здорового, но несколько преувеличенного презрения.

14 *...чувства мелкого.* — «D'un sentiment mesquin».

XLVI

8—9 Беловая рукопись:

За домик иаш, за дикой сад,
За мельницу, за городище

Городище — остатки бывшего поселения; развалины какого-нибудь укрепления (но также и место в деревне или рядом с ней, где крестьянские девушки обычно водили хороводы и играли, а хозяева смотрели на них со стороны).

В Тригорском, неподалеку от Михайловского*, есть городище под названием Воронич, с остатками огромного земляного вала XVII в.⁴² Что же до мельницы, то неприлично было бы Татьяне напоминать Онегину о *той* мельнице.

XLVII

5—6 *Меня с слезами заклиний / Молила мать.* — Ср. в романе Руссо (сцена описывается в ч. III, письмо XVIII, Юлия к Сен-Пре) — отец Юлии барон д'Этанж, рыдая, на коленях умоляет дочь выйти замуж за состоятельного поляка. (С точки зрения построения сюжета, все это требуется в романах по единственной причине: дабы на благородных героинь не пало и тени подозрения, что они, будучи поколеблены меркантильными соображениями, выходят замуж, чтобы обрести богатство и положение, оставаясь верными своей первой любви к измученному скитальцу.)

12 *Я вас люблю (к чему лукавить?)* — Ср.: Юлия де Вольмар в своем последнем письме Сен-Пре в последней части романа Руссо признается, что любит его (ч. VI, письмо XII): «Eh! Pourquoi craindrois-je d'exprimer tout ce que je sens?»**

13—14 *Но я другому отдана; / Я буду век ему верна.* — Ср.: «Юлия», ч. III, письмо XVIII (Юлия к Сен-Пре): «Liée au sort d'un époux... j'entre dans une nouvelle carrière qui ne doit finir qu'à la mort». И там же: «...ma bouche et mon coeur... promirent [obéissance et fidélité parfaite à celui que j'acceptois pour époux]. Je... tiendrai [ce serment] jusqu'à la mort»***.

* См. фотографию 1936 г. в кн.: «Пушкин в портретах и иллюстрациях, собранных Матвеем Калауциным» (2-е изд. Л., 1954, с. 145). (Примеч. В Н.)

** «О! Зачем мне бояться высказать все, что я чувствую?» (Фр)

*** «Связанная судьбою с супругом .. я вступаю на новое поприще, которое, полагаю, закончится лишь со смертью »; «...устаами и сердцем я... обещала [совершенное послушание и верность тому, кого я избрала в супруги]. Я... останусь верна [этой клятве] до самой смерти» (Фр)

Пушкин, несомненно, желал сделать решение княгини N бесповоротным; но достиг ли он своей цели?

99 процентов аморфной массы комментариев, порожденных с чудовищной быстротой потоком идейной критики, которая уже более ста лет не дает покоя пушкинскому роману, посвящена страстным патриотическим дифирамбам, превозносящим добродетели Татьяны. Вот она, кричат восторженные журналисты белинско-достоевско-сидоровского толка, наша чистая, прямодушная, ответственная, самоотверженная, героическая русская женщина. Но французские, английские и немецкие героини любимых романов Татьяны были не менее пылки и добродетельны, чем она; а быть может, и более, осмелюсь заметить, рискуя разбить сердца поклонников «княгини Греминой» (как обозвали княгиню N два светила, состряпавших либретто для оперы Чайковского), ибо необходимо подчеркнуть, что ее ответ Онегину вовсе не звучит с той величавой бесповоротностью, которую слышат в нем комментаторы. Обратите внимание на интонации строфы XLVII — вздымающаяся грудь, прерывистая речь, надрывные, мучительные, трепещущие, завораживающие, чуть ли не сладострастные, чуть ли не обольщающие переносы (стихи 1—2, 2—3, 3—4, 5—6, 6—7, 8—9, 10—11) — настоящая оргия анжамбеманов, достигающая своей кульминации в любовном признании, которое должно было заставить подпрыгнуть от радости опытное сердце Евгения. И чем завершаются эти двенадцать рыдающих строк? Пустым, бессмысленным звуком подходящего к случаю двустипшия «отдана — верна»: визгливая добродетель повторяет зазубренную реплику!

В июне 1836 г., находясь с дипломатической миссией в России, парижский литератор немецкого происхождения де Лёве-Веймар, произведенный в бароны Тьером⁴³, уговорил Пушкина перевести на французский несколько русских народных песен. В 1885 г. («Русский архив», ч. 1) Бартенев опубликовал выполненные Пушкиным очень бледные французские переводы одиннадцати вещей, оригиналы которых содержатся в «Новом и полном собрании русских песен» Н. Новикова, ч. 1 (М., 1780). В одной из них есть следующие слова, относящиеся к обсуждаемой теме:

Le jeune seigneur tentait de faire entendre raison à la jeune fille
«Ne pleure pas, ma belle jeune fille! Ne pleure pas, ma belle amie!
Je te marierai à mon fidèle esclave,
Tu seras l'épouse de l'esclave, et la douce amie du maître,
Tu feras son lit et tu coucheras avec moi»
La jeune fille répond au jeune homme
«Je serai la douce amie de celui dont je serai la femme,
Je coucherai avec celui dont je ferai le lit»*

Кому буду ладушка, тому миленький дружок,
Под слугу буду постелю слать, с слугой вместе спать

В рукописи пушкинской рукой надписано: «Chansons Russes» («Русские песни»). Ниже на обложке барон написал: «Traduites par Alex. de Pouschkine pour son

* Молодой господин пытался урезонить девушку. / «Не плачь, милочка! Не плачь, моя подружка! / Я тебя выдам замуж за моего верного раба, / Ты будешь супругой раба и нежной подругой господина; / Ты будешь слать ему постель, а спать будешь со мной». / Девушка отвечает молодому человеку: / «Я буду нежной подругой того, чьею буду женой; / Буду спать с тем, кому постелю постель» (фр).

ami L. de Veimars, aux îles de Neva, Datcha Brovolcki, Juin, 1836»*. (Правильный адрес: Каменный остров, дача [снимаемая у] Ф. Доливо-Добровольского.)

Мои предшественники ужасно помучились с этим двустишием:

Сполдинг:

But I am now another's bride —
For ever faithful will abide

(Но теперь я суженая другого —
И всегда буду хранишь верность)

Мисс Дейч:

But I became another's wife,
I shall be true to him through life

(Но я стала женой другого,
Я буду верна ему всю жнзнь)

Эльтон:

But am another's pledged, and I
To him stay constant till I die

(Но я связана обязательством с другим, и я
Ему останусь верной до самой смерти)

Мисс Радин:

But I am someone else's wife
And shall be faithful all my life

(Но я жена другого
И буду верна всю свою жизнь)

- 13 ...отдана . — Кюхельбекер в своем замечательном дневнике записывает 17 февраля 1832 г. в Свеаборгской крепости, что Пушкин очень похож на Татьяну восьмой главы: он полон чувств (либеральных идей), которые скрывает от света, так как отдан другому (царю Николаю)⁴⁴.

XLVIII

- 5 ...шпор... звон.. — В момент нашего прощания с Онегиным на рифмоплетов, изменивших ему в английском переводе, обрушивается любопытное поэтическое отмщение. Мисс Дейч совершает что-то вроде риторического харакири, вопрошая (XLVIII, 5): «But are those stirrups he is hearing?» («Но что он слышит — стремена?») Вовсе нет. Шпоры. Еще более комическое затруднение при описании этого звона выпало на долю Эльтона, когда из его версии, публиковавшейся частями в «Славоник ревью», была напечатана вторая глава. В статье, вышедшей на английском языке («The Slavonic Review», London, XV, Jan. 1937, p. 305—309) под дезориентирующим заголовком «О новых переводах Пушкина» и со столь же дезориентирующим подзаголовком «Как следует переводить Пушкина?» (о настоящем переводе в статье нет ни слова, за исключением случайного ужаса-

* «Переведенные Александром Пушкиным для его друга Л. де Веймара, на невских островах, дача Бровольского, июнь 1836» (фр.).

ющего образчика, который сейчас и будет проанализирован), ее автор В. Бурцев предлагает, чтобы в дальнейшем *ЕО* как на языке оригинала, так и в переводах издавался бы в девяти главах, «как Пушкин... и хотел его опубликовать» (что, конечно же, полная бессмыслица). По ходу статьи Бурцев (в русском оригинале, с которого сделан перевод в «Славоник ревью») цитирует гл. 8, XLVIII и метафорически замечает, что «шпор внезапный звон» мог предвещать появление шефа полиции графа Бенкендорфа, чья тень заставила Пушкина оборвать свой роман. К профессору Эльтону обратились с просьбой перевести гл. 8, XLVIII, что он и сделал; однако не понял смысла переводимого отрывка и изменил не только Пушкину, но и бедняге Бурцеву, предложив такой вариант:

*Like sudden spur, a bell his hearing
Strikes — it is Tanya's lord, appearing!*

(*Как неожиданная шпора, колокольчик до его слуха
Доносится — это Татьянин муж появляется!*)

Этот колокольчик должен стать колоколом, возвещающим гибель всех бездарных виршей, выдающих себя за переводы*.

- 13 ...с берегом. — Ср.: офранцузенный де Трессаном «L'Arioste», «Неистовый Роланд», песнь XLVI (последняя): «...J'espère découvrir bientôt le port... je craignois de m'être égaré de ma route! ...Mais déjà... c'est bien la terre que je découvre... Oui, ce sont ceux qui m'aiment... je les vois accourir sur le rivage...»**

XLIX

- 1 *Кто б ни был ты...* — «Qui que tu sois» — галльский риторический оборот.

6—12 Этот перечень звучит эхом завершающих строк посвящения.

<...>

L

- 8 *..много дней..* — три тысячи семьдесят один день (9 мая 1823 г. — 5 октября 1831 г.).

- 13 *...магический кристалл* . — Мне представляется любопытным, что наш поэт употребляет это же слово «кристалл» в аналогичном смысле, говоря о своей чернильнице в трехстопном стихотворении 1821 г., стихи 29—30:

Заветный твой кристалл
Храит огоиь небесный

Лернер в «Звеньях» опубликовал небольшую, довольно наивную заметку о гадании в магический кристалл (что, кстати, не было обычным способом гадания у русских)⁴⁵.

* Эльтон позднее исправил свой перевод: «A sudden tinkling spur his hearing strikes..» — «Неожиданный звон шпор до его слуха доносится..» (*Примеч. В Н*)

** « .Я надеюсь вскоре найти пристанище .. я боялся, что сбился с пути! но вот уже... это точно земля, мною найденная... Да, вон те, кто меня любит, я вижу, как они выбегают на берег ..» (*Фр*)

LI

3—4 *Иных уж нет, а те далече, / Как Сади...* — Муслихаддин Саади, персидский поэт XIII в.

До 1830 г. та же мысль была четыре раза высказана на русском языке:

1) В стихотворении 1814 г. незначительного поэта Владимира Филимонова (1787—1858)* строка, написанная александрийским стихом, — «Друзей иных уж нет; другие в отдаленье»⁴⁶.

2) Прозаический эпиграф, вероятно переведенный с французского, предпосланный Пушкиным восточной романтической поэме «Бахчисарайский фонтан», который он считал лучше всей поэмы. Этот эпиграф звучит следующим образом: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече». Похоже, что слова второго предложения подсказаны строкой Филимонова.

3) Последние две строки шестого четверостишия стихотворения Баратынского «Мара» (название поместья поэта в Тамбовской губернии) — десять четверостиший, написанных четырехстопным ямбом со схемой рифм *abab*, которые были сочинены в 1827 г., но опубликованы полностью лишь в 1835-м (в январе 1828 г. в журнале «Московский телеграф» они появились под названием «Стансы» без шестого четверостишия). Это четверостишие, которое Пушкин мог знать, а мог и не знать в 1830 г., звучит так (стихи 21—24):

Я братьев знал, но сны молодые
Соединили нас на миг
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других

4) В черновике элегии, предположительно адресованной Наталье Гончаровой и начинающейся в своем окончательном виде словами «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», которую поэт сочинил в 1829 г., во время путешествия по Закавказью, была вычеркнута строфа, содержащая сходное выражение (стихи 9—12):

Прошли за диями дни, промчалось много лет.
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мною лишь воспоминанья**

Следует заметить, что Баратынский поменял местами две части второго предложения пушкинского эпиграфа, заменил «странствуют» на очень близкое по звучанию «бедствуют», добавил «в мире» и изменил порядок слов «иных уже нет» на «нет уже других» («иные» и «другие» очень близки по значению). Также следует обратить внимание на то, что пушкинский стих гл. 8, I, 3 хотя совпадает по размеру с четверостишием Баратынского, по смыслу дальше от него, чем от эпиграфа, написанного самим Пушкиным семью годами ранее: теперь он использует сокращенную форму слова «уже»; «другие» заменены на более изящное и более отстраненное «а те»; глагол опущен; в остальном же слова и их порядок сохраняются.

* Впервые отмечено Юрием Иваском в «Опытах», Нью-Йорк, 1957, № 8. (Примеч В. Н.)

** Анализ этого стихотворения дала М. Султан-Шах в сборнике «Пушкин». М., 1956, с 262—266. (Примеч В. Н.)

В четверостишии Баратынского содержится намек на друзей, участвовавших в неудачном заговоре 14 декабря 1825 г., пятеро из которых были казнены, а другие отправлены в мрачную ссылку на границе Сибири с Северным Китаем. Очевидно, формулировка строк, написанных Баратынским в 1827 г., определялась тем фактом, что пушкинский эпиграф, звучавший в 1824 г. вполне невинным проявлением литературной ностальгии в псевдovосточном стиле того времени, теперь, в результате произошедших событий, вдруг приобрел особый политический смысл*. В начале 1827 г. «Московский телеграф» опубликовал статью критика Полевого «Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 годов» с подзаголовком «Письмо в Нью-Йорк к С. Д. П. [Сергею Полторацкому]». Правительственный агент (вероятно, Булгарин) сообщал, что статья содержит неприкрытый намек на декабристов, и действительно, он звучит совершенно отчетливо в следующем предложении Полевого: «Смотрю на круг друзей наших, прежде оживленный, веселый и часто с грустью повторяю слова Сади (или Пушкина, который нам передал слова Сади): „Одних уже нет, другие странствуют далеко!“»⁴⁷. Таким образом, эпиграф к «Бахчисарайскому фонтану» (сохраненный в последующих изданиях 1827 и 1830 гг., но опущенный в издании 1835 г.) получил иной ретроспективный смысл. Когда в 1832 г. Пушкин отдельно опубликовал восьмую главу *ЕО*, читателям было нетрудно расшифровать его обогащенный новым смыслом намек.

Основные контакты Пушкина с людьми, так или иначе участвовавшими в революционном движении, которое после событий декабря 1825 г. стало называться «декабристским» (см. мой коммент. к гл. 10, XIII, 3), восходят к 1818—1820 гг., до его высылки из Петербурга, а также ко времени предпринятой им поездки в Каменку Киевской губернии зимой 1820/21 г., где находилось имение отставного генерала Александра Давыдова и где Пушкин виделся с некоторыми декабристами, в том числе с братом Давыдова — Василием, Орловым, Якушкиным и другими. В промежуток времени с 9 мая 1823 г. (когда был начат *ЕО*) по 14 декабря 1825-го (декабрьское восстание) Пушкин не читал первые главы «в дружной встрече» никому из пятерых заговорщиков, обреченных погибнуть на виселице 13 июля 1826 г. (см. мой коммент. к гл. 5, V—VI, IX—X о рисунках Пушкина); перед отъездом из Петербурга Пушкин виделся с Рылеевым («на благородном расстоянии»), а его краткое знакомство с Пестелем в Кишиневе произошло до написания первой главы. Среди декабристов, находившихся «далече», а именно в сибирской ссылке, лишь своему близкому другу Ивану Пущину наш поэт, вероятно, мог прочесть три с половиной песни, когда тот посетил его в Михайловском 11 января 1825 г. Во всех же остальных случаях мы должны воспринимать как лирическое преувеличение образ Пушкина, читающего *ЕО* на собраниях декабристов еще до начала его написания; точно так же нет никаких свидетельств, что Пушкин читал первые две главы *ЕО* в Одессе людям, с которыми был очень мало знаком, к примеру декабристам Николаю Басаргину, князю Александру Барятинскому и Матвею Муравьеву-Апостолу, приезжавшему в Одессу в 1823—1824 гг. Остальные предположения не стоят внимания. Наверняка мы знаем лишь одного декабриста, слышавшего в Одессе, как Пушкин читал по крайней мере первую главу романа, — это князь Сергей Волконский (можно предположить, что из жен декабристов с началом *ЕО* более или менее

* Впервые замечено Лернером — «Звенья», 1935, № 3, с. 108—111. (Примеч В Н)

были знакомы Екатерина Орлова и Мария Раевская, впоследствии Волконская). Согласно не вполне убедительной легенде, рожденной в семействе Волконских, Южное общество просило Сергея Волконского принять Пушкина в члены общества, но, встретившись с поэтом в Одессе (вероятно, в июне 1824 г.), Волконский счел, что для такого дела язык Пушкина слишком болтлив, характер слишком беспечен, а жизнь слишком драгоценна. То, что Волконскому в 1824 г. была известна первая песнь, подтверждается фразой из его письма от 18 октября 1824 г. Пушкину, который к этому времени уже два месяца жил в Михайловском: «Любезный Александр Сергеевич, при отъезде моем из Одессы, я не думал, что не буду более иметь удовольствия, по возвращении моем с Кавказа, с вами видеться <...> Посылаю я вам письмо от Мельмота [Александра Раевского] <...> Будет вам приятно, уведомляю вас о помолвке моей с Марией Николаевною Раевскою <...> P. S. <...> Я поместил по поручению отца величавого рогоносца [Александра Давыдова, матери которого принадлежала Каменка; брата декабриста Василия Давыдова] сына его в Царскосельский лицей».

Характеристика, данная А. Давыдову, является цитатой из гл. 1, XII, 12.

Есть свидетельства, что в 1823—1824 гг. Одессу посещали декабристы В. Давыдов и, возможно, Пестель, но читал ли им Пушкин *ЕО*, неизвестно.

Мне не удалось обнаружить точный источник пушкинского эпитафия, который подразумевается и в строфе LI, 3—4. Книга «Гулистан, или Империя роз» Саади вышла в вольном французском переводе Андре дю Рюз («Goulistan, ou l'Empire des roses», Paris, 1634), а в 1763 г. в Париже был опубликован анонимный сборник, составленный из избранных отрывков и пересказов этого произведения. Я не нашел ничего подходящего в переложениях из этого анонимного сборника, хотя оставшийся вне поля моего зрения буквальный французский перевод «Gulistan, ou le Parterre-de-fleurs du Cheikh Moshheddin Sâdi de Chiraz» / «Гулистан, или Цветник шейха Мослихеддина Сади из Шираза» (Paris, 1834), выполненный Н. Семеле, имелся в библиотеке Пушкина.

Самое близкое к цитате место было мною обнаружено в поэме в десять «порталов» под названием «Бустан», или «Бостан», или «Баштан» Саади (1257) — хотелось бы перевести это название как «Aromatarium», а не «Сад». «On dit que le bienheureux Djemschîd fit graver ces mots sur une pierre au dessus d'une fontaine. „Beaucoup d'autres avant nous se sont reposés au bord de cette source, qui ont disparu en un clin d'oeil. Ils avaient conquis le monde par leur vaillance, mais ils ne l'ont pas emporté avec eux dans la tombe; ils sont partis... ne laissant après eux qu'un souvenir d'estime ou de réprobation“»*.

Я не знаю, как сочетались слова «fontaine», «d'autres», «ont disparu» и «ils sont partis» во французском варианте, который читал Пушкин. Возможно, это были фрагменты «Бустана», сочиненные по-французски Сильвестром де Саси в 1819 г., в его комментариях к «Панднамахе» («Свитку Мудрости»)? Я сверялся с переводом А. Барбье де Мейнара («Le Boustan ou Verger», Paris, 1880, p. 34).

* «Говорят, будто блаженный Джемшид велел высечь следующие слова на камне над одним фонтаном: „До нас многие отдыхали на берегу этого источника, но они исчезли в мгновение ока. Они побеждали мир своим мужеством, но они не унесли его с собой в могилу, они ушли, оставив по себе лишь воспоминание об уважении или осуждении их“» (фр).

В серии «Мудрость Востока» («The Wisdom of the East») есть никудышный пересказ «Бустана Саади», «перевод на изящный английский» А. Харта Эдвардса (London, 1911). В «Главе IX» на с. 115 этой поделки я обнаружил туманную связь с пушкинскими строками: «Друзья наши уже отбыли, и мы в пути».

Наконец, Томашевский замечает в книге «Пушкин» (1956, т. 1, с. 506, коммент.), что в поэме «Лалла Рук» Мура (в прозаическом отрывке, предваряющем «Рай и Пери») встречаются следующие слова: «...фонтан, на котором чья-то рука грубо набросала прославленные слова из „Сада“ Саади — „Многие, как и мы, смотрели на этот фонтан, но их нет и глаза их закрылись навеки!“», что Пишо переводит так: «Plusieurs ont vu, comme moi, cette fontaine: mais ils sont loin et leurs yeux sont fermés à jamais»*.

6 *А та, с которой...* — Восхитительная аллитерационная игра на «та» (*та.. Татьяны*).

Ср. переключку с «Путешествием Онегина», XVI, 10 — «А там... татар».

Гофман в книге «Пушкин, психология творчества», с. 22, коммент., сообщает, что в белой рукописи эта строка звучит так:

А те, с которых... —

и справедливо утверждает, что, какими бы соображениями ни руководствовался Пушкин (я думаю, соображениями благозвучия), используя единственное число в опубликованном тексте, искать исторический «прототип» Татьяны, значит попусту тратить время.

9—11 *...праздник жизни... / ... / Бокала полного вина.* — На ум приходят прекрасные строки Андре Шенье из стихотворения, известного под названием «Юная пленница» («La jeune Captive»; стихи 25—30):

Mon beau voyage encore est si loin de sa fin!
Je pars, et des ormeaux qui bordent le chemin
J'ai passé les premiers à peine,
Au banquet de la vie à peine commencé,
Un instant seulement mes lèvres ont pressé
La coupe en mes mains encor pleine**

(Ода посвящена Эме Франкетто де Куаньи герцогине де Флери; написана в тюрьме в 1794 г.; впервые опубликована в «La Décade philosophique, 20 Nivôse, An III», то есть 10 января 1795 г. — если я правильно высчитал, — а затем в «Альманахе Муз» за 1796 г.)

11 В белой рукописи вместо «Бокала полного вина» стоит гораздо более удачное «Бокалов яркого вина».

Под этой последней строфой стоит дата — «Болдино сент. 25 3 1/4 [по полудни?]». В конце отдельного издания (1832) сделана приписка: «Конец осьмой и последней главы».

* «Многие видели, как и я, этот фонтан: но они далеко, и глаза их закрылись навсегда» (*фр.*).

** Мое прекрасное путешествие еще далеко не завершено! / Я отправляюсь в путь, и позади остались / Только первые вязы из тех, что стоят вдоль дороги, / На празднике жизни, едва начавшемся, / Всего на одно мгновение мои губы прижались / К кубку все еще полному в моих руках (*фр.*).

ПРИМЕЧАНИЯ [ПУШКИНА] К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

Пушкинские сорок четыре примечания следуют тотчас же после главы восьмой в последних изданиях романа (1833, 1837). В них отсутствует композиционный смысл. Выбор их непродуман, темы случайны. Но их написал Пушкин, и они принадлежат опубликованному им труду.

ОТРЫВКИ ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА»

Предисловие Пушкина

В окончательном тексте изданий 1833 и 1837 гг. после сорока четырех авторских примечаний идет авторский же комментарий, озаглавленный «Отрывки из „Путешествия Онегина“», в котором Пушкин приводит первые пять стихов строфы, выпущенной из восьмой (впоследствии) главы, а также строфы и фрагменты строф, где описаны странствия Онегина по России, упомянутые в гл. 8, XIII.

Гл. 8, XLVIIIa, 1 *Пора! перо покоя просит.* — Интересно, а была ли эта строфа действительно дописана? Или Пушкин увяз на пятом стихе, не найдя рифмы к «каменам»? (Камены — римские нимфы вод, соответствующие греческим музам.) Изменам? Переменам? Коленам?

Интонация первого стиха явно подхватывает заключительное «пора!» из предыдущей, XLVIII строфы. «Пора... покоя просит» причудливо повторится в обращенном к жене лет через пять стихотворении «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит» (см. также, после коммент. к XXXII, коммент. к гл. 8. Письмо Онегина, стихи 20—21).

Катенин в «Воспоминаниях о Пушкине»^{*} описывает свой разговор с поэтом о *ЕО*, который произошел под Петербургом на даче, располагавшейся по Петергофской дороге, 18 июля 1832 г., вскоре после выхода последней главы романа: «Тут я заметил ему пропуск [«Путешествия Онегина»] и угадал, что в нем заключалось подражание „Чайльд-Гарольду“, вероятно потому осужденное, что низшее достоинство мест и предметов не позволяло ему сравниться с Байроновым образцом. Не говоря мне ни слова, Пушкин поместил сказанное мною в примечании [к полным изданиям]».

Здесь автор мемуаров делает странную ошибку. Пушкин упоминает не его смехотворное замечание о «низшем достоинстве мест и предметов», а другое, несколько менее тривиальное наблюдение. Почтение, которое испытывал поэт к Катенину, поистине необъяснимо¹.

^{*} Записано 9 апреля 1852 г., опубликовано с комментариями Ю. Оксмана в *Лит. насл.*, 1934, т. 16—18, с. 617—656. (Примеч. В. Н.)

Отрывки (включая выпущенные строфы)

Сначала, в 1827 г., имея лишь строфы об Одессе (сочиненные в 1825 г.), Пушкин собирался описать странствия Онегина в седьмой главе, над которой тогда работал. В строфе, предполагавшейся следом за XXIV (мое обозначение — гл. 7, XXV альтернативная), он планировал оставить Татьяну в раздумьях над онегинскими книгами, а самого героя направить совсем в другую сторону:

Убив неопытного друга
Томлеиье <сельского> досуга
Не мог Онег<ии> <переиесть>
8 <Решился он в кибитку сесть> —
<Раздался> колокольчик звучный
Ямщик удалый засвистал
И наш Онегии поскакал
12 <Искать отраду жизни> скучиной —
По отдалениим стороиам
Куда не зная точио сам

Итак, в январе или феврале 1821 г. Онегин выезжает в санной кибитке из своего имения, вероятно в Петербург (откуда, согласно строфе VI написанного позднее «Путешествия», 3 июня 1822 г. он отправится в поездку по России), и дальше предполагалось описание его странствий.

Отказавшись от мысли посвятить вторую половину седьмой главы путешествию Онегина и заменив его поездкой Татьяны в Москву, Пушкин решил отдать паломничеству героя всю следующую главу целиком. К осени 1830 г. она была закончена, и 26 сентября (подробнее это описано в «Истории создания *ЕО*»; см. мое Предисловие) Пушкин набрасывает общий план поэмы, начатой 9 мая 1823 г.:

Часть первая

Песни

Первая: Хандра
Вторая: Поэт
Третья: Барышня

Часть вторая

Песни

Четвертая: Деревня
Пятая: Именины
Шестая: Поединок

Часть третья

Песни

Седьмая: Москва
Восьмая: Странствие
Девятая: Большой свет

К этому в течение последующих трех недель он добавил по меньшей мере восемнадцать строф гл. 10 — «Декабристы».

В течение 1831 г. структура романа изменилась. Пушкин убрал «Странствие» как отдельную главу, убрал деление на части, «песни» сделал «главами». План *ЕО*, подготовленного к печати в 1833 г., выглядел бы следующим образом:

Главы

Первая:	Хандра
Вторая:	Поэт
Третья:	Барышня
Четвертая:	Деревня
Пятая:	Именины
Шестая:	Поединок
Седьмая:	Москва
Восьмая:	Большой свет

Примечания к «Евгению Онегину» (44)

Отрывки из «Путешествия Онегина» (включая пояснения)

Полного первоначального текста «Путешествия Онегина», в виде, скажем, «Восьмой песни», не существует. Однако бо́льшая (в чисто количественном смысле) его часть восстановлена. Первой была, вероятно, строфа X окончательной гл. 8. Затем, за строфой II, шли, скорее всего, строфы XI и XII нынешней гл. 8. Очевидно, какое-то количество строф — от десяти до двадцати — исчезло. Можно предположить, что сначала, в сентябре 1830 г., в отдельных строфах «Восьмой песни» «Странствие» была затронута тема декабристов. Также возможно, что Пушкин благоразумно опустил какие-то политические намеки. В 1853 г. Катенин писал Анненкову, первому грамотному издателю пушкинских сочинений. «Об осьмой главе Онегина слышал я от покойного в 1832-м году, что сверх Нижегородской ярмонки и Одесской пристани, Евгений видел военные поселения, заведенные Аракчеевым*, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и поэтому он рассудил за благо предать их вечному забвению и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую и как бы оскудевшую»².

В основу «Путешествия Онегина» легли впечатления Пушкина от поездки на юг в 1820 г. и от второй поездки на Кавказ летом 1829-го. Строфы, описывающие жизнь в Одессе (начиная с XX и до первого стиха XXIX), датируются концом 1825 г.; 19 марта 1827-го они были анонимно опубликованы в «Московском вестнике» (ч. II, № 6, с. 113—118), под заголовком «Одесса (из седьмой главы Евгения Онегина)». Остальные строфы «Путешествия» Пушкин написал по возвращении с Кавказа, в Москве (2 октября 1829 г.), в Павловском, имении Павла Вульфа (во второй половине октября 1829 г.), и в Болдине (осенью 1830 г.).

В черновом наброске предполагаемого «Вступления» к «Путешествию» — которое тогда еще было восьмой главой, предшествующей «grand monde [chapter]»**, — Пушкин писал: «Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрою, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутливую пародию

* Военизированные крестьянские лагеря в Новгороде и Старой Руссе, слабый прототип советских трудовых лагерей для рабов См. коммент. к гл. I, XVII, 6—7. (Примеч В Н)

** «Великосветская [глава]» (*фр*)

можно принять за неуважение к великой и священной памяти, также удерживала меня. Но Ча<йльд> Г<арольд> стоит на такой высоте, что, каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его не могла у меня родиться».

Поскольку ничего «шутливого» в «Путешествии» нет (кроме разве что строчек о жирных устрицах и об одесских дорогах), как нет ни малейшего сходства с Гарольдовым паломничеством, мы можем предположить, что слова о легкомысленной пародии предназначались цензору — в надежде, что тот не станет штудировать текст до конца.

Я думал было перевести заглавие как «Onegin's Pilgrimage» («Паломничество Онегина»), но пришел к выводу, что этим резко подчеркнул бы то сходство, которого сам Пушкин стремился избежать. Пишо перевел байроновское «Pilgrimage» как «Pèlerinage». Когда Пушкин в 1836 г. (рукопись 2386Б, л. 2) пытался, с помощью англо-французского словаря, набросать русский вариант посвящения к «Childe Harold's Pilgrimage» («Ианте»), он перевел название как «Паломничество Чайльд Гарольда» (см. «Рукою Пушкина», с. 97). Но русское слово «паломничество» (от «паломник», он же «пилигрим») сильнее акцентирует религиозность странствия, чем английское «pilgrimage»; это чувствовали те русские переводчики Байрона, которые вместо «паломничество» писали «странствование» — синоним, но с акцентом больше на самом странствии, чем на богомольной его цели. Пушкин хотел сначала назвать онегинский вояж «Странствием», что очень близко к «странствованию», но затем остановился на нейтральном и а-байроническом «Путешествии».

У Грибоедова Чацкий, несмотря на полное отсутствие в тексте географических названий, производит отчетливое впечатление путешественника, за три года побывавшего также и за границей, на что недвусмысленно указывают три или четыре ремарки. Между отъездом Онегина из Петербурга и его возвращением в августе 1824 г. тоже проходит три года; но успел ли Онегин побывать за границей после того, как выехал из своего имения, прежде чем отправиться из Петербурга в путешествие по России?

Писатели идеологической школы, такие, как Достоевский, считали, что да, но не потому, что скрупулезно изучили текст романа, а потому, что знали его весьма приблизительно и к тому же путали Онегина с Чацким. Возможно, Пушкин действительно собирался отправить своего героя за границу. Для такого вывода есть два основания: (1) в одной из отвергнутых впоследствии строф (гл. 7, XXV альтернативная. 13) Онегин едет из деревни (расположенной в 400 милях от немецкой границы) искать спасения от *taedium vitae** «по отдаленным сторонам», что скорее означает чужие страны, нежели российские губернии; и (2) в исключенной из «Путешествия» строфе (V) первые четыре строчки позволяют предположить, что Онегин вернулся в Петербург из Западной Европы, по которой он скитался, подобно Мельмоту, и от которой его тошнит. Разумеется, в этом случае датой его отъезда из Петербурга в Москву в VI, 2 следует считать 3 июня не 1821-го, а 1822 г., и тогда мы бессильны разобраться, где и когда находился Онегин, а где и когда — Татьяна: ведь невозможно предположить, будто в Петербурге либо Москве, где Татьяна также жила в 1822 г., Онегин ни разу (хотя бы) не слышал о ней от общих знакомых, скажем от своего кузена

* Равнодушие к жизни, пресыщенность (*лат*)

князя N или от князя Вяземского. Однако на основании того, что мы имеем, то есть тех строф, что Пушкин сам оставил в окончательном тексте, онегинские странствования следует ограничить Россией. (См. также мой коммент. к гл. 8, XIII, 14.)

Ниже следуют исключенные Пушкиным и собранные мною строфы и фрагменты строф, приходящиеся на пропуски между отрывками «Путешествия Онегина»³.

[I]

- Блажен, кто смолodu был молод,
Блажен, кто во-время созрел,
Кто постепенно жизни холод
4 С летами вытерпеть умел,
Кто страанным сном не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был фраит иль хват,
8 А в тридцать выгодно жениат,
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
12 Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век
N N прекрасный человек

[II]

- Блажен, кто поиял голос строгон
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
4 Большой дорогой столбовой,
Кто цель имел, и к ней стремился,
Кто знал, зачем он в свет явился
И Богу душу передал,
8 Как откупщик иль генерал
«Мы рождены, — сказал Сенека, —
Для пользы ближних и своей» —
(Нельзя быть проще и ясней),
12 Но тяжело, прожив пол-века,
В мииувшем видеть только след
Утраченных бесплодных лет

[III]

- Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
4 Что обманула нас она,
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтаиья
Истлели быстрой чередой,

- 8 Как листья осенью гнилой
Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь как на обряд,
12 И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с нею
Ни общих мнений, ни страстей

[IV]

- Предметом став суждений шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
4 Прослыть притворным чудаком,
Или печальным сумасбродом,
Иль сатаническим уродом,
Иль даже Демоном моим.
8 Онегин (вновь займуся им),
Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
12 Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел

[V]

- Наскуча или слыть Мельмотом,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся раз он патриотом
4 Дождливой, скучною порой
Россия, господа, мгновенно
Ему понравилась отмению,
И решено уж он влюблен,
8 Уж Русью только бредит он,
Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой,
С ее развратной суетой
12 Онегии едет, он увидит
Святую Русь ее поля,
Пустыни, грады и моря

[VI]

- Он собрался — и слава Богу
Июня третьего числа
Коляска легкая в дорогу
4 Его по почте понесла
Среди равнины полудикой
Он видит Новгород-великой,
Смирлись площади — среди них
8 Мятежный колокол утнх,
Но бродят тени великанов

- Завоеватель Скандинав,
Законодатель Ярослав
12 С четою грозных Иоаннов
И вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней

[VII]

- Тоска, тоска! спешит Евгении
Скорее далее теперь
Мелькают мельком будто теи
4 Пред ним Валдай, Торжок и Тверь
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок,
Здесь покупает туфли, там
8 По гордым волжским берегам
Он скачет сонный Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки
Мелькают версты, ямщики
12 Поют, и свищут, и браются,
Пыль вьется Вот Евгении мои
В Москве проснулся на Тверской

[VIII]

- Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает,
4 Стерляжьей потчует ухой
В палате Анг<лииского> Клоба
(Народных заседаний проба),
Безмолвно в думу погружен,
8 О кашах пренья слышит он
Замечен он Об нем толкует
Разиоречивая Молва,
Им занимается Москва,
12 Его шпионом именует,
Слагает в честь его стихи
И производит в жеинихи

[IX]

Тоска, тоска! Он в Нижний хочет,
В отчизну Мииниа — пред ним

[X]

- Тоска! Евг<еий> ждет погоды,
Уж Волга, рек, озер краса,
Его зовет на пышны воды,
4 Под полотняны паруса
Взмантих охотника не трудно

- Наияв купеческое судно,
Поплыл он быстро вииз реки
8 Надулась Волга Бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Уививым голосом поют
Про тот разбойиичий приют,
12 Про те разъезды удалые,
Как Ст<енька> Раз<ии> в старию
Кровавил Волжскую волиу

[XI]

- Поют про тех гостей незваиых,
Что жгли да резали Но вот,
Среди степей своих песчаных,
4 На берегу солиных вод,
Торговый Астрахань открылся
Оиег<ии> только углубился
В воспомииан<ья> прошлых дней,
8 Как жар попудеиных лучей
И комаров нахальных тучи,
Пища, жужжа со всех сторон,
Его встречают, — и, взбешен,
12 Каспийских вод брега сыпучи
Он оставляет тот же час
Тоска! — он едет на Кавказ

[XIa]

- 5 Вдали Кавказские громады
К ним п<уть> открыт — чрез их преграды
За их естествеиую <граиь>
8 До Грузии промчалась браиь
Авось их дикою красою
Случайно будет троиут он
И вот, коивоем окружен,
12 Во след за пушкою степиюю
<ступил Оиегии> вдруг
В предверье гор, в их мрачий круг

[XIb]

- Он видит Те<рек> разъяреиный
Трясет и точит берега, —
Над ним с чела скалы нагбеиной
4 Висит олень склоиив рога —
Обвалы сыплются и блещут,
Вдоль скал прямых потоки хлещут,
Меж гор, меж двух <высоких> стей
8 Идет ущел<ие> — стесиеи
Опасиыи путь все уже — уже —
Вверху чуть видиы небеса,
Природы мрачная краса

- 12 Везде являет дикость ту же
Хвала тебе, седой Кавказ
Онегии троют в первый <раз>

[XIIc]

- Во время оное, бывшее
<В те дни ты знал меня, Кавказ >
В свое святилище пустое
- 4 Ты принимал меня не раз
В тебя влюблен я был безумно,
Меня приветствовал ты шумно
<Могучим гласом бурь своих>,
8 <Я слышал> рев ручьев твоих
И снеговых обвалов <грохот>
<И клик орлов> и пенье дев
И Терка свирепый рев
- 12 И эха дальнозвучный хохот,
<И зрел я> слабый твой певец
Казбека царственный венец

[XV]

- Блажен кто стар! блажен кто <болеи>!
Над кем лежит судьбы рука!
Но я здоров, я молод, волен,
- 4 Чего мне ждать? — тоска! тоска!
Простите, снежных гор вершины,
И вы, Кубанские равнины!
Он едет к берегам иным,
- 8 Он прибыл из Тамани в Крым

[XXX]

- Итак, я жил тогда в Одессе
Средь новоизбранных друзей,
Забыв о сумрачном повесе,
- 4 Герое повести моей
Онег<ин> никогда со мною
Не хвастал дружбой почтовою,
А я, счастливый человек,
- 8 Не переписывался ввек
Ни с кем Каким же изумленьем,
Судите, был я поражен,
Когда ко мне явился он!
- 12 Неприглашенным привиденьем,
Как громко ахиули друзья,
И как обрадовался я!

[XXXI]

Святая дружба! глас натуры!¹¹
Взглянув друг на друга, потом,
Как Цицероины Авгуры,
4 Мы рассмеялись тишком

[XXXII]

Недолго вместе мы бродили
По берегам Эвксииских вод
Судьбы нас снова разлучили
4 И нам назначили поход
Онегии, очей охлажденный
И тем, что видел, насыщенный,
Пустился к иевским берегам,
8 А я от милых Южи<ых> дам,
От <жирных> устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И слава Богу от вельмож,
12 Уехал в теи лесов Тр<игорских>,
В далекий северный уезд
И был печалей мой приезд

[Предпоследняя строфа]

О, где б Судьба ни назначала
Мие безымянный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
4 Она смиренный мой челиок,
Где поздний мир мие б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила, —
Везде, везде в душе моей
8 Благословлю моих друзей
Нет, нет! ни где не позабуду
Их милых, ласковых речей, —
Вдали, одни, среди людей,
12 Воображать я вечно буду
Вас, теи прибережных ив,
Вас, мир и сон Тригорских иив

[Последняя строфа]

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
4 И дом, где пировали мы —
Приют, сияньем Муз одетый,
Младым Языков<ым> воспетый,
Когда из капища наук,
8 Являлся он в наш сельский круг —
И нимфу Сороти прославил,

И огласил поля кругом
Очаровательным стихом,
12 Но там и я свой след оставил
И, ветру в дар, на темиу ель
Повесил звоикую свирель

Далее следует мой комментарий к отрывкам из «Путешествия Онегина» в той последовательности, которую вместе составляют строфы, опубликованные Пушкиным и исключенные, приводимые выше.

[I]

Беловая рукопись (2382, л. 120). Эта строфа = гл. 8, X. Первая строка также есть в пушкинской рукописи (ПБ 18, л. 4).

Вариант

13—14 Черновая рукопись (ПД 161):

И Богу душу передал
Как сенатор иль генерал

В отвергнутом чтении (там же) вместо «сенатора» — «камергер», а в первом варианте беловой рукописи, или в окончательном, исправленном черновом варианте (2382, л. 120), — «откупщик».

См. также [II], 7—8.

[II]

Беловая рукопись (2382, л. 119 об.).

9—10 *«Мы рождены, — сказал Сенека, — / Для пользы ближних и своей»*. — В трактате «De otio» («О досуге») Луция Аннея Сенеки (ум. 65 н. э.) читаем (III, 3):

«Noc nempe ab homine exigitur, ut prosit hominibus, si fieri potest, multis, si minus, paucis, si minus, proximis, si minus, sibi».

(«От человека требуется лишь приносить пользу людям: если может — многим; если не может — немногим; если не может немногим, то близким; если не может близким, то себе»).

А в послании (LX) своему другу Каю Луцилию Сенека пишет:

«Vivit is, qui multis usui est, vivit is, qui se utitur».

(«Живет тот, кто полезен многим. Живет тот, кто полезен себе»).

[III]

Беловая рукопись (2382, л. 119 об.). За исключением начала стиха 1, эта строфа = гл. 8, XI.

[IV]*

Беловая рукопись (2382, л. 100). Эта строфа = гл. 8, XII.

[V]

В белой рукописи строфа выпущена. Акад. 1937 и другие издания «Путешествия Онегина» включают ее в текст. Но Пушкин в белой рукописи эту строфу вычеркнул и на полях пометил, что либо вся она, либо ее часть в том или ином виде переносится в «десятую главу». См. Дополнения к комментарию к «десятой главе».

Вариант

4 К счастью, мы располагаем фотоснимком правки белой рукописи (ПБ 18, л. 4) настоящей, пятой строфы (и первых четырех стихов следующей). Он скрыт в недрах № 16—18 (1179 больших страниц) *Лит насл.* (М, 1934), причем номер страницы (409) нигде не упоминается. Снимок опубликовал Томашевский в своем очерке о «десятой главе» *ЕО* ради пушкинской пометки на полях: «в песнь X», означающей, что эта строфа V или, по крайней мере, стихи о славянофильстве Онегина, вычеркнутые тою же рукой, которая дала небрежное указание на полях, переносятся в «десятую главу». Строфа была сочинена 2 октября 1829 г. и переписана 18 сентября 1830-го или незадолго до этого дня.

Но самая большая удача в том, что фотография позволяет проследить работу Пушкина над V, 4. Первоначальный вариант стиха (2382, л. 119, 118 об.) здесь тщательно зачеркнут:

В Hotel de Londres, что в Морской

Сквозь чернила можно разобрать первое слово известного нам чернового варианта и, возможно, латинское *t* второго. Над этим зачеркнутым стихом написан другой

Дождливой вешнею порой

«Вешнею» зачеркнуто и сверху (сокращенно) надписано «скучною».

Тем же пером, что и помета на полях, Пушкин жирно зачеркнул «вешнею» и поставил сверху толстую закорючку, которую Гофман считает сокращением слова «скучною»**.

Самой старой гостиницей в Петербурге был Демутов трактир на Мойке, недалеко от Невского. Основал его в 1760-х гг. купец Филип Якоб Демут (Demuth или Demouth; ум. 1802), купивший также большой дом на углу Невского

* В недавнем издании (Пушкин, «Собрание сочинений», т. 4, под ред. Благого, Бонди, Виноградова и Оксмана, 1960, еще худшем, чем ПСС 1936 г., преимущественно составившее его основу) стихи 5—6 приводятся, без всяких пояснений, так

Каким-то квакером, масоном

Иль доморощенным Бейроном (*Примеч В Н*)

** Гофман М. Пропущенные строфы Евгения Онегина (*П и его совр.*, 1923, IX, вып. 33—35, с. 1—328) Расшифровки Гофмана, часто очень тщательные, иногда сомнительные, не подтверждены никакими фотодокументами, но с другой стороны, что-либо расшифровывать в те годы бедствий и террора уже было героизмом (*Примеч В Н*)

и Адмиралтейской площади, в котором тоже устроил гостиницу — «Лондон», известную и как «Hotel de Londres». Это недалеко от Морской (пересекающей Невский чуть южнее), но не в самой Морской, как ошибочно указано у Пушкина⁴.

Андрей Дельвиг (1813—1887), кузен поэта Дельвига, в мемуарах упоминает, как в юности (в октябре 1826 г.) останавливался в этой гостинице⁵.

Английский путешественник Вильям Рэй Вильсон в своих «Путешествиях по России» («Travels in Russia», London, 1828, I, p. 218) пишет: «Наконец мы добрались до Hotel de Londres и... наняли столовую, спальню и комнату для прислуги за семьдесят пять рублей [шестьдесят два шиллинга] в неделю».

Английский врач, д-р Августус Боззи Гранвилль, нанятый графом Михаилом Воронцовым сопровождать его и графиню из Лондона через Германию домой в Россию (графиня страдала от *mal de mer**), выехал в Петербург в июле 1827 г. В своих болтливых «Путевых записках о путешествии в Санкт-Петербург и обратно» («St. Petersburg. A Journal of Travels to and from That Capital», 2 vols., London, 1828, I, p. 466—467) он рассказывает: «Hotel de Londres расположен на углу [Невского проспекта] и напротив Адмиралтейства — место живописное, но шумное... [предлагаются] гостиная и спальня с завтраком и обедом за *table d'hôte*... [за] двенадцать рублей в день (восемь — десять шиллингов)».

[VI]

Беловая рукопись (ПБ 18, л. 4).

- 2 *Июня третьего числа* — На следующий день после именин Пушкина⁶. Любопытное совпадение: у Поупа в подражании Горацию (1738) «в манере д-ра Свифта», в «Посланиях» («Epistles»), кн. I, послание VII:

Tis true, my Lord, I gave my word,
I would be with you, June the third

(Милорд, вы правы, дал я слово
Прибыть к вам третьего июня)

и у Байрона в «Дон Жуане», I, CIII:

Twas on a summer's day — the sixth of June
I like to be particular in dates,

They are a sort of post-house, where the Fates
Change horses, making History change its tune

(Случилось это в летний день, шестого июня
Я люблю точность в датах,

Они подобны почтовым станциям, на которых Судьба
Меняет лошадей, меняя тем музыку истории)

В этот «роковой день» (I, CXXI, 2) начался роман Жуана с Юлией, продолвшийся до менее определенной даты в ноябре, когда молодой человек был отослан в четырехлетнее путешествие; в 1784—1785 гг. оно привело его ко двору и к постели русской императрицы Екатерины II. Любопытно, что 6 июня по

* Морская болезнь (*фр*).

н. ст. (конец XVIII в.) — день рождения Пушкина. Шестого июня 1799 г. по н. ст. в «музыке истории» действительно зазвучала новая мелодия.

Байрон начал «Дон Жуана» 6 сентября 1818 г. в Венеции; последняя законченная песнь датируется 6 мая 1823 г. До отъезда из Италии в Грецию (8 мая 1823 г.; все даты даны по н. ст.) он успел написать четырнадцать строф следующей, семнадцатой песни. В это время в Кишиневе Пушкин должен был вот-вот начать *ЕО* (9 мая по ст. ст. или 21 мая по н. ст.).

Мне неизвестно, почему Томашевский, сохранив в Акад. 1937 установленное чтение «июня третьего числа», в ПСС 1949 и 1959 дает «июля третьего числа»⁷.

6—14 Новгород, древний Хольмгард, был основан викингами на пасмурной заре нашей зры. «Завоеватель Скандинав» — это норманн Рюрик, в 860-х гг., по преданию, вторгшийся на восточный берег протекающей через Новгород реки Волхов. Потомки Рюрика перенесли свой трон в Киев. Ярослав Мудрый (годы правления 1015—1054), автор первого русского свода законов, дал Новгороду важные привилегии, и к XIII в. город стал подобием независимой республики, управляемой народным собранием, «вече», через выборного «посадника». Но прискорбное возвышение Москвы и безжалостные московские деспоты утопили «Волховскую республику» в крови. В 1471 г. Иван III распространил на нее свои законы. Мужественные новгородцы сопротивлялись Москве (потому вечевой колокол и назван у Пушкина «мятежным»), но тщетно. В 1570 г. остатки новгородской вольности были уничтожены Иваном Грозным.

Пушкинское описание Новгорода в этой строфе крайне невыразительно: «полудикой» не создает никакой картины, колокола «среди» людных площадей мы не слышим, определение «мятежный» двусмысленно, хотя и не ново, четверо «великанов» очень неравнозначны, а «поникнувшие» церкви, вокруг которых «кипит» призрачный «народ», напоминают снеговиков во время оттепели.

В письме Пушкину из Петербурга в Михайловское от 18 октября 1824 г. (см. мой коммент. к гл. 8, LI, 3—4) декабрист князь Сергей Волконский выражал надежду, что «соседство и воспоминания о Великом Новгороде, о вечевом колоколе» вдохновят поэта.

Вариант

3 В черновой рукописи (2382, л. 118 об.) и в отвергнутом чтении в белой рукописи (ПБ 18, л. 4):

коляска веиская

Ср. в гл. 7, V, 2: «В ...коляске выписной».

[VII]

Беловая рукопись (ПБ 18, лл. 4 об., 5).

- 3 *Мелькают мельком, будто тени* — Занятный прообраз кинематографа.
- 4 *Валдай, Торжок и Тверь.* — В таком порядке эти города располагаются при движении на юго-восток из Новгорода (сто миль южнее Петербурга) к Москве (около трехсот миль). Валдай — городок на холмистом южном берегу красивого Валдайского озера. Торжок, город побольше, в то время славился кожами и

бархатом. Онегин доезжает до стоящего на Волге большого города Твери (ныне Калинин). До Москвы ему предстоит проехать еще сотню миль⁸.

Занятно сравнить стилизованную картинку онегинского маршрута в этой строфе со скабрёзным пушкинским описанием его собственной поездки той же дорогой, но в противоположном направлении, в письме от 9 ноября 1826 г., из Михайловского Сергею Соболевскому* (приятелю с дурной репутацией, но талантливому и образованному, у которого Пушкин жил в Москве в сентябре — октябре 1826 г., во время своего решающего приезда в столицу из Михайловского). Он выехал из Москвы в Опочку утром 2 ноября, дорогой сломал два колеса, продолжил путь почтой и, проехав через Тверь, на следующий вечер был в Торжке (130 миль). В Новгороде повернул на запад, в сторону Пскова. Весь путь от Москвы до Опочки (450 миль) занял у него восемь дней⁹.

Послание написано четырехстопным хореем в шести четверостишиях, исполняться должно было на мотив «Жил да был петух индейской» (непристойная баллада Баратынского и Соболевского, двадцать строк, четырехстопный хорей) и содержит разные дорожные советы. В тверском трактире Гальяни (имя сопровождается непристойным каламбуром, свидетельствующим о познаниях в итальянском языке) Пушкин советует заказать «с пармезаном макарони»¹⁰, а у Пожарского в Торжке — его знаменитые *côtelettes*** . В последней строфе путешественнику рекомендуется купить к чаю баранок «у податливых крестьянок» в Валдае. Отметим, что в «Путешествии» эпитет менее красноречив («у привязчивых»).

Письмо Пушкина к Соболевскому похоже на дурашливый набросок будущего «Путешествия Онегина», а смесь прозы и стихов, живость и легкость делают его миниатюрным отражением сочиненного в XVII в. двумя приятелями, Клодом Эмманюэлем Люийе, известным под именем Шапель (1626—1686), и Франсуа ле Куаньо де Башомоном (1624—1702), «Путешествия из Лангедока» («Voyage de Languedoc», 1656), известного как «Путешествие Шапеля и Башомона» («Le Voyage de Chapelle et de Bachomont»).

Алексей Вульф, ехавший вместе с Пушкиным той же дорогой в середине января 1829 г. (из Старицы Тверской губернии в Петербург), называет валдайских бараночниц «дешевыми красавицами» (*П и его совр*, 1915—1916, VI, вып. 21—22, с. 52).

Александр Радищев (1749—1802), писатель-либерал, написал и напечатал в своей домашней типографии «Путешествие из Петербурга в Москву», за что был сослан Екатериной Великой в Сибирь до конца ее царствования, но Александр I в 1810 г. разрешил «Путешествие» опубликовать¹¹. Оно являет собой страстное обличение крепостничества и тирании, написанное корявой прозой XVIII в. Пушкин, ругавший книгу за слог (см. его посмертно опубликованную статью «Александр Радищев», написанную в августе 1836 г.), хорошо ее знал. Там есть следующие слова (свидетельствующие о лукавой попытке Пушкина тайком протащить в «Путешествие Онегина» тень Радищева): «Кто не бывал в Валдаях, кто не знает Валдайских баранок и Валдайских разрумя-

* Опубликовано позже, в 1831 г., у Воейкова в «Литературном прибавлении» к «Русскому инвалиду», № 6, под заголовком «Быль», за подписью «Сталинский», согласно изданию «Пушкин» (1936), с. 522—524 (Летописи Государственного Литературного музея, I). (Примеч. В Н)

** Котлеты (фр).

ненных девок? Всякого проезжающего наглыя Валдайския и стыд сотрясшия девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие.. »

Баранки — то же, что американские «bagels» (заимствование из идиш).

- 11 *Версты* — полосатые черно-белые деревянные столбы, отмеряющие расстояние. Верста составляет 0,6 мили. Ямщиков почтовых троек английские путешественники того времени называли «post-boors» («почтовые мужики»)

[VIII]

Беловая рукопись (ПБ 18, л. 5).

- 5 [Московский] *Английский клуб* — Не следует путать с несравнимо более модным Петербургским клубом (в обиходе — Английский клуб или клуб, официально — Санкт-Петербургское Английское собрание; основано в 1770 г.; Пушкин был его членом с 1832 г. до самой своей смерти). Ср.: *Благородное собрание* (коммент. к гл. 7, LI, 1).
- 6 *Народных заседаний* — в значении «парламентских заседаний».
- 8 *Каша* — горячее блюдо из вареной крупы (гречи, ячменя, проса и т. д.) в различных видах, в том числе подаваемое с мясом, или как начинка для пирога, или приготовленное на молоке и с маслом; любимая русская еда.
- 12 .. *шпионом* — Здесь, как и в гл. 2, XIVb, 5, имеется в виду государственный шпион, секретный агент политической полиции. Про самого Пушкина, даже в пору его жизни в Одессе, ходила грязная сплетня, будто он «работает на правительство»*, чем на самом деле занималась одна из самых блестящих его возлюбленных (графиня Каролина Собаньская; см. коммент. к гл. 8, XVII, 9). Слово «производит», которое в другой связи, в конце строфы, перекликается с «посвящал» в гл. 8, XIVb, 5, возможно, показывает, что для Пушкина, писавшего «Путешествие» (осенью 1830 г., через семь лет после гл. 2), эти две строфы ассоциировались друг с другом.
- 14 .. *в женихи...* — Интересно, не предназначал ли наш поэт одну загадочную, недатированную строфу, онегинскую и по рифмам и по духу, записанную на клочке серой бумаги и впервые опубликованную в 1903 г. И. Шляпкиным («Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», с. 22) как отдельное стихотворение, с переставленными стихами (1—6, 10—14, 7—9) и с другими ошибками, куда-нибудь сюда, в гущу слухов о женихе-Онегине:

«Жеиись» — «На ком?» — «На Вере Чацкой» —
«Стара» — «На Радиной»** — «Проста» —

* См. также набросок письма к Вяземскому (1 сентября 1828 г., С.-Петербург) «Алексей Полторацкий сболтнул в Твери, что я шпион, получаю за то 2500 в месяц (которые очень бы мнегодились благодаря крепсу) и ко мне уже являются троюродные братцы за местами и за милостями царскими» (*Примеч В Н*)

** У Шляпкина вместо «на Радиной» стоит «на Солиной», вместо «на Липской» — «на Маше Ланской», вместо «на Лидиной» — «на Ситской». В ПСС 1936, I, с. 596, строки (вслед за Шляпкиным) переставлены, вместо «на Лидиной» читаем «на Лидьи», вместо шляпкинской «Маши Ланской» — «на Маше Липской» и вместо «на N-ской» — «на Ленской». (*Примеч В. Н.*)

«На Хальской» — «Смех у ией дурацкии» —
«На Шиповой» — «Бедиа, толста» —
«На Мииской». — «Слишком томно дышит» —
«На Торбиной» — «Ромаисы пишет,
Цалует мать, отец дурак» —
«Ну, так на N-ской?» — «Как не так!
Приму в родство себе лакеиство» —
«————Липской». — «Что за тои!
Гримас, ужимок миллиои!» —
«На Лидиной» — «Что за семейство!
У них орехи подают,
Оии в театре пиво пьют»

Я посмотрел несколько изданий, все они печатают это как диалог (Онегина с приятелем, предлагающим ему жениться). Мне представляется, что это монолог (сродни гл. 1, I), но рукописи я не видел.

В ПСС 1949, V, с. 562, последовательность строк исправлена, дано «на Лидиной» и «на Груше Липской», и (вслед за Шляпкиным) опущен редакторский знак вопроса после «Ленской». Я не верю, что Пушкин мог в данном контексте использовать эту фамилию — разве что строфа была написана не в 1829—1830-м (когда писалось «Путешествие»), а в период с мая по октябрь 1823 г. (до работы над второй песнью, в которой появляется Ленский). Нужна репродукция рукописи¹².

Фамилия «Чацкой» скорее всего взята у Грибоедова из «Горя от ума». Если так, то эта строфа написана не ранее 1825 г. «Радина», «Минская» и др. — вымышленные дворянские фамилии, принятые в романах и пьесах того времени. [Тебя] «цалует мать» — это о провинциальной манере матери семейства целовать гостя в лоб, когда он целует ей руку. Правда, в издании 1957 г. у Томашевского — «шалунья мать», вариант не слишком убедительный.

Шляпкин пишет, что можно разобрать отвергнутые чтения (стихи 2 и 3) «на Сединой» и «на Ржевской».

Я заметил, что Зенгер в своей замечательной статье о некоторых черновых набросках Пушкина в книге «Пушкин, родоначальник новой русской литературы» (1941), с. 31—47, также приходит к выводу, что эта строфа может относиться к московской части «Путешествия Онегина».

Варианты

2 Черновая рукопись (2382, л. 118):

восточной суетой

8 Отвергнутое чтение (там же):

Чатамов преиья слышит ои

Вильям Питт Старший, граф Чатам (1708—1778), английский государственный деятель.

[IX]

1—2 Из белой рукописи (ПБ 18).

1—3 В июле 1821 г. Онегин отправляется из Москвы на восток и, проехав триста миль, прибывает в Нижний Новгород (ныне Горький), старый город на старом холме у слияния Волги с Окой. Знаменитый нижегородец Кузьма Минин-Сухорукий, мясник по профессии и политик по призванию, сыграл ключевую роль в победе народного ополчения Московского государства против польских завоевателей в 1611—1612 гг.¹³

Макарьев — имеется в виду знаменитая Макарьевская ярмарка, перенесенная в Нижний из г. Макарьева, что миль на шестьдесят дальше на восток. Устраивалась она в середине лета. Несколько механически здесь повторяется та же «суэта», что в [V], 11 и в [VIII], 2.

Согласно «перечню товаров и капитала, объявленному Директорской канцелярией [нижегородской] ярмарки 1821 года» (то есть когда там был Онегин), среди сорока наименований товаров на ярмарке продавались «небольшая серебряная тарелка и жемчуг» за 1 500 000 рублей, «вино и бренди» за 6 580 000 рублей и «лошади» за 1 160 000 рублей (как записал Лайалл в своих «Путешествиях» / Lyall, «Travels», II, p. 349—351).

[X]

Беловая рукопись (ПБ 18).

2 *Волга — рек, озер краса..* — Из напыщенной оды Дмитриева «К Волге», стих 4. Ода состоит из девяти строф по десять стихов четырехстопного ямба, рифмы имеют обычную в русских и французских одах схему *ababescc*. Ее рукопись Карамзин получил от Дмитриева 6 сентября 1794 г. Вот стихи 2—7:

Спускайте, други, паруса!
А ты, приеся ко берегу,
О Волга! Рек, озер краса,
Глава, царица, честь и слава,
О Волга пышиа, величава!
Прости!¹⁴

8 *Надулась Волга* — то есть поднялась из-за июльских дождей в верхнем своем течении, как случалось в некоторые годы.

13 *Стенька Разин* — знаменитый разбойничий главарь, герой нескольких песен, вроде приволжского Робина Гуда, но проливший куда больше крови, чем пресловутый веселый йомен. Стих 14 звучит: «Кровавил волжскую волну». Советская история выставляла Робин-Разина провозвестником народной революции, и товарищ Бродский предлагает считать стих 14 лишь романтической аллюзией на песню, в которой Разин бросает свою возлюбленную, персидскую княжну, в волжские волны (дабы космополитическая любовь не встала на пути его коммунистического патриотизма). Но кто видел, чтобы тонущая персидская княжна непременно истекала кровью? И как насчет начала следующей строфы?

Эпитет «полотняный» (стих 4) также встречается в песне о Стеньке Разине (которую я упоминаю в коммент. к гл. 5, XVII, 7—8), написанной Пушкиным по мотивам народной поэзии (стих 10):

Распусти паруса полотняные.

[XI]

Из Нижнего Онегин неторопливо плывет вниз по Волге в Астрахань (около двух тысяч миль), останавливаясь в Казани, Сызрани, Саратове и т. д. Краткое его пребывание на каспийских берегах я отнес бы на позднюю осень 1821 г.

- 7 Не понимаю, как умудрились советские комментаторы, обычно хватающиеся за любой ошметок революционности, который только могут выискать в *ЕО*, не заметить, что невинная фраза «воспоминанья прошлых дней» относится не к личным, а к историческим воспоминаниям и, без всякого сомнения, означает гражданский и военный бунт в Астрахани при Петре Великом, начавшийся из-за непомерных налогов и продолжавшийся с 30 июля 1705-го по 12 марта 1706 г.; после его подавления было казнено более двух тысяч человек.
- 9 Астраханских комаров бранили многие путешественники. См., к примеру, «Дорожные записки» Воейкова в его «Новостях литературы» № 9 (август, 1824). Классический же рассказ о «чувствительной встрече» с татарскими комарами принадлежит перу Э. Д. Кларка («Путешествия по разным странам» / E. D. Clarke, «Travels in Various Counties», II, p. 59—61), который от них чуть было не погиб одной июльской ночью 1800 г. на берегах Кубани.

Черновой набросок строфы XI (2382, л. 117 об.) датируется 3 октября [1829, Павловское Тверской губернии].

[XII]

- 1 *Терек* — река на Кавказе, берущая начало на небольшом леднике горы Казбек, входящей в главный Кавказский хребет (см. коммент к XIII, 2—4). Терек огибает Казбек и бурно несется на северо-восток по нескольким ущельям (в том числе по Дарьяльскому), вдоль которых идет Военно-Грузинская дорога (см. коммент. к стиху 13) Под Владикавказом вбирает в себя несколько горных потоков, течет на север, в степь, и затем решительно поворачивает на восток к Каспийскому морю

10—12 См. коммент к XIIa, 8.

- 13 *Арагва* и *Кура* — реки по южную сторону главного хребта. Арагва начинается горным потоком северо-западнее Крестового перевала (7957 футов), течет на юг (60 миль) и впадает в синевато-серые воды Куры.

Кура, главная река Закавказья, берет начало в Турции, к северо-западу от Карса, и течет на восток через Грузию к Каспийскому морю.

Крестовой перевал, где дорога пересекает главный горный хребет, протянувшийся через весь Кавказ примерно с северо-запада на юго-восток, известен в литературе. его описал Лермонтов в начале «Героя нашего времени» (опубликован в 1839—1840; английский перевод, выполненный Дмитрием Набоковым, вышел в Нью-Йорке в 1958 г.)¹⁵.

Так называемая Военно-Грузинская дорога (строительство которой велось с 1811 г.) начинается милях в пятидесяти к северу от перевала, во Владикавказе, и дальше, извиваясь по долине Арагвы, идет на юг к Тифлису, столице Грузии, что составляет около 135 миль.

[XIIa]

Черновая рукопись (ПД 168).

- 8 *До Грузии.* . — Более ранние советские издания всегда давали здесь чтение «до глубины», но в ПСС 1957 без каких-либо объяснений (как и везде в этом издании, до смешного лаконичном) напечатано «до Грузии»; Грузия — регион Южного Кавказа (Закавказья), ограниченный Черным морем на западе и Дагестаном на востоке.

Поэтапная аннексия Россией Кавказа началась с захвата Петром Первым Дербента в 1722 г. и продолжалась до взятия в плен предводителя лезгинов Шамиля в 1859-м. Продвижение Российской империи на восток (вызывавшее пристальное внимание Англии и упорный протест Турции) осуществлялось разными способами, от полудобровольного присоединения (например, Грузии в 1801 г.) до жестоких войн с горцами, чьи исламизированные черкесские племена оказывали отчаянное сопротивление.

- 12 *. пушкою степною...* — Орудие для ведения боя в степи¹⁶.

[XIIb]

Черновая рукопись (ПД 168).

[XIIc]

Черновая рукопись (2382, л. 39 об.).

24 сентября 1820 г. Пушкин писал из Кишинева брату Льву в Петербург: «Приехав в Екатеринославль [примерно 20 мая 1820 г.], я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкновению. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном [Николаем] и двумя дочерьми [Марией и Софией], нашел меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада. Сын его (ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги, для меня вечно незабвенные) [подтверждение того, что поездка на Кавказ планировалась по меньшей мере на месяц раньше] сын его предложил мне путешествие к Кавказским водам, лекарь [некто д-р Рудыковский], который с ними ехал, обещал меня в дороге не уморить».

Дальше он описывает первозданную красоту Кавказа: «Все эти целебные ключи находятся не в дальнем расстоянии друг от друга, в последних отраслях Кавказских гор. Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали. на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту...»

(См. коммент. к XIII, 2—4.)

- 4 *...не раз.* — Пушкин был на Кавказе дважды, летом 1820-го и летом 1829 г. По художественному достоинству «Путешествие Онегина» значительно уступает прекрасному «Путешествию в Арзрум», прозаическому описанию пушкинской поездки 1829 г., опубликованному в 1836 г. в его литературном журнале «Современник».

Пушкин участвовал в кавказской кампании 1829 г. как поэт, неофициальный военный корреспондент (в мечтах), драгун, *bon vivant** и полупрофессиональный игрок. На первой неделе мая он выехал из Москвы в Тифлис через Калугу и Орел, затем пересек зеленые воронежские степи и по Военно-Грузинской дороге проделал путь от Екатеринослава до Владикавказа (куда прибыл 21 мая) и далее до Тифлиса, где оставался с 27 мая до 10 июня. Главнокомандующий граф Паскевич разрешил Пушкину поездку в Арзрум (с нижегородским драгунским полком, в котором служили Николай Раевский-младший и Лев Пушкин). 11 июня неподалеку от крепости Гергеры поэт встретил арбу с гробом Грибоедова, убитого в Тегеране. 14 июня Пушкин пытался было участвовать в схватке с турецкой кавалерией. Его штатское платье и круглая шляпа (*chapeau rond*) вызывали недоумение у солдат, принявших его за немецкого лекаря либо за лютеранского батюшку. 27 июня Пушкин присутствовал при взятии Арзрума и прожил там почти месяц. Около 20 июля он отправился в Тифлис, затем в Пятигорск, на второй неделе выехал из Пятигорска в Москву, куда приехал до 21 сентября.

[XIII]

3—4 *Бешту . Машук ..* — Речь идет об остроконечных пиках Бештау, пяти поросших дубовым и буковым лесом горных вершинах к северу и востоку от Пятигорска, северокавказского курорта, знаменитого своими минеральными источниками. Пятиверхий массив составляют горы Беш (4590 футов), Железная (2795 футов), Змеиная (3261 фут), Машук (3258 футов) и Лысая (2427 футов). Милях в пятидесяти к югу, в западной части главного Кавказского хребта (протянувшегося от 44-й параллели на северо-западе Кавказа до 41-й параллели на юго-востоке), просматриваются Эльбрус, самая высокая гора Европы (около 18 500 футов), и Казбек (около 16 500 футов).

Онегин проводит на Кавказе больше года (1822). Следующим знаменитым литературным героем, который приедет на Кавказские воды и проедет по кавказским перевалам, будет лермонтовский Печорин (1830—1838).

6 *ручьев его волшебных ..* — Боюсь, что я здесь перевел красивее, чем нужно, и что Пушкин имел в виду всего лишь «ключи» или «источники».

Ср. описание похожего курорта (Баньер) у Фонтана в его «Пиренеях» («*Les Pyrénées*», ок. 1805):

Le vieillard de maux escorté,
Le héros encor tourmenté
De cicatrices douloureuses,
La mélancolique beauté

Viennent chercher ici les jeux ou la santé .

L'ennui, les sombres maladies
Et la goutte aux mains engourdies
Tout cède au breuvage enchanté **

* Бонвиван, разбитной малый (*фр*)

** Старик со свитой болезней, / Герой, мучимый / Болезненными шрамами / Меланхолическая красавица / . / Стремятся сюда в поисках развлечения или здоровья / .. / Тоска, мрачные болезни / И подагра в онемелых руках — / Все отступает перед волшебным питьем .» (*фр*)

- 9 *Киприда* — эвфемизм, заменяющий *Lues venerea*. Известно, что венерическими болезнями — гонореей и/или одной из форм сифилиса — Пушкин болел по крайней мере три раза (в январе 1818 г. в Петербурге, весной 1819 г. там же и в середине июля 1826 г. после посещения псковского борделя).

[XIV]

- 4 *Дымные* — опечатка, должно быть «зимние». Забавное повторение в опечатке того же слова, что упоминает Пушкин в примечании 17¹⁷.

Вариант

13—14 ПБ 18, л. 7 об.:

И я как эти господа
Надежду мог бы знать тогда!

[XV]

1—8 Беловая рукопись (ПБ 18).

- 6 Кубань — река, текущая с ледника у подножия Эльбруса на север и затем на восток, к Азовскому морю.

6—8 .. *кубанские равнины Крым* — Покинув Центральный Кавказ, Онегин проезжает около четырехсот миль на северо-запад, к оконечности Таманского полуострова, где садится на корабль, плывущий в Крым. Тем же маршрутом в начале августа 1820 г. двигался Пушкин. В письме из Кишинева брату в Петербург (24 сентября 1820 г.) он писал: «Видел я [8 августа 1820 г.] берега Кубани и сторожевые станицы — любовался нашими казаками. Вечно верхом; вечно готовы драться; в вечной предосторожности! Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за ними тащилась заряженная пушка. .»

Первый раз поэт увидел Крым не с корабля, а с Тамани в середине августа 1820 г., через Керченский пролив (то же письмо к брату). Здесь нельзя не вспомнить, что в повести Лермонтова «Тамань» (1840) Печорин, находясь в одноименном городе, лазурным утром любуется «на дальний берег Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесом, на вершине коего белеется маячная башня» (обратите внимание на лиловый цвет — в классической палитре Пушкина он отсутствует).

Из Тамани Пушкин приплыл в Керчь, это была его первая остановка на Крымском полуострове. Там (15 августа, на закате) он ходил смотреть развалины башни, известной под именем Митридатовой гробницы, где «сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления», — читаем в «Отрывке из письма Д[ельвигу]» (впервые опубликованном в «Северных цветах» на 1826 г.), нарочито надменных заметках, которые поэт предпослал третьему изданию (1830) «Бахчисарайского фонтана».

Оттуда Пушкин поехал южнее, в Феодосию (древнюю Кафу), расположенную на юго-восточном побережье Крыма, в шестидесяти трех милях от Керчи; путешествие заняло день. Там он заночевал (по нынешнему адресу — в доме

№ 5 по Ольгинской улице), а на следующий день (18 августа) вместе с Раевскими сел на военный бриг, на котором они поплыли вдоль крымского берега, держась юго-западного направления. Во время этого путешествия Пушкин написал байроническую элегию («Погасло дневное светило...»), в конце года напечатанную журналом «Сын Отечества» вместе с ошибочной датировкой Льва Пушкина («сентябрь»), который получил эти стихи вместе с сентябрьским письмом брата.

На рассвете 19 августа бриг причалил к гурзуфскому берегу (о разгадке сердечной тайны последних стихов строфы XVI см. мой коммент. к гл. 1, XXXIII, 1). Там поэт провел три блаженные недели с семейством Раевских — теперь уже в полном составе — на вилле, предоставленной в их распоряжение Арманом Эммануэлем дю Плесси, герцогом де Ришелье

Примерно 5 сентября Пушкин вместе с генералом и его сыном выехали из Гурзуфа; осмотрев по пути «баснословные развалины храма Дианы» около Георгиевского монастыря, они по Балаклавской дороге доехали до самого центра Крыма — Бахчисарая, что милях в шестидесяти от побережья. «Бахчи Сарай» означает «садовый дворец» и полностью оправдывает свое название. С начала XVI до конца XVIII в. здесь располагалась резиденция татарских ханов. В прохладный зал стремительно влетают ласточки; из ржавой трубки небольшого фонтана сочится вода, кадая в мраморные выемки. Я был там в июле 1918 г. во время экспедиции за чешуекрылыми.

Из Бахчисарая путешественники выехали (8 сентября) в Симферополь, и оттуда Пушкин через Одессу (где был в середине месяца) к 21 сентября возвратился в Кишинев.

8 *Тамань* — черноморский порт на самом северо-западе Кавказа, на берегу Таманского залива (восточное ответвление Керченского пролива), примерно в двустах пятидесяти милях от Сухума, города на западном кавказском побережье. Здесь переживет приключение и лермонтовский Печорин — в «Тамани», самой неудачной части «Героя нашего времени».

10 *С Атридом спорил там Пилад* .. — Как рассказывается в старых французских mythologies, из которых и Пушкин, и его читатели черпали популярную информацию на подобные темы, легендарные юноши Орест и его верный друг Пилад, успешно осуществив многосложную вендетту, стремились к очищению, и Дельфийский оракул повелел им доставить в Грецию статую Артемиды (Дианы) из таврического Херсонеса (Корсунь, под Севастополем) Друзья поплыли в землю тавров. Но царь Тоант, верховный жрец храма Артемиды, велел, как требовал закон, принести молодых чужестранцев в жертву. Орест и Пилад героически спорили друг с другом: каждый желал умереть за другого. Обоим удалось бежать — вместе с Ифигенией (местной жрицей, оказавшейся сестрой Ореста) и со статуей.

Пушкин называет Ореста Атридом, то есть одним из рода Атридов.

11 *Митридат* — Митридат Великий, царь Понтийский, в 63 г. до н. э. приказавший себя убить исполнительному галльскому наемнику. Его предполагаемую гробницу и трон можно видеть на горе Митридат — холме недалеко от Керчи (порт на Азовском море, см. выше, коммент. к 6—8).

12—14 Адам Бернард Мицкевич (1798—1855) — польский поэт и патриот, провел в России четыре года (с октября 1824-го по март 1829-го). Осенью 1825 г., то есть через пять лет после Пушкина, он побывал в Крыму и, вернувшись в

Одессу, сочинил восемнадцать восхитительных «Крымских сонетов», которые доработал в 1826 г. в Москве. Там же в декабре 1826 г. они были напечатаны по-польски, а первые, совершенно бездарные, русские переводы появились в 1827-м (Василия Щастного) и в 1829-м (Ивана Козлова). В своем сонете VIII Мицкевич возвращается мыслью к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина; сонет называется «Grob Potocki» (мавзолей жены татарского хана, которая, по преданию, была из польской семьи Потоцких). В этом сонете, как и в других, особенно в XIV, под названием «Пилигрим», Мицкевич ностальгически вспоминает родную Литву.

Пушкин познакомился с Мицкевичем в октябре 1826 г. в Москве, но сердечность их дружбы не выдержала последовавших политических событий. 17/29 ноября 1830 г. разразилось польское восстание, продолжавшееся около девяти месяцев. Николай I объявил о варшавском мятеже гвардейским офицерам 26 ноября 1830 г. во время парада, под вынос знамени, выразив уверенность, что они помогут его подавить. Генералы и офицеры разразились криками «ура!» и бросились целовать руки Николая и крестец его лошади — словно царь был кентавром. Пушкин, к большому огорчению Вяземского и А. Тургенева, с чрезвычайным восторгом приветствовал подавление восстания. В ямбическом стихотворении «Клеветникам России» (август 1831 г.) и в одической «Бородинской годовщине» (сентябрь 1831 г.) бушует поток страстного национализма, а о разгроме восставшей Польши наш поэт говорит с холодной насмешкой. В датированном 10 августа 1834 г. и написанном в Петербурге нерифмованном отрывке Пушкин вспоминает счастливую жизнь Мицкевича «среди племени ему чужого» и противопоставляет мирные речи гостя тем «напоенным ядом» стихам (в черновике — «собачьему лаю»; слова эти перекликаются с конечными строчками стихотворения Мицкевича, обращенного к «русским друзьям», в котором голос любого русского, что осудит обличение польским поэтом деспотизма, сравнивается с лаем собаки, кусающей руку освободителя), которые разгневанный Мицкевич ныне шлет в Россию с запада: в 1832—1834 гг. Мицкевич жил в ссылке в Дрездене и Париже и в своих сатирических стихах (переписанных Пушкиным в тетрадь 2373, л. 34 об., 35 об.) обвинял бывших русских друзей в том, что они подкуплены своим правительством, прославляют триумф своего тирана и радуются страданиям поляков. И не столько в силу исторической реальности, сколько благодаря прекрасным человеческим качествам Мицкевича «либерализм» в то время ассоциировался с Польшей — страной, которая в отдельные периоды своей независимости была не менее деспотической, чем Россия.

Поэзией Мицкевича Пушкин восхищался. В октябре 1833 г. в Болдине он написал стихотворение в редком для себя размере анапеста — мелодически приятный, но безнадежно неточный перевод баллады Мицкевича «Будрыс и его сыновья».

Варианты

12 В белой рукописи (ПБ 18) вместо «Мицкевич вдохновенный» — «изгнанник вдохновенный».

12—14 Отвергнутые чтения (2382, л. 115 об.):

Там мой Мицкевич вдохновенный

Стихи бессмертные слагал, —

и (стих 14):

Свои сонеты он слагал

[XVII—XIX]

Эти строфы, иллюстрирующие два подвида романтизма, являют собой восхитительное краткое изложение смены литературных мод.

Как я уже отмечал (см. коммент. к гл. 6, XXIII, 2), романтизм в своей обобщенной форме восходит к вымышленной Аркадии итальянских и испанских поэтов. Из ее зеленых низин обезумевшие влюбленные — несчастные рыцари и ученые юноши — обыкновенно поднимались в гористую местность, где и металась в любовном неистовстве. В пасторальной поэзии луна скрывалась за облаками, ручьи журчали с той же аллегоричностью, как три столетия спустя бежит ручеек и веет ветерок у могилы Ленского. В XVIII в швейцарские и шотландские проводники указали выбившейся из сил поэзии на осененный мрачной хвоей водопад. Оттуда было уже рукой подать до унылого байронического пейзажа — как вверх, до скал, сменивших лесную зону, так и вниз, до прибрежных утесов и бьющегося о них прибоя. Этот обобщенный подвид романтизма тесно сопряжен с патологической неприязнью, которую век Разума испытывал к конкретной, «непоэтической» детали, и с его страстью к видовым понятиям. В этом смысле «романтизм» Байрона является логическим продолжением «классицизма». Неясное стало еще менее ясным, а развалины под луной остались столь же благородными и расплывчатыми, как и «страсти», порождаемые инцестами и античными драмами. Как я уже отмечал, лишь в нескольких зимних стилизациях Пушкин (в окончательном тексте) вместо проторенной аркадской условности обратился к конкретному пейзажу. В описаниях природы он всегда тяготел к XVIII в. Строфа XVIII являет собой критическое воплощение второй, «конкретной» фазы романтизма, с ее интересом к «обыденным» деталям и «реалистической» повседневности, лишенным того поэтического осадка, что неизбежно присутствует в словах «океан» и «соловей». Именно эта мода наново открыла романтикам фламандскую живопись и елизаветинскую драматургию.

Наконец, следует отметить, что здесь Пушкин говорит и о своих недавних литературных пристрастиях, о переходе от «поэтического» восточного фонтана к «непоэтическому» утиному пруду — аллегория его собственной жизни. Можно увидеть и некоторую аналогию между этой эволюцией и той, что он наметил для Ленского в строфах XXXVI и XXXIX гл. 6.

[XVII]

Вариант

В черновом варианте (2382, л. 111), вероятно, стиха 8 Пушкин с удовольствием вспоминает тень олив и шелковиц, что сразу же воскрешает в памяти каменистые тропинки, уходящие вверх по горному склону от южного крымского берега.

Шелковицу (и, что весьма неожиданно, ананас) уже упоминал в 1826 г. Мицкевич в своем XIV сонете «Пилигрим» — как элемент крымского пейзажа.

[XVIII]

- 2 . *косогор..* — Слово подразумевает двойкий наклон: это и склон холма, и дорога (либо что-то ей подобное), диагонально по нему спускающаяся
<...>
- 13 *покой* — См. выше коммент. к стиху 20 «Письма Онегина» в гл. 8 и к XLVIIIa, 1 в гл. 8.
- 14 *Щей* (род. пад. от *щи*) — суп из капусты. Стих основан на русской поговорке, смысл которой таков: «я ем простую пищу, но сам себе хозяин».

Варианты

5—6 В черновой рукописи (ПБ 18, л. 1 и 2 об.):

Да через светлую полянку
В дали бегущую крестьянку

Стих 6 имеет вариант:

Да стройных прачек у плотины

13 Черновая рукопись (там же):

Простая, тихая жена

[XIX]

6—11 См. «Бахчисарайский фонтан» (поэму в 578 стихов четырехстопного ямба, сочиненную в 1822 г. в Кишиневе и опубликованную в 1824 г. в Москве со статьей Вяземского), особенно стихи 505—559, где Пушкин описывает свое посещение бывшего «садового дворца» ханов: там, в стихах 533—538, есть ответ на вопрос, заданный в «Путешествии», XIX, 7—10, с тою же рифмой «шум — ум».

В примечании к поэме Пушкин дал намеренно «прозаическое» описание фонтана, и это можно сравнить с «сором» в «Путешествии», XIX, 1—4¹⁸.

[XX]

1 *Я жил тогда в Одессе пыльной* — На самом деле мы не видим Онегина, участвующего в итальянизированном веселье одесской жизни (XX—XXIX). Не он, а другой наш герой, Пушкин, наслаждается ею в этих десяти строфах, звучащих словно южное эхо театральных, любовных и гастрономических утех Петербурга, описанных в первой главе.

Там, в первой главе, Пушкин перемежает петербургские воспоминания с обстоятельствами своей одесской жизни в то время, когда он эти воспоминания описывал (осенью 1823 г.) Мы мельком видим, как он бродит над морем в надежде на паруса, которые унесли бы его из России в Африку — давней

дорогой предка, но в обратном направлении. Означенные же строфы «Путешествия» написаны в пору вынужденного уединения в Михайловском, в начале 1825 г. Одесса 1823—1824 гг., в то время лишь приют ностальгии, теперь, в 1825 г., вспоминается с не меньшей сладостью, чем в свое время поэт вспоминал о прелестях Петербурга. А «златая Италия» гл. 1, XLIX сократилась до воспоминания о мелодичной итальянской речи на одесских улицах.

- 2 *Там долго ясны небеса* — сокращенная четырехстопная версия александрийского стиха Туманского — второй строчки стихотворения «Одесса» (я его цитирую в коммент. к XXI, 1—9).

Вариант

- 5—14 Гофман (1936) приводит следующие черновые фрагменты (2370, л. 66; см. также с. 464 в Акад. 1937) — А, стихи 8—9:

Там хладнокровного купца
Блится резвая подруга [*фр* *compagne folâtre*] —

и В, стихи 5—6:

я жил поэтом
Без дров зимой — без дрожек летом

(Относительно А, стихов 8—9 см. коммент. к XXVIII, 5—14.)

Очевидно, разрыв между этими фрагментами и следующими за ними стихами должна была заполнить тема предстоящего усовершенствования одесской канализации. В черновой рукописи (стихи 12—14) читаем:

И вместо г<рафа> В<оронцова>
Там будет свежая <вода>
Тогда поедем мы туда

Что приводит на ум лорд-канцлера, которого обращение «M'lud» [искаженное «милорд»] сравнило с лондонской грязью («mud») в первой главе (написанной в ноябре 1851 г.) диккенсовского «Холодного дома».

- 13 Черновая рукопись, отвергнутое чтение (2370, л. 66):

И черный гость родной земли —

то есть африканец.

[XXI]

- 1—2 *Одессу звучными стихами / Наш друг Туманский описал...* — Туманский, второстепенный поэт, служивший с Пушкиным при канцелярии Воронцова, в 1824 г. посвятил Одессе тяжеловесные ямбические гекзаметры:

В стране, прославленной молвою бранных дней,
Где долго небеса отрада для очей,
Где тополи шумят, синеют грозны воды, —
Сын хлада нзумлен сняннем природы
Под легкой сенню вечерних облаков
Здесь упонтельно дыхание садов .

И так далее, еще десяток корявых строчек¹⁹.

6—7 . *бродить над морем* — Образ Туманского, который «пошел бродить... над морем», то есть по побережью, вторит, со смягченной интонацией, страстному «брожу над морем» в гл. 1, L, 3. Занятно, как встретились в одесском порту начало и конец романа Замученная и хмурая муза перевода подарила мне здесь нечаянную рифму «then — pen» («потом — пером») в награду за то, что я заметил, как тема сужается до сверкающей точки в синем море.

11 *степь нагая* — Лайалл в своих «Путешествиях» (I, с. 190), в записи, относящейся к маю 1822 г., рассказывает. «Окрестности Одессы являют собой приятный вид. Некогда засушливая степь ныне усеяна деревьями, а подходящие к городу хозяйства и возделанные поля перемежаются с дачами, питомниками, частными и общественными садами».

[XXII]

3 *в Одессе грязной* — Лайалл, «Путешествия» (I, с. 171) «Улицы в Одессе... до сих пор не мощенные... осенью и весной после сильных дождей они несказанно грязны.»

14 октября 1823 г. Пушкин писал Вяземскому из Одессы (куда к этому времени подъехал и Онегин) «У нас скучно и холодно Я мерзну под небом полуденным». А 1 декабря 1823 г. — Александру Тургеневу «Две песни уже готовы» (Онегин уже снабдил своего биографа материалом для второй главы)

10 *на ходулях* — Кажется, я где-то читал, что одесситы (которые по-русски говорят хуже всех в России) называют предназначенные для распутицы деревянные башмаки «ходулями» (то есть то, в чем ходят!); однако я сомневаюсь, что Пушкин мог без всякой нужды использовать такой вульгарный сленг. Это разрушило бы гиперболу, на которой построена вся строфа.

[XXIII]

1—3 *молот город* — Рифма неправильная и одна из немногих неудачных в ЕО. Другие — в стиховых окончаниях гл. 2, VI, 10—11 и гл. 3, XIV, 10—11 (худшая из всех)

6—8 Лайалл, побывавший в Одессе в мае 1822 г., пишет («Путешествия», I, с. 168—170) «Для коммерции и для роста этого города.. всегда останутся.. два трудноодолимых препятствия — отсутствие судоходной реки и недостаток воды для жизненных нужд.. Главный источник поступающей в Одессу воды расположен [на расстоянии около двух миль] к югу от города на побережье.. Путь вверх по склону крайне труден для лошадей-водовозов и увеличивает стоимость воды небольшая бочка стоит от рубля до полутора, в зависимости от расстояния».

Иногда становится жаль, что Пушкин запускает волшебную механику своих стихов всего лишь ради того, чтобы выразить какую-нибудь расхожую мысль. Шутки о нехватке в Одессе воды шутили и перешучивали со дня основания города в последнем десятилетии XVIII в. Само его имя, в ту эпоху жутких французских каламбуров, производили от оптимистической фразы, которую губернатор (1803—1815) Арман Эммануэль герцог де Ришелье часто повторял

в ответ на критику: «Assez d'eau, eau d'assez»* (Позже шутники утверждали, что Одесса так названа, поскольку лежит «au-dessous de la mer»**)

[XXIV]

Клуб «Casino de Commerce» занимал флигель дома Рено на Дерibasовской, угол Ришельевской, где жил Пушкин (улицы названы в честь двух губернаторов — Ришелье и де Рибаса). Лайалл («Путешествия», I, с. 183) пишет: «Залы построил много лет назад месье Rainaud [или Reynaud], и, насколько мы поияли, они не пустуют [в мае 1822 г.]. Большой овальный зал, окруженный галереей, которую поддерживают многочисленные колонны, используется и для балов, и как Биржа, где купцы иногда совершают свои сделки...»

[XXV]

1 *Глядишь* — и площадь запестрела. — <. > «Глядишь» в подобной конструкции означает «пока глядишь», «когда глянешь в следующий раз» или «вскоре, тут же» <. > Слово «пестреть», давний враг переводчика (гл. 2, I, 8, гл. 7, LI, 6), подразумевает здесь «народом»

12 *пожары* — В черновой рукописи (2370, л. 67) стих звучит так

И что Кортесы нль пожары

Совершенно ясно, что «пожары» в окончательном тексте означают «революции». А совпушкинисты и не заметили.

[XXVI]

5—6 *радость младость* — Я попытался — боюсь, не вполне успешно — симитировать эту рифму (ныне вышедшую из употребления вместе с устаревшим «младость»), во времена Пушкина столь же привычную, как и подобная ей «сладость — младость», которую поэт высмеет, не пройдет и двух лет, в гл. 6, XLIV, 5—6 (конец 1826 г.) Ср французскую рифму «allégresse — jeunesse»***.

Строфа по содержанию близка строфе XVI гл. 1, лишь ресторатора Талона заменил ресторатор Отон (см. коммент. к стиху 12).

8 Ср басню Дора о недостаточно проницательной устрице. «Huître dodue, fraîche et bien nourrie / ...animal tenace [qui] s'emprisonne / [Mais] l'écaille va s'ouvrir en deux, / Et Mon Seigneur mangera la personne...»****

Пять десятилетий спустя Толстой гораздо более оригинальным языком описывает «шершавые» снаружи и «перламутровые» внутри раковины, из которых Облонский серебряной вилочкой будет извлекать «шлюпающих» устриц. «Недурны, — повторял он, вскидывая влажные и блестящие глаза то на Левина, то на татарина».

* «Достаточно воды, воды достаточно» (фр)

** «Над морем» (фр)

*** «Радость — молодость» (фр)

**** «Жирная устрица, свежая и упитанная / .. неуступчивое животное [которое] сидит затворницей, / [Но] раковина раскроется / И Господин съест эту особу..» (Фр)

12 *Оттоном*. — Так Пушкин транслитерирует имя Cesar Automne или Autonne — это был ресторатор с Дерибасовской, напротив «Casino».

[XXVII]

3 «Россини» рифмуется с «синий». Я могу припомнить лишь одну допушкинскую рифму к этому слову — в оде (1775) Василия Петрова (1736—1799), где «синий» рифмуется с «иней».

8—14 Это «развернутое» сравнение музыки с шампанским, оканчивающееся пренебрежительной клаузулой, на самом деле не слишком отличается от «распространенного» уподобления шампанского «тому-сему» в строфе XLV гл. 4 или «любовнице... живой» там же, в строфе XLVI. С более провинциальной разновидностью шипучего вина поэт сравнивает «Зизи» в конце строфы XXXII гл. 5. Тема вина и всего, что на него похоже, несколько навязчива.

[XXVIII]

5 Рядом с этим стихом в черновой рукописи (2370, л. 68) на полях написано имя «Монари» (первоклассный итальянский тенор Одесской оперы).

5—14 Здесь, вероятно, описана Амалия Ризнич, урожденная Рипп, дочь банкира — австрийского еврея, одна из трех или четырех одесских возлюбленных Пушкина. Она умерла в Генуе в мае 1825 г., примерно в то же время, когда Пушкин (узнавший о ее смерти больше года спустя) работал над этими строфами (приблизительно в марте). Ее мать была итальянкой. Ее муж, Иван Ризнич (или, как он писал по-французски, Jean Rispnich), богатый и образованный далматский купец, торговал зерном.

Вероятно, о ней же сказано в первоначальной наброске XX:

Там хладнокровного <купца>
Блится резвая подруга

См. также коммент. к гл. 10, XIII, 3.

Пушкин ухаживал за Амалией Ризнич в Одессе летом и осенью 1823 г. Вероятно, к ней обращена его страстная элегия, начинающаяся словами «Мой голос для тебя и ласковый, и томный...». В начале 1824 г. она родила мужу сына и в мае того же года, уже очень больная чахоткой, уехала из Одессы в Австрию и затем в Италию, где умерла*. Ее муж, остававшийся в Одессе, узнал о смерти жены 8 июня 1825 г. Туманский напечатал в альманахе Амфитеатрова и Ознобишина «Северная лира» на 1827 г. (вышел в ноябре 1826 г.) посвященный Пушкину пятистопный сонет «На кончину Р.»**, датированный июлем 1825 г.,

* См.: *Сиверс А* Семья Ризнич (новые материалы) — В кн. *П и его совр.*, 1927, VIII, вып. 31—32, с. 85—104. (Примеч В. Н.)

** Он начинался так:

Ты на земле была любви подруга
Твои уста дышали слаще роз,
В живых очах, не созданных для слез,
Горела страсть, блистало небо юга. (Примеч В. Н.)

в Одессе. Странно, что Пушкин узнал (от Туманского?) о смерти Амалии Ризнич лишь в июле 1826-го.

В начале 1827-го Ризнич женился на графине Полине Ржевуской, сестре Каролины Собаньской и Эвелины Ганской.

[XXIX]

Любопытно сравнить эту псевдоитальянскую ночь, золото музыки Россини (XXVII, 11) и одесских сынов Авзонии, с воображаемыми и желанными ночами золотой Италии, столь романтично воссозданными в гл. 1, XLIX. Следует также заметить, что аллюзия на одесский берег в гл. 1, L связывает эту начальную главу с последними стихами *ЕО* в его окончательном варианте. Ведь самая последняя строка («Итак, я жил тогда в Одессе...»), с которой в рукописи начинается «Путешествие», XXX) практически совпадает с пушкинским примечанием к слову «море» в гл. 1, L, 3 («писано в Одессе») — это Черное море, которое шумит в предпоследнем стихе *ЕО* («Путешествие», XXIX, 14) и линией своего горизонта соединяет начало и конец окончательного текста романа, образуя один из тех внутренних композиционных кругов, примеры которых я уже приводил в своем комментарии.

[XXX]

Беловая рукопись (ПБ 18, л. 1 об.).

1 ...в Одессе... — Последнее слово окончательного текста. Оно рифмуется с «повесе» (см. ниже коммент. к стиху 3), именительный падеж которого, «повеса», во второй строфе *ЕО* рифмуется с «Зевеса», которое, в свою очередь, рифмуется с «Одесса» в «Путешествии», [XXII], — исключительно приятная переключка созвучий под сводами поэмы.

3 *Забыв о сумрачном повесе* . — Эпитет «сумрачный» здесь близок к французскому «*ténébreux*». Такой «*le beau ténébreux*» (прекрасный сумрачный рыцарь, от имени Бельтенеброс, как называл себя Амадис Галльский) был модным образчиком для подражания у молодежи конца 1820-х гг.²⁰

7—9 Обратите внимание на скачок анжамбемана, сопровождаемого усмешной:

А я, счастливый человек,
Не переписывался ввек
Ни с кем

В числе прочих причин высылки Пушкина из Одессы в июле 1824 г. было и перехваченное болтливое письмо поэта к одному из его многочисленных корреспондентов (возможно, Кюхельбекеру).

13 ...друзья . — Место действия — Одесса, время — осень 1823-го. Два друга (так я понимаю пушкинское «друзья», которое может означать и «наши с ним друзья») не виделись с мая 1820 г., когда Пушкин уехал из столицы в Екатеринослав, а затем на Кавказ, а Онегин отправился к дяде в имение, расположенное на полпути между Опочкой и Москвой. Начавшееся в первой главе действие завершило полный круг. Читателю следует понимать, что теперь, в Одессе, Онегин рассказывает Пушкину о том, что произошло с ним за это время.

Остальное поведает поэту Муза, с которой мы встречаемся в гл. 7, V, 5 и гл. 8, I—VII.

Здесь, возможно, имеет смысл, используя все имеющиеся данные, проследить маршруты основных путешествий обоих наших героев. В начале 1821 г. Онегин из своего имения возвращается в Петербург; 3 июня (или июля?) он отправляется в путешествие по России, московский и волжский отрезки которого (лето 1821 г., когда Пушкин уже в Кишиневе) пролегают значительно восточнее пушкинского маршрута (май — июнь 1821-го, Петербург — Киев — Екатеринослав — Ростов), но на Северном Кавказе их пути соединяются.

В мае 1820 г. Пушкин был приписан как «сверхштатный чиновник» к канцелярии генерала Инзова, возглавлявшего комитет по защите интересов иностранных колонистов на юге России. Штаб-квартира Инзова размещалась в Екатеринославе (ныне Днепропетровск), куда Пушкин прибыл около 20 мая из Петербурга не просто как новый служащий, но и как курьер, доставивший наместнику Бессарабской области Инзову известие о назначении его действительным губернатором Бессарабии. Между отъездом Пушкина из Екатеринослава (28 мая, с Раевскими) на лечение к целебным водам Пятигорска, на Кавказ, и его счастливыми днями в Крыму (с третьей недели августа по 5 сентября) Инзов и его канцелярия успели переехать в Кишинев, куда Пушкин и прибыл 21 сентября 1820 г., через четыре месяца после того, как начал служить у Инзова в Екатеринославе.

Маршрут Онегина повторяет путь Пушкина на Кавказские воды; следующим совпадением будет дорога в Грузию, куда Пушкин ездил летом 1829 г., во время войны с Турцией. Онегин пробудет на Кавказе с конца 1821-го до лета 1823-го, а затем повторит путь, проделанный Пушкиным летом 1820 г. — через Тамань в Крым, и осенью 1823 г. побывает в Бахчисарайском дворце, через три года после Пушкина.

Тем временем Пушкина перевели, с июля 1823 г., из Кишинева в Одессу под начальство более высокопоставленного сановника, новороссийского (включая Бессарабию) генерал-губернатора графа Воронцова, который оказался много строже и Пушкину благоволил куда меньше, чем старичок Инзов. Здесь в конце 1823 г. Пушкин и Онегин, не видевшиеся более трех лет, встречаются вновь. К концу июля 1824 г. друзья расстаются опять — Пушкина приговаривают к двум годам деревенской ссылки в псковском имении, а Онегин в середине августа 1824 г. появится в Петербурге, где встретится с Татьяной, с которой не виделся с 12 января 1821 г.

Необходимо отметить, что внутри этого круга лежит еще один, малый круг, который совершает пушкинская Муза. В мае 1812 г., когда она начала посещать тринадцатилетнего Пушкина в его лицейской келье (гл. 8, I), семнадцатилетний Онегин уже начал разгульную жизнь в Петербурге, которой посвятит восемь лет (гл. 1, IV). К 8 января 1815 г. (гл. 8, II) у нее выросли крылья. В 1817—1818 гг. в Петербурге за ней волочатся молодые кутилы (гл. 8, III), а году в 1819 или 1820-м она вместе с Пушкиным тщетно пытается обучать их нового приятеля, Онегина, тайнам стихосложения (гл. 1, VII). В начале мая 1820 г. Онегин едет из Петербурга в деревню (гл. 1, I, II, LI, LII), а Муза отправляется с Пушкиным на Кавказ, в Крым и в Молдавию (гл. 8, IV—V). В августе 1824 г. по календарю «реальной» жизни она появляется в Михайловском (присутствовать при событиях, последовавших за онегинским отъездом, — гл. 8, V), и в августе же 1824-го

по календарю романа она встречается с Онегиным на петербургском рауте (гл. 8, VI).

Вариант

7—14 В черновой рукописи (2368, л. 30):

А я [ленивый] человек
Не мог вести во весь свой век
Я переписки постоянной
И ссоре даже рад иной
Дабы избавиться порой
От этой пытки непрестанной
Тому причина, право, лень
Почтовый день — мой черный день

[XXXI]

Беловая рукопись (ПБ 18, л. 1 об.).

- 1 *Святая дружба*. — Это же чуть ироничное выражение есть у Пушкина в письме к Соболевскому, о котором я говорю в коммент к VII. «. в доказательство дружбы (сего священного чувства) посылаю тебе мой Itinéraire* от Москвы до Новагорода».
 - 3 . *Авгуры...* — У Цицерона в «De divinatione» (II, 24) «Vetus autem illud Catonis admodum scitum est, qui mirari se aiebat quod non rideret haruspex haruspicem cum vidisset». Харуспекс (авгур) был гадальщиком, предсказывающим будущее по внутренностям животных. Хотя Цицерон здесь утверждает, будто любому известны слова Катона о том, что он «удивлялся, как предсказатели могли смотреть друг на друга без смеха», никакого подобного высказывания Катона до нас не дошло. Впрочем, пушкинский источник здесь не Цицерон. «Les augurs de Rome qui ne peuvent se regarder sans rire»** — старое клише французского журнализма. Оно даже существует в обратном латинском переводе: «si augur augurem».
- Через десять лет это же избитое сравнение находим у Лермонтова в «Княжне Мери» (запись Печорина от «13 мая»: «Тогда, посмотрев значительно друг другу в глаза, как делали римские авгуры, по словам Цицерона, мы начинали хохотать...»).
- 4 Строчка не окончена. Бурцев где-то домыслил, что Пушкин с Онегиным тихо хихикали о том, что оба они принадлежали к одному и тому же революционному движению. Я же полагаю, что насмешили их не домыслы комментаторов, а та несвятая и неискренняя дружба, при которой друзья могут совершенно забыть друг о друге на три года.

Ср. последнюю строчку стихотворения, написанного летом 1819 г. в Михайловском и адресованного Пушкиным Михаилу Щербинину, его петербургскому весельчаку-приятелю (стихи 27—32).

* Путеводитель (фр).

** «Римские авгуры, которые не могут смотреть на себя без смеха» (фр)

Найдем отраду, милый друг,
В туманном сне воспоминаний!
Тогда, качая головой,
Скажу тебе у двери гроба
«Ты помнишь Фанни, милый мой?»
И тихо улыбнемся оба

Любопытно, что Кюхельбекер, который никак не мог знать пушкинскую строчку «Мы рассмеялись тишком» из «Путешествия Онегина», XXX, 4, использовал похожее наречие «тихомолком», обращаясь к той же неизвестной галльской формуле о смеющихся Цицероновых авгурах в песни III своей замечательной поэмы «Агасвер, Вечный жид», написанной в ссылке, в основном в 1840—1842 гг., и опубликованной через много лет после его смерти (1878). Несмотря на непонятную архаичность, словесную неуклюжесть, странноватые идеи и ряд композиционных недочетов, поэма, с ее порывистой мелодией и угловатой самобытностью языка, является выдающимся произведением и заслуживает особого исследования.

[XXXII]

Черновая рукопись (2382, л. 17 об.).

14 *И был печален мой приезд.* — Всю весну 1824 г., с последней недели марта по первую неделю мая, новороссийский генерал-губернатор граф Воронцов в своих письмах из Одессы в Петербург шумно требовал от министра иностранных дел графа Нессельроде избавить его от неприятного и неудобного г-на Пушкина («*Délievez-moi de Pouchkine!*»), «слабого подражателя Байрона» — а заодно автора остроумных эпиграмм и обожателя графини. Врач Воронцовых, д-р Вильям Хатчинсон, оказался, при всей своей неразговорчивости, глухоте и плохом французском, интересным собеседником. о его «уроках чистого афеизма» Пушкин написал приятелю, письмо перехватила полиция, а его безнравственное содержание побудило царя внять просьбе Воронцова*. Пушкин, со своей стороны, уже давно изнемогал от воронцовской спеси, англomanии и грубой предвзятости. 22 мая поэту было приказано заняться нашествием саранчи под Херсоном, Елизаветградом и Александрией. На следующий день ему выдали четыреста рублей на дорогу (по рублю на милю, почтой), но проехал ли он больше первых 120 миль (до Херсона), неизвестно, и оригинальная картина, на которой Пушкин из повозки с отвращением руководит побиванием полчищ насекомых ветками тополя и обработкой почвы негашеной известью, историкам не досталась. 7 июня жена одного из его ближайших друзей, княгиня Вера Вяземская, с детьми (шестилетним Николаем и двухлетней Надеждой) приехала в Одессу и стала confidentкой пушкинского романа с графиней Воронцовой. Та 14 июня отплыла с супругом в Крым; вернулись они 25 июля, а два-три дня спустя Пушкину сообщили, что ему, уволенному с 8 июля с государственной службы за «дурное поведение», надлежит отправиться в имение матери Михайловское. Вечером 30 июля он последний раз был в одесской Итальянской опере

* Или, быть может, «глухим философом», упомянутым в пушкинском письме, был некий Вулси, преподаватель английского языка в Ришельевском лицее в Одессе (Собр. соч. 1962, IX, с. 432) (Примеч. В. Н.)

и слушал «Il Turco in Italia» Россини (1814). На следующий день, с тем же дядькой, которого брал с собой из Петербурга больше четырех лет назад (с Никитой, сыном Тимофея Козлова), он выехал в Псковскую губернию. Проехав Николаев, Кременчуг, Прилуки, Чернигов, Могилев, Витебск и Опочку, 9 августа Пушкин прибыл в Михайловское, где застал родителей, брата, сестру и двадцать девять человек прислуги. Его отношения с родителями, особенно с отцом, всегда были прохладными, и эта встреча вызвала лишь обилие взаимных претензий. 4 октября псковский гражданский губернатор Борис Адеркас доложил генерал-губернатору Псковской губернии и Остзейских провинций (маркизу) Филиппу Паулуччи о том, что Сергей Пушкин согласился сотрудничать с правительством и принять на себя обязанности надзора за поэтом. Эта слежка отца за сыном привела к чудовищной ссоре между ними, и приблизительно 18 ноября родители Пушкина уехали в С.-Петербург; сестра Ольга уехала неделей раньше, а Лев Пушкин увез в столицу беловую рукопись *ЕО* на первой неделе ноября.

[Предпоследняя строфа]

Беловая рукопись (ПБ 18, л. 8).

Между «XXXII» строфой и этой — явный пробел по меньшей мере еще в одну строфу. Дружба, о которой Пушкин пишет здесь, в стихах 8—10 (в отличие от просто приятельства, которое подразумевает весь тон строфы XXXI), — это та искренняя привязанность и понимание, с которыми относились к поэту его сестра и брат в Михайловском и семейство Осиповых-Вульф в соседнем Тригорском

[Последняя строфа]

Беловая рукопись (ПД 169). Датирована. «18 сент. Болдино 1830».

6—11 *Младым Языковым воспетый. . Очаровательным стихом..* — В начале лета 1826 г. двадцатитрехлетнего поэта Николая Языкова, изучавшего философию в Дерпте (Дерпт, или Дорпат, самодовольно именовался «Ливонскими Афинами»), его университетский товарищ Алексей Вульф привез в Тригорское (поместному Воронич), имение своей матери Прасковьи Осиповой, деревенской соседки Пушкина (см. мой коммент. к гл. 5, XXXII, 11). Здесь, в последней строфе, Языков выходит на поклон к публике — дублером Ленского (см. гл. 4, XXXI).

Стихи Языкова кипуче-звучны и претенциозны (его четырехстопный ямб — подлинное пиршество скадов), но и мысль, и чувство в них пронизаны пресной обыденностью. Наш поэт в своих стихах и письмах восхищался Языковым, однако я не уверен, что тот (в своей переписке завистливо злословивший об Онегине) был рад, когда знаменитый приятель уравнил его элегии с творениями однозначно бездарного Ленского (гл. 4, XXXI, 8—14).

Стихи Языкова нам здесь интересны лишь постольку, поскольку запечатлели картину деревенской жизни Пушкина Языков посвятил несколько стихотворений Пушкину, Тригорскому и даже пушкинской няне. «А. С. Пушкину», 1826, стих 1—4:

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!

Дальше Языков вспоминает только что прошедшее «золотое» лето, когда они с Пушкиным (стих 10) —

Два первенца полночных муз —

заключили «поэтический союз», в то время как горячая жженка (приготовленная юной Зизи — Евпраксией Вульф; стихи 17—21) —

могущественный ром
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем,
Лился в стаканы-исполины

Все это занимает сорок строк и заканчивается так:

Теперь, когда
простодушная Москва,
Полна святого упования,
Приготавливает торжества
На светлый день царевчанья, —
С челом возвышенным стою
Перед скрижалю вдохновений
И вольность наших наслаждений
И берег Сороти пою!

В том же году в более длинном «Тригорском» (посвященном Прасковье Осиповой) Языков снова воспевает те же места:

Сороть голубая,
Подруга зеркальных озер —

и радости купания:

Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая наяда!

И наконец, еще в одном стихотворении, посвященном П. А. Осиповой в 1827 г. (стихи 17—19, 24—30)²¹:

И часто вижу я во сне
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
.....
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых, вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один
Вольтер и Гете и Расин,
Являлся Пушкин знаменитый

(Аргамак — это крупная поджарая длинноногая лошадь азиатской породы.)

14 апреля 1836 г., в конце своего последнего пребывания в Михайловском, уже собираясь возвращаться в Петербург, похоронивший мать Пушкин писал Языкову из Голубова (имения Вревских, по соседству с Тригорским и Михайловским): «Отгадайте, откуда пишу к вам, мой любезный Николай Михайлович? из той стороны... где ровно тому десять лет пиروвали мы втроем [третьим был Алексей Вульф]... где звучали Ваши стихи и бокалы с Емкой [емка — шутливая дорпатская, то есть немецкая, переделка «жженки»*], где теперь вспоминаем мы Вас и старину. Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны [баронессы Вревской, урожденной Вульф], некогда полувоздушной девы [Пушкин пародирует самого себя: гл. 1, XX, 5], ныне дебелой жены, в пятый раз уже брюхатой..»

Пушкину оставалось девять с половиной месяцев жизни.

13—14 Вергилий тоже говорит, что повесил свою «яснозвучную тростниковую дудочку» на «священную эту сосну», в «Буколиках», эклога VII

hic arguta sacra pendebit fistula pinu

Последние пять строф были дописаны 18 сентября 1830 г. в Болдине.

* Русское *жж* или *жжж* (звучание одинаково) на французский транслитерируется как *l*, что по-немецки звучит как *й*, отсюда «жженка» = «емка» (Примеч В Н)

«ДЕСЯТАЯ ГЛАВА»

Когда мы задумываемся о судьбе творения писателя за горизонтом не оконченного им романа, наше воображение и наши предположения подвижны двумя чувствами. Герой стал нам так близок, что мы не в силах позволить ему уйти, не оставив адреса, ибо автор посвятил нас в такое множество рецептов своей кухни, что мы невольно пытаемся вообразить, как бы мы поступили, предложи он нам дописать роман за него.

«Гамлет» был закончен не только потому, что принц Датский умер, но и потому, что умерли все те, кого мог тревожить его призрак. «Госпожа Бовари» была закончена не только потому, что Эмма покончила с собой, но и потому, что Омэ получил наконец свой орден. «Улисс» был закончен потому, что все уснули (хотя хорошему читателю интересно, где же проведет остаток ночи Стивен). «Анна Каренина» была закончена не только потому, что Анну раздавил товарный поезд, но и потому, что Левин нашел своего Бога. Но «Онегин» закончен не был.

Заметил Байрон капитану Медуину
(То было в Пизе, в двадцать первом, в октябре)
«Жуан, бедняга, угодит под гильотину
Во Францин Уж угодил »

А наш О Е ?

Однажды, в июне 1829 г., Пушкин сказал капитану Юзефовичу, что «Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов».

Комментаторы полагают, что через столько лет в мемуарах Михаила Юзефовича, второстепенного поэта, в свое время адъютанта генерала Раевского, написанных в июле 1880 г. (и в том же году напечатанных в «Русском архиве», т. XVIII, № 3), возникла некоторая путаница: вероятно, Пушкин хотел сказать, что Онегина за участие в декабристском движении сошлют на Кавказ и там он будет убит в схватке с черкесами¹.

Байрон, перед тем как отплыть из Италии в Грецию, начал (8 мая 1823 г. по н. ст.) семнадцатую песнь «Дон Жуана», четырнадцать полных строф которой были найдены в комнате поэта в Миссолунги после его гибели в 1824 г. (впервые их опубликовал в 1903 г. Эрнст Хартли Колридж в своем издании Сочинений Байрона, т. I). Но от восемнадцати строф пушкинской десятой песни до нас дошли только фрагменты.

О существовании «десятой главы» свидетельствуют следующие тексты:

(1) Помета на полях страницы в тетради 2379, хранящейся в Пушкинском Доме в Ленинграде.

20 октября 1830 г. в Болдине Нижегородской губернии Пушкин закончил повесть «Метель» (см. коммент. к гл. 10, III). На последнем листе рукописи, в левом углу, рядом с завершающими строчками текста («— Боже мой, Боже мой! — сказала М[арья] Г[авриловна], схватив его руку; — так это были вы! Вы, мой муж. И вы не узнаете меня? Б[урмин] побледнел и бросился к ее ногам...»), рукою Пушкина написано: «19 октября сожжена X песнь». (Цифра «9» не совсем четкая, ее можно принять за «1» или «8», но из трех вариантов «9» наиболее вероятный.)

(2) Приписка справа на полях черновика «Путешествия Онегина» (ПБ 18, л. 4), ныне хранящегося в Пушкинском Доме в Ленинграде.

На этом листе строфа V вычеркнута и на полях помечено: «в X песнь». О возможном адресе этой строфы я говорю в последнем коммент. к гл. 10, XVIII.

(3) Запись в дневнике Вяземского (19 декабря 1830 г.). Пушкин приезжал к Вяземскому в его имение Остафьево (в пяти милях от Подольска Московской губернии) 17 декабря 1830 г. (то есть через два месяца после сожжения «десятой главы») и читал ему — вероятно, по памяти — строфы, как говорит Вяземский, «о 1812 годе и следующих. Славная хроника»². Дальше в той же записи Вяземский цитирует две строки из этой главы (XV, 3—4):

У вдохновенного Никиты,
У осторожного Ильи, —

давая нам, таким образом, стих 4, до которого поэт в зашифрованном тексте (о котором ниже) не дошел, и либо ошибаясь в стихе 3, либо (более вероятно) приводя его так, как Пушкин читал, а не так, как потом зашифровал.

(4) Письмо Александра Тургенева из Мюнхена брату Николаю в Париж от 11 августа (вероятно, по н. ст.) 1832 г. Письмо опубликовал В. Истрин в «Журнале министерства народного просвещения», ч. XLIV (С.-Петербург, март, 1913), с. 16—17. В нем, в частности, говорится: «Есть тебе и еще несколько бессмертных строк о тебе. Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает, между прочим, и о тебе:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал —

[то есть заговорщикам]; я сказал ему, что ты и не внимал им, и не знавал их,

И плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян»

(Это гл. 10, XVI, 9—14; вместо «преследуя» и «плети рабства» у Пушкина в черновике стоит «лелея в ней» и «слово: рабство»; и если не существует какого-либо другого источника, то цитату позволительно считать не более чем вариантом, а за основной текст принять пушкинскую черновую рукопись.)

Обратимся теперь к тексту этой загадочной главы.

В рукописи ее фрагменты, сочиненные осенью 1830 г. в Болдине, представляют собой группы строчек, принадлежащих к восемнадцати строфам, идущим одна за другой. У Пушкина строфы не нумерованы. Я сделал нумерацию для удобства, как в «Путешествии Онегина» и в отвергнутых вариантах окончательного текста.

В автографах (я перечисляю их в «Дополнениях к комментарию к „десятой главе“») сохранились следующие фрагменты главы:

зашифрованная рукопись (ПД 170) включает: первые и вторые строки I—X и XII—XVII; третьи строки I—IX и XI—XVII; четвертые строки I—IV, VI—IX и VI—IX и XI—XIII и пятые строки IV, VI, VIII и XI;

черновики (ПД 171) строф XVI (практически завершенной), XVII (конец которой, начиная со стиха 9, труден для расшифровки и не дописан) и XVIII (конец которой, тоже начиная со стиха 9, еще менее полон).

Вот реконструкция этих фрагментов (в угловые скобки я взял зачеркнутые чтения, в квадратные — мои собственные предположения и прочтения; но не брал в квадратные скобки, в отличие от зашифрованной рукописи <...> слова или части слов, у Пушкина намеренно опущенные, прочтение которых не вызывает сомнений; я также добавил XV, 4, процитированную Вяземским):

I

Вл<аститель> слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
4 Над нами царствовал тогда.

II

Его мы очень смирным знали,
Когда ненаши повара
Орла двуглавого щипали
4 У Бонапартова шатра

III

Гроза 12 года
Настала — кто тут иам помог?
Остервенение народа,
4 Барклай, зима иль Русский Бог?

IV

Но [Бог?] помог — стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
4 А русский царь — главой царей
Моря достались Албиону ³
14 .. [царь жирнел]⁴

V

И чем жирнее, тем тяжеле,
О русский глупый наш народ,
Скажи, зачем ты в самом деле
[Терпеть царей из рода в род?] ⁵

[Авось,] ⁶

VI

Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
4 Меня уже предупредил
Авось, дорожники исправят ⁷

VII

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь,
Авось, по манью Николая
4 Семействам возвратит Сибирь
[Их сыновей]
14 [Наполеон]⁸

VIII

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, Папою венчаинный,
4 Исчезнувший как тень зарн,
Измучен казнию покоя
[Осмеян прозвищем героя] ⁹

IX

Тряслися грозно Пирннеи —
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Морей
4 Из Кишинева уж мнгал

X

Я всех уйму с моим народом, —
Наш царь в конгрессе говорил ¹⁰

XI

. . .
А про тебя и в ус не дует,
4 Ты Александровский холоп
Кинжал Л<увеля>, тень Б[ертоня]¹¹
<не>

XII

Потешный полк Петра Титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
4 Свирепой шайке палачей

XIII

Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но искра пламени иного
4 Уже издавна может быть

XIV

У них <свои бывали> сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки

XV

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
4 У осторожного Ильи

XVI

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лун<ин> дерзко предлагал
Свои решительные меры
4 И вдохновенно бормотал
Читал свои Нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
8 Цареубийственный кинжал
Одну Росси<ю> в мире видя,
Лаская в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
12 И, слово рабство ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян

XVII

Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
4 И над холмами Тульчииа,
Где Витгенштейновы дружины

- Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
8 Дела иные уж пошли
Там П<естель> [одно слово неразборчиво] кинжала
И рать. набирал
Холоднокровный генерал,
12 И [три слова неразборчиво]
И полон дерзости и сил,
торопил¹²

XVIII

- Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
<Лишь были> разговоры,
4 И не <входила> глубоко
В сердца мятежная наука,
<Все это было только> скука,
Безделье молодых умов,
8 Забавы взрослых шалунов

Далее я комментирую вышеприведенные фрагменты «десятой главы».

I

- 1 Пушкинское «Вл-» может быть сокращением двух, и только двух, слов. «властитель» и «владыка». Я склонен предположить второе из них: по эвфоническим причинам (оно не дает нагромождения согласных, как на стыке слов «властитель» и идущего за ним «слабый») и потому, что Пушкин в таком же смысле уже использовал слово «владыка» в оде «Вольность» (1817), стихи 37—38:

Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон, а не природа —

а также в строках 2, 7, 33 и 53 стихотворения «Недвижный страж дремал...», созданного в декабре 1823 г., в десяти строфах по шесть стихов, из которых пятый написан трехстопным ямбом, остальные шестистопным с рифмовкой *aabeb* (с гл. 10 его связывают еще несколько мотивов — см. коммент. к VIII и IX — и «владыка» в нем означает Александра I), и, кроме того, в стихотворении «Анчар», написанном 9 ноября 1828 г., стих 31—32:

И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки

- 2 *Плешивый щеголь* . — У Александра I, официально именуемого Благословенным, на втором десятилетии царствования (1801—1825) появилась лысина (и лишний вес, о чем ниже).

Ср. у Байрона в «Дон Жуане», песнь XIV (оконченная 4 марта 1823 г.), строфа LXXXIII, в которой остроумный поэт обращается к предводителю английских борцов против рабства Вильяму Вильберфорсу с такой очень дельной просьбой:

Shut up the bald-coot bully Alexandre!
Ship off the Holy Three to Senegal,
Teach them that «sauce for goose is sauce for gander»,
And ask them how *they* like to be in thrall?

(Запри лысого задиру Александра¹
Сошли «святую троицу» в Сенегал,
Объясни им, что и для гуся и для гусыни соус
Стряпают один и тот же,
И спроси каково им в рабстве?)

(Пишо, 1824: «Enferme cet empereur fanfaron à la tête chauve...»*)

У того же автора Александр I еще раз упоминается в поэме «Бронзовый век» (1823), строфа X:

How well the imperial dandy prates of peace!

(Как ловко денди-император рассуждает о мире!)

Если бы я не стремился к абсолютной верности тексту, то мог бы перевести пушкинское «плешивый щеголь байроновским «bald-coot dandy». Но это был бы уже не буквальный перевод, а литературный.

II

- 2 *...ненаши повара...* — Французы под Аустерлицем в 1805-м и под Эйлау в 1807 г. лишили двуглавого российского орла значительно большей части оперения, чем свои же русские — те, кто пытался состряпать внутренний раздор в 1825 г., и те, кто атаковал существовавший режим политическими эпиграммами.

Остаток строфы, вероятно, был посвящен битвам, проигранным русской армией. Любопытно отметить, что, говоря о победах Наполеона над Россией, Бродский называет русскую армию «царской», а говоря о победах России над Наполеоном — «народной».

III

- 1 *Гроза 12 года...* — Наполеон переправился через Неман на территорию России с армией в 600 тысяч человек 12 июня 1812 г. (по ст. ст.).

В последнем стихотворении, посвященном лицейской годовщине, которое Пушкин читал на встрече лицейстов 19 октября 1836 г. (см. также мой коммент. к гл. 6, XXI, 8), он в эпически-автобиографическом ключе, без тени холодной насмешки, характерной для «десятой главы», воссоздает тот же ход политических событий от возвышения Наполеона до появления на русском троне Николая, когда «новы тучи» и нов «ураган»... (тут, на середине строки 64, стихотворение обрывается). В стихе 37 слышится интересный отзвук гл. 10, III, 1. Пушкин вспоминает возникновение Лицея в 1811 г. (стихи 37—40):

. гроза двенадцатого года
Еще спала Еще Наполеон
Не испытал [своим нашествием] великого народа —
Еще грозил и колебался он

* «Запри этого бахвала императора с лысой головой » (Фр)

- 4 Генерал Барклай (князь Михаил Барклай-де-Толли, 1761—1818) отступил к Москве, заманив и измотав французов. Как Наполеон в 1812 г. оказался не готов к суровой русской зиме, лучшей союзнице русских, и как, простояв под Москвой, озадаченный завоеватель начал свое «великое бегство», слишком хорошо известно и не требует разъяснений.
- 4 ...*Русский Бог*... — Такое местное божество часто упоминается в злободневной русской поэзии того времени. Здесь достаточно будет процитировать стихотворение Вяземского «Русский Бог» (1828; незатейливые куплеты в духе Беранже), на которое явно намекает Пушкин. В девяти четверостишиях (четырёхстопный хорей) Вяземский описывает Русского Бога, — это бог метелей, ухабов, мучительных дорог, холодных и голодных нищих, недоходных имений, отвислых грудей и ж—п, лаптей и пухлых иог, горьких лиц и кислых сливок, наливок и рассолов, представленных в залог душ, бригадирш обоих полов, анненских лент и крестов, босых дворовых, бар в санях с двумя лакеями позади. Дальше (мы дошли до VII четверостишия) сказано, что Русский Бог полон благодати к глупым, но беспощадно строг к умным. Это «Бог всего, что из границы, не к лицу, не под итог, Бог по ужине горчицы». Это Бог бродяжных иноземцев, и в особенности немцев: «Вот он, вот он, Русский Бог» — каждое четверостишие оканчивается рефреном à la Беранже. (См. также коммент. к IV, 4, о монологе Дмитрия.)

Если судить по началу следующей пушкинской строфы, то оставшая часть гл. 10, III была посвящена испытаниям, выпавшим на долю России в 1812 г., например московскому пожару.

Даже в конце 1830 г. Пушкин еще мог выжать из себя немало традиционных восторгов в адрес Александра I. Русские комментаторы, похоже, не заметили, что в повести «Метель» (октябрь 1830 г.), на полях которой написано о сожжении «десятой главы», есть архиважный абзац (я бы даже предположил, что вся нескладная повесть написана лишь ради обрамления этого фрагмента), в котором Пушкин, по сути и по стилю, чередой почти гротескных восклицаний открыто отвергает презрительное отношение к Александру I, российскому орлу и событиям, завершающим наполеоновские войны в «десятой главы»; в силу этого упоминание о сожжении главы на полях именно этой повести обретает некое символическое значение. Фрагмент звучит так: «Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоеванные песни: *Vive Henri-Quatre**, тирольские вальсы и арии из *Жоконда***. <...> Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество!* Как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!»

«Метель» — вторая из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», якобы рассказанная вымышленному Белкину вымышленной девицею К. И. Т. Через этот двойной маскарад слышен измененный, но вполне узнаваемый голос Пушкина.

* «Да здравствует Генрих IV» (*фр*).

** Эту комическую оперу, «Жоконд [молодой повеса], или Искатели приключений» / «*Joconde ou les Coureurs d'aventures*» (Париж, 1814; С.-Петербург, 1815), написал Никколо Изуар; в ней есть знаменитый куплет: «*Et l'on revient toujours / A ses premiers amours*» («Первая любовь долго помнится», *фр*) (Примеч. В. Н.)

IV

- 2 ...силою вещей... — Галлицизм *par la force des choses*. Ср. у Фуше в «Memoires» отрывок, относящийся к событиям декабря 1813 г. во Франции: «...on avait pressenti que, par la seule force des choses, tous les intérêts de la révolution que je représentais à moi seul, auraient prévalu et paré à la catastrophe»*.
- 3 ...Мы очутились в Париже... — В своем по праву знаменитом письме Д. Дашкову из Парижа от 25 апреля 1814 г. (по н. ст.) Батюшков прекрасно описывает вход русских в Париж. Описание начинается словами: «Скажу вам просто: я в Париже!» (фраза, которой также начинается парижское письмо Карамзина, написанное в апреле 1790 г.)¹³. У Александра Тургенева, с которым Пушкин всю жизнь дружил, была копия этого письма, и почти наверняка поэт ее читал.
- 4 ...главой царей — Ср. «О царь царей» — восклицание из стиха 10 бездарного гимна (шесть одических стрóf) Александру I в день его коронации в 1801 г., сочиненного Дмитриевым.

См. также озеровского «Дмитрия Донского», патриотическую трагедию, написанную александрийскими двустишиями и впервые представленную 14 января 1807 г. перед безудержно восторженной публикой. Последний монолог Дмитрия в V действии (произносимый на коленях) начинается словами:

Но первый сердца долг к тебе, царю царей¹ —

и заканчивается так:

Языки ведайте велик российский Бог¹

Д. Соколов в статье** о зашифрованной рукописи Пушкина, цитируя, если я правильно его понял, И. Жиркевича в «Русской старине», XI (декабрь 1874 г.), с. 649, пишет, что фраза «Vive Alexandre, vive ce roi des rois»*** звучала в куплетах, которые 10 марта 1814 г. (по н. ст.) исполнял со сцены Парижской оперы Франсуа Лэ на мотив «Vive Henri IV». Оборот восходит к религиозным источникам. Во французских рождественских гимнах Иисус именуется «Roi des rois». Титул абиссинских императоров «negus nagast» означает «царь царей». Гипербола стара как мир.

- 5 Начиная с этого стиха моя версия пушкинского текста существенно расходится с версиями Томашевского и других комментаторов.

V

- 4 [Терпеть царей из рода в род] — Так могла бы выглядеть строчка, нечаянно пропущенная Пушкиным при зашифровке строфы (см. «Дополнения к комментариям к „десятой главе“»). Это не более чем робкое мое предположение, сделанное исключительно ради заполнения мелодической лакуны.

* «. Представлялось, что, одной лишь силою вещей, все благо революции, которое я видел, должно превозмочь и отразить пагубную развязку» (фр.).

** П. и его совр., 1913, IV, вып. 16, примеч. 7. (Примеч В Н)

*** «Да здравствует Александр, да здравствует этот царь царей» (фр.).

Строфа почти наверняка завершалась строчкой, начинающейся со слова «авось», наречия, выражающего пассивное, фаталистическое, добродушное и неопределенное упование на случайность.

VI

- 1 ...*Шиболет народный*... — Ср. у Байрона в «Дон Жуане», XI, XII, 1—2:

Juan, who did not understand a word
Of English, save their shibboleth, «God damn!»

(Жуан не знал ни слова по-английски,
За исключением их шиболета «Годдам!»)

- 3 ...*стихоплет великородный*... — князь Иван Долгорукий (1764—1823), бесталан-
ный автор стихотворных книжек «Капище моего сердца» (М., 1802) и «Сумерки
моей жизни» (М., 1808). В шуточной оде он пишет о слове «авось» так:

О слово милое, простое!
Тебя в стихах я восхваляю!
Словцо ты русское прямое,
Тебя всем сердцем я люблю!¹⁴

- 5 ...*дороги нам исправят*... — Какая могла быть рифма в стихе 6? Заставят?
Позабавят? Поставят? Прославят? Расставят? Раздавят? Убавят? Удавят? Есть
и еще несколько вариантов, менее очевидных.

VII

- 1—2 ...*аренды забывая, / Ханжа*... — Значение «аренды» в восемнадцатом и девят-
надцатом столетии отличалось от нынешнего («сдача или взятие внаем»). Тогда
это слово означало доход, выплачиваемый государством лицу за землю, предо-
ставленную во временное пользование.

«Ханжа» подразумевает кого-то облеченного властью, набожного мошенника,
одинаково увлеченного и очередным мистическим поветрием, и радостями более
материальными — извлечением дохода. Пока, на момент написания этих заметок
(1958), убедительного толкования нет. Комментаторы предлагают князя Алек-
сандра Голицына, министра народного образования и духовных дел (1816—1824)
и члена Следственной комиссии, в 1826 г. разбиравшей дело о восстании дека-
бристов. Он также занимался моральным обликом Пушкина в связи с делом о
«Гавриилиаде» (см. коммент. к гл. 8, XXVIa, 5—11).

- 4 *Семействам возвратит Сибирь*... — Здесь анжамбеман: стих 5 наверняка начи-
нался прямым дополнением, относящимся к недописанному предложению (4—5):

Семействам возвратит Сибирь
[Их сыновей]

В конце строфы скорее всего говорилось о Наполеоне; последним словом в
стихе 14 могло быть и само его имя. Декабристов Сибирь еще может вернуть
их семействам, но Святая Елена своего пленника уже не отдаст. Возможно, так
завершалось это очень пушкинское перечисление и тривиальных, и значительных
вероятностей, подсказанных поэту словом «авось».

VIII

1 *Сей муж судьбы...* — В Болдине, в день лицейской годовщины — день своих благих намерений, 19 октября 1830 г., Пушкин решил уничтожить «десятую главу», а некоторые ее строчки использовать в другом стихотворении

И вот в стихотворении «Герой», сочиненном примерно в то же время (оно было готово к началу ноября, а напечатано в 1831 г.), мы находим, в совершенно ином контексте (скорее прославляющем мужество деспота, нежели обличающем неотъемлемую от сильного единовластия нелепость, которой не избежал даже Наполеон), следующие стихи (14—17):

Все он, все он — пришлец сей бранный,
 Пред кем смрились цари,
 Сей ратник, вольностью венчанный,
 Исчезнувший, как тень зари

На место руки Пия VII Пушкин поставил историческую условность; есть и другие незначительные изменения. «Странника бранного» заменил «бранный пришлец». «Все он» — отзвук строк из «Мессинских элегий» («Messéniennes») Казимира Делавиня, кн. II, № VI, «К Наполеону» (1823) «Seul et sur un rocher... / Du fond de son exil encor présent partout...»*

Дальше, в стихах 37—45 «Герой» доводит имеющийся текст гл. 10, VIII до иллюзорного завершения, заодно подставляя «героя» в рифму к «покою» и выстраивая онегинскую схему рифм (37—45 — *ecciddiff*):

35 Не там, где на скалу свою
 Сев, мучим казнию покоя,
 Осмеян прозвищем героя,
 Он угасает недвижим,
 Плащом закрывшись боевым
 40 Не та картина предо мною!
 Одров я вижу длинный строи,
 Лежит на каждом труп живои,
 Клейменный мощною чумою
 Царицею болезней он,
 45 Не бранной смертью окружен,
 Нахмурясь, ходит меж одрами
 И хладно руку жмет чуме

Стихотворение являет собой диалог между Поэтом и Другом. Оно состоит из 66 и $\frac{1}{3}$ стиха. За исключением стихов 36—45, неупорядоченная последовательность рифм ничем не напоминает онегинскую. Друг спрашивает, какой момент жизни Наполеона более всего поражает Поэта, и тот отвечает приведенным выше отрывком. Затем Друг говорит, что строгая история отрицает реальность этой восхитительной картины. Поэт, возвысив голос, отвечает (стихи 63—66):

Тьмы низких истин мне дороже
 Нас возвышающий обман
 Оставь герою сердце! Что же
 Он будет без него? Тиран

* «Один и на скале / Из глубины изгнания все также вездесущий .» (*фр*)

И Друг тихо и проникновенно отвечает (стих 67):

Утешься

Здесь имеется в виду мужество, официально продемонстрированное царем Николаем 29 сентября 1830 г. при посещении холерной Москвы в разгар эпидемии, после того как невежество, подстегиваемое антиправительственной пропагандой, обвинило власти в отравлении народа.

В своем знаменитом юношеском стихотворении, прочитанном в присутствии Державина, «Воспоминания в Царском Селе» (сочинено за три последние месяца 1814 г., 176 ямбических стихов, 22 строфы, в каждой из которых стихи 1, 2, 4 и 8 четырехстопные, а остальные шестистопные; схема рифмовки *ababecce*) Пушкин с неожиданной цепкостью и точностью предвосхитил отдельные элементы «Героя» (1830) и гл 10, VIII (1830).

В стихе 138 «Воспоминаний» есть тот же «пришлец», который в «Герое» (стихи 14) заменил «странника» из гл 10, VIII. Ср. стихи 137—138

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца!

Мотив гибели в гл 10, VIII, 4 и в стихе 17 «Героя», означенный глаголом «исчезнуть» («как тень зари»), отчетливо намечен в стихе 152 «Воспоминаний» и тоже в связи с Наполеоном (149, 152).

любимыи сын и счастья и Беллоны,
Исчез, как утром страшныи сон!

Этот же мотив возникает в стихотворении (которое я уже упоминал в коммент. к гл. 10, I, 1) «Недвижный страж дремал на царственном пороге..», стихи 39—42.

Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари

Стихи 46—48 «Недвижного стража...» предвосхищают (с той же рифмой «героя — покоя») гл 10, VIII, 5 и стих 36 «Героя».

Не обличали в нем изгнаниого героя,
Мучением покоя
В морях казенного по манию царей

- 3 ...Папою венчаный.. — Заимствованный оборот. См., к примеру, начало последней строфы знаменитого словоизвержения Беранже «Воспоминания народа» («Les souvenirs du peuple», ок. 1825):

Lui, qu'un pape a couronné,
Est mort dans une île déserte*

Это еще один парадоксальный пример того, как Пушкин мог одолжаться у стихоплетов, им же презираемых

* Тот, кто коронован папой, / Умер на пустынном острове (*фр*).

- 4 ...*тень зари*... — Если бы Пушкин хотел сказать, что Наполеон исчез «как тень на заре», он бы так и сказал. Интересно, не родилась ли на удивление узнаваемая «тень зари» — призрачная Аврора, иллюзия рассвета, — из образа в «Буонапарте» Виктора Гюго, написанном в марте 1822 г. Конец последней (пятой) части Одиннадцатой оды в «Одах и балладах», кн. I, звучит так:

Ce ne sont point là les héros!
 Ces faux dieux
 Vous trompent dans votre sommeil,
 Telles ces nocturnes aurores
 Où passent de grands météores.
 Mais que ne suit pas le soleil*

У Пушкина в библиотеке были «Оды» Гюго (3 ed., Paris, 1827).

IX

- 1—2 *Тряслися грозно Пиринеи — / Волкан Неаполя пылал...* — Несложные метафоры, означающие восстания в Испании и Южной Италии.

Безжалостное правление короля Испании Фердинанда VII преследовало любую либеральную мысль. Продав Флориду Соединенным Штатам, король распалил национальную гордость патриотов, и в начале 1820 г. в Кадисе под предводительством Риэги и Квируги вспыхнула революция. На конгрессе в Вероне (в октябре 1822 г.) так называемый Священный союз — Франция, Австрия, Россия и Пруссия — решил поддержать испанскую деспотию, и в мае 1823 г. французская армия вошла в Мадрид. Фердинанд вернулся на трон, деспотия была восстановлена.

Волкан — это Везувий; пылал он лишь под перьями журналистов. В Неаполе тирании противостояли тайные общества карбонариев. «Недовольство жителей Италии» (как сообщается в старом издании Британской энциклопедии) «тлело в течение пяти лет, но в 1820 г. вспыхнуло пламя». Весной 1821 г. Австрия, при серьезной поддержке Англии и Франции, подавила итальянское восстание.

Ср. несколько похожие строки (21—23) в «Недвижном страже...» (см. коммент. к гл. 10, I, 1):

Неаполь восставал,
 За Пириньями судьбой народа
 Уж правила свобода

- 3—4 ...*Безрукий князь... Мореи...* — Греческая война за независимость (которую русское правительство сначала поддерживало, а после игнорировало) началась в 1821 г. Восстание против владычества Турции возглавил было князь Александр Ипсиланти (Ипселантес, 1792—1828), фанариот на российской службе, служивший в русской армии и в битве под Дрезденом потерявший руку. 6 марта (по н. ст.) 1821 г. Ипсиланти, избранный главой «Этерии» (тайной политической организации, противостоящей турецкому игу), перешел Прут. Поход был проведен плохо. В июне Ипсиланти бежал в Австрию; Россия от него отреклась. Война продолжалась без него. Россия колебалась между желанием помочь кому

* Вовсе не там герои! / Эти фальшивые боги... / Вам лгут в сновидениях; / Они подобны ночным восходам, / Когда пролетают большие метеоры, / Но солнце вслед за ними не появляется (*фр*)

угодно в борьбе против своего давнего врага — Турции — и страхом оказать поддержку революционной Греции. С другой стороны, русские тайные общества, хотя сочувствовали грекам и боролись против деспотизма Александра I, никак не стремились позволить отъявленному самодержцу принять на себя роль освободителя чужой страны и тем самым задушить либерализм в собственном доме.

Ипсиланти также упоминается у Пушкина в написанном на случай (ок. 5 апреля 1821 г.) стихотворении, посвященном Василию Давыдову (1792—1855), активному члену Южного общества и брату генерала Александра Давыдова, с хорошенькой женой которого (Аглаей, урожденной герцогиней де Граммон) у Пушкина, как и у многих других, был мимолетный роман. Стихотворение состоит из шестидесяти строк четырехстопного ямба со свободной схемой рифмовки и начинается так:

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея, —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов,
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками аи
Сидят Раевские мои —
Когда везде весна молодая
С улыбкой распустила грязь
И с горя на берегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь
Тебя, Раевских, и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя

Генерал Орлов — это ставший генералом в двадцать шесть лет Михаил Орлов (1788—1842), член «Союза благоденствия» (см коммент к XIII, 3), 15 мая 1821 г. он женился на Екатерине Раевской и оставил политику. Пушкин ухаживал за Екатериной совсем недолго в августе 1820 г. в Крыму. С ней и ее мужем он встречался в 1821 г. в Кишиневе, где они тогда жили. Раевские — это братья Александр и Николай, сыновья генерала Николая Раевского. Каменка — имение в Киевской губернии, принадлежавшее матери Александра и Василия Давыдовых, племяннице Потемкина; до супружества со Львом Давыдовым она была замужем за полковником Николаем Раевским (ум. 1777), генерал Николай Раевский — их сын.

В Морее (южной части материковой Греции) располагался штаб «Этерии». Весной 1821 г. Ипсиланти начал руководить ее операциями из Кишинева, и странное «мигание» означает его связь с Мореей, где уже высадился его брат.

В своем кишиневском дневнике 2 апреля 1821 г. Пушкин писал: «Вечер провел у Н. Г. [не расшифровано] — прелестная Гречанка¹⁵. Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как Грек: все отчаивались в успехе Этерии. Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 000 турков оставят цветущую страну Еллады законным наследникам Гомера и Фемистокла».

В той же самой записи и в одном письме (от начала марта, адресат не установлен)¹⁶ поэт восторгается храбростью Ипсиланти. Тон гл. 10, IX совсем иной. Уже к 1823—1824 гг. Пушкин заявил о своем решительном разочаровании.

Так, в черновике кишиневского письма неустановленному адресату в Одессе Пушкин, на основании очень ограниченных и несколько провинциальных наблюдений, называет греков «...un tas de gueux timides, voleurs et vagabonds qui n'ont pu même soutenir le premier feu de la mauvaise mousqueterie turque. Quant à ce qui regarde les officiers [греческих офицеров, которых Пушкин встречал в Кишиневе и Одессе], ils sont pires que les soldats... nul point d'honneur... Je ne suis ni un barbare, ni un apôtre de l'Alcoran, la cause de la Grèce m'intéresse vivement, c'est pour cela même que je m'indigne en voyant ces misérables revêtus du ministère sacré de défenseurs de la liberté»*.

Обратите внимание на слово «barbare». Это слово в 1831 г. употребит Николай Тургенев, говоря о Пушкине (см. коммент. XVI, 9—14).

X

Здесь, вероятно, имеется в виду Веронский конгресс 1822 г., на котором, как пишет Шарль Кавендиш Фюльк Гревиль (Charles Cavendish Fulke Greville) в своем «Дневнике» (запись от 25 января 1823 г.), «Российский Император однажды говорил [герцогу Веллингтону] о целесообразности введения армии в Испанию, и складывалось впечатление, что он мог бы это осуществить».

XI

В историческом настоящем времени этой строфы Пушкин, я думаю, обращается к тому же Закону, который является главным действующим лицом его оды «Вольность» (1817). Я (принося извинения тени нашего поэта) соорудил некий макет, единственно с целью прояснить свое понимание начала строфы XI:

Молчи, Закон! Наш царь танцует
Кадриль, мазурку и галоп,
А про тебя и в ус не дует,
4 Ты — Александровский холоп
Кинжал Лувеля, тень Бертона
В виденьях не тревожат трона

5 Загадочная строчка. Слово «кинжал», заглавные «Л» и «Б» в рукописи вполне разборчивы. Сложно расшифровать третье слово, хотя почерк вполне тверд. Я согласен с большинством комментаторов, что слово это — «тень». Первые две буквы в нем по начертанию отличны от тех же букв в слове «тень» в VIII, 4 («тень зари»), но такие графические дублеты часто встречаются в почерке одного и того же человека. Важно, однако, что первые две буквы слова «тень» в XI, 5 очень схожи с первыми двумя буквами слова «тем» в V, 1; но поскольку третья буква в слове «тень» в XI, 5 одинакова с третьей буквой того же слова в VIII, 4, я уверен, что «тень» — единственно возможное чтение в XI, 5.

* « Нищие трусишки, воры и бродяги, которые не могли выдержать даже первого огня плохих турецких стрелков. Что касается офицеров, то они еще хуже солдат... никакого представления о чести... Я не варвар и не апостол Корана, дело Греции меня живо интересует, вот почему я и негодую, видя, что на долю этих жалких людей выпала священная обязанность быть защитниками свободы» (фр.).

Большинство комментаторов согласны, что «Л» — это «Л». С буквой «Б» сложнее; по ее поводу был высказан ряд весьма нелепых предположений. Одно время мне казалось, что не совсем разборчивое «тень» — это, возможно, «меч», и из этого с очевидностью напрашивалось чтение «меч Беллоны»; однако позже (1952) я пришел к другому выводу.

Я обнаружил, что в неподписанной исторической заметке «О записках Самсона [Сансона], парижского палача», напечатанной в «Литературной газете» (1830, № 5), Пушкин рядом упоминает имена Лувеля и Бертона. Отрывок звучит так: «Что скажет нам сей человек, в течение сорока лет кровавой жизни своей присутствовавший при последних содроганиях стольких жертв, и славных, и неизвестных, и священных, и ненавистных? Все, все они — его минутные знакомцы — чередой пройдут перед нами по гильотине, на которой он, свирепый фигляр, играет свою однообразную роль. Мученики, злодеи, герои — и царственный страдалец [Луи XVI], и убийца его [Дантон], и Шарлотта Корде, и прелестница Дю-Барри, и безумец Лувель, и мятежник Бертон, и лекарь Кастен [д-р Эдмэ Самюэль Кастен, 1797—1823], отравлявший своих ближних [двоих братьев Балле, Огюста и Ипполита, в ходе запутанного дела о наследстве], и Папавуань [Луи Огюст Папавуань, 1783—1825], резавший детей [в припадке сумасшествия зарезавший мальчика и девочку, гулявших с матерью в городском саду]: мы их увидим опять в последнюю, страшную минуту».

Лувель — Луи Пьер Лувель (1783—1820), угрюмый шорник, помешавшийся на идее искоренить род Бурбонов; исполнение своего идиотического плана он начал с того, что 13 февраля 1820 г. (по н. ст.) заколол наследника трона — графа дю Берри, и за это преступление был обезглавлен.

«Б» в XI, 5 я расшифровываю как «Бертона». Генерал Жан Батист Бертон (1769—1822), своего рода французский декабрист, в 1822 г. участвовал в трагически окончившемся заговоре против Бурбонов и умер на плахе, громовым голосом прокричав: «Vive la France, vive la Liberté!»*¹⁷.

Поддельные мемуары Шарля Анри Сансона (1740—1793), «exécuteur des hautes-oeuvres»** в годы Террора во Франции, существовали в нескольких изданиях. Из них первое и наиболее известное — «Mémoires pour servir à l'histoire de la Révolution française», «par Sanson, exécuteur des arrêts criminels pendant la Révolution»*** (2 vols, Paris, 1829), бездарная стряпня двух писак, Оноре де Бальзака, позже популярного романиста (1799—1850), и Луи Франсуа Леритье де Лэна (1789—1852), «издавшего» еще один фальсификат-бестселлер «Записки Видока, начальника сыскной полиции» («Mémoires de Vidocq, chef de la police de sûreté», 4 vols., Paris, 1828—1829).

XII

- 1 *Потешный полк...* — Имеется в виду Семеновский полк, вместе с Преображенским сформированный для Петра I. Петр был самым свирепым, но, бесспорно, и самым умным из всех российских самодержцев династии Романовых. Пушкин питал к нему эпическое почтение и ввел живописную фигуру царя в две свои

* «Да здравствует Франция, да здравствует Свобода!» (фр)

** «Палач знатных особ» (фр)

*** «Мемуары, относящиеся к истории французской революции», «написанные Сансоном, исполнителем судебных приговоров во время революции» (фр)

поэмы («Полтава» и «Медный всадник») и в неоконченную историческую повесть, известную под названием «Арап Петра Великого». «Потешным полком», от слова «потеха» (забава), называлась рота мальчишек-солдат, которые в играх юного Петра выполняли роль живых оловянных солдатиков.

- 2 ...старых усачей... — галлицизм, с которым мы уже встречались в гл. 2, XVIII, 13
- 3 Слово «предать» означает как «совершить предательство, измену», так и «доставить».
- 3 *Тиран* — неменяемый Павел I (отец Александра I и Николая I), 11 марта 1801 г. убитый в собственной спальне шайкой придворных, которых не остановил семеновский караул. Это событие заслуживает памяти также и потому, что в 1817 г. оно вдохновило Пушкина на прекрасные строки (57—88) его первого великого произведения — оды «Вольность».

В 1820-х гг. в Семеновском полку служили двое из повешенных декабристов — Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин. Вероятно, дальше в XII строфе говорилось об истории этого полка. Царь Александр любил повторять, что если и есть на свете зрелище прекраснее (*plus beau*), чем тысяча одинаковых солдат, одновременно выполняющих одно и то же движение, так это сто тысяч солдат, его выполняющих. Николай I, еще будучи великим князем, муштровал смущенных гигантов-гренадеров на паркетах бальной залы, а рядом с ними, забавы ради, заставлял вышагивать свою молодую немецкую жену в ранге *Ur*-майора. Прославившийся жестокостью и педантизмом командир Семеновского полка генерал Шварц приказывал солдатам по вечерам являться к себе на дом брать частные уроки по оттягиванию носка. Будучи вспыльчив, он часто бивал безответных бедолаг по щекам и плевал им в лицо. Наконец 17 октября 1820 г. (а не 1821-го, как у некоторых компиляторов) полк торжественно и чинно взбунтовался, требуя отставки Шварца, каковая и последовала, но около восьмисот солдат пошли под трибунал.

Поскольку некоторые советские комментаторы дают вышеназванной оде Пушкина абсолютно неверные, политизированные толкования в попытке заставить наивного и дезинформированного современного читателя увидеть в ней революционный призыв, я не устану повторять, что «Вольность» писал юный консервативный либерал, для которого главным критерием распределения свобод был Закон, *les lois* (в том гуманистическом и философском смысле, в каком его понимали французские мыслители Фенелон и Монтескье), и который полностью подписывался под байроновскими строчками из «Дон Жуана» (IX, XXV, 7—8):

I wish men to be free
As much from mobs as kings

(Хочу людей свободными увидеть
От черни так же, как от королей)

Словесно «Вольность» Пушкина стоит ближе к оде Василия Капниста (1757—1824) «На рабство» (1783), чем к оде «Вольность» (ок. 1783) Радищева. Следует также отметить, что пушкинская ода написана не традиционной одической строфой в десять строк (с рифмами *ababeesuc* или *babacedde*), а восьмистрочной строфой (в данном случае с рифмами *babacees*), которую для своего знаменитого «Вельможи» (начатого в 1774-м, окончательный текст напечатан в 1798-м)

позаимствовал у французов Державин. Это «strophe de huit vers», или «huitain»*. Я перевел оду Пушкина (по однотоминому гофмановскому изданию его сочинений, Берлин, 1937), сохранив четырехстопный ямб, но пожертвовав рифмами во имя точности смысла. <...>**

Далее — мой комментарий к оде (в порядке сквозной нумерации стихов).

2 *Цитеры слабая царица...* — Цитера — один из Ионических островов, на котором стоял храм Афродиты, или Венеры, «слабой» (хрупкой, нежной) богини любви.

4 *Свободы* — Сергей Тургенев (приходившийся братом приятелям Пушкина Александру и Николаю Тургеневым и кузеном отцу писателя Ивана Тургенева) 1 декабря (19 ноября по ст. ст.) 1817 г. во Франции пишет в своем дневнике: «Мне опять пишут о Пушкине как о развертывающемся таланте. Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность и, вместо оплакиваний самого себя, пусть первая песнь его будет: Свободе».

Стихи 4 и 7 «Вольности» являются прямым исполнением этого пожелания, а если предположить, что Сергей Тургенев в то же самое время высказал его и в письме, то мы сможем датировать оду не ранее чем началом ноября (по ст. ст.): иначе Сергей Тургенев уже получил бы ее к тому числу, что стоит в дневнике. Из пушкинской рукописи «Воображаемого разговора с Александром I» (1825) следует, что «Вольность» была написана в 1817 г., когда поэту еще не исполнилось восемнадцати (26 мая).

10 Вероятный кандидат на роль «возвышенного галла» — Понс Дени Экушар Лебрэн (Lebrun или Le Brun, 1729—1807), второстепенный поэт. Томашевский в своей книге «Пушкин» (Л., 1956) тщательно исследовал эту возможность и справедливо отметил огромную, хотя и недолговечную, популярность энергичных Лебреных од.

Другой кандидат — Андре Шенье, погибший на гильотине 7 Термидора Второго года (25 июля 1794), не дожив до тридцати двух лет. До своего ареста в 1794 г. он успел напечатать лишь два «отважных гимна» (один из которых — «Игра в мяч, Давиду, художнику» / «Le Jeu de raume, à David, peintre», 1791) Самое знаменитое его стихотворение, элегию, известную под названием «Юная пленница» («La Jeune Captive»), в 1795 г. напечатал альманах «Философская декада» («Décade philosophique»), а позже несколько журналов (в том числе «Молодая тарентинка» / «La Jeune Tarentine»). Шатобриан в своем «Гении»*** (1802) по памяти цитирует отрывок из Шенье, превознося последнего. Кроме того, несколько отрывков из произведений Шенье напечатал Файоль в «Литературной смеси» («Mélanges littéraires») в 1816 г. Я пишу об этом потому, что современные русские комментаторы находятся под странным впечатлением, будто Пушкин впервые услышал о Шенье лишь в августе 1819 г., когда Латуш выпустил первое собрание его стихов.

16 *.восстаньте...* — Как отмечает Томашевский («Пушкин», с. 170—172), это не призыв к политическому восстанию, мятежу, бунту, но в данном контексте (как

* «Строфа из восьми стихов», «восьмистишие» (*фр*).

** Следует выполненный В Набоковым перевод оды на английский с пронумерованными стихами (*Примеч ред*)

*** Имеется в виду «Гений христианства». (*Примеч ред*)

и везде в риторических конструкциях у Пушкина) призыв «встать», «воспрянуть», «воскреснуть» и т. п.

22—24 *Предрассуждения* — это власть церкви, использовавшей предрассудки и манипулировавшей умами в политических целях. «Гений» — поэтический синоним слова «дух». Определение славы как *роковой страсти* относится к Наполеону — он уже стоит за кулисами оды.

25 .. *главой* . — Любопытно: на 96 строк оды приходится настоящее наваждение «голов». Эта проксимальная часть тела подразумевается в стихах 5 и 61 и прямо называется в стихах 25, 31, 47, 50, 68 и 93.

31—32 Томашевский на с. 162 цитирует речь лицейского профессора нравственных и политических наук Александра Куницына (1783—1840) на открытии Лицея в 1811 г., в которой тот привел слова Гийома Тома Франсуа Рейналя (1713—1796), автора «Философской и политической истории учреждений и торговли европейцев в двух Индиях» (Guillaume Thomas François Raynal, «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes», 1770): «Закон — ничто, если он не является мечом, который безразлично движется над всеми головами и поражает все, что возвышается над уровнем той горизонтальной плоскости, в которой он движется».

32—33 Обратите внимание на красоту анжамбемана. Еще один, менее выразительный, связывает стихи 69—72 и 73—76.

35 Местоимение «их», так же как и в стихах 29 и 32, относится к «законам мощным» (стих 28). Одна «рука» в стихе 35 неуклюже перепутывается с другими «руками» в 30-м.

39—40 Ту же мысль высказывает Фенелон в «Приключениях Телемака, сына Улисса» («Les aventures de Télémaque, fils d'Ulysses», 1699), кн. V (изд. 1810 г., с. 78): «Il [le roi] peut tout sur les peuples; mais les lois peuvent tout sur lui»*. В то время Фенелон в России был хорошо известен. Кстати, именно в томике его «Басен» («Fables», Paris, 1809) до нас дошел первый (вероятно, 1811 г.) автограф Пушкина.

41—44 Ср. многоречивую и бесстрастную «Оду к французам» («Ode aux français») Экушара Лебрена (сочиненную в 1762 г.), воспевающую не столько свободу и закон, сколько боевую славу (стихи 79—80):

Malheure à qui s'élève en foulant ruines
Des lois et de l'état **

45—46 Имеется в виду Людовик XVI, обезглавленный в 1793 г., в эпоху французского Террора. У Карлейля в его великолепной книге «Французская революция. История» (1837), когда он говорит о казни короля (гл. 8), звучит очень похожая интонация: «Несчастный Людовик! Потомок шестидесяти королей судом приговорен к смерти на плахе. Надменный тиран! Несправедливость порождает несправедливость... Невинный Людовик ответил за грехи множества поколений...»

* «Он [король] может творить все над своими народами, но законы держат его самого в подчинении» (*фр*).

** Горе тому кто возносится, попирая руины / Законов и государства... (*Фр*)

55 «Падет» и «падут» в стихе 87; как и везде у Пушкина, этот глагол («пасть») стоит в будущем времени вместо настоящего («падает», «падают») — для краткости и выразительности.

<...>

57—64 В строфе говорится о «наполеоновой порфире»; эти слова пометил сам Пушкин на полях копии, переписанной для Николая Тургенева в 1817 г. Позже отношение поэта к Наполеону существенно изменилось, в соответствии с романтическим поветрием того времени. Что это за «дети»? Мне известны лишь племянники Наполеона: маленький Наполеон Шарль Бонапарт, сын его брата Луи (1802—1807), и крошечный Дермид Леклерк, сын его сестры Мари Полины (1802—1804)¹⁸.

66 *Звезда полуночи...* — «Полуночь» означает не только полночь, но и (в поэтическом языке) север.

69 *...задумчивый певец...* — Согласно «Запискам» Вигеля (1864) и письму Николая Тургенева Петру Бартеневу (1867), эту оду, или часть ее, Пушкин записал (разумеется, по памяти — поэты на людях не творят) на квартире Николая Тургенева, который жил тогда в Петербурге на набережной Фонтанки, напротив Михайловского замка (также известного как Инженерный замок), куда ночью 11 марта 1801 г. вошли при всех своих регалиях разгоряченные за ужином шампанским убийцы, направлявшиеся в спальню Павла I.

73 *Клио* — истеричная муза истории.

86 *Янычары* — общее название турецких солдат, более конкретно — солдат-рабов султана. Здесь в расширительном значении: убийцы.

89—96 Томашевский на с. 170 пишет, что эту строфу Пушкин «приписал позднее». Впервые ее напечатал Герцен в «Полярной звезде», кн. II (Лондон, 1865) В последней строке «вольность» стоит рядом с «покоем» — сочетание, которое останется пушкинским идеалом до конца его жизни (см. коммент к стихам 20—21 «Письма Онегина» в гл. 8 и к гл. 8, XLVIIIa в начале «Отрывков из „Путешествия Онегина“»).).

XIII

3 *...искра пламени иного...* — С этого стиха Пушкин начинает излагать свою версию декабризма. Несмотря на то что себя поэт (безосновательно) причислял к заговорщикам, манера его повествования до странности отстраненная: большинство фактов словно взято из документов, а не из собственных наблюдений «Союз благоденствия», тайный союз образованных молодых дворян, созданный для противостояния тирании и крепостничеству, был образован в 1818 г. и просуществовал до 1820 г. Он являл собой древо блага, произраставшее в умеренном, несколько масонском климате. Стволом его было благоденствие Отечества; корнями — добродетель и единение; ветвями — филантропия, образование, справедливость и социальная экономия. Союз был отчетливо националистическим. Его тяготение к литературе как к инструменту просвещения отвечало здравому смыслу XVIII в., среди прочего он рекомендовал в своем уставе «приличие [фр. *la décence*] выражений, а более всего непритворное изложение чувств высоких и к добру увлекающих». Его отношение к правительству носило благородный характер сдержанно-неодобрительного ропота. Печать

«Союза» изображала улей с роящимися вокруг пчелами. Рассеянными отблесками этой организации были кружки наподобие «Зеленой лампы».

«Союз благоденствия» предшествовал образованию двух тайных обществ — Северного и Южного. Их деятельность привела к уже описанному мною неудавшемуся государственному перевороту 14 декабря (отсюда «декабристы») 1825 г. на Сенатской площади Санкт-Петербурга. 27 ноября в столицу пришло известие о смерти Александра I, последовавшей 19 ноября 1825 г. в Таганроге, в течение двух следующих недель никто достоверно не знал имени преемника. Наконец Константин, брат Александра и законный наследник трона, отрекся от власти, и царем был объявлен второй брат, Николай. Декабристы воспользовались междуцарствием. Они намеревались свергнуть существующий режим и провозгласить конституцию. За обнародованием манифеста должен был последовать Великий Собор (законодательное собрание). Само восстание выпало на долю Северного общества, более умеренного и не так хорошо организованного, как Южное с его республиканскими взглядами и военизированной структурой. Для отвода глаз инсургенты объявили своей задачей поддержку Константина (против его брата Николая), но истинной их целью было создание либерального правительства. Утром 14 декабря 1825 г. солнце взошло в девять часов четыре минуты; через пять часов пятьдесят четыре минуты ему предстояло зайти. Повстанцы со своими солдатами, общим числом 671 человек, собрались на площади. Было очень холодно; кроме образования плотного каре, никаких особых действий не предполагалось. Руководители хотели призвать Сенат огласить их обращение к народу, но от самого народа ничего не требовалось, ему отводилась лишь роль классической декорации, сочувствующего фона. К тому же в умах солдат возникла трогательная путаница между «Константином» и «конституцией». План рушился с самого начала Избранный диктатором восстания князь Сергей Трубецкой на площади так и не появился. Самые отважные из заговорщиков неожиданно утратили присутствие духа и впали в странную апатию. Впрочем, один из них, поручик Каховский, выстрелил и убил графа Милорадовича, обратившегося с речью к войскам. Около пяти вечера пушки правительства без труда положили восстанию конец; 121 участника судили сразу же, пятерых из них приговорили к четвертованию, позже замененному повешением. Тридцать один человек должен был быть обезглавлен, но приговор заменили сибирской каторгой. Остальных осудили на различные сроки ссылки и тюремного заключения. Пятерых повешенных осудили за следующие преступления: полковника Павла Пестеля (р. в 1794) за покушение на убийство членов императорской фамилии (см. коммент. к XVII, 9); поручика Петра Каховского (р. в 1797) за то же и вдобавок за убийство графа Милорадовича и полковника Стюрлера; подпоручика Кондратия Рылеева (р. в 1795), подпоручика Михаила Бестужева-Рюмина (р. в 1803) и подполковника Сергея Муравьева-Апостола (р. в 1791) за покушение на цареубийство. Их казнили 13 июля 1826 г. в Кронверкском бастионе Петропавловской крепости (в Петербурге, на северном берегу Невы).

Находившийся в Михайловском Пушкин узнал о казни 24 июля. На следующий день он получил письмо (предположительно от Туманского) с известием, что больше года назад в Италии скончалась Амалия Ризнич, за которой он ухаживал в Одессе. Совпадение это зашифровано в его пометке на нижних полях первой белой рукописи стихотворения (МБ 3266), посвященного памяти

госпожи Ризнич (29 июля, шестнадцать строк, чередование четырехстопного ямба и александрийского стиха, рифма *baba*); вот его начало:

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала
Увяла наконец, и, верно, надо мной
Младая тень уже летала

Вероятно, примерно к тому же времени относится знаменитый рисунок пером в тетради 2368, л. 38, впервые опубликованный Венгеровым в 1906 г. в брошюрованном издании сочинений Пушкина и с тех пор неоднократно обсуждавшийся и воспроизводившийся*. На листе теснится дюжина профилей, среди которых комментаторы узнают отца и дядю нашего поэта. Вверху на полях Пушкин изобразил бастион и пять болтающихся на виселице человечков. Этот же рисунок повторен, немного детальнее, внизу страницы. Над верхней виселицей, в самом верху листа, можно разобрать неоконченную строку:

И я бы мог, как шут на

Слова «шут на» зачеркнуты, а первые четыре слова повторяются ниже, под рисунком.

Я перевел «шут» обобщенным «clown» («паяц»), но возможно и более точное слово. Мне кажется, Пушкину здесь виделся образ «шута на нитке» — марионетки, фр. *marionette*, куклы на веревочке. Сравнение повешенного с дергающимся шутком привычно. Напрашивается пример (приведенный у Цявловского в книге «Рукою Пушкина», с. 159—160) из поэмы Майкова «Елисей», стихи 419—420 (см. коммент. к гл. 8, Ia, 3), где Зевс грозит страшной расправой всякому вассалу, который не поспешит на его зов:

А попросту сказать, повешу вверх ногами,
И будет он висеть как шут между богами

10 июля 1826 г. Пушкин писал из Михайловского Вяземскому в Москву: «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми [декабристами]».

Из мемуаров Якушкина (см. коммент. к XVI, 1—8) и воспоминаний еще одного видного декабриста, Ивана Пушина (1798—1859), лицейского товарища и одного из ближайших друзей поэта, совершенно ясно, что Пушкин не был членом ни одной из декабристских организаций; попытки советских комментаторов задним числом его туда записать по меньшей мере смешны. Случалось, что на каком-нибудь обеде или дружеском сборище шестеро из семи присутствующих были декабристы; но если седьмым был Пушкин, недекабрист, одно его присутствие автоматически лишало встречу всякой конспиративности. В ходе судебного разбирательства в 1826 г. один из менее известных заговорщиков (Горсткин) свидетельствовал, что зимой 1819/20 г. Пушкин «читывал» свои стихи в петербургском доме князя Ильи Долгорукого, одного из руководителей «Союза благоденствия»**. Однако Якушкин пишет, что при встрече с поэтом осенью 1820 г. в Каменке, под Киевом, тот очень удивился, когда Якушкин ему прочел его же революционные стихи, в том числе «Noë!». Из воспоминаний Якушкина

* Например, у А. Эфроса: *Лит насл*, 1934, т. 16—18, с. 944—946 (Примеч В Н)

** См. Нечкина М. Новое о Пушкине и декабристах. — *Лит насл*, 1952, т. 68, с. 155—166. (Примеч В Н)

следует, что в то время — зимой 1820/21 г. — Пушкин не знал ни о какой тайной организации и что он никогда не был членом Южного общества (образованного в марте 1821 г в Тульчине), хотя и знал возглавлявшего его Пестеля.

В стихах, имеющих прямое отношение к судьбе декабристского движения, Пушкин возвышенно сострадал ссыльным, их семьям и их делу, но при этом подчеркивал свою непричастность как художника; такое сочетание сочувствия и отстраненности некоторые из декабристов нашли не в лучшем вкусе. В начале января 1827 г. Пушкин отправил в Читту с женой ссыльного Никиты Муравьева следующие стихи (четырёхстопный ямб, рифмы *haha seec dud boob*):

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит гордость и веселье,
Придет желанная пора

Любовь и дружество до вас
Доидут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут

Один из ссыльных декабристов, князь Александр Одоевский, сочинил в ответ четыре посредственные строфы, смысл которых сводится к следующему: будь покоен, бард, мы гордимся своими цепями и скуем из них мечи

Позднее, 16 июля 1827 г., в стихотворении «Арион» (пятнадцать строк, четырёхстопный ямб, рифмы *baabecseddiffi*), в названии которого стоит имя прекрасного греческого менестреля, спасенного из воды благодарным дельфином, Пушкин описал челн с гребцами (олицетворяющими декабристов) и поющего им поэта (самого себя). Челн разбивает буря, и все гибнут, кроме певца, который в последних строках — классическая метафора — сушит свои одежды на скале и поет прежние гимны.

XIV

- 2 ...Они за чашею вина... — Какая рифма была дальше? Нет более тщетного занятия, как нет большего соблазна, чем дописывать за поэта. Вот и здесь слух автоматически подсказывает четвертую строку: «освобождали племена»; другое дело, это ли хотел сказать Пушкин.

XV

В этой строфе, вероятно, говорится о петербургских собраниях «Союза благоденствия» приблизительно в 1819 г.

Декабристы собирались в доме Никиты Муравьева (1796—1843), сейчас это дом 26 по набережной Фонтанки*. Муравьев состоял в «Союзе благоденствия» и, когда в 1820 г. было образовано Северное общество, вошел в его Центральный совет. Ему принадлежал проект конституции, предполагавшей создание в России федерального правительства, с разделением страны на штаты по американскому образцу.

Илья Долгорукий (1797—1848). Согласно Якушкину, декабристы собирались и у него. Он был видным деятелем «Союза благоденствия», но не вошел в сменившее «Союз» Северное общество. В 1820 г. он отдалился от тайной политической деятельности и в декабре 1825 г. арестован не был.

Две строчки, которые цитирует в своем дневнике Вяземский и о которых я уже говорил в начале комментария к гл. 10, дают вариант (чтение «вдохновенного» вместо «беспокойного» в XV, 3) и стих 4, до которого Пушкин, зашифровывая строфу, не дошел.

XVI

1—8 Михаил Лунин (1787—1845) и Иван Якушкин (1793—1857) были активными членами Северного общества. Пушкин хорошо знал обоих. Написанные в ссылке мемуары Якушкина (1853—1855) напечатаны в т. 1 «Избранных социально-политических и философских произведений декабристов» в 3-х т. (Л., 1951, ред. И. Щипанов, примеч. С. Штрайха; я видел только два тома).

5 ...*Читал свои Нозли Пушкин...* — В буквальном значении «ноэли» — французские рождественские песнопения, представляющие исторический интерес, но не имеющие поэтической ценности. Жанр восходит к XI в. Здесь имеются в виду политические пародии на них.

В Петербурге молодой Пушкин, конечно же, читал антиправительственные стихи на встречах «Зеленой лампы» и на других пирушках, где бывали декабристы. Но это не были тайные заседания: на те поэта не приглашали. Здесь, как и везде, причастность Пушкина к декабризму — лишь стилизация.

Что же это были за «ноэли»? До нас дошел всего один, достаточно безобидный, сочиненный скорее всего в 1818 г., — четыре ямбических восьмистишья, в каждом по пять трехстопных стихов (1—4, 8), один александрийский (5) и два четырехстопных (6—7), с рифмами *ababesse*. Вот стихи 1—4.

Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ

Мария утешает младенца, появляется царь, «здоров и тучен», и обещает директора полиции отправить в отставку, секретаря цензурного комитета — в сумасшедший дом, а людям дать «права людей»; имеется в виду исполненная либерализма речь Александра в варшавском сейме 15 марта 1818 г. Стишок оканчивается так (стихи 25—32):

От радости в постеле
Запрыгало днтя

* Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1931 (Примеч В Н)¹⁹

«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»

А мать ему

«Бай-бай! закрой свои ты глазки,
Пора уснуть уж наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки»

Все это — в злободневном духе Беранже и не представляет большой литературной ценности; разительный контраст с одой «Вольность».

В 1670-х гг. над «Бургундскими рождественскими песнопениями» («Noel bourguignon») работал Бернар де Ла Моннуа (1641—1728), опубликовавший их, с собственным французским переводом, под псевдонимом Ги Барозе (Gui Barôze), в 1720 г. Пушкин мог видеть его «Noëls bourguignons» (в бургундском оригинале более нечестивые, чем во французском переводе). Я смотрел тексты в лейденском репринтном издании (1865) редкой антологии Армана Луи де Виньеро дю Плесси Ришелье, герцога д'Эгийона «Сборник избранных произведений, собранных заботами космополита» («Recueil de pièces choisies rassemblées par les soins du cosmopolite» Armand Louis de Vignerot Duplessis Richelieu, duc d'Aiguillon, 1683—1750; Véretz in Touraine, 1735, p. 427—500). Это легкомысленные, то богохульные, то причудливые и нежные песенки о Рождестве Христовом и пр. Например, строфа II ноэля V звучит так:

A la Nativité
Chantons, je vous supplie
Une Vierge a porté
Neuf mois le fruit de vie,
Le Saint-Esprit futé
Fit cette oeuvre jolie* [в бургундском тексте «bé sutie»]

Я заметил, что у Бабетты Дейч в переводе гл. 10, XVI, 5 (1943: слегка расширенная версия ее же перевода ЕО 1937 г., замечательная лишь чудовищными по своей нелепости иллюстрациями Фрица Эйхенберга) написано:

Здесь Пушкин с важным видом читал свои стихи

6—8 ...*Меланхолический Якушкин .. Царубийственный кинжал...* — На портретах вид у Якушкина подавленный. Говорят, он был несчастлив в любви. В воспоминаниях он пишет, что мысль об убийстве Александра I овладела им в 1817 г., когда пронесся нелепый слух, будто царь собирается перенести свою резиденцию в Варшаву, а часть России присоединить к Польше. Якушкин собирался вооружиться парой пистолетов и из одного застрелить царя, а из другого себя, устроив нечто вроде сольной дуэли. Он отказался от этого плана, когда выяснилось, что слух лишен оснований.

9—11 ...*видя Хромой Тургенев...* — Николай Тургенев (1789—1871) был видным деятелем умеренного крыла тайного общества и автором важной части устава «Союза благоденствия» — той, в которой говорилось об ограничении царской власти.

* Рождество / Воспоем, умоляю вас. / Дева носила / Девять месяцев плод жизни, / Хитрыи Святой Дух / Создал это пригожее творение (*фр*).

9 апреля 1824 г. он уехал в Западную Европу и оставался там до 1856 г., когда декабристы получили амнистию. О его хромоте мне ничего выяснить не удалось.

Его брат Александр Тургенев (1784—1845), директор Департамента духовных дел, был одним из самых верных помощников и друзей Пушкина. Именно он в 1811 г. помог записать юного поэта в Лицей. На последней неделе апреля 1820 г. вместе с Карамзиным он уговорил министра иностранных дел отправить Пушкина к генералу Инзову, на юг России, — чрезвычайно мягкий вариант по сравнению с другими возможными местами ссылки. Он же в начале июня 1823 г. снова обратился к графу Нессельроде и добился перевода Пушкина в Одессу («Меценат [Воронцов], климат, море, исторические воспоминания — все есть», — писал Тургенев Вяземскому 15 июня 1823 г. о новом назначении своего протеже). И наконец, снова он в полночь 1 февраля 1837 г., после отпевания в Конюшенной церкви (в сопровождении жандарма Ракеева, который четверть века спустя арестует публициста-радикала Николая Чернышевского), повез гроб с телом Пушкина из Петербурга в Опочечский уезд Псковской губернии, в Святогорский монастырь²⁰, где похоронил поэта 6 февраля 1837 г., на следующий день после того, как брэнное тело совершило свой последний поспешный путь.

В письмах к брату («Архив братьев Тургеневых», Пг., 1921) Николай Тургенев играет роль человека, крайне удивленного и глубоко оскорбленного тем, что российское правительство считает его государственным преступником: «Бунт никогда меня не интересовал», «совесть моя чиста».

24 апреля / 6 мая 1826 г. Николай Тургенев пишет из Эдинбурга брату Александру в Петербург: «Я всегда почитал общество более шуточным нежели серьезным занятием». А через две недели добавляет: «Могут еще спросить меня: но зачем все эти тайные общества, если ты видел, что это вздор? Что могу я отвечать на это? Иные для развлечения играют в карты, иные пляшут, иные играют в жмурки, иные собираются в разговорах проводить время. Я принадлежу к числу сих последних. Что теперь из этих разговоров делают преступление — мог ли я это предвидеть?»

Другое письмо, от 25 июня / 7 июля 1826 г.: «Я объявил [в письме правительству], чего я искал в обществах. Дело освобождения крестьян было для меня всегда священнейшим. Оно было единственной целью моей жизни... Но не видя успехов матерьяльных, то есть не видя отпусковых [от владельцев крепостных крестьян], коих я требовал, я наконец совершенно бросил эту бесплодную землю, и в последнее время ни мало не заботился и даже не думал об обществе».

Для меня совершенно очевидно, что Пушкин видел эти письма.

В письме брату от 11 августа 1832 г. Александр Тургенев цитирует гл. 10, XVI, 9—14 и продолжает: «В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но она останется долго под спудом. Он читал мне в Москве только отрывки».

Через девять дней Николай Тургенев с огромным раздражением (истинная причина которого неясна) писал в ответ из Парижа: «Сообщаемые Вами стихи о мне Пушкина заставили меня пожать плечами. Судьи, меня и других осудившие, делали свое дело: дело варваров, лишенных всякого света гражданственности, сивилизации. Это в натуре вещей. Но вот являются другие судьи. Можно иметь талант для поэзии, много ума, воображения, и при всем том быть варваром. А Пушкин и все русские, конечно, варвары. <...> Если те, кои были несчастливее

меня и погибли, не имели лучших прав на цивилизацию, нежели Пушкин, то они приобрели иные права жертвоприношениями, страданиями, кои и их ставят выше суждений их соотечественников»

Александр Тургенев не понял, что так рассердило его брата, и 2 сентября писал. «Твое заключение о Пушкине справедливо в нем точно есть еще варварство, и Вяземский очень гонял его в Москве за Польшу; но в стихах о тебе я этого не вижу, и вообще в его мнении о тебе много справедливого. Он только варвар в отношении к Польше»

Томашевский в статье «Десятая глава „Евгения Онегина“. История разгадки» (Лит. насл., 1934, № 16—18, с. 388) приводит ответ Николая Тургенева в русском переводе (письмо было написано по-французски): «Много бы пришлось говорить о достоинстве поэта, которое вы приписываете Пушкину и которое он сам себе приписывает. Это бы далеко завело. Байрон был несомненно поэт, но и не в его правилах и не в его привычках было валяться в грязи».

Неудовольствия от неприкрытого национализма поэта, красноречиво подержавшего правительство в польском вопросе, недостаточно для объяснения резкой личной неприязни, которая чувствуется в письмах Николая Тургенева. Возможно, на сходках декабристов в 1819—1820 гг. он не излагал своих взглядов на освобождение крестьян с той маниакальной настойчивостью, какая описана у Пушкина. Складывается впечатление, что больше всего он был задет тоном стихов, приняв стилизацию за насмешку над своей любимой идеей. С сегодняшней точки зрения, за сглаживающей далью лет, мы видим в пушкинской хронике декабристского движения чуть легкомысленную отстраненность, не более. Но реформатор тургеневского толка любое отношение, кроме священного и страстного единомыслия, мог воспринять как оскорбление. Лернер (1915, цитируется у Томашевского в «Десятой главе», с. 389) предположил, что Пушкин, в 1819 г. уже высказавший надежду увидеть отмену рабства волею царя, считал нелепым ожидать, как Николай Тургенев, что это совершит кучка дворян (Хотя именно так и случилось тридцать лет спустя, когда группа альтруистов-аристократов добилась от правительства отмены крепостного права).

Выдвигались также предположения, (1) будто Николай Тургенев был недоволен очевидным знакомством Пушкина с его письменным объяснением, *rière de justification**, в котором основной упор делался на освобождение крестьян и в котором Николай Тургенев резко критиковал движение декабристов, — в 1827 г. в Лейпциге брат Николая передал рукопись Жуковскому, чтобы тот показал ее царю, и (2) будто Николай Тургенев пришел в ярость из-за того, что Пушкин выставил заговорщиком его, Тургенева, категорически отрицавшего какую-либо свою связь с декабристами (Волконский же и другие называли за это Тургенева лжецом).

Уважение Пушкина к Николаю Тургеневу — как, впрочем, к любой свободной и независимой личности — очевидно из чудесной эпиграммы на Нептуна (четырёхстопный ямб, рифмы *abba cecese*), с которой начинается его письмо к Вяземскому от 14 августа 1826 г., из Михайловского в Петербург.

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец

* Оправдательный документ (*фр*)

Не славь его В наш гнусный век
Седой Нептун, земли союзник
На всех стихнях человек —
Тиран, предатель или узник

Эту эпиграмму Пушкин сочинил в ответ на стихотворение «Море», которое Вяземский прислал ему в письме от 31 июля 1826 г. из Ревеля. Поводом к ней послужил слух (оказавшийся ложным), будто политический эмигрант, декабрист Николай Тургенев выдан России Великобританией. Вслед за эпиграммой Пушкин продолжает: «Сердечно благодарю тебя за стихи... Критику отложим до другого раза. Правда ли, что Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург?»

Стихотворение Вяземского состоит из двенадцати строф по восемь четырех-стопных строк, с редкой и неблагозвучной рифмовкой *baabcese*.

Письмо Александра Тургенева (см. вступление к коммент. к «десятой главе») дает варианты двух стихов: «преследуя свой идеал» в 10-м и «плети рабства» в 12-м.

Томашевский («Десятая глава», с. 391) публикует фотоснимок черновика этой строфы, на котором видно, что в стихе 3 Пушкин, зачеркнув «губительные», написал «решительные»; в 5-м «стихи» исправил сначала на «сатиры», а затем на «ноэли»; в 7-м вместо «как обреченный» поставил «казалось, молча»; в 12-м «цепи» заменил «плетьюми»; в 13—14 вместо «предвидел в сей толпе... освободителей» написал «в толпе... зрел избавителей».

XVII

- 2 .. *ранее весна...* — Пушкин теперь переходит к Южному обществу. Оно состояло из трех управ: Центральной, при штабе Второй армии в Тульчине (Брацлавский уезд Подольской губернии), возглавляемой Пестелем и Алексеем Юшневским; Каменской (Чигиринский уезд Киевской губернии), руководимой Василием Давыдовым и князем Сергеем Волконским, и Васильковской (Васильковский уезд Киевской губернии), под руководством Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. Общество поддерживало связь с польскими группами, стремящимися к независимости Польши.
- 5 Князь Петр Витгенштейн (1768—1842) командовал Второй армией со штаб-квартирой в Тульчине. Добрый и храбрый человек, очень любимый подчиненными.
- 9 *П[естель]* — Полковник Павел Пестель (1794—1826), с 1813 по 1821 г. адъютант князя Витгенштейна, затем командир Вятского полка. Автор конституции («Русская правда») и главный руководитель Южного общества, основанного им в марте 1821 г. в Подольской и Киевской губерниях. Бесспорно, самый умный, талантливый и деятельный из заговорщиков. К сожалению, его не было в Петербурге 14 декабря 1825 г. В своем заявлении после ареста он писал: «Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил <...> неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины в недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей».

Пушкин познакомился с Пестелем 9 апреля 1821 г. в Кишиневе (хотя мог видеть его в феврале в Тульчине). В этот день в дневнике поэта сделана следующая запись: «Утро провел с Пестелем [который, как ни парадоксально, был направлен в Кишинев правительством для сообщения о деятельности там общества „Свободная Греция“]; умный человек во всем смысле этого слова. *Mon coeur est matérialiste*, говорит он, *mais ma raison s'y refuse**. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...»

В тот же день Пушкин записал, что брат предводителя греческих повстанцев князь Дмитрий Ипсиланти сказал ему, что греки перешли через Дунай и разбили турецкий корпус; в следующей записи, от 4 мая, — что был принят в масоны; а 9 мая замечает: «Вот уже ровно год, как я оставил Петербург». На последней неделе мая в Кишиневе Пушкин снова встретился с Пестелем, который после этого вернулся в Тульчин. (Судя по всему, он приезжал в Одессу зимой 1823 г., но указаний на то, что они с Пушкиным там встречались, нет)

О петербургских событиях 14 декабря Пушкин узнал спустя неделю у себя в Михайловском, приблизительно 20 декабря 1825 г. В течение двух следующих недель он наверняка получил (с оказией, то есть из писем, переданных с надежным знакомым) известия об участии в восстании Рылеева, Кюхельбекера и Пущина, а также об аресте в Линцах Пестеля. 4 или 5 января 1826 г. слева на полях чернового наброска гл. 5, V и VI — точно посередине романа («Татьяна верила... снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны..»), она ожидала беды, если «быстрый заяц... перебежал дорогу ей») — и снова слева на полях черновика гл. 5, IX—X («Морозна ночь... Как ваше имя? ...Харитон»; Татьяна кладет под подушку зеркало, чтобы запомнить вещий сон) сверху вниз начерчены профили, и первым оба раза — профиль Пестеля. На этих карандашных набросках у Пестеля голова древнего грека и тяжелая челюсть медального Наполеона. Ниже, за Пестелем, на полях черновика гл. 5, V—VI профили идут в таком порядке: стилизованный Робеспьер-Пушкин; большой, похожий на Панча, Мирабо; старик Вольтер в виде Гавроша; слева от Вольтера — утиный профиль некрасивого Рылеева. Последний раз Пушкин видел Пестеля четыре с половиной года назад, а Рылеева — больше пяти с половиной, зрительная память поэта, судя по всему, была чрезвычайно цепкой**. На черновике гл. 5, IX—X другие профили за пестелевским следуют в таком порядке: очень русское лицо Пущина (дважды), декабрист Вяземский в очках, а в нижнем углу на полях справа опять голова Рылеева и длинноносый, со срезанным подбородком, трогательный профиль Кюхельбекера.

Кюхельбекера и Вяземского Пушкин последний раз видел около шести лет назад, а своего старого лицейского друга Пущина — когда тот приезжал к нему 11 января 1825 г. Пущин в мемуарах писал, что Пушкин знал о его принадлежности к тайному обществу и говорил ему: «Впрочем, я не заставляю

* Сердцем я материалист, но мой разум этому противится (*фр*)

** Безотносительно к этому следует помнить, что тогда еще не было фотографии, более гибко, более подвижно (и поэтому менее стилизованно) запечатлевающей выражение лица человека, благодаря же часто повторяющимся в альбомах общих друзей силуэтам или карикатурам на знакомых типическая черта последних врезалась в память не менее прочно, чем бесконечно воспроизводимые изображения давно почивших поэтов и королей (*Примеч В Н*)

тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою по многим моим глупостям». Что же до отношений Пушкина и Рылеева, то велик соблазн поверить не слишком достоверному свидетельству Соболевского, более позднего приятеля поэта. По нему выходит, что около 10 декабря 1825 г. Пушкин услышал о смерти Александра I и решил, в нарушение приказа, приехать в Петербург; остановиться он хотел на квартире Рылеева — далеко не самого близкого своего друга. Приехав, он бы как раз успел, в роли сочувствующего, принять участие в событиях 14 декабря; но дорогу перебежал заяц, и Пушкин вернулся. Если все это правда (в чем нет уверенности), то «быстрый заяц», вестник беды, изящно соединяет пушкинский рассказ о суеверных страхах Татьяны и задумчиво вычерченные профили мятежников (в тетради 2370), к которым поэту не пришлось присоединиться.

- 11 *Холоднокровный генерал...* — может означать флегматичного, не отличающегося умом, но мужественного и либерально настроенного генерала Второй армии Алексея Юшневского (1786—1844), приятеля Пестеля.

Варианты

Возможное чтение стиха 12 начинается с зачеркнутых слов:

Там Р ..

«Р» может расшифровываться и как «Русский», и как «Рюмин», — подпоручик Михаил Бестужев-Рюмин, отчаянный храбрец, один из пяти повешенных декабристов.

Еще один зачеркнутый стих:

В союз славянов вербовал. —

может быть вариантом 10-го или 11-го.

XVIII

- 2 *Между Лафитом и Кликко...* — Галлицизм, *entre deux vins**, означающий «непринужденно», «за бокалом вина».
- 8 *Забавы взрослых шалунов...* — Комментарии Бродского к строфе XVIII — бесстыдный фарс. В подобострастном старании доказать, будто Пушкин был пламенным революционером, этот советский лизоблюд решил воспользоваться не «эстетическим» или «текстологическим» методом, а «историческим» или «идеологическим», с помощью коего он и приходит без труда к заключению, будто данная строфа должна была предшествовать строфе XIV и, таким образом, в исторической последовательности описывать рудименты декабристского движения (в 1934 г. покойный Томашевский осмелился нанести несколько сокрушительных ударов по подтасовкам Бродского). Бродский нашептывает, что «забавы» на языке Пушкина означают «любовь» и «вдохновенье», а «шалун» (фр. *polisson*) на том же языке означает «революционер» и «философ»; в результате

* Быть навеселе (дословно — «между двумя винами») (фр.).

пушкинские «забавы взрослых шалунов» превращаются в идиотские «любовь и вдохновенье взрослых философов».

В 1824 г., вероятно в мае, Вяземский писал из Москвы Пушкину в Одессу: «Ты довольно... подразнил [правительство], и полно! А вся наша оппозиция ничем иным ознаменоваться не может, que par des espiègleries [как только проказами]. Нам не дается мужествовать против него: мы можем только ребячиться. А всегда ребячиться надоест».

Варианты

Строфа XVIII явно не окончена, и это заставляет думать, что всего написано было не более восемнадцати строк. Ее следование за строфой XVII очевидно. Пушкин явно намеревался начать строфу словами «Все это было...» и дальше перечислять: разговоры за вином, «куплеты, дружеские споры» (отвергнутое чтение стиха 3) и пр. Затем он заменил в стихе 1 «разговоры» на «заговоры», а в 3-м написал «Все это были разговоры», но затем зачеркнул первые два слова.

Еще одно отвергнутое чтение в стихе 5: вместо окончательной «мятежной науки» было «мятежное мечтанье», рифмовавшееся с отвергнутым вариантом в стихе 6 «Все это было подражанье», позже исправленное на «Все это было только скука».

Остаток строфы состоит из разрозненных слов. Расшифровке поддаются «Везде беседы недовольных... Узлы... И постепенно сетью тайной... Наш царь дремал».

К этому тексту десятой главы можно прибавить еще одну строфу или часть строфы (вдоль центральных стихов которой, в белой рукописи «Путешествия Онегина», V, Пушкин провел вертикальную черту и рядом со стихом 10 пометил: «в X песнь»). Можно предположить, что строфа XVIII гл. 10 завершала хронику событий, приведших к образованию тайных обществ, и Пушкин снова возвращался к Онегину (которого оставил в Петербурге, после сцены с Татьяной, в «романном» апреле 1825 г.). После связующей строфы (условно «гл. 10, XIX») роман мог продолжаться так (условно «XX»):

Наскуча или слыть Мельмотом,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся раз он патриотом
4 Дождливой, скучною порой.
Россия, господа, мгновенно
Ему понравилась отменно,
И решено. уж он влюблен,
8 Уж Русью только бредит он,
Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой,
С ее развратной суетой
... ..

После чего Онегин мог сойтись с декабристами и 14 декабря 1825 г. быть свидетелем восстания.

Дополнения к комментарию к «десятой главе»

Согласно Томашевскому («Десятая глава», с. 378—420), относящийся к «десятой главе» материал, в том виде, в каком он хранился в 1934 г. в ленинградском Институте русской литературы (Пушкинский дом), состоит из двух рукописей (далее именуемых «зашифрованная рукопись» и «черновая рукопись»), в 1904 г. переданных в рукописный отдел Академии наук в Петербурге Александрой Майковой, вдовой Леонида Майкова, ученого, начавшего новое издание сочинений Пушкина, и получивших номера 57 (зашифрованная рукопись) и 37 (черновая). Вот их описание.

Зашифрованная рукопись. Половинный лист, зарегистрированный (в 1934 г.) под индексом ИРЛИ 555 и (в 1937 г.) под индексом ПД 170, сложенный пополам, с колонками строк, представляющих собою 63 разрозненных стиха на внутренней стороне обеих четвертей листа: 32 стиха на правой стороне и 31 на левой. Бумага имеет водяной знак 1829 г., полицией (в 1837 г.) красными чернилами проставлены номера страниц: 66 и 67. (На фотографии, публикуемой Томашевским, цифра 67 видна на правой странице непосредственно под стихом 11.)

Черновая рукопись. Четвертной лист сероватой бумаги с водяным знаком 1827 г., зарегистрированный под индексами ИРЛИ 536 (1934 г.) и ПД 171 (1937 г.), содержит черновик трех онегинских строф: двух (вторая не окончена) на одной стороне (далее называемой «верхней»), с номером 55, проставленным полицией посередине левого поля, и еще одной, третьей (неоконченной), на другой стороне (далее называемой «нижней»). В моей версии эти строфы имеют номера XVI, XVII и XVIII.

В 1910 г. неуклюжий пушкинский шифр легко разгадал П. Морозов*; дальнейшая работа над текстом была проделана Лернером в его примечаниях к VI тому венгерского издания сочинений Пушкина (1915), Гофманом в статье «Пропущенные строфы „Евгения Онегина“» (*П. и его совр.*, 1922, IX, вып. 33—35, с. 311—317, и Томашевским в его великолепной статье в *Лит. насл.*, т. 16—18. Мои выводы отличаются от выводов Томашевского и других комментаторов, в особенности Бродского. Как я сейчас объясню, я исходил из того, что стихи в зашифрованной рукописи разбиваются не на шестнадцать (как было принято считать), а на семнадцать строф. Изучение фотоснимков зашифрованного текста в книге Томашевского выявляет следующее.

Правая страница

Колонка из шестнадцати строк толстым, с нажимом, пером (далее «перо 1»), содержащая начальные стихи строф I—X и XII—XVII.

Под ней, отделенная горизонтальной чертой, еще одна колонка, написанная более мелким почерком и более тонким пером (далее «перо 2»), содержащая вторые строки строф I—IX.

На левых полях, тем же пером 2, две группы строк, записанных параллельно полям; нижняя из этих групп содержит вторые строки строф X, XII—XIV, а верхняя — вторые строки строф XV—XVII.

* Морозов П. Шифрованное стихотворение Пушкина. — *П. и его совр.*, 1910, IV, вып. 13, с. 1—12. (Примеч. В. Н.)

Левая страница

Колонка из двадцати семи строк пером 2 на левой стороне страницы, содержащая третьи строки строф I—IX и XI—XVII; за ней идут (без пробела и без черты) четвертые строки строф I—IV, VI—IX и XI—XIII.

Колонка из четырех строк более крупным почерком и толстоватым, без нажима, пером (далее «перо 3») вверху справа, содержащая то, что я считаю пятыми строками строф IV, VI, VIII и XI.

Проследим теперь, как Пушкин шифровал текст.

Некоторые слова он не дописывал; некоторые опускал целиком или пользовался символическими сокращениями, — например, заглавное «Z» означало «царь». В моем воспроизведении текста зашифрованной рукописи и в его переводе все такие опущения, а также их перевод на английский и мои комментарии взяты в квадратные скобки; сомнительные чтения помечены вопросительным знаком. Зачеркнутые чтения, как всегда, даны в угловых скобках. Чтобы не слишком запутать нерусскоязычного читателя, для которого и предназначены мои заметки, я в двух случаях отступил от научного подхода: у меня не сохранены орфографические ошибки Пушкина и сливающиеся слова, а транскрипция, как и во всем комментарии, исходит из новой русской орфографии, а не из написаний пушкинской эпохи. Предполагаемый адрес строки в тексте главы дан римской (строфа) и арабской (стих) цифрами; эти цифры вместе взяты в квадратные скобки.

Правая страница, перо 1

[I, 1]	Вл[адыка] слабый и лукавый
[II, 1]	Его мы очень смирн[ым] знали
[III, 1]	Гроза 12 [двенадцатого] года
[IV, 1]	Но [Бог?] помог — стал ропот ниже

«Бог» написано очень неразборчиво; и если принять это чтение, интонация стиха несколько противоречит тону III, 4. Однако другие односложные слова, например «бес» или «рок», по написанию подходят так же плохо.

[V, 1]	И чем жирнее тем тяжеле
[VI, 1]	Авось, о Шиболет народный
[VII, 1]	Авось аренды забывая
[VIII, 1]	Сей муж судьбы, сей странник бранный
[IX, 1]	Тряслися грозно Пиринеи
[X, 1]	Я всех уйму с моим народом

Следующую строку, XI, 1, Пушкин случайно пропустил и, как мы увидим в следующей группе, пропустит и вторую строку той же строфы. Правда, он не забудет включить остальные стихи этого четверостишия в группы третьих и четвертых строк, но зато выпустит третью и четвертую строки строфы X.

[XII, 1]	Потешный полк Петра Титана
[XIII, 1]	Р. Р. [Россия] снова присм[ирела]

К концу строфы X наш поэт стал невнимателен. Возможно, сначала он собирался зашифровать первые строки первых десяти строф, а затем перейти ко вторым строкам. Однако потом решил продолжить работу с остальными первыми строками и сделал первую ошибку, пропустив XI, 1. И вот — вторая

ошибка. При такой работе, особенно когда она делается по памяти, как, несомненно, было в этом случае, разум быстро утомляется — столь велико различие между восприятием живых стихов и их же восприятием при механической инвентаризации. К Пушкину более естественно всегда приходило «течение» четырехстопного ямба (то есть ямба со скадом на третьей стопе), а не «медленный» ямб (со скадом на второй стопе), поэтому, наскучив шифрованием, он автоматически вместо «медленного» стиха «Россия присмирела снова» написал «Россия снова присмирела» (разумеется, уничтожив рифму). Думаю, что эту ошибку он заметил не сразу, а позже, когда просматривал уже зашифрованную колонку, проверяя, не выпустил ли первую строку строфы XI. Обнаружив ошибку в XIII, 1, он забыл, что хотел проверить. Дальше получилось любопытно: первым движением Пушкина было зачеркнуть два слова («снова присм»), однако глаз его сбился на похожее слово «свой» строчкой ниже (XIV, 1), и именно это слово вместе со следующим он и зачеркнул несколькими торопливыми штрихами. Затем, заметив ошибку, он поднялся ступенькой выше, к требующей исправления XIII, 1, подправил запись, почетче прорисовав первую букву (поставив еще одно «Р.» перед не очень четким первым), и, вместо того чтобы исправить «снова присмирела», нацарапал над словом «снова» двойку, означающую, что оно должно идти после «присмирела».

- [XIV, 1] У них <свой бывали> сходки
[XV, 1] Витийством резким знамениты
[XVI, 1] Друг Марса, Вакха и Венеры
[XVII, 1] <Но т[ам]> Так было над Невою льдистой

Здесь Пушкин снова оплошал. Он думает уже о второй группе строк и вместо XVII, 1 начинает писать XVII, 2 («Но там, где ранее весна»). Потом замечает ошибку и зачеркивает написанное: первое слово 2-й строки и первую букву следующего слова. Закончив, как ему кажется, 1-ю группу, он подводит черту под XVII, 1 и принимается за 2-ю группу. Но, записав три начальные буквы слова «плешивый», то есть начало I, 2, он утомился (или был чем-то отвлечен) и работу над 2-й группой отложил. Возобновляется она другим пером (перо 2). Почерк становится мельче и тоньше, многие слова слиты или недописаны.

Правая страница, перо 2

- [I, 2] Плешивый щеголь, враг труда

Перо 1 меняется на перо 2 после «пле», в рукописи это очень заметно.

- [II, 2] Когда ненаши повара

В этой строке и в двух следующих заметна особенность, 1-й группе стихов не свойственная: слитное написание слов, «ненаши» вместо «не наши», «искоро» вместо «и скоро», «яоду» вместо «я оду».

- [III, 2] Наст[ала] — кто тут нам помог?
[IV, 2] И скоро сило[ю] вещей
[V, 2] О Р[усский] глуп[ый] наш на[род]
[VI, 2] Тебе б я оду посвятил
[VII, 2] Ханжа запретс[я] в монастырь

- [VIII, 2] Пред кем унизились Z [цари]
[IX, 2] Волкан Неаполя пылал

Здесь поэту уже не хватало места, но он хотел уместить 2-ю группу строк на одном листе с 1-й (которую продолжил до этого места) и поэтому перешел на левые поля, где записал, перпендикулярно центральной колонке, следующие строки, тоже двумя параллельными колонками.

Правая страница, перо 2, нижняя часть левых полей

- [X, 2] Наш Z [царь] в конгр[ессе] говорил

Строка XI, 2 пропущена — вероятно, как следствие случайного пропуска XI, 2.

- [XII, 2] Дружина старых усачей
[XIII, 2] И пуще Z [царь] пошел кутить
[XIV, 2] Они за чашею вина

Правая страница, перо 2, верхняя часть левых полей

- [XV, 2] Сбирались члены сей семьи
[XVI, 2] Тут <бес> Л[унин] дерзко предлагал

Здесь Пушкин снова допускает опisku и снова исправляется. Вместо «Тут Лунин» он начинает писать XV, 3, «У бес», то есть «У беспокойного». Заметив, зачеркивает «бес», но оставляет «У» для слова «Тут», подставив по бокам два «т». Характерно, что эти огрехи встречаются под конец каждой группы, когда мысль и утомляется, и забегает в следующую группу строк. Это утверждает меня в уверенности, что Пушкин работал по памяти. Подсознательно ему могло мешать и то, что он вспоминал об аналогичных ошибках, сделанных в 1-й группе — там, где XVII, 1 переплелась со следующей строкой.

- [XVII, 2] Но там где ране[e] весна

Продолжение левой колонки на левой странице, перо 2

- [I, 3] Нечаянно пригретый Славой
[II, 3] Орла двуглавого щипали
[III, 3] Остервенение народа
[IV, 3] Мы очутились в Па[риже]
[V, 3] Скажи, зачем же в самом [деле]
[VI, 3] Но стихоплет Великородный
[VII, 3] Авось по манью [Николая]
[VIII, 3] Сей всадник Папою венчаный
[IX, 3] Безрукий К[нязь] друзьям Морей

Теперь Пушкин случайно пропускает строку 3 строфы X.

- [XI, 3] А про тебя и в ус не дует
[XII, 3] Предавших некогда [тирана]
[XIII, 3] Но искры пламени иного
[XIV, 3] Они за рюмкой русской водки
[XV, 3] У беспокойного Никиты
[XVI, 3] Свои решительные меры

- [XVII, 3] Блестит над К[аменкой] тенистой
[I, 4] Над нами Z-вал [царствовал] тогда
[II, 4] У Б[онапартова] шатра
[III, 4] Б[арклай], зима иль P[усский] [Бог]
[IV, 4] А P[усский] Z [царь] главой Z [царей]

Пушкин случайно выпустил V, 4.

- [VI, 4] Меня уже предупредил
[VII, 4] Семействам возвратит C[ибирь]
[VIII, 4] Исчезнувший как тень зари
[IX, 4] Из K[ишинева] уж мигал

X, 4 пропущена, вероятно вслед за пропуском X, 3.

- [XI, 4] Ты A[лександровский] холоп
[XII, 4] Свирепой шайке палачей
[XIII, 4] Уже издавна может быть

Здесь Пушкин остановился. Это все, что у нас есть из 4-й группы. Однако через некоторое время он добавил, на этой же странице, следующие строки, относящиеся к 5-й группе.

Правая колонка на левой странице, перо 3

- [IV, 5] Моря достались Альбиону
[VI, 5] Авось дороги нам испр[авят]
[VIII, 5] Измучен казнию покоя
[XI, 5] Кинжал Л[увеля] тень B[ертонa]

Мне кажется, Пушкин собирался усложнить кодирование пятых строк: начать строфы IV, затем записать следующую, затем одну пропустить, затем пропустить две и т. д. (IV, 5; V, 5; VII, 5; X, 5). Однако шифровальщиком наш поэт был никудышным, и план его провалился. Когда Пушкин сверял набор четвертых строк, он не заметил, что пропустил строфы V и X, и из-за этого, записывая пятые строки строф IV, V, VII и X, он на самом деле взял их из строф IV, VI, VIII и XI. Я также предполагаю, что скоро поэт понял, что с его шифром что-то всерьез неладно, страшно разозлился и забросил это занятие.

В 1831 г., через год после уничтожения «десятой главы», Пушкин исключил из *ЕО* «Путешествие» как «Главу осьмую», а «Большой свет» переработал, поставив его на место этой главы. Я думаю, что никаких строф «десятой главы», помимо зашифрованных, не существовало, а строфа XVIII не была зашифрована по той простой причине, что не была закончена. Александр Тургенев упоминает описание Пушкиным «Возмущения», что заставило Томашевского предположить, будто Пушкин на самом деле описал — в не дошедших до нас строфах — *coup d'état** 14 декабря 1825 г. Я считаю, что под «Возмущением» следует понимать конкретные приготовления и общее беспокойство, описанные в строфах, до нас дошедших. Из пушкинской пометки «сожжена X песнь» не обязательно следует, что глава была написана более чем на одну треть.

Томашевский также утверждает в примечании к своей статье 1934 г. в *Лит насл*, что «подобный порядок шифровки совершенно исключает возможность

* Государственный переворот (*фр*).

записи наизусть. Перед Пушкиным, конечно, лежала перебеленная рукопись шифруемых строф». Вероятно, Томашевский просто не пытался повторить процедуру. Любой человек с нормальной вербальной памятью в состоянии удержать в уме семнадцать строф (238 стихов). Я проэкспериментировал с теми отрывками из *ЕО*, которые помню наизусть. Первые и вторые строки, как и целиком начальные четверостишия с их некоторой автономностью, сложности не представляют; начиная с пятых строк внимание становится вялым, накапливаются ошибки. Мне представляется, что Пушкин сел шифровать текст не до того, как сжег все дописанные строфы «десятой главы» (19 октября 1830 г.), а вскоре после того, как читал их наизусть Александру Тургеневу (в начале декабря 1831 г.), то есть тогда, когда засомневался, что сможет сохранить их в памяти. И действительно, когда он принялся пропитывать «десятую главу» мумифицирующим шифром, середины строф — самая уязвимая часть — могли уже вспоминаться нечетко. В нескольких случаях, когда главу цитируют слушавшие ее, возникают варианты; этот странный факт заставляет предположить, что Пушкин то тут, то там по ходу живого чтения подменял забытые слова. И наконец, я считаю, что только отсутствие перед глазами письменного текста способно объяснить пушкинские ошибки. Особенно характерна перестановка слов в XIII, 1; вряд ли она была бы возможна, если бы Пушкин писал с текста.

Вставляй в просторную <?> вместительную раму
Картины новые — открой нам диораму
Привалит публика, платя тебе за вход —
8 (Что даст еще тебе и славу и доход)

С

В мои осенние досуги,
В те дни, как любо мне писать,
Вы мне советуете, други,
4 Рассказ забытый продолжать
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Роман не конча прерывать,
8 Отдав его уже в печать,
Что должно своего героя
Как бы то ни было женить
По крайней мере уморить,
12 И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон

Вы говорите «Слава Богу,
Покамест твой Онегин жив,
Роман не кончен — понемногу
4 Иди вперед, не будь ленив
Со славы, вняв ее призыванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью —
<Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
И келью и харем
И с нашей публики <меж тем>
12 Бери умеренную плату,
За книжку по пяти рублей —
Налог ие тягостный, ей<-ей>»

Б, 4 *диорама* — Словарь Вебстера дает такое толкование: «способ видового изображения, придуманный Дагером и Бутоном, при котором на живописную (полупрозрачную) картину смотрят с некоторого расстояния через отверстие. Сочетание прозрачного и светонепроницаемого живописного изображения, переданного и отраженного света и использование таких приспособлений, как экраны и заслонки, создает разнообразные видовые эффекты» (все вышесказанное справедливо и для *ЕО*).

Луи Жак Манде Дагер (1789—1851) устроил первую диораму в Париже в 1822 г. В ноябре 1829 г. диорама была показана в Петербурге, отсюда и актуальность стихов. Зритель сидел в будке, вращавшейся медленно, с легким скрежетом, не приглушенным еще тогда тихой музыкой, — так он отправлялся в путешествие по Риму, Египту или на Чимборасо, «самую высокую гору в мире» (высотой, между прочим, всего 20 577 футов).

В Акад. 1948, т. 5 Бонди, редактор этого тома («Поэмы, 1825—1833»), основываясь на исследованиях М. Гофмана («Пропущенные строфы») и Б. То-

машевского («Неизданный Пушкин». СПб., 1922, с. 89—91), публикует под условным названием «Езерский» вереницу из пятнадцати строф онегинского типа, из которых II—VI, отрывки VII, VIII, IX (составленные так, чтобы образовать две строфы) и X были напечатаны Пушкиным в «Современнике» за 1836 г. и названы «Родословная моего героя» с подзаголовком «Отрывок из сатирической поэмы». Главный герой — современник Пушкина, потомок тысячелетней династии воинов и бояр, родоначальниками которой были варяжские вожди, вторгнувшиеся, согласно преданиям, на русские земли и давшие Руси первых князей. Поэма производит потрясающее впечатление, это один из величайших шедевров Пушкина, отражающий, кроме всего прочего, историографические склонности нашего поэта в последние годы жизни. Пушкин начал ее в самом конце 1832 г. и впоследствии возвращался к ней в 1835 и 1836 гг. Беловая рукопись находится в собрании автографов, сшитых полицией в тетрадь (ПБ 2375, л. 23—28 об.), за исключением четырех строф, содержащихся в ПД 194.

У деда Ивана Езерского было двенадцать тысяч душ, отцу же досталась лишь восьмая часть — «и та сполна / Была давно заложена». Сам Езерский жил жалованьем и служил чиновником в скучной должности коллежского регистратора (14-го, самого низшего класса) в каком-то департаменте в Петербурге.

<...>*

Вот комментарии к отрывкам из этой поэмы.

I

Первая строфа очень близка началу «Медного всадника» (1833), которое я цитирую в моем коммент. к гл. 8, XXXIX, 7.

- 9 В беловой рукописи (ПД 194) Пушкин, возможно осенью 1835 г., стал менять фамилию «Езерский» на «Евгений» и «Онегин» (Акад. 1948, т. 5, с. 419) — II, 1:

Начнем *ab ovo* мой Евгений...

III, 4—5:

Отсель фамилию свою
Ведут Онегны

V, 6:

Тогда Онегины явились

Интересно, знал ли Пушкин, что среди польских дворян были Езерские, чей род прослеживается до XVI в., с одной ветвью, идущей из Киева.

II

- 7 «Софийский хронограф» — так называемый «Софийский временник» («Софийские летописи») XV в., летописный свод, хранящийся в Софийском Доме, вотчине новгородского епископа.

- 8 *Ольга* — великая княгиня киевская, середина X в. (ум. 969)

* Здесь следует перевод отрывков из «Езерского» на английский язык, выполненный В Набоковым (Примеч ред)

III

- 3 ...*лавра*... *Печерская* — Киево-Печерская лавра, расположена в южной части Киева, основана в XI в.

V

- 2 *Романов* — царь Михаил Федорович (правил в 1613—1645).

XIII—XIV

Иное и не столь совершенное выражение той же мысли находим в черновике (тетрадь 2384), которым современные редакторы произвольно заполняют пробел неоконченной повести Пушкина «Египетские ночи» (осень 1835 г.).

Закончив строфу XV, Пушкин попытался продолжить поэму и превратил потомка варягов в бедного чиновника в «зеленом фраке побелелом» (отвергнутый черновик, 2375, л. 36). Воображение тут же рисует гоголевского Башмачкина, созданного несколькими годами позже (и имевшего более низкое происхождение): «Вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвета». И вот этого-то потертого молодого человека, предтечу Башмачкина, Пушкин, поразмыслив, сделал героем «Медного всадника». Вот как возвращается домой герой «Медного всадника» Евгений (ч. I, стих 28):

Страхнул шинель, разделся, лег.

В черновике этой поэмы (2374, л. 10 об.) строки, соответствующие стихам 24—26, звучат следующим образом:

Он был чиновник небогатый
Безродный, круглый сирота
Лицом немного рябоватый..

В повести Гоголя «Шинель», начатой не раньше 1839 г. в Мариенбаде и законченной в 1840 г. в Риме (первое издание — 1842 г.) Акакий Башмачкин тоже «несколько рябоват», да еще и «несколько рыжеват».

ТРУД*

Миг вожденный настал окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой годвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату принявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

* Пушкинская датировка стихотворения: «Болдино, 25 сент., 1830, 3-15». Переведено на английский язык через сто двадцать шесть лет в Итаке, штат Нью-Йорк. (Примеч. В. Н.)

ПРИМЕЧАНИЯ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Вступление переводчика

¹ Место действия деревенских глав *ЕО* Набоков помещает, если строго следовать его указаниям, на территорию Тверской области, недалеко от границ ее с Псковской и Смоленской, буквально туда, согласно с указанным пересечением координат, где река Велеса впадает в Западную Двину. Однако, если расстояние до этого места в милях от Москвы и Михайловского указано правильно, то от Петербурга оно значительно больше — примерно 400 миль (в комментарии к XXXV строфе седьмой главы Набоков правильно называет именно эту цифру; см. также наше примечание 3 к главе первой).

² У Пушкина в XLIII строфе четвертой главы упомянут Вальтер Скотт: «Читай: вот Прадт, вот W. Scott». Набоков же пишет о романе «Уэверли», первом романе В. Скотта, который появился в 1814 г. анонимно и в дальнейшем до 1827 г. другие романы выходили как сочинения автора «Уэверли». Первый русский перевод этого романа появился только в 1827 г. Хотя некоторые из романов В. Скотта и были ко времени создания четвертой главы переведены на русский язык («Легенды о Монтрозе» в 1822—1824 гг., «Пуритане», «Гай Мэннеринг» в 1824 г. и др.), но читать их предпочитали все-таки во французских переводах. Весь цикл этих романов принято называть по названию первого романа — «Уэверли».

³ Поскольку Ольга вышла замуж за улана, то есть кавалерийского офицера, то им не мог быть ротный командир из гл. 5, XXVIII, так как рота — это воинское подразделение в пехоте, в кавалерии ему соответствует эскадрон.

⁴ Г. Р. Державин «благословил» Пушкина в 1815 г., в 1816-м он уже скончался, в 1817-м же Пушкин окончил Лицей.

⁵ Явно споря с Набоковым, но не называя его, Ю. М. Лотман во «Введении» к своему комментарию пишет: «Март 1825 г. — конец романа» и продолжает: «XXXIX строфа восьмой главы рисует мартовский пейзаж Петербурга». После этого он отсылает читателя к собственно комментарию слов «На синих, иссеченных льдах»: «Зимой на Неве заготавливали большие кубы льда для ледников. С наступлением мартовских оттепелей их развозили на санях покупателям» (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 23, 368). Набоков как коренной петербуржец помнил, что таяние и развоз льда происходили и позднее, то есть в апреле, когда родился Набоков и имел особенное пристрастие к этому месяцу года.

Глава первая

¹ *Ирландец по матери (О'Рейли)* — Набоков не просто сообщает читателю факт ирландского происхождения Вяземского по материнской линии, но связывает с этим происхождением источник его острословия — черты, традиционно отличающей ирландцев с их родовым кельтским богатством воображения и юмором.

² О ветке увядшего гелиотропа, лежащей у него на письменном столе в память об Анне Петровне Керн, Пушкин пишет в письме Анне Николаевне Вульф 21 июля 1825 г.

³ Одна английская сухопутная миля, употребляемая и в США, равна 1,609 км. Расстояние в 250 миль (или 402,250 км) от Петербурга можно было преодолеть за день-другой, как это делал Пушкин, но за тот же срок покрыть расстояние в 400 миль (или 643,6 км) было невозможно. Потому, как бы Набокову ни хотелось поместить место действия деревенских глав *ЕО* на параллель американского Петербурга, расчет, к которому писатель прибегает, этому противоречит. (В США существует двенадцать городов в разных штатах с названием Петербург. Координаты Петербурга на Аляске — 56,49 N; 132,58 W.) Ср. собственный комментарий Набокова к черновому варианту стиха 12 той же первой главы («Но проскакав поболее суток...»): «На почтовых лошадях расстояние в двести с небольшим миль действительно можно было проехать за сутки».

⁴ Савой (Саввой) называли по-семейному двоюродного деда Пушкина Исаака Абрамовича Ганнибала в память Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского, привезшего в Россию Абрама Петровича Ганнибала. Памятна была Пушкину и соседняя с Михайловским любимая им Савкина горка.

⁵ Имеются в виду французские переводчики и подражатели итальянских поэтов Торквато Тассо, автора поэмы «Освобожденный Иерусалим», и Лудовико Ариосто, автора поэмы «Неистовый Роланд».

⁶ Так впервые в комментарии Набокова всплывает имя первого советского комментатора *ЕО*, которого вполне заслуженно отсюда и впредь он подвергает жестокой критике. Набоков пользовался следующим изданием: *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителя. М., 1950 (первое издание — 1932). Набоков отвергает конъюнктурное толкование слова «педант» у Бродского, но безусловно никакой типографской ошибки в этом стихе нет. Во всех окончательных вариантах последовательно читается именно «но», что как раз и соответствует толкованию слова «педант», которое дает Набоков: человек, выставляющий напоказ свою ученость. Таким Онегин представляется в глазах света, уровень образованности которого тем самым подвергается иронической оценке по сравнению с поверхностной ученостью юного Евгения. Неслучайно в первом черновом варианте читаем:

На зло суду Зоилов строгих —
Конечно не был он педант

⁷ Набоков отсылает к роману Флобера «Госпожа Бовари», где под *espri-fort* подразумеваются самоуверенный пошляк г-н Родон, возлюбленный Эммы Бовари, ее убогий супруг лекарь Бовари и аптекарь Оме — воплощение воинствующего мещанства.

⁸ Последовательное обличение Набоковым пошлости во всех ее проявлениях включает на этот раз в свою орбиту самодовольного и педантичного пресвитерианского судью сэра Гудибраса, героя одноименной поэмы английского поэта Сэмюэла Батлера (1612—1680).

⁹ Имеется в виду Феокрит. Идиллия V: «Комат и Лакон».

¹⁰ Бион Смирнский — греческий поэт II в. до н. э., чьи буколики дошли до нас под именем Феокрита.

¹¹ Набоков употребляет турецкое название Аккерман (1484—1918 и 1940—1944) и румынское Четатя Алба (1918—1940) нынешнего г. Белгород-Днестровского.

¹² Говоря о 16-строчном стихотворении «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...») Набоков имеет в виду переработанную его редакцию 1828 г.,

напечатанную Пушкиным впервые в «Московском вестнике» (1828, ч. XI, № 17. С. 4—5) под заглавием «К К. 1817». П. П. Каверин получил от Пушкина первую редакцию стихотворения в 31 строку (автограф не сохранился, но был фототипически воспроизведен в книге Ю. Н. Щербачева «Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин» (М., 1913). Она была впервые опубликована без ведома Пушкина М. А. Бестужевым-Рюминым в альманахе «Северная звезда, 1829» (СПб., 1829. С. 295—296).

¹³ Набоков вольно цитирует статью Ф. В. Булгарина «Литературные новости», где говорится о «нескольких стихах из „Онегина“, которые завезены сюда в уме и продиктованы наизусть» (Литературные листки. 1824. № IV. С. 148).

¹⁴ Граф В. В. Шереметев был ранен на дуэли с Завадовским не в грудь, а в живот. Каверин же якобы произнес: «Вот те, Вася, и репка».

¹⁵ Помимо четырех претенденток-«прототипов», разбираемых Набоковым, таковыми почитались и отвергались в разное время еще несколько: Е. П. Бакунина (ее кандидатуру напрочь отверг Ю. Н. Тынянов), Е. А. Карамзина, М. А. Голицына (внучка А. В. Суворова), Каролина Собаньская (эта версия, выдвинутая в 1977 г. М. И. Яшиным, Набоковым никак учтена быть не могла), С. С. Потоцкая-Киселева, Амалия Ризнич, Калипсо Полихрони.

¹⁶ В отношении года рождения М. Н. Волконской существуют три версии: 1805 (на основании ее собственноручных «Записок», свидетельства ее внука и стихов князя А. И. Одоевского «Княгине М. Н. Волконской. В день ее рождения»), 1806 (на основании «Записок» сына, князя М. С. Волконского, и приведенного Набоковым указания А. Веневитинова), 1807 — наименее вероятный (Модзалевский Б. Л. Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 43). Набоков останавливается на дате, названной сыном княгини. Умерла Волконская 10 августа 1863 г. по ст. ст.

¹⁷ Набоков в характерной для него манере многоязычной семантической игры объясняет путаницу в «именовании» Венеры Екатериной созвучностью инвариантных имен и сходством различных транслитераций. «Kitti R., — тезка звезды Кутерга», — замечает Набоков. «Екатерина» в переводе с греческого «всегда чистая»; в повседневном наименовании Катерина — производное от греческого Катарос — «чистый». По ср.-греч. (византийски) «Катарос» читается как «Кафарос», то есть оказывается созвучным с Киферой (Цитерией, Цитерой) — одним из прозваний Афродиты, Венеры, Киприды (Киприс) от названий островов Кифера (Цитера) и Кипр — центров культа богини, рожденной из морской пены. Комизм этой путаницы заключается в том, что юная дева Екатерина, то есть чистая (беспорочная), уподобляет себя Венере — богине чувственной любви.

¹⁸ В настоящее время эта тетрадь хранится в рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) в Петербурге под новым шифром ПД 832.

¹⁹ Братья Александр и Кирилл Николаевичи Зубовы были выпущены из Муравьевского училища колонновожатых 21 января 1823 г. и только тогда были откомандированы в Бессарабию, где у одного из них и состоялась дуэль с Пушкиным предположительно летом (май — июнь) 1823 г. (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826. Сост. М. А. Цявловский. 2-е изд. Л., 1991. С. 236, 348, 668). Источником сведений об этой дуэли являются воспоминания И. П. Липранди, в которых год, когда она состоялась, не назван. Эти воспоминания были, несомненно, знакомы Набокову, а сведения о времени

окончания братьями Зубовыми училища и затем приезда в Кишинев известны не были.

²⁰ Точнее — Пушкин уехал из Одессы в Михайловское утром 1 августа 1824 г., о чем пишет княгиня В. Ф. Вяземская мужу в тот же день: «Приходится начать с того, что меня занимает сейчас более всего, — со ссылки и отъезда Пушкина, которого я только что проводила...» (см.: Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // Прометей. М., 1975. Т. 10. С. 30). Это уточнение, не меняющее, впрочем, сути дела, Набокову не могло быть известно.

²¹ Современные текстологические исследования доказали правоту рассуждений Набокова, которому рукописи доступны не были. С. А. Фомичев, исследовавший тетрадь ПД 835 (ранее ЛБ 2370), датирует строфу «Я помню море пред грозою...», писавшуюся первоначально для третьей главы романа, а затем перенесенную в первую, промежутком между 22 мая и 2 июня 1824 г. (см.: Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 (из текстологических наблюдений). // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 39).

²² Толстой Я. Н. Мое праздное время, или Собрание некоторых стихотворений. СПб., 1825. С. 47—48.

²³ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 326.

²⁴ Рукою Пушкина. М.; Л., 1936. С. 90.

²⁵ В статье «Байрон» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 11. С. 276. Далее — ПСС.)

²⁶ Рукою Пушкина. С. 101.

²⁷ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 239.

²⁸ Набоков имеет в виду стихотворение В. Ходасевича «Брента», завершённое 17 мая 1923 г. и вошедшее в сборник «Путем зерна». Стихотворению предпослан эпиграф из *ЕО*:

Адриатические волны!
О, Брента!

Стихотворение открывается стихами:

Брента, рыжая речонка!
Сколько раз тебя воспели,
Сколько раз к тебе летели
Вдохновенные мечты —
Лишь за то, что имя звонко,
Брента, рыжая речонка,
Лживый образ красоты

²⁹ В приведенной хронологии допущены некоторые неточности.

³⁰ Пушкин не бывал в тверских имениях Вульфов в 1827 г., но заезжал на два дня (20—22 августа) в 1833 г.

³¹ Этим комментарием Набоков противоречит собственному комментарию к строфе I, где расстояние от Петербурга до ларинской деревни указано в 250 миль, но вместе с тем сказано, что она расположена в 150 милях на юго-восток от Михайловского; 285 миль равны 458,565 км, в то время как Михайловское расположено в 400 км от Петербурга. Расстояние до ближайшего города Новоржева от Михайловского составляет всего 20 миль.

³² Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 114.

³³ Языковский архив. СПб., 1913. Вып. 1. С. 176.

³⁴ Там же. С. 187.

Глава вторая

¹ Стремление Набокова восполнить первый стих элегии (само по себе не относящееся к Комментарию романа) не имеет оснований в сохранившихся ее автографах, которые Набокову были недоступны. Поскольку стихотворение не было напечатано при жизни Пушкина, то его позднейшие публикаторы по-своему решали ту же задачу: В. А. Жуковский в 1837 г. дал название «Отрывок» и произвольно изменил первый стих: «Опять на родине! Я посетил...»; П. В. Анненков в 1855-м слова «Опять на родине» вынес в заголовок, восстановив первый стих.

² Пушкин мог иметь в виду еще один календарь, издававшийся ежегодно с 1765 г., с 1802 г. именовавшийся «Месяцослов». В 1808 г. именовался «Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1808-е от Рождества Христова». Он содержал списки чинов государственных и местных учреждений, святцы, астрономические сведения и расписание отправления почты из Москвы и Петербурга. Именно на этот календарь указывает Ю. М. Лотман в своем комментарии к *ЕО*, вовсе не упоминая два названных Набоковым, тем самым отвергая его мнение. Онегин мог увидеть в доме любой из этих трех календарей, но значительно интереснее ответить на вопрос, которым задался Набоков, то есть относительно года его издания. Если старый «Брюсов календарь» еще как-то мог пригодиться в качестве хозяйственного руководства, то пользование устаревшими двумя другими календарями было бессмысленно. «Календарь осьмого года» мог увидеть разве что сам поэт в михайловском доме своего покойного деда, поселившись в нем впервые в 1817 г. Хотя нам известно, что Осип Абрамович Ганнибал умер в октябре 1806 г., Пушкин считал годом его смерти 1807-й, «в своей деревне, от следствий невоздержанной жизни». Календари выпускались заранее осенью предшествующего года, так что последний дедовский реальный календарь мог оставаться в доме «седьмого года», а «осьмого» только в представлении поэта, полагавшего, что дед его скончался в 1807 г.

³ *Батюшков К. Н. Соч.: В 3 т. СПб., 1887. Т. 3. С. 533—534.*

⁴ Уже после написания этой строфы с вариантами «школьник геттингенский» и «мечтатель геттингенский» Пушкин общается в Михайловском с дерптскими студентами Алексеем Вульфом и Николаем Языковым. От них он узнает, что в Дерпте филистером называют многоопытного, зрелого студента. До сих пор слово «филистяне» в Тартуском университете употребляется в том же смысле. Однако для Геттингена слово «филистер» означало только обывателя. Назвав юного Ленского филистером в значении «многоопытный», Пушкин иронизирует над принятием им и норм университетской жизни Геттингена, и поэтов из «Союза дубравы» («геттингенские барды» — И. Г. Фосс, Г. А. Бюргер, братья Ф.-Л. и Х. Штольберги и др., а также их учитель Ф.-Г. Клопшток), чьи стихи, забывшись, и читает он Онегину. После упреков читателей и Булгарина Пушкин понимает, что локальное дерптское значение слова «филистер» ошибочно по отношению к Геттингену. Так появляется на свет окончательный вариант этого стиха. (Подробнее см.: *Телетова Н. К. «Душой филистер геттингенский» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 205—213.*)

⁵ Сюжет, о котором идет речь, изложил римский ученый и писатель Гай Юлий Гигин (ум. ок. 10 г.), вольноотпущенник императора Августа, глава Палатинской библиотеки. Шиллер значительно усложнил исторический сюжет

о двух друзьях — Дамоне и Пифии. Дамон — философ-пифагореец времен Дионисия Сиракузского. Имя его друга Шиллером не названо. Просьба тирана Дионисия принять его третьим в союз верных друзей по версии Гигина отвергнута, в изложении Шиллера — прямого отпора не встречает. Ведущий мотив Шиллера, на который и обращает внимание Набоков, — это мотив дружбы, торжествующей перед лицом смерти.

⁶ Тынянов Ю. Н. Пушкин и Кюхельбекер // Лит. насл. 1934. Т. 16—18. С. 360—361.

⁷ Набоков не мог не знать, что Д. В. Веневитинов умер от простуды после бала, и тем не менее говорит, что он покончил с собой, основываясь на единодушном убеждении современников, что тот сам довел себя до ранней смерти. В предисловии, датированном 1827 г., к первому собранию стихотворений Веневитинова писалось: «Нет сомнения, что причиною преждевременной его смерти были частые, сильные потрясения пылкой, деятельной души его. Они расстроили его внутренний организм, и, наконец, сильная нервическая горячка пресекла в 8 дней юную жизнь его...»

⁸ Эфрос А. Рисунки поэта. М.; Л., «Academia», 1933.

⁹ Дмитриев И. И. «Надписи к портретам». «К портрету» М. Н. Муравьева (1803) // Дмитриев И. И. Соч. М., 1986. С. 230.

¹⁰ Набоков приводит контаминированный вариант черновика и белого варианта, равно не вошедших в окончательный текст. В беловом варианте читаем:

Он пел дубравы где встречал
Свой вечный, милый идеал.

¹¹ Правильно так: в черновом варианте вместо «стихи и проза» читалось «заря и полночь», имелись вариации 5-го стиха — «огонь и лед, заря и ночь», а в беловых рукописях был еще один вариант — «заря и полдень». Сочетание «волна и камень» отсутствовало только в одном из черновых вариантов:

Они понравились друг другу
Огонь и лед, заря и ночь (ПД 834. л. 28).

¹² У Пушкина — «Младой хазарский хан Ратмир». Хазары — тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после гуннского нашествия (IV в.), кочевавший по западноприкаспийской степи и образовавший Хазарский каганат, государство середины VII — начала X в. (территория Северного Кавказа, Приазовья и большей части Крыма, а также степи до Днепра), разгромленное в 964—965 гг. князем Святославом Игоревичем. Большинство хазар поселилось в Персии, часть которой до XVI в. составлял нынешний Афганистан. Монгольская династия Халагуидов правила в Персии в XIII — середине XIV в. Языком хазар, или хазарейцев, и ныне проживающих на территории Афганистана, стал персидский (фарси). Набоковское определение языка, на котором говорит Ратмир, с точки зрения времени действия поэмы (X в. — эпоха князя Владимира Святого) абсурдно, оно относимо к Ратмиру-хазару в качестве героя Пушкина и его современника начала XIX в., когда хазары жили в Афганистане, говорили по-персидски и имели в предках монголов.

¹³ Набоков, не видя рукописей, но разобравшись в принципах игры в фараон и карточной терминологии, оказался прав. В черновом варианте (ПД 834, л. 31), хотя и трудно читаемом вследствие того, что слова густо зачеркнуты, следует

читать «sept et va» (буквально — «семь и ставка»), хотя артикль *le* и опущен Пушкиным. В беловом варианте следует читать, как и предположил Набоков, — «quinze et le va» (буквально — «пятнадцать плюс ставка»), а не бессмысленное «quinze elle va» («пятнадцать она идет»).

¹⁴ Полные названия стихотворений: Пушкина — «К В., сочинителю „Сатиры на игроков“», Великопольского — «К Эрасту. Сатира на игроков» (М., 1828).

¹⁵ Пушкинистам давно известен рассказ Томаса Рейкса (Рэйкса) о знакомстве с Пушкиным, но личность хозяина дома, где оно произошло, удалось правильно установить только Набокову, пополнив тем самым еще одним именем круг пушкинских знакомых. В книге Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1988. С. 375) им предположительно назван барон Егор Федорович Розен. Ошибка эта возникла из-за неправильного прочтения фамилии в ее латинской транскрипции — Rehausen. Учитывая шведское происхождение этого нового знакомого Пушкина, его имя и фамилия по-русски должны писаться — барон Иоган Готхард фон Рехаусен.

¹⁶ Набоков оказывается прав, основываясь не только на своей интуиции, но и на всех известных вариантах этого стиха, записанного рукою Пушкина. В черновом варианте читаем: «Их своеволие, их порывы...» и зачеркнутое — «Их своевольные порывы...» (ПД 834, л. 33). В обоих беловых вариантах также читаем: «Их своеволие, их порывы...» Таким образом, Набоков, опять же не видя рукописей, отметил опечатку, переходящую из одного издания в другое вплоть до настоящего времени.

¹⁷ Набоков прав — при внимательном рассмотрении рукописи можно убедиться, что над зачеркивающей полосой видна самая верхняя часть буквы, не имеющей закругления, как у «е», а прямо начатой сверху вниз, хотя и без точки над ней, но точки нет и над несомненной «і» в начале слова.

¹⁸ Имеется в виду стихотворение «Дубравы, где в тиши свободы...» (ПСС. 1937. Т. 2 С. 63). Стихотворение относят к 1818 г.

¹⁹ Набоков прав — в черновике однозначно прочитывается слово «глазами», а не «очами».

²⁰ В черновом варианте зачеркнуто «единовластно» и вписано «самодержавно». Последний вариант сохранен Пушкиным и в беловых рукописях. Указанные разночтения появляются только в печатных вариантах.

²¹ У Набокова год смерти Вельтмана указан другой — 1860-й.

²² В этой редакции стих «Своим пенатам возвращенный» следует под номером 129.

²³ У Набокова ошибочно указана другая дата — 1792.

²⁴ Речь идет об издании «Евгений Онегин. Роман в стихах сочинения Александра Пушкина с комментариями М. Л. Гофмана, С. М. Лифаря и Г. Л. Лозинского. Под редакцией М. Л. Гофмана. Юбилейное издание» (Париж, 1937). Набоков имеет в виду примечание Лозинского к строфе XXXVIII на с. 311, где процитировано первое предложение отсылки, приводимой Набоковым. «Туманной» определяет Набоков ссылку Лозинского, так как в ней не полностью назван источник. Набоков уточняет его название, дату прочтения и дополнительно делает наблюдение относительно перефразировки Пушкиным последнего предложения цитированного отрывка в стихе «Что ж мы такое!.. Боже мой...».

²⁵ Фут (*англ.* foot — ступня) — мера длины, употреблявшаяся и в России до введения метрической системы. Русский и английский фут равен 30,479 см. Таким образом, высота Александрийского столпа — 121,916 м; Помпейской

колонны — 29,869 м; Александровской — 25,602 м при общей высоте 38,099 м. Высоту монолита Набоков указывает правильно, а общая высота монумента с основанием и фигурой ангела — 47,5 м.

Глава третья

¹ Автограф находится в тетради ПД 834 (бывшей 2369), л. 48 об.

² Имеется в виду стихотворение «Христос Воскрес, питомец Феба...».

³ Имеется в виду стихотворение «К Пушкину (4 мая)» («Любезный именинник...»).

⁴ Боденштедт (Bodenstedt) Фридрих (1819—1892) — немецкий писатель, переводчик, журналист, в 1840-е гг. живший в России.

⁵ Имеется в виду послание «К сестре».

⁶ Гофман Модест Людвигович (1887—1959) — историк литературы, пушкинист. С 1923 г. в эмиграции. Имеется в виду его книга: «Пушкин. Психология творчества (Вторая глава науки о Пушкине)». (Париж, 1928).

⁷ Полное название — «Матильда, или Крестовые походы».

⁸ Имеется в виду ода Шелли «Жаворонку» (1820).

⁹ Указанный Набоковым фрагмент действительно является началом поэмы, название которой дано Пушкиным не было, хотя его и издают иногда под названием «Агасфер». Не сохранилось и планов поэмы. Малевский в указанной записи сообщает (оригинал на польском: «19 февраля 1827... Пушкин. О своем „Juif errant“ [Странствующий еврей — фр.]. В хижине еврея умирает дитя. Среди плача человек говорит матери: „Не плачь. Не смерть ужасна. Я — скитающийся жид. Я видел Иисуса, несущего крест, и издевался“. При нем умирает двадцатилетний старец. Это на него произвело большее впечатление, чем падение Римской империи».

¹⁰ Имеется в виду пушкинский набросок рецензии «О трагедии В. Н. Олина „Корсар“», предназначавшейся для журнала «Московский вестник» и датируемой концом 1827 — началом 1828 г. Олин Валериан Николаевич (1788—1841) — писатель, стихотворец, переводчик, издатель «Журнала древней и новой словесности» и других газет и альманахов. В пушкинской эпиграмме «Собрание насекомых» (1829) выведен, по словам Плетнева, под «мелкой букашкой» (см.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 40).

¹¹ Имя «Амалия» в белой рукописи тщательно зачеркнуто, буквы предварительно переправлены, так что оно прочитано предположительно.

¹² С Ариной Родионовной Пушкин мог видаться в Петербурге перед высылкой, так как она, по всей видимости, в ту пору находилась при родителях поэта. И. П. Липранди, вероятно, ее встречает в марте 1822 г. в их петербургском доме (см.: Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди // Русский архив. 1866. № 10. С. 1483; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 302).

¹³ Не исключен и другой, более правдоподобный вариант: Шварцы семейство петербургское, а потому вполне возможно, что их знакомство относится еще к послелицейской юности поэта в столице. Однако у двух этих версий нет других доказательств, кроме данного упоминания Пушкиным того, что Шварц видел Арину Родионовну. Петербургская встреча кажется более вероятной, чем московская.

¹⁴ Представляется сомнительным, чтобы Пушкин трижды пропустил опечатку. Сохранилось воспоминание, что поэт сам держал корректуру полного издания романа 1837 г.: «Оно было исполнено так тщательно, как не издавались ни прежде, ни после того сочинения Пушкина. Корректурных ошибок не осталось ни одной; последнюю корректуру самым тщательным образом просматривал сам Пушкин» (Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 390). В издании 1837 г. был допущен ряд опечаток, все они отмечены Набоковым в его Комментарии (пример: *с отрадой* — *с отравой* в стихе 56 «Письма Татьяны к Онегину»), но каждая из них была новой опечаткой, а не переходящей из одного издания в другое.

¹⁵ Евангелие от Матфея, V, 37: Но да будет слово ваше: да, да, нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

¹⁶ Баратынский был отчислен из Пажеского корпуса в феврале 1816 г., уехал из Петербурга в апреле того же года, вернувшись в столицу осенью 1818 г., в феврале 1819 г. зачислен рядовым в Лейб-гвардии Егерский полк. Три года прошло от проступка до начала службы в качестве рядового.

¹⁷ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 24, 29, 31.

¹⁸ Гуковский Григорий Александрович (1902—1950).

¹⁹ 1075 миль равны 1729, 675 км.

²⁰ Адеркас Борис Антонович фон — псковский гражданский губернатор (1816—1826), статский советник.

²¹ Паулуччи Филипп Осипович (1779—1849), маркиз, генерал-лейтенант, итальянец на русской службе (1809—1829), в начале кампании 1812 г. начальник штаба армии Барклая-де-Толли, с октября — генерал-губернатор Риги. В состав Прибалтийского края в период ссылки Пушкина входила и Псковская губерния, вследствие чего именно ему адресовано послание К. В. Нессельроде с копией «Высочайшего повеления» о ссылке Пушкина в Михайловское под надзор местных властей.

Глава четвертая

¹ Интересно в свете этого наблюдения, сделанного Набоковым, отметить, что в пушкинских рукописях *ЕО* параллельно появляются портреты Мирабо: самый ранний — на полях черновика со строфой III именно четвертой главы; второй — через день после окончания четвертой главы рядом со строфами IV—V пятой главы, причем рядом с портретами Пестеля, Рылеева, Пущина, Кюхельбекера (ПД 835, л. 41 и 80 об.).

² Акцентация Набокова на имени Лилеты или Лилы («любимой пастушки Батюшкова») в опущенной строфе IV и этих стихах Пушкина и строках Парни с поминанием девочки тринадцати-четырнадцати лет безусловно вызвана ассоциацией с его собственной тринадцатилетней Лолитой. Скорее всего, роман «Лолита» был уже создан, когда писался данный комментарий.

³ Набоков указывает современный адрес участка дома статского советника Клеопина, в котором жил князь А. А. Шаховской. Сам дом был снесен в начале 1930-х гг.

⁴ Полное правильное название должности генерал-лейтенанта Ивана Никитича Инзова (1768—1845) — главный попечитель и председатель Комитета об иностранных поселенцах Южного края России, а вскоре после начала путешествия Пушкина к этой должности были еще присоединены обязанности намест-

ника Бессарабии. «Дедушка» Инзов был старше Пушкина на тридцать лет, в 1820 г., когда они познакомились, ему был пятьдесят один год.

⁵ Федор Иванович Толстой (1782—1846), граф, участвовал в первой кругосветной экспедиции 1803—1806 гг. тогда еще капитан-лейтенанта И. Ф. Крузенштерна, вернулся в Петербург по суше через Сибирь в 1805 г. Пушкин узнал о том, что Федор Толстой распространял сплетни о нем, уже в Кишиневе. Они обменялись оскорбительными эпиграммами. Но шесть лет столь большой срок для того, чтобы былые обиды отошли на второй план, что не представляется особенно удивительным факт их примирения посредством общих друзей в 1826 г. Что касается участия Толстого в сватовстве Пушкина, то именно через него Н. И. Гончарова передала в апреле 1829 г. Пушкину свой ответ на сватовство поэта к ее дочери. Кроме того, Пушкину импонировали люди склада Толстого.

⁶ Прочтение Набоковым опущенного слова с «гипертрофированным „V“» как «Милорадович» вполне заслуживает внимания, и безусловно, прочтение этого слова как «Votre Majesté» неосновательно. Все последующие определения потенциальной жертвы несомненно относятся к Милорадовичу, заслуженному боевому генералу, но тогдашнему генерал-губернатору Петербурга, от которого «все зависело» и без ведома которого никто бы не мог высечь кого бы то ни было в Тайной канцелярии.

⁷ Внимательное рассмотрение рукописи приводит к убеждению в правильности набоковского прочтения. Слово «suis» обыкновенно переводится как «теперь». Но поскольку сочетание «теперь в отчаянии» нелогично по отношению ко времени, когда Пушкин пишет свое послание Александру I, то его переводят во всех изданиях, начиная с академического, как «впал», что не совсем точно. Итак, следует, вероятно, читать — «был в отчаянии». Правильно было прочтено слово «fus» и Б. Л. Модзалевским (см.: Пушкин. Письма. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 168). Между тем академическим изданием это прочтение не было учтено.

⁸ Знакомство Пушкина с Рылеевым относится к концу сентября — декабрю 1819 г., когда Рылеев в сентябре приезжает в Батово и бывает в Петербурге, в котором проводит конец осени и зимует (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Л., 1991. С. 188.)

⁹ Имение Батово было не куплено, а подарено матери Рылеева Анастасии Матвеевне ее другом и покровителем генерал-лейтенантом Петром Федоровичем Милютиним в 1800 г. из числа владений, пожалованных ему Павлом I в 1796 г. Батово не случайно называли в семье Рылеевых «Петродаром».

¹⁰ В этом письме Пушкина идет речь о другом Батове — имении Опочецкого уезда Псковской губернии, принадлежавшем сестре Прасковьи Александровны Осиповой (хозяйки Тригорского) Елизавете Александровне Ганнибал, урожденной Вындомской, бывшей замужем за двоюродным дядей Пушкина Яковом Исааковичем Ганнибалом.

¹¹ Набоков, указывая расстояние от Петербурга до Царского Села в 14,5 миль, что равно 22,5 км, считает тем самым от первой городской заставы пушкинского времени у пересечения реки Фонтанки с Царскосельским (ныне Московским) проспектом, где установлен и первый верстовой столб с указанием этого расстояния — 22,5 версты.

¹² Точная дата приезда Пушкина в Екатеринослав не известна, но 21 мая Инзов пишет Каподистрии: «С Пушкиным я не успел еще короче познакомиться...», из чего следует, что они уже видались.

¹³ Рукавишников Василий Иванович (1872—1916) — дядя В. В. Набокова по линии матери, владелец усадьбы Рождествено.

¹⁴ Имеется в виду барон Георгий Евгеньевич Рауш фон Траубенберг (1897—1919), офицер, двоюродный брат В. В. Набокова по линии отца — сын его сестры Нины Дмитриевны Набоковой, в первом браке баронессы Рауш фон Траубенберг. Погиб в рядах Добровольческой армии под Ялтой.

¹⁵ Статья В. Нечаева «Батово, усадьба Рылеева, и другие биографические материалы» напечатана в № 9 «Звеньев» (1951).

¹⁶ В том же прочтении эти три стиха помещены и в академическом ПСС (1937. Т. 6. С. 358).

¹⁷ Эта «задача» действительно опубликована в «Живописном обозрении» за 1899 г.

¹⁸ Автограф не дает полного основания для подобного весьма удачного варианта, как с поэтической, так и с технической, шахматной точки зрения. Предложение Набокова заставило более внимательно изучить недоступный ему автограф, внести поправки в его прочтение, но для реконструкции, по Набокову, в автографах Пушкина недостает формы глагола «брать» в единственном числе 3-го лица. В качестве шахматного композитора Набоков профессионально подвергает критике пушкинский вариант просто в силу того, что невозможно брать «часто пешкою ладью», хотя бы и свою, ибо их всего по две с каждой стороны.

¹⁹ У Набокова опечатка — письмо датируется 15 марта 1825 г. (см.: ПСС. Т. 13. С. 153—154).

²⁰ Имеется в виду и цитируется незавершенная статья Пушкина «О статьях Кюхельбекера в альманахе „Мнемозина“» (1825—1826).

²¹ Опочинин Федор Петрович (1779—1852) — видный сановник, шталмейстер, знакомый Пушкина, женатый на Дарье Михайловне Голенищевой-Кутузовой, дочери полководца; Гурьев Константин Васильевич (1800 — не ранее 1833) — лицеист I курса, исключенный из Лицея в 1813 г. за дурное поведение, крестник вел. кн. Константина Павловича.

²² Ульяна Яковлевна (1768—?) — крепостная Пушкиных, первая няня поэта до 1811 г.

²³ Выражение «мух давил» следует понимать не столь буквально. Оно означает «быть под мухой» или «закладывать за воротник», что лучше согласуется с образом дяди Онегина.

²⁴ Железная трость Пушкина, сменив несколько владельцев, экспонируется в настоящее время в доме-музее поэта в Михайловском. Ее вес — 3 кг 600 гр, то есть чуть больше восьми фунтов.

²⁵ Пальчиков Владимир Петрович (1804—1842) — лицеист II курса (1814—1820), псковский помещик, чиновник при московском генерал-губернаторе князе Д. В. Голицыне.

²⁶ До настоящего времени этот рисунок Пушкина обозначался как «Автопортрет; в рост, в картузе и с тростью» (см.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 53. Рис. 55). Между тем совершенно очевидно, что Пушкин держит в руке никак не тяжелую трость, а именно хлыстик для верховой езды, тонкий, сужающийся и загнутый на конце. То же, что принималось за рукоятку трости, есть не что иное, как ремешок для продевания в него кисти руки.

²⁷ Ольга Михайловна Калашникова (1806 — не ранее 1840) — с 18 октября 1831 г. жена Павла Степановича Ключарева (у Набокова опечатка — Ключни-

кова), мелкопоместного дворянина и чиновника. Сын Ольги Михайловны Павел скончался 15 сентября 1826 г., прожив всего два с половиной месяца.

²⁸ Федоров Борис Михайлович (1798—1875) — прозаик и стихотворец, журналист, издатель разных периодических изданий. В «Санкт-Петербургском зрителе» (1828, кн. I) напечатал «Рецензию на IV и V главы „Евгения Онегина“».

²⁹ Пушкин в статье «Опровержение на критики» уделил абзац Федорову «Г-н Федоров в журнале...», отвечая на его рецензию.

³⁰ Набоков вольно пересказывает текст Пушкина из статьи «Опровержение на критики»: «Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый
(Задумав плыть по лону вод)
Ступает бережно на лед

критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть —

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках».

Глава пятая

¹ Ф. А. Плосайкевич, автор пятнадцати музыкальных, прежде всего хоровых, произведений на тексты Пушкина, положил на музыку строфу II пятой главы *ЕО*, создав хоры и назвав их «Русская зима» («Зима! Крестьянин, торжествуя...») и «Мальчик-забавник» («Вот бегают дворовый мальчик...»). (См.: Пушкин в музыке. М., 1974. С. 346)

² Набоков вольно перелагает текст Бродского, сохранив его основную идею.

³ Эпизод «Светланы» у Жуковского насчитывает 14 стихов. Набоков цитирует стихи 1—2 и 12—14 (см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. 1. С. 71).

⁴ О литературном обществе «Арзамас» написано столь много, что Набоков позволил себе в духе его членов шутливо припомнить заседания с гусями, которыми славился Арзамасский уезд Нижегородской губернии (в пределах которой располагались поместья основателей общества В. А. Жуковского и В. Л. Пушкина, да и самого Пушкина), и красный колпак, который надевал председательствующий на очередном заседании.

⁵ Август Вильгельм Шлегель (1765—1845) — немецкий поэт, историк литературы, переводчик; брат Фридриха Шлегеля (1772—1829), философа и поэта. Воспитатель детей Ж. де Сталь, под влиянием А. В. Шлегеля написавшей книгу «О Германии» (1810). У Гете в сцене «Nehenküche» действительно фигурирует «Meerkatze» («морская кошка»). В русских переводах разного времени она превращается в «мартышку-самку» (*Гёте И.-В. Собр. соч. / Перевод Н. А. Холодковского. Пг., 1914. Т. 1. С. 80; Гёте И.-В. Собр. соч. / Перевод Б. Л. Пастернака. М., 1976. Т. 2. С. 87*).

⁶ Речь идет о стихотворении П. А. Вяземского «В дороге и дома»:

«Заря багряною рукою»
Напоминает прачку мне,
Которая белье зною
Полощет в ледяной волне.

⁷ Набоков вольно пересказывает дневниковую запись Франтишека Малевского от 19 февраля 1827 г. о встрече с Пушкиным в Москве у Н. А. Полевого. (см.: Лит. насл., 1952. Т. 58. С. 268).

⁸ Имеется в виду эпиграмма Е. А. Баратынского, которая была послана П. А. Вяземским А. И. Тургеневу в январском письме 1827 г. (Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Т. 1. Вып. 6. С. 56):

Откуда взял Василий непотешный
Потешного Буянова? Хитрец
К лукавому прибег с мольбою грешной
«Я твой, — сказал, — но будь родной отец,
Но помоги» Плодятся без усилья,
Горят, кипят задорные стнхн,
И складные страницы у Василья
Являются в тетради чепухи

⁹ См.: Пушкин. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 171—172 и 532—533. Калибан — персонаж Шекспира («Буря»), выведенный Кюхельбекером в его пьесе.

¹⁰ Зизи Вульф — так называли на французский лад Евпраксию Николаевну Вульф (1809—1883), дочь хозяйки Тригорского П. А. Осиповой от ее первого брака с Николаем Ивановичем Вульфом. День именин Евпраксии приходится на Татьянин день 12 января.

¹¹ Иван Сафонович Осипов умер 5 февраля 1824 г.

¹² Настоящее письмо Пушкина брату Льву Сергеевичу датируется первой половиной ноября 1824 г.

¹³ Анна Ивановна Вульф (1799—1835) — дочь Ивана Ивановича и Надежды Гавриловны Вульфов, помещиков села Берново Старицкого уезда Тверской губернии. Именно ей в 1828 г. Пушкин посвятил шутливое стихотворение «За Netty сердцем я летаю...». Пушкин познакомился с нею в Тригорском в первой половине марта 1825 г. Набоков цитирует письмо Пушкина Алексею Вульфу от 16 октября 1829 г., в котором поэт пишет: «Netty, нежная, томная, истерическая, потолстевшая Netty — здесь... Вот уже третий день как я в нее влюблен».

¹⁴ Александра Ивановна Осипова (1808—1864), с февраля 1833 г. жена Петра Николаевича Беклешова. Ей адресовано стихотворение «Посвящение» (1826). Ее имя упомянуто в так называемом донжуанском списке Пушкина (1829).

¹⁵ Представляется невероятным, чтобы в контексте данной строфы Пушкин мог использовать имя графини Е. К. Воронцовой. Скорее всего, Пушкин мог иметь в виду родную сестру Анны Петровны Керн Елизавету Петровну Полторацкую (р. ок. 1802), с которой ее кузен и тригорский приятель Пушкина А. Н. Вульф находился в близких отношениях, а сам поэт тогда знал о ней лишь понаслышке и потому мог бы себе позволить использовать ее имя, но отказался именно из-за стыка имен, могущего вызвать нежелательные ассоциации, остановившись на имени Зизи — обиходном именовании Евпраксии Вульф.

¹⁶ Представляется, что имя Луи Антуана Дюпора (в русских источниках указывается другой год его рождения — 1786) не случайно находится в черновиках этой строфы, так как в сознании Пушкина должно было ассоциироваться с партией Париса в балете «Суд Париса». Пушкин в отрочестве (1808—1812) мог видеть его на петербургской и московской сценах, когда Дюпор выступал в России. По-английски *Paris* может означать как *Парис*, так и *Париж*.

¹⁷ Поскольку черновик этой строфы не сохранился, а в белой рукописи нет разночтения с печатными прижизненными изданиями, мы не имеем оснований для опровержения такого прочтения текста Набоковым.

Глава шестая

¹ Правильно — Грузины; происходит от названия сельской церкви Грузинской иконы Божией Матери. Наименование это невольно перекликается с более известным — Грузино Новгородской губернии (принадлежало А. А. Аракчееву).

² Полторацкая Агафокля Александровна, урожденная Шишкова, принесла это имение в приданое своему супругу Марку Федоровичу Полторацкому, директору Петербургской певческой капеллы, упомянутому Пушкиным. Они были родителями нескольких знакомых Пушкина, прежде всего Елизаветы Марковны Полторацкой, в замужестве Олениной. Внучкой Полторацких была и Анна Петровна Полторацкая, в замужестве Керн, чье отрочество прошло в Грузинах. А. П. Керн вспоминала о бабушке: «Жила она в Тверской губернии, в селе Грузинах, в великолепном замке, построенном Растрелли» (*Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 112*). В родстве с Шишковыми и Полторацкими состояли и Набоковы: замужем за внуком А. А. Полторацкой Алексеем Павловичем была Екатерина Ивановна Набокова, двоюродная сестра Николая Александровича Набокова, деда писателя. К роду Шишковых принадлежала прабабка Набокова Нина Александровна Шишкова.

³ Денис Давыдов:

А завтра — черт возьми! — как зюзя иатяиуся,
На тройке ухарской стрелою полечу.

⁴ Набоков вспоминает свои лекции в женском колледже в Уэлсли под Бостоном, где он преподавал с 1941 по 1948 г. Здания колледжа располагались в великолепном парке.

⁵ Лусон (Luzon) — крупнейший остров Филиппин с вечнозелеными лесами и саваннами. Камелия — род вечнозеленых деревьев и кустарников семейства чайных.

⁶ Набоковское отступление о черемухе, излишне пространное с академической точки зрения, навеяно, безусловно, ностальгическими воспоминаниями о России. Вспомним душераздирающую концовку набоковского стихотворения «Расстрел» (1927):

Россия, звезды, ночь расстрела,
И весь в черемухе овраг!

⁷ Набоков полностью привел заметку 1830 г. без заглавия, сохранившуюся в рукописях Пушкина среди набросков статей для «Литературной газеты».

⁸ Следует отметить, что это не «странная оплошность», а сознательное использование наименования Веспер применительно к утренней звезде, ибо Пушкин, как и Набоков, прекрасно осведомлен в путанице древних греков и римлян, долго не знавших, что утренняя и вечерняя звезда в действительности — одна и та же планета Венера. У Пушкина мы встретим и применение имени Веспер к вечерней звезде: «Ночь светла, в небесном поле / Ходит Веспер золотой». К тому же можно и иначе истолковать то, какую же звезду встречает петух. У

Пушкина ночь еще не кончилась — «Уже редуют ночи тени», — но это не означает, что наступило утро и Вespera пора именовать Люцифером.

⁹ Книга В. Ф. Ходасевича «О Пушкине» вышла не в Берлине, а в Париже.

¹⁰ Набоков воспроизводит название работы И. Е. Репина по памяти. Правильно — «Дуэль Ленского с Онегиным», акварель.

¹¹ Старов Семен Никитич — не полковник, а подполковник на момент дуэли с Пушкиным. Набоков пользуется «Летописью жизни и творчества А. С. Пушкина», где рассказано о подробностях дуэли, количестве отмеренных шагов, но не назван чин Старова. Дуэль с Зубовым состоялась не весной 1822 г., а в мае — июне 1823-го в местности Малина под Кишиневом. Пушкин в ожидании выстрела ест черешни, Зубов стреляет и дает промах. Пушкин вместо выстрела спрашивает: «Довольны вы?»

¹² Набоков основывает свое суждение о романе Пушкина с Александринной Гончаровой опираясь на работы Леонида Гроссмана, выводы которого в настоящее время не считаются основательными.

¹³ Убедительное доказательство Гроссмана было основано на описке в дате письма Наталии Ивановны Гончаровой (вместо 15 мая 1838 г. — 15 мая 1837-го), где речь идет о «малышке», которая считается рожденной 19 октября 1837 г. Впрочем, хотя это основное доказательство добрачной беременности Екатерины Гончаровой оказалось несостоятельным, в наше время появились новые косвенные тому свидетельства.

¹⁴ В настоящее время авторство князя Петра Долгорукого как сочинителя пасквиля считается недоказанным.

¹⁵ Набоков пользуется сомнительной версией Вересаева, изложенной в его книге «Спутники Пушкина», которая никем из современных пушкинистов не поддерживается.

¹⁶ Встреча императора с Пушкиным, как основательно доказала в наши дни С. Л. Абрамович, состоялась 23 ноября 1836 г.

¹⁷ Рассмотрение автографа, опубликованного Гофманом, который никак не мог быть учтен в «онегинском» 6-м томе академического Собрания сочинений, вышедшем в том же 1937 г., вызывает желание поддержать его прочтение, одобренное Набоковым. Слово «призрак» Пушкин пишет всегда с однозначно прочитываемой буквой «р». Например, в строфе XLVI первой главы: «Призрак невозвратимых дней» (ПД 834, л. 18); в черновом варианте 5-го стиха строфы IV шестой главы: «Пустые призраки». Вместе с тем в часто встречающемся в тексте романа слове «признание» можно проследить аналогичное начертание буквы «н» между буквами «з» и «а». И то и другое слово уместны по смыслу в контексте данной строфы, но не сохранилось беловых автографов (хотя им, возможно, является опубликованный Гофманом), в которые могли быть внесены поправки, печатные же варианты дают одинаковое прочтение — «призрак», которое могло оказаться как следствием авторского исправления, так и опечаткой, переходившей из одного издания в другое. Эта опечатка могла быть в конце концов узаконена Пушкиным. Таким образом, в данном случае вопрос не может быть решен окончательно.

Глава седьмая

¹ Н. Л. Бродский указывает: «Образ пчелы, летящей из кельи восковой за данью полевой, повторяется в песне, близкой по стилю к фольклору:

Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетает первая пчёлка»

² Имеются в виду следующие произведения Василия Алексеевича Лёвшина: повесть «Везири, или Очарованный Лабиринф», книги «Полное наставление на гидростатических правилах основанное, о строении мельниц каждого рода водяных, также ветром, горячими парами, скотскими и человеческими силами в действие приводимых, по которому каждый хозяин может то производить» (М., 1810), «Садоводство полное» (М., 1805), «Календарь поваренного огорода» (М., 1810).

³ «Виктория» — легкий двухместный экипаж.

⁴ Стихотворение «Не дай мне Бог сойти с ума...» датируется 1833 г. Опечатка допущена по вине редакторов, так как ниже Набоков правильно называет год создания стихотворения.

⁵ Четверостишие повторено на л. 37, семь дактилических строк идут ранее четверостишия на л. 36, занимая его верх.

⁶ Имеется в виду заметка Пушкина, написанная болдинской осенью 1830 г. и включаемая ныне в подборку заметок, объединяемых редакторским заголовком «Опровержение на критики».

⁷ Вариант «барыня» встречается только один раз в издании 1837 г., не внесенный отчего-то в перечень «Другие редакции и варианты» в ПСС, т. 6, 1937, с. 652, в котором правильно напечатано в основном тексте — «барышня». В черновиках этот стих отсутствует вовсе, а белой автограф этой строфы не сохранился.

⁸ Называя точную эту дату, Набоков в свойственной ему манере апеллирует таким образом к стиху «Лет сорок с ключницей бранился» и отсчитывает назад от 1820-го, года смерти дядюшки Онегина по хронологии романа.

⁹ «Альбом Онегина» начинается на л. 7 об. сразу за строфой XXIa (альтернативная XXII, как ее называет Набоков) и заканчивается на л. 10.

¹⁰ Подобной статьи Набоков так никогда и не написал. Настоящее указание Набокова было развито в статье А. Н. Егунова, который не называет своего предшественника («Пиковая дама» Ламонт-Фуке // *Временник Пушкинской комиссии*. 1967—1968. Л., 1970. С. 113—115). Позднее Д. М. Шарыпкин посвятил этой теме статью, в которой указывает, что на самом деле автор этого романа — шведский писатель Класс Йохан Ливийн (Clas Johan Livijp, 1781—1844); см.: *Шарыпкин Д. М. Вокруг «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии*. 1972. Л., 1974. С. 128—138.

¹¹ В рукописи Пушкина (ПД 838, л. 17) читается «Кикерон» — написание, соответствующее норме произношения времен Цицерона, замененное на форму «Цицерон» уже в средние века. Использование Пушкиным этой классической нормы можно считать отголоском его лицейских уроков латыни.

¹² Ключевое слово или разгадка в шарадах, пришедших в Россию из Франции и очень модных в пушкинское время. В данном случае это ключевое слово — «пародия», которое приходит на ум Татьяне, знакомящейся с кругом чтения Онегина.

¹³ Набоков приводит эти два стиха в переводе на английский. Очевидно, его подвела память, ибо в русском тексте поэмы И. И. Козлова «Княжна Наталья Долгорукая» рифмы «ручей — очей» нет.

¹⁴ Пушкин въезжал в Москву 7 сентября 1826 г., вызванный из ссылки не с северо-запада, что логично по географическому соотношению Москвы и Михайловского, так как из Михайловского поэт приехал сначала в Псков (на север от Михайловского), где его дожидался фельдъегерь, затем следовал на Новгород, а там, выехав на Московское шоссе, следовал уже в Москву строго на юг.

¹⁵ У Пушкина — из Москвы в Петербург, хотя после этого сообщения в его дневнике речь идет о Москве. Впрочем, от этого суть не меняется. Запись Пушкина от 3 декабря 1833 г. гласит: «Вчера государь возвратился из Москвы, он приехал в 38 часов. В Москве его не ожидали. Во дворце не было ни одной топленной комнаты. Он не мог добиться чашки чаю».

¹⁶ Алексей Николаевич Вульф пишет о своей поездке в Малинники из Торжка 11 февраля 1829 г. на лошадях дяди, Павла Ивановича Вульфа: «Дорога от большого снега и мятелей была так дурна, что я, выехав поутру 11 числа, приехал домой только вечером в 8 час., хотя расстояние только 40 верст, не более» (*Вульф А. Н. Дневники // Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1929. С. 202*).

¹⁷ Согласно более современным исследованиям, которые не могли быть известны Набокову, в приходе церкви св. Харитония Пушкины жили в указанные годы, но по разным адресам. В доме графа А. Л. Санти (современный адрес — Большой Харитоньевский пер., 8) Пушкины жили в 1803—1805 гг. В 1807 г. они переселяются в другую часть Москвы (см.: *Романюк С. К. Пушкины в Москве в конце XVIII — начале XIX в.: По новым документальным данным // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 5—18*).

¹⁸ Скорее всего, Татьяна родилась в Москве, где ее крестили; в раннем детстве девочку увезли в деревню. Такое число родных, которые помнят Татьяну, не могло пребывать у Лариных в деревне.

¹⁹ Очевидно, что эти строки были преждевременны и потому Пушкин отложил их до восьмой главы, сохранив интонацию отвергнутых стихов в вопросе Онегина: «Кто там в малиновом берете..?»

²⁰ Набоков цитирует начало указанного проекта предисловия и текст опущенного Пушкиным отзыва, приводимого и в ПСС (Т. 6. 1937. С. 539—540).

²¹ Набоков полностью приводит текст заметки «Пропущенные строфы подавали неоднократно повод...», напечатанный впервые в посмертном Собрании сочинений Пушкина (1841. Т. 11. С. 231). Начиная с ПСС (1949. Т. 11.) она печатается вместе с другими критическими заметками под общим редакторским заголовком «Опровержение на критики».

Глава восьмая

¹ Стансы «Прости» были написаны Байроном 18 марта 1816 г. по поводу развода с женою и без позволения автора напечатаны лондонской газетой «*Champion*». Набоков на этот раз не стал опровергать соображения Н. Л. Бродского насчет соотношения эпиграфа с текстом восьмой главы романа. Бродский толковал эпиграф как прощание героев друг с другом, Ю. М. Лотман в своем комментарии полагает, что только тогда, когда Пушкин решил завершить *ЕО* восьмой главой, в беловом автографе появился этот эпиграф как выражение прощания автора с читателем и романом в целом. Набоков, судя по его умолчанию, склонен был толковать смысл эпиграфа двояко — и как прощание автора с читателем и романом, а значит и с героями, и как прощание героев друг с другом.

² Чин коллежского секретаря, с которым Пушкин был выпущен из Лицея, относился, согласно «Табели о рангах», к 10-му классу, а не к 14-му — действительно низшему, к которому принадлежал пушкинский герой Самсон Вырин, коллежский регистратор, «сущий мученик четырнадцатого класса». Интересно отметить, что и друг Пушкина П. А. Вяземский допустил ошибку с этим чином в своем стихотворении «Станция»:

губернский регистратор,
Почтовой станции диктатор

Чина губернского регистратора никогда не существовало. Был губернский секретарь и был коллежский регистратор. Пушкин, взяв эти строки в качестве эпиграфа к «Станционному смотрителю», исправляет Вяземского, правильно указывая этот низший чин.

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор

³ Ермил Иванович Костров (1755—1796), поэт и переводчик. Его перевод «Луция Апулея, платонической секты философа, Превращения, или Золотой осел» был единственным в России вплоть до XX в. Был даже переиздан в 1870 г.

⁴ У Набокова в стихе 13 в английском переводе вставлена догадка: «bird's song», по-русски — «птицы песнь» или в контексте и размере стиха — «песни птиц».

⁵ Набоков употребляет ботанический термин по-латыни — *Rampinella*, по-русски «бедренец» — род трав семейства зонтичных, к которому принадлежит и анис. Известно около 150 его видов, в том числе несколько в Америке и около 25 в России, в то время как анис в Америке не известен. По первой классификации Линнея, постоянно используемой Набоковым, анис именуется *Rampinella anisum*, а по современной — *anisum vulgare*.

⁶ У Майкова в поэме Гермес именуется Ермием, а место, которое понравилось в данном случае Набокову, читается так:

Он крылья под носом, как черный ус, кладет,
Одежду превратил в капральский он колет,
А жезл — в подобие его предлинной шпаги

⁷ В Лицее, несомненно, преподавал Давид Иванович де Будри, однако неизвестно, был ли он одноглаз.

⁸ Письма 1806—1823 гг. И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу // Русский архив. 1867. № 7. С. 1094.

⁹ Письма И. И. Дмитриева к П. А. Вяземскому. СПб., 1898. С. 25. Цитированное письмо датируется не 20, а 18 октября.

¹⁰ Пушкин был знаком с Карамзиным с 1816 г., когда тот поселился в Царском Селе по соседству с Лицеем.

¹¹ Жуковский В А Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 564—565.

¹² Пушкин в письмах П. А. Вяземского к жене (1830—1838) // Лит. насл. М., 1934. Т. 16—18. С. 807.

¹³ Рукописный набросок «О стихотворении „Демон“» (ПД 835, л. 58(2)—59), о котором идет речь, датируется в настоящее время 1825 г. (ПСС. Т. 11. С. 30)

¹⁴ О своем родстве с Шишковыми Набоков, не уточняя его степень, сообщает и в романе «Другие берега». В данном случае следует перевести указание на родство словом «кузен». В ранее публиковавшихся фрагментах переводов из

набоковского комментария, в том числе К. И. Чуковским в статье «Онегин на чужбине», не совсем точно переведено это указание на родство — «двоюродный брат». Прабабушка — Нина Александровна Шишкова, в замужестве Корф, мать Марии Фердинандовны Корф, вышедшей замуж за Дмитрия Николаевича Набокова, деда писателя. Кроме того, и бабушка самого Дмитрия Николаевича, Марфа Степановна Шишкова, в замужестве Назимова, по своему отцу Степану Михайловичу Шишкову состояла в родстве с адмиралом Александром Семеновичем Шишковым, но в более отдаленной степени.

¹⁵ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 183.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Тактические соображения», о которых упоминает Набоков, состояли в том, что Пушкин рассчитывал на ослабление цензурного гнета в связи с назначением Шишкова на пост министра просвещения. К личности самого Шишкова Пушкин неизменно относился с уважением, хотя и в 1830-е гг. отрицательно высказывался относительно его литературной позиции.

¹⁹ Нападки Пушкина на Шаховского чисто литературно-полемические и относятся, прежде всего, к лицейскому периоду, когда они лично еще не были знакомы. В декабре 1818 г. они познакомились, и Пушкин, по воспоминаниям П. А. Катенина, сожалел о некоторых своих нападках на Шаховского. Охлаждение наступило осенью 1819 г., когда Шаховской принял участие в травле актрисы Екатерины Семеновой, а затем оказался причастным к распространению оскорбительных слухов насчет Пушкина, пущенных Ф. И. Толстым. В 1830-е гг. Шаховской принимает сторону Пушкина в литературно-общественной борьбе с Ф. В. Булгариным, и если бы именно тогда поэт переменял свое отношение к Шаховскому, это можно было бы объяснить «тактическими» соображениями, но еще в годы своей южной ссылки Пушкин изменил свое отрицательное отношение к бывшему оппоненту.

²⁰ В 1815 г. цитируемое стихотворение Вяземского «К партизану-поэту» было впервые опубликовано в журнале «Амфион» (№ 2. С. 71), а написано еще в 1814 г., в конце которого Денис Давыдов наконец получил генеральские эполеты. Опущенный Набоковым стих «Не вижу на плечах твоих» как раз и указывает на время и обстоятельство появления послания Вяземского.

²¹ Вяземский пишет Пушкину в письме от 18 и 25 сентября 1828 г.: «Ты говоришь, что ты бесприютен: разве тебя уже не пускают в Приютино?» (ПСС. 1941. Т. 14. С. 28).

²² А. А. Оленина записала 19 сентября 1828 г. в дневнике о своем прощании с Пушкиным 5 сентября в Приютине: «Прощаясь, Пушкин мне сказал, *qu'il doit partir pour ses terres, si toutefois il en aura le courage*, — ajouta-t-il avec sentiment [что он должен уехать в свое имение, если, впрочем, у него хватит духу, — прибавил он с чувством — *фр.*]» (Дневник Анны Алексеевны Олениной. 1828—1829. Париж, 1936. С. 30).

²³ Елена Михайловна Завадовская, урожденная Влодек, была замужем за графом Василием Петровичем Завадовским (1799—1855), братом «дуэлянта» графа Александра Петровича Завадовского.

²⁴ Набоков совершенно прав, связывая «степные края» с Болдино, что подтверждается письмом Пушкина Плетневу от 9 сентября 1830 г., через несколько дней после приезда в нижегородское имение. «Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь...» (ПСС. Т. 14. С. 127.)

²⁵ Стихотворение «Я вас любил...» относится в настоящее время к Анне Алексеевне Олениной, в альбом которой Пушкин записал в 1833 г. вместе с другим — «Что в имени тебе моем?..», которое до того, еще 5 января 1830 г. записал в альбом Каролине Собаньской.

²⁶ Хейтер Джордж (Hayter George). Портрет графини Е. К. Воронцовой. Холст, масло. 127 × 102 см. Слева внизу подпись и дата: *G. Hayter 1832 London*. Поступил в Эрмитаж в 1920 г. через Государственный музейный фонд из национализированного собрания графов Воронцовых-Дашковых в Петрограде; ранее — во дворце Воронцова в Одессе.

²⁷ У Пушкина — «угрюмый». Набоков же дает в этом слове окончание «-ой» — «угрюмой» («ugruimoi»), транслитерируя произносительную форму в рифму со словом «думой».

²⁸ В данном случае Набоков вольно цитирует Достоевского, в том числе в русскоязычном варианте данного фрагмента в «Заметках переводчика» (см. Приложение III). Достоевский называет Онегина просто — «старик».

²⁹ Томашевский в указанном Набоковым месте на с. 511 (в американском издании опечатка — 311) приводит стихи 1—2 в несколько ином виде и с отмененными вариантами:

Вошел собой одним довольный
Всегда сердитый Гр<аф> Турин

Стих 2 Набоков берет для перевода с с. 629 из автографа на записке Жуковскому:

На все сердитый кн<язь> Брод<ин>

³⁰ Один из альбомов Сен-При хранится в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. Соображение Набокова относительно заполнения пробела в данном стихе фамилией Оленина основывается на раннем варианте стиха 10 строфы XXVI, где определение «пролаз» однозначно относится к нему:

Тут был отец ее пролаз
Нулек на ножках.

Рядом с этими стихами Пушкин воспроизвел переплетенную монограмму Алексея Оленина — *АО*.

³¹ Этот сюжет был обыгран Набоковым в романе «Другие берега» (гл. 13, 2), где в роли «эксцентричного англичанина» выступает некий немец Дитрих, проведший «целую ночь, терпеливо наблюдая за приятелем, который решил покончить с собой...»

³² Инициалы «К. М.» скорее всего следует расшифровывать как «Ксавье де Местр». Граф Ксавье де Местр (1763—1852), французский эмигрант, ученый, писатель, художник-миниатюрист, женат с 1813 г. на Софии Ивановне Загряжской (1778—1851), сестре тещи Пушкина Н. И. Загряжской, в замужестве Гончаровой. С 1816 по 1825 г. супруги жили в Петербурге. Были хорошо знакомы с семейством Пушкина еще по Москве.

³³ Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828—1829). Париж, 1938. С. 11.

³⁴ Набоков цитирует письмо Вяземского жене по статье Т. Г. Цявловской «Дневник Олениной» (Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 251). По этой же статье он цитирует и дневник Олениной, так как само его парижское издание вышло тиражом двести экземпляров и, скорее

всего было Набокову недоступно. Выбор цитат ограничен означенной публикацией.

³⁵ Набокову не могло быть известно, что 9 мая 1828 г., о чем и свидетельствует эта запись, Пушкин вместе с семейством Оленина участвовал в проводах английского художника Джорджа Доу, покидавшего Россию. Таким образом, было две поездки морем Пушкина с Олениными — 8 и 25 мая.

³⁶ Предложение было сделано Пушкиным, судя по известным воспоминаниям, летом 1828 г., а никак не зимою 1828/29 г., когда Пушкин уже более не общался с Олениными и к тому же отсутствовал в Петербурге с 20 октября 1828 г. до середины января 1829-го. Несомненно, столь подробное освещение обстоятельств неудачного сватовства Пушкина к Аннет Олениной имеет личностный подтекст — собственное неудачное сватовство 1922—1923 гг. в Берлине к Светлане Зиверт, роман с которой и его исход писатель проецирует на пушкинский, что прослеживается по упоминаниям его в стихах Набокова того времени. Ее фамилия обыграна и в романе «Истинная жизнь Себастиана Найта», где главному герою отказывает Нина Лесевр (в переводе с французского — Олень). Следует учесть и тот факт, что Оленина вышла в конце концов замуж за Федора Андро, а Светлана Зиверт — за его правнука Сергея Андро.

³⁷ Фронтиспис к первому изданию «Руслана и Людмилы» был выполнен по эскизу А. Н. Оленина художником И. А. Ивановым, а с его рисунка гравирован М. Ивановым.

³⁸ Кюхельбекер в указанной дневниковой записи отмечает схожесть с письмами Сен-Пре стихов 21—30 «Письма Онегина»: «В письме Онегина к Тане есть место, напоминающее самые страстные письма St. Preux, — от слов:

Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!

до стиха: „И я лишен того“ etc». (*Кюхельбекер В К Путешествие. Дневник. Статьи.* Л., 1979. С. 101).

³⁹ Неизвестно, какое издание имеет в виду Набоков, называя его «The Literary News» (букв. «Новости литературы»). Так называлось поначалу «Литературное прибавление к „Русскому инвалиду“». Однако оно выходило только с 1831 по 1839 г. Вероятно, речь идет о другом издании — «Литературные листки», «журнал нравов и словесности, издаваемый Ф. Булгариным» (СПб., 1823—1824) Выходил два раза в месяц. В 1823 г. вышло лишь пять номеров, в 1824 — все двадцать четыре номера. «Литературные листки» издавались в качестве приложения к болгаринскому «Северному архиву».

⁴⁰ В академическом ПСС (1949. Т. 3. С. 1205—1207) эпиграмма датируется 14 марта — первой половиной апреля 1830 г. как написанная в ответ на болгаринский фельетон «Анекдот».

⁴¹ *Юст Венедиктов* [М. Дмитриев]. Мысли и замечания // Вестник Европы. 1825. № 3. С. 228.

⁴² Городище Воронич относится к более раннему времени — город с крепостью впервые упоминается в псковской летописи под 1349 годом как уже существующий.

⁴³ Лёве-Веймар (Loeve-Weitars) Франсуа-Адольф (1801—1854), барон, гостил в Петербурге и общался с Пушкиным в июне — июле 1836 г.

⁴⁴ Кюхельбекер буквально пишет следующее: «Поэт в своей 8 главе похож сам на Татьяну: для лицейского товарища, для человека, который с ним вырос

и его знает наизусть, как я, везде заметно чувство, коим Пушкин переполнен, хотя он, подобно своей Татьяне, и не хочет, чтоб об этом чувстве знал свет» (*Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 99—100). Таким образом, Набоков, пересказывая эту запись, развивает и интерпретирует ее.

⁴⁵ *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды // *Звенья*. М.; Л., 1935. № 5. С. 105—108.

⁴⁶ *Филимонов В.* Проза и стихи. М., 1822. Ч. 2. С. 76.

⁴⁷ *Московский телеграф*. 1827. Ч. XIII. № 1. С. 9.

Отрывки из «Путешествия Онегина»

¹ Воспоминания П. А. Катенина о Пушкине // *Лит. насл.* Т. 16—18. М., 1934. С. 639. Разговор происходил на даче графа Василия Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса. Пушкин пишет: «П. А. Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение, может быть и выгодное для читателей, вредит однако ж плану целого сочинения; ибо через то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне знатной даме, становится слишком неожиданным и необъяснимым. — Замечание, обличающее опытного художника».

² Письмо П. А. Катенина П. В. Анненкову от 24 апреля 1853 г. было опубликовано впервые в 1940 г. (см.: *Попов П. А.* Новые материалы о жизни и творчестве А. С. Пушкина // *Литературный критик*. 1940. № 7—8. С. 23).

³ Свод строф, выполненный Набоковым, отличен от того, который представлен в ПСС (1937) Б. В. Томашевским. Строфы I, III и IV даются соответственно по тексту IX, XI и XII строф окончательного напечатанного варианта восьмой главы; строфа II — по второй черновой редакции; строфы V—VIII — по Томашевскому с незначительными изменениями: так, датой отъезда Онегина из Петербурга Набоков приводит не 3 июля, а 3 июня; опускает черновик, строфы IX как вошедшей в печатный текст «Отрывков из „Путешествия Онегина“»; строфы X и XI опять даются по черновой рукописи; XII — по начальным черновым строфам тогда еще восьмой главы. То же относится и к строфе XV, но из нее приводится только та часть, которая не вошла в «Отрывки из „Путешествия Онегина“». Пропустив напечатанные строфы, Набоков опять же дает строфы XXX—XXXIV по черновым рукописям, но строфу XXXIII называет «предпоследней», а XXXIV — «последней».

⁴ Набоков действительно заметил ошибку Пушкина и правильно указал адрес гостиницы «Лондон» (современный — Невский пр., д. 1, угол Адмиралтейского пр.). Ю. М. Лотман в своем комментарии ошибочно указывает: «Hotel de Londres (Лондонская гостиница) — находился на углу Невского и Малой Морской (ныне ул. Гоголя)» (*Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 379). На Морской, но не на углу с Невским, а с Кирпичным пер., располагался в пушкинские времена «Hotel de Paris», или гостиница «Париж», знакомая поэту, но в данном случае он просто перепутал две близлежащие гостиницы. Возможно, заметив путаницу, Пушкин исключил упоминание гостиницы вовсе, так как «Hotel de Paris» не укладывался в ритм стиха. В том, что Набоков прав, убеждает и приведенное им ниже описание гостиницы «Лондон» доктором Гранвиллем.

⁵ Барон Андрей Иванович Дельвиг (1813—1887) — двоюродный брат лицейского товарища Пушкина, военный инженер, один из наиболее точных и скрупулезных мемуаристов. Отдельное издание его мемуаров: *Дельвиг А. И. Мои воспоминания*: В 5-ти т. М., 1912. Набоков, вероятнее всего, пользовался изданием: *Дельвиг А. И. Полвека русской жизни*. М.; Л., Academia, 1930. Т. 1.

⁶ Именины Пушкина приходятся, в соответствии с церковным календарем, на 2 июня по ст. ст. (или 15 июня по н. ст.), когда отмечается память св. Александра, архиепископа Константинопольского (IV в. н. э.).

⁷ В академическом ПСС (1937) указанный стих читается одинаково и в первоначальных черновых строфах, и в сводных рукописях предполагавшейся восьмой главы: «Июля 3 числа» (Т. 6. С. 476, 496). Вариант «Июня 3 числа» действительно печатался, но в более ранних изданиях, например в подготовленном Н. О. Лернером для брокгаузовского Собрания сочинений Пушкина (СПб., 1909. Т. 3. С. 316).

⁸ Новгород расположен в 180 км от Петербурга, что примерно соответствует набоковским ста милям, но 620 км расстояния до Москвы равны примерно 350 милям. Торжок славен прежде всего золотым шитьем по бархату; когда-то и Пушкин купил там пояса, шитые золотом, для княгини В. Ф. Вяземской.

⁹ Расстояние между Тверью и Торжком — 60 км, что составляет около 40, а никак ни 130 миль.

¹⁰ Имеется в виду строчка послания: «У Гальяни иль Кольони...». Гальяни (Галлиани) — итальянец по происхождению, основатель трактира в Твери. Кольони (Cogliope) — по-итальянски в грубой форме значит «дурак», «глупец».

¹¹ «Путешествие из Петербурга в Москву» было разрешено к печати в России только в 1905 г. В 1856 г. его издал в Лондоне А. И. Герцен. У Пушкина был экземпляр первого издания с пометками Екатерины II.

¹² Набокову ко времени окончания им комментария не было известно дополнение с публикацией этой строфы в качестве предполагаемой черновой к роману в XVII справочном томе (с. 49—50), подписанном к печати 17 декабря 1959 г. Она была представлена в следующем виде:

«Женись» — На ком? — «На Вере Чацкой»
 Стара — «На [Радиной]» — Проста
 «На Хальской» — Смех у них дурацкой
 «На Шиповой» — Бедна, толста
 «На Минской» — Слишком томио дышит
 «На Торбиной» — Романсы пишет
 «На Маше Липской» — Что за тон!
 Гримас, ужимок миллион
 «На [Лидиной]» — Что за семейство!
 [Шалунья] мать, отец дурак —
 «Ну так на Ленской?» — Как не так!
 Приму в родство себе лакеиство
 У них орехи подают,
 Они в театре пиво пьют

Знак вопроса после фамилии «Ленской» был восстановлен.

¹³ Правильно — Кузьма Захарьевич Минин-Сухорукой (Сухорук). Пушкин писал в 1836 г.: «...он для нас мещанин Косма Минин по прозванию Сухорукой, или думный дворянин Косма Миныч Сухорукой, или, наконец, Кузьма Минин, выборный человек от всего Московского Государства..» (ПСС. Т. 12. С. 92)

¹⁴ Дмитриев И. И. Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 87.

¹⁵ Дмитрий Владимирович Набоков (р. 1935) — сын писателя, переводчик. Перевод на английский язык «Героя нашего времени» — его первая крупная переводческая работа, выполненная при участии отца.

¹⁶ Правильный военный термин — «полевою», отсюда — «полевая артиллерия». Использование слова «степная» не связано с рифмой, оно более точно по противопоставлению: степи — горы. Очевидно, Пушкин хочет также сказать, что Онегин оказался под ненадежной защитой конвоя с орудиями, не предназначенными для ведения боя в горах.

¹⁷ Если в пушкинском примечании 17 речь действительно идет об опечатке издателей, вместо *домой летят* напечатавших *зимой летят*, что, как заметил Пушкин, «не имело никакого смысла», то в данном случае никакой опечатки допущено не было. Поэт имел в виду дымящиеся даже зимою горячие минеральные ключи.

¹⁸ Речь идет о следующих стихах из «Бахчисарайского фонтана»:

Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью,
Невольно предавался ум
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тенью
Мелькала дева предо мной!

А «прозаическое» описание фонтана в примечании «Отрывок из письма», которое Набоков сравнивает с «прозаическими бреднями» из «Путешествия», действительно контрастирует с поэтическим: «В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя *la fontaine des larmes* (Источник слез). Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода».

¹⁹ Речь идет о стихотворении «Одесса» Василия Ивановича Туманского (1800—1860), написанном в 1823 г. и впервые опубликованном в альманахе «Полярная звезда на 1824 год».

²⁰ Амадис Галльский — герой рыцарской поэзии и романов, называемый еще по изображению на его щите «Рыцарем Льва», а по образу жизни в пустыне — Бельтенебросом, то есть «сумрачным рыцарем».

²¹ Речь идет о стихотворении Н. М. Языкова «К П. А. Осиповой» («Благодарю вас за цветы...»), впервые напечатанном в «Московском вестнике» в 1827 г. (№ 27, с. 83) с подзаголовком «К А. С. П.» (то есть «К Александру Сергеевичу Пушкину»).

«Десятая глава»

¹ Юзефович Михаил Владимирович (1802—1889) — штаб-ротмистр Чугуевского уланского полка, адъютант Н. Н. Раевского-младшего, поэт и археолог, автор воспоминаний о встречах с Пушкиным на Кавказе. Набоков имеет в виду мнение Б. В. Томашевского, высказанное им в статье «Десятая глава „Евгения Онегина“», по которой цитирует и слова Юзефовича (Лит. насл. Т. 16—18. С. 387). Между тем вовсе не обязательно нужно было стать декабристом для

того, чтобы погибнуть на Кавказе. Для этого было вполне достаточно вступить в армию и добровольцем отправиться на Кавказ.

² Дату посещения Пушкиным Остафьева Набоков высчитывает на основании цитируемой записи Вяземского от 19 декабря 1830 г.: «Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок и 9 главу Онегина. Ею и кончает; из 10-й предполагаемой читал мне строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника...» Цитату Набоков приводит по указанной выше статье Б. В. Томашевского (с. 387).

³ Стих «Моря достались Албиону» в ПСС (Т. 6) отнесен Б. В. Томашевским к строфе VI, однако Набоков выдвигает свою версию дешифровки пушкинской записи, согласно которой четыре стиха из второго столбца левой строки пушкинского автографа являются вовсе не девятью, а пятью стихами зашифрованных строф. Набоков предложил отнести указанные стихи в конечном итоге соответственно к строфам IV, VI, VIII и IX с поправкой на ошибку, допущенную Пушкиным.

⁴ [Царь жирнел] — предположение самого Набокова о наличии этих слов в стихе 14 строфы IV, сделанное исходя из содержания первого стиха следующей строфы, требующего наличия этих слов в предыдущем стихе.

⁵ [Терпеть царей из рода в род?] — также собственное предположение Набокова, объяснение которому он дает ниже в комментарии к данной строфе.

⁶ [Авось] — еще одно предположение Набокова, исходящее из соображения о том, что определение слова «авось» как «народного Шиболета» в первом стихе следующей строфы требует его появления в предыдущей строфе.

⁷ Стих «Авось, дороги нам исправят», относимый ПСС (Т. 6) в качестве девятого стиха к строфе VII, Набоков полагает пятым стихом строфы VI.

⁸ Появление имени Наполеона в последнем стихе строфы VII обусловлено, по мнению Набокова, началом следующей строфы — со слов «Сей муж», действительно предусматривающим наличие этого имени в предыдущем стихе.

⁹ Стих «Измучен казнию покоя» Набоков считает не девятым, как ПСС (Т. 6), а пятым стихом строфы VIII. Включение стиха «Осмеян прозвищем героя» из стихотворения «Герой», в котором, как давно установлено, была использована Пушкиным данная строфа из «десятой главы» ЕО, объяснено Набоковым в комментарии к этой строфе.

¹⁰ Начиная с X строфы, нумерация Набокова оказывается отличной от общепринятой. Очевидная ошибка в зашифровке X строфы, отмеченная в ПСС (Т. 6), дает основание для различного прочтения этой строфы, стихи которой Набоков относит к разным строфам, чем и сбивает дальнейшую нумерацию на одну дополнительную строфу.

¹¹ Набоков считает этот стих с иновым прочтением имени под литерой «Б» (объяснение чему дается в дальнейшем комментарии) не девятым стихом строфы IX, как в ПСС (Т. 6), а пятым стихом строфы XI.

¹² Стихи 9—14 в ПСС (Т. 6) приводятся в другой редакции:

Там П<естель> — для тир<анов>
И рать набирал
Холоднокровный геиерал
И Муравь<ев> его скло<ня>
И полон дерзости и сил
Минуты [вспышки] торопил

Редакция стиха 9 «Там П<естель> кинжал» дана в ПСС (Т. 6) в качестве первоначальной и зачеркнутой. Остается непонятным, почему Набоков пренебрег этой ему известной редакцией. В дальнейшем комментарии он не дает этому никакого объяснения.

¹³ «Я в Париже!» — этими словами начинается письмо из Парижа от 2 апреля 1790 г. в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, которое имеет в виду Набоков, сопоставляя его с письмом К. Н. Батюшкова.

¹⁴ Речь идет о стихотворении князя И. М. Долгорукого «Авось»:

О, слово милое, простое!
Тебя в стихах я восхваляю!
Словцо ты русское прямое,
Тебя всем сердцем я люблю!

(Долгорукий И. М. Соч.: В 2 т. СПб., 1849. Т. 1. С. 436).

¹⁵ Уже после выхода в свет набоковского Комментария возникло предположение о том, что «прелестная гречанка» — это Е. Г. Гартинг, урожденная Стурдза, по первому мужу Гика, что отмечено 2-м изданием «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (Л., 1991. С. 267).

¹⁶ В настоящее время считается, что адресатом письма был В. Л. Давыдов, живший тогда в Каменке, и таким образом туда, а не в Одессу, как дальше пишет Набоков, было направлено письмо, если вообще было отправлено, так как известен только его черновик.

¹⁷ До Набокова никто не дал убедительной расшифровки имени укрытого под литерой «Б». Аргументация Набокова представляется вполне доказательной, и его расшифровка должна быть принята, как давно принято прочтение «Лувель» в том же стихе.

¹⁸ Неясно, почему Набоков не упоминает герцога Рейхштадтского, единственного сына Наполеона, умершего в 1832 г. в возрасте двадцати одного года, (то есть в 1817 г., когда писалась ода «Вольность», ему было шесть лет).

¹⁹ У Яцевича, на которого ссылается Набоков, указывая номер дома, где жил Никита Муравьев, допущена опечатка — надо читать: 25. Это следует из слов самого Яцевича, когда он пишет о доме Остермана (позднее дом Кочубея), расположенном на четной стороне р. Фонтанки: «Стоящий тут же на Фонтанке, недалеко от дома Муравьевой, по другую сторону реки, дом № 16 по набережной принадлежал, в начале XIX века, канцлеру И. А. Остерману».

²⁰ Отпевали Пушкина действительно 1 февраля, но из Петербурга гроб с телом поэта отправился в ночь с 3 на 4 февраля.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Абрам Ганнибал

II

Заметки о просодии

III

Заметки переводчика

Приложение I

АБРАМ ГАННИБАЛ

Предисловие

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! — зываю к ней,
Брожу над морем*, жду погоды,
Маню ветрила кораблей
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольным бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии
И средь полуденных зыбей
Под небом Африки моей**
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил

«Евгений Онегин», гл. I, LI

Нижеследующий очерк, посвященный главным образом таинственному происхождению африканского предка Пушкина, не притязает на разрешение множества трудностей, встречающихся на этом пути. Появлением своим он обязан нескольким лишним часам, проведенным в великолепных библиотеках Корнельского и Гарвардского университетов, и единственная его цель — привлечь внимание к загадкам, не замеченным или неверно решенным другими исследователями. Хотя подчас я болезненно ощущал нехватку первоисточников, хранящихся в России (где они недоступны, кажется, даже и местным пушкинистам), я утешаюсь тем, что любые материалы для любых разысканий гораздо легче достать в учреждениях этой страны, чем в недоверчивом полицейском государстве.

* Цифра «10» рядом с «морем» в окончательном тексте отсылает читателя к пушкинскому примечанию «Писано в Одессе», то есть на северном берегу Черного моря, в 1823 г (Примеч В Н)

** Здесь еще одна цифра, «11», отсылает к примечанию, обсуждаемому ниже (Примеч В Н)

Примечания Пушкина, опубликованные при жизни поэта

В примечании 11 Пушкина к *ЕО*, гл. 1, L, 11 («...Африки моей») в издании 1833 г. сказано: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского»; а в издании 1837 г.: «См. первое издание Евгения Онегина», — это отсылка к отдельному изданию гл. 1 (16 февраля 1825 г.), где есть пространное примечание (написанное, очевидно, в середине октября 1824 г.*, но, наверняка, после 9 августа 1824 г., когда он приехал в свое имение Михайловское (близ Опочки, в Псковской губернии) из Одессы, и, скорее всего, до отъезда его брата в Петербург в начале ноября (с точной копией этой песни); в основе лежит рукописная биография прадеда Пушкина со стороны матери, написанная по-немецки. В пушкинском примечании сказано: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал** на 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь. Российский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому***, который крестил его в Вильне. Вслед за ним брат его приезжал сперва в Константинополь, а потом и в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр I не согласился возвратить своего крестника****. До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих [sic] он был меньшей; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру свою Лагань+, плившую издали за кораблем, на котором он удалялся.

18-ти лет от роду Аннибал послан был царем во Францию, где и начал свою службу в армии регента; он возвратился в Россию с разрубленной головой++ и с чином французского лейтенанта [*фр.* capitaine]. С тех пор находился он неотлучно при особе императора. В царствование Анны+++ Аннибал, личный враг Бирона++++, послан был в Сибирь под благовидным предлогом. Наскуча

* Старый стиль (юлианский календарь) повсеместно используется в данном приложении для датирования событий, происходивших в России (*Примеч. В Н*)

** Французская форма английского и немецкого «Наппиал» и русского «Ганнибал» или «Ганибал»; мы обязаны все время помнить, что классическое образование нашего поэта полностью зависело от французских переводов древних авторов и французских же комментариев к ним. См. ниже мои соображения по поводу фамилии Абрама (*Примеч. В Н*)

*** Петр I, российский император, царствовал с 1682 по 1725 г (*Примеч. В Н*)

**** Здесь и далее в пушкинских примечаниях я выделяю курсивом те пассажи, которые либо не подтверждаются, либо явно противоречат предполагаемым или реальным фактам, что обсуждается ниже. (*Примеч. В. Н.*)

+ Нелепая, однако традиционная русская транслитерация, в немецком тексте биографии имя пишется «Lagan» (*Примеч. В Н*)

++ Факт ранения, кажется, подтверждают головные боли, которыми он страдал впоследствии. Регентом при несовершеннолетнем Людовике XV был Филипп Орлеанский, который правил с 1715 по 1723 г (*Примеч. В. Н.*)

+++ При жизни Ганнибала в России царствовали. Екатерина I, вдова Петра I (с 1725 по 1727 г.); его внук Петр II (с 1727 по 1730); Анна, дочь Ивана, брата Петра I (с 1730 по 1740); Анна, дочь герцога мекленбург-шверинского Карла-Леопольда и внучатой племянницы Петра I, регентствовала с 1740 по 1741 г. при своем несовершеннолетнем сыне, который так и не стал царем, Елизавета, дочь Петра (с 1741 по 1761); еще один внук Петра, Петр III (с 1761 по 1762); и Екатерина II, называемая Великой (с 1762 по 1796), самочинная вдова Петра III (*Примеч. В Н*)

++++ Могущественный фаворит Анны Эрнст Иоганн Бирон (Bühren), герцог Курляндский (1690—1772). (*Примеч. В Н.*)

безлюдством и жестокостию климата, он самовольно возвратился в Петербург и явился к своему другу Миниху*. Миних изумился и советовал ему скрыться немедленно. Аннибал удалился в свои поместья, где и жил во все время царствования Анны, считаясь в службе и в Сибири. Елисавета, вступив на престол, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибал умер уже в царствование Екатерины, уволенный от важных занятий службы с чином генерал-аншефа на 92 году от рождения [в 1781 г.]². [Авторская сноска к этому тексту гласит: «Мы со временем надеемся издать полную его биографию».]

Сын его генерал-лейтенант И. А. Аннибал принадлежит бесспорно к числу отличнейших людей екатерининского века (ум. в 1800 г.).

В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям»³.

Предки Пушкина

Фамилия дворянского рода Пушкиных прослеживается до Константина Пушкина, родившегося в начале XV в., младшего сына некоего Григория Пушки. От Константина идет прямая нисходящая линия к Петру Пушкину (ум. в 1692 г.), предку обоих родителей нашего поэта (прадед по отцовской линии его отца и прапрадед его матери по материнской линии)⁴.

Сын Петра Пушкина Александр (ум. в 1727) был отцом Льва (ум. в 1790), который в свою очередь был отцом Сергея (1770⁵—1848), женившегося в 1796 г. на Надежде Ганнибал (1775—1836) и ставшего отцом поэта Александра Пушкина (1799—1837).

Младший сын Петра Пушкина Федор (ум. в 1728) был отцом Алексея (ум. в 1777), отца Марии (ум. в 1818). Мария Пушкина вышла за Осипа Ганнибала (1744—1806), третьего сына Авраама Петрова, он же Ганнибал, обрусевшего африканца (1693?⁶—1781). Дочь Марии и Осипа Надежда вышла за Сергея Пушкина (троюродного брата ее матери) и стала матерью нашего поэта.

У Авраама (Авраама, Авраама, Ибрагима) Петровича или Петрова (отчество, данное при крещении) Аннибала, или Ганнибала, или Ганибала (взятая им фамилия), далее именуемого «Абрам Ганнибал», было одиннадцать детей от второй жены, Христины Регины фон (?) Шёберг или Шёберх (род. в 1706 г.⁷, ум. на два месяца раньше мужа), в том числе: Иван Ганнибал (1731?⁸—1801), видный генерал⁸; Петр Ганнибал (1742—1825?), артиллерийский офицер и помещик⁹; Осип Ганнибал (1744—1806), тоже военный в своем роде, дед нашего поэта с материнской стороны (в 1773 г. он женился на Марии Пушкиной, троюродной сестре Сергея Пушкина¹⁰); и два Ганнибала понезаметнее — Исаак (1747—1804) и Яков (род. в 1749).

Нижеследующие заметки в той мере, в какой речь идет о моих собственных изысканиях, посвящены прежде всего происхождению Авраама Ганнибала и первой трети его жизни.

* Бурхард Кристоф Миних (Munnich, 1683—1767), граф, фельдмаршал (Примеч. В Н)

Документы

Основные документы, касающиеся происхождения Абрама Ганнибала, суть следующие.

«Прошение»: канцелярская копия прошения, в феврале 1742 г. (то есть в царствование Елизаветы, дочери Петра) поданного генерал-майором Абрамом Ганнибалом, обер-комендантом Ревеля, или Реваля (ныне Таллин), — города на северо-западе России — в Сенат, о пожаловании ему дворянского диплома и герба¹¹.

«Немецкая биография»¹²: л. 40—45 рукописи, приблизительно в 4000 слов (рукопись зарегистрирована в Государственной библиотеке им. Ленина в Москве как тетрадь 2387А и представляет собой пачку листов, сшитых полицией в книгу сразу после смерти Пушкина¹³), содержащие анонимную биографию Абрама Ганнибала, написанную убористым готическим почерком на высокопарном и цветистом, но не слишком грамотном немецком. Все, что мы знаем об этой «Немецкой биографии» (рукописи которой я не видел), сводится к следующему: она написана после смерти Абрама Ганнибала (1781)¹⁴; в ней есть подробности, вроде отдельных имен и дат, которые мог помнить только Ганнибал; и при этом в ней много такого, что противоречит или историческим документам (например, прошению самого Ганнибала), или элементарной логике и явно вставлено биографом с расчетом подправить историю, заполнить пробелы и истолковать лестным для героя (хотя, в сущности, нелепым) образом то или иное событие его жизни. Поэтому я считаю, что, кто бы ни состряпал эту гротескную поделку, он (или она) своими глазами видел(а) какие-то автобиографические наброски самого Ганнибала. В немецком языке, по-моему, узнается житель Риги или Ревеля. Возможно, автором был кто-то из ливонских или скандинавских родственников госпожи Ганнибал (урожденной Шеберг). Скверная грамматика, по-видимому, исключает авторство профессионального генеалога¹⁵.

Пушкинское примечание 11 к «Евгению Онегину», основанное преимущественно на этой биографии, но с деталями, прибавленными или из семейных преданий, или из романтических фантазий, уже приводилось.

Есть еще четыре документа, сами по себе любопытные и важные, но нашу тему несколько не проясняющие: (1) анонимный, топорный и неполный русский перевод «Немецкой биографии» на л. 28—29 и 56—58 той же тетради 2387А¹⁶, записанный пушкинским почерком, вероятно, в октябре 1824-го и, бесспорно, не позже конца года, но, судя по неотесанности стиля, под диктовку кого-то, лучше, чем он, владевшего немецким, и испещренный несвязными пушкинскими пометами на полях; (2) весьма краткое *curriculum vitae**, написанное стареющим Петром Ганнибалом** или под его диктовку, когда он жил в своем небольшом имении Петровском¹⁷ недалеко от пушкинского Михайловского; (3) несколько слов об Абраме в генеалогических заметках, составленных Пушкиным в начале

* Жизнеописание, краткие сведения о чьей-то жизни (лат.).

** В письме от 11 августа 1825 г. Пушкин писал своей деревенской соседке Прасковье Осиповой: «Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку, — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда». Он сумел достать только это? (Примеч В Н)¹⁸

1830-х гг. и известных под названием «Родословная Пушкиных и Ганнибалов», где касающийся Ганнибала короткий отрывок начинается словами: «Дед ее матери был негр...» (в той же тетради 2387А, л. 25, 60, 26, 59, 62); и (4) едва просматривающиеся за вымыслом факты в неоконченном историческом романе Пушкина (1827), состоящем из шести глав и начатой седьмой, изданном посмертно под названием «Арап Петра Великого» (1837), где Абрам выведен как Ибрагим (турецкая форма имени Авраам).

Даты жизни Абрама Ганнибала

Согласия между тремя самыми ранними биографами Ганнибала — Гельбигом (Helbig G. von, 1787?), неизвестным автором «Немецкой биографии» (около 1785) и Бантыш-Каменским (1836) — нет. Гельбиг утверждает, что Абрам умер в 1781 г. в возрасте восьмидесяти семи лет. В «Немецкой биографии» говорится, что он умер 14 мая 1781 г. на девяносто третьем году жизни, из чего следует, что впервые он приехал в Москву, будучи семнадцатью лет от роду, хотя в этом же документе написано, что в то время ему было «unter zehn Jahren»* и что в 1723—1724 гг. ему шел двадцать восьмой год. Бантыш-Каменский пишет, что Абрам умер в 1782 г. в возрасте девяносто одного года (возможно, исходя из сведений, опубликованных в примечании Пушкина 1825 г.). Итак, дата рождения определяется в пределах между 1689 и 1697 г. Я склонен принять 1693 как наиболее приближенный к исторической правде.

На основании пушкинских маргиналий в тетради 2387А (судя по описанию этой рукописи) мы можем утверждать, что за исключением «Немецкой биографии» хронологических данных о происхождении и юности прадеда у нашего поэта не было. Приступая к историческому роману «Арап Петра Великого» (31 июля 1827 г.), Пушкин попытался вычислить годы рождения и смерти Ганнибала по скудным и разноречивым данным «Немецкой биографии» (кажется, он не знал или не счел тогда нужным использовать труд Гельбига). На полях первой страницы русского перевода «Немецкой биографии» (л. 28, если следовать порядку, в каком листы были посмертно сшиты)¹⁹ поэт сосчитал, что поскольку в 1725 г. Абраму было двадцать восемь лет (а значит, восемьдесят четыре ко времени смерти), то годом его рождения должен быть 1697-й и девятилетним мальчиком (в согласии с утверждением «Немецкой биографии», которая, наверное, и спровоцировала эти подсчеты) его привезли в Россию в «1708» (или простая описка вместо верного 1706, или умышленный просчет). Подобно многим великим людям, математиком Пушкин был усердным и никудышным.

В другом невразумительном подсчете — вверху четвертой страницы продиктованного ему сокращенного русского перевода «Немецкой биографии» (2387А, л. 56) — наш поэт, видимо, пробовал найти дату рождения Ганнибала, если в 1725 г. тому, предположим, было не двадцать восемь, а двадцать шесть лет. Он обнаружил, что выходит 1699-й, и, прибавив девять, получил искомый «1708», то есть тот год, когда, по его мнению, Ганнибал был крещен сразу по приезде в Россию.

* «Не было и десяти лет» (нем.).

В загадочной записи в правом углу второй страницы (2387А, л. 57): «привезен [в Константинополь] [1]696», — очевидно, подведен итог подсчетам, основанным на словах «Немецкой биографии», будто из Абиссинии Ганнибала увезли семилетним, а умер он в девяносто два года. Неизвестно, как Пушкин справился с досадным математическим следствием: выходило, что маленький мавр провел в серале у султана десять лет и в Москве перед царем предстал семнадцатилетним детиной²⁰. Единственная интересная запись — фамилия «Шепелев», написанная на полях той же страницы слева. Складывается впечатление, что Пушкин считал, будто Дмитрий Шепелев (ум. в 1759)* был в то время русским посланником в Турции. В действительности же посланником был Петр Толстой.

Происхождение Ганнибала

В начале «Немецкой биографии» говорится: «Awraam Petrowitsch Hannibal war <...> von Geburt ein Afrikanischer Mohr aus Abyssinien»**.

Следовательно, это обстоятельство было Пушкину (записавшему русский перевод) известно, но в собственных заметках он ни разу, говоря о своем предке, не уточняет места его рождения.

Примечание к гл. 1 *ЕО* (см. выше «Примечания Пушкина...») начинается словами: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского».

Алексей Вульф в дневниковой записи вспоминает, что 15 сентября 1827 г. в Михайловском Пушкин показывал ему «только что написанные первые две главы романа в прозе [теперь известного как «Арап Петра Великого»], где главное лицо представляет его прадед Ганнибал, сын Абиссинского эмира, похищенный турками, а из Константинополя русским посланником присланный в подарок Петру I, который его сам воспитывал и очень любил»²¹.

В русском переводе «Немецкой биографии» незнакомец, диктовавший нашему поэту, передает «Afrikanischer Mohr» выражением «африканский арап». Да и сама «Немецкая биография» в дальнейшем изложении именует Ганнибала «Neger».

Абиссинцы (они же эфиопы в строгом смысле) цвет кожи имеют от смуглого до черного. Их тип есть семито-хамитская составляющая кавказской расы; и негроидные черты настолько преобладают у иных племен, что в подобных случаях применим и обобщенный термин «негр»; но, отвлекаясь от этих соображений (к которым я вернусь в конце заметок), отметим, что рядовой европеец того времени — в том числе как видно, и сам Абрам Ганнибал — в обиходной речи отнес бы к «неграм» или к «арапам» («арап» — обратите внимание на последнюю согласную) любого более или менее темнокожего африканца, если он не египтянин и не араб.

В кратком *curriculum vitae* со страшными ошибками против правописания, которое Петр Ганнибал написал или, скорее, продиктовал, уже впадая в маразм (вероятно, осенью 1825 г., когда, судя по всему, его навещал поэт), утверждает: «Отец мой <...> был негер, отец его был знатного происхождения, то есть

* В качестве гофмаршала (*англ.* earl marshal, организатор придворных церемоний) сопровождал Петра I, когда тот путешествовал по Западной Европе в 1716—1717 гг., Елизавета, дочь Петра, произвела его в генералы в 1743 г. (*Примеч В Н*)

** «Авраам Петрович Ганнибал был < > по рождению африканский арап из Абиссинии» (*нем*)

владельцем князем, и взят во омонаты [Кавказское слово, обозначающее заложника]. Отец мой Константинопольского двора, из оногo выкраден и отослан к государю Петру I-вому»²².

Все это Пушкин повторил в «Родословной... Ганнибалов».

«Немецкая биография» продолжает так: «Он был <...> сын одного из тамошних могущественных и богатых влиятельных князей, горделиво возводящего свое происхождение по прямой линии к роду знаменитого Ганнибала, грозы Рима. Его [Абрама] отец был вассалом турецкого императора или Оттоманской империи; вследствие гнета и тягот [*Druck und Belastigung*] он восстал в конце прошлого века с другими абиссинскими князьями, своими соотечественниками и союзниками, против султана, своего государя; за этим последовали разные небольшие, но кровопролитные войны; однако же в конце концов победила сила, и этот Ганнибал [Абрам], младший сын владетельного князя, на восьмом году жизни был с другими знатными юношами отправлен в Константинополь в качестве заложника. Однако по молодости лет этот жребий должен был миновать его. Но так как у его отца, по мусульманскому обычаю, было много жен (чуть ли не тридцать, и соответственно этому множество детей), эти многочисленные старые княгини с детьми объединили свои усилия в стремлении спасти себя и своих; а поскольку [Абрам] был младший сын одной из младших княгинь, не имевшей при дворе достаточно приверженцев [в отличие от старших княгинь], они нашли способ хитростью и интригами, почти насильно посадить его на турецкое судно [*Fahrzeug*] и поручить предназначенной ему судьбе».

Я намерен показать, что в 1690-е гг., то есть в те времена, о которых идет речь, вассалом Оттоманской порты не был ни один абиссинец и не было среди абиссинских князей ни мусульман, ни таких, кого могли бы заставить платить Константинополю дань. Обсудим и «грозу Рима». Но прежде чем я попробую распутать всю эту неразбериху, взглянем на географическую ситуацию.

Место рождения Ганнибала

В «Прошении» Абрама Ганнибала (1742) есть следующие сжатые, но важные сведения: «Родом я, низайший, из Африки, тамошнего знатного дворянства, родился во владении отца моего в городе Лагоне [Лагона, Лагоно или Лагон: «в городе Лагоне» — это местный падеж, по которому в русском языке нельзя понять окончание падежа именительного], который и кроме того имел под собою еще два города»*.

Следует отметить (поскольку мы вынуждены опираться на этот текст, ибо он упоминается в различных биографиях, приведенных в конце данного Приложения — см., например, Анучин), что конкретная область Африки в «Прошении» не названа. В силу сказанного в «Немецкой биографии» я предполагаю, что упомянутый город расположен в Абиссинии. Как я уже говорил, местный падеж не дает ключа к правописанию именительного; мало этого, еще и смехотворная русская привычка передавать и «h» и «g» с помощью русской «гаммы»

* Следующую фразу прошения см. в разделе «Ганнибал и Рагузинский». (Примеч В. Н.)

лишает нас возможности узнать, выглядит ли это африканское название в латинской транскрипции* как «Lagon», «Lahon», «Lagona», «Lahona», «Lagono» или «Lahono». Я подозреваю, что верной транскрипцией неведомого оригинала будет «Lahona», но далее буду обозначать это место буквой «L». Сильно смущает сходство имени сестры Ганнибала, упомянутой в «Немецкой биографии», с названием его родного города, встречающегося только в «Прошении». Я не нашел — в пределах тесного круга моего чтения — ни одного случая, чтобы абиссинский ребенок получал имя по месту рождения.

В работе, стоящей ниже всякой критики в том, что касается истории, этнографии и географической номенклатуры, увлекшийся антропологией журналист Дмитрий Анучин (1899)²³ сообщает, что, поговорив с французским путешественником Сент-Ивом (Жорж Сент-Ив?) и с профессором Пауличке (речь идет, видимо, о Филиппе Пауличке), он пришел к выводу, что «L» — это город и область, расположенные на правом берегу реки Марерб в провинции Хамазен. У «Логго», предлагаемого Пауличке²⁴ (со слов Анучина), равно как и итальянской картой 1899 г. (которой я не видал), и у «Лого» Солта²⁵ (которое нам предстоит рассмотреть) каким-то образом по ходу комментариев и выводов Анучина вырастает хвост сперва в виде «t», а потом и в виде «n», чего не происходит ни с одним из моих «L»; поэтому здесь я с Анучиным расстаюсь и пускаюсь в самостоятельные поиски.

Шарль Понсе²⁶ (путешествовавший в 1698—1700 гг.) делит Эфиопскую империю на несколько царств (провинций), среди которых упоминается Тигре. Тигре (где правил наместник «Gaugkos») он делит на двадцать четыре княжества (округа), из которых называет лишь несколько, например «Saravi» (Serawe), плато на высоте 6000 футов.

Генри Солт веком позже выделяет в собственно Тигре («обычно именуемое царством Бахарнегаш») в два раза меньше округов, чем Понсе, называя Хамазен на севере, Сераве к югу от него и крохотный округ Лого еще южнее. Несколько позже, когда Хамазен и Сераве превратились в провинции, Сераве, распространившись или переместившись к реке Марерб, поглотила округ Лого и другие небольшие округа.

Где находится Марерб, установить легко, и название этой реки почти не изменяется в отчетах разных путешественников, из которых лишь немногие были составлены до XIX в. Изучение старинных карт по репродукциям в блестящем труде Альбера Каммере²⁷ (1952) показывает, что это Марерб у Якопо д'Анжело (он же Аньоло делла Скарпериа), Рим, рукопись, ок. 1450; у Мельхиседека Тевенота (по Бальтазару Теллецу), 1663; у Иова Людольфа, 1683; у Бургиньона д'Анвиля, 1727; у Брюса, 1790 (начерчена в 1772); это Мариб у Фра Мауро, 1460; Марабо у Якопо Гастальди, 1561; Марабус у Ливио Сануто, 1578; Мараб у отца Мануэля де Альмейды, 1645 (набросок около 1630 г.). Это и Мораба из отчета Понсе (1704).

* То есть написанное алфавитом, повсеместно принятым в географической номенклатуре. Не станем принимать в расчет индивидуальные ошибки или транслитерационные предпочтения (латинские, испанские, итальянские, немецкие, английские, французские и т. д.) в рамках этого алфавита и склонность знатоков того или иного языка раздражаться вихрем диакритических знаков. Автор этих строк горячо надеется, что кириллица, наравне с еще более дикими буквами азиатских языков, в ближайшее время будет изъята из употребления раз и навсегда. (Примеч В Н)

Собеседник Анучина или, что вероятнее, сам он спутал два разных места — Лого и Логоте. Сент-Ив, путешествуя, я думаю, во второй половине XIX в., со Столовой горы (Токуле) видел город Логот (по русской транслитерации Анучина) в долине Мареба. Во времена Солта (1810) Лого и Логоте (или Леготе) были двумя разными городками в сопредельных округах: Лого севернее, а Леготе южнее, причем последнему южной границей служил отрезок реки Марерб — Муннай. Согласно утверждению другого автора, говорящего о Логоте (Т. Лефевр / T. Lefevbre, vol. 3, 1846, p. 21, 28²⁸; его, несомненно, читал французский собеседник Анучина), округ Логоте (Леготе Солта) отделен от округов «Церана» и «Токуле» рекой Белесса (то же самое, что Май Белессан у Солта) — притоком Мареба. Белесса, судя по описанию Лефевра, в сухой сезон теряется по образцу Мареба в песках, правда, стоит всего лишь копнуть, чтобы добыть воды в избытке. «Так как долина Логоте весьма нездорова и кишит хищниками [львами, пантерами], все деревни располагаются на горной цепи», и жители, которым за водой приходится с безводных высот спускаться в долину, «очень бережно относятся к своим запасам».

Марерб, в своем центральном течении отделяющий, грубо говоря, север Абиссинии от остальной страны, в разное время года и в разных местах своего извилистого русла предстает то яростным потоком, то подземным ручьем, то исчезающей в песках струйкой. Разные его участки имеют (или имели) особые местные названия. Истоки он берет на северо-востоке в пятидесяти милях от Анслейского залива Красного моря; ниже Дебарвы это жалкий ручеек с узким руслом; затем он набухает, бежит к югу, сворачивает на запад и, вобрав множество рек, стекающих с северных гор, течет на запад к суданской границе, чтобы близ Кассалы уйти в землю, но в самую влажную погоду его последние струйки добираются до Атбары. В числе мелких северных притоков мы видим Серемай, Белессу и Обель. Последняя есть на карте Бента (1893)²⁹ и на военной карте США (1943); речку Серемай, протекающую точно к востоку от Обель, упоминает Солт (1814), который, продвигаясь в глубь страны от Красного моря, выехал 5 марта 1810 г. (с. 242) из города Диксан и на другой день прибыл в живописное селение Абха (с. 245): «7 марта. Мы поставили палатки в пять утра и прошли около мили на юг, так что холм Кашаат оказался, как и надлежало, к востоку от нас, в каковой точке <...> мы взяли несколько западнее и прошли около восьми миль <...> пока не достигли удобной стоянки на берегу реки, прозываемой Серемай. Река эта прокладывает свой путь по дну небольшой замкнутой долины, со всех сторон окруженной крутыми и каменистыми холмами, в одном из укромных уголков которой, примерно в миле к востоку, расположен большой город, по названию Лого, от которого взято имя всего округа».

В то время (1810) Лого управлялось мятежным вождем, «который в прошлогоднюю кампанию был усмирен расом»³⁰ и который попытался задержать и ограбить караван Солта. Ничто не мешает нам считать его пятиюродным братом Пушкина.

Из Лого отряд Солта выступил на юго-юго-запад (с. 248): «Наша дорога шла <...> по дикой и невозделанной местности; мы пересекли реку Май Белессан <...> и, совершив крутой подъем, достигли деревни Леготе <...> Подсчет расстояния, пройденного от последней стоянки [на реке Серемай, милей западнее деревни Лого], дает около восьми миль». Затем Солт переправился через Марерб и пошел к югу до «совершенно отвесной» горы (Дебра Дамо), «которая в древнейшую эпоху абиссинской истории служила местом заключения младших

отпрысков [королевской] фамилии» (с. 248), в каковой точке Солт вспомнил «прекрасный и назидательный роман» доктора Джонсона. Имеется в виду пресная книга Сэмюэла Джонсона «The Prince of Abissinia» или (в последующих изданиях) «The History of Rasselas, Prince of Abissinia»*, которая вышла без имени автора в двух томах весной 1759 г. — это было время, когда читатели ухитрялись находить поэзию и дарование в плоской фельетонности Вольтеровых «Сказок». Еще раньше (в 1735 г.) Джонсон ради нескольких шиллингов перевел «Voyage historique d'Abissinie, du R. P. Jérôme Lobo»** (Paris, 1728) Иоахима Ле Грана (здесь кроется объяснение написанию «Abissinie» в «Расселасе», озадачившее Джеймса Маколи, написавшего предисловие к факсимильному изданию этой книги в 1884 г.). Иеронимо Лобо, собственный текст которого никогда не увидел свет, был португальским иезуитом; он побывал в Абиссинии в 1624—1632 гг., когда там царствовал Сусней (Малак Сагад III, позднее известный под именем Селтан Сагад I), открыто объявивший о своем подчинении Риму; героем повести Джонсона был брат этого императора по имени рас (принц) Сеела Крестос (или Селла Крестос), он же Расселас у Ле Грана (с. 502), правитель Гаджама и один из самых твердых приверженцев иезуитов (Beskingham and Huntingford, 1954, p. XXV, 59)³³. С каким удовольствием думаешь о том, что в один день Солт мог повидать и место рождения пушкинского предка, и место действия повести Джонсона.

Мне удалось отыскать Лого лишь на двух картах: одной, приложенной к труду Солта, и другой, менее подробной (взятой, бесспорно, у Солта, но без ссылки на него), поясняющей путевой журнал Сэмюэла Гобата (швейцарского священника, родившегося в 1799 г.), который он вел в 1830—1832 гг.³⁴. На карте Солта этот городок (или деревня) расположен на 39°2'5" с. ш. Он лежит милях в сорока пяти к северо-северо-западу от Аксума и милях в пятидесяти к югу от Дебарвы. Я не уверен, что он существует по сию пору; возможно, он переместился куда-нибудь в сторону, как это часто случается с абиссинскими селениями; но призрак Лого следует искать к северу от отрезка реки Малерб Мунная и к востоку от ее маленького северного притока Обель («обель» значит «тамариск» на языке тигре) в бывшей провинции Серао (Серае или Сераве). На карте Баратьери (1896) обозначен «Май Лахале» на 38° 7' в. д., 14° 7' 5" с. ш.; а на военной карте США (1943) есть «Ади Май Лаам» на «Асмаре» на 38° 9' в. д., 14° 8' с. ш. «Ади» значит «селение», «май» — «вода» или «брод», «лахам» — возможно, «скот» или (согласно Солту, 1811, III, 12) «дерево, подобное манго» (речь идет, я полагаю, о «Eugenia owariensis Beauv»). Нигде на многочисленных картах, составленных до XVIII в., не нашел я и намека на

* «Принц Абиссинский»; «История Расселаса, принца абиссинского» (англ.). «Расселас» имелся в библиотеке Пушкина (Ballantyne's Novelist Library, vol. V. London, 1823³¹, в этом же томе — «Сентиментальное путешествие» Стерна и «Векфильдский священник» Голдсмита), но Пушкин был не так силен в английском, чтобы его прочесть³². Если он и знал повесть Джонсона, а так, видимо, и было, то лишь во французском переводе, которых существовало несколько (Бело, 1760, Фушекур, 1798, Луи, 1818; Нотре, 1823). В 1795 г. в Москве вышел русский перевод, но русские дворяне обыкновенно пренебрегали скверными переделками на родном языке и предпочитали более гладкие, но едва ли более точные французские переложения. Так, поэт и декабрист Кюхельбекер читал «Расселаса» по-французски в Свеаборгской крепости 2 февраля 1832 г. (Примеч. В Н)

** «Историческое путешествие в Абиссинию Р. П. Жерома Лобо» (фр)

«Лого», «Лагон» или «Лагону», если не считать прозрачных итальянских или испанских описательных терминов для «озера», «канала», «горячего ключа» или «пруда» («lagone»).

Трудность состоит в том, что как раз в нужный период, от последних приездов иезуитов в 1630-е гг. до путешествия Джеймса Брюса в 1770-е, ни один пишущий европеец, кроме Понсе (1698—1700), не навестил северной Абиссинии — ни Лобо (в изложении Ле Грана), ни Альмейда, ни Понсе, ни Брюс не упоминают «L».

Однако я обнаружил еще одно место, которое может претендовать на роль родины Ганнибала. Солт в более раннем путевом журнале (1811) упоминает деревню «Лахайна»*, которую он заметил 9 сентября 1805 г., идя в северном направлении от «Анталу» (Антало), столицы Тигре-Эндорты, в сторону «Муккулаха» (Макалле) в той же провинции. Лахайна эта находится, или находилась, милях в шести от Антало, приблизительно к северо-северо-востоку, и, стало быть, примерно в ста милях к юго-юго-востоку от Лого. Ни на одной карте найти ее я не сумел, но, принимая в расчет сообщение Солта (он только что миновал «живописную деревню Гараке», которую я отождествляю с Гаргарой на военной карте США, 1943), я бы поместил Лахайну на полпути между 39° и 40° в. д. и 13° и 14° с. ш. Выступив из «Гараке» и продвигаясь от холма к холму, Солт заметил «справа на склоне [в восточном направлении] довольно большую деревню, называется она Лахайна, от какого места дорога, повернув несколько к западу, повела по более возделанной местности, густо усаженной акацией и кустарником...»³⁵. Почему бы не счесть эту Лагайну, а не Лого или Логоте, той самой Лагоной или Лахоной из «Прощения» Ганнибала? Были, наверное, и другие, сходно звучащие топографические названия (производные, скажем, от корня «лахам»). Таким образом, я полагаю, что вопрос о точном месте «L» к моменту написания этой работы (1956) остается нерешенным, но я склонен считать, что она находилась в северных областях Абиссинии, где мы бредем, поднимая книжную пыль, вслед за мулами и верблюдами дерзких караванов.

Сестра Ганнибала

Коснувшись интриг старших жен, сумевших отправить сына младшей княгини к туркам, «Немецкая биография» продолжает: «У его единственной единоутробной сестры Лагани³⁶, бывшей на несколько лет его старше, нашлось достаточно мужества, чтобы воспротивиться этому насилию. Испытав все средства, но принужденная наконец уступить большинству, она, все еще в надежде вымолить или выкупить за свои драгоценности свободу возлюбленного брата, проводила его до борта этого кораблика; однако, видя, что все усилия ее нежности [zärtliches Bemühen] бесплодны, она бросилась в отчаянии в море и утонула. И до конца дней своих проливал достопочтенный старец [Абрам] слезы, вспоминая об этой нежнейшей дружбе и любви, так как, несмотря на чрезвычайную молодость в момент своего трагического исхода, это печальное воспо-

* Это, вероятно, ошибочное написание или Лахамы, или Лехамы, небольшого округа в Андорте, упомянутого Лефевром (vol. 3, p. 43). На свете, конечно же, есть еще одна «Лахайна», а именно бывшая резиденция королей Гавайских островов. (Примеч. В Н)

минание вставало перед ним как новое, во всех подробностях каждый раз, когда он думал о сестре; нежность сестры заслуживала этой слезной жертвы: она так отчаянно боролась за его свободу и оба они были единственными детьми своей матери».

Пушкин в примечании к изданию «Евгения Онегина» 1825 г. явно исправляет «Немецкую биографию», говоря: «[Абрам] помнил также любимую сестру свою Лагань, плывшую издали за кораблем, на котором он удалялся».

Как я уже говорил, здесь Пушкин беспечно подчиняется русской традиции передавать латинское «h» русской «гаммой» (так что «Непгу», например, превращается в «Генри», а «Непе» надевает маску «Гейне»). Более того, он хочет, чтобы женское имя с последним согласным (что по-русски немыслимо) звучало в согласии с нормой русского языка, и прибавляет к нему «мягкий знак».

Удаляющийся корабль, в кильватере которого плыла — слегка опережая романтическую эру — пылкая сестра, можно бы, конечно, приговорить к сокращению до тростникового плота на разлившейся реке, да и все происшествие циник бы отбросил как небылицу из разряда тех, что старость принимает за подлинные события; но есть причина, по которой этот случай заслуживает внимания: имя «Laḥann» мне представляется вполне абиссинским*.

Вообще говоря, имена на «L» и особенно на «La» в абиссинских хрониках попадаются сравнительно редко. Словари говорят, что в амхарском есть мужское имя «Лайахан»; а в годы правления короля Бахафа (1719—1728) жил генерал по имени Лахен, скончавшийся около 1728 г. в бытность губернатором Хамазена (R. Basset, 1881, N° 18, p. 363³⁷).

Мы не знаем, ни сколько лет было расу Фаресу, правителю Тигре, в 1690-е гг., ни числа его жен или наложниц. Но нам известно, что в ту пору рас Фарес был уже в летах, а также знаем из хроник (Basset, N° 18, p. 310), что его молодую жену, умершую самое позднее в 1697-м, звали Лахиа Денгел или Лахья Денгел (что на тигре означает «красота Девы») — поразительно похоже на имя девушки, которая могла быть ее дочерью.

Родословная Ганнибала

Чтобы понять разнообразные невероятности и нелепости «Немецкой биографии», стоит вкратце припомнить историю Абиссинии.

Евангелие в ней было впервые проповедано около 327 г. от Рождества Христова Фруменцием (ок. 290 — ок. 350), уроженцем Финикии, которого Афанасий Александрийский рукоположил в епископы Аксума. Слух об этой первобытной империи, столь близкой к Аравии, столь далекой от Рима, долго шел до Западной Европы. Первые надежные сведения явились счастливым результатом злополучных начинаний, предпринятых иезуитами-миссионерами, не убоявшимися неведомых ужасов баснословной страны в надежде на святые

* В турецком языке, который Ганнибал мог некогда понимать, «laḥana» означает «капуста», а «laḥin» — «нота», «тон», «мелодия». В арабском «laḥan» означает «мелодия», «модуляция», «неправильное произношение», а «layaḥan» — «мягкость», «нежность», *Zärtlichkeit*. В некоторых восточных языках корень *lah-* ассоциируется с «распущенной женщиной» (ср. русское «лаханка» — «неряха», псковский диалект, и «лахудра» — «низкая распутница»). (Примеч В Н)

утехи, которые заключались в раздаче образков с истинными кумирами и в тайном перекрещивании туземных детей под благочестивым предлогом медицинской помощи. Из этих храбрецов одни преуспели в мученичестве, другие — в составлении карт. В XVI в. португальские войска помогли абиссинцам избавиться от сравнительно краткого мусульманского господства, которое началось приблизительно в 1528 г. и длилось до середины века. Однажды, около 1620 г., при короле Суснее португальские иезуиты все-таки обратили абиссинцев в гротескный вид католицизма, захиревший примерно в 1630 г. — с воцарением Фасилидаса, который восстановил прежнюю веру и вернул монофизитскому клиру церкви. Уже в новое время русские с радостным изумлением обнаружили сохранившийся еще в Эфиопии своего рода естественный православный вкус к древнему отшельничеству; протестантских же миссионеров туземцы подозревали в язычестве вследствие безразличия их к изображениям святых женского пола и крылатых мальчиков.

В единственно интересный нам период — в последние годы XVII и первые XVIII в. — христианами были почти все абиссинцы, то есть они принадлежали абиссинской церкви, соединившей в унылую смесь с коптским душком самые нелепые идеи древних христианских и иудейских священников, приправив их местными дикарскими мерзостями. Несмотря на память о жестоких вторжениях, государство, исходя из коммерческого интереса, терпимо относилось к мусульманам, а также (из интереса спортивного) — и к племенам негров-язычников, таким, как народность шангалла, к которой принадлежали черные дикари, что населяли в то время область, соседнюю с Лого или даже включавшую его, там, «где река Марерб, миновав Дебарву, течет сквозь густые заросли» (Bruce, 1790, II, 549)³⁸. В конце XVII в. и позже абиссинские цари с упоением отдавались регулярным сафари на этих язычников, и нет ничего невероятного в предположении, что в ходе такой охоты и был захвачен предок Пушкина, потом проданный туркам.

К 1700 г. почти стерлись следы мусульманского нашествия, случившегося более полутора веков до того под предводительством Ахмеда ибн Ибрагима эль-Гази, по прозвищу Грань (Левша), возможно сомалийца. Уже ко времени Иоанна I (ок. 1667—1681) мусульмане, хотя и сохранили за собой острова у восточного побережья, внутри страны политическую власть потеряли и в абиссинских городах должны были селиться в особых кварталах. Вполне допустимо, что отец Ганнибала был языческим воином или зажиточным мусульманским купцом, равно как и то, что он был местным вождем княжеских кровей, правившим округом или провинцией; зато совершенно невозможно предположить (как это делает Анучин, а следом за ним Вегнер и другие беспомощные и несмелые компиляторы), будто около 1700 г. всего в 150 милях к северу от Гондара, гордой столицы Абиссинии, и меньше чем в 50 милях к северу от ее священного города Аксума правивший тремя городами абиссинский вельможа мог быть подданным турецкого султана, а значит, и вассалом Оттоманской империи!

Примем теперь, что (1) отец Ганнибала действительно был областным правителем в северной Абиссинии и что (2) воспоминания Ганнибала о «налогах» и «дани» искаженным и туманным образом отвечают каким-то историческим реалиям.

Ганнибал родился в городе, название которого начинается на «L», в собственно Тигре или в Тигре-Эндорте, около 1693 г., в правление Иисуса Великого

(Иясу I, взошедшего на трон под именем Адийам Сагад I), который наследовал своему отцу Иоанну в 1680 г. (согласно Бассе), или 1681 (согласно Ж. Перрушону), или 1682 (согласно Бекингему и Хантингфорду) и погиб от руки убийцы, подосланного королевой Мелакотавит (транслитерация французская), желавшей возвести на престол своего сына, Текла-Хаймонота. Проводя лето 1700 г. в Дебарве, тогдашней столице Тигре, Понсе кутил там с двумя областными правителями: один, по-видимому, был губернатором всей провинции Тигре (*барнегас* или *бар-негус*, титул, первоначально значивший «владыка моря», но к началу предыдущего века почти утративший смысл); второй был или временным соправителем, или окружным губернатором.

Понсе именует первого «Гаурекос». Я считаю, что это имя следует читать «Гиоргис» (или «Гиргис»*, что соответствует арабскому «Жиржис») и европейскому «Георг».

В хронике, изданной Бассе, около 1700 г. встречается лишь один губернатор Тигре — рас Фарес («рас» или «раз» на гизском языке значит «глава»). Губернатором он стал на одиннадцатом году царствования Иисуса I и к двадцать второму году этого царствования свой пост еще сохранял. Похоже, что в первые годы XVIII в. он получил другую, скорее всего военную, должность, хотя и возвращался то и дело к губернаторству; а второй человек, Георг, наверное, управлял в промежутках — и была как раз его очередь, когда Понсе встретил *барнегасов* вместе**. Рас Фарес пережил двухлетнее правление Текла-Хаймонота I и был сослан на остров Месрах следующим императором, Теофилом (Тевофлос), правившим три года (ок. 1708—1711). Здесь я теряю следы Фареса, который, видимо, в ссылке и умер.

Иисус I (1682—1706) был (согласно Бекингему и Хантингфорду, а также Баджу) далеко не бездарным деспотом и могучим охотником, только и думавшим, как бы затравить буйвола или дикаря из племени галла. Он также внимательно следил за назначенными его властью правителями в провинциях и округах. На семнадцатом году царствования — то есть в конце 1690-х (когда Ганнибалу было лет пять-шесть) — чиновничьи поборы и грабеж населения при взимании налогов стали до того возмутительными, что император вызвал из Эндорты и остальных округов всех вельмож и потребовал объяснений. Главной статьей торговли была каменная соль. Под предлогом таможенных сборов чиновники реквизировали у торговцев почти всю соль, которую те на ослах привозили в город. Император постановил, что по всей стране должен быть единый соляной налог. Пять мулов, груженных солью, облагались налогом в один пласт (см.: Basset, № 18, p. 303—320; Budge, vol. 1, p. 417).

Скандал этот совпал с прибытием в Абиссинию Понсе, и возможно, что в него были втянуты и рас Фарес, и разные окружные правители провинции Тигре (включая Эндорту). Несомненно, по такому случаю император еще не-

* Португальский иезуит Альмейда, продвигавшийся вглубь материка со стороны Красного моря в 1621 г., упоминает Кеба Христоса, губернатора Тигре, «стоявшего лагерем на прекрасном лугу под Дебароа [Дебарва]», и его брата, Асму Гиргиса. (Примеч. В. Н.)

** Впоследствии Понсе познакомился с братом «Гаурекоса», отшельником, которого он видел в сентябре по пути в Массаву и к Красному морю, в монастыре Бизен (Дебра Бизан, рядом с Асмарой), где этот шестидесятишестилетний праведник почти уморил себя, сидя на диете из сырых листьев тропических деревьев (Примеч. В. Н.)

принужденной обыкновенного вымогал у губернаторов дань и преспокойно мог приказать им отослать своих детей ко двору короля франков в качестве образчиков абиссинской знати.

Ганнибал в рабстве

В те дни абиссинцы, кажется, только тем и занимались, что продавали друг друга в рабство. Есть прелестная история про одного абиссинского священника: другой священник, его приятель, присылает ему молодых богословов, одного за другим он сбывает их мусульманскому работоторговцу, потом продает своего друга священника и наконец оказывается проданным сам. В своих «Путешествиях» (1790) Брюс говорит о Диксане (14° 59' 55" и 39° 38' 30" согласно Солту), первом пограничном абиссинском городе, попавшемся ему на пути от Машуа (Массавы) — прибрежного острова в Красном море. «Диксан выстроен на вершине холма точно по форме сахарной головы» (Bruce, vol. 3, p. 84) и населен мусульманами и христианами; «единственное занятие представителей обоих вероисповеданий весьма необычно: они торгуют детьми. Христиане привозят тех, кого выкрали в Абиссинии, в Диксан, считающийся надежным местом; там их забирают мавры и везут на некий базар на Машуа, откуда их переправляют в Аравию и Индию» (vol. 3, p. 88).

Понсе сообщает, что в 1700 г. крепкий раб стоил всего десять экю (пятьдесят шиллингов). По словам же Эниды Старки³⁹, в 1880 г. мальчик шел в среднем за двадцать полосок, вырезанных из медного котла. Лет через восемь, в дни «торговца Рейнбоу» (как англичане звали французского экс-поэта Рембо)⁴⁰, христианские мальчики из Абиссинии продавались по восьмидесяти левантйских долларов (около 150 шиллингов) за душу. Похоже, что до достижения рабочего возраста выгруженные в Аравии или Турции юные африканцы по большей части служили налогожниками.

Не знаю, насколько вероятно, чтобы сына вельможи — правителя округа или провинции — прямыми или обходными путями продали в рабство; но есть ясные сведения (например, у Понсе), что в 1700 г. император Иисус I действительно приказал аристократам — то есть своим родным, ведь вся знать была с ним в родстве — послать детей к далекому европейскому двору, что кончилось для неудачливых абиссинских юнцов турецким пленом.

Понсе, французский аптекарь в Каире, которого пригласили в Абиссинию лечить Иисуса I от конъюнктивита, выехал из Каира 10 июня 1698 г. и через Нил и Донголу 21 июля 1699 г. прибыл в Гондар. Император назначил молодого армянского купца (по имени Мюрат или, точнее, Мюрад бен Магделюн, как сообщается, племянника одного из императорских министров) послом во Францию: ему предстояло сопровождать Понсе в Париж с дарами для короля Людовика XIV, в число которых входили слоны, лошади и *jeunes enfants éthiopiens**, отпрыски знатных семейств.

Возвращаясь в Каир (на этот раз Красным морем), Понсе выехал из Гондара в Массаву 2 мая 1700 г., планируя по дороге остановиться в столице Тигре — Дебарве, куда он и приехал в середине июля, и там поджидать Мюрада, все еще собиравшего животных и детей. Но ожидание затянулось: несколько коней

* Дети-эфиопы (фр.).

и единственный слон — молодое, еще без бивней, животное — погибли при переходе через горы Сераве, и 8 сентября 1700 г., прождав Мюрада почти два месяца, Понсе выехал из Дебарвы к побережью. Девять дней спустя он достиг того самого острова Массава, 28 сентября отплыл в Джидду и прибыл туда 5 декабря. Поскольку Мюрад все еще мешкал, очередным местом встречи был выбран Суэц на севере Красного моря, куда Понсе отправился 12 января 1701 г. В конце апреля он приехал в монастырь на горе Синай, где месяц спустя его наконец-то нагнал Мюрад, принесший грустную весть: в Джидде «le Roy de la Mecque»* (Великий Шериф Саад?) отнял у него высокородных эфиопских детей, собранных Мюрадом для французского короля, и вполне допустимо, что кого-то из них правитель Мекки (или Джидды) отослал султану Оттоманской империи Мустафе II в качестве собственного скромного подарка. Теперь у Мюрада не осталось никого, кроме двух молодых провожатых, купленных в пути, в Суакине: «который постарше — эфиоп, который поменьше — раб [негр?]» (Le Grand, p. 431). Караван Мюрада и Понсе прибыл в Каир в первых числах июня, и там Понсе представился французскому консулу Майе.

В Каире Понсе, которому уже не терпелось попасть во Францию, не поладил ни с Майе, усомнившимся в посольских полномочиях Мюрада, ни с турками, усомнившимися, та ли вера у двух юных рабов (приобретение Мюрада?), которых Понсе вез с собой. Ле Гран сообщает: «Ага и таможенники [пришли] уведомить его [26 июня 1701 г.], что двое абиссинских слуг, будучи магометанами, подлежат выкупу... [Понсе] отвечал, что ежели эти дети магометанской веры», то он лучше подарит их турецкому губернатору Египта. Но вмешался глава местных иезуитов, «охваченный ревностью к спасению обоих детей», и больше Понсе не беспокоили⁴¹. Удалось ли ему вызволить мальчиков из Каира, мы не знаем. Неясным остается и то, должны ли мы считать этого «jeune esclave éthiopien»** (Le Grand, p. 432), которого Мюрад привез французскому консулу в Каире для отправки во Францию заодно с останками (ушами и хоботом) слоненка, одним из двух мальчиков или же рассматривать его отдельно как третьего, а может быть, это выражение Понсе должно обозначать их обоих. Этот *petit esclave****, уже посаженный на нильскую баржу, которой предстояло отвезти его на корабль, закричал, что он — мусульманин, что его увозят силой, что он не хочет ехать к христианам, чем вызвал переполох, вследствие которого турецкие чиновники сняли его с баржи и передали на попечение некоего Мустафы Киайа Каждугли, после чего Понсе отплыл во Францию. Эпизод этот, кстати, забавно искажен в пересказе Брюса (vol. 2, p. 488—489), который пишет, что Понсе, отправляясь во Францию, во время посадки в нильском порту Булаке «беспомощно наблюдал, как купленного им раба, бедного абиссинского парня, которого он вез Людовику XIV <...> янычары сняли с корабля <...> и у него на глазах превратили в мусульманина»⁴², — из чего следует, если я верно понимаю мысль Брюса, что мальчик этот был необрезанный язычник-негр, а не христианин-эфиоп, который был бы непременно обрезан (на восьмой день после рождения).

* «Король Мекки» (фр).

** «Юного эфиопского раба» (фр).

*** Маленький раб (фр).

Ганнибал в Турции

Описав смерть Лагани при отъезде брата из Абиссинии или из какого-то близлежащего морского порта, «Немецкая биография» продолжает: «Недолгое время спустя [*nicht lange nach*] после этого расставания навеки Ганнибал прибыл в Константинополь и был заключен в серале вместе с прочими юными заложниками для воспитания среди пажей султана; здесь он и провел год и несколько месяцев [*ein Jahr und etliche Monate*]).»

Остановимся ненадолго, чтобы оценить хронологическую ситуацию. Мы сейчас увидим, что русскому посланнику юный арап мог достаться только между осенью 1702-го и летом 1705-го и что это, вероятнее всего, 1703 г. Отсчитывая назад, приходим к следующему выводу.

Путешествие в Турцию из его родного дома, расположенного в глубине страны, которую Ганнибалу, согласно «Немецкой биографии», пришлось покинуть в семилетнем возрасте («*in seinem achten Jahre... nach Constantinopel gesandt*»*) должно было продлиться гораздо дольше, чем подразумевается в бессмысленной отговорке «*nicht lange nach*», даже если его отправили кратчайшим в то время маршрутом — из провинции Тигре в северо-западную Турцию. Открывался он переходом к красноморскому порту, затем следовало трудное плавание по Красному морю до Суэца, еще один сухопутный переход к средиземноморскому порту и наконец долгое, чреватое опасностями и морской болезнью плавание в Стамбул. Учитывая трудности мореходства и многочисленные задержки, приходится отвести на все путешествие по крайней мере год, а может и больше, если взять в расчет, что Ганнибала могли послать в Турцию не морем, а караванным путем через Аравию и Сирию. Иными словами, если к 1703 г. он прожил в Константинополе около полутора лет⁴³, то есть с конца 1701-го, то родину он покинул в 1700 г.

Тут нам надо выбрать одну из возможностей: (1) или мальчик попал на константинопольский невольничий рынок в ходе обычной работорговли, или (2) его, как утверждает «Немецкая биография», тайно переправили из султанского сераля русскому послу с помощью великого визиря.

Принимая первое предположение, можно сказать только следующее: или агент русского посла подталкивал своего наемщика к большей щедрости, изображая молодого раба дворцовым узником благородного происхождения, или, что более вероятно, русский посол, приобретя мальчика самым обычным способом, состряпал экзотическую историю, чтобы удивить царя. Но раз уж за неимением лучшей гипотезы мы склоняемся к версии знатного происхождения Ганнибала, стоит взглянуть, какие исторические факты могли бы подкрепить содержание «Немецкой биографии», которая, сообщив, сколько пробыл Ганнибал в Константинополе, дает следующее идиотское обоснование его освобождению: «В это время в России царствовал император Петр Первый, который насаждал искусство и науки в своем государстве, распространяя их среди дворянства. Хотя ему удалось достичь в этом предприятии известных успехов, однако если иметь в виду громадную массу дворянства обширнейшей империи мира, то число проявляющих охоту к учению было весьма незначительно, что вызывало болезненное огорчение и озабоченность у блаженной памяти императора. Он искал способ обнаружить в народе <...> примеры и образцы для

* «На восьмом году возраста своего... посланного в Константинополь» (нем).

подражания. Наконец ему пришло на ум написать в Константинополь тогдашнему своему посланному, чтобы тот достал ему и переслал нескольких африканских арапчат, отличающихся хорошими способностями. Его министр в точности выполнил это повеление: он познакомился с надзирателем *seraglio*⁴⁴, где воспитывались и обучались пажи султана⁴⁵, и наконец, тайным и отнюдь не безопасным способом, при посредстве тогдашнего великого визиря, получил трех мальчиков...»

Один из них был Ганнибал.

Когда эра более или менее нормальных дипломатических отношений между Россией и Турцией еще не наступила, советник Петра I Емельян Украинцев (1660?—1708) был послан чрезвычайным послом в Константинополь, по окончании в 1699 г. затянувшейся и безрезультатной войны*. Он заключил мирный договор (3 июля 1700 г.), который должен был сохранять силу в течение тридцати лет, и возвратился в Россию**. В 1700—1701 гг. Россию недолгое время представлял в Порте важный посланец — князь Дмитрий Голицын (1665—1737), который находился в Константинополе только для ратификации договора.

Первым постоянным послом России, поселившимся в Турции (где он прожил двенадцать лет), стал граф Петр Толстой (1645—1729), получивший назначение 2 апреля 1702 г. и прибывший на место в августе. У власти находился тогда султан Мустафа II, которому оставалось править еще год, после чего он был свергнут (22 августа 1703 г.) в результате военного мятежа, длившегося 36 дней, организованного его братом Ахмедом III (которому суждено было править до 1730 г.). Первую аудиенцию Толстому Мустафа дал в ноябре 1702 г.

За время, интересующее нас (1702—1705), сменилось семь великих визирей. Первый из них, Хуссейн Купрулу***, умный и любезный паша, ушел на покой 5 сентября 1702 г. При нем неожиданно выросла смертность среди турецких поэтов: в 1699 г. их умерло чуть ли не двенадцать человек. Следующим великим визирем (или, как тогда их называли в России, *крайним визирем*) стал Дальтабан из Сербии, которого европейские наблюдатели называли безграмотной скотиной и который среди иных своих мудрых и важных указов запретил христианам и евреям носить колпаки из красной ткани. Его не любили за вздорность, и спустя четыре месяца он был без лишнего шума удушен дворцовым палачом. Преемником его 25 января 1703 г. стал Рами Паша, известный своей честностью и просвещенностью, писавший изысканные стихи. Он пал вместе со своим влас-

* В том же году был подписан Карловицкий договор между Турцией, с одной стороны, и Австрией, Польшей и Венецией — с другой. Кстати, Емельян Игнатьевич Украинцев в моем издании Хаммер-Пургшталя (XIII, примеч. 37) распался на троих персонажей — советников *Amilianusch*, *Ignatodesich* и *Oukraintzov!* (Примеч. В. Н.)

** Впоследствии этот жесткий политик был отправлен устанавливать русско-турецкую границу по реке Буг, после чего он возглавил провиантский приказ, был обвинен в казнокрадстве, бит *дубьем* (собирательное существительное, означающее дубины или суковатые палки) и по выздоровлении отправлен посланником в Венгрию. (Примеч. В. Н.)

*** Транслитерация турецких фамилий полностью зависит от прихоти того или иного историка, и без специальных разысканий трудно выбрать верную форму Купрулу (*Kurulu*), например, у Хаммера выступает как *Koerulu*, у Боннака — как *Kurulis*, а в английских трудах на эту тему — как *Kiuruli*, *Korulu*, или *Kurullu*. Как и в случае с историей Абиссинии, вызывает раздражение постоянная путаница в датах (я, как правило, придерживался данных Хаммера, правда, не без некоторых опасений). (Примеч. В. Н.)

телином, султаном Мустафой. Следующим великим визирем (с 23 августа по 16 ноября 1703 г.) и первым из служивших при султане Ахмеде был паша российского происхождения, министр юстиции Ахмед, насквозь продажный толстячок, прозванный Ульем за свою приземистую фигуру и страсть к накоплению сладких жизненных благ. Не прошло и четырех месяцев, как он был сослан в Лепанто, но перед этим его заставили вернуть нажитые нечестным путем богатства. Его преемник Хасан, зять султана, продержался менее года (до 28 сентября 1704 г.). Это был честный и сравнительно гуманный паша, грек по происхождению, и его уж никак нельзя было заподозрить в продаже иностранцу пажа султана. За ним пришел злобный и жестокий Калайликоз, люто ненавидевший французов и русских. 26 декабря 1704 г. его сменил Балтажи Мохаммед (бывший губернатор Джидды), коварный паша, продержавшийся до 3 мая 1706 г. Во время его правления, но не позднее лета 1705 г., Абрам Ганнибал был на корабле вывезен в Азов, поэтому нам нет дела до следующего великого визиря (тирана Али, 1706—1710); но если кто-то из этих именитых особ и был причастен к тайной отправке Ганнибала из сераля в русское посольство или на пришвартованный российский корабль, то я бы заподозрил Уля или Мохаммеда.

Петра Толстого историки рисуют как личность темную, хитрую и беззащитную. В 1717 г. царь послал его за царевичем Алексеем, наследником престола, который, воспользовавшись отъездом жестокого государя за границу, улизнул из России в Австрию и Италию и которого выследили и вернули царские агенты, совершив ряд бесшумных действий, отмеченных той гипнотической цепкостью, убедительностью и лживостью, которые мы сегодня привыкли связывать с повадками советских головорезов при насильственной репатриации беженцев. Человеку, сумевшему выманить Алексея из надежного Неаполя в ужасное отечество на пытки и смерть под личным наблюдением Петра, легче легкого было раздобыть несчастного арапчонка в забаву своему хозяину⁴⁶.

Я считаю, что царский посол при Оттоманской порте приобрел Ганнибала для службы у царя и по его приказу не раньше 1703-го и не позже 1704 г., и мое мнение подкрепляет сам Ганнибал в следующих двух документах: (1) в письме из Парижа советнику Макарову, отправленном 5 марта 1721 г. (вероятно, нового стиля)⁴⁷, Ганнибал говорит, что служит царю семнадцать лет; (2) в посвящении императрице Екатерине I в 1726 г. (преподнося ей учебник фортификации, составленный по его конспектам времен Ла Фера или Меца; см. ниже «Ганнибал в Западной Европе»⁴⁸) он говорит, что двадцать два года прожил «при доме» (в жилище, в свите, среди челяди) покойного царя (который умер в 1725 г.)⁴⁹.

Ганнибал и Рагузинский

«В это время, — продолжает «Немецкая биография», пользуясь излюбленным оборотом, — умер отец покойного генерал-аншефа Ганнибала, которого он [Абрам] оставил в зрелом и почти стариковском возрасте, и очередь наследования [Regierung] досталась на долю одного из его единокровных братьев. <...> Российский императорский министр, счастливый выполнить волю своего государя, отправил в Москву [трех мальчиков]: Ибрагима Ганнибала, еще одного черного мальчика знатного происхождения, его соплеменника (который в пути скончался от оспы), и одного рагузинца, почти сверстника, то есть моложе десяти лет⁵⁰.

Государь, опечаленный потерей третьего, был доволен получением этих двух прибывших мальчиков и взял на себя заботу об их воспитании, с тем большим усердием, что, как было сказано, они должны были стать образцом, который бы он мог ставить своему народу в пример и в посрамление как доказательство, что из каждого народа, и не меньше из негров, почти диких людей, которых наши цивилизованные нации определяют только в сословие рабов, могут быть выработаны люди, способные прилежанием получить знания в науках и тем приобрести способность быть полезными и нужными, во всех случаях пригодными слугами своего государя. Император Петр Великий, в качестве не менее великого знатока людей, установил сразу наклонности своих прибывших питомцев [sic] и предназначил своего Ганнибала, живого, расторопного и горячего мальчика, в военную службу, рагузинца же, впоследствии известного в России под именем графа Рагузинского, как более тихого и вдумчивого, — к гражданской службе».

Мы можем пренебречь отрывком, касающимся последовательности правителей, который приводится лишь для того, чтобы отместить возможные обвинения в еще одном похищении, на этот раз со стороны горячо любимого монарха, и обратиться к «Прошению» (1742) Абрама Ганнибала. Это «Прошение» после упоминания о трех городах, которыми правил отец Абрама (см. выше «Место рождения Ганнибала»), продолжается так: «В [1]706 году выехал я в Россию из Царяграда при графе Саве Владиславиче волею своею в малых летах и привезен в Москву...»

Год его прибытия в Москву — 1706-й. Как мы вскоре увидим, он покинул Константинополь летом 1705 г. Рагузинец Владиславич — тот самый человек, что описан в «Немецкой биографии» как ровесник и товарищ Ганнибала, тоже паж, абсурдное утверждение, которое можно объяснить лишь как попытку раздуть престиж нашего героя, снабдив его товарищами по несчастью и счастью, заслуживающими уважения. Этому Рагузинцу было тридцать семь в 1705 г., когда, судя по соответствующему пассажиру из «Немецкой биографии», Ганнибалу было около десяти или же около двенадцати, согласно более достоверным подсчетам. Довольно любопытно, что Пушкин сохраняет такую вымышленную синхронизацию возрастов этих двоих в своем среднего достоинства романе «Арап Петра Великого»: «Ибрагим», будучи около тридцати лет от роду (в начале повести, когда он году этак в 1720-м влюбился в Париже в некую французскую даму, ему «двадцать семь»), возвращается в 1723 г. в Петербург, он видит в императорском дворце «молодого Рагузинского, бывшего своего товарища», которому на самом деле было тогда пятьдесят пять лет.

Так кто же был этот Рагузинец с его переменчивым возрастом?

Еще в 1699—1700 гг. Украинцев в Константинополе завел штат секретных агентов иллирийского происхождения. Одним из них был сербский торговец по имени Савва (христианское имя) Лукич (отчество) Владиславич (фамилия), впоследствии известный как граф Владиславич-Рагузинский (1668—1738). Родился он в Попово (Герцеговина), воспитывался, будучи приставленным к торговому предприятию своего отца, и в возрасте около двадцати пяти лет (то есть примерно в 1690 г.) был отправлен в Константинополь. Отец его, Лука Владиславич, считал себя потомком боснийского княжеского рода Владиславичей (неизвестно, на каком основании). Перебравшись из Боснии в Рагузу, он взял себе двойную фамилию — Владиславич-Рагузинский. Графский титул его сына

или по крайней мере официальное именование его графом, очевидно, было милостью, дарованной царем Петром в признание Саввиных заслуг.

При Мустафе II и Ахмеде III турки взимали с Рагузы дань (например, в 1703 г. ее сумма составила 4000 дукатов), так же как с арабских племен*, но (согласно Б. Самнеру, с. 8, примеч.) закон о взимании дани в виде христианских мальчиков, хотя и сохранял номинально силу до 1750 г., не соблюдался с середины предшествующего века. Нет никаких оснований доверять тому, что Савву Владиславича завлекли в Константинополь его врожденные склонности к приключениям или торговые дела отца, но тот факт, что в прежние времена среди заложников встречались рагузинские мальчики, мог так или иначе повлиять на рассказ о детстве Ганнибала.

25 сентября 1702 г., через месяц после приезда в Турцию, Петр Толстой писал графу Федору Головину, министру иностранных дел: «...константинопольский житель, породю рагузенин, Сава Владиславов [sic], как вам известно, человек добрый, ныне по обнадеживанию моему поехал с товаром в Азов, а из Азова к Москве <...> Он всеконечно в странах сих Московскому государству благопотребен»⁵¹.

Осенью того же года Владиславич прибыл в Азов с изрядным грузом оливкового масла, хлопка и ситца и, наконец (к первой неделе апреля 1703 г.), добрался до Москвы, где привезенные им тайные донесения очень расположили к нему Петра I.

Захватив в обратный путь соболя, горностаю, русскую лису (с белым воротником и рыжую) и волка (московского и азовского), он вернулся в Константинополь в 1704 или в начале 1705 г., а летом 1705-го опять отправился в Азов и Москву, везя новый ситец, новые тайные депеши от Петра Толстого и живой подарок царю⁵².

Ясно, что Ганнибала получили в период между двумя поездками Владиславича из Константинополя. Судя по письму царя брату константинопольского посла Ивану Толстому, коменданту Азова, Владиславич оказался в Москве с донесениями и, вероятно, с арапчонком не позднее 12 января 1706 г. (точную дату его приезда легко установить по неизданным документам из местных архивов). В 1716—1722 гг. Владиславич ездил с дипломатическими поручениями в Венецию и Рагузу, а в 1725—1728 был послом в Китае.

Первые годы Ганнибала в России (1706—1716)

К приезду Ганнибала в Россию у Петра I в самом разгаре была шведская кампания, с военными действиями в Польше, имевшими переменный и призрачный успех. С 8 июля по 1 августа 1705 г.⁵³ он оставался в Вильно и приехал в Москву (из Гродно) 19 декабря 1705 г., где пробыл до 13 января 1706 г., а затем через Смоленск отправился обратно, дабы поупражняться в военном деле. В Москве он развлекался устройством анатомического и биологического музея, перед которым разбил ботанический сад. Несомненно, арапчонок пришелся ко

* С другой стороны, арабы продолжали грабить караваны (величественное шествие, возглавляемое увешанным драгоценностями верблюдом), которые раз в год отправлялись из Константинополя в Мекку с деньгами для бедных. Не исключено, что некоторые из этих ограблений были организованы самими великими визирями из Константинополя (Примеч В Н)

двору как очередная диковина. В июле—августе 1706 г. Петр посетил Киев и, снова отправившись на север, поспел в «Питербурх» (или в «Парадиз», как он ласково звал только что заложенный город) как раз к увлекательному зрелищу первого наводнения — 11 сентября 1706 г. Забавнее всего был вид людей, жмущихся на крышах полузатопленных домишек.

Петр снова оказался в Вильно (на обратном пути из Варшавы в Петербург) 24 сентября 1707 г. и пробыл там до 10 октября. Именно тогда и окрестили самое меньшее четырнадцатилетнего абиссинца, получившего при крещении имя Петр⁵⁴. Почти в то же время (27 сентября 1707 г.) его царственный крестный намарал записку о наречении потомства Лениты или Ленты (от лат. «lepis» — «кроткий» или «dentus» — «цепкий», «медлительный») — английского мастиффа; двумя годами ранее (30 июня 1705 г.) в Полоцком монастыре царь натравил эту собаку на Феофана, слишком невоздержанного на язык монаха-униата из ордена св. Василия, а потом сам разрубил его надвое саблей. Псевдоклассические клички семи щенков, безусловно переведенные царем из какого-то расхожего сборника имен, звучат в обратном переводе с неуклюжего русского языка Петра так Пиррус (рыжий), Эос (заря), Аэтон (яркий), Флегетон (пылающий), Паллада, Нимфа и Венера. Фамилию Аннибал, в конце концов доставшуюся арапу, тоже мог придумать просвещенный монарх, хотя есть и другие предположения⁵⁵ (см. ниже «Ганнибал и Аннибал») Судьбу молодых мастиффов можно проследить по другой записке, писанной две недели спустя (10 октября 1707 г.), в которой царь приказывает найти из числа его иностранных подручных какого-нибудь умельца для обучения собак всяким фокусам, например снимать шляпу, вскидывать игрушечный мушкет, маршировать в воду с боевой выкладкой.

В то время, по сообщениям западных наблюдателей, повторное или первое крещение и детей и взрослых при петровском дворе состояло в троекратном обливании холодной водой с головы до пят. Если Ганнибал родился абиссинским князьком, его должны были крестить при рождении, так как Абиссиния приняла христианство на шесть веков раньше России, но вполне вероятно, что в плену турки сделали его мусульманином («побасурманили» на тогдашнем русском), что бы под этим ни подразумевалось. Вопрос этот, однако, совершенно праздный, поскольку, во-первых, на взгляд русских любой африканец был язычником и, во-вторых, обряд, который свершился над малолетним арапом в Пятницкой церкви в конце сентября или начале октября 1707 г. (а не в 1705-м, как почему-то выбито на памятной доске)⁵⁶ с восприемниками Петром I и Христиной Эбергардиной, женой Августа II, короля Польского⁵⁷, производился в буйной и фарсовой атмосфере царского двора, где чмокались уроды на своих потешных свадьбах, а шуты возводились в губернаторы Баратарии. Кажется, за несколько месяцев до крещения какие-то усердные придворные и впрямь попытались женить арапа: в письме из Польши от 13 мая 1707 г. царь пишет советнику Автоному Иванову, что он против брака арапа, — видимо, с дочерью негра в услужении какого-нибудь вельможи, или с карлицей, или с домашней дурой, с шутихой. Для гена, участвовавшего в создании Пушкина, минута эта была критической, и царь заслуживает благодарности за выправление путей судьбы.

Теперь, когда лучи света истории стали понемногу проливаться на предмет нашего исследования, мы наконец можем отказаться от утомительной затеи обсуждения бурлескной и помпезной «Немецкой биографии», полной всяческого вздора, — довольно уж я цитировал и пересказывал ее! Перейдем к анекдотам о юности Ганнибала.

Самый известный рассказан с нелепейшими подробностями в «Немецкой биографии» и с индивидуальными отклонениями повторен Голиковым и Пушкиным. Суть его в том, что молодой Абрам, став пажом (или помощником пажа) у царя, спал в соседней комнате и доказал свою сообразительность, переписывая наброски указов, которые его господин царапал ночами на грифельной доске⁵⁸.

Среди серии пушкинских заметок, озаглавленных «Table Talk» («Застольные разговоры», 1836—1837), восьмая, опубликованная посмертно в 1873 г. в «Вестнике Европы», о которой Пушкин пишет, что «анекдот довольно не чист, но рисует обычаи Петра», — гласит: «Однажды арапчонок, сопровождавший Петра I в его прогулке [отвергнутое начало: „Маленький арап Ганнибал сопровождал Петра I“], остановился за некоторою нуждой и вдруг закричал в испуге: „Государь! Государь! из меня кишка лезет“. Петр подошел к нему и, увидя, в чем дело, сказал: „Врешь: это не кишка, а глиста“, — и выдернул глисту своими пальцами».

В документе от 20 декабря 1709 г. (приводится у М. Вегнера, с. 23) есть место: «По приказу [царя] деланы кафтаны: Якиму карле и Абраму арапу, к празднику Рождества Христова, с камзолы и штаны. Куплено сукна красного обоим по осьми аршин... им же пуговиц медных»⁵⁹. Е. Шмурло (1892) туманно говорит о каких-то документах, где «три раза упоминается Абрам вместе с царским шутом Лакостой»⁶⁰. Это Иан Декоста или, точнее, Ян д'Акоста, любимый придворный шут Петра, крещеный еврей родом из Голландии*. В другом анекдоте говорится, что как-то летом приблизительно 1715 г., накануне отплытия царя из С.-Петербурга в Ревель, царский врач Лесток** и камергер Жонсон***, два весельчака, увидя, что царский дурак, Тюриков⁶¹, заснул на палубе, сыграли с ним шутку в духе той эпохи: присмолили ему длинную бороду к голой груди. Проснувшись, бедный шут взвыл, прервав занятия царя по прокладке курса и порке матросов, и тот, затопав по палубе, налетел на невинного Ганнибала и в ярости немилосердно отстегал его линьком⁶². За обедом шалуны не могли удержаться от смеха при виде понурого мавра. Когда добрый царь, тоже

* Он был человек способный и потомок известного марранского рода (да Коста, или Мендец да Коста), бежавшего в XVII в. из Португалии и осевшего в Италии, Голландии, Англии и других странах. Ян д'Акоста, бывший в Гамбурге юристом, искал жизни попестрее и, найдя в русском консуле покровителя, последовал за ним в Московию. Царь, будучи в восторге от его остроумия, сделал его графом и отдал ему бесплодный остров у финских берегов (Примеч В Н)

** Веселый нрав этого авантюрного французского дворянина (графа Жана Армана де Лестока, 1692—1767, известного также под именами «Герман Лесток» и «Иван Лесток», иммигрировавшего в Россию в 1713 г.), пришелся по нраву царю, который несмотря на это, случалось, изрядно колотил его. У царя-деспота от громового хохота до яростного рыка был один шаг. С другой стороны, доктор Лесток вечно издевался над шутами, тогда как царь питал к своим дуракам особую нежность. В 1719 г. у Лестока возникли неприятности с д'Акостой, дочь которого он соблазнил. Петр изгнал своего весельчака-лекаря в Казань, на восток России, где Лесток и проживал до воцарения Елизаветы. Источником же морской истории является сборник «Anecdotes» (London, 1792), с анекдотами о русских обычаях и т. д. Его анонимно опубликовал друг Лестока, франко-немецкий писатель Иоганн Бенедикт Шерер (он же Jean Vepois Scherer, 1741—1824), приехавший в Россию около 1760 г. и устроившийся во французское посольство (Примеч В Н)

*** Сын ливонского архитектора. (Примеч В Н)

любитель порезвиться, узнал причину веселья, то расхохотался и сказал Абраму, что поможет делу, закрыв глаза на следующую его провинность

Вот, пожалуй, и все, что я смог найти в изданных материалах относительно первых десяти лет Ганнибала в России. Можно отбросить как семейную выдумку пассаж «Немецкой биографии», где утверждается, что «правлящий единокровный брат» Ганнибала поручил младшему брату отправиться в Константинополь и выкупить Абрама, что, не найдя его, брат этот поехал в Петербург, везя дары в виде «ценного оружия и арабских рукописей», удостоверявших княжеское происхождение Абрама, что последний не пожелал вернуться к язычеству и что брат пустился обратно «с большой скорбью с той и другой стороны». Едва ли есть нужда напоминать, что ни один абиссинский вельможа не проехал бы в Московию через Турцию, не попав там в рабство, и что история ничего не сообщает о вольном абиссинце, предпринявшем подобное путешествие в начале XVIII в

Похоже, царь действительно иногда брал арапа в путешествия или кампании, но едва ли во все походы, как считает семейная традиция. Стилизованный молодой арап в более или менее турецком облачении мелькает, как призрак, на аллегорическом фоне — держа боевого коня или гроздь винограда — на нескольких портретах Петра I. Он есть на гравюре, выполненной Адрианом Шхонебеком (скончался в 1705) с утраченной картины, написанной около 1704 г.⁶³; он стоит чуть сзади по правую руку царя, который на этот раз щеголяет в костюме французского короля. Я не уверен, что в датировке гравюры или смерти ее создателя нет ошибки. Но если принять эту дату за верную и арапа на картине за Ганнибала, то следует предположить, что или его привез Рагузинский в первую поездку в Москву (1703), или же он изображен, так сказать, заранее — на основании вестей, пришедших в Москву из Константинополя. арап среди челяди символизировал верх роскоши и пышности, и, должно быть, царь ждал подарка к новому, 1706 г от своего посла с не меньшим нетерпением, чем груза сирени и лилий.

Ганнибал в Западной Европе (1716—1723)

В январе 1716 г. Петр I отправился в поездку по Европе. Проведя месяц или около того в Копенгагене, он поехал в Голландию, потом во Францию, 30 апреля 1717 г. он высадился в Дюнкерке и 7 мая прибыл в Париж, где немедля потребовал пива и блудниц Филипп, герцог Орлеанский, был регентом Франции (1715—1723) при несовершеннолетнем Людовике XV. Ничего, кроме вороха грязных историй, шестинедельное пребывание царя москвитов в памяти французов не оставило — хотя не совсем ясно, что в привычках Петра так поразило знать времен Регентства — эту гнусную свору отвратительной и бездарной эпохи.

Той же весной 1717 г. во Францию приехали четверо юношей из России для изучения фортификации и саперного дела. Они, может быть, ехали вместе с царем, но скорее всего путешествовали отдельно и не останавливались в Дании. Эти четверо были: Абрам Арап, Степан Коровин, Гаврила Резанов и Алексей Юров, приятель нашего героя⁶⁴.

«Немецкая биография», с обычными своими преувеличениями, дурной грамматикой и неточностями, говорит, что Петр I послал Ганнибала прямо к регенту, попросив «взять на себя наблюдение за ним», и что сначала Ганнибал занимался

при великом Белиоре [sic]⁶⁵ «в военной школе для молодых дворян» Имеется в виду, я полагаю, Бернар Форе де Белидор (1693—1761), блестящий молодой французский инженер, преподававший в Артиллерийской школе в Ла Фере⁶⁶ (в Эне, к северо-западу от Лаона) и написавший «Краткий курс военной, а также гражданской архитектуры и гидравлики» («Sommaire d'un cours d'architecture militaire, civile et hydraulique», 1720) и другие замечательные труды. Что касается «личного наблюдения» регента, то я не смог найти во французских источниках никаких признаков даже малейшей осведомленности ни регента, ни кого бы то ни было из его окружения о самом факте существования Абрама.

Согласно «Немецкой биографии», во Франции Ганнибал вступил в артиллерийский полк и как капитан роты участвовал в войне с Испанией. Война была объявлена 9 января 1719 г., мир подписан 17 февраля 1720-го. При рытье подкопа — я думаю, где-нибудь в Каталонии — его серьезно ранили в голову и взяли в плен (странно, что в письмах из Франции он об этом событии не говорит)⁶⁷. По возвращении во Францию Абрам, очевидно, продолжил занятия уже в другом училище — в Артиллерийской школе в Меце, основанной знаменитым военным инженером Себастьяном Ле Претром, маркизом де Вобан (1633—1707). Согласно Бежену (E. A. Bégin, 1829, p. 592), в то время там преподавали математику, физику и химию, по понедельникам, средам и пятницам. «L'école pratique se faisait les autres jours, excepté le dimanche, dans l'île Champière, où existait un parc... Ce n'était, à bien dire, qu'une école régimentaire dont les cours cessaient dès que Metz était privé du corps d'artillerie qui y tenait habituellement garnison»*.

В январе 1722 г. русский посол князь В. Л. Долгоруков объявил четырем юношам, что они должны вернуться в Россию, но те задержались еще на год. Какую-то часть этого года Абрам с товарищами, видимо, провел в Париже — лихорадочном Париже, доведенном Джоном Лоу до финансовой агонии. Начало весны отметили баснословные балы и иллюминации в честь прибытия предполагаемой невесты короля, белокурой малютки инфанты четырех с половиной лет, которая, однако, двенадцатилетнему Людовику не понравилась. Регент энергично кутил и развратничал. Куртизанки носили шелковые чулки телесного цвета. Ворам и разбойникам надевали железные колодки, поджаривали ноги на обычном или усиленном огне и готовили ножные ванны из кипящего масла. Казненных преступников называли, употребляя финансовый термин, «ликвидированными» (*liquidé*). Поэта Аруэ (известного под именем Вольтер) высекли лакею офицера, которого тот обозвал полицейским шпионом. Чудовищные суммы выигрывались и проигрывались в «фараон». Маркиз де Сальян счастливо бился об заклад, что проскачет верхом девяносто миль за шесть часов.

О том, какое существование вел Абрам среди всего этого ослепительного веселья, известно мало — ведомо лишь, что он жил в постоянной и позорной нужде. Во французских мемуарах о Регентстве я не нашел подтверждения словам Пушкина в романе, будто знатные дамы наперебой приглашали «царского арапа» (*le nègre du Czar*), будто он был на дружеской ноге с Вольтером и будто драматург Мишель Гюйо де Мервиль познакомил его с женщиной высшего

* «Практические занятия велись в другие дни, кроме воскресенья, на острове Шампьер, где имелся парк... Лучше сказать, это была просто полковая школа, занятия в которой прекращались, как только из Метца уходил артиллерийский корпус, который там обычно занимал гарнизон» (*фр.*)

света, графиней Ленорой де Д., родившей ему черного ребенка⁶⁸. Письма Абрама, написанные по-русски из Франции разным чиновникам (с воплями о деньгах, с мольбами не посылать его домой по морю, уж лучше он пешком пойдет, чем плыть, с тщетными просьбами разрешить задержаться во Франции для дальнейших занятий и т. п.), по-моему, составлены не им, а его товарищем по преувеличенному несчастью — Алексеем Юровым. После шести или семи лет за границей⁶⁹ Абрам, похоже, настолько забыл русский, что самодержец спроводил его по возвращении в грамматическую школу при Александро-Невском монастыре, куда его зачислили 14 марта 1723 г. (ст. ст.) К императорскому двору он, видимо, вернулся 27 ноября 1724 г. (см.: П. Пекарский, 1862, т. 1, с. 112). Комментаторов не раз занимал вопрос, не имеется ли здесь в виду какой-нибудь другой «арап Абрам» (хотя ни о каком другом сведений нет), поскольку, по их мнению, это несовместимо с собственноручным указом царя от 4 февраля 1724 г., которым Абрам («in dem 28-ten Jahre seines Alters»*, как сказано в «Немецкой биографии») производился в лейтенанты (поручики) бомбардирской роты Преображенского полка⁷⁰. Но ведь и вся эпоха была довольно безрассудной.

Ганнибал вывез из Франции библиотечку (69 названий) главным образом исторических трудов, военных учебников, книг о путешествиях и горсть модной экзотики, все эти томы он продал (в 1726 г.) за 200 рублей Императорской библиотеке, но выкупил их (или сходный набор) в 1742-м. Хотя перечень совершенно шаблонный, с литературным разделом из Боссюэ, Мальбранша, Фонтенеля, Корнеля и Расина, чувствуется явное предпочтение, отданное книгам о разнообразных путешествиях: тут есть Шарден, увлекающий читателя в Персию, где обнаруживается, что молочная диета лечит язвы, тут и Леонтан, повстречавший в какой-то предшатобриановой Америке (1688) гнакситаров и моземлеков, никем после него не виденных, тут и Сирано де Бержерак, отправляющийся на Луну, где именем каждому жителю служит только коротенькая мелодия из нескольких нот.

Ганнибал и Аннибал

Официальным именем крестника Петра I стало Петр Петрович Петров (христианское имя, отчество и фамилия), но в Турции он привык к имени Ибрагим и получил разрешение называться по-русски соответственным именем Абрам или Авраам. В общем-то ему не стоило воротить нос от имени своего крестного: существовал же, в конце концов, Петр Эфиоп (Pasfa Sayon Malbazo), издавший около 1549 г. в Риме, после тринадцатилетних трудов, Новый Завет на языке абиссинской литургии (а именно на гизском, то есть на древнеэфиопском языке, уступившем место амхарскому).

Утверждение в начале «Немецкой биографии», что, дескать, отец Абрама, горделивый абиссинский князь, возводил свою родословную на два тысячелетия назад к Ганнибалу — знаменитому карфагенскому полководцу, — конечно же, чушь невозможно вообразить, чтобы даже самыми ничтожными сведениями о нем располагал абиссинец XVII в. Фамилия Ганнибал по отношению к Абраму встречается в официальных документах, начиная с 1723 г., после возвращения

* «На 28-м году возраста своего» (нем.)

из Франции. При более ранних упоминаниях его зовут *Абрам арап* или *Абрам Петров Арап*, где посередине стоит отчество, готовое превратиться в фамилию. Странно, что русских исследователей ставит в тупик выбор имени, хотя его причины лежат на поверхности. Например, Анучин выдвигает нелепую гипотезу, будто Абрам или его семья могли считать имя «Ганнибал» производным от Ади Баро (деревня точно к северу от Дебарвы, северная Абиссиния)¹ Почему бы не от Лалибалы (абиссинского императора XIII в) или от Гамальмала (губернатора провинции, взбунтовавшегося против своего царствующего кузена, Малака Сагада I, в конце 1500-х гг.), или, еще лучше, от «*gape bal*», что на языке тигре значит «незнакомый господин»; в этих лингвистических *petits-jeux*^{*} запрещенных приемов нет.

Разумеется, на самом деле эпоним нашего героя был таким же стертым и заезженным в псевдоклассической Европе XVIII в., как Цезарь или Цицерон в учебниках, эссе, исторических трудах, газетных статьях и академических речах. В России царя Петра никакая просвещенность не считалась полной, пока имена греческих и римских героев не вспыхивали в фейерверке античных речений, Пушкин совершенно верно галлицизировал взятую фамилию, которую Ганнибал, скорее всего, вывез в 1723 г. из Франции. Там и в Италии она нередко встречалась в виде имени (например, Франсуа Аннибал, герцог д'Эстре, скончался в 1687 г.). Он, очевидно, набрел на нее по ходу военных штудий. О «великом гении Аннибале» он читал у Боссюэ в «Рассуждениях о Всемирной истории» («*Discours sur l'histoire universelle*»). Если Ганнибал действительно участвовал в Испанской войне, то должен был стоять в 1719-м в крепости Бельгард (перестроенной Вобаном в 1679 г.) и там, у испанской границы, близ деревни Ле Пертюс (Восточные Пиренеи), ступать по Слоновьиим Следам ганнибаловой дороги, до сих пор различимой сквозь земляничные деревья и дубняк. А еще хочется знать, не был ли в Меце его однокашником некий Пьер Робер по прозвищу Аннибал (1699—1783), живший там, судя по приходским книгам, изданным Пуарье⁷¹, около 1720 г

Последние годы Ганнибала в России (1723—1781)

Le capitaine Petrov dit Annibal**, приобрета в Франции кое-какие сведения о бастионах и контрфорсах, с 1723 г. жил в России, обучая математике и строительству крепостей. Специальным исследованием последнего этапа его жизни я не занимался — в главных чертах он достаточно хорошо изучен, и, как установили русские ученые, сибирский период Пушкин изобразил неверно. 8 мая 1727 г., как только кончилось царствование Екатерины I, ему поручили инспекцию казанской крепости, а затем строительство форта в Селенгинске, на китайской границе, там, кстати, поручик Ганнибал встретил бывшего своего покровителя графа Владиславича-Рагузинского, возвращавшегося из Китая, где он был послом. Из-за туманных обвинений в политических интригах Ганнибалу пришлось проработать в Селенгинске и Тобольске два года, и только в начале правления Анны губернатор С.-Петербурга Миних, нуждаясь в хороших военных инженерах, перевел его в крепость на Балтике В 1731 г. Ганнибал женился на

* Забавы (*фр*)

** Капитан Петров, именуемый Аннибал (*фр*)

Евдокии (Eudoxia) Диопер, дочери капитана флота Андрея Диопера, видимо, греческого происхождения⁷². Она была ему неверна, он отвечал тем же. Из документов, описанных Степаном Опатовичем («Русская старина», 1877), видно, что в 1732 г. Ганнибал соорудил у себя дома собственную камеру пыток с дыбой, железными зажимами, тисками для больших пальцев рук, бичами и т. п. Упрямый и педантичный, он добился для своей жертвы тюремного заключения за супружескую измену. Пять лет она провела в тюрьме, а затем — пока тянулось бракоразводное разбирательство — жила более или менее на свободе до 1753 г., когда вопрос о разводе был решен окончательно, после чего бедняжку сослали в глухой монастырь, где она умерла. Тем временем в 1736 г. Ганнибал женился (незаконно) на своей любовнице с четырехлетним стажем, дочери еще одного капитана, на сей раз армейского, по имени Маттиас Шеберг, лютеранина из шведско-немецкого рода. От второй жены (которую, согласно «Немецкой биографии», звали Христина Регина) у Ганнибала было одиннадцать детей, из них третий сын, Осип, стал дедом Пушкина с материнской стороны.

Несколько лет Ганнибал прожил помещиком на приобретенной земле, потом снова строил крепости. В 1742 г. Елизавета, младшая дочь Петра I, произвела его в генерал-майоры, а через четыре года пожаловала ему поместье Михайловское в Псковской губернии⁷³, которому суждено было навеки соединиться с именем Пушкина. За эти годы Ганнибал выказал себя знатоком в устройстве фейерверков на официальных торжествах и в составлении доносов на разных чиновников. В 1762 г., построив последнюю крепость и запустив последнюю шутиху, он ушел на покой и забытым стариком жил еще двадцать лет в другом своем поместье (Суйда, под Петербургом), где и умер в 1781 г. в преклонном возрасте (вероятно) восьмидесяти восьми лет⁷⁴.

Заключение

Кроме незаконченного романа «Арап Петра Великого» (1827, в котором весьма приукрашенному Ибрагиму приписаны выдуманные приключения во Франции и в России, — это не самые удачные пушкинские страницы), среди сочинений Пушкина есть замечательное стихотворное произведение с тем же персонажем. В пяти строфах постскриптума к написанному четырехстопным ямбом стихотворению «Моя родословная» (посвященному предкам по отцовской линии) о своем предке по матери Пушкин говорит следующее:

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплеи за бутылку рома
И в руки шкиперу попал

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем иаша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля

Сей шкипер деду был доступен,
И сходио купленный арап
Возрос, усердеи, неподкупеи,
Царю иаперсиик, а не раб

«Фиглярин» (от «фигляр» — гаер, грубый шут) — это обыгрывание имени презренного литератора Фаддея (Тадеуша, Тедди) Булгарина. Шутку эту придумал друг Пушкина, второстепенный поэт Вяземский, и впервые использовал другой поэт, Баратынский, в эпиграмме, напечатанной в 1827 г. Пушкинское стихотворение написано 16 октября и доработано 3 декабря 1830 г. Оно было ответом (опубликованным посмертно в 1846 г.) на злобный выпад Булгарина в его газете «Северная пчела»: «Лордство Байрона и аристократические его выходки, при образе мыслей — Бог весть каком, свели с ума множество поэтов и стихотворцев в разных странах и что все они заговорили о шестисотлетнем дворянстве! <...> Рассказывают анекдот, что какой-то поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрона, происходя от мулата или, не помню, от мулатки, стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рому!»⁷⁵. А Николай Греч в своих воспоминаниях («Записки моей жизни». СПб., 1886, с. 456) добавляет, что первым рассказал историю об этой сделке, заключенной вроде бы в Кронштадте, граф С. Уваров у Олениных.

Было бы пустой тратой времени гадать, а не родился ли Абрам вовсе не в Абиссинии; что, может, работорговцы поймали его совершенно в другом месте — например, в Лагоне (в области Экваториальной Африки, южнее озера Чад, населенной неграми-мусульманами)⁷⁶; или что он был, как пишет Гельбиг (1809)⁷⁷, бездомным юным мавром, которого Петр I купил в Голландии для службы корабельным юнгой (источник Булгарина). Можно бы призадуматься и над загадочным вопросом, отчего Ганнибал, с его пристрастием к политике, и Пушкин, с его пристрастием к экзотике, ни разу не упоминают Абиссинию (Пушкин, разумеется, знал, что ее называет «Немецкая биография», русский перевод которой ему продиктовали). Бремя доказательств ложится на неверящих в абиссинскую теорию; тем же, кто ее принимает, приходится выбирать между верой в то, что Пушкин был праправнуком одного из диких и вольных негритянских кочевников, блуждавших по окрестностям Мареба, или в то, что он потомок Соломона и царицы Савской, к которым абиссинские цари возводили свою династию.

По словам Н. Барсукова (1891)⁷⁸, узнавшего об этом от вдовы Льва, брата нашего поэта, Елизаветы Пушкиной, ладони у Надежды Ганнибал, матери Пушкина, были смуглыми; а согласно другому источнику, который цитирует В. Виноградов (1930)⁷⁹, все дочери Исаака Ганнибала, двоюродного деда Пушкина и сына Абрама, говорили с особой певучестью, «с африканским акцентом» — тонко подмечает современник, говорящий, что они «ворковали, словно египетские голуби»⁸⁰. Достоверного портрета Абрама Ганнибала нет. На портрете маслом конца XVIII в., по мнению некоторых его изображающем, есть награды, которых он не получал, и в любом случае картина безнадежно подделана бездарным живописцем⁸¹. Точно так же и по портретам его потомства нельзя сделать вывода о том, какая кровь преобладала в Абраме — негритянская или кавказская. В Пушкине славянские и германские примеси должны бы были совершенно затушевать четкие расовые черты его предков, однако некоторые портреты Пушкина работы хороших художников и его посмертная маска имеют заметное сходство с современными фотографиями типичных абиссинцев, чего как раз и ждешь от потомка негра и представительницы кавказской расы.

Напомню, что понятие «абиссинец» включает в себя сложный сплав хамитской и семитской рас и что, более того, отчетливые негроидные типы смешиваются с кавказскими на северном плато и среди правящих родов почти в той же мере, что и в среде кочевых язычников в низинных зарослях. Например, племена Галла (Оромота), в XVI в. наводнившие страну одновременно с турецким вторжением, — это хамиты с яркими негритянскими чертами. Абрам мог выглядеть так, как племена тигре и хамазен в описании Бента: «...кожа... насыщенного шоколадного цвета, волосы курчавые, нос прямой с тенденцией к орлиному, губы довольно толстые»⁸². Или, формально оставаясь абиссинцем, он мог иметь внешность, которую Пушкин, в этих вопросах сторонник шаблона, в романе дал Ибрагиму: «...черная кожа, сплюснутый нос, вздутые губы, шершавая шерсть»⁸³. Таксономическая проблема остается, видимо, нерешенной, невзирая на «антропологические очерки» анучинского толка. И хотя Абрам Ганнибал, униженно обращаясь в письмах к знатым вельможам, обыкновенно звал себя «бедным негром», а Пушкин считал его негром с «африканскими страстями» и независимым, блестящим человеком, в действительности Петр Петрович Петров, он же Абрам Ганнибал, был человек угрюмый, раболепный, взбалмошный, робкий, тщеславный и жестокий; военным инженером он, может, и был хорошим, но в человеческом смысле был полным ничтожеством, ничем не отличавшимся от типичных русских карьеристов своего времени, поверхностно образованных, грубых, колотивших своих жен, живших в скотском и скучном мире политических интриг, фаворитизма, немецкой муштры, традиционной русской нищеты и грудастых императриц на бесславном престоле.

Отталкиваясь от того факта, что Дебарва, некогда столица Тигре, находилась в 1899 г. под итальянским владычеством и была включена в область, называвшуюся тогда «Логон-Чуан» (за транслитерацию не ручаюсь), Анучин приходит к уникальному выводу, абсолютно бездоказательному, что двумя веками раньше *Лого* было синонимично наименованию *Дебарва*. При Понсе (летом 1700 г.) Дебарва делилась на два города, верхний и нижний, причем нижний предназначался для мусульман. Во времена Брюса, спустя семьдесят лет, не Дебарва, а Адова, соседний город, был столицей Тигре; а в конце XIX в. Дебарва была «скопищем грязи и нищеты» (Vent, 1893). Но если Анучин прав, отождествляя «L» с Лого или Леготой, то именно в этом районе следует сегодня искать ключ к разгадке, поскольку существует все же ничтожно малая вероятность того, что специалисты по абиссинской истории обнаружат на месте какой-нибудь след, какие-либо воспоминания об обстоятельствах и событиях, в результате которых в XVIII в. сын абиссинки стал русским генералом.

Сейчас мы вернемся к одному месту в примечании Пушкина к гл. 1, L, 11, в отдельном издании первой главы *ЕО* (1825). Там читаем: «До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, девятнадцать братьев, из коих он был меньшой; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома...»

Скажи Пушкин прямо, что отеческий дом находился в Абиссинии, мы имели бы право утверждать, что он из современной ему литературы заимствовал эту поразительно характерную деталь: с сыновьями эфиопского правителя обращаются как с пленниками, потенциальными отцеубийцами, возможными узурпаторами. Изгнание молодых царевичей на унылые холмы провинции Тигре по воле царей и наместников как предосторожность от вооруженного захвата

отцовского престола поразила романтическое воображение Западной Европы XVIII в. И, самое любопытное, абиссинский хронист За-Уальд⁸⁴ (французская транскрипция) сообщает, что на двадцать втором году своего правления (то есть в 1702, 1703 или 1704 г.) Иисус I заковал своих сыновей в цепи и спустя два года был убит единственным сыном, оставшимся на свободе, Теклой. Не думаю, что Пушкин нарочно ввел эту колоритную подробность, чтобы сделать убедительнее выбор страны (он ее не называет) или намекнуть на характерный эпизод (о нем он не мог знать). Кажется более правдоподобным, что правитель «L» послушно подражал своему «султану» в этом колоритном обычае. Одним словом, приходится признать, что эта подробность и имя сестры Лагань — единственные детали с неподдельным абиссинским ароматом⁸⁵.

Менее убедительна другая деталь, о плавании «под фонтанами», если только не считать, что имеются в виду пороги, водопадики и т. п., а не брызжущие водометы африканского Версаля, отеческого дома Абрама. О доме этом мы знаем даже меньше, чем о какой-нибудь ферме в Снитерфилде под Стратфордом⁸⁶. Приходят на ум источники водянистого «Расселаса» Джонсона (о котором и Солт вспоминал в Абиссинии), или «сотни тысяч фонтанов» (*cent milles jets d'eau*) в мраморном дворце царя Бела на Евфрате из неудобочитаемой повести Вольтера «Приключения вавилонской царевны, служащие продолжением приключений Скарментадо, рассказанные старым философом, не болтающим зря» (Женева, 1768)⁸⁷.

Если приятно думать, что современник доктора Джонсона, прадед Пушкина, родился прямо в долине «Расселаса», у подножия памятника, поставленного одновременно и эфиопской истории и французскому нравоучительному роману XVIII в., то позволительно вообразить и француза времен Людовика XIV⁸⁸, пирующего со смуглым прапрадедом Пушкина на земле пресвитера Иоанна⁸⁹. Разрешите заключить беглые заметки о Ганнибале поэтической выдержкой из анонимного английского перевода (1709) путешествий Шарля Понсе, посетившего Дебарву летом 1700 г.: «После торжественного богослужения в память императорского сына [Василидаса, наследника престола], только что умершего, оба правителя [*les deux Barnagas*] сели в большой зале, а меня усадили посередине. Затем военные и родовитые люди, мужчины, равно как и женщины, выстроились вокруг залы. Женщины с тамбурами⁹⁰ [*tambours des basque*]... запели [*commencèrent des récits en forme de chansons*]... голосами столь скорбными, что я не мог сопротивляться охватившей меня печали»⁹¹.

Тут в маргинальных областях воображения возникают всякие приятные возможности. Вспоминается абиссинская дева Колриджа («Кубла Хан», 1797), певшая о «горе Аборы»⁹², являющейся, видимо (если ее название не просто отзвук музыкального инструмента⁹³), или горой Табор — естественной твердыней около 3000 футов высотой в округе Сире провинции Тигре, или, скорее, неизвестно где расположенной твердыней Абора, название которой я нашел у хрониста За-Уальда (в переводе Бассе), говорящего, что там в 1707 г. был похоронен некий вельможа по имени Гиоргис (один из правителей, названных Понсе?). Можно представить и то, что скорбная певица у Колриджа и Понсе — это не кто иная, как прапрабабушка Пушкина, что ее повелитель, один из принимавших Понсе, — это прапрадед Пушкина, что его отец был Селла Христос, Расселас доктора Джонсона⁹⁴. В анналах русской пушкинистики нет ничего, что удержало бы от подобных фантазий.

Примечания

¹ Над процитированной строфой L главы первой «Евгения Онегина» Набоков поставил имя «Абрам Ганнибал». Очевидно, Набоков хотел представить этот текст как монолог прадеда поэта, чему основание дают слова «Африки моей» — родины Ганнибала, но не Пушкина.

² В своем переводе к пушкинскому указанию о смерти А. П. Ганнибала «на 92 году от рождения» Набоков, сомневавшийся в правильности расчета поэтом возраста своего прадеда, добавляет несомненную дату его смерти: «в 1781 году». Указание Пушкина расходится с известным ему источником, то есть «Немецкой биографией», где утверждается, что А. П. Ганнибал умер на 93-м году. Обе версии ошибочны (см. примеч. 6). Речь идет о копии «Немецкой биографии», выполненной для Пушкина. Этот документ хранился у сына поэта, А. А. Пушкина, передавшего его в 1880 г. (наряду с другими материалами личного архива отца) в Румянцевский музей Москвы, где рукопись получила № 2387А; с июля 1948 г. хранится в Институте русской литературы (ПД, оп. 3, № 163). Имеет небольшие искажения, допущенные копиистом. Там же хранится подлинник «Немецкой биографии» (ПД, оп. 24, № 19), написанной зятем А. П. Ганнибала Адамом Карповичем Роткирхом, присланной в 1899 г. ее владельцем Владимиром Константиновичем Лелонгом академику и неперемому секретарю Комиссии по устройству чествования Пушкина Н. Ф. Дубровину. От последнего рукопись «Немецкой биографии» перешла в ведение Б. Л. Модзалевского и вошла в основной фонд Института русской литературы — с самого его основания. Этот подлинник «Немецкой биографии» издан в 1997 г. в Полном собрании сочинений А. С. Пушкина, т. 17, в переводе А. Г. Сулимовой и с комментариями Н. К. Телетовой. Весь том является вторым изданием, исправленным и дополненным, сборника «Рукою Пушкина» (1935). Первое издание, известное Набокову, где печаталась копия «Немецкой биографии», обозначим далее «Рукою Пушкина-I», второе, с публикацией подлинника этой биографии, — «Рукою Пушкина-II».

³ Расположение двух последних абзацев соответствует отдельному изданию главы первой «Евгения Онегина» 1829 г. В издании 1825 г. эти абзацы шли в обратном порядке.

⁴ Григорий Александрович, по прозванию Пушка, принадлежит седьмому колону от основателя рода Ратши. Константин Григорьевич — пятый и последний его сын. За ним следуют прямые предки поэта: Гаврила, Иван, Михаил, Семен, Тимофей, Петр, Петр, Петр (1644—1692, шестнадцатое колono от Ратши); последний был погребен в соборе Вознесения в Москве (где позже венчался А. С. Пушкин). Два его сына станут дедом и прадедом родителей поэта. Это Александр Петрович (родился после 1686, умер между 1725 и 1728), дед Сергея Львовича, и Федор Петрович (родился между 1681 и 1692 г., умер в 1727 или 1728), прадед Надежды Осиповны.

⁵ На самом деле Сергей Львович родился в 1767 г., но убавлял себе годы (см.: Романюк С. К. К биографии родных Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 6).

⁶ Предположение о рождении Ганнибала в 1693 г. опровергается следующими данными. В «Немецкой биографии» говорится, что мальчика привезли в Константинополь «на восьмом году» (Рукою Пушкина-II. С. 43); то же напишет Пушкин о прадеде в примечаниях к «Евгению Онегину»: «на 8 году своего»

возраста» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 6. С. 654*). Через год и несколько месяцев, в июле, его отправили в Москву (Рукою Пушкина-II. С. 43), куда он прибыл 13 ноября 1704 г. в возрасте около восьми с половиной лет (см. там же). В 1726 г., посвящая Екатерине I двухтомный рукописный учебник (*Geometrie practique. Т. 1; Fortification. Т. 2*), Ганнибал писал, что «имел честь служить с самого <...> младенчества, а именно лет с семи или осьми...» (опубл.: *Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 141—144*). Тогда Ганнибал колебался — семи или восьми лет он был привезен в Россию, однако позже остановился на втором варианте и полагал, что начал служить Петру I на девятом году жизни. Датой своего рождения Ганнибал считал 13 июля — день, когда он был крещен: именно 13 июля, спустя многие годы, в 1776 г., весьма торжественно, в присутствии гостей-свидетелей составил Ганнибал свою духовную. Это явно не случайная дата — он праздновал восьмидесятилетие. Таким образом, можно считать, что в 1705 г., когда его крестили в Вильне, Ганнибалу исполнялось 9 лет. Эти 9 лет на момент крещения и использует Пушкин при расчете возраста прадеда (см. примеч. 20). Скончался же Ганнибал 14 мая 1781 г., прожив неполных 85 лет. Датой его рождения следует считать 1696 г. (по дню крещения — 13 июля).

⁷ По всей видимости, Х. Р. фон Шеберг (*Sjöberg*) была моложе. В 1750 г. ее духовник, пастор лютеранской церкви при Кадетском корпусе Хилариус Хартман Хеннинг (или, на русский лад, Гилариус Гартман Геннинг), в письме своему знакомому характеризует «госпожу генеральшу» как «весьма милую даму доброй души», которая «находится сейчас в своем расцвете» (Из коллекций редких книг и рукописей библиотеки Московского университета. М., 1981. С. 77). Едва ли сорокачетырехлетнюю многодетную даму можно было характеризовать как особу цветущих лет.

⁸ Ко времени выхода в отставку — генерал-фельдцейхмейстер (или генерал-лейтенант). Родился 13 февраля 1735 г., как указывается в подлиннике «Немецкой биографии» (Рукою Пушкина-II. С. 49); в копии сведения об Иване и Петре Ганнибалах, расположенные на двух последних страницах подлинника, отсутствуют и Набокову, соответственно, не были известны. Поскольку Иван появился на свет за год до венчания отца и матери, датой его рождения называли либо 1736 (или 1737) г. (см.: *Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. «Гааг—Гербель». С. 217—218*), либо 1731 г., относя время его рождения к периоду первого брака Абрама Петровича. Последняя дата, высеченная на его надгробии в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры, присутствует в разных источниках, например: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 6. С. 295*.

⁹ Петр Ганнибал умер 8 июня 1826 г. Эту дату обнаружила хранитель музея в Тригорском Г. Ф. Симакина в Государственном архиве Псковской области (ф. 39, оп. 1, № 2702, св. 708; № 4333, св. 1277). См. принадлежащую ей публикацию в газете «Пушкинский край» (1976, 20 авг.). Уходя в отставку, П. А. Ганнибал получил чин генерал-майора. Собственноручное об этом свидетельство Ганнибала см.: *Российский государственный исторический архив, ф. 1343, оп. 19, № 617 («О дворянстве Ганнибалов Псковской губернии, 1842—1843 гг.»)*.

¹⁰ Осип (Иосиф) вышел в отставку в чине «флота капитана второго ранга», равном подполковнику (см.: *Список дворянству Псковского наместничества, бывшему при его первом собрании в Пскове <...> в декабре месяце 1777 г. Псков, 1846. С. 5*). Его женитьба на Марии Пушкиной состоялась в 1772 г. (см.

хранящуюся в Институте русской литературы РАН рукопись Б. Л. Модзалевского «Родословная Пушкиных» — ф. 244, оп. 21, № 56: М. А. Пушкина, № 0/282).

¹¹ «Прошение» — без начала и конца — впервые было опубликовано А. П. Барсуковым (Русский архив. 1891. Т. 2. С. 101—102) с комментарием П. И. Бартенева (ныне хранится в Российском Государственном историческом архиве, кн. 39 решенных дел Герольдмейстерской конторы 1781 г., д. 5, л. 39—40). Копия «Прошения», выполненная в 1837 г. (опубл.: Рукою Пушкина-I. С. 864—865), хранилась в 1935 г., по утверждению публикатора Н. Г. Зенгера, в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (тетрадь № 2395, л. 412—415). Ныне в Институте русской литературы РАН хранится другая, первая по времени возникновения, копия «Прошения», известная Пушкину (ПД, оп. 3, № 161). Ее Н. Г. Зенгер относит к той же тетради № 2395 (л. 506—509). Эта копия, не имеющая первых строк обращения к императрице Елизавете Петровне, опубл.: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 170—171.

¹² Текст «Немецкой биографии» А. П. Ганнибала (вернее, копию с нее) см.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935 (немецкий текст — с. 43—49; русский его перевод — с. 50—56. В дальнейшем при цитировании этого перевода, выполненного Н. Г. Зенгером, в него вносятся некоторые коррективы). См. также примеч. 2.

¹³ Речь идет о копии «Немецкой биографии», выполненной для Пушкина. Она имеет жандармскую нумерацию — л. 40—45, которую и указывает Набоков.

¹⁴ Биография составлялась не ранее 1786 г., указанного на филигрании бумаги.

¹⁵ Автором «Немецкой биографии» был Адам Карпович (Адольф Рейнхольд) Роткирх (1746—1797) — муж Софии Абрамовны, урожденной Ганнибал, зять А. П. Ганнибала, уже умершего ко времени составления его биографии. А. К. Роткирх, уроженец эстляндской Нарвы, при Павле I был судьей города Софии (близ Царского Села). Авторство Роткирха указано его внуком Владимиром Ивановичем Роткирхом на титульном листе подлинника «Немецкой биографии» (см. об этом: Рукою Пушкина-II. С. 56).

¹⁶ Речь идет о «Сокращенном переводе Немецкой биографии» Ганнибала (ПД, оп. 1, № 1195); он занимает пять исписанных листов (десять страниц) с жандармской нумерацией, которую и указывает Набоков, сделанной в разбивку: 28, 57, 29, 56, 58; архивная нумерация листов: 1 (чистый), 2, 3, 4, 5, 6. Опубл. под названием «Биография Ганнибала»: *Пушкин А С* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 434—437.

¹⁷ По всей вероятности, Пушкин в 1825 г. достал только «Воспоминания» П. А. Ганнибала (см. об этом: Рукою Пушкина-II. С. 57).

¹⁸ Это так называемые «Воспоминания» П. А. Ганнибала (ПД, оп. 3, № 162), ко времени написания которых он, однако, уже переселился из Петровского в другое свое имение — Сафонтьево, верстах в шестидесяти от Михайловского (см. об этом публикацию Г. Ф. Симакиной, указанную в примеч. 9). А. М. Гордин на основе документов (Государственный архив Псковской области, ф. 39, оп. 1, д. 500, л. 78 об. и др.) доказывает, что переселение произошло в 1819 г. (см.: *Гордин А. М.* Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 46 и 409). «Воспоминания» составлялись — видимо, по просьбе Пушкина — в самые последние годы жизни Ганнибала. Характер изложения материала явно свидетельствует об угасании умственных способностей автора. Полный текст «Воспоминаний» опубл.: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 171—173.

¹⁹ Лист 28 жандармской нумерации соответствует второму листу архивной; соответственно далее: 57-й — третьему листу, 29-й — четвертому, 56-й — пятому, 58-й — шестому (см. примеч. 16). Однако Набоков, не беря в расчет чистый первый лист, передвигает нумерацию. Сохраняем его обозначения: 28-й — первый, 57-й — второй, 29-й — третий, 56-й — четвертый, 58-й — пятый.

²⁰ Расшифровка Набоковым подсчетов на полях «Сокращенного перевода Немецкой биографии» нуждается в коррекции. Пушкин производит их, действительно, чтобы разобраться в путанице Роткирховых дат. Последний расчет на л. 4:

$$\begin{array}{r} 1699 \\ \quad 9 \\ \hline 08 \end{array}$$

— перечеркнут. Поскольку Роткирх утверждает, что Абрам Петрович умер на 93-м году в 1781 г., то датой его рождения как будто следует считать 1689-й. Это никак не согласуется с тремя опорными возрастными данными биографии прадеда, Пушкину известными. Первая из них названа им в примечаниях к «Евгению Онегину»: «18 лет от роду Аннибал послан был царем во Францию». Но Абрам Петрович начал свое обучение во Франции летом 1717 г., и если 18-ти лет оказался в Париже, то получалось, что он родился не в 1689, а в 1699 г., как значится в подсчете. Девять лет — вторая возрастная опора: ровно девяти лет Абрам был крещен в Вильне. И Пушкин добавляет эту девятку к числу 1699, получая «08», то есть 1708 г. — дату крещения, расходящуюся с той, что указана в «Немецкой биографии»: «Приблизительно в 1707 году был он в Польше окрещен». Рядом с подсчетом на л. 4 зачеркнутая запись: «26 лет 25». Исходя из того, что Абрам родился предположительно в 1699 г., в год смерти Петра («<17>25») ему должно было быть 26 лет. Но это противоречит известному факту: Абраму было 28, когда умер Петр. Поэтому Пушкин перечеркнул и эти цифры. Примечательно, что в романе об арапе Ибрагиме Пушкин указывает его возраст в пору влюбленности в графиню — 27 лет. Этот эпизод относится предположительно ко времени около 1721 или 1722 г. (за год до возврата в Россию, на 4—5-м году обучения). Вместе с тем в 1824 г. Пушкин в примечании к «Евгению Онегину» писал о том, что в 1717 г. прадеду его было 18 лет. Выпутаться из сведений «Немецкой биографии» Роткирха он не мог.

Рассмотрим еще одну табличку пушкинских расчетов на полях л. 1 «Сокращенного перевода»:

$$\begin{array}{r} 1725 \\ \quad 28 \\ \hline 1697 \\ \quad 9 \\ \hline 1708 \end{array}$$

Три цифры в ней ясны: 9 — возраст, в котором Абрам был крещен; 1708 — предполагаемая дата крещения, фигурирующая в подсчете на л. 4 (1708 — отнюдь не сумма двух предыдущих цифр), и, наконец, 1725 — год смерти Петра I. Выясняется, что Пушкин знал возраст прадеда к моменту смерти Петра — 28 лет. Это третья возрастная веха в биографии прадеда. Но он ошибся на полгода: Абраму было 28 с половиной лет, когда не стало Петра I, и родился он в 1696, а не в 1697 г., как получалось у Пушкина. Но почему он не суммировал 1697 и 9? Потому что цифра 1706 его так же мало устраивала, как 1708, хотя

он и перенес цифру 1708 из последнего подсчета в итог первого. Дело в том, что из отлично известного ему труда И. И. Голикова «Деяния Петра Великого...» он знал, что Август II (и его супруга, якобы крестная мать Абрама) ни в 1708, ни в 1706 г. не имели встреч с Петром I, стало быть, ни та ни другая даты не годились как дата крещения его прадеда. Откуда он знал три вехи в жизни Ганнибала — неизвестно, но две из них совершенно верны: это 9-летний возраст Абрама в момент крещения и 28-летний — в год смерти Петра I. Таким образом, можно утверждать, что Ганнибал родился 13 июля 1696 г. (по его подсчетам); крещен был 13 июля 1705 г. — девяти лет; в 1717 г. 9 июня, почти двадцати одного года, оставлен для обучения в Париже; двадцати восьми с половиной лет потерял своего крестного отца и покровителя — в январе 1725 г.

²¹ Вульф А. Н. Дневники: (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 136.

²² Текст приводится по упомянутым выше «Воспоминаниям» П. А. Ганнибала (см. примеч. 18).

²³ Анучин Д. Н. А. С. Пушкин: (Антропологический эскиз). М., 1899.

²⁴ См.: *Abbadie A. d', Paulitische P. Des Conquêtes faites en Abyssinie en XVI siècle par l'Imam Muhammad Ahmad dit Gagne; version française de la chronique arabe Futûh el-Hábacha*. Paris, 1898.

²⁵ См.: *Salt H. «Mr. Salt's Narrative»*. In Valentia, George, Viscount: *Voyages and Travels to India, Ceylon, the Red Sea, Abyssinia and Egypt*. London, 1811; Vol. 1—4; *Salt H. A Voyage to Abyssinia and Travels into the Interior of That Country, Executed under the Order of the British Government in the Years 1809 and 1810*. London, 1814. Другое издание последней из названных книг (Philadelphia, 1816) содержит карту Абиссинии.

²⁶ См.: *Poncet Ch. Relation abrégée du voyage que M. Charles Poncet fit en Éthiopie en 1698, 1699 et 1700 // Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères, par quelques missionnaires de la Cie de Jésus*. Paris, 1713. Vol. 4. P. 251—443.

²⁷ См.: *Kammerer A. La mer Rouge, l'Abyssinie et l'Arabie depuis l'antiquité*. Cairo, 1952. Vol. 3.

²⁸ См.: *Lefebvre T., Petit A., Quartin-Dillon R., Vignaud. Voyage en Abyssinie exécuté pendant les années 1839, 1840, 1841, 1842, 1843*. Paris, 1845—1851. Vol. 1—6.

²⁹ См.: *Bent J.-T. The Sacred City of the Ethiopians, Being a Record of Travel and Research in Abyssinia in 1893*. London, 1893. Maps.

³⁰ См.: *Salt H. A Voyage to Abyssinia...* P. 248. «Рас», как ниже объясняет Набоков, на гизском языке означает «глава».

³¹ См.: *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина*. СПб., 1910. С. 147. № 567.

³² Страницы книги не нуждались в разрезании. Заметок Пушкина на них нет.

³³ См.: *Le Grand (Legrand) J. Voyage historique d'Abyssinie, du R. P. Jérôme Lobo de la Campagne du Jésus, traduite du Portugais*. Paris and La Haye, 1728. Перевод на английский язык: *A voyage to Abyssinia... From the French by S. Johnson*, 1735.

³⁴ См.: *Gobat S. Journal of Three Years' Residence in Abyssinia*. New York, 1851. Map.

³⁵ *Salt H. «Mr. Salt's Narrative»*. In Valentia, George, Viscount: *Voyages and Travels to India, Ceylon, the Red Sea, Abyssinia and Egypt*. Vol. 3. P. 61.

³⁶ У Пушкина в примечании 11 к строфе L главы первой «Евгения Онегина»: Лагань.

³⁷ См.: *Basset R. Etudes sur l'histoire d'Ethiopie // Journal asiatique. Paris, 1881. № 17—18. В № 18 (с. 293—324) содержится «Эфиопская хроника» («Chronique éthiopienne») — французский перевод хроники правления Иисуса I, начатой императорским секретарем Хауария Крестос (французская транслитерация) и продолженной после его гибели в 1698 г. следующим секретарем — За-Уальдом.*

³⁸ См.: *Bruce J Travels to Discover the Source of the Nile in the Years 1768, 1769, 1771, 1772 and 1773. Edinburgh, 1790. Vol. 2. P. 549.*

³⁹ *Starkie E. Arthur Rimbaud in Abyssinia. Oxford, 1937.*

⁴⁰ Артюр Рембо (1854—1891) — французский поэт; примерно с 1880 г. оставил поэзию и занялся в Эфиопии торговлей людьми.

⁴¹ *Le Grand (Legrand) J. Voyage historique d' Abyssinie... P. 431, 417—418.*

⁴² *Bruce J Travels... Vol. 2. P. 488—489.*

⁴³ Ибрагим—Абрам прибыл в Константинополь (Стамбул) весной 1703 г., а в июле следующего года, до 21 числа, он и еще два мальчика были отосланы в Россию. 21 июля Савва Лукич Владиславич (с 1711 г. граф Рагузинский, 1668—1738) сообщает об этом Спафарию, а Спафарий 15 ноября пишет Ф. А. Головину о прибытии мальчиков в Москву 13 ноября 1704 г. Трех арапчат, таким образом, отослали в июле 1704 г. из Константинополя, но, по свидетельству Спафария, везли необычным путем, то есть, не морем до Азова, а на север, через Болгарию и Мунтению (восточная часть современной Румынии) (Русский архив. 1867. С. 308—309).

⁴⁴ В немецком тексте: *Seraljo*. Набоков пишет на итальянский манер: *seraglio*. Сераль — жилище знатного турка, где в одной части дома живут мужчины, а в другой находится гарем.

⁴⁵ Далее Набоков пропускает часть фразы: «заприметил нескольких лучших, для его цели пригодных» (Рукою Пушкина-I. С. 51).

⁴⁶ Все операции по умыканию арапчат совершал С. Л. Владиславич-Рагузинский; он же устраивал их отправку в Россию в сопровождении верного человека (см. уже упоминавшееся в примеч. 43 письмо Спафария Головину от 15 ноября 1704 г.). Им был некто Васильев.

⁴⁷ Письмо это отправлено кабинет-секретарю Алексею Васильевичу Макарову 5 марта 1722 (не 1721) г. Опубл.: *Ганнибал А. С. Ганнибалы, новые данные для их биографий // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1913. Т. 5. Вып. XVII—XVIII. С. 211.*

⁴⁸ Во Франции Ганнибал, по всей видимости, обучался сначала в артиллерийской школе города Меца, а с 1720 г. — в Ла Фере (см. примеч. 66).

⁴⁹ В посвящении двухтомного учебника Екатерине I (см. примеч. 6) нет ни указания на 22 года служения, ни слов о жизни «при доме» государя. Ошибка Набокова восходит к кн.: *Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937. С. 36.*

⁵⁰ В Москву привезли трех арапчат (один вскоре умер), из них старший, крещенный Петром I с именем Алексей Петров, стал гобоистом Преображенского полка. Его судьба прослеживается только до 1716 г. По свидетельству Спафария, встретившего «поезд» из Константинополя в Москве (ср. также: Российский государственный архив древних актов, ф. 248, оп. 3, д. 43), этот Алексей приходился Абраму старшим братом. Исчезновение Алексея из биографии Абрама и из документов привело к полному забвению его, и нигде в «Немецкой биографии» он не обнаруживается. Поэтому Роткирх, твердо знавший, что

поначалу было трое мальчиков, уморив по дороге второго, подменяет Алексея белокожим рагузинцем. Однако босниец из Рагузы (ныне Дубровник) Савва Владиславич, участвовавший в похищении из сераля мальчиков, никак третьим из них оказаться не мог. Не мог им быть и его племянник Ефим Иванович (1691—1741), находившийся с дядей в Константинополе и отправленный в Россию морем — через Азов. Дождавшись там прибытия разных товаров и встретившись с дядей, он тронулся в Москву, куда «поезд» из Константинополя прибыл лишь 30 января 1705 г. (см. примеч. 52), через два с половиной месяца после арапчат.

⁵¹ Набоков цитирует письмо по кн.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4, ч. 2. Приложение. С. 254.

⁵² В «Прошении» Ганнибала императрице Елизавете Петровне 1742 г. (см. примеч. 11) есть двусмысленная фраза, до недавнего времени не вызывавшая, однако, сомнений: «...выехал я в Россию из Царяграда при графе Саве Владиславиче...» Фраза всегда воспринималась как свидетельство совместной поездки Владиславича с Абрамом. Так понята она и Набоковым. Однако Ганнибал хотел сказать, что выехал он из Константинополя в те месяцы, когда Савва Лукич Владиславич, решавший его судьбу, замещал уехавшего в Москву П. А. Толстого и был, таким образом, полномочным послом России в Турции. В четырехтомном труде Н. Н. Бантыш-Каменского «Обзор внешних сношений России (по 1800 г.)» (М., 1887—1902), Набокову неизвестном, имеются точные и полные сведения о передвижениях Рагузинского: 6 ноября 1702 г. Рагузинский прибыл из Константинополя в Азов «с деревянным маслом, кумачами, бумагой хлопчатной» (*Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор... М., 1896. Т. 2. С. 242). В Москву он приехал 26 марта 1703 г. Обрато отправился через Киев осенью «с собольми» на 5 тысяч для П. А. Толстого (там же), то есть для подарков нужным людям в Константинополе. Очевидно, он прибыл туда в начале 1704 г. и заменил Толстого в качестве посла, пока тот ездил в Москву. Поехал Рагузинский из Турции на Азов не летом, а осенью, прибыв в Москву 30 января 1705 г. (Там же, С. 243).

⁵³ В Вильно Петр I был с 8 июля по 3 или 4 августа 1705 г. (*Голиков И. И.* Деяния Петра Великого. М., 1789. Ч. X. С. 204, 217).

⁵⁴ Абрама можно было крестить во второй раз, только если меняли его имя, что и сделал царь Петр, однако не в 1707, а в 1705 г., как сообщает сам Ганнибал в посвящении своего учебника Екатерине I: «...И был мне восприемником от святых купели Его Величество в Литве, в городе Вильне, 1705 году...» (*Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина, С. 142). См. также примеч. 20.

⁵⁵ Набоков ошибается. Фамилию себе придумал сам Абрам и впервые употребил ее, по-видимому, в 1727 г. в Сибири, рассчитывая, что громкость ее поможет ему в его положении ссыльного. При этом фамилия Петров превратилась в отчество. В утраченной ныне Иркутской летописи за 1727 г., как отмечал сибирский исследователь Сельский, значится: «В декабре месяце прибыл из Тобольска лейб-гвардии бомбардирной роты поручик Абрам Петров, Араб Ганнибал, для строения Селенгинской крепости» (Москвитянин, 1853. Т. 6. С. 34). В Эстляндии Абрам уже постоянно употребляет эту фамилию с 1733 г.

⁵⁶ В Вильнюсе в центре города в 1865 г. после капитального ремонта церкви Параскевы Пятницы приказом губернатора М. Н. Муравьева был выбит текст на доске, укрепленной на ограде. Текст сообщает, что здесь в 1705 г. произошло крещение «африканца Ганнибала». Источником сведений, без сомнения, являлся

утраченный ныне документ, принадлежавший Виленскому архиву, вывезенному на восток, за пределы Литвы, в 1940 г. Доска и поныне сохраняется на том же месте. Однако историки города утверждают, что Пятницкая церковь с 1611 г. и до XIX в. была униатской, а крещение могло происходить лишь в православной церкви. Фамилию же «Ганнибал» «африканец» в то время не носил (см.: *Скилявичюс Л.* Источник тайн // *Вечерние новости.* [Вильнюс.] 1985. 26 февр.).

⁵⁷ Христина Эбергардина, супруга Августа II Сильного, равно как и сам Август, в июле 1705 г. в Вильну не приезжали; крестной матерью могла быть лишь неизвестная нам местная дама. Версия о королеве-крестной возникает у Роткирха, сам Ганнибал об этом никогда не писал.

⁵⁸ Возможно со слов Пушкина, Д. Н. Бантыш-Каменский объясняет, почему, просыпаясь ночью, Петр I вынужден был сам записывать на грифельной доске то, что следовало вспомнить днем: «припорожник» Абрам еще не понимал русского языка (*Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли: В 5 т. М., 1836. Т. 2. С. 12). Здесь мы имеем дело с домыслом Роткирха, не понявшего причин кажущейся причуды царя.

⁵⁹ *Вегнер М.* Предки Пушкина. С. 23. Этому приказу предшествовали многие подобные, начиная с 1705 г.; очевидно, первый из них записан в приходо-расходной тетради (ведомости) Петра I: «1705 года, 18 февраля, по росписи купчины Чувашева Абраму Арапу к делу мундира и в приклад дано 15 рублей 15 алтын» (*Малеванов Н. А.* «Петра питомец» А. П. Ганнибал // *Нева*, 1972. № 2. С. 192). В тот день, 18 февраля 1705 г., Петр I отправлялся (до 27 апреля) в Воронеж (см.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 4. [Ч. 1]. С. 359, 363). Мальчик тогда еще, видимо, не следовал за царем. Между 1705 и 1709 гг. (1709 г. обозначен в цитированном Вегнером и Набоковым документе) Абрам вместе с карликом Якимом появляется еще раз в приходо-расходной ведомости, когда сообщается, что истрачено «в 707 году <...> Авраму-арапу да Якиму-карле на платье 87 рублей, 13 алтын, 2 деньги» (*Соловьев С. М.* История государства Российского. М., 1962. Кн. VIII. Т. 15—16. С. 530).

⁶⁰ Е. Ф. Шмурло пишет: «Быть может, он [Ганнибал] занимал при царе должность денщика, хотя в документах он трижды упоминается наряду с шутом Лакостою» (*Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* СПб., 1892. Т. 8. С. 87).

⁶¹ В тексте М. Вегнера (*Предки Пушкина.* С. 24) царский дурак назван Тюриновым. У Набокова, который, несомненно, перелагал рассказ Вегнера, описка или сознательное искажение-насмешка — Тюриков.

⁶² Набоков позволяет себе дать собственный вариант анекдота: у Вегнера Петр I отнюдь не развлекался поркой матросов. Ср.: «Проснувшись, шут завопил и разбудил царя. Петр вскочил взбешенный, схватил канат и бросился на крики. Шалуиы, услыхав его шаги, попрятались. Первым попался царю на глаза Абрам и был отхлестан не на шутку» (*Вегнер М.* Предки Пушкина. С. 24).

⁶³ Адриан Шхонебек в мае 1705 г. выполнил гравюру «Петр I с арапчонком». Известно, что больной царь с 4 по 22 мая 1705 г. жил в загородном доме Ф. А. Головина в Немецкой слободе (см.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 4 [Ч. 1]. С. 363—364). В ноябре 1704 г. Головину доставили трех арапчат из Константинополя (см. примеч. 43). Поскольку арапчонок, получивший после крещения имя Алексей и фамилию Петров (см. примеч. 50), никогда при Петре не состоял и, в отличие от Абрама, в петровских бумагах

тех лет не упоминался, то почти наверняка можно говорить, что на гравюре изображен Петр I с Абрамом, подаренным царю в январе—феврале 1705 г.

⁶⁴ С января по октябрь 1716 г. имя Абрама в списках тех, кто сопровождал царя Петра в его путешествии, не встречается. Первый приказ о выдаче Абраму ефимков на седло относится к 5 октября 1716 г. (см.: *Украинцев Е. И.* Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 52). Именно в это время к Петру в Копенгаген прибыли недоросли, направлявшиеся в Европу для обучения; среди них, очевидно, был и Абрам: «Петр их осмотрел и распределил, кого куда послать. Указ о том кн<язю> Долг<орукову> — от 12 окт<ября>» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 228). Затем Абрам упоминается в начале декабря по поводу раздачи трех червонных нищим в Вестфалии. 11 декабря 1716 г. Абраму Петрову и Алексею Юрову делаются богатые дары к празднику Рождества (см.: *Украинцев Е. И.* Сборник выписок... С. 21, 25). Таким образом, оба они присоединились к свите Петра (Абрам в октябре, Юров тогда же или в ноябре — декабре) и находились при нем до 9(20) июня 1717 г., когда Петр уехал из Парижа, а Абрам и Юров остались во Франции для обучения. Двое других юношей проследовали из России во Францию, не задерживаясь, очевидно, при Петре. Коровин должен был обучаться не фортификации и военному делу, а «грыдоровальному художеству», то есть искусству гравирования (см.: *Пекарский П.* Введение в историю Просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. Т. 1. С. 241).

⁶⁵ В подлиннике «Немецкой биографии» Роткирх правильно записал имя — Белидор (см.: *Рукою Пушкина-II.* С. 37 и 45). Но в копии для Пушкина неясная буква «d» опущена. То же рукою Пушкина в «Сокращенном переводе Немецкой биографии».

⁶⁶ До 1719 г., когда Ганнибал принял участие в войне с Испанией, он не мог учиться в Ла Фере: «Школа инструктора» («L'ecole d'instruction») была открыта там лишь в 1720 г. по повелению короля от 5 февраля (см. об этом: *Daniel P.* Histoire de la milice française. Paris, 1721). Можно предположить, что между 1717 и 1719 гг. он обучался в Меце.

⁶⁷ Ганнибал был ранен в 1719 г. при взятии крепости Фуэнтерабиа (см. об этом: *Хмыров М. Д.* А. П. Ганнибал // *Всемирный труд.* 1872. № 1. С. 107).

⁶⁸ Набоков весьма свободно пересказывает Пушкина. В «Арапе Петра Великого» говорится лишь, что Ибрагим «присутствовал на ужинах, одушевленных молодостью Арузта и старостию Шолье, разговорами Монтеские и Фонтенеля», и что графине Д. его представил «молодой Мервиль, почитаемый вообще последним ее любовником» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 4). «Мервиль первый заметил эту взаимную склонность. <...> Слова Мервиля пробудили Ибрагима» (там же. С. 5), — больше о Мервиле ничего не говорится. По мнению Набокова, речь здесь идет о Мишеле Гюйо де Мервиле (1696—1755), драматурге, авторе более чем десятка пьес, ставившихся в 1730—1740-е гг. в Комеди Франсез и других театрах. Известно, что Мервиль общался с Вольтером.

⁶⁹ Абрам находился в обучении пять с половиной лет. Покинув Россию приблизительно в начале сентября 1716 г., он был оставлен Петром в Париже 9(20) июня 1717 г. (см. примеч. 64). 17 октября 1722 г. Абрам Петров, Резанов и Коровин были отозваны из Парижа и отправились в Россию в свите бывшего посла во Франции В. Л. Долгорукова (см.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор... Т. 1. С. 94). В Москву «поезд» Долгорукова прибыл 27 января 1723 г., о чем есть запись в камер-фурьерском журнале (Юрнал 1723 года. СПб., 1855. С. 6).

⁷⁰ Петр I приказал князю А. Д. Меншикову, подполковнику Преображенского полка (полковником был он сам), 4 февраля 1724 г. «Абраму (арапу), который во Франции служил капитаном и привез свидетельство, того ради определите его поручником в бомбардирскую роту к инженерам, которых из молодых в кондукторы надлежит собрать <..> Петр» (*Ганнибал А. С. Ганнибалы, новые данные для их биографий.* С. 217).

⁷¹ *Poirier, Abbé Metz F J Documents généalogiques. 1561—1792. Paris, 1899.*

⁷² Этот грек, капитан, нанят был в Венеции Г. Г. Островским, посланным Ф. А. Головиным, вместе с другим капитаном по имени Стамати Камер. В Венеции Диопер (тогда именовавшийся Депиор) жил близ греческой церкви, имел жену и детей, по-видимому навсегда оставленных. 16 ноября 1697 г. оба нанятых капитана с Островским тайно выехали в Амстердам (Венеция не хотела отпускать нужных людей), где встречены были Головиным и Лефортом. Плата капитанам положена была «в московской службе сколько они похотят и сколько их будут держать <...> по 15-ти золотых червонных в месяц» (*Княжецкая Е. А. Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I // Советское славяноведение. 1973 № 5. С. 46—59*). Брак Евдокии Андреевны Диопер и Абрама Петрова состоялся 17 января 1731 г. в Петербурге, в церкви Симеона Богоприимца в Морской слободе (см.: *Малеванов Н. А. Прадед поэта // Звезда. 1974. № 6. С. 159*).

⁷³ Псковские поместья, и среди них Зуево-Михайловское, пожалованы были А. П. Ганнибалу в 1742 г. 12 января 1742 г. под № 8728 вышел «Именной указ о пожаловании подполковника Аврама Ганибала в генерал-майоры <...> и об отдаче ему из дворцовых имений Псковского уезда Михайловской губы с 569 душами крестьян» (*Баранов П. И. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском архиве за XVIII век. СПб., 1878. Т. 3 (1740—1762). С. 85*). Закрепление пожалования грамотой на владения в Псковской губернии состоялось лишь 6 февраля 1746 г. (грамота подписана: «Елизаветь» и «Алексей Бестужев»; хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина).

⁷⁴ Ганнибал умер неполных восьмидесяти пяти лет. См. примеч. 6.

⁷⁵ Имеется в виду публикация: *Булгарин Ф. В. Второе письмо из Карлова на Каменный остров // Северная пчела. 1830. № 94. 7 авг.*

⁷⁶ Это мелькнувшее предположение Набокова ныне подтвердилось. Французский ученый африканского происхождения Дьедонне Гнамманку нашел в современном государстве Камерун, южнее озера Чад, город Логон на реке Логоне. В XVIII в. небольшое государство, называвшееся тоже Логон, имело еще два города, упоминаемых А. П. Ганнибалом в его «Прошении» 1742 г.: «.. родился во владении отца моего в городе Логоне, который и кроме того имел под собою еще два города». Города сохранились — это Гульфеиль и Куссери. Племя, жившее в этом ареале, именовалось *котоко*. (Об этом см.: *Гнамманку Д. Так где же родина Ганибала? // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 12. С. 1024—1101; Gnamankou D. Abram Hannibal. Paris, 1996; Телетова Н. К. А. П. Ганнибал (К трехсотлетию прадеда Пушкина) // Russian studies. СПб., 1996. Т. 2, № 3, С. 58—93*.) Эти данные представляются куда более подходящими, чем версия А. К. Роткирха об абиссинском происхождении Ганнибала, почерпнутом им из популярного романа С. Джонсона, вышедшего в 1785 г. в переводе Ф. Шиллера на немецком языке

⁷⁷ [*Helbig G. A. W.*] *Russische Günstlinge. Tübingen, 1809.* Русский перевод (с указанием автора) впервые опубликован в 1883 г. под названием «Русские

фавориты». Георг фон Гельбиг был секретарем Саксонского посольства в Петербурге в 1787—1795 гг.

⁷⁸ Н. П. Барсуков в 1891 г. выпустил в Петербурге только четвертый том своего двадцатидвухтомного издания «Жизнь и труды М. П. Погодина». Однако указанного сообщения там нет. Но в том же году А. П. Барсуков опубликовал в «Русском архиве» (т. 2) «Прошение» А. П. Ганнибала (см. примеч. 11) и в середине страницы 103, закончив свое сообщение, поставил: «С.-Петербург, 29 марта 1891 г., Александр Барсуков». Ниже, под звездочкой, следует текст издателя П. И. Бартенева, подписывавшего подстрочные комментарии инициалами «П. Б.», но оставившего без подписи этот текст, в котором, в частности, сообщается: «...вдова Льва Сергеевича Пушкина, Елизавета Александровна, передавала нам, что у ее свекрови, Надежды Осиповны, матери поэта, ладони были желтого цвета» (с. 103—104). Резюме Бартенева Набоков приписал Барсукову, ошибочно заменив его инициал «А» инициалом «Н».

⁷⁹ В. Виноградов — описка Набокова. Правильно: Л. Виноградов. См.: *Виноградов Л. А., Чулков Н. П., Розанов Н. П.* А. С. Пушкин в Москве // Труды Общества изучения Московской области. М., 1930. Вып. 7.

⁸⁰ В примечании Л. А. Виноградова к его статье «Детские годы А. С. Пушкина в Немецкой слободе и у Харитония в огородниках» (в сборнике «А. С. Пушкин в Москве». С. 32—33) говорится: «...все дочери Исаака Абрамовича Ганнибала отличались речью нараспев: „все они точно египетские голуби воркуют <...> выговор у них такой африканский, что ль, был“, — вспоминали о них в Тригорском».

⁸¹ См. об этом статью Н. К. Телетовой «О мнимом и подлинном изображении А. П. Ганнибала» в сборнике «Легенды и мифы о Пушкине» (СПб., 1995. С. 84).

⁸² *Bent J-T.* The Sacred City of the Ethiopians... P. 287—288.

⁸³ «.С твоим ли <...> сплюснутым носом, вздутыми губами, с этой шершавой шерстью бросаться во все опасности женитьбы?» — говорит Ибрагиму Корсаков в романе «Арап Петра Великого» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 30).

⁸⁴ См. примеч. 37.

⁸⁵ Любопытно, что ни история о девятнадцати старших братьях, которых приводили к отцу со связанными руками, ни такая деталь, как фонтаны, среди которых плавал на воле меньшей из них, Ибрагим, не имеют известного протосюжета: в «Немецкой биографии» ничего подобного не излагается. В комментарии к *ЕО* осенью 1824 г. Пушкин приводит эти экзотические подробности после свидания с Петром Абрамовичем. Был ли это устный рассказ двоюродного деда, отражавший неизвестные впоследствии мемуары Абрама Петровича, — установить невозможно (между прочим, и о Лагани в «Немецкой биографии» сказано, что она утопилась с горя, не сумев освободить брата, в то время как у Пушкина в комментарии 1824 г. она только плыла за кораблем, на котором брат удалялся).

⁸⁶ Ничем не знаменитое селение Снитерфилд находится в графстве Уорикшир, в трех с половиной милях на северо-восток от Стратфорда-на-Эйвоне, родины Шекспира.

⁸⁷ Набоков подозревает, что пушкинское описание детства Ганнибала стилизовано и источником стилизации является художественная литература.

⁸⁸ Речь идет о Шарле Понсе.

⁸⁹ Пресвитер Иоанн — легендарный священник и король Абиссинии в средние века. Шекспир, скрыто присутствующий в набоковском «Заключении» (см.

примеч. 86), упоминает пресвитера Иоанна в комедии «Много шума из ничего» в выразительном контексте: «Бенедикт. Я готов за малейшим пустяком отправиться к антиподам, что бы вы ни придумали: хотите, принесу вам зубочистку с самой отдаленной окраины Азии, сбегая за меркой с ноги пресвитера Иоанна, добуду волосок из бороды Великого Могола, отправлюсь послом к пигмеям?» (акт II, сцена I). Более ранний вариант о пресвитере Иоанне появлялся еще в средние века. Так, в ста новеллах Италии (конец XIII в.; см.: Новеллино. М., 1984. С. 5—6, 256—258) царство благочестивого Иоанна связывают с Индией, откуда он будто бы отправил послание в Византию и императору Фридриху I Барбароссе. Об Иоанне см.: Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. 2. С. 446—461; Гумилев Л. Повесть вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М., 1970.

⁹⁰ Тамбуры — маленькие барабаны.

⁹¹ *Poncet Ch. A Voyage to Aethiopia, Made in the Years 1698, 1699, and 1700.* London, 1709. P. 149—150.

⁹² Имеются в виду следующие строки поэмы С. Т. Колриджа «Кубла Хан» (перевод К. Бальмонта):

Стройно-звучные напевы
 Раз услышал я во сне
 Абиссинской нежной девы,
 Певшей в ясной тишине

 Девы, певшей мне во сне
 О Горе святой Аборы

⁹³ Имеется в виду созвучие названий: «tabor» (барабанчик) и гора «Авог».

⁹⁴ Ле Гран (см. примеч. 33) говорит, что у Суснея — как правитель он назывался Сагад I — был брат Цеела Крестос или, иначе, Целла Христос. Ле Гран называет последнего также Расселас (см.: *Le Grand (Legrand) J. Voyage historique d'Abissinie...* P. 502). Без сомнения, Роткирх использовал этот романский мотив: брат, ставший правителем, присылал за младшим «полубратом», то есть Ибрагимом, еще одного брата. Роткирх, таким образом, ставит Ибрагима на место Расселаса, не довольствуясь лестной для рода выдумкой о приезде ко двору Петра I брата правителя Эфиопии.

Н. К. Телетова

Приложение II

ЗАМЕТКИ О ПРОСОДИИ

1. Виды просодии

Излагаемые ниже соображения относительно русского и английского четырехстопного ямба лишь в общих чертах обозначат их сходство и различие. Среди русского поэтического наследия я избрал в качестве образца произведения нашего величайшего поэта Пушкина. Различия между его четырехстопным ямбом и этим же стихотворным размером у других мастеров, крупных и менее видных, носят частный, а не общий характер. Русская просодия, родившаяся лишь двести лет тому назад, в общем, довольно хорошо изучена русскими исследователями, ими были созданы небезыңтересные работы на материале «Евгения Онегина». Английское же стихотворное наследие, колоссальное по объему и известное своей многовековой традицией, не получило еще должного описания. Специально я этим вопросом не интересовался, но, насколько помню, мне не встречалось ни одной работы, в которой английский ямб — и, в частности, четырехстопный — был бы систематизирован и описан на основе сравнительного литературоведения, чтобы хоть как-то удовлетворить лиц, занимающихся изучением просодии. Если мне и случалось читать об английской просодии, то я тотчас же откладывал в сторону эти работы, стоило мне встретить в них нагромождения музыкальных нот или нелепые примеры организации строф, не имеющие ничего общего со структурой стиха. Другие работы с путаными рассуждениями о «долготе» и «краткости», «количестве» и «эквивалентности» не только изобилуют обычными нелепостями или субъективными заблуждениями, но и не дают сколь-либо систематического представления о модуляциях ямба, ограничиваясь утомительными рассуждениями об «апострофизации», «заменах стоп», «спондеях» и так далее. Поэтому мне пришлось разработать собственную несложную и краткую терминологию, объяснить ее применение к английским стихотворным формам, весьма обстоятельно рассмотреть некоторые подробности классификации и лишь затем приступить к выполнению частной задачи этих заметок, прилагаемых к моему переводу пушкинского «Евгения Онегина». Задача же эта, по сравнению с вынужденно пространными предварительными рассуждениями, сводится совсем к малому, а именно: к описанию того немногого, что должен знать о русской просодии вообще и о «Евгении Онегине» в частности изучающий русскую литературу человек, для которого язык этой литературы не является родным.

2. Стопы

Если под видами просодии понимать системы или формы стихосложения, разработанные в Европе в течение последнего тысячелетия и используемые ее лучшими поэтами, можно выделить две основные ее разновидности: силлабическую и метрическую, а также разновидность второй системы (совместимую, впрочем, и с некоторыми силлабическими структурами) — ритмическую (*cadential*) поэзию, где главенствует ритм, образуемый произвольным количеством ударений, располагающихся через произвольные промежутки. Четвертая разновидность (не послужившая до сих пор для создания великих стихотворных произведений) отличается особенной неопределенностью и представляет собою не стройную систему, а смешение разнородных элементов. Ее область — нерифмованные свободные стихи, которые, с точки зрения классификации, настолько приближаются к прозе, что отличаются от нее почти единственно лишь особой типографской разбивкой на строки.

Не считая одного или двух отдельных случаев, в настоящих заметках не рассматриваются греческие и латинские стиховые формы, и такие термины, как «четырёхстопный ямб» («*iambic tetrameter*»), не имеют отношения к их употреблению в древности, каким бы оно ни было. Здесь они используются только применительно к современным видам просодии, в качестве удобных и приемлемых терминов вместо таких нечетких в приложении к тоническому стиху (*metrical verse*¹) понятий, как «восьмисложник» («*octosyllables*») и тому подобные. Стопа не только является основным элементом стихотворного размера, но и сама, на практике, становится размером. Монометр — это одностопная стихотворная строка, далее идут двустопные, трехстопные и т. д. строки вплоть до гекзаметра — шестистопной строки; при большем числе стоп строка перестает восприниматься как единое целое, распадаясь надвое.

В общем, если мы ограничим данное исследование второй половиной нашего тысячелетия, то лучшим образцом силлабической просодии, с точки зрения изысканности и изощренности модуляций, является, конечно, французский александрийский стих. Учащимся обычно разъясняют, что три его отличительные черты суть обязательное равносложие (двенадцать слогов в строках с мужскими рифмами и тринадцать слогов в строках с женскими рифмами), обязательное правило рифмовки (будь то двестишия или другие строфические формы, хотя в смежных строках не могут находиться две различные мужские или женские рифмы), а также обязательная цезура после шестого слога, на который должно падать ударение (или, если после шестого слога следует конечное «немое» *e*, оно должно быть нейтрализовано апокопой, то есть выпадать, сливаясь с гласной, начинающей второе полустишие). Если отвлечься от разнообразных тонкостей инструментровки (аналоги которых, в конце концов, существуют и в других видах просодии, но к которым, судя по всему, особенно чувствительно именно французское ухо), основную роль в александрийском стихе играют различные комбинации указанных ниже элементов (первый из которых является собою, разумеется, отличительную черту и других силлабических размеров). Следует, безусловно, помнить и о том, что, независимо от вида просодии, мастерство поэта основывается на определенных формах контраста и гармонии, ограничения и свободы, отказов и уступок.

1. *Немое e* Взаимодействие между теоретической, или природной, величиной неопускаемого *немого e* (никогда не произносимого как полная доля (*semeion*))

стиха в отличие от других гласных в строке) и его фактической, или конкретной, величиной в данной строке. Количество таких неполных долей и варианты их распределения создают вместе с нейтрализующим эффектом апокоп в любых местах строки бесчисленные вариации мелодии. Существуют две разновидности *немого e*, особо различимые в рифмах (см. главку 13, «Рифма»).

2. Взаимодействие между просодической паузой в середине строки и другой паузой, паузами, или отсутствием паузы, диктуемыми внутренним ритмом или логическим смыслом строки, то есть нарушением ритма строки. Особенно изумительных эффектов в этой области добились так называемые романтики уже после того, как прозаический XVIII в. практически вытоптал цвет французской поэзии. Такого рода акробатические скачки через постоянную цезуру не встречаются ни в английском, ни в русском пятистопном ямбе (тяготеющем к белому стиху). В этом размере искусственная цезурная пауза после второй стопы успешно уничтожается последователями Мильтона и Пушкина. Во французском александрийском стихе цезура хорошо приспособлена к ритму человеческого дыхания при медленном чтении; вторичные же паузы, возникающие вследствие скачков, позволяют ускорить или замедлить выдох.

3. Перенос (*enjambment*), неистощимый источник разнообразных модуляций, хорошо известный благодаря своему присутствию в английском ямбе и поэтому не требующий здесь никаких дальнейших разъяснений.

4. Богатая рифма (отличающаяся особой красотой в сочетании с переносом точно так же, как цезурная пауза особенно усиливается, когда находится внутри смыслового единства). Богатая рифма имитируется и в правилах рифмовки русских стихов, о чем речь пойдет ниже.

С другой стороны, тоническая система основывается прежде всего на регулярном ритме в стихотворной строке, где метрическое ударение стопы стремится совпасть со словесным ударением, а безударная доля стопы — с неударным слогом слова. Постоянное повторение таких совпадений воспринимается как повторение одинаковых стоп. Каждая такая стопа может состоять или из двух, или из трех частей (долей), на одну из которых приходится метрическое ударение, хотя слог слова, с которым совпадает такая доля, не обязательно будет в данном слове ударным. Долю, несущую метрическое ударение, называют иктом, а метрически безударные доли называются понижениями (*depressions*). С точки зрения математической, возможны лишь пять видов стоп: ямба, хорей, анапест, амфибрахий и дактиль.

Для того чтобы конечная стопа была завершенной, довольно и одной доли, если, конечно, это икт. И наоборот, на вид размера не оказывает никакого влияния количество безударных слогов, следующих за последним иктом строки. Такой последний икт и эти дополнения к нему называются «концовкой» или «окончанием стиха». Стих, заканчивающийся иктом, называется «мужским», а заканчивающийся одним безударным слогом — «женским». Если конечные слоги двух не обязательно смежных строк созвучны, образуется «рифма». Рифма называется мужской, если последний слог последнего слова строки ударный и совпадает с иктом. Она считается женской, если икт приходится на предпоследний слог, и «синтетической», или «длинной», если икт приходится на третий от конца слог.

Приводимые ниже примеры иллюстрируют пять комбинаций (одного икта и одного или двух понижений) математически возможных в рамках одной стопы стихотворного размера. Первые два примера — это мужские четырехстопные

размеры: (1) ямб и (2) хорей; остальные же представляют собой мужские трехстопные размеры: (3) дактиль, (4) амфибрахий и (5) анапест.

- 1) The rós-|es áre | again | in blóom.
- 2) Róses | áre a-|gáin | in blóom.
- 3) Róses a-|gáin are in | blóom
- 4) The róses | again are | in blóom.
- 5) And the rós-|es again | are in blóom.

- 1) И ró|зы вно́вь цве|ту́т в са|ду́.
- 2) Róзы | вно́вь цве|ту́т в са|ду́.
- 3) Róзы цве|ту́т здесь в са|ду́.
- 4) И róзы | здесь сно́ва | цвету́т
- 5) И все róзы здесь сно́|ва цвету́т.

Вот пример паузного (pausative), или ритмического (cadential) стиха, написанного с использованием тех же слов:

And again the rose is in bloom

(И опять здесь роза цветет.)

Слух, умеющий распознавать стихотворные размеры, воспринимает эту строку как содержащую три анапеста с одним пропущенным понижением во второй стопе, что вызывает краткий вдох или паузу, откуда и произошло название.

Силлабическая строка прозвучала бы так:

De nouveau la rose fleurit*

В ней *e* слова «grose» являет собою такого рода понижение, которое не передать ни по-английски, ни по-немецки, ни по-русски.

Ямбическую стопу можно проиллюстрировать одним словом, только если это слово является частью конкретной строки, написанной ямбом. С помощью же знаков ямбическую стопу можно изобразить лишь постольку, поскольку эти знаки позволяют обозначить все четыре вариации ямбической стопы, применяемые на практике в стихах:

- U — правильный ритм
- U — скад** (или ложный пиррихий)
- U — наклоненный скад (или ложный хорей)
- U — ложный спондей.

А теперь обратимся к анализу этих вариаций.

Обычная ямбическая стопа (то есть стопа без каких-либо вариаций стяжения или рифмы) состоит из двух долей. Первая доля называется понижением (U или U), а вторая иктом (— или —). Любая стопа такого вида относится к одной из следующих разновидностей (основное метрическое ударение обозначается —, а подвижное словесное ударение обозначается U):

1. Правильная стопа: U — (за долей, не несущей ни метрического, ни словесного ударения, следует доля с метрическим и словесным ударением). Например: «Appréase my gríef, and déadly páin» (Граф Суррей, «Любовник, описывающий

* Вновь роза цветет (фр.).

** Scud — стремительное плавное движение (англ.) Термин В. Набокова. Более подробно о скаде см. ниже (Примеч ред.)

свое беспокойное состояние» / Earl of Surrey, «The Lover Describeth His Restless State»).

2. Стопа — скад (или ложный пиррихий): \cup — (за долей, не несущей ни метрического, ни словесного ударения, следует доля без словесного ударения, но с ударением метрическим). Например: «In expectátion of a guést» (Теннисон, «В воспоминаниях» / Tennyson, «In Memoriam», VI) и «In lóveliness of pérfect déeds» (то же, XXXVI).

3. Наклон (или инверсия): $\acute{\cup}$ — (доля, несущая словесное ударение, но метрически безударная, за которой следует доля без словесного ударения, но с ударением метрическим). Например: «Sense of intólerable wróng» (Колридж, «Горести сна» / Coleridge, «The Pains of Sleep»), «Vaster than Émpires and more slów» (Марвелл, «Его застенчивой возлюбленной» / Marvell, «To His Coy Mistress») и «Perfectly púre and góod: I fóund» (Браунинг, «Любовник Порфирии» / Browning, «Porphyria's Lover»).

4. Ложный спондей: $\acute{\cup}$ — (доля, несущая словесное ударение, но метрически безударная, за которой следует доля со словесным и метрическим ударениями). Например: «Twice hóly wás the Sábbath-béll» (Китс, «Канун Святого Марка» / Keats, «The Eve of St. Mark»).

3. Скад

Мы говорим о «словесном ударении» в слове и об «ударении метрическом» в метрической стопе. «Скад» — это метрически ударная часть стопы, на которую не падает словесное ударение. В словосочетании «An inextinguishable fláme»* есть два метрических ударения, совпадающих со словесными ударениями, и два метрических ударения, не совпадающих со словесными ударениями.

Когда на слабое односложное слово (то есть, на неударное в естественной речи слово) или на слабый слог длинного слова приходится ударная часть стопы (икт), возникает такого рода модуляция, которую я называю «скад».

Если ударный слог в речи обозначить ('), а слог в стопе, на который приходятся и словесное, и метрическое ударения ($\acute{\cup}$), то обозначением скада будет (—).

Метрически безударная часть стопы обозначается (\cup) (лучшим термином для нее мне кажется слово «понижение»)**.

Приведенный выше стих записывается следующим образом:

\cup — \cup ' \cup — \cup '

Скад может иметь место в какой угодно стопе строки, написанной любым размером, но чаще он встречается в «двудольных размерах» (ямбах и хорях), а не в «трехдольных» (анapestах, амфибрахиях и дактилях)***. Мы будем заниматься скадами главным образом в четырехстопном ямбе.

* «Неугасимое пламя» (англ.).

** Когда в стихе сильное односложное слово совпадает с понижением, соответствующий элемент стопы обозначается ($\acute{\cup}$), однако необходимость использовать этот знак возникает лишь при наличии «наклонов» (об этом далее) (Примеч В Н)

*** Хорошим примером скадов в трехстопном амфибрахии являются строки 23—24 стихотворения Прейда «Прощание с временем года» (Praed, «Good-Night to the Season»):

Misrepresentations of reasons

And misunderstandings of notes (Примеч В Н.)

Слабые, то есть образующие скад, односложные слова можно определить так: односложные слова, играющие в речи сравнительно незначительную роль (артикли, предлоги и др.), помимо тех случаев, когда они особо выделяются, и обычно не рифмующиеся, считаются скадами, равнозначными не несущим словесного ударения, но метрически ударным слогам более длинных слов (на самом деле, это более справедливо по отношению к английскому, нежели к русскому языку, поскольку в русских стихах скад, образуемый односложным словом, не так плавен, как скад, образуемый многосложным словом, которое, как известно, в русском языке не имеет второстепенного ударения). Посередине между типичным слабым односложным словом (каким является определенный артикль «the») и безусловно ударным односложным словом (таким, как «why» — «почему» в вопросах) находятся переходные и пограничные случаи (слова типа «while» — «в то время как», «when» — «когда», «had» — «если», а также вспомогательный глагол и др.), которые можно назвать «полускадами». Их выявление в такой степени зависит от контекста и зачастую настолько субъективно — по крайней мере, в отдельно взятых строках, — что вряд ли имеет смысл использовать для их обозначения специальный знак (например —). Определяя процентные соотношения различных видов скадов, я их не учитывал. Полускады в английском и русском языках не столь многочисленны, чтобы оказать влияние на получаемые при подсчетах результаты, когда речь идет о сравнительно коротких вариантах (содержащих, например, пятьдесят строк из произведений какого-либо отдельного поэта). Однако, изучая скады особо, следует учитывать, что, если мы рассмотрим такие русские или английские диподии, как «ее тоски» со словесными ударениями, «и он убит» со словесными ударениями, то нельзя будет не заметить, что при произнесении этих слогов в ямбическом размере первый икт в обоих случаях выделяется несколько сильнее, чем в сочетаниях: «немой тоски» со словесными ударениями, «и Джим убит» со словесными ударениями.

К односложным словам, бесспорно образующим скад, наиболее очевидно принадлежат «a» (неопределенный артикль), «an» (неопределенный артикль), «and» («и»), «as» («как», «так как»), «at» («в», «на»), «but» («но»), «for» («для», «ибо»), «from» («из», «от»), «if» («если»), «in» («в»), «like» («как»), «of» («из» и др.), «on» («на»), «or» («или»), «the» (определенный артикль), «to» («в», «к», «на») и др.

Наличие или отсутствие скада на таких кратких словах, как «all» («весь»), «no» («никакой»), «not» («не»), «was» («был») и др., зависит от контекста и индивидуальной манеры.

Точно так же в русском языке очевидными скадами являются «для», «до», «и», «на», «не» (слово, которое в правильном русском языке никогда не несет на себе ударения), «но», «от», «по», «под», «у» и др.; наличие или отсутствие скада на таких словах, как «был», «нет» и др., зависит от контекста и используемой интонации.

Обращаясь к многосложным словам, мы тотчас замечаем важное различие в области словесных ударений между английским языком и русским, оказывающее влияние на частоту возникновения скадов в чистом виде. Русское многосложное слово независимо от его длины (если только это не искусственно составленное сложное слово, в котором заметны швы) может иметь только одно ударение, и, следовательно, в слове любой длины только одно ударение может совпадать с метрическим. Даже такие длинные слова, как «невероятнейшие»

или «выкарабкавшиеся», имеют только по одному ударению. Первое слово можно легко включить в благозвучную фразу, написанную четырехстопным ямбом: «Невероятнейшие сны́». Самой же короткой структурой, в которую можно втиснуть второе слово, является несколько неуклюжий пятистопный хорей: «Вы́карабкавшиеся коты́».

С другой стороны, в английских многосложных словах может иметься второстепенное ударение, особенно характерное для американского произношения, хотя и существует немало длинных слов лишь с одним ударением, например, «guárdedly» или «consídering». Второстепенное ударение существует в американском произношении, например на третьем слоге слова «mátrimónu». Англичане же произносят его без этого ударения и, следовательно, так его и должно читать в стихах английских поэтов. В различных стихотворных примерах, приводимых мною далее, я не буду принимать во внимание второстепенные ударения, если только сами англоязычные авторы не хотели их выделить; однако несомненно и то, что ряд распространенных сложных слов, постоянно встречающихся в стихах, безусловно содержит в себе остатки второстепенного ударения, вследствие чего и возникают полускады. К ним относятся такие слова, как «óvermúch» или «semidiámeters», хотя соответствующие им русские слова «чересчур» и «полу́диáметры» имеют только одно ударение.

В отношении терминологии я должен здесь заметить, что русские теоретики-стихovedы пользуются или пользовались для обозначения того элемента, который я называю «скадом», терминами «пиррихий», «пеон», «полуударение» и «ускорение». Ни один из них я не нахожу удовлетворительным. Обозначение пиррихия (∪∪) показывает, в лучшем случае, два смежных понижения в строке, написанной трехсложным размером, поскольку это обозначение говорит об отсутствии как словесного, так и метрического ударения на обоих слогах, однако суть дела в том, что на одной из долей двусложной стопы, если на нее приходится скад, все же сохраняется нечто вроде метрического ударения именно там, где ему быть и надлежит (термин «пиррихий» также не может употребляться при обозначении «стопы», если речь идет о скаде в анапесте, амфибрахии и дактиле, где скад, как только что отмечалось, представляет собою основной компонент). То же самое справедливо будет сказать и о пеоне — неуклюжей структуре из двух двусложных частей (∪—'∪∪ или ∪∪∪—', хотя существуют и другие вариации), так что строка «the inextinguishable flame» состояла бы из двух пеонов типа ∪∪∪—', а строка «extinguishable is the flame» содержала бы обе вариации. Если понятие «пеон» нельзя употребить потому, что оно слишком широкое, понятие «полуударение», напротив, чересчур узкое, поскольку строго ограничивает представление о скаде одной долей стопы (хотя скад действительно приходится на одну долю стопы, он все же оказывает влияние на всю стопу полностью, особенно в своих разновидностях с «наклоном»). Более того, использование этого термина обязало бы называть неполный скад «ударением в три четверти», из чего стали бы происходить досадные осложнения. И наконец, термин «ускорение» также вводит в заблуждение, потому что скады на второй стопе воздействуют на строку прямо противоположным образом, замедляя ее течение.

В английских теоретических трудах по проблемам просодии скады называют «слабыми местами» («weak places»). Это название кажется мне слишком двусмысленным и неопределенным, чтобы его можно было последовательно употреблять в качестве термина. «Слабые места» определяются как «опущенные

ударения», что бессмысленно, поскольку метрическое ударение в стопе со скадом не «опускается», а просто совпадает с безударным слогом данного слова, не позволяя при этом забыть о своем присутствии на нем.

В английском четырехстопном ямбе существуют четыре простых разновидности скада (из числа которых, как мы сейчас убедимся, вариант IV практически отсутствует в русской поэзии). В приводимых ниже примерах стопы со скадами подчеркнуты:

- I U—U—U—U—
The disregarded thing we break
Is of the kind we cannot make;
- II U—U—U—U—
We break the disregarded thing,
Not thinking of its wistful ring,
- III U—U—U—U—
We break the thing we disregard,
We break the statue of a bard
- IV U—U—U—U—
Near which an age was lingering;
- 0 U—U—U—U—
We take the thing and break the thing.

(Очевидно, что последний пример представляет собой строку без скадов.)

Теперь обратимся к примерам сочетаний приведенных выше скадов:

- I + II + IV U—U—U—U—
Incomprehensibility,
- I + III U—U—U—U—
This in the universe we see;
- I + II U—U—U—U—
And, in the conflagration blent,
- I + IV U—U—U—U—
Stars and the awful firmament
- II + IV U—U—U—U—
Shine distantly and silently
- II + III U—U—U—U—
On wildernesses and on me.

Из приведенных выше шести форм только комбинация I + III (не очень часто встречающаяся в английском языке, но довольно частая в русском) и комбинация II + III (почти такая же редкая в русском языке, как и в английском) имеют соответствия в русской поэзии.

Другими теоретически возможными являются комбинации III + IV, I + II + III, I + III + IV, однако они представляют собой искусственные, труднопроизносимые структуры, не имеющие значения для просодии. Я опустил словесное ударение на слове «stars» (´) ради упрощения; эта стопа представляет собою наклоненный скад (´—), а не основную ямбическую стопу (U—) (см. главку 4, «Наклоненные скады»).

Скады в одном и том же стихе и скады в смежных стихах, если соединить их прямыми линиями, могут образовывать разнообразные фигуры, выражающие интонацию произведения. Андрей Белый (1880—1934), создатель этой графической системы, первым показал, что определенная частота скадов (которые он называл полуударениями) и определенные геометрические фигуры, обра-

зующиеся, если соединить их линиями (треугольники, четырехугольники, трапеции и т. д.), характерны для четырехстопного ямба того или иного русского поэта*. В молодости я находился под большим впечатлением от замечательного труда Белого, однако, прочтя его в последний раз в 1919 г., более к нему не обращался.

Если мы применим систему Белого к четырнадцати строкам, приведенным выше в качестве примеров употребления скадов, пользуясь при этом несколько иными обозначениями, — записывая стопу со скадом знаком (х), а стопу без скада знаком (о), — получится следующая схема:

I	II	III	IV
х	о	о	о
х	о	о	о
о	х	о	о
о	х	о	о
о	о	х	о
о	о	х	о
о	о	о	х
о	о	о	о
х	х	о	х
х	о	х	о
х	х	о	о
х	о	о	х
о	х	о	х
о	х	х	о

<...>

Сейчас мы займемся анализом четырехстопных ямбов, содержащих и не содержащих скады, в примерах длиной по пятьдесят строк, извлеченных из десяти сочинений, восемь из которых принадлежат перу английских авторов. Три произведения были написаны в XVII в., одно — в XVIII в., а четыре — в XIX в.: «Экстаз» Донна (Donne, «The Extasie»), строки 1—50, «Гудибрас» Батлера (Butler, «Hudibras»), ч. 1, песнь 1, строки 187—236, «Нимфа, оплакивающая смерть своего олененка» Марвелла (Marvell, «The Nymph Complaining for the Death of Her Fawn»), строки 73—122, «Строки, написанные после того, как я покинул ее в Нью-Бернсе» Каупера (Cowper, «Written after Leaving Her at New Burns»), всего 49 строк; «Мучительные сны» Колриджа (Coleridge, «The Pains of Sleep»), строки 1—50; «In Memoriam» Теннисона, строки 1—50; «Любовник Порфирии» Браунинга (Browning, «Porphyria's Lover»), строки 1—50 и «Отречение» Арнольда (Arnold, «Resignation») строки 1—50. Эти примеры я сравниваю с двумя отрывками равной длины из «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны» (1747) Ломоносова и из «Евгения Онегина» Пушкина, гл. 4, IX—XII, 1—8 (1825). Полускады не учитывались ни в одном из примеров, а сами примеры недостаточно велики, чтобы получить нечто большее, нежели самое общее впечатление о сравнительной частоте использования скадов.

* См. составленные им таблицы «Опыт характеристики русского четырехстопного ямба» в сборнике статей под заглавием «Символизм» (М., 1910). (Примеч В Н)

	I	II	III	IV	I—II	I—III	I—IV	II—II	II—IV	0
Донн	6	4	8	2	1	1		1	1	26
Батлер	6	5	8	6		3			1	21
Марвелл	16	4	8	1		1			1	19
Каупер	12	4	7		1		1			25
Колридж	5	8	2	1		4		1		29
Теннисон	3	1	4							42
Браунинг	6	2	6							36
Арнольд	6	10	5	11		1	1			26
Ломоносов	1	8	24			2		1		14
Пушкин	3	3	31			6				7

См. также главку 9, «Примеры модуляций».

4. Наклоненные скады (Tilted scuds)

В ямбической строке типичным, или *полным*, наклоном называется сочетание в любой стопе* понижения, на которое падает словесное ударение, с метрически ударной частью, совпадающей со словесным ударением (´—) вместо ожидаемых (—´) или (—). Любой наклон представляет собой *наклоненный скад*, ибо метрическое ударение в такого рода стопе не совпадает с ударением словесным. В английских теоретических работах наклоненные скады называются «инверсией метрического ударения» («inversion of stress»); правильнее, на мой взгляд, было бы говорить об «инверсии словесного ударения» («inversion of accent»), поскольку кажется, что именно словесное ударение (с большей или меньшей изящностью) подчиняется стихотворному размеру. Стихотворный размер составляет основу стиха и не может подчиняться слову.

Типичные наклоны в английском ямбе, очень его украшающие, можно разделить на четыре категории по количеству и длине слов, участвующих в их создании:

1. Часто встречающийся *разделенный* наклон (split tilt), состоящий из ударного односложного слова (например, «deer») и безударного односложного слова (например, «in»);

2. Не очень часто встречающийся *короткий* наклон (short tilt), состоящий из ударного односложного слова и безударного первого слога следующего многосложного слова («dark in-», см. приведенный ниже пример);

3. Довольно часто встречающийся *сдвоенный* наклон (duplex tilt), который образуется двусложным словом, в обычной речи имеющим ударение на первом слоге (например, «guarded»);

* Даже в последней стопе, если считать знаменитое «Never, never, never, never, never» в «Короле Лире» (V, III, 309) мужской строкой, написанной пятистопным ямбом, состоящей полностью из пяти наклоненных скадов и, таким образом, представляющей собою полное расчленение размера (Хотя возможно, Шекспир повторил это слово пять раз по чистой случайности, а быть может, эта строка была призвана стать прозаической вставкой) (Примеч В Н)

4. Редкий *длинный* наклон (*long tilt*), охватывающий первый и второй слоги трехсложного слова, которое в обычной речи имеет ударение на первом слоге («teггi-» в приводимом ниже примере).

Примеры:

- (1) *Deep in the night on mountains steep,*
- (2) *Dark, inaccessible and proud,*
- (3) *Guarded by dragons, castles sleep,*
- (4) *Terreble stars above them crowd*

- (1) Глубокой ночью на крутых горах
- (2) Темные, недоступные и гордые
- (3) Под стражей драконов спят замки,
- (4) Ужасные звезды теснятся над ними

Обратный наклон (*reverse tilt*), менее интересный в художественном отношении, представляет собою комбинацию метрически ударной доли, не несущей словесного ударения, и понижения, на которое падает словесное ударение (—[˘]) вместо ожидаемых ([˘]—) или (—). Он может приходиться на любой четный или нечетный сегмент ямбического стиха кроме последнего. В этом случае возникает скад, наклоненный в обратную сторону.

Обратные наклоны представлены главным образом одной их разновидностью — весьма часто встречающимся *разделенным обратным* наклоном (*split reverse tilt*), образуемым двумя односложными словами со словесным ударением только на втором из них:

Sweet is the shiver of cold Spring
when birds, in garden and grove, sing

(Приятна дрожь холодной весны,
Когда птицы поют в саду и роще)

Здесь два обратных наклона в сочетаниях слов «of cold» и «and grove», каждый из которых записываются (—[˘]); но в первой строке словесное ударение (на «cold») не столь сильно, как на «grove» во второй строке, и более приемлемо для данного размера. Слово «cold» логически связано с идущим за ним словом «spring» и потому плавно скользит, предвосхищая следующее за ним слово; это обычная вариация английского ямба на протяжении всей его истории; логическое же ударение на слове «grove» равноценно в речи ударению на первом слоге слова «garden», с которым оно и связано внутри данной фразы; в результате, из-за чрезмерных усилий при скандировании, к которым приходится прибегать, дабы должным образом сочетать словесное и метрическое ударения, звучание данного отрывка лишено гармонии, если только не воспринимать его как экспериментальную ритмическую вариацию, выходящую за пределы стихотворного размера. Кстати, следует заметить, что при чтении второго стиха со строгим соблюдением смысловых ударений слова «grove, sing» образуют, с просодической точки зрения, самое близкое в двусложных размерах подобие спондея (два смежных слога, на каждый из которых приходится как словесное ударение, так и ударение метрическое); тем не менее эти два слога отделены один от другого паузой (а именно в паузных вариациях мы устремляемся прочь от тонической системы по направлению к ритмическим формам).

Еще одна разновидность обратного наклона — *сдвоенный обратный* (*duplex reverse tilt*), образуемый двусложным словом с ударением на втором слоге в нарушение последовательности ударной-неударной доли (в ямбе на четном-нечетном местах, в хорее — на нечетном-четном местах), неминуемо звучит резко и тяжело, так как в данном случае словесное ударение подчиняется метрическому без той податливости, какую оно проявляет при обычном сдвоенном наклоне. В метрическом отношении, ямбическая стопа сильнее хореического слова, а при декламации ямбическое слово более самостоятельно, чем хореическая стопа, и, следовательно, сильнее ее. Английские теоретики, например, Роберт Бриджес в «Просодии Мильтона» (Robert Bridges, «Milton's Prosody». Oxford, 1893, p. 52—61) несколько неопределенно называет обратный наклон «отступлением словесного ударения» («recession of accent»).

Как и у всех модуляций ямба, красота наклона, и особенно сдвоенного наклона, столь естественного и прекрасного в английском пятистопном ямбе и придающего такое очарование тем немногим строкам, где этот наклон был использован русскими поэтами, проистекает из определенной игривости данного ритма, в появлении неуверенной интонации, как будто бы полностью противоположной основному размеру, но на самом деле утонченно-чудесной именно благодаря своему стремлению к равновесию между уступками основному размеру и желанием сохранить свои собственные ритмические особенности. Лишь нечувствительное к поэзии ухо услышит здесь «отклонения от размера», и лишь старомодный педант усмотрит здесь вторжение инородной метрической структуры. В английской поэзии непринужденное использование наклонов крупными поэтами особенно в начале ямбических строк объясняется отчасти тем, что в английском языке сравнительно немного таких слов, которые точно соответствовали бы правильной ямбической стопе, а отчасти тем, что в английских словах могут встречаться второстепенные ударения, да и вообще ударения в них не столь устойчивы, как, например, в русских словах.

Я отдаю предпочтение новому термину «наклон» или «наклоненный скад» перед названием «неконечное сдвинутое словесное ударение» («nonterminal wrenched accent»), так как в этом случае не происходит никакого физического сдвига, а как раз наоборот — как бы изящный наклон крыла, точно рассчитанное смещение чаши весов. Название «парящее ударение» («hovering accent») двусмысленно; еще менее уместно примитивное определение «замещение хореическое», подразумевающее механическое замещение одной группы элементов другой. Суть данного феномена заключается как раз в ямбическом преобразовании хореического, а иногда даже и дактилического слова. Здесь происходит не замена, а своего рода примирение — изящное подчинение неямбического слова доминирующему ямбическому размеру стиха. Путаница возникает и в связи с тем, что наклоны могут появляться и на самом деле появляются в хореических строках (в этом случае, например, сдвоенный наклон будет приходиться не на нечетное-четное место, как в ямбической строке, а на четное-нечетное).

Сдвоенный наклон не имеет ничего общего с теми формами освобождения стихотворного размера, через которые совершается постепенный переход к ритмическому стиху (например, с периодической заменой на протяжении всего произведения целой стопы, скажем, в четырехстопном ямбе сложной стопой, образуемой словом или словами, из которых ничего не может быть выпущено). Джордж

Сейнтсбери (George Saintsbury), к примеру, рассматривающий наклоны как формы «эквивалентности», безнадежно запутывается при толковании этих модуляций.

Название «сдвинутое ударение» следует употреблять только по отношению к искусственному переносу ударения в двусложном рифмующемся слове с женского слога («Éngland») на мужской («Englánd»).

Рассматривая наклоны в русском четырехстопном ямбе, мы обнаруживаем следующие явления. Разделенные и короткие наклоны представляют собою столь же естественную модуляцию русского ямба, как и английского, но в русском встречаются реже. Довольно редки они и в *ЕО*.

Разделенный наклон встречается в русском стихе еще реже, чем короткий, тогда как прямо противоположное наблюдается в английском, где длинное слово не очень часто находится в таких отрезках строки, которые состоят из 1+4, или 1+5, или 1+6, или 1+7 слогов (где ему приходится растягиваться, чтобы, так сказать, оттеснить одинокое односложное слово, стоящее в начале строки, создавая таким образом короткий наклон).

И наконец (и в этом проявляется одно из важнейших отличий английской просодии от русской в том виде, в каком ее применяли самые замечательные русские поэты), в русском хорее и ямбе ни в одной части строки вовсе не встречается сдвоенный наклон (за исключением немногих двусложных предлогов, о которых речь пойдет ниже).

Разделенный наклон представлен в *ЕО* такими разбросанными по всему тексту строками, как:

гл. 8, XVII, 3: Кáк? Из глуши́ степны́х селéний...

гл. 8, XVII, 11: Кня́зь на Оне́гина гляди́т...

гл. 7, XVII, 10: Кий́ на билья́рде отдыха́л...

гл. 6, XL; 13: Та́м у ручья́ в тени́ густо́й...

В последнем из этих примеров наклон не такой сильный, как в предыдущих; кроме того, в *ЕО* есть некоторое количество других, еще менее сильных наклонов, образуемых словами «где», «он» и др., которые являются лишь полунаклонами.

Короткий наклон представлен такими строками, как:

гл. 3, IX, 4: Пьёт обольсти́тельный обма́н...

гл. 1, XXXIII, 7: Не́т, никогда́ средь пы́лких дне́й...

гл. 6, V, 14: В до́лг осуша́ть буты́лки три́...

гл. 2, XXVIII, 4: Звёзд исче́зает хорова́д...

В русском стихе двойной наклон не обладает полной свободой*: его использование строго ограничивается примерно десятком маловажных подсобных двусложных слов, которые в речи несут ударение на первом слоге, а в поэзии их

* Я заметил, что на с. 39 книги «Русское стихосложение», носящей откровенно компиляционный характер, профессор Борис Унбегаун (*Unbegaun B. Russian Versification Oxford, 1956*), рассуждая о явлении, которое мы называем здесь «наклонами», будучи под влиянием одного из «авторитетов», на которые он «опирается», совершает в своем единственном (и неудачном) примере сдвоенного наклона в русском стихе вопиющую ошибку, полагая, что первое слово в цитируемой им ямбической строке из стихотворения «Камин в Москве», напечатанного в Пензе в 1795 г. рифмоплетом князем Иваном Долгоруким, произносится «красен» (с ударением на первом слоге), в то время как на самом деле это слово должно произноситься «красён» (несмотря на отсутствие соответствующего диакритического знака), что, разумеется, исключает существование здесь «замещения хореем» (*Примеч В Н.*)

ударение, при необходимости, может нейтрализоваться с помощью скадов. В стихотворениях Пушкина к таким словам относятся «через», «чтобы», «дабы», «или», «между», «ото» и «перед»*:

«Руслан и Людмила», I, 22: Через лесá, через моря́...

ЕО, гл. 6, XVII, 11: Чтобы двухúтренний цветóк...

гл. 6, VII, 2: Дабы позáвтракать втроём...

гл. 7, II, 9: Или мне чúждо наслаждéнье?

гл. 8, «Письмо Онегина», 17: Ото всегó, что сёрдцу мýло...

гл. 1, LI, 6: Перед Оне́гиным собрáлся...

Строк, начинающихся такими ослабленными словами, в ЕО немного. Поэтому весьма интересно будет отметить, что в гл. 1, LVI, где поэт настаивает на недопустимости отождествления его с Онегиным, дабы какой-нибудь склонный к сарказму или злословию читатель не смог обвинить его в самовлюбленности, Пушкин помещает одну за другой три строки, каждая из которых начинается одним из шести привычных к наклону двусложных слов:

Между Оне́гиным и мно́й,
Чтобы насмéшливыи читáтель,
Или какóй-нибудь издáтель

Сама собою напрашивается мысль, что в 1823 г. Пушкин вспомнил о просодическом эксперименте, проделанном Сумароковым в 1759 г. (см. далее, с. 775).

В ЕО и в русской поэзии вообще встречается только одно трехсложное слово, образующее скад. Это часто употребляемое слово «передо» (которое в речи ставится главным образом перед словом «мною», чтобы избежать дисгармонии согласных); обычно ударение в этом слове падает на первый слог, но в стихе может происходить наклон, в результате которого это слово приходится на отрезок, состоящий из понижения, метрического ударения и еще одного понижения, как, например, в «Путешествии Онегина» (XVI, 9):

Разóслан бýл передо мно́й

Чтобы передать наклон третьей стопы, эту строку можно перевести на английский язык следующим образом: «...befóre me spréad welcoming mé...»

Длинный наклон, редкий в английской поэзии, вообще не встречается в русском ямбе. Нечто похожее представляют собою искусственно создаваемые сложные эпитеты, например: «Розово-пёрстная заря́». Наличие дефиса не мешает этому эпитету быть шестисложным словом, имеющим только одно ударение на слоге «перст», несмотря на то, что в обычной речи слово «розово», являясь отдельным прилагательным или наречием, несет ударение на первом слоге.

Разделенный обратный наклон время от времени встречается в русской поэзии, но Пушкин в общем его избегает. Интересно, что, хотя наш поэт отнюдь не был склонен заниматься теорией просодии, его гениальная интуиция, как и у Колриджа, на практике более чем с успехом компенсировала отсутствие такой склонности. В рукописном примечании к ЕО, гл. 4, XLI, 7 Пушкин ошибочно защищает (пользуясь обозначением пиррихия $\cup\cup$) неприятный разделенный обратный наклон, образуемый сочетанием «во весь», которое в качестве отдель-

* Не только «ото», но и все другие упомянутые слова (кроме «дабы») имеют сокращенную форму «чтоб», «чрез», «иль», «меж», «пред». Четыре последних употребляются главным образом в поэзии. (Примеч. В. Н.)

ного выражения имеет в речи ударение на слове «весь» и которое он дважды употребляет как обратный наклоненный скад:

гл. 4, XLI, 7: Несётся в гóру во весь дúх...

гл. 3, V, 14: И пóсле во весь пúть молчáл...*

Сдвоенный обратный наклон полностью отвергается крупными русскими поэтами (хотя им и пользовались, пусть и неумышленно, некоторые второстепенные поэты, вроде Вяземского, Рылеева и других), поскольку он производит вульгарное и неуклюжее впечатление, ассоциируясь либо с неумелыми попытками писать стихи, либо с частушками полуграмотной челяди, самой ужасной разновидностью фольклора, порожденной влиянием города. Так, в четвертой главе своей замечательной повести «Капитанская дочка» (1833—1836) Пушкин, желая продемонстрировать посредственность мадригала, написанного четырехстопным хореем от лица молодого человека по имени Петр Гринев, начинает седьмую строку сдвоенным обратным наклоном, характерным именно для такого рода стихоплетства: «Они дúх во мнé смутíли...» Местоимение «они», обозначающее в данном случае глаза Маши Мироновой, имеет в речи ударение на втором слоге, однако здесь на них приходится ужасающий скад с обратным наклоном. Критические замечания другого офицера, Алексея Швабрина, и по поводу этого стихотворного опыта, и по адресу девушки, вдохновившей Гринева, приводят к дуэли на шпагах.

Единственный раз Пушкин сам, по какому-то досадному и совершенно непонятному недосмотру, использует сдвоенный обратный наклон в стихе 21 «Пира во время чумы» (1830), представляющего собою перевод белым стихом (с французского прозаического оригинала) сцены 4 первого акта «Города чумы» (1816), трагедии в белых стихах Джона Уильсона, чье настоящее имя было Кристофер Норт (1785—1854). Здесь хорейский наклон приходится на слово «его», которое в речи имеет ямбическое ударение: «Я предлагаю выпить в его пáмять»**.

У Пушкина, вероятно, имелся достаточно точный перевод, возможно даже с параллельным английским текстом.

5. Сpondeй

Строго говоря, спондей, то есть две смежные доли, несущие совершенно одинаковые словесные и метрические ударения (—́—́) и следующие одна за другой без какого-либо перерыва или паузы (как могла бы на слух восприниматься внутренняя цезура или ритмический пропуск) в тоническом стихе невозможен в отличие от ритмических или паузных стихотворных форм. Тем не менее своего рода ложный спондей (—́—́ или —́—́) встречается нередко.

Следует отметить, что существуют двусложные слова, разделенные поставленным или подразумеваемым дефисом, которые при определенном типе произношения или при выражении определенных эмоций могут звучать как спондей. Я слышал, как берлинцы произносят слово «папа» как «пá-пá». Американские подростки, особенно когда их произношение имитируется на сцене, произносят

* В предшествующей строфе, гл. 3, IV, 2, Пушкин употребляет сочетание «во весь» с правильным ударением « во весь опор». (Примеч В Н)

** Между прочим, оригинал Уильсона (стих 20) читается так «Therefore let us drink into his memory» («Поэтому давайте выпьем в его память») (Примеч. В Н)

обе части восклицания «сée-whíz»* практически с одинаковым ударением. Кроме того, если американцы говорят медленно, не торопясь, тщательно произнося каждый звук, особенно читая доклады или выступая с назидательными монологами, такие слова, как, например, «contact», могут превращаться в «сón-táct». Можно было бы привести здесь сколько угодно двусложных слов подобного типа. Однако суть дела в том, что все зависит от темпа речи и от манеры использовать речевой аппарат, а не от ударения, ибо, когда такое слово употребляется в тоническом стихе, оно неизбежно становится хорейческим, ямбическим либо образует скад или наклон; спондеем же оно становится лишь в том случае, если соединительный дефис исчезает и заменяется паузой.

«Good God!» Blanche uttered slowly «Good
God! Look!» I looked, and understood
«Rise! Rise!» I loudly cried to her
«O rise! Rise!» But she did not stir

(«Боже милостивый! — медленно сказала Блайш — Боже
Милостивый! Смотри!» — Я посмотрел и понял.
«Встань! Встань! — громко закричал ей я —
О, встань! Встань!» — Но она не шевельнулась)

Если скандировать эти стихи, то единственно логичной будет следующая схема:

$\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$
 $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$
 $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$
 $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$ — $\overset{\prime}{\cup}$

Под воздействием размера односложные слова распределяются таким образом, что образуют некую ямбическую структуру, и безумием со стороны стиховеда-теоретика было бы рассматривать «Good God» и «Rise! Rise!» как спондеи. Первое сочетание «Rise! Rise!» — это стремительное начало в ямбическом ритме, но во второй раз оно звучит уже гораздо медленнее, а последнее «Rise» приостанавливается в отчаянье. Как бы вы ни пытались произнести эти сочетания слов, они зависимы от стихотворного размера.

Если мы обратимся к так называемому *элегическому пентаметру* (являющемуся на самом деле дактилическим гекзаметром с отсутствием понижения в двух стопах, третьей и шестой) на примере строки:

$\overset{\prime}{\cup}$ $\cup\cup$ $\overset{\prime}{\cup}$ \cup $\cup\overset{\prime}{\cup}$ $\overset{\prime}{\cup}$ $\cup\cup$ $\overset{\prime}{\cup}$ $\cup\cup$ $\overset{\prime}{\cup}$
 Cynthia, prim and polite, Cynthia, hard to outwit

(Цинтия, строгая и вежливая, Цинтия, которую трудно перехитрить),

то можно рассматривать сочетание (в середине строки) частей слов «-lite» и «Cynth-» как спондей, разбитый цезурой. Это равносильно тому, чтобы считать два полустишия двумя отдельными стихами, каждый из которых представляет собою трехстопный дактиль с мужским окончанием. Таким образом, то, что мы называем здесь спондеем, на самом деле всего лишь результат совмещения сильного завершения и сильного начала.

Такого же рода случаи могут иногда встречаться и в хорее:

* «Ничего себе!» (англ.)

Pity, if you have a heart, pretty Nancy Brown,
Who on winter mornings, poor girl, must walk to town.

(Пожалейте, если у вас есть сердце, хорошенькую Нэнси Браун,
Которой, бедняжке, приходится зимой по утру ходить в город пешком)

Вторую строку невозможно скандировать, если мы не разобьем спондей надвое и не запишем или произнесем эти стихи следующим образом:

Pity, if you have a heart,
Pretty Nancy Brown,
Who on winter mornings, poor
Girl, must walk to town

Первая строка знаменитого, хотя и не самого лучшего стихотворения Теннисона (1842):

Break, break, break,

будет, вероятно, проскандирована человеком, не знающим всего стихотворения целиком, как три медленных и устойчивых ударных слога, вовсе лишенных патетического заряда. Так может говорить во сне судья, привыкший работать на боксерском ринге. Если же основной ритм стихотворения заранее известен, этот трехдольный ритм, разбитый паузами, с самого начала повлияет на скандирование первой строки, которую в таком случае можно скандировать либо как одностопный анапест, либо, что изящнее, как трехстопный анапест, понижения которого опущены и заменены ритмическими паузами.

Чтобы найти истинные спондеи, нам следует обратиться не к тоническим стихам, а к ритмическим, в которых не важно, к какому размеру относятся те или иные «отклонения» от него:

Gone is Livia, love is gone
Strong wing, soft breast, bluish plume,
In the juniper tree moaning at dawn
Doom, doom

(Нет больше Ливии, нет больше любви
Сильное крыло, нежная грудь, голубоватое перо,
В можжевелевом дереве стонет на заре.
Рок, рок)

Следует отметить, что в тоническом стихе ложный спондей, будучи представлен словом с дефисом или двумя сильными односложными словами, сразу же обнаружит свою метрическую склонность, едва окажется в том или ином отрезке ямбической или хореической строки, и его не следует путать с двусложными словами, ударение в которых может приходиться либо на первый, либо на последний слог. Ложный спондей обычно стремится к ямбу по той простой причине, что первый слог выделится сам собою, а второй слог (или второе односложное слово) должен нести на себе особенно сильные словесное и метрическое ударения, чтобы не отстать от слога, ему предшествующего, и показать, на что он способен (это особенно очевидно, когда друг за другом следуют два одинаковых сильных односложных слова).

В русских стихотворениях ложные спондеи встречаются реже, чем в английских, только лишь потому, что сильных односложных слов в русском языке меньше. Однако, обратившись к *ЕО*, мы найдем там некоторое количество

комбинаций, ведущих себя подобно английским ложным спондеям. Так, сочетание «хлеб-соль» метрически соответствует сочетаниям «rger school»* или «ebb-sole» (судя по всему, есть такая рыба**), а «где, где» или «там, там», соответствуют английским «where, where» и «there, there». Их можно при желании поместить в хореическое окружение, однако, поскольку по природе своей они стремятся к ямбу, единственным результатом в этом случае будет обратный разделенный наклон.

Ложные спондеи встречаются то тут, то там по всему тексту *ЕО*, но их присутствие лишь немного разнообразит его модуляцию.

В таких строках, как:

гл. 5, XVII, 7: Ла́й, хо́хот, пе́нье, сви́ст и хло́п...

гл. 6, XXXIX, 11: Пи́л, э́л, скуча́л, толсте́л, хире́л...

словесные ударения («лай», «пил») в начале строк устраняются из соответствующих стоп вследствие сильного воздействия ямбического размера.

6. Элизии

В английской просодии существует два вида элизии, но ритм стиха обогащается главным образом за счет использования второго из них (наличие или отсутствие апострофа представляет собою, разумеется, лишь полиграфический прием, не имеющий значения для размера; и все же, для лингвиста отсутствие апострофа в печатном тексте иногда проливает свет на особенности местного произношения и приемов риторической декламации).

Первый из этих двух видов представляет собою простейшую апокопу, то есть пропуск или неполное произношение конечной гласной одного слова перед начальной гласной следующего слова. Типичная для английского языка апокопа возникает при чтении сочетания «many a», как — (а не —). Я обнаружил ее в «Дружеской исповеди» Джона Гауэра (John Gower, «Confessio amantis», кн. III, стих 605), написанной еще около 1393 г. Особенно часто апокопа встречается в сочетаниях с определенным артиклем, таких, как «th'advise», «th'epetu» и т. д. Она все еще используется в современной тонической поэзии, но апостроф больше не ставят, возможно потому, что он характерен для устаревших и неестественных стихотворных форм.

Второй вид элизии — это стяжение (contraction)², подразумевающее выпадение из метрической схемы той или иной гласной в середине слова. Обычны, например, стяжения в словах, имеющих вторым слогом «-ve-», — таких, как «heaven», «haven», «given», «never» и др. Частый и хорошо известный случай стяжения — слово «flower», ненавязчиво напоминающее о своем французском происхождении («flog», «flour», «fleur») и о просодической связи с такими рифмами, как «hour — our» (ср. «higher — fire»). Шекспир стягивал не только слова «flower» и «being» до одной доли каждое, но и сжимал в две доли такие слова, как «maidenhead» и «violet» («maid'nhead», «vi'let»). В некоторых случаях странный эволюционный процесс, затрагивающий слог «-ve-», привел к образованию нового слова, например «o'er» вместо «over». К освященным давней традицией случаям неполного произношения принадлежит любопытное произ-

* «Подготовительная школа» (англ.).

** Возможно, рыба из семейства солевых (морские языки). (Примеч. переводчика.)

ношение слова «spiritual», четыре доли которого («spir-it-u-al») сжаты до двух слогов, звучащих наподобие «sprichal» или «spirchal», по совершенно очевидной причине: если слово «spirit» часто скандируется как односложное (по аналогии с «merit» и «buried») и если, например, слово «actual» скандируется «actu'л», то почему не стянуть в одну долю каждую из частей слова «spiritual» («spir'tu'л»)?

Гласные «и» и «е» в неударном втором слоге хорейческих глаголов склонны выпадать в формах причастия («murm'ring», «gath'ring» и т. д.). Сразу приходят на ум и не нуждаются в обсуждении еще многие случаи элизии — такие, как утрата «i» в окончании «-tion» (еще одна очевидная аналогия с французским языком). В результате, использование наклона и элизии позволяет привести к четырехстопному ямбу предложения, не вписывающиеся в обычном произношении ни в один из стихотворных размеров:

watching the approaching flickering storm
watching th'approaching flick'ring storm

Красоту английской элизии придает не безжалостное устранение слога с помощью апострофа, ни то, что типографски нетронутая форма слова указывает на присутствие еще одной доли, а неуловимое ощущение того, что голос физически сохраняет нечто там, где стихотворный размер это метафизически отрицает. По-видимому, эстетическое удовольствие, которое нам доставляют используемые в стихах стяжение или слияние слов (*liaison*), объясняется тем, что одновременно ощущается отсутствие слога на одном уровне и его сохранение на другом; а между размером и ритмом устанавливается равновесие. Вот прекрасный пример того, как можно совместить несовместимое.

Злоупотребление апострофами искажает элизию, но именно таким образом часто пытаются примирить зрительное и слуховое восприятия, а в результате и глаз, и слух остаются неудовлетворенными. Судя по одной пятистопной строке из «Кентерберийских рассказов» («Twenty bokes, clad in blak and reed» — Пролог, строка 294), Чосер, наверное, произносил слово «twenty» как «two-enty» наподобие того, как это делают дети и по сегодняшний день; но должен ли наборщик воспроизводить случайные отклонения и выжигать каленым железом вопиющие погрешности? Известны случаи, когда неопытные русские поэты растягивали слова «октябрь» и «скиптр»* до «ок-тя-брь» и «ски-пе-тер» — просодические ошибки, не представляющие никакого интереса.

Элизия в собственном смысле этого слова в русском стихе не встречается. К ней отдаленно приближается замена в стихах мягким знаком (который, кстати, в английской транслитерации обозначается как раз апострофом) полноценного звука «и» перед конечной гласной в таких окончаниях, как «-ание» и «-ение» (аналогичных окончанию «-ion» в английском языке). Таким образом, стяжение трехсложного слова «тление» в двухсложное «тленье» сравнимо с неполным произношением звука «i» в таких словах, как «lenient» или «onion». Пушкин и другие поэты его времени писали и произносили «кой-как», вместо «кое-как», а архаичное усечение конечной гласной в прилагательных, которое время от времени позволял себе Пушкин («стары годы» и «тайна прелесть» вместо «старые годы» и «тайная прелесть») можно рассматривать как примитивную разновидность элизии. С другой стороны, такие варианты метрического произношения,

* Так у В. Н.

как «жавронок» вместо «жаворонок» или «двоюрдный брат» вместо «двоюродный брат» — это лишь неуклюжие приемы, к которым прибегают неумелые стихотворцы.

7. Возникновение силлабо-тонического стиха в России

Из памяти изгрызли годы,
Кто и за что в Хотине пал,
Но первый звук Хотинской оды
Нам первым криком жизни стал

*В Ходасевич (1938)**

В этом разделе я не буду заниматься дошедшими до нас анонимными повествовательными произведениями русской средневековой поэзии — нерифмованными, дисметрическими речитативами, форма которых, истрепанная многовековой устной передачей, уже не могла к XVIII столетию, когда Россия впервые заимствовала у Запада силлабо-тоническую систему, предоставить простора таланту ни в области поэтического языка, ни в области техники стихосложения.

Человѣческое сѣрдце несмы́сленно и неу́мчнво
Прельстѣ́лся Ада́м со Ёввою,
Позабѣ́ли за́поведь Бо́жию,
Вкуси́ли плода́ виногра́дного
От дѣ́вного дре́ва вели́кого .

Эти строки (11—15) из знаменитого речитатива «Повесть о горе и злосчасти»**, написанного, по всей вероятности, около 1625 г. и сохранившегося в единственном списке XVIII в., представляют прекрасный пример свободного фольклорного (или обрядового) размера, существовавшего в России лет пятьсот, но во времена Ломоносова уже не оказывавшего ни малейшего влияния на развитие русских стиховых форм. Патриотически настроенные исследователи тщились найти хорей в коротких строках русских народных песен, но до того, как в XVIII в. зазвучала силлабо-тоника, мне не назвать ни единого произведения, в котором были бы соблюдены правила тонического стихосложения. Последние хорошо подошли для русской системы ударений, но, как и почти все в современной русской культуре, были западноевропейским черенком, привитым к стволу, превосходившему по внутренней поэтической мощи образцы, произраставшие в XVIII столетии на немецкой и французской почве.

Зарождение национального стихосложения редко бывает интересным. Просодия приобретает значение только после того, как ею начинают пользоваться истинные поэты, а ими не были авторы тяжеловесных дидактических виршей, сочинявшие в XVII и в начале XVIII в. труднопроизносимые строки разной длины, пытаюсь утвердить во внезапно обратившейся к западной культуре России польскую силлабическую систему с исключительно женскими рифмами, неуклюже сочетавшимися в неблагозвучных двустишиях. Поистине невероятная скука

* В нашем веке еще не явился русский поэт, который превосходил бы Владислава Ходасевича (1886—1939). Лучшее издание его стихотворений — «Собрание стихов», составленное Ниной Берберовой (Мюнхен, 1962). (Примеч. В Н)

** Так у В. Н; точное название — «Повесть о Горе-Злосчасти».

охватывает всякого, кто знакомится с этими бездарными несамостоятельными построениями, совершенно чуждыми естественному ритму живого русского языка. Наименее безобразное, с чем можно столкнуться при чтении таких «произведений» (если закрыть глаза на постоянно используемые женские окончания), это случайные обрывки мелодии в хореическом ритме, то тут, то там прорывающиеся в аморфной массе восьмисложников ученого монаха Феофана Прокоповича (1681—1736); а также несколько любопытных нравоучительных сочинений, написанных до нелепости искаженным русским языком немецкими учителями, распространявшими при русском дворе свои стихотворные подражания различным метрическим образцам.

К третьему десятилетию XVIII в. силлабическая строка, которая всерьез грозила прочно утвердиться в России, представляла собой неуклюжую структуру из тринадцати слогов (считая обязательное женское окончание) с цезурой после седьмого слога:

Безу́мный про́сит вина́, зри! му́дрость пьёт во́ду

The madman clamors for wine, see! wisdom drinks water

Порядок ударений в тринадцатисложнике был совершенно произвольный и в каждой строке свой. Единственное правило (которого придерживались только пуристы) заключалось в том, что седьмой, предцезурный, слог должен был нести ударение. Другое ударение, рифмовочное, приходилось на двенадцатый слог. Как мы убедимся ниже, именно опираясь на эти два костыля, метрическая форма выбралась из плена силлабической структуры и, отбросив их, внезапно обрела силу и грацию.

В 1735 г. Василий Тредиаковский (1703—1769), никудышный поэт, но человек культурный и обладавший интуицией, опубликовал путаное и все же во многом замечательное сочинение под заглавием «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», в котором изложил теорию тонического стихосложения в применении к русским тринадцатисложникам, включив в него примеры стихов, написанных в соответствии с этой теорией. Его «первое правило» гласит: «Стих Героический Российский [или «русский гекзаметр»] состоит в тринадцати слогах, а в шести стопах». Все эти стопы, по его мнению, были двусложными* и четырех видов: ямба, хорей, «пиррихий» и «спондей». Они могли располагаться в строке в любом порядке, не считая того обстоятельства, что последняя стопа (образующая женскую рифму) была всегда хореической, а третья стопа никогда не была хореем или «пиррихием».

Если принять во внимание, что и другие теоретики стиха ошибочно признали «пиррихий» и «спондей» стопами, система Тредиаковского, разделявшая тринадцатисложник на шесть стоп, могла бы оказаться пригодной:

(1) установи он, что одна из шести стоп — а именно, одна стопа в первой (семисложной) части строки — должна быть трехсложной (анapestом, амфибрахием, дактилем или любой другой причудливой выдумкой старых педантов); или

(2) преврати он свой «стих Героический» в александрийский с женским окончанием, переместив цезуру на один слог ближе к началу строки и разделив,

* Он отвергал трехсложные стопы, полагая, что «не прилично ими скакать по стихам»! (Примеч В Н)

таким образом, строку на 3+3 стопы, с ударением на шестом слоге, и исключив из счета неударный последний слог второй части строки как элемент (женской) рифмы.

Вместо этого Тредиаковский, дабы разделить тринадцать на шесть без остатка, пошел, как ему казалось, более ученым путем: он не стал учитывать седьмой (ударный) слог первой (семисложной) части строки, назвав его гиперкаталектическим, то есть паузой под ударением (по аналогии с издавна укоренившейся ошибкой считать третье метрическое ударение в так называемом элегическом пентаметре, см. с. 764, цезурной паузой, а не нормальным иктом усеченной дактилической стопы).

В соответствии с этой системой, приводимое ниже типично силлабическое двестишие следовало бы скандировать так, словно первая строка состоит из такой невероятной комбинации, как две ямбические стопы, пиррихий, предцезурный слог, спондей, ямбическая стопа и хорейческая стопа, а вторая строка из иной комбинации — три ямбические стопы, предцезурный слог, две ямбических стопы и хорейческая стопа.

∪ / ∪ / ∪ ∪ пауза / / ∪ / / ∪
 The mad-|man cla-|mors for|wine; |see' wis-|dom drinks|water,
 ∪ / ∪ / ∪ / пауза ∪ / ∪ / / ∪
 The pant-|ing rake|arrives|late; |success|is thrift's|daughter

Далее Тредиаковский пишет: «Однако тот стих всеми числами совершенен и лучше, который состоит токмо из хореев или из большей части оных; а тот весьма худ, который весь иамбы составляют или большая часть оных».

Первую половину этого утверждения трудно переоценить. Отрицательное же отношение Тредиаковского к ямбу легко объясняется тем, что это название он дал произвольно выбранному компоненту неоднородной строки, разорванной надвое так глубоко, что соединить ее не смог бы никакой ямб. Ему, разумеется, было не трудно придрататься к таким виршам, как те, которые я пародировал выше по-английски.

Несущественно и то, что Тредиаковский рассматривал свою хорейческую строку как комбинацию хорейческих стоп и «пиррихий», в которой ударение на седьмом слоге не считается частью стопы. Этот пропуск не искажал размер хорей по той простой причине, что опускаемое им было на самом деле не чем иным, как хореем, усеченным с помощью мужского окончания. Ошибочные суждения Тредиаковского искупались теми «элегиями», которые он представил в качестве примеров. Они не обнаруживают художественных достоинств, но содержат первые намеренно сочиненные по-русски хорейческие стихи. Если они и не ввели силлабо-тоническую систему, то, во всяком случае, ее предвосхитили.

В его «Элегии II» (1735, стихи 79—82) читаем:

Долговáтое лицó и румяно бýло,
 Белизнóю же своéй всё превосходíло,
 Бúдь на бéлость зришь лица́, то лилеи зрýтся,
 На румяность бúде зрíшь, рóзы тóй крася́тся

В каждой из этих сочиненных схоластом строк неестественные тринадцатисложники претерпели метаморфозу, и получившееся оказалось не одной метрической строкой, как полагал Тредиаковский, а двумя стихами с плавными скадами — четырехстопным хореем (с мужским окончанием) и трехстопным хореем (с женской рифмой в конце).

Будь на белость зришь лица,
То лилеи зрятся,
На румяность буде зришь,
Розы той красятся

Возникновение четырехстопного ямба, к которому мы сейчас и обратимся, не явилось следствием распада «героического стиха» — процесса, который, прежде всего, в себе самом уже заключал начатки хорей. Мелодия ямба, любимого размера поэтов следующих поколений, звучала порою еще в силлабических стихах в виде недифференцированной вариации девятисложника. Так, состряпанная Тредиаковским в его «дотонический» период «кантата» на коронацию императрицы Анны (30 июля 1730 г.) состоит из разновеликих силлабических строк, которые по большей части невозможно скандировать, однако в ней случайно появляются в очень малом количестве смежные тонические строки, например:

Восплéщем грóмко и рука́ми,
Заска́чем вéсело иога́ми

Это обычный четырехстопный ямб со скадом на третьей стопе*. Но не от Тредиаковского пошло сознательное и последовательное употребление четырехстопного ямба, и не он ввел четко и правильно разработанную русскую силлабо-тоническую просодию. Тредиаковского можно считать поборником хорей. Крестным отцом четырехстопного ямба был знаменитый реформатор Ломоносов.

В сентябре 1739 г. Михаил Ломоносов (1711—1765) послал (из немецкого университетского города Фрейбурга, где он изучал металлургию) членам филологической комиссии при Академии наук в Санкт-Петербурге «Письмо о правилах российского стихотворства» (впервые опубликованное в 1778 г.), в котором предлагал безоговорочно принять силлабо-тоническую систему, и отдельно приложил к нему в качестве примера первое русское стихотворение, намеренно целиком написанное четырехстопным ямбом. Это была «Ода вседержительнице благой памяти Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина» (Хотин — крепость в Бессарабии, на юго-западе России, старинная гетуэзская цитадель, восстановленная турками с помощью французских инженеров и взятая русскими войсками 19 августа 1739 г.). Рукопись этого произведения, известного теперь под названием «Хотинская ода», утрачена. Отдельные фрагменты ее первоначального текста цитируются Ломоносовым в его пособии «Краткое руководство к красноречию», 1744 (§§ 53, 54, 79, 100, 105, 112) и 1748 (§§ 68, 163, 203). «Ода» была напечатана Ломоносовым в переработанной редакции (измененной в отношении как содержания, так и слога, насколько можно судить по отрывкам, приведенным в «Руководстве к красноречию») только в 1751 г. («Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайла Ломоносова»),

* Точно так же и в Нортумбурской псалтыри, которой четыре с половиной века, мы находим в разных местах строки четырехстопного ямба, кое-где со скадом на третьей стопе. Например, «Of mouþ of childer and soukánd [sucklings — сосунков]» — псалом 8, стих 5. См. также начало так называемой «Повести о ростовщике» («Tale of a Usurer») в «Воскресных проповедях» («Sunday Homilies»), около 1330, где встречается скад II:

An hóli mán biyónd the sé
Was bíschop of a grét cité. (Примеч. В. Н.)

хотя, судя по всему, была известна любознательным читателям намного раньше. Она написана четырехстопным ямбом строфами из десяти стихов, рифмующихся *babacedde* (как обычно, гласными я обозначаю женские рифмы). В этой оде формула рифмовки представляет собою зеркальный вариант последовательности женских и мужских рифм (*ababeecis*), характерной для обычной французской оды из десятистрочных строф (введенной Ронсаром и популяризированной Малербом), которая послужила строфическим образцом как Ломоносову для упомянутой оды и более поздних од, так и его великому последователю Державину.

В редакции 1751 г. «Хотинская ода» начинается так:

Востóрг внеза́пный у́м плени́л,
 Ведёт на ве́рх горы́ высо́кой
 Где ве́тр в леса́х шуме́ть забы́л,
 4 В доли́не ти́шннá глубóкой;
 Внима́я не́что, ключ молчи́т,
 Кото́рый завсегда́ журчи́т
 И с шумом вни́з с холмо́в стреми́тся
 8 Лавро́вы вы́ются та́м венцы́,
 Там слух спеши́т во все́ концы́,
 Далéче ды́м в поля́х кури́тся

Упомянутый в оде ключ — это Кастальский источник на горе Парнас.

В этой редакции «Хотинской оды» часто встречаются скады, например, скад II (модуляция, которая Ломоносову нравилась больше, чем Пушкину):

41 Не ме́дь ли в чре́ве Э́тны рже́т
 И, с се́рою кнпя́, клоко́чет?
 Не а́д ли тя́жкн у́зы рвет
 И че́люсти рази́нуть хо́чет?

В переводе оды на английский я сохранил буквальный смысл, но пожертвовал ради него перекрестными мужскими и женскими рифмами. Слово «ржать» используется здесь в его старом смысле — издавать громкий, резкий, не очень приятный звук, — характерном и для русского, и для английского языков (в современном же русском языке «ржание» обозначает не только звуки, издаваемые лошадьми, но и, в просторечии, неприятный человеческий хохот).

Последовательность рифм *babacedde* в одической десятистрочной строфе (как в стихах 41—50 «Хотинской оды», с конечными словами «ржет», «клокочет», «рвет», «хочет», «рабы», «рвы», «бросает», «народ», «болот», «дерзает»; рифма *ss* в этом случае, как будет разъяснено далее, бедная) восходит не к музыкальному французскому чередованию, начинающемуся с женской рифмы и заканчивающемуся мужской (*ababeecis*, как писали, например, Малерб и Буало), а к немецким одическим образцам (во всех остальных отношениях, безусловно, подражающим французской оде), где, кроме того, преобладали строки без скадов, которым Ломоносов отдавал предпочтение в своих ранних теориях стихотворного размера. Чередования *babacedde* встречаются, например, в оде Иоганна Христиана Гюнтера (I. Ch. Günther, 1695—1723) «На мир, заключенный в 1718 году между Его Императорским Величеством и Портой» («Auf den zwischen Ihre Röm. Kaiserl. Majestat und der Pforte An. 1718 geschlossenen Frieden») — внушительной конструкции, содержащей пятьсот стихов и посвященной миру,

заключенному между Австрией и Турцией (21 июля 1718 г.). Строки со скадами составляют в ней менее двадцати процентов (не считая полускадов). Например, стихи 11—20:

Die Walstatt ist noch nass und lau
 Und stinkt nach Türken, Schand und Leichen
 Wer sieht nicht die verstopfte Sau
 Von Äsern faul und mühsam schleichen?
 Und dennoch will das deutsche Blut
 Den alten Kirchof feiger Wut
 An jungen Lorbeern fruchtbar machen,
 Und gleichwohl hört der dicke Fluss
 Des Sieges feurigen Entschluss
 Aus Mörsern und Kartaunen krachen

Воспользовавшись принятыми мною обозначениями, основанными на системе Андрея Белого, мы получим следующую структуру:

I	II	III	IV
o	o	o	o
o	o	o	o
o	x	o	o
o	o	o	o
o	o	o	o
o	o	o	o
o	o	o	o
o	o	o	o
o	o	x	o
o	x	o	o

В стихах 13 и 20 имеется скад II, а в стихе 19 — скад III.

«Хотинская ода», хотя в ней перевернута французская последовательность рифм (которую Ломоносов использовал в более поздних своих одах и в одном раннем стихотворении, написанном четырехстопным хореем в октябре 1738 г., в подражание оде Фенелона), все же содержит в цитированных строках неуклюжие отголоски образов третьей строфы (стихи 21—30) «Оды на взятие Намюра» Буало («Ode sur la prise de Namur», 1693; подражание стилю оды Малерба «Королю Генриху Великому на взятие Марселя» / «Au Roy Henry le Grand, sur la prise de Marseille»*, сочиненной в 1596 г. и опубликованной в 1630-м):

Est-ce Apollon, et Neptune
 Qui sur ces Rocs sourcilleux
 Ont, compagnons de fortune,
 Basti ces murs orgueilleux?
 De leur enceinte fameuse

* Именно эта ода Малерба и стихотворение Буало написаны, в отличие от традиций французской оды, не восьмисложником, а семисложником, что соответствует в русском и английском стихосложении не четырехстопному ямбу, а четырехстопному хорее. Первая русская ода (1734) — «Ода о сдаче города Гданска» Тредиаковского (на взятие Данцига русскими в 1734 г. во время войны с Польшей) — была написана силлабическими стихами также в подражание творению Буало и, без сомнения, звучала в памяти Ломоносова, когда он сочинял свою оду. (Примеч. В Н)

La Sambre unie à la Meuse
Deffend le fatal abord,
Et par cent bouches horribles
L'airain sur ces monts terribles
Vômit le fer, et la mort*

Среди отрывков «Хотинской оды» (1744—1748) обнаруживаются такие архаические строки, как:

Претить не мógут óгнь, водá,
Орли́ца как парит тудá

Их можно передать английским языком XVI в. следующим образом:

Her can ne flame, ne flood retard
When soars the eagless thitherward

Как и все стихотворные произведения Ломоносова, «Хотинская ода» не отличается большими поэтическими достоинствами, но прокладывает путь Державину, ставшему первым истинным поэтом в России. Следует отметить, что вопреки неуклюжему стилю, с характерными для него малопонятными общими местами и рискованными инверсиями, четырехстопный ямб Ломоносова обнаруживает уже все модуляции, которые Державин, Батюшков, Жуковский и Пушкин довели до совершенства. Сперва Ломоносов полагал, что скады не годятся для серьезных стихов, но в середине 1740-х гг. он все же начал осторожно использовать все известные нам сегодня виды скадов. Первым из русских поэтов он применил перекрестные рифмы.

Если уж быть совершенно точным, то четырехстопный ямб вошел в русскую поэзию не с фрагментами «Хотинской оды», разбросанными по «Руководству к красноречию», а с образцом этого размера, приведенным в письме Ломоносова 1739 г. (где искусно, хотя, может быть, и произвольно используется тот же образ «белого лица», что и в приведенном Третьяковским в 1735 г. примере хорейских строк). Вот этот самый первый русский стих, написанный четырехстопным ямбом:

Белéет бúдто снéг лицóм

<...>

Немного далее, в том же самом письме, Ломоносов приводит пример скада в правильном четырехстопном ямбе (в то время он допускал употребление вольностей в размере «пиррихия» только в «песнях»):

Цветы́, румя́нец умножа́йте!

(Ср. у Третьяковского менее разговорное слово «румяность».)

* На этих крутых скалах / Кто вздвиг сии гордые стены? / Баловни фортуны Нептун и Аполлон? / Временный крепостной вал между Самброй и Месом / Защищает опасный подход, / И сотнею страшных жерл / Пушки на жутких горах / Извергают железо и смерть (фр).

Бесцветные рифмы *sourcilieux—orgueilleux* и *horrible—terrible* странным образом контрастируют с богатыми — *Neptune—fortune* и *fameuse—Meuse*, которые, впрочем, в 1693 г. уже были известны по крайней мере на протяжении ста лет. Два упомянутых в цитируемом отрывке божества помогали восстановить стены Трои. (Примеч. В Н)

Образцы других размеров, приводимые Ломоносовым в его письме, кажутся похожими, как будто с них были сняты отпечатки, когда они парили над неизвестным контекстом; но один его пример, а именно строка шестистопного дактиля, все же содержит некий образ, могущий слегка взволновать воображение:

Вьётся кругами змея́ по траве́, обновившись в расселне́ .

<...>

Огромный интерес для исследователя русской просодии представляет песня из сорока четырех строк, начинающаяся словами «Где ни гуляю, ни хожу́, / Грусть превеликую терплю́», написанная Александром Сумароковым (1718—1777), одним из русских последователей Буало, в 1759 г., когда, благодаря хореям Третьяковского и ямбам Ломоносова, силлабо-тоническая система одержала полную победу над силлабической. Это лирическое стихотворение, стилизованная любовная песня молодой крестьянки, не обнаруживая больших художественных достоинств, отличается все же удивительной чистотой слога, превосходящего более образный, но вместе с тем и менее гибкий язык Ломоносова. В этой песне Сумароков пытается сочетать свободу ударения, характерную для силлабического восьмисложника, со скандированием по сути своей ямбическим. Слуху человека, умеющего различать ямб, достаточно уловить ритм первых двух стихов, чтобы понять, что все это стихотворение представляет собою точное русское соответствие стихотворению на языке английском, в котором первая и только первая стопа испытывает сильный наклон в каждом стихе. Там обнаруживается не менее двадцати сдвоенных наклонов и даже один длинный наклон, в то время как остальные строки содержат разделенные наклоны различной величины. Что же касается сдвоенных наклонов, то только один из них приходится на слово, принадлежащее к небольшой группе «нейтральных» слов (стих 32: «Или он по́верху пльвёт»). Другие же приходятся на такие двусложные слова, как «вёсел» (стих 23) и «ту́жит» (стих 29):

Весел ли ты́, когда́ со мно́й?
Тужит ли в то́й он сторонé?

Длинный наклон образуется в стихе 18: «Сделался мѝл мне как душá». К сожалению, наклоны, использованные Сумароковым, оказались мертворожденными. Это и другие его стихотворения были отвергнуты как пережитки эпохи силлабического стихосложения следующим поколением поэтов, и никто из них, не считая одного или двух нынешних новаторов, не посмел использовать свободный сдвоенный наклон, случайно возникший в ритме любопытного эксперимента, проделанного Сумароковым в области стихотворных размеров.

8. Различия модуляции

Первое, что бросается в глаза при сравнении структуры русских стихов со структурой стихов английских, — это то обстоятельство, что в одном и том же стихотворном размере русская строка содержит меньшее количество слов, чем английская. Эта особенность объясняется как преобладанием в русском языке многосложных слов, так и тем, что русские односложные слова (например, существительные и глаголы) удлиняются за счет флексий. Некоторые двусложные слова, в частности, не относящиеся к мужскому роду существительные, сохраняют

свою длину несмотря на использование флексий (кроме формы творительного падежа множественного числа, в которой прибавляется один дополнительный слог); с другой стороны, на конце некоторых причастий может оказаться столь гипертрофированное количество сегментов, что они не влезут даже в четырехстопный стих.

В сущности, лишь такие не имеющие флексий слова низшего порядка, как предлоги и союзы, сопоставимы по употреблению в стихе с их английскими аналогами. Но и это не всегда возможно, ибо в русском языке проявляется и другая крайность: три распространеннейших предлога, обозначаемых на письме лишь одной буквой — «в», «к» и «с», — вовсе ничего не значат для стихотворного размера, поскольку (помимо случаев использования их длинной формы «во», «ко», «со», каковая встречается перед некоторыми словами по соображениям благозвучия) они представляют собою даже не односложные слова, а лишь эфемерные согласные, прозябающие в языке по милости грамматики. Вне всяких сомнений, в будущем переработанном и латинизированном русском правописании эти состоящие из одних согласных предлоги будут соединены со словами, к которым они относятся, с помощью дефиса (например, «v-dushe» «в душе»).

Преобладание в русских стихах многосложных слов (по сравнению с огромным количеством односложных прилагательных и глаголов в английском языке) объясняется главным образом отсутствием в русском языке односложных прилагательных (существует лишь одно — «злой»), равно как и относительной немногочисленностью односложных форм глаголов прошедшего времени (например, «пел»); все они, как прилагательные, так и глаголы, еще более удлиняются за счет флексий, выражающих число, падежи, лица, а также женский и средний роды. Употребление флексий имеет еще одним следствием сравнительно редкое использование слов низшего порядка, которыми испещрены англоязычные стихи и перенасыщена английская речь, хотя, разумеется, в строфе или стихотворении, где многократно использованы понятия высоты, местоположения или расстояния, слова «до», «на», «над», «под», «перед» или «перед», «от» и т. д. будут употребляться в русскоязычном варианте так же часто, как их эквиваленты в английском. И наконец, число слов в строке зависит от того весьма немаловажного факта, что в русском языке отсутствуют точные лексические соответствия английским определенному и неопределенному артиклям.

Таким образом, понятие «человек» по-русски передается только одним словом, содержащим, однако, три слога. Форма дательного падежа — «человеку» или «к человеку» — содержит четыре слога. Слово «душа» и словосочетание «в душе» двусложные. Лишь в очень редких случаях при переводе с русского языка на английский и обратно односложное существительное можно передать также односложным. Определенный оптимизм внушает то обстоятельство, что односложным существительным «дни», «сны» и «мир» соответствуют в английском языке также односложные «days», «dreams» и «peace». Можно найти еще несколько таких совпадений. Однако единственному числу слова «сон» соответствуют «a dream» или «the dream» (два слога), а форме «сна» — сочетание «of the dream» (три слога). Хотя в английском языке и можно найти немало длинных прилагательных, которые под стать пяти-, шести- и семисложным прилагательным, столь многочисленным в русском языке, сравнительное исследование произведений серьезных русских и английских поэтов тотчас же покажет, что английский поэт-лирик, особенно в XIX столетии, очень осторожно использовал

многосложные прилагательные или вообще их избегал, дабы его произведения не ассоциировались с жанром бурлеска. Что же касается русского лирика, особенно пушкинской эпохи, то его совершенно не волновали подобные проблемы; он чувствовал, что для меланхолического описания любви прекрасно подходят именно многосложные эпитеты. Поэтому в 1820-е гг., когда четырехстопный ямб достиг пика популярности как у более крупных, так и у менее известных поэтов*, признаком высокого мастерства считалась строка из двух или трех слов, то есть умение оформить полноценную строку с помощью минимального количества слов. Такую строку я называю *полной (full line)*. Естественное использование длинных разговорных слов идет рука об руку с отказом от заполнения пробелов и употреблением многочисленных подсобных односложных слов, вызывая столь широкое применение скадов, что в XIX в. их повсеместное использование становится признаком мастерского владения поэтическим языком.

Полные мужские строки в *ЕО* сводятся к двадцати одному сочетанию трех слов и шести сочетаниям двух слов (еще одно возможное сочетание 1+7, при котором возникает неблагозвучный скад I—II, во времена Пушкина не использовалось). Вот примеры типичных пушкинских конструкций, выбранные наугад из *ЕО*:

2+5+1: Егó тоску́ющую лёнь (гл. 1, VIII, 8)

2+4+2: Вдали́ Ита́лии своёй (гл. 1, VIII, 14)

3+4+1: Желáний своево́льный ро́й (гл. 1, XXXII, 8. Превосходно переводится на французский язык XVIII в.: «Des désirs le volage essaime».)

1+4+3: Чтоб эпита́графы разбира́ть (гл. 1, VI, 4)

7+1: Законода́тельнице за́л (гл. 8, XXVIII, 7)

6+2: Останови́лася она́ (гл. 5, XI, 14. Трудно представить себе, с помощью какой чудесной парафразы англоязычный поэт смог бы написать на своем родном языке «она остановилась» («she stopped») четырехстопным ямбом с двойным скадом.)

Судя по случайным выборкам, строки из двух и трех слов составляют в *ЕО* примерно тридцать процентов. В выборках из стихотворений англоязычных поэтов они составляют от нуля до пяти процентов. К числу поэтов, у которых чаще других встречаются полные строки, принадлежат Донн и Марвелл. Например:

2+3+3: Suspends uncertaine victorie (Донн, «Экстаз» / Donne, «The Extasie», стих 14);

2+6: Upon Impossibility (Марвелл, «Определение любви» / Marvell, «The Definition of Love», стих 4);

4+2+2: Magnanimous Despair alone (там же, стих 5).

* Упадок поэзии начался после Тютчева (1803—1873), хотя еще продолжали творить два таких видных поэта, как Некрасов (1821—1877) и Фет (1820—1892), которые, впрочем, не были мастерами четырехстопного ямба. Возрождение поэзии в первые два десятилетия нынешнего века сопровождалось возрождением и этого размера; однако в последнее время у серьезных поэтов появилась склонность сообщать форме более значительную концентрацию смысла, иногда жертвуя мелодией, что, возможно, диктуется раздражением, которое вызывают новомодные модуляции, используемые целым поколением стихоплетов, легко усвоивших прием скада из статей Андрея Белого (1910), полагавшего, что отличить гения от посредственности, при отсутствии в прошлом теоретических изысканий, можно именно по использованию скадов. (Примеч В Н.)

Однако у романтических поэтов тяготение к полным строкам до известной степени сдерживается естественным презрением к псевдогероическому бурлеску*.

Теперь мы можем сформулировать основные различия модуляции между английским и русским четырехстопным ямбом у крупных поэтов**.

Английский язык:

1) В любом стихотворении, строки без скадов преобладают над строками со скадами. В исключительных случаях, обнаруживающих максимальное количество строк со скадами, их количество примерно равно количеству строк без скадов.

2) Непрерывная последовательность строк со скадами никогда не бывает продолжительной. Пять или шесть таких строк подряд встречаются очень редко. Как правило, они оттесняются на задний план вереницами строк без скадов, не образуя непрерывного стихотворного рисунка, повторяющегося из строки в строку.

3) Скады часто связаны со слабыми односложными словами, со сдвоенными наклонными и рифмами со скадом (скад IV).

4) Скады I и II встречаются почти так же часто, как и скад III, но обнаруживают определенную тенденцию к преобладанию, а скад IV — явление сравнительно редкое. Что же до центра тяжести строки, то он стремится к ее концу за счет ударения.

5) Женские рифмы встречаются редко, они бесцветные или бурлескные.

6) Элизии более или менее часты.

Русский язык:

1) Строки со скадами значительно преобладают над строками без скадов.

2) Скады часто образуют цельный рисунок, на протяжении от шести до двадцати и более строк. Строки без скадов редко объединяются в структуры, насчитывающие более двух или трех строк подряд.

3) Скады часто образуются неударными слогами длинных слов. Помимо нескольких отмеченных исключений, сдвоенные наклоны не встречаются. Скады не приходятся на рифмы (отсутствие скада IV).

4) Скад III значительно преобладает над прочими видами скада. Центр тяжести строки стремится к ее началу за счет ударения.

* Как ни парадоксально, но именно к английскому языку мы должны обратиться, дабы обнаружить у второстепенных поэтов четырехстопные стихи из одного слова. Я имею в виду произведение Т. С. Элиота под названием «Воскресная утренняя служба Мистера Элиота» («Mr Eliot's Sunday Morning Service»), которое начинается (я полагаю, шуточной) строкой «Polyphiloprogenitive». Так же (хотя этого никто никогда не делал) можно писать и на русском языке, например, «полупереименовать», причем это слово демонстрирует еще один метрический трюк, невозможный в английском, — образование подряд, один за другим трех скадов вместо скада, полускада и концовки со словесным ударением и скадом, которые мы видим в английском примере (Примеч В Н)

** Лучше всех среди них владели этой формой в XIX столетии Пушкин и Тютчев, а в XX в — Блок и Ходасевич. Геий же Лермонтова не смог проявить себя до конца в четырехстопном ямбе даже в знаменитом «Демоне». Баратынский и Языков часто упоминаются наряду с более известными поэтами как мастера четырехстопного стиха, но первый был, безусловно, поэтом второстепенным, а второй и вовсе посредственным. (Примеч. В Н)

5) Женские рифмы, столь же частые, как и мужские, придают стихам музыкальность, не зависящую от размера.

6) Строго говоря, не встречается никаких разновидностей элизий.

9. Примеры модуляций

Английский метр старше русского почти на четыреста лет. В обоих случаях модуляция возникла вместе с размером. Среди четырехстопных стихов «Дома славы» Чосера (Chaucer, «The Hous of Fame») (1383—1384) встречаются хорические и ямбические строки, содержащие все скады, какие применяли поэты следующих поколений, хотя у английских поэтов типичной является строка без скадов, а русская имеет скад на третьей стопе. В «Доме славы» мы обнаруживаем несколько скадов на третьей стопе (стих 352: «Though hit be kevered with the mist», или стих 1095: «Here art poetical be shewed»), несколько скадов на второй стопе (стих 70: «That dwelleth in a cave of stoop»), несколько сочетаний скадов на второй и на третьей стопах (стих 225: «And prevely took arrivage»). В этом произведении есть такие ритмические обороты, как, например, знаменитое соединение в строке двух звучных имен (стих 589: «Ne Romulus, ne Ganymede»), чем пользовался вплоть до наших дней хотя бы раз или два едва ли не каждый английский поэт, писавший четырехстопными стихами. Встречаются даже наклоны (стих 605: «„Gladly“, quod I. „Now wel“, quod he»), однако они еще редки, ибо, сталкиваясь с необходимостью употребить в начале строки ударное односложное слово или двусложное с ударным первым слогом, поэты в прошлом часто предпочитали перейти в одном или двух стихах с основного ямбического размера на хорей (то есть на строки, которые были короче на один, начальный слог), а не прибегать к наклону в ямбической стопе.

Я не собираюсь здесь даже бегло излагать историю английского ямба. Однако несколько самых общих замечаний могут оказаться полезными.

Мне кажется, что в целом судьба четырехстопного ямба в России сложилась благополучнее, чем в Англии. Русский четырехстопный ямб представляет собою уверенный, отшлифованный, прекрасно организованный размер, который позволяет слить в единое органическое целое глубокий концентрированный смысл и богатую мелодию; русскому языку он сослужил такую же службу, как пентаметр английскому и гекзаметр французскому. С другой стороны, английский четырехстопный ямб — это неуверенная, неустойчивая и капризная форма, которой постоянно грозит опасность утратить свою начальную долю или оказаться разбавленной то и дело встречающим трехсложником либо перейти в ритмический стих. Этим размером англоязычные поэты написали некоторое количество замечательных стихотворений, но он никогда не использовался для создания произведений, приближающихся по художественному значению или хотя бы просто по объему к роману в стихах, сравнимому с «Евгением Онегиным». Проблема английского четырехстопного ямба заключается в том, что те, кто его использовал, все время метались из крайности в крайность: от стилизованной упрощенности к декоративному бурлеску. Четырехстопный ямб без скадов или почти без скадов последовательно рассматривался английскими поэтами и критиками как нечто характерное для «народных песенок», пригодное лишь для создания впечатления «простоты» и «искренности». Подобное отношение всегда серьезно препятствует развитию той или иной художественной формы. Я прекрасно понимаю, что такие внешне благовидные термины, как «простота» и

«искренность» постоянно употребляются преподавателями литературы в самом положительном смысле. Однако, каким бы «простым» ни был результат, подлинное искусство никогда не бывает простым, представляя собою тщательно продуманный, почти волшебный обман, даже если порой кажется, что оно полностью зависит от темперамента автора, его образа мыслей, биографии и т. д. Искусство такой же волшебный обман, как и природа, в которой все волшебное и обманчиво. Называть стихотворение или картину «искренними» — это все равно что называть «искренними» брачный танец птицы или мимикрию гусеницы.

К XVII столетию английский четырехстопный ямб под пером некоторых гениальных мастеров уже был способен выражать сложные музыкальные мотивы на темы как легкомысленные, так и метафизические. Но в этот момент истории происходит катастрофическое событие. Использование утвердившегося четырехстопного ямба в Англии приобретает устойчивую связь с псевдогероическим бурлеском. Даже в высшей степени талантливая поэзия Марвелла обнаруживает роковую тенденцию скатываться к тому ужасному жанру, который ассоциируется с бурлеском Сэмюэля Батлера «Гудибрас». Это сочинение — агрессивная, но актуальная лишь для своего времени и потому мало понятная нам сатира, вызывающая тоску уровнем своего юмора; поэма, пародирующая в сотнях рифмованных двустиший произведения героического жанра, с постоянными намеками на текущие общественные события, и содержащая надуманные словесные выверты в своих блеклых незапоминающихся стихах. По своей природе это произведение антихудожественно и не имеет отношения к поэзии, поскольку, чтобы получить от него удовольствие, надо питать уверенность в том, что Разум в конечном счете выше Воображения, а оба они ниже религиозных или политических убеждений человека. Оно не блещет остроумием, но пропитано вседушной рациональной язвительностью, которую в наше время мы с прискорбием обнаруживаем во многих произведениях Т. С. Элиота.

Таким образом, несмотря на гений некоторых великих поэтов, под чьим пером четырехстопный ямб начинал блистать в полную силу, его будущее, к несчастью, было навсегда погублено определенными устойчивыми ассоциациями с такими до сих пор процветающими направлениями и формами поэзии, как легкие стихи (то есть более или менее элегантные вариации банальных мыслей и образов), бурлеск или пародия на героический жанр (ужасный род поэзии, среди прочего отражающий возню в политике и науке), дидактические стихи (состоящие из перечислений природных явлений, а также из всевозможных «размышлений» и «гимнов» на темы стандартных воззрений и убеждений тех или иных религиозных обществ), а также с разнообразными переходными и смешанными видами, происходящими от этих трех основных.

<...>

Модуляции в *ЕО*, гл. 4, IX, X и XI:

	I	II	III	IV
1 Так точно думал мой Евгений.	о	о	о	о
Он в первой юности своей	о	о	х	о
Был жертвой бурных заблуждений	о	о	х	о
И необузданных страстей.	х	о	х	о
Привычкой жизни избалован,	о	о	х	о
Одним на время очарован,	о	о	х	о
Разочарованный другим,	х	о	х	о

	Желаньем медленно томим,	о	о	х	о
	Томим и ветренным успехом,	о	о	х	о
	Внимая в шуме и в тиши	о	о	х	о
	Роптанье вечное души,	о	о	х	о
	Зевоту подавляя смехом	о	х	о	о
	Вот, как убил он восемь лет,	о	о	о	о
14	Утратя жизни лучший цвет	о	о	о	о
		I	II	III	IV
1	В красавиц он уж не влюблялся,	о	о	х	о
	А волочился как-нибудь,	х	о	о	о
	Откажут — мигом утешался,	о	о	х	о
	Изменят — рад был отдохнуть	о	о	х	о
	Он их искал без упоенья,	о	о	х	о
	А оставлял без сожаленья,	х	о	х	о
	Чуть помня их любовь и злость	о	о	о	о
	Так точно равнодушный гость	о	х	о	о
	На «вист» вечерний приезжает,	о	о	х	о
	Садится, кончилась игра.	о	о	х	о
	Он уезжает со двора,	х	о	х	о
	Спокойно дома засыпает,	о	о	х	о
	И сам не знает поутру,	о	о	х	о
14	Куда поедет ввечеру	о	о	х	о
		I	II	III	IV
1	Но, получив посланье Тани,	х	о	о	о
	Онегин живо тронут был	о	о	о	о
	Язык девических мечтаний	о	о	х	о
	В нем думы роем возмutil,	о	о	х	о
	И вспомнил он Татьяны милой	о	о	о	о
	И бледный цвет и вид унылой,	о	о	о	о
	И в сладостный, безгрешный сон	о	х	о	о
	Душою погрузился он	о	х	о	о
	Быть может, чувствий пыл старинной	о	о	о	о
	Им на минуту овладел,	х	о	х	о
	Но обмануть он не хотел	х	о	х	о
	Доверчивость души невинной	о	х	о	о
	Теперь мы в сад перелетим,	о	о	х	о
14	Где встретилась Татьяна с ним	о	х	о	о

10. Подсчет модуляций в «Евгении Онегине»

Четырехстопный ямб был излюбленным размером Пушкина. Подсчитано, что в течение четверти века, с лицейского периода, скажем, с 1814 г., до конца жизни, то есть января 1837 г., Пушкин написал в этом размере приблизительно 21 600 строк, что составляет более половины его наследия во всех стихотворных жанрах. Самыми плодотворными годами его поэтического творчества были 1814, 1821, 1824, 1826, 1828 и особенно 1830 и 1833 (от более 2000 до более 3000 стихов в год); наименее плодотворными в этом отношении были 1834 и 1836 гг., когда он писал ежегодно около 280 стихов. Самое большое количество строк четырехстопным ямбом (около 2350) Пушкин сочинил в 1828 г., после чего последовал резкий спад (например, только 35 стихов этим размером в

1832 г.). Я заимствовал эти цифры, с небольшими исправлениями, из «Метрического справочника к стихотворениям А. С. Пушкина», 1934).

После того как Пушкин за две недели (с 3 по 16 октября 1829 г.) написал в Петербурге поэму «Полтава» (где, кстати, стихи 295—305 и 401—414 повторяют последовательность строк онегинской строфы, но не образуют отдельного смыслового единства), он, кажется, стал испытывать некую неприязнь к своему любимому размеру, несмотря на то что *ЕО* еще не был закончен. Замечательная пушкинская поэма «Домик в Коломне» (сорок октав пятистопного ямба, 1829—1830) открывается следующей жалобой:

Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишется всякий Мальчккам в забаву
Пора б его оставить

Тем не менее поэт снова использовал этот размер в «Медном всаднике» (1833), самом зрелом из его шедевров, написанных четырехстопным стихом.

В настоящих заметках о просодии, иллюстрируя такие приемы, как скады, наклоны, ложные спондеи и т. д., я проанализировал некоторые особенности стихосложения в *ЕО*. Полная таблица модуляций скада в *ЕО*, учитывающая все 5523 строки этого произведения, показывает преобладание ритма со скадом III (2603 строки). Это вообще типично для русского четырехстопного ямба. Из таблицы также видно, что суммарное число строк с другими скадами примерно равно числу строк без скадов (1515). Глава первая в своем роде уникальна разнообразием и богатством скадов. Главы вторая, третья, четвертая и пятая схожи по общему характеру модуляции. В главах шестой, седьмой и восьмой несколько снижается употребление некоторых видов скадов.

В *ЕО* имеется шесть строф, в которых скад содержит каждая строка (гл. 2, IX — душа Ленского; гл. 3, VI — толки о Татьяне и Онегине; гл. 3, XX — признание Татьяны няне; гл. 3, XXIV — оправдание Татьяны; гл. 6, XIII — Ленский едет повидать Ольгу перед дуэлью; гл. 6, XL — могила Ленского), и двадцать шесть строф, в каждой из которых встречается только по одной строке без скада. Но все строфы *ЕО* непременно содержат скад. Максимальное число идущих подряд строк со скадами составляет двадцать три. Подобные скопления встречаются трижды: гл. 3, V, 11 — VII, 5; гл. 3, XXIII, 11 — XXV, 5; гл. 6, XII, 6 — XIII, 14. Во всех этих случаях непрерывная живая мелодия сочетается с потоком вдохновенного красноречия.

Более пристальный анализ шести видов модуляции (в этом случае читатель, владеющий обоими языками, должен обращаться к подлиннику *ЕО*) обнаруживает следующие факты.

Максимальное количество скадов на первой стопе для каждой данной строфы составляет четыре (в последних восьми строках знаменитого описания волн, спешащих лечь к ногам возлюбленной в гл. 1, XXXIII; и в гл. 8, XXIII, второй разговор Онегина с княгиней N, «сей неприятный tête-à-tête») и пять (в гл. 6, X, 1—7, недовольство Онегина собою перед дуэлью). В гл. 7 (где количество скадов на первой стопе сокращается примерно на половину по сравнению с гл. 1) встречаются скопления по шесть и пять строф, полностью лишенных этого скада (VII—XIV, замужество Ольги и одиночество Татьяны; XXVIII—XXXII, отъезд; XLIII—XLVII, первые московские впечатления).

Количество скадов на второй стопе, столь значительное (100) в первой главе, уменьшается почти вдвое в последних трех главах, где наблюдаются большие

скопления строк без этого вида скадов (172 строки подряд в гл. 8, прерываемые только одним скадом на второй стопе в «Письме Онегина»). Несколько строф содержит до пяти таких скадов; а одна строфы (гл. 1, XXI, приезд Онегина в театр) бьет все рекорды шестью скадами. Встречаются интересные вереницы строк со скадом на второй стопе, например, четыре таких скада в конце гл. 1, XXXII (см. коммент. к гл. 1, XXXII, 11—14) и еще четыре в конце гл. 4, XLVI.

Самым обычным для русской поэзии размером, отрадой буйного гения и последним прибежищем рифмоплета, всегда был легкий и одновременно рискованный скад на третьей стопе. Эта мелодия преобладает в *ЕО* и обычно она трехчастная, то есть ее образуют три слова или три смысловые единицы. Такая строка «поет» (порою коварно убаюкивая русского стихотворца, так что он забывает о трудностях своего ремесла), особенно в тех весьма нередких случаях, когда центральное слово в строке со скадом на третьей стопе имеет не меньше четырех слогов, находясь после первого двухсложного слова, или не меньше трех слогов, при том, что ему предшествует трехсложное первое слово. В *ЕО* нет строф, в которых скады приходились бы только на третью стопу; более всего к такой организации приближаются гл. 5, XXXV (конец праздничного обеда на именинах), где подобных строк двенадцать, и гл. 6, XL (могила Ленского), в которой таких строк тринадцать. Отрывки, где устойчиво звучит данный ритм, часто содержат излюбленный Пушкиным прием стремительного перечисления различных действий или предметов.

Именно сочетание в одном стихе двух скадов — «быстрого» (*fast*) на первой стопе и «текущего» (*flowing*) на третьей стопе — придает живость и блеск сочинениям русских поэтов. С большим мастерством таким «быстрым течением» пользовался Пушкин. Оно особенно привлекательно, когда строке предшествует или сразу за ней следует строка со скадом на второй стопе (см. коммент. к гл. 1, XXIII, 11—13). «Быстрое течение» доставляет удовольствие не только своим благозвучием, но и ощущением полноты, идеальным сочетанием формы и содержания. Наибольшая частота таких строк в одной строфе равна шести («Путешествие Онегина», XXVIII). Три строфы имеют их по пять (гл. 2, XI, соседи Евгения; гл. 4, XXX, модные альбомы; гл. 8, IX, оправдание Онегина), а пятнадцать строф — по четыре. Прелестны и звучны три последовательных быстрых течения в гл. 4, XX, 9—11 (о родных) и гл. 6, XXVII, 3—5 (ответ Онегина Зарецкому).

Частота строк с «медленным течением» («*slow-flow*») (скады на второй и третьей стопах) достигает огромной величины, а именно девяти, в главе первой с ее блестящими скадами, где «медленное течение» встречается даже в смежных строках (см. коммент. к гл. 1, LIII, 1—7). Уменьшение количества скадов II+III во всех остальных главах, возможно, представляет собою результат вполне осознанного стремления Пушкина не давать воли ритму в стиле рококо.

Я установил, что максимальное число строк без скадов в одной строфе достигает девяти, и таких случаев только два: гл. 3, II (разговор Ленского и Онегина) и гл. 6, XLIV (трезвая зрелость). Что же касается скоплений строк без скадов (часто возникающих в отрывках дидактического содержания или в разговорах), то я выявил девять строф, имеющих по четыре, и пять строф, имеющих по пять таких строк подряд. Рекорд ставят шесть следующих одна за другой строк без скадов: гл. 3, XXI, 3—8 (Татьяна разговаривает с няней) и гл. 6, XXI, 4—9 (бледная элегия Ленского).

Составленный мною список односложных слов, на которые в *ЕО* обычно приходится скад, включает около сорока слов. Это главным образом предлоги: «без», «во», «для», «до», «за», «из», «ко», «меж», «на», «над», «о» или «об», «от», «по», «под», «пред», «при», «про», «сквозь», «со», «среди», «у» и «чрез». Затем идут союзы: «и», «а», «да», «но», «иль», «ни», «то», «чем», «что», «чтоб» и «хоть». Кстати, способность последнего в этом ряду слова образовывать скад убедительно подтверждается тем, что в хорошем русском произношении его гласная звучит как безударное «о». Наконец, в списке числятся несколько наречий — «не», «как», «уж», а также стоящие после слова три частицы — сослагательного наклонения, вопросительная и усилительная — «бы», «ли» и «же».

Двусложные слова и единственное часто употребляемое трехсложное слово, образующее в *ЕО* скад, уже рассматривались в главке 4, «Наклоненные скады». Это «перед», «предо», «передо», «ото», «между», «или», «чтобы» и «дабы». Все они имеют в речи ударение на первом слоге.

Я обошел вниманием полускады (считая их ударениями правильного ритма), чтобы избежать субъективных оценок интонации в пограничных случаях. Количество их незначительно; тем не менее, чтобы другие исследователи смогли проверить мои подсчеты, сравнивая их со своими, следует сказать несколько слов об этих слабых словах, которые, однако, не настолько слабы, чтобы их можно было признать скадами. К ним принадлежат прежде всего «быть», «будь», «был», которые я всегда относил в подсчетах к ударным, даже в таких сочетаниях, как «что-нибудь» и «может быть», обычно имеющих в речи дактилическое ударение, но нередко кончающих стих мужской рифмой. Односложные числительные (такие, как «раз», «два», «три» и др.), личные местоимения («я», «ты», «он» и др.) и притяжательные местоимения («мой», «твой» и др.) могут быть очень слабыми полускадами, особенно в таких дактилических оборотах, как «Боже мой» или же в постоянно встречающемся словосочетании «мой Онегин». На «что» и «как» падает почти полноценное ударение, равно как и на «кто», «так», «там», «тут», «где», «вот» и «сей». Наибольшим коварством отличается маленькая группа, состоящая из слов «близ», «вдаль», «вдоль», «вкруг», «вне», «чуть» и «лишь», однако я не поддался искушению включить их в мои подсчеты. Любопытно, что их родственники «сквозь» и «чрез» воспринимаются знатоками русской просодии как истинные скады (к которым я их и отношу), так как на их произношение оказывает влияние та мимолетность, какую они и призваны выразить. Наконец, есть еще слово «все», отнесенное мною к полускадам, хотя в речи оно очень слабое, особенно в таких анапестических сочетаниях, как «все равно́». Среди двусложных слов, производящих впечатление полускадов (как будет сказано в следующей главке), имеется несколько местоимений, таких, как «она», «её», «наши»; к ним можно прибавить слова «среди», «хотя», «уже», «когда», «еще», ибо все они несколько ослабляют ударение стопы, особенно если повторяются в начале нескольких смежных строк. Подсчитывая модуляции в *ЕО*, я не принимал во внимание ни один из этих полускадов.

Мне хотелось бы облегчить восприятие прилагаемой таблицы, приведя в качестве примеров несколько строк из *ЕО* (напомню читателю, что скад — это неударный слог, совпадающий с ударной частью стопы).

I: Строка со скадом на первой стопе, или быстрым скадом:

И возбужда́ть улы́бки да́м

Приложение II. Заметки о просодии: Модуляции скада в ЕО:

II: Строка со скадом на второй стопе, или медленным скадом:

Средь мо́дных и старíнных за́л ..

III: Строка со скадом на третьей стопе, или «теченье»:

Заре́цкий, некогда буя́н ..

I+III: Строка со скадами на первой и третьей стопах, или «быстрое теченье»:

В философи́ческой пусты́не .

II+III: Строка со скадами на второй и третьей стопах, или «медленное теченье»:

Блнста́тельна, полувозду́шна

0: Строка без скадов, или правильная строка:

Пора́ наде́жд и гру́сти не́жной

Модуляции скада в ЕО:

Глава	Строфы	I	II	III	I+III	II+III	0	Всего срок
Первая	54	58	100	306	74	9	209	756
Вторая	40	32	62	261	56	—	137	548
Третья	41	35	50	268	58	2	157	568
Четвертая	43	38	67	278	53	1	164	601
Пятая	42	41	66	282	39	2	158	588
Шестая	43	59	43	301	39	2	158	588
Седьмая	52	32	52	378	68	3	159	728
Восьмая	51	50	41	325	76	1	205	698
Посвящение	—	—	3	7	2	—	5	17
Письмо Татьяны в гл. 3	—	8	6	31	6	—	28	79
Письмо Онегина в гл. 8	—	8	1	26	1	—	24	60
Добавление в прим. к гл. 6	—	—	1	11	1	—	1	14
Добавление в прим. к гл. 8	—	—	1	2	—	—	2	5
Путешествие Онегина	—	15	15	127	29	1	72	259
Всего	—	374	508	2603	502	21	1515	5523

11. Другие размеры и ритмы

Настоящие заметки о просодии, имеющие единственной целью дать читателю ясное представление о размере, использованном Пушкиным в *ЕО*, допускают исследование других размеров лишь в рамках самых общих замечаний об их происхождении. Достаточно сказать, что различия и сходство между русскими и английскими формами одинаковы у всех стихотворных размеров. То, что было сказано о скаде, наклоне, элизии и стяжении в приложении к четырехстопному ямбу, относится в равной мере к его хореическому подобию и к другим размерам на двусложной основе — таким, как триметр и пентаметр. В трехсложниках скады также возможны, но они встречаются очень редко (причем в английском языке реже, чем в русском); а наклоны в стихах, написанных трехсложниками, принадлежат к иному виду по сравнению с теми, что встречаются в двоичных стопах, поскольку в троичных они не затрагивают метрического ударения, а совпадают с двумя смежными понижениями.

Трехстопный ямб, этот мелодичный звон «карманной» поэзии, живой ритм которого позволяет в английском языке связать размер и каданс, в русском языке не прижился. Мне не вспомнить ни одного значительного серьезного произведения, написанного полностью этим размером. Знаменитые стихи Тютчева:

Знма́ недáром зли́тся,
Прошла́ еé порá ..

бесспорно, относятся к жанру легкой поэзии.

Пятистопный ямб, рифмованный или нерифмованный, употребляется в русской поэзии не столь широко, как в поэзии англоязычной; однако в белом стихе он соперничает с английскими и немецкими образцами в области односложных наклонов, переносов и свободной цезуры (в этой связи следует обратить особое внимание на пушкинские «Маленькие трагедии»), а большое разнообразие скадов и неограниченное использование звучных женских окончаний, наряду со строгими мужскими окончаниями, превосходно компенсируют отсутствие элизии и двусложного наклона.

Шестистопный ямб, раскрепощенный лишь тогда, когда модуляции длинных подверженных скаду слов приводят в волнообразное движение его полустишия, чахнет в английском языке, задушенном служебными словами, унылыми мужскими рифмами и лишенными гибкости словами односложными, однако в русской поэзии он обретает чрезвычайную музыкальную прихотливость, которую ему сообщают плавные скады и мелодия подлинных перекрестных рифм (женских, чередующихся с мужскими). Следует отметить, что русский шестистопный ямб допускает цезуру со скадом, что невозможно в послужившем для него моделью французском александрийском стихе. Вот пример того, как звучала бы русская элегическая строфа, если бы ее перевели английским шестистопным ямбом:

A linden avenue where light and shadow mingle
Leads to an ancient slab of opalescent stone,
Whereon the visitor distinguishes a single
Unperishable word to scholarship unknown

(Липовая аллея, где смешиваются свет и тень,
Ведет к древней плите из камня цвета опала,
На котором пришелец различит одно
Сохранившееся слово, неизвестное науке.)

Четырехстопный хорей применяют в русском языке для создания серьезных стихотворных произведений много реже, чем четырехстопный ямб, тем не менее этим размером было написано несколько замечательных произведений (например, «Сказки» Пушкина). Система скадов четырехстопного хорей одинакова с системой скадов четырехстопного ямба. Следует обратить внимание на то, что в стихотворении, написанном четырехстопным стихом, ямбические строки никогда не сочетаются с хорейскими, как в экспериментах некоторых английских поэтов (Мильтона, Блейка, Колриджа). Однако пятистопный хорей — форма очень редкая в английской поэзии (использованная, например, Браунингом в произведении «Еще одно слово» (Browning, «One Word More», 1855) — был введен Третьяковым в идиллии, написанной в 1752 г., и служил Лермонтову, Блоку и другим поэтам замечательным музыкальным выразительным средством, подражание которому на английском языке выглядело бы так:

Nobody has managed to unravel
That inscription on the stone, and yet
Fools get formidable grants to travel
To the limits of their alphabet

(Никому не удалось расшифровать
Эту надпись на камне, и все же
Глупцы получают внушительные субсидии для путешествий
Вплоть до последней известной им буквы)

Трехсложные размеры принесли в России богатые плоды. Русскому стихотворцу легко начать строку дактилем, потому и русский дактилический гекзаметр не столь отвратителен, как английский, а трехстопные трехсложники принадлежат к самым гармоничным формам среди существующих. В англоязычной поэзии трехстопный амфибрахий обычно перемежается с анапестическими стихами. Самым показательным примером, пожалуй, может служить «Долорес» Суинберна (Swinburne, «Dolores», 1866), произведение ужасное во всех остальных отношениях.

В трехсложных стопах также образуются скады и наклоны, но здесь положение несколько иное, чем в стопах двусложных.

В трехсложниках стопы со скадами встречаются сравнительно редко; ниже я привожу несколько примеров такого рода модуляций со скадом на второй стопе в (1) трехстопном анапесте, (2) трехстопном амфибрахии и (3) трехстопном дактиле:

- (1) None too prosperous but not a pauper
Незажнточный, но и не нищный
- (2) Lived opulently but not wisely
Роскошествовал, но не мудро
- (3) Sorrowful but not submissive
Горестный, но не покорный

Впрочем, любому поэту известно, что пример (1) можно скандировать как пятистопный хорей (со скадом на «-gous» и с полускадами и на «none» и «not»); пример (2) — как четырехстопный ямб (с двумя смежными скадами II и III на «-lent» и «but»); а пример (3) — как четырехстопный хорей (также со скадами II и III на «-ful» и «not»).

Двусложные наклоны в трехсложниках не связаны (как в двусложных размерах) со скадами, поскольку, как уже упоминалось, они совпадают с двумя смежными понижениями. Двусложное слово практически нейтрализуется, образуя пиррихий. Встречаются эти наклоны довольно часто. Образцовым примером из русской поэзии может служить третья строфа песни Земфиры в пушкинских «Цыганах» (1824):

Старый муж, грозный муж

В качестве примера из английской поэзии возьмем слово «only» в написанном амфибрахией стихе 12 «Мечтаний бедной Сюзен» Вордсворта (Wordsworth, «The Revere of Poor Susan», соч. 1797, опубли. в 1800).

The one only dwelling on earth that she loves
Одно только в мире ей любо жильё

12. Различия в употреблении стихотворных размеров

Как в английской, так и в русской поэзии двусложные размеры определенно преобладают над трехсложными; однако в англоязычной поэзии это преобладание, пожалуй, сильнее, чем в русской. По причинам, связанным главным образом с краткостью английских слов, написанное трехсложным размером английское стихотворение кажется более бесформенным, более неуверенным, более зависящим от искусственного заполнения пробелов, и на деле более трудным для читательского восприятия, нежели стихотворение, написанное двусложным размером. В русском языке использование и восприятие трехсложника не сопряжено с такими трудностями, так как в нем часто встречаются длинные слова. Поэтому по-русски было написано больше выдающихся стихотворных произведений дактилем, анапестом и амфибрахией, чем по-английски.

Паузные формы (соединяющие размер и ритм) были уже с давних времен естественным образом усвоены английскими поэтами и весьма помогли уменьшить и монотонность, и чрезмерную орнаментальность английских трехсложных стоп. В русской поэзии пропуски понижений, образующие паузный стих, не находили широкого применения до Блока (бесспорно, величайшего из поэтов двух первых десятилетий нашего века), заимствовавшего этот прием скорее у немецкого, а не у английского ритма и написавшего в такой манере ряд прекрасных стихотворений. Однако еще в 1832 г. Тютчев (в стихотворении «Silentium», напечатанном впервые в том же году журналом «Молва») ввел музыкальный ритм смешанного, или нерегулярного, размера, которым он воспользовался также в своей вдохновленной Гейне «Последней любви», впервые напечатанной в 1854 г. (журналом «Современник»). Ритмические формы можно было бы вывести непосредственно из силлабических, если бы это пришло в голову какому-нибудь гениальному русскому поэту до того, как Ломоносов ввел в употребление силлабо-тоническую просодию. Несколько опытов в этом направлении проделал Державин, но строгое следование правильному метру школой Жуковского, Батюшкова и Пушкина не допустило признания ритмического размера.

Английские поэты так последовательно и с такой легкостью чередуют строки анапеста со строками амфибрахия, что исследователи поэзии, говорящие только на английском языке, могут вообще не признать амфибрахий самостоятельным размером, считая его выдумкой изобретательных стиховедов (наряду с молосской

стопой и тому подобным)*, принимая строки, написанные амфибрахием, даже в случае их преобладания в стихотворении, за обезглавленный анапест. В России, напротив, вплоть до освобождения стихотворных размеров, связываемого обычно с именем Блока, поэты, писавшие трехсложниками, обнаруживали очевидную склонность соблюдать на протяжении всего стихотворения независимо от его длины (за исключением имитаций так называемых классических гекзаметров, где позволялось опускать понижения) или строго амфибрахий, или строго анапест, или строго дактиль.

Самое разительное отличие английских стихотворений, написанных двусложными размерами, состоит в использовании приема обезглавливания английского ямба (что анапест, будучи по природе двуглавым, может пережить). Введение четырехстопных хореических стихов по отдельности или по несколько подряд в качестве начала четырехстопного ямба, в котором они затем и утверждаются, — обычное дело для английских поэтов, это и помогло им создать образчики столь прелестных стихотворений, что в их свете стиховеды низводят хорей до положения обезглавленного ямба. Прерывание последовательности ямбических строк одной или несколькими хореическими строками совершенно чуждо русской просодии во все времена ее существования, но ничто не препятствует ввести в нее такие вариации. Впрочем, коренная причина их отсутствия исходит из наиболее общего различия английского и русского языков, проявляющегося как в речи, так и в стихотворных произведениях. Это различие заключается в том, что единственное ударение слова любой длины в русском языке строже, сильнее и отчетливее, чем в английском, и неожиданный переход от ямбической строки к хореической всегда сопряжен здесь с более сильным потрясением (в то же время, более свободные и менее выразительные модуляции русских трехсложников позволяют гораздо легче перейти от одного трехсложного размера к другому). В английском же длинном слове второстепенное ударение нередко принимает на себя часть груза, приходящегося на основной ударный слог; а существование в английском стихе сдвоенного наклона и рифмы со скадом (в то время как в русской поэзии и то и другое встречается лишь в рудиментарных формах) иллюстрирует гибкость размера, восхитительно проявляющуюся, когда в четырехстопных стихах хореическая строка пробегает легкой рябью по двустешию, начавшемуся нарочито гладким течением ямба.

13. Рифма

Если не считать нескольких отдельных шедевров (таких, как прекрасные, но, безусловно, восходящие к чужим образцам драмы Пушкина), мы сможем утверждать, что за последние двести лет существования в России силлабо-тонической системы белым стихом не было создано ничего, что по размаху, великолепию и всеобъемлющему влиянию было бы подобно нерифмованному пятистопному ямбу в Англии со времен Чосера. С другой стороны, на протяжении пятисот лет рифмованным четырехстопным ямбом не было написано ни одного английского романа в стихах, сравнимого по художественным достоинствам с

* При упрямом нежелании отказаться от спондея и пиррихия, отнюдь не являющихся стопами, так как ими нельзя написать ни стихотворения, ни даже двустешия, которые отвечали бы правилам тонической просодии. (Примеч. В. Н.)

«Евгением Онегиным» Пушкина. В дальнейшем, дабы облегчить сопоставление, анализ русских и английских рифм будет ограничен XIX в.

Рифма не принадлежит размеру, не является она и частью последней стопы, будучи, пожалуй, ее подковой или шпорой. Рифма может точно соответствовать последнему слогу, если совпадает с последним иктом в мужских стихах (отсюда название «мужские рифмы», то есть рифмы, на которые приходится ударение единственного или последнего слога слова), либо (в русском и французском языках) она может быть декоративным и очень красивым дополнением женских и «длинных» стихов (отсюда название «женские рифмы», с ударением на предпоследнем слоге, и «длинные рифмы» с ударением на третьем от конца слоге). Термины «одионочная» («single»), «двойная» («double») и «тройная» («triple»), употребляемые некоторыми английскими теоретиками для обозначения мужских, женских и длинных рифм, нечеткие, так как рифма — это не участвующее в ее образовании слово, а эффект, производимый двумя, тремя или несколькими «похожими окончаниями» (как гласит знаменитое определение рифмы); поэтому точным значением названия «одионочная рифма» было бы единство подобных окончаний во всем стихотворном произведении (например, «похожие окончания» по всему стихотворению). То, что я обозначаю термином «длинная рифма», русские теоретики называют рифмой «дактилической», такое определение вводит в заблуждение, не только потому, что рифма не относится к размеру и ее не следует описывать терминами метрики, но и потому, что длинная рифма, или длинная концовка, стихов двусложного размера звучит совсем не так, как дактилическая мелодия длинной рифмы, или длинной концовки, в стихе трехсложного размера. В ямбе и хорее слух улавливает выпадающее из размера эхо двусложного метра, а голос (хотя и не сообщает последнему слогу того же качества, что и мужской рифме со скадом) скандирует последний не несущий словесного ударения слог более резко, чем если бы мы скандировали тот же самый слог в трехсложном размере.

Дальнейшее перемещение словесного ударения к началу возникает при использовании акробатической (stunt) рифмы, еще не встреченной мною в крупных стихотворных произведениях ни на английском, ни на русском языках. Следует отметить, что женская рифма и более длинные виды рифмы могут захватывать два и более слов.

Рифмы могут быть смежными (в двустипиях, трехстипиях и т. д.), или перекрестными (bcbc, bcbcbc, abab, baba, AbAb и т. д.)*, или опоясывающими (одна рифма опоясывает, или «охватывает» двустипиие или трехстипиие, например, abba, bcccb и т. д.).

Чем более удалено по смыслу или по грамматической категории одно слово от другого, с ним рифмующегося, тем богаче кажется такая рифма.

Рифмоваться могут концовки с разным написанием, например, «laugh — calf», «tant — temps», «лёд — кот». В этом случае рифмы называются слуховыми.

Зрительные рифмы, не используемые более во французском языке («aimer — mer»), по традиции допустимы в английском («grove — love**)**, а в русском

* В этом и в других примерах гласные обозначают женские рифмы, согласные — мужские рифмы, а заглавные гласные буквы — длинные рифмы. (Примеч В Н)

** В английском языке такие неточные рифмы, как «love — off» или «grove — epough», могут довольно любопытным образом одновременно и услаждать слух и зрение, и досаждают им. (Примеч В Н)

они едва ли возможны, за исключением, например, «рог — Бог» (поскольку буква «г» в слове «Бог» произносится как «х») и «вóроны—стóроны», где второе «о» во втором слове произносится столь неотчетливо, что это слово почти производит впечатление двусложного (это довольно редкий случай в русском языке, где, как правило, ухо слышит то, что видит глаз)*. Пожалуй, ближе всего к английской гинандрической рифме, вроде «flower — our», оказалась бы русская рифма наподобие «сторож — морж», но я не припомню, чтобы такую рифму кто-нибудь дерзнул использовать.

Строго говоря, не существует никаких законов или правил рифмовки, за исключением очень общего правила, согласно которому, наиболее удачная рифма должна быть (как говорят французы) «удивительной и приятной», а обычная рифма должна, по крайней мере, создавать ощущение устойчивого благозвучия (это, впрочем, справедливо применительно к банальным рифмам и во всех остальных языках), при том что из поколения в поколение переходят определенные принимаемые всеми условности. Однако даже эти ощущения может изменить, а традиции нарушить любой поэт, чей гений оказывается достаточно мощным и самобытным, чтобы быть достойным подражания.

Самое общее различие между английской и русской рифмой заключается в том, что в русских стихах гораздо больше женских рифм, и что по своему разнообразию и богатству русская рифма близка к французской. В результате русские и французские поэты могут позволить себе роскошь требовать от рифмы большего, чем английские. Скромные, неброские рифмы английского языка отличаются особой негромкой, но утонченной красотой, не имеющей ничего общего с поразительно блестящими рифмами романтических и неоромантических стихов французских и русских поэтов.

Во французском языке наличие по крайней мере двух разных согласных перед конечным «немым» *e* вынуждает эту букву слегка зазвучать («*maître*», «*lettre*», «*pombre*», «*chambre*» и т. д.), что позволяет французскому поэту имитировать и размер, и женскую рифму англоязычных и русских стихов. Представим себе следующую строку по-французски:

Le maître siffle, son chien tremble

Ее можно скандировать (произнося слова медленнее, чем это сделал бы француз) так, что почти не будет отличия от, скажем, английской строки:

The master whistles, his dog trembles

или от ее русского соответствия (в котором, кстати, отсутствует обратный разделенный наклон, а также слабые односложные слова):

Хозяин свистит, пес трепещет

Точно так же, взяв слова «*Phèdre*» (*фр*), «*feather*» (*англ*), «Федра» (*рус.*), мы можем сказать, что хотя бы приблизительно они рифмуются и что «*Phèdre — cède*» — это в той же мере женская рифма, что и «*feather — weather*» или «*waiter — ветер*». Более же пристальное рассмотрение этих слов покажет, что

* Тем не менее следует отметить, что применение элизии для того, чтобы уложить в слове «стороны» хорейскую стопу двусложного размера, было бы сочтено еще более безвкусным, нежели рифмование его со словом «вороны». (Примеч В Н)

«Phèdre» несколько короче, а «feather» (или «waiver») еще чуть-чуть короче, чем «Федра» (или «ветер»).

Это различие сразу же станет очевидным, стоит нам рассмотреть другую группу слов: «mettre» (фр.), «better» (англ.), «метр» (рус.). «Метр — ветер» (архаическая форма слова «ветер») это мужская рифма, но по конечному звуку она почти идентична французским словам «mettre» или «mètre». С другой стороны, если англичанину удастся правильно произнести «метр», то возникнет гинандрическая связь со словом «better», но лишь в тех рамках, в каких она существует между «fire» и «higher».

Другой вид «немого» *e*, воспринимаемый лишь зрительно, это, так сказать, «глухонемое» *e*. Взяв слова «palette» (фр.), «let» (англ.), «лет» (рус.), мы увидим, что там, где во французском языке образуется женская рифма («palette — omelette»), английское и русское ухо уловят гармонию с мужскими окончаниями на «-ет». Следовательно, если сочинить строку вроде:

Telle montagne, telle aurore,

то исследователь размера будет поражен, обнаружив, что, с точки зрения силлабической, она идентична ямбически звучащей строке:

Le maître siffle, son chien tremble

Теперь мы непосредственно подошли к сравнению английской и русской рифмы.

Существуют стихотворения на русском языке, написанные одними мужскими рифмами или одними женскими, но если в английских стихах женская рифма может неожиданно появиться в длинной череде мужских рифм, то в серьезных русских стихах такого не бывает. Ни в английской, ни в русской поэзии нет необходимости строго выдерживать формулу рифм на протяжении всего стихотворения, но в русском стихотворении со свободной схемой рифмовки, где употреблены оба вида рифм, концовки, принадлежащие к разным группам рифм, не должны находиться в смежных строках (например, *ababaeceded* и т. д.), если только намеренно и многократно не повторяется какая-либо единообразная формула.

Русская мужская рифма допускает, чтобы тождество ограничивалось лишь последней гласной, если перед нею стоит другая гласная или мягкий знак («моя́», «тая́», «чья́»); в других же случаях требуется совпадение по крайней мере двух букв («мой» и «Толстой»; «сон» и «балкон»). Во всех случаях, когда конечной гласной предшествует согласная, русская рифма подчиняется правилу «опорной согласной» («*consonne d'appui*»). Слово «да» рифмуется с «вода» и не рифмуется с «Москва»; слово «три» рифмуется с «дари» и «утри» и не рифмуется с «проси», в отличие от английских «tree» и «see». В этом отношении, однако, традиционно разрешена (по очевидным причинам, вытекающим из лирического содержания) некоторая свобода падежных окончаний слова «любовь»: форма «любви» может рифмоваться со словами, у которых предпоследний звук гласный, например, «твои». Пушкин идет даже дальше; в гл. 3, XIV он рифмует «любви — дни», что непозволительно и может считаться единственной по-настоящему плохой рифмой во всем *ЕО*. В английском же языке все, разумеется, наоборот, и, хотя опора на согласную иногда бывает неизбежна — по причине общей бедности рифм, — такие совпадения звуков, как «sea — foresee» или «Peter — repeater» у большинства поэтов прошлого вызывали отвращение.

Любопытная особенность русских женских рифм заключается в свободе, предоставляемой некоторым распространенным безударным окончаниям. Возьмем следующие слова: «за́лы», «ма́лый», «а́лой», «жа́ло», «Ура́ла». Окончания этих слов после «л» несколько отличаются звучанием; однако русский поэт и пушкинского, и более позднего времени, не колеблясь, рифмовал «залы — малый», «малый — алой» и «жало — Урала». Первая из этих трех рифм даже не лишена определенной элегантности; вторая — совершенно правильная (ведь в старомодном или декламационном произношении окончание прилагательных «-ый» произносится как безударное «-ой»), а рифма «жало — Урала» может шокировать пуриста, но употребляется, тем не менее, часто (Пушкин рифмует и «рана», и «рано» с «Татьяна»). С другой стороны, «залы» не рифмуется ни с «алой», ни с «жало», ни с «Урала»; последнее же из этих слов не рифмуется ни с одним из первых трех в списке. Ничего подобного не существует во французском языке, а в английском мы сможем найти лишь весьма отдаленные аналогии (ср.: «alley» и «gally» или такие просторечные ассонансы, как «waiter — potato»).

Как уже упоминалось, женская рифма в русских стихах воспринимается на слух чуть более полной и гораздо более плавной, нежели женская рифма в стихах английских. Она (как и мужская рифма) больше любит маскироваться, нежели ее английское соответствие. Чем ближе к началу рифмующихся слов совпадают буквы, тем более яркой и удивительной кажется такая рифма, если только пропорционально сближению написания возрастает разница в смысле. Так, идентичная рифма «супруга» (то есть «жена») и «супруга» (род. пад. от «супруг»), вполне соответствуя замечательной комической тональности поэмы Пушкина «Граф Нулин» (1825), в которой она употреблена, была бы слабой в серьезном поэтическом произведении.

В женских рифмах или в мужских окончаниях, состоящих из двух букв, «опорная согласная» желательна, но не обязательна. Ниже следуют примеры рифм, которые становятся богатыми благодаря ее присутствию, а также по некоторым другим причинам:

скло́н — Аполло́н
 простóй — золото́й
 простóй — Толсто́й
 проста́я — золото́я
 проста́я — ста́я
 встреча́ет — отвеча́ет.

Богатство рифмы может достигаться и такими тонкими сдвигами ключевых согласных, как в паре «балко́н — склон», где орнаментальная опора создается аллитерацией.

Существование концовки со скадом в двусложных размерах возможно в том случае, когда строка завершается словом, имеющим не менее трех слогов, с второстепенным ударением или на последнем или на третьем от конца слоге; но поскольку по самой своей природе русское слово может иметь только одно ударение, рифма со скадом (скад IV в четырехстопном ямбе) не употребляется в русской поэзии. Несколько раз она встречается в неуклюжих виршах XVIII в., будучи там просодической погрешностью, однако в наше время ряд экспериментов с нею предприняли истинные поэты. Я помню, как однажды в Ялте, во время гражданской войны, холодной и мрачной зимой 1918 г., когда волны бушующего моря рвались через парапет и разбивались о плиты набережной, замечательный и прекрасно образованный поэт Максимилиан Волошин (1877—

1932) читал мне в кафе великолепное патриотическое стихотворение, в котором местоимение «моя» или «твоя» рифмовалось с концовкой строки «и непреодолимая», образовавшей комбинацию скадов I+II+IV.

В английском языке положение совсем иное. Закончив строку словом «solitude»*, мы убедимся, что второстепенное ударение на его последнем слоге (особенно заметное в американском произношении), позволяет нам использовать это слово для создания абсолютно банальной рифмы (вроде «solitude — rude»). Однако не все длинные слова дают поэту такую возможность, а если и дают, то под принуждением (например, «horrible» лишь с трудом можно заставить рифмоваться с «dull» или «dell»). В других случаях начинает действовать традиция, и в соответствии со старинной поэтической вольностью или просодической условностью, многосложные слова, заканчивающиеся на «у» («-ту», «-гу», «-пу» и т. д.), доставляют английскому стихотворцу сомнительное удовольствие, рифмуясь с «see», «me», «tree» и т. д.

В русских стихах мне удалось найти нечто, отдаленно напоминающее полускад IV, только в одном случае, который, однако, требует определенных предварительных рассуждений.

В русском языке представления о неопределенности времени, места, человека, вещи или образа действия, передающиеся в языке английском с помощью компонента «some» («sometime», «somewhere», «someone», «something», «somehow» и т. д.), выражаются путем использования частицы «-нибудь», которую присоединяют через дефис к словам «когда», «где», «кто», «что», «как» и т. д. Таким образом, «когда-нибудь» обозначает «sometime», «где-нибудь» — «somewhere», «кто-нибудь» — «someone» или «somebody», «что-нибудь» — «something», «как-нибудь» — «somehow» и т. д. Тут надо отметить, что в обычной речи или в любой части метрической строки двусложного размера, кроме ее концовки, перечисленные сложные слова имеют ударение на слоге, предшествующем лишней ударения частице «-нибудь». Строка:

Кто-нибудь, кто-нибудь, кто-нибудь
Somebody, somebody, somebody —

представляет собою правильный трехстопный дактиль с длинной концовкой. Более того, некоторые родовые или падежные формы, принимающие флексии (например, «какая-нибудь»), находясь в строке двусложного размера, автоматически получают единственное словесное ударение на первой части этого сложного слова и вовсе не имеют никакого словесного ударения на конце своего второго компонента, потому что в противном случае они не вписались бы в размер.

Пушкин и другие поэты его времени рифмуют «кто-нибудь», «где-нибудь» и прочее с «грудь», «путь», «блеснуть» и т. д. Рассказывая о поверхностном и бессистемном образовании Онегина, наш поэт начинает свою знаменитую строфу (гл. 1, V) так:

Мы все учились поиемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть

«Чему-нибудь» — дательный падеж от «что-нибудь», и второй стих, в котором содержится это сочетание,

* «Одиночество» (англ.)

Чему-нибудь и как-нибудь

u—u—u—u—

модулирован очень похоже на английский:

With Cherubim and Seraphim*

(Кристина Россетти, «Порог монастыря», стих 24 / Christina Rossetti, «The Convent Threshold»). Русский читатель, тем не менее, совсем не ожидает скада на последнем икте и, декламируя пушкинскую строку, произнесет слог «будь» с более сильным ударением, нежели в обычной речи.

В первой трети XIX в. у хороших русских поэтов проявлялась склонность избегать легкой рифмы, образуемой глагольными окончаниями (неопределенной формы — «-ать», «-еть», «-ить», «-уть»; прошедшего времени — «-ал», «-ала», «-ало», «-али», «-ил», «-ила» и т. д.; настоящего времени — «-ит», «-ят», «-ает», «-ают» и многими другими очень часто повторяемыми окончаниями), либо употреблять ее как можно реже, либо обогащать ее с помощью «опорной согласной».

Хотя в *ЕО* бедные глагольные рифмы, как и бедные рифмы существительных (на «-анье» и «-енье», приблизительно соответствующие английским окончаниям «-ation» и «-ition», и падежные окончания, такие, как «-ой») встречаются, пожалуй, чаще, чем следовало бы ожидать от нашего поэта, столь изумительно владевшего мастерством стиха, вышеупомянутая склонность заметна в романе даже в тех местах, где преднамеренно перечисляются действия или эмоции, а потому трудно избавиться от монотонности в рифмах.

В пригоршне рифм, наугад зачерпнутых из *ЕО*, мы можем выделить столь богатые, как:

пирóв — здорóв
зевáл — зал
да-с — глас
крóвью — Праскóвью
неснóсный — сóсны
истóрия — Красногóрья
довóлен — колокóлен
ра́да — маскарáда

и лучшую рифму во всем произведении.

си́ний — Росси́ни.

В изобилии попадают также и невыразительные или бедные рифмы, например:

Ричардсо́на — Грандисо́на
бли́же — ни́же;

легкие для рифмовки падежные окончания:

умóм — лицóм;

легкие и неточные рифмы:

провóрно — покóрна
прие́зд — присе́ст;

и банальные рифмы вроде:

любо́вь — кровь
о́чи — но́чи.

* С херувимом и серафимом (англ.).

В английском языке прихотливые или составные рифмы, подобные шутовским колокольчикам веселых стихоплетов, несовместимы с серьезной поэзией (несмотря на талантливые попытки Браунинга возвысить их). Русский поэт Пушкин может вполне естественно и изящно рифмовать «где вы — девы», но английскому поэту Байрону не сошло бы с рук, попытайся он рифмовать «gay dens — maidens».

Начало гл. 4, XLIV содержит одну из самых изощренных рифм во всем *ЕО*, неожиданное и одновременно приятное для слуха созвучие иностранного имени с типично русским словосочетанием, несущим ударение на предлоге:

Прямым Онегни Чильд Гарольдом
Вдался в задумчивую лень
Со сна садится в ванну со льдом,
И после, дома целый день

Байрон не смог бы написать в этом случае ничего, кроме бурлескных строк вроде:

And similar to the boyar Onegin,

With a cold bath my Harold would the day 'gin

(И подобно боярину Онегнну,

.....
Холодной ванной мой Гарольд начал свой день)

А может быть, он рифмовал бы «licent» с «ice in't» (более подробно об этой любопытной рифме см. мой коммент. к гл. 4, XLIV, 1). Вслед за критикой слабых рифм укажем в этой же гл. 4, XLIII еще одну удивительную рифму: «В. Скотт — расход», это слуховая рифма, поскольку второе слово произносится «рас-хот», комически перекликаясь с именем английского писателя.

Остается сказать несколько слов о длинной рифме. Поскольку тысячи русских слов имеют ударение на третьем от конца слоге или принимают это ударение в своих флективных формах, длинная рифма, особенно слабая (например, «нежные — мятежные» или «пылающий — мечтающий»), употребляется в русском языке гораздо чаще, нежели в английском. В русском языке она не ассоциируется ни с экстравагантностью, ни с заурядностью. В первой трети прошлого века она не была богатой и не получила большого распространения, но затем ее прихотливость и очарование стали медленно, но верно расти у поэтов, склонных к экспериментированию. Самое, наверное, знаменитое стихотворение с длинными рифмами (в перекрестном чередовании с мужскими) — это блоковская «Незнакомка», написанная четырехстопными ямбическими стихами, в которых хоровод рифм, вовлекающий в себя дополнительные слоги, напоминает отблески света фонарей в канавах вокруг дач, где происходит действие. Однако в крупном произведении длинная рифма создает невыносимо монотонный ритм. Кроме того, ее самые замечательные образцы («скромно ты — комнаты» Фета или «столиков — кроликов» Блока) до такой степени тесно ассоциируются именно с теми стихотворениями, где они впервые были употреблены, что их появление в других стихах неизбежно создает впечатление беспомощного или осознанного подражания первоисточнику. Поиск эффектных рифм привел в конечном итоге русских поэтов к употреблению неточных или ассонансных рифм, но их исследование лежит за пределами данной работы.

Читатель ни в коем случае не должен путать мужские рифмы со скадом и *длинные рифмы*. В приводимом ниже примере все шесть строк написаны четырехстопным ямбом, в первой и третьей строках рифма длинная, во второй и четвертой — мужская, в пятой и шестой — женская со стяжением.

The man who wants to write a triolet,
When choosing rhymes should not forget
That some prefer a triple violet
And some a single violet,
Nor should he spurn the feminine vi'let
Blooming, contracted, on its islet

(Тот, кто хочет написать трюлет,
Выбирая рифмы, не должен забывать,
Что одни предпочитают тройную фналку,
А другие — одиночную фналку,
Не следует гнушаться и женской фналкой,
Цветущей, сжавшись, на своем островке)

То обстоятельство, что рифма, независимо от ее длины, не принадлежит стихотворному размеру строки, влечет за собой определенные любопытные последствия. Если, например, мы напишем четырехстопным ямбом двестише, имеющее не просто длинную, а чудовищно длинную рифму, похожую на анаконду, мы увидим, что, несмотря на наличие после икта еще шести дополнительных слогов, превращающих всю строку в четырнадцатисложную, она по-прежнему остается четырехстопной (или, как называли бы ее некоторые, «восьмисложником»):

Есть рифмы прочные, напрашивающенся,
И многоножки есть, подкашивающенся

По своей метрической величине это двестише тождественно следующему:

Есть рифмы точные, и есть
Другие Всех не перечесть

Примечания

¹ В английской стиховедческой терминологии слово «metric» употребляется применительно и к античному стихосложению (по русской терминологии — метрическому), и к современному английскому, немецкому и т. п. стихосложению, в русском стиховедении называемому «тоническим». Применительно к русскому стиху эквивалентом английского «metric» является «силлабо-тонический».

² В стиховедении это явление называется синкопой.

³ В этом стихотворении В. Набокова даны три разных произношения английского слова «violet». В третьей строке речь идет о «тройной» или, по терминологии В. Набокова, «длинной» рифме (violet) с ударением на третьем с конца слоге; в четвертой строке иллюстрируется «одиночная», или мужская, рифма с ударением на последнем слоге (violét); в пятой строке представлена женская рифма, то есть слово «violet» сжато до двух слогов, и ударение приходится на второй с конца слог (vi'olet).

Приложение III

ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА

Работу над переводом *ЕО* на английский язык я начал в 1950 г., и теперь пора с ним расстаться. Сперва еще казалось, что при помощи каких-то магических манипуляций мне в конце концов удастся передать не только все содержание каждой строфы, но и все созвездие, всю Большую Медведицу ее рифм. Но даже если бы стихотворцу-алхимику удалось сохранить и череду рифм, и точный смысл текста (что математически невозможно на нищем рифмами английском языке), чудо было бы ни к чему, так как английское понятие о рифме не соответствует русскому.

Если *ЕО* переводить — а не пересказывать дурными английскими стишками, — необходим перевод предельно точный, подстрочный, дословный, и этой точности я рад был все принести в жертву — «гладкость» (она от дьявола), изящество, идиоматическую ясность, число стоп в строке, рифму и даже в крайних случаях синтаксис. Одно, что сохранил я, — это ямб, ибо вскоре выяснились два обстоятельства: во-первых, что это небольшое ритмическое стеснение оказывается вовсе не помехой, а, напротив, служит незаменимым винтом для закрепления дословного смысла, а во-вторых, что каким-то образом неодинаковость длины строк превращается в элемент мелодии и как бы заменяет то звуковое разнообразие, которого все равно не дало бы столь убийственное для английского слуха правильное распределение мужских и женских рифм. Из комментариев, объясняющих содержание и форму *ЕО*, образовался том в тысячу с лишком страниц, и из него я привожу здесь несколько заметок в сокращенном виде.

1. Слов модных полный лексикон.

Одна из задач переводчика — это выбор поэтического словаря. Ни словарь времен Мильтона, ни словарь времен Браунинга Пушкину не подходят. Суживая пределы, убеждаешься в том, что *ЕО*, в идеальном английском воплощении, ближе к общему духу XVIII в. (к духу Поупа, например, и его эпигона Байрона), чем, скажем, к лексикону Колриджа или Китса. Объясняется это, конечно, влиянием на английских поэтов XVIII в. французских принципов поэтики, среди коих главные: «хороший вкус», «здравый смысл», принятые эпитеты, примат родового термина, пренебрежение частным и т. д. Только вдавшись в эти изыскания, понимаешь, до чего лексикон Пушкина и поэтов его времени связан с той французской поэзией, которую Пушкин так поносил — и с которой он

так сроднился. Словесная ткань *ЕО* по сравнению со словарем английских романтиков бедна и скромна.

Настоящая жизнь пушкинских слов видна не в индивидууме, а в словесной группе, и значение слова меняется от отражения на нем слова смежного. Но переводчику приходится заниматься отдельными словами и бесконечным повторением этих слов, и для того чтобы передать на английском языке столь частые в русском подлиннике «томность», «нега», «нежность», «умиление», «жар», «бред», «пламень», «залог», «досуг», «желание», «пустыня», «мятежный», «бурный», «ветренный» и т. д., надобно перед собой держать как образец соответствующую французскую серию: «langueur», «mollesse», «tendresse», «attendrissement», «ardeur», «délire», «flamme», «gage», «loisir», «désir», «désert», «tumultueux», «orageux», «volage».

Особую трудность в этом отношении представляют фразы и формулы, составные части которых уже к началу XIX в. потухли, давно потеряли способность взаимного оживления и существовали лишь в виде высохших клубков. К этому ряду принадлежат «прекрасная душа» («belle âme»), «душа неопытная» («âme novice»), «счастливый талант» («heureux talent»), «лестная надежда» («espérance flatteuse»), «мелкое чувство» («sentiment mesquin»), «ложный стыд» («fausse honte»), «живо тронут» («vivement touché»), «лоно тишины» («sein de la tranquillité»), «модная жена» («femme à la mode»), «внуки Аполлона» («neveux d'Apollon»), «кровь кипит» («le sang bouillonne»), «без искусства» («sans art») и сотни других галлицизмов, которые английский переводчик должен как-то учесть.

2. *Gent. Reader.*

«Читатель благородный» до ужаса нелюбопытен. Пыльные тома написаны о каких-то «лишних людях», но кто из интеллигентных русских потрудился понять, что такое упоминаемая Печориным «юная Франция» или почему, собственно, так «смутился» издавший виды Чекалинский? Я знаю поклонников Толстого, которые думают, что Анна бросилась под паровоз, и поклонников Пушкина, которые думают (вместе с Достоевским — судя по вздору в его пресловутой речи), что муж Татьяны был «почтенный старец». Я сам когда-то думал, что «лучше, кажется, была» происходит от «хорошая» (на самом деле, конечно, от «хороша») и что Пушкин мог совершенно изъясняться и по-английски, и по-немецки, и по-итальянски, меж тем как на самом деле он из иностранных языков владел только французским, да и то в устарелом, привозном виде (до странности бледны и неправильны его переводы одиннадцати русских песен, из собрания Новикова, сделанные для «Loewe de Weimars», летом 1836 г.).

3. *Посредники-французы.*

Пушкинисты наши недостаточно подчеркивают, что в 1820-х гг. русские образованные люди читали англичан, немцев и итальянцев, а также древних не в оригинале, а почти исключительно в гладкой прозе несметных и чудовищно неумомимых французских пересказчиков. В мещанской среде читались лубочные русские пересказы этих французских пересказов, а с другой стороны, иная второстепенная готическая баллада превращалась русским поэтом в прекрасное независимое творение; но дворянин-литератор, скучающий щеголь, захоластный вольтерьянец-помещик, вольнолюбивый гусар (хоть и учившийся в Геттингене), романтическая барышня (хоть и имевшая «английскую мадам») — словом, все «благородные читатели» того времени получали Шекспира и Стерна, Ричардсона и Скотта, Мура и Байрона, Гёте и Августа Лафонтена, Ариосто и Тассо во

французских переложениях, с бесконечным журчаньем притекавших через Варшаву и Ригу в дальние места Руси.

Таким образом, когда говорят «Шекспир», надо понимать Letourneur, «Байрон» и «Мур» — это Pichot, «Скотт» — Dufauconpret, «Стерн» — Frenais, «Гомер» — Vitaubé, «Феокрит» — Chabanon, «Тассо» — Prince Lebrun, «Апулей» — Comrain de Saint-Martin, «Манзони» — Faugiel и т. д. В основном тексте и в вариантах *ЕО* даны каталоги целых библиотек, кабинетных, дорожных, усадебных, но мы должны беспрестанно помнить, что Пушкин и его Татьяна читали не Ричардсона, а Аббата Прéво «Histoire de Miss Clarisse Harlove (sic!)» и «Histoire du chevalier Grandisson (sic!)» и что Пушкин и его Онегин читали не Мэтьюрина, а «Melmoth ou l'Homme errant, par Mathurin (sic!), traduit librement de l'anglais par Jean Cohen», 6 vols., Paris, 1821 (и эту-то чепуху Пушкин называл «гениальной!»).

4. *Pétri de vanité*

Любопытно сопоставить пушкинский эпиграф со строчкой в третьей песне «Женевской гражданской войны» Вольтера (1767), «sombre énergième [сумрачный сумасброд]... pétri d'orgueil». Речь идет о Жане Жаке Руссо, о котором Эдмунд Бёрк говорит во французском переводе (1881) «Письма к члену Национальной ассамблеи», что его «extravagante vanité» заставляла его искать новой славы в оглашении своих недостатков. Следующее «pétri» в русской литературе находим через пятьдесят лет после *ЕО* в страшном сне Анны Карениной.

5. *Байрон*.

Еще в 1817—1818 гг. Вяземский, Ламартин и Альфред де Виньи знакомились с le grand Вугон (которого Broglie, между прочим, называл «фанфароном порока») по отрывкам из его поэм в анонимных французских переложениях Женевской Универсальной библиотеки. Уже в мае 1820 г., едучи в коляске с другом из Екатеринослава на Кавказские Воды (где спустя лет двадцать Печорин читал по-французски Скотта), Пушкин мог наслаждаться первыми четырьмя томами первого издания «шестопалого» французского перевода Байрона. Переводчики, Amédée Pichot и Euzèbe de Salle, не подписали первого издания, а во втором сочетались неправильной анаграммой «A. E. de Chastopalli». Во время подготовки третьего издания они поссорились, и начиная с восьмого тома Пишо остался в творческом одиночестве — и своей прозой завоевал Россию.

Первые четыре издания (все у Ladvocat, Paris) этого огромного и бездарного труда следующие:

1. 1819—1821 гг. 10 томов. «Корсар» находится в т. 1, 1819; «Вампир» в т. 2, 1819; первые две песни «Чайльд Гарольда» в т. 4, 1819; третья песня в т. 5, 1820; вместе с «Гяуром»; четвертая, последняя, в т. 7, 1820; первые две песни «Дон Жуана» находятся в т. 6, 1820, а «Беппо» в т. 8 того же года.

2. 1820—1822 гг. 5 томов. «Гяур» и первые две песни «Дон Жуана» в т. 2, 1820; «Чайльд Гарольд» в т. 3, 1820, с «Вампиром» (произведением, ложно приписанным Байрону и в дальнейших изданиях не представленным).

3. 1821—1822 гг. 10 томов.

4. 1822—1825 гг. 8 томов, целиком переведенные Пишо, с предисловием Нодье. Первые 5 томов вышли в 1882 г., с «Чайльд Гарольдом» в т. 2; первые пять песен «Дон Жуана» находятся в т. 6, 1823; а последние одиннадцать песен в т. 7, 1824.

Еще до переезда из Одессы в Михайловское, то есть до августа 1824 г., Пушкин знал первые пять песен «Дон Жуана» по шестому тому 4-го издания Пишо. Остальные песни он прочел в декабре 1825 г. в Михайловском, получив из Риги седьмой том Пишо через Анну Керн.

6. *Беппо*

В предисловии к отдельному изданию первой главы *ЕО* Пушкин подчеркивает ее родство с байроновским «Беппо». Оригинала он не знал, а в его оценке этого «шуточного» произведения можно усмотреть влияние примечания Пишо к французскому переводу: «„Беппо“ — сплошное надувательство: поэт как бы подшучивает над всеми правилами своего искусства... однако, среди постоянных отступлений, фабула не перестает развиваться».

7. *абабееввиггидд*

Чередование рифм, выбранное Пушкиным из *ЕО*, встречается как случайный узор уже в «Ермаке» (стихи 65—78 и 93—106) Дмитриева, которого Карамзин по дружбе называл «русским Лафонтеном», написанном в 1794 г., а также в «Руслане и Людмиле» (в песне третьей, «за отдаленными горами» до «оставим бесполезный спор, сказал мне важно Черномор»). С этим чередованием Дмитриев и Пушкин были знакомы по французским образцам: оно повторяется, по крайней мере, три раза в «Contes» Лафонтена, в разных местах третьей части (1671), например в сказочке «Nicaïse», стихи 48—61, где рифмы перемежаются так: *dame, précieux, âme, yeux, galantes, engageantes, gars, regards, sourire, main, enfin, dire, soupirs, désirs*.

Первая половина онегинской строфы, до талии, совпадает с семью первыми строками французской одической строфы в десять строк (*абабеевиив*), которой пользовались Малерб и Буало и которой подражали русские стихотворцы XVIII столетия. Онегинская строфа начинается как ода, а кончается как сонет.

8. *Повеса, Зевеса*

Эта богатая рифма (гл. I, II) могла бы искупить банальность французской формулы «*par le suprême vouloir*» («всевышней волею»), не будь она попросту занята у Василия Майкова («Елисей», 1771, песня 1, стихи 525—526).

9. *Ученый мальй, но педант*

Невежественный и бездарный Бродский (1950) пытается объяснить слово «педант» в применении к Онегину (гл. I, V) как синоним «революционера», что зря вводит в заблуждение учителей средней школы.

Мальбранш в начале XVIII в. описывал педанта так: «светскость... два стиха из Горация... анекдоты... Педанты это те, кто щеголяет ложным знанием, цитирует наобум всяких авторов (и) говорит только для того, чтобы им восхищались дураки». Ему вторит Аддисон («Зритель» / «Spectator», 1711, № 105): «Кто более педант, чем любой столичный щеголь? Отними у него театр, список модных красавиц, отчет о новейших недугах, им перенесенных, и он нем». Впрочем, смысл стиха проще: важным невеждам модная «ученость» казалась чересчур точным знанием.

10. *Напев Торкватовых октав*

Эта строка и следующие за ней стихи — обаятельны, они для меня насквозь осветили и окрасили полжизни, я до сих пор слышу их весной во сне сквозь все вечерние схолии — но как согласовать с далью и музыкой сухой факт, что эти гондольеры, поющие эти октавы, сводятся к одному из самых общих мест

романтизма? Тут и Пишо-Байрон, «Чайльд Гарольд» (4-е изд., т. 3), 1820, и мадам де Сталь («О Германии», изд. 1821, с. 275), и Делавинь («Les Messéniennes», 1823), и великое множество других упоминаний о поющих или переставших петь гондольерах.

11. Пишотизм.

Вот прелестный пример того, как тень переводчика может стать между двумя поэтами и заставить обманутого гения перекликнуться не с братом по лире, а с предателем в маске. Байрон («Чайльд Гарольд», 2, XXIV) говорит: «Волною отраженный шар Дианы». Пишо превращает это в «диск Дианы, который отражается в зеркале океана». У Пушкина (гл. 1, XLVII) есть «вод... стекло» и «лик Дианы». Этим «стеклом» мы обязаны французскому клише посредника.

12. Условная краса

Ретиф де ла Бретонн, довольно посредственный, но занимательный автор (1734—1806), пишет в своем «Le Joli-ried» о некоем сластолюбце. «легкий стан нравился ему, но из всех прелестей... его больше всего влекла... хорошенькая ножка... которая и в самом деле предвещает тонкость и совершенство всех прочих чар».

13. Желаний своевольный рой

Еще один обыкновенный галлицизм. Лагарп в своем «Литературном курсе» (1825, т. 10, с. 454) осуждает «частое возвращение слов-паразитов, как, например, *essaim*... все это общие места, слишком много раз повторенные...». Достаточно следующих примеров. «Au printemps de ces jours l'essaim des folâtres amours» (Gresset, «Vert-vert», 1734); «L'essaim des voluptés» (Parny, «Poésies Erotiques», 1778), «Tendre essaim des désirs» (Bertin, «Elégie II», 1785); «Des plaisirs le dangereux essaim» (Ducis, «Epître à l'Amitié», 1786).

14. Бумажный колпак

Все английские переводчики *ЕО* делают из домашнего хлопкового колпака аккуратного немца (гл. 1, XXXV) «paper cap». На самом деле, конечно, «бумажный колпак» — попытка Пушкина передать «*bonnet de coton*».

15. *Child-Arold*, *Child-Harold*, Шильд-Арольд, Чильд-Гарольд, Чейльд Гарольд, Чайльд Гарольд.

Так писали звание и имя *Childe Harold* французские и русские журналисты. В прижизненных изданиях *ЕО* (где байроновский, или, вернее, пишотовский, герой упоминается в гл. 1, XXXVIII, в гл. 4, XLIV и в примечании к зевоте Онегина в театре) это имя появляется в семи вариантах (из которых по крайней мере два — опечатки): *Child-Harold* (1825, 1829; так и в черновике), *Child-Horald* (1833, 1837), Чильд Гарольд (1828, 1833, 1837; так и в чистовике), Чельд Гарольд (1825), Чильд Гарольд (1820), Чальд Гарольд (1833), Чальд Гаральд (1837).

16. *Hypochondria*, гипохондрия

Вот редкий случай разделения словесного труда: для означения одной и той же разновидности скуки англичане (например, Байрон) берут первую часть слова (*hypo*, *hur*, *I am hipped*, а русские — вторую (хандра). Кстати, слово «сплин» (гл. 1, XXXVIII) взято Пушкиным, конечно, не у англичан, а у обычных передатчиков-французов. Так, уже в учебнике Лагарпа он мог прочитать: «В Англии... знают эндемичную болезнь... сплин».

Кстати, о хандре, ждущей Онегина в деревне и бегущей за ним как верная жена. У Делилля, в «Деревенском жителе» (1800), хандра встречает горожанина, бежавшего в глушь, «у ворот» сельского дома и всюду «плетется за ним».

17. *Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля!..*

Онегин унаследовал не деревню дяди и не авторское Зуево, а, собственно, Аркадию, воспетую бесчисленными французскими поэтами и переводчиками, стилизованный пейзаж с приблизительными дубами и с ручьем (*doux-coulant* или *paisible*), вьющимся через мураву всех средиземноморских идиллий. В ЕО чувство природы по-настоящему просыпается не в ноябре, с гусем, отставшим от каравана (как мне виделось в детстве), а третьего января, с Татьяной. Замечу, что «Поля!» в приведенной цитате (гл. 1, LVI) не просто «поля», а «champs» в значении «сапрагне», включающем и леса, и горы. В старину «aller aux champs» значило «aller à la saupagne». Между прочим, в конце XVIII в. делались попытки (см. переписку Карамзина с Дмитриевым) переводить это выражением «поехать в чистое поле» в смысле «поехать в деревню»!

18. *Глаза... улыбка... легкий стан — / Все в Ольге...*

Это перечисление, оборванное перед глаголом, представляет собой пародию не только на список черт героини «любого романа», но подражает самой интонации такого перечисления. Иначе говоря, предметом пародии служит здесь не только суть, но и стиль. Ср., например, описание Дельфины д'Альбемар в романе г-жи Сталь, 1802, Письмо XXI: «Ее стан... ее взоры... все в ней выражает» то-то и то-то, или описание Антонии у Нодье («Жан Сбогар», 1818): «Ее стан... головка... взор... все в ней...» Пушкин прервал фразу на риторическом переходе к ее трафаретному разрешению.

19. *Poor Yorick.*

В примечании 16 к гл. 2, XXXVII читаем: «Бедный Иорик! — восклицание Гамлета над черепом шута (см. Шекспира и Стерна)».

Бродский пишет (1950, с. 160): «Ссылкой на Стерна... Пушкин тонко раскрывал (!) свое ироническое отношение к Ленскому в его неуместном применении имени английского (!) шута к бригадиру Ларину». *Alas, poor Brodski!* Пушкинское примечание прямо списано из Гизотова и Пишотова исправленного издания летурнеровского перевода «Гамлета» (1821, т. 1, с. 386): «*Alas, poor Yorick! Tout le monde se souvient... du chapitre de Sterne où il cite ce passage d'Hamlet*».

Между прочим, в черновиках заметок и писем Пушкин постоянно сбивался на старинное французское начертание имени Шекспира (употребляется, например, Лагарпом): *Schekspir*.

20. *Любовник Юлии Вольмар* (гл. 3, IX).

Неточно. Сен-Пре был любовником Юлии д'Этанж. Во время его путешествия в условную Южную Америку она вышла замуж за Вольмара, довольно неубедительного православного поляка, побывавшего в Сибири и перешедшего в вольнодумство. Единственное, что связывало Юлию и бывшего ее любовника, были следы ветряной оспы. Заметим, что героини романов Юлия, Валерия, Шарлотта и др. оставались столь же верны своим мужьям, как Татьяна князю Н.

21. *Я знаю: нежного Парни
Перо не в моде в наши дни.*

Гл. 3, XXIX. Любопытно, что в своих «Литературных листках» (ч. 3, № 16, авг. 1824) Булгарин, выводя с оскорбительной благосклонностью приятеля своего Грибоедова в лице «Талантина», дает последнему такую реплику (по поводу русской поэзии): «Подражание Парни... есть диплом на безвкусию». Еще любопытнее, что вся знаменитая строфа XXV третьей главы, написанная (как установлено Томашевским) теми же чернилами, что и датированный 26 сентября 1824 г. «Разговор книгопродавца с поэтом», оказывается (как устанавливаю я) переложением второй пьески («La Main») в «Tableaux» того же Эвариста Парни:

On ne dit point la résistance
Enflamme et fixe les désirs,
Reculons l'instant des plaisirs ..

Не говорят она отложим —
Любви мы цену тем умножим

Ainsi parle un amant trompeur
Et la coquette ainsi raisonne.
La tendre amante s'abandonne
A l'objet qui touche son coeur.

Кокетка судит хладнокровно
Татьяна любит не шутя
И предается безусловно
Любви

Tendre amante, tendre Tatiana, tendre Parny... Сколько малых сих обольстила эта нежная пародия.

22. Стремнины (гл. 5, XIII).

Переводчица преспокойно пишет «rapids». Речь, конечно, идет об оврагах, обрывах, *précipices*. В русской провинции, включая Москву, до сих пор пугают этот европеизм со словом «стремнина́», которое значит «быстрое течение» и не употребительно во множественном числе.

23. Он там хозяин (гл. 5, XVII).

Хотя в январе 1821 г. Татьяна, не будучи отроковицей 1824 г., еще не читала «Сбогара», но бред Антонии (рассказанный Жану) подозрительно родствен Татьянинному сну: «Ярко-зеленые медянки, другие гады, гораздо более отвратительные, с человеческими лицами... гиганты... свежеотрубленные головы... и ты — ты тоже стоял среди них, как колдун, руководящий всеми чарами смерти».

Кстати, о снах: польский литератор Малевский отмечает в своем дневнике (1827), что на вечере у Полевого, где присутствовали Пушкин, Вяземский и Дмитриев, обсуждался «Сон». В примеч. 30 к этому дневнику (*Лит. насл.*, 1952, т. 58), комментатор делает невероятную ошибку, отождествляя этот «Сон» со сном Святослава в «Слове»! Речь тут, конечно, о довольно замечательном стихотворении Шевырева «Сон» (1827).

24. Но та, сестры не замечая (гл. 5, XXII).

Как прелестно повторяется этот лейтмотив: «Она зари не замечает» (гл. 3, XXXIII); «Она его не замечает» (гл. 8, XXXI); «Она его не подымает» (гл. 8, XLII). В последних двух случаях внутреннему голосу чтеца приходится тормозить на «она» и «его» (чтобы не дать строке съехать под гору на сплошных пиррихиях), чем достигается особенно патетическая протяжность мелодии (она смутно слы-

шится мне и в печальной важности медленного: «И так они старели оба», гл. 2, XXXVI).

25. *Две Петриады да Мармонтеля третий том* (гл. 5, XXVIII).

Связь в мыслях у Пушкина между виршами в честь Петра I и пресными «Nouveaux Contes Moraux» (Мармонтель, 1819, т. 3) подсказана, может быть, двумя строками из хорошо ему известной сатиры Жильбера «Восемнадцатый век» (1775), в которой Томá (Thomas), работавший над своей «La Pétréide», упоминается рядом с Мармонтеlem.

26. *Belle Tatiana*

Автор романса «La Belle Dormeuse», Dufresny, не знавший нот, напел его мелодию композитору Grandval, записавшему ее (около 1710 г.). Среди многочисленных, очень чинных, подражаний этим слегка скабрёзным стансам вот то, которое, вероятно, нашел Трике в ветхом «Almanach chantant»:

Chérissez ce que la nature
De sa douce main vous donna,
Portez sa brillante parure,
Toujours, toujours, belle Nina

27. *Замедления, обмороки речи.*

Одно из неперемьных дел переводчика — это объяснить иностранному читателю при помощи подробных примечаний инструментовку оригинала, — например, нзысканный параллелизм строк:

И утренней зарн бледней,
И трепетней гонимой ланн —

где, кроме одинакового полуударения и изумительной аллитерации на «тр», на «л» и на «н», есть редчайшее созвучие двух разных грамматических форм, которого эпитетами «morning» и «more tremulous», конечно, не передашь без надлежащего объяснения.

28. *Анакреон живописи*

Судьба этого забытого Альбана, или Альбани (чьа невозможная «Фебова колесница» все еще украшала меблированные комнаты Средней Европы моих 1920-х гг.) была бы ни с чем не сравнима, — если бы ее не разделили в соседней области искусства бездарные французы-рифмачи Вольтер, Жанти-Бернар, Лемьер, Делавинь и сотни других, упоминавших «l'Albane» с дрожью в зобу наряду с величайшими итальянскими художниками. Оттуда «кисть Альбана» перешла как модная формула в лицейские стихи Пушкина. Наши пушкинисты находят странным ретроспективное замечание «хотелось в роде мне Альбана бал петербургский описать» (гл. 5, XL), но ничего нет странного в том, что пушкинисты, не знающие французской словесности или не учитывающие французской подоплеки русской словесности, многого могут в Пушкине не понять.

Лагарп, в своем «Курсе», говорит по поводу «Свадьбы Фигаро»: «Этот прелестный паж меж этих прелестных женщин occupées à le deshabiller et à le rhabiller (ср.: „одет, раздет и вновь одет“, гл. 1, XXIII) est un tableau l'Albane», и когда Пушкин, в главе пятой, вспоминает первую главу и уединенный cabinet de toilette (ср. Парни: «voici le cabinet charmant où les Grâces font leur toilette», откуда Онегин выходит «подобный ветреной Венере», нетрудно увидеть сквозь это прозрачное воспоминание ту картину Альбана, которая известна в бесчис-

ленных копиях как «Туалет Венеры». По струе быстрых стихов ветреная реминисценция слилась с петербургским балом и тамошним *essaim folâtre des désirs*.

29. *И даже честный человек:*

Так исправляется наш век.

Гл. 6, IV. Еще Лернер в добродушных своих заметках указал, что первая из этих двух строк представляет собой перевод известной фразы в конце «Кандида». Но кажется, никто не отметил, что и последняя строка — из Вольтера, а именно, из примечания, сделанного им в 1768 г. к началу четвертой песни «Женевской гражданской войны»: «*Observez, cher lecteur, combien le siècle se perfectionne*».

30. *Planter ses choux comme Horace; les augurs de Rome qui ne peuvent se regarder sans rire*

Эти два стертых пятака французской журналистики были уже невыносимы и в русской передаче, когда их употребил Пушкин («капусту садит как Гораций» в гл. 6, VII, и «как Цицероновы авгуры, мы рассмеялись...» в «Путешествии Онегина», XXXI) Тут было бы так же бессмысленно приводить, что именно Гораций говорит о своих овощах *olus* (что включает и *brassica* и *caule*), как и рассуждать о том, что Цицерон говорил собственно не об авгурах, а о занимающихся гаданием на ослиных потрохах.

31. *Художник Репин нас заметил*

Александр Бенуа остроумно сравнивал фигуру молодого Пушкина на исключительно скверной картине «Лицейский экзамен» (репродукция которой переползает из издания в издание полных сочинений Пушкина) с Яворской в роли Орленка. За эту картину Общество им. Куинджи удостоило Репина золотой медали и 3000 рублей, — кажется, главным образом потому, что на Репина «нападали декаденты».

32. *Люблю я очень это слово (vulgar)*

Сталь, в примеч. на с. 50 (изд. 1818 г.) 2-го тома «О литературе», говорит, что в эпоху Людовика XIV «это слово, *la vulgarité*, еще не было в ходу; но я почитаю его удачным и нужным». Не знаю, заметил ли кто-нибудь пушкинскую *interpolatio furtiva* в гл. 8, XVI: «Оно б годилось в эпиграмме...» Мне представляется совершенно ясным, что тут шевелится намек на звуко сочетание «Булгарин — вульгарен — Вульгарин» и т. п. Незадолго до того (в марте 1830 г.) появились в «Северной пчеле» и грубый «Анекдот» Булгарина, и шутовской его разбор главы седьмой. Эпитет *vulgar* Пушкин употребляет (в черновой заметке) и по отношению к Надеждину, которого он встретил у Погодина 23 марта 1830 г.

33. *Перекрахмаленный нахал* (гл. 8, XXVI).

В этом стихе, со столь характерным для Пушкина применением тонких аллитераций, речь идет о кембриковом шейном платке лондонского франта. Моду крахмалить (слегка) батист пустил Джордж Бруммель в начале века, а ее преувеличением подражатели знаменитого чудака вызывали в 1820-х гг. насмешку со стороны французских птиметров.

34. *Тиссо*

Читая (в гл. 8) этого знаменитого швейцарского доктора (вероятно, «О здоровье литераторов», 1768, где разбирается по статьям ипохондрия), Онегин как бы следует совету, который в 1809 г. дает читателю Бомарше (в предисловии к «Севильскому цирюльнику»): «Если обед ваш был скверен... бросьте вы моего

цирюльника... и взгляните, что в шедеврах своих говорит Тиссо об умеренности». Это забавно сопоставить с более искристым советом, который пушкинский Бомарше дает пушкинскому Сальери.

35. *Шамфор.*

Не знаю, известно ли пушкинистам, что в «*Maximes et Pensées*» Шамфора встречается (изд. 1796, т. 4, с. 552) следующее: «Некто говаривал: Я хотел бы видеть последнего короля удушенным кишкой последнего священника», — мысль, превращенная (кажется, Баратынским) в известные стихи «Мы добрых граждан позабавим» и т. д.

36. *Инвентари.*

Прием «списка авторов», который столь любили и Пушкин, и дядя его Василий, восходит к Луветову «Год из жизни кавалера Фобласа» (1787), где кавалер на принужденном досуге прочитал сорок авторов, в перечислении коих узнаем многих пестунов русской словесности — Флориана, Колардо, Грессе, Дора, все того же Мармонтеля, обоих Руссо, убогого аббата Делиля, Вольтера и т. д.

37. *Байбак (Marmota bobac).*

Пушкин избежал больших сочинительских осложнений тем, что заставил своего героя *hiberner comme une marmotte* (гл. 8, XXXIX) с начала ноября 1824 г. до наступления петербургской весны. Дело в том, что после наводнения 7 ноября правительство временно запретило рауты и балы, а с другой стороны, не зазимуй Онегин, поэту пришлось бы вывести громоздкую и никому не нужную стихию на небольшую сцену этой главы. Зато домоседа Евгения как бы заменил его тезка в «Медном всаднике» (1833), прихотливо соединенном с *ЕО* путем черновиков, известных под названием «Родословная моего героя» (1832).

38. *Желать обнять у вас колени*

И, зарыдав у ваших ног...

Онегин следует наставлениям Жанги-Бернара (Gentil-Bernard) во второй песне «Искусства любить»:

Meurs à ses pieds, embrasse ses genoux,
Baigne de pleurs cette main qu'elle oublie —

и действительно, в гл. 8, XLII Татьяна «от жадных уст не отымает бесчувственной руки своей». «Бесчувственной» отнюдь не значит «неспособной на чувство»: этот эпитет следует сопоставить с 45-й строкой «Письма Татьяны» и с 6-й строкой гл. 4, XVII. Шарлотта С., в аналогичном положении, «le geroussait mollement» (французский перевод «Вертера», 1804).

39. *Соблазнительную честь*

Некоторые понимают этот эпитет в смысле *scandaleux, équivoque*, но мне кажется, что Татьяна, хватаясь за призрачный довод, призывает на помощь свою любимую Дельфину, которая пишет Леонсу (ч. 4, Письмо XX): «Спросите себя, не соблазнял ли (*séduisait*) ваше воображение некий ореол, которым ласка света окружала меня».

40. *Если вашей Тани вы не забыли* (гл. 8, XLV).

Когда, собственно говоря, Татьяна была «его Таней»? — может спросить читатель. Но это всего лишь невинный галлицизм: во французских эпистолярных романах девушки и дамы постоянно писали о себе своим поклонникам в

трогательном третьем лице — «ваша Юлия плачет», «ваша Коринна больна». Вся Татьяна целиком, со своей «русской душой», с «бедными», которым она «помогала», с милым призраком *amant* у своего *chevet*, не могла бы просуществовать и двух стихов без поддержки литературных прототипов.

41. *Но я другому отдана.*

Критик, ищущий подтверждения своих догадок в вычеркнутых автором стихах, удаляется от текста по касательной, ведущей обратно как раз в тот хаос, который автор превозмог; однако трудно не поддаться волшебству некоторых пушкинских вариантов. Так, окончание строфы XLIV в гл. 8 читается в чистовике:

Подите .. полно — я молчу —
Я вас и видеть не хочу!

Этот маленький истерический взвизг подсказал бы опытному Онегину, что стойкость княгини N только литературная. «Мои уста и сердце... обещали верность избранному мною супругу... Я останусь верна этой клятве... до смерти», — пишет Юлия к Сен-Пре (ч. 3, Письмо XVIII). У Руссо все это отвратительно плоско, но Боже мой, чего только не наплела русская идейная критика вокруг русской Юлии, заговорившей несравненным четырехстопным ямбом.

42. *Кинжал Л, тень Б*

Тщательное изучение фотостатов привело меня к новым выводам насчет расположения строк к зашифрованным Пушкиным (поспешно, кое-как и несомненно по памяти — что можно доказать) фрагментах «десятой главы», которую он читал друзьям наизусть начиная с декабря 1830 г. Подробный разбор криптограммы потребовал бы слишком много места; скажу только, что она указывает на существование не шестнадцати, как принято считать, а семнадцати строф (так что строфа «Сначала эти разговоры» и т. д. занимает восемнадцатое место). Стих «Кинжал Л[увеля], тень Б» отношу к строфе XI:

1
2
3 А про тебя и в ус не дует,
4 Ты — Александровский холоп.
5 Кинжал Л[увеля], тень Б. .

Других строк в строфе нет. Мне представляется, что в первых, недописанных, двух стихах поэт обращался к Закону (главному герою его же оды «Вольность»), предлагая ему молчать, покуда, скажем, царь танцует галоп. Почему комментаторам было так трудно догадаться, кто такой «Б» (тень которого, вместе с кинжалом Лувеля, не тревожит, скажем, трона), совершенно мне непонятно. Это генерал Бертон (Jean Baptiste Berton, 1769—1822), нечто вроде французского декабриста, героически и легкомысленно восставший против Бурбонов и взошедший на плаху с громовым возгласом «Да здравствует Франция, да здравствует свобода!». Между прочим, Пушкин ставит имена Лувеля и Бертона рядом в заметке от 1830 г. («Литературная газета», № 5) о выходе записок (поддельных) палача Шарля Сансона.

В Америке, когда простой любитель словесности, как я, хочет взглянуть на редкую книгу или драгоценную рукопись, то, в зависимости от расстояния между ним и нужным ему книгохранилищем (скажем, от ста шагов до трех

тысяч миль), он может получить оригинал или снимок с него в кратчайший срок (от пяти минут до пяти дней). Со Старым Светом дело обстоит чуть сложнее. Когда мне понадобился фотостат малоизвестной новеллы Ламотта Фуке («Pique-Dame, Berichte aus dem Irrenhause in Briefen. Nach dem Schwedischen». Berlin, 1826), я получил его при посредстве Корнельской университетской библиотеки из туманной Германии только по истечении трех недель. Некоторые материалы, нужные мне для другого исследования, шли из Турции около двух месяцев — и это понятно и простиительно. Но воображение меркнет и немеет язык, когда думаешь, какие человек должен иметь заслуги перед советским режимом и через какие бюрократические абракадабры ему нужно пробраться, чтобы получить разрешение — о, не сфотографировать, а лишь просмотреть собрание автографов Пушкина в Публичной библиотеке в Москве или в ленинградском Институте литературы. Поскольку американский переводчик отделен непроницаемой стеной от рукописей *ЕО*, он не может надеяться исчерпывающе осветить многие места романа, особенно где дело касается вариантов, почерка, пера, времени написания и т. д. (Впрочем, положение туземных пушкинистов, по-видимому, не многим лучше.) Ручаюсь за предельную точность моего перевода *ЕО*, основанного на твердо установленных текстах, но о полноте комментариев, увы, не может быть речи. В перерывах между другими работами, к России не относящимися, я находил своеобразный отдых в хождении по периферии *ЕО*, в перелистывании случайных книг, в накоплении случайных заметок. Отрывки из них, приводимые ниже, не имеют никаких притязаний на какую-либо эрудицию и, может быть, содержат сведения, давно обнародованные неведомыми авторами мною не виданных статей. Пользуясь классической интонацией, могу только сказать: мне было забавно эти заметки собирать; кому-нибудь может быть забавно их прочесть.

43. *Старик поправил свой парик (уиг) и соседу своему в ребра дал тычка (диг).* (Гл. 7, конец строфы XLIX в «перевод» Бабетты Дейч.)

Тычков и тумачков толмачи надавали русским писателям в досталь. Я сам когда-то (вспоминаю со стоном) пытался переводить Пушкина и Тютчева стихами с «раскрытием образов». Математически невозможно перевести *ЕО* на какой-либо иностранный язык с сохранением схемы рифм. Это неизбежно приводит к неточности, к пропуску и к припуску, к преступлению. С другой стороны, конечно, под прикрытием рифмованной парафразы перекладчику легче скрыть свое неточное понимание русского текста: простая проза выдала бы его невежество. Таким образом, не только кое-как пересказывается Пушкин, но кое-как пересказывается плохо понятый, приблизительный Пушкин. Трудно решить, какой из четырех наиболее известных переводов *ЕО* на английский язык хуже, — пожалуй, все-таки безграмотные и вульгарные вирши Эльтона (1936, 1937). Глаже всех перевод Дейч-Ярмолинской (1936, 1943), но совершенно непонятно, каким образом изящная и даровитая американская поэтесса могла решиться разбавить Пушкина такой бездарной отсебятиной. Американский потребитель ее *ЕО* узнает, например, что Онегин «был воспитан там, где текут серые воды старой Невы» (гл. 1, II), что он там «обедал, танцевал, фехтовал и ездил верхом» (IV), что он «давал классическому лавру увядать» (VI) и что, слушая его рассуждения о политической экономии, «его отец хмурился и стонал» (VII). В театре Онегин «со своим обычным апломбом поднимает монокль» и «замечает драгоценности, кружева и цвет лица красавиц» (XXI). Он едет домой

и потому находится «вне пределов досягаемости проклятий» (по-видимому, кучерских; ХХII). И т. д. и т. д. Должен все же сказать, что, как ни плох этот «перевод», он лучше чудовищных по нелепости иллюстраций, приложенных к нему в роскошном издании 1943 г. (с благоразумно ограниченным тиражом) неким Фрицем Эйхенбергом, далеко оставившим позади пресловутого Александра Нотбека.

44. *Полусмешных, полупечальных.*

Второстепенный шотландский поэт James Beattie, в письме от 22 сентября 1766 г. (см. биографию Битти, изданную Форбсом, 2-е изд., Эдинбург, 1807, т. 1, с. 113), рассказывает приятелю о начатой поэме («The Minstrel»). Байрон в предисловии к первым двум песням «Чайльд Гарольда» (1812) приводит из этого письма цитату, с которой Пушкин ознакомился по французскому переводу байроновской поэмы. Битти пишет, что он собирается дать волю воображению (цитирую дальше по 4-му изд. пишотовского Байрона, 1822, т. 2) «en passant tour à tour du ton plaisant au pathétique, du descriptif au sentimental et du tendre au satirique, selon le caprice de mon humeur».

В пушкинском посвящении Плетневу, написанном 29 декабря 1827 г., слышны отзвуки не только отсюда, но и из «Пиров» Баратынского, 1821 (стих 252: «Собрание пламенных замет...») и из «Опытов» Батюшкова, 1817 (ч. 2, «К друзьям», стихи 7—8: «Историю моих страстей, / Ума и сердца заблужденья»). Напомним, что именно Батюшкова нечаянно обидел тот же Плетнев (в скверной элегии, напечатанной в воейковском «Сыне отечества», 1821, № 8) — из-за чего, в свою очередь, Плетнева нечаянно обидел Пушкин (в письме к болтуну-брату от 4 сентября 1822 г.). Повинное посвящение (напечатанное в начале 1828 г. при издании четвертой и пятой глав *ЕО*) весьма скоро перестало нравиться автору (оно и впрямь написано темно и вяло), но как несчастная тень продолжало появляться, бряцая цепями родительных падежей, в разных углах поэмы: оно перебралось в примечание 23 к первому полному изданию *ЕО* (около 23 марта 1833 г.), а затем, уже без всякого упоминания Плетнева, приютилось на обеих сторонах четвертого нумерованного листа перед с. 1 следующего издания (середина января 1837 г.). Корректуру, думается мне, правил сам Пушкин, и правил ее с запозданием и раздражением. Найдя опечатку «Святои исполненной», он, по-видимому, вписал краткий знак столь размашисто и неряшливо, что Илья Глазунов, приняв его за вычерк и смык, напечатал «Святоисполненной». В единственном виденном мной экземпляре этого редчайшего издания (№ 688 собр. Кильгура, *Houghton Library*, Гарвард) четвертый нумерованный лист с бродячей пьеской оказался вплетенным между с. 204 и 205. Вот к каким злоключениям может привести стремление совместить дружбу с искусством.

45. *Всегда я рад заметить разность.*

Судя по черновикам, относящимся к зиме 1823 г., эпиграфами к первой главе Пушкин собирался выставить стихи 252—253 из «Пиров» и довольно неожиданную английскую фразу, найденную им, вероятно, в альбоме кого-либо из его одесских друзей или приятельниц. Перевожу: «Ничто так не враждебно точности сужденья, как грубость распознаванья. Берк». Мне удалось выяснить, что эта фраза находится в докладе, представленном Берком Уильяму Питту в ноябре 1795 г.: в нем идет речь о ценах на зерно, о зарплате, о бобах и репе и об огородных вредителях, интересовавших Пушкина еще меньше, чем новороссийская саранча.

46. *Был глубокий эконом. . педант. . бранил Гомера.*

Комментатор должен остерегаться слишком легких сопоставлений.

У Газлита в «Table-Talk» (1821—1822) сказано: «Человек-экономист, хорошо-с; но... пускай он не навязывает другим своей педантической причуды... Человек... объявляет без предисловий и обиняков свое презрение к поэзии: значит ли это, что он гениальнее Гомера?»

Сомневаюсь, чтобы эта выдержка успела дойти во французском переводе до бессарабского изгнанника в 1823 г. По-английски в те годы он не читал вовсе, — и сведения, шедшие от Чаадаева, что Пушкин, в 1818 г., желая учиться английскому языку, занял у него (еще неизданный) «Table-Talk», разумеется, вздор.

Комментатор должен радоваться сложным совпадениям.

47. *Недремлющий брежет.*

Дюпон, выпустивший в 1847 г. довольно удачный по дикции, но совершенно изуродованный разными промахами прозаический французский перевод *ЕО*, делает забавную ошибку на своем же языке. Он пишет «son bréguet» и при этом поясняет в примечании: «Из уважения к тексту сохраняем это иностранное выражение, которое у нас почитается безвкусным; в Париже говорят: мои часы...» Дюпон, конечно, не прав. И Скриб, и Дюма, и другие парижане употребляли «мой брежет» совершенно так же, как Пушкин. Но вот что мило: по-французски «брежет» не мужского рода — как думает Дюпон, — а женского: «ma bréguet».

У того же элегантного Дюпона находим: «Ленский с душою прямо Гетевской»; но зачем смеяться над давно опочившим французским инженером путей сообщения, когда русский комментатор Бродский пишет (1950), что боливар либерала Онегина «указывает на определенные общественные настроения его владельца, сочувствующего борьбе за независимость маленького народа в Южной Америке». Это то же самое, как если бы мы стали утверждать, что американки носят головные платки («бабушки») из сочувствия Советскому Союзу.

48. *Морозной пылью серебрится.*

В 1819 г. первый снег выпал 5 октября, а Нева замерзла спустя десять дней. Как хорошо повторение звука «бр» в третьем и четвертом стихах этой строфы! Бобровый воротник стоил Онегину не меньше двухсот рублей. Воротник украшал александровскую шинель. Шинель происходит от «chenille», бархатистой шелковой ткани. Правильный французский перевод «шинели» — *une karrick* (от *David Garrick* — имени знаменитого английского актера, 1717—1779). Вернувшись в Англию, это слово превратилось в *carrick*. Теперь мы по крайней мере можем точно перевести заглавие знаменитого гоголевского рассказа, а то все пальто да пальто.

49. *Фобласа давний ученик.*

Знаменитый и бездарный роман Жана Луве (Louvét «de Couvraу») состоит из следующих основных частей:

1787. Год из жизни кавалера Фобласа (5 частей)

1788. Шесть недель из жизни кавалера Фобласа (8 частей)

1790. Окончание любовных походов кавалера Фобласа (6 частей).

Все это перепечатывалось, удлинялось и сокращалось другими. Судя по списку книг, сообщенному Модзалевским (1910), у Пушкина было парижское издание 1813 г. («Жизнь кавалера Ф.»), где присвоенная автором добавочная фамилия напечатана так: «Купврэ» (что значит «Режь правду»).

Ни один из обманутых мужей в романе смысленностью не отличается. «Супруг лукавый» — это тот супруг, который, прочтя «Фобласа», кое-чему научился и ласкает поклонников жены либо чтобы легче было за ними наблюдать, либо для прикрытия собственных шашней.

50. *Вино кометы, le vin de la comète.*

Эта безымянная, но дивная комета была впервые замечена Флогергом в городе Вивье 25 марта 1811 г. Затем, спустя пять месяцев, ее увидел Бувар в Париже. Астрономы петербургские наблюдали ее 6 сентября 1811 г. по новому стилю. Она грозно украшала небо до 17 августа 1812 г. Москвичам она представлялась «звездой Наполеона».

51. *Онегин полетел к театру.*

Второй герой этой главы обгоняет первого (вот одна из пружин главы), и когда Онегин в строфе XXI входит в театральный зал, Пушкин уже там пребывал на протяжении целых трех строф (XVIII, XIX, XX). Пируэт Дуняши Истоминой Онегин пропустил — и только через пять лет с лишком, в феврале 1825 г., пробел некоторым образом заполняется: в гл. 8, XXXV Онегин, читая новую поэму приятеля, узнает и себя, и общих друзей (Каверина, Чаадаева, Катенина), и прелестную пантомимную балерину.

52. *Клеопатра.*

Клеопатр было много. Еще в 1776 г. в «Послании к графу де Ванс» Пирон не мог припомнить всех, перевиданных им на парижской сцене. А среди них, наверное, была трагедия «Родогюн» Корнеля (1644), которую автор не назвал «Клеопатра» только из боязни, как бы читатель не спутал его героини, сирийской царицы Клеопатры, с более очевидной египтянкой. Не знаю, давали ли когда-либо в Петербурге оперу «Клеопатра и Цезарь», сочиненную моим предком Грауном в 1742 г. (с итальянским либретто, основанным на ничтожнейшей «Смерти Помпея» того же Корнеля), или другую, очень известную когда-то, оперу «Смерть Клеопатры», произведение Назолини (1791), или «Клеопатру» Мармонтеля, 1750 (на первом представлении этой трагедии в Париже публика присоединилась к свисту механической гадюки), или, наконец, «исторический балет Клеопатра», музыка Крейцера, поставленный впервые в Париже в 1809 г.; но во всяком случае, никакой «Клеопатры, трагедии Вольтера», упоминаемой Чижевским в его небрежных примечаниях к *ЕО* (Гарвардское университетское изд-во, 1953, с. 214), Онегин не мог ошибаться по той простой причине, что никакой «Клеопатры» Вольтер не писал.

53. *Уединенный кабинет.*

Случайно сохранились у меня, в коробке из-под теннисных туфель, карточки с выписками из польских и немецких стихотворных «переводов» *ЕО*. Бездарный Бельмонт в 1902 г. и талантливый Тувим в 1954 г. героически решили сохранить смену мужских и женских рифм, а так как для первых по-польски можно пользоваться только односложными словами, то дело свелось к совершенно фантастическим суррогатам. Так, *bronz* у Бельмонта рифмуется с чудовищным *ekstrakty kwiatow — fiolet, pons* (гл. 1, XXIV), а у Тувима, в том же месте, какое-то *na tkanin tle* сочетается со *szkle*.

У немцев были, по-видимому, другие затруднения. Доктор Липперт (1840) к онегинским духам щедро прибавляет «тонкие мыла»; невероятный Боденштедт (в 1854 г.) загромождает туалетный стол Онегина золотом, губками, щетками

для бороды и головы; а Вольф-Лупус (1899) пополняет список «изящными несессерами».

54. *Я помню море пред грозою*

Искать «прототипы» в личной жизни сочинителя — дело не только опасное, но и нелепое. Доцент или даже ординарный профессор, взявшись за него, распyleт свою ученость и не может ее заменить творческим воображением сочинителя. Как бы добросовестно кандидат ни лепил из архивной пыли историческое лицо, оно роковым образом будет отличаться от Галатеи поэта в той же мере, как слог кандидата отличается от слога творца. Знаменательно, что именно беллетристы посредственные особенно охотно обращаются к истории, к биографии, точно они питают тайную надежду, что «жизнь» восполнит недостатки искусства. Истинный же сочинитель, как Пушкин или Толстой, выдумывает не только историю, но и историков.

Мария Раевская, выскочившая 30 мая 1820 г. из дорожной кареты на морской берег между Самбеком и Таганрогом, вспоминала впоследствии волну, замочившую ей ножки, и молчаливое присутствие Пушкина, вышедшего из другого экипажа, — но ей было тогда не пятнадцать лет, как она замечает в своих до странности банальных и наивных «Mémoires» (СПб., 1904, с. 19), а всего лишь тринадцать (она родилась 25 декабря 1806 г.). Сопоставление шестнадцатой строфы «Путешествия Онегина», где автор возвращается мыслью к своему прибытию к Гурзуф (19 августа 1820 г.), с теми черновиками стихотворения «Таврида» (1822) в тетради № 2366, где на крымском фоне появляется в зачаточном виде тема строфы XXXII главы первой, убеждает меня, что если уж был Пушкин в кого-либо влюблен во время своего трехнедельного пребывания в Гурзуфе, то в Катерину Раевскую, Китти (как ее называла гувернантка *miss Matten*), *Kitty R*, тезку звезды *Kythereia*.

Около 10 июня 1824 г., между приездом в Одессу из Москвы княгини Веры Вяземской (7 июня) и отплытием на яхте из Одессы в Крым графини Елизаветы Воронцовой (14 июня), Пушкин и обе дамы гуляли по берегу, то приближаясь к набегаящим волнам, то отступая перед ними, — все это по-французски Вяземская описывает в письме мужу. Княгине Вяземской, своей конфидантке, Пушкин, по-видимому, обещал описать волны, ложившиеся к ногам Элизы, в онегинской строфе. Я предполагаю, что, придя домой, Пушкин отыскал тетрадь с «Тавридой» и тут же стал работать над стихами о пленительных ножках, вводя романтическую тему влюбленных волн и распределяя строки по схеме онегинских рифм. Дальнейшие события, разрешившиеся в конце июля его отъездом в Михайловское, помешали, вероятно, стихам. Только в октябре 1824 г. в известном письме Вяземской, где Пушкин, употребляя прозрачный шифр, поверяет наперснице свою тоску по Воронцовой («все, что напоминает мне море, печалит меня», *фр.*), поэт пишет: «...моя поэма не подвигается вперед; впрочем, вот строфа, которую я вам должен» («*que je vous dois*» — в смысле «которую я вам обещал», а не «которой я вам обязан», как переведено, например, в издании «А. С. Пушкин» 1949 г., т. 10, под наблюдением таинственного Корчагина). Бесценный листок, приложенный к письму, пропал, но у меня нет сомнений относительно его содержания:

Ты помнишь море пред грозою.
Как я завидовал волнам,

Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам

В заключение скажу: гипотеза, что стеклянный башмачок был не впору Марии Раевской, а принадлежал ее сестре Катерине, от которой перешел к Елизавете Воронцовой, кажется весьма стройной, но, вероятно, может быть разрушена так же легко, как прежние замки из того же морского песка.

55. *И брань, и саблю, и свинец.*

Можно предположить, что в этой довольно туманной строке речь идет о каких-то петербургских дуэлях Онегина (как ясно сказано в варианте), а не просто об упражнениях в фехтовании и пистолетной стрельбе. Но при чем все-таки «брань»? Кстати: не знаю, известно ли нашим пушкинистам, что поэт в конце 1820-х или начале 1830-х гг. занимался фехтованием со знаменитым преподавателем этого искусства, французом Augustin Grisier (см. любопытную биографическую заметку, приложенную к труду Гризье «*Les Armes et le Duel*», Paris, 1847).

56. *Сплин.*

Это «английское» слово Пушкин нашел у французских писателей, часто употреблявших его (например, Парни, в первой части поэмы «Годдам», ноябрь 1804 г., где «сплин» поставлен в один ряд с «*sanglant rost-beef*» — правописание, принятое и Пушкиным). Пушкин находил («Литературная газета», 1831, № 32), что «сплин» особенно отчетливо выражен Сент-Бёвом в его книге «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма», 1829, причем совершенно непонятна похвала этому до смешного бездарному произведению со стороны нашего поэта, столь хорошо (не в пример современникам) понимавшего пошлость Беранже и пресность Ламартина. В этом «Делорме» находится один из самых смехотворных образов во всей французской литературе: «Я вальсировал... обнимая мою красавицу влюбленной рукой... ее прекрасные груди были подвешены к моему содрогающемуся сердцу, как висящие с дерева плоды». Как мог проницательный взгляд Пушкина не приметить этого гермафродита с анатомическим театром в выемке жилета?

57. *Знакомые речи*

Прочитав первую главу *ЕО*, Вяземский сообщил «на ушко» Александру Тургеневу, в письме от 22 апреля 1825 г., что в «Чернце» Козлова, третьестепенного стихотворца того времени, «больше чувства, больше мысли», чем у Пушкина; и в тот же день (литературные судьи, приглашая на казнь, любят соблюдать порядок) третьестепенный стихотворец Языков писал брату, что, дескать, дай Бог, «Чернец» окажется лучше «Онегина».

58. *Раскольников, герой «Бедных людей».*

«Грандисон, герой Кларисы Гарлоу, — преспокойно пишет Чижевский (упомянутый труд, с. 230, перевожу с англ.), — известен матери только как прозвище московского унтер-офицера!» (сарджента). Особенно хорош этот восклицательный знак. К ошибкам в русском тексте Чижевского прибавились ошибки беспомощного перевода (следовало, конечно, либо сказать «энсин», либо объяснить удельный вес русских гвардейских чинов того времени). И далее: «Превращение (продолжаю переводить — *В. Н.*) старухи Лариной из чувствительной девы в строгую хозяйку было обычным явлением и для мужчин, и для женщин в России». Что значит этот бред?

Между прочим, всякий раз, когда вижу заглавие, приведенное выше, мгновенно вспоминаю (такова цепкость некоторых ассоциаций) мысль, выраженную тонким философом Григорием Ландау (захваченным и замученным большевиками около 1940 г.) в его книге «Эпиграфы» (Берлин, около 1925 г.): «Пример тавтологии: бедные люди».

59. *Жатва поколений* (гл. 2, XXXVIII).

Если не знать, что эта формула не что иное, как затасканная псевдоклассическая метафора французской риторики, *moisson, moisson funèbre, la mort qui moissonne*, то можно написать целый трактат о частом появлении этого образа у русских поэтов. Чижевский, по каким-то соображениям сопоставивший эту несчастную «жатву» с земледельческими образами в ... «Слове о полку Игореве», оказал медвежью услугу и без того небезупречной подлинности этого замечательного произведения.

60. *Но, может быть, и это даже правдоподобнее сто раз.*

Так начинается в черновике (тетрадь 2369, л. 41 об.) заключительная строфа, после XL, главы второй. Первая строка этой строфы — прекрасный пример гениального умения Пушкина извлекать аонический смысл из безголосых, подсобных слов, которые он заставляет петь полнозвучным хором. Этому приему как раз противоположен прием Гоголя, состоящий, наоборот, в окончательном снижении маловажных слов, до положения каких-то бледноклецовых буквочек в бульоне (например, при передаче товоново-качной речи Акакия), прием, впервые отмеченный Белым и независимо описанный мной четверть века спустя в довольно поверхностной английской книжке о Гоголе (с невозможным, не моим указателем), о которой так справедливо выразился однажды в классе старый приятель мой, профессор П.: «Ит из э фанни бук — перхапс э литтел ту фанни». Писал я ее, помнится, в горах Юты, в лыжной гостинице на высоте девяти тысяч футов, где единственными моими пособиями были толстый, распадающийся, допотопный том сочинений Гоголя, да монтаж Вересаева, да сугубо гоголевский бывший мэр соседней вымершей рудокопной деревни, да месиво пестрых сведений, набранных мной Бог весть откуда во дни моей всеядной юности. Между прочим, вижу я, что в двух местах я зашел слишком далеко в стилизации «под Гоголя» (писателя волшебного, но мне совершенно чуждого), дав Пушкину афоризм и рассказ, которые Пушкин дал Дельвигу.

61. *Вечный Жид.*

Пушкинисты проявили много учености в поисках сочинения, названного так в гл. 3, XII. По счастью, они не набрали на «The Wandering Jew», 1819, благочинного Т. Кларка и на «Ahasuerus the Wanderer», 1823, драгунского капитана Т. Медуина (издавшего на следующий год свои сомнительные «Разговоры с Байроном»). Говорю «по счастью», потому что не о них думал Пушкин, а об общем месте модной фантазии, отразившейся и в «Чайльд Гарольде», и в «Melmoth ou l'homme errant», столь чтимой Пушкиным переделке J. Cohen'a (Paris, 1821), романа «Mathurin»'а (вместо Maturin). Убожеством другого перевода, а именно уже упомянутого комментария Чижевского, на английский язык, вероятно, объясняется то, что эпитет в термине «Вечный Жид» (персонаж, выдуманный немцами) неправильно дан как «Eternal». Меня, впрочем, заинтересовало другое. Что такое, собственно говоря, столь внушительно приводимые на с. 239 «пьеса L. Ch. Chaignet, 1812» и «роман R. de Corneliano»? Обратившись к указателю, узнаем, что первый был, по мнению проф Чижевского, французским

поэтом, написавшим «Этерналь Джю», а второй — *Rocca de Corneliانو* — был тоже французским поэтом, тоже написавшим «Этерналь Джю». Несколько минут в библиотеке, уделенных проверке этих интересных утверждений, было довольно, чтобы убедиться в иллюзорности этих лиц и произведений. Мсье Л. Ш. Шенье вообще не существует (подозреваю, что он спутан с братом Андрэ Шенье), однако можно предположить, что где-то, когда-то, переходя из одной компиляции в другую (процесс, так сказать, стихийный), потерпел аварию французский драматург Louis Charles Caigniez или Caignez (1762—1842), чья скверная мелодрама про «Иглуфа» («Я бегу», нем.), «Le juif errant», провалилась 7 января 1812 г. в парижском «Театре де ла Гэтэ». Другой призрак, «Рокка де Корнелиано», тоже странствует с давних пор (к проф. Чижевскому он пришел, думаю, от д-ра Ледницкого, из примечаний последнего к изданию 1925 г. бельмонтговского перевода ЕО). Опять же, есть совершенно третьеразрядный публицист, граф Карло Пасеро де Корнелиано, автор ничтожного трактата «Histoire du juif errant par lui-même» (Paris, 1820). По-видимому, где-то в своей блуждающей судьбе граф смешался с итальянским духовным лицом, *Nasalli Rocca di Corneliانو*, чье биографическое бессмертие зиждется на заглавии (без даты) инвентаря, относящегося к имуществу какого-то кардинала, в Британском музее. Но чем больше ссылок, тем авторитетнее работа, и я не сомневаюсь, что, весело подпирая друг друга, два известных французских лирика, Людовик Шэньэ и Рокка, переберутся из комментария проф. Чижевского в следующий ученый труд.

62. Перекладные просвещения

У английского переводчика Эльтона на именинном пиру у Лариных «девки» (*wenches*) удобно сидят на скамьях (*benches*), а затем (перевожу обратно гл. 6, II): «В гостиной слышно было, как сопел тяжеловесный Пустяков, имея общение со своей тяжеловесной половиной».

63. И вот сосед велеречивый (гл. 6, XII).

Не знаю, предполагал ли когда-либо Пушкин позволить двоюродному брату своему Буянову быть секундантом Ленского (допустил же он, чтобы этот нечистоплотный шут сватался к Татьяне), но в Зарецком несомненно есть что-то от Опасного Соседа и от его интонации в речи, произнесенной в публичном доме: «Ни с места, продолжал сосед велеречивый».

64. Для проходящих

Мармонтель в «*Essai sur le bonheur*» (1787) говорит о грустном ответе некоего монаха тем, кто восторгался красотой дикой местности в соседстве его кельи: «*Oui, cela est beau pour les passans, transeuntibus*». Дмитриев воспользовался этим уже избитым выражением для плохой басни (изд. 1818 г., т. 7, кн. 3, ч. 2), Вяземский сделал из него каламбур в плохом же стихотворении «Станция» (альманах «Подснежник», 1829, 4 апреля), а Пушкин, из соображений дружбы, привел выдержку оттуда в примечании к гл. 7, XXXIV. Остроумный писатель Tallemant des Réaux (1619—1692) приводит ту же реплику в своих анекдотах (т. 7, № 108, где «проходящий» — Генрих IV), но эти «*Historiettes*» вышли (посмертным изданием, под редакцией Monmerqué) только в конце 1833 г., так что Дмитриев и Вяземский никак не могли Таллемана знать, когда сочиняли вышеупомянутые стишки. Говорю это, дабы чем-нибудь пособить несчастным студентам, пользующимся весьма ученым на вид (для проходящих) комментарием Чижевского, где на с. 278 в объяснении пушкинского примечания 42 не только

непонятен смысл фразы, но и самое имя автора «Историек» искажено в трех местах. Тут незачем разбирать по пунктам бесконечное количество курьезов и ошибок в «Комментарии», но приходится отметить следующее. Все украшает этот странный труд — непроверенные заимствования у других компиляторов, дикие ошибки во французском языке, исковерканные до неузнаваемости имена и заглавия, неправильные даты, нелепые предположения, устаревшие толкования, восторженные упоминания каких-то чешских, польских, а главное, немецких трудов, никакого отношения к пониманию *ЕО* не имеющих.

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Колеблясь, входит Лалла-Рук ..

Так начинается строфа, которая, по-видимому, должна была следовать за XXX в главе восьмой. Историк скажет, что Пушкину была известна приторная и бесконечно скучная поэма Мура («Lalla Rookh», 1817) по серому французскому переводу в прозе Амедея Пишо («Lalla Roukh ou la Princesse Mogole», 1820), что Жуковский воспел под этим именем свою ученицу, когда в январе 1821 г. в Берлине Александра и «Алирис» (будущий Николай I) участвовали в фестивалях, описанных в особом альбоме («Lallah Roukh, divertissement mêlé de chants et de dances», Berlin, 1822), и что, помимо цензурных соображений (Онегин русской государыне предпочитает Татьяну), Пушкина остановил анахронизм (он думает о впечатлениях 1827—1829 гг., а время действия главы восьмой, до строфы XXXIV, не позже начала ноября 1824 г.). Словесник скажет, что эти божественные стихи превосходят по образности и музыке все в *ЕО*, кроме разве некоторых других пропущенных или недописанных строф; что это дыхание, это равновесие, это воздушное колебание медлительной лилии и ее газовых крыл отмечены в смысле стиля тем сочетанием сложности и легкости, к которому только восемьдесят лет спустя приблизился Блок на поприще четырехстопного ямба; что восхитительно соединяются и смысл, и смычок посредством красочных аллитераций: «в зале яркой», «круг», «лилии крылатой»; и наконец, «Лалла Рук» — этим заключительным ударом музыкальной фразы собираются и разрешаются предшествующие созвучия.

Так скажут историк и словесник; но что может сказать бедный переводчик? «Симилар ту э уингед лили, балансинг энтерс Лалла Рух»? Все потеряно, все сорвано, все цветы и сережки лежат в лужах — и я бы никогда не пустился в этот тусклый путь, если бы не был уверен, что внимательному чужеземцу всю солнечную сторону текста можно подробно объяснить в тысяче и одном примечании.

ЕВГЕНІЙ
ОНЪ ГИ НЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОУЩЕСТВІИ
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ.

САНКТЪ ПЕТЕРБУРГЪ
Во типографіи Императорскаго университета Государственнаго университета
—
1837

Воспроизведение
прижизненного издания
1837

ЕВГЕНІЙ
ОНЪ ГИ НЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Во типографіи Энциклопедическаго Государственнаго Бюроа.

1837.

Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экзем-
пляра. С. Петербургъ, 27 Ноября 1836 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Pâtri de vanité il avait encore plus de cette
espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même
indifférence les bonnes comme les mauvaises
actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-
être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

Не ныся гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебѣ,
Достойнѣе души прекрасной,
Святоисполненной мечты,
Поэзи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полу-смѣшныхъ, полу-печальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,

ЕВГЕНИЙ ОНѢГИНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И мать горестна и чувствозна сирота

К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
«Когда не вшутку занемогъ,
«Онъ уважать себя ваставлялъ,
«И лучше выдумать не могъ;
«Его примѣръ другимъ наука;
«Но, Боже мой, какая скука
«Съ большимъ сидѣть и день, и ночь,
«Не отходя ни шагу прочь!
«Какое низкое коварство
«Полуживаго абаццлать,
«Ему подушки попралять,

Небрежный плодъ мому забаву,
Бессонницъ, легкихъ вдохновеній,
Нервныхъ и увядшихъ ать,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

— 2 —

«Печально подносить ахарство,
«Вдыхать и думать про себя:
«Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пылкъ на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ. —
Друзья Людмила и Руслана!
Съ героемъ моего романа
Всѣхъ предисловіи сей же часъ
Позвольте мознакомить васъ:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блжстали, мой читатель!
Тамъ мѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня!

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жила его отецъ;

— 3 —

Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ,
Судьба Евгениа хранила:
Сперва *Madame* за нимъ ходила,
Потомъ *Monsieur* се смѣнялъ.
Ребенокъ былъ рѣзвъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему, шутя,
Не докучалъ моралью строгой;
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять подилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгениу пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной:
Monsieur прогналъ со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободу;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ *Dandy* Лондонскій, одѣтъ:
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.

Онъ по-Французски совершенно
 Могъ изъясняться и писалъ ;
 Легко мазурку танцевалъ ,
 И кланялся не принужденно :
 Чего жъ вамъ больше ? Слѣтъ рѣшилъ ,
 Что онъ умень и очень шилъ .

V.

Мы всѣ учились понемногу ,
 Чему нибудь и какъ нибудь :
 Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
 У насъ немудрено блеснуть .
 Онѣгивъ былъ , по мнѣнью многихъ
 (Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
 Ученый малый, но педантъ .
 Имѣлъ онъ счастливый талантъ
 Безъ принужденья въ разговорѣ
 Коснуться до всего слегка,
 Съ ученымъ видомъ знатока
 Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
 И возбуждать улыбку дамъ
 Огнемъ неожиданныхъ эпиграммъ .

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ :
 Такъ, если правду вамъ сказать,
 Онъ зналъ довольно по-латынѣ ,
 Чтобъ эпиграфы разбирать ,
 Потолковать объ Ювеналѣ ,
 Въ концѣ письма поставить *salutem* ,
 Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
 Изъ Энеиды два стиха .
 Онъ рыться не имѣлъ охоты
 Въ хронологической пылѣ
 Бытописанья земнаго :
 Но дней минувшихъ анекдоты,
 Отъ Ромула до нашихъ дней ,
 Хранилъ онъ въ памяти своей .

VII.

Высокой страсти не имѣя
 Для звуковъ жизни не щадить ,
 Не могъ онъ алма отъ хорея,
 Какъ мы ни бились, отличить .
 Бранилъ Гомера, Осокрита ;

За то читалъ Адама Смита,
 И былъ глубокий экономъ,
 То есть, умѣлъ судить о томъ,
 Какъ государство богатѣетъ,
 И чѣмъ живеть, и почему
 Не нужно золота ему .
 Когда простой продуктъ имѣетъ .
 Отецъ понять его не могъ,
 И землямъ отдавалъ въ залогъ .

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгенийъ,
 Пересказать мнѣ недосугъ ;
 Но въ чемъ онъ истинный былъ генийъ,
 Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ ,
 Что было для него измлада
 И трудъ, и мука, и отрада,
 Что занимало цѣлый день
 Его тоскующую лѣнь, —
 Была наука страсти пѣжной,
 Которую носилъ Назонъ ,
 За что страдальцемъ кончалъ онъ

Свой вѣкъ блестящій и мятежной
 Въ Молдавіи, въ глуши степей,
 Вдали Италіи своей .

IX.

.....

X.

Какъ рано погъ онъ лицемѣрять,
 Тамъ надежду, ревновать,
 Разувѣрять, заставить вѣрять,
 Казаться мрачнымъ, взыптать,
 Являться гордымъ и послушнымъ,
 Внимательнымъ, или равнодушнымъ !
 Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
 Какъ пламенно краснорѣчивъ,
 Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ !
 Однимъ дыша, одно любя,
 Какъ онъ умѣлъ забыть себя !
 Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,

— 8 —

Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блестала послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Путать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь — и вдругъ
Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ ей маединъ
Давать уроки въ таинствѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!

— 9 —

Когда жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно алословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкала супругъ лукавый,
Фобласа давній ученикъ,
И недоумчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII, XIV.

.....
.....
.....

XV.

Бывало, онъ еще въ постель;
Къ нему записочки несутъ,
Что? Приглашаемъ? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:

— 10 —

Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Куда жъ москачетъ ной проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно:
Вездѣ поспѣтъ нечудрено.
Покаместъ, въ утреннемъ уборѣ,
Идѣтъ широкой боливаръ³,
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,
И такъ гуляетъ на просторѣ,
Пока недремающій Брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно: въ санки онъ садится.
«Поди! поди!» радался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ,
Къ *Talon*⁴ помчался: онъ увѣремъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его ***.
Вошелъ и пробка въ потолокъ,
Взма кометы брызнула токъ,
Предъ нимъ *Roast-beef* окровавленный,
И трюфли — роскошь юныхъ лѣтъ,

— 11 —

Французской кухни лучший цвѣтъ, —
И Стразбурга пирогъ нетаѣнный
Межъ сыромъ Ликибургскимъ живымъ
И анамасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
Залить горячій жиръ котлетъ;
Но звонъ Брегета имъ доноситъ,
Что новый начался бзлетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ вктрисъ,
Почетный гражданинъ мулясь,
Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать *Entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Можно вызвать для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Болшебный край! Тамъ въ стары годы,

Сатиры смѣлой властелинъ,
Блесталь Фопкинъ, другъ свободы,
И перемчивый Княжинъ;
Тамъ Оаеровъ мевольмы дамъ
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ жладой Семеновой дѣламъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой:
Тамъ, тамъ, подъ сѣню кулсъ,
Младья дни мом пелкъсь.

ХІХ.

Мом богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Всѣ тѣ же ль вы? Другія ль дѣвы,
Смѣяль не замѣнимъ насъ?
Услышу ль вновь я вашъ хоры?
Узрю ли Русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?

Иль взоръ унылый не найдетъ
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И, устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Беселья зритель равнодушной,
Безвольно буду я вѣвать
И о быломъ воспоминать?

ХХ.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсь шумитъ.
Блестательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружить,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
То стань советъ, то раазовѣтъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

ХХІ.

Все хлопаютъ. Онѣгинъ входитъ:
Идетъ межъ кресель по ногамъ,
Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ лусы окинулъ ваоромъ,
Все видѣль: лицамъ, уборомъ
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланяся, потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотилъ, и зѣвнулъ,
И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
Балеты долго я терпѣль,
Но и Дидло мнѣ надоѣль».

ХХІІ.

Еще амуры, черти, зѣмъ
На сценѣ скачутъ и шумятъ,
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подѣвада спятъ;
Еще не перестали топтать,

Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Бездѣ блстаютъ фонари;
Еще, прозябнувъ, бьются кони,
Наскуча упряжью своею,
И кучера, вокругъ огней,
Бранять господъ и бьютъ въ ладони:
А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ;
Дошой одѣться ѣдетъ онъ.

ХХІІІ.

Изобразу ль въ картинѣ вѣрной
Удлиненный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раадѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуеть Лондонъ щепетильной
И по Балтйскимъ волнамъ
За лѣсъ и сало воаитъ намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаеть для бабавъ,

— 16 —

Для роскоши, для мѣги модной, —
Все украшало кабинетъ
Философа въ осмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда.
Фарфоръ и бронза на столѣ,
И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родовъ —
И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо (замѣчу мимоходомъ)
Не могъ понять, какъ важный Гримъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ⁶:
Защитникъ вольности и правъ
Въ семь случаевъ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человекомъ
И думать о красѣ ногтей:

— 17 —

Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ нежъ людей
Второй^{***}, мой Евгенийъ,
Боясь ревнивыхъ осуждений,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтренной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ наскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднее вѣкъ туалетомъ
Занявъ вашу любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно бѣ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло:
Но панталоны, фракъ, жилетъ,
Бсѣхъ этихъ словъ на Русскомъ нѣтъ;

з

— 18 —

А вижу я, вижуся предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣтъ гораздо меньше бѣ ногъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметъ:
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари жарятъ
Веселый разливаютъ свѣтъ,
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Услышь шапками кругомъ,
Властять великолѣпный домъ;
По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

— 19 —

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подѣхалъ къ снѣгу;
Швейцара мимо, онъ стрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волосы рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремѣтъ устала;
Толпа назуркой занята;
Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
Врещать кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрипокъ заглушенъ
Ревнивый шопотъ модныхъ жемъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума:
Вѣрный нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма.
О вы, почтенные супруги!

Вамъ предложу свои услуги;
Прошу мою замѣтить рѣчь:
Я васъ хочу предостеречь.
Вы также, маленьки, построже
За дочерьями смотрите вслѣдъ:
Держите прямо свой лорнетъ!
Не то . . . не то избави, Боже!
Я это потому пишу,
Что ужь давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разные забавы
Я много жизни погубилъ!
Но если бъ не страдали нравы,
Я балы бъ до смѣхъ поръ любилъ.
Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманнѣйшій нарядъ;
Люблю ихъ ножки: только врьдъ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
Ахъ, долго я забыть не могъ

Двѣ ножки! . . . Грустный, охладѣлой,
Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

XXXI.

Когда жъ, и гдѣ, въ какой пустыни,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! Гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вешние цвѣты?
Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ,
Изъ сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили садовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давноль для васъ я забывалъ
И жажду славы, и похвалъ,
И край отцевъ, и ваточевье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ —
Какъ на лугахъ вашихъ легкой снѣдъ.

XXXII.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!

Однако ножка Терсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весмой на муравѣ луговъ,
Зимой на чугуиѣ камня,
На зеркальномъ паркетѣ залъ,
У моря на гранитѣ скалъ.

XXXIII.

Я помню море предъ грозною:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устамъ!
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей радости поей

Я не желалъ съ такимъ пученьемъ
Лобзать уста молодыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланитъ,
Иль перси, полныя томленьемъ,
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души поей!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ заветныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ уявшемъ сердцѣ кровь,
Опять тоска, опять любовь...
Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своей:
Онѣ не стоятъ ни страстей,
Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ:
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы какъ ножки ихъ.

— 24 —

XXXV.

Что жь мой Онѣгинъ? Полусонный
 Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ:
 А Петербургъ неутомимый
 Ужъ барабаномъ пробуждѣнъ.
 Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
 На биржу тянется извозчикъ,
 Съ кувшиномъ Охтенка спѣшитъ,
 Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
 Проснулся утра шумъ пріятный,
 Открыты ставни, трубный дымъ
 Столбомъ восходитъ голубишь,
 И хлѣбникъ, Ижець акуратный,
 Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
 Ужъ отворялъ свой *casida*.

XXXVI.

Но шумомъ бала утомленной,
 И утро въ полночь обратя,
 Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
 Забавъ и роскоши дѣтя.
 Проснется за полдень, и снова

— 25 —

До утра жизнь его готова,
 Однообразна и пестра,
 И завтра' тоже, что вчера.
 Но былъ ли счастливъ мой Евгенийъ,
 Свободный, въ цвѣтъ лучшихъ лѣтъ,
 Среди блжстательныхъ побѣдъ,
 Среди всеневныхъ наслажденій?
 Вотще ли былъ онъ средь пировъ
 Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли;
 Ему наскучилъ свѣта шумъ;
 Красавицы не долго были
 Предметъ его привычныхъ думъ:
 Изнѣны утонить успѣли;
 Друзья и дружба надобя,
 Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Стравбургскій пирогъ
 Шампанской обливать бутылкой
 И сыпать острыя слова,
 Когда болѣла голова:

— 26 —

И хоть онъ былъ повѣса клякой,
 Но разлюбилъ онъ наконецъ
 И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Медугъ, котораго причину
 Давно бы отыскать пора,
 Подобный Англійскому *сплину*,
 Короче: Русская *хандра*
 Имъ овладѣла по немногу;
 Онъ застрѣлится, слава Богу,
 Попробовать не захотѣлъ:
 Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
 Какъ *Child-Herald*, угрюмый, томный
 Въ гостинныхъ появлялся онъ;
 Ни слетня свѣта, ни бостонъ,
 Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

.....

— 27 —

XLII.

Причудницы большого свѣта!
 Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
 И правда то, что въ наши лѣта
 Довольно скученъ высшій тонъ.
 Хоть, можетъ быть, иная дама
 Толкуетъ Сея и Бентама;
 Но вообще ихъ разговоръ
 Несносный, хоть невинный вздоръ.
 Къ тому жь онѣ такъ непорочны,
 Такъ величавы, такъ умны,
 Такъ благочестія полны,
 Такъ осмотрительны, такъ точны,
 Такъ неприступны для мужчинъ,
 Что видъ ихъ ужъ рождаеть спаниъ?

XLIII.

И вы, красотки молодя,
 Которыхъ поздною порой
 Уносятъ дрожки удалыя
 По Петербургской мостовой,
 И васъ покинулъ мой Евгенийъ.

Отступникъ бурныхъ наслаждений,
Онѣгивъ дома заперся,
Зѣвая, за перо взялся,
Хотѣвъ писать: но трудъ упорный
Ему былъ тощень; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цѣкъ задорный
Людей, о комъ не сужу,
Затѣвъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова преданный бездѣлю,
Томясь душевной пустотой
Усылся онъ съ похвальной цѣлю
Себя присвоить умъ чужой;
Отрядонъ книгъ оставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныхъ вериги;
И устарѣла старина,
И старыи бредитъ новизна.

Какъ женщины, онъ оставилъ книги,
И полку, съ мыльбой ихъ семьей,
Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтанъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ ослобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обожъ насъ;
Въ обожъ сердца жвьръ погасъ;
Обожъ ожидала злоба
Слабой Фортуны и людей
На самокъ утро нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслялъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;

Кто чувствовалъ, того тревожить
Призраки не возвратимыхъ дней:
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того знія воспоминаній,
Того раскаянье грызеть.
Все это часто придаетъ
Вольшую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ; но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И власти врачныхъ эмиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою³,
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ анкъ Діаны,
Вспомни прежнихъ лѣтъ романы,
Вспомни прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,

Дыханьемъ почти благосклонной
Возможно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонной
Такъ улосмался мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
И опернился на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгений,
Какъ описалъ себя Ликтъ³.
Все было тихо; лишь мочицы
Переключались часовые;
Да дрожскъ отдаленный стукъ
Съ Миллионной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, послужившая нахалъ,
Плыла по дремлющей рѣкѣ:
И насъ плѣннл въдалекъ
Рожекъ и пѣсня удаляя.
Но слаще, средь ночныхъ аабавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

— 32 —

XLIX.

Адриатическія волны,
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенъ снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для вѣжковъ Аполлона;
По гордой амрѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италиі алатой
Я нѣгой наслажусь на волѣ;
Съ Венеціанкою жладой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывъ въ таинственной гондолѣ, —
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! — зываю къ ней;
Брожу надъ моремъ ¹⁰, жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь, съ волнами спора,

— 33 —

По вольному распутью моря
Когдажъ мачиу я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріятной стѣны,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки мосъ ¹¹,
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ.

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Займодавецъ жадный поля.
У каждаго свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ мнѣ,

— 34 —

Большой потерп въ томъ не видя,
Нль предузнавъ нль далека
Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ въ саможъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти въ постелѣ
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ носкачалъ
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохъ, скуку и обманъ
(И тѣмъ я началъ мой романъ),
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашель ужъ на столѣ,
Какъ дамъ, готовую землѣ.

LIII.

Нашель онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойному со всѣхъ сторонъ

— 35 —

Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронилъ
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Пережѣлкалъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій роца, холмъ и поле
Его не занимали болѣ,
Потомъ ужъ наводили соль;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,

Что и въ деревнѣ скука та же,
 Хоть нѣтъ имъ улицъ, имъ дворцовъ,
 Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
 Хандра ждала его на стражѣ
 И бѣгала за нимъ она,
 Какъ тѣнь, или вѣрная жена.

LIV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
 Для деревенской тишины:
 Въ глуши звучитъ голосъ лиричн.,
 Живѣ творческіе слы.
 Досугамъ посвящаю невпущенъ,
 Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
 И *far niente* мой вакемъ.
 И каждыиъ утроиъ пробуждѣиъ
 Для сладкой мѣги и свободы:
 Читаю мало, много слыю,
 Летучей славы не ловлю.
 Не такъ ли я въ былые годы
 Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши
 Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
 Поля! я преданъ вамъ душой.
 Всегда я радъ замѣтить разность
 Между Онѣгинимъ и мной,
 Чтобы масмѣшливый читатель,
 Или какой нибудь издатель
 Забысловатой клеветы,
 Слычая здѣсь мои черты,
 Не повторялъ потомъ безбожно,
 Что намаралъ я свой портретъ,
 Какъ Байронъ, гордости поэтъ, —
 Какъ будто намъ ужъ невозможно
 Писать поэмы о другомъ,
 Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты —
 Любви мечтательной друзья.
 Бывало, милые предметы
 Мнѣ снились, и душа моя
 Ихъ образъ тайный сохраняла;

Ихъ послѣ Муза оживила:
 Такъ я, безпечень, восиивалъ
 И дѣву горь, мой идеалъ,
 И наѣннцъ береговъ Салгира.
 Теперь отъ васъ, мои друзья,
 Вопросъ не рѣдко слышу я:
 «О комъ твой вздыхаетъ лвра?
 «Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
 «Ты посвящалъ ея напѣвъ?»

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенъе,
 «Умильной лаской награждалъ
 «Твое задумчивое пѣмъе?
 «Кого твой стихъ боготворилъ?» —
 И, други, много, ей Богу!
 Любви безумную тревогу
 Я безотрадно испыталъ.
 Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
 Горячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
 Поэзіи священннй бредъ,
 Петраркѣ шествуя во слѣдъ,
 А нуди сердца успокоилъ,

LIX.

Поймалъ и славу между тѣмъ;
 Но я, любя, былъ глушь и нѣмъ.
 Прошла любовь, явилась Муза,
 И прояснися темный умъ.
 Свободеиъ, вновь пишу союза
 Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
 Пишу, и сердце не тоскуетъ;
 Перо, забывшиисъ, не рисуется,
 Близъ несовершенныхъ стиховъ,
 Ни женскихъ ножекъ, имъ голощъ;
 Погасищй нецель ужъ не всмыкнетъ,
 Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
 И скоро, скоро буря слѣдъ
 Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ:
 Тогда-то я начну писать
 Поэму, нѣсенъ въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
 И какъ героя назову.
 Покаместъ моего романа

— 40 —

Я кончала нервую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Целсуръ долгъ свой занячу,
И журналистамъ на съѣденье
Плоды трудовъ моихъ отдачу:
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье!
И заслужи мнѣ славы дань —
Кривые толки, шумъ и брань.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

====

О глѣ
Насъ
О Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслаждений
Благословить бы Небо могъ.
Господскій домъ, уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрыя и цвѣтны
Луга и нивы золотыя.
Мелькала села здѣсь и тѣнь,
Стада бродили по лугамъ

— 42 —

И сѣни расширялъ густыя
Огромный, занущенный садъ,
Приютъ задумчивыхъ Дриады.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строятся должны:
Отменно проченъ и спокоенъ,
Во вкусъ умной старины.
Вездѣ высокіе ноки,
Въ гостиной штофныя обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ марсадахъ.
Все это нымъ обветшало,
Не знаю, право, почему:
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно вѣдалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ

— 43 —

Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни нятлышка черниль.
Онѣгмиъ шкафы отворялъ:
Въ одномъ нашель тетрадь расхода,
Въ другомъ наливочъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календаръ осьмаго года;
Старикъ, имѣи много зѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить
Сперва задумалъ нашъ Евгений
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ опъ барщины старинной
Оброкони легкимъ самѣнилъ;
Мужикъ судьбу благословилъ.

За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его расчетливый сосѣдь.
Другой лукаво улыбулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ:
Что онъ опаснѣйшій чужакъ

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали,
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему Донскаго жеребца,
Линя только вдоль большой дороги
Заслышать ихъ домашни дроги: —
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ
«Сосѣдь нашъ неучъ, сумасбродитъ,
«Онъ фартасонъ; онъ нѣтъ одно
«Стаканомъ красное вино;
«Онъ дамамъ къ ручьямъ не подходитъ;
«Все да, да мить, не скажетъ да-съ .
«Иль мить-съ.» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ.
По имени Владимиръ Ленскій,
Съ душою прямо Геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ
Онъ изъ Германии туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увлунуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтсужь друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;

Его лелѣла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ.
Еще плѣняла юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкою
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна,
Что, безотрадно изнывалъ,
Его всендневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника:
Что есть взбранины судьбою
.....
.....

IX

Негодование, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой страствовалъ на свѣтъ;
Подъ небомъ Шиллера и Гете,
Изъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ.
И Музы возвышенныхъ искусства,
Счужствивецъ, онъ не постыдилъ;
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранялъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,

— 48 —

Какъ мысля дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба бесмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нежныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, в туману даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лцался его живыя слезы;
Онъ пѣлъ, поблѣднѣй жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгений
Могъ оцѣнить его дары,
Господь сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравился ниры;
Бѣжалъ онъ къ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумной
О стѣнокѣ, о винѣ,
О царствѣ, о своей роднѣ,
Конечно не балстала ни чувствомъ,

— 49 —

Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни острою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою. Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:
Таковъ обычай деревенскій;
Всѣ дочекъ прочили своимъ
За полурусскаго сосѣда;
Взойдетъ ли онъ— тотчасъ бесѣда
Заводить слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зонуть сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай,
Ей шепчуть: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару:
И запищитъ она (Богъ мой!):
*Ириди въ чертокъ ко мнѣ златой!...*¹²

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно

— 50 —

Охоты узы брака несть,
Съ Онегинимъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свести.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны;
Потомъ миривались; потомъ
Съязались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди — первый какъ я —
Отъ дѣлать нечего — друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предразсудки пестреба,
Мы почитаемъ всѣхъ — муляжи,
А единицамъ — себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно;

— 51 —

Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣе многихъ былъ Евгений;
Хоть онъ людей конечно зналъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но нравилъ нѣтъ безъ исключеній:
Извѣкъ онъ очель отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ —
Онегину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ стараяся удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;
Пускай поамѣсть онъ живетъ
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныя лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ нами все рождало споры
 И къ размышленію влекло:
 Племенъ минувшихъ договоры,
 Плоды наукъ, добро и зло,
 И предрасудки вѣковые,
 И гроба тайны роковыя,
 Судьба и жизнь въ свою чреду,
 Все подвергалось ихъ суду.
 Поэтъ въ жару своихъ сужденій
 Читалъ, забывшись, между тѣмъ
 Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
 И снисходительный Евгенийъ,
 Хотъ ихъ не много понималъ,
 Прилѣжно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
 Умы пустынниковъ моихъ.
 Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
 Омѣгнивъ говорилъ объ нихъ
 Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья,

Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
 И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
 Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
 Кто охлаждалъ любовь разлукой,
 Вражду злословіемъ; порой
 Зѣвалъ съ друзьями и женой,
 Ревнивой не тревожась мукой,
 И дѣдовъ вѣрный капиталъ
 Коварной двойкѣ не вѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
 Благоразумной тишины,
 Когда страстей угаснетъ пламя,
 И намъ становятся смѣшны
 Ихъ споровольство, пль порывы
 И запоздалые отъѣзды: —
 Смиренные не безъ труда,
 Мы любимъ слушать иногда
 Страстей чужихъ языкъ мятежный
 И намъ онъ сердце шевелить;
 Такъ точно старый инвалидъ

Охотно клонить слухъ прилѣжный
 Расскажамъ юныхъ усачей,
 Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная радость
 Не можетъ ничего скрывать:
 Вражду, любовь, печаль и радость,
 Она готова разболтать.
 Въ любви считаясь инвалидомъ,
 Омѣгнивъ слушалъ съ важными видомъ,
 Какъ, сердца исповѣдь любя,
 Поэтъ высказывалъ себя;
 Свою доверчивую совѣсть
 Онъ простодушно обнажалъ.
 Евгенийъ безъ труда узналъ
 Его любви младую новѣсть,
 Обильный чувствами расказъ.
 Давно не поѣхали для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
 Уже не любятъ; какъ одна

Безумная душа поэта
 Еще любить осуждена:
 Всегда, вездѣ одно мечтанье
 Одно привычное желанье,
 Одна привычная печаль!
 Ни охлаждающая даль,
 Ни долгая лѣта разлуки,
 Ни пузатъ дниные часы,
 Ни чужеземныя красы,
 Ни шумъ веселій, ни науки
 Души не мѣтили въ лемъ,
 Согрѣтой дѣвственными огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плененный,
 Сердечныхъ нужъ еще не зная,
 Онъ былъ свидѣтель умиленный
 Бя младенческихъ забавъ;
 Въ тѣни хранительной дубравы
 Онъ раздѣлялъ ея забавы,
 И дѣтямъ прочили вѣнцы
 Друзья-сосѣди, ихъ отцы.

— 56 —

Въ глуши, подъ стѣною смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла какъ ландышь потаенный,
Неанземь въ травѣ глухой,
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младычъ восторговъ первый сонъ,
И мысль объ ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простиге, игры золотыя!
Онъ роши полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну —
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь пещерней тмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду....
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

— 57 —

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкий стамъ,
Все въ Ольгѣ.... по любой романъ
Воамите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна....¹³
Впервые ищемъ такимъ
Странныя и жныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? оно прятно, звучно,

— 58 —

Но съ ними, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ изшихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной,
Не привлекала бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, пѣ толкѣ дѣтей

— 59 —

Играть и прыгать не хотѣла,
И часто, цѣлый день одна,
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея манъженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пальцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою, дитя
Приготавливается шутя
Къ примачію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маненьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна пѣ руки не брала,

Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; странныя рассказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, ма широкій лугъ,
Всѣхъ маленькыхъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣднохъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хоромодъ,
И тихо край земли свѣтаѣтъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣтъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда почная тѣнь

Полміромъ доль обладаетъ,
И доль въ праздной тишинѣ,
При отуманенной дунѣ,
Востокъ лѣнивый почиаетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Встала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣляли все;
Она влюбилась въ обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отецъ ее былъ добрый малый,
Въ прошедшенъ вѣкъ запоздалый;
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читалъ никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой,
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы вродила,
Не потому, чтобы Грандисона
Она Ловласу предпочла;¹⁴
Но встарину, Княжна Анна,
Ея Московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ; но по неволѣ;
Она вѣдыхала по другому,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ;
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта,
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросилъ ее совѣта,
Дѣвиду поведалъ къ вѣлцу,
И чгобъ ее разсѣять горе,

Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась;
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка слыше намъ дава:
Замѣна счастию она.¹⁵

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Сознала на вѣму грывы,
Вела расходы, брала лбы,

— 64 —

Ходила в баню по субботамъ,
Служанокъ была осердясь —
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало присылал кровью
Она в альбомы и жемчужныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила из расиѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И Руской Н какъ Н Французскій
Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла — стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновляла наконецъ
На ватъ шлафдоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣхъ не входилъ,

— 65 —

Во всемъ ей ѣровала безмечло,
А самъ въ халатъ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась:
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и повелословить,
И носиться кой о чень
Проходитъ время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Она хранила въ жизни мирной
Привычки шлоя старины,
У нихъ на маслеицѣ жирной
Водилась Русскіе блины

.....
.....
.....

— 66 —

.....
.....
.....
Имъ квасъ, какъ воздухъ былъ потребенъ
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда но чинажъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились заколпечъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріѣлъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй чѣмъ икоя.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
Смиранный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

— 67 —

XXXVII.

Своимъ пейзажъ возвращемный,
Владимиръ Ленскій посылалъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ мѣлу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
«Poor Yorick!»¹⁶ молвилъ онъ уныло,
«Онъ изъ рукахъ меня держалъ.
«Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
«Его Очковской медалью!
«Онъ Ольгу прочелъ за меня,
«Онъ говорилъ: дождусь ли дня?...»
И полный искренней печалью,
Владимиръ тутъ же изчертилъ
Ему надгробный надригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ словахъ,
Почтилъ онъ прахъ патриархальмой....
Увы! на живыхъ браздахъ
Мгновенной жтвой, поколѣньи,

По тайной воле Провиденья,
 Восходятъ, вьютъ и падаютъ;
 Другія имъ во славу падаютъ...
 Такъ изше внутреннее племя
 Растетъ, волнуется, кипитъ
 И къ гробу прадедовъ тѣснитъ.
 Придетъ, придетъ и изше время,
 И нашимъ внукамъ въ добрый часъ
 Изъ міра вытѣснятъ и насъ!

XXXIX.

Покаместъ унизайтесь ею,
 Сей легкой жизнью, друзья!
 Ея ничтожность разумью,
 И мало къ ней привлечанъ я;
 Для призраковъ закрыла я вѣжды,
 Но отдаленныя надежды
 Тревожатъ сердце иногда:
 Безъ непримѣтнаго слѣда
 Мнѣ было бѣ грустно міръ оставить.
 Живу, пишу не для похвалъ;
 Но я бы, кажется, желалъ

Печальный жребій свой прославить,
 Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
 Напоминалъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье либудъ оиъ сердце тронетъ;
 И сохраненная судьбой,
 Быть можетъ, въ Леть не потонетъ
 Строфа, слагземая мной;
 Быть можетъ — лестнзла надежда! —
 Укажетъ будущій невѣжда
 На мой прославленный портретъ,
 И молвитъ: то-то былъ Поэтъ!
 Прими жъ мое благодаренье,
 Поклонникъ мирныхъ Аоидаъ,
 О ты, чья память сохранить
 Мои летучія творенья,
 Чья благосклонная рука
 Потреслетъ лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

==
 Elle dort bien, elle dort amoureusement
 Malheureusement.

I.

— «Куда? Ужъ эти нлѣ поэты!»
 — «Прощай, Онѣгнл, мнѣ пора.»
 — «Я не держу тебя; но гдѣ ты
 Споп проводишь вечера?
 — «У Ларинныхъ.» — «Вотъ это чудно.
 Пожалуй! и тебѣ не трудно
 Такъ каждый вечеръ убивать!»
 — «Нп мало.» — «Не могу понять.
 Отселѣ вижу, что такое:
 Во-первыхъ — слушай, правъ ли я? —
 Престал, Русская семья,
 Къ гостямъ усердіе большое,

Взренье, вѣчный разговоръ
 Про дождь, про лень, про скотный дворъ.. »

II.

— «Я тутъ еще бѣды не вижу.»
 — «Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
 — «Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
 Милѣ мнѣ домашній кругъ,
 Гдѣ я могу...» — «Опять эклога!
 Да полно, милый, ради Бога.
 Ну что жъ? ты ѣдешь: очень жаль.
 Ахъ, слушай, Ленской, да не льзя ль
 Увидѣть мнѣ Финланду эту,
 Предметъ и мысли, и пера,
 И слезъ, и рифмъ et cetera?
 Представь меня.» — «Ты шутишь.» — «Нѣту.»
 — «Я радъ.» — «Когда же?» — «Хоть сей часъ.
 Онъ съ охотой примутъ насъ.

III.

Поѣдемъ.» —
 Псковскаяи други,

— 73 —

Явились; имъ расточены
 Порой тяжелыя услуги
 Гостепримной старины.
 Обрядъ извѣстнѣй угощенья:
 Несутъ на блюдечкахъ варенья,
 На столикъ стзвать вощаной
 Кувшинъ съ брусничною водою.

IV.

Они дорогой самой крѣткой
 Домой летятъ во весь опоръ. 17
 Теперь подслушанъ украдкой
 Героевъ нашихъ разговоръ.
 —«Ну что жь, Оиѣгмнъ? ты зѣвнешь.»
 —«Привычка, Лепскій.» —«Но скучаешь
 Ты какъ-то больше.» — «Нѣтъ, равно.
 Однако въ полѣ ужъ темно;

— 74 —

Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!
 Какія глупыя мѣста!
 А, кстати: Ларлиз проста,
 Но очень милая старушка;
 Боюсь: брусничная вода
 Имъ не надѣлала бъ вреда.

V.

Скажи: которзя Татьяна?»
 —«Да та, которая, грустна
 И молчалива какъ Свѣтлана,
 Вошла и сѣла у окна.»
 —«Не ужъ-то ты влюбленъ въ меньшую?»
 —«А что?» —«Я выбралъ бы другую,
 Когда бъ я былъ какъ ты поэтъ.
 Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
 Точь въ точь въ Бандиковой Мадонъ:
 Кругла, красна лицомъ она,
 Какъ эта глупая луна
 На этомъ глупомъ небосклонѣ.» —
 Владиміръ сухо отвѣчалъ
 И носъ во весь путь молчалъ.

— 75 —

VI.

Межь тѣмъ Оиѣгмнн явленье
 У Ларлиныхъ произвело
 На всѣхъ большое впечатлѣнье
 И всѣхъ сосѣдей разплекло.
 Пошла догадка за догадкой,
 Всѣ стали толковать украдкой,
 Шутить, судить же безъ грѣха,
 Татьянѣ прочить жениха,
 Иные даже утверждали,
 Что свадьба слажена совсѣмъ,
 Но остановлена затѣмъ,
 Что подныхъ колецъ не достали.
 О свадьбѣ Лепскаго давно
 У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадой
 Такія сплетни; но тайкомъ
 Съ неизъяснимою отрадой
 Невольно думала о томъ;
 И въ сердце дума заронилась;

— 76 —

Пора пришла, она влюбилась.
 Такъ въ землю падшее зерно
 Весны огнемъ оживлено.
 Давно ея воображенье,
 Старая нѣгой и тоской,
 Алкала нищи роковой;
 Давно сердечное томленье
 Тѣснило ей младую грудь;
 Душа ждала . . . кого нибудь,

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
 Она сказала: это онъ!
 Увы! теперь и дни, и ночи,
 И жаркій, одинокій сонъ,
 Все полно мнѣ; все дѣвъ милой
 Безъ умолку волшебной силой
 Твердить о немъ. Докучны ей
 И звуки ласковыхъ рѣчей,
 И взоръ заботливой прислуги.
 Въ уныніе погружена,
 Гостей не слушаетъ она,

И проклинает их досуги,
Их неожиданный притязъ
И продолжительный присестъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтала
Одушевленные созданья,
Любовникъ Юли Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ млежлой,
И неподобный Грандисонъ, 18.
Который намъ заводитъ сонъ,
Всѣ для мечтательницы мѣжной
Въ единый образъ облеклась,
Въ одномъ Онѣгнѣ слилась.

X.

Воображалась героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,

Кларисой, Юлей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лесовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ,
Она въ ней ищетъ и находитъ
Спой тайный жаръ, спом мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхаетъ, и себѣ присвоитъ
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для млага героя. . . .
Но нашъ герой, кто бъ ии былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроитъ,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда несправедливо гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.

Литая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокомъ,
Добру достойный былъ пѣнокъ.

XII

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ заводитъ сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Баппиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачной,
Иль вѣчный жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ. 19
Лордъ Байронъ крихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею Небесъ,
И нестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой экатъ
Не нуки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья Русскаго семейства,
Любви пылительные сны,
Да нравы нашей старины

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца или дяди старика,
Дѣтей условленные встрѣчи
У старухъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности пучины,

— 81 —

Разлуку, слезы примиреня,
Поссору влюбь, и наконецъ
Я повежу ихъ нодь вънецъ .
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ миувиши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ комхъ я теперь отвыкъ

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью,
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая, но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узмелешь,
Ты нѣнешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображвешь ты

— 82 —

Приюты счастливыхъ свиданій,
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твоей искуситель роковой

XVI

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижимы очи клонитъ,
И лѣнь ей дальѣ ступить:
Приоднялася грудь, ланиты
Мгновенныиъ пламенемъ мокрты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ. . .
Настанетъ ночь, луна обходитъ
Дозоромъ дальный сводъ небесъ,
И соловей во мглахъ древесъ
Намѣлы звучные изводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тако съ няней говоритъ:

XVII.

— « Не спится, няня: здѣсь такъ душно!

— 83 —

Открой окно, да сядь мо ннѣ »
— « Что, Таня, что съ тобой? » — « Мнѣ скучно,
Поговоримъ о старинѣ »
— « О чемъ же, Таня! Я, бывало,
Хранила въ памяти не мало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про влукъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ теино, Таня .
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашмбло. » — « Расскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда? »

XVIII.

— « И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы сознала со свѣта
Меня некойница свекровь. »
— « Да какъ же ты вѣчалась, няня? »
— « Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,

— 84 —

А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣля даѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословляя меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ носу расплелам,
Да съ пѣньемъ въ церковь повелам.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую. . . .
Дз ты не слушаешь меня. . . »
— « Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова! »
— « Дитя мое, ты нездорова?
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси. . . .
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь. . . » — « Я не больна;
Я. . . знаешь, няня, . . . влюблена. »
— « Дитя мое, Господь съ тобою! » —
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX.

— « Я влюблена, » шептала снова
 Старушкѣ съ горестью она
 — « Сердечный другъ, ты нездорова.
 — « Оставь меня я влюблена » —
 И между тѣмъ луна сияла
 И темнѣитъ свѣтомъ озаряла
 Татьяны блѣдныя красы,
 И распущенныя власы,
 И капли слезъ, и на скамейкѣ
 Предъ героиней колодой,
 Съ илзткомъ на головѣ сѣдой,
 Старушка въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
 И все дрекало въ тишинѣ
 При вдохновительной лунѣ.

XXI

И сердцемъ далеко послышалась
 Татьяна, смотря на луну. . . .
 Вдругъ мысль въ уиѣ ея родилась. . .
 — « Поди, оставь меня одну.
 Дай, илия, ипѣ nero, бумагу ,

Да столь подвинь: я скоро лягу;
 Прости » И вотъ она одна.
 Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
 Облокотясь, Татьяна пишетъ,
 И все Евгений на уиѣ,
 И въ необдуманной нисѣиъ
 Любовь невинной дѣвы дышетъ.
 Письмо готово, сложено. . .
 Татьяна! для кого жъ оно!

XXII

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
 Холодныхъ, чистыхъ какъ алма;
 Неумолимыхъ, непокупныхъ,
 Непостижимыхъ для уха;
 Дивился я ихъ слѣси модной,
 Ихъ добродѣтели природной,
 И ирпзнаюся, отъ нихъ бѣжалъ,
 И, мнитса, съ ужасомъ читалъ
 Надъ ихъ бровями надписъ ада:
Оставь надежду навсегда. во
 Впущать любовь для нихъ бѣда,

Пугать людей для нихъ отрада.
 Быть можетъ, изъ брѣгахъ Невы
 Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII

Среди поклонниковъ послушныхъ
 Другихъ причудницъ я видалъ,
 Самолюбиво равнодушныхъ
 Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
 И что жъ нашель я съ изумленьемъ?
 Онѣ суровыиъ поведенсьемъ
 Пугая робкую любовь,
 Ее привлечь умѣли яноль,
 По крайней итѣиъ, сожалѣньемъ,
 По крайней итѣиъ, звукъ рѣчей
 Казался иногда важней,
 И съ легковѣрнымъ ослѣпленсьемъ
 Опягъ любовницъ молодой
 Вѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ вымовнѣ Татьяна?
 За то ль, что въ милой простотѣ

Она не вѣдзеть обмана
 И вѣрнѣ избранной мечтѣ?
 За то ль, что любить безъ искусства,
 Послушная влеченью чувства,
 Что такъ доврчива она,
 Что отъ Небесъ одарена
 Воображеніемъ мятежнымъ,
 Умоиъ и волею живой,
 И своенрвной головой,
 И сердцемъ пламеннымъ и мѣжнимъ?
 Ужели не простите ей
 Вы легкомыслимъ страстей?

XXV.

Кокетка судитъ хладнокровно,
 Татьяна любить не шутя
 И предзетса безусловно
 Любови, какъ милое дитя.
 Не говоритъ она: отложимъ —
 Любви мы цѣну тѣиъ умножимъ,
 Вѣрите въ сѣти заведеиъ;
 Сперва тщеславие колеиъ

— 89 —

Надеждой, тѣмъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненью:
Родной земли смасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалась съ трудомъ
На языкъ своемъ родномъ,
И такъ писала по-Французски. . .
Что дѣлать? повторю вновь:
Доминъ датская любовь
Не изъяснялся по-Русски,
Доминъ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

— 90 —

XXVII.

Я знаю: дамъ хотѣть заставить
Читать по-Руски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ²¹ въ рукахъ!
Я шлюсь на насъ, мои поэты,
Не правда ль: милые предметы,
Которыхъ, за свои грѣхи,
Писалъ втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всё ли, Русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балъ
Иль при развѣдѣ изъ крыльцъ
Съ семинаристомъ въ желтой шаль
Иль съ Академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устѣ ружьяхъ безъ улыбки,

— 91 —

Безъ грамматической ошибки
Я Русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыя поколѣнья,
Журналовъ влиятъ молящій гласъ,
Къ Грамматикѣ приучитъ насъ,
Стихи введутъ въ употребленья.
Но я. . . какое дѣло мнѣ?
Я въречь буду старинъ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей,
По прежнему сердечный трепетъ
Промавсдутъ въ груди моей;
Раскаются во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.
Но можно. Мнѣ поря заняться
Письмомъ красавицы моей;
И слово даль, и что жъ? ей см

— 92 —

Теперь готовъ ужъ отказаться
Я знаю: нѣжнаго Парии
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Итвецъ Пировъ и грусти томной,²²
Когда бѣ еще ты былъ со мной,
Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой.
Чтобъ на волшебные напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменные слова.
Гдѣ ты? приходи: свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ. . . .
Но посреди печальныхъ сказъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ, подѣ Финскимъ небосклономъ,
Онъ бродитъ, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,

Читаю съ тайною тоскою
И изчитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную нобрежность?
Кто ей внушалъ умильный взоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ:

Письмо Татьяны къ Онегину.

«Я къ вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей полѣ
Меня презрѣшь и наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храни,
Вы не оставьте меня.

Сначала я молчать хотѣла;
Помѣрите: моего стыда
Вы не узнали бѣ никогда,
Когда бѣ надежду я имѣла
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Важъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорить, вы не любите,
Въ глуши, въ деревнѣ все вамъ скучно,
А мы... ничѣмъ мы не блещемъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.

«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья,
Я никогда не знала бѣ васъ,
Не знала бѣ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
Но сердцу я нашла бы друга,

Была бы вѣрная судруга
И добродѣтельная мѣтл.

«Другой! .. Нѣтъ, никому на свѣтѣ.
Не отдала бы сердца я!
То въ виснѣмъ суждено сойтѣ ..
Но воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой ...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твоей голосъ раздавался
Давно... мѣтъ, это была не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обоняла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слышала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я блѣдными поногла,

Или молитвой улаждала
Тоску волнующей души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелкнулъ,
Прикиннувшись тихо къ изголовью!
Но ты ль, съ отравой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совѣмъ иное ...
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей зашиты умоляю ...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И, молча, гибнуть я должна.

— 97 —

Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!

«Кончаю! страшно перечестъ....
Стыдомъ и страхомъ замираю....
Но мнѣ порукой паша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю...»—

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожить въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась.
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ дупизго луча
Сянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ яснѣетъ. Тамъ потоки
Засеребрился; тамъ рожокъ

— 98 —

Пастушій будить селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она заря не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главой
И на письмо не изспирлетъ
Своей печати вырѣзкой.
Но, дверь тихонько отирая,
Ужъ ей Филатьевна сѣзая
Приноситъ на подносѣ чай.
— «Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О, штатска ранила моя!
Вечоръ ужъ какъ боялась я!
Да, слава Богу, ты здорова!
Тоски мочной и слѣду нѣтъ,
Лице твое какъ маковъ цвѣтъ.»

XXXIV.

— «Ахъ! няня, сдѣлай одолженье....»

— 99 —

— «Изволь, родня, прикляжи.»
— «Не думай... право... подозрѣнье...
Но видишь... Ахъ! не откажи.»
— «Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.»
— «И такъ пошам тихонько внука
Съ запиской этой къ О.... къ тому...
Къ сосѣду... да велѣть ему—
Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
Чтобъ онъ не называлъ меня...»
— «Кому-же, милая моя?
Я нынче стала безтолкова.
Кругомъ сосѣдей много есть—
Куда мнѣ ихъ и перечестъ.»

XXXV.

— «Какъ недогадлива ты, няня!»
— «Сердечный другъ, ужъ я старъ,
Старъ; тупѣетъ разумъ, Таня;
А то, бывало, я востръ:
Бывало, слово барской воли...»
— «Ахъ, няни, няня! до того ли?
Что нужды мнѣ въ твоёмъ умѣ?

— 100 —

Ты видишь, дѣло о письмѣ
Къ Онегину.»— «Ну дѣло, дѣло.
Не гнѣвайся, душа моя,
Ты знаешь, непомята я...
Да что жъ ты снова поблѣднѣла?»
— «Такъ, няня, право ничего.
Пошам же внука своего»—
XXXVI.
Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
Другой настала: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Блѣдина какъ тѣнь, съ утра одѣта,
Татьяна ждетъ: когда жъ отвѣтъ?
Пріѣхалъ Ольгинъ обожатель.
— «Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»
Ему вопросъ хозяйки былъ:
«Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
Татьяна, вспыхнувъ, задрожала.
— «Сегодня быть онъ общалъ.»
Старушкѣ Ленской отвѣчала:
«Да, видно, почта задержала.»—
Татьяна потупила взоръ,
Какъ будто слышз злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ, блистая,
 Шипѣлъ вечерній самоваръ,
 Китайскій чайникъ нагрѣвая;
 Подъ нимъ клубился легкій паръ.
 Разлитый Ольгиной рукою,
 По чашкамъ темною струею
 Уже душистый чай бѣжала,
 И сливки мальчикъ подавалъ;
 Татьяна предъ окномъ стояла,
 На стекла хладныя дыша,
 Задумавшись, мое душа,
 Прелестнымъ пальчикомъ нисала
 На отуманенномъ стеклѣ
 Завѣтный вензель: *О да Е.*

XXXVIII.

И между тѣмъ, душа въ ней ныла,
 И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
 Вдругъ топотъ!... кровь ея застыла,
 Ботъ ближе! скачутъ,.. и на дворъ
 Евгений! «Ахъ!» — и легче тѣни

Татьяна прыгъ въ другія сѣни
 Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ;
 Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ
 Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
 Куртины, мостики, лужокъ,
 Аллею къ озеру, лѣсокъ,
 Кусты смиренъ переломала,
 По цвѣтникамъ летя къ ручью
 И задыхаясь, на скажью

XXXIX.

Упала...

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгений!»

О Боже! что подумалъ онъ! —
 Въ ней сердце; полное мученій,
 Хранить надежды темный сомъ;
 Она дрожитъ и жаромъ ныщать,
 И ждетъ: пойдетъ ли? Но не слышать.
 Въ саду служанки, на грядахъ,
 Сбирала ягоды въ кустахъ
 И хоромъ но накаву пѣли
 (Наказъ, основанный въ тонъ,

Чтобъ барской ягоды тайкомъ
 Уста лукавыя не ѣли,
 И пѣньемъ были заняты:
 Затѣя сельской остроты!)

Пѣсня двѣшекъ.

«Дѣвицы, красавицы,
 Душеньки, подруженьки,
 Разыграйтесь, дѣвицы,
 Разгуляйтесь, милыя!
 Затяните пѣсенку,
 Пѣсенку завѣтную,
 Замачите молодца
 Къ хороводу нашему.
 Какъ замачимъ молодца,
 Какъ заманимъ издала,
 Разбѣжимтесь, милыя,
 Закандаемъ вишеньемъ,
 Вишеньемъ, малиною,
 Красною смородиной.
 Не ходи подслушивать

Пѣсенки завѣтныя,
 Не ходи подсматривать
 Игры наши дѣвчьи.» —

XL.

Онъ поютъ, и съ небреженьемъ
 Внимаю авонокій голосъ ихъ,
 Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
 Чтобъ трепеть сердца въ ней затихъ,
 Чтобы прошло ллнить пыданье.
 Но въ персяхъ то же трепетанье,
 И не проходитъ жаръ лалить,
 Но ярче, ярче лишь горитъ.
 Такъ бѣдный мотылекъ ж блещетъ,
 И бьется радужнымъ крыломъ,
 Пламенный школьникомъ шалуномъ;
 Такъ злѣчикъ въ озими трепещетъ,
 Увидя вдругъ мадалска
 Въ кусты прилзшаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула

— 105 —

И встала со скамьи своей;
 Пошла, но только повернула
 В аллею; — прямо передь ней,
 Блистая взорами, Евгений
 Стоит подобно грозной тѣни,
 И какъ огнемъ обожжена
 Остановилась она.
 Но свидѣнїя межданою встрѣчи
 Сегодня, милые друзья,
 Поресказать не въ силахъ я;
 Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
 И погулять и отдохнуть:
 Докончу послѣ какъ нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Le monde est dans la nature des choses.
 Molière

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
 Тѣмъ легче нравимся мы ей,
 И тѣмъ ее вернее губимъ
 Средь обольстительныхъ сѣтей.
 Развратъ, бывало, хладнокровной
 Наукой сзвился любовной,
 Сзмъ о себѣ вездѣ труба,
 И наслаждался не любя.
 Но эта важная забава
 Достойна старыхъ обезьянъ

— 108 —

Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ:
 Ловасовъ обещала слава
 Со славой красныхъ каблуковъ
 И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
 Различно повторять одно;
 Стараться важно въ томъ увѣрить,
 Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
 Все тѣ же слышать возрженья;
 Уничтожать предразсужденья,
 Которыхъ не было и нѣтъ
 У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!
 Кого не утомятъ угрозы,
 Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
 Записки на шести листкахъ,
 Обманъ, билетикъ, кольцо, слезы,
 Нездоры тстокъ, истерей,
 И дружбѣ тяжкая нужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгений.

— 109 —

Онъ въ первой юности своей
 Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
 И необузданныхъ страстей.
 Привычкой жизни избалованъ,
 Однимъ навреки очарованъ,
 Разочарованный другимъ,
 Желаньемъ медленно томимъ,
 Томимъ и вѣтренымъ успѣхомъ,
 Внимая въ шумѣ и въ тиши
 Роптанье вѣчное души,
 Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
 Вотъ, какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
 Утратя жизни лучшій цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
 А волочился какъ нибудь;
 Откажутъ — мигомъ утѣшался;
 Измѣнятъ — радъ былъ отдохнуть.
 Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
 А оставаясь безъ сожалѣнья,
 Чуть помня ихъ любовь и злость.

Такъ точно равнодушный гость
На листъ вечерній прѣвѣзаетъ,
Садится; кончилось мгрз:
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ ноутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгиня живо тронуть была:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ пемъ думы росемъ возмуталъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, богрѣшный сонъ
Душею погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старшиной
Нѣтъ изъ минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ мереледимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ пимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгиня подошелъ
И молилъ: — «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной калянья;
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненьѣ привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я азъ нее вземъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства;
Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда бы жманъ домашнимъ кругомъ
Я ограничить взхотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцемъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ семейственной картиной

Павнился я хоть мигъ единой:
То, вѣрно бъ, кромѣ васъ одной,
Невѣсты не искалъ нной.
Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны наши совершенства:
Ихъ повсе недостойнъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронуть сердца моего,
А будутъ лишь бѣснть его.

Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовить Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ,
И днемъ и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако жъ проклятая),
Всегда нахмурень, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искалъ
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужаси жребій вамъ такой
Назначень строгою судьбой?

XVI.

«Мечтаю и годамъ нѣтъ возврата;

— 114 —

Не обновлю души моей...
 Я васъ люблю любовью брата
 И, можетъ быть, еще иъжнѣй.
 Послушайте жь меня безъ гнѣва:
 Слѣмнтъ не разъ младая дѣва
 Моттами легкїя мечты;
 Такъ дерево свои листы
 Мѣняетъ съ каждою весною.
 Такъ видно Небомъ суждено.
 Полюбите вы снова: но...
 Учтесъ властвовать собою,
 Но всякой васъ, какъ я, пойметъ;
 Къ бѣдѣ поопытность ведетъ.» —

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгенийъ.
 Сквозь слезъ не видя ничего,
 Едва дыша, безъ возраженїй,
 Татьяна слушала его.
 Онъ подалъ руку ей. Почаьно
 (Какъ говорится, машинально)
 Татьяна, молча, оперлась;

— 115 —

Головкой томною склонясь,
 Пошла домой вокругъ огорода;
 Являсь вѣсть, и никто
 Не вздумалъ имъ иѣнять на то:
 Имѣтъ сельская свобода
 Свои счастливыя права,
 Какъ и падменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
 Что очень мило поступалъ
 Съ печальной Таней нашъ прїятель;
 Но въ первый разъ онъ тутъ являъ
 Души прямоо благородство,
 Хотя людей недоброхотство
 Въ немъ не щадило ничего:
 Врагъ его, друзья его
 (Что, можетъ быть, одно и тоже)
 Его честиам такъ и слжъ.
 Враговъ имѣтъ въ мїрѣ всякъ.
 Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
 Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
 Объ нихъ недаромъ вспомнилъ я.

— 116 —

XIX.

А что? Да такъ. Я усмыляю
 Пустыя, черныя мечты;
 Я только ихъ скобмалъ замѣчаю,
 Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
 Изъ чердакъ вралемъ рожденной
 И свѣсткой чернью ободренной,
 Что нѣтъ неспїицы такой,
 Ни эпиграмы площадной,
 Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
 Въ кругу порядочныхъ людей,
 Вездѣ всякой злобы и затѣй,
 Но повторилъ стократъ ошибкой;
 А впрочемъ онъ за васъ горой:
 Онъ всѣ такъ любитъ... какъ родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородной,
 Здорова ль ваша вся родня?
 Позвольте: можетъ быть, угодно
 Топерь узнать вамъ отъ поля,
 Что значать ммонко редныя.

— 117 —

Родные люди вотъ какіе:
 Мы ихъ обязаны ласкать,
 Любить, душевно уважать
 И, по обычю народа,
 О Рождествѣ ихъ навѣщать,
 Или по почтѣ поздравлять,
 Чтобъ остальное время года
 Не думали о насъ они...
 И такъ дай, Богъ, имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ иъжныхъ
 Надежнѣй дружбы и родства
 Надъ исю и средь бурь мятежныхъ
 Вы сохраниете права.
 Конечно такъ. Но вихоръ моды,
 Но свосираше природы,
 Но мнѣня свѣтскаго потокъ...
 А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
 Къ тому жь и мнѣня суируга
 Для добродѣтельной жены
 Всегда почтенны быть должны;

Такъ ваша вѣрная подруга
Былаетъ вмигъ увлеченя:
Любовью шутить сатана.

XXII.

Кого жь любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣрять
Услужливо на пизнь аршинъ?
Кто клеветы про насъ не съеть?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудовъ напрасно не губи,
Любите самаго себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?

Увы, не трудно угадать'
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуце страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣзственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Една раждающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна, унываетъ;
Вѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ!
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣды шепчуть межъ собою:
Пора, пора бы занужь ей;...

Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье
Картинной счастливой любим.
Незольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Чась отъ часу пламенный болѣ
Краски Ольги молодой
Владимиръ сладостной неволь
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покой
Они сидятъ впотемкахъ двое;
Они въ саду, рукъ съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жь? Любовью упоенный,
Въ смитеннѣи мѣжнзго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги одобренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Оль
Прозвучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобрианъ,
А между тѣмъ двѣ, три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далѣко,
Они надъ шахматной доской,
На столѣ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій нѣшкомъ ладью
Вереть въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой; и дома
Онъ занять Ольгою своею.
Летучіе листки альбомъ
Прилежно украшаетъ ей.
То въ нихъ рисуетъ сельски виды,

— 122 —

Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка
Перомъ и красками слегка;
То на листкахъ воспоминанья,
Понижѣ подписи другихъ,
Опъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безоцный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкой сѣдь,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
Уздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правосанью,
Стихи безъ шѣры, по преданью,
Въ впадь дружбы вѣрно внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь
Qu'écritez vous sur ces tablettes;
И подпишъ: t. à. v. Annette;

— 123 —

А на послѣднемъ прочитаешь:
«Кто любитъ больше тебя,
«Пусть пишетъ далѣе меня.»

XXIX.

Тутъ непременно вы найдете
Два сердца, факель и цвѣтки,
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете:
Въ любви до гробовой доски;
Какойнибудь гимнъ армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ влодѣйской.
Въ такой альбомъ, мой другъ,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный взоръ
Заслужить благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не стануть важно разбирать,
Остро, или нѣтъ я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы

— 124 —

Изъ библіотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ рюмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстова кистью чудотворной,
Изъ Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in-quarto подаетъ,
И дрожь и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы нѣ пишши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,
Не хладно блещетъ острою;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живыя

— 125 —

Текутъ элегія рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
Въ порывахъ сердца своего,
Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
И сводъ элегій драгоценный
Представить нѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тыше! Слышннвъ? Критикъ строгой
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегія вѣнокъ убогой,
И нашей братьѣ рюмачамъ
Кричать: «да перестаньте плакать,
«И все одно и то же клякоть,
«Жалѣть е прежнемъ, е было мѣ:
«Довольно, — пойте о другомъ!»
— Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и книжалъ,
И мыслей мертвой капвталъ
Отсюду воскреситъ прикажешь:
Не такъ ли, другъ? Ни чуть. Куда!
«Пишите оды, господа:

XXXIII.

«Какъ мнѣ писали изъ мощныя годы,
 «Какъ было встарь заведено...»
 — Однѣ торжественныя оды!
 И, полно, другъ; но все ль равно?
 Припомни, что сказала сатирикъ!
 Чужаго толка хитрый лирикъ
 Ужели для тебя сноснѣй
 Упылыхъ нашихъ рюмачей? —
 «Но все въ злѣги нитожно;
 «Пустая цѣль оя жажка;
 «Межъ тѣмъ цѣль оды высока
 «И благородна...» Тутъ бы можно
 Поспорить намъ, но я молчу:
 Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
 Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ,
 Владиміръ ж писалъ бы оды,
 Да Ольга не читала ихъ.
 Случалось ли поэтамъ слезнымъ

Чигать въ глаза своимъ любезнымъ
 Свои творенья? Говорять,
 Что въ міръ выше нѣтъ награды.
 И впрямъ, блаженъ любовникъ скромной,
 Читающей мечты свои
 Предмету прѣсень и любви,
 Красавицѣ приятно-томной!
 Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
 Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній-
 И гармоническихъ затѣй
 Читаю только старой няни,
 Подруги юности моей
 Да послѣ скучнаго обѣда
 Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
 Поймавъ нежданно за полу,
 Душу трагедіей въ углу,
 Или (но это кромѣ шутокъ),
 Тоской и рюмачи томивъ,
 Бродя надъ озеромъ моимъ,

Пугаю стадо дикихъ утокъ:
 Вилвъ пѣнью сладковзвучныхъ строфтъ,
 Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI. XXXVII.

А что жъ Омѣгнъ? Кстати, братья!
 Терпѣнья вашего пропугу:
 Его всеневныя занятія
 Я вамъ подробно опишу.
 Омѣгнъ жилъ Анахоретомъ;
 Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
 И отправлялся налегкѣ
 Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
 Пѣвцу Гюльбары подражалъ,
 Сей Геллесполтъ перопылялъ,
 Потомъ свой кофе вышивалъ,
 Плохой журналъ перебиралъ,
 И одѣвался:

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой,
 Лѣсная тѣнь, журчанье струй,

Порой бѣляки черноокой
 Младой и свѣжми поцѣлуй,
 Уздѣ послушный конь ретивый,
 Обѣдъ довольно прихотливый,
 Бутылка свѣтлаго вина,
 Уединенье, тишина:
 Вотъ жизнь Омѣгна свѣтлая;
 И нечувствительно онъ ей
 Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
 Въ безнечной нѣгѣ не считая,
 Забывъ и городъ и друзей
 И скуку праздничныхъ затѣй.

XI

Но наше сѣверное лѣто,
 Карриатура южныхъ зимъ,
 Мелькнеть и нѣтъ: известно это,
 Хоть мы признаться не хотимъ.
 Ужъ небо осенью дышало,
 Ужъ рѣже солнышко блистало,
 Короче становилась день,
 Лѣсовъ таинственная сѣнь

— 130 —

Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.

XLII.

Встаетъ заря во мглы холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчиною голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Хранить — и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвал, дѣва³³
Прядеть, и, зминыхъ другъ ночей,
Трепещитъ лучинка передъ ней.

— 131 —

XLIII.

И вотъ уже трещать морозы
И серебрятся средь полей...
(Чигатель ждетъ ужъ ризмы розы:
На, вотъ возьми се скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блестаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ³⁴
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ ланкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользнетъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту нору?
Гулять? Деревья той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой
Скакать верхомъ въ степи суровой?

— 132 —

Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадетъ
Сиди подъ кровлею пустынной,
Читай вотъ Прадъ, вотъ W. Scott!
Не хочешь? Новѣрай расходъ,
Сердись, или пей, и вечеръ длинной
Кой-какъ пройдетъ, а завтра тожь,
И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямынь Онегинъ Чилдъ Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнь:
Со сна садится въ ванку со льдомъ,
И носѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ расчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
Онъ на бильярдъ въ два шара
Играетъ съ самаго утра.
Настаетъ вечеръ деревенскій:
Бильярдъ оставленъ, мій забыть,
Передъ каминномъ столомъ накрытъ,

— 133 —

Евгений ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей
Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Кланко или Мозта
Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Инокреной,³⁵
Оно своей игрой и пѣмой
(Подобиемъ того-сего)
Меня пѣвняло: за него
Последній бѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Раждала глупостей не мало,
А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ словъ!

XLVI.

Но нѣтъ ли пѣной шумной
Оно желудку моему,

И я Бордо благоразумной
 Ужъ нынче предпочелъ ему.
 Къ *Аи* я больше не способенъ;
Аи любовицѣ подобенъ
 Блестящей, вѣтренной, живой,
 И своенравной, и пустой...
 Но ты, Бордо, подобенъ другу,
 Который, въ горѣ и въ бѣдѣ,
 Товарицѣ завсегда, вездѣ,
 Готовъ намъ оказать услугу,
 Иль тихой раздѣлять досугъ.
 Да здравствуетъ Бордо, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
 Подернуть уголь золотой;
 Едва замѣтною струею
 Віется паръ, и теплотой
 Каминъ чуть дышитъ. Дымъ изъ трубокъ
 Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
 Еще шипитъ среди стола.
 Вечерняя находитъ мгла...

Люблю я дружескія враки
 И дружескій бакаль вина
 Порою той, что названа
 Пора межъ волка и собаки,
 А почему, не вижу я.)
 Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

— «Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
 Что Ольга рѣвая твоя?»
 — «Налей еще мнѣ полстакана...
 Довольно, милый... Вся семья
 Здорова; кланяться вельям.
 Ахъ, милый, какъ похорошѣли
 У Ольги плечи, что за грудь!
 Что за душа!... Когда нибудь
 Завѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обижешь;
 А то, мой другъ, суди ты самъ:
 Два раза заглянулъ, а тамъ
 Уже къ нимъ и носу не покажешь.
 Да вотъ... какой же я болванъ!
 Ты къ нимъ на той недѣлѣ являнь»

XLIX.

— «Я?» — «Да, Татьяны имянины
 Въ субботу. Оленица и мать
 Вельямъ звать, и нѣтъ причины
 Тебѣ на зовъ не прѣзжать.»
 «Но куча будетъ тамъ народу
 И всякаго такого сброду...»
 — «И, никого, утѣреть я!
 Кто будетъ тамъ? своя семья.
 Поѣдемъ, сдѣлай одолженье!
 Ну чтожъ?» — «Согласенъ» — Какъ ты милъ!
 При сихъ словахъ онъ осушилъ
 Стаканъ, сосѣдкѣ приношенье,
 Потомъ разговорился вновь
 Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ веселъ былъ. Черезъ двѣ недѣли
 Назначенъ былъ счастливый срокъ,
 И тайна брачныя постели
 И сладостной любви вѣнокъ

Его восторговъ ожидали.
 Гимена хлопоты, печали,
 Зѣвоты кладная чреда
 Ему не снились никогда.
 Межъ тѣмъ какъ ны, враги Гимена,
 Въ домашней жизни зримъ одинъ
 Рядъ утомительныхъ картинъ,
 Романъ во вкусъ Лафонтена... 20
 Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
 Для оной жизни былъ рожденъ.

LI.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
 Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ
 Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
 Кто кладный умъ угомонивъ,
 Покоится въ сердечной нѣгѣ,
 Какъ пыльный путникъ на почлегѣ,
 Или, нѣжный, какъ мотылекъ,
 Въ весенній вившійся цвѣтокъ;
 Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,
 Чья не кружится голова,

— 138 —

Кто всѣ движенья, всѣ слова
Въ ихъ переводѣ менавждать,
Чье сердце опытъ остудилъ
И забылаться запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

==

О, на этой снѣжной снѣжной степи,
Ты, моя Татьяна!

Жуковскій.

I

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ,
Зимы ждала, ждала природа.
Снѣгъ выпалъ только въ Январѣ
На третью въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру поблѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ аяньмахъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ

— 140 —

И мягко усталыя горы
Зимы блистательныхъ ковровъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима!... Крестьянинъ торжествовалъ,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ никуда;
Врзавы пушистыя валывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жужку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ мальчишкѣ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

III.

Но, можетъ быть, такого рода

— 141 —

Картинныя насъ не привлекаютъ;
Все это низкая природа;
Ничего не много тутъ.
Согрѣтый вдохновенный боиомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогиомъ,
Живописалъ намъ первый снѣгъ
И всѣ отбѣжки званныхъ нѣтъ.²⁷
Онъ насъ плѣнитъ, а въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ нимъ покаместъ, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой!²⁸

IV.

Татьяна (Русская душою,
Сма не зная почему.)
Съ ея холодною красою
Любила Русскую зиму,
На солнцѣ ший въ день морозной,
И саимъ, и аарею поздной
Снѣжью розовыхъ снѣговъ,

И яглу Крещенскихъ вечеровъ
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эги вечера
Служилки со всего двора
Про барышень своихъ гадали
И ихъ сулили каждый годъ,
Мужьевъ военныхъ и походъ

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старинѣ,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаньямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Проваглагоуляли что нибудь,
Предчувствия тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мыля:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогой ликъ думы
На пещь съ лѣвой стороны:

VI.

Она дрожала и блѣднѣла
Когда жъ надучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалась; тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще кѣпилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случилось гдѣ нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый аяцъ нежь полей
Перебѣгалъ дорогу ей;
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчю склонна.
Настали сѣтки То-то радость!

Гадаеть вѣтренная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежить свѣтла, несобоарича,
Гадаеть старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратно;
И все равно, надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ погоненный глядитъ.
Онъ чудно-вышитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ,
Изъ блюда, полного водою,
Выходятъ кольца чередою,
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дмей
« Тамъ мужики-то все богаты,
« Гребутъ лопатой серебро,
« Кому поемъ, тому добро

« И слава!» Но сулить утраты
Сей пѣсни жалостными напѣвъ:
Милѣй кошурка сердцу дѣвѣ. 29

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течеть такъ тихо, такъ согласно...
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ аеркало наводитъ;
Но въ темномъ аеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...
Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ
И голосокъ ея авучитъ
Къ жинѣ свирельнаго напѣва:
Какъ ваше имя? 30 Смотрите онъ
И отвѣчаетъ Агтеонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожить,

— 146 —

Тихонько приказала въ банн
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьяна...
И я — при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно — такъ и быть...
Съ Татьяной мамъ не ворожить
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вѣетъ Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичья зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной иглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумятъ, клубятъ волной своею
Кипучей, темной и сѣдой
Потокъ, не скопанный зимой;

— 147 —

Длѣ жердочки, склеены льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ:
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣния полна,
Остановилась она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ подъ-него явился!
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна ахъ! а онъ реветъ,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ она, скрѣпясь,
Дрожащею ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

— 148 —

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшнымъ ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя, валитъ медвѣдь несносный,
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинь, березъ и липъ пагмъ
Сияетъ лучъ свѣтлѣ ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Мятелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлой по колено ей,
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпимъ вдругъ, то изъ ушей
Златая серги вырветъ складъ;

— 149 —

То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки нилой
Увязнетъ покроей башмачокъ;
То выронитъ она платокъ,
Поднять ей нѣкогда, бонся,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится,
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ:
И сплъ уже бѣжать ей пѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и иссетъ:
Она безчувственно-покорна,
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой.
Варутъ нежъ деревъ шалашъ убогой,
Кругомъ все глушь, отсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ,
И ярко свѣтится окошко,
И въ шалашъ и крикъ, и шумъ;
Медвѣдь приползъ: здѣсь мой кумъ:

Погрѣйся у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ,

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна
Медвѣдя нѣтъ, она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни канам толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что же! видитъ . за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ,
Однимъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:

Вотъ ракъ верхомъ на паукъ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ,
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій томъ! 31
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто жилъ и страшенъ ей —
Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкой глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подаетъ: и всѣ хлопчутъ;
Онъ шепчетъ: всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
Онъ вѣсѣтся: всѣ хохочутъ;
Нахмуритъ брови: всѣ молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ, это ясно;
И Тамъ ужъ не такъ ужасно,
И лобныгмая темеръ

Не много растворила дверь...
Вдругъ вѣтеръ дунуль, загашая
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ:
Скутилась шайка домовыхъ,
Онѣгинъ, взоранн сверкая,
Изъ-за стола гремя встаетъ;
Всѣ встали: онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей, и торопливо
Татьяна спантса бѣжать:
Не лезя никакъ, петерфильво
Метаясь, хочетъ закричать:
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгений:
И взорамъ адскихъ привидѣний
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Кобыта, хоботы кривые,
Хвосты хоулаты, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указываетъ на нее,
И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Осталась во тмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
Онѣгинъ тихо увлекаетъ 32
Татьяну въ уголь и слагаетъ
Ее на шаткую скамью
И клонитъ голову свою
Къ ней на плечо, вдругъ Ольга входитъ,
За цено Ленской, свѣтъ блеснулъ;
Онѣгинъ руку замахнулъ
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранитъ:
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче: вдругъ Евгений
Хватаетъ длинный ножъ, и имъ
Поверженъ Ленскій; страшно тѣни
Стустились; нестервимый крикъ
Раздался... длинна шатнулась...

— 154 —

И Тня въ ужасъ проснулась
Глядитъ, ужъ въ комнату свѣтло;
Въ окнѣ сквозъ мерзлое стекло
Зари багряный лучъ играетъ;
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Апроры сѣверной альп
И легче ласточки, влетаетъ;
Ну, говоритъ: «Скажи жъ ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не запѣвая,
Въ постель съ книгою лежитъ,
За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ моста,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
Но ни Виргилій, ни Расинъ,
Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,
Ни даже Данскихъ Модъ Журналъ
Такъ никого не занималъ:

— 155 —

То былъ, друзья, Мартынъ Задека, ³³
Глава халдейскихъ пудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Ся глубокое творенье
Завезъ кочующій кунецъ
Однажды къ имѣ въ уединенье,
И для Татьяны наконецъ
Его съ разрозненной Мальвиной
Онъ уступилъ за три съ холтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басенъ площадныхъ,
Грамматику, двѣ Петриады,
Да Мармонтеля третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани . . . Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей дарить,
И безотлучно съ нею спать.

XXIV.

Ее тревожитъ сновидѣнье.

— 156 —

Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значенье
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленьи краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ
Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель,
И прочая. Ея сомнѣній
Мартынъ Задека не рѣшитъ;
Но сонъ злобщій ей сулятъ
Печальныхъ много приключеній.
Дней нѣсколько она потомъ
Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою ³⁴
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ на собою
Веселый праздникъ именинъ.
Съ утра дождь Ларинной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣды съѣхались въ возкахъ,

— 157 —

Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилецъ крикъ и плачь дѣтей.

XXVI.

Съ своею супругою дорожною
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считалъ
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Узанный фрзигикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ ³⁵
(Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
И отставной Совѣтникъ Фряновъ,
Тяжелый слатникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Хоряжкова
 Приѣхалъ и мосье Трике,
 Остриакъ, недавно пѣв Тамбова,
 Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
 Какъ истинный Французъ, въ карманѣ
 Трикѣ привезъ куплетъ Татьянѣ
 На голосъ, знаемый дѣтми:
 Reveillez vous, belle endormie.
 Межъ ветхихъ кѣсень альманаха
 Былъ намечатанъ сей куплетъ;
 Трике, догадливый поэтъ,
 Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
 И смѣло — вмѣсто belle Nina —
 Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
 Созрѣвшихъ барышемъ кумиръ,
 Увядшихъ катушекъ отрада,
 Приѣхалъ ротный командиръ;
 Вошелъ... Ахъ, новость, да какав!

Музыка будетъ полковая!
 Полковникъ самъ ее восславъ.
 Какая радость: будетъ балъ!
 Дѣвчонки прыгаютъ гарант; 36
 Но кушать подали. Четой
 Идутъ за столъ рука съ рукой.
 Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
 Мужчины противъ: и, крестясь,
 Толпа жужжить, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
 Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
 Гремятъ тарелки и приборы,
 Да рюмокъ раздается звонъ.
 Но вскорѣ гости понемногу
 Подъемаютъ общую тревогу.
 Никто не слушаетъ, кричатъ,
 Смѣются, спорятъ и пищатъ.
 Вдругъ двери настежь. Ленскій входитъ
 И съ нимъ Онѣгинъ. — «Ахъ, Творецъ!»
 Кричитъ хозяйка: «накоонецъ!» —

Тѣснятся гости, всякъ отводить
 Приборы, стулья поскорѣй;
 Зовутъ, сзжаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Танк,
 И, утренней луны блѣднѣй
 И трепетнѣй гонимой лани,
 Она тенѣющихъ очей
 Не подымаетъ: пышетъ бурно
 Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
 Она прикѣстивъ двухъ друзей
 Не слышитъ; слезы изъ очей
 Хотятъ ужъ капать, ужъ готова
 Бѣдняжка въ обморокъ упасть:
 Но воля и разсудка власть
 Превозмогли. Она два слова
 Сквозь зубы молвила тишкомъ
 И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Трагп-нервическхъ явленій,

Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
 Давно терпѣть не могъ Евгений.
 Довольно ихъ онъ перенесъ.
 Чужакомъ, попавъ на пиръ огромной,
 Ужъ былъ сердитъ. Но, дѣвы томной
 Замѣтя трепетный порывъ,
 Съ досады взоры опутивъ,
 Надулся онъ, и негодуя
 Поклялся Ленскаго взбѣсить
 И ужъ порядкомъ отомстить.
 Теперь, гаранъ торжествуя,
 Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
 Каррикатуры всѣхъ гостей.

XXXII

Конечно не одинъ Евгений
 Смятенъе Тани видѣть могъ;
 Но цѣлью взоровъ и сужденій
 Въ то время жирный былъ пирогъ
 (Къ несчастю, пересоленной);
 Да вотъ въ бутылкѣ засмоленной,
 Между жаркимъ и блан-манже,

— 162 —

Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ талии твоей,
Зиви, кристаль души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви примащивый флягъ,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ, и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обрзаясь съ листкомъ въ рукъ,
Запѣлъ, фальшивя. Плески, кланки
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Повтъ же скромный, хотъ великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

— 163 —

XXXIV

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодаритъ.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло; то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его души родили жалость:
Онъ, молча, поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Быль чудно нѣженъ. Отъ того ли,
Что онъ и вправду тронуть былъ,
Иль онъ, кокетствуя, шалилъ,
Неволью ль! иль изъ доброй воли;
Но взоръ сей нѣжность възлюбилъ:
Онъ сердце Таня оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отодвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ ичелъ изъ лакомага улья
На ниву шумный рой летитъ.
Довольный праздничныхъ обѣдомъ,

— 164 —

Сосѣдъ сопить передъ сосѣдомъ;
Подсѣли дамы къ комельку:
Дѣвицы шепчутъ въ уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь робертовъ сыграли
Гером вистъ: восемь разъ
Они мѣста перемѣняли;
И чай несутъ Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чашемъ
И ужиномъ. Мы время зплемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ.
Желудокъ — вѣрный нашъ Врегетъ;
И, кстатъ, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ мѣстѣ строфахъ
Я столь же часто о пирркахъ,

— 165 —

О разныхъ кушнбныхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII. XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залъ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки грономъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Штушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харлакову,
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Вереть Тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блестятъ во всей красѣ.

XL.

Въ мѣстѣ моего романа

(Смотрите первую тетрадь)
 Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
 Балъ Петербургскій описать;
 Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ,
 Я занялся воспоминаемъ
 О ножкахъ мнѣ анакомыхъ дамъ.
 Но вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
 О ножки, полно заблуждаться!
 Съ измѣнной юности моей
 Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
 Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться,
 И эту пятую тетрадь
 Отъ отступленій очыщать.

XLI

Однообразный в безумный,
 Какъ вихоръ жизни молодой,
 Кружится вальса вихоръ шумный;
 Чета мелькаетъ за четой.
 Къ минутѣ ищенья приближаясь,
 Онѣгиня, втайнѣ усмѣхаясь,
 Подходитъ къ Ольгѣ. Быстро съ ней

Вертится около гостей,
 Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
 Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ:
 Спустя минуты двѣ, потомъ
 Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
 Всѣ въ изумлени. Ленскій самъ
 Не вѣритъ собственнымъ глазамъ.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
 Когда гремѣлъ мазурки громъ,
 Въ огромномъ залѣ все дрожало,
 Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
 Тряслися, дребезжали рамы;
 Теперь не то: и мы, какъ дамы,
 Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
 Но въ городахъ, по деревнямъ,
 Еще мазурка сохранила
 Первоначальныя красы:
 Припрыжки, каблукы, усы
 Все тѣ же; ихъ не измѣнила
 Лихая мода, нашъ тиранъ,
 Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.

XLIII. XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорный,
 Къ герою нашему подвелъ
 Татьяну съ Ольгою: проворный
 Онѣгиня съ Ольгою пошелъ;
 Бедеть ее, скользя небрежно,
 И, махаясь, ей шепчетъ ижно
 Какой-то посылъ мадригалъ,
 И руку жметъ — и запыхалъ
 Въ ея лицѣ самолюбивомъ
 Румянецъ ярче. Ленскій мой
 Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
 Въ негодованіи ревнивомъ
 Псать конца мазурки ждетъ
 И въ котильонъ ее зоветъ.

XLV.

Но ей не льзя. Не льзя? Но что же?
 Да Ольга слово ужъ дала
 Онѣгину. О, Боже, Боже!
 Что слышитъ онъ? Она могла...
 Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,

Кокетка, вѣтрениый ребенокъ!
 Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
 Ужъ измѣнять научена!
 Не въ силахъ Ленскій снести удара;
 Проказы женскія клая,
 Выходить, требуетъ коня
 И скачетъ. Пистолетовъ пара,
 Двѣ пули — больше ничего —
 Вдругъ разрѣшаютъ судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La sotto giorni nobilita e breve
 Nasce una gente a cui l'onore non tocca
 P. 172.

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
 Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
 Близь Ольги въ думу погружался,
 Довольный мщеніемъ своимъ.
 За нимъ и Олинька зѣвала,
 Глазами Ленскаго искала,
 И безконечный котильонъ
 Ее томилъ, какъ тяжкій сонъ.
 Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.

— 172 —

Постели стелютъ; для гостей
 Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
 До самой дѣвичьей. Всѣмъ нуженъ
 Покойный сонъ Онѣгинъ мой
 Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
 Хранить тяжелый Пустяковъ
 Съ своей тяжелой половиной.
 Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
 И Фляновъ, не совсѣмъ здоровой,
 На стульяхъ улеглись въ столовой,
 А на полу мосье Трике,
 Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
 Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны
 И Ольги всѣ объаты сномъ.
 Одна печально подъ окномъ
 Озарена лучемъ Даны,
 Татьяна бѣдная не спитъ
 И въ поле темное глядитъ.

— 173 —

III.

Его нежданымъ появленіемъ,
 Мгновенной нѣжностью очей
 И страннымъ съ Ольгой поведеніемъ
 До глубины души своей
 Она проникнута; не можетъ
 Никакъ понять его; тревожитъ
 Ее ревнивая тоска.
 Какъ будто хладная рука
 Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
 Подъ ней чернѣетъ и шумитъ...
 « Погибну, » Таня говоритъ:
 « Но гибель отъ него любезна.
 « Я не ропщу: зачѣмъ роптать?
 « Не можетъ онъ мнѣ счастья дать » —

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
 Лице насъ новое зоветъ.
 Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
 Деревни Ленскаго, живеть
 И здравствуетъ еще домыль

— 174 —

Въ философической пустынѣ
 Зарѣцкій, нѣкогда буянь,
 Картежной шайки атаманъ,
 Глава повѣсь, трибунъ трактирный,
 Теперь же добрый и простой
 Отецъ семейства холостой,
 Надежный другъ, помѣщикъ мирный
 И даже честный человекъ
 Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
 Въ немъ злую храбрость выхвалялъ:
 Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
 Въ пяти сажняхъ попадалъ,
 И то сказать, что и въ сраженіи
 Разъ въ настоящемъ убоженіи
 Онъ отличился, смѣло въ грязь
 Съ коня Калмыцкаго свалясь,
 Какъ аюзя пьяный, и Французамъ
 Достался въ плѣнь: драгой залогъ!
 Новѣйшій Регуль, чести богъ,

Готовый вновъ предаться узамъ,
Чтобъ каждыиъ утромъ у Веры ²⁷
Въ долгъ осушать бутылки трл.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурчить славно,
Иль явно, иль исподтишка,
Хоть и ему нныя штуки
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ въ просакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и туно отлѣчать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повадорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,

Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткою, врлшемъ,
Sed аѳа темрога! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходить съ юностью живой.
Какъ я сказала, Зарѣцкй мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрьвшисъ наконецъ,
Живеть, какъ истинный мудрецъ,
Капусту садить, какъ Горацій,
Разводить утокъ и гусей
И учить азбукъ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгенийъ,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его сужденій,
И здравый толкъ о томъ, о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Вдался съ нимъ, и такъ немало
Поутру не былъ удивленъ,
Когда его увидѣлъ онъ.

Тотъ послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онѣгину, ослабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородный,
Короткй вызовъ иль картель:
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскй на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенья,
Къ послу такого морученья
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ *всегда готовъ*.
Зарѣцкй всталъ безъ объясненій;
Остаться долѣ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ: но Евгенийъ
Наединѣ съ своею душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И подѣломъ: ль раборъ строгомъ,
На тайный судъ себя прмзававъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вечеръ небрежно.
А во-вторыхъ: пускай нозть
Дурачится; въ осмнадцать лѣтъ
Оно простительно: Евгенийъ,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячкомъ предрасужденій,
Не пылкимъ мальчишкомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, какъ авбрь?
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло...

—179—

Къ тому жъ—онъ мыслить—въ это дѣло
Видѣлся старымъ дуэлистомъ;
Онъ зодъ, онъ силетникъ, онъ рѣчиствъ...
Конечно: быть должно презрѣнью
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотъ и глушцовъ. . . »
И вотъ общественное мнѣнью! за
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ, на чемъ вертится мѣръ!

XII.

Книга враждой нетерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ востъ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивой
Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревниацу то-то правдикъ!
Онъ все боялся: чтобъ проказникъ
Не отшутился какъ нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь
Отворотилъ отъ пистолета.
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мельницу должны

—180—

Прѣхать завтра до разсвѣта,
Вести другъ на друга куроку
И кѣтить въ лажку или въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку нечаяннѣтъ,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣтъ,
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою капопсѣдокъ —
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Олиньюку смутить,
Своимъ прѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде,
На встрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Олинья съ крыльца,
Подобна вѣтренной надеждѣ,
Рѣва, беспечна, весела,
Ну точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечеръ такъ рано скрылась?»

—181—

Былъ первый Олиньякинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ понутились,
И, молча, онъ новѣскалъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой всеностию взгляда,
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой рѣзаюю душой!...
Онъ смотритъ въ сладкомъ умплемь;
Онъ видитъ: онъ еще любилъ!
Ужъ онъ, раскаяннѣтъ томилъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Тренещеть, не находятъ словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ . .

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, улымый
Предъ милой Ольгою своей,
Владимиръ не имѣетъ силы
Вчерашнѣтъ день напомнить ей;
Онъ мыслить: «буду съ спасигель.
Не потерплю чтобъ развратитель
Огнемъ и вздохомъ и похвалъ

—182—

Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ мрамъ стебелекъ;
Чтобы двухутреннѣтъ цвѣтокъ
Увядъ еще полураскрытый.»
Все это амачило, друзья:
Съ прѣтелемъ стрѣляюсъ я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы вѣдала Татьяна,
Когда бы звать она могла,
Что завтра Ленскій и Евгенийъ
Заспорятъ о могильной сѣни:
Ахъ, можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила бѣ вношь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы мнѣя звать могла,
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечерь Ленскій былъ разсѣянъ,
 То молчаливъ, то весель вновъ;
 Но тотъ, кто музою владѣялъ,
 Всегда таковъ: нахмура бровь,
 Садился онъ за клавикорды,
 И бралъ на нихъ одни аккорды;
 То, кт Ольга взоры устремивъ,
 Шепталъ: не правда ль? я счастливъ.
 Но поздно; время ѣхать. Сжалось
 Въ немъ сердце, полное тоской;
 Прощаясь съ дѣвой молодой,
 Оно какъ будто разрывалось.
 Она глядитъ ему въ лицо.
 — «Что съ вами? — «Такъ» И на крыльцо.

XX.

Домой приѣхавъ, пистолеты
 Онъ осматрѣлъ, котомъ вложилъ
 Опять ихъ въ ящикъ, и, раздѣтый,
 При свѣчкѣ, Шиллера открылъ;
 Но мысль одна его объемлетъ;

Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:
 Съ неизъяснимою красой
 Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
 Владимиръ книгу закрываетъ,
 Беретъ перо; его стихи,
 Полны любовной чепухи,
 Звучать и льются. Ихъ читаетъ
 Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
 Какъ Д. пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились;
 Я ихъ имѣю; вотъ они:
 «Куда, куда вы удалились,
 «Весны моей златые дни?
 «Что день грядущій мнѣ готовить?
 «Его мой взоръ напрасно лопятъ,
 «Въ глубокой мглѣ таясь онъ.
 «Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
 «Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
 «Иль мимо пролетитъ она,
 «Все благо: бдѣнія и сна

«Приходитъ часъ опредѣленный;
 «Благословенъ и день заботъ,
 «Благословенъ и ты приходи!»

XXII.

«Блеснетъ завтра лучъ денницы
 «И заиграетъ яркий день;
 «А я — быть можетъ, я гробницы
 «Сойду въ танцовщицкую сѣнь,
 «И память юнаго поэта
 «Поглотитъ медленная Лета,
 «Забудетъ миръ исня; но ты
 «Придешь ли, дѣва красоты?
 «Слезу пролить надъ ранией урной
 «И думать: онъ меня любилъ,
 «Онъ мнѣ единой поспятилъ
 «Раасвѣтъ печальный жизни бурной!...
 «Сердечный другъ, желанный другъ,
 «Приди, приди: я твой сунругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ темно и вяло

(Что романтизмомъ мы зовѣмъ,
 Хотя романтизма тутъ ли мало
 Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
 И наконецъ передъ зарею,
 Склонясь усталой головою,
 На шодномъ словѣ идеалъ
 Тихонько Ленскій адремалъ;
 Но только соннымъ обаяньемъ
 Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
 Въ беамолвный входитъ кабинетъ
 И будить Ленскаго воазаньяемъ:
 «Пора вставать: седьмой ужъ часъ.
 «Онѣгдѣ вѣрно ждестъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгенийъ
 Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
 Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
 И встрѣченъ Бесперъ пѣтухомъ;
 Онѣгдѣ снить себѣ глубоко.
 Ужъ солнце катится высоко
 И перелетная жатель

— 187 —

Влестить и вьется; но постель
Еще Евгений не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ наконецъ проснулся онъ
И полы завѣса раздвинулъ;
Глядитъ — и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй зовитъ. Вбѣгаетъ
Къ нему слуга Французъ Гильо,
Халать и туфли предлагаетъ
И подаетъ ему бѣлье.
Спѣшитъ Онегинъ одѣваться,
Слугѣ велитъ приготовляться
Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать и съ собой
Взять также ящикъ боевой.
Готова санки бѣговья.
Онъ съѣзъ, на мельницу летитъ.
Примчались. Онъ слугѣ велитъ
Лезла³⁹ стволы роковые
Нести за нимъ, а лошадямъ
Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

— 188 —

XXVI.

Опершись на платину, Ленскій
Давно нетерпѣливо ждалъ;
Мѣжъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
Идетъ Онегинъ съ измиленьемъ.
«Но гдѣ же, молвилъ съ взумленьемъ
Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?
Въ дуэляхъ классикъ и педагогъ,
Любилъ методу онъ и въ чувства,
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ — не какъ нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства.
Но все въ преданьяхъ старинъ
(Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

— «Мой секундантъ?» сказалъ Евгений:
«Вотъ онъ: мой другъ, monsieur Guillot.
Я не предвижу возраженій
На представленіе мое:
Хоть человѣкъ онъ неавѣстный,

— 189 —

Но ужъ конечно малый честный.» —
Зарѣцкій губу закусилъ.
Онегинъ Ленскаго спросилъ:
«— Чтожъ, начинать?» — «Налиемъ, пожалуй,»
Сказалъ Владимиръ. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарѣцкій машъ и кестный малый
Вступили въ пажный договоръ,
Враги стоятъ, потуя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣляли дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наследственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, исполтномъ сибѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...
Не засмѣются ль имъ, пока
Не обагрится ихъ рука,

— 190 —

Не разойтись ль полюбовио?...
Но дико свѣтская вражда
Бойтся ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполь молотокъ.
Въ гранитной стволю улодить пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣрвовой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремль
Введетъ еще. За ближній цель
Становится Гильо смущенный.
Плаци бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрялъ съ точностью отмѣной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь.»

Хладнокровно,
 Еще не цѣля, два врага
 Походкой твердой, тихо, ровно
 Четыре перешли шага,
 Четыре смертных ступени.
 Свой пистолетъ тогда Евгений,
 Не преставав наступать,
 Ставъ первый тихо подымать.
 Вотъ пять шаговъ еще ступилъ,
 И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
 Ставъ также цѣлить — но какъ разъ
 Онѣгни въстрѣла. . . Пробили
 Часы урочные: мотъ
 Ронлетъ, молча, пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
 И падаетъ Туинный взоръ
 Маображаетъ смерть, не муку.
 Такъ медленно по скату горъ,
 На солнцѣ искрами блистая,
 Спадаетъ глыба снѣговая.

Мгновенный холодомъ обантъ,
 Онѣнитъ къ юности спѣшить,
 Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
 Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
 Нашель безвременный конецъ!
 Дохнула буря, цвѣтъ прекрасной
 Увяль на утренней зарѣ,
 Потухъ огонь на алтарѣ!...

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
 Былъ томилъ миръ его чела.
 Подъ грудь онъ былъ на вылетъ раненъ;
 Дымясь, на раны кровь текла.
 Тому назадъ одно мгновенье,
 Въ семь сердецъ билось вдохновенье,
 Вражда, надежда и любовь,
 Играла жизнь, кипѣла кровь:
 Теперь какъ въ домѣ опустѣломъ,
 Все въ немъ и тихо, и темно;
 Замолкло навсегда оно.
 Закрыты ставни, окна мѣломъ

Заблѣмы. Хозяйки нѣтъ.
 А гдѣ, Богъ вѣсть. Пропалъ и слѣдъ.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эниграммой
 Вабьсятъ оплошного врага;
 Пріятно вѣтъ, какъ онъ, упрямо
 Склонивъ бодливые рога,
 Невольно въ зеркало глядится
 И узнавать себя стыдится;
 Пріятнѣй, если онъ, друавя;
 Завоетъ сдуру: это я!
 Еще пріятнѣе въ молчаньи
 Еиу готовить честный гробъ
 И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
 На благородномъ разстояньи;
 Но отослать его къ отцамъ
 Едва ль пріятно будетъ вамъ?

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
 Сраженъ пріятель молодой,

Нескромныхъ взглядомъ, или отвѣтомъ
 Или бездѣлицей иной
 Васъ оскорбившій за бутылкой,
 Или даже самъ въ досадѣ пылкой
 Васъ гордо вызвавшій на бой,
 Скажите. вашею душой
 Какое чувство овладѣетъ,
 Когда недвижимъ, на землѣ
 Предъ вами съ смертью на челѣ,
 Онъ постепенно костенеетъ;
 Когда онъ глухъ и молчаливъ
 На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызений
 Рукою стиснувъ пистолетъ,
 Глядитъ на Лемскаго Евгений.
 «Ну, что жъ? убить,» рѣшилъ сосѣдъ.
 Убить!... Смихъ страшнымъ восклицаньемъ
 Сраженъ, Онѣгни съ содроганьемъ
 Отходитъ и людей зоветъ.
 Зарѣцкій бережно кладетъ

— 195 —

На санки трупъ оледенѣлый;
Домой везеть оный страшный кладъ.
Почуя мертваго, храмятъ
И бьются колѣи, пѣмой бѣлой
Стальными мочать удѣла,
И полетѣли, какъ стрѣла,

XXXVI.

Друзья мои, вѣнь жалъ поэта;
Во цвѣтъ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увялъ! гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурмы любви желанья,
И жажда знаній и труда:
И страхъ мороза и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

— 196 —

XXXVII.

Быть можетъ, оны для блага міра,
Иль хоть для славы были рождены;
Его умолкнувшая лира
Гремуцій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, изъ ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за жогальною чертою
Къ ней не домычтся гимнъ плененъ,
Благословеніе времни.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта:
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,

— 197 —

Разстался бы съ музами, женился,
Въ деревнѣ, счастливаъ и рогать,
Носилъ бы стеганный халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бы въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И маконедъ въ своей постелѣ
Скончался бы посреди дѣтей,
Плаксаемыхъ бабъ и лекарей.

XI.

Но что бы ни было; читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убитъ пріятельской рукой!
Есть мѣсто: вѣво отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья
Двѣ сосны корнями срослись;
Подъ ними струйки извивался
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любить отдыхать,
И жницы въ долины погружать

— 198 —

Приходить авонкіе кувшинны;
Тамъ у ручья въ тѣни густой
Поставленъ памятникъ простой.

XII.

Подъ нимъ (какъ начинаеть жавать
Весенній дождь на злакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапотъ,
Поетъ про Волжскихъ рыбаей;
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провождая,
Когда стремглавъ верхомъ она
Иссется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ останавливаетъ,
Режанный поводъ натянувъ,
И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ.
Простую надпись — и слезы
Туманить нѣжныя глаза.

XIII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,

Въ мечтанья погружалась, она ;
Душа въ ней долго поневоля
Судьбою Ленскаго полца;
И мыслить: «что-то съ Ольгой стало?
Въ ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ теперь ея сестра?
И гдѣ жъ бѣглець людей и свѣта,
Красавицъ модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убийца юнаго поэта?»
Современемъ отчетъ я вамъ
Подробно обо всемъ отдамъ ;

XLIII.

Но не теперь Хотя я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему конечно,
Но мнѣ теперь не до него.
Лѣта къ суровой прозѣ клонять,
Лѣта шалунью ризму гонять,
И я — со вздохомъ признаюсь —

За ней львиный волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты;
Марать летуче листы;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ вѣныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для мервыхъ нѣтъ мнѣ уповацій,
А старой мнѣ печалямъ жалъ.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней ризма, младость?
Ужель и впрямду наконецъ
Увяль, увяль ея вѣнецъ?
Ужель и впрямъ и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,
Весла моихъ промчалась дней
(Что и, шутя, твердилъ досель)?
И ей ужель возврата нѣтъ?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, крестикся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за мклымъ мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я наслаждался... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И словъ задумчивой души.
А ты пладовъ вдохновенья,

Волжуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголь чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Въ семь омутъ, гдѣ съ нами я
Купаюсь, милые друзья! 40

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

====
 Москва, Родина моя любима,
 Где радуюсь тебя сызнова!
 Дмитрий Давыдов.
 Какъ въ амбразе родной Москвы!
 Варахмеевичъ
 Говорятъ по Мещеру! что тамъ много выдаютъ славы!
 Где вы, друзья!
 Тамъ мать моя.
 Гриньковъ.

I.

Гонимы вешними лучами,
 Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
 Сбѣжали мутными ручьями

— 204 —

На потопленные луга.
 Улыбкой ясною природа
 Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
 Снѣга, блещутъ, небеса.
 Еще прозрачные, лѣса
 Какъ будто пухомъ зеленеютъ.
 Пчела за далью полевой
 Летитъ изъ кельи восковой
 Долины сохнутъ и нестрѣютъ;
 Стада шумятъ, и соловей
 Ужъ пѣлъ въ безнозвм мочей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
 Весна, весна! пора любви!
 Какое темное волненье
 Въ моей душѣ, въ моей крови!
 Съ какими тяжелыми умиленьемъ
 Я наслаждаюсь дуновеньемъ
 Въ лицѣ мнѣ вѣющей весны,
 На лонѣ сельской тишины!
 Или мнѣ чуждо наслажденье,

— 205 —

И все, что радуешь, живишь,
 Все, что ликуешь и бластишь,
 Наводитъ скуку и томленье
 На душу мертвую давно,
 И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
 Погибшихъ осенью листовъ,
 Мы мнимъ горькую утрату,
 Внимая повый шумъ лѣсовъ;
 Или, съ природой оживленной
 Сближаемъ дукою смущенной
 Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
 Которымъ возрожденья нѣтъ?
 Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ
 Средь поэтического сна
 Иная, старая весна,
 И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
 Мечтой о дальней сторонѣ,
 О чудной ночи, о лунѣ....

— 206 —

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
 Эпикурейцы-мудрецы,
 Вы, равнодушные счастливы,
 Вы, школы Левшина и Пеганцы,
 Вы, деревенскіе Пріамы,
 И вы, чувствительныя дамы,
 Весна въ деревню васъ зоветъ,
 Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
 Пора гуляній вдохновенныхъ
 И соблазнительныхъ почей.
 Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
 Въ каретахъ, тяжело нагруженныхъ,
 На долгихъ махъ на почтовыхъ
 Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
 Въ своей коляскѣ вышешной,
 Оставьте градъ неугомонный,
 Гдѣ веселились вы акмой;
 Съ моею музой свосиравной

Пойдемте слушать шумъ дубравной
Надъ безымянною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
Отшельникъ праздный и унылой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой,
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ...
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Вьсясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ; цвѣтетъ шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой
Тамъ видѣнъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говорить:
«Владимиръ Ленской здѣсь лежитъ,

«Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
«Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
«Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны приклоненной,
Бывало, раншій вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ;
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходилъ двѣ подруги,
И на могилѣ при луиъ,
Обнявшись, плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылой
Забытъ. Къ нему иривычный слѣдъ
Заглохъ Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ, надъ нимъ, сѣдой и хилой
Пастухъ по прежнему поетъ
И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленской! изнывая,

Не долго плакала она.
Увы! невѣста молодая
Своей печали не вѣрна.
Другой увлекъ ея вниманье,
Другой успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить,
Уланъ умѣлъ ея паѣнить,
Уланъ любимъ ея душою...
И вотъ ужъ съ нимъ предъ алтаремъ
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленской! за могилкой,
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился ям, пѣвецъ унылой,
Изпѣны вѣстью роковой,
Или надъ Летой усыпленной
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,

И миръ ему закрыть и нѣтъ?...
Такъ! равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей любовникъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно нѣмье
Пасадниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ ъхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощался,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла,
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все, прощался, суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

— 211 —

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядела мчѣ во слѣдъ...
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
Ея голубка молодой,
Ея наперстница родная,
Судьбою вдаль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣль, она безъ цѣли бродить;
То смотритъ въ опустѣлый садъ...
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрады,
И облегченья не находятъ
Она подавленными слезамъ —
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онегина далекомъ
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;

— 212 —

Она должна въ немъ ненавидѣть
Убийцу брата своего;
Поэтъ погибъ... но ужъ его
Никто не помнить, ужъ другому
Его невѣста отдалась.
Поэта память пронеслась
Какъ дымъ по небу голубому,
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ... На что грустить?

XV.

Быль вечеръ. Небо зеркало. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороходы;
Ужъ за рѣкой, дымясь, пылааь
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Бъ своемъ мечтѣ погружена
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ докъ,
Селенье, рошу подъ холмомъ

— 213 —

И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ — и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?...
Его здѣсь нѣтъ. Меня не зваютъ...
Бзгляну на домъ, на этотъ садъ.»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ,
Едва дыша; кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ...
И входитъ на пустынный дворъ
Къ ней, лая, кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребята дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разогнали псовъ,
Ваявъ барыню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барской домъ не лая ли?»

— 214 —

Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисѣ дѣти побѣжали,
У ней ключи взять отъ сѣней;
Анисья тогдѣ къ ней явилась
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ,
На смятомъ канapé лежалъ
Манежный хлысткѣ. Таня далѣ;
Старушка ей: — «а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ сживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ ними обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ вто барскій кабинетъ;
Здѣсь почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Приказка доклады слушалъ
И книжку по утрамъ читалъ...»

И старый баринъ здѣсь живалъ;
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подь окномъ, надѣвъ очки,
Играть исполнялъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!» —

ХІХ.

Татьяна вазоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ,
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живить
Полумучительной отрадой:
И столъ съ ломеркшею лампадой,
И груда книгъ, и подь окномъ
Кровать покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И зтотъ блѣдный полусвѣтъ,
И Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подь шляпой съ пасмурнымъ челомъ;
Съ руками, сжатыми крестомъ.

ХХ.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
По моздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долину. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И нмангримкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вадохнуть,
Пускается въ обратный путь.
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный замокъ навѣщать.
Чтобъ книжкамъ здѣсь одной читать.

ХХІ.

Татьяна съ ключницей простплась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ

Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книжки принялася.
Сперва ей было не до нихъ,
Но показался выборъ ихъ
Ей сгранемъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся миръ пмой.

ХХІІ.

Хотя мы знаемъ, что Евгенийъ,
Издавна чтенья разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Глаура и Жуана,
Да съ ними еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И совреженный человекъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,

Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Книжащимъ въ дѣйствіи пустомъ,

ХХІІІ.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей;
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ жлѣтъ.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ
Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ Оиѣгнѣ пораженъ,
Въ чемъ молча соглашался онъ.
На ихъ молкъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Оиѣгнна душа
Себя жевольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

ХХІV.

И начинаетъ поемкигоу

— 219 —

Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе — слава Богу —
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада пль небесъ.
Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
Что жь онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный кризракъ, пль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдемъ?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собрался два сосѣда
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя,»

— 220 —

Старушка молвила крехтя.
«Бѣдь Олмцѣха ея моложе.
Пристроятъ дѣвушку, ей-ей,
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Бѣсъ наотрѣзь одно ж то же:
Нейду. И все грустить она,
Да бродить по лѣсамъ одна.

XXVI.

«Не люблена ль она? Въ кого же?
Буяновъ сватался: отказъ.
Ивану Пѣтушкову — тоже.
Гусаръ Пыхтимъ гостилъ у насъ;
Ужъ какъ онъ Танюю прельщался,
Какъ мелкимъ бѣсомъ рассыпался!
И думала: пойдеть авось;
Куда! и снова дѣло врозь.»
— «Что жь, матушка? за чѣмъ же стало?
Въ Москву, на ярмарку невѣсть!
Тамъ, слышишь, много нравныхъ мѣсть.»
— «Охъ, мой отецъ! доходу мало.»
— «Довольно для одной злмы,
Не то ужъ дамъ хотя я пль займы.» —

— 221 —

XXVII.

Старушка очень полюбила
Советъ рвзумный и благой;
Сочлась — и тутъ же положила
Въ Москву отправиться зимой —
И Таия слышитъ новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представить яснѣя черты
Провинціальной простоты,
И западалые наряды,
И западалый складъ рѣчей;
Московскихъ франтовъ ж цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!..
О, страхъ! нѣтъ, лучше ж вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшитъ
И, умкленными очами
Ихъ озирая, говоритъ:
«Простите, мирныя долины,

— 222 —

И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мнѣню нилый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ!..
Прости жь и ты, моя свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?» —

XXIX.

Ея прогулки даятся долѣ.
Теперь то хомякъ, то ручей
Останавлиють повелюя
Татяину прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами
Еще бесѣдовать спѣшитъ,
Но лѣто быстрое летитъ,
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана..

Вотъ стверь, тучи магоня,
Дохлауль, завыва — и потъ сама
Идетъ волшебница Зима.

XXX.

Пришла, рассыпалась; клоками
Пописла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистымъ коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснула морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки Зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встречать,
Морозной пылью подышать
И первыиъ снѣгомъ съ кровли ближ
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшень зимнй путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просрочемъ,

Проходитъ и послѣднй срокъ.
Осмотришь, виковъ обить, упрочень
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три кибитки
Везуть домашше пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Пержины: клятки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный клячь:
Ведуть на дворъ осмнадцать клячь,

XXXII.

Въ возокъ боярскй ихъ впрягаютъ,
Готовятъ завтракъ повора,
Горой кибитки нагружаютъ,
Бранятся бабы, кучера.
На клячь тощей и косматой
Сводитъ форрейторъ бородатый.
Сбѣжалась челядь у воротъ

Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и мовокъ почтенный,
Скользятъ, ползеть за ворота
«Простите, мирныя мѣста!»
«Прости, приютъ удивленный!»
«Увижу ль васъ?....» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому крествѣщенью
Отдвинемъ болѣе границы.
Современемъ (но расчислениемъ
Философическимъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пять сотъ) дороги вѣрно
У насъ измѣнятся безвѣрно:
Шоссе Россію вѣсь и тутъ,
Соединивъ, пересѣкутъ.
Мосты чугуныиыя чрезъ воды
Шагнуть широкою дугой,
Раздвинемъ горы, подъ водой
Пророемъ дерзостныя своды,
И заведетъ крещеный миръ
На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи ⁴²,
Мосты забытые гниютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснутъ минуты же даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ кабѣ холодной
Высокопарный; но голодной
Для виду прейскурантъ виситъ
И тщетный дразнитъ аппетитъ,
Межъ тѣмъ, какъ сельскіе циклопы
Передъ медлительнымъ огнемъ
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колемъ
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За те вѣны порой холодной
Ѣзда прятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснь модной —
Дорога зимняя гладка.
Аптомедовы наши бойки,

— 227 —

Неутомимы наши тройки,
И персты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ 43
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ;
Не на почтовыхъ, на своихъ,
И наша дѣва наслаждалась
Дорожной скукою вволю:
Семь сутокъ ѣхалъ онъ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ блококаменной Москвы,
Какъ жаръ крестамъ золотымъ
Горятъ старыни главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церковей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукъ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!

— 228 —

Москва ... какъ много въ этомъ злукѣ
Для сердца Русскаго сжалось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровский замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Последнимъ счастьемъ упоенной,
Москвы колынопреклоенной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва жол
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не приемный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.
Отселъ въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель падшей славы,

— 229 —

Петровский замокъ Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ: вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Кушцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стая галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ, другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домою у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онъ прѣхали теперь.

— 230 —

Имъ настѣжь отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой Калмыкъ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостинной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья помялись.

XLI.

Княжна, том ange! — Pochette! — Алма!
— Кто бы могъ подумать? — Какъ давно!
На долго ль? — Милая! Кузина!
Садись — какъ это мудрено!
Ей Богу, сцена изъ романа ...
— А это дочь моя, Татьяна. —
Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ —
Какъ будто брежу я во снѣ ...
Кузина, поминишь Грандисона? —
Какъ, Грандисонъ? ... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ? —
«Въ Москвѣ, живетъ у Симеона,
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ... но послѣ все раслажемъ.
Не вранда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, разъѣзжать нѣтъ ночи нѣтъ;
Едва, едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдите вмѣстѣ отдохнуть...
Охъ, силы нѣтъ... устала грудь...
Мнѣ тяжела теверь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Ужъ никуда не годна я...
Подъ старость жизнь такая гадость...
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Большой и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей
Не хорошо на новоселье,
Привыкшей къ горницѣ своей,
Подъ алмавѣскою шелковой

Не снится ей въ постель новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постеля подымаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣетъ сумракъ, но онъ
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ: по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день
Представятъ бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, врибывшей издалеча,
Понсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я такъ на руки брала!
А я такъ за уши драла!

А я такъ прищипкомъ кормила!»
И хороми бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемены;
Все въ нихъ на старомъ образцѣ:
У тетущки Княжны Елены
Все тотъ же тюлевыи ченець;
Все бѣлится Лужерья Львовна,
Все то же лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семень Петровичъ также скупъ,
У Палагьи Николаевны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ же шницъ, и тотъ же мужъ;
А онъ, все клуба членъ исправный,
Все также смиренъ, также глухъ,
И также ѣсть и пѣть за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обвиняютъ.

Младья графини Москвы
Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинциальной и жеманной,
И что-то блѣдой и худой,
А впрочемъ очень недурной;
Потомъ, болорствуя вприродѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ педутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Бзбиваютъ кудри ей по модѣ,
И повѣряютъ нараспѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужия в свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты
Текутъ невнижныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умилно требуютъ онѣ.

— 235 —

Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышать безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Забытый кладъ и слезъ и счастья,
Хранить безмолвно между тѣвъ,
И имъ не дѣлятся ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ:
Но всѣхъ въ гостиной ванинаетъ
Такой безсвязный, пошлый вадоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевету даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Распоровъ, сплетекъ и вѣстей,
Не слышатъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Бъ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

— 236 —

XLIX

Архивны юности толпою
На Таню чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагодарно говорятъ.
Одинъ, какой-то шутъ печальной
Ее находитъ идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегію готовить ей.
У скучной тетки Таню встрѣтъ,
Къ ней какъ-то В. . . подсѣлъ
И душу ей занять успѣлъ.
И близъ него ее замѣтъ,
Объ ней, поправя свой шарикъ,
Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантией мишурной
Она предъ хладною толпою,
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ

— 237 —

И плескамъ дружескимъ не вникать,
Гдѣ Терпсихоръ лишь одной
Дивится артисткой молодой
(Что было также въ прежнихъ лѣты,
Бо время ваше и мое)
Не обратилась на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ Собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчь блестаенье,
Мельканье, вихоръ быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми нестрѣюще хоры,
Невѣсть обширный полукругъ,
Всѣ чувства поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.

— 238 —

Сюда гусары отпускные
Спать лѣнились, прогремѣтъ,
Блеснуть, лѣбиться и улетѣтъ.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной смнѣвѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить ликрою моею,
Какъ величавая луна
Средь жень и дѣвъ блеститъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томна възоръ ея чудесной! . . .
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,

— 243 —

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый проповоль,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я Музу рѣвую привѣлъ
На шумъ мировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ:
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѣвилась,
За чашей мѣла для гостей,
И молодость минувшихъ дней
За нею буйно волочилась —
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтренной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдалъ бѣжалъ... она за мной.
Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой
Болшебствомъ тайнаго разказа!

— 244 —

Какъ часто, по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ мочной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Меремды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу мировъ.

V.

И позабывъ столицы дальмой
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавии печальной
Она смиренныя матры
Племень бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ степи ей любезной...
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моёмъ

— 245 —

Явилась барышней уяздной,
Съ печальной душою въ очахъ,
Съ Французской кипжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ Музу я впервые
На свѣтскій рауть⁴⁴ привожу,
На прелести ея степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ Аристократовъ,
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ,
Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣснотою,
Мелькающею млатевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленныхъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной ражою мужчинъ
Бкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной

— 246 —

Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвный и туманной?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
Что, спланивъ плѣ страждущая спѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Уже ль Евгенийъ?
Уже ли онъ?... Такъ, точно онъ,
— Давно ли къ намъ онъ занесенъ?

VIII.

Все тотъ же ль онъ мѣ усмирися?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ можа?
Чѣмъ мнѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, натриотомъ,
Гарольдомъ, мвакеромъ, ланжѣй,

Иль маской щегольнуть мной.
Иль просто будетъ добрый палой,
Какъ вы да я, какъ цѣлымъ свѣтъ?
По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалою.
Довольно оиъ порочилъ свѣтъ...
— Знакомъ оиъ вамъ? — И да и нѣтъ.

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагоосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что выликихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ иль снѣшитъ,
Что умъ, любя просгоръ, тѣснитъ,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрема и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто вовремя созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холоду
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ,
Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъмъ хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердилъ цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человекъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что извѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она:
Что наши лучшія желанья,

Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Нескотно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Итти, не раздѣлая съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

XII.

Предметомъ ставъ суждеиъ шумныхъ,
Нескотно (согласитесь въ тохъ)
Между людей благоразумныхъ
Прославъ притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже Демономъ юнымъ,
Ошѣгивъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,

Томясь въ бездѣйствіи досуга
Безъ службы, безъ жемъ, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ икъствъ
(Весьма мучительное свойство,
Немногохъ добровольный крестъ).
Оставлялъ оиъ свое селенье,
Лѣсовъ и кивъ уединенье,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли
Доступный чувству одному;
И путешествовалъ ему,
Какъ все на свѣтѣ, надобно;
Оиъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкѣй, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вогъ толпа ааколелалась,

— 251 —

По залу шопотъ пробѣжалъ...
 Къ хозяйкѣ дома приближалась,
 За нею важный Генераль.
 Она была не тороплива,
 Не холодна, не говорлива,
 Безъ взора наглаго для всѣхъ,
 Безъ притязаній на успѣхъ,
 Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
 Безъ подражательныхъ затѣй...
 Все тихо, просто было въ ней.
 Она казалась вѣрный снимокъ
 Du comte il faut * * * *, прости:
 Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе;
 Старушки улыбались ей;
 Мужчины кланялися ниже,
 Лобманъ взоръ ея очей;
 Дѣвицы проходили тише
 Предъ ней по залу: и всѣхъ выше
 И носъ и плеча подымала

— 252 —

Вошедши съ нею Генераль.
 Никто бы не могъ ее прекрасной
 Назвать; но съ головы до ногъ
 Никто бы въ ней найти не могъ
 Того, что модой самовластной
 Въ высокомъ, Лондонскомъ кругу
 Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
 Но не могу перевести:
 Оно у насъ покаместъ ново,
 И врядъ ли быть ему въ чести.
 Оно бы годилось въ эпиграмъ...
 Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
 Безпечной прелестью мила,
 Она сидѣла у стола
 Съ блестящей Ниной Воронскою,
 Сей Клеопатрою Небы:
 И вѣрно бы согласились вы,
 Что Нина мраморной красою
 Затмить сосѣдку не могла,
 Хоть ослабительна была.

— 253 —

XVII.

«Уже ли,» думаетъ Евгений:
 «Ужель она? Но точно... Нѣтъ...
 Какъ! изъ глуши степныхъ селеній...»
 И неотвязчивый лорнетъ
 Окъ обращаетъ поминутно
 На ту, чей видъ напоминалъ смутно
 Ему забытымъ чертамъ.
 «Скажи мнѣ, Князь, не знаешь ты,
 Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
 Съ Посломъ Испанскимъ говорить?»
 Князь на Онегина глядитъ
 — «Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтъ.
 Постой, тебя представлю я.»
 — «Да кто жъ она?» — «Жена моя.»

XVIII.

— «Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
 Давно ли?» — «Около двухъ лѣтъ.»
 — «На комъ?» — «На Лариной.» — «Татьянѣ!»
 — «Ты ей знакомъ?» — «Я имъ сосѣдь.»
 — «О, такъ пойдешь же.» — Князь подходитъ

— 254 —

Къ своей женѣ, и ей подводитъ
 Родню и друга своего.
 Книгиня смотритъ на него...
 И что ей душу ни смутало,
 Какъ сильно ни была она
 Удивлена, поражена,
 Но ей ничто не измѣнило.
 Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
 Былъ также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей-ей! не то, чтобъ содрогнулась,
 Иль стала вдругъ блѣдна, красна...
 У ней и бровь не шевельнулась;
 Не сжала даже губъ она.
 Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилѣжнѣй,
 Но и слѣдовъ Татьяны прежней
 Не могъ Онегинъ обрести.
 Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
 И — и не могъ. Она спросила,
 Давно ль онъ здѣсь, откуда окъ
 И не лъзъ ихъ ли ужъ сторонъ?

Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвижимъ остался онъ.

XX

Уже ль та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу ирапоученья,
Читалъ когда-то наставленья, —
Та, отъ которой онъ хранитъ
Письмо, гдѣ сердце говорить,
Гдѣ все наружъ, все на волю,
Та дѣвочка... какъ это сонъ?...
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Уже ли съ нинѣ сей часъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный,

Домой задумчивъ ѣдетъ онъ;
Мечтойто грустной, то прелестной
Его встревоженъ нервный сонъ.
Проснулся онъ: ему кричатъ
Письмо: Князь N покорно проситъ
Его на вечеръ. — « Боже! къ ней!...
О буду, буду! » — и скорѣй
Мараетъ онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? въ какомъ онъ странномъ смѣ!
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣживой?
Досада? суетность? или вновь
Забота юности — любовь?

XXII

Онѣгинѣ вновь часы считаетъ,
Вновь не дождется дню конца.
Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
Онъ съ треногомъ къ Книжницѣ входитъ;
Татьяну онъ одну находитъ
И вмѣстѣ нѣсколько минутъ

Они сидятъ. Слова нейдутъ
Изъ устъ Онѣгина Угрюмой,
Неловкѣй, онъ едва, едва
Ей отвѣчаетъ Голова
Его полна упрямой душой.
Упрямо смотритъ онъ: она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
Сей неприятный tête à tête,
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входятъ гости.
Вотъ крупной солью свѣтской власти
Ставъ оживляться разгоноръ;
Передъ хозяйкой легкѣй вздоръ
Сверкаетъ безъ глупаго жеманства,
И прерываетъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Везъ вѣчныхъ истинъ, безъ педанства,
И не пугалъ ни чѣихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И звать и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, сплиду злыя;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Не улыбающихся лицъ;
Тутъ былъ Посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душмстныхъ сѣдинахъ
Старикъ, постарому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно!

XXV.

Тутъ былъ на эпиграммы падкѣй,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскѣй слѣшконѣ сладкѣй,
На плоскость данъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,

— 259 —

На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложъ журналовъ, на войну,
На сибгъ и на свою жему.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

XXVI.

Тутъ была ***, заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
St.-P**, твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
Стоялъ картинкою журнальной,
Румянь — какъ вербный херувимъ.
Затянуть, нѣмъ и недвижнмъ,
И путешественникъ залѣтной,
Перекрашмаленный махаль,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ

— 260 —

Своей осамкою заботной,
И молча обмѣненный взоръ
Ему была общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онегинъ вечеръ цѣлой
Татьяной занять была одной,
Не этой дѣвочкой несмылой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною Княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О, люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!

— 261 —

Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Приемы скоро приняла!
Кто бы смѣлъ искать дѣвочки иѣжкой
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?
И онъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракѣ ночи,
Пока морфей не ирлетитъ,
Вывало, дѣвственно грустить,
Къ луиъ подьемаеть томны очи,
Мечтая съ нимъ, когда нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возраста кожорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешня полямъ,
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ —
И жизнь могущая даетъ

— 262 —

И пышный цвѣтъ, и сладкой плодъ.
Но въ возрастъ поздний и безплодной,
На поворотѣ машикъ лѣтъ,
Печалень страсти мертвой слѣдъ:
Такъ буря осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгенийъ
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
Въ тоскѣ любовныхъ комышленій
И день и ночь проводитъ онъ.
Ума не внемля строгимъ цѣнямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
Онъ подѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинеть
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый колъ лаврей,
Или платокъ подыметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ имъ бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ ними ловить слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порою вовсе не замѣтитъ:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ —
Его не терпитъ высшій свѣтъ.
Вадимъ Онегинъ начинаетъ:
Ей нѣтъ не видно, нѣтъ не жаль;
Онегинъ сохнетъ, и едва ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.
Всѣ шлютъ Онегина къ врачамъ,
Тѣ хорошо шлютъ его жъ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
Писать ко враждамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
И дѣла нѣтъ (ихъ польза такова);
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,

Еще надѣется, хлопочеть;
Сильнѣй здороваго, больной
Княгинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ не вотще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не въ мочь.
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онегина къ Татьянѣ.

«Предвижу все; васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,

Я ей повѣрить не посмѣлъ:
Привычку мною не далъ ходу;
Свою посылаю свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило....
Несчастной жертвой Ленскій палъ....
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: волюность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣтъ, коминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Вадимъ и гаснуть... вотъ блаженство!

«И я лишень того: для васъ

Тащусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣреть;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я....

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидѣть вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови,
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что выразить бы могъ,

— 267 —

А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружать и рѣчь и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Гладѣть на васъ веселымъ взглядомъ'...

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ» —

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье:
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь пошелъ... ему
Она на встрѣчу. Какъ сурова!
Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крепцнскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямья хотять!
Впермя Онегинъ зоркій взглядъ:

— 268 —

Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семь лицъ лишь гнѣва слѣды ..

XXXIV.

Да, можетъ быть, болзни таймой,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы, слабости случайной...
Всего, что мой Онегинъ зналъ....
Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклиная —
И, въ немъ глубоко погруженъ,
Отъ свѣта вновь отсекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за ворота взяла
И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.

— 269 —

Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенья Фонтенеля,
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего.
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ жемчугъ брамятъ,
А гдѣ такіе мадригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда,
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ

— 270 —

Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадетъ онъ,
А передъ нимъ Воображенье
Свой пестрый мечеть фараонъ.
То видитъ онъ: на талонъ снѣгъ
Какъ будто спящій на ночлегъ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что жъ? убить!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ, и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ,
То сельскій донъ — и у окна
Сидитъ она... и все она!...

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ атомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то бѣ одождилъ!
А точно: смлой магнетнама
Стиховъ Россійскихъ механизма
Едва въ то время не постигъ
Мой беатоковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
Иль *Idol mio*, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима;
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живитъ его: впервые

Свое покои алперты,
Гдѣ амводалъ онъ какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелекъ
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ,
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На снѣгахъ, взыченыхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по нему свой быстрый бѣгъ

XI.

Стрежить Онѣгину? Вы ааранъ
Ужъ угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
Мой немсравненный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожий.
Нѣтъ имъ одной души въ прихожей.
Онъ въ аалу; дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такою смлой поражаетъ?
Книжкия передъ нимъ, одна,
Сидитъ, не убрана, блѣдна,

Письмо какое-то читаетъ
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Омерзнувъ на руку щекой.

XII.

О, кто бѣ нѣмыхъ ея страдавиъ
Въ сей быстрый мигъ не прочталь!
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ Книжницѣ бѣ не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣннй
Къ ея ногамъ упалъ Евгений;
Она вздрогнула, и молчитъ;
И на Онѣгина глядитъ
Весь удивленнй, безъ гнѣва...
Его больной, угасннй взоръ,
Молящнй видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней.

XIII.

Она его не подымаетъ,

И, не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
Безчувственной руки своей....
О чемъ теперь ея мечтанье? ...
Проходить долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгину, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сего дня очередь моя.

XLIII.

«Онѣгину, и тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ лашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиреной дѣвочки любовь?»

— 275 —

И нынче — Боже! — стынет кровь,
Какъ только вспомню взгляды холодной
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой....

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — въ пустынь,
Вдали отъ суетной Молвы,
Я вамъ не нравилась... Что жь нынѣ
Меня пресѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на кривѣтъ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтъ
Тенерь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужь въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ Дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Тенерь бы всѣмъ былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?»

— 276 —

XLV.

«Я плачу... Если вашей Тамъ
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: жолкость вашей браки,
Холодный, строгий разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче! — что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? какая жалость!
Какъ съ нашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?»

XLVI.

«А мнѣ, Онегинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада

— 277 —

Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онегинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моею...

XLVII

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать: дай бѣдной Тамъ
Всѣ были жребии равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.

— 278 —

Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.» —

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгенийъ,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердце погруженъ!
Но шпоръ незапный звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался,
И здѣсь героя моего,
Въ минуту злою для него,
Читатель, мы теперь оставимъ,
Надолго... навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно бъ (неправда ли?) пора!

XLIX.

Кто бъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой

Разстаться нынче какъ пріятель.
 Прости. Чего бы ты за мной
 Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ,
 Воспоминаній ли мятежныхъ,
 Отдохновенья ли отъ трудовъ,
 Живыхъ картинъ, или острыхъ словъ,
 Или грамматическихъ ошибокъ,
 Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты
 Для развлечения, для мечты,
 Для сердца, для журнальныхъ спябокъ,
 Хотя крупицу могъ найти.
 Заемъ разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
 И ты, мой вѣрный идеалъ,
 И ты, живой и постоянный,
 Хоть малый трудъ Я съ вами зналъ
 Все, что завидно для поэта:
 Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
 Бесѣду сладкую друзей.
 Промчалось много, много дней
 Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна

И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
 Являлся въ первые мнѣ —
 И далъ свободнаго романа
 Я сквозь магическій кристалъ
 Еще не ясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
 Я строфы первыя читалъ ..
 Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеке,
 Какъ Сади нѣкогда сказывалъ.
 Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
 А та, съ которой обраванъ
 Татьяны малый идеалъ...
 О, много, много рокъ отъялъ!
 Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
 Оставилъ, не допивъ до дна
 Бокала полного вина,
 Кто не дочелъ ея романа
 И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
 Какъ я съ Онѣгинскими жонимъ.

к о н е ц ъ .

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ.

1. Писано въ Бессарабіи.
2. Dandy, франтъ.
3. Шапка à la Volvcar.
4. Извѣстный рестораторъ.
5. Черта охлажденнаго чувства, достойная Чальди-Гаральда. Балеты Г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одни изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе Поэзии, нежели во всей Французской литературѣ.
6. Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyois rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des

tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continuait fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à broser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau

(Confessions de J. J. Rousseau.)

Григъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особною щеткой.

7. Вся сія пропческая строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественникамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалитъ Людовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностію и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь цѣнившою Г-жу Сталь.

(См. Dix ans d'exil.)

ный Авторъ нашъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.

21. Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно несправно. Издатель однажды печатно извинялся предъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ гулялъ.

22. Е. А. Баратынскій.

23. Въ журналахъ удивлялся, какъ можно было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы *дѣвочками!*

24. «Это значитъ,» замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на конькахъ.» Справедливо.

25. Въ лѣта красныя моп
Поэтический Ам
Нравилась мнѣ пѣной шумной,
Синь подобіемъ любви
Или юности безумной, и проч.

(Посланіе къ Л. Н.)

26. Августъ Лафонтенъ, Авторъ множества семейственныхъ романовъ.

27. Смотри: *Первый Слѣзь*, стихотвореніе Князя Вяземскаго.

28. См. описанія Финляндской Зимы въ Одь Баратынскаго.

29. Зоветъ котъ кошку
Въ печурку спать.

Предвѣщаніе свадьбы; нервная пѣсня предрекаетъ смерть.

30. Такимъ образомъ узнаютъ имя будущаго жениха.

31. Въ журналахъ осуждали слова: *хлопъ, молаъ и толъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сія коренныя Русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ.» (Сказка о Бовѣ Королевск.) *Хлопъ* употребляется въ просторѣчій вмѣсто *хлопаніе*, какъ *шипъ* вмѣсто *шипнія*.

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.
(Древняя Русскія стихотворенія.)

Не должно иѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

32. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется находить въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопристойность.

33. Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Г. М. Федоровъ.

34. Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова.
Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою,— и проч.

35. Буяновъ, мой сосѣдь,
Пришелъ ко мнѣ вчера съ небрытymi
усами,
Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ
ковырьконь....

(Опасный Сосѣдь.)

36. Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, смѣло осуждали непрямичіе сего стиха.

37. Парижскій рестораторъ.

38. Стихъ Грибоѣдова.

39. Славный ружейный мастеръ.

40. Въ первомъ изданіи шестая Глава оканчивалась слѣдующимъ образомъ:

А ты, младое вдохновеніе,
Волнуй мое воображеніе,
Дремоту сердца оживляй,
Въ жой уголь чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ жертвѣнцѣмъ упоеній свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блестящихъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,

— 291 —

Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привагивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди всеневныхъ, модныхъ сценъ
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной нустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семь омутъ, гдѣ съ важи я
Кунаюсь, шныле дурья.

41. Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

42. Дороги наши — садъ для глазъ:
Деревья, съ дермомъ валь, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль, проезда нѣтъ подь часъ.
Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Протѣжнмъ мало барыша;

— 292 —

Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь стихъ: для проходящихъ!
Свободна Русская ѣзда
Въ двухъ только случаяхъ: когда
Нашъ *Макъ-Адамъ*, или *Макъ-Ева*
Зима свершитъ, тресца отъ гнѣва,
Опустошительный набѣгъ,
Путь окуеть чугуномъ лядистымъ,
И запорошветъ рямнй снѣгъ
Слѣды ея нескомъ нушистымъ.
Или когда поля пройнетъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
Пройти, глаза зажнуря, муха.

(Станція. Князь Вяземскій.)

43. Сравненіе, заимствованное у К^{***}, столь извѣстнаго вгривостію воображенія. К... рассказывалъ, что будучи однажды посланъ курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпатаго его, высунувшись концемъ изъ телѣж-

— 293 —

ки, стучала по верстамъ, какъ по чаштоколу.

44. Rout, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значить толпа.

ОТРЫВКИ

изъ
ПУТЕШЕСТВІЯ ОНѢГИНА.

Послѣдняя Глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:
«Пропущенныя строфы подавалъ неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ пазъ своего романа цѣлую Главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него завпсѣло означить сію вышущенную Главу точками или цифромъ, но въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней Главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строкъ:

Пора: перо покоя просить;
 Я девять пѣсенъ написалъ;
 На берегъ радостный выносятся
 Мою ладью девятый валъ —
 Хвала вамъ, дельты Каменамъ, и проч.»

П. А. Катенинъ (кoему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что это исключение, можетъ быть и выгодно для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, вѣстной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъяснимымъ. — Замѣчаніе, облачающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту Главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ.

Е. Оиѣгинъ изъ Москвы ѣдетъ въ Нижний Новгородъ:

..... передъ нимъ
 Макаръевъ суетно хлопочетъ,
 Кипитъ обилемъ своимъ.
 Сюда жемчугъ привезъ Индеецъ,
 Поддѣльны вины Европеецъ,
 Табуны бракованныхъ коней
 Пригналъ заводчикъ изъ степей,
 Игрокъ привезъ свои колоды
 И горсть услужливыхъ костей,
 Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей,
 А дочки — прошлогодимъ моды.
 Всякъ суетится, ажетъ за двухъ
 И всюду меркантильный духъ.

••

Тоска!...
 Оиѣгинъ ѣдетъ въ Астрахань, и оттуда
 на Кавказъ.
 Онъ видитъ, Терекъ своекравный
 Крутые роетъ берега;

Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
 Стоитъ олень, склонивъ рога;
 Верблюды лежатъ въ тѣни утеса,
 Въ лугахъ несется конь Черкеса,
 И вокругъ жочующихъ шатровъ
 Пасутся овцы Калмыковъ,
 Въ дали — Кавказскія громады:
 Къ нимъ путь открытъ. Проблмась брань
 За ихъ естественную грань,
 Чрезъ ихъ опасныя преграды;
 Брега Арагвы и Куры
 Уарьмъ Русскіе шатры.

••

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
 Стѣсненный холмами вокругъ,
 Стоитъ Вешту остроконечный
 И зеленѣющій Машукъ,
 Машукъ податель струй цѣлебныхъ;
 Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
 Вольныхъ тѣснится блѣдный рой;
 Кто жертва чести боевой,

Кто Почечуя, кто Кипрмды;
 Страдалецъ мыслить жизни нить
 Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
 Кокетка, злыхъ годовъ обиды
 На днѣ оставить, а старикъ
 Помолодѣть — хотя па жить.

••

Питая горьки размышленья,
 Среди печальной ихъ семьи,
 Оиѣгинъ взоромъ сожалѣнья
 Глядитъ на змкнія струн
 И мыслить, грустью отуманенъ:
 Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
 Зачѣмъ не хилой я старикъ,
 Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
 Зачѣмъ, какъ Тульскій Засѣдатель,
 Я не лежу въ параличѣ?
 Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
 Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
 Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
 Чего мнѣ ждать? тоска, тоска!...

— 300 —

Онегинъ мосѣщаетъ потомъ Тавриду,
Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорить тамъ Пилладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мидкевичъ вдохновенный
И, посреди прибрежныхъ скалъ,
Свою Агтву воспоминалъ.

••

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видяшь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстади въ блескѣ брачномъ:
На небѣ сияешь и прозрачномъ
Сияла груди вашажъ горь,
Должикъ, деревьевъ, сель узоръ
Разостланъ былъ нередко мною.
А тамъ, нежъ хижинокъ Татаръ....
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой полшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

— 301 —

Какимъ бѣ чувства имъ таились,
Тогда во мнѣ — теперь ихъ чѣты:
Они прошакъ или измѣнились....
Миръ вашъ, тревоги прошлыхъ дѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казался нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья....
Другіе дни, другіе сны;
Смирился я, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтической бокаль
Воды я много подмѣшалъ.

••

Иныя пужбы мнѣ картинны:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сложанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ солены кучи —

— 302 —

Да прудъ модъ сѣблю мнѣ густыхъ,
Радостью утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балабайка
Да пьяный томотъ трепака
Передъ ногогонъ жабка.
Мой идеалъ теперь — хозяйка,
Мои желанія — нокой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

••

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ...
Тыфу! ирраціональскія бредни,
Фламандской школы нестрой соръ!
Таковъ ли былъ я, разцвѣтая?
Скажи, Фонтанъ Вахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Наведъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ.
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустя три года, вслѣдъ за мною,

— 303 —

Скитаясь въ той же сторонѣ,
Онегинъ вспоминалъ обо мнѣ.

••

Я жилъ тогда въ Одессѣ пылкой...
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подьенлетъ нарусъ;
Тамъ все Европой дышеть, вѣетъ,
Все блестятъ Югомъ и кестрѣтъ
Разнообразностью живою.
Языкъ Итали златой
Звучитъ по улицѣ веселой.
Гдѣ ходитъ гордый Сланинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

••

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Тунаскій описалъ,
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее ввиралъ

Причавъ онъ прѣмымъ Позтомъ,
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Однѣ мадъ моренъ — и потонъ
Очаровательнымъ меромъ
Сады Одесскіе прославляъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь магла тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавній трудъ заставляъ
Младымъ вѣтви въ знойный день
Давать маслиственную тѣнь.

• •
•

А гдѣ, бишь, мой рассказъ несвязной?
Въ Одессѣ мѣльной, я сказала.
Я бѣ могъ сказать: въ Одессѣ грязной —
И тутъ бы криво ме солгала.
Въ году медѣль пять-шесть Одесса,
По волю бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ дома на аршинъ загрязнуть,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ

Но улицѣ держаетъ въ бродѣ;
Кареты, люди тонуть, вязнуть,
И въ дрожкахъ волю, рога склоня,
Смѣняютъ хлапо коня.

• •
•

Но ужъ дробить каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто жованной броней.
Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной;
Чего бѣ вы думали?—воды.
Потребны тяжкіе труды....
Что жъ? это небольшое горе?
Особенно, когда вино
Безъ пошланы привеземо.
Но солнце южное, мо море....
Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

• •
•

Бывало, мушка зарева
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной солеюй оживленной,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
Съ Восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открытъ Свѣило; чашекъ ввомъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркѣръ выводитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

• •
•

Глядишь и площадь залестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше мо дѣламъ.
Для расчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,

Провѣдать, шлюють ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданыхъ винъ?
И что чума? и гдѣ жошары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или модобной новизны?

• •
•

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? прищак! О радость!
Летятъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и жмвыхъ,
Слегка обрызгнутыхъ лимономъ.
Шунъ, споры — легкое вино
Изъ могребовъ принесемо
На столъ услуживымъ Отомомъ;*

* Къ столу услуживымъ Отомомъ.

— 308 —

Часы летать, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растеть.

* * *

Но ужъ темнѣеть вечеръ снѣй,
Пора мамъ въ Оперу скорѣй:
Такъ умогательный Россини,
Европы балованъ — Орфей.
Не всякая критикъ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ — они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ коцѣлуж молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашпильнаго Ам
Струи и брызги золотые . . .
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

* * *

А только ль такъ очарованій?
А разыскательный лорнетъ?

— 309 —

А закулисныя свиданья?
А ргіта допа? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блистая,
Негоціанка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и неметъ и не неметъ
И каватинѣ, в мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью неполамъ. . .
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ фора закричитъ,
Зѣвнетъ — и снова захраплетъ.

* * *

Финаль гремитъ; пустѣеть зала;
Шумя, торопится разѣзды;
Толпа на площади мѣбжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ,
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка ноютъ мотивъ игривой,
Его меволью затвердивъ,
А мы реверъ речитативъ.
Но повдно. Тихо спать Одесса;

— 310 —

И бездыханна и тепла.
Нѣмая ночь. Луна взошла,
Проарачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ;
Лишь море Черное шумитъ . . .

* * *

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ . . .

—

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абеляр (Abélard) Пьер 581
Абрамович Стелла Лазаревна 693
Август (Augustus; Gaius Octavianus) 122, 683
Август II 727, 741, 744
Аддисон (Addison) Джозеф 113, 321, 399, 483, 801
Адеркас Борис Антонович 334, 635, 687
Адийам Сагад I (Иясу I; Иисус I Великий) 718—720, 736, 742
Адриан (Hadrianus) 125, 449
Айтцен (Eitzen) Пауль фон 307
Аксаков Сергей Тимофеевич 526
Аладьин Егор Васильевич 78, 193
Александр Македонский 278
Александр I 18, 21, 102, 108, 114, 116, 127, 128, 133, 138, 149, 177, 264, 278, 299, 354, 356, 390, 464, 507, 509, 569, 572, 615, 634, 640, 645, 646, 651, 652, 654, 658, 661, 662, 667, 688
Александр II 358
Александр III 127
Александра Федоровна, императрица 572, 817
Алексеев Михаил Павлович 19, 20, 148, 257
Алексеев Николай Степанович 69, 249
Алексеева Ольга 300
Алексей Петрович, царевич 348, 724
Али 724
Альбано (Albano) Франческо 147, 429—431, 805
Альмейда (Almeida) Мануэль де 713, 716, 719
Амадис Гальский (Amadis de Gaul) 631
Амар (Amar) Ж.-П. Андре 431
Амфитеатров см. Раич
Амьё (Amyot) Жак 469
Анакреон 93, 805
д'Анвиль (Anville) Жан Батист Бургиньон 715
д'Анджело (Angiolo) Якопо 713
Андро Сергей 699
Андро (Andrault) Федор Александрович 565, 699
Анна Австрийская (Anne d'Autriche) 154
Анна Ивановна, компаньонка Раевских 157, 166
Анна Иоанновна, императрица 388, 707, 708, 732, 771
Анненков Павел Васильевич 332, 355, 603, 683, 700
Аннибал (Annibal) Франсуа, герцог д'Эстре
Антес (Anthès) Жан Анри 463
Антолини (Antonolini) Фердинандо 138
Анучин Дмитрий Николаевич 713, 714, 718, 732, 735, 741
Аппель (Appel) Альфред 14
Аптон (Upton) Джордж П. 326
Апулей (Lucius Apuleius) 18, 168, 521, 522, 696, 800
Аракчеев Алексей Андреевич 133, 603, 692
Арапов Пимен Николаевич 133, 137, 138
Арбатнот (Arbuthnot) Джон 529
Аргеландер (Argelander) Фридрих Вильгельм Август 130
Ариосто (Ariosto) Лудовико 74, 182, 205, 206, 342, 436, 680, 799
Аристотель 21
Арменго (Armaingaud) А. 379

- Арндт (Arndt) Уолтер 85
 Арнольд (Arnold) Мэтью 757, 758
 Артемидор (Artemidorus) 125
 д'Аршиак (d'Archiac) Огюст (у В. Н. — Лоран) 465
 Асма Гиргис 719
 Афанасий Александрийский 717
 Ахматова Анна Андреевна 575
 Ахмед ибн Ибрагим эль-Гази 718
 Ахмед III 723, 724, 726
 Ашукин Николай Сергеевич 511
- Баиф (Baif) Жан Антуан, де 479
 Байрон (Byron) Джордж Гордон Ноэль 18, 34, 43, 52, 53, 63, 73—75, 86, 88, 90, 93, 100, 104—106, 108—112, 115, 116, 124, 130, 137, 144—147, 154, 167, 171, 175, 178, 180—184, 187, 189, 191, 195, 196, 198—200, 212, 215, 216, 223, 224, 229, 242, 247, 263, 293, 300, 304—306, 308, 315, 324, 330, 335, 342, 353, 358, 367, 373, 386—389, 398, 415, 427, 430, 432, 433, 437, 453, 458, 460, 467, 468, 472, 476, 490, 493, 496—498, 500, 512, 519, 520, 540, 562, 577, 583, 586, 601, 604, 612—614, 623, 625, 634, 638, 643, 644, 647, 654, 664, 682, 695, 734, 796, 799, 800, 802, 810, 815
 Бакунина Екатерина Павловна 431, 526, 681
 Балле (Ballet) Ипполит 653
 Балле (Ballet) Огюст 653
 Балтажи Мохаммед 724
 Бальзак (Balzac) Оноре де 256, 306, 553, 653
 Бальмонт Константин Дмитриевич 748
 Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич 710, 744
 Бантыш-Каменский Николай Николаевич 743, 745
 Баранов П. И. 746
 Баратынский Евгений Абрамович 34, 53, 56, 58, 88, 89, 96, 97, 100—102, 150, 190, 256, 273, 320, 323—325, 345, 351, 366, 367, 369, 384, 389, 390, 397, 398, 418, 431, 447, 452, 473, 478, 479, 506, 532, 550, 571, 573, 575, 580, 581, 591, 596, 597, 615, 687, 691, 734, 778, 807, 810
 Баратьери (Baratieri) Орест 715
 Барбо (Barbault) Анна Летиция 449
 Барбье де Мейнар (Barbier de Meynard) А. 598
 Барклай-де-Толли Михаил Богданович 640, 645
 Баррингтон (Barrington) Джоан 176
 Барсуков Александр Платонович 739, 747
 Барсуков Николай Платонович 734, 747
 Барт (Barthe) Никола Тома 224
 Бартенев Петр Иванович 119, 127, 200, 248, 291, 366, 573, 593, 657, 739, 747
 Бартон (Barton) Бернард 441
 Баруффи (Baruffi) Джузеппе Филиппи 551
 Барятинский Александр Иванович 597
 Барятинский Владимир Владимирович 590
 Басаргин Николай Васильевич 597
 Бассе (Basset) Рене 717, 719, 736, 742
 Батлер (Butler) Сэмюэл 74, 117, 119, 144, 680, 757, 758, 780
 Батюшков Константин Николаевич 94, 98, 100, 102, 168, 224, 252, 256, 346, 412, 440—442, 473, 482, 526, 528, 530, 533, 646, 683, 687, 704, 788, 810
 Бауман Николай Эрнестович 511
 Бауринг (Bowring) Джон 441
 Бахафа (Bahafa) 717
 Башомон (Bachaumont) Франсуа ле Куаньо, де 615
 Бежен (Bégin) Эмиль Огюст 730
 Бейли (Bailey) Джон 108
 Бейли (Bailey) Л. Г. 483
 Бейли (Bailey) Марджери 237
 Бейли (Bailey или Baillie), гувернантка О. С. Пушкиной 108
 Бейль (Bayle) Пьер 581
 Беке (Besquet) Этьен 367
 Бекингем (Beckingham) С. Ф. 719
 Беклешов Петр Николаевич 691
 Белидор (Belidor) Бернар Форе де 730, 745
 Беликов Александр Иванович 108
 Белинский Виссарион Григорьевич 168, 177, 593
 Белл (Bell) Ричард 493
 Бело (Belot) Октавия Гишар 715
 Белый Андрей 756, 757, 773, 777, 815

- Бельмонт (Belmont) Л. 146, 812
 Бенкендорф Александр Христофорович 541, 582, 595
 Бент (Bent) Ж. Теодор 714, 735, 747
 Бентам (Bentham) Иеремия 185
 Бенуа Александр Николаевич 806
 Беранже (Béranger) Пьер Жан 101, 105, 181, 645, 649, 662, 814
 Берберова Нина Николаевна 10, 768
 Бергами (Bergami) Бартоломео 115
 Берк (Burke) Эдмунд 17, 18, 87—89, 800, 810
 Бернар *см.* Жан-ти-Бернар
 Берни (Bernis) Франсуа де 209
 Берри (Berry) Шарль дю 653
 Бертен (Bertin) Антуан 285, 376, 802
 Бертон (Berton) Жан Батист 24, 641, 652, 653, 808
 Бершу (Berchoux) Жозеф 130
 Бестужев Алексей 746
 Бестужев-Марлинский Александр Александрович 22, 73, 74, 313, 314, 321, 357, 582
 Бестужев-Рюмин Михаил Павлович 654, 658, 665, 667, 681
 Бизе (Bizet) Жорж 537
 Билби (Bealby) Джон Томас 479
 Бион 121, 680
 Бирон (Bühren) Эрнст Иоганн 388, 707
 Бируков Александр Степанович 73, 548
 Битобе (Bitaubé) Поль Жереми 118, 453, 800
 Битти (Beattie) Джеймс 100, 233, 449, 455, 810
 Биша (Bichat) Мари Франсуа Ксавье 580
 Блаве (Blavet) Жан Луи 119
 Благой Дмитрий Дмитриевич 242, 356, 481, 612
 Блейк (Blake) Уильям 787
 Блок Александр Александрович 212, 778, 787—789, 796, 817
 Блюдов Дмитрий Николаевич 547
 Блэлок (Blacklock) Томас 100
 Бобров Семен Сергеевич 516
 Бовуар (Beauvois) Роджер де 176
 Богданович Ипполит Федорович 18, 53, 74, 167, 168, 214, 321, 526
 Боденштедт (Bodenstedt) Фридрих 146, 290, 686, 812
 Бодлер (Baudelaire) Шарль 306
 Бодуэн д'Обиньи (Baudouin d'Aubigny) Дж. М. Т. 236, 307
 Бойз (Boyse) Сэмюэл 130
 Боливар (Bolivar) Симон 19, 127, 811
 Бомарше (Beaumarchais) Пьер Огюстин Карон де 430, 577, 580, 581, 805—807
 Бомстон (Bomston) Эдвард 263
 Бон (Bohn) Генри 315
 Бон (Bon) Элизабет де 180
 Бонапарт (Bonaparte) Луи 657
 Бонапарт (Bonaparte) Наполеон Шарль 657
 Бонди Сергей Михайлович 159, 612, 676
 Боннак (Bonnac) Жан Луи Дюссо 723
 Боннэ (Bonnap) Франсуа де 274
 Боровски (Borowski) Феликс 326
 Борроу (Borrow) Джордж Генри 537
 Борх Иосиф Михайлович 464
 Борх Любовь Викентьевна 464
 Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь 274, 731, 732
 Босуэлл (Boswell) Джеймс 178, 237
 Боттарелли (Bottarelli) Дж. Дж. 134
 Бошо (Beuchot) А. Ж. К. 581
 Боэльдьё (Boieldieu) Франсуа Адриен 141
 Браге (Brahe) Тихо 412
 Бради (Bradi) Полина де 535
 Бранд (Brand) Джон 403
 Браницкие 162
 Брантом (Brantôm) Пьер 153, 348
 Браунинг (Browning) Роберт 467, 753, 757, 758, 787, 796, 798
 Бреге (Bréguet) Абраам Луи 128
 Брёммель (Бруммель; Brummell) Джордж Брайан 111, 131, 143, 146, 387, 437, 491, 564, 806
 Бретен (Bretagne) Клод 475
 Бриджес (Bridges) Роберт 760
 Брийа-Саварэн (Brillat-Savarin) Жан Ансельм 131, 437
 Брогли (Broglie) де, герцог 88, 800
 Бродский Николай Леонтьевич 18, 19, 68, 114, 125, 134, 153, 177, 185, 194, 213, 221, 235, 238—240, 273, 386, 397, 412, 413, 450, 477, 480, 509, 516, 540, 644, 667, 669, 680, 690, 693, 695, 801, 803, 811

- Брут (Marcus Junius Brutus) 469
 Брюс (Bruce) Джеймс 713, 716, 718, 720, 721, 735, 742
 Брюс Яков Вилимович 221, 280, 281, 412, 683
 Буайе (Boyer) Филоксена 420
 Буало (Boileau-Despréaux) Никола 146, 367, 369, 441, 457, 460, 773, 775, 801
 Бувар (Bouvard) Алексис 130, 812
 Бувар (Bouvard), доктор 579
 Бувери (Bouverie) Джек 248
 Бугант (Bougeant), священник 481
 Будри Давид Иванович де 21, 525, 696
 Булвер-Литтон (Bulwer-Lytton) Эдвард 131, 545
 Булгарин Фаддей Венедиктович 17, 66, 76, 78, 105, 136, 139, 224, 225, 246, 317, 354, 366, 381, 444, 487, 517—519, 549, 554, 582, 583, 597, 681, 683, 697, 699, 734, 746, 804, 806
 Бурбоны 653
 Бурдей (Bourdeilles) Пьер де 348
 Бурдик-Вио (Bourdic-Viot) Мария Анна Генриетта 233
 Бурцев, издатель 418
 Бурцев Владимир Львович 277, 595, 633
 Бутон (Bouton) Шарль 676
 Бутырский Никита Иванович 79
 Бьевр (Биевр; Bièvre) Никола Марешаль маркиз де 134, 217, 496, 577
 Бюргер (Bürger) Готфрид Август 240, 291, 402, 534, 535, 683
 Бюффон (Buffon) Жорж Луи Леклерк 578
- Вайнер Б. 30
 Вайс (Weiss) Франсуа Рудольф 239, 242
 Вальтер (Walter) Жерар 196
 Ван Дейк (van Dyck) Антонис 291
 Василидас 736
 Васильев 742
 Вебер (Weber) Карл Мария фон 326
 Вегнер М. О. 718, 742, 744
 Вейли (Wailly) Этьен Огюстен де 453
 Великопольский Иван Ермолаевич 246, 685
 Веллингтон (Wellington) Артур Уэлсли 223, 652
 Вельтман Александр Фомич 273, 685
- Венгеров Семен Афанасьевич 8, 215, 659, 669
 Веневитинов Алексей Владимирович 158, 681
 Веневитинов Дмитрий Владимирович 228, 229, 514, 528, 684
 Вергилий (Publius Virgilius Maro) 47, 108, 112, 117, 118, 121, 170, 205, 211, 285, 331, 379, 472, 479, 522, 578, 637
 Вересаев Викентий Викентьевич 374, 693, 815
 Виардо (Viardot) Луи 103, 234, 265, 286, 287, 327, 353, 364, 376, 388, 460, 587, 589
 Вигель Филипп Филиппович 265, 515, 657
 Видок (Vidocq) Франсуа Эжен 583, 653
 Виланд (Wieland) Кристоф Мартин 225
 Виллемайн (Villemain) Анри 393
 Вильберфорс (Wilberforce) Вильям 643
 Вильер (Villiers) Пьер де 218
 Вильмен (Villemain) Анри 332
 Вильсон (Wilson) Вильям Рэй 613
 Вильсон (Wilson) Джон 552, 763
 Виноградов Виктор Владимирович 612
 Виноградов Л. А. 734, 747
 Винокур Григорий Осипович 32, 68, 81, 160
 Виньи (Vigny) Альфред де 178, 182, 800
 Витгенштейн Петр Христианович 642, 665
 Витт (Witt), граф 202
 Владимир Святославич, князь 684
 Владиславич-Рагузинский Савва Лукич 680
 Во (Vaux) Людовик де 466
 Вобан (Vauban) Себастьян Ле Претр маркиз де 732
 Воейков Александр Федорович 98, 394, 516, 615, 619, 810
 Волконская Зинаида Александровна 158
 Волконский Сергей Григорьевич 158, 597, 598, 614, 664, 665
 Волконский Михаил Сергеевич 157, 158, 681
 Волошин Максимилиан Александрович 793
 Вольтер (Voltaire) 21, 74, 86, 90, 114, 117, 122, 134, 136, 137, 140, 144, 170,

- 174, 178, 195, 208, 223, 229, 245, 266, 282, 284, 297, 321, 346, 388, 399, 427, 430, 435—437, 449, 452, 453, 457, 498, 524, 577, 579, 586, 636, 666, 715, 730, 736, 745, 800, 805—807, 812
- Вольф-Лупус *см.* Лупус
- Вордсворт (Wordsworth) Уильям 40, 184, 187, 218, 306, 484, 533, 788
- Воронцов Михаил Семенович 69, 74, 144, 163, 214, 237, 292, 311, 321, 358, 470, 534, 561, 613, 627, 632, 634, 663, 698
- Воронцов Семен Романович 561
- Воронцова Елизавета Ксаверьевна 91, 144, 160, 162—166, 190, 200, 214, 215, 258, 265, 266, 277, 284, 326, 334, 358, 425, 543, 554, 691, 698, 813, 814
- Воронцовы 165
- Воронцовы-Дашковы 698
- Вояр (Voÿart) Элиза 393
- Вревская (Вульф) Евпраксия Николаевна (Зизи) 59, 72, 424, 425, 630, 636, 637, 691
- Вревские 637
- Вревский Борис Александрович 425
- Всеволожский Никита Всеволодович 132
- Всеслав, князь Полоцкий 535
- Вуатюр (Voiture) Венсан 153, 154
- Вулси (Wolsey), преподаватель 634
- Вульф Анна Ивановна 152, 425, 691
- Вульф Алексей Николаевич 224, 365, 375, 425, 509, 615, 635, 683, 691, 695, 711, 741
- Вульф Анна Николаевна 69, 183, 387, 425, 476, 586, 679
- Вульф Иван Иванович 691
- Вульф Надежда Гавриловна 691
- Вульф Николай Иванович 424, 425, 691
- Вульф Павел Иванович 68, 424, 603, 695
- Вульф Петр Иванович 424
- Вульф, семья 209, 682
- Вяземская Вера Федоровна 74, 163—165, 200, 291, 326, 514, 539, 566, 634, 682, 696, 698, 701, 813
- Вяземская Надежда Петровна 634
- Вяземский Николай Петрович 75, 634
- Вяземский Петр Андреевич 34, 58, 64, 69, 72—75, 89, 97, 101, 102, 108, 123, 136, 150, 163, 165, 182—184, 209, 213, 216, 231, 259, 292, 320, 321, 326, 329, 330, 342, 352, 373, 377, 383—385, 387, 388, 390, 397, 415, 417, 419, 447, 468, 502, 507, 508, 514, 528, 531, 539, 546, 548, 550, 566, 605, 616, 624, 626, 628, 639, 640, 645, 659, 661, 663—666, 668, 679, 682, 690, 691, 696—698, 703, 734, 763, 800, 804, 813, 814, 816
- Габуси (Gabussi) Винченцо 586
- Гагарин Иван Сергеевич 147
- Гаевский Виктор Павлович 357
- Газлит (Hazlitt) Уильям 113, 119, 430, 811
- Гайль (Gail) Жан Батист 119
- Гальяни Шарлотта 615, 701
- Гамальмал 732
- Ганнибал Абрам Петрович 17, 18, 20, 30, 108, 201, 210, 370, 680, 706—713, 716—748
- Ганнибал Анна Семеновна 742, 746
- Ганнибал (Диопер) Евдокия Андреевна 733, 746
- Ганнибал Елизавета Александровна 688
- Ганнибал Иван Абрамович 708, 738
- Ганнибал Исаак Абрамович 680, 708, 734, 747
- Ганнибал (Пушкина) Мария Алексеевна 208, 708, 738, 739
- Ганнибал Осип Абрамович 210, 370, 683, 708, 733, 738
- Ганнибал Петр Абрамович 267, 708, 709, 711, 738, 739, 741, 747
- Ганнибал (Шеберг; Sjöberg) Христина Регина 708, 733
- Ганнибал Яков Абрамович 708
- Ганнибал Яков Исаакович 688
- Ганская Эвелина 553
- Гардинер (Gardiner) Корнелиус 513
- Гарнье (Garnier) Жермен 119
- Гаррик (Garrick) Давид 128, 811
- Гартинг Елена Григорьевна 704
- Гастальди (Gastaldi) Якопо 713
- Гауэр (Gower) Джон 766
- Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих 10, 229
- Гейне (Heine) Генрих 359, 717, 788
- Геккерен (Heeckeren) Якоб Теодор ван 463—465

- Геккерен-Дантес (Heeckeren) Луи Жозеф Морис Шарль Жорж 466
- Гельбиг (Helbig) Георг фон 710, 734, 746, 747
- Гельвещий (Helvétius) Клод Адриан 498, 499
- Генгине (Ginguené) Пьер Луи 189
- Генрих IV (Henry) Бурбон 645
- Генрих IV (Henry) Наваррский 368, 507, 508, 816
- Георг IV (George) 115
- Георгиевский Григорий П. 373
- Гердер (Herder) Иоганн Готфрид фон 578
- Герлак (Guerlac) О. 579
- Герни (Guerneу) Бернард 244
- Герцен Александр Иванович 177, 657, 701
- Гершензон Михаил Осипович 410
- Гёте (Goethe) Иоганн Вильгельм фон 52, 74, 119, 128, 154, 160, 182, 228, 229, 240, 263, 290, 297, 300, 302, 306, 330, 338, 366, 402, 405, 496, 534, 538, 589, 591, 636, 690, 799, 807, 811
- Гиббон (Gibbon) Эдуард 87, 509, 578
- Гигин Гай Юлий 683
- Гизо (Guizot) Ф. 273, 803
- Гийо-Дефонтен (Guyot-Desfontaines) П. Ф. 146
- Гильо (Guillot) Бернардэн Феликс 458
- Гиоргис 736
- Гиппиус Владимир Васильевич 8, 450
- Гиппократ 112
- Гиргис (Гаурекос) 719
- Глазунов Илья Иванович 35, 80, 810
- Глинка Владислав Михайлович 554
- Глинка С. Ф. 247, 561
- Гнамманку (Gnammankou) Дьедонне 17, 746
- Гнедич Николай Иванович 97, 117, 172, 191, 320, 570
- Гнедич Татьяна Григорьевна 460
- Гобат (Gobat) Сэмюэл 715
- Гоголь Николай Васильевич 8, 129, 246, 279, 280, 288, 354, 437, 678, 815
- Годель (Godailh) 338
- Годунов Борис Федорович 478, 582
- Гой (Goy), друг Ш. Нодье 178
- Голенищева-Кутузова Дарья Михайловна 689
- Голдсмит (Goldsmith) Оливер 715
- Голиков Иван Иванович 728, 741, 743
- Голицын Александр Николаевич 74, 565, 647
- Голицын Дмитрий Владимирович 689
- Голицын Дмитрий Михайлович 723
- Голицын Николай Борисович 69
- Голицына Мария Аркадьевна 681
- Голицына Софья 564
- Голлербах Эрих Федорович 192
- Головин Федор Алексеевич 726, 742, 744, 746
- Гольбах (Holbach) Поль Анри 498, 499
- Гольдони (Goldoni) Карло 197
- Гомер 59, 118, 121, 426, 427, 578, 651, 800, 811
- Гонкур (Goncourt) Эдмон и Жюль де 210, 537
- Гончарова Александра Николаевна 464, 693
- Гончарова (Геккерен-Дантес) Екатерина Николаевна 464—466, 693
- Гончарова Наталья Ивановна 688, 693, 698
- Гораций (Quintus Horatius Flaccus) 34, 54, 111, 113, 156, 205, 211, 212, 214, 215, 217, 218, 239, 277, 280, 372, 378, 442, 453, 498, 499, 613, 801, 806
- Гордин Аркадий Моисеевич 739
- Горсткин Иван Николаевич 659
- Готье (Gautier) Теофиль 451
- Гофман Модест Людвигович 134, 291, 346, 383, 389, 470, 495, 505, 551, 599, 612, 627, 655, 669, 676, 685, 686, 693
- Гофман (Hoffman) Ф. Б. 133
- Гофман (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей 451
- Гранвилль (Granville) Августус Боззи 613, 700
- Грановский Тимофей Николаевич 8
- Граун (Graun) Карл Генрих 134, 812
- Гревилль (Greville) Шарль Кавендиш Фюльк 652
- Грессе (Greeset) Жан Батист Луи 74, 156, 215, 346, 441, 481, 577, 802, 807
- Греч Николай Иванович 226, 734

- Грибоедов Александр Сергеевич 15, 34, 136, 139—141, 168, 224, 253, 317, 354, 367, 369, 407, 443, 444, 458, 478, 512, 514, 515, 521, 530, 543—545, 568, 581, 604, 617, 621, 804
- Григорий XIII 31
- Гризье (Grisier) Огюстен 176, 814
- Грийе-Депрад (Grillet-Desprades) Жозеф 517
- Гримм (Grimm) Фридрих Мельхиор 147
- Грин (Green) Ханна 12
- Гринберг Роман Николаевич 14
- Гроноу (Gronow) Рис Хауэлл 248, 265
- Гроссман Леонид Петрович 217, 464, 537, 693
- Грот Яков Карлович 446, 471, 524, 525, 546, 686
- Грузинцов Александр Николаевич 413
- Грэй (Gray) Томас 182, 488
- Гудар де ла Мотт (Houdar de la Mott) Антуан 346, 368, 499
- Гуковский Григорий Александрович 194, 329, 687
- Гумилев Лев Николаевич 748
- Гурьев Константин Васильевич 366, 689
- Гэй (Gay) Джон 171, 390, 479
- Гюго (Hugo) Виктор 18, 154, 167, 456, 465, 650
- Гюнтер (Günther) Иоганн Христиан 772
- Гюттэнгер (Guttinguer) Ульрик 112
- Давид (David) Жак 327
- Давид (David) Жак Луи 655
- Давыдов Александр Львович 597, 598, 651
- Давыдов Василий Львович 597, 598, 651, 665, 704
- Давыдов Денис Васильевич 147, 152, 390, 437, 548, 692, 697
- Давыдов Лев Денисович 651
- Давыдов Степан Иванович 236
- Давыдова Аглая Антоновна 651
- Давыдова Екатерина Николаевна 651
- Давыдовы 209
- Дагер (Daguerre) Луи Жак Манде 676
- Дайер (Dyer) Джон 172
- Дакоста (д'Акоста) Ян 728, 744
- Даллас (Dallas) Роберт Чарльз 86, 187
- Даль Владимир Иванович 261, 271
- Дальтабан 723
- Дамьен (Damiens) 14
- Данзас Константин Карлович 465
- Данте Алигьери (Dante Alighieri) 282, 315, 345
- Дантес (d'Anthès) Геккерен Жорж-Карл 462—466
- Дантон (Danton) Жорж Жак 653
- Дарский Дмитрий Сергеевич 166
- Дашкевич Н. П. 575
- Дашков Дмитрий Васильевич 646
- Деборд-Вальмор (Desbordes-Valmore) Марселина 330, 447
- Дейч (Deutsch) Бабетта 85, 147, 151, 154, 168, 169, 198, 200, 262, 288, 352, 362, 364, 378, 395, 396, 400, 419, 445, 487, 498, 541, 558, 588, 590, 594, 662, 809
- Деккер (Decker) Томас 261
- Делавинь (Delavigne) Казимир 196, 415, 430, 472, 558, 648, 802, 805
- Делиль (Delille) Жак 110, 208, 211, 313, 314, 577, 803, 807
- Дельвиг Андрей Иванович 195, 613, 701
- Дельвиг Антон Антонович 20, 60, 73, 75—77, 97, 117, 195, 280, 313, 320, 346, 357, 358, 389, 390, 447, 448, 502, 521, 527, 581—583, 622, 815
- Дельвиг Мария Антоновна 106, 195
- Демаре де Сен-Сорлэн (Desmarets de Saint-Sorlin) Жан 253
- Демут (Demuth) Филип Якоб 612
- Денем (Denham) Джон 441
- Депорт (Desportes) Филипп 205
- Деппинг (Depping) Жорж Бернар 338
- Державин Гавриил Романович 65, 194, 276, 277, 366, 369, 370, 442, 461, 526, 527, 528, 531, 532, 547, 649, 655, 679, 774, 788
- Деспре (Després) Жан Батист Дени 498
- Детуш (Destouches) Филипп Нерико 172
- Дефоконпре (Defauconpret) Огюст Жан Батист 386
- Джессе (Jesse) Уильям 111, 143, 146, 387, 437, 491
- Джойс (Joyce) Джеймс 638
- Джонсон (Jonson) Бен 18, 166
- Джонсон (Jonson) Сэмюэл 17, 715, 736, 741, 746
- Дзаппи (Zappi) Джамбаттиста 197

- Дидло (Didelot) Шарль Луи 137—139, 141, 142
- Дидро (Diderot) Дени 498, 499, 579
- Дизраэли (D'Israeli) Исаак 197
- Диккенс (Dickens) Чарльз 296, 627
- Диоклетиан (Gaius Aurelius Valerianus Diocletianus) 442, 511
- Дионисий Сиракузский 684
- Диопер Андрей 733, 746
- Диц (Dietz) Фердинанд 326
- Дмитриев Иван Иванович 34, 39, 56, 120, 153, 191, 231, 287, 326, 365, 369, 395, 409, 453, 478, 507, 508, 510, 526, 528, 529, 532, 546, 577, 584, 618, 682, 684, 696, 697, 702, 801, 803, 816
- Дмитриев Михаил Александрович 378, 384, 391, 417, 510, 514, 699, 804
- Доддингтон (Dodington) Джордж Бабб 99
- Доза (Dauzat) Альбер 127
- Долгоруков Василий Лукич 730, 745
- Долгоруков (Долгорукий) Иван Михайлович 647, 704, 761
- Долгоруков (Долгорукий) Илья Андреевич 642, 659, 661
- Долгоруков (Долгорукий) Петр Владимирович 464, 693
- Доливо-Добровольский Флор Иосифович 594
- Долиньи (Doligny), актриса 483
- Донн (Donne) Джон 757, 758, 777
- Дора (Dorat) Клод Жозеф 239, 380, 413, 577, 629, 807
- Достоевский Федор Михайлович 308, 560, 593, 604, 698, 799, 814
- Доу (Dawe) Джордж 568, 569, 699
- Драйден (Dryden) Джон 441, 474, 533
- Друри (Drury) Генри 373
- Дубровин Николай Федорович 737
- Дюбарри (Du Barry) Мария Жанна Гомор де Вобернье 653
- Дюдеффан (Du Deffant) Мария де Виши-Шамбон 21, 525
- Дюдуае (Dudoyer) Жерар 483
- Дюзю (Dusaulx) Жан Жозеф 116
- Дюкло (Duclos) Шарль Пино 212, 286
- Дюма (Dumas) Александр 128, 811
- Дюпен (Dupin) Пьер Шарль Франсуа 506, 507
- Дюпон (Dupont) А. 128, 234, 327, 811
- Дюпор (Duport) Луи Антуан 428, 691
- Дюсерсо (du Cerceau) Жан-Антуан 280
- Дюси (Ducis) Жан Франсуа 120, 156, 209, 212, 391, 802
- Дюссюель (Dussueil) Рей 578
- Дюфрени (Rivière-Dufresny) Шарль 142, 420, 421, 805
- Еголин Александр Михайлович 80, 160
- Егунов А. Н. 694
- Екатерина I 707, 724, 732, 738, 742, 743
- Екатерина II 135, 144, 149, 369, 387, 515, 525, 526, 613, 615, 701, 707, 708
- Елизавета Богемская 415
- Елизавета Петровна, императрица 509, 707—709, 711, 728, 733, 739, 743
- Ермолов Алексей Петрович 569
- Жандр Андрей Андреевич 224, 444
- Жанти-Бернар (Gentil-Bernard) Пьер 124, 429, 576, 805, 807
- Жданов Иван Николаевич 235
- Жерардини (Gherardini) Д. Ж. 307
- Жильбер (Gilbert) Н. Ж. Лорен 127, 215, 413, 450, 805
- Жинисти (Ginisty) Поль 307
- Жиркевич Иван Степанович 646
- Жодель (Jodelle) Этьен 134
- Жомбер (Jombert), издатель 144
- Жомини (Jomini) Генрих Вениаминович (Антуан Анри) 114, 115, 152
- Жонсон, камергер 728
- Жоффре (Jauffret) Гаспар Жан Андре Жозеф 530
- Жуйкова Рэдмона Г. 689
- Жуковский Василий Андреевич 34, 52, 58, 93, 97, 99, 102, 115, 136, 168, 182, 200, 224, 225, 228, 241, 242, 278, 290—292, 308, 354, 366, 367, 369, 370, 383, 390, 394, 395, 400, 402, 408, 440, 441, 451, 465, 468, 483, 488, 499, 502, 526—528, 530—532, 534, 535, 547, 548, 563, 564, 570, 572, 573, 581, 664, 683, 690, 696, 698, 788, 817
- Завадовская Елена Михайловна 550, 697
- Завадовский Александр Петрович 139, 681, 697

- Завадовский Василий Петрович 697
 Загряжская (де Местр) София Ивановна 698
 Закревская Аграфена Федоровна 550
 За-Уальд 736, 742
 Зекендорф (Seckendorf) С. фон 300
 Зенгер Николай Григорьевич 739
 Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
 Зиверт Светлана 699
 Зубов Александр Николаевич или Кирилл Николаевич 162, 462, 681, 682, 693
- Иван III Васильевич 614
 Иван IV Васильевич (Грозный) 614
 Иванов Автоном Иванович 727
 Иванов И. А. 699
 Иванов М. 699
 Иванов Яков 377
 Иваск Юрий Павлович 596
 Иган (Egan) Пирс 110, 111, 124, 509
 Измайлов Александр Ефимович 320, 374
 Измайлов Владимир Васильевич 520
 Изуар (Isouard) Никколо 645
 Иисус I Великий см. Адийам Сагад I
 Илличевский Алексей Дамианович 173, 431, 525
 Инзов Иван Никитич 157, 201, 354, 355, 534, 632, 663, 687, 688
 Иоанн I 718, 719
 Иоанн, пресвитер 736, 747
 Иогансон, издатель 80
 Ион Богдан Иванович 139
 Иордан Федор Иванович 139
 Ипсиланти Александр Константинович, 650, 651
 Ипсиланти Дмитрий Константинович 666
 Истомина Евдокия Ильинична 46, 137—141, 153, 169, 427, 550, 582, 812
 Истрин Виктор Александрович 639
- Кабане (Cabanès) Огюстэн 525
 Каверин Петр Павлович 129, 139, 224, 355, 514, 582, 680, 681, 812
 Кавос Катерино Альбертович 137, 138, 236
 Казанова (Casanova) Джованни Джакомо 16, 153
 Казначеев Александр Иванович 214, 321, 562
 Кай Луцилий (Caius Lucilius) 611
 Кайю (Caylus) Марта де 146
 Калайликос 724
 Калаушин Матвей Матвеевич 592
 Калашников Михаил Иванович 377
 Калашникова Ольга Михайловна 377, 689
 Каменев Гавриил Петрович 407
 Камер Стамати 746
 Каммере (Kammerer) Альбер 713
 Кампенон (Campenon) Винсент 331, 498
 Каннингтон (Cunnington) Виллетт 513, 553
 Кант (Kant) Иммануил 225, 229
 Капнист Василий Васильевич 654
 Каподистрия Иван Антонович 688
 Карамзин Николай Михайлович 39, 101, 120, 136, 148, 149, 168, 177, 186, 191, 258, 354, 395, 440, 474, 526, 529, 530, 546—548, 570, 582, 618, 646, 663, 682, 696, 697, 704, 801, 803
 Карамзина Екатерина Андреевна 681
 Карл II 500
 Карл X 463
 Карлейль (Carlyle) Томас 656
 Каролина (Caroline), королева Британии 115
 Кассий (Gaius Cassius Longinus) 469
 Кастен (Castaing) Эдме Самюэль 653
 Катенин Павел Александрович 80, 135, 354, 388, 535, 582, 601, 603, 697, 700, 812
 Катон (Marcus Portius Cato) 565, 633
 Катуял (Gaius Valerius Catullus) 117, 451
 Кауер (Kauer) Фердинанд 235, 236
 Каупер (Cowper) Уильям 131, 444, 517, 757, 758
 Каховский Петр Григорьевич 658
 Кеб Христос 719
 Кемпбелл (Campbell) Томас 242
 Кемпион (Campion) Томас 343
 Кенье (Caigniez) Луи Шарль 236, 816
 Кенэ (Quesnay) Франсуа 120
 Керн Анна Петровна 103, 183, 203, 373, 387, 425, 550, 566, 573, 679, 691, 692, 801
 Кери Ермолай Федорович 425

- Кёшлен (Koeschlin) Камилла 551
 Кильгур (Kilgour) Байар Л. (младший) 98, 810
 Кине (Quinet) Эдгар 579
 Киприянов Василий Онуфриевич 281
 Кирпотин Валерий Яковлевич 242
 Китс (Keats) Джон 13, 172, 228, 252, 272, 313, 369, 385, 449, 467, 753, 798
 Кларк (Clark) Т. 306, 815
 Кларк (Clarke) Эдвард Дэниэл 387, 619
 Клеопатра 389
 Клеопин, домовладелец 687
 Клопшток (Klopstock) Фридрих Готлиб 225, 240, 526, 683
 Клэрон (Clairon) см. Латюд (La Tude)
 Ключарев Павел Степанович 377, 689
 Княжецкая Е. А. 746
 Княжнин Яков Борисович 135, 136
 Кобеко Дмитрий Фомич 21
 Козлов Иван Иванович 102, 197, 216, 478, 489, 505, 506, 581, 586, 624, 694, 814
 Козлов Никита Тимофеевич 357, 635
 Козлов Тимофей 635
 Коксуэлл (Coxwell) К. Ф. 396
 Колардо (Colardeau) Шарль Пьер 233, 297, 577, 807
 Колле (Collé) Шарль 301
 Коллинз (Collins) Уильям 369, 439
 Коллоп (Collor) Джон 448
 Колосова Александра Михайловна 134, 321
 Колридж (Coleridge) Сэмюэл Тейлор 152, 187, 387, 476, 736, 748, 753, 757, 758, 762, 787, 798
 Колридж (Coleridge) Эрнст Хартли 106, 638
 Кольман (Colman) Джордж (младший) 201
 Компен де Сен-Мартен (Compain de Saint-Martin), аббат 521, 800
 Конгрив (Congreve) Уильям 529
 Констан (Constant) Бенджамен 90, 109, 115, 116, 178, 181, 185, 240, 300, 329, 402, 443, 498, 501, 553, 575
 Константин Павлович, вел. кн. 231, 366, 658, 689
 Конфуций 120
 Корде (Corday) Шарлотта 653
 Корк (Cork) леди 150
 Корнелиано (Corneliano) Карло Пасеро де 307, 816
 Корнель (Corneille) Пьер 133, 134, 136, 457, 578, 731, 812
 Корнуолл (Cornwell) Барри 449
 Коровин Степан Михайлович 729, 745
 Корреджо (Correggio) Антонио 430, 431
 Корсле (Corcellet) 131
 Корф Мария Фердинандовна 16, 697
 Корчагин А. И. 813
 Кост (Coste) Пьер 498
 Костров Ермил Иванович 521, 696
 Костюшко (Kosciuszko) Тадеуш 583
 Коттен (Cottin) Софи 52, 58, 263, 298, 302, 412
 Коттон (Cotton) Чарльз 39, 376
 Коули (Cowley) Абрахам 369
 Кочубей Виктор Павлович 565
 Кочубей, домовладелец 704
 Кошанский Николай Федорович 372
 Коэн (Cohen) Жан 106, 305, 499, 545, 800, 815
 Крабб (Crabbe) Джордж 488
 Краснопольский Николай С. 235
 Крачковский Игнатий Юлианович 493
 Крейцер (Kreutzer) Родольф 134, 812
 Кропоткин Петр Алексеевич 479
 Кросс (Cross) Сэмюэл 20
 Кроули (Croly) Джордж 306, 519
 Крузенштерн Иван Федорович 355, 688
 Крылов Иван Андреевич 74, 102, 136, 242, 249, 283, 369, 405, 530, 547, 551, 566
 Крылова Мария Михайловна 132
 Крюднер (Krüdner) Барбара Юлиана фон 52, 179, 198, 263, 298, 299, 329, 576, 588
 Крюднер (Krüdner) барон фон 299
 Кузнецов Н. 160
 Куинджи Архип Иванович 461, 806
 Кук (Cooke) Уильям 130
 Куницын Александр Петрович 119, 656
 Купиньи (Courignu) Андре Франсуа де 472
 Купрович Ольга 470, 475
 Курсийон (Courcillon), маркиз де Данго (Dangeau) Ф. 137
 Кутузов Михаил Илларионович 471
 Кэмпбелл (Campbell) Томас 455

- Кэнье (Caignez, Caignez) Луи Шарль 307
 Кэрилл (Caryll) Джон 449
 Кэрролл (Carroll) Льюис 406
 Кюхельбекер Вильгельм Карлович 56, 74, 90, 156, 224, 228, 229, 237, 239, 308, 366, 367, 369, 419, 450, 521, 546, 576, 581, 582, 594, 631, 634, 666, 684, 687, 691, 699, 700, 715
 Кюхельбекер Юстина 156
- Лабрюйер (La Bruyère) Жан де 86, 175
 Лагань, сестра А. П. Ганнибала 707, 713, 716, 717, 722, 736, 742, 747
 Лагарп (La Harpe) Жан Франсуа де 21, 116, 122, 156, 178, 212, 282, 286, 298, 321, 430, 521, 546, 579, 802, 803, 805
 Лагарп (La Harpe) Фредерик Сезар де 116
 Лазаревы, типографы 240
 Лайалл (Lyall) Роберт 267, 434, 618, 629
 Лакло (Laclos) Пьер Шодерло де 282, 296, 297, 575
 Лалан (Lalanne) Людовик 231
 Лаланд (Lalande) Жозеф Жером Ле Франсуа де 578
 Лалибал 732
 Ла Мадлен (La Madelaine) С. А. де 535
 Ламартин (Lamartine) Альфонс де 18, 93, 167, 182, 195, 196, 282, 317, 453, 456, 458, 800, 814
 Ла Моннуа (La Monnoye) Бернар де 283, 662
 Ламот ле Вайе (La Mothe le Vayer) Франсуа де 499
 Ланг (Lang) Эндрю 118
 Ланге (Lange) Эжени 411
 Ландау Григорий 815
 Лапин Иван Игнатьевич 374
 Ла Порт (La Porte) Жозеф де 146, 529
 Латтеньян (Lattaignanat) Габриель Шарль де 286
 Латуш (Latouche) Анри де 196, 377, 655
 Латюд (La Tude) Клэр Жозеф Ипполита (Клэрон; Clairon) 134
 Лафатер (Lavater) Иоганн Каспар 412
 Лафонтен (Lafontaine) Август Генрих Юлий 56, 57, 182, 392, 457, 458, 799
 Лафонтен (La Fontaine) Жан де 18, 38, 39, 74, 153, 167, 168, 178, 283, 285, 587, 801
 Лахен (Lahen) 717
 Лебрэн (Lebrun) Понс Дени Экушар 256, 365, 378, 430, 655, 656
 Лебрэн (Lebrun) Пьер Антуан 144, 200, 262, 490, 585
 Лебрэн (Lebrun) Шарль Франсуа 170
 Левайян (Levaillant) Морис 166, 179, 196, 301, 480, 543
 Лёве-Веймар (Loeve-Weimars) Франсуа-Адольф де 593, 594, 699, 799
 Левек (Levesque) Пьер Шарль 120, 413
 Левенберг (Loewenberg) Альфред 134, 236
 Левин Юрий Давыдович 488
 Левинсон Николай Рудольфович 511
 Лёвшин Василий Алексеевич 62, 481, 694
 Ле Гран (Le Grand) Иоахим 715, 716, 721, 742, 748
 Легран (Legrand) П. Э. 118
 Легуве (Legouvé) Габриэль Мари Жан Батист 538
 Ледницкий (Lednicki) Вацлав 146, 816
 Лейбниц (Leibniz) Готфрид Вильгельм фон 453
 Ле Клеры (Le Cleri) Н. Г. 120
 Леклерк (Leclercq) Дермид 657
 Леклерк (Leclercq) Мари Полина 657
 Леклерк де Сет-Шен (Leclerc de Sept-Chênes) 578
 Лекуврёр (Lecouvreur) Адриенн 137
 Лелонг Владимир Константинович 737
 Лемуан (Lemoine) Жан Батист 133
 Лемьер (Lemierre) Антуан 805
 Ленин Владимир Ильич 82, 133, 166, 284, 386, 709
 Ленора де Д, знакомая А. П. Ганнибала 731
 Ленотр (Le Nôtre) Андре 530
 Леонар (Leonard) Никола Жермен 422
 Леонтан, путешественник 731
 Леопольдов Андрей 390
 Лепаж (Le Page, Lepage) Жан 139, 458, 460
 Ле Претр (Prestre) Себастьян маркиз де Вобан (Vauban) 730

- Лер (Lehr) Поль 535
 Леритье де Лэн (L'Héritier de l'Ain) Луи Франсуа 653
 Лермонтов Михаил Юрьевич 15, 127, 179, 212, 228, 369, 467, 543, 619, 621—623, 633, 778, 787, 799, 800
 Лернер Николай Осипович 107, 129, 137, 268, 271, 273, 304, 308, 554, 563, 575, 595, 597, 664, 669—701, 806
 Лессинг (Lessing) Готхольд Эфраим 125
 Лесток (Lestocq) Иоганн Герман Арман де 728
 Летурнер (Letourneur) Пьер Прим Фелисьен 229, 241, 273, 301, 415, 458, 800, 803
 Лефевр (Lefevre) Теофиль 714, 716
 Лефорт Франц Яковлевич 746
 Ле Франк де Помпиньян (Le Franc de Romprignan) Жан Жак 121
 Ливий (Titus Livius) 117
 Ливийн (Livijn) Класс Йохан 694
 Линжанд (Lingendes) Жан де 285
 Линней (Linné) Карл 696
 Липперт (Lippert) Роберт 146, 812
 Липранди Иван Петрович 374, 681, 686
 Лиронделль (Lirondelle) Андре 327
 Литтрэ (Littré) Максимилиан Поль Эмиль 129
 Лифарь Сергей Михайлович 685
 Лихутина Анастасия Андреевна 138, 141
 Лобо (Lobo) Иеронимо 715, 716, 741
 Лозинский Григорий Леонидович 168, 275, 412, 685
 Локк (Locke) Джон 498
 Ломон (Lhomond) Шарль Франсуа 413
 Ломоносов Михаил Васильевич 58, 149, 342, 368—370, 413, 416, 460, 757, 758, 771—775, 788
 Лонгинов Михаил Николаевич 248, 355
 Лотман Юрий Михайлович 679, 683, 695, 700
 Лоу (Law) Джон 730
 Лоуэлл (Lowell) Джеймс Рассел 143
 Луве де Кувре (Louvet de Couvrai) Жан Батист 125, 139, 347, 577, 807, 811
 Лувель (Louvel) Пьер Луи 22, 641, 652, 653, 808
 Лугинин Федор Николаевич 357
 Луи (Louis), французский переводчик 715
 Луи Филипп 463
 Луиза, королева Пруссии 572
 Лукин Владимир Игнатьевич 145
 Лукреций (Titus Lucretius Carus) 498, 499
 Лунин Михаил Сергеевич 642, 661
 Лупус (Lupus) Алексис 125, 127, 146, 172, 813
 Льюис (Lewis) Мэтью Грегори 187, 215, 305, 308
 Лэ (Laus) Франсуа 646
 Лэйн (Lane) Эдвард Вильям 373
 Лэм (Lamb) Чарльз 251, 259, 329
 Людовик (Louis) XIV 720, 721, 736, 806
 Людовик (Louis) XV 729, 730
 Людовик (Louis) XVI 653, 656
 Людовик (Louis) XVIII 223
 Людольф (Ludolf) Иов 713
 Люийе (Lhuillier) Клод Эмманюэль 615
 Мабли (Mably) Габриэль Бонно де 498, 577, 578
 Майе (Maillet), консул 721
 Майков Василий Иванович 106, 141, 426, 522, 523, 659, 696, 801
 Майков Леонид Николаевич 173, 469, 480, 515, 576, 669
 Майкова Александра 669
 Мак Адам (McAdam) Джон Л. 508
 Макаров Алексей Васильевич 724, 742
 Маколи (Macauley) Джеймс 715
 Максимиан (Marcus Valerius Maximianus) 442
 Максимович Михаил Александрович 507
 Макферсон (Macpherson) Джеймс 134, 156, 241, 467, 488
 Малак Сагад I 732
 Малеванов Николай А. 744, 746
 Малевский (Malewski) Франтишек 308, 416, 686, 691, 804
 Малерб (Malherbe) Франсуа де 39, 368, 773, 801
 Маликова М. 9
 Мальбранш (Malebranche) Никола де 87, 113, 731, 801
 Мальфилатр (Malfilâtre) Жак Шарль Луи Кленшан де 34, 282
 Мандельштам Осип Эмильевич 8

- Манже (Manget) Ж. Л. 228
 Манзони (Манцони, Manzoni) Алессандро Франческо Томмазо Антонио 578, 800
 Манн (Mann) Томас 560
 Мансуров Павел Борисович 132
 Манюэль (Manuel) Жак Антуан 115
 Мара (Marat) Анри 21, 525
 Мара (Marat) Жан Пьер 525
 Марат (Marat) Жан Поль 21, 525
 Марвелл (Marvell) Эндрю 255, 310, 753, 757, 758, 777, 780
 Мария-Антуанетта (Marie Antoinette) 299
 Маркевич Болеслав Михайлович 553
 Маркс (Marx) Карл 185
 Мармонтель (Marmontel) Жан Франсуа 58, 114, 115, 134, 146, 413, 436, 508, 577, 805, 807, 812, 816
 Маро (Marot) Клеман 449
 Марсо (Marceau) Франсуа Соверен 472
 Мартынов Иван Иванович 21
 Маршак Самуил Яковлевич 289
 Массон Ольга Карловна 248
 Мауро (Mauro) Фра 713
 Медведева Ирина Николаевна 447
 Медуин (Medwin) Томас 306, 577, 815
 Мейлах Михаил Борисович 14
 Мейльхак (Meilhac) Анри 537
 Мелакставит 719
 Мелье (Meslier) Жан 579
 Мельников-Печерский Павел Иванович 272
 Менонвилль (Ménonville) 87
 Меншиков Александр Данилович 746
 Мервиль (Merville) Мишель Гюйо де 730, 745
 Мериме (Mérimée) Проспер 537, 560
 Местр (Maistre) Ксавье де 698
 Метман (Metman) Луи 463
 Миллер П. Н. 511
 Милмен (Milman) Генри Гарт 519
 Милонов Михаил Васильевич 450, 452, 458, 473
 Милорадович Михаил Андреевич 23, 354, 356, 658, 688
 Мильвуа (Millevoye) Шарль 324, 450, 452, 473, 482
 Мильтон (Milton) Джон 172, 417, 453, 489, 751, 787, 798
 Милютин Петр Федорович 688
 Минин-Сухорук Кузьма Захарьевич 607, 618
 Миних (Münnich) Бурхард Кристоф 708, 732
 Мирабо (Mirabeau) Оноре де 115, 344, 346, 399, 666, 687
 Митридат Великий 623
 Михаил Федорович, царь 678
 Михайлов Олег Николаевич 10
 Мицкевич (Mickiewicz) Адам 583, 623—626
 Мишо (Michaud) Жозеф Франсуа 307
 Модзалевский Борис Львович 125, 148, 173, 184, 393, 413, 681, 688, 691, 737, 739, 741, 811
 Модзалевский Лев Борисович 82, 183, 576
 Мойер Иван Филиппович (Иоганн Христиан) 394
 Мольер (Molière) Жан Батист 39, 457
 Монте (Montet) Эдуард 493
 Монтень (Montaigne) Мишель де 87, 112, 113, 170, 379, 458, 521
 Монтескье (Montesquieu) Шарль Луи 654, 745
 Монтолон (Montholon), графиня 392
 Монтолье (Montolieu) Изабель де 332, 499
 Монфокон де Вийар (Montfaucon de Villars) 411
 Монфор, гувернер Пушкина 108
 Морган (Morgan) Сидни 150, 438
 Морозов Петр Осипович 669
 Морфилл (Morfill) Уильям Ричард 257
 Моцарт (Mozart) Вольфганг Амадей 326
 Мозт (Moët) Жан Реми 389
 Мулен (Moulin) Антуан дю 146
 Мур (Moore) Томас 16, 166, 167, 182, 184, 190, 274, 398, 437, 467, 479, 515, 572, 573, 599, 799, 800, 817
 Муравьев Михаил Никитич 192, 231, 684
 Муравьев Михаил Николаевич 753
 Муравьев Никита Михайлович 642, 660, 661, 703
 Муравьев-Апостол Иван Матвеевич 453
 Муравьев-Апостол Матвей Иванович 597

- Муравьев-Апостол Сергей Иванович 654, 658, 665
- Муравьева, домовладелица 704
- Мусин-Пушкин Алексей Иванович 387
- Мусин-Пушкин Алексей Семенович 387
- Мусин-Пушкин-Брюс Василий Валентинович 700
- Мусина-Пушкина Мария Александровна 496
- Мусины-Пушкины 387
- Мустафа II 721, 723, 724, 726
- Мустафа Киайа Каждугли 721
- Мэтьюрин (Maturin) Чарльз Роберт 52, 106, 263, 305, 308, 342, 498, 499, 540, 542, 604, 606, 668, 800, 815
- Мюрад бен Магделюн 720, 721
- Мюссе (Musset) Альфред де 154, 330
- Набоков Владимир Владимирович 7—25, 198, 267, 280, 679—704, 737—747, 796
- Набоков Владимир Дмитриевич 15
- Набоков Дмитрий Владимирович 8, 619, 702
- Набоков Дмитрий Николаевич 358, 697
- Набоков Николай Александрович 692
- Набокова Екатерина Ивановна 692
- Набокова Мария Фердинандовна 358
- Набокова Нина Дмитриевна 22, 689
- Набоковы 692
- Надеждин Николай Иванович 514, 549, 806
- Назолини (Nasolini) Себастиано 134, 812
- Наполеон (Napoléon) I Бонапарт 20, 21, 114, 115, 118, 120, 146, 157, 185, 223, 278, 308, 463, 471, 490, 506, 510, 525, 577, 640, 644, 647—650, 656, 657, 666, 703, 704, 812
- Наполеон (Napoléon) III 466
- Нарышкин Дмитрий Львович 194, 195, 464
- Нарышкина Мария Антоновна 464
- Наумов Дмитрий Н. 266
- Нащокин Павел Воинович 573
- Недзельский Б. Л. 213
- Нейштадт М. 483
- Неккер (Necker) Жак 344
- Неккер де Соссюр (Necker de Saussure) Альбертина Адриена 456
- Некрасов Николай Алексеевич 147, 158, 777
- Нельсон (Nelson) Горацио 471, 481
- Нессельроде Карл (Карл-Роберт) Васильевич 354, 562, 634, 687
- Нечаев В. 358
- Нечаева Вера Степановна 689
- Нечкина Милица Васильевна 659
- Нивелль де ла Шоссе (Nivelle de la Chaussée) П. К. 145
- Николай I 20, 70, 75, 129, 176, 231, 265, 278, 303, 463—465, 509, 569, 572, 594, 624, 641, 644, 649, 654, 658, 664, 693, 695, 817
- Николь, аббат 108
- Новиков Николай Иванович 474, 593, 799
- Нодье (Nodier) Шарль 53, 178, 183, 256, 263, 308, 309, 409, 491, 800, 803, 804
- Ноель (Noël) Франсуа 451
- Носик Борис 11, 13, 14, 19
- Нотбек Александр В. 78, 193, 810
- Нотре (Notre), переводчик 715
- Нуннемахер (Nunnemacher) Рудольф 458
- Овидий (Publius Ovidius Naso) 45, 93, 121, 122, 153, 166, 224, 441
- Одоевский Александр Иванович 660, 681
- Одоевский Владимир Федорович 446, 514, 582
- Озеров Владислав Александрович 134—136, 646
- Ознобишин Дмитрий Петрович 630
- О'Кифф (O'Keeffe) Джон 567
- Оксман Юлиан Григорьевич 32, 357, 601, 612
- Оленин Алексей Николаевич 103, 564, 565, 566, 570, 698, 699
- Оленина Анна Алексеевна 103, 550, 565—570, 697—699
- Оленины 550, 569, 699, 734
- Олин Валериан Николаевич 308, 686
- Ольга, княгиня 677
- Омер (Aumer) Ж. П. 134
- Онегин (Отто) Александр Федорович 515, 565
- Оом Ольга 566

- Опатович Степан 733
 Опочинин Федор Петрович 366, 689
 О'Рейли (O'Reilly) 101, 679
 Орлов Михаил Федорович 159, 597, 651
 Осипов Иван Сафонович 424, 691
 Осипова (Беклешова) Александра Ивановна 425, 691
 Осипова Прасковья Александровна 68, 99, 233, 324, 357, 365, 393, 424, 635, 636, 688, 691, 702, 709
 Осиповы 152, 163, 165, 353, 365, 385, 505, 534, 635
 Оссиан (Ossian) 45, 134, 156, 223, 241, 300, 325, 467
 Остерман Андрей Иванович 704
 Остин (Austen) Джейн 220, 315, 331, 352
 Остин (Austen) Чарльз 315
 Островский Г. Г. 746
 Отон (Autonne) Цезарь Людвигович 629, 630
- П. П. (P. P.) 154
 Павел I 110, 130, 273, 654, 657, 688, 739
 Палиссо де Монтенуа (Palissot de Montenois) К. 123
 Пальчиков Владимир Петрович 375, 689
 Панар (Panard) Шарль Франсуа 142
 Панафидин, издатель 80
 Панелье, издатель 436
 Панин Петр Иванович 135
 Папавуань (Papaouine) Луи Огюст 653
 Парини (Parini) Джузеппе 517
 Паркер (Parker) Стив 11
 Парни (Parry) Эварист Дезире Дефорж шевалье де 53, 114, 115, 130, 144, 156, 175, 178, 250, 252, 294, 316—318, 325, 336, 349, 377, 426, 441, 533, 687, 802—805, 814
 Партридж (Partridge) Эрик 137
 Парфенов Петр 290
 Паскевич Иван Федорович 621
 Патер (Pater) Уолтер 455
 Патрик (Patrick) Дж. З. 85
 Пауличке (Paulitischke) Филипп 713, 741
 Паулуччи Филипп Осипович 334, 635, 687
 Паэс де ла Кадена (Paëz de la Cadena) Хуан Мигель 554
 Пекарский Петр Петрович 546, 731, 745
 Пембрук и Монтгомери (Pembroke and Montgomery) Джордж Август Герберт 562
 Пембрук и Монтгомери (Pembroke and Montgomery) Екатерина 562
 Пепис (Pepys) Сэмюэл 307, 455
 Перевозчиков (Первошиков) Василий Матвеевич 450
 Перрушон (Perruchon) Жюль 719
 Перси (Percy) Томас 534
 Перуджино (Perugino) 291
 Пестель Павел Иванович 399, 597, 598, 643, 658, 660, 665—667, 687, 703, 704
 Петр I 20, 58, 104, 264, 273, 281, 358, 412, 413, 509, 620, 642, 653, 654, 707, 709, 711, 712, 722, 723, 725—734, 740—746, 748, 805
 Петр II 707
 Петр III 707
 Петр Эфиоп (Pasfa Sayon Malbazo) 731
 Петрарка (Petrarca) Франческо 34, 40, 315, 316, 434, 451
 Петров Александр Дмитриевич 363
 Петров Алексей 742
 Петров Василий Петрович 527, 630
 Петроний (Gaius Petronius Arbiter) 90
 Пий VII 648
 Пикок (Peacock) Томас Лав 451
 Пиксанов Николай Кирьякович 166, 410
 Пилатр де Розье (Pilâtre de Rozier) Жан Франсуа 21, 521
 Пиндар 366, 369, 530
 Пирон (Piron) Алексис 134, 231, 257, 286, 528, 812
 Писарев Дмитрий Иванович 471
 Писемский Алексей Феофилактович 270, 287, 511
 Питт (Pitt) Уильям (старший) 88, 617, 810
 Пишо (Pichot) Амедей 73—75, 93, 100, 104—106, 109, 110, 112, 124, 138, 143, 145, 180—183, 191, 192, 196—198, 201, 273, 274, 306, 308, 329, 335, 353, 373, 387, 388, 460, 468, 496—498, 519, 573, 577, 599, 604, 655, 800—803, 810, 817
 Плетнев Петр Александрович 74, 77, 80, 96—98, 165, 197, 323, 345, 364, 526, 586, 675, 686, 697, 810
 Плосайкевич (Plosajkiewicz) Людвик Теодор 396, 690

- Плутарх 379, 469, 578
 Погодин Михаил Петрович 83, 197, 278, 549, 747, 806
 Пожарский Дмитрий Михайлович 478
 Полевой Николай Алексеевич 176, 416, 502, 582, 597, 691, 804
 Полидори (Polidori) Джон Вильям 305
 Полихрони Калипсо 432, 681
 Поллард (Pollard, Major H. V. C.) 460
 Поллок (Pollock) П. Дж. 184
 Полторацкая Агафоклея Александровна 692
 Полторацкая Елизавета Марковна 692
 Полторацкая Елизавета Петровна 434, 691
 Полторацкие 692
 Полторацкий Александр Павлович 692
 Полторацкий Алексей Павлович 616
 Полторацкий Марк Федорович 692
 Полторацкий Петр Маркович 425
 Полторацкий Сергей Дмитриевич 597
 Помпадур (Pompadour) Жанета Антония 569
 Помпей (Pompeius) Гней 469
 Понсе (Poncet) Шарль 713, 716, 719—721, 735, 736, 747, 748
 Попов П. А. 700
 Попова Ольга Ивановна 568
 Потоцкая-Киселева Софья Станиславовна 681
 Потоцкие 624
 Поуп (Pope) Александр 93, 111, 128, 146, 156, 219, 245, 297, 376, 383, 415, 449, 452, 453, 479, 504, 529, 578, 613, 798
 Прадт (Pradt) Доминик де 56, 385, 386, 506, 679
 Прево (Prévost) Антуан Франсуа 293, 300, 301, 800
 Прейд (Praed) Уинтроп Макворт 110, 408, 753
 Приор (Prior) Мэттью 364, 368
 Прокопович Феофан 769
 Проперций (Sextus Propertius) 526
 Протасова Александра Андреевна 394
 Протасова Мария Андреевна 394
 Пуарье (Poirier) Франсуа Жак 732, 746
 Пульчи (Pulci) Луиджи 517
 Пушкин Александр Александрович 464, 737
 Пушкин Александр Петрович 708, 737
 Пушкин Алексей Федорович 708
 Пушкин Василий Львович 75, 96, 97, 236, 286, 418, 419, 445, 511, 548, 577, 690, 691, 807, 816
 Пушкин Григорий Александрович 708, 737
 Пушкин Константин Григорьевич 708, 737
 Пушкин Лев Александрович 108, 708
 Пушкин Лев Сергеевич 73, 74, 76, 89, 91, 96, 131, 135, 138, 153, 164, 165, 192, 210, 314, 329, 355, 364, 389, 425, 620—623, 635, 691, 734, 747, 810
 Пушкин Петр Константинович 708
 Пушкин Сергей Львович 69, 75, 333, 334, 552, 635, 708, 737
 Пушкин Федор Петрович 708, 737
 Пушкина Елизавета Александровна 734, 747
 Пушкина Мария Александровна 464
 Пушкина Наталья Александровна 464
 Пушкина (Гончарова) Наталья Николаевна 109, 247, 258, 345, 355, 463, 486, 546, 566, 596
 Пушкина (Ганнибал) Надежда Осиповна 68, 90, 210, 357, 634, 637, 708, 734, 737, 747
 Пушкина (Павлищева) Ольга Сергеевна 183, 291, 311, 370, 635
 Пуцин Иван Иванович 287, 444, 597, 659, 666, 687
 Пыляев М. И. 195
 Пэншен (Pinchesne) Э. М. 211
 Пюла (Pulat), оружейник 460
 Р. Филидор (Philidor R.) 156
 Рабель (Rabel) Дэниел 39
 Раго де Гранваль (Ragot de Grandval) Никола 142, 420, 805
 Рагузинский (Владиславич-Рагузинский) Ефим Иванович 743
 Рагузинский (Владиславич-Рагузинский) Савва Лукич 712, 725, 726, 732, 742, 743
 Радин (Radin) Доротея 85, 147, 154, 169, 200, 288, 362, 378, 395, 396, 400, 419, 445, 446, 557, 558, 588, 590, 594

- Радищев Александр Николаевич 279, 615, 654, 701
 Радклиф (Radcliffe) Анна 305, 308, 531
 Радлова Анна Дмитриевна 488
 Раевская (Орлова) Екатерина Николаевна 157, 159, 160, 162, 166, 598, 651, 813, 814
 Раевская Елена Николаевна 157, 159
 Раевская (Волконская) Мария Николаевна 138, 157—159, 162, 230, 598, 620, 681, 813, 814
 Раевская Софья Алексеевна 157, 159
 Раевская Софья Николаевна 157, 159, 620
 Раевские 182, 201, 623, 651
 Раевский Александр Николаевич 144, 157, 158, 163, 165, 166, 190, 191, 278, 542, 543, 598, 651
 Раевский Владимир Федосеевич 493
 Раевский Николай Николаевич (младший) 73, 157, 183, 212, 355, 390, 620, 621, 651, 702
 Раевский Николай Николаевич (старший) 157, 160, 190, 493, 620, 638, 651
 Раевский Николай Семенович 651
 Разин Степан Тимофеевич 608, 618
 Раич (Амфитеатров) Семен Егорович 630
 Раймон (Raymond) 338
 Рак Вадим Дмитриевич 796
 Ракеев Федор Спиридонович 663
 Рамзей (Ramsay) Аллан 255, 261
 Рами Паша 723
 Расин (Racine) Жан 108, 132, 137, 304, 331, 546, 636, 731
 Рауш фон Траубенберг Георгий (Юрий) Евгеньевич 22, 689
 Рауш фон Траубенберг Евгений Александрович 22
 Рафаэль Санти (Raffaello Santi) 291, 293, 429, 567
 Регул (Marcus Atilius Regulus) 437
 Резанов Владимир Иванович 174
 Резанов (Рязанов) Гаврила 729, 745
 Рейкс (Raikes) Томас 143, 202, 247, 248, 561, 685
 Рейналь (Raunal) Гийом Тома Франсуа 656
 Рейф (Reiff) Шарль Филипп 129
 Рейхштадтский, герцог 704
 Рембо (Rimbauld) Артюр 720, 742
 Рено (Rinaud) Осип Иванович 629
 Ренье (Regnier) Матюрен 112
 Реньо де Сегре (Regnault de Segrais) Ж. 117
 Репин Илья Ефимович 15, 460, 461, 693, 806
 Ретиф де ла Бретонн (Restif de la Bretonne) Никола 155, 802
 Рехансен (Rehansen) Иоганн Готхард фон 247, 685
 Ржевуская Полина 631
 Рибас Осип Михайлович (Хосе) де 629
 Ризнич Амалия 148, 151, 204, 230, 630, 631, 658, 659, 681
 Ризнич Иван Степанович 204, 630, 631
 Рикардо (Ricardo) Дэвид 120
 Ричардсон (Richardson) Сэмюэл 50, 52, 182, 263, 264, 269, 291, 293, 298, 300—302, 348, 512, 576, 795, 799, 800, 814
 Ришелье (Richelieu) Арман Луи де Виньеро Дюплесси де 662
 Ришелье (Richelieu) Арман Эммануэль дю Плесси де 253, 623, 628, 629
 Робер (Robert) Пьер 732
 Робер (Robert) Д. Шарль 196
 Робертсон (Robertson) Вильям 498
 Робеспьер (Robespierre) Максимилиан 666
 Роджерс (Rogers) Сэмюэл 223
 Роже (Roge) Альбер 466
 Розанов Н. П. 747
 Розен Егор Федорович 584, 685
 Рольф (Rolf) Филиппа 247
 Романюк Сергей К. 695, 737
 Ромили (Romilly) Самуэль 519
 Ронсар (Ronsard) Пьер, де 250, 274, 368
 Россетти (Rossetti) Кристина 795
 Россини (Rossini) Джоаккино Антонио 165, 195, 236, 307, 630, 631, 635
 Роткирх Адам Карпович 17, 737, 739, 742, 744—746, 748
 Роткирх Вера Адамовна 22
 Роткирх Владимир Иванович 739
 Роткирх (Ганнибал) София Абрамовна 739
 Рубенс (Rubens) Питер Пауль 430
 Рудыковский Евстафий Петрович 157, 620

- Рукавишников Василий Иванович 16, 358, 688
- Руссло, гувернер Пушкина 108
- Руссо (Rousseau) Жан Батист 86, 156, 210, 219, 431, 451, 475, 577, 807
- Руссо (Rousseau) Жан Жак 46, 52, 86, 87, 147, 167, 195, 197, 237, 239, 263, 295—299, 302, 305, 329, 330, 332, 431, 498, 501, 502, 559, 574, 576—578, 580, 588, 592, 699, 800, 803, 807, 808
- Руше (Roucher) Жан Антуан 119, 156
- Рылеев Кондратий Федорович 22, 74, 313, 314, 321, 357, 358, 388, 399, 462, 468, 471, 581, 582, 597, 658, 666, 667, 687, 688, 763
- Рылеева Анастасия Матвеевна 357, 358, 688
- Рылеева Наталья Михайловна 357
- Рюрик 614
- Рюз (Ruer) Андре де 598
- Саади Муслихаддин 596—599
- Саблиер (Sablière) Маргарита Хейсен де ля 587
- Сабуров Андрей Иванович 564
- Савва, святой 284
- Савченко С. 377
- Сайтов Владимир Иванович 163
- Сайкс (Sykes) Л. С. 412
- Салль (Salle) Эйсеб де 181, 182, 496, 498, 800
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 82, 491
- Сальян (Saillant) маркиз де 730
- Самнер (Sumner) Б. 726
- Сандунова Елизавета Семеновна 133
- Сансон (Самсон; Sanson) Шарль Анри 24, 653, 606
- Сантис Александр Львович 695
- Сануто (Sanuto) Ливио 713
- Саси (Sacy) Сильвестр де 598
- Саути (Southey) Роберт 488
- Свифт (Swift) Джонатан 287, 364, 422, 529, 613
- Свичинский И. Н. 236
- Святослав Игоревич, князь 684
- Севеленж (Sevelinges) Шарль Луи 300, 330, 589, 591
- Седли (Sedley) Чарльз 304, 533
- Сей (Say) Жан Батист 185
- Сейнтсбери (Saintsbury) Джордж 761
- Селла Христос 736
- Сельский 743
- Семеле (Semelet) Н. 598
- Семен Август Иванович 76
- Семенов Петр Николаевич 133
- Семенов (Semionov) Ю. 19, 20
- Семенова Екатерина Семеновна 134, 136, 697
- Сенанкур (Senancour) Этьен де 178, 179, 194, 195, 285, 351, 455, 480, 499, 590
- Сенека (Lucius Annaeus Seneca) 178, 379, 605, 611
- Сен-При (Saint-Priest) Арман Шарль Эммануэль де Гиньяр (Карл Францевич) де 564
- Сен-При (Saint-Priest) Эммануил 564, 565, 698
- Сент-Бев (Sainte-Beuve) Шарль Огюстен 179, 306, 431, 814
- Сент-Ив (Saint-Yves) Жорж 714
- Сентливр (Sentlivre) Сюзанна 245
- Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra) Мигель де 560
- Сери (Sereys) Антуан 338
- Сиверс Александр Александрович 630
- Сидевилль (Cideville) 117
- Сикорская Елена Владимировна 7, 8
- Симакина Г. Ф. 738, 739
- Симеон Столпник 511
- Сирано де Бержерак (Cyrano de Bergerac) Савиньен 731
- Сиродэн (Siraudin) Поль 128
- Сисмонди (Sismondi) Жан Шарль Леонар де 321
- Скаррон (Scarron) Поль 280
- Скворцов Иван Васильевич 511
- Скилявичюс Л. 744
- Скотт (Scott) Вальтер 56, 86, 171, 182, 183, 190, 294, 365, 386, 530, 531, 534, 679, 796, 799, 800
- Скотт (Scott) Майкл 535
- Скриб (Scribe) Эжен 127, 811
- Сладковский Роман 413
- Сленин Иван Васильевич 73
- Слонимский Александр Леонидович 192
- Смирдин Александр Филиппович 79, 80

- Смирнова (Россет) Александра Осиповна 200
 Смирнов-Сокольский Николай Павлович 687
 Смит (Smith) Адам 47, 119, 120
 Снегирев Иван Михайлович 76, 271, 403
 Собаньская Каролина Адамовна 553, 616, 631, 681, 698
 Собинов Леонид Витальевич 15
 Соболевский Сергей Александрович 248, 347, 355, 513, 615, 633, 667
 Сографи (Sografi) Антуан Симон 134
 Соколов Д. Н. 646
 Соколов Петр Федорович 81, 531
 Сократ 433
 Солт (Salt) Генри 713—715, 720, 736
 Сомов Орест Михайлович 502
 Сосницкая Елена Яковлевна 132
 Софийский Л. 374
 Спафарий 742
 Спенсер (Spencer) Уильям Роберт 535
 Спенсер (Spenser) Эдмунд 100
 Сполдинг (Spalding) Генри 85, 147, 154, 169, 198, 200, 257, 288, 306, 312, 313, 362, 364, 378, 388, 395, 396, 400, 419, 423, 437, 445, 508, 556, 588, 590, 594
 Срезневский Всеволод Измайлович 89
 Сталин Иосиф Виссарионович 386
 Сталь (Staël) Анна Луиза Жермена де 34, 52, 118, 123, 185, 194, 195, 224, 225, 240, 256, 263, 268, 298, 300, 302, 309, 313, 344, 405, 456, 457, 535, 549, 576, 580, 591, 690, 802, 803, 806—808
 Старки (Starkie) Энида 720, 742
 Старов Семен Никитич 462, 693
 Стасюлевич Михаил Матвеевич 80
 Стаханов Алексей Григорьевич 443
 Стахеев Александр 299
 Стендаль (Stendhal) 119, 132, 140, 179, 217, 282, 295, 511
 Стерн (Sterne) Лоренс 104, 182, 202, 215, 273, 274, 529, 715, 799, 800, 803
 Стивенс (Stephens) Джон Ллойд 510
 Стиль (Steele) Ричард 444, 545
 Столпянский Петр Николаевич 549, 583
 Строганов Александр Павлович 470
 Строганов Павел Александрович 470
 Ступин Александр Васильевич 547
 Стюрлер Николай Карлович 658
 Суворин Алексей Сергеевич 80, 274
 Суворов Александр Васильевич 681
 Судиенко С. 410
 Суинберн (Swinburne) Алджернон Чарльз 787
 Сулимова А. Г. 737
 Султан-Шах Мария Павловна 596
 Сумароков Александр Петрович 416, 762, 775
 Суррей (Surrey), граф 753
 Сусней (Малак Сагад III) 715, 718, 748
 Сытин Иван Дмитриевич 80
 Сюржер (Surgères) Елена де 250
 Таллеман де Рео (Talleyman de Réaux) Жедеон 507, 508, 816
 Талон (Talon) Петр 129, 130, 629
 Тартерон (Tarteron) Жак 116
 Таск С. 13
 Тассо (Tasso) Торквато 170, 182, 195—197, 309, 441, 680, 799—801
 Таунли (Towneley) Джон 144
 Тацит (Cornelius Tacitus) 117, 578
 Тевенот (Thevenot) Мельхиседек 713
 Текл-Хаймонот I 719, 736
 Телетова Наталья Константиновна 683, 737—739, 743, 746, 748
 Теллец (Tellez) Бальтазар 713
 Теннисон (Tennyson) Альфред 407, 753, 757, 758, 765
 Теофил (Тевофлос) 719
 Тернер (Turner) Уильям 403
 Тибулл (Albius Tibullus) 121
 Тимофеев К. А. 374
 Тиссо (Tissot) Пьер Франсуа 581
 Тиссо (Tissot) Самуэль Огюст Андре 580
 Тициан (Tiziano Vecellio) 430, 431
 Толстой Иван Андреевич 726
 Толстой Лев Николаевич 8, 87, 128, 141, 208, 252, 289, 299, 355, 363, 404, 458, 467, 553, 629, 638, 799, 800, 813
 Толстой Николай Ильич 355
 Толстой Петр Александрович 565
 Толстой Петр Андреевич 711, 723, 724, 726, 743
 Толстой Федор Иванович (Американец) 355, 364, 374, 436, 438, 688, 697
 Толстой Федор Петрович 56, 364

- Толстой Яков Николаевич 132, 173, 174, 541, 682
- Тома (Thomas) Антуан Леонард 413, 530, 805
- Томашевский Борис Викторович 32, 68, 81, 82, 134, 135, 141, 160, 164, 171, 232, 234, 236, 245, 254, 276, 284, 293, 303, 316, 346, 347, 390, 406, 420, 446, 475, 485, 503, 506, 564, 566, 571, 576, 599, 612, 614, 617, 646, 655—657, 664, 665, 667, 669, 673, 674, 677, 698, 700, 702, 703, 804
- Томсон (Thomson) Джеймс 99, 131, 194, 237, 252, 313, 342, 382, 384, 395, 404, 479, 481
- Торо (Thoreau) Генри Дэвид 287
- Тоффлер (Toffler) Олвин 9
- Траубенберг Александр Иванович 22
- Траубенберг Михаил Михайлович 22
- Третьяков Василий Кириллович 212, 272, 342, 367, 369, 769—771, 773—775, 787
- Трессан (Tressan) Луи Элизабет де Лавернь де, граф 205, 342, 436
- Троньон (Trognon) Огюст 578
- Труайя (Troyat) Анри 168, 169
- Трубецкой Сергей Петрович 658
- Тувим (Tuwim) Юлиан 146, 812
- Туманский Василий Иванович 237, 450, 472, 627, 628, 630, 631, 658, 702
- Тургенев Александр Иванович 69, 73, 74, 97, 107, 131, 182, 216, 224, 292, 326, 354, 357, 394, 441, 468, 528, 548, 570, 624, 628, 639, 646, 655, 663—665, 673, 674, 691, 696, 814
- Тургенев Иван Сергеевич 103, 141, 208, 234, 257, 258, 265, 287, 299, 312, 327, 353, 364, 376, 388, 460, 537, 587, 589, 655
- Тургенев Николай Иванович 130, 131, 639, 642, 652, 655, 657, 662—665
- Тургенев Сергей Иванович 357, 655
- Тургеневы 227, 394
- Тынянов Юрий Николаевич 156, 224, 228, 239, 366, 470, 684
- Тьер (Thiers) Адольф 593
- Тьерсо (Tiersot) Жюльен 421
- Тьессе (Thiessé) Леон 182
- Тюринов (Тюриков), шут 728, 744
- Тютчев Федор Иванович 8, 289, 369, 526, 530, 777, 778, 788, 809
- Уваров Сергей Семенович 734
- Уивер (Weaver) Томас 168
- Уилсон (Wilson) Эдмунд 12, 13
- Украинцев Емельян Иванович (у В. Н. — Игнатьевич) 723, 745
- Ульяна Яковлевна, няня Пушкина 371, 372, 689
- Унбегаун (Unbegaun) Борис 761
- Уолтер (Walter) Жерар 211, 330, 365, 378, 379
- Уолтон (Walton) Исаак 285
- Уотсон (Watson) Дэвид 442
- Уоттон (Wotton) Генри 415
- Урри (Ourry) Э. Т. М. 146
- Устрялов Николай Герасимович 743, 744
- Ушакова Екатерина Николаевна 266
- Ушакова Елизавета Николаевна 550
- Фабер (Faber Н.) А. 305
- Файоль (Fayolle) Франсуа Жозеф Мари 655
- Фаншо (Fanshawe) Ричард 441
- Фарес (Fares) Рас 717, 719
- Фармер (Farmer) Дж. С. 137
- Фасилидас 718
- Федоров Андрей Венедиктович 154
- Федоров Борис Михайлович 382, 410, 690
- Федр 117
- Фейербах (Feuerbach) Людвиг 229
- Фемистокл 651
- Фенелон (Fénelon) Франсуа 546, 654, 656
- Феокрит 118, 119, 285, 415, 680, 800
- Феофан 727
- Фердинанд VII 554, 650
- Ферзен (Fersen) Ганс Аксель фон 299
- Фет Афанасий Афанасьевич 777, 796
- Фидий 430
- Фикельмон (Fiequelmont) Дарья Федоровна 197
- Филидор (Philidor) Франсуа Андре Даникан 363
- Филимонов Владимир Сергеевич 596, 700

- Филипп, герцог Орлеанский 729
 Филлипс-Уолли (Phillipps-Wolley) Клайв 200
 Флетчер (Fletcher) Джон 255
 Флетчер (Fletcher) Томас 448
 Флобер (Flaubert) Гюстав 115, 487, 500, 638, 680
 Флогерг (Flaugergues) Оноре 130, 812
 Флориан (Florian) Жан Пьер Кларис де 807
 Фолкнер (Faulkner) Уильям 560
 Фомин Александр Григорьевич 80
 Фомичев Сергей Александрович 682
 Фонвизин Денис Иванович 112, 114, 135, 268, 428, 515, 528
 Фонсгрив (Fonsegrive) Г. 180
 Фонтан (Fontanes) Луи де 209, 210, 219, 621
 Фонтенель (Fontenelle) Бернар ле Бовье де 498, 581, 731, 745
 Форбс (Forbes) Джеймс 130
 Форбс (Forbes) Уильям 100, 810
 Форбс (Forbes) Чарльз 125
 Форьель (Fauriel) Клод 578
 Фосс Иоганн Генрих 683
 Франкето де Куаньи (Franquetot de Coigny) Эме, герцогиня де Флери 599
 Франко (Franco) Маттео 283
 Френэ (Fresnais) Жозеф Пьер 273, 274, 800
 Фридрих I Барбаросса 748
 Фридрих II Великий 115, 586
 Фридрих Вильгельм II 572
 Фруменций (Frumentius) 717
 Фужере де Монброн (Fougeret de Monbrun) Луи Шарль 86
 Фуке де ла Мотт (Fouqué de la Motte) Фридрих 499, 694, 809
 Фурнье (Fournier) Виктор Андре 157
 Фуше (Fouché) Жозеф 577, 646
 Фушекур (Fouchesour) 715

 Халеви (Halévy) Людовик 537
 Хаммер (Hammer-Purgstall) Йозеф фон 723
 Хант (Hunt) Ли 194, 459
 Хантингфорд (Huntingford) Генри 719
 Ханьков Д. 323
 Харрис (Harris) У. Корнуоллис 194
 Хасан 724
 Хатчинсон (Hutchinson) Уильям 634
 Хауария Крестос 742
 Хейз (Hays) Мэри 295
 Хейтер (Hayter) Джордж 554, 698
 Хейтсбери (Heytesbury) леди 248
 Хемницер Иван Иванович 407
 Хенли (Henley) У. И. 137
 Хенниг (Hennig) Р. 748
 Хеннинг (Henning) Хилариус Хартман 738
 Хенслер (Hensler) Карл Фридрих 235
 Херасков Михаил Матвеевич 200, 224
 Хитрово Елизавета Михайловна 291, 550
 Хмельницкий Николай Иванович 172
 Хобхауз (Hobhouse) Джон 212
 Хогарт (Hogarth) Уильям 301, 514
 Ходасевич Владислав Фелицианович 198, 459, 481, 682, 693, 768, 778
 Ходжсон (Hodgson) Френсис 116
 Христина Эбергардина, жена Августа II 727, 741, 744
 Хуссейн Купрулу 723
 Хьюз (Hughes) Томас Патрик 401
 Хэмптон Робертс (Hampton Roberts) Р. П. 398

 Цеела Крестос (Целла Христос, Расселас) 17, 748
 Цицерон (Marcus Tullius Cicero) 498, 499, 521, 522, 610, 633, 634, 694, 732, 806
 Цявловская (Зенгер) Татьяна Григорьевна 183, 242, 569, 617, 682, 698, 739
 Цявловский Мстислав Александрович 32, 68, 127, 129, 133, 160, 164, 183, 291, 321, 485, 553, 568, 659, 681

 Чаадаев Петр Яковлевич 112, 119, 147, 354, 355, 570, 582, 811, 812
 Чайковский Петр Ильич 292, 422, 459, 461
 Черейский Лазарь Абрамович 685
 Чернов А. Ю. 22
 Черновы 22
 Чернышевский Николай Гаврилович 471, 663
 Чертков Леонид 10

- Чехов Антон Павлович 258
 Чижевский Дмитрий Иванович 14, 68, 134, 220, 263, 275, 280, 302, 306, 307, 413, 437, 442, 472, 473, 507, 812, 814—816
 Чосер (Chaucer) Джефри 767, 779, 789
 Чуковская Елена 10
 Чуковский Корней Иванович 10, 14—16, 24, 697
 Чулков Николай Петрович 511, 747
- Шабанон (Chabanon) Мишель Поль Ги де 119, 800
 Шаликов Петр Иванович 94
 Шамиль 620
 Шамфлери (Champfleury) Жюль Флери 307
 Шамфор (Chamfort) Себастьян Рок Никола 189, 315, 579, 807
 Шарден (Chardin) Жан 731
 Шарль (Charles), принц, кардинал Лорренский 250
 Шарпантье (Charpentier) Жан Пьер 117
 Шарыпкин Дмитрий М. 694
 Шастопалли (Chastopalli) см. Пишо А. и Салль Э.
 Шатобриан (Chateaubriand) Франсуа Рене де 56, 87, 92, 123, 166, 178, 179, 181, 196, 233, 256, 266, 299—301, 308, 363, 453, 456, 480, 488, 498—500, 502, 543, 546, 655, 731
 Шаховской Александр Александрович 312, 134—136, 353, 354, 547, 548, 687, 697
 Шаховской Константин 468
 Шварц Григорий Ефимович 654
 Шварц Дмитрий Максимович 311, 370, 686
 Шебель (Schoebel) Шарль 307
 Шёберг Маттиас 733
 Шевырев Степан Петрович 197, 369, 416, 417, 514, 528, 804
 Шедель, гувернер Пушкина 108
 Шекспир (Shakespeare) Уильям 39, 40, 51, 112, 155, 182, 199, 212, 229, 241, 273, 285, 289, 404, 415, 419, 456, 458, 487, 488, 560, 578, 638, 691, 747, 758, 799, 800, 803
 Шелли (Shelley) Мэри 299
 Шелли (Shelley) Перси Биши 299, 467, 686
 Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф 229, 514
 Шенстоун (Shenstone) Уильям 113, 552
 Шенье (Chénier) Андре 155, 156, 196, 197, 205, 211, 330, 365, 377—379, 390, 450, 457, 480, 541, 599, 655, 816
 Шепелев Дмитрий Андреевич 711
 Шереметев Борис Петрович 489
 Шереметев Василий Васильевич 139, 681
 Шерер (Scherer) Иоганн Бенедикт 728
 Шеридан (Sheridan) Ричард Бринсли 468, 502
 Шефер В. А. 163
 Шиллер (Schiller) Фридрих 17, 182, 225, 227—229, 240, 306, 366, 451, 457, 583, 683, 684, 746
 Шиллер, учитель Пушкина 108
 Шиллинг фон Канштадт Павел Львович 418
 Шиловский Константин Степанович 292
 Ширинский-Шихматов Сергей Александрович 412
 Шишкина Людмила Алексеевна 80
 Шишков Александр Семенович 15, 21, 65, 74, 97, 102, 321, 525, 546—548, 697
 Шишков Степан Михайлович 697
 Шишкова Марфа Степановна 697
 Шишкова Нина Александровна 692, 697
 Шишковы 692, 696
 Шлегель (Schlegel) Август Вильгельм, фон 225, 321, 405, 456, 690
 Шлегель (Schlegel) Фридрих 456, 690
 Шляпкин Илья Александрович 496, 585, 616, 617
 Шмурло Евгений Францевич 728
 Шолье (Chaulieu) Гильом Амфри 211, 234, 381, 449, 575, 745
 Штейбельт (Steibelt) Дэниэл 133
 Штейнмец (Steinmetz) Эндрю 174
 Штольберг Ф.-Л. 683
 Штольберг Х. 683
 Штрайх Соломон Яковлевич 661
 Шуазель (Choiseul), герцогиня 297
 Шубарт (Schubart) Христиан Фридрих Даниэль 306
 Шхонебек (Schonebeek) Адриан 729, 744

- Щастный Василий Николаевич 624
 Щеголев Павел Елисеевич 70, 463, 550
 Щербачев Юрий Николаевич 681
 Щербинин Михаил Андреевич 131, 450, 633
 Щипанов Иван Яковлевич 223, 661
- Эдвардс (Edwards) А. Харт 599
 Эджуорт (Edgeworth) Мария 132, 180, 254, 543
 Эйхенберг (Eichenberg) Фриц 662, 810
 Элиот (Eliot) Джордж 560
 Элиот (Eliot) Томас Стернз 778, 780
 Элоиза (Eloisa), возлюбленная П. Абеляра 581
 Эльтон (Elton) Оливер 85, 147, 154, 169, 200, 288, 312, 362, 378, 395, 396, 400, 419, 435, 437, 445, 557, 586, 588, 590, 594, 595, 809, 816
 Эмерсон (Emerson) Ральф Уолдо 145
 Энгельс (Engels) Фридрих 148
 Эпикур 112
 Эссен Матвей 357
 Эстев (Estève) Эдмонд 183
 Эстеррейх (Oesterreich) Е. 531
 Эсхил 136
 Эфрос Абрам Маркович 144, 188, 204, 214, 215, 230, 265, 266, 333, 375, 401, 659, 684
- Ювенал (Decimus Junius Juvenalis) 47, 90, 116, 356, 533
 Юд (Ude) Луи Юсташ 130
 Юдин Павел Михайлович 490
 Юзефович Михаил Владимирович 638, 702
 Юлий Цезарь (Gaius Julius Caesar) 31, 469, 509, 732
 Юлия (Julia) 122, 166
 Юм (Hume) Давид 239, 498, 578
 Юнг (Young) Эдвард 526
 Юров Алексей 729, 731, 745
 Юшневский Алексей Петрович 665, 667
- Яворская Лидия Борисовна 806
- Языков Николай Михайлович 56, 102, 201, 216, 231, 233, 365, 388, 447, 581, 610, 635—637, 683, 702, 778, 814
 Яковлев Михаил Лукьянович 357, 516
 Яковлев Павел Лукьянович 20, 357, 358, 447
 Яковлева Арина Родионовна 15, 311, 370—372, 635, 686
 Якубович Александр Иванович 139
 Якунин П. 140
 Якушкин Вячеслав Евгеньевич 160, 162
 Якушкин Иван Дмитриевич 223, 597, 659, 661, 662
 Яновский Н. М. 148
 Ярмолинский А. Ц. 85
 Ярослав Мудрый 607, 614
 Яцевич Андрей Григорьевич 661, 704
 Яшин Михаил И. 681
- d'Abbadie Antoine 741
 Brower R. 8
 Châteaugiron H. de 507
 Cohen Gustav 250
 Costello D. F. 514
 Daniel P. 745
 Deville Pierre François Albért 217
 Dodsley Robert 439
 Dufauconpret, переводчик В. Скотта 800
 Fauriel, переводчик Манзони 800
 Gaurekos 713
 Ladvocat, издатель 182, 800
 Lavaud Jacques 368
 Matten, гувернантка Раевских 157, 813
 Metschl John 458
 Monmerqué Louis Jean Nicolas de 507, 816
 Paulin, издатель 508
 Petit A. 741
 Poulin J. 194
 Quartin-Dillon R. 741
 Ray John 437
 Schmettau F. W. C. von 300
 Swanton-Belloc L. 184
 Taschereau J. A. 507
 Vignaud Henri 741
 Walsh William 271
 Weil Armand 256

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

- Александр Радищев 615
Алексееву («Мой милый, как несправедливы..») 249
Ангел («В дверях эдема ангел нежный...») 542, 543
Андрей Шенье («Меж тем, как изумленный мир...») 390
Анчар («В пустыне чахлой и скупой...») 167, 201
Арап Петра Великого 578, 654, 710, 711, 725, 733, 735, 745, 747
Арион («Нас было много на челне...») 660
«Арист! И ты в толпе слугителей Парнаса...» см. К другу стихотворцу
- Байрон 682
Барышня-крестьянка 109, 424
Бахчисарайский фонтан 48, 65, 136, 160, 190, 213, 341, 533, 581, 584, 596, 622, 624, 626, 702
«Беги, сокройся от очей..» см. Вольность
«Благослови, поэт!.. В тиши Парнасской сени...» см. К Жуковскому
«Блажен, кто в шуме городском ..» 209
Борис Годунов 56, 70, 212, 236, 354, 370, 372
Бородинская годовщина («Великий день Бородина...») 624
Будрыс и его сыновья («Три у Будрыса сына, как и он, три литвина ..») 624
«Буря мглою небо кроет...» см. Зимний вечер
«Была пора. наш праздник молодой...» 452, 644
- «В дверях эдема ангел нежный...» см. Ангел
«В еврейской хижине лампада...» 308, 686
«Великий день Бородина...» см. Бородинская годовщина
«В надежде славы и добра...» см. Стансы
«В неволе скучной увядает...» см. Наслажденье
«В нем пунша и войны кипит всегдашний жар..» см. К портрету Каверина
«...Вновь я посетил...» 218, 371, 675, 683
«Во глубине сибирских руд. .» 660
Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине» 366
Вольность («Беги, сокройся от очей...») 130, 279, 354, 369, 390, 478, 575, 643, 652, 654—657, 662, 808
«Воображаемый разговор с Александром I» 102, 655
Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи...») 473, 525, 527, 649
«В пустыне чахлой и скупой...» см. Анчар
«В раю, за грустным Ахероном...» см. Тень Фонвизина
«В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера..» 485
«В стране, где я забыл тревоги прежних лет...» см. Чаадаеву
«В те дни, когда мне были новы...» см. Демон
Выстрел 245
Гавриилиада 565, 569, 647

- Герой («Да, слава в прихотях вольна...») 648, 703
 «Гляжу, как безумный, на черную шаль...» см. Черная шаль
 Граф Нулин 258, 294, 458, 793
 Гречанке («Ты рождена воспламенить...») 432
 «В. Л. Давыдову» («Меж тем, как генерал Орлов...») 651
 «Да, слава в прихотях вольна...» см. Герой
 Демон («В те дни, когда мне были новы...») 65, 190, 191, 520, 541—543
 Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...») 209, 217
 «Дитя Харит и вображенья...» см. К живописцу
 <Дневник 1833—1835 гг.> 695
 Добрый человек («Ты прав — несносен Фирс ученый...») 113
 Домик в Коломне 552, 782
 «Дубравы, где в тиши свободы...» 685
 Египетские ночи 550, 678
 «Его стихов пленительная сладость...» см. К портрету Жуковского
 Ее глаза («Она мила — скажу меж нами...») 567
 Езерский 677
 «Есть роза дивная: она...» 383
 «Еще дуют холодные ветры...» 694
 Жених («Три дня купеческая дочь...») 407, 408, 534
 «Житье тому, любезный друг...» см. К Щербинину
 «Забудь, любезный мой Каверин...» см. К Каверину
 «За Netty сердцем я летаю...» 691
 «Зачем твой дивный карандаш...» см. To Dawe Esqr 569
 «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...» 101, 397, 414, 505
 Зимнее утро («Мороз и солнце; день чудесный...») 101, 397
 Зимний вечер («Буря мглою небо кроет...») 370
 Из Ариостова «Orlando furioso» («Пред рыцарем блещит водами...») 205, 435
 <Из письма к С. А. Соболевскому> («У Гальяни иль Кольони...») 615, 701
 <Из письма к В. Л. Пушкину> («Христос Воскрес, питомец Феба...») 286, 686
 История Пугачева 22
 Кавказский пленник 48, 65, 90, 138, 186, 213, 355, 466, 475, 533, 584
 Каменный гость 552
 Капитанская дочка 22, 221, 264, 763
 К другу стихотворцу («Арист! И ты в толпе служителей Парнаса...») 116, 471, 520
 К живописцу («Дитя Харит и вображенья...») 431
 К Жуковскому («Благослови, поэт!.. В тиши Парнасской сени...») 532
 К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин...») 129, 680
 Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии...») 624
 К моей чернильнице («Подруга думы праздной...») 595
 К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость...») 531
 К портрету Каверина («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...») 129
 К Пушкину («Любезный именинник...») 101, 686
 К сестре («Ты хочешь, друг бесценный..») 291, 686
 «Кто знает край, где небо блещет...» 196
 К Щербинину («Житье тому, любезный друг...») 131, 450, 633, 634
 К Языкову («Издревле сладостный союз...», «К тебе сбирался я давно...»; «Языков, кто тебе внушил...») 201
 «Любезный именинник...» см. К Пушкину
 Маленькие трагедии 786
 Медный всадник 186, 587, 588, 654, 678, 782

- «Меж тем, как генерал Орлов...» см. «В. Л. Давыдову»
- «Меж тем, как изумленный мир...» см. Андрей Шенье
- Метель 639, 645
- «Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний...» см. Труд
- «Мне скучно, бес...» см. Сцена из Фауста
- Моему Аристарху («Помилуй, трезвый Аристарх...») 372
- Мои замечания о русском театре 140, 321
- «Мой голос для тебя и ласковый и томный...» 630
- «Мой милый, как несправедливы...» см. Алексееву
- Монах («Хочу воспеть, как дух нечистый ада...») 148, 339, 431
- «Мороз и солнце; день чудесный...» см. Зимнее утро
- Моцарт и Сальери 552, 581, 807
- Моя родословная («Смеясь жестоко над собратом...») 104, 105, 733
- «Навис покров угрюмой ночи...» см. Воспоминания в Царском Селе
- «Наперсница волшебной старины...» 371
- «Нас было много на челне...» см. Арион
- Наслажденье («В неволе скучной увядает...») 234
- «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» 596
- «Начнем ab ovo: мой Езерский...» см. Родословная моего героя
- «Не дай мне Бог сойти с ума...» 482, 694
- «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» 643, 649, 650
- «Не то беда, что ты поляк...» 583
- «Ночь светла, в небесном поле...» 692
- Няне («Подруга дней моих суровых...») 371
- О записках Самсона 653, 808
- «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...» см. Осень
- «Ольга, крестница Киприды...» 248
- О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» 33
- «Она мила — скажу меж нами...» см. Ее глаза
- О поэзии классической и романтической 456, 457
- Опровержение на критики 382, 384, 391, 487, 513, 690, 694, 695
- «Опять я ваш, о юные друзья...» см. Элегия
- Осеннее утро («Поднялся шум; свирелью полевой...») 155
- Осень («Октябрь уж наступил уж роща отряхает...») 33, 190
- О статьях Кюхельбекера в альманахе «Мнемозина» 689
- О стихотворении «Демон» 696
- О трагедии В. Н. Олина «Корсар» 686
- Отрывки из писем, мысли и замечания 387
- «О чем шумите вы, народные витии...» см. Клеветникам России
- Песни о Стеньке Разине 407, 408, 618
- Пиковая дама 244, 245, 499, 799
- Пир во время чумы 552, 763
- <Плетневу> («Ты мне советуешь, Плетнев любезный...») 675
- Повести Белкина 552, 645
- «Погасло дневное светило...» 450, 623
- «Под небом голубым страны своей родной...» 659
- «Поднялся шум; свирелью полевой...» см. Осеннее утро
- «Подруга дней моих суровых...» см. Няне
- «Подруга думы праздной...» см. К моей чернильнице
- Полтава 142, 158, 159, 171, 266, 569, 654, 782
- «Помилуй, трезвый Аристарх...» см. Моему Аристарху
- «Пора, мой друг, пора! [покоя] сердце просит...» 575, 601
- Посвящение 691

- Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков» («Так элегическую лиру...») 246, 685
- Послание к Л. Пушкину («[Что же? будет] ли вино...») 389
- Послание к Юдину («Ты хочешь, милый друг, узнать...») 490
- «Пред рыцарем блестит водами...» *см.* Из Ариостова «Orlando furioso»
- «Приветствую тебя, пустынный уголок...» *см.* Деревня
- «Простите, верные дубравы!..» 505
- Путешествие в Арзрум 569, 620
- Разговор книгопродавца с поэтом («Стишки для вас одна забава...») 76, 78, 91—96, 316, 471, 804
- «Редет облаков летучая гряда...» 160
- Родословная моего героя («Начнем аб ovo: мой Езерский...») 587, 677
- Роман в письмах 171
- Русалка 235, 236
- Русалка («Над озером, в глухих дубровах...») 292
- Руслан и Людмила 45, 48, 90, 106, 136, 139, 169, 174, 191, 224, 231, 242, 322, 355, 426, 518, 528, 531, 570, 584, 699, 762, 801
- «Свободы сеятель пустынный...» 222
- Сказки 787
- Скупой рыцарь 552
- «Смеясь жестоко над собратом...» *см.* Моя родословная
- Сон (Отрывок) («Пускай поэт с камильницей наемной...») 371, 431
- Стансы («В надежде славы и добра...») 303
- Станционный смотритель 696
- «Стишки для вас одна забава...» *см.* Разговор книгопродавца с поэтом
- Сцена из Фауста («Мне скучно, бес...») 228
- «Счастлив ты в прелестных дурах...» 564
- Таврида 69, 160—163, 326, 813
- «Так море, древний душегубец...» 664, 665
- «Так элегическую лиру...» *см.* Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков»
- Талисман («Там, где море вечно плещет...») 190
- «Там, где море вечно плещет...» *см.* Талисман
- Тень Фонвизина («В раю, за грустным Ахероном...») 527
- «Три дня купеческая дочь...» *см.* Жених
- «Три у Будрыса сына, как и он, три литвина...» *см.* Будрыс и его сыновья
- Труд («Миг вожденный настал: окончен мой труд многолетний...») 678
- «Ты мне советуешь, Плетнев любезный...» *см.* <Плетневу>
- «Ты прав — несносен Фирс ученый...» *см.* Добрый человек
- «Ты рождена воспламенять...» *см.* Гречанке
- «Ты хочешь, друг бесценный...» *см.* К сестре
- «Ты хочешь, милый друг, узнать...» *см.* Послание к Юдину
- «[Увы!] язык любви болтливый...» 568
- «У Гальяни иль Кольони...» *см.* <Из письма к С. А. Соболевскому>
- «Ура! в Россию скачет...» *см.* Noël
- «Участь моя решена. Я женюсь...» 247
- «Хочу воспеть, как дух нечистый ада...» *см.* Монах
- «Христос Воскрес, питомец Феба...» *см.* <Из письма к В. Л. Пушкину>
- Цыганы 70, 93, 121, 435, 534, 537, 590, 788
- Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») 226, 355
- Черная шаль («Гляжу, как безумный, на черную шаль...») 537
- «Что в имени тебе моем...» 553, 698
- «[Что же? будет] ли вино...» *см.* Послание к Л. Пушкину
- «Что же сухо в чаше дно...» 223

Указатель произведений А. С. Пушкина

- Элегия («Опять я ваш, о юные друзья...») 450
- «Я помню чудное мгновенье...» 573
- «Я сам в себе уверен...» 129
- «Юноша! скромно пируй и шумную Вакхову влагу...» 223
- Noël («Ура! в Россию скачет...») 354, 659, 661
- Table Talk 728
- «Я вас любил...» 553, 698
- To Dawe Esqr («Зачем твой дивный карандаш...») 569
- «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» 20, 493
- «Я пережил свои желанья...» 475
- «Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme...» 179

Набоков В. В.

Н13 Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — Перевод с английского. — СПб., «Искусство—СПБ»; «Набоковский фонд», 1998. — 928 с.

ISBN 5-210-01490-8

Это первая публикация русского перевода знаменитого «Комментария» В В Набокова к пушкинскому роману. Издание на английском языке увидело свет еще в 1964 г. и с тех пор неоднократно переиздавалось

Набоков выступает здесь как филолог и литературовед, человек огромной эрудиции, великолепный знаток быта и культуры пушкинской эпохи. Набоков-комментатор полон неожиданностей: он то язвительно-насмешлив, то восторженно-эмоционален, то рассудителен и предельно точен.

В качестве приложения в книгу включены статьи Набокова «Абрам Ганнибал», «Заметки о просодии» и «Заметки переводчика». В книге представлено факсимильное воспроизведение прижизненного пушкинского издания «Евгения Онегина» (1837) с примечаниями самого поэта.

Издание представляет интерес для специалистов — филологов, литературоведов, переводчиков, преподавателей, а также всех почитателей творчества Пушкина и Набокова.

Н $\frac{4603010000-010}{025(01)-98}$

ББК 83.3(2)1

Владимир Владимирович Набоков

Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Редакторы *О. Н. Нечипуренко, Н. Г. Николаюк*

Технический редактор *Н. Н. Баранова*

Компьютерная верстка *С. Л. Пилипенко*

Компьютерный набор *Г. П. Жуковой*

Корректор *Л. Н. Борисова*

Подписано в печать 09.09.1998. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 81,2. Усл. кр.-отт. 81,73. Уч.-изд. л. 69,44. Тираж 5000 экз. Изд. № 878. Заказ № 418.

Издательство «Искусство - СПб». 191014, Санкт-Петербург, Саперный пер., 10.

Отпечатано с оригинал-макета в ГИПК «Лениздат» (типография им. Володарского) Государственного комитета РФ по печати. 191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

Издательство «Искусство—СПБ»
выпустило в свет следующие книги:

Новелла Матвеева. Сонеты. 336 с., 12 x 16 см; пер. мягкий.

В сборнике впервые собраны написанные в разные годы сонеты известного нескольким поколениям читателей поэта Новеллы Матвеевой, незадолго до выхода этой книги удостоенной Пушкинской премии РФ за 1998 год.

Русский традиционный костюм (1-й том серии «История в зеркале быта». 40 с., 17 x 24 см; пер. твердый, суперобложка.

Иллюстрированная энциклопедия, дающая полное и систематизированное изложение сведений о русском народном костюме, бытовавшем в XVIII — начале XX в. Подробно рассказывается о материале каждого предмета одежды, о покрое, манере ношения, использовании в повседневном, праздничном, обрядовом обиходе русского народа. Статьи расположены в алфавитном порядке. Глоссарий — более 600 слов.

М. Н. Барышников. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. 448 с., 17 x 24 см; пер. твердый, суперобложка.

Универсальное справочное издание, в котором подробно отражена история становления и деятельности в дореволюционной России известных купеческих династий, различных промышленных и торговых фирм, банков, страховых обществ, транспортных компаний, бирж и ярмарок, общественных организаций и политических партий предпринимателей. В качестве приложений даны выдержки из Свода законов Российской империи, касающиеся предпринимательского права; помещены таблицы старых российских мер, перечень архивных источников.

Тимур Кибиров. Памяти Державина. 256 с., 8 x 10,5 см; пер. твердый, суперобложка.

В новую книгу стихов Тимура Кибирова вошли и хорошо известные всем интересующимся «постмодернистской» поэзией произведения, и написанное им в последние годы. Стихи Кибирова, соединившие сарказм, иронию с искренностью и открытостью чувств, покоряют своей абсолютной внутренней свободой. Издание с любовью оформлено питерским художником Александром Флоренским, одним из лидеров «митьков».

Франсуа Вийон. Сочинения. (Серия «Состязание в Блуа».) 2-е изд. 447 с. 8 x 10,5 см; пер. твердый, суперобложка.

В книгу вошли известные циклы стихов Вийона — «Малое завещание» и «Большое завещание» — примечательные сцены из жизни парижских низов с яркими портретами бродяг, воров, проституток, трактирщиков. В сборник включены также отдельные стихотворения и баллады, яркие, сочные по образности и языку.

**Приглашаем к сотрудничеству книготорговые фирмы и магазины,
занимающиеся распространением литературы.**

Наш адрес:

191014 С.-Петербург, Саперный пер., 10. Издательство «Искусство-СПБ»

Тел. коммерческой службы:

(812) 275-29-49; (812) 275-08-72; факс (812) 275-46-45.

Готовятся к выпуску:

Б. Л. Модзалевский. Пушкин и его современники.

Создатель Пушкинского Дома и первый его руководитель Б. Л. Модзалевский всю свою жизнь посвятил изучению биографии и творчества А. С. Пушкина. Его исследования отличаются широтой эрудиции, тщательностью историко-литературных и библиографических комментариев. Ни одна публикация, посвященная жизни Пушкина, не обходится без ссылок на работы Модзалевского, ставшие библиографической редкостью. Новое издание впервые объединит мало-доступные для читателей статьи и исследования Модзалевского и восполнит значительный пробел в современном пушкиноведении.

Русская изба (2-й том серии «История в зеркале быта»).

Энциклопедический словарь позволит составить представление о русской избе XV — начала XX в. Подробно рассматриваются организация пространства жилого дома, его меблировка, убранство, предметы утвари, использовавшиеся в домашнем и хозяйственном обиходе крестьян. Статьи расположены в алфавитном порядке. Глоссарий — 700 слов. Издание иллюстрировано рисунками и архивными фотографиями.

Ю. М. Лотман. Об искусстве (6-й том собрания сочинений).

В книге впервые собраны труды по теории и истории искусства, общеэстетическим проблемам — от монографии «Структура художественного текста» до последней, неизвестной читателю статьи «Портрет». Составитель — Р. Г. Григорьев, искусствовед, сотрудник Эрмитажа, ученик Ю. М. Лотмана. Издание иллюстрировано.

Русская и мировая история в таблицах. Составитель Ф. М. Лурье. 2-е изд.

Синхронистические таблицы за пять тысяч лет мировой истории. Отличное пособие для учащихся школ и вузов.

Новая Толковая Библия. 4-й том (12-томное изд.).

Очередной том содержит исторические книги Ветхого Завета — 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю Книги Царств с текстологическим и экзегетическим комментариями к ним. Издание дополнено репродукциями гравюр Гюстава Доре на библейские сюжеты.